

Г.Б. Красноштанов

Ерофей Павлович
ХАБАРОВ

Г. Б. Красноштанов

Г. Б. Красноштанов

Ерофей Павлович
ХАБАРОВ

Хабаровск
РИОТИП
2008

УДК 711.424
ББК 63.3
К 81

Книга издается в авторской редакции с сохранением орфографии
и пунктуации оригиналов, предоставленных автором

Красноштанов Г. Б.

К 81 **Ерофей Павлович Хабаров.** — Хабаровск: Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2008. — 752 с.

В книге описана жизнь знаменитого сибирского землепроходца XVII века Ерофея Павловича Хабарова. В основу повествования положены исключительно архивные документы, что позволяет составить объективное представление о личности Хабарова, о положительных и отрицательных чертах его характера и деятельности. Кроме опубликованных ранее документов вводится в научный оборот большое количество неопубликованных документов (они преобладают). Большое внимание обращено на различные высказывания ряда авторов, не согласующиеся или противоречащие архивным документам.

Книга предназначена для историков, преподавателей и студентов, а также для всех интересующихся подробной и неискаженной историей освоения Сибири и Дальнего Востока русскими людьми.

Ответственный редактор **В. И. Симаков** — академик Международной гуманитарной академии «Европа-Азии» (г. Казань)

Научный редактор **С. И. Красноштанов** — профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск)

ISBN 978-5-88570-107-5

© Издательство «РИОТИП» краевой типографии, Хабаровск, 2008 г.

© Красноштанов Г. Б., Хабаровск, 2008 г.

© Приамурское географическое общество, Хабаровск, 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Сокровищ множество зарыто,
неведомо лежит в земле,
немало их в архивах скрыто,
небрежно предаваясь тле.*

Н. Н. Ардашев

Свою работу я назвал «документальное повествование». Хочется пояснить, какое место занимают такие произведения в трудах по истории. Обратимся к высказываниям историков по этому вопросу.

Представители так называемой позитивистской школы Ланглуа и Сеньобос отмечали:

«История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей.<....> За неимением документов, история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории.» [1]

Таким образом, поиск и сбор документов являются первой и необходимой задачей историка. Но на этом его задачи не ограничиваются.

Известный историк С. В. Бахрушин писал:

«Историческая наука знает, грубо говоря, три типа научного исследования:

1) работы, заключающие в себе критический анализ исторических источников;

2) работы, имеющие целью установить и описать исторические факты;

3) наконец, работы, ставящие себе целью обобщение отдельных фактов для установления правомерности исторических явлений.» [2]

И далее: «Отмечу лишь, что очень редко мы встречаем эти три вида исследования в чистом виде. Описательного характера исследование обычно связывается с критикой фактов и не избегает, в конце концов, некоторых обобщений, хотя бы по частным вопросам.» [3]

Примерно то же писал, но более образно, другой историк М. М. Богословский:

«Есть три типа историков.

Есть историк-мыслитель, вдумывающийся в прошлое, философски осмысливающий данные, готовые исторические факты, следящий за их

причинной связью и за их взаимоотношением, оценивающий их общее значение в ходе исторического процесса, возводящий факты в идеи. Деятельность такого историка заключается в размышлении над фактами, и результаты такого размышления он излагает, возвышаясь над ними, как бы обозревая их с высоты, скрывающей их частные индивидуальные конкретные особенности, в общих и отвлечённых формулах.

Есть историк-художник, который вживается в прошлое, интуитивно постигает его и творчески изображает, как бы воскрешает давно сошедших в могилу людей и воссоздаёт отошедшие в прошлое события. Его рассказ заставляет читателя вновь пережить <<дни минувшие>> и выслушать <<речи, уже замолкшие давно>>. Сила его таланта заключается в воображении, при помощи которого он воскрешает далёкие образы прошлого, вызывает их из исторической дали и, стирая грани времени, делает прошлое проходящим перед нашими глазами.

Есть, наконец, третий тип историка: историк-исследователь (Forscher). Сила его таланта заключается не в отвлечении от фактов и размышлении над ними, не в конкретном и художественном воспроизведении фактов в их живой наглядности, а в способности искания, разыскивания фактов, исследования и установления их.

Если первого историка можно сравнить с ювелиром, который выделяет из золота тонкие работы, а второго — с мастером, который плавит золотую руду в чистые и блестящие слитки золота, то третий может быть назван рудознатцем, который добывает самую руду и разыскивает места её залежей.

Конечно, эти три типа не всегда встречаются в отдельном виде; они бывают и смешаны в возможных сочетаниях. Но всё же в последнем случае одна какая-либо черта или одна какая-либо способность окажется непременно преобладающей.» [4]

Всякое сравнение, хотя и наглядно, однако же, неполно и односторонне.

Далее, нельзя противопоставлять три типа исследования, о которых писал С. В. Бахрушин. Все они необходимы. Однако, не сразу это было понято историками. К примеру, П. А. Словцов упрекал Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера за то, что они «передали памяти все происшествия с первых дней покорения Сибири с такими подробностями, какие по маловажности дел едва ли уместятся в истории, ищущей общих или решительных взглядов.» [5]

Миллер же считал, что важны все факты, записанные в документах, даже ложные: «Должность истории писателя требует, чтоб подлиннику своему в приведении всех, хотя за ложное почитаемых, приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее есть, тем не затмевается, и здравое рассуждение у читателя вольности не отнимает.» [6]

В Академии наук считали, что такой подход ведёт к увеличению объёма книги:

«Усмотрено, что в первом томе истории сибирской большая часть книги не что иное есть, как только копия с дел канцелярских, а инако бы книга надлежащей величины не имела — то чрез сие накрепко запрещается, чтоб никаких копий в следующие томы не вносить, а когда нужно упомянуть ка-

кую грамоту или выписку, то на стороне цитировать, что она действительно в академической архиве хранится.» [7]

«Архива» — так назывался тогда архив.

В другой работе Миллер писал:

«Если эту историю будут упрекать за то, что она слишком подробна и часто касается мелочей, от которых никакой пользы, то ведь в этом отношении она вполне сходна с подробными же историями отдельных областей и городов. Для русского, и особенно сибиряка, не легко установить, что же здесь является излишним, а для них-то и предназначена работа.» [8]

В XIX веке уже никто не противопоставлял опубликование исторических документов в полном виде работам историков, осмысливающим и обобщающим факты, изложенные в этих документах. Ведь, прежде чем описывать исторические факты и делать какие-либо обобщения, надо найти эти факты. Поэтому всякое историческое исследование идёт в таком порядке:

- 1) поиск фактов (добыча руды)
- 2) выявление нужных и наиболее ценных фактов, их описание и критика (отделение руды от пустой породы)
- 3) установление исторических закономерностей, присущих изучаемым событиям.

И в то же время эти процессы идут одновременно, так как у исторической науки имеется определённый задел, имеются наработки.

В ходе человеческой истории накопилось огромное количество письменных источников. Потребности управления обществом вынуждали сохранять для справок различного рода документы. Они отложились в архивах. С течением времени эта их надобность затухала. Их можно было бы уничтожить, что нередко и делалось, прежде чем была понята их ценность, как носителей информации о днях давно минувших. Уже в XIX веке было опубликовано большое количество разного рода сборников архивных документов, преимущественно в полном виде, без всякого изъятия. «В самом деле, — писал М. Блок, — если даже считать, что история ни на что иное непригодна, следовало бы всё же сказать в её защиту, что она увлекательна.» [9]

Подавляющее количество письменных источников, хотя и упорядочено в виде фондов, описей, но, как выражаются историки, ещё не введено в научный оборот. «Источники мертвы, пока к ним не обратится пытливый человеческий ум. Молчат папки с архивными документами, пока не раскроет их человеческая рука.» [10]

Фонды и описи позволяют лишь выстроить стратегию поиска, но не каждая стратегия приводит к успеху. Марк Блок писал: «Всякая книга по истории, достойная этого названия, должна бы содержать главу или, если угодно, ряд параграфов, включённых в самые важные места и озаглавленных примерно так: <<Каким образом я смог узнать то, о чём буду говорить?>> Уверен, что, ознакомившись с такими признаниями, даже читатели-неспециалисты испытают истинное интеллектуальное наслаждение. Зрелище поисков с их успехами и неудачами редко бывает скучным. Холодом и скукой веет от готового, завершённого.» [11]

Но почему-то это не принято.

«Прежде чем объяснять факт с общей точки зрения, его описывают», — говорит С. В. Бахрушин. [12] И далее: «Историческое описание должно быть не простым результатом знакомства с источником, а результатом изучения источников, работы над ними. Не просто излагать факт, а восстанавливать факт должно историческое описание путём критической проверки и сопоставления различных документов. Более того, историк-описатель должен уметь выделить и подчеркнуть то, что в изучаемом им явлении он считает характерным и существенным.

Иначе говоря, если историк-социолог не может обойтись без предварительного изучения фактов, то и описатель должен в своей описательной работе руководствоваться тем или иным общим соображением с той разницей, что социолог подчиняет материал своей общей идее, а описатель пользуется ею лишь для правильного распределения материала.» [13]

«Меня могут спросить: следовательно, описание в истории не имеет самостоятельного значения? Оно является лишь тестом для глубоких социологических построений. Один историк, если можно так выразиться, низшего разряда собирает материалы, подвергает их критическому анализу и описывает эпически то или иное явление. Другой — высшего разряда — силой своей мысли выбирает из этой чужой работы те факты, которые представляются ему существенными, и создаёт из них блестящую социологическую конструкцию. Конечно, не так. Описательный элемент в истории имеет самодовлеющее значение, подобно тому, как он его имеет в таких науках, как география и этнология. Самостоятельность эта выражается в том, что любой исторический материал может и должен быть подвергнут изучению вне зависимости от каких-либо общих заданий и предпосылок, и всё дело заключается не в том, какой вопрос поставлен, а в том, как он разработан. Строго научное по методу восстановление прошлого во всех деталях является такой же самостоятельной научной задачей для историка, как и научное описание страны или народа для географа или этнолога.» [14]

Далее С. В. Бахрушин пишет:

«Подводя итоги, я хотел бы сказать, что <<описание>> и <<критический анализ>> являются необходимым звеном всякого серьёзного исследования. В наше время нельзя ограничиваться выборкой тех фактов, которые представляются нам яркими и показательными. Только опираясь на всестороннее и детальное изучение отдельных явлений и фактов, можем мы создать те или иные обобщения. Научное обобщение тем и отличается от безграмотного, что оно пользуется для своих выводов доброкачественным, полным и хорошо выверенным материалом.» [15]

Вопрос о получении достоверной информации из исторических источников является важнейшим в историческом исследовании. Марк Блок писал: «О предшествующих эпохах мы можем говорить лишь на основе показаний свидетелей. Мы играем роль следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором он сам не присутствовал.» [16]

«Даже самые наивные полицейские прекрасно знают, — продолжает он, — что свидетелям нельзя верить на слово. Но если всегда исходить из этого

общего соображения, можно вовсе не добиться никакого толку. Давно уже догадались, что нельзя безоговорочно принимать все исторические свидетельства.» [17]

В.Ф. Коломийцев по этому поводу пишет следующее: «Исторический факт не может быть отождествлён с источником. Изучая разного рода документы и материалы, исследователь имеет дело не с самим историческим фактом, а с его <<остатком>>, <<отпечатком>>, свидетельством очевидца, степень достоверности и полноты которого ещё предстоит выяснить. <...>

Исторический факт можно определить как сведения, почерпнутые из достоверного источника и подвергшиеся истолкованию, а именно установлению причинно-следственных связей. Имея, таким образом, двойственную природу, исторический факт никогда не может быть тождественным источнику.» [18]

А у Ю. М. Лотмана написано так: «В отличие от дедуктивных наук, которые логически конструируют свои исходные положения, или опытных, которые способны их наблюдать, историк обречён иметь дело с текстами. <...> Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие представлено в нём в зашифрованном виде. Историк предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создаёт факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии — событие.» [19]

Ланглуа и Сеньобос считали, что установление фактов является конечной целью исторического исследования. Они писали: «Факты прошлого известны нам только по сохранившимся от них следам. Правда, эти следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно, но кроме их ему положительно нечего наблюдать; дальше он действует исключительно путем умозаключений, стараясь придти к наиболее правильным выводам о фактах по находящимся в его распоряжении следам. Документ служит ему точкою отправления, а факты прошлого — конечной целью исследования.» [20]

Р. Дж. Коллингвуд утверждал, что этим ограничиваться нельзя, надо идти дальше, надо давать толкование, интерпретацию фактов: «История есть интерпретация фактических данных, причём фактические данные — это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами. Документ же — вещь, существующая здесь и теперь, вещь такого рода, что историк, анализируя её, может получить ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях.» [21] И далее: «Каждый историк сознаёт, что в ряде случаев он вмешивается в повествование источника тремя указанными способами: он выбирает из него то, что ему представляется важным, опуская остальное; он интерпретирует в них то, что они не говорят явно; и он критикует их, отвергая или исправляя в них то, что ему кажется плодом дезинформации или лжи.» [22]

Своё отношение к простому перечислению фактов без объяснений Коллингвуд выразил так: «Историю, конструируемую с помощью отбора и комбинирования свидетельств различных авторитетов, я называю историей ножниц и клея.» [23]

Критикуя позитивистов, Коллингвуд писал:

«В своём обращении с фактами они приняли два методологических правила:

1. Каждый факт следует рассматривать как объект, который может быть познан отдельным познавательным актом или в процессе исследования. <...>

2. Каждый факт считался не только независимым от всех остальных, но и независимым от познающего. <...> Историк не должен давать оценки фактов, его дело — сказать, каковы они были.

Оба этих методологических правила [так в тексте — Г. К.] имеют известную ценность. Первое учит историков быть внимательными и точными в отношении деталей предмета их исследования. Второе учит их избегать окрашивания предмета их исследования в цвета своих эмоциональных реакций. Но в принципе оба правила были порочны.» <..> [24]

А далее Коллингвуд разъясняет, в чём состоит порочность этих правил, которые, как признаёт он, «имеют известную ценность».

О первом правиле: «Наследство позитивизма в современной историографии, если брать фактографическую сторону, состоит поэтому в комбинации беспрецедентного мастерства в решении маломасштабных проблем с беспрецедентной беспомощностью в решении проблем крупномасштабных.

Второе правило, запрещающее историкам оценивать факты, имело не менее пагубные последствия. Оно не только мешало им правильно решать такие вопросы, как: <<Была ли та или иная политика мудрой>> <...> Оно также мешало им соглашаться или отвергать оценки, высказанные в прошлом современниками тех или иных исторических событий и институтов.» [25]

Но стоит ли отбрасывать правила, которые имеют «известную ценность»? Может быть, лучше их сохранить, устранив некоторые недостатки?

Далее, где тот критерий, который позволяет историкам правильно решать вопрос: «была ли та или иная политика мудрой?» Мнение самого историка, мнение правительственных или общественных институтов? У Коллингвуда мы не находим ответа. На наших глазах огромное количество работ историков, которые «правильно» решили этот вопрос, превратилось в груды макулатуры, тогда как сборники документов не теряют своей ценности.

Нельзя также отмахиваться и от решения «маломасштабных проблем». Процесс познания бесконечен, его нельзя остановить. Познание идёт не только вширь, но и вглубь. Не следует забывать также, что количество переходит в качество. Каждый историк делает своё дело.

Поэтому считать, как утверждают некоторые авторы, что Коллингвуд поставил последнюю точку в разработке методологии истории, ещё рановато.

В. Ф. Коломийцев писал: «В отличие от позитивистов, допускающих только описание фактов без объяснений, современный научный подход заключается в соединении описания с анализом.» [26]

И далее: «Итак, современный историк не занимается описанием <<голых>>, <<чистых>> фактов, к чему призывает позитивистская школа. Любой исторический факт может войти в исследование лишь при определённой исторической конструкции. Фактические данные всегда истолковываются историком с точки зрения определённой концепции.» [27]

Всё дело в том, что концепции эти у каждого автора (не переписчика) разные. Поэтому и истолкования получаются разными. Поэтому опасения позитивистов не лишены оснований.

Справедливости ради, следует сказать, что позитивисты Ланглуа и Сеньобос вовсе не отрицали необходимость объяснения фактов. Они писали: «Документы никогда не доставляют всех исторических фактов, необходимых для заполнения всего плана исторического построения; имеющиеся налицо факты не дают прямого ответа на многие вопросы, часто недостаёт необходимых черт для того, чтобы нарисовать полную картину состояния общества, эволюции или отдельных событий.» [28]

И ещё: «История, чтобы стать наукою, должна обрабатывать факты, представляемые ей в виде сырого материала. Она должна сжать их в описательные качественные и количественные формулы. Она должна отыскать связь между фактами, образующую последний вывод всякой науки.» [29]

В то же время они предупреждали: «Никогда не следует смешивать факты, добытые непосредственно из документов, с результатами рассуждения.» [30] Поэтому вряд ли оправдано противопоставлять Ланглуа и Сеньобоса Коллингвуду, потому что первые ведут речь о более ранней ступени исторического исследования, а Коллингвуд о завершающей. Но обе эти ступени необходимы. Ланглуа и Сеньобос лишь подчеркивали субъективный характер интерпретации фактов, ибо здесь возникает проблема беспристрастности — самое трудное испытание для историка. Не все выдерживают это испытание. В интерпретации, в объяснении фактов появляется политическая, идеологическая составляющая, целиком зависящая уже не от документов, а от историка. Она может присутствовать даже неявно в неоправданном придании одним документам большего значения по сравнению с другими, а также в утайке или в замалчивании некоторых документов. Почему-то Коллингвуд умолчал о влиянии этого субъективного фактора на объяснение исторических фактов. Г. Ф. Миллер считал: «всё, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения.» [31]

Н. М. Карамзин писал: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умять в своём изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен, всё позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк.» [32]

А. А. Искендеров отмечал: «Политические пристрастия историка, исповедуемые им ценности, следование или, напротив, исследование «социально-одобряемым» правилам поведения, даже черты личного характера — всё это в большей или меньшей мере оказывает влияние на историческое исследование.

Чем меньше или тоньше слой этого налёта субъективности, тем больше данное исследование отвечает требованиям науки и, наоборот, чем сильнее

проявляется субъективность историка, его стремление оценивать прошлое с позиций сегодняшнего дня и своей политической ангажированности, тем в большей мере история превращается в политику, опрокинутую в прошлое.» [33]

Марк Блок с иронией писал о своём учителе: «<<С 1830 года — это уже не история>>, — говаривал один из наших лицейских учителей, который был очень стар, когда я был очень молод, — <<это политика>>. Теперь мы уже не скажем с <<1830>>. <...> как только в игру вмешиваются страсти, граница между современным и несовременным вовсе не определяется хронологией.» [34]

О последствиях субъективного подхода, о влиянии политической составляющей на интерпретацию исторических фактов, оценку личностей писал Ю. А. Поляков:

«Масштабная и неоднократная переоценка ценностей, смена лавровых венков на терновые венцы и, наоборот, превращение врагов народа в героев-мучеников, а затем в палачей и мучителей — вот характерные черты российской историографии применительно к событиям и персонажам XX в.» [35] И далее:

«У нас за долгие годы утрачено общественное достоинство историков, утрачено доверие к слову историка. Историки напичкали общество плодами фальсификаторских усилий до тошноты. А сейчас, повернувшись на 180 градусов, продолжают создавать новую мифологию истории.

Поэтому люди верят не слову, а документу. Хотя документы бывают разные. Можно так осуществить подбор документов, можно так их подать, что получится очередной пирожок с несвежей начинкой. Но документ есть документ, и в большинстве случаев правду замаскировать или вырубить так же трудно, как спрятать ежа в кисею.

Поэтому общественность надеется на архивы, надеется, что хрустальный терем со спящей царевной — исторической правдой — находится именно в архивохранилищах.

Поэтому так возрос интерес к архивным публикациям, поэтому так возросло не только научное, но и общественное значение архивов. Новая ситуация принесла изменение форм публикаций. Чаше стали появляться документальные публикации, являющие нечто среднее между публикацией и исследованием. Т. е. документальный текст сопровождается исследовательским анализом, увеличивается не просто комментарий, который был всегда, но и аналитическое наполнение.» [36]

В другом месте он же писал:

«Положение исторической науки противоречиво. Она обладает огромной доказательностью, опираясь на подлинные неоспоримые документы. С другой стороны, она уязвима для искажений и фальсификаций. <...>

Кроме того, сами документы в совокупности дают возможность для различных трактовок и выводов. Но в науке, если она действительно наука, наличие разных трактовок, доказательная полемика свидетельствуют не о «флюгеризированности», а о стремлении добиться наибольшей обоснованности выводов и оценок.» [37]

Интерпретация меняется: «завоевание Сибири», «присоединение», «освоение», «добровольное вхождение», «непростые отношения коренного населения с московским правительством», и т. д. А документ вечен, он не меняется при смене политических режимов, при замене одной модной теории на другую, тогда как его толкование, интерпретация — явление преходящее, субъективное, зависящее от историка, от времени в котором он живет. С течением времени исторические концепции меняются. Выводы историков, которые в настоящее время признаются правильными, объективными, с течением времени могут быть подвергнуты сомнению, устареть. Лишь документ не стареет. Читатель может не согласиться с толкованием событий историком, может не согласиться с толкованием событий историческими лицами, упомянутыми в данном документе, но он не может отвергнуть сам документ (если это не фальшивка). Документы позволяют опровергнуть различного рода неверные сведения, приводимые без ссылок на источник, в некоторых даже научных, не говоря уж о художественных произведениях.

По мнению А. В. Тишкова, «Историк должен, конечно, стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории, но мысль о том, что этого можно достигнуть на самом деле — заблуждение. Более того, такой результат означал бы смерть истории, как науки. В этом смысле каждое поколение пишет свою историю.» [38]

Исторические события в данной книге описаны в жанре «документального повествования», характерными особенностями которого являются следующие:

1. Основу повествования составляют документы, независимо от того, откуда они добыты, ранее неопубликованные (из архивов) и опубликованные в сборниках документов или в книгах различных авторов.

2. Документы приводятся не бессистемно, а только относящиеся к данной теме, иногда в полном объеме, а иногда в выдержках.

3. Ссылки на документы без приведения текста самих документов не допускаются.

4. Документы приводятся не в «голом» виде, а сопровождаются авторским описанием, скрепляющим документы во временной и логической последовательности. Текст документов, когда это необходимо, сопровождается пояснениями и замечаниями.

5. Описания и высказывания других авторов приводятся только в тех случаях, когда они противоречат документам или не подтверждаются документами.

6. Интерпретация, толкование фактов, широкие обобщения, как правило, не делают.

Таким образом, документальное повествование это — «изготовление слитка из руды». При этом, мы отнюдь не утверждаем, что такая форма изложения исторического материала является единственно верной. Но документальное повествование имеет такое же право на существование, как и документальное кино. В документальном повествовании, как и в документальном кино, есть авторский текст. Но в документальном кино к одной и той же картинке можно дать разный текст, иногда прямо противоположный

по смыслу. В документальном повествовании это сделать труднее, ибо текст уже есть. Остаётся лишь дать интерпретацию. Здесь кое-какая свобода имеется, но она ограничена, чёрное не выдашь за белое, остаётся свобода на литературную отделку комментария. По мнению В. А. Тишкова: «История никогда не порывала с литературой — в историческом сочинении всегда есть литературный текст. Историк не может заявлять претензии на то, что он добился единственно правильного, объективного отражения прошлого, не подлежащего критике.» [39]

И последнее. Историческое описание страдает, когда «язык изобилует словами и оборотами, не свойственными тогдашнему времени.» [40] Документальное повествование избавлено от этого недостатка. При описании нынешним языком, без надобности засорённом иностранными словами, полностью улетучивается дух тогдашнего времени. А кроме того, как писал Г. Ф. Миллер: «кто к архивным письмам <...> и к штилю оных привыкнет, тот подлинно оная читать будет с удовольствием, как бы намерение читателей или причина удовольствия различны не были.» [41] Добавим от себя, что язык второй половины XVII века гораздо ближе к языку нашего времени, чем язык во времена Миллера.

Подавляющая часть приведённых в настоящей работе документов вводится в научный оборот впервые. Некоторые из них приводятся полностью, из других даются выдержки, относящиеся к рассматриваемой теме.

С точки зрения достоверности не все документы равноценны. Наиболее достоверны те, в которых преобладает объективная составляющая содержащихся в них сведений. Сюда относятся хозяйственно-учётные документы, такие как окладные и раздаточные книги жалованья, окладные крестьянские книги десятинной пашни, ужинные и умолотные книги, счётные списки воевод, сметные и пометные списки, таможенные книги сбора различных пошлин, ямские книги, расходные книги денег, хлеба и различного имущества, дозорные, межевые и писцовые книги, ревизские сказки и т. п.

Их достоинство одновременно является и их недостатком, поскольку они лишены, так сказать, личной составляющей, в них не отражены поступки, чувства, мысли и стремления действующих лиц.

Менее достоверна в освещении исторических событий другая часть исторических документов, в которых преобладает личная, субъективная, составляющая, но эта личная составляющая как раз и является достоинством такого рода документов. В этих документах сохраняется не только имя человека, но и некоторые сведения о его характере и поступках. К таким документам относятся отписки воевод и приказчиков, донесения о военных действиях, о промахах и ошибках, различного рода челобитные о личных делах, судные дела. В них всегда события и свои поступки действующие лица приводят в выгодном для них свете, невыгодные факты замалчиваются. Но иногда истину всё же удаётся установить, если одни и те же события излагаются противниками или независимыми лицами.

Таким образом, только изучение документов обоих видов позволяет приблизиться к исторической истине.

Приведение всех документов в полном виде, конечно же, увеличивает объём книги. Но есть возможность, хотя бы в небольшой мере, уменьшить

объем книги, исключив из документов некоторые части, которые не несут важной смысловой нагрузки.

В челобитных и отписках выражения типа: «государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси» и «государь, царь и великий князь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец» заменяются на «государь [А. М.]». В заключительной части челобитных обращение типа: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас сирот (холопей) своих» заменяются значками <...>. Сохраняется только просьба: «Вели, государь,» и т. д. Последнее предложение в челобитных: «Царь, государь, смилуйся, пожалуй» не приводится.

Утраченные и непрочитанные слова заменяются многоточием. Восстановленный текст заключается в круглые скобки. Добавленные слова и буквы, не принадлежащие документу, заключаются в прямые скобки. После слов с непонятным значением ставится вопросительный знак в прямых скобках. Опущенный текст обозначается знаками <...>.

В ссылках на архивные документы названия архивов и фондов опускаются, даётся только номер фонда. Использованы документы следующих фондов:

Фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА)

Ф. 137. Боярские и городовые книги.

Ф. 141. Приказные дела старых лет.

Ф. 210. Разрядный приказ, а в нём:

Д. стол, кн. — книги Денежного стола.

В. стол, ст. — столбцы Владимирского стола.

Р. стол, ст. — столбцы разных столов.

Ф. 214. Сибирский приказ.

Ф. 494. Илимская воеводская канцелярия.

Ф. 1177. Якутская приказная изба.

Ф. 1209. Поместный приказ.

Фонд С-Петербургского филиала Института Российской истории Российской академии наук (СПбФ ИРИ РАН):

Ф. 160. Якутская воеводская изба.

Фонд С-Петербургского филиала архива Российской академии наук (ПФА РАН):

Ф. 21. Фонд Г. Ф. Миллера.

Фонд Государственного архива Иркутской области:

Ф. 9. Киренский нижний земский суд.

Сборники документов:

А И — Акты исторические.

ДАИ — Дополнения к актам историческим.

КПМГЯ — Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л. 1936.

РКО — Русско-Китайские отношения в XVII веке, т.1, М. 1969.

Примечания

1. Ланглуа и Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб, 1899, с. 13.
2. Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М. 1987, с. 80.
3. Там же, с. 81.
4. Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М. 1987, с. 98.
5. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. I, СПб. 1886, с. VIII.
6. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. СПб. 1750, с. 121.
7. Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге. т. I, СПб. 1870, с. 361.
8. Mueller G. F. Sammlung Russischer Geschichte. SPb. 1761. В. VI, s. 565-566. — Цитируется по: Резун Д. Я. О работе Г. Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири. Новосибирск. 1982.
9. Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка. М. 1986, с. 7.
10. Патрушев А. И. Новое издание о судьбах историков. // Новая и новейшая история. 2002, № 2, с. 164.
11. Марк Блок. Указ. соч., с. 42.
12. Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 82.
13. Там же, с. 86.
14. Там же, с. 85.
15. Там же, с. 84.
16. Марк Блок. Указ. соч., с. 30.
17. Там же, с. 47.
18. Коломийцев В. Ф. Методология истории. М. 2001, с. 39—40.
19. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М. 1996, с. 301—302.
20. Ланглуа и Сеньобос. Указ. соч., с. 49.
21. Р. Дж. Коллингвуд. Идея истории. М. 1980, с. 13
22. Там же, с. 224.
23. Там же, с. 245.
24. Там же, с. 126—127.
25. Там же, с. 127.
26. Коломийцев В. Ф. Указ. соч., с. 42.
27. Коломийцев В. Ф. Указ. соч., с. 43.
28. Ланглуа и Сеньобос. Указ. соч., с. 201.
29. Там же, с. 209.
30. Там же, с. 202.
31. Пекарский П. П. Указ. соч., с. 381.
32. Карамзин Н. М. Предания веков. М. 1981, с. 28.
33. Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века. // Вопросы истории. М. 1996, № 4, с. 20.
34. Марк Блок. Указ. соч., с. 24.
35. Поляков Ю. А. Как отразить многомерность истории. // Новая и новейшая история. м. 2003, № 4, с. 10.
36. Поляков Ю. А. Звёздный час Льва Троцкого. // Источниковедение и краеведение в культуре России. М. 2000, с. 176.
37. Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М. 1999, с. 79.
38. Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки. // Вопросы истории, 1991, № 8—9, с. 162.
39. Там же, с. 162.
40. Марк Блок. Указ. соч. с. 65.
41. Пекарский П. П. Указ. соч. с. 356.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В СИБИРИ

Обычно принято начинать жизнеописание с сообщения о годе и месте рождения, о родителях, семье, детских годах и т. п. К сожалению, эти сведения, относящиеся к Ерофею Хабарову, неизвестны. Они не интересовали историков. Довольствовались тем, что по месту рождения он называется то устюжанином, то уроженцем Сольвычегодского уезда. Основное внимание было сосредоточено на главном деле жизни Хабарова — амурском походе.

Большую часть своей жизни Хабаров провёл в Сибири. Некоторые сведения о заведении им пашни на Лене, об амурском походе были опубликованы ещё в середине XIX века. Но, видимо, единственным историком, который держал в руках документы о жизни Хабарова, предшествующему тому времени, когда он перебрался на реку Лену, был С. В. Бахрушин. Именно С. В. Бахрушин в статьях «Мангазейская мирская община в XVII веке» и «Андрей Фёдорович Палицын» [1], описывая ссору мангазейских воевод, вскользь упомянул о пребывании Хабарова в Мангазее в то время, упомянул потому, что от его имени была составлена челобитная о злоупотреблениях воеводы Г. И. Кокорева, и привёл некоторые выдержки из этой челобитной. Однако, большинство документов о Ерофее Хабарове, известных С. В. Бахрушину, не были введены в научный оборот. Внимание С. В. Бахрушина Палицын привлёк тем, что «он оказался героем одного грандиозного сыска в несколько тысяч листов, сохранившегося в разрозненном виде в Приказных делах старых лет.» В этих тысячах листов немало документов и о Хабарове.

М. И. Белов, занимавшийся историей Мангазеи, предпринял попытку на основе изучения документов Мангазейской приказной избы получить сведения о месте рождения Хабарова. В результате, как пишет он, «посчастливилось найти более надёжные документы, из которых видно, кем был и где родился, и вырос Хабаров.» [2] Однако же и М. И. Белов, хотя и добавил некоторые сведения, о которых не сообщалось у С. В. Бахрушина, дал их в кратком изложении. К тому же, эти сведения оказались не столь надёж-

ными, как полагал М. И. Белов. Более подробно о изысканиях М. И. Белова речь пойдёт дальше.

Воеводы Григорий Иванович Кокорев и Андрей Фёдорович Палицын прибыли в Мангазею 28 августа 1629 года. А через несколько дней состоялась их встреча с Хабаровым.

«Лета 7138 [1629] году, сентября в 1 день, извещал государю [М. Ф.], а в Мангазейском городе воеводам Григорью Ивановичю Кокореву да Ондрею Фёдоровичю Палицыну сказывал промышленной человек Микулка Петров сын Собинин лалетин: был де он, Микулка, в Пясиде в прошлом во 137 [1628-1629] году для соболиного промыслу. И из Мангазейского де города воеводы Тимофей Бобарыкин да Поликарп Полтев посылали в Пясиду для государева ясачного збору мангазейского стрельца Ивашка Горохова да целовальника Ярофейка Павлова устюженина.

И как де он, служивой человек Ивашко Горохов, да целовальник Ярофейко поехали ис Пясиды в Мангазею и он де, Микулка, с ними ж ехал. И видял де он у служивого Ивашка Горохова ево Ивашковых четыре сороку десять соболей, а у целовальника у Ярофейка з братом с Микифорком восемь сороков соболей. А того де он, Микулка, не ведает: у служивого Ивашка купленные или промышленные соболи.

А целовальник де Ярофейко сказывал ему, Микулке, что были у него з братом с Микифорком покрученики пять человек, и те де соболи с покрученики промыслом добыли. А по государеву указу государевым ясачным зборщиком служивым людям и целовальником, будучи у государева ясачного збору, торговати и с покрученики своими промыслять соболей не велено.

И воеводы Григорей Иванович Кокорев да Ондрей Фёдорович Палицын велели того ж часу служивого человека Ивашка Горохова и целовальника Ярофейка з братом с Микифорком в Съезжую избу привести и порознь их роспрашивали.» [3]

Пясидой в то время называли Таймыр.

Обратим здесь внимание на то, что Ерофей Хабаров появился в Мангазее ещё до приезда туда воевод Кокорева и Палицына, и отметим здесь неточности у М. И. Белова, Ф. Г. Сафронова и у Г. А. Леонтьевой.

У М. И. Белова написано: «Обратный путь в Мангазею братья проделали зимой и весной 1630 года. Они вернулись туда как раз в те месяцы, когда грандиозная ссора между воеводами Кокоревым и Палицыным достигла своего апогея.» [4]

Как видно из приведённого выше документа, в сентябре 1639 года они уже вернулись в Мангазею.

У Ф. Г. Сафронова написано:

«Здесь [в Верхотурье — Г.К.] они наняли пять покручеников и примкнули к большому каравану кочей во главе которого шли новые мангазейские воеводы Г. И. Кокорев и А. Ф. Палицын.» [5]

Вслед за ним Г. А. Леонтьева писала:

«Можно только догадываться, что из Верхотурья или из Тобольска они [Ерофей и Никифор — Г. К.] добирались в Мангазею с караваном дощани-

ков, на которых шли мангазейские воеводы Г. И. Кокорев и А. Ф. Палицын.» [6]

Пребывание Никифора Хабарова на Подкаменной Тунгуске летом 1629 года подтверждается записью в таможенной книге:

«Того же 137 [1628] году, сентября с 1 числа, книги ис Подкаменные Тынгуски усть-тетерьского целовальника Сергейка Маркова, что збирал по государеву указу с торговых и с промысленных людей с мяхкие рухляди, с соболей, собольми, и с ково имянем.

[Мая в 5 день 1629 г.] у Никифорка Павлова с товарищем с Федькою с перекупных з дватцати соболей взято два соболи.» [7]

Далее, Г. А. Леонтьева писала:

«Воеводе Палицыну срочно потребовался таможенный целовальник в дальнее Хетское зимовье. Смышлёный, не боявшийся никакой работы Ерофей Хабаров, обратил на себя внимание воеводы ещё во время совместной поездки до Мангазеи. Теперь он решил доверить Хабарову сбор таможенных пошлин. Ерофей ухватился за предложение Палицына, поскольку плавание к месту <<целовальничей>> службы обеспечивалось казённым транспортом.» [8]

Из приведённого выше документа следует, что Хабаров прибыл в Мангазею ещё при прежних воеводах Тимофее Бобарыкине и Поликарпе Полтеве, которые и послали Хабарова на Пясиду (Таймыр).

Летом 1629 года Хабаров прибыл, пройдя через Пясиду, в Туруханское зимовье на Енисее. О его прибытии в Туруханск есть отписка служилого человека Василия Кокоулина мангазейскому воеводе П. С. Полтеву.

«Государя царя [М. Ф.] воеводе Поликарпу Семёновичу Полтеву служилой человек Васка Кокоулин челом бьёт.

В нынешнем, государь, во 137 [1629] году, июля в 15 день, приехал с Пясиды в Туруханское зимовье Тазовского города служилой человек Ивашко Петров Горохов да с ним целовальник Ярофейко Павлов Хабаров. А привезли, государь, оне с собою в Туруханское зимовье соболи. А соболей, государь, у них, у служилово у Ивашка Петрова четыре сорока десять соболей, а у целовальника у Ерофейка Павлова сорок пять соболей.

И я, Васка, те у них соболи, у того служилово у Ивашка Петрова да у целовальника у Ярофейка Павлова смотрел. А досмотря те у них соболи, запечатав, послал, государь, к тебе в Тазовской город.» [9]

Тазовский город — это главное поселение Мангазеи. Мангазея — это название местности, области, в которой находился Тазовский город. Но часто слово «Мангазея» употребляли в смысле Тазовский город.

Василий Кокоулин не написал, с кем послал. Но точно такое же количество соболей везли с собою в Мангазею Иван Горохов и Ерофей Хабаров.

Как было заведено в то время, по Ерофею и Никифору Хабаровым взяли поручную запись в том, что пока будет вестись сыск, они никуда из Мангазеи не уедут.

«Се яз, Василей Леонтьев сын Дрягин,
да яз, Демид Григорьев сын Фешедкин,
да яз, Офонасей Оврамов устюженин,

торговые люди, поручились есми в Мангазейском городе приставу Ивашку Петрову по промышленных людех по Ярафейке да по Микифорке Павловых устюжанех в том: ставитьца им за нашею порукою в Мангазейском городе в Съезжей избе перед воеводами перед Григорьем Ивановичем Кокоревым да Ондреем Фёдоровичем Палицыным по вся дни по роспросу в пясецком деле, в соболах, и из Мангазейсково города без указу и без отпуску никуды не съехать и не збежать.

А буде они за нашею порукою в Мангазейском городе в Съезжей избе перед воеводами ставитьца не учнут и без указу и без отпуску из Мангазейсково города съедут или збежат, и на нас, на порутчиках, государева [М. Ф.] пеня, а пене, что государь укажет, и наши, порутчиковы, головы в их голов место. А которой нас, порутчиков, влицах, на том по сей записе и порука.

На то послух Сила Петров сын Садилов.

Поручную запись писал в Мангазейском городе Томилко Перфирьев.

Лета 7138 [1829] года, сентября в 2 день.» [10]

Далее в документе описываются расспросные речи. Из речей Ивашки Горохова мы приводим только ту часть, где сказано о Хабарове.

«А про целовальника п[р]о Ярка в роспросе Ивашко сказал, что был с ним промышленной завод, топоры и сети, и он де на то купил сорок пять соболей. А иные де отпускал з братом ужины. И тех де соболей пришло с промыслу у брата его осмь сороков. А ужин было пять тотаринов на покруте. Да брат его ходил ж на промысел. А жил де брат его, Ярков, в ыном зимовье. А иные де и с ним в зимовье,

Ярко целовальник в роспросе сказал, что он наёмной целовальник.

А соболей привёз с собою сорок пять соболей. А взял де их за долг у Богадашки Белоряса да у Ефимка Федотова за долг по кабале. В опросу в другой ряд сказал, что по двум кабалам.

А про брата своего про Никифорка сказал, что он с ним живёт за делом, и промышляли де соболи с покрученики своими в Пясиде на Хете реке.

А ныне де всего у него, Ярка осмнатцать, соболей. А в расход де вышло воеводе Поликарпу Полтеву шесть соболей. Воеводам ж Григорью Ивановичю три соболи, Ондрею Фёдоровичю два соболи. Да десятую взяли в таможне с сорока четыре соболя. А пятого соболя взяли по оценке с пяти соболей. Да паркою челом ударил Ивану Семёновичю Лодыженскому. Кирилу Ружникову да Петру подьячему взаймы дал четыре соболи.

А про служилого человека про Ивашка сказал, что у него четыре сорока соболей. А имал их по кабалам за долг в Пясиде у промышленных людей. А кабалы де ему давал мангазейской же стрелец Аврамко Михайлов Косой.

Целовальников брат Микифорко в роспросе сказал, что де был он в Пясиде и ходил на промысел сам с покрученики своими. А покручеников было шесть человек. А промыслу было на ужину по тритцати соболей. А з братом в зимовье не живал. Да и соболи де мои, а не братни. И ныне де от десятые осталось шесть сороков семнатцать соболей.

Ивашко Горохов на очной ставке с Микифорком говорил, что у них де з братом ужины ввопче или не ввопче, того не ведает. А промышлял он, Микифорко, и жил во всю зиму с одним покручеником выше ясачного зимо-

вья. А пять покручеников промышляли и жили во всю зиму ниже ясачного зимовья.

А про то у Ярафейка и у Микифорка слышал, что они живут не вместе в дому. И соболях Микифорко Ярофейку повытъя не сказывал. А Микифорко говорил: брат де живёт с ним за делом, а не вместе.

А целовальник Ярофейко на очной ставке с Ывашком говорил, что семь сороков соболей брата его Микифорка, а не ево, Ярофейковы.» [11]

Здесь обратим внимание на то, что Е. Хабаров назвал себя наёмным целовальником. Обычно целовальников выбирали торговые и промышленные люди из своей среды — «мира». В отписке воеводы Кокорева, которую мы приведём позже, сказано, что «миром наняли».

О судьбе соболей, подаренных воеводам Кокореву и Палицыну, будет сказано после. А о подарке Ивану Семёновичу Лодыженскому, которому Хабаров «ударил челом паркою», не совсем ясно, во время пребывания Хабарова в Мангазее упоминается находившийся там же дворянин Иван Лодыженский. В другом документе сообщается, что И. С. Лодыженский был воеводой в Соли Вычегодской. [12]

«И октября в 9 день [1628 г. — Г. К.] бил челом государю [М. Ф.], а в Мангазейском городе в Съезжей избе воеводе Григорью Ивановичю Кокореву да Ондрею Фёдоровичю Палицыну подал челобитную Микифорко Павлов. А в челобитной ево пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, Никифорко Павлов.

В прошлом, государь, во 137 [1628] году был я, Никифорко, в Пясиде на соболином промыслу на Хете на реке. И с тем своим промыслишком, с соболями, пришёл в Мангазейской город и десятую платил.

И в прошлом же, государь, во 137 [1628] году бил челом и извещал на меня, Микифорка, пясидской же промышленной человек Микулка Петров, что будтося брат мой Ярафейко те соболи промышлял со мной вместе.

И тех соболей брат мой Ярофейко со мной, Никифорком, не промышлял, а живёт со мною за делом.

<...>Вели, государь, про тот промысел сыскать. <...>

И вычетчи челобитную, воеводы Григорей Иванович Кокорев да Ондрей Фёдорович Палицын велели про Микифорка Павлова да про пясидцкого целовальника Ярафейка Святицкого сыскать берёзовскому казаку Офоньке Зезину, и память ему, Офонасью, дали за своими печатями. А в ней пишет:

Лета 7138 [1629], октября в 9 день, по государеву указу память берёзовскому казаку Офоньке Зезину.

Обыскать ему в Мангазейском городе и за городом на посаде по пясидцкого целовальника про Ярафейка Павлова да про брата ево родново про Микифорка Павлова ж про устюжан устюжаны торговыми людьми, которые на Русе живут, а от них, Ярафейка да Микифорка, недалеко, и их знают.

И про пясидцкой соболиной промысел знаемыми людьми, которые были в Пясиде в прошлом во 137 [1628] году, по государеву [М. Ф.] крестному целованью вправду: в прошлом во 137 [1628] году, как он, Микифорко, был в Пясиде на соболином промыслу, и себе ли промышлял, один ли или з братом своим Ярафейком вместе, и в одном ли зимовье они зимовали, и на

Руси Микифорко з братом своим Ярафейком живёт за делом ли [за «делом» означает: «в разделе» от слова «делить», а не «делать» — Г. К.], иль не в разделе, и вместе хлеб ядят один или порознь.

Да что про их, Микифорков и Ярофейков, соболиной промысел и про их дело в сыску скажут, и ему тем обыскным людям велети к речам своим, которые грамоте и писати умеют, и руки свои приложили, и те их обыскные речи принести в Съезжую избу перед воеводою перед Григорья Ивановича Кокорева да Ондreja Фёдоровича Палицына.» [13]

Здесь Ерофей Павлов сын упомянут со второй его фамилией — Святицкий. Как уже было сказано, только в документах, относящихся к его пребыванию в Мангазее и на Таймыре, он много раз упоминается с этой фамилией. Эта фамилия поможет нам определить место его рождения. Некоторые авторы считали, что такая фамилия свидетельствует о набожности Хабарова. Но такое предположение далеко от истины.

«И октября в 13 день берёзовской казак Офонька Зезин принёс в Съезжую избу сыску своему список. А в нём пишет:

Лета 7138 [1629], октября в 12 день, по государеву [М. Ф.] указу и по приказу воевод Григорья Ивановича Кокорева да Ондreja Фёдоровича Палицына берёзовской казак Офонька Зезин спрашивал в Мангазейском городе на посаде промысленных людей про Ярафейка Светитцково да про брата его про родново про Микифорка Павлова устюжан торговых и промысленных людей, которые живут на Руси от них, Ярофейка и Микифорка, недалеко, по государеву [М. Ф.] крестному целованью вправду: промышленной человек устюжанин Ярофейко Светитцкой з братом своим с родным с Микифорком Павловым в делу ли или не в разделе, и на Руси оне живут вместе ли, и хлеб ядят один ли, или порознь живут, и в прошлом во 137 [1628—1629] году он, Ярафейко Светитцкой, з братом своим с родным с Микифорком Павловым в Пясиде на соболином промыслу был ли, и соболи промыслили вместе ли, и в одном ли зимовье в Пясиде жили или порознь по своим зимовьям жили.» [14]

Далее следуют расспросные речи торговых и промышленных людей.

«Торговой человек Демид Григорьев Фешедкин устюжанин, посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

В прошлом де в 137 [1628-1629] году на Енисейском волоку слышил де я от них самих, от Ярафейка и от Микифорка, что оне меж себя в делу: И с Енисейского волоку в прошлом же в 137 году пошли оне, Ярафейко и Микифорко, в Пясиду по своим не в одном судне.

А живёт он, Ярафейко, на Русе в Устюжском уезде в Вотложском стану. А Микифорко живёт в Усольском уезде в деревне. А как тоё деревню зовут, того не ведаю.

А в Пясиде оне промыслили соболи вместе или порознь, и жили в одном ли зимовье или порознь, того не ведаю ж. В Пясиде в прошлом 137 году наперёд того не бывал.

Торговой человек Офонасей Аврамов устюжанин, посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге от людей что он, Ярафейко, з братом своим с родным с Микифорком Павловым в делу. И живёт он, Ярафейко, в Устюж-

ском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитриеве. А брат ево Микифор живёт Усоля Вычегодцкого в уезде в деревне на Ленивице. А от пясидчиков у Тишки Иванова Усоля Вычегодцкого олексинца слышил, что он, Ярофейко, в Пясиде в прошлом в 137 [1628-1629] году з братом своим с Микифорком соболей вместе не промышлял. А тот Тишка пришол из Пясиды и поехал на Русь в том же 137 году.» [15]

Обратим здесь внимание, что эти первые два человека, которых спрашивал Афанасий Зезин, были «порутчиками» по Ерофею Хабарову.

«Промышленной человек Яков Иванов Костромитин сказал по государеву крестному целованью:

Жил де я на Устюге на посаде лет з десять. И то де я на Устюге слышил, что он, Ярафейко, з братом своим с Микифорком в делу. А живут порознь. Он, Ярофейко, живёт в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитриеве, а брат де ево Микифорко живёт в Усольском уезде Соли Вычегодские в деревне на Ленивице.

А в Пясиде он, Микифорко, в прошлом в 137 году соболи с ним, Ярафейком, промышлял вместе или один, тово не ведаю. В Пясиде я не был.

Промышленной человек Данилко Микифоров, портной швец, устюжанин, посадкой человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге, что он, Ярафейко, з братом своим с Микифорком в делу, и живут порознь. Он, Ярафейко, живёт в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне в Дмитриеве. А брат де ево Микифорко живёт в Усольском уезде Соли Вычегодские в деревне на Ленивице.

А в Пясиде он, Микифорко, в прошлом в 137 году соболи с ним, Ярафейком, промышлял вместе или один, тово не ведаю. В Пясиде я не был.

Торговой человек Козьма [?] Ондреев Печёнкин устюжанин, посадкой человек, сказал по государеву крестному целованью:

В прошлом де в 135 [1626-1627] году бил челом на Еренском городке по кабале в пятинатцати рублех воеводе на него, Микифора, а займовал он, Ярафей, деньги у Матвея Свизева. И тот Микифор положил в суд деловую, что он с ним, Ярофейком, в делу. И ему де, Матвею Свизеву, отказали и на нём, Микифоре, за него Ярафейка по кабале пятинатцати рублёв править не велели.

А где оне, Ярофейко и Микифорко, живут, и вместе ли оне в Пясиде в прошлом в 137 году соболи промышляли, тово не ведаю. В Пясиде я не был. А воеводе, которой был на Яренском, имя пропаятовал.

Промышленной человек Власко Яковлев Мутовкин, Соли Вычегодской посадкой человек, сказал по государеву крестному целованью:

Били де челом у Соли Вычегодские воеводе Ивану Семёновичю Лодыженскому на него, Микифорка, в долгу в ево, Ярафейкове. И тот де Микифорко положил в суде перед Ивана Семёновича Лодыженского деловую. И должником де в его, Ярафейкове, долгу отказал: правити на нём, на Микифорке, за него, Ярафейка, долгу не велел.

А живёт де он, Ярофейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитриеве. А Микифорко де живёт в Усольском уезде Соли Вычегодские в деревне на Ленивице.

А в Пясиду де оне, Ярафейко и Микифорко, пошли с Енисейсково волоку в прошлом во 136 [1628] году по своим, и в судне не в одном. А соболи оне в Пясиде промышляли в прошлом в 137 [1628-1629] году вместе ли, или он, Микифор, один промышлял, тово не ведаю. В Пясиде я в прошлом в 137 году не был.

Промышленной человек Пятунька Иванов устюжанин, посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге, что он, Ярафейко, з братом своим с Микифорком в делу, и дело де у них на Русе есть.

А живёт де он, Ярафейко, в Устюжском уезде в Вотложском стану в деревне Дмитриеве. А брат де ево Микифорко живёт в Усольском уезде Соли Вычегодской в деревне на Ленивице.

А в Пясиду де оне, Ярафейко и Микифорко, с Енисейсково волоку пошли в прошлом в 136 [1627-1628] году по своим, и в судне не в одном. А соболи оне в Пясиде промышляли в прошлом во 137 [1628-1629] году вместе, или он, Микифорко, соболи промышлял один, тово не ведаю. В Пясиде я не был.

Торговой человек Шестой Савельев Белобород, Соли Вычегодские посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге от отца их, Ярафеева и Микифорова, от Павла, что оне, Микифорко и Ярафейко и Микифорко [так в тексте — Г. К.] в делу. А живёт де он, Ярафейко, в Устюжском уезде на Вотложском стану в деревне в Дмитриеве, а Микифорко де с отцом своим с Павлом в Усольском уезде в деревне на Ленивице.

И в прошлом де 136 [1627—1628] году ево, Микифора, на Енисейском волоку видял. И пошёл он, Микифор, с Енисейсково волоку в Пясиду з братом своим с Ярафейком не вместе, по своим, и в судне не в одном. И пошло де с ним, Микифорком, в Пясиду покручеников ево, Микифорковых, казанских тотар шесть человек.

И в Пясиде он, Микифорко, соболи промышлял з братом своим с Ярафейком вместе ли, и он, Микифор, соболи промышлял один, тово де не ведаю. В Пясиде я в прошлом в 137 [1628-1629] году не был.

Промышленной человек Мишка Семёнов вологжанин, прозвище Конча, сказал по государеву крестному целованью:

Был де я в Пясиде в прошлом в 137 [1628-1629] году с ним, Ярафейком, и з братом ево с Микифорком вместе. И тот де Микифорко покрутил в Мангазейском городе и на Енисейском волоку на себя в прошлом в 137 году казанских тотар шесть человек. И с Енисейсково волоку он, Микифорко, в Пясиду пошёл з братом своим с Ярафеем не вместе, по своим, и в судне не в одном.

А промышлял он, Микифорко, соболи в Пясиде з братом своим с Ярафеем не вместе, один с покрученики своими. А промышлял он, Микифорко, соболи и жил с одним покручеником вверх по Волочанке выше ясашиново зимовья. А пять ево, Микифоровы, покрученики промышляли соболи вниз по Волочанке ниже ясашиново зимовья. А он, Ярафейко, жил [с] служилыми людьми в ясашиново зимовье.

И то де я от них, от нево, Ярафийка, и Микифорка, в Пясиде слышил же, что он, Ярафейко, с ним, Микифорком, в розделе, и живут не вместе.» [16]

Обратим здесь внимание на сообщение промышленных людей о том, что они видели братьев Хабаровых в Пясиде в 136 [1627-1628] и в 137 [1628-1629] годах. А между тем М. И. Белов писал: «В Хетское зимовье Хабаровы прибыли летом 1629 года.» [17]

На этом дело не кончилось. В конце зимы Ерофея Хабарова ждала новая неприятность.

«138 [1630] году, марта в ... день, принес в Съезжую избу и подал воеводе Григорью Ивановичю Кокореву Хлеба [Глеба — Г. К.] Морозова крестьянин Мишка Семёнов вологжанин грамотку Лучки Маркова. А сказал, что де он, Мишка, в прошлом во 137 [1629] году был в Пясиде на Хете реке на соболином промыслу. И после де с ним, Мишкою, из Пясиды тот Лучка Марков [послал] к брату своему родному к мангазейскому стрельцу к Морозу Маркову тоё грамотку. И брата де его, Марчкина, Мороза в Мангазейском городе не заехал. Уехал до него из Мангазеи за государевою мангазейскою соболиною казною ко государю к Москве.

И ныне в Мангазейском городе пришёл с Руси брат же их родной Ортюшка Марков, и учал де у него, Мишки, спрашивать от брата своего Лучки Маркова грамотку. И он де, Мишка, тоё грамотку, не досмотря, отдать Лучкину брату не смел, не написано ли де на него, Мишку, в грамотке посылка.

И он де, Мишка, распечатав, тоё Лучкину грамотку досмотрил. И в грамотке де написано на пясидцкого ясажного целовальника на Ярка Павлова Святицкого устюжанина государево дело, И он де, Мишка, тоё грамотку Лучкину отдать не смел, и принес в Съезжую избу.» [18]

В грамотке (письме) написано:

«Государю, моему брату Морозу Марковичю, братишка твой Лучка челом бьёт до лица земнаго.

А буде пожалуешь, поволитишь ведать про многогрешное моё суетное житьё, и яз, дал Бог, жив апреля в 28 день [1629 г. — Г. К.]. А впредь уповаю на милость Божию. А нынече яз остался в Пясиде немочен. Целовальник Ярко меня бил. Ехать не могу.

И во 137 [1629] году, генваря в 2 день, приходили в ясачное зимовье хедская самоедь Табачинко да Параюгва, да Серокуй. Извещали на целовальника на Ярафея в том, что де тот Ярафей крал масло государево и кормил самоедь у себя в онбаре. И то масло прислано к нам, самоеде, государево жалованье. И он, Ярафей, крал и кормил самоедь, и покупал у них соболи добрые на себя.

И мы самоедь роспрашивали, что тот Ярафей не велел в ясак добрых соболей приносить.

А опросной список у Горохова есть. А за тем тебе мало пишу, а много челом бью.

Здравствуй о Христе. Аминь.» [19]

На обороте грамотки написано: «Дать ся грамотка на Тазу [в Мангазее — Г. К.] служивому человеку Морозу Марковичю.»

«И воевода Григорей Иванович Кокорев того ж часу велел в Съезжую избу перед собою того пясидцкого целовальника Ярка поставить.

И Ярکو ставлен и допрашиван. В допросе сказал, что де он, Ярко, в Пяси́де Лучки Маркова не бивал и государева масла не крадывал. А государевым де маслом хедцкую ясачную самоедь кормил. А в ясак де им, ясачным людем, соболи добрые приносить велел. И соболей де у них, ясачных людей, на себя не покупал, и государевым ничем не корыстовался.

А толмачила де в Пяси́де жёнка Маврутка. А опросной де список Ивана Гордеева есть ли, или нет, того он не ведает. А писать де им воля, что хотят, то пишут.» [20]

В мае был допрошен Ивашко Горохов.

«138 [1630] году, мая в 11 день, в Съезжей избе воевода Григорей Иванович Кокорев, поставя перед собою мангазейского стрельца Ивашка Петрова Горохова, допрашивал: как он, Ивашко, был в прошлом во 137 [1628-1629] году в Пяси́де для государева ясачного збору, и писал из Пяси́ды мангазейской же стрелец Лучка Марков к брату своему Морозу Маркову грамотку, и тоё грамотку положыл в Мангазейском городе в Съезжей избе Мишка Семёнов вологжанин. А в грамотке писано, что били челом [и] извещали государю пясидцкая ясашная самаядь на пясидцкого целовальника на Ярка Павлова устюжанина, что де тот Ярко им, пясидцкой самойди, в государев ясак соболей добрых давать не велел, а велел теми добрыми соболями торговать [с] собою, и государевым маслом и мукою он, Ярко, корыстовался — крал. И тому всему де у тебя, стрельца Ивашка, и записка есть.

И мангазейской стрелец Ивашко Горохов в допросе сказал:

В прошлом во 137 [1628-1629] году, как он, Ивашко, был в Пяси́де для государева ясачного збору, и от пясидцкой самойди на целовальника Ярафейка Павлова, что в государев ясак им, самойди, он, Ярофейко, соболей добрых давать не велел, и велел ли он, Ярафейко, теми добрыми соболями торговать с собою, про то челобитья, ни извету не слыхал. А слышил де он, Ивашко, от тоё самойди, что говорили де они, самаядь, ему, Ярофейку, в брани: прислано де государево масло и мука им, самойди, на корм. А он де, Ярафейко, кормит мукою и маслом иную самуюдь, большее де выменивает у тоё самойди добрые соболи на себя. А записки де у него, Ивашка, на него, Ярафейка, нет.

Да он же, Ивашко, сказал: мангазейской де стрелец Лучка Марков остался от него, Ивашка, в Пяси́де, а отнялся немощью.

А что де у него, Лучки, соболей, и те соболи остались за ево, Ивашковою, и за целовальниковою, Ярофейковою, печатями. И записаны те соболи в десятинных книгах, с чево он, Лучка, платил государеву десятую пошлину. А иные статки свои он, Лучка, роздал вдолг промышленным людем, в ыной год из росту закрепил.» [21]

В середине июля вернулся в Мангазею Лучка Марков, и был допрошен воеводою. Он дал совсем другие показания.

«138 [1630] голу, июля в 17 день, в Съезжей избе перед воеводою перед Григорьем Ивановичем Кокоревым Лучка Марков в роспросе сказал:

В прошлом де в 137 [1629] году остался он, Лучка, в Пяси́де, потому что

занемог и итти в Мангазейской город не мог. И грамотку де с Колчею вологжанином в Мангазейской город писал к брату своему Морозу Маркову, что целовальник Ярафейко государеву муку и масло крал, и кормил иноземцов, и имал де на себя соболи добрые. А то де масло послано было ясачным людем на жалованье.

И в Пясиде на него, Ярафейка, приходила в ясачное зимовье хетская самаядь Табачейко да Паруеда да Серокуй, извещали. И записка есть у мангазейского стрельца у Ивашка Петрова Горохова. А другая де записка ево ж, Ивашкова, писму у меня, Лучки.

И положил записку. А в ней пишет:

137 [1628] году, генваря в 2 день, приходили в ясачное зимовье хетская самаядь Табачейко да Паруеда, да Серокуй. Извещали на целовальника на Ерафея в том, что де тот Ерафей крал масло государево и кормил самаядь у себя в онбаре. И то масло послано к нам, самоеде, государево жалованье. И он, Ярофей, крал и кормил самаядь, и покупал у них соболи добрые на себя.

Он же, Лучка, сказал, что де у мангазейского стрельца у Ивашка Горохова соболей не было, и кабалы де он, Лучка, у нево, Ивашка, мангазейского стрельца Аврамковы никакого не видал.

А целовальник Ярафейко з братом своим Микифорком шёл в Пясиду вместе. И было де Ярофейковых покручеников шесть человек. И промышляли де они з братом ево с Микифорком на Волочанке. А он де, Ярафейко, был в городке и шёл де он, целовальник, из Пясиды з братом своим с Микифорком вместе ж.

А у нево де, Лучки, что было соболей, и он де отдал вдолг в Пясиде промышленому человеку Семейке Топорку. А взял де на нево кабалу в тридцати рублех. И тоё де кабалу у нево, Лучки, выкрал, а соболей не отдал. А со мною де, Лучкою, пришло из Пясиды сорок соболей.» [22]

Воевода Кокорев об этом сыске со всеми подробностями сообщал в Москву, и даже дважды. В конце второй отписке он сообщал:

«И я, холоп твой, о том деле подлинно писал к тебе, государю [М. Ф.] в ыной записки. А Ондрей, государь, Палицын, норовя тому Ивашку Горохову да целовальнику Ярку Светицкому, что поимал у них многие соболи, в отписку со мною, холопом твоим, не писался. А по сыску, государь, знатно, что тот Ивашко Горохов да целовальник Ярко Светицкой воровали заедин.

А служилых, государь, и торговых и промысленных людей [Палицын — Г. К.] прельстил своим воровством. А о твоих государевых делах со мною холопом твоим не советует. И которые, государь, служилые и торговые, и промысленные люди воруют, в ясачных зимовьях торгуют, и твоей государевы казны не добирают.» [23]

В этой отписке Хабаров упоминается с другой его фамилией — Святицкий.

В челобитной, которую повёз Ерофей Хабаров в Москву, написано:

«Царю, государю и великому князю Михайлу Фёдоровичю всеа Руси, и великому государю светейшему Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси бьёт челом и извещает сирота ваша государева, устюжанин, промыш-

ленной человек Ярофейко Павлов, на вашего государева воеводу на Григорья Ивановича Кокорева, что тот ваш государев воевода Григорей Кокорев живёт на вашей государеве службе в Мангазее не по вашему государеву указу. Ваши государевы дела делает не по наказу и нас, сирот ваших, торговых и промышленных людишек, бьёт ослопы и батоги у себя на дворе, по улицам и по торгам, и в железа закуёт, и в темнице и на правеже мучит не про ваше государево дело, и научает на нас ссорой многих воров клепати напрасными затейными поклёпы для своей бездельной корысти.

И сын, государи, его, Григорьев, Иван и люди его Анашка и Обрамко с товарищи нас, сирот, бьют и грабят, и последние наши животишка отнимают.

А [о] всяких ваших государевых делах и о наших сиротьих нуждах велит он, Григорей, нам, сиротам вашим, приходить к себе на двор мимо вашу государеву Розрядную избу. Чего Григорей и сын его, и люди его, кого от какова посулом обложит, и наперёд у того свой посул возьмёт, и сыну своему, и жене, и людям, что укажет дать, да то же велит притти в Съезжую избу, и делает он всякие дела один, не по вашему государеву указу, по посулам.

И которые наша братья не стерпят от него, Григорья, и от сына его, и от его, Григорьевых, людей многих нестерпимых налог и обид, и правежу, придут на двор к нему, Григорью, побити челом о управе, и сын, государи, его, Григорьев, велит тех обидимых людей с переходов да и с крыльца бросать, и бить ослопы и пинками, и волочить з двора по всему городу, и за ворота городовые, бить взашей и по щекам.

И питьё, государи, у него, Григорья, на дворе и под церковью Живоначальные Троицы продажное, вино горячее и мёд, и пиво продают безпрестанно в вёдра и полведра, и в скляницы, и в во стаканы, и в чарки.

Да он же, Григорей, держит кабак в Мангазейском городе и на посаде, и в Туруханском зимовье на волоку. Неподобная жонка Анютка Княинька продаёт безпрестанно брагу хмельную и мёд, и вино, емлет с его, Григорьева, двора, и те корчебные деньги приносит к нему, Григорью.

А ведро вина выходило у него в продаже в Тазовском городе больши десяти рублёв. А в Туруханском зимовье и вдвое того.

А корчебные деньги Григорьевы люди збирали в ящики. А ящики, государи, у них с обеих концов запечатаны тем же обычаем, как бы у целовальников ваши государские зборные казны.

И на том, государи, его, Григорьеве, кабаке наша братья, торговые и промышленные людишка, пропиваютца доната, и торжишков своих и промыслов доконца отбыли. И закладывают у него на дворе в том карчевном питье платье: кафтаны и шубы, и шапки, и рубах[и], и портки, и кресты, и персни.

И от того, государи, его, Григорьева, безмерного налогу и грабежу, корчебного питья обнищали многие торговые и промышленные людишка, и з голоду, и с наготы, и з босоты оцынжали, помирают напрасными смертями.

А служилые, государи, люди Тазовского города поимали ваше государское жалованье денежное и хлебное по вашей государской милости из ва-

шей государьской казны полное, и то всё: деньги пропили у него же, Григорья, до одного деньги, и хлеб, распродав, пропили же до одного зерна.

А иным, государи, Григорей давал ваше государское жалованье на прошлые годы и впредь на 139 [1630-1631] год без вашего государского указа. А то ваше государское жалованье пропили у него же, Григорья.

А один, государи, пятидесятник стрелецкой Шестак Симанов пропил у него, Григорья, вашего государского жалованья денежного за три годы, по шти рублёв на год, да ваше же государское хлебное жалованья, что взял за три годы, двести пудов с лишком. И то, государи, всё ропродал. А продавал, государи, пуд по полтине и по дватцати алтын. И все те деньги пропил на корчевном питье у него, Григорья.

А вина, государи, привезено было у него, Григорья, в Мангазею тысяча вёдр.

Да не токмо, государи, он, Григорей, и его сын Иван, и люди его и последние наши животишка поотнимали, и соболишка промышленные, и малые щенятишка по домам грабили да малые щенята роздавали кормить рыболовам. А старые собачёнка олять нам же продают дорогою ценою.

А иные наши братья его, Григорьевым, людем кочишка свои, судовые снасти в тех посульных и пропойных деньгах заложили.

И ныне, государи, у тех его, Григорьевых, людей роздано в долги в великие росты и в торговлю промышленным людем денег в соболи, у Анашки Барана з братом с Обросимком и у всех Григорьевых людей больши тысячи рублёв. А как, государи, он, Григорей, приехал на вашу государскую службу в Мангазею, в те поры было не токмо что людем его такие великие деньги в рост было и в торговлю отдавати, на ретком человеке и рубашки были. А ныне такими великими торги торгуют.

Да в нынешнем же, государи, во 138 [1629] году по осени посылал он, Григорей, в Большее зимовье на Турухан человека своего Трифонка. А с ним посылал вина горячие пятьдесят вёдр на продажу. И тот Григорьев человек Трифанко жил на Турхане во всю зиму, то вино продавал торговым и промышленным людем. И многие наша братья, торговые и промышленные людишка, от тех его кабаков пошли по дворам, пропився донага, и последние свои заводишка промышленные пропили. И поймав, государи, на том вине многую казну денежную и соболиную, и привёз в Тазовской город к нему, Григорью.

Да он же, государи, тот Григорей Кокорев, узнал на Турухане, что на том его продажном вине учинилась ему большая прибыль, послал сына своего Ивана да всемирных грабителей и губителей, людей своих, Анашку да Оброска Кривого с товарищи к большому съезду к весне, как на Турхан съездутца со всех зимовей твои государевы ясашные зборщики и ратные люди Самсон Навацкой с товарищи, и торговые, и промышленные люди изо всех Тунгусок, и из зимовей, и с Енисея, и с Пясиды, из Верхнаго острогу со всякою мяхкою рухлядью: с собольми и з бобрами, и с лисицами.

А послал, государи, он, Григорей, с сыном своим к тому большому многослонному съезду вина горячего на продажу больши пятьдесят вёдр больших, а мёду пятьдесят пудов да солоду тритцать четвертей. И велел то питье по-

прежнему всяким людем продавать, а иных, запоя, грабить, что у кого сведав, лутчие соболи, бобры и лисицы чёрных, [ч]тобы всё было у него, Григорья.

Как, государи, сын его, Григорьев, на Турхан поднимался, и люди его, Григорьевы, по его, Григорьеву, велению нас же, сирот ваших, грабили, и последние собачёнка тельные и соболиные под его возок в подводы и под продажное многое питьё, и под мёд, и под запасы нартишка и лыжишка потнимали. И многих, государи, нашу братью, бедных людей, имали тянуть с собаками вместе возок его, Григорьева, сына Ивана и его людей, и то его продажное питьё, запасы, на нартах. [И] идучи, государи, дорогою, многих нашу братью Григорьевы люди перебили и перемучили. А иные бедные наша братья розбежались.

Да он же, Григорей, послал с сыном своим посульных и корчбных денег пятьсот рублёв, а с торговым человеком с Микифорком ярославцом девятьсот рублёв, и для того, где что объявитца завидные соболи и лисицы и бобры, а которые будут люди к питью не падки на пропой, тоё рухляди не пропьют, ино бы их запоя, да будто купить в полуцены и меновые.

Да он же, государи, Григорей, откупил в том в Большем зимовье на Турхане баню и зернь, и сусло, и картяную и шахматную игру, и послал в откупщики человека своего Гришку Серебреника. А старые откупщики давали вам, государем больши, с наддачею. А Григорей Кокорев за то тех откупщиков бил батоги и в тюрьму сажал. А тот откуп взял себе без наддачи. И от тех, государи, Григорьевых откупщиков, от человека Гришки Серебреника с товарыщи, всяким людем в бане на зерне чинитца беда и продажа, научает воров ложными поклёпы, и продают напрасно.

А побити челом вам, государем, никто не смеет все zagrożены частыми муками.

А мы, бедные сироты ваши государевы, и служивые людишка, от его, Григорьевых, неудобных и напрасных побой, и неповинных мук откупались, последние свои животишка розметав на безценок, да и тем его несытость не наполнили. Сверх животишков своих давали ему, Григорью, кабалы во многих деньгах. А иные писали в кабалы жён своих и детей, бояся его, Григорьева, безмерного мучения и неповинные смерти.

А у кого, государи, у нашия братьи и у служивых для великие нужи покупаны были иноземцы: робятка и женочки, и девочки, а держали наша братья тех иноземцов вместо детей по свой живот, и Григорей Кокорев по своему ненасытому обычаю и с теми нас, бедных, розлучил, поймал у нас насильством к себе во двор и поработил себе в вечную работу.

Да не токмо, государи, он, Григорей, и его сын Иван, и люди его у нас, сирот твоих, безпрестанным грабительством все животишка наши вымучил и образы и книжицы: четьи и певчие, и святцы отнимал, оставил чела перекреститися и по чему имяни Божие прославити. И во всём, государи, в Мангазейском городе не оставил ни у какова человека ни постелёнка, ни одёжи, ни подушёнка, и всё выбрали себе.

А побить челом вам, государем, нихто не смеет, все угрожены безмерными побойми и муками, и темницею, и железы. А вотчина ваша государева дальняя, вступитися за нас некому.

А он, государи, Григорей Кокорев, муча нашу братью, и угрожает нам, сиротам, а сказываетца, что у тебя государя [М. Ф.] ближним человеком. А живёт де у тебя, государя, в комнате. И хотя де ис-под коленок кожу здеру, никто мне ничево не зделает.

А которые, государи, наша братья по осени учили бити челом тебе, государю, на соболиной промысел, и тот Григорей запросил у нас, сирот, отпусков — посулов, многих денег, не противно мочи нашей. И за тою своею бездельною корыстью нас, сирот, задержал, в пору на промысел не отпустил, и хлебных запасов твоей государевы пошлины для своей бездельной корысти выделять не велел долгое время, и торгу хлебного не дал, до тех мест, как на всех кочевийшах, которые пришли в Мангазею, з запасы поймав по своему окладу посулы многие тож, велел торговати. А за тем, государи, он, Григорей, задержал. Никаков человек по осени на соболиной промысел не пошли. И в том мы, сироты твои, вконец погибли, а вашей государьской десятинной соболиной казне учинился великой недобор.

Первее сего збиралось вашей государевы казны в Тазовском городе зимою до Турханского походу сороков по десяти и по пятнатцати. А ныне, государи, в то число всего собрано по пятьдесят соболей, и то старого промыслу, а не новаго, зимнаго промыслу. А новаго промыслу не объявилось в таможене ни один соболь, потому что промышленных людей Григорей Кокорев по осень впору никакова человека не отпустил. А которых отпустил в замороз, испустя лутчую пору, и те, государи, людишка и до Турханского зимовья не дошли, на волоку замёрзли. И от великие нужи, пометав свои запасенка в тундре, опять прибрели в Тазовской город, наги и босы, и холодны, и голодны, скитаютца меж дворы, помирают голодною смертию.

А которых, государи, служилых людей посылает он, Григорей, в Мангазейской уезд для вашего государева ясаку, и у тех емлет откупы и посулы многие по уговору, в чём которые зимовья обложит, и посылает с ними свои товары, и приветчи их к образу на том, что им во всём радить и прибыль чинить ему, Григорью. И приказывает, государи, тем служилым людям на иноземцах збрати соболи на себя, сверх твоего государева ясаку.

И от тех, государи, его, Григорьевых, откупов иноземцом чинитца продажа и налога великая. И ваша государева дальная вотчина по его, Григорьеву, немилосердому призьрению будет в последнем в запустенье от таких нестерпимых бед. Иноземцы по своему бездельному нраву хотят давитьца, а иные по тундрам розбрестись в дальные страны, пометав свои отчинные кочевийшка.

И мы, сироты ваши государевы, торговые и промышленные людишка, от его, Григорьевых, жестоколичных побой и мук, безпрестанных грабежей доконца погибли и последних животишек своих и промыслишков отбыли, не вашею государьскою немилостию — от Григорья Кокорева безмерных и безпрестанных мук и продаж. А иные, государи, животишками своими не окупилися, ещё к тому продавали ему, Григорью, на себя кабалы во многиж деньгах и в соболах, писали своих жён и детей, как бы кому мочно чем от него, Григорья, откупитьца голова.

Да он же, государи, Григорей, затевает многие небылые службы на даль-

ные тундры торговым и промышленным людям, откуда назад не воротитьца. А иных многих, нашу братью, выбирает в целовальники лутчих людей в дальние посылки от большово живота, и тех всех обложит, смотря по животам, возьмёт посулы многие, да иных велит в то место выбрать. Да и тех продаёт многими продажами. А и тех, государи, переменит во многие перемены, но ни дойдёт до тех, у кого взять нечево, на тех велит миром выборы дать.

И у кого, государи, у нашия братья что ни сведает какова товарцу доброго или соболи, то всё грабит себе.

И как, государи, стала ваша государская дальная вотчина Мангазейская земля, и таких, государи, нестерпимых бед нам, сиротам твоим, и иноземцам таких грабительных продаж и обид, и грабежей отнюдь ни от кого не бывало.

И которые, государи, наша братья, промышленные людишка, прибрели ис Турханского зимовья и с Енесея, и с Турхану, и приносили с собою соболи и бобры, и Григорей Кокорев у тех людей велит мягкую рухлядь мимо таможенную служилым людям приносить к себе и, выбрав ис тоё мягкой рухляди лутчие соболи и бобры себе, тож отошлёт в таможенную, да велит голове таможенному с тоё хвостовые рухляди вынять десятинную на вас, великих государей. А голова, государи, таможенной говорить ему не смеет, потому что боитца от него, Григорья, досмерти за ваше государское дело, и ныне бродит только чуть жив.

Да хто-нибудь, государи, помня ваше государское дело, известит, и Григорей Кокорев то ваше государское дело спродает на посулы, да тех же людей, которые за ваше государское дело вправду стоят, бьёт и мучит, и в чеппи, и в железа закуёт.

И видя, государи, мы, бедные сироты ваши государевы, такую Григорьеву лютую гордость и безмерную муку, никак человек не смеет на него вам, государем, побити челом, все утрачены смертными страхом. А ваша государская вотчина дальная, вступитца за нас, бедных, некому.

А Ондрей, государи, Палицын о той его, Григорьевой, великой гордости и об наших сиротных обидах говорит безпрестанно, а он, Григорей, его ни во што почитает. А сказывает, государи, что он, Григорей, взял его, Андрея, от виселицы с собою. И дела он делает один. Кого он захочет, того пожалует, и кого оскорбит.

Да он же, государи, ходя повечеру в Съезжую избу, дел старых пересматривает, неведомо для чего, и столпов выдирает. И люди, государи, его, Григорьевы, всегда живут и спят в Съезжей избе. А поп его Сосна спит в Съезжей избе в казёнке, где первое сего ваши государевы воеводы сеживали у тайных ваших государских дел. И дела, государи, ис Съезжей избы выносятся. И робята его, Григорьевы, всегда приходят в Съезжую избу на игрище. А ваши государские дела ис Съезжей избы пропадают, неведомо куда.

Да в нынешнем ж, государи, во 138 [1629-1630] году бил он, Григорей, и сажал в тюрьму Тазовского города служилого человека Данила Кобелева да енесеяского остояка Корнилка, не про ваше государское дело, для своей бездельной корысти, и мучил их в тюрьме долгое время. И как, государи,

пришёл день ангела государя нашего царевича и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси [17 марта — Г. К.], и тех, государи, людей не могли у него, Григорья, ис темницы выпросить для государя [А. М.] ангела и для царского многолетнего здоровья, и воевода Андрей Палицын, и служилые люди.

И Григорей Кокорев в Съезжую избу не пришёл и тех людей из заключения не выпустил. И воевода Андрей Палицын, пришедши в Съезжую избу, сидел для того в Съезжей избе шесть часов и посылал к нему, Григорью, чтобы он пришёл в Съезжую избу для государева царевича многолетнего здоровья, тех людей велел ис темницы выкинуть

И назавтрие, государи, того великого дни, узнав тот служилой человек Данило Давыдов, что ему на такой великой день ис темницы выпуску нет, дал тому Григорью Кокореву посулу сто рублёв денег, и он его велел свободить.

А тот остяк Корнилко сидел в тюрьме не выпущен. И мая, государи, в 9 день родился у него, Григорья, сын. И в которой, государи, день родился у него сын, и Григорей Кокорев, презрев ваше государское многолетнее здоровье, а для сына своего рожденья того остяка Корнилка ис темницы выпустил. Да не токмо, государи, что одного того остяка, и всю тюрьму выпустил. Которые люди сидели и в вашем государском деле, и тех велел для сына своего рожденья свободных учинил. А для государя царевича [А. М.] и для многолетнего здоровья никого не освободил. В том ваша государева воля.

А что, государи, у кого он, Григорей, у всяких людей своим безстыдным грабительством примал, что мне, Ярафейку, малая часть ведома, и тому роспись под сею челобитною. А сверх, государи, мне, сироте, написать его, Григорьевых, безмерных жестокостей и грабительства его невмесно, потому что, государи, его безмерные грозы никаков человек не смеет написать на него вам, государем, челобитенки, все уstraшены и угрожены.

А зимовало, государь, в Тазовском городе людей всякого человека больше тысячи, а ни один человек от него, Григорья, без беды и без продажи не избыл. И с последнего человека меньше того не взял он, Григорей, что из ярыжного по пяти рублёв с человека, опришенно советников своих, пияченина Дружинка Щепоткина да ярославца Аникина, холопа Аникина Микифорка Иванова. А те его советники Дружинко и Микифорко от него, Григорья, ныне торгуют его посульными деньгами и грабёжными, и корчбными большими.

И ныне, государи, тот Григорьев грабёжной живот, деньги и многую мяхкую рухлядь, посылает на Русь он, Григорей, с ними, Дружинкою и с Микифорком. А оне тоё его многую казну уняли провести ему, Григорью, за своим животишком, хотя тоё грабёжную корчбную казну утаить, чтобы вам, государем, про то было неведомо.

Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Фёдорович всеа Руси и великий государь светейший патриарх Филорет Никитич Московской и всеа Руси.

Призрети, государи, милостиво на свою государскую дальнюю вотчину

и на нас, сирот своих бедных, на разорённых. Не дайте, государи, от такова грабительства бедным вконец погинуть.

Велите, государи, про такое его, Григорьеву, безмерную гордость и многое грабительство сыскать своим государским праведным сыском и по своему государскому рассмотрению нам, бедным, учинить свою государскую оборонь, чтобы мы, бедные, вашу государскую милостию свет видели и ваша б государская дальняя вотчина, Мангазейская земля, вконец не запустела.» [24]

К челобитной приложена «Роспись, что у кого Григорей Кокорев напрасным насильством, грабительством взял денег, что мне, Ярафейку, от тех людей ведомо.» [25]

Роспись эту мы для краткости приводить не будем.

Челобитная писалась с ведома воеводы Палицына. Как сообщал потом в приказе Казанского дворца Андрей Палицын: «И он де, Ондрей, написав о том ко государю отписку, и того Ярка с тою челобитною и с отписками отпустил из Мангазеи ко государю к Москве, от Григорья Кокорева утаясь.» [26]

А воевода Григорий Кокорев, узнав, что Ерофей Хабаров поехал в Москву с челобитной, послал в Москву отписку только от своего имени, не упомянув второго воеводу Андрея Палицына.

«Государю [М. Ф.] холоп твой Гришка Кокорев челом бьёт.

В нынешнем, государь, во 138 [1629] году, сентября в 1 день, извещал тебе, государю [М. Ф.], а в Мангазейском городе в Съезжей избе нам, холопом твоим, сказывал промышленной человек Соли Вычегодской уезда лалетин Микулка Собинин.

В прошлом де во 137 [1628-1629] году был он, Микулка, для соболиного промыслу в Мангазейском уезде в Пясида. И из Мангазеи де воеводы Тимофей Бобарыкин да Поликарп Полтев посылали в Пясиду для твоего государева ясачного сбору мангазейского стрельца Ивашка Горохова да целовальника Ярафейка Павлова устюжанина.

И как де он, Ивашко Горохов, и целовальник Ярафейко Павлов поехали ис Пясиды в Мангазею, и он де, Микулка, с ними же ехал. И видял де он у служилого у Ивашка Горохова ево, Ивашковых, четыре сорока десять соболей. А у целовальника у Ярафейка з братом ево с Микифорком восемь сороков соболей. И тово де он, Микулка, не ведает, у служилого у Ивашка Горохова купленные ль или промышленные соболи.

А целовальник Ярафейко сказывал ему, Микулке, что были у него з братом покрученики пять человек, и те де они соболи с покрученики своими промыслом добывали. А по твоему государеву [М. Ф.] указу твоим государевым ясачным зборщиком и целовальником, будучи у твоего государева ясачного сбору, торговать и с покрученики своими промышляти соболей не велено.

И мы, холопы твои, того ж часу того Ивашка Горохова и целовальника Ярафейка Павлова с братом ево с Микифорком велели поставить в Съезжую избу и порознь их спрашивать.

И служивой человек Ивашко Горохов нам, холопом твоим, в роспросе

сказал, что он в прошлом во 137 [1628-1629] году из Мангазеи для твоего государева ясачного збору в Пяси́де был, и четыре сорока десять соболей ис Пяси́ды вывез.

А были де с ним, Ивашком, посланы из Мангазеи в Пяси́ду мангазейсково ж стрельца Аврамки Косово две кабалы на пясидцких промышленных на русских людей на Богдашку Белоряса да на Ефимка Мурожкова. И он де, Ивашко, по тем кабалам де Аврамков долг взял на них три сороки соболей. А десять соболей ево, Ивашковы. Была в Пяси́де у промышленных людей зернь. И около де тоё зерни будучи, скопил денег рублёв з дватцать и на те де он деньги у промышленных у русских людей покупал соболи.

Да как де приехал в Мангазейской город, и с тех Аврамовых соболей и с своих твою государеву десятую пошлину в тамо́жне заплатил. И те де ево, Аврамовы, соболи по его, Аврамкову, приказу и отдал мангазейскому же стрельцу Дёмке Тишкову.

А у нево де, Ивашка, осталось от десяты́е своих сорок пять соболей. И ис тех де соболей отнёс, челом ударил, воеводе Поликарпу Полтеву четырнатцать соболей. А достальны́е соболишка платил за мелкие долги, где соболя, где два. А у него де, Ивашка, осталось тех соболей всего две паришка.

А про целовальника, государь, про Ярафейка, Ивашко сказал, что он, Ярафейко, был с ним послан из Мангазейского города в Пяси́ду для твоего государева ясачного збору, и с ним де невеликой товарёнок, топоры и сети, были. И он де на то купил у русских промышленных людей сорок пять соболей.

А брат де ево, Ярафейков, Микифорко Павлов в Пяси́де был же, и ходил с покрученики своими, с пятью человеки. И тех де соболей и брата ево у Микифорка с промыслу пришло восемь сороков. А жил де брат ево, Ярафейков, не в одном с ним зимовье.

И мы, холопи твои, целовальника Ярафейка спрашивали, где он те соболи, сорок пять соболей, взял, купил ли их, или сам промышлял. И Ярафейко нам, холопом твоим, в роспросе сказал, что ево в прошлом во 136 [1628] году в целовальники в Пяси́ду пойти миром наняли. И он де ис Пяси́ды в Мангазею привёз с собою сорок пять соболей. А взял де их в Пяси́де с русских промышленных людей у Богдашка Белоряса да у Ефимка Федотова по кабалам за долг.

А про брата своего про Микифорка сказал, что он с ним живёт не вместе за делом. И промышлял де соболей с покрученики своими в Пяси́де на Хете́реке. А ему де, Ярку, до братних соболей дела нет.

А ныне де у него, Ярка, всего осмнатцать соболей. А в росходе у него вышло: твоей государевы десятой пошлینی в тамо́жне платил пять соболей; да челом ударил воеводе Поликарпу Полтеву шестью соболями; да нам, холопом твоим, мне, Гришке, тре́ма соболями, а воеводе Ондрею Палицыну [двумя] соболями; да паркою челом ударил Ивану Лодыженскому; да он же де взаём дал тамо́женным подьячим Кирилку Ружникову да Петрушке Дмитрееву две паркы.

А про служилого, государь, человека про Ивашка Горохова Ярафейко сказал, что у него четыре сороки десять соболей есть. А имал де он их в

Пяси́де по ка́балам за дол́г у ру́ских у промышле́ных лю́дей. А ка́балы де́ ему́ давал манга́зейской ж стре́лец Авра́мко Косо́й.

А Ми́кифорко Па́влов в роспро́се нам, холо́пом тво́им, сказа́л: живёт он з бра́том сво́им Яра́фейком не вме́сте за де́лом, и живо́ты у них с ним поро́знь. И в то́м де́ промы́слу в ево́, Ми́кифорко́ве, и в по́кручени́ках бра́ту ево́, Яра́фейку, де́ла не́т.

Да о то́м он, Ми́кифорко, би́л челом тебе́, госуда́рю [М. Ф.], а нам, холо́пом тво́им, пода́л челобитну́ю о сы́ску, и сла́лся из ви́новатых на бли́жних сосе́д сво́их, кото́рые непо́далёку их жи́вут, что он, Ми́кифорко, з бра́том сво́им с Яра́фейком жи́вёт за де́лом не вме́сте и не в о́дном уезде́, Яра́фейко де́ жи́вёт в У́стюжском уезде́, а он де́, Ми́кифорко, в Усо́льском уезде́.

А в промы́сле он же́, Ми́кифорко, сла́лся из ви́новатых в обы́ск на промышле́ных лю́дей, кото́рые бы́ли на промы́сле в Пяси́де, в то́м, что он, Ми́кифорко, промы́шлял в Пяси́де о́дин с по́кручени́ки сво́ими в сво́ём зимовье́. А бра́т де́ ево́, Яра́фейко, жи́л в яса́чном зимовье́, и до́ли де́ ему́, Яра́фейку, в те́х промы́шленных собо́лех не́т. И де́сятую тво́ю госуда́реву по́шлину, ис Пяси́лы прише́дчи, в Манга́зейском го́роде в та́можне лпа́тил с те́х собо́лей он, Ми́кифорко. А за де́сятую де́ у него́ оста́лось ше́сть соро́ков семна́тцать собо́лей.

И мы́, холо́пи тво́и, у служи́вого че́ловека у Ива́шка Го́рохова че́тыре собо́ли и у це́ловальни́ка у Яра́фейка Па́влова осмна́тцать собо́лей, кото́рые у них оста́лись за росхо́дом, ве́лели взя́ть в тво́ю госуда́реву ка́зну.

А про́ них, по Яра́фейка́ и про́ бра́та ево́ Ми́кифорка́, мы́, холо́пи тво́и, ве́лели обы́скати торго́выми промы́шленными лю́дьми: вме́сте ли он, Ми́кифорко, жи́вёт з бра́том сво́им с Яра́фейком или́ за де́лом, и в Пяси́де собо́ли он, Ми́кифорко, с по́кручени́ки сво́ими зао́дин ли́ з бра́том сво́им, или́ он, Ми́кифорко, промы́шлял о́соб бра́та сво́его в ы́ном зимовье́.

И нам, холо́пом тво́им, торго́вые и промы́шленные лю́ди сказа́ли, всего́ пять че́ловек, по тво́ему госуда́реву [М. Ф.] крестно́му це́лованью́, что то́т Яра́фейко Па́влов з бра́том сво́им с Ми́кифорком Па́вловым жи́вут вме́сте за де́лом, и жи́вут поро́знь, Я́рко жи́вёт в У́стюжеском уезде́ [в] Во́тложе́нской во́лости в дере́вне Дми́трееве, а Ми́кифорко жи́вёт Со́ли Вы́чегодско́й в О́лексинском ста́ну в дере́вне на Ле́нивице. И в Пяси́ду де́ они́ в про́шлом во 136 [1628] го́ду по́шли Яра́фейко́ с Ми́кифорком не вме́сте и не в о́дном суде́. И в Пяси́де промы́шлял Ми́кифорко о́дин с по́кручени́ки сво́ими, а не вме́сте з бра́том сво́им с Яра́фейком.

И мы́, холо́пи тво́и, про́ служи́вого че́ловека Ива́шка Го́рохова́ и про́ це́ловальни́ка Яра́фейка Па́влова сы́[ски]вали́, что они́ сказа́ли нам, холо́пом тво́им, в роспро́се: ула́рили во́еводе По́ликарпу По́лтеву Ива́шко Го́рохов че́тырнатца́тью собо́льми, а Яра́фейко́ ше́стьма собо́льми. И мы́, холо́пи тво́и, во́еводу По́ликарпа По́лтева́ в Съез́жую избу́ при́зывали́ и роспра́шивали́: служи́лой че́ловек Ива́шко Го́рохов че́тырнатца́тью собо́льми, а Яра́фейко́ це́ловальни́к ше́стью собо́льми, при́шед ис Пяси́ды, ему́ челом уда́рили ли́, и бу́дет ему́ при́несли, и мы́, холо́пи тво́и, о то́м ему́ говори́ли, чтоб он те́ собо́ли ве́лел при́несть в Съез́жую избу́ в тво́ю госуда́реву ка́зну. И

Поликарп нам, холопом твоим, сказал, что к нему Ивашко Горохов и Ярафейко Павлов не принашивали ни одново соболя.

А что, государь, для твоего государьского имени принёс нам, холопом твоим, Ерафейко — мне Гришке, три соболи и воеводе Ондрею Палицыну два соболи, — и мы, холопи твои, те соболи послали к тебе, государю [М. Ф.], к Москве с твоею государевою ясачною и десятою казною вместе..

А Иван Ладыженской сказывал, что де ему Ярафейко не принашивал ни одново соболя. <...>

Да в нынешнем же, государь, во 138 [1630] году, марта в 2 день, принёс в Съезжую избу и положил перед нас, холопей твоих, промышленной человек Мишка Семёнов вологжанин грамотку.

А сказал он, Мишка: как был в Пясиде для соболиного промыслу в прошлом во 137 [1628-1629] году, и послал де с ним, Мишкою, тоё грамотку из Пясиды мангазейской стрелец Лучка Марков к брату своему к Морозу Маркову и велел отдать в Мангазейском городе.

И он, Мишка, брата его в Мангазейском городе не заехал — отпущен до его приезду за твоею государевою казною к тебе, ко государю, к Москве. И он де, Мишка, тоё грамотку, распечатав, досмотрил. И в грамотке написано дело твоё государево на пясидцкого целовальника на Ярка Павлова устюжанина. И он де, Мишка, тоё грамотку держать у себя не посмел, а принёс в Съезжую избу.

И мы, холопи твои, тоё грамотку досмотрели. А в грамотке написано: били челом и извещали тебе, государю [М. Ф.], пясидцкая ясачная самаядь на пясидцкого целовальника на Ярка Павлова, что де тот Ярко им, пясидцкой самойди, в твой государев ясак соболей добрых давать не велел, а велел теми добрыми собольми им, иноземцом, торговать с собою. И твоим де государевым маслом и мукою, которые послано было им, ясачным людем, на корм, он, Ярко, крал и сам тем корыстовался. И тому де у мангазейсково стрельца у Ивашка Горохова и записка есть.

И мы, холопи твои, поставя перед собою целовальника Ярка, против грамотки спрашивали. А в роспросе нам, холопом твоим, он, Ярко, сказывал: пясидцкой ясачной самойди не говаривал, что в твой государев ясак соболей добрых давать не велел, а велел теми добрыми собольми торговати с собою. И с ними, ясачными людьми, он, Ярко, не торговывал и твоего государева масла и муки не крадывал, и не корыстовался — во всём записался.

И мы, холопи твои, поставя перед собою мангазейсково стрельца Ивашка Горохова, против тоё ж грамотки спрашивали. А в роспросе нам, холопом твоим, он, Ивашко, сказывал: как он был, Ивашко, в Пясиде для твоего государева ясачного збору, и от пясидцкой самойди на целовальника на Ярка Павлова извету не слыхал. А слышил де он, Ивашко, от тоё самойди: говорили ему, Ярку, в бране, что де прислано твоё государево масло и мука им, ясачной самойди, а он де, целовальник Ярко, кормит маслом и мукою иную самуюдь, большое де выменивает у них соболи добрые на себя. А записки де у него, Ивашка, тому извету и не бывало.

И в нынешнем же, государь, во 138 [1630] году, июля в 17 день, приехал

из Пясиды в Мангазейской город мангазейской стрелец Лучка Марков. И мы, холопи твои, того Лучку, поставя перед собою, спрашивали: как он был в Пясиде для твоего государева ясачного збору и в Мангазейской город не поехал, остался в Пясиде, и грамотку к брату своему к Морозу Маркову посылал ли, что писано твоё государево дело на пясидцкого целовальника на Ярка Павлова.

И в роспросе нам, холопом твоим, он, Лучка, сказал, что в Пясиде остался потому, что взяла немочь, итти не мог.

А Ярко Павлов шёл в Пясиду и из Пясиды пошёл з братом своим с Микифорком вместе.

А грамотку де такову к брату своему к Морозу Маркову с Мишкою Колчею послал, что целовальник Ярко твоё государево масло и муку крал, и кормил иноземцом. А имал де у них соболи добрые на себя. И то де масло и мука прислано было ясачным людям на жалованье. И в том де на него, Ярка, приходя в ясачное зимовье, хетцкая самаядь, Табачейко да Паруеда Сурекуй с товарищи, извещали.

И у мангазейского де стрельца у Ивашка Горохова тому их извету и записка есть. А другая де записка его, Ивашкова, письма руки у него, Лучки.

И велели мы, холопи твои, то[ё] записку принесть в Съезжую. И того ж часу Лучка Марков в Съезжую избу записку принёс и подал нам, холопом твоим, его, Ивашка Горохова, письма. А в записке писано: приходили в Пясиде в ясачное зимовье хетцкая самаядь, Табачейко да Паруеда Серекуй с товарищи. Извещали на целовальника на Ярка Павлова, что де тот Ярко твоё государево масло и муку крал, и кормил иную самуюдь у себя в анбаре. А то де масло и мука прислано им, ясачным людям. И покупал де у них он, Ярко, на себя соболи добрые.

И мы, холопи твои, мангазейсково стрельца Аврамка Михайлова против Ивашковы скаски Горохова, что он сказал, посылал с ним кабалы он, Ярко, поставя перед собою, спрашивали: с Ивашком Гороховым в Пясиде две кабалы на пясидцких промысленных людей на Богдашку Белоряса да на Ефимка Мурожново посылал ли.

И в роспросе он, Аврамко, сказал, что он таковых дву кабал с ним, Ивашком, не посылал. А посылал кабалу одну в осминадцати рублех на Онисимкова брата Алексеева. И слышыл де он, Аврамко, от Дёмки Тишкова, что по той кабале он, Ивашко, взял только де денег до него, Аврамки, не дохаживали, с ним, Ивашком, он не видался.

И то, государь, знатно, что Ивашко и Ярко Павлов воровали и торговали заедин, и теми собольми делились. А тот, государь, Ярко дан был на поруки з записью до твоего государева указу. И воевода Ондрей Палицын, поймав у них многие соболи, и отпустил того Ярка неведомо куды.

Июля в ... день пришёл он, Ондрей Палицын, в Съезжую избу и лаял меня холопа твоего всякою лаею, и угрожает мне, холопу твоему, резать ножем. И говорил, что де он, Ондрей, тово Ярка научил и послал к тебе, государю [М. Ф.], к Москве бити челом с мирскою челобитною на меня, холопа твоего, ложно.

И многие, государь, торговые и промышленные люди били челом тебе,

государю, а мне, холопу твоему, подали челобитные за своими руками. И я, холоп твой, те их челобитные под сею отпискою послал к тебе, государю, к Москве.

А то, государь, сыскать лъзе, сколько воевода Ондрей Палицын у них, у стрельца у Ивашка и у целовальника Ярка, соболей поимали по записке по таможенным книгам, сколько у них, у Ярка з братом ево с Микифорком, тех соболей было в привозе, и сколько объявилось в продаже, и сколько завладел он, Ондрей Палицын, что им в их воровстве норовит. И мне б, холопу твоему, в том воровстве ево, Ондрееве поноровке, от тебя, государя, в опале не быть.» [27]

В челобитной торговых и промышленных людей написано:

«Царю [М. Ф.] быют челом сироты твои:

Мангазейского города заказной целовальничишко Серёшка Немков,
[далее перечислено поимённо порядка 40 человек — Г. К.]

все торговые и промышленные люди розных городов, кои в сей челобитной имяны писаны.

Ведомо, государь, нам учинилось, сиротам твоим: в нынешнем во 138 [1630] году, июля в 16 день, пошёл де бить челом тебе государю [М. Ф.] устюжанин Ярко Святицкой на твоего государева воеводу Григорья Ивановича Кокорева, не ведаем с какой челобитной.

А мы, сироты твои, того Ярка с такими челобитными не посылавали. А нам, сиротам твоим, от твоего государева воеводы Григорья Ивановича Кокорева и по сё число продаж и налогов никаких не бывало, и никакова дурна мы, сироты твои, от Григорья Ивановича Кокорева не видали.

<...> Не вели, государь, нам, сиротам своим, в его, Яркове, челобитье вконец напрасно погибнуть. [28]

Такого же содержания была ещё одна челобитная.

«Царю [М. Ф.] быют челом сироты твои государевы, Спирька Офонасьев да Селиванко Мануйлов казанцы.

В нынешнем, государь, во 138 [1630] году, июля в 17 день, пошел де бить челом тебе, государю [М. Ф.] устюжанин Ярко Светицкой на твоего государева воеводу на Григорья Ивановича Кокорева, не ведаем с какою челобитною.

А мы, сироты твои государевы, того Ярка ни с какими челобитными не посылавали, и нам, сиротам твоим государевым, от твоего государева воеводы Григорья Ивановича Кокорева налоги не бывало и дурна никакого не видали.

<...> Не вели, государь, его ложному челобитью поверити, чтобы нам, сиротам твоим, в его ложном челобитье вконец не погинуть. [29]

В таможенной книге 138 [1629-1630] года, в которой утрачено начало и не указываются даты, есть две записи о Хабарове:

«Коч Ивана Гаврилова Шелковника <...>

Платил поголовные деньги Ярко Павлов дватцетъ алтын.» [30]

«Коч Ивана Агиева Большекова иезенца <...>

Платил поголовные деньги Ярко Павлов дватцетъ алтын.» [31]

Может быть, они относятся к отъезду Хабарова из Мангазеи. Только непонятно, почему не одна, а две записи.

Челобитная Хабарова была доставлена в Москву спустя полгода после его отъезда из Мангазеи. Однако, подал эту челобитную не сам Хабаров, а племянник воеводы Палицына. Об этом в делах приказа Казанского дворца сделана запись:

«139 [1630], декабря в 14 день, в приказе Казанского дворца боярину князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому да дьяком Ивану Болотникову да Ивану Грязеву подал Ондreja Палицына племянник Богдан Палицын изветную челобитную устюжанина промышленного человека Ярофейка Павлова на воеводу на Григорья Кокорева. А в челобитной написано:» [32]

Далее излагается челобитная, которую мы привели выше.

Между тем, противостояние между воеводами Кокоревым и Палицыным стало ещё более острым и непримиримым. Об этом противостоянии стало известно в Москве из жалобы мангазейских торговых и промышленных людей на воеводу Кокорева. Челобитная была подана тобольским воеводам, а те отправили её в Москву. В отписке они сообщали:

«Государю [М. Ф.] холопи твои Федька Телятевской, Федька Погожей, Митка Прокофьев, Наумко Петров челом бьют.

В нынешнем, государи, во 139 [1631] году, июня в 15 день, приехал в Тоболеск из Мангазеи торговой человек вологженин Стахейко Корнилов и бил челом тебе, государю, а нам, холопом твоим, торговых и промышленных людей розных городов заказново целовальника Карпуньки Степанова вологженина с товарищи подал за руками челобитную на воеводу Григорья Кокорева.» [33]

К отписке приложена челобитная, начало которой отсутствует. Мы приведём из неё лишь самую существенную часть.

«...и все торговые и промышленные людишка, которые, государь, пришли в твою государеву дальнюю отчину в Мангазею, в Тазовской город, во 138 [1630] году ко 139 [к 1 сентября 1630] году с своими рускими товаришками и с хлебными запасы торговать, а иные многие торговые и промышленные людишка для соболиного промыслу.

И в Мангазее, государь, в Тазовском городе, твои государевы воеводы Григорей Иванович Кокорев да Андрей Фёдорович Палицын твоих государевых всяких дел в Съезжей избе вместе при нас не делявали, а промеж собою учинилась у них брань, великая вражда.

И нам, торговым и промышленным людишкам, оне, твои государевы воеводы Григорей Иванович Кокорев да Андрей Фёдорович Палицын, друг на друга являют твои государевы великие дела и называют друг друга изменниками.

И в прошлом же, государь, во 138 [1630] году, августа в 22 день, на приходе, как мы, торговые и промышленные людишка, пришли в Мангазею, в Тазовской город, и твой, государь, воевода Григорей Иванович Кокорев нас, торговых и промышленных людишек, велел собрати, которые тут были, служилым людям, а сказал, что для твоего государева дела. Собрав нас, сирот твоих государевых, велел нам итти с собою за город к реке до кочей, которые, государь, кочи пришли из сибирских городов.

И мы, сироты твои государевы, твоего государева наказу не ослушались

и с воеводою Григорьем Ивановичем Кокоревым к реке до кочей шли. И воевода Григорей Иванович Кокорев велел нам, сиротам твоим, за собою итти на коч, которой, государь, дан им коч обеим воеводам в Сибири в Тобольске по их де воевоцкие всякие запасы. И мы, торговые и промышленные людишка, на коч взошли. И Григорей Иванович велел тот коч сверху палубы розсечь. А сказал нам, сиротам твоим, что есть де в полубах в том коче заповедной товар Андрея Фёдоровича, брата ево Игнатя Васильева, вино горячее.

И воевода Андрей Фёдорович прислал в те поры брата своего Игнатя Васильева да племянника Гаврила Савельева. И брат ево, Игнатей, пришёл на коч, Григорью Ивановичу стал говорить: почему де, Григорей Иванович, брата моего Андрея Фёдоровича живот и вино имешь.

И Григорей Иванович стал ево, Игнатя, бранить. И стала у них меж собою брань. И в те поры, государь, з берегу прибегли ево, Григорья Ивановича, люди на коч с оружием и почали, государь, на коче Игнатя да Гаврила и людей Андрея Фёдоровича сечь саблями. И в те поры, государь, мы, торговые и промышленные людишка, от тех сабель бросались прямо с коча в воду.

Да в нынешнем, государь, во 139 [1630] году, декабря в 27 день, приходил твой государев воевода Андрей Фёдорович Палицын в Успенскую трапезу, а нам, сиротам твоим, торговым и промышленным людишкам, являл на твоего государева воеводу на Григорья Ивановича Кокорева твои государевы изменные дела.

И уздав Григорей Иванович, что пришёл Андрей Фёдорович в Успенскую трапезу на него, Григорья Ивановича, с изветом, а в те поры Григорей Иванович с своими людьми прибегл на Успенскую башню с оружием, и оружие в бойницы велел людям своим и скласти.

Да с ним же государь пришли торговые люди Митрей Кондратьев вятчанин да Степан Максимов Конищев, да Иван Фролов казанцы, да черкашени Алексей Фёдоров Шадра да Степан Григорьев Корытов.

И того ж, государь, часа прибегли ис паперти в трапезу Андрея Фёдоровича люди, а сказали ему, Андрею, что Григорей Иванович на Успенской башне с своим людьми с оружием стоит.

И воевода Андрей Фёдорович ис трапезы один итти не посмел. А велел он с собою для обереганья троецкого священника Василья Иванова Берёзова города да дьякона Семёна Исаева Серебреника, да Василья Деева, да торговых и промышленных людей, которые были в трапезе, чтоб ево, Андрея Фёдоровича, довести до двора его цела. И троецкой священник Василей Иванов да диакон Семён Исаев Серебреник, да Василей Деев, и торговые и промышленные люди, которые были в те поры в трапезе, ево, Андрея Фёдоровича, до двора его проводили.

Да мы же, сироты твои государевы, слышили, что Григорей Иванович Кокорев хотел Андрея Фёдоровича с Успенские башни ис пищали убити. И мы, сироты твои государевы, помня тебя, государя [М. Ф.], и твоё государево крестное целование, за такие твои государевы великие дела миром стали и меж собою мы, сироты твои государевы, одинашную запись, что нам,

сиротам твоим государевым, говорити им о том, воеводам, о таких великих делах встрешно вправду, чтоб, государь, твоя дальная отчина не запустела, и городу и казне бы твоей государственой поруки не было.

Да нас же, сирот твоих государевых, воевода Григорей Иванович Кокорев емлет в твою государеву в Съезжую избу и велит нам, сиротам твоим государевым, по неволе силно руки прикладывати ко всяким невместным делам, которые, государь, дела промеж собою у них чинятца. А которые, государь, торговые и промышленные людишка к таким делам рук своих не прикладывают, и Григорей Иванович тех людей бьёт и увечит нещадно. А иные торговые и промышленные людишка, убоясь ево, Григорья, к таким невместным делам руки прикладывали. А угрожает он нас, сирот твоих, всячески.

Да в нынешнем же, государь, во 139 [1631] году, генваря в 2 день, твой государев воевода Григорей Иванович Кокорев, собрав мангазейских стрельцов с жёнами и з детьми в город, и на городе вново бойницы на двух стенах испросёк. А городовые, государь, ворота он, Григорей, отпирает и запирает в половину дня. А священника к нам, сиротам твоим, из города на посад ни которого не выпускает.

А нас, сирот твоих государевых, Григорей Иванович емлет на всякие сутки в город по десяти человек на караул. И мы, сироты твои, твоего государева города и казны караулим, чтоб твоему государеву городу и казне поруки некоторые не было. А другому государь твоему воеводе Андрею Фёдоровичю Палицыну мы, сироты твои, даём же для обереганья мирских людей на сутки во двор к нему по четыре человека.

Да нас же, бедных сирот твоих, торговых и промышленных людишек, твой государев воевода Григорей Иванович Кокорев называет изменниками, потому что мы, сироты твои, помня тебя, государя [М. Ф.], и твоё государево крестное целованье, за такое великое звательство миром стали, опричь его советников. Писали тебе, государю [М. Ф.], а в Мангазейском городе подали челобитную за своими руками твоему государеву воеводе Андрею Фёдоровичю Палицыну в том, чтоб нам, бедным сиротам твоим государевым, в том в вышеписанном зательстве и в неповинном обгательстве не погинуть.

А ведати б нас, сирот твоих государевых твоему государеву воеводе Андрею Фёдоровичю Палицыну во всяких твоих государевых делах и в мирских, хто на ково побьёт челом, расправа чинить до твоего государева указу.

А мы, бедные сироты твои государевы, тебе, государю, не изменники и во всём не сильны.

Да он же, Григорей Иванович Кокорев, приставил своих людей в городских воротах у тюрьмы и на городе караулить мимо служилых людей. А городовые ключи и тюремные отдал людям своим. А которых, государь, людей он, Григорей, сажает безвинно в тюрьму, и не велит нас, сирот твоих, своим людям с милостынею к тюрьме припустить. И оне, сидя в тюрьме, голодную смертью помирают.

А мы, бедные сироты твои государевы, от него, Григорьевых, налогов стали без торжишку и без промыслишку, живучи в Мангазее, обнишали и обсиротали, великими долги обдолжали.

Милосердый государь [М. Ф.], пожалуй нас, бедных сирот твоих, чтоб нам, бедным сиротам твоим государевым, в том вышемерном затействе и от него, Григорья Ивановича, в ложной измене вконец не погинути, и от тебя, государя [М. Ф.], не быть нам, сиротам твоим, в великой опале и в казни.» [34]

После отъезда Хабарова из Мангазеи противостояние между воеводами дошло до вооружённой борьбы. Андрей Палицын собрал своих сторонников в посаде и осадил город, в котором засел Григорий Кокорев со своими сторонниками. Кокорев отстреливался даже из пушек. Когда настала весна, Палицын снял осаду, сел на суда и уехал на Енисейский волок собирать ясачную соболиную казну.

«Между тем, — писал С. В. Бахрушин, — тобольская администрация, уведомленная Кокоревым о происшедшем и обеспокоенная этим, прислала в Мангазею сына боярского Филиппа Оболянинова с приказанием доставить в Тобольск Палицына, которого считали главным виновником <<мужичьго воровства>>. Палицын не подчинился требованиям тобольских властей, закончил свои дела на Енисейском волоку и затем вместе с собранной им государевой соболиной казной и с караваном ехавших на Русь торговых и промышленных людей проплыл мимо Мангазейского города, везя с собою в качестве улики каменные и железные ядра, выпущенные Кокоревым по посаду.

В Тобольске он был задержан до весны следующего 1632 года, когда получена была царская грамота о высылке его к Москве. Кокорев в это время оставался в Мангазее для сдачи дел новым воеводам Давыдову и Клокачёву.» [35]

О дате прибытия в Мангазею и Василия Давыдова и Дмитрия Клокачова, известно из их отписки: «И мы, холопи твои, в Мангазейской город приехали в прошлом во 139 [1631] году, августа в 26 день.» [36] Новые воеводы приехали не одни.

«В 1631 году, июля в 29 день, по государеву указу посыланы были из Тобольска в Мангазею сыскивать про воевод про Григорья Кокорева да про Андрея Палицына писмянной голова Степан Борисович Юрьев да старой подьячей ясашного стола Фёдор Иванов. А в 1633 году приезжал с Москвы в Тоболеск государев дворянин Грязной Бартенев-Чюлков по мангазейских воевод по Григорья Кокорева с сыном Иваном и, взяв их обоих, повёз скованных в Москву.» [37]

С Андреем Палицыным обошлись помягче. У С. В. Бахрушина написано: «По прибытии в Москву в сентябре Андрей Фёдорович был посажен за домашний арест на собственном дворе, но при его ловкости и таланте в интриге скоро сумел совершенно оправдаться. Уже 4 февраля 1633 г. он был допущен к государьской руке и в тот же день был у благословения у государева отца. Никаких последствий для его дальнейшей карьеры бурные мангазейские события не имели.» [38]

До отправки Григория Кокорева в Москву в Тобольске вёлся сыск, было собрано огромное количество жалоб на Григория Кокорева. Были допрошены брат Андрея Палицына Игнатий и племянник Богдан.

«В нынешнем во 141 [1632] году взято в подголовках у Игнатя да у Богдана Палицыных кабалы и памяти, и грамотки, и росходная тетрать, и травы, и корень.» [39]

Среди них была обнаружена кабала, которую дал Хабаров Андрею Палицыну:

«Се яз, Ярафей Павлов сын,
да яз, Микифор Павлов сын,
да яз, Роман Дмитриев сын Кузнецов,

все мы трое, устюжана, заняли есмя в Мангазейском городе у Андрия Фёдоровича Палицына тридцать рублёв денег московских, ходячих, прямых, без записи до сроку до Николина дни вешняго [9 мая — Г. К.] 139 [1631] году без росту.

А поляжет кабала [написано: кабана — Г. К.] на сроце, и нам, заимщикам, рост на деньги лавать на пять шестой. А где ся кабала выляжет, тут по ней суд и правёж со всеми кабальными убытки. А хто с сей кабалой станет, тот по ней и истец. А которой нас, заимщиков, влицах, а исцу люб, на том и деньги безрозвытно, все сполна.

На то послух Второй Владимиров колмогорец.

А кабалу писал Якунька Михайлов сын Харлов.

Лета 7138 [1630], апреля в 14 день.» [40]

На обороте: «Заимщик Ромашко Дмитриев руку приложил.»

Ромашко Дмитриев Кузнецов — отставной подьячий мангазейской Съезжей избы. [41] Подробности о его отношениях с Хабаровым неизвестны. Когда Игнатия Палицына спросили, что это за кабала, он ответил:

«А что де кабала устюжан посадцких людей на Ярофейка Павлова с товарыщи в тридцати рублех, и в том ответ даст Ондрей Палицын, потому что деньги давал Ондрей, а не он, Игнатей.» [42]

Получается, что эти деньги были взяты для уплаты какого-то долга посадским людям перед отъездом Хабарова в Москву. Был ли Хабаров разорён и у него не нашлось своих денег, чтобы уплатить эту небольшую сумму, неизвестно.

Но вот что писал в изветной челобитной, поданной в Тобольске, ясачный сборщик стрелец Якунька Семёнов Гирия:

«Да он же, Григорей Кокорев, ограбил прошлого 137 [1629] году пясидсково ясачного целовальника Ярофея Павлова своим великим насильством на восьмьсот рублёв.» [43]

А у Ф. Г. Сафронова читаем:

«Хабаровы, вероятно, вернулись домой с немалыми «добытками», и если это так, то первая поездка братьев за «камень» принесла им удачу.» [44]

Видим, что не так.

Кроме упомянутой челобитной Андрей Палицын привёз в Тобольск ещё четыре изветные челобитные, где упоминается Хабаров. Все они были поданы Палицыну в Мангазее людьми, которых принудили приложить руки к челобитным о том, что им от Григория Кокорева обид нет. В челобитной, поданной Ивашкой Савиным, написано:

«Государю [М. Ф.] бьёт челом и извещает торговое человеченко Иваш-

ко Савин колмогорец на твоего государева воеводу на Григорья Ивановича Кокорева.

В нынешнем, государь, во 138 [1630] году писали меня, Ивашка, в челобитную заводчики и советники ево, Григорьевы, заочи Леонтей Иванов сын Толстоухов устюжанин да Микифор Иванов сын Скрипин ярославец, да Дружина Иванов сын Щепоткин с ним, Григорьем, по заочному совету, што пошел бити челом к Москве Ярко Святитцкой устюжанин государю [М. Ф.] на него, Григорья Ивановича Кокорева.

И я, государь, Ивашко, в тоё их челобитную писался по неволи, по их, заводчиковых, умышленьем с ним, Григорьем Ивановичем, совету.

И в нынешнем же, государь, во 138 [1630] году, июня в 18 день, взяли меня, Ивашка, из анбаришка моего человек ево, Григорья, Трифан и привёл меня, Ивашка, на двор к нему, Григорью Ивановичю Кокореву, и велел мне, Ивашку, тот Григорей с своими советники, с Микифорком ярославцом с товарищи, которые в сей челобитной имяны писаны, руку прикладывати к челобитное, а угрожаючи мне, Ивашку, тот Григорей Иванович с теми своими советники, с Никифором ярославцом с товарищи, смертным убийством, так же как и таможенново голову Тимофея Бармина.

И я, государь, сирота твой, блюдяся от нево, Григорья Ивановича, с теми ево заводчики смертново убийства, по их неволи к той их челобитной у нево, Григорья, на дворе руку приложил.

А тово, государь, не ведаю, хто у них тоё их челобитную писал.

<...> Вели, государь, сю мою изветную челобитную, приняв, записать твоему государеву воеводе Андрею Фёдоровичю Палицыну, чтоб, государь, мне, сироте, в той их заводной челобитной вконец не погинуть.» [45]

На обороте хорошим почерком написано: «К сей челобитной Ивашко Савин руку приложил.»

Во второй челобитной написано кратко:

«Государю [М. Ф.] бьёт челом и извещает торговое человеченко Васка Леонтьев Дрягин на твоего государева воеводу на Григорья Ивановича Кокорева.

В нынешнем, государь, во 138 [1630] году, июля в 18 день, писался я, Васка, в челобитную на Ярка Святицкого, что он, Ярко, пошел к Москве бити челом государю [М. Ф.] на Григорья Ивановича Кокорева.

И я, государь, Васка, в ту челобитную писался по неволи, по его, Григорьеву, веленью, блюдяся от него, Григорья Ивановича, смертных побоев.

<...> Вели, государь, мою челобитную, приняв, записать твоему государеву воеводе Андрею Фёдоровичю Палицыну.» [46]

На обороте уверенным, размашистым почерком: «К сей челобитной Васка Леонтьев руку приложил.»

Третья челобитная такого же содержания была от двух торговых людей: Спирьки Офонасьева и Сельки Козицы, и четвёртая тоже от торгового человека Первушки Емельянова пинежанина. [47]

В Тобольске был выявлен круг свидетелей, которые могли дать показания по делу. Эти свидетели уже разъехались по разным городам.

В 1632 году в приказе Казанского дворца была составлена «Роспись

Мангазейсково и Берёзова городов служилым и приезжим розных городов торговым и промышленным, и всяким людем, до которых дошло мангазейское сыскное дело по отпискам воевод Григорья Кокорева да Ондreja Палицына, каковы они писали из Мангазеи ко государю [М. Ф.] к Москве и вТоболеск. А выехали те люди из Мангазеи в прошлом во 138 [1629—1630] и во 139 [1630—1631] году.» [48]

Выпишем из этой росписи только то, что имеет отношение к Ерофею Хабарову.

«Устюжанин торговой человек Ярофейко Павлов.

В Ярофейкове челобитной, какову челобитную подал на Москве в Казанском дворце боярину князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому да дьяком Ивану Болотникову да Ивану Грязеву в прошлом во 139 [1630] году Ондреев племянник Палицына Богдан Палицын на Григорья Кокорева во многих Григорьевых насильствах и в грабежах, и про винную посылку: в прошлом во 138 [1630] году посылал Григорей Кокорев на Турухан в большие зимовья человека своего Трифана, а с ним посылал на продажу пятьдесят вёдер вина горячево.

Да и Григорей де Кокорев и, в Мангазее будучи, вино в вёдра и в скляницы, и в чарки продавал же. И торговые и промышленные люди на том ево вине испропились, и мангазейские де служилые люди государево денежное и хлебное жалованье на том ево прежнем вине пропили же.

Да в прошлом же во 139 [1630] году, декабря в 9 день, писал ко государю к Москве на Ярофейка Святицково Григорей Кокорев: в прошлом де во 138 [1629] году писал ис Пясиды в Мангазею служилой человек Лучка Марков к брату своему к Морозу Маркову грамотку [написано: храмотку — Г. К.]. А в той де грамотке написано на нево, Ярофейка, государево дело, что извещала на него на Ярофейка пяситцкая самоядь, что он, Ярофейко, им в государев ясак добрых соболей давати не велел, а велел теми добрыми собольми торговати [с] собою на товар.

Да на того же, Ярофейка, да на служилово человека на Ивашка Горохова сказывал им, Григорью Кокореву и Ондрею Палицыну, Соли Вычегоцкой промышленной человек Микулка Собинин: как де они, Ярофейко и Ивашко, были в Пясиде для государева ясачново збору и ис Пясиды поехали в Мангазею, а он де, Микулка, поехал с ними ж, и видел у них, у Ивашка Горохова четыре сорока десять соболей, а у Ярка восемь сороков соболей. А где де они те соболи взяли, того де он, Микулка, не ведает. А торговати де им, Ярофейку и Ивашку, ходя по ясак, не велено.

И про те де соболи они, Григорей и Ондрей, сыскивали. А что в сыску сказано, и про то де Григорей Кокорев ко государю к Москве подлинно не писал.

А Ярофейко им, Григорью да Ондрею, в роспросе сказал, что он привёз ис Пясиды мяхкие рухляди сорок пять соболей. А взял де те соболи у промышленных у русских людей, у Богдашка Белоряса да у Ефимка Федотова, по кабалам за долг. И государеву де десятую пошлину с тех соболей в Мангазее он платил.

А про служилово человека про Ивашка Горохова он, Ярофейко, сказал,

что у него, у Ивашка, было мяхкие рухляди пясичких четыре сорока десять соболей. А взял де он, Ивашко, те соболи по кабалам у промышленных у русских людей за долг же. А дал де ему те кабалы мангазейской стрелец Аврамко Косой.

А в государеву де казну взято у них в Мангазее тех соболей у Ивашка Горохова четыре соболи, а у нево, Ярофейка, осмнатцать соболей, что у них осталось за расходом.

Да он же де, Ярофейко, покрад государев запас, масло и муку, которым запасом велено кормить пясичкую самуюдь. А извещала де про то хецкая самуюдь, приходя в Пясиду.

А отпустил ево из Мангазеи к Москве, взял у него соболи, Ондрей Палицын.» [49]

Здесь Хабаров назван не промышленным, а торговым человеком. Видимо, какой-то чёткой грани между этими людьми не было.

Колмогорец торговой человек Ивашко Савин.

В изветной ево челобитной, какову челобитную подал в Тобольску Ондрей Палицын, написано:

В прошлом де во 138 [1630] году Григорьевы советники Кокорева устюжанин Лёвка Толстоухов да Микифорко Иванов, да Дружинка Щепёткин по совету з Григорьем Кокоревым ево, Ивашка, челобитью, бутто им, торговым и промышленным людям, от Григорья Кокорева обид никаких нет, и что торговой человек Ярко Светицкой пошёл к Москве на него, Григорья, государю бити челом без их мирского совету, велели де челобитную написать заочи.

Да в отписке Ондreja Палицына, какову он прислал из Мангазеи в Тоболеск в прошлом во 139 [1631] году, июня в 7 день, написано, чтоб ево, Ондreja, государь пожаловал: велел того Ивашка для своих государевых великих дел взяти в Тоболеск и поставить с ним, Ондреем, с очей на очи, Ивашка Савина на улику воровству Григорья Кокорева, что изневолил ум ево Григорей Кокорев к составной челобитной руку прикладывать сильно. И иных многих людей приневолил и для иных государевых дел.

А тот Ивашко из Мангазеи выехал к Руси.

Устюжанин Васка Левонтьев Дрягин.

В изветной ево, Васкине, челобитной, какову подал в Тобольску Ондрей Палицын, написано:

В прошлом де во 138 [1630] году, июля в 18 день, в челобитную он, Васка, на Ярка Светицково, что тот Ярко пошёл к Москве государю бити челом на Григорья Кокорева писался по неволе по ево, Григорьеву, велению, блюдаясь от него, Григорья, смертных побоев.

А тот Васка выехал из Мангазеи к Руси.

Казанцы торговые люди Спирька Офонасьев, Сенька Мануйлов да пенезжанин Первушка Омелянов.

В дву изветных их челобитных, каковы подал в Тобольску Ондрей Палицын, написано:

В прошлом де во 138 [1630] году заводители и советники Григорья Кокорева устюжанин Лёвка Толстоухов да Микифорко Иванов Скрыпин,

да Дружинка Щепёткин по совету з Григорьем Кокоревым их, Спирьку и Сеньку, и Первушку, в челобитную, что будтося им, торговым и промышленным людям, от Григорья Кокорева обид никаких нет, и велели написать заочи, что торговой человек Ярко Святицкой пошёл к Москве на него, Григорья, государю бити челом без их мирского совету.

Да о них же, о Спирьке и о Сеньке, в прошлом во 139 [1631] году, июня в 7 день, писал в Тоболеск Ондрей Палицын, чтоб ево, Ондreja, государь пожаловал: велел их, Спирьку и Сеньку, для своих государевых великих дел взяти в Тоболеск и поставити с ним, Ондреем, с очей на очи Спирьку да Сеньку казанцев на улику воровству Григорья Кокорева, что изневолил их Григорей Кокорев к составной челобитной руку прикладывать сильно, и иных многих приневолил и для иных государевых дел.

А Спирька и Первушка выехали из Мангазеи к Русе » [50]

Чтобы их собрать в Москву, было решено послать грамоты воеводам соответствующих городов с указом отправить немедленно свидетелей в Москву.

«Лета 7140 [1632], мая в 27 день. По государеву [М. Ф.] [указу] память дьяку Пантелею Чирикову.

В нынешнем во 140 [1632] году писали ко государю [М. Ф.] из Сибири ис Тобольска стольник и воевода князь Фёдор Телятевской с товарищи и прислали роспись поморских городов торговым и промышленным людям, которые объявились в мангазейском сыскном деле по отпискам и по роспросу мангазейских воевод Григорья Кокорева да Ондreja Палицына. А ис Сибири те люди прошли к Русе через Камень.

А по государеву указу тех торговых и промышленных людей велено с мангазейскими воеводы, ставя с очей на очи, спрашивать на Москве.

А хто тех торговых и промышленных людей имяны и которого города, и тому послана тебе роспись под сею памятью за дьячьёю приписью.

И по государеву [М. Ф.] указу дьяку Пантелею Чирикову велети в те города к воеводам и к дьяком послати государевы грамоты: тех торговых и промышленных людей за порукою прислати к Москве тотчас.

А как тех торговых и промышленных людей воеводы из городов к Москве пришлют, и тех людей для роспросу и очные ставки прислати в приказ Казанского дворца к боярину ко князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому да к дьяком к Фёдору Панову да к Ивану Переносову.

Роспись торговым и промышленным людям, которые объявились в мангазейском в сыскном деле

по отпискам и по роспросу мангазейских воевод Григорья Кокорева да Ондreja Палицына

Устюжания, торговые люди:

Ерофейко Павлов

Елизарко Шадр

Демидко Фешевкин

Васка Прокофьев

Васка Леонтьев Дрягин

Федька Омелянов

Завьялко Семёнов

Петрушка Семёнов Воробьёв

Тотменя:

Фомка Васильев

да Степанко, был в Мангазее в казённых целовальниках. А чей Степанко словёт, того в росписи не написано.

СолиКамской торговой человек Васка Ларионов сын [Ю]гов.

Соли Вычеготской Васка Яковлев Мутовкин лалетиня Тихонко Александров.

Припись у памяти и у росписи дьяка Фёдора Панова.

А в Костромскую четь к дьяку к Микифору Спиридонову о ярославцах о торговых людех, о Бориске Фёдорове да о Лёвке Дмитриеве Петелине, да о муромце о Дёмке Капканшике ... име память такова ж послана за приписью дьяка Ф[ёдора] Панова.» [51]

Правда, этот список не совсем совпадает с предыдущим.

В Москве Григория Кокорева содержали не так уж строго. Андрей Палицын даже подавал челобитную:

«Царю, государю и великому князю Михайлу Фёдоровичю всеа Руси и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси бьёт челом холоп ваш Андрюшка Палицын.

В нынешнем, государи, во 141 [1633] году по вашему государьскому указу привезён за приставом ис Тобольска в Казанский дворец Григорей Кокорев, и был в Казанском дворце не по один день. А с ним, Григорьем, в те поры ничево в Казанской дворец не привезено. И отдан Григорей из Казанского дворца за пристава князю Василью Борятинскому. А приказано ему, князю Василью, беречь Григорья Кокорева крепким береженьем и никаково к нему не припускать, и ево никуда не отпускать же.

И после, государи, того приказу вашего государева боярина Дмитрея Мамстрюковича Черкасского да дьяков Фёдора Панова да Ивана Герасимова взято на дворе князя Василья Борятинского две коробки за ево, Григорьевою, печатью, неведомо с чем, и принесены в приказ Казанского дворца.

<...> Велите, государи, про то Григорья Кокорева и пристава ево ропросить, отколе те коробки взялися м хто их ко князю Василью на двор принёс после тово как он, Григорей, дан за пристава. И то, государи, знатно, что привезли те коробки ему, Григорью, друзи ево, которые ево соболи и деньги привозили, потому что те коробки в Тобольску и здесь в Казанском дворце с ним, Григорьем, вместе в приказе не объявились, а опосле к приставу на двор неведомо от ково и с кем перешли.» [52]

Когда допросили Кокорева, тот сказал, что в коробьях были письма. На этом дело и кончилось.

Разбирательства в приказе Казанского дворца были долгими. Запись об этом составляет несколько больших столбцов, довольно неупорядоченных. Мы из них выделим только то, что имеет отношение к Хабарову.

В допросных речах Григория Кокорева на отписку Андрея Палицына, полученную в приказе Казанского дворца 12 ноября 1630 года, записано:

«А соболей де он, Григорей, у тех людей, которые приходили в Тазовской город с Енисея и с Турухана, сильно не имывал и не купливал.

А что ему, Григорью, торговые и промышленные люди соболей или иной какой рухляди приносили для государева имяни, и он де те соболи и иную рухлядь посылал ко государю. А у иных де людей ни у ково, опричь промышленных людей Ярка Святицкого з братом да хантайсково промышленово человека, соболей в Съезжую избу не имывал и их самих за приставов не отдаывал, и посулов с них, денег и бархатов, и отласов, не имывал же. И из соболей у них себе соболей не выбирывал.

А у промышленово де человека у Ярка Святицкого з братом взяты были соболи по извету промышленово человека Микулка Собинина, что он, Ярко, был в Пясиде для ясачново збору в целовальниках и покупал де у ясачных людей на себя мяхкую рухлядь. А торговать было ему, ходячи по ясак, не велено. А брат де ево, Ярко, с ним же, с Ярком, вместе был.

И он де, Григорей, велел было у того Ярка соболи опять взять в государеву казну. И Ондрей Палицын, норовячи тому Ярку, из Мангазеи его, Ярка, отпустил, написав ему, Ярку, на него, Григорья, воровски, ложно, челобитную. А соболями Ярьковыми он, Ондрей, сам завладел. А сколько соболей у Ярка было, тово де он, Григорей, не упомнит.

А сыскивали де про те соболи он, Григорей, и Ондрей Палицын вместе. И тех де было соболей он, Григорей, Ярку Светицкому и брату ево из государевы казны отдавати не хотел. И на нево де. на Григорья, приходили торговые и промышленные люди по Ондрееву наученью Палицына с шумом и хотели его, Григорья, за те Ярковы соболи убить.

Да и Ондрей де Палицын ево, Григорья, за то лаял. И он де, Григорей, боясь убийства, те соболи Ярку и брату ево отдал вместе ж с Ондреем Палицыном. И отпись у них в тех соболях взята.

А после де того на того ж Ярка в тех же соболях им, Григорью и Ондрею, волженин прмышленной человек Мишка Колча и положил грамотку служилого человека Лучки Маркова. А в той грамотке написано, что тот Ярко, збираючи в Пясиде государев ясак, воровал: покупал добрые соболи у иноземцов, а [в] государев ясак велел им худые соболи. А для своево торгу кормил тех иноземцов государевыми запасы.» [53]

«И против Григорьевых роспросных речей Кокорева допрашиван Андрей Палицын <...>

кого промышленных людей, опричь Ярка Святицкого, Григорей Кокорев для своей бездельной корысти в тюрьму сажал и за приставом держал?

и у Ярка Святицкого по чьему извету соболи взяты?

и он, Ондрей, про те Ярковы соболи з Григорьем Кокоревым вместе сыскивал ли?

и Григорей Кокорев тех соболей Ярку из государевы казны отдавати не хотел ли?

и за то его, Григорья, он, Ондрей, лаял ли?

и торговых и промышленных людей с шумом на него приходити научал ли?

и после того в тех же соболях воложанин промышленной человек Мишка Колча им, Григорью и Андрею, на Ярка Святицкого извешал ли?

и грамотку служилого человека Лучки Маркова положил ли?

и в той грамотке написано ль, что тот Ярکو, собираючи в Пяси́де госуда-
рев ясак, воровал: покупал у иноземцов добрые собо́ли на себя, а в госуда-
рев ясак велел им класть худые собо́ли?

и для торгу тех иноземцов кормил ли государевыми запасы?

и Григорей Кокорев у того Ярка опять собо́ли в государеву казну взять
велел ли?

и он, Ондрей, норовячи тому Ярку, из Мангазеи его, Ярка, отпустил ли?

и ложно челобитную ему на Григорья Кокорева написал ли? [54]

На эти вопросы Андрей Палицын давал следующие показания:

«Да ему ж де, Ондрею, извещал устюжанин торговой человек Ярофейко
Павлов: как де ему, Ярофейку, Григорей Кокорев из Съезжие избы собо́ли
отдал, и он у него взял лутчей сорок собо́лей себе. А иную лутчую рухлядь у
нево поимал же. [55]

«А в тюрьму де сажал Григорей Кокорев, и опричь Ярка Святицкого,
многих торговых и промышленных людей.» [56]

Это уже новое, ранее не сообщалось, что Хабарова Григорий Кокорев
сажал в тюрьму.

«А у Ярка Святицкого взяты были собо́ли по извету промышленного че-
ловека Микулки Собинина. А научил де Микулку на Ярка в тех собо́лях
извещати для своей бездельные корысти Григорей же Кокорев. И по сыску
де те собо́ли Ярку отдали они з Григорьем Кокоревым оба вместе и отпись у
Ярка в тех собо́лях в государеву казну взяли. А оттого де Григорей Кокорев
взял у Ярка сорок собо́лей да исподы шапочные. А сколько исподов взял,
того де он, Ондрей, не ведает. А сказывал ему, Ондрею, про то сам Ярко
Святицкой.

А торговых де и промышленных людей приходити с шумом на Григорья
Кокорева за те Ярковы собо́ли он, Ондрей, не научивал. И сами они, торго-
вые и промышленные люди, с шумом на Григорья Кокорева не прихаживали.

И он, Ондрей, Григорья за то не лаивал. И после де тово на Ярка Святиц-
кого в тех же собо́лях он, Ондрей, извету ни от кого и про грамотку Лучки
Маркова не слыхал, и челобитной де он никакой Ярку Святицкому на Гри-
горья Кокорева не писывал.

А писал де Ярко Святицкой на Григорья Кокорева челобитную во мно-
гих государевых делах. И он де, Ондрей, написав о том ко государю отписку,
и того Ярка с тою челобитною и с отписками отпустил из Мангазеи ко госу-
дарю к Москве, от Григорья Кокорева утаясь.

А собо́лей де он и ис тово ничево у Ярка оттово не имывал.» [57]

«И против Ондреевых допросных речей Палицына допрашиван Григо-
рей Кокорев, как он <...>

у промышленного человека у Ярка Павлова, прозвище Святицкого, от-
того что ему из Съезжие избы собо́ли отдал, лутчей сорок собо́лей и иную
лутчую рухлядь или исподы шапочные поимал ли? <...>

и на промышленного человека Ярка Святицкого в собо́лях промышленно-
го человека Якуньку Собинина для своей корысти извещати научал ли?

и кому то ведомо, что его, Григорья, за Ярковы собо́ли Ондрей Палицын

лаял, и торговых и промышленных людей с шумом на него приходили научал, и Ярка Святицкого, оттого что его к Москве отпустил соболи взял?» [58]

Григорий Кокорев отвечал:

«А Ярка де Светцкого сорока соболей и иной никакой рухляди оттого, что ему соболи из Съезжие избы отдал, не имывал. А только б он у Ярка соболи и иную рухлядь имал, и он бы на него ко государю не писал.» [59]

«И на промышленово человека на Ярка Святицкого извещати в соболах промышленово ж человека Микулку Собинина для своей корысти не научивал. А извещали де на Ярка в соболах Микулка Собинин да вологжанин Мишка Конча собою, а не по его, Григорьеву, наученью. И сыскное де дело тем соболям привёз он, Григорей, с собою к Москве и отдал в приказ Казанского дворца.

А лаял де ево, Григорья, за те Ярковы соболи Ондрей Палицын матерны.

А то ему, Григорью, и самому ведомо, что торговые и промышленные люди на него, Григорья, за Ярковы соболи шумом приходили по наученью Ондрея Палицына, потому что он, Ондрей Палицын, с ними вместе шумом на него приходил же. А только б их Ондрей не научал, и он бы с ними вместе шумом на него не приходил.

А что он, Ондрей Палицын у Ярка Святицкого от московского отпуску соболи взял, и про то ему, Григорью, сказывал мангазейской отставной подьячей Ромашка Кузнецов.» [60]

Это странно, ведь Ромашка Кузнецов был с Ерофеем Хабаровым в близких отношениях, как следут из их совместной кабалы о взятии займа денег у Андрея Палицына в апреле 1630 года.

Далее расспрашивали об отправке вина в Туруханское зимовье.

«И Григорей Кокорев в роспросе сказал: На Турухан де он сына своего Ивана с людьми своими для прибутку с продажным питьём и со всякими запасы не посылавал. И на Турухане де сын ево вином и ничем не торговывал. И никакие люди от сына ево с Турухана по лесом не бегивали.

А отпушал де он, Григорей, сына своего Ивана с людьми своими с Онашкою да с Обрамком, да с Ортюшкою, да с Трифанком на Турухан по обещанью, помолитьца Николе Чюдотворцу на ево, Чюдотворцов вешной праздник [9 мая — Г. К.] для того, как он ехал в Мангазею, и у него на дороге не стало сына.

А другой сын Иван, которово он на Турухан посылал, был болен. А был де сын ево Иван на Турухане до тех мест, как Турухан река прошла. А приехал де он с Турухана в Тазовской город судном.

А которые де торговые и промышленные люди для государева имени на Турухане приносили к сыну ево соболи, и сын де ево тех торговых и промышленных людей поил и кормил. И соболи, которые к сыну ево торговые и промышленные люди приносили, послал он, Григорей, ко государю к Москве. А сколько тех соболей послал, того де он не упомнит. И о том он писал ко государю. А иные, тож туруханские, соболи вшил он в одеяло и послал ко государю.

И с торговым де человеком с Микифорком ярославцом в торговлю ничем не складывался. А капканей и не знает.

А запас де они Микифорков отпускали с Тазу на Турухан с Ондреем Палицыным на нартах оба. И проезжая де память дана ему, Микифорку, за обеих их, Григорьево[ю] и Ондреевою, печатьми. В той де проезжей памяти у Микифорка написано, что он, Микифорко, отпущен на промысел, а не для торговли.

А иных де торговых людей они запасы на Турухан отпускали с Ондреем Палицыным вместе ж. А государев де меновой запас отпускаетца от Мангазеи на Енисейской волок Тазом рекою на кочах в полую воду. А они де, Григорей и Ондрей, отпустили государев запас против прежнево.

И денег де он, Григорей, с Микифорком ярославцом и с сыном своим с Иваном с Тазу на Турухан не посылавал, и соболей и шуб, и иново ничево на себя покупать ему не веливал.» [61]

«И люди ево, Григорьевы, Онашка с товарищи, больших денег взаймы и в торговлю никому не даывали. Да и давать де было им большие деньги нечево, потому что и всех у них денег пятидесят рублѣв не было. А рубля де по два и по три люди ево бедным людям взаймы давали. А иным временем, коли их нужда возьмѣт, и сами займовали.

А сын де у нево, Григорья, в те поры, как большой ево сын Иван был на Турухане, на Тазу родился. И он с тем на Турухан к сыну своему Ивану посылал человека своего Тимошку Манухина. А шли де тот ево человек с Тазу до реки до Турухана на лыжах. А Туруханом рекою ехал тот ево человек в Туруханское зимовье судном. А посылал де он, Григорей, того своего человека с вестью, а не для почести и прибытка. И всем де людям про то рожденье сына своего сказывать не веливал, а писать про то не приказывал же, потому что государева заказу о том не бывало.» [62]

Не всех свидетелей, отмеченных в списке, удалось вызвать в Москву. Не приехал и Ерофей Хабаров. Он уже был в это время в Ленском остроге. Но некоторые всё же приехали и были допрошены в приказе Казанского дворца, прикладывали ли они свои руки к челобитной о том, что им от Григория Кокорева никакого насильства не было, добровольно или под страхом. Вначале выслушали Андрея Палицына.

«И Ондрей Палицын в допросе сказал: в прошлом де во 138 [1630] году Григорей Кокорев, покрывая своё многое воровство и послыша, что пошёл на него, Григорья, бить челом государю из Мангазеи к Москве во многом ево, Григорьеве, воровстве устюжанин торговой человек Ярко Светицкой, и он, Григорей, умысля воровски, написал от торговых и от промышленных людей наперёд государева сыску челобитную, будто от него, Григорья, им, торговым и промышленным людям, насильств и продаж, и никакого дурна не было. И к той ложной составной челобитной велел торговым и промышленным людям по великой неволе руки приложить.

И Васка де Прокофьев руку прикладывал к той же составной челобитной.

Того ж дни в приказе Казанского дворца перед боярином перед князем Дмитрием Матрюковичем Черкасским да перед дьяка перед Фёдором Пановым, да перед Иваном Переносовым устюжанин торговой человек Васка Прокофьев против отписки и росписи стольника и воеводы князя Фёдора

Телятевского с товарищи и против явки своей, и Ондреевых допросных речей Палицына расспрашиван. А в роспросе сказал:

В прошлом де во 138 [1630] году по Григорьеву велению Кокорева торговые и промышленные люди такую челобитную, что будто им от него, Григорья, обид никаких нет, писали. И он де, Васка, к той челобитной руку прикладывал, боясь Григорья Кокорева.

А приносили де к нему тоё челобитную вологженин торговой человек Карпунька Кирилов. И до него де, Васки, у той челобитной прикладывали многие руки. А хто имянем и по чьему велению тоё челобитную писал, того он не ведает. А сказал де ему Карпунька, что велел ему с тою челобитною к мирским людям ходить, для того чтоб руки прикладывали, Григорей Кокорев.

И явку де он, Васка, в том, что он к той составной челобитной руку приложил по неволе, боясь Григорья Кокорева, к Ондрею Палицыну принёс.» [63]

Далее рассматривали ещё одну жалобу Андрея Палицына.

«В отписке ж Ондрея Палицына написано, что де Григорей Кокорев, ходячи по ночам в Съезжую избу, выдирал из столпов государевы многие дела и к себе емлет, неведомо для чего.

И в прошлом де во 136 [1627-1628] году по розным отпискам и росписям Семёна Лвова прислано с Турухана в Тазовской город в Съезжую избу пенных семьдесят сороков соболей. Да в том же де во 136 по розным отпискам Васки Кокоулина да торгового человека Федьки Лобанова прислано в Тазовской город с Турухана таких же пенных соболей тритцать сороков. А те де соболи взяты у ясачных зборщиков и у целовальников, и у толмачей, и у аманатцких сторожей, которые воровали: имали те соболи в ясачных зимовьях на ясачных людех сверх государева ясаку. И те де соболи в Мангазее объявились, а ко государю к Москве и в Тоболеск не отосланы. А в государеве казне их нет же. И присылка де и роспись тем соболям ис столпов выдрана. Только де у него, Ондрея, есть на тоё выдирку улика писмая.

И против тоё статьи Григорей Кокорев расспрашиван:

ходячи он, Григорей, по ночам в Съезжую избу государевы многие дела ис столпов выдирал ли и к себе имал ли? И будет государевы дела из столпов выдирал и к себе имал, какие государевы дела из столпов выдирал и к себе имал, и для чего имал?

и росписки Семёна Лвова да Васки Кокоулина, торгового человека Федьки Лобанова, по которым присланы с Турухана в Тазовской город пенные соболи, что взяты у ясачных зборщиков и у целовальников, и у толмачей, и у аманатцких сторожей из столпов выдирал ли? И будет выдрал, для чего выдрал? И те соболи, которые по тем отпискам и росписям с Турухана в Тазовской город присланы, где делись?

И Григорей Кокорев в роспросе сказал:

По ночам де он в Съезжую избу не хаживал, а поутру рано и ввечеру поздно в Съезжую избу он для государевых дел хаживал при подьячих и при целовальниках, и при сторожах.

А туруханские де отписки и росписи Сенки Лвова и Васки Кокоулина, и Федьки Лобанова, каковы присланы к прежним воеводам к Поликарпу

Полтеву о пенных соболях, которые соболи иманы у ясачных зборщиков, взял он, Григорей, с Поликарповых дел от подьячих к себе в коробью в Съезжей избе для того, что Ондрей Палицын, норовя ясачным зборщиком, многие дела, выкрадывая, отдавал ясачным зборщиком. Отдал ясачному зборщику Ивашку Горохову пясидцкое сыскное дело, для того что они с ним делились собольми.

А как де он, Григорей, поехал из Мангазеи в Тоболеск, и он де те туруханские отписки и росписи о пенных соболях взял с собою, а в Тобольску он у сыску с тех отписок и росписей дал стольнику и воеводам, князю Фёдору Телятевскому с товарищи, список за своею рукою. А подлинные де отписку и росписи остались у него Григорья. И ныне де те отписки и росписи с ним ли, Григорьем, в коробье или остались в Тобольску у человека ево у Ортюшки Драчёва, того де он, Григорей, не упомнит. А та де коробья, которая ныне с ним, с письмами, у пристава у князя Борятинского.

А сколько де по отпискам и по росписям Семёна Лвова с товарищи пенных соболей с Турухана в Мангазею было прислано, того де он, Григорей, не упомнит. А писано де то в росписи Семёна Лвова с товарищи имянно.

А как де они, Григорей и Ондрей, Поликарпа Полтева переменили, и Поликарп де Полтев им тех соболей не отдаывал; и отписки де и росписи Семёна Лвова с товарищи усмотрил он, Григорей, в столпах после росписки Поликарпа Полтева. А ко государю он о том в прошлом во 138 [1630] голу писал з берёзовским казаком с Спирькою Ивановым.

Боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской да дьяки Фёдор Панов, да Иван Переносов посылали ис приказу Казанского дворца на двор ко князю Василью Борятинскому подьячих Петра Степанова да Ивана Лаврентьева. А велели им Григорья Кокорева коробку с писмами взять и принести в приказ Казанского дворца. И того ж часу Пётр Степанов да Иван Лаврентьев, взяв у князя Василья Борятинского, принесли в приказ Казанского дворца Григорья Кокорева две коробки с письмами.

И боярин князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской да дьяки Фёдор Панов, да Иван Переносов, тех писем досмотря, велели те писма переклеить и по склейкам те писма велели Григорью Кокореву закрепить своею рукою.

И в тех письмах сысканы Семёна Лвова да берёзовских служилых людей Васки Кокоулина, Богдашки Мещеряка да целовальника Федьки Лобанова с товарищи о мяхкой рухледи, которая взята в Туруханском зимовье и в ыных местех у ясачных зборщиков и у целоваьников и сотника стрелецкого у покручеников и прислано в Тазовской город пять отписок, четыре с росписями, а пятая без росписи. И с тех описок и с росписей списаны к сему сыскному делу списки.» [64]

Из них только два документа имеют отношение к Хабарову.

«Список с отписки слово в слово.

Государя царя [М. Ф.] воеводам Тимофею Васильевичю, Поликарпу Семёновичю Васка Кокоулин, Богдашка Мещеряк, Федька Лобанов челом бьют.

В нынешнем во 137 [1629] году, марта в 31 день, дана нам от вас наказная память. А в ней написано:

Приплывут из Нижней и из Верхней Подкаменной Тунгуски, и с Енисею, и с Пясиды ясачные зборщики, служилые люди и целовальники, в Туруханское зимовье весною, которые посылаемы были в Мангазейской уезд в розные зимовья в прошлом во 136 [1628] году для государева ясачного збору, и нам их велено, ясачных зборщиков, не допуская приставать к берегу, обыскивать мягкие рухледи. И что у ково мягкие рухледи найдёт, и тоё их мягкую рухледь писать на роспись и, переписав, запечатати своими и целовальниковыми, и тех людей печатями, у которых найдём, и тоё мягкую рухледь и мягкой рухляди роспись велено прислати в Мангазейской город к вам.

И в нынешнем же во 137 [1629], году, маяя ... в день, как лёд скрылся, приплыли из Нижние, из Верхние Подкаменной Тунгуски, и с Енисею ясачные зборщики, служилые люди и целовальники, которые посылаемы были в Мангазейской уезд в розные зимовья в прошлом во 136 [1628] году для государева ясачного збору.

И мы в Туруханском зимовье, взяв у заказново целовальника лотку и гребцы, и ездили на Енисей для обыски тех ясачных зборщиков. И обыскав у них мягкую рухледь, и у кого сколько мягкие рухляди, и тоё их мягкую рухледь прислали с ними ж, служилыми людьми, вместе, у которых нашли, к вам в Мангазейской город.

А роспись тоё мягкой рухляди под сею отпискою послали в Мангазейской город к вам же с Ывашком Подшиваловым маяя в 29 день.» [65]

В этой росписи Хабаров не упоминается. А отписку мы приводим для того, чтобы было ясно, каким способом обнаруживали у ясачных зборщиков лишние соболи. А о Хабарове сообщается в другой отписке, которую мы уже приводили для уточнения времени его появления в Мангазее. Теперь же обратим внимание на другое — на то, что и у Хабарова были обнаружены при обыске лишние соболи.

«Список с отписки.

Государя царя [М. Ф.] воеводе Поликарпу Семёновичу Полтеву служилой человек Васка Кокоулин челом бьёт.

В нынешнем, государь, во 137 [1629] году, июля в 15 день, приехал с Пясиды в Туруханское зимовье Тазовского города служилой человек Ивашко Петров Горохов да с ним целовальник Ярофейко Павлов Хабаров. А привезли, государь, оне с с собою в Туруханское зимовье соболи. А соболей, государь, у них, у служилово у Ивашка Петрова четыре сорока десять соболей, а у целовальника у Ярофейка Павлова сорок пять соболей.

И я, Васка, те у них соболи, у того служилово у Ивашка Петрова да у целовальника у Ярофейка Павлова смотрел. А досмотря те у них соболи, запечатав, послал, государь, к тебе в Тазовской город.» [66]

Получается, что кроме этих «пенных» соболей, запечатанных в суму, у Хабарова оказались ещё и другие соболи, о которых вёл сыск Григорий Кокорев по извету Микулки Собинина. Этот сыск подробно описан выше..

Далее в приказе Казанского дворца проводились расспросы торгового человека Ивашки Савина.

«В ызветной челобитной колмогорца торгового человека Ивашка Савина, какову подал в Тобольску Ондрей Палицын, написано:

В прошлом де во 138 [1630] году Григорьевы советники Кокорева устюжанин Лёвка Толстоухов да Микифорко Иванов, да Дружинка Щепеткина по совету з Григорьем Кокоревым велели его, Ивашка, в челобитную написать заочи, будто им, торговым и промышленным людям, от Григорья Кокорева обид никаких нет, и торговой человек Ярко Святицкой пошел к Москве на него, Григорья, государю бити челом без их мирского совету

И против той изветной челобитной торговой человек колмогорец Ивашко Савин да ярославец Микифорко Иванов в приказе Казанского дворца роспрашиваны. А в роспросе Ивашко Савин сказал:

Ярко де Святицкой от торговых и от промышленных людей в обидах и в насильствах из Мангазеи ко государю к Москве бити челом на Григорья Кокорева посылан ли, тово де он, Ивашко, не ведает, и в Мангазее де ево в прошлом во 138 [1629—1630] году не было. А был он во 138 году на Турухане, и с Турухану он во 138 ж году поворотился назад в Мангазею.

И в Мангазее де торговые люди Григорьевы советники Кокорева устюжанин Лёвка Толстоухов, ярославец Микифорко Иванов, мезенец Дружинка Щепоткин по совету з Григорьем Кокоревым в тоё челобитную, что будто им, торговым и промышленным людям, от Григорья Кокорева обид никаких нет, и Ярко Святицкой пошел на него, Григорья, ко государю бити челом без их мирского совету, заочи ево, Ивашка, написали.

А как де тоё челобитную написали, и Григорей Кокорев прислал по него, Ивашка, человека своего Трифанка и велел его, Ивашка, взять из анбара и привести к себе на двор сильно, и к той челобитной велел ему у себя на дворе в горнице руку приложить вневолю.

А что в той челобитной писано, и он де, Ивашко, тово в те поры не ведал, потому что ему тоё челобитные вычесть не дали. А как де он к той челобитной руку прикладывал, в те поры были у Григорья Кокорева и то видели Лёвка ж Толстоухов да Микифорко Иванов, да Дружинка Щепоткин.

А после де того, сведав, он, Ивашко, от мирских людей, что ту челобитную написал Григорей Кокорев с советники своими с Лёвкою Толстоуховым, с Микифорком Ивановым, з Дружинкою Щепоткиным о том, будто им, торговым и промышленным людям, от него, Григорья, обид никаких нет, и Ярко Святицкой пошел из Мангазеи к Москве на него, Григорья, бити челом без мирского совету, и он де, Ивашко, в том, что ему к той челобитной велел Григорей Кокорев руку приложить вневолю, принёс в Мангазею к Ондрею Палицыну явку за своею рукою.

А Микифорко ярославец в роспросе сказал:

В прошлом де во 138 [1630] году призвал де устюжанина Лёвку Толстоухова, да пинеженина Дружинку Щепоткина, да ево, Микифорка, и иных торговых и промышленных людей Григорей Кокорев и учал им говорить: послали де они, торговые и промышленные люди, из Мангазеи на него, Григорья, ко государю бити челом устюжанина торгового человека Ярка Святицкого, будто он, Григорей, им, торговым и промышленным людям, чинит обиды. А он де, Григорей, им обид никаких не чинит. И они б де, торговые и промышленные люди, написали и принесли к нему челобитную, что им, торговым и промышленным людям, от него, Григорья, обид никаких нет, и

Ярка Светитцкого бити челом на него, Григорья, ко государю к Москве не посылавали. А потому де они такую челобитную написали и к Григорью принесли, что им от него, Григорья, по то число, как они ту челобитную написали, обид никаких не бывало, и Ярка де Святитцкого к Москве бити челом на него, Григорья, они не посылавали.

А хто имянем торговых и промысленых людей ту челобитную писать велели, и тех торговых и промысленых людей имена в той челобитной писаны имянно.

А колмогорец де торговой человек Ивашко Савин в ту челобитную писать имя своё велел ли и руку к той челобитной прикладывал ли, тово де он, Микифорко, не ведает, и того, хто тоё челобитную писал, не упомнит.

А что де ему, Микифорку, после той челобитной от Григорья Кокорева обид было, и он де в том принесёт на Григорья Кокорева челобитную.

А про иных торговых и промысленых людей, что им от Григорья Кокорева обиды какие были ли, он, Микифорко, не ведает.

А на очной ставке Микифорко Иванов с Ивашком Савиным говорил, что они, торговые и промышленные люди, по Григорьеву велению Кокорева такую челобитную, что им обид от него, Григорья, не бывало, написали и к нему, Григорью, принесли, и Ярка они Святитцкого бити челом на Григорья Кокорева к Москве не посылавали.

А Ивашко Савин в ту челобитную писати имя своё велел ли, тово де он, Микифорко, не ведает. И как де он, Ивашко, у Григорья Кокорева на дворе в горнице к той челобитной руку прикладывал, и он де, Микифорко, в те поры у Григорья Кокорева не был и того не ведает.

А колмогорец Ивашко Савин с Микифорком на очной ставке говорил: как де он, Ивашко, у Григорья Кокорева в горнице к челобитной руку прикладывал, и он де, Микифорко, в те поры у Григорья Кокорева был, и то видел, как он, Ивашко, руку прикладывал.

И против Ивашкоых челобитной и изветных речей роспрашиван Григорей Кокорев. А в роспросе сказал: торговых де он и промышленных людей таковы челобитной, что им, торговым и промышленным людям, от него, Григорья, обид никаких нет, сильно писать не заставлял и рук им к той челобитной вневолю прикладывать не веливал. И по Ивашка де он Савина человека своего Трифанка для того не посылавал, и на двор его к себе сильно привести и руки ему к той челобитной вневолю прикладывать не веливал. А принесли де к нему торговые и промышленные люди в том деле в Съезжую избу три челобитные за руками, которые люди в тех челобитных писаны.

И бил челом Григорей Кокорев, чтоб досмотреть про ту челобитную в Ондреевых отписках Палицына, что писал на него ко государю Ондрей Палицын, будто тоё челобитную, которую к нему, Григорью, принесли торговые и промышленные люди, писал человек его, Григорьев, Ортюшка Драчёв. А тех де мирских челобитных человек его Ортюшка Драчёв не писывал. А ныне де те челобитные у него, Григорья, в коробье, которая коробья взята в приказ Казанского дворца.

А на очной ставке з Григорьем Кокоревым колмогорец Ивашко Савин

говорил прежние свои речи, что он, Григорей, по него, Ивашка, человека своего Трифанка присылал и руку ему к челобитной вневолью приложить велел.

А Григорей Кокорев сказал, что он человека своего Трифанка по него, Ивашка, для того не посылавал и сильно ево на двор к себе привести не веливал, и руки его к челобитной вневолью прикладывать не заставлял.

И бил челом Григорей Кокорев, чтоб его государь пожаловал: велел того Ивашка в том пытать А он де, Григорей, против того дела на пытку человека своего Трифанка.

И Ивашко Савин против того бил челом: на пытку де он готов, только б его государь пожаловал: велел против его, Ивашка, пытать самого Григорья Кокорева.

А с Микифорком ярославцом Григорей Кокорев на очной ставке говорил: Лёвку де он Толстоухова да Дружинка Щепёткина и его, Микифорка, и иных торговых и промышленных людей к себе призывал. И то им говорил, что Ярко Святицкой пошел на него ко государю бити челом будто ото всего миру. А челобитные де он, Григорей, им писати не веливал. А написали де тоё челобитную и к нему принесли сами торговые и промышленные люди, что им от него, Григорья, обид никаких нет, и Ярко Святицкой пошел на него государю бити челом без их мирского совету.

А Микифорко Иванов з Григорьем Кокоревым на очной ставке говорил прежние свои речи, что они тоё челобитную писали по ево, Григорьеву, веленью.» [67]

Долгое время Г. И. Кокорев был за приставом, пока не последовал царский указ от 28 мая 1639 года: «По нашему указу велено быть на тульских засеках на Заупской в Малиновых Воротах Григорью Кокореву.» [68]

А в середине октября 1640 года Г. Кокорев был назначен воеводой в Чугуев. [69]

Несмотря на то, что о Хабарове уже было исписано много бумаги, до последнего времени никто так и не предпринял попытки выяснить досконально место его рождения. Довольствовались тем, что в документах он называется то устюжанином, то уроженцем Соли Вычегодской. Хотя Устюг Великий и Соль Вычегодская находятся сравнительно близко друг от друга, во времена Хабарова они были главными городами двух отдельных уездов.

Первую попытку определить точное место рождения Хабарова предпринял М. И. Белов. В статье «Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре» он писал:

«С. В. Бахрушин в работах о Мангазее мимоходом отметил, что Хабаров побывал в Тазовском городе, где вёл торги и промыслы, участвовал в знаменитой ссоре мангазейских воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына, заняв сторону последнего. <...>

В некоторых документах он называется устюжанином, в других — усольцем. <...>

Во время просмотра фондов Центрального государственного архива древних актов [ныне Российский государственный архив древних актов — Г. К.] посчастливилось найти более надёжные документы, из которых вид-

но, кем был и где родился, и вырос Ерофей Хабаров. Удалось обнаружить дело Мангазейской приказной избы за 1630—1631 г., где фамилия Хабарова встречается довольно часто.» [70]

Справедливости ради, надо сказать, что номера всех документов давно были указаны ещё С. В. Бахрушиным. Но М. И. Белову посчастливилось прочесть то, о чём не писал С. В. Бахрушин. Это — «сказки» торговых и промышленных людей. К слову «посчастливилось» не стоит относиться иронически. Сыск по делу Кокорева и Палицына состоит из нескольких десятков тысяч листов. Поиск там документов о Хабарове — это поиск иголки в стоге сена. Поэтому, видимо, до М. И. Белова никто не отваживался браться за такое трудное дело. Документы эти надёжные в смысле подлинности, но сведения в них, полученные из «сказок» торговых и промышленных людей, видимо, не все достоверные. Они могут лишь служить наводкой, где искать место рождения Хабарова. Видимо, понимая это, М. И. Белов пошёл по правильному пути, пытаясь подтвердить эти сведения при помощи писцовых книг. Однако же, подтвердить это ему не удалось.

Как следует из «сказок» торговых и промышленных людей, Ерофей Хабаров должен быть записан в Устюжском уезде в деревне Дмитриеве Вотложемского стана, а Никифор Хабаров и его отец Павел в Усольском уезде в деревне Ленивице Алексинского стана.

Писцовые книги Устюжского и Сольвычегодского уездов находятся РГАДА в фонде 1209, оп. 1 Поместного приказа.

Самая ранняя сохранившаяся писцовая книга по Устюгу Великому относится к 1626 году. В Вотложемской волости там есть запись о деревне Дмитровой:

«Деревня Дмитрова на реке на Двине. А в ней крестьян:

Двор — Микитка Меньшиков Хабаров да троецкого церковного дьячка Ортюшки Микитина.

Двор — половник Сенка Елисеев. Да в том же дворе тое же волости крестьянина Оничкиново сельцова половник Васка Другов.

Пашни паханные, середние. Земли четырнатцать чети да перелогом три чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сена меж поль и по оврагом — девяносто копён. Лесу пашенного — семь десятин, а непашенного тринацать десятин; в живущем — выть, а впусе — четь выти. А за остальное сено, за сорок копён, оброку три алтына две деньги.» [71]

Как видим, ни Ерофей Хабаров, ни его отец Павел здесь не упоминаются. Но далее следует важная запись:

«Пустошь, что была деревня Святица на реке на Двине. А дворы и треть её поль сметало рекою Двиною.

Пашут наездом тоё же волости крестьяне из деревни Часовницкое Васка Хабаров да из деревни Наумовской Федосейко Васильев, да из деревни Дмитрова Меньшичко Хабаров.

Пашни паханные, середние. Земли — две чети и полтора четверика в поле, а в дву по тому ж. Сена меж поль и по оврагом — сорок копён. Лесу пашенного — четыре десятины, а непашенного восемь десятин в живущем, полчети

и полполполчети [1/8] выти. А за остальное сено, за тритцать за три копны, оброку — два алтына полпяты [4,5] деньги.» [72]

На карте 1910 года деревня Часовина обозначена на правом берегу Двины на северо-восток от Приводино. Таким образом, деревня Святица была на правом берегу Двины, недалеко от деревни Часовиной (Часовницкой).

В деревне Святице Ерофей Хабаров и его брат Никифор не упомянуты потому, что деревни уже не было, её смыло рекой, а братья в это время уже жили в Усольском уезде. Позже мы подтвердим это записью в другой книге.

Несмотря на то, что здесь ни Ерофей Хабаров, ни его отец Павел опять не упомянуты, тем не менее ясно, что деревня Святица родная их деревня. Теперь понятно, почему на Таймыре и в Мангазее Ерофея Павлова писали по фамилии Святицкий. Этот случай не единственный. Позже мы приведём документы, из которых следует, что настоящая фамилия известного племянника Ерофея Хабарова Артемия Филипова Петриловского была Кривошапкин, а его родиной деревня Петрилово Сольвычегодского уезда.

К сожалению, книга эта недостаточно подробная. Хотя и указано, что в деревне Святице пашет наездом из деревни Дмитровой Меньшичко Хабаров, почему-то записи о его дворе в этой деревне нет, видимо, это отец Микитки Меньшикова Хабарова. Но почему-то отец не упомянут, хотя бы на подворье. Можно предположить, что Меньшичко — это мирское имя Павла Хабарова, но нужны доказательства, а их нет.

Хотелось бы выяснить, кто из Хабаровых жил в деревне Часовницкой, но Часовницкая деревня почему-то не упомянута. Наумовская деревня упомянута, но Хабаровых там нет.

Эту книгу М. И. Белов не просматривал, а пытался найти деревню Дмитриево на старинных картах. Об итогах этого поиска он написал следующее:

«Так на карте Поморского края XVII века это селение показано в 80 км к юго-западу от Устья Великого на левом берегу Сухоны (примечание: изучались карты, собранные в отделе картографии Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина).

В писцовой книге № 484 от 1623 г. Дмитриево, или Дмитриев стан, отмечено в соседстве с деревней Нюксеницей (впоследствии ставшей главной) в качестве волости, состоящей из девяти деревень (по 25 дворов), очевидно, слившихся в одно село под названием Дмитриево.

Дмитриево отмечено на генеральной карте Архангельской губернии, выполненной академиком Я. В. Шмидтом в 1773 году, а также на картах Российского атласа 1792 г., на карте Вологодской губернии Географического атласа Российской империи 1823 г. В наше время эта деревня входит в состав Нюксенского района.

В то же время может возникнуть сомнение, какая из деревень родина Ерофея Хабарова. Ведь в Дмитриево он мог проживать, а его родной деревней могла быть Ленивица, где проживали его родные.» [73]

Но здесь М. И. Белов ошибся, отклонился куда-то в сторону. Под № 484 в описи значится писцовая книга Тотемского уезда за 1676-1679 годы. Естественно, что в этой книге упоминаний о Хабарове он не нашёл. А по Устюжскому уезду в описи 1 фонда 1209 никакой книги за 1623 год нет. Род-

ная же деревня Хабарова Святица и соседняя с ней деревня Дмитрово, как следует из писцовой книги 506 находились не на Сухоне, а на Двине.

В книге 446 Сольвычегодского уезда за 1625 год М. И. Белов нашёл Омельку Савельева сына Хабарова и сделал о нём выписку. Но это не тот Хабаров, который нужен. Приведём полностью эту запись.

«Деревня Ленивица, а в ней:

двор — Трофимко Павлов сын Кривошапкин с сыном с Митькою; а владеет по купчей 89 [1580-1581] году,

двор — Тренка Иванов сын казаков з братом с Пашкою; владеет по купчей 112 [1603-1604] году,

двор — Омелька Савельев сын Хабаров; владеет по духовной 115 [1606—1607] году,

двор — Ларька Ондреев сын Пустынников с сыном Лучкою; владеет по купчей 123 [1614-1615] году,

двор — Ларько Федотов сын Павлов; владеет по купчей 131 [1622—1623] году,

двор — Богдашко Иванов с сыном Самошкою; владеет по купчей 131 [1622—1623] году,

двор — Сенька Омелянов сын Березин; владеет по купчей 116 [1607—1608] году,

двор — Пятунька Кривошапкин, а живёт в нём проловник ево Васка Павлов сын Кривошапкин; владеет по купчей 93 [1584—1585] году.» [74]

А далее записана деревенька с похожим названием. Приводим эту запись.

«Деревня Выставок Ленивцов, а в ней крестьяне:

двор — Родька да Логинко Петровы дети Судницына,

двор — Пронька Игнатьев сын Дерягин з братьею с Лучкою да с Сенкою.

А Родька да Логинко владеют по купчей 126 [1617—1618] году.» [75]

Не найдя здесь ни Павла, ни Ерофея, ни Никифора Хабаровых, М. И. Белов делает следующий вывод:

«Из материалов переписи явствует, что Хабаровы в 1623—1625 гг. находились в деревне Ленивице Сольвычегодского уезда, но проживал ли во дворе Емельяна Хабарова Павел Хабаров и его сын Никифор не ясно. Скорее всего, эти двое прибыли в Ленивицу позже.

На данном этапе изучения вопроса предпочтительнее считать деревню Дмитриево или селения Дмитриева стана родиной Ерофея Хабарова.» [76]

Но это ли «надёжные документы, из которых видно, кем был и где родился, и вырос Ерофей Хабаров», как утверждает М. И. Белов?

М. И. Белов исследовал не все возможные документы. По Сольвычегодскому уезду есть ещё более ранняя книга за 1620 год. Запись в ней более краткая, чем в книге за 1625 год, и есть отличия в именах. Приводим эту запись:

«Деревня Ленивица, а в ней:

двор — Трофимко Павлов сын Кривошапкин,

двор — Тренька Иванов сын Казаков,

двор — Омелька Савельев сын Хабаров,
 двор — Харитонко Ондреев сын Пустынников,
 двор — Федька Устинов сын Рогово,
 двор — Богдашко Иванов,
 двор — Сенька Омелянов сын Березин,
 двор Пятка Кривошапкина, а живёт в нём половник ево Ивашко Фатеев.» [77]

Опять нужных Хабаровых не оказалось.

Более позднюю книгу 451 по Сольвычегодскому уезду за 1645 год М. И. Белов смотреть не стал, видимо, полагая, что записей о Хабаровых там не должно быть, так как они уже более десяти лет находились на реке Лене. Но как раз в этой книге есть запись о братьях Хабаровых.

«**Деревня Ленивица**, а в ней крестьяне:

двор — Завьялко Трофимов Кривошапкин з братом с Петрушкою да с племянником с Емелькою; владеет по писцовым книгам,

двор — Сенька Павлов с племянником з Дениском; владеет по деловой дяди своего Третьяка Казакова 146 [1637—1638] году,

двор — **Омелька Савельев Хабаров** да половник Пятунька Харитонов,

двор — Васка Карпов с племянником с Ывашком Савиным; владеет по купчей Ларьки Пустынникова 149 [1640—1641] году,

двор — Гришка Карпов Новинской з детьми с Ортюшкою да с Ывашком; владеет по купчей Федотка Павлова 136 [1627—1628] году,

двор — Игнашко Самилов владеет по купчей деда своего Кондрашки ви-легженина 113 [1604—1605] году да Устюжского уезда Вондокурского стану деревни Князевой крестьянина Спиридонка Березина,

двор — половник Ортюшка Баженов,

двор — Мишка Михайлов Кривошапкин з братом с Васкою; владеет по старине да устюженина посадцкого человека Богдашка Иванова Барсукова,

двор — половник Микифорко Ларионов Чюпанов владеет по закладной Микифорка Ларивонова 154 [1645—1646] году,

двор мирской Олексинского стану, а в нём живёт дворник Васка Кривошапкин, да две кельи пустые.» [78]

Опять искомых Хабаровых здесь не оказалось. А далее в этой же книге идёт запись:

«**Деревня Выставок Ленивцов**, а в ней крестьяне:

двор — **Микифорко Павлов Хабаров з братом с Ерофейком**, да с ними половники Кузёмка Терентьев да Васка Иванов, владеют по купчей Натальицы Аникиевы дочери Гусева 134 [1626] году.

Пашни паханные, средние. Земли две чети с осминою и с четвериком, да перелогом шесть чети с четвериком в поле, а в дву по тому ж.

Сена тритцать копён, в живущем полчети и полполчети выти, а впусе полвыти без полполчети выти, и полосмины пашни, да старые примерные пашни десять чети.

Оброку — пятнатцать алтын. Поскотины пять десятин, лесу тож.» [79]

Из предыдущих и из этой записи следует, что ни Ерофей, ни Никифор в

деревне Ленивице в 1620 и в 1625 годах не числились, а появились в деревне Выставок Ленивцев лишь в 1626 году. Купчую Натальицы Аникиевой дочери Гусевой 134 года следует датировать 1626 годом, так как в книге 446 1625 года братья Хабаровы ещё не упоминаются. Их отец Павел Хабаров ни в 1620, ни в 1625, ни в 1645 годах ни в деревне Ленивице, ни в деревне Выставок Ленивцев не упоминается. В 1645 году за братьями Хабаровыми числилась земля в деревне Выставок Ленивица, а обрабатывали её их половники.

А как же быть со «сказками» торговых и промышленных людей, которые по государеву крестному целованью единодушно утверждали, что братья Хабаровы живут не вместе? Ответ ясен. Они дали ложные показания, чтобы выгородить братьев Хабаровых. В своей отписке Григорий Кокорев сообщал, что этих людей указал сам Никифор Хабаров: «слался из виноватых [свидетелей, которых указал сам обвиняемый — Г. К.] на ближних сосед своих, которые неподалеку их живут, что он, Микифорко, з братом своим Ярафейком живёт за делом не вместе и не в одном уезде, Ярафейко де живёт в Устюжском уезде, а он де, Микифорко, в Усольском уезде.» [80]

Таким образом, уверенность М. И. Белова в том, что он нашёл надёжные документы, была необоснованной. Не всякому документу можно верить, тем более, если эти документы относятся к сыскному делу. Здесь каждый даёт такие показания, которые ему выгодны, искажая правду.

Запись в писцовой книге 451 Сольвычегодского уезда за 1645 год, хотя и прояснила кое-что, но не дала ответа на вопросы:

1. Кто такая Наталья Аникиева дочь Гусева?

2. Где жил отец братьев Хабаровых Павел и почему о нём нет упоминаний? Ведь промышленные люди давали показания Г. Кокореву, что Никифор Хабаров живёт вместе с отцом Павлом.

Следующая книга по Сольвычегодскому уезду от 25 марта 1646 года за номером 15058. И хотя прошёл всего лишь один год, запись в ней вкоре отличается от предыдущей.

«Деревня Выставок Ленивцов.

Двор — крестьянин Никифорко Хабаров с племянником с Васкою Яковлевым шти лет.

На том же дворе в другой избе его ж половник Козёмка Терентьев з детьми с Ывашком да з Давыдком, да с Якушкою шти лет.

В той же избе другой половник Васька Малышев сыном с Пашкою пяти лет.» [81]

Здесь Ерофей Хабаров уже не записан.

Следующая книга 15052 от 12 сентября 1647 года.

«Деревня Выставок Ленивцов, а в нём:

двор — крестьянин Ярофейко Павлов сын, прозвище Хабаров, с племянником с Васкою Яковлевым.

Да у него ж половник Спиридонко Емельянов сын прозвище Заплатин з братом сродным с Васкою.

Да на том же дворе в другой избе половник Козёмка Терентьев сын Зескин. У него детей Ивашко да Якушко, да Давыдко, да Ивашко дву лет.» [82]

Здесь уже не записан Никифор Хабаров.

деревне Ленивице в 1620 и в 1625 годах не числились, а появились в деревне Выставок Ленивцев лишь в 1626 году. Купчую Натальицы Аникиевой дочери Гусевой 134 года следует датировать 1626 годом, так как в книге 446 1625 года братья Хабаровы ещё не упоминаются. Их отец Павел Хабаров ни в 1620, ни в 1625, ни в 1645 годах ни в деревне Ленивице, ни в деревне Выставок Ленивцев не упоминается. В 1645 году за братьями Хабаровыми числилась земля в деревне Выставок Ленивица, а обрабатывали её их половники.

А как же быть со «сказками» торговых и промышленных людей, которые по государеву крестному целованью единодушно утверждали, что братья Хабаровы живут не вместе? Ответ ясен. Они дали ложные показания, чтобы выгородить братьев Хабаровых. В своей отписке Григорий Кокорев сообщал, что этих людей указал сам Никифор Хабаров: «слался из виноватых [свидетелей, которых указал сам обвиняемый — Г. К.] на ближних сосед своих, которые неподалеку их живут, что он, Микифорко, з братом своим Ярафейком живёт за делом не вместе и не в одном уезде, Ярафейко де живёт в Устюжском уезде, а он де, Микифорко, в Усольском уезде.» [80]

Таким образом, уверенность М. И. Белова в том, что он нашёл надёжные документы, была необоснованной. Не всякому документу можно верить, тем более, если эти документы относятся к сыскному делу. Здесь каждый даёт такие показания, которые ему выгодны, искажая правду.

Запись в писцовой книге 451 Сольвычегодского уезда за 1645 год, хотя и прояснила кое-что, но не дала ответа на вопросы:

1. Кто такая Наталья Аникиева дочь Гусева?

2. Где жил отец братьев Хабаровых Павел и почему о нём нет упоминаний? Ведь промышленные люди давали показания Г. Кокореву, что Никифор Хабаров живёт вместе с отцом Павлом.

Следующая книга по Сольвычегодскому уезду от 25 марта 1646 года за номером 15058. И хотя прошёл всего лишь один год, запись в ней вкоре отличается от предыдущей.

«Деревня **Выставок Ленивцов**.

Двор — крестьянин Никифорко Хабаров с племянником с Васкою Яковлевым шти лет.

На том же дворе в другой избе его ж половник Козёмка Терентьев з детьми с Ывашком да з Давыдком, да с Якушкою шти лет.

В той же избе другой половник Васька Малышев сыном с Пашкою пяти лет.» [81]

Здесь Ерофей Хабаров уже не записан.

Следующая книга 15052 от 12 сентября 1647 года.

«Деревня **Выставок Ленивцов**, а в нём:

двор — крестьянин Ярофейко Павлов сын, прозвище Хабаров, с племянником с Васкою Яковлевым.

Да у него ж половник Спиридонко Емельянов сын прозвище Заплатин з братом сродным с Васкою.

Да на том же дворе в другой избе половник Козёмка Терентьев сын Зескин. У него детей Ивашко да Якушко, да Давыдко, да Ивашко дву лет.» [82]

Здесь уже не записан Никифор Хабаров.

В последних двух записях не упоминаются лица женского пола. Поэтому обратимся к челобитной Ерофея Хабарова, которую он писал в 1650 году.

«А женишко, государь, моя Василиска з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянницею живут на Устюге бес приюту.

<...> Вели, государь, ту моё женишку Василиску и з дочеришкою моею с Наташкою, и со внуком, и с **племянником**, и с племянницею отпустить с Устюга ко мне, холопу твоему, в Якутской острог.» [83]

Здесь Хабаров местом жительства жены написал Устюг вместо Соли Вычегодской, повидимому, что жена не жила в деревне Выставок Ленивцев. А в заключительной части челобитной Хабарова добавлен племянник.. Имя племянника в писцовых книгах указано: Васька Яковлев, но неясно, сын ли он сестры Ерофея, о которой Хабаров в челобитной не упоминает. Слово «племянник» в те времена часто употреблялось в смысле «родственник». А о внуке Хабарова в писцовых книгах упоминаний нет. Может быть, он родился после 1647 года.

Интересно было бы знать, когда исчезают записи о Хабаровых в деревне Выставок Ленивцев. К сожалению, следующая сохранившаяся писцовая книга относится к 1678 году. В ней написано:

«Деревня **Выставок Ленивинцов**.

Двор — половник Усольского уезду Заборской волости крестьянина Бориска Павлова сына Новосельцова Игнашка Иванов сын Низовцов. У него сын Елфимко. У него ж племянник Гаврилко Михайлов.» [84]

Г. А. Леонтьева сама не занималась поиском документов о родине Хабарова, а лишь «узаконила» ошибочные сведения М. И. Белова, на которые сейчас все и ссылаются:

«По вопросу о месте его рождения в исторической литературе долго не было единого мнения. Дореволюционный исследователь Н. П. Чулков писал, что Хабаров родился в Соли Вычегодской. Советский историк С. В. Бахрушин считал, что родиной Хабарова был Устюг Великий или область, лежащая вокруг него. <...>

Не так давно вывод Бахрушина был подтверждён М. И. Беловым, которому по архивным документам удалось выяснить, что до своей первой поездки в Сибирь Ерофей Павлович какое-то время проживал в деревне Дмитриево Вотложского стана Устюжского уезда. Эта деревня находилась в 80 км от Устюга Великого на берегу Сухоны. Она-то очевидно и была местом рождения знаменитого землепроходца. Деревня эта существует и поныне в составе Нюксенского района Вологодской области.» [85]

Однако, это не так. Теперь же на основании приведённых выше документов можно определённо сказать, что родился Ерофей Хабаров в деревне Святице, недалеко от деревни Дмитрово на Двине, а не на Сухоне, в Вотложемской волости Устюжского уезда. Деревня эта не существует в настоящее время, её смыло наводнением до 1626 года. После этого Ерофей и Никифор Хабаровы переселились в деревню Выставок Ленивцев Алексинской волости Сольвычегодского уезда. В этой деревне, а не в Дмитриево, проживал Ерофей Хабаров до своей первой поездки в Сибирь. Что же касается документов об отце Ерофея Хабарова Павле, то таких документов пока что не найдено.

После установления названия деревни, в которой родился Ерофей Хабаров следующим шагом является определение местоположения этой деревни. Но так как деревню смыло водой, то можно было бы отыскать соседнюю деревню Дмитриеву (или Дмитрову). Это и пытался выполнить М. И. Белов. Но деревень с таким названием оказалось несколько. Тут бы следовало выбрать из этих деревень ту, которая находилась ближе к главному поселению (центру) волости (стана). Волость, как известно, называлась Вотложемской. Но почему-то М. И. Белов это не сделал, не пытался найти центр волости Вотложму.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Фонде 192 (Картографический отдел) оп.1 оказалось всего лишь две карты Вологодской губернии за номерами 5 и 6, относящихся к XIX веку. Более ранних карт нет. Обе карты одинаковы, за исключением того, что на одной из них некоторые железные дороги отмечены сплошной линией, а на другой эти же дороги — пунктирной. Год издания не указан. На этих картах отмечены некоторые поселения, которые в XVII веке были центрами волостей (станов). К счастью, там отмечен, примерно километрах в 12 южнее Котласа, населённый пункт под названием Вотложемский между железной дорогой, идущей от Котласа на юг, и рекой Двиной. Границы волостей неоднократно менялись, названия населённых пунктов тоже. Например, М. Богословский, исследовавший писцовые книги Русского Севера, о пределах Вотложемской волости писал следующее:

«Волость Вотложма — по обоим берегам Двины. Городок Вотложемский — теперь Городецкий Архангельский погост на правом берегу Двины.» [86]

Однако, на карте Великоустюжского уезда издания 1910 года Вотложемская волость показана только на правом берегу Двины. А городок Вотложемский назван Вотложским Троицким погостом. На территории Вотложемской волости на реке Двине ни одного населённого пункта под названием Дмитриево не обозначено. Зато в книге Мальчевского в Приводинской волости Великоустюжского уезда записана деревня Дмитриева всего лишь в 9 верстах от волостного правления Приводино [87].

Таким образом, место рождения Ерофея Хабарова удалось определить достаточно точно : смытая наводнением в 1625 году деревня Святица на правом берегу Двины, примерно в 9 верстах на северо -восток от Приводино на территории теперешней Архангельской области, возле обозначенной на карте 1910 года деревни Часовиной, а не на территории Нюксенского района Вологодской области, как предполагал М. И. Белов. Нюксеница находится западнее Великого Устюга вверх по реке Сухоне на расстоянии 150 километров и никогда в Вотложемскую волость не входила.

Сольвычегодский уезд имел причудливые очертания. Он располагался «по р. Вычегде ниже рр. Лупьи и Чаколки, по притокам Вычегды Виледи и Нимянде, по С. Двине вверх от устья Ваычегды, по правому берегу Сухоны и по Югу с его притоком Лузой.» [88]

Что же касается Алексинского стана, входившего в него, то у М. Богословского написано: «Стан Алексинский — по лев. берегу С. Двины, по рр. Удима и Реважу.» [89]

Карта части Великоустюжского уезда 1910 г.
(масштаб: 5 верст в дюйме)

А местоположение села Алексина указано в одной из писцовых книг: «село Алексино на реке Двине.» [90]

Что же касается деревни Ленивицы, то она обозначена на карте 1910 года по левую сторону Двины южнее реки Удимы. Чуть севернее Ленивицы обозначена Выставка. Это и есть, видимо, Выставок Ленивцев. Ещё чуть севернее обозначена деревня Дмитриево. А севернее реки Удимы обозначена ещё одна деревня Дмитриево. Но эти две деревни к Хабаровым отношения не имеют, так как не расположены на берегу Двины.

Чтобы привязать карту 1910 года к карте 1991 года, необходимо найти на обеих картах населённый пункт с одинаковым названием. Таким пунктом является Курцево, обозначенное на карте 1910 года чуть севернее Выставки. Там где сейчас стоит Курцево, и жили братья Хабаровы после того, как их родную деревню Святицу смыло наводнением.

В заключение необходимо отметить одно досадное обстоятельство. К сожалению, пополнение сведений о Хабарове идёт не путём вовлечения в научный оборот ранее неизвестных документов, а путём художественного вымысла. Описывая поездку братьев Хабаровых в Мангазею, Г. А. Леонтьева сообщает: «Отец наказывал сыновьям помогать друг другу в пути, Никифору слушать во всём Ерофея. Этот наказ родителя оба брата выполняли всю свою жизнь. Не посоветовал отец Ерофею и Никифору идти чрезкаменным путём. Слишком путь был опасен, а сыновья молоды.» [91]

Эти слова Г. А. Леонтьева, видимо, написала в назидание молодому поколению — книга-то «для учащихся старших классов». И вот уже, не задаваясь вопросом, кто же записал это напутствие Павла Хабарова и как оно попало в архив, Валерий Павлик в книге «Долгий путь на Амур» пишет:

«Одного Яркого отец не хотел отпускать из-за опасности пути, а потому напутствие в жизнь давал сразу обоим сыновьям. Велел братьям помогать друг другу во всём, а Никифору, как младшему и менее опытному, — отдельно, во всём слушаться старшего брата [Ссылка на Г. А. Леонтьеву, страница указана ошибочно 27, вместо 17 — Г. К.] Это стало последним напутствием старого крестьянина <<в жизнь>> своим сыновьям. И эта воля отца будущего землепроходца по Сибири и Дальнему Востоку исполнялась братьями всю их совместную жизнь.» [92]

Г. А. Леонтьева и далее не скупится на «подробности»:

«Ерофей с Никифором с помощью земляка-устюжанина устроились на ночлег в одном из жилых домов на посаде. В доме было две клетки, и спутники Хабаровых расположились здесь же. Отдых после тяжёлого пути был недолгим, всего несколько дней. Охотничий азарт, молодой задор не дали долго засиживаться на месте, и Хабаровы отправились на промысел.» [9p]

Г. А. Леонтьева, похоже, так и не определилась, что она пишет, исторический труд или роман, и время от времени украшает повествование различными «подробностями». В сочинении, состоящем из смеси исторических событий и вымыслов, вымыслы начинают восприниматься как исторические события. Этих вымыслов в книге Г. А. Леонтьевой немало. Вымыслы, кроме обесценивания книги, ничего не дают.

Примечания

1. Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. I, М. 1955.
2. Белов М. И. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре. // Летопись Севера, вып. VII, М. 1975.
3. Ф. 141, оп. 1, 1628 г., ед. хр. 28, л. 68—69.
4. Белов М. И. Указ. соч. с. 111.
5. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983, с. 22.
6. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. 1991, с. 17.
7. Ф. 214, кн. 19, л. 231об.
8. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 19.
9. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 79, ч. I, л. 308.
10. Ф. 141, оп. 1, 1628 г., ед. хр. 28, л. 98.
11. Там же, л. 71—74
12. Там же, л. 83.
13. Там же, л. 75—79.
14. Там же, л. 80—81.
15. Там же, л. 81, 81а.
16. Там же, л. 81а, 82—86.
17. Белов М. И. Указ. соч., с. 110.
18. Ф. 141, оп. 1, 1628 г. ед. хр. 28, л. 87.
19. Там же, л. 89.
20. Там же, л. 90—91.
21. Там же, л. 93.
22. Там же, л. 94—97.
23. Ф. 141, оп. 1, 1630 г., ед. хр. 55, л. 210—211.
24. Там же, л. 274—287.
25. Там же, л. 288—290, 292.
26. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 79, ч. I, л. 109.
27. Ф. 141, оп. 1, 1630 г., ед. хр. 55, л. 156—168, 170, 173—176, 178—182.
28. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 71, ч. II, л. 477—479.
29. Там же, л. 492. Это же, Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 79, ч. I, л. 236.
30. Ф. 214, кн. 26, л. 21, 22.
31. Там же, л. 29, 29об.
32. Ф. 214, ст. 409, л. 132.
33. Ф. 141, оп. 1, 1630 г., ед. хр. 86, л. 330.
34. Там же, л. 337—344.
35. Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 182—183.
36. Ф. 141, оп. 1, 1631 г., ед. хр. 10, л. 288.
37. Древняя Российская вивлиофика, 2 изд., т. 3, М. 1788, с. 151.
38. Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 183.
39. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 79, ч. I, л. 147.
40. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 71, ч. I, л. 173.
41. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 79, ч. I, л. 122.
42. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 71, ч. I, л. 202.
43. Там же, л. 359—360.
44. Сафронов Ф. Г. Указ. соч., с. 24.
45. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 79, ч. I, л. 303.
46. Там же, л. 304.
47. Там же, л. 305—306.
48. Ф. 141, оп. 1, 1631 г., ед. хр. 40, л. 28
49. Там же, ед. хр. 40, л. 39, 41, 40, 42 — нумерация не по-порядку.
50. Там же, л. 65—67.
51. Ф. 141, оп. 1, 1631 г., ед. хр. 10, л. 219—220.
52. Ф. 141, оп. 1, 1630—1634 г., ед. хр. 79, ч. I, л. 316.

53. Там же, л. 95, 97, 96 — нумерация не по-порядку.
54. Там же, л. 101.
55. Там же, л. 106.
56. Там же, л. 107.
57. Там же, л. 108—109.
58. Там же, л. 114.
59. Там же, л. 119.
60. Там же, л. 121—122.
61. Там же, л. 219—221.
62. Там же, л. 242—244.
63. Там же, л. 232—233.
64. Там же, л. 294—300.
65. Там же, л. 309.
66. Там же, л. 308.
67. Там же, л. 385—391.
68. Ф. 210, Владимирский стол, ст. 39, л. 36.
69. Ф. 210, Денежный стол, кн. 297, л. 254.
70. Белов М. И. Указ. соч., с. 107.
71. Ф. 1209, Устюг Великий, кн. 506, л. 388—388об.
72. Там же, л. 388об.
73. Белов М. И. Указ. соч., с. 108.
74. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 446, л. 213об—214.
75. Там же, л. 214.
76. Белов М. И. Указ. соч., с. 109.
77. Ф. 1209, оп. 1, кн. 15039, л. 163—163об.
78. Ф. 1209, оп. 1, кн. 541, л. 250—250об.
79. Там же, л. 250об.
80. Ф. 141, оп. 1, 1630 г., ед. хр. 55, л. 164.
81. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15058, л. 49.
82. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15052, л. 248об—249.
83. Ф. 214, ст. 381, л. 92.
84. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15053, л. 93.
85. Леонтьева Г. А. Указ. соч. с. 24.
86. Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке .М. 1909, с.49.]
87. Мальчевский. Список населённых мест Вологодской губернии. Вологда. 1881.
88. Богословский М. Указ. соч. с. 45.
89. Там же, с. 45.
90. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15653, л. 89об.
91. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 17.
92. Валерий Павлик. Долгий путь на Амур. Ерофей Хабаров и его «войско». Хабаровск, 2004, с. 119.
93. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 19.

ПЕРВЫЕ ЛЕНСКИЕ ЗЕМЛЕПАШЦЫ

Название «землепашцы», здесь в известной степени условное. Мы применяем его по отношению к людям, которые по своему сословному положению были неоднородны. Это торговые, промышленные и служилые люди, которых даже после заключения договорных отношений с представителями власти об обработке пашни не всегда именовали пашенными крестьянами. Сами они, видимо, за сохой не ходили, а обрабатывали пашни наёмными людьми, которых тогда называли «ярыжками». Договорные отношения землепашцев с властями были неодинаковыми.

Эта первая ступень развития ленского землепашества длилась сравнительно недолго и вскоре коренным образом изменилась в 1646 году, когда среди пашенных крестьян количественно стали преобладать ссыльные люди, которые по своему имущественному положению не шли ни в какое сравнение с первыми землепашцами, поэтому не могли применять труд наёмных работников, на первых порах обрабатывали пашню своим трудом, и лишь окрепнув через некоторое время, смогли вприбавку к своему труду использовать труд наёмных работников.

После открытия русскими Лены вместе с служилыми людьми, устремившимися туда ради получения ясака с местного населения, хлынул и поток промышленных людей для добычи соболя. В 139 [1630-1631] году енисейский казачий атаман Иван Галкин поставил первое постоянное русское поселение на Лене — Усть-Кутское зимовье, затем превратившееся в острог. Это были ворота на Лену. Необходимым условием деятельности служилых и промышленных людей было обеспечение их хлебом. Оно осуществлялось из Енисейска, но было сопряжено с огромными трудностями. Это и послужило причиной возникновения землепашества на Лене.

В этой главе мы ограничиваемся рассказом о первом периоде освоения ленской пашни, которое начали вольные землепашцы. Этот период закончился в 1646 году, когда к свободным землепашцам добавились намного превосходящие их по численности ссыльные пашенные крестьяне, в основном черкасы (запорожские казаки).

Ерофей Павлов Хабаров

Автор популярных рассказов на исторические темы С. Марков писал: «Ярофей Павлов Хабаров, по некоторым сведениям, уже при енисейском воеводе Я. Хрипунове (1623—1624) <<проведывал>> реку Лену.» [1] Где содержатся эти «некоторые сведения», С. Марков не сообщает. Но, видимо, он почерпнул их из «Древней Российской вивлиофики», дав им вольное переложение. На самом же деле, о Хабарове там написано вскользь и не столь определённо:

«А в 1622 году на место Михайла Байгишина в Енисейской острог послан тобольской сын боярской Павел Павлов сын Хмелевский.

И того ж году в феврале месяце приехал из Москвы в Тобольск, а едет в Енисейской острог, первой московской воевода Яков Игнатьев сын Хрипунов. При сём воеводе нача проводываться Якутская земля и великая река Лена, и сребра искать ходил, и Байкал озеро проведено. А многия тамошния земли проведаль Ерофей Хабаров, промышленной человек.» [2]

Г. А. Леонтьева предполагает, что Хабаров родился между 1605 и 1607 годами [3], следовательно, для похода на реку Лену был ещё слишком молод.

Мы же будем рассматривать только достоверные сведения о пребывании Хабарова на Лене, содержащиеся в архивных документах. В 1629—1630 годах Хабаров был в Мангазее и на Таймыре. С. В. Бахрушин писал в 1926 году: «В 1632 г. он [Хабаров — Г. К.] попал на великую реку Лену.» [4] В 1941 году он выразился несколько осторожнее: «В 1630 г. Хабаров вернулся на Русь, но уже года через два он снова забрёл в Сибирь, на этот раз на реку Лену.» [5] «Года через два» означает: «приблизительно через два года.» Бахрушин, видимо, основывается на челобитной Хабарова, которую тот написал в 1650 году. В ней сказано: «Жил я, холоп твой, в твоей государеве отчине в сибирской уkraine на великой реке Лене с 140 [1631—1632] году.» [6] На самом же деле, Хабаров впервые появился на Лене в 1633 году. Приводим документ, в котором описывается приезд на Лену и пребывание Хабарова в Ленском острожке в 1633—1634 годах. Это челобитная Хабарова и промышленных людей.

«Царю [М. Ф.], быют челом сироты твои государевы:
 торговой человек Ерофейко Хабаров
 да промышленные люди Пятко Микулин
 Евдокимко Акимов
 Якунька Юрьев
 Кузёмка Здоров
 твоего государева богомольца пресвещенного Варламия, архиепископа
 Вологодского и Великопермского, крестьянца:
 Кузёмка Прокопьев Табашев
 Федотко Онаньин
 Ивашко Микифоров каргополец
 Богдашко Матфиев усьянец
 Максимко Анфимов, Пятко Софонов, мезенцы
 Гневашко Иванов важенин.

В прошлом, государь, во 141 [1633] году по твоему государеву [М. Ф.] указу отпущен я, Ерофейко, с людишками своими, с трема человеки, с Якимом Ивановым
 Иваскою Кузьминым
 с Роспуткою Юрьевым
 да мы, сироты твои: Пятко
 да Евдокимко
 да Пospelко
 из Енисейского острогу на соболиные промыслы на Лену реку,
 а мы, государь, сироты твои:
 Козёмка Сидоров
 Козёмка Прокопьев
 Федотко Агафонов
 Ивашко Микифоров
 Богдашко Матфеев
 Максимко Ефимов
 Пятко Софонов
 Гневашко Афонасьев
 Семейка Иванов
 остались на Лене от сотника стрелецкого от Петра Бекетова.» [7]

Так начинается челобитная, дошедшая до нас в виде копии, снятой сотрудниками Г. Ф. Миллера. Сличение имён челобитчиков, записанных дважды, выявляет ряд несоответствий, которые появились, видимо, по вине переписчиков при двукратном переписывании. Далее также встречаются явные ошибки. Однако для нашего повествования они не являются существенными.

Попутно заметим, что хотя Г. Ф. Сафронов и писал, что среди первых промышленных людей, прибывших на Лену, были «Ерофей Павлович с братом Никифором и с племянником Артемием Филипповым, добравшиеся до Лены в 1632 году» [8], в челобитной они не упомянуты. Видимо, на Лене они появились позднее. А Ерофей Хабаров прибыл не в 1632, а в 1633 году.

Вслед за Сафроновым Г. А. Леонтьева повторяет: «По вопросу о времени приезда Ерофея Павловича Хабарова на Лену существуют разные мнения. Согласно одному из них, он прибыл на Лену не позже 1632 г. по другому — в 1638 г. Однако, скорее всего, это всё-таки произошло в 1632 г.» [9]

Далее в челобитной написано:

«И в нынешнем, государь, во 142 [1633–1634] году зимовали мы, сироты твои, на Лене реке в Ленском в новом острожке Енисейского острогу с атаманом [написано: с аманатом — Г. К.] Галкиным и с енисейскими служилыми людьми, и твои государевы службы служили, и караулы караулили, и на драках и на боях против твоих государевых непослушников, якольских людей, ходили, а с ними дрались головами своими до крови и до смерти, и аманатов, которые для твоего государева иманы ясачново збору и умирения земли, кормили.

И сентября, государь, в 28 день, [1633 г. — Г. К.] атаман Иван Галкин, прося у Бога милости, ходил [с] служилыми людьми и с нами, сиротами

твоими, на твоего государева непослушника на баксинсково князья на Тусергу и на его улусных людей, для того, что тот Тусерга тебе, великому государю, ясак с себя и своих улусных людей не дал, и в твоём государеве ясаке атаману Ивану Галкину и служивым людям отказывал многожды.

Да он же, Тусерга, с кангаласкими князьями, с людьми своими, в прошлом в 141 [1633] году убили енисейских служилых людей Василья Быстрова, Ивана Тельново да промышленных людей Ортюшку Кырная, Ондрюшку Мартемьянова, Понька [?] Оникиева.

И тот князец Тусерга с своими людьми с служилыми людьми и с нами, сиротами твоими, дрался долгое время. И, Божиею милостию и твоим государским счастьем, енисейские служилые люди и мы, сироты твои, тово баксинсково князья Тусергу погромили и порубили досмерти, а иных его ж людей и жон их, и детей взяли живых и привели в новой острожек.

После, государь, того тот князец Тусерга твой государев ясак с себя и с своих улусных людей платил атаману Ивану Галкину. И тот твой государев ясак написан в ясашных книгах.

Да октября, государь, в 11 день [1633 г. — Г. К.], по твоему государеву указу атаман Иван Галкин послал енисейских же служивых людей и нас, сирот твоих, на твоих государевых непослушников на князья Еюка и на Барухниных детей, и на улусных людей, для того, что тот князец Еюк и Барухнины дети со своими улусными людьми тебе, великому государю, учинились непослушны и твоего государева ясаку давати с себя не хотели.

Да они ж, Еюк да Барухнины дети, со своими людьми в прошлом во 141 [1633] году убили енисейсково служилово человека Павла Фёдорова да промышленово человека Ивашка Карабышева. И служивые, государь, люди и мы, сироты твои, до тех твоих государевых непослушников дошли Бурухниных детей до улусных людей многих юрт и, прося у Бога милости, над ними промышляли. И у Бурухниных, государь, детей улусные люди с служилыми людьми и с нами, сиротами твоими, дрались долгое время. И, Божиею, государь, милостию и твоим государским счастьем, тех улусных людей те служивые люди и мы, сироты твои, побили и порубили.

Да ноября, государь, в 10 день [1633 г. — Г. К.], атаман же Иван Галкин посылал служивых людей и нас, сирот твоих, на твоих государевых непослушников на Мегиев на князья Дуруя и на Бодоевых улусных людей, для того, что тот князец Дуруй и Бодоевы, и улусные люди тебе, великому государю, учинились непослушны и твоего государева ясаку с себя давати не учили.

Да с ним же ко князю Дурую в прошлом во 141 [1633] году для твоего государева ясаку посылаемы были от сотника стрелецкого от Петра Бекетова служивые люди, и князец Дуруй и Бодоевы улусные люди служивых людей ограбили и твои государевы подарки, которые к ним для твоего государева ясаку посланы были, отняли.

И служивые, государь, люди и мы, сироты твои, до князья Дуруя и до Бодоевых улусных людей дошедши до многих юрт, прося у Бога милости, учили над ними промышлять. И князец Дуруй со многими людьми сели в острожке, и с служилыми людьми, и с нами, сиротами твоими, дрались с утра до вечера. И, Божиею, государь, милостию и твоим государским счастьем,

тьем, на той драке князьца Дуруя и многи[х] ево людей побили досмерти, и острожек у них, и жены, и их детей поимали.

И по тоё драки пचेмеги [?] твой государев ясак с себя атаману Ивану Галкину платили. И тот твой государев ясак написан в ясачных книгах. Да мы ж, государь, сироты твои, на последние свои товарёнка, на медь и на олово, и на одекуй, которые имали для своей хлебные скудости на Лене реке для скотинные покупки, потому что, государь, за Ленской волок перешли летом, а запасенка свои носили на себе, а в новом, государь, острожке покупали на те свои товарёнка кони и узды, и арканы, и сёдла по енисейской цене, рублёв по семи и по восьми, и по девяти, и по десяти, и больши, на чём твоя государева служба служить и твоих государевых непослушников было огорозити и, слыша б твою государеву грозу, немирных земельц непослушные князьцы боялись и твой [написано: твоё — Г. К.], государев ясак с себя и з своих людей привозили.» [10]

Обратим здесь внимание на слова: «за Ленской волок перешли летом». Значит, летом 1633, а не 1632 года, как утверждает Ф. Г. Сафронов.

Далее в челобитной написано:

«И декабря, государь, в 18 день [1633 г. — Г. К.], в новом же острожке ведомо учинилось атаману Галкину: у князьца де у Мымака в улусе у улусново ево Мымакова мужика у Еяунайка твоего государева непослушника князьца Борухи улусной мужик Оргуй женит сына своего. И атаман Иван Галкин [с] служилыми людьми и с нами, сиротами твоими, на конех к князьцу Мымаку в улус ходили, для того чтоб того твоего государева непослушника Оргуя поимати и привести под твою государеву высокую руку, и твой б государев ясак с него взяти. И того, государь, твоего государева непослушника Оргуя взяли сына ево Оргуева.

И после, государь, того тот Оргуй к твоему государеву жалованью в острожек приезжал и твой государев ясак с себя и своих людей дал атаману Ивану Галкину. И тот твой государев ясак написан в ясачных книгах. А тот ево Оргуев сын и ныне в новом острожке в аманатех.

Да генваря в 4 день [1634 г. — Г. К.] ведомо учинилось атаману Ивану Галкину и служилым людям, что князьца де у Мымака в улусе собрались многие якольские люди сверху и снизу Лены реки и з гор: кангаласы, имеги, катулинцы и бетюнцы, и дубчинцы, многих родов князьцы со всеми своими людьми, сот де их с шесть и больше, а хотят приступить к новому острожку всеми людьми.

И генваря, государь, в 5 день атаман Иван Галкин с служилыми людьми и с нами, сиротами твоими, изволя все за тебя, государя, единодушно помереть, урядясь, на конях против тех твоих государевых изменников из Ленского острожку выехали за Лену реку в Мымаков улус.

И как, государь, атаман и служивые люди, и мы, сироты твои, в Мымаков улус приехали, и те твои государевы изменники, якольские многие князьцы, со всеми своими людьми учили стрелять и напущатьца великими конскими напуски с копьи и с пальмами.

И атам(ан), государь, Иван Галкин и служивые люди, и мы, сироты твои, прося у Бога милости, и с теми якольскими со многими людьми дрались

докрови и досмерти. И на той, государь, драке те якольские люди убили Тобольского города казака Степана Юдина да енисейского казака Ивана Черноуса. И атамана Ивана Галкина и служивых людей, и нас, холопей [надо: сирот — Г. К.] твоих, на той драке переранили смертными ранами, ран по пяти и по шти, по семи и по осми человека, и коней всех, настреляв, побили. И дрався, государь, шли отводом до острожку вёрст с восемь и больше. И на той, государь, драке убили якольских людей человек сорок и больше, а иных многих ранили, и коней многих под ними побили, а иные переранили.

Да генваря, государь, в 9 день те ж якольские многие князьцы со всем своим собранием пришли приступать с многими щитами, с сенами и з бересты под острожек на конях и пеши. А мы, государь, все, бедные, переранены смертными ранами.

И служивые люди вышли из острожку на берег Лены реки, а иные, урядясь, сели в острожке по местом. И те, государь, якольские многие люди, сот их с семь и больше, стояли под острожком, приступаячи к острожку многими приступы накрепко. И на тех, государь, пристулах прибили у них многих лутчих людей, а иных переранили.

И седели, государь, мы, сироты твои, с служилыми людьми в том острожке в осаде, переранены бедны, генваря с 9 числа февраля по 28 число, помираячи голодною смертью и с холоду, потому что якольские люди под острожком стояли, никуды да не выпусая.

И как, государь, служивые люди и мы, сироты твои, от тех ран обмылися, и марта, государь, в 1 день атаман Иван Галкин посылал служивых людей и нас, сирот твоих, на твоего государева непослушника на бетуньсково улусного мужика Ижинея, для того что тот Ижинея тебе, великому государю, учинился непослушен и твоего государева ясаку с себя не дал, и на драках и на приступех к острогу приходил.

И, Божиею, государь, милостию и твоим государьским счастьем, того того улусного мужика Ижинея погромили. И после, государь, того тот Иржинея к твоему государеву жалованью в острожек приезжал и твой государев ясак с себя дал атаману Ивану Галкину.

Да марта же, государь, в 9 день ведомо учинилось атаману Ивану Галкину, что якольские князьцы Будуй да Семен Улти со всеми своими улусными людьми, которые твой государев [ясак — Г. К.] платили, хотят бежати на дальные усторонные реки для того, что они, князьцы, со всеми своими людьми на драках и на приступех были, и впредь бы им твоего государева ясаку не платити.

И атаман, государь, Иван Галкин [с] служилыми людьми и с нами, сиротами твоими, ко князьцу к Бурдую с товарищи ходили и их уговорили, чтоб они, князьцы, со всеми своими людьми жили под твоею государевою высокою рукою безо всякого опасенья, и никуды не отбегая, и на твою б государеву милость были надёжны. И уговоря, государь, тех князьцов и лутчево князьца Бурдуя, взяли в аманаты сына ево, Бурдуева, Дадыка, для того чтоб они, князьцы, со всеми своими людьми твой государев ясак и впредь давали, и никуды не отбежали, и свою б братию, якольских людей, к твоему государеву жалованью призывали.

И служили, государь, мы, сироты твои, тебе, великому государю [М. Ф.], в новом Ленском острожке с атаманом с Иваном Галкиным и служивыми людьми головами своими и кровью, и в осаде терпели великие нужи, и помирали голодною смертью и цынгою, и товарёнка свои придержали, купача корову рубля по четыре и по пяти, и по шти, и больше, и для твоей государевы службы кони купили, и кормили, сена покупаючи, сёдла и арканы. И которые, государь, аманаты иманы для твоего государева ясачново збору и умирению земли, и тех, государь, аманатов кормили мы, сироты твои, [с] служилыми людьми вместе, и всякие нужи на службах и в осаде терпели, и помирали голодною смертью, ранены и бедны.

<...> Вели, государь, службу нашу и кровь, и терпение атаману Ивану Галкину отписать в Енисейской острог к твоему государеву воеводе к Ондрею Ондреевичю Племянникову, чтоб наша служба и кровь тебе, государю, была ведома.» [11]

Таким образом, в Ленском острожке Е. Хабаров ознакомился на деле, как «подводить под высокую государскую руку» местное население. Может быть, эти способы кому-то покажутся чересчур жестокими. Тогда, давайте, вспомним просвещённый XX и XXI век. Но это уже не наша тема. Видимо, ленский опыт имел немалое значение в решении Хабарова самому заняться таким же делом. Но условия для этого появились лишь через 15 лет. А до этого он занимался торговлей и соболиным промыслом. Но этим занимались и другие, даже с большим успехом. Занимались, но не оставили следа в истории. А до амурского похода Е. Хабаров совершил ещё одно дело огромной важности. Он первым завёл пашню на Лене.

В Ленском острожке Хабаров, по всей вероятности, оставался ещё год. В таможенной книге 143 [1634-1635] года записано: «Да Енисейского острогу атамана Ивана Галкина збору, что собрано на Лене в новом Ленском острошке с торговых и с промышленных, и служилых людей государевы десятиные пошлины с мяжкой рухляди, с соболей, и с ково имянем взято, и то писано порознь статьями 143 году.» [12]

После большого количества записей есть запись и о Хабарове: «У промышленово человека у Ярофейка Павлова устюжанина с промышленных с четырёх сороков соболей взято десятой шеснатцать соболей с пупки и с хвосты.» [13]

Ни в одной из таких записей не указана точная дата, как это принято в позднейших книгах.

Обратим внимание, что в приведённой выше челобитной Е. Хабаров называл себя торговым человеком, а здесь он назван промышленным человеком. Видимо, принадлежность к этим сословиям жёстко не закреплялась.

После этого Хабаров выезжал в Енисейск. В другой книге, которая озаглавлена «144 [1635] году, сентября с 1 числа, книги государевы [М. Ф.] Енисейского острогу таможенново збору при таможенных головах при Семёне Бобровском да при Елесее Турунтаеве, да при целовальниках при Третьяке Потапове, да при Осипе Васильеве с торговых и с промышленных, и служилых людей с мяжкой рухляди с промышленных и с перекупных соболей, и с пупков, и с хвостов соболевых, и з бобров, и с лисиц, и со всякой мяжкой

рухляди» [14] есть запись о Хабарове: «Того ж дни {4 сентября 1635 года — Г. К.} у промышленного человека у Ярафейка Павлова Хабарова Усолья Вычегоцкого с перекупных со шти сороков з дватцати соболей взято дватцать шесть соболей с хвосты.

У него, Ярафейка, с пластинишек и с лоскутья соболя, испод пупчатых по оценке з десяти рублёв и за рубль взято десятой два соболи с хвосты.» [15]

Здесь опять Хабаров назван промышленным человеком, причём не устюжанином, а Усолья Вычегодского.

Есть ещё одна книга с неопределёнными датами. Она озаглавлена: «Дзбору Енисейского острогу стрелецково головы Богдана Балкащи [?], да целовальника Игнашки Осипова, что збирали на Лене реке с торговых и с промышленных и [с] служивых, и со всяких людей государевы десятой пошлины мяжкой рухляди.

А что с ково имянем какой мяжкой рухляди взято, и то писано порознь статьями 143 и 144 году [с 1 сентября 1634 по 31 августа 1636 г.]» [16]

Запись о Хабарове гласит: «У промышленово человека у Ерофейка Хабарова с перекупных с семи сороков соболей взято десятой дватцать соболей с хвосты да восьмь соболей без хвостов.» [17]

Количество соболей здесь не совпадает с количеством в других записях, значит, это не повторение старых записей, а новая запись.

Фишер писал, что прежде, чем завести пашню на Лене, Хабаров заводил пашню «у Енисея, напротив устья реки Тиса, в том месте, где ныне Назимовский погост, также первым земледельцем.» [18]

В книге имеется карта, однако, Назимовский погост на ней не отмечен. А в примечании на странице 505 Фишер сам начинает гадать, где же находится река с несколько видоизменённым названием Ктес (Тес). До сих пор ни один историк не опубликовал документ, подтверждающий занятие Хабарова земледелием на Енисее у устья Тиса.

Осенью 1637 и зимою 1637—1638 года Хабаров и его брат Никифор были в Енисейске, о чём свидетельствует приводимый ниже документ.

«Се яз, Тихон Перфирьев сын, торговой человек устюжанин, с сыном своим Дмитрием дали есми на себя сию запись торговым людем Ерофию да Никифору Павловым Хабаровым в том, что я, Тихон, с сыном своим взял у них, у Ярофия з братом, на свой дощаник их клади две тысячи пуд муки ржаной. И поставить нам тоё их муку из Енисейсково острогу нынешнего 146 [1638] году под Ленским волоком весною по первому водяному пути.

А судно нам, Тихону с сыном своим, в дощанике течь укрепить сверху и в ысподе для того запасу.

А работные ярыжки, кем запас на судех поставить, и снасть судовая добрая наша, Тихонова с сыном. Поить и кормить работников до волоку мне, Тихону, с сыном, своим хлебом до волоку.

А у досмотру быть им, хозяевам, Ерофию, самим до волоку.

А дорогою идучи, запас беречь нам, Тихону с сыном, не подмочить и ни которой хитрости не учинить. И груска и выгруска наша, Тихонова с сыном.

А анбар под Ленским волоком наш, Ерофиев.

А найму мы, Тихон с сыном своим, взяли у Ярафия з братом от клади, от запасу, наперёд у сей записи двести рублёв денег. А достальные деньги, двести сорок рублёв, взять в великой пост нынешняго 146 [1638] году.

А буде мы, Тихон с сыном, тоё их запасу под Ленским волоком не поставим сеё весны нынешняго 146 [1638] году, или, дорогою идучи, запас подмочим, или какую хитрость учиним над запасом, или своим небрежением утеряем, и им, Ярофию з братом, взять на нас, на Тихоне с сыном, за всякой пуд по два рубля, какова пуда в числе не будет. А буде на походе судно убьёт, и нам, Тихону, иное судно купить на свои деньги и запас потому ж поставить под Ленским волоком. А судом Божиим на походе запас потонет или сильная рука возьмёт, и Ярофию з запас[у] цены не спрашивать и не иметь. А здраво Бог донесёт на волок з запасом, и им, Тихону с сыном, выгрузя запас, отвести хозяевам.

Где ся запись выляжет, тут по ней суд и управа. Кто станет з записью, тот и истец.

Послух в записе площадной подъячей Сергей Иванов Лопатин.

Запись писал Ярофей Киселёв.

Лета 7146 [1637], сентября в 18 день.» [19]

Из этой записи следует, что к перевозке запасов Ерофей Хабаров начал готовиться заблаговременно, ещё с осени, а в Илимске у него уже имелся собственный амбар. По какой-то причине он свой дощаник не приобретал, а предпочёл нанять перевозчика.

На перевозку запасов Хабарову была выдана проезжая грамота.

«По государеву [М. Ф.] указу отпущен из Енисейского острогу на Лену реку промышленной человек Ерофейко Павлов Хабаров устюжанин. А с ним промышленово заводу и хлебново запасу:

две тысячи пуд муки ржаной
триста сажень сетей неводных
два пуда меди в кусках
двадцать семь кафтанов бархотных
сто аршин сукон сермяжных.

А по енисейской таможенной оценке на тысячу на пятьсот на четыре рубли с полтиною. И с тово у него промышленово заводу государевы десятой отъезжей пошлины не взято, потому, как он будет с промыслом, и с него возьмётся государева десятая пошлина мягкою рухлядью сполна.

Да с ним же двадцать семь человек покручеников. И с нево, Ерофейка, и с покручеников отъезжей пошлины взято с человека по алтыну, и на нынешней на 146 год по осми алтын по две деньги с человека в государеву казну взято сполна. И печатные пошлины по государеву указу по деньге с рубля в государеву казну взяты сполна.

К сей проезжей государеву [М. Ф.] печать земли Сибирские Енисейского острогу приложил воевода Прокофий Фёдорович Соковнин.

Лета 7146 [1638], мая 25 день.» [20]

Деньги на приобретение этих товаров Хабаров занял у воеводы, о чём свидетельствует память от 30 июня 1652 года, присланная Хабарову во вре-

мя амурского похода в Албазин со служилым человеком десятником Никитой Прокопьевым. В конце этой памяти написано:

«Да тебя ж, Ярка, и брата твоего Микифорка по государеву [А. М.] указу велено ему, Микитке, дать на поруки в иску окольничево Прокофья Фёдоровича Соковнина в 2100 рублях в займех своих, Ярковых, что тебе стать в Якуцком остроге.» [21]

Хабаров этот долг выплатил лишь в 165 году.

Обратим внимание на состав груза. Здесь есть мука, но нет никакого зерна. Хотя этот документ историки истолковывают, как начало заведения Хабаровым пашни, в проезжей же памяти сказано об отпуске на соболиный промысел, а состав груза указывает, что основная его часть была предназначена для продажи.

На самом же деле, Хабаров к указанному выше грузу добавил ещё триста пудов, но отказывался заплатить за его перевозку, вследствие чего Дмитрий Плехот решил взыскать эту плату через суд.

«146 [1638] года, августа в 31 день, бил челом государю [М. Ф.] и подал челобитную Енисейского острогу сыну боярскому Перфилю Ходыреву торговой человек Митька Тихонов Плехот. А в челобитной пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, торговой человекенко Дмитрейко Тихонов Плехот. Жалоба, государь мне на торгового человека на Ярафея Павлова сына Хабарова.

В нынешнем, государь, во 147 году [здесь ошибка, надо: 146 — Г. К.] шёл он, Ярафей, у меня, сироты, из Енисейского острогу на моих дощаниках, на кладе, до Ленского волоку. И вёз ему я, сирота твой, запасу ему, Ярафею, из Енисейского до Ленского волоку две тысячи пуд муки ржаные. И ту яз ему, Ярафею, муку, две тысячи, довёз до Ленского и отдал ему, Ярафею, ту муку всю сполна.

Да он же, Ярафей, клал на те мои дощаники, опроче тоё муки, дву тысяч, влишке сорок четвертей овса. Да поставил на те мои дощаники два коня. Да за тою же кладью клал круп и толокон, семени и гороху, и рыбы сухия да сала говяжья, да сукон сермяжных и холстов, и ситей, и прядена, и камысов лосиных, и жиру рыба, и всякой мелочи без весу.

А ряжено было со всяково пуда иметь за провоз до Ленского волоку по две гривны с пуда.

И пришедцы, он, Ярафей, к волоку, и из судов моих запас и всякую лишнюю кладь, не вся, выносил к себе в анбар.

И за ту мне, сироте, взяти на нём, Ярафее, за лишнюю кладь с трёхсот пудов шездесят рублёв денег. И он, Ярафей, того лишнего запасу весить не даёт и за провоз денег штидесят рублёв не даёт же, неведомо для чево.

<...> Вели, государь, дать на того Ярафия в ево лишней кладе и в моём иску по челобитью свой царской суд и управу.» [22]

Упомянутый здесь Перфилий (Парфён) Ходырев был в это время приказным человеком на Ленском волоке. Суд состоялся. Вот его описание.

«И выслушав, ответчик Ерофейко Павлов отвечал: овёс де и лошади, и горох, и круп, и толокна, и суконных сверх записи влишке триста пуд, клал, да и за провоз де шездесят рублёв платил.

И в том истец и ответчик имались за веру. И ответчик Ярофейко Павлов исцу дал на душу Миките. [Здесь и далее имя записано неправильно, надо: Митьке — Г. К.]

И истец ж Микитка уличал, слался на запись, какову он, Митька, на себя ему, Ярофейку, в ызвозе дал на себя запись. Только де он, Ерофейко, мне с тех лишних с трёхсот пудов платил мне шездесят рублёв, и он бы де, Ерофейко, на записи подписал, или отпись б на меня взял в том в ызвозе в платежу во шестидесяти рублех. И в том он, Митька, запись выложил. А в записе пишет.» [23]

Далее приложен список с записи, которую мы привели в начале. А после этого:

«Истец ж Митка Плехон [так в тексте — Г. К.] сверх записи из виноватых слался в повальной обыск на служилых и на торговых, и на промышленных, и на ево, Ерофейковых, покручеников и наёмщиков ево, и на всяких людей: им де, служилым и торговым, и всяким людем, ведомо, что де он, Ерофейко, с той лишней клади, с трёхсот пудов, и за провоз не платил шездесят рублёв.

И ответчик Ерофейко Павлов на служилых и на торговых, и на промышленных, и на своих наёмщиков в повальной обыск не слался, того он не сказал. Только он отводил торговых людей четырёх человек:

Петрушку пежемца
Офоньку Туркина
Весну Павлова
Игнашку Балина.

А на служилых и на торговых, и на промышленных, и на своих покручеников и наёмщиков для чево не слался в повальной обыск, тому он отводу не мог дать. И при ком он шездесят рублёв платил ему, Митьке, в том он никого, ни одного человека, не дал же, и в платёжную отпись во штидесят рублех не выложил же.

И в том торговые люди для обыску поставлены и опрашиваны. И в том торговые люди речи свои принесли за своими руками. В роспросе торговые люди:

Князь Ивана Борисовича Черкасского крестьянин Пимин Фёдоров сказал: про то де мне ведомо, что де ему, Митьке, за провоз на Ерофейке взять было. А платил ли, нет ли — не видел того, и у него, Ярофейка, про платёж не слышал же.

Торговой человек Ивана Тарасьевича Грамотина крестьянин Ондрей Осколков сказал: у Митьки де Плехоте слышал, что де взять ему на Ерофейке за провоз. А про платёж, платил ли, нет ли, то он не ведал и у Ерофейки про то не слышал.

Торговые ж люди, Кирила Босова прикащики, Яков Осипов, Микита Омелянов сказали: за нами те ж речи, что за Ондреем Осколковым.

Торговой же человек Василей Михайлов Красиков сказал: за провоз де на нём почитал, что ему, Митьке, взять на Ерофейке, и мне де про то весно. А платил ли, нет ли, того он не знает. И у него, Ерофейка, про платёж не слышал же.

Енисейского острогу сын боярской Парфеней Ходырев, сего судного дела слушев, приговорил:

Исца Митку Тихонова оправить, а ответчика Ерофейка Павлова обвинить, потому что он, Ерофейко, сказал: за провоз де ему, Митьке, за лишнюю кладь с трёхсот пудов провозу платил де шестьдесят рублей. И какову он, Митка, ему, Ерофейку, в ызвозе дал на себя запись, и в той записи писано: только он, Ерофейко, платил ему, Митьке, против записи з дву тысяч пудов. А с той лишней клади, с трёхсот пудов, провозу шестьдесят рублёв не платил, и в записи того не писано, и на записи платёж не подписан же, и отпись он, Ярофейко, платёжную не выложил же.

Да и потому он, Ерофейко, виноват, что он в повальной обыск на торговых и на служилых, и на промышленных людей не слался, и на своих наёмщиков и покручеников, тому он отводу не мог дать. Только он отводил четырёх человек торговых людей: Петрушку пежемца [написано: пемемца — Г. К.], Офоньку Туркина, Игнашку Балина, Весну Павлова.

Да и потому он, Ерофейко, виноват: за провоз де ему, Митьке, платил шестьдесят рублей, и в том он никого, ни одного человека, не своих покручеников, не наёмщиков своих, не одного человека, не дал, хто с ним живут в анбаре, и оне не видали при ком он платил, а торговые и промышленные люди в том скаску свою принесли за своими руками, потому он, Ерофейко Павлов, по всему своему ответу и виноват.

И с него, Ерофейка, взято в государеву казну с сего суда пошлин со штидесят рублей шесть рублей. Да пересуду и правого десятка семь алтын две деньги.» [24]

Из приведенных документов видно, что к первоначально намеченному грузу Хабаров добавил, кроме прочего, овёс и семена, видимо, овощей, но о семенах ржи не упомянуто. Также видно, что избы у Хабарова в Илимске не было, а был амбар, который он использовал не только для хранения грузов, но и для жилья. К слову сказать, местные жители обычно предпочитали в жаркое летнее время ночевать в амбарах, а не в душных избах, пропитанных за зиму запахом дыма, ведь избы тогда топились по-чёрному. И опять же не упоминается племянник Хабарова Артемий Петриловский, видимо, он появился на Лене позднее.

Осенью или зимой Хабаров снова уехал в Енисейск, о чём свидетельствует выписка из енисейских проезжих грамот.

«Выписка из енисейских проезжих грамот 146 [1637–1638] году торгового человека Ерофейка Павлова Хабарова, сколько у него по енисейским грамотам русково товару и хлебного запаса по енисейской таможенной оценке.

По отпускной проезжей 146 [1638] году русково товару и хлебного запаса по енисейской таможенной оценке на тысячу на пятьсот на четыре рубли с полтиною.

По другой проезжей 147 [1639] году по таможенной оценке на дватцать четыре рубли.

И обоено по енисейской таможенной оценке русково товару и хлебного запаса на тысячу на пятьсот на дватцать на восемь рублёв с полтиною.

А ленской оценки тому рускому товару и хлебному запасу нет.» [25]

Здесь лист оборван, дальше, видимо, было какое-то продолжение. А на обороте листа записано: «Да по якуцкой таможенной оценке 4203.

У него ж по другой проезжей по якуцкой таможенной оценке на 18.

И обоего по якуцкой таможенной оценке 3221.»

Очевидно, здесь ошибка, надо: 4221. Как видим, записанная здесь таможенная оценка по проезжей грамоте 146 [1638] года полностью совпадает с оценкой, записанной в проезжей грамоте от 26 мая 1638 года.

К сожалению, неизвестно, к какому месяцу и числу относилась проезжая грамота 1639 года. Но скромная сумма в 24 рубля свидетельствует о том, что поездка 1639 года была связана не с перевозкой грузов. Заметим пока, что в 1639 году в Енисейск прибыл первый ленский воевода Пётр Петрович Головин, и там, видимо, Хабаров встретился с ленским воеводой. Документов об этой встрече нет. Но имеется глухое упоминание в мирской челобитной, о которой речь пойдёт несколько позже:

«Прошал у того Ярофейка в Енисейском остроге человек ево Тимошка Якшин ево, Петровым, словом 1500 рублёв.» [26]

Хабаров денег не дал. Это потом дорого обошлось Хабарову. Но были ли у него такие деньги? Ведь сам занимал у воеводы Соковнина.

В одной из челобитных Хабаров писал, что «при воеводе при Микифоре Врёвкине подавал ему челобитную, что для государевы прибыли проведать на великой реке Лене, каков хлеб родитца.» [27] Не для этого ли ездил? В то время енисейским воеводой был Никифор Верёвкин.

А летом 1639 года Хабаров был уже в Ленском остроге. Там во время его пребывания была составлена купчая на двух якутских «жёнок».

«Список с купчей

Се аз, Фёдор Микифоров Балагур, красноярской казак, продал есми в Ленском остроге торговому человеку Ярафею Павлову Хабарову устюжанину ясырь свой — две женки якольские, имене[м] Сбычей да Катукан.

А взял я, Фёдор, у него, Ярафея, за тот свой ясырь, за две женки, двадцать рублей денег у сей купчей наперёд все сполна.

Преж сее моя купче[й] те мои ясырские женки ни кому не заложены, ни проданы. А в отводе и в очищенье тому своему ясырю от купчих и от закладных, и от всяких писмяных [написано: писпьяных — Г. К.] крепостей — своими деньгами. А выкупа и очистя, отдать Ярафею, а убытки не привести.

И в том я, Фёдор, ему, Ярафею, на тот свой ясырь и купчую дал.

А в послуех у купчей — енисейского острогу казачей десятник Михайло Кузьмин Кожева.

А купчую писал Вахрамей Максимов.

Лета 7147 [1639] году, июля в 14 день.» [28]

На обороте купчей: «К сему списку вместо торгового человека Ярафия Павлова Хабарова енисейской казак Фторко Фёдоров Катаев по ево веле- нью руку приложил.»

Впоследствии этот Второй Катаев стал сыном боярским.

Покупка ясырей косвенно свидетельствует о намерении Хабарова постоянно обосноваться на Лене.

Самое важное ленское событие этого времени — начало заведения пашни —, оказалось вообще не отражённым в документах даже в общих чертах. Частичные сведения об этом содержатся лишь в более поздних документах. Уже после амурского похода в Москве Хабаров подавал челобитную, в которой писал:

«В прошлых, государь, годех для прежних государей и для ради твоей государевы прибыли проведаль я, холоп твой, на великой реке на Лене соляные промыслы и пашни. А проведаль, государь, пашни и варницы устроил.» [29]

На обороте челобитной написано: «163 [1655] году, июля в 5 день. Государь пожаловал, велел службы его выписать.» Однако, службы Хабарова выписаны не из бумаг Сибирского приказа, а приложена «Роспись службам Ерофейка Павлова, на которые ходил своими животами» от имени самого Хабарова. После описания даурской службы написано:

«Да преж тоё службы при воеводе при Микифоре Верёвкине подавал ему челобитную в Енисейском остроге, что для государевы прибыли проведать на великой реке Лене каков хлеб родитца и какова соль, и варничное строение. И с отпуску проведаль я: на усть Куты соль и пашни есть. И я тут соляной промысел и пашни устроил, и в Енисейской острог к воеводе соляной опыт послал. Да в другом месте, на Вилное реке, проведаль я соль самосадку.» [30]

Никифор Верёвкин был енисейским воеводой с 1639 по 1640 год. Значит, первый посев и устройство варницы относятся к 1639 году. Между тем, в географическом указателе книги «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии» написано: «Усть-Кут <...> В 1633 г. здесь была основана по инициативе Е. Хабарова солеварня.» [31]

В 1639 году произошло важное событие в жизни Ленского края — из Енисейского воеводства было выделено Ленское воеводство во главе с воеводой Петром Петровичем Головиным. Но новый воевода приехал в Якутский острог лишь летом 1641 года.

«В прошлом, государь, во 148 [1640] году, июня в 21 день, пошли мы, холопи твои, из Енисейского острогу на твою государеву службу на великую реку Лену и пришли, государь, мы, холопи твои, на Ленской волок августа в 24 день.» [32]

Так сообщал в Сибирский приказ воевода П. Головин.

Летом 1640 года Хабаров не ездил в Ленский острог. Об этом есть не совсем понятный документ:

«148 [1640] году, июня в 6 день, в Ленском острожке в Съезжей избе принёс служилой человек Якунька Щербак короб. А в коробу тритцать полосмы [37,5] дюжины карт. А сказал: оставил де мне в прошлом году 147-м [1638—1639] году торговой человек Ярафейко Хабаров. И те карты взяты в государеву казну в Съезжей избе. Да снята его, Яркова, печать с короба, тут же в короб положена.» [33]

А далее приводится грамотка (письмо) Хабарова Осипу Галкину, который тогда был приказным человеком в Ленском остроге:

«Господину моему Осипу Семёновичю Ярофейко Павлов челом бьёт.

Как тебя господь сохраняет, а про меня поход ведать. И я жив февраля 27 день.

Да умилосердись, Осип [написано: Яков — Г. К.] Семёнович. Были мои карты оставлены у Якова Щербака. И ты ему поговори, чем бы ему пожаловать, отдать брату моему Тимошки Сергеев[у]. А за тем челобитьем ...» [конца нет.] [34]

На обороте письма помечено:

«148 [1640] году, июня в 6 день, взята грамотка у промышленного человека у Тимошки Сергеева устьцылемца.

Дана ся грамотка в Якутах Якову Данилову сыну Щербаку.»

Дана как расписка за переданные карты. Сохранившаяся же часть письма является копией с письма Хабарова. Непонятно здесь многое. Видимо, карты в то время ещё не были запрещённым товаром, как в более позднее время. Торговля ими приносила немалый доход.

Об упомянутом здесь брате Хабарова Тимошке Сергееве устьцылемце ничего неизвестно. Судя по отчеству и по месту рождения, это, видимо, двоюродный брат. А Яков Данилов Щербак был тоже одним из первых ленских землепашцев. Об этом рассказано в конце настоящей главы.

С приездом Петра Головина на Ленский волок Е. Хабаров сразу почувствовал крепкую воеводскую власть.

Уже через двадцать дней после приезда была написана память находящемуся на устье Куты приказному человеку Семёну Родюкову. Она сохранилась в черновике и с незначительными повреждениями.

«Лета 7149 [1640], сентября в 14 день. По государеву [М. Ф.] указу память енисейскому казачью пятидесятнику Семейке Родюкову.

Как к тебе ся память придёт, и ты б [с] служилыми людьми на край великие реки Лены на усть Куты на Ярковой заимки Павлова описали ево, Яркову, пахотную землю и сметили с усть Куты реки и до усть Муки реки вниз [надо: вверх — Г. К.], и што будет иных пашенных мест и наволоков, опричь Ярковы пашни Павлова, и пашенново лесу и сенных покосов.

Да тебе бы, Семейке, [с] служилыми людьми сметить, сколько у Ярка Павлова десятин было под рожью к нынешнему 149 [к 1 сентября 1640] году и сколько было под яровым хлебом земли десятин, и што у него вперёд ко 150 [к 1 сентября 1641] году посеяно десятин ржи, и што сверх пахотных мест на край великие реки Лены вниз по Куте и вверх паханой земли десятин, и пашенных мест, и сенных покосов.

И тебе б [с] служилыми людьми те пашен(ные места и пашенной) лес и сенные (покосы сметить и описать) и на па(шне... ум)олот ево, Ярковой,... сто снопов или один. А на один велеть снопы счётом же. И [у] умолоту быть с служилыми людьми самому.

Давать же велеть сварить Ярковым ярышкам соли в Яркове цырене или в котле. И как та соль сваритца, им ту соль взвесить. А што той соли будет, сколь скоро сядет, сутками ль или полусутками, и то написать именно на роспись. А в чём будет соль станут варить, и тот цырен смерить [в] вёдры, и сколько в нём росола мерою (будет), и что соли ис тово росолу весом будет.

А сметь землю пахотную в десятины, и пашенные места и наволоки, и пашенной лес, и то имянно написать на роспись.

И сваря соль, и ржи обмолоту опыт, ехать из заволочья назад (на Ленский

волок) тотчас. А приехав, т(отчас) явиться на Ленском волоку, и д(озо)ру с всего, и пашенным мест(ам), и умолоту ржи, и соли роспись п(одать) стольником и воеводам Петру Петровичу Головину, Матвею Богдановичю Глебову да диаку (Еуфимею Фи)латову.

А однолично б тебе, Сем(ейке), государевым делом радеть, на край в(ели)кие реки Лены, на усть Куте реке и вверх по Куте реке Яркову (заимку) и наволоки, и пашенной лес, и иные б пашенные места, и сенных покосов сметить, и опис(ать), сколько десятин пашен(ной) земли и пашенного лесу, и сенных (покосов) будет в котором месте.

А будет ты не учнёшь государевым делом радеть, на край великие реки Лены Яркову заимку Павлова не сметишь в десятины, и по Куте реке пахотных мест и наволоков, и пашенново лесу не сметишь и в десятины не опишешь, и сенных покосов не сметите ж, или замешкаете, а после про то сыщется, и тебе, Семе(йке с слу)жилыми людьми за то по государеву указу быть в жестоком наказанье.» [35]

Семён Родюков осмотрел пахотные места и послал воеводам дозорную память.

«Лета 7149 [1640], сентября в 19 день. По государеву указу [М. Ф.] и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова за приписью диака Еуфимья Филатова на усть Куты у Соли досматривал пятидесятник Семён Родюков [с] служилыми людьми с Онтоном Спиридоновым, с Савою Истоминым с товарищи Ярковы заимки Павлова пахотную землю, что было сеяно под рожь к нынешнему ко 149 [к 1 сентября 1640] году.

По смете тоё земли восемь десятин. Под яровым хлебом — десятина, и что посеяно ржи ко 150 [к 1 сентября 1641] году — три десятины. Да пашенново лесу пять десятин, да в лугах шесть десятин под сенные покосы.»

Видимо, это и была пашня Хабарова. Сейчас на этом месте расположен санаторий. Место это видно из окна поезда. А далее в дозорной памяти описываются уже никем не занятые, но пригодные под пашню земли.

«Да от Ярковы заимки вниз по Куте реке на острову под пашню земли десятина.» Что это за остров, неясно.

«Да против тово острову по левую сторону на край Куты под пашню земли десятина.

Да на устье Куты у великие реки Лены по нижнюю сторону десятина.»

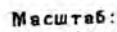
Эти места сейчас заняты застройкой города Усть-Кута.

«Да на устье ж у Куты реки на острову по край великие реки Лены четыре десятины.» Очевидно, это остров Домашний.

«Да от того острову вниз по Лене по левую сторону на край великие реки Лены на лугу под пашню пять десятин.» Это место сейчас застроено.

«Да от Ярковы же заимки вверх по Куте по правую сторону на наволоке под пашню земли четыре десятины.» Здесь сейчас находится деревня Карпова.

«Да от того наволоку вверх же по Куте лодошным ходом полтора дни на трёх наволоках под пашню земли четыре десятины. Да пашенново лесу пять десятин.» Здесь потом возникла деревня Каймонова.

Река Кута

«Да на усть Купы реки на Куте же наволоок под сенные покосы три десятины.» Здесь потом появилась деревня Мука.

«А все те четыре наволока по правую сторону. А промеков теми четырьмя наволоки по версте места.

Дозорную память писал служивой человек Ивашко Афонасьев Овчинников.» [36]

В это же время в таможенных книгах появляются несколько записей о Хабарове.

«Сентября в 18 день [1640г.] торговой человек Демен(тей) Гаврилов Караблёв продал торговому человеку Ярафию Павлову Хабарову (пять) сороков соболей. Взял сто (тритцать) рублёв. Записной пошшины взят три рубли тритцать алтын.

Того ж дни промышленной человек Гришка Фёдоров Ус продал торговому человеку Ярафию Павлову Хабарову три сорока (со)болей. Взял сто рублёв. Записной пошшины взято три рубли.» [37]

В другой книге, высланной в Москву и озаглавленной «Книги Ленского волоку таможенные сбору десятинной пошшины соболиной перекупной», имеется запись за 18 сентября 1640 года о взятии с Хабарова десятинной пошшины с этих двух покупок.

«Того же (дни) у торгового человека у Ярафия Павлова Хабарова с восьми сороков соболей перекупных десятинной пошшины взято дватцать шесть соболей с хвосты, а шесть соболей без хвостов.» [38]

А в предыдущей книге имеются ещё две записи о Хабарове.

«Того же месяца [сентября] в 18 день торговому человеку Ярафию Павлову Хабарову за судно, за струг, дано десять рублёв. А тот струг взят для государева ясадного збору к усть Чючюю.» [39] Чечуй впадает в Лену с правой стороны в 122 км ниже Киренска.

В книге записных пошшин отмечено:

«Месяца сентября в 22 день [1640 г.] Ленского розряду служивой человек Панфилко Петров продал торговому человеку Ярку Павлову Хабарову лошадь, мерин бур, грива розмётом. Взял двенатцать рублёв. Записной пошшины взято четыре алтына. С купца взято пошерстного алтын.» [40]

Между тем, воевода Головин начал приём соболиной казны у сына боярского Парфёна Ходырева и, как водится, выявил утайку. Какими-то путями дознались, что кое-что спрятано у Хабарова. В амбаре на заимке Хабарова у его приказчика произвели досмотр.

«В нынешнем во 149 [1640] году, сентября в 24 день, писал на Илимской волок к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову, да к диаку к Еуфимью Филатову с усть Куты реки енисейской пятидесятник Семейка Родюков. А в отписке ево написано: велено ему, Семейке, с служилыми людьми досмотреть в анбаре у Яркова приказщи(ка) у Федыки двух коробей да сундук.» [41]

Далее написано:

«В доездных памятех енисейского сына боярского Парфёна Ходырева у Яркова приказщика Павлова мех муки ржаной да бочюрка масла, да жиру говяжья кадка. А привёз де тоё муку и жир, и масло к нему, Федыке, ярыш-

ка Ларька Аввакумов. А иных де Парфёновых животов у него, Федьки, не бывало.» [42]

Неизвестно по какой причине, воевода пометил: «Взять на государя.»

«Да у него, Федьки, в анбаре сыскали мягкие рухляди в мешке холщёвом восемь соболей, три сорока пупков, три бобра, дватцать пять соболей не подделанных. А сказал он, Федька, что де те соболи ево, Федькины.» [43]

Несмотря на это, опять помечено: «Взять на государя.»

«Да у него ж, Федьки, в анбаре сыскали восемь соболей да восемь пупков собольих. И он де, Федька, сказал, что те соболи хозяина ево, Ярка Павлова. А на те де соболи продана лошадь тунгусом. Да в той же коробье семь соболей да бобр, два подскора шапошных собольих, третей испод соболей же под вершком, воротник недособолей, опушён пухом, да лиска красная. И Федька сказал, что де те соболи и бобр, и испод, и шапка, и лиса, и воротник ево, Федькина.» [44]

Тут помечено по-иному: «Взять на государя, что купил у тунгусов осмнатцать соболей с пупки и с хвосты да два бобра, а свой промысел и что купил у русских людей, отдать Федьке.»

Позже, уже перед отплытием в Ленский острог, на устье Куты воеводы сами расспросили приказчика. «И мая в 16 день [1641 г.] стольники и воеводы Пётр Петрович да Матвей Богданович Глебов, да диак Еуфимей Филатов Яркова приказщика Павлова Федьку Денисова спрашивали, где он те соболи и бобров взял.

И Федька Денисов в роспросе сказал: десять де соболей тунгусы дали ему в прошлом во 148 [1639—1640] году, что их кормил, а два бобра купил у тунгусов, а два бобра взяли за коня у служилых людей у Федьки Толмачёва да у Федьки Чюрки. А восемь де соболей хозяйские, взяты за лошадь у тунгусов, у Федьки ж Толмачёва да у Федьки Чюрки. Да ево, Федькина, промыслу осмнатцать соболей с пупки и с хвосты, три сорока тритцать шесть пупков собольих.» [45]

А тогда, в декабре, была послана память целовальнику на устье Куты.

«Лета 7149 [1640], декабря в 9 день. По государеву [М.Ф.] указу память целовальнику Семейке Шелковнику.

Как к тебе ся память придёт, и ты б у Соли заказал накрепко торговым и промышленным людям, Ярку Хабарову и иным служилым людям, чтоб оне у иноземцов, у тунгусов, соболей и всякой мягкой рухляди на хлебные запасы не меняли и не покупали.

А будет хто торговых и промышленных, служилых людей станут с тунгусами соболи торговать или менять, а после про то сыщется, и тем торговым и промышленным, и служилым людям за то быть по государеву указу в жестоком наказанье без пощады. А тоё у них купленную или меновную мягкую рухлядь велеть взять на государя.

Да тебе ж заказать накрепко торговым и промышленным, и служилым людям, чтоб оне тунгусом пансырей и кукляков, и шапок железных, и наручей не продавали и не меняли. А будет хто учнёт продавать или хто до сей памяти продал, и тебе б о том отписать на Ленской волок к стольнику и

воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову, да к дьяку к Еуфимью Филатову.

Такова память послана в том же числе с Якунькою Нуже [?] за государевою ленскою печатью.» [46]

Зимуя на Ленском волоке, воевода Головин готовил к отправке в Москву соболиную казну. Для её оценки было привлечено 36 человек торговых людей, находившихся в то время на Ленском волоке. По итогам оценки была составлена пространная ценовая роспись. К сожалению, точной даты в ней не указано. Приведём из неё выдержки.

«Роспись ценовая

сорокам государеве ясачной казне и десятинного збору великия реки Лены прошлаго 148 [1639—1640] году ясачного збору сына боярского Парфёна Ходырева в Ленском остроге.

А тоё государеву казну, ясачные соболи и десятинные, на Ленском волоку перед стольники и воеводы перед Петром Петровичем Головиным да перед Матвеем Богдановичем Глебовым, да перед дьяком Еуфимием Филатовым в сороки розбирали и в розборе ту мяхкую рухлядь Сибирского Ленского волоку волоковою ценою приезжая русских розных городов торговые люди:

Афонасей Фёдоров устюжанин

Ерофейко Павлов Хабаров» [47]

Далее перечислены имена ещё 34 торговых людей. Затем следует перечисление и оценка мягкой рухляди по сорокам. И почти через 60 страниц появляется интересующая нас запись о Хабарове.

«Взято На Ленском волоку у торгового человека у Ерофейка Хабарова: сорок соболей, цена семьдесят рублёв

у него ж сорок соболей, цена пятьдесят рублёв

у него ж сорок соболей, цена сорок рублёв

у него ж сорок соболей, цена тридцать пять рублёв

у него ж сорок соболей, цена тридцать рублёв

три сорока соболей, цена тридцать рублёв

три сорока соболей по дватцати по пяти рублёв сорок

семнатцать соболей, цена пятнатцать рублёв.

А те соболи сына боярского Парфёна Ходырева.» [48]

Это, видимо, как раз те соболи, которые пытался утаить Парфён Ходырев.

Со времени приезда воеводы Головина не прошло и двух месяцев, а Хабаров уже не стал полновластным хозяином соляной варницы, о чём свидетельствует его челобитная:

«Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев Ярко Павлов Хабаров.

<...> Вели, государь, мне, Ярку, соли сварить про свой обиход.» [49]

На обороте челобитной: «149 [1640], октября в 18 день. Велеть сварить и записать.» Пока бесплатно.

Осенью 1640 года Хабаров отправил покручеников на соболиный промысел, о чём имеется запись в таможенной книге за 149 [1640—1641] год.

«Октября в 23 день [1640 г.] отпущены на промысел по Лене реке вниз ниже Куцкого устья в гору на левую сторону Лены реки и за Лену реку пря-

мо в гору Ярофейковы покрученики Хабарова, Олёшка Ярофеев с товарищи, семь человек.

Печатных пошлин по три алтына по две деньги с человека, итого дватцать три алтына две деньги взято.» [50]

В ноябре 1640 года у Хабарова погиб один из работников, произошёл несчастный случай..

«149 [1640], ноября в 13 день, бил челом государю [М. Ф.] торговой человек Ярко Хабаров, а на Ленском волоку в Съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову, да дьяку Еуфимью Филатову подал челобитную. А в челобитной пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев Ярко Павлов Хабаров.

Был, государь, у меня, Ярка, наёмной человек на десять лет, Никитою звали. На усть Муки реки лес судовой выимали четверыма человеки по грехом, а моево же наёмново человека у Никиты Иванова топор вырвалса, с места спрянул, тово Никиту ударил топор по конец левые лопатки. Жил тот Никита восемь дней и преставилса.

<...> Вели, государь, мне, Ярку, тово Никиты тело схоронить.» [51]

На обороте челобитной: «149 [1640], ноября в 13 день. Осмотреть и записать, и погребсть велеть. А про то сыскать, коим обычаем его посекли.»

«И стольники и воеводы Пётр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов, да дьяк Еуфимей Филатов, выслушав торгового человека Ярка Хабарова челобитной, велели того наёмщика Микулку [так в тексте — Г. К.] осмотреть пятидесятнику Олёшке Леонтьеву да целовальнику Стеньке Борисову ран, какие на том Митьке раны, и чем ранен или бит. А ево, Микитку, велели похоронить и послать о том священником память.

И того ж числа в Съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову, да дьяку Еуфимию Филатову пятидесятник Олёшка Леонтьев да целовальник Стенька Борисов подали осмотру своего память. А в памяти пишет:

149 [1640] году, ноября в 13 день, по памяти пятидесятник Олёшка Леонтьев да целовальник Степанко Борисов осмотрели торгового человека Ярка Хабарова наёмщика Микитку устьянца, что тот Микитка не бит никем, ни бою нет никакого. А посечен тот Микитка топором, на левой лопатки рана с полвер(ш)ка на нём, Микитке, а иных ран на нём, Микитке, нет.

Досмотреную писал тобольской стрелец Степанко Григорьев Баранов.» [52]

На обороте: «149 [1640], ноября в 13 день, подал пятидесятник Олёшка Коркун.»

У Хабарова, видимо, не было никаких бумаг от енисейского воеводы об отводе ему пашни на Куте и на занятие соляным промыслом. Если бы эти занятия были с ведома воеводы, то часть урожая с пашни должна была идти в казну, а с соляной варницы взиматься оброк. Но это не было соблюдено. Поэтому воевода Головин посчитал эти занятия незаконными и взял как пашню, так и варницу «на государя», то-есть в казну.

Н. Рябов и М. Штейн взятие варницы на государя объясняют так:

«В начале сороковых годов в связи с введением государственной монополии на добычу соли <<Ярковы варницы в казну взяли>>.» [53]

Так ли это на самом деле, сказать не можем. Но известно, что во второй половине XVII века Якутскому Спасскому монастырю было дано право варить соль на реке Ичёре за оброк.

Географическое расположение варницы было на редкость удачным. Потребители соли находились внизу по Лене и соль туда можно было сплавлять без всяких ограничений. А от пашни Хабаров, видимо, отказался сам. Слишком близко была эта пашня от воеводского глаза в лице приказных людей и целовальников. Он предпочёл перейти на менее бойкое место на правом берегу Лены в 7 км выше устья Киренги.

Об отводе пашни Ерофею Хабарову выше устья Киренги (теперь д. Хабарова) известно из отписки ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова.

«В нынешнем, государь, во 149 [1641] году, генваря в 17 день, бил челом тебе, [М.Ф.] промышленной человек Ярофейко Павлов Хабаров, а на Ленском волоку нам, холопом твоим, подал челобитную, чтобы ему, Ярофейку, на Лене реке, на усть Киренги реки, дать под пашню земли на лготу, а после лготных лет пахать ему на тебя, государя, от девяти десятая десятина в поле, а в дву по тому ж. <...>

И с Ярофейком, государь, Павловым мы, холопи твои, уговаривались и дали ему на Киренге пашню пахать. А ссуды давали против гулящего человека Пантелейка устюжанина. И он, государь, ссуды не взял. И мы, холопи твои, ему, Ерофейку, в той твоей государеве пашне давали лготы без ссуды на год, и он, Ярофейко, и так пахать не похотел.

А прошал он, государь, хлеба ржаного своей пахоты, что он сеял на Лене реке у соляного озера в прошлом во 148 [1639–1640] году. И с того было, государь, хлеба довелось с него взять десятого 130 пуд ржи. А десятая было, государь, довелось на тебя, государя, взять с него, Ярофейка, с того первого хлеба потому, что тот хлеб сеял он, Ярофейко, под Ленским волоком. А пахал теми же лошадьми, которые у него ходят в извозе на Ленском волоку.

А в Енисейском, государь, остроге с жилецких людей, с их пашен, емлют на тебя, государя, пятой сноп. А хлеб, государь, в Енисейском остроге купят муки ржаной пуд по полтине, а на Лене, государь, реке, где он, Ярофейко, сеял рожь, и тут купят ржи пуд в полтора рубли.

И мы, государь, холопи твои, тот десятинный хлеб, сто тритцать пуд, отдали ему, Ярофейку. И лготы ему по уговору до твоего государева указу дали на год.

И как, государь, лготной год пройдёт, и ему, Ярофейку, пахать на тебя, государя, от девятого десятая десятина в поле, а в дву по тому ж, и сеять на твоя государева пашня по вся годы ему, Ярофейку, своими семенами.

И поручную, государь, запись по нём, Ярофейке, взяли, что ему на Лене реке на усть Киренги реки пашня пахать и не покинуть.» [54]

Поручная эта не обнаружена.

Итак, при завозе хлеба из Енисейска на Лену, продажная его цена возрасла втрое. Поэтому занятие земледелием на Лене сулило большие прибыли.

Обратим здесь внимание на слова: «пахал теми же лошадьми, которые у него ходят в извозе на Ленском волоку». Таким образом, у Хабарова на

устье Куты было четыре источника дохода: от продажи соболей, от продажи хлеба, от продажи соли и от извоза.

О переходе же Хабарова на новую пашню есть другой документ.

«149 [1641], февраля в 4 день, в Съезжей избе стольники и воеводы Пётр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов, да диак Еуфимей Филатов торговому человеку Ярофейку Павлову говорили, что де ты по челобитью своему паши пашню на Киренги, а на год ему льготы. И Ярофейко сказал, что де он так пахать не умеет.

Да ему ж сказано, что он сеел в прошлом во 148 [1639] году на Куте реке рожь, и с тоё ржи довелось было взять на государя по опыту ево десятой сто тритцать пуд, и тот ему десятой ныне хлеб отдать. И он бы на Киренги пахал нынешней год, и на государя с первого году пахал и сеел десятину. А семена на десятину государевы имать по вся годы.

И ему, Ярофейку, говорили, чтоб он сел на Киренги и пахал на государя, и взял б ссуды против промышленного человека Пантелейка тритцать рублёв на лошадь и на сошники, и на серп, и на косу не в отдачу, да тритцать рублёв взаймы на два годы.

И Ярофейко Павлов сказал: так де ему пахать и сееть, чтоб ему отдать, а хлеб весь десятой б на год льготы на Киренги, и он де так станет пахать. А семена де по вся годы ево, Ярофейковы, государевы десятинные пашни станет сееть своими семяны.» [55]

Есть ещё один такой же документ [56], но в нём отсутствует последний абзац, а вместо «Пантелейка» написано «Пантелейка Плотник». Обратим также внимание на то, что в отписке Петра Головина Хабаров назван промышленным человеком, Пантелейка — гулящим, а в двух последних документах Хабаров назван торговым человеком, а Пантелейка — промышленным человеком. О Пантелее (Панфиле Яковлеве) речь пойдёт позже.

Не очень понятно к каким выгодам стремился Хабаров, выдвигая свои условия.

Отметим здесь ошибки уважаемых, а также рядовых историков.

Н. Чулков писал: «В 1638 г. он поселился на пустой земле при впадении р. Киренги в Лену и устроил здесь соляную варницу и мельницу.» [57] Неверно указан год, а варница была у него на устье Куты. При устье Киренги никаких соляных ключей нет.

С. В. Бахрушин повторяет эту неточность: «На устье реки Киренги, в конце концов, обосновывается предприимчивый устюжанин, заводит пашню, строит мельницу, устраивает соляную варницу, торгует хлебом и чем попало.» [58]

В. Н. Шерстобоев также указал неверный год основания заимки Хабаровой — 1639. [59]

В. Зоркин в примечаниях к книге Д. И. Романенко «Ерофей Хабаров» писал:

«Весной 1641 г. он поселился на устье реки Киренги в Никольском остроге, основанном отрядом Василия Бугра. С появлением здесь бесстрашного и предприимчивого Хабарова начинается новая история Никольского острога.» [60]

В то время, вопреки многочисленным описаниям историков, никакого Никольского, а правильное — Усть-Киренского, острога не существовало. Нами обнаружены документы из которых следует, что Усть-Киренский острожек был построен в 1681 году, спустя десять с лишним лет после смерти Хабарова. Более того, в 1641 году не было ещё и Никольского погоста. Об основании Никольского погоста и о постройке Усть-Киренского острожка подробно описано в нашей статье «Когда основан Киренск?» [61]

В начале февраля 1641 года Хабаров подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом твой государев сирота, торговой человек Устюга Великого Ярофейка Павлов Хабаров.

<...> Вели, государь, отпустить в Енисейской острог промышленного человека Семейку Максимова Подболоцкого для промышленных людей на великую реку Лену.» [62]

На обороте: «149 [1641] году, февраля в 10 день, отпущен с Ленского волоку, а товаров с ним никаких нет.»

Челобитная была нужна, видимо, для получения проезжей грамоты. Нельзя сказать, что смысл этой челобитной ясен. Неизвестно, какие отношения связывали Хабарова и Подболоцкого. Почему не сам Подболоцкий подавал челобитную? Ехал ли он по заданию Хабарова нанимать работников для него? Вроде бы, некоторые работники были уже наняты. 15 апреля 1641 года воеводы расспрашивали Хабарова, на каких условиях он нанял себе работников.

«Ярофейко Павлов сказал: нанял де я себе работников на год. А найму де им дал по дватцати по (пяти рублём). А платья и обувь носить, и п(ить и есть) ево, Ерофейково.» [63]

Хотя ещё до приезда ленских воевод Хабаров занимался извозом и лошади у него были, для обработки пашни на устье Киренги он купил ещё несколько лошадей. Это отмечено в книге записных пошлин Ленского волока за 149 [1640—1641] год.

«Того же месяца в 21 день [марта 1641г.] торговой человек Пронька Иванов колмогорец продал торговому человеку Ярку Хабарову две лошади, обе рыжи. Взял пятьдесят рублём. Записной пошлыны взято рубль шестнатцать (алтын) четыре деньги.» [64]

«Того же дни [5апреля 1641 г.] торговой человек Васка Ильин Кузнец продал торговому человеку Ярку Павлову Хабарову лошадь, жеребец рыж. Взял дватцать (рубл)ём. Записной пошлыны взято (дват)цать алтын. С купца пошерстного взято алтын.

Того же дни гостиной сотни торгового человека Афонасья Федотова приказщик Ивашко Наумов Шарапов продал ему же, Ярку Павлову Хабарову, три лошади: мерин сив, другой мерин рыж, грива бела, да третей мерин сив, ноги чёрны. Взял за всё восемьдесят рублём. Записной пошлыны взято два рубли тринацать алтын две деньги. С купца пошерстного взято три алтына.» [65]

«Того же дни [16 апреля 1641 года] промышленной человек Ивашко Тимофеев Корела продал торговому человеку Ярку Павлову Ха(бар)ову три лошади: мерин рыж, (во лбу) лысина, две лошади гнеды. Взял семьдесят

рублѣв. Записной пошлыны взято два рубли три алтына две деньги. С купца пошерстного взято три алтына.» [66]

Не прекращал он и торговлю соболями: «Того же [дни 28 апреля 1641 года] торговой человек Ярко Павлов Ха(бар)ов продал промышленному человеку Семейке Максимову Подболотских три сорока дватцать соболей. Взял вомьдесят рублѣв. Записной пошлыны взято два рубли тринацать алтын две деньги.» [67]

Это тот самый, об отпуске которого в Енисейск подавал челобитную Хабаров 10 февраля 1641 года. Вернулся ли Семейка из Енисейска или не ездил, неизвестно. Но видно, что это был не тот человек, которому место в работниках.

Летом 1641 года Хабаров поехал в Ленский острог для торговли и найма работников. На Лене тогда ещё никаких деревень не было. В таможенной книге Олёкминского острожка об этом имеется запись.

«Июня в 5 день [1641 г.] отпущен ис таможни вниз по Лене реке в Ленской острог для торгу и соболиного промыслу торговой человек Ерофей Павлов Хабаров. А с ним хлебново запасу и русково товару по таможенной оценке на тысячу на сто на шестьдесят рублѣв.

Да с ним же, Ерофеем, отпущены промышленные люди для хлебново и товарново береженья

Олёшка Ерофиев

Фетька Шергин

Первушка Оноховской.

А с него, Ерофейка, и с промышленных людей отъезжие пошлыны взято по алтыну с человека, итого четыре алтына.» [68]

15 июня они прибыли в Ленский острог, и в таможенной книге имеется запись о взятии с Хабарова явчей пошлыны в числе других торговых и промышленных людей. [69]

Отметим, что один из этих промышленных людей Федька Офонасьев Шергин упомянут в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца в числе охочих амурских служилых людей, пришедших в войско Хабарова с Тренькою (Третьяком) Чечигиным в 1651 году. [70]

В Якутском остроге Хабаров нанял четырёх человек. В книге печатных пошлин записано:

«Того ж дни [26 июня 1641 г.] отпущены из Якутцкого острогу вверх по Лене реке на Киренгу торгового человека Ярофейка Павлова Хабарова наёмщики ево, промышленные люди Шестачко Павлов с товарищи, четыре человека.

Печатных пошлин по два алтына по две деньги с человека, итого пятнадцать алтын две деньги взято.» [71]

А в книге отъезжих пошлин они записаны по именам:

«Того же дни [26 июня 1641 г.] отпущен ис таможни вверх по Лене реке торговой человек Ерофейка Павлова Хабарова работники ево [так в тексте — Г. К.] для пашни:

Шестачко Павлов

Никитка Феоктистов

Лучка Фёдоров
Ивашко Захаров.

А отъезжие пошлины с них взято по алтыну с человека, итого четыре алтына .» [72]

Из них Ивашко Захаров также упомянут в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца в числе охочих амурских служилых людей, пришедших в войско Хабарова с Треньюкою Чечигиным.

Сам Хабаров выехал на месяц позже. Об этом есть запись в книге печатных пошлин.

«Того ж дни [26 августа 1641 г.] отпущен из Якутцкого острогу вверх Лены реки торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров на усть Киренги на свою пашню.

Печатных пошлин три алтына две деньги взято.» [73]

Зиму Хабаров провёл на своей заимке, а весной опять появляются упоминания о нём.

«Лета 7150 [1642] году, апреля в 22 день, били челом государю торговые люди Лёвка Толстоухов, Ярафийко Павлов Хабаров с товарищи, подали челобитную на усть Муки в Съезжие избе сыну боярскому Ивану Пильникову, целовальнику Семёну Шелковнику. А в челобитной их пишет:

Царю [М. Ф.] бьют челом сироты твои:

Лёвка Иванов Толстоухов

Ярофейко Павлов Хабаров

Тренька Фалелеев

Лучка Васильев

Михалко Жужгин

Онкудинко Пиминов

Ивашко Никонов Сверчков.

<...> Вели, государь, нам к Сергиеву дни на канун пудик метку поставить да два пудика брашки сварить.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

По сей челобитной сын боярской Иван Пильников, целовальник Семён Шелковник торговому Лёвке Иванову с товарищи велели медку пуд поставить, два пуда браги сварить к Сергиеву дню.» [74]

Загодя начинали готовиться к празднику. Сергиев день — обретение мощей преподобного Сергия Радонежского — отмечается 5 июля по старому стилю.

Весной 1642 года Хабаров засеял огромную площадь. В мае служилый человек Митька Вятка сообщал воеводе Головину: «Сказали мне: у Ярафейка на пашни севу сорок семь десятин, а корень худ.» [75]

Хабаров не стал ждать Сергиева дня и, как только Лена вскрылась ото льда, уплыл в Ленский острог. Там воеводы должны были решить несколько его судных дел по крупным искам, которые были неподсудны приказчику на Ленском волоке. В этих делах подробно описываются некоторые события прошлого 1641 года. Одним из таких дел была жалоба на торгового человека Ивана Никонова Сверчкова. Иван Сверчков также, как и Хабаров, был одним из первых ленских землепашцев. О нём дальше будет расска-

зано подробно, в том числе и о пребывании в Ленском остроге летом 1642 года. Хабаров подал челобитную.

«Царю, [М.Ф.] бьёт челом сирота твой, торговой человек Ярко Павлов сын Хабаров. Жалоба, государь, мне на торгового же человека на Ивана Сверчкова.

Взяти, государь, мне на нём, Иване, по кабале шестьсот пуд муки ржаной. А срок, государь, по кабале прошёл. А он, Иван, тоё мне муки не платит, манит со дни на день.

<...> Вели, государь, дать на того Ивана по той кабале свой царской суд и управу.» [76]

На обороте челобитной написано: «150 [1642], мая в 31 день. По сей челобитной заимщик винился. Велено доправить шестьсот пуд муки ржаной.»

Однако, Иван Сверчков с уплатой долга не спешил, и Хабаров снова подал челобитную.

«150 [1642] году, июля в 11 день, бил челом государю [М. Ф.] торговой человек Ярафейко Павлов Хабаров, а в Съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову подал челобитную на тор(го)вого человека на Ивана Никонова Сверчкова. А в челобитной пишет:

Царю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой, торговой человек Ярафейко Павлов Хабаров. Жалоба, государь, мне на торгова(го) человека на Ивашка Никонова Сверчкова.

В прошлом, государь, во 149 [1641] году в Олёкминском острожке занял тот Иван у меня, сироты твоего, шестьсот пуд муки добрые. А в той муке он, Иван, на себя и кабалу дал заёмную. А в кабале, государь, написал он, Иван, что та мука, шестьсот пуд, отдать было на срок нынешняго 150 [1642] году весною в Олёкминском остроге. И он, Иван, тоё мне муки, сироте, на тот срок в Олёкминском острожке не отдал. И тоё, государь, муку он, Иван, сплавил в Якуцкой острог.

И я, сирота, надеясь на тоё муку, запродам [у] усть Муки реки торговым людям Бажену Балезину сто пуд и иным торговым двести пуд. А отдать было та мука в Якуцком остроге вскоре, как съедутца торговые и промышленные, и всякие люди в Якуцкой острог. И он, Иван, тоё заёмные муки на срок не отдал. И тому Бажену Балезину, и иным торговым, мне, сироте, дать стало нечево.

Да на тоё же муку я, сирота, надеясь, занял у торгового человека у Леонтия Толстоухова сто пуд муки для пашни работникам своим. А заплатить было та мука в Ленском с приезду. А не поставлю я, сирота, той ста пуд муки весною нынешняго 150 [1642] году, не отдам Леонтию, ино за всякой пуд дати по рублю по четыре гривны.

Да и запись, государь, я, сирота, тому Леонтию дал на себя. А последнею было, государь, мукою мне, сироте, в Якуцком остроге торговать. И тот Иван с приезду муки мне, сироте, не отдал. И в том мне, сироте, учинилось от него, Ивана, в безторжице и в мешкоте двести рублёв.

И как, государь, пропустя лутчую самую торговую пору, он, Иван, по

той кабале уплатил всего триста пуд. Да и в заёмную, государь, кабалу писал он, Иван, что убытки и волокита на заимшике.

<...> Вели, государь, на того Ивана в тех убытках дать свой царской суд и управу.

Царь, государь, смилуйся.

И ответчик Ивашко Сверчков выслушал челобитную, и в ответе сказал: муку де займовал и такову кабалу Ярофию на себя дал.

И на кабалу истец и ответчик слались.

Да ответчик ж бил челом на суде словесно: на пашне де платил Ярафию сто десять пуд муки ржаной под тоё кабалу. А в Якуцком де отроге платил под ту кабалу триста сорок пуд муки.

А истец сказал: взял де сто пуд на пашне, да кабала де иная была, и яз де под тоё кабалу взял. Да и на кабалу де ему, Ивану, выдал.

Ответчик бил челом словесно: на суде то де он, Ярафий, сказывает ложно, и иные де кабалы на него, Ивашка, не бывало. Вели де у него про ту кабалу спросить: кто де ту кабалу писал и у кабалы хто был послух.

И истец Ярафийко сказал: писал де тоё кабалу Ивашко Попов Усолья Вычегоцкого, а послуха де не упомяну. А занял де он, Иван, рожь во 149 [1640—1641] году.

И ответчик слался на того Ивашка Попова из виноватых, хто де такую кабалу писал ж.

И истец в том на Ивашка Попова слался в том, что де он, Ивашко, писал такову кабалу.

Да истец же бил челом словесно: токо б де взял в тоё кабалу в уплату сто десять пуд муки, ино бы де и отпись была.

Ответчик: потому отписи нет, что де он, Ярко, сказал: некому была отписи написать. А ведомо де всем торговым и промышленным людем, что де в тоё кабалу в уплату взял сто десять пуд муки.» [77]

Конец документа отсутствует.

Через два дня рассматривался другой иск Хабарова опять же к Ивану Сверчкову.

«Царю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, торговой человек Ярафийко Павлов Хабаров.

Взяти, государь, мне по кабале на торговом человеке на Иване Никонове Сверчкове тритцать два рубля денег. И он, Иван, мне по той кабале денег не платит, а срок той кабале прошёл.

<...> Вели, государь, мне на него, Ивана, по той кабале дать свой царской суд и управу.» [78]

На обороте челобитной помечено: «150 [1642] году, июля в 13 день. Ответчик Иван Сверчков винился. А сведамо сыну боярскому Василью Власеву да казачью десятнику Богдану Ленивцеву кабала в суду.»

Было ещё несколько челобитных о взыскании денег по кабалам.

«Царю, [М.Ф.] бьёт челом сирота твой государев, торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров.

Взяти мне по кабале на Никите Агапитове ярославце восемь рублёв денег. И он, Микита, по той кабале денег не платит, а срок той кабале пошёл.

<...> Вели, государь, мне на него, Никиту, по той кабале дать свой царской суд и управу.» [79]

Внизу дописано:

«150 [1642] году, июля в 13 день. Ответчик Микита Агапитов по кабале донят в семи рублях в суду.»

Через четыре дня новая челобитная.

«Царю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, торговой человек Ярофийко Павлов Хабаров.

В прошлом, государь, во 149 [1641] году бил я челом тебе, государю, а подавал челобитную в Съезжей избе стольникам и воеводам Петру Петровичю Головину с товарищи по кабале на промышленного человека на Тимофея Сергиева усцелемца в двухстах в сорока рублях.

И та челобитная подписана была и послана наниз с ясашным зборщиком служилым человеком с Курбатом Ивановым. И по той челобитной Курбатово промышленного человека Тимофея Сергиева за порукою в Ленском остроге поставил в Съзжую избу перед стольника и воеводу Петра Петровича Головина с товарищем.

И по той кабале до меня, сироты твоего, от него, Тимофея, денги все дошли. И по той кабале мне до него, Тимофея, дела нет.

Вели, государь, порушную запись на него, Тимофея, выдать.» [80]

На обороте: «К сей челобитной вместо Ярафейка Павлова по его велению ленской стрелец Ивашко Микитин руку приложил .»

На обороте же помечено:

«150 [1642], июля в 17 день, подал челобитную торговой человек Ярков Павлов. А сказал: помирился с Тимошкой усцелемцом, и исцом де по той кабале не стояти. И по Тимошке была в Жиганех взята поручная запись. И та запись велено отдать. И отдана порушная.»

Через десять дней новый иск.

«Царю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, торговой человек Ярофийко Павлов Хабаров.

Взяти, государь, мне по кабале Тобольского города на служивом человеке на Семёне Алексееве три рубля денег. И он, Семён, мне по той кабале денег не платит неведомо за что.

<...> Вели, государь, мне на него, Семёна, по той кабале дать свой царской суд и управу.» [81]

На обороте помечено: «150 [1642] году, июля в 27 день. Ответчик Семён Алексеев винулся в трёх рублях. Сведано сыну боярскому Василью Власьеву. Кабала в суду.»

И ещё через два дня новый иск.

«Царю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, торговой человек Ярофийко Павлов Хабаров. Жалоба, государь, мне на тобольского служиваго человека на Якова Леонтьева сына.

В нынешнем, государь, во 150 [1641] году на усть Куты занял тот Яков у меня, Ярафийка, в кабалу тридцать рублёв денег до срока нынешняго же 150 [1642] году до месяца апреля до девятого на десять числа.

А в тех он, Яков, денгах мне подписал и заложил ясыря своего, новокре-

щёную жёнку именем Наталью и с парнечком своим с Офонькою. А в кабале в ево писано купчая и отводная: буде он, Яков, тоё жёнку с парнечком на тот срок в тридцати рублях не выкупит, и ему, Якову, до тоё жёнки и до парнечка дела нет.

И я, сирота твой, у него, Якова, ту жёнку с парнечком взял по кабале и отдал ту свою жёнку у Соли человеку своему на збереженье. И он, Яков, у человека моего ту жёнку с парнечком отнял насильством своим, неведомо за что.

<...> Вели, государь, мне, сироте своему, на него, Якова, по той кабале в ево насильстве дать свой царской суд и управу.» [82]

Воевода сам решение не принял по этой челобитной, а приказал:

«150 [1642] году, июля в 29 день. По государеву, [М.Ф.] указу по сей челобитной дати суд на Ленском волоку у Соли пятидесятнику Василью Горемыкину да целовальнику Нехорошему Павлову по кабале и росправа учинить вправду безволокидно.

К сей челобитной государеву, [М. Ф.] печать новые Сибирские земли, что на великой реке Лене, приложил стольник и воевода Пётр Петрович Головин.» [83]

Пятидесятник Василий Горемыкин был в то время приказным человеком на Ленском волоке.

И ещё была одна челобитная. Но на ней нет даты и решения, а относится она, видимо, тоже к лету 1642 года.

«Царю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой Ярофейко Павлов Хабаров. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Дементья Гаврилова Караблёва.

Взяти, государь, мне по кабале на Дементье двести рублёв, и срок, государь, кабале прошол, и тот Дементей не платит, неведомо за что, и манит со дня на день.

<...> Вели, государь, дать свой царской суд и управу на того Дементья.» [84]

Этот Дементий Караблёв впоследствии был приказным человеком на Чечуйском волоке.

В «Книге денежной розных приходов нынешнего 150 [1641–1642] году» имеется запись об уплате денег Хабаровым по кабале, данной Парфёну Ходыреву:

«Июля в 27 день [1642 г.] взято в уплату по Парфёнове кабале Ходырева у торгового человека у Ярка Хабарова шестьдесят рублёв.

Августа в 16 день [1642 г.] взято у него ж, Ярка Хабарова, в ту ж кабалу в уплату сорок рублёв денег.

Августа в 20 день [1642 г.] взято у него ж, Ярка Хабарова, в ту ж кабалу полтора ста рублёв.» [85]

В таможенных книгах Ленского острога за 150 год имеются также записи о торговых сделках Хабарова по мягкой рухляди.

«Того ж дни [11 июня 1642 г.] продал торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров перекупных ему ж, Поздейку, три сорока тридцать шесть соболей с хвосты. А взял за те свои соболи сто пятьдесят шесть рублёв.

Записной пошлины взято по алтыну с рубля. Итого четыре рубля дватцать два алтына четыре деньги.» [86]

Поздейко — это «торгового человека Ивашка Семёнова Коровина прикащик ево Поздейко Ларионов.»

Другая запись:

«Июля в 15 день [1642 г.] у торгового человека у Ярафейка Павлова Хабарова у человека его Микитки Терентьева с промышленных з бобришек, з дву кошлочишков с летных голых, с соболишка вешново плохово, по оценке з дву рублей, десятыя взято шесть алтын четыре деньги.» [87]

Кроме перечисленного, Хабаров нанял работников для уборки урожая. В книге сбора отъезжих пошлин Ленского острога записано:

«Июля в 28 день [1642 г.] отпущены из таможни вверх по Лене реке на усть Киренги реки на пашню для страды торгового человека Ярафейка Павлова Хабарова промышленные люди:

Володька Стефанов

Фетька Офонасьев

Мишка Дмитриев

Васька Карпов

Карпунька Ярасимов

Оська Алексеев

Ивашко Григорьев.

А с ними мяжкой рухледи нет. А с них отезжие пошлины взято по алтыну с человека, итого семь алтын.» [88]

Дата, видимо, не совсем точная, так как в книге сбора печатных пошлин число указано другое:

«Августа в 7 день [1642 г.] отпущены вверх по Лене реке торгового человека Ярафейка Павлова Хабарова на пашню к усть Киренки работники для страдной работы, Володька Степанов, Федька Офонасьев с товарищи, семь человек. Печатной пошлины с них — по гривне с человека, итого дватцать три алтына две деньги.» [89]

Здесь опять упоминается Федька Офонасьев Шергин, который был с Хабаровым в Ленском остроге в 1641 году и который позже записан в послужном списке Онофрия Степанова.

А Мишка Дмитриев — это приказчик Хабарова в 1645 году Мишка Дмитриев Пивоваров Соли Вычегодской.

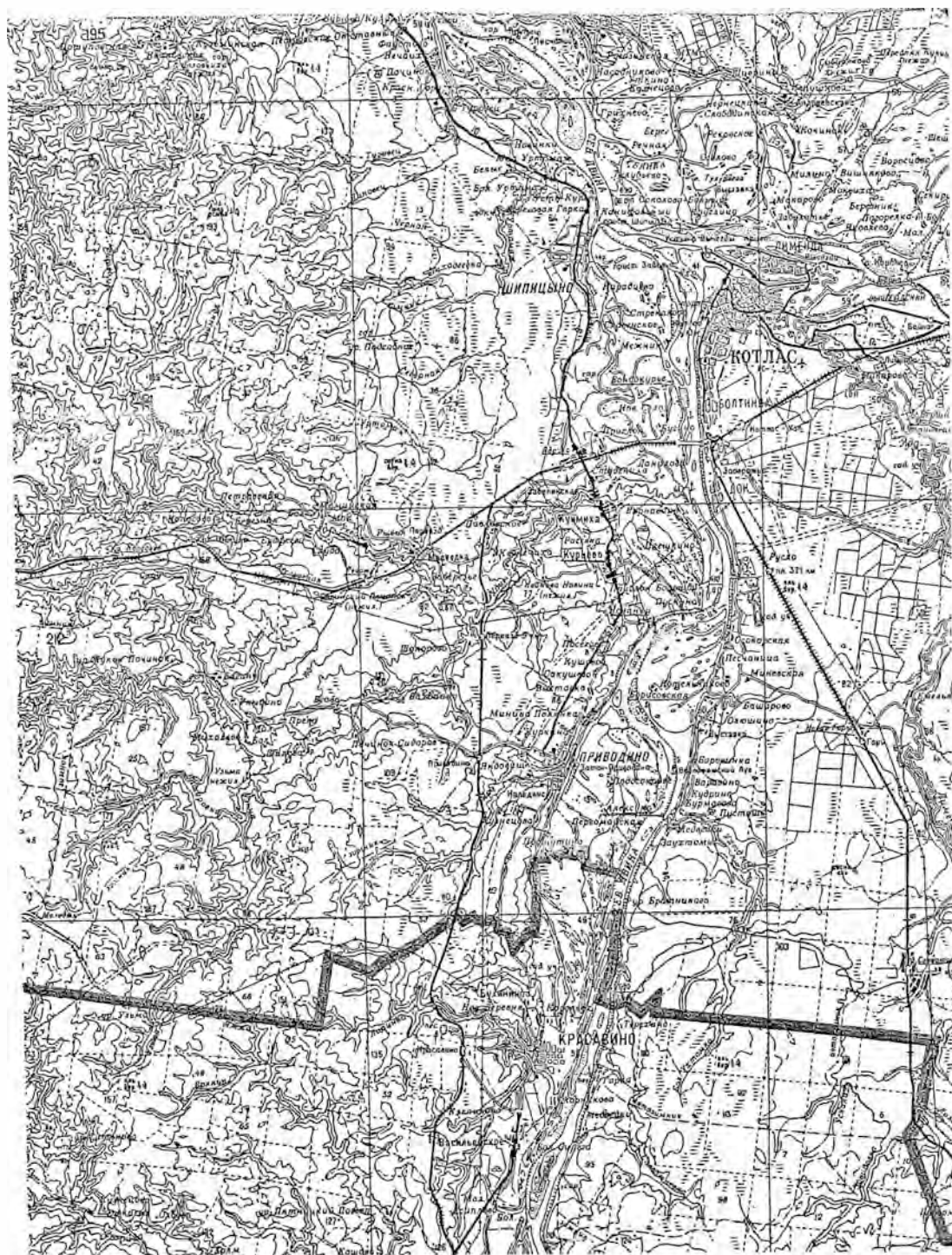
Об отъезде Хабарова имеются две записи. В книге сбора отъезжих пошлин сказано:

«Августа в 19 день [1642 г.] отпущен ис таможни вверх по Лене реке на пашню на Киренгу торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров. А с ним мяжкие рухледи нейдёт ничего. А с него отъезжие пошлины взято алтын.» [90]

В книге сбора печатных пошлин указано на три дня позднее.

«Того ж числа [22 августа 1642 г.] отпущен торговой человек Ярко Павлов Хабаров на пашню свою к усть Киренге. А у него соболей и денег нет. Печатной пошлины с него — рубль.» [91]

Видимо, эта запись более точная.

Карта части Котласского района Архангельской области
(масштаб 1 : 200 000)

Уже после отъезда Хабарова к нему на пашню выехал ещё один промышленный человек.

«Того ж дни [26 августа 1642 г.] отпущен ис таможи вверх по Лене реке на пашню к торговому человеку к Ярку Хабарову промышленной человек Фетька Сидоров Вятского уезду. А с ним соболей и денег нет. А с него отъезжие пошлины взято алтын.» [92]

А Иван Сверчков после отъезда Хабарова подал на него жалобу:

«Царю, [М.Ф.] бьёт челом сирота твоя государева, вологодсково архиепископа крестьянин Ивашко Никонов Сверчков. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Ярафея Хабарова.

В прошлом, государь, во 149 [1641] году занял я, Ивашко, у того Ярафея на семена сорок пять пуд ржи. А в кабале, государь, написано: не заплачу я, Ивашко, тому Ярафею тоё ржи сорока пяти пудов на срок на Покров светой Богородицы [1 октября] 151 [1642] году — по[д]дати по той кабале девяносто рублёв денег.

И яз, сирота твоя государева, не ждався по той кабале сроку, перевёл тому Ярафею у Соли на пашенном человеке на Пантелее Яковлеве в уплату де дватцать пуд ржи. Да ево же, Ярафеевы, наёмшики у меня, Ивашка, на пашни взяли четыре пуда ячменю. Да у меня ж, Ивашка, тоё заёмные ржи от семян полчетвёрта [3,5] мешка осталось холщёвых. И та рожь приказана была у него, Ярафея, на пашни у наёмщика ево Кузнеца.

И в нынешнем, государь, во 150 [1642] племянник мой Овдейко Марков ту остаточную рожь по той кабале в уплату отдал ему же, Ярафею, полчетвёрта мешка холщёвых. А у отвесу велел быти тоё ржи тому же ево, Ярафееву, наёмщику Кузнецу. И тот Ярафей по той кабале с нами хотел счестись на пашня.

И ноне тот Ярафей по той кабале, хотя нас изубытчити и вконец погубить, и пашни отставить, ту нашу кабалу отдал торговому человеку Левонтию Иванову Толстоухову и на ту кабалу даную дал.

<...> Вели, государь, на Чючюйском волоку служивым людем, Дмитрею Кондратьеву с товарищи да целовальнику, суд дати, и у тех людей допросити, которые ему, Ярафею, ту рожь платили, и у ево наёмщиков про тот ечень, чтобы мне, сироте твоей, в той кабале в прострочке не быти, и пашни не отстати других, и денег не платить.» [93]

На обороте челобитной написано:

«151 [здесь, видимо, ошибка, надо: 150, т. е. 1642], августа в 28 день. По государеву [М.Ф.] указу на Тунгуском волоку служивому человеку Митьке Вятке и целовальнику дати суд и росправа учинити вправду безволокитно.

А в чём учинитца у исца с ответчиком спор и за чем будет вершить немочно, и судное дело и исца и ответчика за поруками на весну 151 [1643] году с первыми людьми прислать в Якутцкой острог.

К сей челобитной государеву [М. Ф.] печать новые Сибирские земли, что на великой реке Лене, приложил стольник и воевода Пётр Петрович Головин.»

Упомянутый здесь Семейка Яковлев нанимался на работу к Хабарову с 20 апреля по 14 ноября 1642 года. Челобитная, где рассказывается о его найме, будет приведена несколько позже.

Дмитрий Кондратьев Вятка, енисейский сын боярский, был приказным человеком на Чечуйском волоке.

В 1643 году летом Хабаров снова был в Ленском остроге.

В таможенной книге имеется запись о продаже им муки:

«Того ж дни [19 июля 1643 г.] у продавца у торгового человека Ярофейка Павлова Хабарова с продажи весчево взято с тридцати пуд муки ржаной по деньге с пуда, итого пять алтын.» [94]

Количество довольно скромное. Но из более поздних документов выясняется, что Хабаров привозил муки гораздо больше. В книге окладных и неокладных расходов 157 [1648-1649] года, уже после приезда в Якутский острог нового воеводы В. Н. Пушкина, сделана запись о том, что в 151 [1643] году у Хабарова было взято в казну 200 пудов муки незаконно:

«Сентября в 26 день [1648 г.] по помете на выписке дьяка Петра Стеньшина ленского пашенного крестьянина Ярка Хабарова брату ево Микифорку Хабарову за двести пуд муки ржаной, что в прошлом во 151 [1643] году в Якутском остроге по приказу стольника и воеводы Петра Головина таможенной голова Дружинка Трубников на государя взял у того Ярка Хабарова по ленской Якутского острогу торговой цене, по чему в прошлом во 156 [1647-1648] году на государя хлеб купили, пятьдесят рублёв дано, по десяти алтын за пуд.» [95]

Вспомним, что в 1641 году воевода Головин сообщал в Москву, что цена за пуд муки была примерно полтора рубля.

Никифор Хабаров в 1648 году приезжал в Якутский острог и привозил какой-то товар. А пошлину с него почему-то взяли в следующем году. В книге весчих пошлин за 1649 год записано:

«Того ж дни [31 августа 1649 г.] у промышленного человека у Микифорка Павлова Хабарова с проданого привозного с русского с весчего товару привозу прошлого 156 [1648] году с полутретья пуда с него и за купцов, с пуда по три деньги, итого полвосемь деньга взято.» [96]

Летом 1643 года на Хабарова было подано сразу несколько жалоб. В первой из них написано:

«151 [1643] году, июля в 26 день, бил челом государю [М. Ф.], а в Съезжей избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Головину подал челобитную промышленной человек Семейка Яковлев Кузнец на торгового человека на Ярка Павлова Хабарова. А в челобитной пишет:

Царю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой, промышленной человекенко кузнец Семейка Яковлев новгород. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Ярафея Павлова Хабарова.

В прошлом, государь, во 150 [1642] году нанял он, Ярафей, меня, сироту твоего, на пашне на усть Киренги кузнешную работу робить, что яз, Семейка, умею, и в том на меня запись взял.

Да он же, Ярофей, меня, Семейку, послал з братом своим Никифором с усть Киренги реки на Илимской волок. И тот Никифор по записе меня, Семейку, до сроку не додержал, от себя отослал, а найма мне, Семейке, что в записе писано, не дал, и записи не выдал.

Да в той же, государь, записи писано: как я, Семейка, у него, Ярофея,

до сроку доживу, и ему было, Ярофею, дать снасть свою кузнешную мне, Семейке, тою снастью на себя ковать зиму на Илимском волоку, на усть Муки реки, до Николина дни вешняго [9 мая] 151 [1643] году. И тою снасти он, Ярофей, мне не дал же.

<...> Вели, государь, ему, Ярофею, ту запись выложить. А по той записе вели, государь, дать свой царской суд и управу.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

И ответчик Ярко отвечал: наймовал де я того Семейку, и жил у меня, и на волок его на Илимской с братом своим посылал. А до сроку его, Семейку, брат мой Микиша не отсылал; и деньги ему наём давал, а он де, Семейка, денег не взял.

А запись у меня на него, Семейку, есть, и запись ему, Семейке, отдавал же, а он не взял. И кузнешную снасть ему, Семейке, брат мой после сроку ковать давал на себя.

И истец Семейка улечал крестном целованьем. И сверх крестного целованья истец Семейка слался на двух пашенных крестьян и на дроворубов, которые у Соли на усть Куты, да на кузнеца на Дружинку Семёнова в том, што брат его Микиша на Илимском волоку меня, Семейку, до сроку с хлеба сослал и денег найму не дал, и запись не отдал же, и кузнешные снасти ковать не давал же.

И ответчик Ярко на тех третьих на всех слался в послушество.

И стольник и воевода Пётр Петрович Головин велел ему, Ярку Павлову, запись принести. И Ярко Павлов запись положил. А в ней пишет:

Се яз, Семейка Яковлев сын Кузнец, нанялся ему на усть Муки реки у торгового человека у Ярафея Павлова сына Хабарова да у пашенного крестьянина у Панфилка Яковлева ковать, што я, Кузнец, умею, деревенское кузло и мельнишное. А иные работы никакие не робить, опришь его кузла да Ивана Сверчкова. А иным, опришь его, их никому на сторону не ковать.

А найму я рядил у них дватцать два пуда муки ржаные добрые, сухие. Да сверх тово найму я же, Кузнец, рядил у них на зиму ковать на себя всякую снасть и точило доброе до Николина дня вешняго [9 мая] 151 [1643] году. А пити и есть мне, Кузнецу, их, хозяйское, в сроке живучи, и до Илимского волоку.

Да мне же, Кузнецу, подковать лошадей Панфилковых да Ярафеевых. А ковать мне, Кузнецу, на их уголье, и снасть всякая — их. А хто со стороны принесёт ковать в простую пору — ковати на себя. А ковать мне, Кузнецу, до Филипова заговенья [14 ноября] 151 [1642] году с нынешняго с Николина дня вешняго [9 мая] 150 [1642] году. А взять мне, Кузнецу, та своя мука на тот срок, на Филипове заговенье, у Соли или на усть Муки реки.

А буде я, Кузнец, не стану у них жить до сроку и ковать на них всякое кузло деревенское и мельнишное, и на мне, Кузнеце, взять заставы пятьдесят рублёв денег.

А буде они станут меня от себя отсылать, не дожив до сроку, и на них взять заставы та же пятьдесят рублёв.

А где ся запись выляжет, под которым судом ни будь, тут по ней суд и правёж. А хто за сею записью станет, тот по ней истец.

А на [то] послух Афонька Михайлов.

А запись писал Сенька Матвеев.

Лета 7150 [1642] году, апреля в 20 день.

И истец Семейка слался на явку свою, что подал явку на Илимском волоку служивым людям пятидесятнику Василью Горемыкину да целовальнику Нехорошему Павлову в том, што брат его Микиша на Илимском волоку меня, Семейку, до сроку отослал и найму мне не дал, и кузнешные снасти ковать не давал же.

И ответчик Ярко на явку слался. И та явка у служивого человека у десятичника у Нехорошево Павлова, которой был на Илимском волоку у государева дела, взята к судному делу. А в явке пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твоя государева, новгородец промышленной человек Семейка Яковлев Кузнец на торгового человека на Ярафея Павлова Хабарова.

В прошлом, государь, во 150 [1642] году нанял меня, Семейку, тот Ярафей на свою пашню у усть Киренги реки кузнечная работа робить, что яз, Семейка, умею. Да и запись я, Семейка, на себя дал, что мне, Семейки, живучи у того Ярафея, пити, ясти и платье носить ево, Ярофеево, до сроку, до Филипова заговенья [14 ноября] 151 [1642] году.

Да в той же записи написано: как я, Семейка, до сроку доживу, и ему было, Ярафею, отдати мне, Семейки, на Илимском волоку кунечная снасть ковати на Илимском волоку на себя, да и точило сдати.

И по приказу ево, Ярафееву, брат ево Никифор мне, Семейки, до сроку не додержав, отказал, и наёмных денег и кузнечной снасти на Илимском волоку не даёт, и меня, сироту твою государеву, сделал бес промыслу.

Милосердый государь, [М. Ф.] Вели моё явченко принять на Илимском волоку в Съезжей избе пятидесятнику Василью Михайлову Горемыкину да целовальнику Нехорошему Павлову и, приняв, потпятати.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.» [97].

На обороте последнего листа явки помечено:

«Декабря в 8 день [1642 г.] подал сию явку промышленной человек Семейка Яковлев Кузнец на Илимском волоку в Съезжей избе пятидесятнику Василью Горемыкину да целовальнику Нехорошему Павлову.»

«И стольник и воевода Пётр Петрович Головин дело слушал и приговорил: на ответчике на Ярке Хабарове по записе Семейки Кузнеца за рядные деньги доправить пятьдесят рублёв за то, что брат его, Ярков, того Семейку на Ленском волоку до сроку с хлеба сослал и кузнешные снасти ковать не дал. И он на нево, Кузнец, в том на Илимском волоку явку дал в приказ писмену. И в суде на ту явку Кузнец Семейка слался, а Ярко тоё явки не отводил и на неё слался же.

Да он же, кузнец Семейка, в суде слался на многих сторонних людей в том, что брат ево, Ярков, сослал ево до сроку, и найму ему и снасти кузнешной не дал. А Ярко тех сторонних людей всех отводил. А доправив деньги, отдать исцу кузнецу Семейке.» [98]

Вторая жалоба на Хабарова была подана также 26 июля 1643 года.

«151 [1643] году, июля в 26 день, бил челом государю, [М. Ф.] а в Съезжей

избе стольнику и воеводе Петру Петровичю Головину подал челобитную торговой человек Иевко Елесеев на торгового же человека на Ярка Павлова Хабарова. А в челобитной его пишет:

Царю, [М.Ф.] бьёт челом твой государев сирота Иевко Елесиев. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Ярафия Павлова Хабарова в том:

В прошлом, государь, во 151 [видимо, здесь ошибка, надо: в 150, т. е. в 1642] году взял у меня, сироты твоего, на усть Муки реки тот Ярафий товару на двенадцать рублёв на девять алтын. А ряжено было за тот товар взять у него, Ярафия, в Якутском остроге денежною ценою мукою.

И тот Ярафий мне, сироте твоему, уплатил за тот товар за пятнадцать рублёв мукою, а за достальные за четыре рубли за три алтына за две деньги тот Ярафий мне, сироте твоему, денег и ни муки не платит, неведомо за что.

<...> Вели, государь, дати на того Ярафия в том моём челобитье свой царской суд и управу.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Ответчик Ярко Павлов отвечал: што де было на мне взять ему, Иеву, я де ему заплатил [написано: не заплатил — Г. К.], не виноват де ему ничем.

И истец Иевко улечал крестным целованьем. Ответчик Ярко исцу на душу дал крестное целованье.

И истец Иевко и ответчик Ярко у креста помирились. И пошлин взято с того суда с четырёх рублёв з гривною тринадцать алтын четыре деньги да пересуду и правого десятка семь алтын две деньги.» [99]

Последние записи о пребывании Хабарова в Якутском остроге в 1643 году относятся к 4 сентября. В таможенной книге Якутского острога «ныняшнаго 151 [1643] году, сентября с 1 числа» имеются две записи о Хабарове. Одна запись о взятии явчей пошлыны: «Сентября в 4 день [1643 г.] явчево взято с торговых и промысленных людей [следует перечисление 77 человек — Г. К.] по алтыну с человека. Итого взято два рубли десять алтын две деньги.» [100]] Ярофейко Павлов упомянут на листе 32об.

Другая запись о взятии поголовной пошлыны:

«Сентября в 4 день [1643 г.] взято с торговых и с промысленных людей [следует перечисление этих же 77 человек — Г.К.] по восьми алтын по две деньги с человека. Итого взято девятнадцать рублёв восемь алтын две деньги.» [101] Ярофейко Павлов упомянут на листе 35.

Видимо, эти записи суммарные, сделанные после подсчёта записей в черновых книгах, поскольку взимать эти пошлыны полагалось сразу же после приезда в Якутский острог. А лето уже было на исходе. Да к тому же, не могли одновременно прибыть в Якутский острог сразу все перечисленные 77 человек.

Вернуться осенью на свою заимку Хабарову не удалось. В это время воевода Петр Головин обвинил многих людей в подстрекательстве якутов к измене и пересажал их в тюрьму, начиная со второго воеводы Матвея Глебова, дьяка Еуфимия Фипатова, письменного головы Еналея Бахтеярова, некоторых детей боярских, и кончая торговыми и промышленными людьми. Вести об этом дошли до Москвы.

В грамоте ленским воеводам В. Н. Пушкину с товарищами, которые ехали на смену воеводе Головину и зимовали в Енисейском остроге, сообщалось, что в Енисейский острог пришли с Лены служилые люди Микифорко Качин и Семейка Матвеев. Как обычно, их расспрашивали о вестях. И те де служилые люди в роспросе ему, Осипу [Оничкову — Г. К.] сказали: «в прошлом де во 151 [1643] году пришли они из зимовей в Якутской острог» и там узнали о беззакониях воеводы Головина. Кроме прочего, они сообщили, «что торговые люди Ивашко Коровин, Исачко Пантелеев, Вторко Едорской, Незговорко Григорьев посажены в тюрьмы другой год, а Васка Онтонов вологженин посажен в тюрьму ж, а Ивашко Пеунов, Ерофейко Хабаров сидят за приставы.» [102]

В этой же грамоте сообщалось:

«И от нас писано в Енисейской острог к воеводе Оничкову да к подьячему Василью Шпилькину, а велено им послать из Енисейского острогу на великую реку Лену в Якутцкой острог наскоро нарочного сына боярского.

А велено тому сыну боярскому воеводу Матвея Глебова да диака Еуфимия Филатова и писменного голову Еналея Бахтеярова, и их жён, и детей, и людей, и попов, и подьячих, и целовальников, и служилых, и торговых, и промысленных людей, которых Пётр Головин посадил в тюрьму без нашего указа, один без товарищей своих, из тюрьмы и из-за приставов свободить.» [103]

Когда пришла эта грамота, енисейский воевода Осип Оничков уже умер, и подьячий Василий Шпилькин послал на Лену атамана Ивана Галкина, который освободил всех арестованных и составил им роспись. В этой длинной росписи записан и «ленской пашенной крестьянин Ярофейко Павлов Хабаров.» [104] Пожалуй, здесь впервые он назван пашенным крестьянином.

Уже после смены воеводы Головина новым воеводой В. Н. Пушкиным якутские служилые и посадские люди подали обширную челобитную [не ранее 21 ноября 1645 года] о злоупотреблениях властью Головина, в которой сообщалось также и о причинах гонения на Хабарова. Причиной была месть.

«Да в ту ж тюрьму посадил он, Пётр из-за пристава торгового человека киренского жильца Ерофейка Павлова Хабарова. А у того Ерофейка на Киренге пашенной завод большой, и прибыли б тебе государю хлебные было по вся годы пудов по 1000 и больши на год.

Да к той же, государь, пашне он, Ерофейко, из-за пристава и ис тюрьмы бивал челом тебе, государю, а ему, Петру, подавал челобитную устроить в пашню 10 человек пашенных крестьян со всеми пашенными заводы и с конями и с семены. И только б государь позволил устроить в пашню тех 10 человек, и тебе б, государю, была большая прибыль в хлебе.

И за то он, Пётр, ево, Ярофейка, прислав в тюрьму ушника своего Давытка Матвеева, и тот Давытко разболел ево наголо, и бил батоги насмерть, и изувечил. И держал ево, Ярофейка, в тюрьме и за приставом полтретья годы, и разорил дооснованья, и твою государеву пашню запустил, рнясь на ево, Ярофейка, в том: прошал у того Ярофейка в Енисейском человек ево Тимошка Якшин ево, Петровым, словом 1500 рублёв.» [105]

«Полтретья» (2,5) года не получается, отсылы год и восемь месяцев.
А. Алексеев почему-то писал иначе:

«Но и тут [на устье Киренги — Г. К.] его не оставил в покое якутский воевода и в 1643 г. снова отобрал все владения Хабарова, а самого его за отказ снабжать якутскую казну деньгами посадил в тюрьму.» [106]

Во-первых, владения на устье Киренги не отнимал, а во-вторых, деньги просил займы для себя, а не для якутской казны.

Челобитная Хабарова, в которой он предлагал устроить в пашню за свой счёт 10 крестьян, не найдена. Неизвестно из каких соображений исходил Хабаров, ведь кроме огромных расходов это ему ничего не сулило. Может быть, это было сделано в надежде, что воевода освободит его из тюрьмы, а там будет видно. Хабаров прекрасно знал, что воеводы на своём месте не сидят вечно.

А может быть о пашенных, т. е. государственных, крестьянах здесь сказано неточно. Возможно, Хабаров предлагал устроить в пашню так называемых половников, т. е. своих личных арендаторов, которые бы платили Хабарову половину своего урожая, а с казной за отведённую половникам пашню рассчитывался бы Хабаров. Половники на Лене были, но в небольшом количестве. В документах о них имеются лишь очень скудные записи, поскольку они непосредственных отношений с казной не имели. Хозяев этих половников историки потом стали называть «слободчиками», но такое название в те годы не употреблялось.

Что же касается встречи Хабарова в Енисейске с человеком воеводы Головина, то она могла состояться зимой или весной 1639 года.

Главная же причина была, видимо, в другом. Между Хабаровым и воеводой возник спор о том, какую часть урожая Хабаров должен отдавать в казну, пятую или десятую. Будучи за приставом, Хабаров написал челобитную, которая была кем-то доставлена в Москву.

«Царю, государю, [М. Ф.] бьёт челом сирота твой, Соли Вычегодские Ерофей Павлов сын Хабаров.

Одолжался я, сирота твой, великими долги, ходил торговать в сибирские города, и был я, сирота твой, в Сибири на великой реке Лене, и отпускал для своих промыслишков ужины.

Да я же, сирота твой, роспахал на Лене реке пашню на усть Киренги. А пахал государь тоё пашню, наймующи дорогою ценою своими крошишками для заводу, а роспахал земли шездесят десятин. А бил челом я тебе, государю, о той земле из десятого снопа изо всякие десятины. И твой государев воевода Пётр Головин взял с тоё моей роспашной пашнишке пятую лутчую десятину, не против моего челобитья, как я, сирота твой, о той земли тебе, государю, бил челом из десятого снопа, для тово что тоё пашню я завёл вново, и клячёнка, и наймитов наймовал самую дорогою ценою.

Да воевода же, государь, Пётр Головин взял у меня сироты, твоего, что я преж сего роспахал [у] усолья усть Куты реки з двором и с варницею на тебя, государя. И убытки, государь, мне, сироте твоему, учинил в той пашни и в варнице пятьсот рублёв. А опричь меня, сироты твоего, нихто заводу пашенного и варнишново не заваживал.

А я, сирота твой, в том пашенном заводе от воеводы от Петра Головина налоги разорился и одолжал великими долги, и впредь мне, сироте твоему, тоё пашнишки заводить нечем, разорил меня dokonца. И ныне, государь, меня, сироту твоего, держит в якутах, а то моё заводишко разорил.

А что у Соли Вычегоцкой домишко моё, без меня, сироты твоего, разорилось, и женишко моё и детишко в долгах моих, что я займовал у Соли для своего промыслишку, стоят на правеже, и домишко моё разорилось, и твоей государевы подати мне, сироте твоему, у Соли платить нечем, разорились дооснованья, а воевода Пётр Головин меня из Якуцкого острогу не отпустит.

<...> Вели, государь, из Сибири, с Лены, меня отпустить к Русе, к Соли Вычегоцкой, к домишку своему, чтоб мне в твоих государевых податях и в своих долгах расплатиться, а женишко своё и детишка с правежу от своих долгов свободить.

А в то моё место вели, государь, на Лене быть у пашнишки братишку моему родному Микифору Хабарову, покаместа я, сирота твой, долги свои оплачу, а женишко своё и детишка с правежу освобожу.» [107]

На обороте первого листа челобитной написано:

«153 [1645] году, июня в 20 день. Приказал боярин князь Никита Иванович Одоевский дать государеву грамоту на Лену к воеводам и к дьяку.

Будет до него, Ярофейка, никакова государева дела в Ленском Якуцком остроге нет, и держали его напрасно, а на пашне своей в оброке брата своего он оставит, и что с той его пашни у него, Ярофейка, указано иметь, а брат ево всё на себя соймёт, и ево, Ярофейка, с Лены к Соли Вычегоцкой к жене и детям отпустить.

А что ево Пётр Головин в Якуцком остроге держал, а к Русе не отпустил, о том велеть отписать ко государю к Москве в Сибирской приказ.»

16 июля 1645 года в Сибирском приказе была написана грамота сменившему Головина новому воеводе В. Н. Пушкину. После изложения челобитной Хабарова, в ней написано:

«И будет так, как нам Ерофейко Хабаров бил челом, и как к вам ся наша грамота придёт, а до Ярофейка Хабарова, будет, в Ленском остроге никакова дела нет, и на пашню свою в оброке брата своего он оставит, и что с той пашни у него, Ерофейка, указано оброку иметь, и тот оброк весь брат ево на себя соймёт, а вы б ево, Ерофейка, с Лены из Якуцкого острогу к Соли Вычегоцкой отпустить велели.

А сколь давно и при котором воеводе ему та варница дана, из десятого ль, или пятого снопа, и на сколько лет; и что у него с тоё земли и иных каких оброков велено иметь; и будет ему, Ерофейку, та земля дана из десятого снопа, и для чево Пётр Головин у него, Ярофейка, с тоё земли взял пятой сноп, а не десятой; и для чево у него те землю и варницу взял на нас; и ево, Ерофейка, в Якуцком остроге держал и к Русе не отпускал; и вы б о том отписали к нам к Москве подлинно. А отписку велеть подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову.

Писан на Москве лета 7153 [1645] года, июля в 16 день.» [108]

Из приведённой ранее отписки воеводы Головина следует, что при устроении Хабарова в пашню на устье Киренги ему была дана льгота на год. «И как, государь, льготной год пройдёт, и ему, Ярофейку, пахать на тебя, государя, от девятого десятая десятина.»

Ответ якутских воевод на грамоту Сибирского приказа, несомненно, был, но он неизвестен. А то, что якутские воеводы занимались выяснением условий, на которых пахал пашню Хабаров, видно из отписки, полученной в Сибирском приказе в феврале 1652 года уже от бывшего дьяка Петра Стеньшина. Отписка написана по другому поводу, но в ней сказано об этих условиях:

А по том, государь, пашенном крестьянине Ярофейке Павлове сыне Хабарове устюжанине взята в твою государеву казну поручная запись. И та по нём запись воеводе Дмитрею Францбекову да дьяку Осипу Степанову отдана.

А в той ево, Ярофейковой, поручной записи написано, что ему, Ярофейку, на Лене реке, на усть Киренги реки, после урочных годов на тебя, государя, пашня пахать от девяти десятую десятину по вся годы беспереводно, чтоб год то году пашня пространилась и не запустела, и хитрости, и порухи ни которой не чинить, и пашни не покинуть.

А будет пахать пашни не станет и пашню покинет, и на тех порутчиках ево взяти твоя государева пеня, и их порутчиковы головы место, и твоя государева пашня.» [109]

Неизвестна и грамота Сибирского приказа на отписку воевод. После амурского похода Хабаров в Москве 5 июня 1655 года подавал челобитную, в которой написано:

«Да у меня ж, Ерофейка, воевода Пётр Головин на государев обиход взял три тысячи пудов хлеба, ржи. А в торгу купили в то время по рублю и больши пуд, итого три тысячи рублёв. И те деньги мне не даны и по сё время.» [110]

Б П Полевой отыскал документ, где написано о причине ареста Хабарова:

«Хабаров был арестован в Якутске за то, что публично <<лаял>> воеводу П. П. Головина.» [111]

Однако, он не привёл этот документ.

Что же касается поездки Хабарова в Соль Вычегодскую, о которой он просил в своей челобитной, то она не состоялась.

А вот как описал эти события И. Машуков:

«Завёл поначалу на Усть-Куте солеварню, начал разрабатывать пашню. Однако солеварню вскоре взяли у него в казну, а самого его посадили в Якутске на должность [!?]» за пристава». Смена Головина на Якутском воеводстве освободила Ерофея Павловича от этой, по-видимому, тяготившей его должности.» [112]

И ещё: «В 1646 г. Головин был заменён на Якутском воеводстве, до Москвы дошли слухи о его злоупотреблениях. Воеводой стал Дмитрий Францбеков.» [113]

Вслед за ним в примечаниях в книге Д. И. Романенко «Ерофей Хабаров» В. Зоркин повторяет: «В 1646 г. до Москвы дошли слухи о злоупотребле-

ниях и саиоуправстве воеводы Головина, и он был смещён, а на его место прислан «православный» ливонский немец Дмитрий Францбеков (Фаренсбах).» [114] На самом же деле слухи дошли не в 1646 году, а раньше. В 1646 году Головин уже был смещён. А Головина сменил не Францбеков, а В. Н. Пушкин, который был до Францбекова на воеводстве четыре года.

Пока Ерофей Хабаров был за приставом, всеми делами занимался его брат Никифор. В таможенной книге Ленского волока за 1643 год имеются несколько записей о нём:

«Июня в 11 день [1643 г.] у торговаго человека Никифорка Павлова с промышленных девятинадцати сороков с тридцати соболей [790 шт. — Г. К.] десятыя взято семьдесят соболей с пупки и с хвосты.

У него же, Никифорка, с промышленных с пяти соболишек вешных плохих, з дву бобришков да з дву кошлочишков летных, да с кафтанишка носебново соболя, по оценке з дватцати рублёв, десятыя взято четы(ре) соболи с пупки и с хвосты.» [115]

790 соболей — это, видимо, добыча большой ватаги покручеников, а может быть, и не одной.

«Июля в 17 день [1643 г.] торговой человек Никифорко Павлов продал промышленному Стеньке Ларионову дватцать два пуда муки ржаной. Взял дватцать два рубли.

Записной пошлыны взято дватцать два алтына. У него же, Никифорка, с того запасу, з дватцати з дву пуд, да весчево, по оценке с пуда взято три алтына четыре деньги. Да у промышленного Стеньки с того же запасу весчево взято семь алтын две деньги.» [116]

«Того ж дни [2 августа 1643 г.] торговой человек Никифорко Павлов продал торговому Оске Амосову Осколкову семьдесят пуд муки ржаной. Взял семьдесят рублей.

Записной пошлыны взято два рубли три алтына две деньги. У него ж, Никифорка, с того запасу по деньге с пуда весчево взято одиннатцать алтын четыре деньги. Да с купца Оски с того запасу весчево — дватцать три алтына две деньги.» [117]

О Никифоре Хабарове Никифоре есть упоминание, относящееся к сыску о затоплении соли в государевых амбарах на устье Куты весной 1644 года. Никифор оказался там по каким-то делам. Его называют пашенным и соляным опытовщиком.

«Великие реки Лены пашенной и соляной опытовщик Никифорко Павлов Хабаров сказал по государеву [М. Ф.] крестному целованью:

Как де в прошлом во 152 [1644] году был он, Никифорко, с людьми, с семью человеки, с покрученики своими, в та поры волею Божиею пришла вода временная вдруг с камени из ыных сторонных рек, и на усть Куты реки государевы анбары с солью водою топило. А вода вешняя в анбарах была в груди человеку.

И он де, Никифорко, с людьми своими да с целовальником Васкою Щукиным и служилыми людьми государеву соль из воды на избы и на овины носили.

А сколько пудов соли водой топило и розмыло, того де он, Никифорко,

не ведает. А с которыми людьми, покрученики своими, он, Никифорко, был, и те де ево покрученики все розошли к Русе.» [118]

На обороте: «К сим допросным речам вместо пашенного и соляно-во опытовщика Микифора Хабарова по ево велению Родька Фомин руку (приложил).»

Никифор Хабаров был неграмотным.

Примечания

1. Марков С. Летопись. М. 1978, с. 66.
2. Записки, к сибирской истории служащие. // Древняя Российская вивлиофика. 2 издание, кн. 3, М. 1788, с.139.
3. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Хабаров. М. 1991, с. 24.
4. Бахрушин С. В. Научные труды. т. 3, ч. 1. М. 1954. с. 213.
5. Бахрушин С. В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке. // Исторические записки, т. IX, М. 1941. с. 168.
6. Ф. 214, ст. 381, л. 92.
7. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 22, № 62, л. 78об.
8. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983, с. 27.
9. Леонтьева Г. А. Указ. соч. М. 1991, с.3 2.
10. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 22, № 62, л. 78об—80.
11. Там же, л. 80—81об.
12. Ф. 214, кн. 71, л.291.
13. Там же, л. 304—304об.
14. Там же, л. 81.
15. Там же, л. 85—85об.
16. Ф. 214, кн. 95, л. 813.
17. Там же, л. 838об.
18. Фишер И. Э. Сибирская история. СПб, 1777, с. 338.
19. Ф.1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 12, л. 9.
20. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб, 1840, т. 27, № 105, с. 54.
21. Ф. 21, ед. хр. 30, № 71, с. 175.
22. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 12, л. 6—7.
23. Там же, л. 8.
24. Там же, л. 10—14.
25. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 3582, л. 1.
26. КПМГЯ, док. 17, с. 33.
27. Ф. 214, ст. 344, л. 80.
28. Ф. 1177, оп. 3, ед. хр. 28, л. 5.
29. Ф. 214, ст. 344, л. 77.
30. Там же, л. 80.
31. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. М. 1951, с. 556.
32. ДАИ, т. 2, СПб, 1848, № 85, с. 238.
33. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 655.
34. Там же, л. 656.
35. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 173, л. 12—13..
36. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 607—608.
37. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 35об—36.
38. Ф. 214, кн. 145, л. 455об—456.
39. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л.56—56об.

40. Там же, л. 59.
41. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 152, л. 304.
42. Там же, л. 306.
43. Там же, л. 306.
44. Там же, л. 306.
45. Там же, л. 307.
46. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 70, л. 16.
47. Ф. 214, кн. 145, л. 645—645об.
48. Там же, лл. 673об—674.
49. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 172, л. 1.
50. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 28, л. 45об—46.
51. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 152, л. 280—281.
52. Там же, л. 282—283.
53. Рябов Н., Штейн М. Не искажать историю! // Дальний Восток. 1954, № 4, с. 162.
54. ДАИ, т. II, СПб, 1846, док. 92, с. 252.
55. Ф. 1177, оп. 3 ч. I, ед. хр. 83, л. 4—5.
56. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 174, л. 1.
57. Чулков Н. Ерофей Павлов Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века. // Русский архив, 1898, № 2, с. 177—178.
58. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л. 1925, с. 7.
59. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, Иркутск, 1947, т. I., с. 97.
60. Романенко Д. И. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1990, с. 296.
61. Красноштанов Г. Б. Когда основан Киренск? // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», вып. 1, Иркутск, 2002, с. 39—56.
62. Сафронов Ф. Г., Указ. соч., с. 86—67.
63. Ф. 1177, ол. 3, ч. I, ед. хр. 176, л. 2.
64. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 73.
65. Там же, л. 76—77.
66. Там же, л. 79.
67. Там же, л. 92—92об.
68. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 24, л. 375.
69. Там же, л. 242об—243об.
70. Ф. 214, ст. 556, л. 61.
71. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 28, л. 79об—80.
72. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 24, л. 473—473об.
73. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 28, л. 155об—156.
74. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 547—550.
75. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 269, л. 6.
76. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 31, л. 30.
77. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 565—568.
78. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 31, л. 2.
79. Там же, л. 1.
80. Там же, л. 41.
81. Там же, л. 14.
82. Там же, л. 29.
83. Там же, л. 29об.
84. Там же, л. 56.
85. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 129, л. 3—3об.
86. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 61, л. 87—87об.
87. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 204.
88. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 85—85об.
89. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 129, л. 25об.
90. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 109.
91. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 129, л. 43.
92. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 220об.
93. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 363, л. 1.

94. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 92, л. 314об.
95. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 291, л. 109об—110.
96. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 337, л. 133—133об.
97. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 438, л. 52—57.
98. Там же, л. 58.
99. Там же, л. 43—45.
100. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 116, л. 31об—33об.
101. Там же, л. 44—45.
102. ДАИ, т. 2, СПб, 1846, № 101, с. 276.
103. Там же, с. 277.
104. Ф. 214, ст. 274, ч. I, л. 92.
105. КПМГЯ, док. 17, с. 33.
106. Алексеев А. Одиссея Ерофея Хабарова. // Амур — река подвигов. Хабаровск, 1970, с. 205.
107. Ф. 214, ст. 136, л. 931—932.
108. Ф. 214, ст. 136, л. 937—939.
109. Ф. 214, ст. 338, л. 263.
110. Ф. 214, ст. 344, л. 80.
111. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв., т. 2. Владивосток, 1995, с. 27, примеч. 4.
112. Машуков И. Ерофей Павлович Хабаров. // Дальний Восток. Хабаровск, 1945, № 5 с. 116.
113. Там же, с. 115.
114. Романенко Д. И. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1990, с. 296.
115. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 54, л. 382.
116. Там же, л. 385об—386.
117. Там же, л. 388.
118. Ф. 214, ст. 361, л. 58.

Панфил Яковлев

Панфил Яковлев появился на Лене ещё до образования Якутского воеводства. Записи о нём встречаются в таможенных книгах, как о промышленном человеке. Так в книге за 143 и 144 годы (с 1 сентября 1634 по 31 августа 1636 года), которая озаглавлена: «Да збору Енисейского острогу стрелецково головы Богдана Балкашы, да целовальника Игнашки Осипова, что збирали на Лене реке с торговых и промышленных и [с] служилых и со всяких людей государевы десятой пошлыны мяжкой рухляди» [1] есть запись:

«У промышленово человека у Панфила Яковлева вымитина с промышленных з дву сороков э дватцати соболей взято десятой десять соболей с пупки и с хвосты.

У него ж с перекупных з десяти соболей взято десятой соболь с хвостом.» [2]

Есть также записи, относящиеся к 1639 году.

«Того ж дни [27 мая 1639 г.] у промышленного человека у Панфила Яковлева важенина с перекупных с трёх сороков з дватцати соболей десятые пошлыны взято четырнатцать соболей с хвосты.

У него ж с осми соболей по оценке с осми рублёв и за восемь гривен взят соболь с хвостом.» [3]

Через три дня новая запись.

«Того ж дни [30 мая 1639 г.] у промышленного человека у Панфилка Яков-

лева важенина с перекупных с пятидесят хвостов собольих десятые пошлины взято пять хвостов.

У него ж с перекупных з дватцати пупков десятые пошлины взято два пупка.

У него ж лоскутишка мелково соболя, по оценке с пятинатцати алтын и за девять денег, взят хвост соболей.» [4]

В таможенной книге Олёкминского острожка имеется запись о взятии с Панфила Яковлева десятой пошлины:

«Того ж дни [конец мая 1640 г.] у промышленного человека у Панфилка Яковлева устюжанина с промышленных со шти сороков з дватцати соболей десятые пошлины взято дватцать шесть соболей с пупки и с хвосты.

У него ж со шти соболей, по оценке з двух рублёв и за две гривны, взято шесть пупков.» [5]

Его здесь называют то важенином, то вымитином, а позже более общим названием — устюжанином.

С приездом ленских воевод начинается новая полоса в жизни Панфила Яковлева, он становится пашенным крестьянином. О его устройстве в пашню воевода Пётр Головин с товарищами сообщили в Москву:

«Да генваря, государь, в 27 день [1641 г.] бил челом тебе, государю, [М. Ф.] промышленной человек Пантелейко Яковлев устюженин, чтоб ему быть в пашенных крестьянх на Лене реке на Тунгуском волоку, где переходят с Лены реки на Турухань.

И мы, государь, холопи твои, ему, Пантелейку, велели быть на Тунгуском волоке в пашенных крестьянх. А по уговору, государь, дали ему, Пантелейку, не в отдачу на лошадь и на всякой пашенной завод из твоей государевы казны тридцать рублёв денег.

А пахать ему, государь, Пантелейку, на тебя, государя, с первого году до твоего государева указу десятая десятина в поле, а в дву по тому ж. А семена, государь, ржаные и яровые, на ту десятину давать твои, государевы.

И запись, государь, по нём, Пантелейке, поручную в той пашне и в [с]судных, и в заёмных денгах взяли у торговых и промышленных людей.» [6]

Поручная запись эта не сохранилась.

Место, где Панфил Яковлев получил землю для пашни, расположено на левом берегу Лены ниже Киренска в 66 км. Уже тогда оно не было совсем пустым. Здесь уже стояла ясачная изба.

Сейчас здесь находится п. Чечуйск. Место это в тогдашних бумагах называли Чечуйский Тунгусский волок, что соответствует современному написанию Чечуйско-Тунгусский. Здесь всего лишь в 27 км от Лены протекает приток Енисея Нижняя Тунгуска. Через этот водораздел переходили с Лены на Нижнюю Тунгуску и обратно. Этот волок чаще называли сокращённо Чечуйский. С появлением здесь приказчиков Чечуйским волоком в широком смысле называли все ленские деревни, подчинённые здешнему приказчику. Название это произошло от наименования реки Чечуй. Чечуй впадает в Лену с правой стороны в 56 км ниже Чечуйска.

С. В. Бахрушин почему-то считал, что Чечуй впадает в Лену с левой стороны. Он писал:

«Границы Ленского разряда т. е. округа, подчиненного якутским воеводам в XVII и в начале XVIII в., могут быть установлены лишь в общих чертах. Он охватывал весь бассейн средней и нижней Лены от правого притока её Витима и левого — Чечуя до устья». [и т. д.] [7]

С. В. Бахрушин отписку воеводы Головина истолковал так:

«Пантелей Яковлев, поселившийся в 1641 г. на Чечуйском волоке, начал дело, даже не имея собственной лошади.» [8]

Дело вовсе не в том, что у него не было лошади. Лошадь эта входила в состав подмоги и считалась государевой. Она выдавалась в бесплатное и бессрочное пользование. Но её нельзя было продать. Если лошадь по каким-то причинам пала и если она у крестьянина была единственной, взамен выдавалась другая.

А между тем, лошадей у Панфила Яковлева был к тому времени целый табун. В 1645 году воевода В.Н. Пушкин, ехавший на смену воеводе П. Головину и зазимовавший в Илимском остроге, встретился с Панфилом Яковлевым; и в одной из отписок сообщил в Москву следующие сведения о нём:

«По сказке, государь, ленского пашенного крестьянина, которой в прошлом во 149 [1641] году из твоей государевы подмоги на Чичуйском волоку сел в пашню, Панфилка Яковлева, что де, государь, из Енисейского острогу, лошади купя, берегом Енисеем и Тунгускою, и Илимом реками до Ленского волоку летом гнать мочно. Как де он, Панфилко, для пашни пошел из Енисейского острогу на Лену, и он де в Енисейском остроге для той пашни, купя лошади, и те лошади из Енисейского острогу до Ленского волоку гнал безо всякой нужи берегом. А до нас, из Енисейского острогу до Ленского волоку, всего в четыре недели.» [9]

Сколько пригнал, не сказано, но всё же пригнал, несмотря на то, что позднее, в 1649 году, илимский воевода Тимофей Шушерин утверждал: «А из Енисейского, государь, от острогу, на Ленской волок в Ылимской острог лошади прислать не мошно.» [10]

С лошадьми Панфил Яковлев не расставался всю жизнь. В 1645 году, согласно «Росписи Ленского волоку конной» [11], у него было на Чечуйском волоке уже 32 лошади и на Орленге, где он также завёл пашню, ещё 6 лошадей. У Хабарова в это же время было лишь 19 лошадей.

Для начала Панфил Яковлев нанял трёх работников.

«149 [1641] году, апреля в 15 день, в Съезжей избе стольники и воеводы Пётр Петрович Головин да Матвей Богданович Глебов, да диак Еуфимей Филатов допрашивали пашенного крестьянина Пантелейка Яковлева ус-
тюжанина: по скольку он найму дал на год ярышке, на свой ли хлеб ярыжек себе нанимал.

И Пантелейка Яковлев в допросе сказал: нанел де он себе ярыжек на год трёх человек.

Одному человеку дал тритцать пять рублёв да полтора пуда ему сееть в землю на моих лошедях, а семена ево.

А другому де дал тритцать пять рублёв да насеет ему пуд на моих лошедях, а семена его.

А третьему — тритцать рублёв.

А платья де и обувь носить, и пить, и есть ево, Пантелейкова.» [12]

Как видим, здесь речь идёт не об одной лошади.

Кроме прежнего занятия, купли-продажи соболей, Панфил Яковлев занялся куплей-родажей лошадей. Вот записи из таможенных книг.

«Того ж дни [16 апреля 1641 г.] торговой человек Васка Петров Курочкин продал великие реки Лены пашенному крестьянину Паньку Яковлеву две лошади: мерин карь, другой мерин коур. Взял за обе сорок пять рублёв. Записной пошлыны взято рубль одиннатцать алтын четыре деньги. С купца пошерстного взято два алтына.» [13]

Далее следуют записи о мягкой рухляди.

«Того ж дни [1 мая 1641 г.] великие реки Лены у пашенного у Пантелейка Яковлева с кошлочишка плохово да с трёх подчеревесей бобровых с промысленых, по оценке с рубля по шти алтын с четырёх денег, десятиной пошлыны взято четыре алтына.

Того ж дни великие реки Лены пашенной крестьянин Пантелейко Яковлев продал торговому человеку Ивашку Мокиеву Пеунову девяносто девять соболей с пупки и с хвосты. Взял сорок рублёв. Записной пошлыны взято тринацать алтын две деньги.» [14]

Далее опять идут записи о купле-продаже лошадей.

«Того же месяца [мая] в 11 день [1641 г.] великие реки Лены пашенной крестьянин Пантелейко Яковлев продал великие реки Лены Ленского розряду служивому человеку Китайку Артемьеву Оболтину лошадь — мерин сер, грива направо. Взял тритцать рублёв. Записной пошлыны взято десять алтын. С купца пошерстного взято алтын.» [15].

«Августа в 20 день [1641 г.] торговой человек Мишка Пиминов продал ленскому пашенному Панфилку Яковлеву три лошади: лошадь гнеда, другая каря, третья бура. Взял сто пятьдесят рублей. Записной пошлыны взято четыре рубли шеснатцать алтын четыре деньги. С купца пошерстново взято три алтына. <...>

Того ж дни торговой человек Лучка Васильев продал пашенному Панфилку Яковлеву лошадь саврасу, грива налево. Взял дватцать рублей. Записной пошлыны взято дватцать алтын. С купца пошерстново взято алтын.» [16]

«Того ж дни [20 августа 1641 г.] промышленной человек Васка Яковлев продал пашенному Панфилку Яковлеву лошадь рыжу, грива налево. Взял сорок пять рублёв. Записной пошлыны взято рубль одиннатцать алтын четыре деньги. С купца пошерстново взято алтын.» [17]

«Того же дни [30 августа 1641 г.] ленской пашенной Панфилко Яковлев продал Ленского волока жильцу Ивашку Филипову семь лошадей: лошадь светлобура, другая светлорыжа, третья бура, четвёртая гнеда, пятая коура, шестая рыжа, седьмая рыжа, лысина во лбе. Взял триста пятьдесят рублей. Записной пошлыны взято три рубли шеснатцать алтын четыре деньги. С купца пошерстного взято семь алтын.» [18]

Ивашко Филипов Бутора имел пашню на Илиме. После он получил пашню также и на Лене. Ещё позже он был переведён в пашенные крестьяне.

К концу 1641 гола относится одно судное дело с необычным решением. «150 [1641] году, декабря в 23 день, бил челом государю [М. Ф.] промышленной человек Гришка Микифоров. На Ленском волоку в Съезжей избе подал исковую челобитную сыну боярскому Ивану Пильникову да целовальнику Семёну Шелковнику. А в челобитной ево пишет.

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, промышленной человек Гришка Никифоров. Жалоба, государь, мне на пашенного Панфила Яковлева.

В нынешнем, государь, во 150 [1641] году наймовал тот Панфил меня, Гришку, ходить с Ленского волоку на Лену реку по рыбу. А сверх найму мне сулил полпуда рыбы просольные. И ныне тоё рыбы мне полупуда не отдаёт, неведомо за что.

<...> Вели, государь, на того Панфила в том полупуде рыбы дать свой царской суд и управу.

Ответчик Панфил Яковлев, выслушав ево, Гришкину, исковую челобитную, отвечал. В ответе сказал: я де ему рыбы не суливал полупуда. Да и в ряде с ним з Гришкою не было.

Ответчику и исцу присудили жеребей. Ответчик Панфилко с суда виноват. И с него взято в государеву казну пересуду два алтына четыре деньги. И деньги записаны.» [19]

Все эти записи свидетельствуют о том, что весной, осенью и зимой 1641 года Панфил Яковлев был на Ленском волоке. Там же и зимовал. Это подтверждает и служилый человек Дмитрий Вятка, который в мае 1642 года писал воеводе П. Головину:

«А Панко Яковлев осенью сошёл к волоку с людьми и с коньми. А ныне весной с волоку он поехал в Енисейское. А на пашню послал работников четырнатцать человек и с коньми.» [20]

Перед отъездом в Енисейск Панфил Яковлев подал челобитную:

«Лета 7150 [1642] году, апреля в 22 день, бил челом государю [М. Ф.] великие реки Лены пашенной Пантелейко Яковлев, на Ленском волоку на усть Муки подал о[б] отпуске челобитную в Съезжей избе сыну боярскому Ивану Пильникову, целовальнику Семёну Шелковнику. А в челобитной ево пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой, великие реки Лены пашенной Пантелейко Яковлев.

<...> Вели, государь, меня отпустить с Ленского волоку в Енисейской острог для симянново хлеба.

По сей челобитной сын боярской Иван Пильников, Семён Шелковник пашенному Пантелейку Яковлеву с Ленского волоку в Енисейской острог для семенного хлеба покупки ехать велели.» [21]

Видимо, это разрешение требовалось потому, что в поручной записи по Панфиле Яковлеве было записано, что ему с Лены не сойти.

Зимой и весной 1642 года было также сделано несколько записей в таможенных книгах Ленского волока о Панфиле Яковлеве.

«Того ж дни [31 января 1642 г.] диака Еуфимья Филатова ленской пашенной Панфилко Яковлев продал быка торговому Мишке Жужгину. Взял

тритцать рублёв. Записной пошшины взято десять алтын. С купца взято два алтына.» [22]

Эту запись надо понимать так, что во время зимовки в Илимске дьяк Еуфимий Филатов купил быка, видимо, на мясо, но по каким-то причинам не мог его продать перед отъездом, и Панфил Яковлев по его поручению теперь продал этого быка.

«Февраля в 11 день [1642 г.] ленской пашенной Панфилко Яковлев продал две лошади промышленному Мишке Никитину: лошадь рыжа, ноздря порота, другая коура. Взял сто рублей. Записной пошшины взято рубль. С купца взято пошерстново два алтына.» [23]

«Того ж дни [24 марта 1642 г.] торговой человек Стенька Иванов Щукин продал ленскому пашенному Панфилку Яковлеву лошадь серу. Взял сорок рублей. Записной пошшины взято рубль шесть алтын четыре деньги. С купца пошерстново взято алтын.» [24]

«Того ж дни [27 апреля 1642 г.] промышленные люди Семейка Венедиктов, Макарко Яковлев продали ленскому пашенному Панфилку Яковлеву дощаник. Взяли тритцать пять рублей. Записной пошшины взято (один) рубль десять денег.» [25]

На этом дощанике Панфил Яковлев собирался плыть в Енисейск. И, видимо, поэтому он купил сразу в один день большое количество соболей. В Енисейске соболи стоили дороже.

«Того ж дни [3 мая 1642 г.] Ленского розряду служилой Макарко Ники(... про)дал ленскому пашенному Панфилку Яковлеву шеснатцать соболей. Взял семь рублёв. Записной пошшины взято два алтына две деньги.

Того ж дни Ленского розряду служилой человек Кирилко Кирилов продал ленскому пашенному Панфилу Яковлеву шеснатцать соболей. Взял одиннатцать рублей. Записной пошшины взято три алтына четыре деньги.

Того ж дни Ленского розряду служилой человек Мишка Иванов продал Панфилку Яковлеву дватцать шесть соболей. Взял пятнатцать рублей. Записной пошшины взято пять алтын.

Того ж дни Ленского розряду служилой человек Пронька Третьяков продал Панфилку Яковлеву девять соболей. Взял четыре рубли. Записной пошшины взято восемь денег.

Того ж дни Ленского розряду служилой Бориско Леонтьев продал ленскому пашенному Панфилку Яковлеву сорок соболей. Взял дватцать пять рублей. Записной пошшины взято восемь алтын две деньги.» [26]

В мае 1642 года служилый человек Дмитрий Вятка писал ленским воеводам:

«А у Панка Яковлева пашни севу десять десятин, а корень худ.» [27]

Далее идут две непонятные записи:

«Того ж дни [27 мая 1642 г.] взято с купца промышленного человека Семейки Наумова важанина со штидесят пуд муки ржаной весчего по две деньги с пуда. Итого дватцать алтын. Да с продавца взято с Пантелейка Яковлева со штидесят пуд муки ржаной весчего по две деньги с пуда. Итого десять алтын.» [28]

Купцом тогда называли того, кто покупает. Но на следующий день идёт запись уже о покупке такого же количества муки Панфилом Яковлевым.

«Того ж дни [28 мая 1642 г.] взято с купца с промышленного человека Панфилка Яковлева устюжанина весчего со штидесят пуд муки ржаной по две деньги. Итого дватцать алтын.» [29]

К тому же, здесь он почему-то назван промышленным человеком, а не пашенным крестьянином.

Для уборки урожая на пашне Панфила Яковлева из Якутского острога выехали нанятые промышленные люди. Об этом есть запись в таможенной книге.

«Того ж дни [20 июля 1642 г.] отпущены из таможни вверх по Лене реке на соболиной промысел до Чичуйсково волоку и к пашенному Паньку Яковлеву для вызжену [жатвы — Г.К.] промышленные люди: [перечислено семнадцать человек].

А с ними хлебново запасу и промышленного заводу по таможенной оценке на сто на пятьдесят рублёв на дватцать алтын. А с них отъзжие пошлины взято по алтыну с человека. Итого семнатцать алтын.» [30]

Плату за свою работу по уборке урожая промышленные люди получали мукой. пополняя имеющиеся у них запасы.

Какие-нибудь сведения о поездке Панфила Яковлева могли содержаться в таможенных книгах Енисейского острога, но за 1642 год книги не сохранились. В августе Панфил Яковлев, видимо, уже вернулся, судя по записям в книгах.

«Того ж дни {1 августа 1642 г.] у ленского пашенного Панфилка Яковлева с промышленных с сорока соболей десятые взято четыре соболя с пупки и с хвосты.

У него ж, Панфилка, с промышленных с пяти соболишек да с четырёх бобришек, да с трёх кошлочишков вешних, плохих, по оценке з десяти рублей, десятые взято два соболя с пупки и с хвосты.» [31]

Снова запись о покупке лошадей:

«Августа в 24 день [1642 г.] гостиные сотни Ивана Еремеева приказшик Лёвка Иванов продал ленскому пашенному Панфилку Яковлеву шесть лошадей: лошадь светлобура, другая светлорыжа, третья бура, четвёртая гнеда, пятая коура, шестая рыжа. Взял двести дватцать рублей. Записной пошлины взято шесть рублей дватцать алтын. С купца пошерстного взято шесть алтын.» [32]

«Августа в 31 день [1642 г.] ленской пашенной Панфилко Яковлев продал торговому Якуньке Осипову дощаник. Взял пятьдесят рублёв. Записной пошлины взято шеснатцать алтын четыре деньги.» [33]

Видимо, на этом дощанике он прибыл из Енисейска. Теперь дощаник стал уже не нужен.

Наконец, ещё одна запись в таможенной книге Ленского волока.

«Сентября в 14 день [1642 г.] ленской пашенной Панфилко Яковлев продал промышленному Лучке Васильеву тритцать пять соболей, четыре бобришка, да три кошлочишка. Взял тритцать пять рублёв. Записные пошлины взято одиннатцать алтын четыре деньги.» [34]

Летом 1643 года Панфил Яковлев был в Якутске. В таможенных книгах Ленского острога имеются записи о его пребывании там.

«Того ж дни [12 июля 1643 г.] продал пашенной Чичюйсково волоку Панфилко Яковлев лодейное днище таможенному голове Дружине Трубникову. Взял за то днище два рубли. Записной пошлыны взято четыре деньги.

Того же дни [12 июля 1643 г.] продал пашенной Чичюйсково волоку Панфилко Яковлев лотку свою набойницу промышленному человеку Конану Галактионову. Взял три рубли. Записной пошлыны взято алтын.» [35]

Это остатки того, на чём он приплыл в Якутск. Там он снова нанимал промышленных людей для уборки урожая.

«Июля в 31 день [1643 г.] отпущены из Якутского острогу вверх по Лене реке до Чичюйсково волоку для соболиного промыслу и к пашенному Паньку Яковлеву для изжени [жатвы] промышленной человек Федька Исаков с товарищи.

А с ним идёт хлебново запасу и промышленного заводу:

пятьдесят пуд муки ржаной
шестьдесят сажень сетей неводных
пятьдесят камысов лосиных
полтора пуда меди в котлах
двадцать топоров
четыре обмёта собольих
двадцатеры рукавицы-вареги
семнатцатеры уледницы
десятеры чарки красные.

А того у них хлебново запасу и промышленного заводу по таможенной оценке на сто на пятьдесят рублёв на двадцать алтын.

Да с ним же, Федькою, отпущены своеужинники [перечислено 16 человек — Г.К.]

И у него, Федьки, с товарищи с оценки взято государевы печатной пошлыны по деньге с рубля. Итого двадцать пять алтын с полуденьгою.» [36]

Здесь видно, что хлебного запаса у них было только на дорогу до Чечуйского волока, а на соболиный промысел рассчитывали заработать на уборке урожая и на осеннем севе.

А сам Панфил Яковлев выехал позднее.

«Августа в 2 день [1643 г.] отпущен из Якутского острогу вверх по Лене на Чичюйской волок пашенной Панфилко Яковлев для хлебной пахоты. И с него, Панька, печатной пошлыны гривна взята.» [37]

И ещё имеется одна запись:

«Августа в 19 день [1643 г.] подлинная челобитная за государевою Ленскою розрядною печатью: пашенному Панку Яковлеву выдать на Чичюйском волоку целовальником Матвеем Антипину да Якову Микифорову из государева выдельного хлеба ржи на шесть десятин семени, по полпята [4,5] пуда на десятину, что он, Панько, ту шесть десятин в прошлом во 150 [1642] году к нынешнему ко 151 [к 1 сентября 1642] году сеял на государя своими семяны .

И у него, Панька, печатной пошлыны взято семь алтын две деньги .» [38]

Как следует из этой записи, Панфил Яковлев уже в 1642 году пахал на государя шесть десятин. Семена на эти десятины должны были выдаваться

из государевы казны. Но с выдачей, видимо, произошла заминка, и Панфил Яковлев засеял государевы десятины своими семенами, чтобы не упустить время. Теперь эти семена должны были ему вернуть.

Что же касается даты, то она здесь указана более поздняя, чем дата его отъезда из Якутска. Такая неувязка объясняется, видимо, тем, что запись эта итоговая с черновых книг. В книге за 19 августа сделано множество записей на 105 страницах [с листа 79об по 132об]. Здесь упомянуты сотни людей. Естественно, что за один день не могло быть отпущено из Якутска столько людей, да и записи сделать за один день было просто невозможно.

В 1645 году опять из Якутска ехали на пашню Панфила Яковлева промышленные люди.

«Августа в 5 день [1645 г.] отпущены ис таможи вверх по Лене реке к Панфилу Яковлеву на пашню строшной ево, Панфилков, Ивашко Прокопьев с товарищи, [перечислено 9 человек — Г. К.] А с ними мяжкой рухляди и товару, и денег нет. А с них отъезжие пошлины взято по алтыну с человека.» [39]

Примечания

1. Ф. 214, кн. 95, л. 813.
2. Там же, л. 823—823об.
3. Ф. 214, кн. 127, л. 358об.
4. Там же, л. 374—374об.
5. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 9, л. 66.
6. Ф. 214, ст. 113, л. 89, а также ДАИ, т. 2, СПб, 1846, док. 92, с. 252.
7. Бахрушин С. В. Научные труды. т. 3, ч. 2, М. 1955, с. 15.
8. Там же, с. 32.
9. Ф. 214, ст. 274, ч. II, л. 398.
10. Ф. 214, ст. 360, л. 499.
11. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 2913, л. 9—10.
12. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 176, л. 2.
13. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 81.
14. Там же, л. 99—100.
15. Там же, л. 105.
16. Там же, л. 137об—138.
17. Там же, л. 138об.
18. Там же, л. 212об.
19. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 518—520.
20. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 269, л. 6.
21. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 551—553.
22. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 174об.
23. Там же, л. 175об—176.
24. Там же, л. 182об—183.
25. Там же, л. 194об.
26. Там же, л. 202—202об.
27. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 269, л. 6.
28. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 11, л. 21.
29. Там же, л. 32.
30. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 62—62об.
31. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 219об.

32. Там же, л. 211об.
33. Там же, л. 212об—213.
34. Там же, л. 237.
35. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 92, л. 153об—154.
36. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 97, л. 56об—57.
37. Там же, л. 58об.
38. Там же, л. 79об.
39. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 143, л. 69—69об.

Служилые пашенные крестьяне

Для обработки прежней пашни Ерофея Хабарова, а также дополнительной пашни, воевода П. П. Головин нанял пять человек служилых людей, приехавших с ним на Лену, за особое жалованье, скрепив условия найма «уговорной записью», т. е. письменным договором. Теперь этих людей стали называть «служилыми и пашенными крестьянами».

В памяти пятидесятнику Семёну Родюкову написано:

«В нынешнем во 149 [1641] году, апреля в 9 день, нанялися:
служилые люди Тобольского города:

Исачко Максимов

Марчка Микитин

Ондрюшка Кирилов

Мишка Костентинов,

енисейской служилой человек Семейка Чертов

в государеву пашню на урочные годы до 152 [1 сентября 1643] году.

А найму им дано сверх государева денежного и хлебного, и соляного жалованья их окладов по дватцати рублёв человеку на год.

Да им же, Исачку с товарищи, дано для той государевы пашни и для воски через Ленской волок государевых хлебных запасов, купя из государевы казны, по две лошади человеку.

А пахать им государева пашня у того соляного озера на усть Куты, где пахал преж сего промышленной человек Ярофейка Павлов.

А посеять им, Исачку с товарищи, с нынешнего со 149 [1641] году ржи ко 150 [к 1 сентября 1641] году по три десятины человеку. Да во 150 [1642] году посеять по десятине ярового. Да ко 151 [к 1 сентября 1642] же году посеять две десятины ржи.

И те им, Исачку, по две десятины человеку жать самим. А третью десятину жать наймом из государевы казны. А молотить все три десятины им же, Исачку с товарищи.

Да им же, Исачку с товарищи, присевки сееть на себя на государевых лошадях по два пуда на человека в поле, а в дву по тому ж.

А будет оне, Исачка, сверх тех дву пуд пахать учнут наёмщики своими на своих лошадях на себя, и с той их пахоты имать на государя десятой сноп.

Да им же, Исачку с товарищи, перевести через Ленской волок государевых хлебных запасов по четыреста по семидесят пуд на лошадь. А на другой год возить по тому ж.

А во 151 [1643] году им же, Исачку с товарищи, посеять на государя ко 152 [к 1 сентября 1643] году по три десятины ржи человеку.

А пашенной всякой завод: сошники и косы, и серпы, даны им из государевы ж казны.» [1]

Таким образом, кроме обработки пашни на служилых пашенных крестьян была также возложена возка хлебных запасов через Ленский волок.

Служилым и пашенным крестьянам были отведены рыбные ловли и пашня Ерофея Хабарова. Об этом сын боярский Иван Пильников, находившийся на устье речки Муки, доложил письменно воеводам 6 апреля 1641 года.

«Государя царя [М. Ф.] стольником и воеводам Петру Петровичю, Матвею Богдановичю, диаку Еуфиму Варфаломеевичю сын боярской Иван Пильников, пятидесятничишко Олёшка Леонтьев, целовальничишко Микитка Агапитов челом бьют. <...>

И мы по государеву указу речки истоки досматривали. За Кутою повыше плодбища источек из озера течёт, и выше того источка на той же стороне речка вышла из камня. Да на пашне против Усолья — залев в лог весною. И пониже того залеву — исток из соляного озера. И больше того речек истоков и залевов нет.

И досмотря рыбные ловли, речки и истоки, и залевы по государеву указу отвели им, Исачку с товарищи. И никому промышлять иным всяким людем, опричь их, не велели.

Да нам же велено отвесть пашня, что пахал Ярко Хабаров. И ныне служивые люди Исачко с товарищи сохи делают. А как сохи поделают, и мы по государеву указу под яровой хлеб пашню пахать велим.» [2]

Исток — это устье, залев — залив. Соляное озеро — это как раз то, из которого добывал соль Хабаров. Олёшка Леонтьев — это Алексей Олень, о котором речь будет дальше.

Уже перед отплытием в Ленский острог, будучи на устье Куты, воевода П. Головин выдал память Семёну Родюкову о снабжении служилых и пашенных крестьян семенной рожью. Память лишь слегка повреждена, и поэтому легко восстанавливается.

«Лета 7149 [1641], мая в 16 день. По государеву указу [М. Ф.] память пятидесятнику Семёну Родюкову.

Взяти ему взаймы для государевы пашни на семена у промышленного человека у Ярофейка Павлова с пашенными служилыми людьми:

с Марчком Никитиным

с Ысачком Максимовым

с Мишкою Костентиновым

с Ондрюшкою Кириловым

с Семейкою Чертовым

десять пуд ржи доброй, подсееной, которая б рожь пригодилась на семена. А ему, Ярофейку, в той ржи дадут отпись из приказа. И тоё рожь отдать тем пашенным служилым людем Исачку Максиму с товарищи, пяти человеком.

А отдав на семена, рожь и тоё дачю написать (в книги) на роспись. И

тоё роспись — в Съе(зжей) избе стольником и воеводам Петру Петровичю (Г)оловину да Матвею Богдановичю Г(лебову), да дьяку Еуфимью Филатову.

К сей па(мяти) государеву [М. Ф.] печать новые Сибирские земли великие реки Лены приложил стольник и воевода Пётр Петрович Головин.» [3]

Есть ещё один черновой отрывок из наказной памяти Семёну Родюкову. Возможно, он относится к этой же наказной памяти, т. к. начало его помечено значком, применявшимся для вставок, — кружком с крестом.

«Из Ярофейковой ржи Хабарова добрую подсеяную на пятнадцать же десяти́н семьдесят пять пуд, которую он ныне жал [в нынешнем во 149 году — зачёркн. — Г. К.] А взяв тоё рожь, устроить в анбаре, чтоб ей поруки никакой не было. А что возмёшь, и в том ему, Ярофейку, дать отпись впредь для счёту, и у себя записать в приходную книгу.

А сколько Ярофейко ржи сожнёт и сколько снопов сотниц будет, и тебе б тоё рожь переписать самому всю, и с той ржи взять на государя, и ту рожь велеть измолотить.

А будет Ярофейковых людей или наёмщиков в умолоте государевы ржи будет семьдесят пять пуд, и тоё рожь выдать на семена пашенным служилым людям Исачку Максимову с товарищи.

А будет и у Ярофейка на семена ржи не имать, той государевы ржи на семена семян в семьдесят пять пуд не будет, и тебе донять у Ярофейка Хабарова ржи, сколько доведётца. А сколько выделной ржи сотниц возмёшь и что доймёшь той ржи будет в умолоте, и о том отписать и выделные и умолотные книги прислать к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарищи в Якуцкой острог.

А ясак бы тебе збирать с великим радением, неоплошно, подростков и захребетников выискивать. А будет торговые и служилые люди станут соль варить, и тебе б с той соли имать на государя десятая пошлина. А что соболей возмёшь, и то записывать в книги подлинно.» [4]

Здесь идёт речь о пашне Хабарова уже на новом месте, недалеко от устья Киренги. А из того, что на семена пяти служилым пашенным крестьянам требовалось ржи семьдесят пять пудов, следует, что на каждого из них приходилось по пятнадцати пудов. А т. к. норма высева была по пять пудов на десятину, то каждый из них должен был засеять по три десятины. Итого получается пятнадцать десяти́н. Напомним, что у Хабарова на устье Куты было четыре десятины и четыре десятины лежало под паром.

В мае 1641 года служилым пашенным крестьянам выдали коней.

«Се аз, Исак Максимов

да яз Семён Родионов

да яз Михайло Костентинов

да яз Марко Никитин

да яз Ондрей Кирилов,

все служилые люди, пашенные, взяли на усть Куты реки государевых коней пятеро для государевы пашни у подьячево у Юрья Юрьева:

конь рыж, цена четырнатцать рублей

жеребец коур — одиннатцать рублей

конь сер — десять рублей

конь рыж — десять рублей

конь коур — десять рублей

пятеры сошники, пять кос, теслу, тесник, пазник, долото.

В том в государеву казну и отпись дали.

На то послух служивой Василей Кирилов.

Отпись писал служивой Ивашко Офонасьев Овчинников.

Лета 7149 [1641] году, мая в 22 день.» [5]

В следующем году у Хабарова снова брали рожь на семена, о чём свидетельствует данная ему отпись:

«150 [1642] году, апреля в 25 день, Ленского розряду казачей пятидесятник Семён Родюков дал есмы сию отпись на усть Куты реки торговому человеку Ерофейку Хабарову в том: взял яз у него, Ерофейка, на государя семенные ржи сорок пудов на государеве пашне.

Да в прошлом во 149 [1641] году, мая в ... день, у него же, Ерофейка, взял яз, Семейка, семянные ржи семьдесят шесть пудов на государеву пашню.

В том ему, Ерофейку, яз, Семейка. и отпись дал.

К сей отписе пятидесятник Семён Родюков печать свою приложил.» [6]

Однако же не всё было гладко. Служилые пашенные крестьяне подали челобитную.

«Царю [М. Ф.] быют челом холопи твои, ленские пашенные служилые люди

Исачко Максимов

Мишка Костянтинов

Марчик Микитин

Ондрюшка Кирилов.

В прошлом, государь во 149 [1641] году, апреля в ... день, приговорились мы. холопи твои, на усть Муки у стольников и воевод у Петра Петровича Головина да у Матвея Богдановича Глебова, да у дияка у Еуфимия Филатова на усть Куты у Соли пахать нам, холопом твоим, твоя государева пашня на твоих государевых конех на Ярковой заимке Хабарова.

А по уговору и по ряде ряжено нам, холопом твоим, на те урочные годы на всякой год сверх твоего государева хлебново и денежново жалованья по дватцати рублёв всякому человеку.

И мы, холопи твои, по ряде и по уговору и по записе в прошлом во 149 [1641] году урочные десятины попахали на усть Куты, на твои государевы кони сена поставили.

Да нам же, государь, холопом твоим, по ряде и по уговору на Ленском волоку по обеим сторонам — на Илеме, на усть Муки — для твоих государевых хлебных ленских запасов воски поставити сена на высоких и на лутчих наволоках. И те, государь, лутчие и высокие наволоки на Илеме и на Муке сын боярской Иван Пильников да Семён Шелковник поотдавали торговым и промышленным людям.

И мы, государь, холопи твои, на Илеме и на Муке для твоих государевых хлебных запасов воски сено ставили по наволокам по низким местам. И то, государь, сено наше поставленное водою поносило. И мы, государь, холопи твои, для твоих государевых хлебных ленских запасов воски сено покупали

дорогою ценою, а твоих государевых запасов на Илеме не поставили, за Ленской волок перевозили весь сполна.

И после твоей, государь, воски хлебных запасов на Илеме почали мы, холопи твои, должатися у торговых и у промышленных людей и у всяких чинов воску брали. И на Илеме уведал сын боярской Иван Пильников, и заказы на Илеме, ходя, заказывал нам, холопом твоим, вдолг давати не велел и воски возити не давал.

И в нынешнем, государь, во 150 [1641] году осенью должилися мы, холопи твои, у торговых и у промышленных людей коньми и на свои деньги покупали, и твою государеву воску, хлебные запасы, на своих конех за волок возили.

И после твоей государевы воски хлебных запасов сын боярской Иван Пильников да Семён Шелковник на тех наших конех, которые мы, холопи твои, [в] воску брали и на свои деньги покупали, возки возити не дали. И под тот извоз, которой мы, холопи твои, осенью брали, наймовали возити за волок дорогою ценою.

И в нынешнем же, государь, во 150 [1642] году на усть Муки, апреля в ... день, заняли мы, холопи твои, из твоей государевы казны у пятидесятника у Семёна Родюкова по дватцати рублёв человеку. А в тех деньгах мы, холопи твои, подписали рожь по ряде и по уговору и по записе, сколько нам, холопом твоим, на себя посеяти ряжено. А по записе, государь, как мы, холопи твои, рядилися на три годы и на урочные годы, нам, холопом твоим, на всякой год ряжено, сверх твоего государева хлебново и денежново жалованья, давати те наёмные деньги из твоей государевы казны весною в апреле месяце в 23-е числах. И те, государь, наёмные деньги, по дватцати рублёв всякому человеку, из твоей государевы казны не даны.

А у сына боярсково Ивана Пильникова в твоём государеве указе не написано, что нам, холопом твоим, твоё государево хлебное и денежное жалованье впредь на 151 [1643-1643] год и те наёмные деньги, и у пятидесятника у Семёна Родюкова, дать не указано.

И нам, холопом твоим, без твоего государева жалованья, без хлебново и без денежново, и без наёмных денег, твоей государевы пашни пахать у Соли на устьКуты немочно и не за чем.

<...> Пожалуй, государь, нас, холопей своих, своим царским хлебным и денежным жалованьем впредь на 151 [1642—1643] год и теми наёмными деньгами, что нам, холопом твоим, сверх твоего государева жалованья ряжено, хлебново и денежново по дватцати рублёв всякому человеку, чтобы нам, холопом твоим, по записе до тех урочных годов, будучи у твоей государевы пашни, голодною смертью не помереть и вконец не погинуть, и твоей государевы службы впредь не отбыть.» [7]

Действительно, в таможенной книге Ленского волока за 149 год имеются записи о покупке ими лошадей.

«Августа в 25 день [1641 г.] промышленной человек Марко Яковлев продал служилому пашенному Марчку Никитину лошадь рыжу, сивогриву. Взял пятьдесят рублей. Записной пошрины взято шеснатцать алтын четыре денги. С купца пошертного взято алтын.» [8]

«Того ж дни [30 августа 1641 г.] торговой человек Мишка Аввакумов Жужгин продал служивому Исачку Максиму лошаадь рыжу. Взял сорок рублѣв. Записной пошлины взято рубль шеснатцать алтын четыре деньги. С купца пошерсново взято алтын.

Того ж дни торговой человек Никифорко Кирилов продал служивому Исачку Максиму лошаадь рыжу. Взял тритцать рублѣв. Записной пошлины взято тритцать алтын. С купца пошерсново взято алтын.» [9]

Зимой 1641—1642 года было несколько судных дел. Одно из них об ясыре.

«150 [1641] году, ноября в 1 день, бил челом государю [М. Ф.] служилой Семейка Савельев, на Ленском волоку в Съезжие избе подал исковую челобитную Ивану Пильникову, Семёну Шелковнику. А в челобитной ево пишет:

Царю [М. Ф.] бѣёт челом холоп твой Семейка Савельев на Семёна Родионова, пашенново.

В нынешнем, государь, во 150 [1641] году шёл я, холоп твой, с великие реки Лены и оставил на усть Куты реки у нево, Семёна, ясырь свой, жёнку якуцкую крещёную именем Натальицу и с робёнком крещёным Андрушкою. И дал ему, Семёну, найму, что[б] привести тоё жёнку и с робёнком с усть Куты на Ленской волок, пять рублѣв денег.

И он, Семён, тоё жёнку и с робёнком привѣз, и у себя держит сильно, и мне не отдаёт, неведомо за что.

<...> Вели, государь, мне тоё жёнку и с робёнком отдать и не вели сильно владеть.

Ответчик Семейка Чертов, выслушав ево исковую челобитную Семейкину, отвечал. В ответе сказал: я де у него, Семейки, ту якуцкую жёнку Натальицу купил. Дал де я за неё десять рублѣв денег, а в другой де половине я у него, Семейки, спрошалса. А в том де весно у Соли всем людем, которые люди у Соли живут.

Ноября в 2 день [1641 г.] истец Семейка Савельев и ответчик Семейка Чертов в Съезжей избе перед сыном боярским Иваном Пильниковым мир сказали, что де нам впредь в том деле друг на друга не отыскивать и государю не бить челом.

Сын боярской Иван Пильников, Семён Шелковник речи их записать велели и в челобитную в столп приклеить.» [10]

А далее было судное дело Андрюшки Кирилова.

«150 [1641] году, декабря в 24 день, бил челом государю [М. Ф.] пашенной Ондрюшка Кирилов. На Ленском волоку в Съезжей избе подал исковую челобитную сыну боярскому Ивану Пильникову да целовальнику Семёну Шелковнику. А в челобитной ево пишет:

Царю [М. Ф.] бѣёт челом холоп твой государев, пашенной Ондрюшка Кирилов. Жалоба, государь, мне на звѣ[з]лово наёмщика на Юрья.

В нынешнем во 150 [1641] году на усть Муки реки звѣзл тот Юрье тринацать копѣн сена, неведомо за што. А цена сену за копну по полуполтине.

<...> Вели, государь, дать свой царской суд и управу.

Ответчик Юрье, выслушав Ондрюшкину исковую челобитную, отвечал. В ответе сказал: я де у него у Ондрюшки Кирилова сена не вживал и на усть

Муки реки не был. А был де я в то время на Илимском волоку, как де возили сена иные наёмщики Ивана Сверчкова.

И исца допрашивали: чем уличаешь? И истец сказал: уличаю ево Божию правдою, крестом и животворящим. Ответчика допрашивал: себе ль на душу емлешь или исцу веришь?

Ответчик сказал: исцу де на душу даю.

Исца допрашивали: кому сверх кресново целованья ведомо? И истец слался на третьево словесною ссылкой на Фомку Визгунова.

Ответчик слался в послушество, что де те служилые люди живут вместе.

Истец слался на третьево ж словесною ссылкой на казачья десятника на Омельку Костентинова.

Ответчика допрашивали: слался ли на третьево на общую правду. Ответчик слался на общую правду.

Омельку Костентинова допрашивали вправду. Третьей сказал, Омелька, что де тот Юрье у Ондрюшки Кирилова свёз де сено. А сказывал де тот Юрье сам взятьё на усть Муки реки.

И за то сено сын боярской Иван Пильников да целовальник Семён Шелковник велели на том Юрье деньги доправить и, доправя те деньги, дать ему, Ондрюшке Кирилову.

И с сего судного дела в государеву казну пошлины, пересуду и праваго десятка, взяты сполна и в книги записаны.» [11]

А вот исковая челобитная к Исаку Максимову.

«Лета 7150 [1642], февраля в 16 день, бил челом государю [М. Ф.] промышленной человекенко Тришко Микифоров. На Ленском волоку в Съезжей избе подал исковую челобитную сыну боярскому Ивану Пильникову. А в челобитной пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой, промышленной человекенко Тришка Микифоров. Жалоба, государь, мне на служилого человека на Исака Максимова.

В прошлом, государь, во 149 [1641] году поставлено было, государь, у меня, сироты твоего, пониже волоку Илимского, по Илимскому вниз, пятьдесят копён сена на край Илимского. И то, государь, сенишко моё, пятьдесят копён сена, он, Исака, свёз, неведомо для чего.

И в нынешнем же, государь, во 150 [1642] году, февраля в 5 день, пришёл я, сирота твой, к тому своему сену, где ставил, и на том месте оставлено, государь, того моего сена копны 3 две. И то, государь, я, сирота твой, достальное сенишко хотел я, сирота твой, свести к себе. И тот Исака меня, сироту твоего, у того моего сена избил, изувечил и топором меня, сироту твоего, сёк, и обухом бил.

А цена, государь, тому моему сену за всякую копну по шти алтын по четыре деньги. А увечью моему и безчестью, что ты, государь, укажешь.

<...> Вели, государь, на того Исака в том сене и в увечье, и в топорном сеченье дати свой царской суд и управу, чтобы мне, сироте твоему, от того Исака в том сене и в увечье вконец(ц не) погинути.

По сей челобитной суда не было, потому что тот Исака Максимов исцу Трошку угрожал всячески, и тот Трошко Микифоров убоялся, потому что

жить де мне на Ленском волоку. И тот де Исачко надо мною и не такую пакость вуделает.» [12]

В следующем году служилые пашенные крестьяне также покупали лошадей. В таможенной книге Ленского волока за 150 год имеются ещё три записи.

«Августа в 5 день [1642 г.] торговой человек Матфейко Онофреев продал ленским служивым пашенным Исачку Максиму, Мишке Костянтинову, Марчку Никитину три лошади: лошадь сера, грива на обе стороны, другая ворона, грива на обе стороны, третья коура. Взял сто дватцать рублей. Записной пошлины взято три рубли дватцать алтын. С купца пошерстного взято три алтына.» [13]

Другая запись:

«Августа в 20 день [1642 г.] торговой человек Семейка Иванов продал ленскому служивому пашенному Исачку Максиму лошадь карю, грива налево. Взял тритцать пять рублей. Записной пошлины взято рубль десять денег. С купца пошерстного взято алтын.» [14]

«Августа в 25 день [1642 г.] торговой человек Гришка Петров продал ленскому служивому Ондрюшке Кирилову лошадь рыжу. Взял сорок рублей. Записной пошлины взято рубль шеснатцать алтын четыре деньги. С купца пошерстного взято алтын.» [15]

Из этих записей видно, что лошади в то время на Лене стоили очень дорого.

Сохранился список с наемной записи Исака Максимова на перевозку ржаной муки с Илима на устье речки Муки.

«Се аз, Исаак Максимов сын, ленской пашенной служилой человек, дал есми на себя запись на Ленском волоку торговому человеку Матвею Антипину сыну казанцу в том, что я, Исаак, нанялся у него, Матвея, перевести ево, Матвеева, запаса за Ленской волок с Ылиму на усть Муки в зимовье сто пуд муки ржаной, где преж сего клалися торговые в анбары запасы своими, по зимному пути нынешнаго 150 [1641-1642] году на великое заговенье.

И везучи мне, Исаку, тот ево, Матвиев, запас с Ылиму на усть Муки в зимовье, по станам и по волоку беречь.

А не перевезу я, Исаак, того ево, Матвеева, запаса, ста пуд муки ржаной, на тот срок, которой в сей записи выше сего писан, и мне, Исаку, платить за всякой пуд деньгами по два рубли.

А найма я, Исаак, рядил у него, Матвея, со всяково пуда по два алтына. А деньги я, Исаак, взял у сея записи наперед все сполна.

А хто за сею записью станет, тот ей истец. Где ся запись застанет, тут по ней суд и правёж.

На то послух Степан Григорьев сын, ленской казак.

А запись писал на Ленском волоку казак Васька Кирилов.

Лета 7150 [1641], декабря 11 день.

А позади пишет:

Вместо Исака Максимова по его велению Стенька Иванов, Григорья Корытова поседелец, руку приложил.

А [в] послусах Стенька Григорьев, ленской казак.

А список списан слово в слово.» [16]

В приведённой выше челобитной в числе челобитчиков не упомянут Семён Чертов. Он был в это время в Якутске. Там он давал показания по делу о злоупотреблениях Ивана Пильникова.

А произошло это так:

«150 [1641] году, декабря в 11 день, бил челом государю [М.Ф.] Митька Олексеев, на Ленском волоку в Съезжие избе подал исковую челобитную сыну боярскому Ивану Пильникову, Семёну Шелковнику. А в челобитной пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом твоя государева сирота Мишка Олексеев. Жалоба, государь, мне на енисейского казака на Семёна Родионова.

В нынешнем, государь, во 150 [1641] году свёз он, Семён, у меня за волоком сверх Куты шездесят копён сена, а неведомо за что. А цена, государь, тому сему дватцет рублёв.

Вели, государь, на него, Семёна, дать свой царской суд и управу.

По сей челобитной суда не было, потому что ставили того ответчика в Съезжую избу к суду, и тот Семейка Чертов на сына боярского Ивана Пильникова. на Семёна Шелковника сказал государево дело.» [17]

Государево дело рассматривалось в Якутском остроге.

«150 [1642] году, мая в 30 день, роспрашиван в Съезжей избе пашенной Семейка Чертов, какое он, Семейка, ведает на сына боярского на Ивана Пильникова да на целовальника на Семёна Шелковника государево дело. И он, Семейка, в роспросе сказал: дело де я на Ивана Пильникова да на Семёна Шелковника знаю.

Шёл де из Енисейского острогу з государевым запасом енисейской казачей атаман Иван Панкратов, и подмочил де он, Иван, на Илимском пороге нарощно дощаник з государевым запасом для того, хотя государевым запасом корыстоватьца. И утаил де он Иван у себя государева запасау тритцать мехов. А мочил де он, Иван, государев запас для того, чтоб ему овеситьца запасом. А то де я слышил у промышленного человека, а имяни де ему не помню, и тот де промышленной человек сплыл в Енисейской острог.

А они де, Иван Пильников да Семён Шелковник, и приняли у него, Ивана, запас весом. А мехами де не дошло запасау тритцати мехов.

И после де того извещал енисейской служивой человек Семейка Чючерем, что де того государева запасау Иван Панкратов утаил у себя тритцать мехов. И по ево де, Семейкину, извету ходил Иван Пильников к Ивану Панкратову на судно обыскивать. И у Ивана де Панкратова на судне в та поры нашёл двенатцать мехов государевы муки. И Иван де Панкратов отбился, муки де той ему не дал. И говорил де Ивану Пильникову Иван Панкратов: дай де мне в той муке отпись, та де мука сверх весу объявилась.

Да Иван же де Панкратов продавал той же государевы муки Нехорошку Банщику четверть да Семёну Шелковнику четверть, да Роспуте Стефанову четверть ж. И тоё де муку Иван Пильников у них у всех вынял. А Ивана де Панкратова и отпустил, дружа де ему. И отпись дал во всём запасе.

Да тот же де Семейка Чючерем извещал на Ивана Панкратова да на Семёна Шелковника государево дело, и приходил де к нему, Ивану Пильникову,

в Съезжую избу. И он де, Иван, ево, Семейку, из Съезжие избы выслал. И он де, Семейка, пошелчи, во весь мир кричал, сказывал на Ивана Панкратова да на Семёна Шелковника государево дело. И служивые де люди енисейские ево, Семейку Чючерема, сильно взяли в судно.

Да посылал де он, Иван Пильников, вверх по Илим у служивых людей Ивашка Разгидея да Нехорошка Банщика, да Ваську Кирилова по ясак. И посылал де с Нехорошком Банщиком целовальник Семён Шелковник свои товары. И купил де ему, Семёну, Нехорошко Банщик на ево товар дватцать восемь соболей. Да Розгидей де ему ж, Семёну, купил дватцать два соболя на ево ж, Семёнов, товар. А то де мне сказывал служивой человек Васька Кирилов.

Да он же, Семейка, сказывал: идёт де на усть Муки ис тынгуской юрты промышленной человек Афонька Мандуров, и несёт де под полою и за рукавами, и за пазухою соболи. И спрашивали де ево пашенные Мишка Костентинов да Марко: для чево де ты, Афонька, торгуешь с тынгусами до ясаку? И он де, Офонька, им говорил: мне де велел торговать Иван Пильников да Семён Шелковник. И те де тынгусы продали ему, Афоньке, соболи и сошли на низ по Илим у.

И ходили де на низ по Илим у по ясак служивые люди десятник Кондрашка Моисеев с товарищи. И стали де у тех тынгусов просить ясаку. И те де тынгусы им говорили: мы де ясак дали Ивану Пильникову и соболи де мы продали промышленному человеку Афоньке Мандурову.

И те де ясашные зборщики, Кондрашка Моисеев с товарищи, пришли с усть Илима и сказывали ему, Ивану, то. И он де, Иван, тово Афоньку ставил в Съезжую избу и роспрашивал, для чево он, Офонька, принёс в Съезжую избу десять соболей да одиннатцать пупков соболевых торговых тынгуских. И говорил де он, Офонька, ему, Ивану: вы де мне велели торговать с тынгусами. А в та поры тут в Съезжей избе были ясашные зборщики Кондрашка Моисеев с товарищи.

Да он же, Семён Шелковник, дал государевы муки служивою человеку Осипу Ропуту взаймы два пуда.

Да на нём же, Семёне, было взяти пашенному Мишке Костентинову дватцать безмен муки. И он де, Семён, дал мне, Семейке, мой оклад муки. И за окладом де осталось полпуда муки. И он де, Семён, мне ту муку полпуда отдал за свой долг Мишке Костентинову.» [18]

В декабре 1642 года служилые пашенные крестьяне получили хлебное жалованье и дали отписи. Все они одинакового вида. Приводим одну из них.

«Се аз, Марко Никитин, Ленского розряду служивой человек и пашенной, взял есми государева жалованья хлебново девять пуд муки ржаной да пуд круп, пуд толочна на нынешней на 151 [1642—1643] год у пятидесятника Василья Михайлова Горемыкина да у целовальника Нехорошева Павлова.

В том в государеву казну и отпись дал.

На то послух енисейской казак Вахромей Максимов Попов.

Отпись писал енисейской же казак Харька Стахив.

Лета 7151 [1642] году, декабря в 7 день.» [19]

Лишь один Исак Максимов получил муки одиннатцать пудов.

Но полученного хлебного жалованья почему-то не хватило, и служилые пашенные крестьяне подали челобитную.

«Царю [М.Ф.] бьют челом холопи твои государевы, Ленского розряду служивые пашенные

Исачко Максимов

Марко Никитин

Мишка Константинов

Семейка Родионов

Андрюшка Кирилов.

В нынешнем, государь, во 151 [1642—1643] году дано нам, холопом твоим, твоего государева жалованья хлебного по девяти пуд муки ржаной да по пуду круп, по пуду толокна.

И то мы, холопи, издержали на Ленском волоку, возячи твои государевы хлебные запасы за Ленской волок. А тепере мы, холопи твои государевы, нужны и бедны, обнищали и обдолжали великими кабальными долгами, и на твою государеву пашню поднятца нечем. А пахати будет твоей государевы пашни не за чем. А там нам будет помирать голодною смертью, потому что на пустом месте заняти, ни купити не у ково.

<...> Вели, государь, дати своего государева жалованья хлебного в наши оклады, сколько ты, государь, пожелаешь, за чем бы было пахати твоя государева пашня, а нам бы, холопом твоим, не помереть голодною смертью, а твоей бы государевы пашни не отбыть.» [20]

Жалованье было выдано, и служилые пашенные крестьяне дали отпись.

«Се аз, Исак Максимов

Марко Никитин

Михайло Константинов

Семён Родионов

Андрей Кирилов,

все мы есми Ленского розряду служивые и пашенные, взяли есми государева жалованья хлебного по два пуда на человека, всего десять пуд муки ржаной, в свои оклады на нынешней на 151 [1642—1643] год у целовальника Нехорошево Павлова.

В том в государеву казну и отпись дали.

На то послух торговой человек Семён Марков.

Отпись писал на усть Муки реки енисейской казак Харка Стахив.

Лета 7151 [1643] году, апреля в 19 день.» [21]

Летом 1643 года Марчко Никитин ездил в Якутский острог в челобитчиках. Для чего ездил, точно неизвестно, хотя об этой поездке есть обширный документ.

«Царю [М. Ф.] бьёт челом холоп твой, служилой и пашенной Марчко Микитин. Жалоба, государь, мне, холопу твоему, на служилого и пашенного на Андрея Кирилова.

В прошлом, государь, во 151 [1643] году посылали меня, холопа твоего, он, Андрей, с товарищи для артельного дела с Ленского волоку в Якутской острог в челобитчиках. А сулил он, Андрей, мне, холопу твоему, за ходьбу

найму своего паю два воза сена доброво да пуд рядил [написано: радил — Г. К.] посиять в землю ржи.

И я, холоп твой, в посыльщиках от них в Якутцкой острог съездил. И он, Андрей, мне, холопу твоему, того найму и по сю пору не платит, неведомо за что. А цена тому сену и озиме пять рублёв денег.

<...> Вели, государь, на того Андрия в тех наёмных деньгах дать свой царской суд и управу.» [22]

На обороте помечено: «154 [1646], генваря в 1 день. Поставить к суду. Ответчик дал исцу крест целовать.»

Далее описано судебное разбирательство:

«И ответчик, служилой человек, наёмной пашенной Ондрюшка Кирилов, выслушав Марчка Микитина исковой челобитной, отвечал. А в ответе сказал: в челобитчиках де он в Якутцкой острог его, Марчка, не посылявал и дву возов сена, и посеять пуд ржи за ходьбу не суливал.

И в том истец с ответчиком имались за веру, за крестное целование. И ответчик Ондрюшка крест целовать дал исцу Марчку на душу.

А сверх веры, крестного целованья, истец Марчко слался словесно на служилого и на пашенного на Михалка Костентинова в том: они де ево вместе для мирского дела в Якутцкой острог посылали и сена по два воза давали, и по пуду сеяли. А он де ему сена не дал и ржи не сеял.

И ответчик Ондрюшка на Михалка Костентинова слался в том, что де он ево, Марчка, в Якутцкой острог не посылявал, и сена, и ржи посеять не давал.

И того ж числа в Съезжей избе перед воеводою перед Василием Никитичем Пушкиным с товарищи, общая правда, Михалко Костентинов ставлен и по [с]сылке Марчка Микитина и Ондрюшки Кирилова допрашиван по государеву крестному целованью: Ондрюшка Кирилов Марчка Микитина в челобитчиках в Якутцкой острог посылал ли, и сена два воза от ходьбы сулил ли, и пуд ржи посеять дал ли?

И Михалко Костентинов по допросу сказал по государеву крестному целованью: посылали де они, Михалко и Исачко, и с ними он, Ондрюшка, Марчка Микитина в Якутцкой острог в челобитчиках вместе. А рядили де ему от того дать по два воза сена да посеять ржи по пуду человеку. И он де, Михалко, и Исачко [написано: Марчко — Г. К.] за то по пуду ржи ему, Марчку, сеяли и сена ему дали по пятнатцать копён с человека. А Ондрюшка де ему сена не дал и ржи не сеял.

И марта в 20 день, став в Съезжей избе перед воеводою перед Васильем Никитичем Пушкиным с товарищи, истец Марчко Микитин и ответчик Ондрюшка Кирилов сказали, что де они меж собою в том иску в пяти рублях помирились.

Пошлины с того иску платить ответчику Ондрюшке. И на Ондрюшке Кирилове с пяти рублёв пошлин и пересуду, и правого десятка дватцать четьре алтына взято и в книгу записаны.» [23]

Хлеба почему-то служилым и пашенным крестьянам всё время не хватало, и они брали вдолг, давая кабалу.

«Список с кабалы слово в слово.

Се аз устькутцкие служилые пашенные крестьяне:

Семён Родионов

да Михайло Константинов

заняли есми на Ленском волоку печатника и думного дьяка Фёдора Фёдоровича Лихачёва у крестьянина его у Андрея Амосова Осколкова шездесят пуд муки ржаной, доброй, сухой, без подмесу.

И заплатить нам, заимщиком, та мука, шездесят пуд, такая же добрая, сухая, без подмесу, в с(во)их в холщёвых в добрых мешках тому Андрею на строк на 153 [1644] год на Покров пресвятой Богородицы [1 октября].

А буде мы, заимщики, на тот описной строк, что в сей кабале написан, тому Андрею тако же добрые, сухие, безподмесной муки, штидесят пуд, в своих холщёвых в добрых мешках Андрею не заплатим, и ему, Андрею, на нас, на заимщиках, после строку по сей кабале взяти за всякой пуд по два рубля деньгами.

Где ся кабала нас, заимщиков, застанет, под которым судом ни буди, тут по ней суд и правёж со всеми кабальными убытки, рост и волокита заимщиком платить. А которой нас, заимщиков, будет влицах и исцу люб, на том и деньги по сей кабале истинна и рост безрозвытно. А хто с сею кабалою станет, тот по ней истец.

На то послух торговой человек Семён Тимофиев Корманов лалетин.

Кабалу писал на Ленском волоку промышленной человек Гаврилко Федотов Иконников.

Лета 7152 [1644] году, генваря в 30 день.

Позаде пишет: К сей кабале вместо заимщиков Семёна Родионова да Михайла Костянтинова по их веленью промышленной человек Ивашко Данилов новгородец руку приложил.

Послух Семейка Тимофиев руку приложил.» [24]

В таможенной книге Ленского волока за 1643 год имеется несколько записей о покупке служилыми пашенными крестьянами лошадей:

«Июля в 26 день ленской служивой пашенной Исачко Максимов продал ленскому служивому пашенному Семейке Родионову лошадь карю. Взял сорок рублёв. Записной пошлыны взято тринацать алтын две деньги.» [25]

«Августа в 13 день торгового человека Петра Кирилова приказчик Ивашко Дорофеев продал ленскому служивому пашенному Мишке Костентинову лошадь гнеду, грива на обе стороны. Взял сорок рублей. Записной пошлыны взято рубль шесть алтын четыре деньги. С купца пошерстого взято алтын.» [26]

«Того ж дни [15 августа] торговой человек Андрюшка Амосов Осколков продал ленскому служивому пашенному Исачку Максиму две лошади кари. Взял шездесят два рубли. Записной пошлыны взято рубль дватцать восемь алтын четыре деньги. С купца пошертного взято два алтына.» [27]

«Того ж дни [15 августа] промышленной счеловек Ивашко Петров Лупанов продал ленскому служилому пашенному Семейке Родионову лошадь серу. Взял тритцать один рубль. Записной пошлыны взято тритцеть один алтын. С купца пошерстного взято алтын.» [28]

«Того ж дни [16 августа] Тобольсково города посадцкой человек Ларька

Иванов продал ленскому служивому и пашенному Мишке Костентинову лошадь вороную. Взял тритцать три рубли. С купца пошерстного взято алтын.» [29]

Служилые пашенные крестьяне нанимали работников. Вот одна челобитная об этом:

«Царю [М. Ф.] бьёт челом и являет сирота твой, промышленной человек Третька Ильин колмогорец на пашенново служилого на Семёна Родионова.

В нынешнем во 152 [1644] году нанял меня, сироту твоего, он, Семён, в срок на год. И ныне мне, сироте твоему, до сроку отказал и сослал, а записи не выдал.

<...> Вели, государь, сию мою явку на Ленском волоку в таможенную избу таможенным целовальником Осипу Иванову, Ивану Иванову принять и день подписать.» [30]

На обороте: «152 [1644] году, генваря в 22 день, принята явка.»

В феврале 1644 года снова получили наёмные деньги и дали отпись.

«Се аз, Ленского розряду служивые устькуцкие пашенные

Исак Максимов

да яз Марко Микитин

да яз Андрей (Кирилов)

да яз Михайло Костентинов Тобольского (города)

да яз Семён Ролионов Енисейского города

взяли из государевы казны на Ленском волоку наёмные деньги по уговору против записи, ка[ко]ву дали на себя в Съезжую избу стольнику и воеводе Петру Петровичю Головину, государевых денег по дватцети рублёв человеку. И всего взяли мы государевых наёмных денег на нынешней на 152 [1643-1644] год у сына боярского у Алексея Семёнова сына Бедарёва, у целовальника Луки Васильева Гундырева на пять человек ... денег.

В том в государеву казну и отпись (дали).

На то послух Стефан Григорьев Вятка.

А отпись писал служивой человек Ивашко Иванов Пуляев.

Лета 7152 [1644] году, февраля в 9 день.» [31]

На обороте — рукоприкладства. Все служилые пашенные крестьяне были неграмотны.

«К сей отписи вместо служивых и пашенных Исака Максимова да Семёна Родионова по их велению промышленной человек Истомка Аверкиев руку приложил.

К сей отписе вместо служивых и (пашенных) Марка Никитина да Михайла (Костен)тинова по их (велению промысле)ной человек Семейка Венедиктов руку прилож(ил).

К сей отписе вместо служилого человека Андрея Кирилова и пашенново по ево велению Авдейко Марков Сверчков руку пр(иложил).

Послух Стенька Вятка руку приложил.»

В этот же день получили денежное жалованье. За получение денежного жалованья каждый давал отдельную отпись. Сохранились не все, а только две из них, Исака Максимова и Михайла Костентинова, слегка повреждённые.

ные. Но так как они одинакового вида и к тому же повреждены в разных местах, то легко восстанавливаются. Приводим одну из них.

(Се аз, Исак Максим)ов, пашенной служивой человек Тобольско-во (города, взял) из государевы казны на Илимском волоку (государева денеж)ново жалованья на нынешней на 152 [1643–1644] (год у сын)а боярсково Алексея Семёнова сына Беда(рёва у целова)льника Луки Васильева Гундарева четыре рубли с четвертью. В том в государеву казну отпись дал.

Отпись писал служивой человек Ивашко Иванов Пуляев.

Лета 7152 [1644] году, февраля в 9 день.» [32]

На обороте рукоприкладство: «К сей отписе вместо служивого (Исака) Максимова по его велению Истом(ка Аверкиев) руку приложил.»

Хлебное жалованье тоже получали по отдельности:

«Се аз, Исак Максимов, устькуцкой пашенной, дал сию отпись в том, что взял он, Исак, из государевы казны государева хлебного жалованья на нынешней на 152 [1643–644] год пуд круп, пуд толочна у целовальников у Григорья Прокопьева, Ивана Стефанова.

В том им, целовальником, и отпись дал.

Отпись писал на усть Куты служивой Ивашко Иванов.

(Лета 152) [1644], мая в ... день.» [33]

На обороте рукоприкладство: «К сей отписе вместо Исака Максимова по его велению промышленной Гаврилко Еремеев руку приложил.»

А вот отпись за получение денежного жалованья в 1645 году:

«Се аз, Марко Никитин, служивой пашенной устькуцкой, взял из государевы казны на Ленском волоку государева денежного жалованья на нынешней 153 [1644–1645] год четыре рубля восемь алтын две деньги у сына боярсково Алексея Семёнова сына Беदारёва да у целовальников у Григорья Прокопьева Савастьянова да у Ивана Стефанова Морошкина.

В том в государеву казну и отпись дал.

На то послух площадной подьячей Сафон Иванов.

Отпись писал на Ленском волоку площадной подьячей Истомка Аверкиев.

Лета 153 [1645], февраля в 1 день.» [34]

На обороте рукоприкладства:

«К сей отписе вместо Марка Никитина по его велению Ивашко Пуляев руку приложил.

Послух Софонко Иванов руку приложил.»

Остальные дали точно же такие отписи.

И ещё общая отпись за получение наёмных денег:

«Се аз, Ленского розряду устькуцкие служилые люди и пашенные:

Исак Максимов

Марко Никитин

Михайло Костентинов

Семён Родионов

Андрей Кирилов,

взяли из государевы казны на Ленском волоку государева денежново наёмного жалованья на нынешней на 153 [1644–1645] год по дватцати руб-

лёв денег на человека у сына боярского Алексея Семёнова сына Бедарёва да у целовальников у Григорья Прокопьева Савастьянова, да Ивана Стефанова Морошкина.

В том в государеву казну и отпись дали.

На то послух площадной подьячей Сафон Иванов.

Отпись писал площадной же подьячей Истомка Аверкиев.

Лета 7153 [1645] году, февраля в 12 день.» [35]

По этим отписям можно следить, как менялись на Ленском волоке приказчики и целовальники.

Исачко Максимов имел прозвище Зырян. В ужинной книге 154 [1645—1646] года указаны величина и местоположение его пашни:

«У Исачка Максимова уродилось на усть Куты во 153 [1644] году три десятины, да вниз по Лене выше Якурима полшесты [5,5] десятины.» [36]

Речка Якурим впадает в Лену с левой стороны в 17 км ниже устья Куты. А в 15 км ниже устья Куты на левой же стороне когда-то была деревня Балахня. Это и есть первоначальное место поселения Исачки Максимова. Позже он переселился на новое место, которое называлось Зыряновской, а потом Чупановской деревней, где сейчас находится верхняя часть районного центра Жигалово.

Здесь мы вынуждены поправить В. Н. Шерстобоева в сведениях о годах первого упоминания деревень, в которых пахали служилые пашенные крестьяне. Правда, оговоримся, что возникновение деревни будем отсчитывать не с года первого употребления в документах её названия, а с года первого появления сведений о ней. Многие деревни существовали, но не имели названия, однако в документах указывалось их местоположение, а если деревни имели название, то часто оно было иным, чем в XX веке. Названия многих деревень менялись по несколько раз. У Шерстобоева первое упоминание о Балахонской деревне отнесено к 1723 году. [37]

Марчко Никитин был родом из Вологодского уезда. Там у него осталась жена Маринка и двое малолетних сыновей, Исачко и Кипрюшка. Видимо, в поисках заработка он оказался в Тобольске. В 1647 году Марчко Никитин с Лены ездил в Москву. Там в Сибирском приказе «Марчко Микитин сказал, что де послан ис Тобольска на великую реку Лену с ленскими воеводы, с стольником с Петром Головиным с товарищи, вместо тобольского отставленного пешево казака Исачка Захарова.» [38] На обратном пути он привёз на Лену свою семью.

О местоположении и величине его пашни в ужинной книге 154 [1645—1646] года записано: «Вниз по Лене реке против красного яру у Марчка Микитина и у Соли, всего на одиннатцати десятинах...» [39] У Соли он пахал одну десятину, остальные у красного яра. Этот красный яр находится чуть ниже деревни Марковой на левом берегу Лены ниже устья Куты в 55 км, а пашня была на правом берегу. Упёршись в красный яр, Лена поворачивает направо.

О Марчке Никитине и его сыновьях имеется огромное количество документов. Он основатель деревни Марковой и родоначальник многочисленных ленских Марковых, а также Марковых — выходцев с Лены, живу-

щих в Иркутске и Иркутской области, в Якутске, Москве, Киеве и других городах.

В. Н. Шерстобоев ошибочно записал в основатели деревни Марковой младшего сына Марчка Никитина Кипрюшку Маркова и неверно указал год первого упоминания деревни Марковой — 1669. [40] «Подробности», которых нет у Шерстобоева, добавили от себя другие всезнающие авторы.

Л. Шинкарёв писал: «А я пошёл <...> по Маркову старому селу, основанному в середине века черносошным уральским крестьянином Кипрюшкой Марковым. <...>

Пусть останется доброе старое название, неподвластное вкусам приезжих людей, в память о безвестном Кипрюшке Маркове, который пришёл на пустое место и положил начало могучей приленской династии — одной из тех, которые испокон века цементируют Россию.» [41]

А. С. Павлов в путеводителе сообщает: «За островом Марковским открывается село Марково, названное по фамилии соратника Е. Хабарова Куприяна Маркова, основавшего здесь зимовье.» [42]

Потомок Марчка Никитина А. П. Марков, родившийся в деревне Марковой, в своих воспоминаниях пишет: «Заселение этих мест русскими началось с приходом Ерофея Павловича Хабарова и его брата Никифора. Они оставили здесь семьи русских крестьян <<Кипрюшку Маркова со-товарищи>>, которые и заселяли зерном первые десятины земли близ Усть Кутского острога.» [43]

Ещё в одном путеводителе А. Н. Колесов и Ю. В. Кайдышев пишут: «Ниже устья р. Таюра теплоход проходит мимо сёл Верхнемарково и Марково, расположенных на левом и правом берегах Лены. Свои названия они получили в память их основателя Куприяна Маркова — верного соратника Ерофея Хабарова.» [44]

Андрюшка Кирилов также пахал в двух местах. В ужинной книге 154 [1645—1646] года записано:

«У Андрюшки Кирилова на усть Куты полпята [4,5] десятины, у Соли десятина.» [45]

«На усть Куты», видимо, в деревне Балахонской. В 1655 году он сбежал в Даурскую землю вместе с «полком» служилого человека Верхолёнского острожка Мишки Сорокина.

Мишка Костентинов ранее был служилым человеком Тобольского города. В одной из книг выдачи денежного жалованья он записан как «Михалко Костентинов пенежанин Плотник». [46] А в поздних документах его иногда писали со своей фамилией — Синьков. Впоследствии он переселился в Бирюльскую волость. Его потомки Синьковы и по настоящее время живут в Качугском районе Иркутской области. О местоположении его первоначальной пашни в ужинных книгах содержатся противоречивые сведения.

В книге за 154 [1645—1646] год: «У Михалка Костентинова вверх по Лене реке на усть Туруке реке и у Соли ево пахоты на одиннатцати десятинах.» [47]

В другой книге за 154 же год: «У Мишки Костентинова вверх по Лене на усть Туруки девять десятин, у Соли две десятины.» [48]

В книге за 155 [1646—1647] год: «Вниз по Лене реке на усть Якурима речки у служилого пашенного у Мишки Костентинова.» [49]

В книге за 156 [1647—1648] год: «У Мишки Костентинова вверх Лены реки на Туруке реке.» [50]

Речка Турука впадает в Лену с левой стороны в 18 км выше устья Куты, а на правой стороне находится деревня Турука. Речка же Якурим впадает в Лену также с левой стороны, но в 17 км ниже устья Куты. На левой же стороне Лены находится деревня Якурим.

Бывало, что однажды сделанную ошибку повторяли в других документах. В более поздних документах пашня Мишки Костентинова упоминается в Якурима. Так оно, видимо, и было, потому что в Туруке упоминается другой служилый пашенный крестьянин Семейка Родионов Чертов.

У В. Н. Шерстобоева ошибочно первое упоминание деревни Турукинской отнесено к 1723 году, а Якуримской к 1699 году.[51]

Как уже было сказано, Семейка Родионов Чертов был до приезда на Лену енисейским служилым человеком. У него в Енисейском остроге осталась семья. Сразу же после того, как он нанялся пахать государеву пашню, Семейка подал челобитную.

«В нынешнем, государь, во 149 [1641] году, апреля в 14 день, нанялся я, холоп твой, на твою государеву пашню на новое место на усть Куты на два года.

А по приговору стольников и воевод Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова, да дияка Еуфимия Филатова и пахати мне, холопу твоему, та твоя государева пашня, новое место, в те срочные годы ежегод безпереводно.

А в Енисейском остроге, государь, у меня, холопа твоего, по семишко своё и по детишка не отпустят.

<...> Вели, государь, то моё семишко и детишка из Енисейского острогу до Ленского волоку прислати промышленому человеку Ивану Офонасьеву сыну Касьянову, с кем бы ему мочно, чтобы мне, холопу твоему, с семишкой и з детишками не розстаться, и вконец не погинуть, и твоей бы государевы службы не отбыть.» [52]

На обороте челобитной воевода написал:

«149 [1641], апреля в 16 день. Отписать отписку к Микифору Верёвкину чтоб жену Семейкину велел отпустить из Енисейского острогу на время для государевы пашни.»

Семья была привезена, и не на время, а навсегда.

У Семейки Родионова Чертова была также пашня на Илеме. Об этом сказано в его челобитной:

«Царю [М. Ф.] бьёт челом холоп твой и пашенной Семейка Родионов.

В прошлом, государь, во 152 [1643—1644] году бил челом тебе, государю [М. Ф.] и подал челобитную Ленского острогу сыну боярскому Олексею Бедарёву о пашенной земле и з санными покосы, от Илимской слободы от первого камня вниз по Илему реке до Зырянки речки по обе стороны, или на пашенные земли и з санными покосы. И против прежней моей челобитной по твоему государеву указу сын боярской Алексей Бедарёв велел

мне, холопу твоему, пахать пашню против моей челобитной, на ту пашню из санными покосы (отводную) не дал.

<...> Вели, государь, на ту мою пашню из санными покосы дать отводную.» [53]

Обратим здесь внимание на то, что Семейка Родионов называет себя «холопом», а не «сиротой». «Холопами» называли себя люди, относящиеся к служилому сословию, тогда как крестьяне именовали себя «сиротами».

Потомки Семейки Родионова Чертова жили в деревне Чертовской на левом берегу Лены в 31 км выше Киренска. В настоящее время фамилия Чертовских встречается редко.

В 1641 году в уговорной записи служилым пашенным крестьянам разрешалось на себя сеять безвозмездно только два пуда, а если посеют свыше этого, то в казну они должны были отдать десятый сноп. В 1644 году эти условия ужесточили. Усть-кутскому целовальнику Гавриле Григорьеву было указано:

«Господину Гаврилу Григорьеву сын боярской Алексей Бедарёв, целовальники Григорей Саватиев, Иван Мурошкин челом бьют.

В нынешнем во 153 [1644] году, ноября в 5 день, по государеву [М. Ф.] указу и по указной памяти стольника и воеводы Петра Петровича Головина указано: с усть-кутских пашенных имать на государя пятина. А ты де с них имал десятую. И ты б с них, пашенных, донял столько же, что взял десятые.» [54]

Напоследок приведём одну челобитную, которая даёт представление о нравах на Ленском волоке.

«153 [1645] году, апреля в 24 день, бил челом государю [М. Ф.], подал челобитную на Ленском волоку на усть Муки реки сыну боярскому Алексею Семёнову сыну Бедарёву, пятидесятнику Томилу Ильину, служивому Григорью Иванову промышленной человек Ларька Ружников. А в челобитной пишет:

Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, промышленной человек Ларька Ружников. Жалоба, государь, мне на промышленного человека на Михайла Лукиянова мезенца.

В нынешнем, государь, во 153 [1645] году на Илеме у Антипы в изъёе считал мои денги служивой человек Михайло Костентинов, и отчёл моих денег полтора рубли. И присшёл тот Михайло Лукиянов, и згрёб мои денги к себе в горсть, и унёс из избы, неведомо за что. И тех денег не отдаёт и по сё число.

<...> Вели, государь, на тово Михайла дать свой царской суд и управу.

Ответчик Мишка, в суд не ходя, с ысцом помирился. И с него взято в государеву казну мирового гривна.» [55]

Примечания

1. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 120, л. 88.
2. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 185, л. 49—50
3. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 173, л. 9.

4. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 1031, л. 1.
5. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 152, л. 314.
6. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 286, л. 1.
7. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 313, л. 1—2.
8. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 138об.
9. Там же, л. 140.
10. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 482—485.
11. Там же, л. 413—415.
12. Там же, л. 531—533.
13. Там же, л. 222об.
14. Там же, л. 226.
15. Там же, л. 226об.
16. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 334, л. 2.
17. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 499—501.
18. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 321, л. 20—22.
19. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 424, л. 37.
20. Там же, л. 16.
21. Там же, л. 92.
22. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 714, л. 139.
23. Там же, л. 139—141.
24. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 611, л. 1—1а.
25. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 54, л. 387.
26. Там же, л. 393.
27. Там же, л. 396—396об.
28. Там же, л. 397.
29. Там же, л. 398—398об.
30. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 603, л. 1.
31. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 530, л. 1.
32. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 529, л. 1.
33. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 690, л. 13.
34. Там же, л. 3, 1, 2, 4.
35. Там же, л. 5.
36. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 170, л. 9об-10.
37. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. т. I, Иркутск, 1949, с. 84.
38. Ф. 214, ст. 261, л. 46.
39. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 169, л. 9об.
40. Шерстобоев В. Н. Указ. соч. с. 85.
41. Шинкарёв Л. «Микешкин» идёт в Арктику. М. 1970, с. 55, 61.
42. Павлов А. С. Лена от истока до устья. Путеводитель. Якутск, 1994, с. 33.
43. Марков А. П. Как это было. Воспоминания сибиряка. М. 1995. с. 7.
44. Колесов А. Н., Кайдышев Ю. В. Красавица Лена. Путеводитель по реке Лене. М. 2002, с. 29.
45. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 170, л. 10об.
46. Ф. 214, кн. 253, л. 18об.
47. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 169, л. 9.
48. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 170, л. 10.
49. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 214, л. 8об.
50. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 250, л. 6об.
51. Шерстобоев В. Н. Указ. соч. с. 84.
52. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 178, л. 1об.
53. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 658, л. 1.
54. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 654, л. 4.
55. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 695, л. 9—11.

Иван Никонов Сверчков

Перед отплытием в Ленский острог воеводы Петр Головин с товарищами устроили в пашню ещё одного человека. Им был Иван Никонов сын Сверчков.

«149 [1641] году, мая в 7 день, бил челом государю [М. Ф.] торговой человек Вологодского и Великопермского архиепископа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков, а на усть Куты реки стольником и воеводам Петру Петровичю Годовину да Матвею Богдановичю Глебову, да диаку Еуфимью Филатову подал челобитную. А в челобитной ево пишет:

Царю [М. Ф.] бѣт челом сирота твой, торговой человек Вологодского и Великопермского архиепископа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков.

Вели, государь, дать место под двор и под пашню, и под сенные покосы, и под скотинной выпуск на Лене реке, пловучи на низ по Лене реке на правой руке, на лугу выше заимки пашни торгового человека Ерофейка Павлова на лугу, где годно место под пашню и под сенные покосы.» [1]

По нём была взята поручная запись:

«Се аз, Ерофейко Павлов сын Хабаров, торговой человек, ленской киренской жилец, Пантелейко Яковлев сын устюжанин, ленской пашенной крестьянин,

Дмитрей Тихонов Плехот

Семён Петров сын Сапожников вымитин

Архип Стефанов сын каргополец

Евсей Олексеев сын чаранец

Моисей Васильев сын важенин

Сава Мокеев сын мезенец

Павел Тарасов сын, Дмитрий Олексеев сын каргопольцы, промышленные люди, поручились есми по торговом человеке Вологодского и Великопермского архиепископа Варлама по крестьянине по Ивашке Никонове Сверчкове в том:

Пахать ему, Ивану, за нашею порукою пашня людьми своими и наёмщиками на Лене реке, пловучи на низ, на правой стороне, на лугу выше заимки торгового человека Ерофейка Павлова 10 лет.

А с первого году ему, Ивашку, давать государю ото всей своей пахоты десятинные десятины в поле, а в дву по тому ж. А на те десяты десятины семена имать ржанные и яровые государевы. И в те 10 лет пахать ему, Ивашку, пашню людьми своими и наёмщиками ж безпереводно, и государевы десятины сеять в пору, и жать, и измолотить, и в житницы всыпать ему, Ивашку, в пору.

А в те ему 10 лет вольно в сибирские и в руские города ездити, и пашни у себя не заложить, пахать людьми же или наёмщиками до урочных лет ежегод.

Да ему ж, Ивашку, на той своей пашне двор устроить, и во дворе избу и анбар поставить, и гумно зделать, и овин поставить, и на ухоботье мекиницу зделать.

А как 10 лет отойдут, и ему, Ивашку, всей своей пахоты половина насеет ржи и яри, и отдать на государя. А пашенной свой завод — лошади и сохи,

и сошники — после 10-ти лет вольно ему продать, а двор и всякое дворовое строенье отказать на государя.

А будет он, Ивашко, за нашею порукою при себе и без себя до урочных 10-ти лет на Лене реке выше заимки пашни торгового человека Ерофейка Павлова на лугу не учнёт в 10 лет пашни пахать, и на государя и на себя своими наёмщиками;

и с первого году не учнёт государю ото всей своей пахоты десятые десятины не в пору учнёт сееть в поле, а в дву по тому ж;

или государевы десятые десятины не в пору учнёт сееть и хлебу не в пору с поля прятать;

или тот государев хлеб своим небреженьем, зжав и обмолая, погноит;

или двора, и во дворе избы и анбара, не поставит; и на государев хлеб анбара не поставит же;

и гумна не зделает, или овина не поставит, и на ухоботье мекинницы не устроит;

и как 10 лет отойдёт, и он двора, и избы, и дворового строенья не откажет на государя;

— и на нас, на порутчиках, государя [М. Ф.] пеня, что государь укажет в те 10 лет против ево, Ивашкова, уговору пашня и дворовая строенья.

А которой нас, порутчиков, будет влицах, на том государева пеня, и пашня в ту 10 лет, и дворовая строенья, и порука вся сполна.

На то послух торговой человек Иван Стефанов сын Морошкин Соли Вычегоцкой.

Поручную писал енисейской служивой человек десятник казачей Мишка Кожевников.

Лета 7149 [1641], мая в 11 день. [2]

Об устройстве в пашню Ивана Сверчкова воевода П. П. Головин сообщил в Москву:

«Да в нынешнем же, государь, во 149 [1641] году, мая в 7 день, по уговору сел в пашню на Лене реке выше Киренского устья на урочные лета, на 10 лет, Вологодского архиепископа крестьянин Ивашко Сверчков.

А по уговору, государь, пахать ему, Ивашку, на тебя, государь, с первого году от всей своей пахоты девять десятин десятую десятину в поле, а в дву по тому ж. А семена ему, государь, на те десятины давать по вся годы твои, государевы. А после, государь, 10 лет на той земле двор со всяким дворовым строеньем и всей его пахоты половина земли с рожью взять на тебя, государя.» [3]

Точное местоположение заимки Ивана Сверчкова можно определить по более поздним документам. Впоследствии она перешла к Ивашке Вологде, от него получила название Вологодина, которое долго удерживалось, а в XX веке это название почему-то переделали в Волгина.

До получения пашни основным занятием Ивана Сверчкова была торговля соболями и наём покручеников для соболиного промысла. С мягкой рухлядью «к Русе» он посылал своих людей, а иногда и сам ездил. Протяжённость его поездок по Лене составляла тысячи вёрст от Якутска до Илги. Во время похода пятидесятника Мартына Васильева вверх по Лене в

1641 году для постройки Верхоленского острожка упоминается Сверчковское зимовье выше Илги. [4] В таможенных книгах неоднократно встречаются записи о Сверчкове.

В книге сбора печатных пошлин на Ленском волоке за 149 [1641] год отмечено:

«Того ж дни [12 сентября 1640 г.] отпущен на промысел на великую реку Лену Вологодского архиепископа крестьянин Ивашко Сверчков с товарищи и с покрученики, дватцать три человека.

Печатных пошлин по три алтына по две деньги с человека, итого два рубли десять алтын, взято.» [5]

Сам Иван Сверчков на промысел не поехал, так как в этой же книге записано:

«Сентября в 26 день [1640 г.] отпущен с Ленского волока в Енисейской острог торговой человек Ивашко Никонов Сверчков.

А у него мяхкой рухляди тринацать сороков дватцать соболей с хвосты и без хвостов, семь сороков, дватцать четыре пупка, семьдесят два хвоста соболя. А по таможенной оценке тоё у него мяхкой рухляди на шестьсот рублёв. Печатных пошлин с рубля по деньге, итого три рубли, взято.» [6]

А промысел его покручеников оказался неудачным, ввиду ограбления их тунгусами. Об этом Иван Сверчков подавал челобитную:

«Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой, торговой человек Вологодского и Великопермского архиепископа Варлама крестьянин Ивашко Сверчков. Жалоба, государь, мне на тунгусов на Звереуловых детей и родников, и на его улусных людей, на Годанка да на Галеминка с товарищи.

В нынешнем, государь, во 149-м [1641] году, зимою, на соболином промыслу пограбили те тунгусы моих 16 человек, Микифорка Иванова да Стеньку Микулина с товарищи. Взяли у них 16 пуд муки ржаной, цена 24 рубля, да два котла медные, да топор, да лук, цена 6 рублей.

Да они же, тунгусы, 8 станов кулемних опустошили и изломали, и соболишка поимали ис кулимника.

<...> Вели, государь, дать свой царьской суд и управу на тех тунгусов в том моём грабежу.» [7]

На челобитной помета: «149 [1641], мая в 6 день. Послать память и толмача, а велеть Зверууловых родников, которые грабили, привести на Куту.»

Только неизвестно, кому послать и где найти тунгусов. К тому же, выше Илги, где находилось Сверчковское зимовье, никакой воеводской власти ещё не было.

После заведения пашни Иван Сверчков продолжает по-прежнему заниматься промыслом и куплей-продажей мягкой рухляди. В таможенной книге Ленского волока имеется запись:

«Того ж дни [9 мая 1641 г.] у торгового человека у Ивашка Никонова Сверчкова з десяти сороков с соболей с промысленых десятой пошлины взято сорок соболей с пупки и с хвосты.

У него же, Ивашка Сверчкова, з двух росомах да з двух бобришков вешних, плохих, да с лоскутишка мелково соболя, с соболишков ево же промыслу, по оценке со шти рублёв, десятой пошлины взято два соболя с хвосты.

У него же, Ивашка Сверчкова, з дватцати соболей его промыслу десятой пошлыны взято два соболя с хвосты.» [8]

И ещё одна запись:

«Маия в 12 день [1641 г.] отпущен к Руси Вологодцкого архиепископа крестьянина ево торгового человека Ивашка Сверчкова человека ево Анисимка Никифорова.

А у него ево, Ивашковы, мяхкой рухляди девять сороков дватцать соболей с пупки и з хвосты, да бобришка, две росомачишка, лоскутишко мелкое соболье.

А по таможенной оценке тоё у него мяхкой рухляди на двести на семьдесят рублёв на дватцать на пять алтын. Печатных пошлын с рубля по деньги, итого рубль одиннатцать алтын пять денег, взято.» [9]

Уже летом 1641 года Иван Сверчков решил завести ещё одну пашню, и стал готовиться к этому заблаговременно. Своих семян, видимо, не хватало, и он подал челобитную о ссуде.

«Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой государев, Вологодцкого архиепископа крестьянин торговой человек Ивашко Никонов Сверчков.

В прошлом, государь, во 149 [1641] году сеял я, Ивашко, на тебя, государя, на своей первой заимке десятину земли твоею государевою рожью к нынешнему ко 150 [к 1 сентября 1641 г.]. И сколько, государь, с той твоей государевы десятины твоей государевы ржи пудов уродитца и что буде, возьмется, сколько на тебя государя с моих, Ивашковых, с четырёх десятин, десятые рожью.

<...> Вели, государь, тою твоею государевою рожью меня, Ивашка, впредь для семян ссудить, чтоб мне, сироте твоему, впредь пашнишка своего не запустошить и от твоей бы государевы десятинные пошлыны не отбыть.

А сколько, государь, той твоей государевы ржи пудов будет, и в тоё ржи место я, сирота твой Ивашко, в твою государеву казну приплавлю с Ълимского волоку на весну в Якутской острог муки ржаной, столько ж пуд.» [10]

Даты здесь нет, но судя по тому, что урожай ещё не собран, эта челобитная написана в июле 1641 года. А в августе Иван Сверчков, как следует из записи в таможенной книге, поехал «к Руси.»

«Того ж дни [7 августа 1641 г.] отпущен к Руси Вологодцкого архиепископа крестьянин Ивашко Никонов Сверчков. А у него мяхкой рухляди девятнадцать сороков тритцать четыре соболя, три шубёнки пластинные соболя, пятьдесят пупков соболях, семь малахайчиков соболях ношенных, лоскутишко соболье.

А по таможенной оценке тоё у него мяхкой рухляди на восьмьсот на шездесят на четыре рубли. Печатных пошлын, с рубля по деньге, итого четыре рубли десять алтын четыре деньги, взято.» [11]

Но, видимо, Иван Сверчков ездил только до Енисейска, а там передал мягкую рухлядь либо своему брату Гаврилу, либо своим людям. Во всяком случае, весной 1642 года Иван Сверчков был уже на Ленском волоке, где подал челобитную.

«Лета 150 [1642], апреля в 29 день, бил челом государю [М. Ф.] торговой человек Вологодцкого архиепископа крестьянин Ивашко Никонов Сверч-

ков, на Ленском волоку, на усть Муки, в Съезжей избе подал челобитную сыну боярскому Ивану Пильникову, целовальнику Семёну Шелковнику. А в челобитной ево пишет:

<...> Вели, государь, дать мне место под двор и под пашню, и под сенные покосы, и под скотинной выпуск на Лене реке, вверх идучи от Тынгуского волоку, первой луг на правой руке. А первая, государь, заимка мне во мал.

По сей челобитной сын боярской Иван Пильников, целовальник Семён Шелковник под пашню земли на великой реке Лене занять не дали, потому что тот Иван Сверчков едет сам в Якуцкой острог.» [12]

Но уже 26 мая 1642 года в Якутском остроге получили отписку служилого человека Дмитрия Вятки, в которой он сообщал: «А у Ивашка Сверчкова — три десятины, а корень тоже худ. А Ивашко Сверчков занял новую пашню повыше Тунгусово волоку на правой стороне Лене. А работников у него восемь человек.» [13] На правой стороне это — «вверх идучи.»

8 июля 1642 года Иван Сверчков, чтобы окончательно узаконить отвод ему этой пашни, в Якутском остроге подал челобитную. На этот раз он не писал, что ему прежний луг «во мал», а приводил другие причины.

«И тот луг водою топит. А иноверцом, государь, тунгусом, дорога приключилась и переезд с Лены на Киренгу. И мне, сироте, от них ставитца обида великая.

И в нынешнем, государь, во 150 [1642] году бил челом я, сирота твой, тебе, государю, и подал челобитную сыну боярскому Ивану Пильникову на новое место, выше Тунгусово волоку первой луг, по Лене вверх идучи на правой руке, под хлебную пашню и под сенные покосы, и под скотинной выпуск, и под дом место, где мошно мне, сироте твоему, пашня пахати и твой государев десятинный хлеб платить.

И по челобитной Иван Пильников велел мне, сироте твоему, на место сеяти ржи ко 151 [к 1 сентября 1642] году. И я, сирота твой, на то место сеял ржи.» [14]

Нижняя заимка Ивана Сверчкова находилась в 44 км ниже Киренска, в том месте, где в XIX веке было большое волостное село Подкаменное, существовавшее и в середине XX века, но ныне исчезнувшее.

В. Н. Шерстобоев неправильно определил местоположение нижней заимки Сверчкова. Он писал: «Местность, где пахал Сверчков, находится несколько ниже р. Кутолаки, она долго называлась Сверчковским лугом; с 1690 г. там была мельница Киренского монастыря. В настоящее время на устье р. Кутолаки находится деревня Лужки, получившая свое название от Сверчковского луга.» [15]

Лужки находились на левой стороне Лены, «вверх идучи», а в челобитной сказано, что на правой. Подкаменная деревня находилась выше Лужков в 4 км. А половина Кутолакской мельницы перешла во владение Киренского монастыря не в 1690 году, а в 1669.

Летом 1642 года Иван Сверчков не только бил челом об отводе новой пашни, но и совершил множество торговых сделок, нанял работников на пашню. Об этом есть записи в таможенных книгах. В книге сбора десятинных пошлин записано:

«Июня в 10 день [1642 г.] Вологодского архиепископа у хрестьянина ево у Ивашка Никонова Сверчкова с промышленных з дватцати сороков соболей десятыя пошлыны взято два сорока соболей с пупки и с хвосты.» [16]

В книге записной порублёвой пошлыны отмечено:

«Того ж дни [11 июня 1642 г.] продал Вологод[с]каго архиепископа крестьянин ево торговой человек Ивашко Никонов Сверчков вологжанин ему ж, Фёдору, своего промыслу семнатцать сороков тритцать четыре соболи с хвосты.

А взял за те свои соболи семьсот четырнатцать рублёв. Записной пошлыны взято по алтыну с рубля, итого дватцать один рубль четырнатцать алтын.» [17]

Фёдор — это Федор Яковлев Ворыпаев, приказчик москвитина гостинной сотни торгового человека Кирила Босого. Ясно, что промышлял соболей Иван Сверчков не сам, а его покрученики. Далее записано:

«Тогож дни [13 июня 1642 г.] продали [перечисляются имена и среди них] торговой человек Ивашко Никонов Сверчков десять сороков пупков соболях.» [18]

Через два дня новая запись:

«Того ж дни [15 июня 1642 г.] продали торговые люди [перечисляются имена и среди них] Ивашко Никонов Сверчков своего промыслу пять сороков пупков соболях. [19]

Но вот запись о покупке:

«Июня в 26 день [1642 г.] продали промышленные люди: Никифорко Иванов важанин одиннатцать соболей с хвосты, Богдашко да Пятунька Терентьевы тритцать соболей с хвосты, Савка Мокеев четырнатцать соболей с хвосты Вологодскаго архиепископа крестьянину, торговому человеку Ивашку Никонову Сверчкову, своего промыслу.

А взяли за те свои соболи шестьдесят четыре рубли. Записной пошлыны взято по алтыну с рубля, итого рубль тритцать алтын четыре деньги.

Того ж дни продали промышленные люди Фетка Игнатъев да Фетька Парфёнов семьдесят восьмь соболей с хвосты, Нехорошко Васильев двенатцать соболей с хвосты. Минька Захаров, Дорофейко Антонов шесть соболей с хвосты своего промыслу ему ж, Ивашку.

А взяли за те свои соболи девяносто шесть рублёв. Записной пошлыны взято по алтыну с рубля, итого два рубли дватцать девять алтын две деньги.» [20]

8 июля, как сказано выше, Иван Сверчков подал челобитную об отводе ему второй пашни. А после этого стал нанимать работников для уборки урожая и осеннего сева.

«Июля в 23 день [1642 г.] отпущены из таможни вверх по Лене реке на пашню Вологодского архиепископа крестьянина ево Ивашка Сверчкова покручеников Ивашка Семёнова, Перфирейка Стефанова.

А с ними хлебного запасау и никакого заводу нет ничего.» [21]

Впрочем, даты, видимо, проставлялись не так уж точно, так как в другой книге за этот же год указана поздняя дата.

«Того ж числа [26 июля 1642 г.] отпущены вверх по Лене реке на пашню Ивашка Сверчкова дву покручеников ево Ивашка Семёнова да Перфирка

Стефанова. Печатной пошлины с них по гривне с человека, итого шесть алтын.» [22] [недописано: «четыре деньги».]

Иван Сверчков в Якутске был со своим племянником.

«Того ж дни [16 августа 1642 г.] отпущен из таможни к Илимскому волоку Вологоцкого архиепископа крестьянина ево Ивашка Сверчкова племянник ево Овдейко Марков.

А с ним мяжкой рухляди три сорока дватцать четыре соболя с хвосты. А тоё у него мяжкой рухляди по таможенной оценке на сто на сорок на четыре рубли. А с тоё у него мяжкие рухляди государева десятая пошлина взята в Ленском остроге в таможене сполна.

Да с ним же отпущены для пашенной работы промышленные люди Фетька Игнатъев, Нехорошко Васильев. А отъезжие пошлины взято с них по алтыну с человека и [с] сорока соболей по четыре деньги, итого пять алтын полтретьи деньги.» [23]

Затем едут на пашню и на соболиный промысел срочные работники:

«Того ж дни [25 августа 1642 г.] отпущены ис таможни вверх по Лене реке к Чючюйскому волоку и по Киренге реке на соболиной промысел Вологоцкого архиепископа крестьянина его Ивашка Никонова строчные работники:

Мишка Данилов

Васка Филипов

Ондрюшка Савельев

Омелька Олексеев

Тимошка Семёнов

Баженко Фёдоров

Костянтинко Сидоров

Ортюшка Ортемьев.

А с них отъезжие пошлины взято по алтыну с человека, итого восемь алтын. А с ними хлебного запасу и промышленного заводу по таможенной оценке на двести на девяносто на четыре рубли.» [24]

А в книге печатных пошлин несколько иная запись об этом же:

«Того ж числа [26 августа 1642 г.] отпущены на соболиной промысел Вологодского архиепископа крестьянина Ивашка Никонова Сверчкова срочных ево работников с его заимки выше Чючюйского волоку, или ниже, или по Киренге вверх, Мишку Данилова с товарыщи, восемь человек.

Печатной пошлины — по гривне с человека, итого восемь гривен.» [25]

Кроме мягкой рухляди у Ивана Сверчкова был и другой ходовой товар:

«Того ж дни [26 августа 1642 г.] куплено в Съезжую избу у торговых людей на подарки иноземцом:

У Ивашка Никонова Сверчкова пятнатцать фунт одекуя синего. <...> [26]

Пока Иван Сверчков был в Якутском остроге, его наёмщик на Ленском волоке покупал для пашни лошадей. В таможенной книге 150 [1641—1642] года имеется об этом запись:

«Августа в 28 день [1642 г.] торговой человек Трошко Иванов продал торгового человека Ивашка Никонова наёмщику Тимошке Семёнову лошадь чалу. Взял тритцать пять рублей. Записной пошлины взято рубль десять денег. С купца пошерстного взято алтын.

Августа в 29 день [1642 г.] торговой человек Стенька Иванов продал торгового человека Ивашка Никонова наёмщику Тимошке Семёнову лошадь гнеду. Взял тридцать пять рублёв. Записной пошлыны взято рубль десять денег. С купца пошерстного взято алтын,» [27]

В последующем каждый год встречаются записи в таможенных книгах о пребывании Ивана Сверчкова в Якутском остроге

В книге сбора печатных пошлын 151 [1642—1643] года записано:

«Того ж дни [19 августа 1643 г.] отпущен из Якутцкого острогу вверх по Лене реке к Ылимскому волоку на пашню свою торговой человек Ивашко Никонов. А у него, Ивашка, мяжкой рухляди и товару, и денег нет. И с него, Ивашка, государевы печатной пошлыны взята гривна.» [28]

А в книге отъезжих пошлын за этот же 151 [1642—1643] год указана другая дата:

«Того ж дни [26 августа 1643 г.] отпущен из таможни вверх по Лене реке на пашню и к Ленскому волоку торговой человек Ивашко Никонов. А с ним мяжкой рухляди и товару, и денег нет. А с него отъезжие пошлыны взято алтын.» [29]

Таким образом, даты в книгах не всегда точны. К ним следует относиться критически, и в необходимых случаях, когда требуется установить точную дату, привлекать и другие документы, если есть такая возможность.

В следующем году опять запись:

«Того ж дни [22 августа 1644 г.] отпущен ис таможни торговой человек Ивашко Никонов Сверчков на пашню свою, а с ним работников ево Пятунька Терентьев да новокрещён Максимко Васильев. А с ними мяжкой рухляди и товару и денег.

А с него, Ивашка, и с работников его отъезжие пошлыны взято по алтыну с человека, итого три алтына.» [30]

А запись о взятии годового оброка в книге за 153 [1644—1645] год сделана 1-м сентября.

«Сентября в 1 день [1644 г.] взято [перечисляются имена, и среди них] с торгового человека с Ивашка Никонова Сверчкова [снова перечисляются имена] по осми алтын по две деньги с человека.» [31]

В приходно-расходной книге 152 [1643—1644] года сделана запись о приёме хлеба ленской пахоты:

«Книги государя [М.Ф.] приходные, что принято в Якутском остроге по приказу стольника и воеводы Петра Петровича Головина хлебные целовальники Стенька Семёнов Самойлов Ивашко Петров Лупанов государевых хлебных запасов ленской пахоты с усть Куты у пятидесятника у Семёна Родюкова, у целовальника у Васьки Щукина тысячу восьмьсот шездесят пуд тритцеть гривенок ржи в пудовую кадь.

Да с Тунгуского Чючуйсково волоку с пахоты Ярофейка Хабарова, Панфилка Яковлева, у Ивашка Сверчкова тысячу шездесот пуд дватцать гривенок ржи в пудовую кадь.

У Ивашка ж Сверчкова взято семьдесят пуд ржи. У него ж взято вместо ржи три пуда дватцеть гривенок ржи.» [32]

Примечания

1. КПМГЯ, док. 95, с. 151.
2. Там же, с. 151—152.
3. ДАИ, т. II, СПб, 1846, док. 92, с. 252—253.
4. ДАИ, т. II, СПб, 1846, док. 94, с. 254.
5. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 28, л. 33об—34.
6. Там же, л. 44—44об.
7. КПМГЯ, № 181, с. 219.
8. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 29, л. 4.
9. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 28, л. 70—70об.
10. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 3564, л. 1.
11. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 28, л. 138—138об.
12. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 79, л. 554—556.
13. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 269, л. 6.
14. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 312, л. 2.
15. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. I, Иркутск, 1949, с. 237.
16. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 63, л. 417.
17. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 61, л. 80об—81.
18. Там же, л. 119.
19. Там же, л. 143.
20. Там же, л. 187—187об.
21. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 96об.
22. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 129, л. 2.
23. Там же, л. 106об—106.
24. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 210об.
25. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 129, л. 64.
26. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 285об.
27. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 212—212об.
28. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 97, л. 129.
29. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 94, л. 157.
30. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 127, л. 103об.
31. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 144, л. 2об—3об.
32. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 105, л. 17.

Афонька Иванов Долгой. Оверка Елизарьев Зыковых

В 1642—1643 годах появилась пашня около устья речки Орленги, впадающей в Лену с левой стороны в 155 км выше устья Куты. Там стали пахать уже получивший ранее пашню Панфил Яковлев и двое новых: Афонька Иванов Долгой и Оверка Елизарьев Зыковых. Точное время их устройства в пашню неизвестно. Афонька Иванов Долгой и Оверка Елизарьев Зыковых до этого были промышленными людьми, стали пахать пашню совместно, т. е. были в одном тягле. По записям в таможенных книгах можно определить примерное время поверстания их в пашенные крестьяне.

«Июля в 13 день [1642 г.] торговые люди Семейка Васильев, Степанко Максимов продали промышленному Афоньке Иванову две лошади: лошадь гнеда, белизна во лбе, грива на правую сторону, другая савраса, грива на правую же сторону. Взял восемьдесят рублей. Записной десятинной пош-

лины взято два рубли тринацать алтын две деньги. С купца пошерстного взято два алтына.» [1]

О том, что эта пошлина десятинная, здесь записано ошибочно. Далее:

«Августа в 6 день [1642 г.] торговой человек Кирил Осипов продал промышленному человеку Афоньке Иванову три лошади: лошадь гнеда, другая рыжа, правое ухо резано, третья сива, грива направо. Взял сто дватцать рублей. Записной пошлины взято три рубли дватцать алтын. С купца пошерстного взято три алтына.» [2]

В таможенной книге Ленского волока за 151 [1642–1643] год записано:

«Августа в 10 день [1643 г.] у ленского пашенного Афоньки Иванова с промышленных з десяти соболей десятыя взято соболь с пупком и с хвостом.

Унего ж, Афоньки, с промышленных с трёх соболишек плохих да з дву бобришек плохих, по оценке с четырёх рублей, десятыя взято соболь с пупком и с хвостом.» [3]

Видимо, к весне 1643 года он уже был пашенным крестьянином, но по привычке не бросал и охотничий промысел.

В таможенных книгах также имеются записи о покупке лошадей Оверкой Елизарьевым в 1642 году.

«Июля в 31 день [1642 г.] торговой человек Богдашка Иванов продал промышленному Оверке Елизарьеву две лошади: лошадь бура, лысина во лбе, другая коура. Взял восемьдесят рублей. Записной пошлины взято два рубли тринацать алтын две деньги. С купца пошерстного взято два алтына.» [4]

«Того же дни [31 августа 1642 г.] торговой человек Ивашко Власьев продал промышленному человеку Оверке Елизарьеву лошадь карю. Взял сорок рублей. Записной пошлины взято рубль шесть алтын четыре деньги. С купца пошерстного взято алтын.» [5]

Зимой 1643 года Оверка Елизарьев называется уже пашенным крестьянином.

«Декабря в 24 день [1643 г.] торговой человек Семейка Тимофеев продал скот племянника своего Ивашка Савина ленскому пашенному Оверке Елизарьеву две лошади да жеребёнка, четыре коровы, два телёнка. Шерстью лошадь — конь бел, другая — кобыла коура, жеребёнок под нею коур, корова светлобура, телёнок бур, корова черна, телёнок чёрн, две коровы редры. Взял сто рублей. Записной пошлины взято три рубли.» [6]

Однако, вскоре начались земельные споры с Панфилом Яковлевым, и Афонька Иванов подал челобитную:

«В прошлом, государь, во 151 [1642] году бил челом тебе, государю, [М. Ф.] и подавал челобитную на Ленском волоку приказному человеку пятидесятнику Нехорошему Павлову в пашню вверх Лены реки на усть Орнинги [Орлинги — Г. К.] на новое место, на луг. И приказной человек Нехорошей Павлов на Ленском волоку по твоему государеву указу тот луг мне, сироте, пахать велел.

И тот Панфил меня, сироту твоего, с тово лугу здолой гонит, и кругом меня опахивает своими захребетники, и твоей государевы десятины пахать стало негде.

И был у меня, сироты твоего, в товарищах Оверка Елизарьев, и тот Овер-

ка от ево, Панфилова, [написано ошибочно: Павлова — Г. К.] насильства прочь с того лугу сошёл.

<...> Вели, государь, ту пашню с ним, Панфилом, и сennie покосы, и скотной выпуск, и рыбную ловлю поверстать, и мне, сироте твоему, от того Панфила и з захребетниками твоей государевы десятины не запустить, и вконец не погинути.» [7]

Видимо, в отводной памяти межи не были указаны. Как выясняется из более поздних документов, эта пашня была там, где впоследствии возникла деревня Юдина [Потакина].

Имена двух захребетников Панфила Яковлева известны: Дмитрейко Михайлов и Евдокимко Ермолин. [8]

А «сошёл» Оверка Елизарьев на устье речки Тутуры, впадающей в Лену с правой стороны в 292 км выше устья Орлинги, или в 447 км выше устья Куты. Вот что писал Оверка Елизарьев об этом переходе в своей челобитной, поданной спустя некоторое время.

«В прошлом, государь в 152-м [1644] году бил челом тебе, государю [М. Ф.] и подал челобитную [в] Верхоленском острожке петидесятнику Курбату Иванову, чтобы ты, государь, меня, сироту своего, пожаловал: велел быть [в]верх по Лене реке у речки на усть Тутуры в пашенных хрестьянех на льготные годы, и после льготных годов давать тебе, государю, [с] своей пашни 10й сноп.

И по государеву указу и по наказной памети стольников и воевод Петра Петровича [ошибочно написано: Ивановича — Г. К.] Головина, Матфея Богдановича Глебова, дияка Еуфимья Филатова пятидесятник Курбат Иванов велел мне, сироте твоему, быть в пашенных хрестьянех и пахать [в]верх Лены реки на усть Тутуры реки ржи ко 153 году к [1сентября 1644 г.] 14 десятинами своими коньми и своими работниками, и семяни, и всяким деревенским заводом.» [9]

Условия, на которых стал пахать пашню Оверка Елизарьев, опять были своеобразны. Он не получил ни денежной подмоги, ни семян, ни лошади; должен был сеять своими семенами, отдавать в казну со всей своей небольшой пашни десятый сноп. Позднее условия для пашенных крестьян были иные. Им выдавалась лошадь и «лашенный завод»: сошники, косы, серпы, топоры. Крестьянин обязательно должен был пахать на государя десятинную пашню, на которую выдавались семена и с которой брали в казну весь урожай; крестьянин мог иметь «собинную» пашню, вчетверо превышающую государеву, которую он засеивал своими семенами и с которой урожай доставался полностью ему, а с излишней «собинной» пашни в казну брали десятый сноп.

Так возникло первое поселение на устье Тутуры, которое потом стали называть Тутурской слободой. Обратим внимание, что ни о каком Тутурском острожке Оверка Елизарьев не упоминает. Тутурского острожка не было, вопреки утверждениям, встречающимся во многих книгах и статьях.

В. Н. Шерстобоев относит основание Тутурской слободы к 1656 году. [10] Однако, там уже в 1646 году было поселено в пашню 10 семей ссыльных черкасов.

Готовясь к переезду на новое место, Оверка Елизарьев купил несколько лошадей. В таможенной книге Ленского волока записано:

«Генваря в 10 день [1644 г.] промышленой человек Ивашко Иванов Попов продал ленскому пашенному Оверке Елизарьеву две лошади: шерсть лошадь сера, другая сива. Взял шездесят пять рублёв. Записной пошрины взято рубль тритцать один алтын четыре деньги. С купца пошерстного взято два алтына. [11]

В августе-сентябре 1644 года Панфилко Яковлев, Афонька Иванов Долгой и Оверка Елизарьев, в самую осеннюю страдную пору, были в Илимском остроге. Там Панфилко Яковлев и Афонька Долгой подали челобитную. Об этом сказано в наказной памяти усть-кутскому целовальнику Гавриле Григорьеву.

«Память на усть Куты целовальнику Гаврилу Григорьеву.

Били челом государю ленские пашенные и докладывали на Ленском волоку сыну боярскому Алексею Семёнову сыну Бедарёву пашенной Панфилко Яковлев, Афонька Иванов Долгой о досмотре насеянном хлебе, что де на усть Орленги поспел жать, и они без досмотру хлеба снимать не смеют.

И тебе по государеву указу и по наказной памяти стольника и воеводы Петра Петровича Головина, как тебе в наказе указано, у пашенных у Панфилка и у Офоньки на усть Орленги хлеб досмотрить, и каков хлеб на которой десятине, и велеть жать впору, чтоб хлеб не свалился. А выжав хлеб, велеть скласть с лутчих и с середних, и с плохих, поособ натрое.

А как пойдёшь на пашню, и тебе б на усть Куты у государевы казны оставить для обережы служивого Ивашка Пуляева.» [12]

Дата не указана. Эта наказная память относится, по всем признакам, к августу 1644 года, потому что Алексей Бедарёв получил в Якутском остроге наказную память быть приказчиком на Ленском волоке 9 октября 1643 года, и прибыл туда в ноябре-декабре 1643 года. Уборка хлеба была уже в следующем году. А так как хлеб еще не был сжат, значит — это август 1644 года. Уборка хлеба начинается в сентябре. Оверка Елизарьев не упоминается в числе челобитчиков, так как после переселения на новое место он получил льготу, и у него в казну не брался выдельный хлеб.

В это же время в Илимском остроге у Оверки Елизарьева и Афоньки Иванова по одной кабале взыскивали деньги через суд. Эти деньги они, видимо, занимали на покупку лошадей.

«153 [1644] году, сентября в 5 день, бил челом государю [М. Ф.], подал челобитную на Ленском волоку сыну боярскому Алексею Семёнову сыну Бедарёву торговой человек Семейка Тимофеев. А в челобитной ево пишет:

Царю [М. Ф.] быёт челом сирота твой государев, торговой человек Семейка Тимофеев Карманов лалетин на верхоленских пашенных Аверкия Елизарьева Зыкова да на Офонасья Иванова Долгово.

Взяти, государь, мне, Семейке, на них, на Аверке и Офонасье, по кабале сто рублёв денег. А срок той кабале прошёл, а денег оне, Аверкий и Офонасей, не платят, неведомо за что, упрашиваются со дни на день.

<...> Вели, государь. дать на тех заимшиков по той кабале свой царской суд и управу. <...>

По сей челобитной велел сын боярской Алексей Семёнов сын Бедарёв ответчиков Оверку да Офоньку срочить в Якутцкой острог перед стольника и воеводу Петра Петровича Головина.

И сентября в 8 день ответчики с ысцом помирились, по кабале платились на Ленском волоку.

И с них, ответчиков, взято в государеву казну мирового гривна, и в книгу пошлинную записано.» [13]

Потомки Семейки Тимофеева Карманова и сейчас живут в Киренском районе. След от Кармановых остался на географической карте: пересыхающая летом протока из Киренги в Лену называется Карманихой.

Судьба Оверки Елизарьева оказалась несчастливой. На его заимку совершили набег «братские люди» — буряты. Подробности прихода «братских людей» сообщаются в нескольких документах:

«И в октябре же месяце 153 [1644] году о Дмитровской суботе [3 октября] те брацкие люди, скопясь всею землецею, пришед под Брацкой острог, у служилых людей лошади и скот отгнали.

И вдругорядь те же брацкие люди, генваря в 1 числе [1645 г.], пришед под Верхоленской Брацкой острог, осадили. И от тех де брацких людей лёгкие люди, пришед под Тутуру реку, ленского пашенного крестьянина Оверку Елизарьева, которой было поселился вновь, разорили и работников, русских пять человек, убили досмерти, и лошади, и скот отгнали, и пашенной завод розвезли, и хлеб его пахоты, и двор, и сена прижгли.» [14]

Во время набега ленские воеводы Василий Никитич с товарищами находились ещё в Енисейском остроге. Подьячий этого острога Василий Шпилькин писал им:

«Да в нынешнем же во 153 [1645] году, мая в 19 день, писал к вам с Ленского волоку Якуцкого острогу сын боярской Алексей Бедарёв и служилые люди Томилко Ильин с товарищи, что в ныненшнем же во 153 [1645] году, февраля в 8 день, писал к нему, Олексею, из Верхоленского острогу Курбат Иванов, что от государя брацкие люди, своровав, отложились и ясаку государю на нынешней 153 [1644—1645] год не дали, и Брацкой острог облегли кругом, и он, Курбатко, сидит с служилыми людьми в осаде. И лошади и животину у них, служилых людей, те брацкие люди все отогнали. И на Тутуру к пашенному к Оверке брацкие люди приезжали, и работников 5-ти человек убили, и его, Оверкина, ясыря, и лошадей, и коровы отогнали, и пашенной завод — косы и серпы, и сошники — поимали, и двор его сожгли.» [15]

Но В. Н. Пушкин указывает другую дату получения известия об этом:

«В прошлом, государь, во 153 [1645] году, июля в 4 день, на Тунгуске реке, как мы, холопи твои, шли на твою государеву службу на великую реку Лену, писал к нам, холопом твоим, из Верхоленского Брацкого острогу пятидесятник Курбатко Иванов.» [16]

Оверке Елизарьеву удалось спастись. Курбат Иванов писал:

«А тот Оверка был в остроге. А стояли брацкие люди под острогом 10 дён.» [17]

О разорении Оверки Елизарьева есть также запись в окладной крестьянской книге 154 [1645—1646] года:

«А которой крестьянин под Брацким острожком поселился, и того крестьянина в 153 [1645] году изменники братцкие люди разорили, и двор с хлебом и со всяким пашенным заводом сожгли, и лошадей, и скот отогнали, и ярыжек пять человек досмерти побили.

Да у него ж, пашенного, в том же во 153 [1645] году ржаные четырнатцать десятин мороз побил.» [18]

В выдельной книге за 153 [1644-1645] год написано:

«А на Оверке Елизарьеве государевы же пятины шездесят восемь пуд пятнатцать гривенок взять было нечево, потому что он, Оверка, весь тот хлеб съел. И бил челом государю, чтобы государь его пожаловал: ту свою государеву пятинную рожь велел взять в нынешнем же во 153 [1644] году на усть Куты реки. И после того он, Оверка, с своей пашни с Орленги сошёл в Братцкой острог зимним же путём.

И сын боярской же Алексей Бедарёв да целовальник Ивашко Мурошкин писали с Ылимсково волоку для того Оверки в Верховленской Братцкой острог память и велели того Оверку для той государевы пятинные ржи прислать на усть Куты реки.

И тот Оверка в те поры не пришёл, потому что ево братцкие люди на новой ево заимке на Тутуре реке разорили и наёмных ево русских людей пять человек убили, и скот ево отогнали, и пашенной завод весь розвезли, и дворишко ево з достальным хлебом сожгли.

И после того он, Оверка, на Ленской волок пришел, и государевы пятинные ржи взять было на нём нечево.» [19]

А Оверка Елизарьев писал в челобитной:

«И в прошлом, государь, во 153 [1644] году приехали ко мне, сироте моему, на пашню на усть Тутуры брацкие люди и тунгусы, и дворишко у меня, сироты моего, сожгли, и скотишка у меня, кони и коровы, отогнали, и всякой деревенской завод взяли. И я, сирота твой, стал от тех братцких людей разорён совсем дооснованья, и посеяной хлеб ко 153 [к 1 сентября 1644] году вызяб весь дотла. И я, сирота твой, обнищал и одолжал великими неоткупными долгами.

<...> Вели, государь, мне, сироте моему, впредь пахать на той заимке [в]верх Лены реки у Тутуры на льготу. А о льготе, что ты, государь, укажешь, чтоб мне, сироте моему, впредь вконец не погинуть и твоей государевы пашни не отбыть.» [20]

На обороте челобитной помечено:

«154 [1645], сентября в 9 день. Воеводы Василей Никитич Пушкин да Кирило Осипович Супонев по государеву указу велели ему, Оверке Елизарьеву, вместо льготы для ево разорения и что у него ныне рожь вызябла, с ево пашни, что он к нынешнему ко 154 [к 1 сентября 1645] году ржи государевыми семенами 16 десятин сеял, и с той пахоты с половины сотни десятин десятого снопа не платить, а с другой половины сотни ж десятин, как, аже Бог даст, родитца, сверх государева семенного хлеба, что ему дано взаимы, платить десятой против государева указа. А вперёд ему в государеве хлебе, что с пахоты платить, что государь укажет.» [21]

17 октября 1645 года была написана память от приказчика Ленского во-

лока Алексея Бедарёва на устье Куты пятидесятнику Осипу Боярщине и ценовальнику Дёмке Пахоруку:

«И как к вам ся память придёт, и вам бы на Орленгу и на Тутуру к пашенным крестьяном к Офоньке Долгому и к Оверке Елизарьеву для государева хлебного и десятинного выделу, и перемеру итить тотчас.» [22]

В это же время подошёл срок уплаты долга по кабале Оверки Елизарьева. Платить ему было нечем, да и сам он находился в Верхоленском острожке. Тогда пытались, как было заведено в те времена, взыскать долг с его «порутчиков». Ими были Панфилко Яковлев и Афонька Долгой. Но им, естественно, расплачиваться не хотелось. Они подали совместную челобитную:

«В прошлом, государь, во 152 [1644] году писались мы, сироты твои, в кабалу по верхоленском пашенном по Аверке Елизарьеве торговому человеку Степану Семёнову лалетину в двоюстах во штидесяти пудах в муке.

И в нынешнем, государь, во 153 [1645] году приходили к тому Аверке на ево пашню на Тутуру брацкие люди, и у тово Аверки на ево пашне ево строшных людей побили брацкие люди, кони и коровы, и мелкой всякой скот отгонили, и всякой пашенной завод, и живот рознесли весь, и двор ево сожгли. И нонеча тот Аверка вконец погиб и обнищал.

<...> Не вели, государь, нам по той Аверкине кабале вконец не погинуть и твоих государевых пашен не запустошить, и от своих бы нам пашен не отбыть.» [23]

Однако заимодавцы (их было двое) не желали долго ждать. Это видно из другой челобитной Панфилки Яковлева:

«Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твой, ленской пашенной крестьянин Панфилко Яковлев. Жалоба, государь, мне на верхоленского пашенного крестьянина на Оверкия Елизарьева.

В прошлом, государь, во 152 [1644] году писался я, сирота твой, по нём, Оверкие, в заёмную кабалу торговым людем Стефану Семёнову да Матвею Яковлеву Ворыпаеву в двухстах во штидесят пудах в муке ржаной. И по той кабале я, сирота твой, в его, Аверкиевых, займех дан на поруки на Ленском волоку от Матфея Ворыпаева.

А он, Аверкий, в той кабале дал мне, сироте твоему, на себя запись, что ему, Аверкию, в кабале не подать. А теперь он, Аверкий, с своей пашни сшёл на твою государеву службу в Верхоленской острог.

<...> Вели, государь, того Аверкия из Верхоленского острошку срочить к усть Муки реке перед твоих государевых воевод перед Василья Никитича Пушкина с товарищи на срок на Егорьев день вешний [Егорьев, или Юрьев, день вешний — 23 апреля] нынешняго 154 [1646] году против той нашей записной кабалы и против моей записи поставить к суду.

А мне, сироте твоему, по той Матфееве кабале в наших займех вели, государь, по того Аверкия дать сроку, чтоб, государь, мне, сироте твоему, в его, Аверкиевых, займех вконец не погинуть.» [24]

На обороте челобитной приказ воеводы:

«154 [1646], февраля в 25 день. Дать память, велеть ево на поруки прислать.»

А в конце челобитной помечено об исполнении приказа воеводы:

«Февраля в 26 день послана такова память к Васке Бугру з Данилком Скребычкиным.»

Василий Бугор в то время находился с Курбатом Ивановым в Верховленском острожке. Они готовились к походу на «братских людей». Оверка Елизарьев принял участие в этом походе и, как писал воевода В. Н. Пушкин, «прежнего пашенного Оверку Елизарьева, которой того ж 154 [1646] году зимою в походе, как он ходил [с] служилыми людьми на брацких людей, и в братцких улусех братцкие люди ево убили досмерти.» [25]

На пашню Оверки Елизарьева на устье Тутуры летом 1646 года были поселены десять семей ссыльных черкасов. А на устье Орленги у Оверки Елизарьева ещё оставалась пашня, которую обрабатывал его работник. Урожай с этой пашни было указано «взять на государя». Для этого туда был послан служилый человек Ивашко Пуляев. У него там тоже была пашня, данная взамен хлебного жалованья (исчезнувшаяся во второй половине XX века деревня Пуляева). Ивашко Пуляев послал отписку ленским воеводам. Отписка сильно повреждена и некоторые места невозможно восстановить.

«Государя [А. М.] воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, дьяку Петру Григорьевичю Ивашко Пуляев челом бьёт.

В нынешнем во 154 [1646] году велено по государеву указу и по наказной памяти взять на государя на усть Орленги у пашенново Оверки Елизарьева ево пахоты ржи по отмеру, сколько десятин будет, вся на государя.

И я, холоп государев, по вашей наказной памяти на Орленгу ходил. И пришед на усть Орленги, пашенн(ово) Офоньки Долгово и ево, Оверкина, работника Ивашка спрашивал по государеву крестному целованью, сколько Оверкины пахоты ржи десятин и на скольких местех довелось.

... (т)ретьем месте отвели десятины с две. А в том ... та сказали: одна де три десятина пахана. (А лошадь дана на стр)адную работу Стеньке Иванову Сыромятнико(ву. А) он де, Стенька, ту лошадь и десятину прежд(е отдал) Панфилку Яковлеву. И он де покосную Овер(кину десятину) и записи, ту лошадь и десятину ему, Пан(филку отдал, которой владел Ове)рка.

И по вашей наказной памя(ти я) ту десятину ему, Панфилку, по ево Стен(ькиной сказке) и по даной отдать ему, Панфилку, без вашего указу (не смел. А) сказал ему, Панфилку, то: посылай ты, Панфил, по записи и даную в Якуцкой к воеводам, к Василью Никитичю с товарищи, что они тебе о той десятине укажут.

А ту десятину выжать и измолотить особно.» [конца нет] [26]

На обороте написано неразборчивым почерком, не все слова удалось разобрать.

«Отписать. Велеть ту рожь на государя измолотить, и ...которая ево, Оверкина, севу по тому... рожь на государя молотить. Да сколько того молотья (будет), о том отписать.»

Тут же отметка о подаче: «155 [1646], сентября в 19 день, подал пятидесятник Ивашко Лукьянов.»

Даже в более поздние годы встречаются записи о долгах Аверки Елизарьева и Афоньки Долгово.

В книге 157 [1648–1649] года записано:

«По кабалам чёрному попу и торговым людям за ленского пашенного крестьянина, которой в прошлом во 154 [1646] году убит от братцких людей, и в Братцкой земли ево займов, и с попом же сорокоусты и на панихиды из государевы казны дано 138 рублёв с полтиною, потому что после того пашенного крестьянина смерти взято на государя 1087 пуд 32 гривенки с третью гривенки ржи.» [27]

В книге 158 [1649–1650] года записано:

«По книгам Илимсково Ленсково волоку сына боярсково Алексея Бедарёва с товарищи прошлого 153 [1644–1645] году на Офоньке Долгом пятаины сорок пуд ржи да заёмного сто тритцать пуд ржи.

Да на нём же, Офоньке, по росходной книге прошлого 153 [1644–1645] году три четверти ячмени весом одиннатцеть пуд две гривенки пятьдесят четыре золотника да три четверти овса весом семь пуд тритцать две гривенки десять золотников без чети золотника.» [28]

Далее ещё одна запись:

«По книгам прошлого 154 [1645–1646] году служилых людей Ивашка Пуляева да Якуньки Ульянова пахоты прошлого 153 [1645] году умершего пашенного Оверки Елизарьева с полуторых десятин у Офоньки Долгово в умолоте надобе шестьдесят пуд ржи.

И тот Оверкин хлеб в прошлом во 155 [1646] году у служилого человека Ивашка Пуляева и у целовальника у Тренки Назарова ничево не написано, хто тот хлеб у Офоньки Долгово взял. А довелось тот хлеб у Офоньки Долгово взять на государя.» [29]

Примечания

1. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 220.
2. Там же, л. 222об–223.
3. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 54, л. 583.
3. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 5, л. 205об, то же на л. 221об.
4. Там же, л. 211, то же на л. 226об.
5. Ф. 214, кн. 171, л. 179.
6. Ф. 1177, оп. 3 ч. I, ед. хр. 602, л. 1.
7. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 170, л. 80.
8. КПМГЯ, док. 104, с. 157.
9. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. I, Иркутск, 1949, с. 91.
10. Ф. 214, кн. 171, л. 182об–183.
11. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 654, л. 3.
12. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 634, л. 1–3.
13. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 634, л. 1–3.
14. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 4, с. 21–22.
15. КПМГЯ, док. 184, с. 222.
16. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 4, с. 20.
17. КПМГЯ, док. 185, с. 226.
18. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 169, л. 2об.
19. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 103, л. 42–41об.
20. КПМГЯ, док. 104, с. 157.

21. Там же, с. 157—158.
22. КПМГЯ, док. 79, с. 139.
23. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 792, л. 4.
24. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 714, л. 115.
25. Ф. 214, ст. 241, л. 185.
26. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 742, л. 3.
27. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 297, л. 157.
28. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 375, л. 3—3об.
29. Там же, л. 5.

Никита Макаров Чепиных

Осенью 1644 года был устроен в пашню промышленный человек Никита Макаров. Документов о его устройстве обнаружить не удалось. Но есть его челобитная от 30 января 1660 года, в которой он просил добавить земли к его прежней пашне. Кроме обстоятельств своего устройства в пашню, он в этой челобитной описывает и межи с другими крестьянами применительно к 1660 году.

«А в челобитной ево написано:

Бил челом блаженныя памяти великому государю [М. Ф.], а в Якуцком остроге в Съезжей избе подал челобитную стольнику и воеводе Петру Петровичю Головину с товарищи он, Микитка, в государеву десятинную пашню на великую реку Лену, от Якуцкого вверх по Лене реке к Ленскому волоку повыше усть Киренги реки и Кривой Луки на пустые порожжие непахотные места в государеву десятину ржи да вполдесятины ячмени.

И по государеву де указу и по ево, Микиткину, челобитью повёрстан он, Микитка, в государеву десятинную пашню на те порожжие пустые непахотные места.

И по государеву де указу и по наказной памяти стольника и воеводы Петра Петровича Головина с товарищи отвели де ему, Микитке, тоё землю под государеву десятинную пашню и под ево пашнишко, под сенные покосы и под скотинной выпуск Якуцкого острогу служилые люди, десятник казачей Оксёнок Пысолов с товарищи, вверх идучи по Лене реке, повыше Кривой Луки, по левую сторону от речки Нелгали и с речкою Нелгалею, и с пахотною землею, что вверх по Лене реке от устья луг, да от речки Нелгали вверх по Лене реке по левую сторону до первой же межи против ленского пашенного крестьянина Ондрюшки Васильева черкашенина, против ево, Ондрюшкина, двора от Лены реки вгору.

Да по той же стороне того же лугу другая межа от пашенных крестьян от Бажена Афонасьева, от овина ево, от Лены реки вгору же. А на той же межи стоит среди лугу лиственница виловата. Да вверх от овина по Лене реке того же лугу — межа до камня, верхний конец.

И по государеву де указу тот служилой человек Оксёнок Пысолов с товарищи тоё непаханую землю размежевал и отвёл ему, Микитке. А на тоё де землю дал отводную память за своею печатью.

Киренский земледельческий район

И в прошлом же де во 164 [1656-1657] году судом Божиим згорел де у нево, Микитки, на ево заимке анбар. А в том де анбаре была на тоё пашню отводная память с писмяными крепостями. И та де отводная память с писмяными крепостями згорела.» [1]

Упоминаемая здесь речка Нелгаля сейчас называется Макаровой речкой.

Условия, на которых был устроен в пашню Никита Макаров, сохранились также в более позднем документе:

«Да прошлого 156 [1647] году, сентября в 7 день, сыскано у стольника у Петра Головина уговорная запись на пашенново крестьянина на Микитку Макарова, какову он запись дал в прошлом во 152 [1644] году, что пахать ему с первого году с неё четыре десятины, а в дву по тому ж.

А на государя ему пахать с первого ж году от четырёх десятин пятая десятина в поле, а в дву по тому же. А семена на государеву пашню имать по вся годы из государевы казны. А быть ему в пашне до ево, Микиткины, смерти.» [2]

До устройства в пашню Никита Макаров, как уже сказано, был промышленным человеком. О нём имеется много записей в таможенных книгах. В таможенной книге Якутского острога за 150 [1641 1642] год записано:

«Июля в 15 день [1642 г.] отпущены из таможни вниз по Лене реке на рыбную ловлю и на соболиной промысел промышленные люди:

Тренька Иванов Заборец с покручеником с Якунькою Ивановым

Митька Иванов Никитиных

Титко Яковлев

Козёмка Фёдоров

Ивашко Дмитриев

Онтонко Ларионов с покручеником с Васьюкою Иевлевым

Семейка Савин

Оксённо Иванов

Оверка Остафьев с покручеником с Яраскою Савиным

Никитка Макаров

Ивашко Дементьев.

А с ними хлебного запаса и промышленного заводу по таможенной оценке на двести на семьдесят на два рубли на дватцать алтын.

А с них отъезжие пошлыны взято по алтыну с человека, итого четырнатцать алтын.» [3]

В следующем году также имеются записи в различных таможенных книгах. В записной книге пошлын с продажи мягкой рухляди:

«Того ж дни [5 июля 1643 г.] продали промышленные люди Никитка Макаров да Васка Иевлев ему ж, Богдашку, [Богдашка Иванов Воронин — приказчик торгового человека Кирила Босого. — Г. К.] шездесят соболей с хвосты. Взяли шездесят семь рублёв с полтиною. Записной пошлыны взято два рубли пять денег.» [4]

В книге отъезжих пошлын:

«Того ж дни [15 июля 1643 г.] отпущены из таможни вниз по Лене реке на рыбную ловлю и на соболиной промысел промышленные люди Никитка

Макаров Чепиных кулянин да покрученик ево Илейка Тимофеев.

Да Матвея Онтипина покрученики:

Софонко Иванов усолец

Дмитрейко Иванов пенежанин

Стенька Аверкиев усолец

Филка Сидоров устюжанин.

Да своеужинники Ивашко Кондратьев, Ивашко Дмитриев.

А с ними хлебного запаса и промышленного заводу по таможенной оценке на триста на тридцать рублёв. А с них отъезжие пошлыны взято по алтыну с человека, итого восемь алтын.» [5]

Эта запись ценна тем, что в ней названа фамилия Никиты Макарова — Чепиных, а также откуда он родом — кулянин. В Архангельской области в 24 километрах восточнее города Вельска находится населённый пункт Кулой, расположенный на берегу одноимённой речки. Речка Кулой впадает в Вагу, приток Северной Двины. В другом документе вместо кулянин пишется куленин.

Об этом же отпуске есть другая более подробная, запись в книге печатных пошлын. Она названа «Список с книги слово в слово. 151 [1642—1643] году книга приходная государевым печатным деньгам с проезжих грамот на рыбную ловлю и с мяжкой рухляди оценки,» Там записано:

«Того ж дни [21 июня 1643 г.] отпущен из Якутцкого острогу вниз по Лене реке на рыбную ловлю и на соболиной [промысел — Г. К.] промышленной человек Микитка Макаров Чепиных с товарищи.

А с ними идёт хлебного запаса и промышленного заводу:

сто шездесят пуд муки ржаной

тридцать гривенок меди в котлах

сорок аршин сукна сермяжного

шездесят аршин холсту

двенатцать топоров

восемь мотов прядена

сорок сажень сетей неводных

десять гривенок олова

четыре тысячи одекую

восемьдесят камысов лосиных

шесть обмётов собольих

шеснатцатеры чарки

двенатцети вареги

восмеры улевницы.

И того у них хлебного запаса и промышленного заводу по таможенной оценке на триста на тридцать рублёв.

Да с ним же отпущены покрученики и своеужинники:

покрученик ево, Микиткин, Илейко Тимофеев.

Да покрученики Матфейка Онтипина:

Софонко Иванов

Дмитрей Иванов

Степанко Оверкиев

Филипко Сидоров.

Своеужинник Ивашко Кондратьев

Ивашко Дмитриев.

И у него, Микитки, с товарищи, с оценки государевы печатные пошлины, по деньге с рубля, итого взято рубль дватцать один алтын три деньги.» [5]

Из перечня промышленного завода следует, что промышленные люди, уходя на рыбную ловлю и на соболиный промысел, также занимались и торговлей. Одекуй ведь никакого отношения к рыбной ловле не имеет. Да и сукно и холст, измеряемые аршинами, также не были предназначены для шитья из них одежды во время рыбалки и охоты.

Сравнение этой записи с предыдущей показывает, что это были две разные пошлины.

Дата в этой записи, видимо, более точная, чем в предыдущей записи. Там дата отпуска указана 15 июля, и она не согласуется со следующей записью в записной книге пошлин с продажи мягкой рухляди:

«Того ж дни [17 июля 1643 г.] промышленные люди Микитка Макаров, Васка Иевлев [продали — Г. К.] ему ж, Пятуньке, [Пятунька Осипов Кузнец — промышленный человек — Г. К.] пятьдесят пупков собольих. Взяли два рубля дватцать восемь алтын две деньги. Записной пошлины взято два алтына пять денег.» [6]

Это лишний раз показывает, что числа в таможенных книгах проставлялись приблизительно. А может быть, запись в книге об отъезде не обязательно совпадала с днём отъезда. Могла делаться и заранее.

В 1644 году также имеется несколько записей о Никите Макарове в таможенных книгах.

В книге записных пошлин:

«Того ж дни [11 июня 1644 г.] промышленной человек Оксёнок Михайлов продал промышленному человеку Микитке Макарову девять пупков собольих. Взял дватцать два алтына. Записной пошлины четыре деньги,

Того ж дни промышленные люди Кирилло Салдат да Фомка Сидоров продали ему же, Микитке, два испода шапошных пупчатых, околы собольи. Взяли за те исподы рубль шеснатцать алтын четыре деньги. Записной пошлины — десять денег.» [7]

В этой же книге:

«Того ж дни [1 июля 1644 г.] промышленные люди Никитка Макаров продал ему ж, Матюшке, с товарищи сорок один пупок.» [8]

Матюшка — это торговый человек Матюшка Яковлев Ворыпаев лалетин.

В книге сбора десятинной соболиной пошлины за 152 [1643—1644] год записано:

«Августа в 23 день [1644 г.] у промышленного человека у Микитки Макарова с перекупных з десяти пупков собольих, по оценке с шеснатцати алтын с четырёх денег, десятой пошлины взято за десять денег пупок собольей.

У него ж, Микитки, с перекупных з дву исподов шапочных пупчатых, околы собольи, по оценке с полутора рубли, десятой пошлины взято пять алтын.» [9]

Здесь Никита Макаров записан как промышленный человек. Однако,

уже через два дня в книге отъезжих пошлин за этот же 152 [1643—1644] год он записан уже как пашенный крестьянин.

«Августа в 30 день [1644 г.] отпущен ис таможи к Илимскому волоку пашенной крестьянин Никитка Макаров з женою.

А с ним мяжкой рухляди три сорока пятнатцать соболей с хвосты, два сорока пупков собольих испод шапочной пупчатой, окол соболей, да лоскутишко соболье.

А тоё у него мяжкой рухляди по таможенной оценке на сто на девяносто на два рубли на дватцать на два алтына на три деньги. И с тоё у него мяжкой рухляди государева десятая пошлина взята в Якуцком остроге в таможе сполна. А отъезжие пошлины взято с сорока соболей по четыре деньги. И с него алтын. Итого, три алтына полторы деньги» [10]

Может быть, между 28 и 30 августа Никита Макаров подавал челобитную об устройстве его в пашню. Кроме того, он поехал с женой — значит на постоянное место жительства. Поэтому 1644 год следует считать годом основания леревни Макаровой. У В. Н. Шерстобоева она почему-то названа Марковска или Макарова, а год основания не обозначен. [11] Деревня Макарова никогда Марковской не называлась. Марковская деревня находится в нынешнем Усть-Кутском районе. А основатель её, как уже сказано выше, Марко Никитин, служилый пашенный крестьянин.

Деревня Макарова расположена в 82 км выше Киренска на правом берегу Лены.

Примечания

1. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 19—20.
2. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 978, л. 56—57.
3. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 76—76об.
4. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 92, л. 85об—86.
5. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 97, л. 33—33об.
6. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 94, л. 41об.
7. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 124, л. 11об.
8. Там же, л. 51.
9. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 117, л. 50об—51.
10. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 127, л. 111.
11. В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I, Иркутск, 1949, с. 97.

Яков Данилов Щербак

Был ещё один землепашец. Его звали Яков Данилов Щербак. Хотя он упоминается во многих документах, но о заведении им пашни ничего не сказано. Есть одна его челобитная, которая полной ясности не даёт.

На Лене Якунька Щербак появился ещё тогда, когда она была под властью енисейского воеводы. В 1636 году Якунька Щербак был промышленным человеком, занимался соболиным промыслом на притоке Алда-

на Амге. [1] Затем был повёрстан в служилые люди. После образования Якутского воеводства воевода Петр Головин выслал в Енисейск в августе 1641 года енисейских служилых людей, в том числе и Якуньку Щербака.[2] В 1645 году эти служилые люди подали челобитную новому якутскому воеводе В. Н. Пушкину с просьбой вернуть их на Лену. Воевода удовлетворил их просьбу.

Вот что написано в челобитной Якуньки Щербака:

«Царю [М.Ф.] бьёт челом холоп твой, ленской служилой человек Якунька Данилов Щербак. Жалоба, государь, мне на пашенново крестьянина на Панфила Яковлева.

В прошлом, государь, во 152 [1644] году против Чичуйсково волоку и против ево, Панфиловы, пашни за рекою за Леною на наволоке была у меня, холопа твоего, заимка, пашня. И ржи, государь, было насеяно у меня, холопа твоего, шесть десятин ржи ко 153 [к 1 сентября 1644] году. И ту шесть десятин насеяной ржи продал я, холоп твой, ему, Панфилку.

Да у меня ж, холопа твоего, на той же заимке по обещанию моему было посеяно ржи пуд. А что Бог уродит с того пуда, и то, государь, было мне, холопу твоему, отдать в Енисейской острог Спасу Всемилоствому в казну в монастырь и надострожные ворота.

И тот Панфил с того пуда вымолотил за десятою четырнатцать пуд. И тоё ржи он, Панфил, в Енисейской Всемилоствеишему Спасу в казну не сослал. На мне, холопу твоему, тоё ржи не отдаёт и по сё число, неведомо за что.

<...> Вели, государь, на того Панфила в той Спаской рже дати свой царской суд и управу.» [3]

Даты на челобитной нет и нет никаких помет. Но так как челобитная написана на имя царя Михаила Фёдоровича, значит она подана не позже весны 1646 года. Царь Михаил Фёдорович умер в 1645 году. А служилых людей на Лене приводили к присяге новому царю Алексею Михайловичу весной 1646 года. Однако не ясно, у кого получал разрешение на обработку пашни Якушка Щербак. Он ведь был выслан в Енисейск в 1641 году. То что с урожая, снятого с этой пашни была взята «десятая», означает что она была заведена не без ведома властей. Не ясно, кому подавал эту челобитную Якушка Щербак. Скорей всего, новому ленскому воеводе В. Н. Пушкину.

После снятия урожая с этой пашни Панфил Яковлев, видимо, больше её не пахал. В 1646 году на эту пашню были посажены ссыльные черкасы, которые в своей челобитной писали: «Вели, государь, нам дать наволоку против Чичуйсково волоку и ясашого зимовья за Леною рекою, что зачинал пахать служилой человек Яков Щербак.» [4]

Так возникла деревня Чугуевская, просуществовавшая 350 лет, и ныне исчезнувшая.

Подводя итоги возникновению и развитию ленской пашни на первом этапе, отметим некоторые особенности.

Первая пашня была заведена Ерофеем Хабаровым ещё без ведома властей.

С приездом первых пенских воевод заведению пашни без ведома властей был положен конец. Все, кто пахал пашню, были обязаны отчислять в

казну определённую часть урожая. Однако, условия этого отчисления не были одинаковы для всех землепашцев. Это было обусловлено различной сословной принадлежностью землепашцев: торговый человек Е. Хабаров, крепостной торговый человек И. Сверчков, служилые пашенные крестьяне, пашенные крестьяне из промышленных людей. Впоследствии этот разный в отчислении урожая в казну будет устранён, так как он усложнял учёт.

Все землепашцы для обработки пашни использовали труд наёмных работников и не порывали со своими старыми занятиями: соболиным промыслом и торговлей мягкой рухлядью. Все они были более или менее состоятельными людьми.

В той же отписке, в которой воевода Пётр Головин сообщал об устройстве в пашню Ерофея Хабарова, Панфила Яковлева и Ивана Сверчкова, добавлено:

Да мы же, государь, холопи твои, писали в Енисейской острог к воеводе Никифору Верёвкину, чтоб он велел в Енисейском остроге на торгу и в деревнях прокликать не одиножды: кто похочет из гулящих и из промышленных людей в твою государеву пашню садитьца на Илеме реке, и им лготы на пять лет, а после, государь, лготы, — давать им на тебя, государя, ото всей своей пахоты пятой сноп.

А на Лене, государь, реке которые похотят в пашню ж сесть и тем государь из твоей государевы казны на лошадь денги не в отдачу а на другую лошадь дать денег взаймы из твоей же государевы казны на два года Да им же из твоей государевы казны — серпы и косы и сошники а на твои государевы десятины — семена по вся годы твои, государевы. А пахать им на тебя, государя, до твоего государева указа, от своей пахоты с первого года семую десятину в поле, а в дву по тому ж.

И которые, государь, гулящие и промышленные люди похотят садитьца в пашню на Илеме и на Лене реке, и тех бы, государь, людей он, Никифор, из Енисейского острогу отпустил под Ленской волок и на Лену реку без задержанья для, государь, того: хлебные твои государевы запасы служилым людям и ружником, и оброчником, и на неокладные [написано: и не на окладные — Г. К.] расходы, и впредь по вся годы на Лену в Якутской острог после сроку девять месяц спустя учнут приходить, потому, государь, что те хлебные запасы летом через Ленской волок перепровадить не можно, зимовать тем запасом на Ленском волоку по вся годы.

А устроитца, государь, пашенных людей на Лене и на Ленском волоку человек тридцать, и той, государь, их пахоты хлеба по опыту промышленного человека Ярофека Павлова на Лене служилым людям до приходу хлебных запасов девять месяц и слишком будет.» [5]

Но в Енисейске вольных людей, желающих сесть в пашню на Лене, не нашлось. И тогда московская власть прибегла к испытанному уже в Западной Сибири способу — устройству в пашню ссыльных людей. И такие люди нашлись, даже в три раза большем количестве, чем полагал воевода Головин. Сама История уже готовила их, даже не в пределах Московского государства, а на Украине, находившейся в то время под властью Польши. Это были запорожские казаки, или, как их тогда называли, черкасы. Им

только предстояло пройти немислимые повороты судьбы, чтобы навечно осесть на берегах Лены и оставить там своё потомство. Их поселение на Лене было сравнительно краткосрочным событием. На протяжении второй половины XVII века к пашенным крестьянам из черкасов добавились ссыльные русские люди, а также большое количество вольных промышленных пудей — выходцев с русского европейского Севера. Смешавшись с ними, за минувшие столетия потомки черкасов окончательно обрусели и начисто забыли о своём происхождении.

Истории поселения черкасов на ленские пашни рассматривается в следующих главах.

Примечания

1. Ф. 214, ст. 40, л. 403а, 404а, 405.
2. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 78, л. 298; Ф. 214, ст. 40, л. 403а.
3. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 2964, л. 1.
4. Ф. 160, ед. хр. 147, л. 42.
5. ДАИ, т. II, СПб, 1846, док. 92, с. 253.

КАНУН АМУРСКОГО ПОХОДА

Вторая половина сороковых годов XVII века была временем великого заселения Лены черкасами. Черкасами называли в то время запорожских казаков и вообще украинцев. Здесь украинская история на реке Лене соприкоснулась с русской. Об этом до сих пор в исторической литературе имеются лишь короткие, разрозненные, не связанные между собой сведения, несмотря на то, что имеется огромное количество архивных документов. Из этих документов мы полностью приведём лишь те, которые имеют отношение к Хабарову. А в главе об Онофрии Степанове Кузнецке расскажем о бежавших в амурское войско черкасах. Некоторые из них записаны в его послужном списке. Остальная же история ленских черкасов — тема отдельной книги. Здесь же мы дадим лишь её краткое изложение.

В 1638-1639 годах на Украине, находящейся тогда под властью Польши, разразилась крестьянско-казацкая война с поляками. Потерпев в этой войне поражение, тысячи украинцев, спасаясь от преследования, вышли в пограничные русские города Севск, Вольный курган, Хотмышск, Путивль, Белгород. Большинство из них было зачислено в военную службу в украинских русских городах и наделено землёю.

К ленской истории имеют отношение черкасы, которые были поселены в городах Чугуеве во главе с гетманом Остряниным, Курске, Воронеже. Однако служба их в этих городах оказалась непродолжительной. Одержав победу, поляки предприняли меры по замирению Украины. Возвращающимся беженцам они даровали прощение, наделение землёю и освобождение от налогов на продолжительное время. К беглецам в русские города посылались лазутчики с уговорами и обещаниями. Соблазнённые этими обещаниями, чугуевские, курские и воронежские черкасы с жёнами и детьми в 1641 году побежали обратно на Украину. За ними была послана погоня. Некоторым черкасам удалось уйти, часть была при сопротивлении убита, часть поймана.

Пойманных черкасов с семьями привезли в Москву и после допросов отправили служить стрельцами в понизовые города: Козьмодемьянск, Кур-

мыш, Свияжск, Царёво-Санчурск, Царёво-Кокшайск, Чебоксар, Ядрин, Яранск. Но и эта служба продолжалась недолго.

Весной 1642 года «чюгуевских и курских, и воронежских выходцов, запорожских черкас, по росписи девяносто три человека з жёнами и з детьми, всех сто восемьдесят человек» [Ф. 214, ст. 206, л. 231.] собрали в Казани и отправили в Сибирь в Енисейск для дальнейшего их поселения на реке Лене в пашенные крестьяне. На Лену они попали не все. Двенадцать семей остались в Енисейском уезде, образовав деревню Черкасскую. Несколько семей было поселено в Красноярском уезде.

Ввиду того, что при поселении черкасам давали хлеб на семена и на всю семью на два года хлеб «на емена», сельскохозяйственные орудия («пашенный завод») и коня, поселение было делом непростым. Поэтому черкасов перевозили на Лену частями. Всего было перевезено четыре партии. В течение некоторого времени доля черкасов среди пашенных крестьян превосходила долю русских в несколько раз.

Не все черкасы прижились на Лене. Как уже было сказано, в 1653 году некоторые черкасы бежали в амурское войско, когда там приказным человеком был Онофрий Степанов Кузнец. В 1655 году несколько черкасов бежали на Амур с отрядом верхоленского казака Мишки Сорокина. Затем в 1665 году некоторые черкасы бежали на Амур с Никифором Черниговским. Двое из них, Осипко Васильев Подкаменный и Ивашко Еремеев Микулка, были непосредственными убийцами илимского воеводы Л. А. Обухова. Из Албазина они бежали затем в Китай.

Основная же часть черкасов прижилась на Лене и оказалась расселённой, начиная от Бирюльки в Качугском районе и кончая Витимом и Пеледуюем. От них осталась память на географической карте. Это деревни Игнашинская (сейчас искажённо: Игжиновская), Рудовка в Жигаловском районе; Карпова (Панова) в Усть-кутском районе; Леонова, Панская, Балашова, Никулина, Чугуевская, Гребени, Иванушковская в Киренском районе. Некоторые из этих деревень исчезли в пятидесятых годах XX века. Черкасы жили и в других деревнях: Тутуре, Орловской, Ульканской, Казимировой, Кривой Луке, Никольской, Сидоровской, Кондрашиной, Ичёре; на Киренге в Юксеевой и Рыковской.

Долгое время черкасы сохраняли свою самобытность. Усть-Киренский воевода Черемисинов в 1771 году отмечал на Лене обычай носить черкасскую одежду:

«Многие крестьяне приобыкли находитьца в праздности и лености, и обращаются ж более в роскошествах, а не в работах, и щеголяют же платьем без меры, а не по званию своему. Большая ж тех часть носят платье немецкое и черкаское из добрых сукон, а жёны ж их и дочери платьев у себя имеют чрезвычайное: душегрейки и юпки грезетовые голевые. На головах же носят платы барсовые и прочие ценою от 5 до 10 рублёв, шубы и кунтуши голевые и грезетовые на мехах лисьих и беличьих а не овчинных.» [1]

Даже в середине XIX века ещё сохранялись признаки украинского происхождения части ленских крестьян. И. Булычёв писал:

«В Киренской волости на берегах Лены живут переселенцы царствова-

ния царя Алексея Михайловича, переведённые из Украины и селений запорожских. Деревни они называли именами своей родины.

Население вообще состоит из казаков запорожских, курских, воронежских и украинских выходцев, которые все смешались уже с тунгусами. Язык их изменился и, не упоминая о местных выражениях, составлен из смеси малороссийского наречия с русским языком.» [2]

Здесь И. Булычёв не совсем точен. Переселение началось ещё при царе Михаиле Фёдоровиче. А украинские выходцы — это и есть казаки запорожские, поселённые после выхода в Русское государство в Чугуеве (их И. Булычёв не упомянул), Курске и Воронеже. Названия деревням они не давали. Долгое время деревни (заимки) вообще были без названий. Названия деревням дали подьячие, писавшие крестьянские книги.

В то же время, чуть дальше, И. Булычёв пишет:

«Русское наречие почти не изменилось, и во многих местах потомки переселенцев говорят довольно чистым великорусским языком.» [3]

Другой автор, С. В. Максимов, писал:

«180 человек запорожских черкас, высланных при царе Михаиле на Лену за Киренск вместе с чугуевскими, курскими и воронежскими выходцами положили основание Подкаменной волости, состоящей из 145 деревень, носящих старые названия, завещанные на память о родине: Чугуевка, Гребенская и проч.» [4]

Здесь та же ошибка. Чугуевские, курские и воронежские выходцы как раз и были запорожскими черкасами. Подкаменная волость была образована в XIX веке. В XVII же веке ниже Киренска были Нижне-Киренская и Чечуйская волости. Выше Киренска была Криволуцкая волость. В ней тоже жили черкасы. Что же касается количества деревень, то здесь С. В. Максимов хватил через край. Ниже Киренска было всего лишь немногим больше двадцати деревень. А деревня Чугуевская была названа не в память о родине, а потому что в ней жил чугуевский черкашенин Мишка Андреев, которому приписали фамилию Чугуевский, для того чтобы не путать с рядом живущими воронежскими черкасами. В деревне Гребени жили воронежские черкасы.

Впоследствии русские и черкасы перемешались, переварились в общем котле. К черкасской крови добавилась кровь выходцев с Русского Севера и местного населения: тунгусов и якутов. А по языку и обычаям черкасы стали русскими. Но ещё в тридцатых годах XX века словарный состав и ударения в некоторых случаях не совпадали с литературным русским языком, что давало повод приезжим из центральной России людям подтрунивать над местными жителями.

Дожившие до наших дней на Лене потомки черкасов носят фамилии: Аксаментовы, Березовские, Головные, Емельяновы, Карповы, Колесниковы, Красноштановы, Купряковы, Леоновы, Пановы, Плужниковы, Романовы, Рудых, Черкашенины, Черкашины.

После этого отступления вернёмся назад. Зимой 1645-1646 года на Ленском волоке жили воеводы Василий Никитич Пушкин, Кирил Осипович Супонев и дьяк Пётр Стеньшин, приехавшие на смену воеводе Петру Пет-

ровичу Головину, а также двадцать семей черкасов, сосланных для поселения на ленскую пашню. Воеводы везли с собой семьи, хлебные и другие запасы. У черкасов было их мелкое имущество («борошень»). Кроме того, там были казённые хлебные запасы для черкасов на семена и на «емена» на два года, и для них же сельскохозяйственные орудия («пашенный завод»). Были также казённые хлебные запасы для жалования служилым людям. Всё это предстояло перевезти до открытия водного пути из Илимского острога на устье речки Муки, откуда начинался водный путь по речкам Купе и Куте на Лену. Необходимо было заготовить и перевезти на устье речки Муки барочный лес для постройки судов.

Воеводы тщательно готовились к переезду. Для возки грузов намечалось использовать лошадей пашенных крестьян и других людей, у кого они имелись. Для этого была составлена:

«Роспись Ленского волоку конная, сколько у которого пашенного на Ленском волоку и на Чичуйском и вверх Лены, на Орленге, и на усть Куты коней.

На Илеме

У пашенных

У Буторки Филипова дватцать шесть лошадей

У Мишки Никитина Черня одиннатцать лошадей

У Шестачка Филипова шесть лошадей

У Шумилка Полуянова восемь лошадей

У торговых

Семейки Маркова две лошади

У Карпуньки Ярославца семь лошадей

У волоковых откупщиков

Истомки Оверкиева лошадь одна

У промышленного Давыдка четыре лошади

На усть Куты у Соли у пашенных

Мишки Костентинова десять лошадей

Исачка Максимова шесть лошадей

Марчка Микитина десять лошадей

Ондрюшки Кирилова три лошади

У целовальника Гаврилка Григорьева лошадь

У служилого Ивашка Пуляева лошадь

На Киренге и на Чичуйском волоку у пашенных

Ярафейка Павлова девятнатцать лошадей

У Панфилка Яковлева тритцать две лошади

У Иивашка Сверчкова тритцать лошадей

У Микитки пашенного шесть лошадей.

И с теми коньми на волок с тех пашен ходу в одну сторону две недели.

Вверх Лены на Орленге у пашенных

У Афоньки Долгово четыре лошади

У Панфилка Яковлева шесть лошадей

У промышленного Микифорка Синюшкина шесть лошадей.

И с тоё заимки на волок ходу в одну сторону десять дней.» [5]

Буторка Филипов — это Ивашко Филипов Бутора.

Шестачко Филипов Куницын — основатель деревни, названной по его имени Шестаковой. В этом месте сейчас железная дорога пересекает реку Илим. После строительства Нижне-Илимской ГЭС пашни были затоплены. Сейчас здесь находится железнодорожная станция Среднеилимская. Место очень живописное. Потомки Шестачки Филипова по фамилии Шестаковы дожили до наших дней.

Истомка Оверкиев — площадной подьячий на Илимском волоке.

Ярофейко Павлов — Ерофей Павлов Хабаров.

Никитка пашенной — Никитка Макаров куленин, основатель деревни Макаровой.

Повинность распределялась в зависимости от количества лошадей. Как видно, Панфилко Яковлев был самым крупным владельцем лошадей. Всего у него их было 38.

Во время перевозки грузов Ерофей Хабаров был в Якутском остроге. На заимке оставался его брат Никифор. Он не участвовал в перевозке. По этой причине на него была подана жалоба. Документ во многих местах повреждён. Не всё поддаётся восстановлению.

«(Царю, государю) и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси
быют челом холопи твои и сироты:

служилые и пашенные

Семейка Родионов

Софонко Иванов

да Ленского волоку посадной жилец Ивашко Бутора

да Ленского волоку пашенные крестьяне

Фомка Аврамов

(Мишка Ни)китин

Шестачко Филипов.

Жалоба (нам, государь,) пашенного торгового человека Яра(фея Хабарова) на брата ево на Никифо(ра Хабарова в подво)дах.

В нынешнем, государь, во 155 [1646—1847] году (по твоему) государеву указу и по наказной памяти (твоих государевых ленских воевод) Василья Никитича Пушкина с то(варыщи веле)но нам, холопам твоим и сиротам, (приехать с своих заимок с коньми для твоих государевых лет)них и зимних подвод и для твоих (государевых) и воевоцких запасов воски.

И мы, холо(пи твои и сиро)ты, все пашенные крестьяна, с своих (заимок с коньми) для той твоей государевы воски приезжали (и твои) государевы летние и зимние подводы на (Ленской волок) ... ва деньгах гоняли и барошные лес и во(евоцские за)пасы возили.

А он, Никифор, с своей заим(ки в нынешнем) во 155 [1646—1647] году с коньми на Ленской волок (не бывал и) твоих государевых летних и зимних подвод (не гонял ник)уда, и барошново лесу и воевоцких за(пасов своего паю) не возил. А подвод ему дове(лось на ево пай) гонять летом и зимою двенатцать. ... числом всякая подвода по со... (А) барошново лесу до(велось на ево пай ... ти. А денежным наймом тоё ... ошны и зимние восемь рублёв. А воевод(цких запасов) довелось ему на ево пай восьмьсот (пуд, а де)нежным

наймом сорок рублёв. А летние и зимние подводы мы, холопи (твои и сироты,) гоняли ево пай и зимнюю воску возили.

(А он), Никифор, твоих государевых летних и зимних (подвод гонять не) хочет и твое[го] государева (барошного) лесу возить и твоих государевых зделей делать не хочет. А что ...

<...> Вели, государь, нам, (холопям) твоим и сиротам, с ним, Никифоровым Хабаровым, в летних и в зимних подводах свой царской (указ) учинить, чтоб нам, холопом твоим (и си)ротам, в тех твоих государевых в ле(тних и в) зимних подводах в его паю вконец (не разоритьца.)» [6]

Среди челобитчиков здесь упоминается служилый и пашенный Софонко Иванов. Однако таковым он не был, а лишь временно был нанят служилым и пашенным крестьянином Марчком Никитиным (предком ленских Марковых), который был отпущен по его челобитью в Москву с мягкой рухлядью. На обратном пути он привёз свою семью из Вологодского уезда. А Софонко Иванов имел фамилию Дьяков, умер в 1649 году.

Как производилась возка, писали в челобитной Ивашко Филипов Бутора, Мишка Микитин Черный (он же Дежнёв), Шестачко Филипов Куницын и Фомка Аврамов Шапошник:

«Да в том же, государь, во 154 [1645—1646], зимою, твои государевы воеводы, Василей Никитич Пушкин с товарищи, на тех наших на достальных на усталых лошадёнках заставили нас за Илимской волок до усть Муки реки возить своих воеводских запасов на сорока лошадех. Итого, мы, сироты твои, ездили за Ленской волок семь езд. И тех подвод у нас, сирот твоих, — двести восемьдесят подвод. А клады на те подводы возили по дватцати пуд на лошадь. А воска была в том году за волок [по] полугривне, а в розпутицу и по гривне.

Да в ту же пору заставили нас, сирот твоих, возить за Ленской волок ссыльных черкас дватцать семей. И запасы их везли по десяти пуд на человека.» [7]

Таким образом, воеводских запасов было перевезено 5600 пудов, или 89,6 тонны, и черкасских 200 пудов, или 3,2 тонны. Возили всю зиму и весною в распутицу.

Фомка Аврамов Шапошник был в то время посадским человеком Илимского острога. Потом он переселился на Лену и обосновался в деревне, которая была названа по имени его сына Лазаревой. Потомки Фомки Аврамова Шапошника по фамилии Шапошниковы и сейчас живут в Киренском районе.

В 1645 году Хабаров вернулся из Якутского острога на свою заимку. Во время его отсутствия приказчик Хабарова нанял промышленного человека для постройки мельницы. Никакой челобитной об её постройке, как это было в более поздние времена, видимо, не подавалось. Зато сохранились челобитные промышленного человека с иском об уплате денег за её постройку. Челобитные были поданы в Якутском остроге воеводам.

«Царю [М. Ф.] бёт челом сирота твой, промышленной человек Мишка Дмитриев тотменин. Жалоба, государь, мне на торгового человека на Ярафея Павлова Хабарова.

В прошлом, государь, во 153 [1645] году у него, Ярофея, на пашне делал я, Мишка, мельницу. А найму от мельницы рядил мне прикащик ево, Ярофеев, Михайло Дмитриев Пивоваров сорок пуд муки. И я, сирота твой, мельницу сделал наготово.

Да ево же, Ярофиев, прикащик Михайло Пивоваров наймовал меня в строк нынешняго 154 [1645—1646] году с Николина дни осеннаго [6 декабря 1645 г. — Г. К.] до Олексеева дни человека Божия [20 мая 1646 г. — Г. К.]. И в строке до Олексеева дни жил.

А найму до того сроку мне Михайло рядил десять пуд муки да зипун в пять рублёв, да сапоги в рубль. И тот весь наём прикащик Михайло отвёл на него, хозяина, на Ярафея Павлова. А найму, государь, всего мне доведётся на нём, Ярофее, взять дватцать шесть рублёв. И он, Ярофей, мне того найму за работу мою не даёт и по сё время.

<...> Вели, государь, на того Ярофея в тех моих работных деньгах дать свой царской суд и управу.» [8]

На обороте челобитной написано:

«154 [1646], июля в 15 день. Дать память на Чичуйской волок к служилому Оксёну Пысолову. Велеть ему на того Ярофейка и на прикащика ево на Михалка Пивоварова дать суд и сыскать про то допряма, и меж ими росправа учинить безволокитно. А будет в чём у них спор, а ему будет того дела вершить не уметь, и ему в то исца и ответчика прислать в Якутцкой острог и их судное спорное дело.»

Случайно имена и отчества челобитчика и приказчика Хабарова совпали.

Челобитная написана на имя царя Михаила Фёдоровича, но его уже не было в живых. Михаил Фёдорович умер 13 июля 1645 года. Известие о его смерти ещё не было получено.

На следующий день Мишка Дмитриев тотменин подал вторую челобитную:

«Царю [М. Ф.] бьёт челом сирота твоя государева, промышленной человек Мишка Дмитриев тотменин.

Взять мне, государь, на торговом человеке на Ярафее Павлове Хабарове да на прикащике ево на Михайле Дмитриеве Пивоварове по двум кабалам: по кабале пятьдесят пуд муки ржаной, доброй, сухие, да по кабале же дватцать пять рублёв денег. А срок тем кабалам прошёл. А оне мне, Ярофей и Михайла, тех денег и муки не платят, неведомо за что.

<...> Вели, государь, на них, Ярафея и Михайла, дать свой царской суд и управу.» [9]

На обороте этой челобитной написано:

«154 [1646], июля в 16 день. Дать память о суде против прежня челобитья.»

Хабаров в это время был на своей заимке. Приказчику Чечуйского волока Оксёну Пысолову была послана память от воевод:

«Лета 7154 [1646], июля в 15 день. По государеву [М. Ф.] указу память на Чичуйской волок казачью десятнику Оксёну Аникиеву.

В нынешнем во 154 [1646] году, июля в 15 день, бил челом государю [М. Ф.], а в Якутцком остроге в Съезжей избе воеводам Василью Никитичю

Пушкину да Кирилу Супоневу, да диаку Петру Стеньшину промышленной человек Михалко Дмитриев тотменин подал челобитную.

А в челобитной ево написано: в прошлом де во 153 [1645] году делал он, Михалко, на пашне у торгового человека у Ярка Павлова Хабарова мельницу. А найму рядил от той мельницы ему, Михалку, прикащик ево, Ярков, Михалко Дмитриев Пивоваров сорок пуд муки. И он де, Михалко, ту мельницу зделал наготово.

Да ево же де, Ярков, прикащик Михалко Пивоваров нанял в строк ево, Михалка, нынешняго 154 [1645–1646] году с Николина дни осеннего да до Олексеева дни человека Божия. И в строке де до Олексеева дни он, Михалко, жил.

А найму до того сроку ему, Михалко, рядил десять пуд муки да зипун в пять рублёв, да сапоги в рубль. И тот де наём весь перевёл прикащик ево, Ярков, Михалко Пивоваров на хозяина своего на Ярка Хабарова. И всего де ему, Михалку, за наём доведётца взять найму на нём, Ярке, дватцать шесть рублёв денег. И он, Ярков, тех денег ему, Михалку, и по сё время не дал ж. А ныне де тот Ярков на пашне [у] усть Киренги.» [10]

Эта память писалась в день подачи первой челобитной, поэтому о второй челобитной пришлось сделать вставку на следующем листе: .

«Да ему ж, Михалку, взять на торговом человеке на Ярке ж Хабарове да на прикащике ево на Михалке Дмитриеве по двум кабалам: по кабале пятьдесят пуд муки ржаной, доброй, сухой, да по другой кабале взяти дватцать пять рублёв денег. А срок тем кабалам прошёл.» [11]

Далее, в конце памяти написано:

«И государь бы ево, Михалка, пожаловал: велел на них, Ярка, в тех ево, Михалковых, спорных деньгах дати свой царской суд и управу.

И как к тебе ся память придёт, и ты б того Ярка Хабарова и прикащика ево Михалка Пивоварова в тех ево в наёмных деньгах (дал суд), а с суда про то сыскал бы (всякими сысками) накрепко и росправу меж ими учинил безволочитно.

А будет меж ими в чом учинитца спор, и тебе буде, Оксёнку, дела вершить не уметь, и ты б в том исца Михалка и ответчика Ярка, и прикащика ево Михалка Пивоварова выслали на весну в Якуцкой острог по первой поллой воде да отписал, а то судное дело и поручные записи прислал, с кем пригож, в Якуцкой. А отписку и поручные записи велел подать, и исцу Михалку, и ответчику Ярку Хабарову, и Михалку Пивоварову велеть явитьца в Съезжей избе воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу, да диаку Петру Стеньшину.» [12]

О разбирательстве этого дела ничего неизвестно, одно ясно: Аксён Пысолов его не рассматривал. Чуть позже будет рассказано о столкновении Хабарова и Аксёна Пысолова, которое кончилось избиением попоследнего.

Теперь выясним, где же находилась мельница. Промышленный человек Михалко Дмитриев тотменин писал, что строил мельницу «на пашне» Хабарова. Однако на самой заимке Хабарова речек нет. Из других документов известно, что у Хабарова было две мельницы. Одна из них находилась на левом берегу Лены на речке Тихтилячихе, напротив Киренска. Расстояние

Чугуевских черкасов, правда, здесь было всего два человека, один курский, остальные воронежские.

К ранее существующим заимкам в 1645 году добавилась заимка илимского посадского человека Ивашки Буторы в Кривой Луке (а точнее, это была деревня Заборская) на правом берегу Лены в 67 километрах выше теперешнего Киренска.

Служилым людям была написана наказная память:

«Лета 7154 [1646], мая 22 день. По государеву [М. Ф.] указу и по приказу воеводы Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева, да дьяка Петра Стеньшина память Якутцкого острогу служилым людям десятнику Оксёнку Пысолову да Микитке Крылову.

В нынешнем во 154 [1646] году оставлены с ним на Тунгуском Чичюйском волоку ссыльных черкас, которые по государеву указу в прошлом во 153 [1645] году взяты в Енисейском остроге на Лену в пашню по росписи, Мартынка Михайлов с товарищи, десять человек з жёнами и з детьми.» [14]

Мы здесь приведём сведения только о тех черкасах, которых судьба сталкивала с Хабаровым. На обороте записаны места поселения трёх черкасов недалеко от заимки Хабарова.

«По их черкасскому челобитью

Петрушку Оксамитова

Ивашка Фомина

Мартынка Михайлова

посадить в пашенные пониже Киренги реки, вверх идучи на правой стороне, на Никольском наволоку. А для сеных покосов дать им островок против того Никольского лугу.»

Ныне этот остров называется Монастырским.

Черкасы были благополучно поселены. В 1646 году пока что не делалось попыток поселить черкасов на заимке Ерофея Хабарова.

В 1646 году Хабаров занялся запрещённым делом — винным курением. История этого дела такова:

«В прошлом во 154 [1646], марта в 22 день, на Илимской Ленской волок к воеводам к Василью Никитичю Пушкину да к Кирилу Осиповичю Супоневу, да к диаку к Петру Стеньшину писал с Чичюйского Тунгуского волоку служилой человек Оксёнок Пысолов: на Чичюйском Тунгуском волоку прошлого 152 [1644] году выделу служилого человека Безсона Сидорова у Ярафейка Хабарова оставлено шестьдесят пуд ржи на ево, Ярофейкове. пашне в государеве казнённом анбаре, чтоб ему о том государев указ учинить.

И как в прошлом же во 154 [1646] году на Чичюйском Тунгуском волоку воеводы Василей Никитич Пушкин с товарищи были, и служилой человек Оксёнок Пысолов, своровав, про ту государеву выдельную рожь воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарищи против своей отписки не объявил и в Якутцкой острог с ыными государевыми хлебными запасы не прислали.» [15]

Виноват оказался Аксён Пысолов, в том, что не напомнил воеводам о своей отписке.

Когда воеводы уже были в Якутском остроге, они получили 19 сентября 1646 года отписку Аксёна Пысолова. В ней сообщалось:

«А что было оставлено у Панка [Панфила Яковлева — Г. К.] на заимке [в Чечуйске — Г. К.] семенной ржи, и приехали на Тынгуской волок пашенной крестьянин Авдейко Сверчков да Панко Яковлев, и они мне, Аксёну, почали говорить: дай де нам из государевы семенной ржи по пятьдесят пуд займа, и де вам дадим с Микиткою [Крыловым — Г. К.] по двадцати пуд.

И яз им, Оксёнку, в той ржи отказал, что яз государевою рожью торговати не умею. А мне, Аксёнку, сказали: да хошь де ты нам тоё ржи и не дал, и даст де нам тоё ржи и Микитка Крылов. И мы де ту рожь дадим одному Микитке.

И Овдейко и Панфилко поехали к Микитке на верхнюю заимку [Панскую — Г. К.], где пашут новые черкасы. И тот Микитка приехал в сам Ильин день [20 июля — Г. К.] [с] Сверчковыми людьми к Панку на заимку [Чечуйск — Г. К.] . И тот Микитка тоё ржи Сверчковым людям [написано: людям — Г. К.] и Панкову брату [Федьке Яковлеву — Г. К.] по семидесят пуд ржи дал. И я, Аксёнку, про ту рожь почал говорить ему: почему ты ту рожь даёшь займа без государева указу? И он, Микитка, мне в той ржи отказал: что де ту рожь отдал яз, и возьму де яз.

Да он же, Микитка, съехал с пашенными черкасы и нас оставил у аманатов и у пашенных крестьян трёх человек. Да из тех же трёх человек ежжидали по недоборной ясак. А по нужды ради оставалось и по два человека.

Да он же, Микитка, давал из новопашенных черкас Петрушку мельника [Петрушку Астафьева Аксамитова — Г. К.] Ярку Хабарову на работу на винную уставку. И тот Ярко курил вино во всё лето.

Да Мишка мельник сказал, что от людей слышал, что де к тому Ярку присыпал и Микитка Крылов. Да к нему же, Ярку, многие промышленные люди присыпали:

промышленной человек Краснояр
да Ивашко Кондратьев
да Фетька Кузнец
да Евсука Невоччик
да два брата Кривошапкины.

Да тот же Микитка Крылов да Ярко Хабаров угрожали промышленным людям, чтобы про то вино не сказывали: и будет де вы про то вино станете сказывати, и мы де в том вине запрёмся, а вас де свезут в Ыкуской [Якутск — Г. К.] и будут де вас на пытке пытать.

И нам они в [я]сашном зимовье [Чечуйске — Г. К.] сказывать боятца, а говорят [написано: говорят — Г. К.] меж собою: дал же Ярко Хабаров, отдал государев дошаник служилым людям под скот, и верх у дошаника сняли, и скот поставили.

И чтобы про то про всё в государеве пене не быть и в великом наказанье.» [16]

Дадим дополнительные пояснения к этой отписке.

Авдейко Сверчков — племянник Ивана Никонова Сверчкова Авдейко Марков Сверчков. В книгах о нём, как о пашенном крестьянине записей нет, обычно его называют торговым человеком.

Панков брат — брат Панфила Яковлева Федька Яковлев, который пахал вместо Панфила на его заимке в Чечуйске.

Черкашенин Петрушка мельник — ссыльный воронежский черкашенин Петрушка Астафьев Аксамитов. Его история и история его потомков досконально описана в многочисленных документах. Родом он из Переяславля, где потом состоялась Переяславская рада, на которой было принято решение о присоединении Украины к России. На территорию Московского государства, в Севск, вышел в составе группы из пяти человек и был приведён к крестному целованию. 27 мая 1639 года оказался в Воронеже, где был повёрстан в службу. Но в 1641 году воронежские черкасы предприняли неудачную попытку побега обратно на территорию Украины, находившейся тогда под властью Польши. За побег был сослан в город Ядрин на Волге в стрелецкую службу, а оттуда на Лену в пашенные крестьяне.

На Лене он был поселен сначала в четырёх километрах ниже устья Киренги (заимка Никольская). Затем переселился на новое место на устье Киренги (впоследствии деревня Сидоровская). Его стали называть Петрушка Киренский. Оттуда переселился в деревню Юксееву на Киренге. Один из его сыновей переселился в Тутурскую волость. Многочисленные потомки Петрушки Аксамитова и сейчас живут на Лене с несколько видоизменённой фамилией — Аксаментовы и, конечно же, ничего не знают о своём происхождении.

Мишка мельник — Мишка Дмитриев тотменин, тот самый, который строил мельницу Хабарову на речке Тихтилячихе, напротив Киренска. Его челобитная с жалобой на Хабарова приведена выше. Его не следует путать со вторым приказчиком Хабарова Мишкой Дмитриевым Пивоваровым, промышленным человеком Соли Вычегодской. Первым приказчиком на реке Куте был Федька Денисов.

Присыпали — значит добавляли свою долю зерна к зерну Хабарова, полученное вино затем делили в соответствии с долей каждого участника винокурения. Это называлось братчиной.

Но есть и неясности. Аксён Пысолов был десятником, а Никитка Крылов рядовым, но почему-то совершенно не слушался Аксёна Пысолова.

Насчёт дошаника и скота — неясно. Об этом есть документ в фонде 1177 Якутской приказной избы, но его не выдают из-за ветхости. У архивистов строгий закон, которого придерживаются ещё с XIX века — пусть ветхий документ лучше лежит в ожидании реставрации, которая по разным причинам так и не наступает, а потом сгниёт, чем выдать его хотя бы один раз исследователю. Потом сгнивший документ они спишут с лёгким сердцем. Есть и другие документы о Хабарове, которые не удалось получить по этой же причине. Стремление создать как можно более полную историю Хабарова натывается на глухую оборону архивистов.

Аксён Пысолов был послан в Илимский острог для подготовки к переезду на Лену зимующей там второй партии черкасов и последующего их устройства в пашню. В ноябре он уже был в Илимске. А приказчиком на Чечуйский волок вместо него был назначен Анцыфор Юрьев, приехавший из Енисейска вместе с воеводой В. Н. Пушкиным. 30 января 1647 года написана была наказная память Анцыфору Юльеву, в которой предписывалось:

«И как к вам ся память придёт, и вам бы, Онцыфорку, у служилых людей, у Микитки Крылова с товарищи, и у целовальника Федьки Осипова, и у Ярка Хабарова, и у приказщиков, у Михалка Пивоварова и у иных, которые в прошлом во 154 [1645–1646] и во 153 [164–1645] на ево, Яркове, пашне были, про ту государеву рожь спросить по государеву крестному целованью, где та государева выдельная рожь делась, в государеве ли казне в его, Яркове, анбаре, или ту государеву рожь тот Оксёнок, иль иные хто, себе взял, и для чего в прошлом во 154 [1646] году Ярко Хабаров и прикащик ево Михалко Пивоваров тот государев хлеб утаили, сами ли они завладели, или хто из служилых людей, которые тут на Чючюйском волоку для государева ясачного сбора были.

И будет, ту государеву рожь меж себя взяли, и за тот ... [предложение не окончено — Г. К.].

И будет, Ярко Хабаров и Михалко Пивоваров про ту рожь в сыску скажут, и тебе б, Онцыфорку, про ту государеву выдельную рожь сыскивать на Чючюйском волоку служилыми людьми, которые в том во 154 [1645–1646] и во 153 [1654–1655] году для ясачного збору были; и ево, Ярковыми, дворовыми и наёмными промышленными людьми; и целовальником, которой в прошлом во 153 [1654–1655] году был для государева выдельного хлеба, Федька Офонасьев Москвитин, которой отпущен к Русе через Чючюйской волок и ныне зимует на Чючюйском волоку; и Оксёном Пысоловым, как он с Ленского волоку на весне с хлебными запасы в Якутской поплывёт, против ево той отписки про тот хлеб, с ними и их спросити.

А сыскав про ту рожь, по сыску доведётца, доправити рожью ж доброю, самую сухою. Да ту рожь, смолов, с ыным государевым хлебом против прежнего указу прислать с ыными ж запасы вместе в Якутской острог.

А будет, у ково [о] той ржи с кем учинитца спор, и вы б тех людей за поруки или за приставом прислали в Якутской острог к воеводам к Василью Никитичю Пушкину с товарищи.» [17]

К весне 1646 года не все воеводские запасы были вывезены с Ленского волока. Остальную часть предстояло перевезти зимой 1646–1647 года. Кроме этого, на Илимском волоке зимовала вторая партия ссыльных черкасов, 29 семей. Но обстановка была сложнее. Воевод уже не было на Ленском волоке. В Илимском остроге приказным человеком остался сын боярский Григорий Иванов Демьянов. Опять предстояло собрать на Ленском волоке крестьян с подводами. Для этого на Лену из Илимского острога был послан служилый человек Наум Спорыш. В наказной памяти ему написано:

«155 [1646] году, октября в 25 день. По государеву [А. М.] указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина, Кирила Осиповича Супонева да дьяка Петра Стеньшина память Ленского Илимского волоку Съезжей избы от приказного сына боярского от Григорья Демьянова Съезжей избы де-ньщику служилому человеку Науму Денисову Спорышу.

Ехать ему с Ылимского волоку на Лену реку вниз по Лене до Чичюйского волоку и до Киренги, и вверх по Лене к пашенным крестьяном. И приехав к ним на их заимки, выслать их, служивых и пашенных крестьян, на Илимской волок с коньми тотчас, безо всякого мотчанья и без мешкоты

для воски государевых хлебных запасов и воевоцких, и дьячьих, потому что велено им, служилым и пашенным крестьяном, возить с Ленского и Илимского волоку на усть Муки реки государевы хлебные запасы и воевоцкие, и дьячьи против прошлого 154 [1645—1646] году, и против прошлой же росписи, у ково сколько у служилых людей и у пашенных крестьян коней было на Ленском волоку, и хто те запасы возил.

И в нынешнем во 155 [1646—1647] году велено им, служилым людям и пашенным крестьяном, возить по тому же. А велено их выслать с осени рано. И ему, Наумку, выслать в тот час с коньми тех пашенных крестьян, не мешкав [написано: не мешкать — Г. К.] ни единого часу.

А от Соли ему Наумку имать подводу от заимки до заимки у служилых и у пашенных крестьян [написано: крестьяном — Г. К.] без мотчанья, что он послан для государева дела наскоре.» [18]

Роспись, о которой идёт здесь речь, — это «Роспись конная», которая приведена была выше. Соль — место, где ранее находилась соляная варница Хабарова на реке Куте.

Меньше, чем месяц спустя, была написана память на Чечуйский волок:

«155 [1646], ноября в 18 день. Память Илимского волоку от сына боярского от Григорья Демьянова да Съезжей избы целовальников от Андрея Балакшина да от Тихона Колупаева на Чичюйской вололок служилому человеку Анцыфору Юрьеву да целовальнику Фёдору Осипову.

Как вам ся память придёт, и вам бы по государеву указу выслать служилых и пашенных крестьян с коньми на Илимской волок самих хозяев для воски государевых хлебных запасов и для счёту с своею братьею, с служилыми людьми и с пашенными крестьяны.

А они, служилые люди и пашенные крестьяне, присылают на Чичюйской волок своих наёмных и строшных ярыжек. И те их наёмные ярышки, приехав на Илимской волок, на них нам извещают, что де нас хозяева присылают на Илимской волок для воски государевых хлебных запасов и для воевоцких, а саней де у них на Илимском волоку нет, и конского заводу — хомутов и дуг, и шлей. А денег де с нами на сани и на всякой конской завод не посылают, а сами с нами не едут. А приказные де люди им снаравливают и их не посылают, неведомо для чево.

И вам бы тех служилых людей и пашенных крестьян с коньми высылать тотчас и самих хозяев безо всякого мотчанья, чтоб в том государеву хлебному запасу простою и мотчанья не было.» [19]

Счёт о котором здесь идёт речь — это перерасчёт крестьян между собою за лишние, причитающиеся на их долю подводы, или, наоборот, недовезённые.

В ноябре такого же содержания память была послана на устье Куты десятнику Осипу Боярщине и целовальнику Третьяку Назарову. [20]

22 декабря 1646 года Григорий Демьянов снова послал память на Чечуйский волок служилому человеку Анцыфору Юрьеву. В памяти сказано:

«Октября с 25 числа с Ылимского волоку посылан был преж сего к вам вниз по Лене реке до Киренги и до Чичюйского волоку ленской служилой человек Наумко Денисов Спорыш к пашенным служилым и крестьяном

выслать их, служилых людей и пашенных крестьян, с коньми для воски государевых ленских хлебных запасов и для воевоцких хлебных запасов, и дьячьих, что велено тех служилых людей и пашенных крестьян по наказной памяти выслать с Чичуйского волоку и с Киренги по осени, по первому зимному пути, чтоб за тем государеву запасу простою и недовозу не было, и воевоцким запасом.

И пашенной крестьянин Ярко Хабаров учинился силён, того служилого человека Наумка не послушал, и по сё число с подводы с коньми на Илимской волок не бывал.

И его братья, пашенные крестьяне и служилые люди, за него, Ярка, возить не стали. И били челом государю, и подали челобитную на Илимском волоку в Съезжей избе на него, Ярка, за своими руками в той воске и в простое.

И как к тебе ся память придёт, и тебе б того Ярка Хабарова выслать в подводы на Илимской и Ленской волок с коньми для воски государевых и воевоцких хлебных запасов тотчас.» [21]

Есть челобитная без даты, сильно повреждённая, которая поддается восстановлению только частично:

«(Царю государю и вели)кому князю Алексею Михайловичю всеа Руси (бьют челом холопы) твои и сироты твои:

служилой и пашенной Се(мейка Родионов) с товарищи

да Ленского волоку посадной жилец (Ивашко Филипов)

(торго)вой человек Семейка Марков

да илимские (пашенные крестьяне) Михалко Черный да Шестачко Филипов, Фомка (Аврамов).

...горы и ездят с Ленского Илимского волоку.

(Жалоба), государь, нам на ленских пашенных крестьян:

(на Панфила Яковле)ва

да на Ярафея Павлова Хабарова

(да на) Ивана Сверч(кова)

да на Микиту Макарова.

(Живём мы, сироты и холо)пы твои, на Ленском Илимском волоку, и при(сылается) твоя государева казна, и гонцы гоняют с твоими государевыми (грамо)ты, и от Якутцкого острогу к тебе, государю, к Москве от (воевод, и подводы ем)люют у нас, холопей и у сирот твоих, без росчёту. (А бе)гают во всякую пору, и с проводниками.

И те (ленские пашенные крестья)на с нами, холопами и сиротами твоими, (подвод) не гоняют и с нами не считаютца. (И мы), холопы и сироты твои, на них бьём (челом) тебе, великому государю [А. М.]. И посылают по нашему челобитью приказные люди наказные памяти, и они тех памятей не слушают и на волок не приезжают. И мы, холопы и сироты твои, от тово обнищали и обдолжали великими неоткупными долгами.

Милосердый государь [А. М.] Пожалуй нас, холопей и сирот своих. Вели о них взять поруку впредь для счёту и для ... ик вожешных, чтоб нам, холопам и и сиротам твоим, своих пашен и промыслишков не отбыть и вко(нец не разоритьца.)»[22]

Несколько позже, в декабре 1646 года, была написана память казачьему десятнику Осипу Бояршине и целовальнику Тренке Назарову, которые находились на устье Куты. В их подчинении была громадная территория вверх по Лене. В этой памяти сообщались некоторые дополнительные сведения:

«И пашенной Никитка [Макаров — Г. К.] и по сё число с коньми не бывал.

А Ондрюшка Кирилов прислал своих ярыжек. И ярыжки по вся дни бьют челом в Съезжей избе, что де у нас саней и консково корму нет, а кони де худы и возить будет государева запасу не на чем. А хозяин де Ондрюшка сам на воске не бывал.

И за тем на Илимском волоку те государевы запасы и воевоцкие стали за воскою. А пашенные служилые люди и крестьяна их повыетей не возят. И челобитную на Ярка Хабарова с товарищи в Съезжей избе подали за своими руками в той воске.

И на Чичюйской волок к служилому к Онцыфору Юрьеву об нём, Ярке, память послали, чтоб ево выслать с коньми на Илимской волок для воски в тот час, не мешкая.» [23]

Упомянутый здесь Андрюшка Кирилов — служилый пашенный крестьянин.

В отписке служилого человека Анцыфора Юрьева и чечуйского целовальника Федьки Осипова в Илимский острог сыну боярскому Григорию Демьянову сообщается:

«В нынешнем во 155 [1647] году, генваря в ... день [дата получения — Г. К.] писали вы с Ленского волоку память к нам на Чичюйской волок. А в памяти вашей написано: велено Чичюйского волоку и усть Киренги пашенных крестьян выслать с коньми на Ленской волок для воски государевых хлебных запасов, и воевоцких и дьячьих хлебных запасов.

И мы по вашей памяти высылали Ивашка Сверчкова. И он, Ивашко, сказал: у меня де на Илимском волоку племянник Овдейко Марков с коньми, и он де возит государевы хлебные запасы.

А Ярофейко Хабаров сказал: яз де на Илимской волок с коньми не еду. А сам де яз буду в Якутском остроге перед воеводы перед Васильем Никитичем Пушкиным с товарищи. А на Илимском де волоку нанял яз возить хлебные запасы воеводы Василья Никитича Пушкина.

А Панфилка Яковлева брат Федька Яковлев то ж сказал, что и Ивашко Сверчков: у меня де брат Панфилко Яковлев на Илимском волоку с коньми.» [24]

Действительно, Панфилко Яковлев был на Ленском волоке. Он и подал эту отписку 7 февраля 1647 года.

Кроме этой отписки Анцыфор Юрьев послал ещё одну отписку Григорию Демьянову. Её подал 25 февраля 1647 года целовальник Чечуйского волока Самсонко Сафонов вологжанин, впоследствии пашенный крестьянин.

«Писал ты к нам: велел выслать Ярка Хабарова. И яз к нему ходил на Киренгу и посылал его на волок. И он мне отказал в том: еду де яз сам в Якутской острог и там де буду со своею братьею считатьца.

А Бурлака посылал, и он мне также отказал: сам де яз еду перед воевод в Якутской острог.

И ты об том, как чаешь. Челом бьёт.» [25]

Иван Бурлак — служилый человек. Впоследствии, в 1655 году, он был приказчиком на Чечуйском волоке.

В упомянутой уже челобитной Ивашко Бутора с товарищами писали:

«Да в нынешнем же во 155 [1646-1647] году зимою на тех же наших на присталых конишках на Ленском волоку сын боярской Григорей Демьянов заставил нас, сирот твоих возить, с Ылима за волок до усть Муки воеводских же запасов, Василья Никитича Пушкина с товарищи, на дватцати на шти лошадях.

И ездили мы, сироты твои, за волок и с работными людьми по четыре езды. И тех подвод с нас, сирот твоих, сошло сто четыре подводы. А на лошадь клали пудов по дватцети. А возка была с пуда по десяти денег, а в розпутицу и по гривне.» [26]

Итого, получилось 33,28 тонны.

Кроме воеводских грузов возили также грузы 27-ми семей ссыльных черкасов.

В январе 1647 года приказному человеку Ленского волока Григорию Демьянову была подана челобитная. Документ этот сильно повреждён, но легко восстанавливается по другому документу, относящемуся к этому же делу.

(«Царю, государю и великому князю) Алексею Михайловичю (всеа Руси бьёт челом) сирота твой, гостинные сотни торгового человека Бажена Балезина при(кащик) Семейка Яковлев Стрекалов.

<...> Вели, государь, (послать) наказную память на Киренгу. А по той наказной памяти вели, государь, служивому человеку Анцы(фору Юрьев)у дать на поруки Ярафия Павлова (Хабарова) по государеве грамоте и по кабале (в тысяче во шт)истах рублях. А за порукою вели, (государь поста)вить на Илимском вол(оке) перед приказново Григорья Демья(нова да перед целовальни)ка Андрея Ба(лакшина по че)лобитью Бажена Балезина при(кащика ево Се)мейки Стрекалова.» [27]

На обороте — решение Григория Демьянова: «155 [1647] году, генваря в 27 день. Послать наказная память.»

За этим же числом была написана наказная память на Чечуйский волок:

«155 [1647] году, генваря в 27 день. По государеву [А. М.] указу память на Чичуйской волок приказному служилому человеку Онцыфору Юрьеву.

Как тебе ся память придёт, и тебе бы дать на поруки з записью пашенново Ярка Хабарова. А за порукою ему велеть стать на Илимском и Ленском волоку в Съезжей избе перед приказново сына боярсково перед Григорья Демьянова да перед целовальника Андрея Балакшина по челобитью гостиной сотни торгового человека Бажена Балезина прикащика Семейки Яковлева Стрекаловского по государеве грамоте и по кабале в тысяче во штистах рублях.

К сей наказной памяти сын боярской Григорей Демьянов печать свою приложил.» [28]

Об этом долге ясности нет, так как больше никаких документов не имеется. Когда задолжал Хабаров, видимо, написано было в царской грамоте, но её нет. Была ли собрана по нём поручная запись, ездил ли он с ней на Ленский волок, рассчитался ли с долгами, неизвестно.

В Илимске в 1646-1647 годах зимовала вторая партия ссыльных черкасов, двадцать девять семей, которых необходимо было устроить в пашню. Для этого весной 1647 года служилые люди Онцыфор Юрьев с товарищами произвели досмотр свободных земель. В досмотре на реке Киренге принял участие и Ерофей Хабаров. Об этом есть запись в бумагах Якутской Приказной избы:

«Да в прошлом во 155 [1647] году, июля в 13 день [дата получения — Г. К.], писали в Якуцкой острог воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарищи с Чичуйсково Тунгусково волоку служилые люди Онцыфорко Юрьев да Микитка Крылов, да целовальник Федька Осипов. А в отписке их написано:

С усть Киренги реки, вверх вёрст с пять по Киренге идучи, на левой стороне — наволоок. И тот де наволоок Онцыфорко Юрьев с Ярком Хабаровым досматривали, и сметил тот наволоок. И по ево де смете пашенново чистово места на том наволоке триста десятин будет. А сенных покосов на тысячу и в пятьсот копён будет. А земля на том наволоке такова ж, какова на усть Киренги на Яркове заимке. А временная де большая вода на том наволоке в давные годы бывала.» [29]

По теперешней мере от устья Киренги до этого наволока примерно километров восемь. Там потом возникла деревня Прокопьевская.

Аксён Пысолов приступил к поселению в пашню второй партии ссыльных черкасов. Как и в прошлом году, их селили не на голом месте, а на уже существующих заимках, с таким расчётом, чтобы к зиме они могли построить себе избу. Аксён Пысолов с устья Куты на плотях приплыл на заимку Хабарова с четырьмя черкасами и, видимо, с членами их семей, и с семенным хлебом. Хлеб он предполагал, как это делалось на других заимках, ссыпать в готовые амбары Ерофея Хабарова. Но Хабаров не позволил поселить черкасов на своей заимке. Аксён Пысолов подал челобитную с жалобой на Хабарова. Челобитная эта, видимо, не сохранилась, а есть разбирательство его жалобы в Якутском остроге уже в следующем году.

«156 [1648], июня в 8 день, в Якуцком остроге в Съезжей избе перед воеводы Васильем Никитичем Пушкиным да перед Кирилом Осиповичем Супоневым, да перед дьяком Петром Стеньшиным против челобитья служилого человека Оксёна Аникиева сына Пысолова промышленные люди:

Дмитрейко Иванов сын Вакорин

Якунька Дмитриев сын Прелковых колмогорец

Васька Евсеев сын устюжанин

Филка Орефьев, Олёшка Семёнов, Микитка Гаврилов, Ивашко Ермолин важеня

Ондрюшка Лукьянов устюжанин

допрашиваны по государеву [А. М.] крестному целованью:

В прошлом во 155 [1647] году по государеву указу и по наказной памяти служилой человек Оксёнка Пысолов да с ним ссыльных людей четыре человека з государевым семенным хлебом пришли к пашенному к Ярофейку Хабарову на заимку для селидьбы на пашню тех ссыльных людей. <...>

И промышленной человек Дмитрейко Иванов сын Вакорин в допросе

сказал по государеву [А. М.] крестному целованью: как де в прошлом во 155 [1647] году на Киренгу на Яркову заимку Хабарова служилой человек Оксёнку Пысолов да с ним ссыльных пашенных черкас четыре человека на плотях приплыли, а он, Дмитрейко, в те поры на Киренге был.

И как де Оксёнку почал у него, Ярофейка, под государев хлеб анбара просить, и Ярофейко де Хабаров Оксёнку Пысолову анбара под государев семенной хлеб не дал. И его, Оксёнка, всякою бранью и матерно лаял, и батогом удиново ударил. И Оксёнку де от того ево, Ярофейкова, удару побежал под гору к плотам. И под горою де стал он, Оксёнку, говорить тому Ярофейку, чтоб он дал земли, где тех пашенных черкас поселить на Киренге.

И Ярофейко Хабаров ему, Оксёнку, посадить тех ссыльных черкас на его заимке на Киренге не дал. И то говорил, что де у него, Ярофейка, есть московской указ, что ему велено самому садить в пашню своих крестьян мимо воевод Василия Никитича с товарищи, и в том де он, Ярофейко, не запрётца и в Якутском остроге. И в том де у них шум и брань большая у Ярофейка с Оксёном была ж. И он де, Оксёнку, для того с той Ярофейковы заимки вниз Леною рекою на плотях и поплыл.» [30]

Остальные промышленные люди сказали, что они драки не видели, так как были на берегу, «и Ярофейко де, сшед з горы с работниками своими, его, Оксёнка, при них, промышленных людех, всякою бранью лаял, и посадить пашенных ссыльных черкас, четырёх человек, ему, Оксёнку, на своей заимке на Киренге не дал.» [31]

Сомнительным здесь является утверждение Хабарова о том, что у него «есть московской указ, что де ему велено самому садить в пашню своих крестьян мимо воевод Василия Никитича Пушкина с товарищи.» Если бы такой указ у него был, то он мог бы без брани показать его Аксёну Пысолову. Однако же, такую челобитную он подавал воеводе П. Головину. В мирской челобитной торговых и промышленных людей о насилиях воеводы П. Головина написано:

«Да в той же, государь пашне, он, Ярофейко, из-за пристава и ис тюрьмы бивал челом тебе, государю, а ему, Петру, подавал челобитную устроить в пашню 10 человек пашенных крестьян со всеми пашенными заводы и с коньми, и с семены. И только б государь позволил устроить в пашню тех 10 человек, и тебе б, государь, была большая прибыль в хлебе.» [32]

Речь здесь идёт не о пашенных (государственных) крестьянах, а о так называемых половниках (арендаторах), которые пахали пашню за половину урожая. Эту плату они вносили не в казну, а отдавали слободчику, который являлся посредником между половниками и казною. Слободчик, в свою очередь, рассчитывался с казной. Поскольку сами половники никаких дел с казной не имели, то о них никаких записей в крестьянских книгах не велось. В довольно скудных документах все же есть упоминания о двух однодворных заимках, на которых жили половники Хабарова, — Бойдоновской и Русковской. Они находились на земле, отведённой Хабарову, и впоследствии слились в одну деревню Хабаровскую. Местные жители называют её Хабарова, с ударением на «о».

По дороге в Якутский острог дьяк Пётр Стеньшин оставил несколько своих людей для заведения пашни в 74 километрах выше теперешнего города Киренска, на левом берегу Лены, в том месте, где потом была деревня Олонцева, ныне исчезнувшая, или в 3 километрах ниже существующей деревни Скобельской. Оставлены эти люди были, видимо, для того, чтобы дьяк Пётр Стеньшин, живя в Якутском остроге с женой и сыном Аникием [33], не испытывал недостатка в хлебе. Оставленные люди не были пашенными крестьянами, поэтому ни в каких крестьянских книгах они не числятся. Возможно, что дьяку вместо хлебного жалованья дана была пашня.

В июле 1647 года служилому человеку Кондратию Спицыну на Чечуйский волок была послана память:

«Лета 7155 [1647] году, июля в 28 день. По государеву [А. М.] указу память на Чичюйской Тунгуской волок служилому человеку Кондрашке Спицыну.

В нынешнем во 155 [1647] году, июля в 26 день, бил челом гсударю [А. М.], а в Якуцком остроге в Съезжей избе воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу диак Пётр Стеньшин подал челобитную. А в челобитной ево написано:

В нынешнем же во 155 [1647] году, июля в 25 день, писали де к нему, Петру, с верху Лены реки з заимки люди ево, что нанели было они до Якуцкого острогу покупного его скота и лошадей сплавить на плоту ссыльного Ивашка Чечюгова. И тот де Ивашка с тем ево, Петровым, скотом и лошадьми доплыл до Киренги реки к пашенному Ярофею Хабарову, и тут с ево, Янковыми, дворовыми, своровав скот ево, Петров, распродал. Петрушке, ссыльному черкашенину, продал лошадь, кобылу чалу, а иное тут покинул. А сам де он, Ивашко, з гулящим с Ерёмкою Состольским да с теми, Янковыми, людьми, выбрав ис тех же ево, Петровых, лошадей самых лутчих братцких добрых три коня, побежал через Илимской волок.

А встретил де их на Илимском волоку торгового человека Елизарья Толстоухова человек Никонко Иванов. А сказал ле он, Ивашко, Никонку, что он, Ивашко, бежит на Красной Яр [Красноярский острог — Г. К.], или будет и в Енисейской острог.

А цена де тем ево, Петровым, лошадем: два коня по дватцати по пяти рублёв, а третей конь дватцать рублёв.

Да тот же Ивашко снёс ево, Петров, карабин винтованной, по травам набит серебром, под мишенью середи ствола одно слово врезано золотом латынским писмом. А дано де было ему для береженья. Цена восемь рублёв. Да седло со всею снастью и с уздою. Цена пять рублёв.

Да тот же Ивашко, как ходил с волоку в Братцкой острог, занял по трём кабалам тритцать рублёв с полтиною.

И государь бы ево, Петра, пожаловал: велел к тебе, Кондрашке, о сыску тех ево, Петровых, коней и скота дать память.

И как к тебе ся память придёт, и тебе б по его нынешнему челобитью дьяка Петра Стеньшина тот ево, Петров, скот, что воровством тот ссыльной Ивашко Чечюгов п(родал Петру)шке черкашенину, и иной скот, и лошади, кому будет иным продан, или, будет, и так роздан, или которой тут бес-

приютной покинул, где сыщется, а сыскав тот скот, весь взяв у них, отдать людям ево, Петровым.

А что у ково ево, Петрова, скота, сыскав, возмёшь, и людям ево, Петровым, отдашь, и о том бы тебе отписать в Якуцкой острог к воеводам к Василью Никитичю Пушкину да к Кирилу Осиповичю Супоневу.» [34]

Упомянутый здесь ссыльный Петрушка черкашенин — это Петрушка Остафьев Аксамитов, который в то время пахал на Никольском лугу на правом берегу Лены, в четырёх километрах ниже устья Киренги.

Ивашко Чичагов упоминается в одной из отписок воеводы Василия Никитича Пушкина:

«Да в том же, государь, во 154 [1646] году присланы (в твою государеву) пашню <...> Елизарьев человек Квашнина Данилко Иванов. А по роспросу сказался Ивашко Иванов Чичагов.» [35]

Но в пашню, видимо, он так и не был устроен.

Точную дату побега указал в отписке в Якутский острог служилый человек Онцыфор Юрьев:

«Да в нынешнем же во 155 [1647] году назавторее Петрова дни [Петров день 29 июня — Г. К.] с усть Киренги с Ярковой (заимки) ушли коньми ссыльной Ивашко Чичагов да томской служилой человек Ерёмка Сосновской, да Ярковы дворовые люди, новокрещёны Микитка Бозюко да Нехоршко, да Мурза.

А о тех беглых Ярков брат на Тунгуской волок нам, Онцыфорку с товарищи, вести не подержал. А пришла к нам весть на Тунгуской волок о тех беглых в Прокопьев день [6 июля — Г. К.] со стороны. А послати было за теми беглыми неково, служилых людей нет.» [36]

Ерофей Хабаров был в это время где-то в отлучке. А Никифор Хабаров подавал челобитную о побеге на Илимском волоке приказчику Григорию Демьянову. Челобитная сильно повреждена, не всё удаётся восстановить.

(«Царю, государю и великому князю) Алексею Михайловичю всеа Руси бьёт (челом сирота твой) государев Никифорко Павлов Хабаров вместо (брата своего Ярофейка Павлова Хабарова.)

В нынешнем, государь, во 155 [1647] году, июня в ...ку в Якуцкой острог, а я, сирота твой, ... и ссыльных пашенных. И без нас, сирот твоих, с нашей (заимки) збежал ссыльной Ивашко Иванов Чичагов да (с ним, Ивашком,) наёмной наш Ерёмка Савастьянов Сосновской, (да подговорили с собою) наших дворовых трёх человек якутов: Ни(китку Базюка да) Нехорошка Дмитрева, да Ивашка Му(рзу). (Да угнали с собою) пятеро лошадей: наших две лошади да (три лошади дьяка) Петра Стеньшина. Да те ж наши люди сне(сли по сук)ну по агленскому и по шапке, да иного живота с собою: ружья и платья на пятьдесят ру(блёв да денег) пятьдесят же рублёв.

И буде, государь те наши лю(ди где объявятца,) и вели, государь, тех людей поймать безпенно. Или (продавать уч)нут наши кони и платья, или какой сносной живот, или закладывать, или оставливать, и вели, государь, (нам, сиротам) твоим, за тот сносной живот имати безпенно. (А бедет, те лю)ди какое дурно доспиют над нами, или что иное зворуют, (и нам бы), сиротам твоим, в том их воровстве пени и продажи (не) было.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси. Пожалуй нас, сирот своих. Вели, государь, (принять сию челобитную) на Илимском волоку сыну боярскому Гри(горью Демьянову.» [37]

Следы бежавшего Ивашки Чичагова и его товарищей были обнаружены на Ленском волоке. Об этом сообщили воеводам приказной человек сын боярский Григорий Демьянов и целовальник Андрей Балакшин:

«Да в нынешнем же во 155 [1647], июня в 29 день, на Лене реке з заимки Ярка Хабарова збежали ссыльной человек Ивашко Чичагов да с ним Ярка Хабарова строшной Ерёмка Савостьянов Сосновской. И подговорили с собою ево, Ярковых, дворовых трёх человек якутов: Никитку да Ивашка Мурзу, да Нехорошка. И унесли де они у него, Ярка, с собою платья и оружия на пятьдесят рублёв да пятьдесят рублёв денег.

И тот Ивашко Чичагов с товарищи на Илимском волоку у площадново и у банново откупщика у Истомки Аверкиева ночью украл лотку, и побегли в Енисейской острог. Видели их промышленные люди на Тунгуске, которые пришли из Енисейского на Ленской волок.

И тот Ивашко с товарищи покинули на Ленском волоку на камене пятеро лошадей. А их, Ивашка с товарищи, ни кто на Ленском волоку не видал, как они бежали, только что кони объявились лишние в лесу, да того Истомки лотки безвестно не стало. А по пашня[м] они, Ивашко, тож нигде не объявились.

И мы с Илимского волоку в Енисейской острог к воеводе к Фёдору Уварову о нём, Ивашке, с товарищи писали же.» [38]

Тут уже получается, что Ивашко Чичагов с товарищами украли не пять, а шесть лошадей, ведь одну лошадь они продали черкашенину Петрушке Аксамитову.

Прошло двадцать лет после побега Ивашки Чичагова, а дотошный воевода И. П. Борятинский, принимая Якутский острог, отметил в счётном списке:

«На Ивашке Чичагове взяти 16 алтын 4 деньги.» [39]

В 1648 году ленские воеводы потребовали высылки Хабарова в Якутский острог для сыска о винном курении. Об этом имеются отрывочные документы. На Чечуйском волоке был допрошен черкашенин Петрушка Астафьев Аксамитов.

«156 [1648] году, апреля в 24 день, по государеву [А. М.] указу и по наказу воеводы Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева, да дьяка Петра Стеньшина служилой человек Онцыфорко Юрьев, да целовальник Федька Осипов допрашивали на Тунгуском волоку ссыльново пашенного Петрушку про Ярково винное куренье и то, Петрушка Ярке вино курил ли. И про то винное куренье по государеву крестному целованью ево, Петрушку, допрашивали з большёю пристра[с]ткою.

И Петрушка мельник сказал: яз де Ярку Хабарову вина не куривал и про Ярково винное куренье не слыхал.» [40]

На обороте: «К сим роспросным речам вместо Петра Аксамитова по ево веленью промышленной Бориско Денисов руку приложил.»

Кроме того, помечено: «Взяти к делу.»

А по Ерофею Хабарову была взята поручная запись:

«Се аз, Дмитрий Тимофеев сын вологжанин
да яз, Тихон Прокопьев сын кайгород
да яз, Марко Дмитриев колмогорец
да яз, Сергей Перфирьев сын комариченин,

все четверо промышленные люди, поручилися есми на Чичюйском волоку служилому человеку Анцыфору Юрьеву по Ярафее Павлове Хабарове: стать ему, Ярафею, за нашею порукою в Якутском остроге в Съезжей избе перед воеводами перед Васильем Никитичем Пушкиным да перед Кирилом Осиповичем Супоневым, да перед дьяком перед Петром Стеньшиным нынешней весны 156 [1648] году по наказной памяти, что прислана наказная память из Якутцкого острогу за государевою ленскою печатью и за дьячьей приписью от воевод от Василья Никитича Пушкина с товарищи к нему, Анцыфору.

И будет он, Ярафей, за нашею порукою не станет в Якутском остроге в Съезжей избе перед воеводами перед Васильем Никитичем Пушкиным да перед Кирилом Осиповичем Супоневым (да перед дьяком) Петром Стеньшиным нынешней весны (156 [1648] году, и на нас), порутчиках, государя [А. М.] пеня, а пеню, что государь укажет, и наши порутчиковы головы в ево место, и порука сполна. А которой нас, порутчиков, влицех, на том и порука.

На то послух промышленной человек Антон Петров сын усолец.

Писал порушную на Чичюйском волоку промышленной человек Соли Вычегоцкие Мишка Дмитриев Пивоваров.

Лета 7156 [1648] году, мая в 29 день.» [41]

Но весна-то уже закончилась, можно было плыть в Якутск.

Поручную писал приказчик Хабарова.

31 мая 1648 года была получена наказная память о том, чтобы доправить 60 пудов ржи на приказчике Хабарова Михаиле Пивоварове. В ответ на неё Онцыфор Юрьев отписал воеводам:

«Да на Михалке Пивоварове доправить веленого сударевы ржи шестьдесят пуд. Стоял на правеже и с правежу Михалка Пивоварова снял Ярко Хабаров: и яз де ту государеву рожь, шестьдесят пуд, за него, Михалка Пивоварова, заплачу в государеву казну в Якутском остроге весною нынешнего 156 [1648] году. И на себя он, Ярко, в том государеве хлебе дал память за своею рукою, что ему тот государев хлеб поставить в Якутском остроге в государеву казну. И ту память к вам, воеводам, в Якутцкой острог сослал с целовальником Федькою (Осиповым).

Да то де ж Михалка Пивоварова да Ярка Хабарова и промышленного человека Михалка иельника велено прислать за поруками в Якутцкой острог к вам, воеводам, в винном куренье для очной ставки. По Михалке Пивоварове поручная запись взята. А Ярко Хабаров в тот час будет в Якутцкой острог. А Михалко мельник в прошлом во 155 [1647] году весною сошёл вверх по Лене реке на Орленгу. И о том Михалке писали на усть Куты служивому к Ъвашку Пуляеву, чтоб ево строчил, того Михалка, за поруками в Якутцкой острог.» [42]

Есть ещё один отрывок, видимо, из этой же отписки Онцыфора Юрьева:

«А ссыльново Петрушку мельника допрашивал в том же винном куренье з большёю пристрасткою. Что в сыску Петрушка мельник сказал, и сыск за ево рукою сослал к вам, воеводам, в Якутцкой острог с Федькою же Осиповым.» [43]

15 сентября 1648 года Чечуйский волок у Анцыфора Юрьева принял новый приказчик, казачий десятник Семён Тимофеев Чуфарист. [44] Он пожаловался на Хабарова новому якутскому воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову, зимовавшему в Илимском остроге по дороге в Якутский острог:

«Государя царя [А. М.] воеводе Дмитрею Андреевичю да дьяку Осипу Стефановичю служилые люди казачей десятник Семейка Чюфарист да Фочишко Самсонов с товарищи челом бьют.

В нынешнем во 157 [1648] году по государеву указу и по наказной памяти воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева, да дияка Петра Григорьевича Стеньшина прислан яз, Семейка, из Якутского ос[т]рогу на Чичюйской Тунгуской волок.

И как яз, Семейка, приехал на Чичюйской Тунгуской волок для государева ясачново збору и для выдельново хлеба, и для иных всяких государевых дел, и пришёл в ясачное зимовье шамагинской ясачнойтунгус именем Батурко. И бил челом государю он, Батурко, словесным челобитьем на торгового человека на Ярафийка Хабарова: в нынешнем де во 157 [1648] году он, Ярафийко, подговорил у нево, Батурка, тунгусково детину, ево, Батурсково, холопа, и, подговоря, свёз с собою на Илимской волок. И на Илимском де волоку хочет он, Ярафийко, тово тунгуса окрестить.

И тем он, Ярафийко, между ясачными тунгусами делает поруху государеву ясачному збору, и между иноземцы смуту немалую.» [45]

Поруха ясачному збору заключалась в том, что крещёные тунгусы уже не должны были платить ясак, а это наносило ущерб казне.

Как уже сказано, Семён Чуфарист принял Чечуйский волок 15 сентября 1648 года.

Для нас здесь важно, что в этой отписке Семён Чуфарист сообщает об убытии Хабарова в Илимский острог до принятия им, Чуфаристом, Чечуйского волока, т. е. до 15 сентября 1648 года. Пребывание Хабарова в Илимском остроге было важным событием — началом похода в Даурскую землю.

Примечания

1. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, Иркутск, 1957, с. 358.
2. Булычёв И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб, 1856, с. 60—61.
3. Там же, с. 66.
4. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб, 1871, с. 115.
5. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 2913, л. 9—10.
6. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 772, л. 16—17.
7. Ф. 1177, оп. 2, ед. хр. 52, л. 66.
8. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 714, л. 285.
9. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 714, л. 286.
10. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 714, л. 287.

11. Там же, л. 288.
12. Там же, л. 287—288.
13. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 169, л. 21.
14. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 147, л. 48.
15. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 180, л. 5.
16. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 172, л. 4—5.
17. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 180, л. 5—6.
18. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 52, л. 50.
19. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 52, л. 60.
20. Там же, л. 91.
21. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 52, л. 64.
22. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 772, л. 18.
23. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 52, л. 94.
24. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 771, л. 36.
25. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 771, л. 32.
26. Ф. 1177, оп. 2, ед. хр. 52, л. 67.
27. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 772, л. 14.
28. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 52, л. 74.
29. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 184, л. 6—7.
30. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 66, л. 112—113.
31. Там же, л. 113.
32. КПМГЯ, док. 17, с. 33.
33. Ф. 1177, оп. 2, ед. хр. 52, л. 27.
34. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 339, л. 30.
35. Ф. 214, ст. 297, л. 46.
36. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 3341, л. 1.
37. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 772, л. 27.
38. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 52, л. 27.
39. Ф. 214, ст. 639, л. 231.
40. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 66, л. 132.
41. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 784, л. 48.
42. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 284, л. 15.
43. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 789, л. 31.
44. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 896, л. 1.
45. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 843, л. 41.

НАЧАЛО АМУРСКОГО ПОХОДА

Когда Хабаров приехал в Илимский острог, неизвестно. Но уже буквально через месяц после принятия Чуфаристом Чечуйского волока, новый воевода Дмитрий Францбеков, зимовавший на Ленском волоке, написал память Хабарову:

«Лета 7157 [1648] году, октября в 15 день. По государеву [А. М.] указу память торговому человеку Ярафею Павлову Хабарову.

Надсматривать ему во всём над служилыми людьми, над Семейкою Чюфаристом с товарищи, чтоб он, Семейка, с товарищи, на Чичюйском волоку над государевою ясачною и поминочною казною и у выделу пашенных крестьян поруки какой не учинил и к пашенным бы крестьяном для своей бездельной корысти напрасно не примётывались, и никакой бы тесноты и обиды не чинили.

А будет те служилые люди учнут какую поруку государеву делу чинить или учнут к пашенным крестьяном напрасно, не по делу, для своей бездельной корысти, примётываться, или учнут каким человеком обиду и тесноту чинить, и тебе, Ярофейку, на нево, Семейку Чюфариста, с товарищи писать в Ылимской острожек в Съезжую избу воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да диаку Осипу Степанову.

К сей памяти воевода Дмитрий Андреевич Францбеков печать свою приложил.» [1]

Неизвестно, почему именно Хабарову, не находящемуся на государственной службе, он поручил «надсматривать» над служилым человеком Чуфаристом.

Чуфарист уже много лет служил на Лене, принимал участие в строительстве первого Якутского острога в 1632 году, но имел одну слабость — был неводержан в питье. Впрочем, такая слабость была не только у одного Чуфариста. Несколько позже рассматриваемого времени илимский воевода Богдан Оладьин в отписке якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому неслестно отозвался о Чуфаристе:

«В прошлом, господа, во 164 [1656] году присылали вы из Якуцкого ко

мне на Ленской волок в Ылимской острог служилых людей, хлебных приёмышников, таких же бражников, Сеньку Чюфариста с товарищи, для приёму и сплавки государевых хлебных запасов в Якуцкой.

<...> И вам бы, господа, по государеву указу впредь ко мне на Ленской волок в Ылимской острог присылать из Якуцкого служилых людей для приёму и сплавки государевых хлебных запасов и соли добрых и не бражников, которые б государевым делом радели, чтобы в государеве хлебном запасе и в соли какой истери не было.» [2]

В этой ламяти следует обратить внимание на слова «и у выделу пашенных крестьян поруки какой не учинил». Но выдел закончился ещё до вступления Чюфариста в должность приказчика, а до следующего выдела оставался почти год. Значит, поручение Хабарову «надсматривать» над Чюфаристом было не кратковременным, а распространялось на длительный срок. Из этого следует, что пока никаких разговоров о походе Хабарова в Даурскую землю не велось.

В конце 1648 года Ерофею Хабарову возместили ущерб, причинённый прежним воеводой Петром Головиным. В книге окладных и неокладных расходов за 157 [1648—1649] год записано:

«Октября в 26 день [1648 г.] по помете на выписке дьяка Петра Стеньшина ленского пашенного крестьянина Ярка Хабарова брату ево Микифорку Хабарову за двести пуд муки ржаной, что в прошлом во 151 [1643] году в Якутском остроге по приказу стольника и воеводы Петра Головина таможенной голова Дружинка Трубников на государя взял у того Ярофейка Хабарова, по ленской Якуцкого острогу торговой цене, по чему в прошлом во 156 [1647—1648] году на государя хлеб купили, шездесят рублёв дано, по десяти алтын за пуд.» [3]

Однако, в этой записи не сказано, какой воевода возместил, старый или новый. Но так как все документы хранились в Якутском остроге, похоже, что это сделал воевода В. Н. Пушкин.

Осенью 1648 года воевода Дмитрий Францбеков разбирал иск промышленного человека Козёмки Иванова к служилому и пашенному крестьянину Марчку Никитину. К этому разбору был также привлечён Ерофей Хабаров. Сначала воевода направил память к приказному человеку на устье Куты:

«Лета 7157 [1648] году, октября в 19 день. По государеву [А. М.] указу память пятидесятнику Ивашку Григорьеву Шукке.

В нынешнем во 157 [1648] году бил челом государю [А. М.] промышленной человек Козёмка Иванов сын вычегжанин на служилого и пашенного на Марчка Никитина. А в челобитье своём сказал:

В прошлом во 156 [1647] году, декабря де в 17 день, дал де он, Марко Никитин, на себя запись брату ево, Козёмкину, Софонку Иванову. А в той де записе написано, что посеяно де озими ко 156 [к 1 сентября 1647] году на ево, Марчкове, заимке опроче дву десятин Михаила Кондакова. И тот де хлеб сожать, измолотить и з гумна велеть брату ево, Козёмкину, Софонку, с ним, Марчком, пополам.

И судом де Божиим, брат ево, Софонко, помер. А он де, Марчко, брата ево, Козёмкина, Софонка, посеяново хлеба ему, Козёмке, молотить и з

гумна возить [написано: велеть — Г. К.] не даёт, неведомо за что. А смолотит де он, Марчко, тот вопчей хлеб сильно и сыплет себе в анбар на себя. А ево де, Козёмку, волочит и убытчит. А убытку де ему, Козёмке, стало тритцать рублёв денег.

И как тебе, Ивану, ся память придёт, и тебе б по том Марчке, взяв порука з записью, а за порукою ево прислать в Ылимской острожек в Съезжую избу перед воеводу Дмитрея Андреевича Францбекова да перед диака Осипа Степанова, с кем пригоже, тотчас, не мешкав, к суду, к ответу исца Козёмки Иванова.

К сей памяти воевода Дмитрей Андреевич Францбеков печать свою приложил.» [4]

Неизвестно, приезжал ли Марчко Никитин в Илимский острог. Но, видимо, дело окончательно не было решено, и воевода Д. И. Францбеков написал память Ерофею Хабарову:

«Лета 7157 [1649] году, февраля в 15 день. По государеву [А. М.] указу память торговому человеку Ярофейку Павлову Хабарову.

В нынешнем во 157 [1649] году бил челом государю [А. М.] торговой человек Михайло Кондаков на промышленово на Козёмку Иванова. А в челобитье своём сказал:

В прошлом де во 155 [1647] году брат ево, Козёмкин, Софонко Иванов дал ему, Михайлу, на себя запись в том, что ему, Софонку, на своей земле посеять на нево, Михайла, две десятины ржи на доброй земле ко 156 [к 1 сентября 1647] году. И в нынешнем де во 157 [1649] году брат ево, Софонов, Козёмка даёт ему, Михайлу, тот хлеб на плохой земле не против Софонковы записи.

И государь б ево, Михайла, пожаловал: велел бы про тот хлеб допросить служилого и пашенного Марчка Микитина и работных людей, хто у нево, Марчка, и у Козёмки на заимке живут.

И как тебе, Ярофейку, ся память придёт, и тебе б допросить у служилого и у пашенного у Марчка Никитина у работных людей, которые тут живут, у нево, Марчка, и у Кузёмки на заимки по государеву крестному целованью, по чему у нево, Козёмки, и по сколько сотниц снопов ржи на доброй земле на десятину родилось, и по сколько на плохой.

И что оне в допросе скажут, и тебе б, Ярофейку, по допросным речам Марчка Никитина и работных людей отвести ему, Михалку, на доброй земли две десятины ржи по записи брата ево, Козёмкина, Софонка Иванова. И сколько на тех десятинах уродилось ржи, снопы счесть. И допросные речи записать велеть, хто у них на заимки грамотной человек есть, а записав, прислать в Ылимской острожек в Съезжую избу.

К сей памяти воевода Дмитрей Андреевич Францбеков печать свою приложил.» [5]

Поясним, что Софонко Иванов договаривался временно пахать пашню вместо служилого и пашенного крестьянина Марчка Никитина на время поездки его в Москву. Разрешение было получено от воеводы В. Н. Пушкина.

Заимка Марчка Никитина (деревня Маркова) находилась от заимки Ха-

барова вверх по Лене в 165 километрах. А пятидесятник Ивашко Григорьев Шука находился на устье Куты в 145 километрах от заимки Марчка Никитина. Но почему-то воевода обязанности приказчика возложил на Хабарова. Непонятно здесь, как среди зимы отводить Михаилу Кондакову две десятины ржи, когда уже урожай убран, поля покрыты снегом, как считать снопы, когда они должны быть давно обмолочены. О действиях Хабарова по этому делу ничего неизвестно.

Впоследствии Козёмка Иванов Дьяков зырян был пашенным крестьянином на Куте в деревне, которая потом называлась Култук.

Слова: «И как тебе, Ярофейку, ся память придёт...» нельзя рассматривать как свидетельство того, что Хабаров находился в это время не в Илимском остроге. Это не более, чем следование установившемуся образцу написания наказных памятей. О том, что Хабаров из Илимского острога не отлучался, свидетельствуют записи в таможенных книгах 157 [1648—1649] года:

«Генваря в 17 день [1649 г.] у торгового человека у Ярофейка Павлова по таможенной чичуйской памяти с перекупных с одиннатцати сороков з десяти соболей сорок пять соболей с хвосты взято.

У него ж, Ярофейка, по той же чичуйской памяти с перекупных же с пяти соболей, по оценке со шти рублёв с осми алтын з дву денег, и за десятую пошлину, за дватцать алтын за пять денег, десятой соболь с хвостом взято.

Да у него ж, Ярофейка, по той же чичуйской памяти с перекупных со штидесят пупков соболевых десятой шесть пупков соболевых взято.

Да у него ж, Ярофейка, с промышленой с ленской покупки нынешняго 157 [1648] году з десяти соболей с пупки и с хвосты за продавцов с их промыслу за промышленных людей десятой пошлыны соболь с хвостом и с пупком взято.

Да у него ж, Ярофейка, с тех же остальных з десяти соболей, по оценке с одиннатцати рублёв с осми алтын з дву денег, за десятую пошлину, за рубль за четыре алтына з деньгою, десятой соболь с пупком и с хвостом взято.

Да у него ж, Ярофейка, с промышленой покупки с трёх соболей с хвосты, по оценке с трёх рублёв з дватцати с пяти алтын, за продавцов с их промыслу за промышленных людей и с него, Ярофейка, перекупной десятой пошлыны, за дватцать за пять алтын, соболь с пупком и с хвостом взято.» [6]

В другой книге за 157 [1648-1649] год записано:

«Того ж дни [17 января 1649 г.] у торгового человека у Ярофейка Павлова Хабарова с промышленой покупки нынешняго 157 [1648—1649] году, с одиннатцати соболей с хвосты, по оценке с трёхнатцати рублёв з дватцати с пяти алтын, за продавцов за промышленных людей взято у него, Ярофейка, записной пошлыны тринацать алтын полпята деньги.» [7]

В третьей книге за этот же 157 [1648—1649] год записано об этом же с небольшими отличиями. [8]

Ещё в одной отписке Семёна Чуфариста воеводе Францбекову, которая будет приведена ниже, снова сообщается, что Хабаров убыл в Илимский острог и обратно не возвращался.

Приведённые наказные памяти воеводы Д. Францбекова свидетельству-

ют о том, что хотя бы до 25 февраля 1649 года не было никаких признаков о подготовке к амурскому походу. Когда у Ерофея Хабарова впервые зародилась мысль о походе на Амур и с кем обсуждал он своё намерение, мы никогда не узнаем. Но ясно, что такой замысел появился не внезапно, а вынашивался, как говорится, продолжительное время. Мы можем проследить лишь внешнюю сторону событий.

Ерофею Хабарову была вручена наказная память, в которой сказано, что хотя поход состоится по его челобитью, но он является не частным делом, а проводится по государеву указу.

«Пета 7157 [1649], марта в 6 день, бил челом государю [А. М.] старой опытовщик Ерофейко Павлов сын Хабаров, а в челобитье своём сказал:

В прошлых де годех по государеву указу посыланы были на государеву службу на Лавкая да на Батогу при стольнике и воеводе Петре Петровиче Головине писменной голова Еналей Бахтеяров да с ним служилых людей семьдесят человек, и они де до тех князцов не дошли, а ходили де по Витиме, а не по Олёкме, прямые дороги не знали. А давано де было из государевы казны государево денежное и хлебное жалованье и порох, и свинец, и пищали.

И государь бы ево, Ерофейка, пожаловал: велел с ним охочим служилым и промышленным людям итить, которые похотят, без государева жалованья. А он де им на полтораста человек, или сколько может набрать, на ссуду станет давать хлеб и всякие запасы, и суды, и судовые снасти.

А будет де государевым счастьем под государеву царскую высокую руку приведут Лавкая и Батогу или иных каких захребетных неясачных людей, и государю де в ясачном сборе будет прибыль большая.» [9]

Таким образом, согласно челобитью Хабарова, поход не был чем-то новым, а представлял собой предложение выполнить то, что пытались неудачно сделать ещё при воеводе Головине. Но теперь Хабаров предлагал исполнить это необременительным для казны способом, за счёт его ссуды.

Далее в наказе изложены действия, которые обычно предписывались в наказах всем сибирским воеводам при приведении неясачных людей под высокую государеву руку. Поскольку сказано, что эти действия должны проводиться «по государеву указу», то это означает, что они имеют не частное, а государственное значение, хотя некоторые историки утверждают, что государственное значение походу Хабарова было придано лишь при втором его приходе на Амур. То, что поход проводился на деньги Хабарова, а не на государственные, дела не меняет.

«И по государеву [А. М.] указу воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов велели ему, Ерофейку, итти, и с ним охочим служилым и промышленным людям, сту тритцати человеком, которые похотят без государева жалованья итти по Олёкме и по Тутирю рекам, и под волок Шилской, и на Шилку, на государевых непослушников, которые государю непослушны и непокорны, и ясаку с себя и с улусных людей не платят, на Лавкая и на Ботогу, и на улусных их людей для государева [А. М.] дела, ясачногобору и для прииску новых земель.

И дорогою итти им бережно, сторожливо, и на станех ставитьца с карау-

лом, чтоб, пришед, иноземцы над ними какого дурна не учинили. И дошед Олёкмою рекою и по Тутирю реке до волоку или до Шилки, домышляючи, где пригоже острог поставить, и укрепить велети тот острожек всякими крепостями накрепко, чтобы в том острожке, будучи для государева ясачного сбора, от приходу немирных неясачных людей было безстрашно и без боязни.

И ходить ему, Ерофейку, с охочими с служилыми и с промыслеными людьми, которые с ним будут, из того острожку в походы на Павкаю и на Батогу, и на иных неясачных захребетных людей, которые ко государьскому величеству непослушны и непокорны, и говорить им, чтоб они были под государевою [А. М.] высокою рукою в вечном ясачном холопстве, навеки неотступны, и ясак бы они, Лавкаю и Батого, с себя и с своих улусных людей давали.

А для тех непослушников неясачных людей, Лавкаю и Батогу, и их улусных людей имати вожей, выбйрая из тунгуских ясачных иноземцов знающих людей добрых, сколько человек пригоже, чтоб кто знал, где провожати и указывати руским ратным людям на неясачные места, где кто живёт по кочевьям.

А будет они, новоземцы Лавкаю и Батого, и их улусные люди, и иные неясачные захребетные люди под государевою [А. М.] высокою рукою будут послушны и покорны, и ясак с себя и с своих улусных людей по вся годы платить учнут, и им, Лавкаю и Батого, с своими улусными людьми жить на прежних своих кочевьях без боязни, и велит государь их оберегать своим государевым ратным людям.

И того Лавкаю и Батогу, и иных лутчих людей по их вере привести к шерти на том, чтоб им быть со всем своим родом и с улусными людьми под государевскою [А. М.] высокою рукою навеки неотступно в прямом ясачном холопстве, и ясак государев с себя и со всех родов давати по их мочи по вся годы безпереводно.

А которого роду тех новых неясачных людей и кого именем к шерти приведёте, и тех лутчих людей имена у себя записывати в книги. А приветчи их к шерти, взять в аманаты у них лутчих людей, чтоб впредь с тех родов государев ясак и поминки были за кем имати по вся годы.

А Лавкаю и Батого и их улусным людям и иным захребетным неясачным людям заказывати накрепко, устраивая государевою грозою и смертною казнию, чтоб они торговых и промысленных людей грабить и побивать, и ничем теснить и изобижать не велели.

А будет те новые неясачные люди учинятся непослушны, государева ясаку и аманатов давати не учнут, и ему, Ерофейку, с служилыми и с промыслеными людьми, прося у Бога милости, над ними поиск чинить и промыслять войною со всеми служилыми и промыслеными охочими людьми, чтоб их, немирных неясачных людей, Лавкаю и Батогу, и их улусных людей, и иных захребетных неясачных людей ратным обычаем, войною, смирить.

А в аманаты б у них лутчих людей изымать, под кого б мочно впредь ясак на государя собирать. И смотря по тамошней мере, всякими мерами промыслять над новоземцы, над Лавкаем и над Батогой, и над иными не-

ясачными людьми с великим радением, неоплошно, чтоб государеве ясачной казне учинить немалая прибыль, и которая б государю впредь прочна была и стоятельна, а себя б за ту службу видеть в государеве жалованье.

А однолично б тебе, Ерофейку, государевым делом радеть, под государеву царскую высокую руку Лавкая и Батогу, и иных неясачных непослушных людей, которые государю ясаку не платят, приводить и смирать, прося у Бога милости, ратным обычаем, войною, безвестным тайным приходом.

И на государя с них ясак имати: соболи и шубы соболями, и ожерелья, и пластины соболями, и наполники соболями; и лисицы чёрные, и чернобурые, и бурые, и чёрночеревые, и красные; и шубы горносталя, и бобры, и выдры.

А у которых будет неясачных людей степные места, а не лесные, а в тех степных местех соболей и лисиц, и бобров, и выдр нет, и с тех людей имати иными какими зверми или узорочными товары, что у них в земле есть: золото или серебро, или камки, или камень дорожное, по их изможенью.

А за тем бы они не роздумывали, что для своей ясачной звериной скудости им не быть под государевою высокою рукою. И им бы однолично ни в чём в том не опасаться, и впредь бы государю прочно было и стоятельно, а им бы, новым людям, не в тягость и не в налог, чтоб их тем от царские руки не отгонить.

А будет они, Лавкай и Батога, ясаку с себя и с улусных своих людей платить не учнут, и под государевою [А. М.] высокою рукою в вечном холопстве быть не захотят, и на них, Лавкая и Батогу, и на иных неясачных людей, прося у Бога милости, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов будут сами, собрався со многими большими ратными людьми, и велят их всех побивать, и вешати, и разоряти. А повоевав дооснованья, жон их и детей в полон возмут.

А будет они, неясачные люди, государю покорны и послушны во всём будут, и тех людей по тому ж приводить по их вере к шерти, чтоб они однолично были под государевою высокою рукою в вечном ясачном холопстве вовеки неподвижно, и ясак бы с себя и с улусных своих людей по вся годы беспереводно платили.

А меж служилыми и промышленными людьми, которые с тобой, Ярофейком, охочие люди будут, расправа чинить, смотря по вине, и от всякого дурна унимать.

А будет которые служилые и промышленные люди учнут тебе, Ярофейку, челобитные подавать по кабалам или в исках, и тебе по кабалам и в исках челобитные принимать и записывать, а не судить, имать по истце и по ответчике поручные записи, и челобитные и записи присылать в Якутцкой острог в Съезжею избу, и о том писать к воеводе Дмитрею Андреевичу да к диаку Осипу Степанову.

А как, аже даст Бог, Божию милостию, а государевым счастьем на Шилку перейдёте, и тех новых людей, Лавкай и Батогу, или иных каких неясачных людей, идучи дорогою, по Олёкме и по Тугирю под государеву царскую высокую руку приведёте вновь и ясак с них на 158 [1649-1650] год возьмёте, и аманатов поимаете, и тебе, Ерофейку, с тою государевою ясачною и по-

миночною казною послать в Якутцкой острог сколько человек пригоже, и той государеве казне ясачные именные книги и рекам чертёж, и много ль тем рекам людей живёт, и какие люди. И о том отписать в Якутцкой острог в Съезжую избу к воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да к дьяку Осипу Степанову.

А которые торговые и промышленные люди будут на Олёкме для своих торгов и промыслов, и тебе б, Ярофейку, осматривать их накрепко, и по до-смотру что у них объявитца тунгуской перекупной мяхкой рухляди, и тебе б у тех людей тунгускую перекупную мяхкую рухлядь записывать. А тех людей за поруками отпускать в Якутцкой острог, чтоб они в иные которые города не прошли. И велети им явиться в Якутцком остроге в Съезжей избе к воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да к дьяку Осипу Степанову. А будет у них тунгуской перекупной мяхкой рухляди не объявится, и тебе б их отпу-сцати в Якутцкой острог без задержанья по тому ж, а напрасно не примёты-ваться. И о том о всём писать в Якутцкой острог в Съезжую избу.» [10]

Интересно отметить, что хотя ещё русские не имели соприкосновения с Лавкаем и Батогой и не пытались привести их в подданство, князцы уже заранее называются государевыми непослушниками.

Теперь необходимо было набрать охочих людей. Для этого воевода Францбеков послал память усть-кутскому приказчику Ивану Григорьеву Шуке [он же Шукин, он же Кожин] и чечуйскому приказчику Семёну Чу-фаристу:

«Лета 7157 [1649], марта в 17 день. По государеву [А. М.] указу память усть Куты к Соле пятидесятнику Ивану Григорьеву Шуке да на Чечуйской волок и на Киренгу Семейке Чюфаристу с товарищи.

В нынешнем во 157 [1649] году бил челом государю [А. М.] старой опы-товщик Ярофейко Павлов Хабаров. А в челобитье своём объявил, чтоб го-сударь его пожаловал: велел прибрать служилых и промышленных охочих людей полтора-ста человек, или сколько может прибрать, которые похотят без государева жалованья итти на государевых непослушников по Олёкме и по Тугирю, и по Шилке на Лавкаю и на Ботогу, которые государю непос-лушны и непокорны, и ясаку с себя не платят.

И по государеву указу воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов по его, Ерофейкову, челобитью велели ему, Ерофейку, итти и с ним сту пятидесяти человеком, или сколько может прибрать, охочим лю-дем, которые похотят без государева жалованья на государевых непослуш-ников неясачных людей по Олёкме и по Тугирю рекам, и по Шилке.

И как к вам ся память придёт, и вам бы велеть кликать служилых и про-мышленных охочих людей, которые похотят с ним, Ерофейком, итти на государевых непослушников, на Лавкаю и на Ботогу, без государева жало-ванья. А он, Ерофейко, станет тем охочим скудным человеком давать хлеб и всякие запасы, и суды, и судовые снасти на полтора-ста человек, или сколько может прибрать.

А которые служилые или промышленные люди учнут прибираться итти с ним, Ерофейком, без государева жалованья, и те б люди приходили к вам и челобитные приносили, и имена свои записывали у вас.

К сей памяти воевода Дмитрий Андреевич Францбеков печать свою приложил.» [11]

По состоянию на 17 марта 1649 года в Илимском остроге уже были набраны охочие люди, о чём свидетельствует запись в воеводском счётном списке о расходе вина горячего:

«По 2 чарки погреб:

Якутским и верхоленским служилым людям, и пашенным, и промышленным людям, которые посланы на государеву службу в Верхоленской острожек, и в Дауры с Ярком Хабаровым, 121 человеку, дано 726 чарок вина горячего на Богоявлениев день [6 января] и на праздник ангела великого государя [А. М.] святого праведного Алексея, человека Божия, [17 марта] и на праздник ангела благоверной государыни царицы и великой княгини Марии Ильиничны. [23 марта].» [12]

Угощали множество народа. Поскольку дано всего 726 чарок, и каждому человеку по 2 чарки, то получается, что дано 363 человекам. Таким образом, из них 121 человек был из полка Хабарова. Однако в других документах указывается меньшее количество человек. Позже имеется ещё одна запись:

Так как каждый охочий должен был подавать челобитную и, кроме этого, должны были готовиться различные казённые бумаги, то на подьячих и писчиков Приказной избы легла большая нагрузка, но с работой они справились успешно, за что были поощрены:

«Да за отпуск в Даурскую землю приказного Ярка Хабарова и служилых и охочих промышленных людей, 2 человеком, Приказной избы подьячим, дано 10 чарок вина, по 5 чарок человеку; да Приказной избы пищиком, 2 человеком, дано 6 чарок вина, по 3 чарки человеку.» [13]

Для оплаты расходов нужны были деньги. Хабаров тут же в Илимском остроге продал соболи. В таможенной книге Илимского острога за 157 [1648-1649] год имеется запись:

«Марта в 20 день продал торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров торговому человеку Еренского городка Осипу Амосову Осколкову по чичуйской памяти своих перекупных десять сороков двенадцать соболей с хвосты.

А десятая с тех соболей взята на Ленском волоку в Ылимском остроге в нынешнем во 157 году, генваря в 17 числе, в таможе мяхкою рухлядью сполна. А взял за те соболи пятьсот дватцать три рубля дватцать пять алтын. Записной пошлыны с продавца — пятнатцать рублём дватцать три алтына полпяты денги.» [14]

В этот же день Хабаров уплатил годовой оброк, о чём сделана запись в книге сбора оброчных пошлын:

«Марта в 20 день [1649 г.] с торгового человека Ярофейка Павлова Хабарова да с промышленных людей з Гришки Григорьева важанина, с Митьки Микитина Бухрякова, с трёх человек, дватцать восемь алтын взято.» [15]

Об отправке Хабарова в Дауры Дмитрий Францбеков и Осип Степанов послали отписку в Москву.

«В нынешнем, государь, во 157 [1649] году, марта в 6 день, бил челом тебе, государю [А. М.], а в Илимском остроге в Съезжей избе подал нам, холопом

твоим, челобитную за своею рукою старой опытовщик Ерошка Павлов сын Хабаров, чтоб, государь, ты его пожаловал: велел ему служилых и промышленных охочих людей, которые похотят без твоего государева жалованья, сто пятьдесят человек, или сколько может, прибрать.

А на подмогу тем твоим государевым служилым и промышленным людям хотел готовить он, Ерошка, свои хлебные запасы и суды, и судовые снасти, и порох, и свинец, и пищали. Да с теми служилыми и промышленными людьми хотел он, Ерошка, итить на твою государеву службу на новую землю по Олёкме реке на князцей на Павкая да Болтогая и на их улусных людей.

И мы, холопи твои, того Ерошку Хабарова да с ним служилых и промышленных охочих людей, а он, Ерошка Хабаров, дав подмогу денгами и хлебными запасы, и суды-дощеники, порох и свинец, отпустили на твою государеву службу на новую землю на тех князцей, на Лавкая и на Болтогая, и на их улусных людей.

А велели мы, холопи твои, тому Ерошке Хабарову по наказу тех князцей Лавкая и Болтогая и с их улусными людьми призывать не боем, а ласкою под твою государеву царскую высокую руку, чтоб они были в твоём государеве в вечном ясачном холопстве вовеки неподвижно и твой государев ясак, соболи и лисицы, с себя и с улусных своих людей давали тебе, государю, по вся годы безпереводно.

И будет, государь, Божию милостию и твоим государским счастьем тот Ерошка Хабаров, приехав в тоё новую землю, тех князцей Лавкая да Болтогая с их улусными людьми под твою государеву царскую высокую руку вместо твоего государева крестного целованья по их вере к шерти приведёт, и в твоём государеве в вечном ясачном холопстве учнут быти вовеки неподвижно, и ясак тебе, государю, платити по вся годы беспереводно станут, и мы, холопи твои, о том к тебе, государю, отпишем.

А наперёд сего в тоё новую землю для тех князцей Лавкая да Болтогая посылали не по одно время писменных голов Василья Пояркова да Еналея Бахтеярова, а с ними служилых многих людей. А твоё государево денежное и хлебное жалованье, и порох, и свинец, и пищали даваны из твоей государевы казны. И они до тех князцей до Лавкая да до Болгатая [так в тексте — Г. К.] не дошли. А ходили де они по Витиму, а не по Олёкме, прямой дороги не узнали. И в твоём государеве в денежном и в хлебном жалованье, и в свинцу, и в пороху учинилася многая убыль.» [16]

Здесь воевода не совсем точен: Василий Поярков ходил не по Витиму, а по Алдану и его притокам.

Такого же содержания документ имеется в фонде 214, ст. 361, л. 522, но в нём недостаёт последних двух абзацев. Кроме того, что особенно важно, не совпадает дата: вместо 6 марта там написано 29 марта.

В расходной книге Илимского острога имеется запись:

«По приказу воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова для государевой новой даурской службы приказному человеку Ярафею Хабарову — тритцать пищалей глатких, пять пуд зелья, свинцу тож.» [17]

Итак, подготовка к амурскому походу уже шла полным ходом. А между

тем ещё не сменённый в Якутском остроге воевода В. Н. Пушкин требовал выслать туда Хабарова «в государеве деле», за незаконное винокурение. Служилый человек Чечуйского волока Семён Чуфарист послал об этом отписку Дмитрию Францбекову:

«Царя [А. М.] воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да дьяку Осипу Стефановичю Семейка Чюфарист с товарищи да целовальник Петрушка Иванов челом бьют.

В нынешнем во 157 [1649] году указано мне, Семейке, от воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи о торговом человеке об Ярофейке Хабарове, что ево, Ярофейка, выслать в государеве деле в Якутской острог за порукою. А буди по нём, Ярофейке, поруки не будет, и ево послать за приставом. А в нём, Ярофейке, в Якутском остроге стоят на правеже порутчики.

И как яз, Семейка, приехал из Якутсково острогу на Чичуйской волок, и он, Ярофейко, [с]шёл на Илимской волок до моево, Семейкина, приезде.» [18]

На обороте отметка о подаче: «Апреля в 15 день подал отписку служилой человек Мишка Крылов»

Но теперь для воеводы В. Н. Пушкина Хабаров был уже недосыгаем. Но у Ерофея были долги перед казною, которые записали на его брата Никифора:

«Маия в ... день, по приказу воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи взяти в государеву казну на промышленном человеке на Никифорке Павлове Хабарове вместо брата его Ярка Хабарова, что прикащик его Михалко Пивоваров вместо брата его Ярка Хабарова взял взаймы государевы ржи шездесят пуд на Чючуйском волоку у служилого человека у Оксёнка Пысолова, которую оставил в прошлом во 152 [1644] году служилой человек Безсонко Сидоров, к зачёту переёмной ржи прошлого 154 [1646] году к сорoku девяти пудам к двенатцати гривенкам к дватцати к одному золотнику с полузолотником, в зачёт в тех в шездесят пуд, достальной хлеб, десять пуд дватцать семь гривенок семьдесят четыре золотника с полузолотником муки ржаной.» [19]

Итак, встреча Ерофея Хабарова с воеводой Дмитрием Францбековым произошла в Илимске, а у С. В. Бахрушина почему-то написано: «Он [Хабаров — Г. К.] поспешил выехать навстречу к воеводе, и в марте 1649 года на Олёкме подал ему челобитную, <<а в челобитье своём написал, что ему, Ярке, итти по Олёкме реке вверх на Шилку реку>>.» [20]

Спрашивается: откуда выезжал? Зимой, в марте, без разрешения пошёл на Амур, случайно встретил воеводу на Олёкме и подал челобитную? На Олёкме ни один воевода никогда не бывал. Кроме того, воеводам было строжайше запрещено ездить в Якутск на воеводство зимой.

Когда Хабаров выехал из Илимска на Лену, точно неизвестно. Известно лишь, что он выехал на Лену раньше Францбекова.

По одной челобитной известно, что 1 мая 1649 года Хабаров был пока что в Илимском остроге:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой государев, Ярофейко Хабаров.

В нынешнем, государь, во 157 [1649] году отдал мне, холопу, торговой человек Семенька Марков дворового человека своего Митьку Алексева на

два годы, итти со мною, Ярафейком, на твою государеву службу и велел работа ему работать на меня. А тот Митка от нево, Семёна, збежал своим самовольством и с кабальной Семёновою жёнкою. А живёт де ныне на Лене реке по заимкам.

И в том он, Семён, в дворовом человеке память дал мне, Ярафейку, что ему итти со мною на твою государеву службу. А жёнку он, Семён, ту кабальную приказал оставить на Лене до своего приказа. И что какова борошню и живота сносново ево, Семейкина, сыщетца, и то у тоё кабальной бабы ево оставить.

<...> Вели, государь, тово Митьку на Лене реке, где будет живёт, сыскать, чтобы ево с собою взять на твою государеву службу в Дауры.» [21]

На обороте челобитной помечено: «157 [1649] году, мая в 1 день, подал челобитья Ярафейко Хабаров. И против челобитья дана ему, Ярафейку, память.»

В памяти написано:

«Сей памяти слово в слово.

Память Семейке Маркову в том, что дал яз, Семейка, дворового человека своего Митьку Алексеева торговому человеку Ярафею Павлову Хабарову, итти с ним, Ярафеем, на государеву службу, куды он, Ярофей, [и]дёт. А от дан на два годы не в куплю, не в продажу.

А жить ему, Митьке, у нево, Ярафея, и дорогою итти, всякия работа работать на нево, Ярафея, беза всяково ослушанья.

А как он, Ярафей, тово Митку сышет и возьмёт к себе, и у нево, Митки, всякой борошень переписать, и муки, что есть, оставить у моей кабальные бабы. А жёнку оставить у добра человека, кому можно верить, и приказать до меня.

А как он, Ярофей, придёт з государевы службы, и тово мне человека х себе взять.

А за работу на нём, Ярафее, взять, смотря по его, Митькине, работе и промыслу. А за то ево, Митьку, о[т]даю ему, Ярафею, что он, Митька, от меня бегаёт и не слушает, и живот изворовал.

Писал память Семейка своею рукою.

Лета 7157 [1649] году, апреля в 18 день.» [22]

На обороте памяти: «К сему Ерофи[й]ко Павлов руку приложил.»

Из этой челобитной следуют важные выводы:

Во-первых, Хабаров называет себя «холопом», а не «сиротою». А это означает, что он уже себя причисляет к сословию служилых людей, а не торговых и не пашенных крестьян.

Во-вторых, Хабаров находился в это время в Илимском остроге, и у него ещё был какой-то запас времени до отплытия, в течение которого он надеялся найти Митьку Алексеева. В противном случае просто не было бы смысла подавать эту челобитную.

В третьих, Семён Марков отдавал Митьку Алексеева на два года. Видимо, Хабаров рассчитывал, что за это время поход завершится.

Документов о том, был ли найден Митька Алексеев, нет, но в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца среди служилых людей и вольных охо-

чих казаков, прибывших на Амур с Хабаровым в первом приходе, записан Митька Алексеев Кочкин.

А. Алексеев писал: «В конце марта 1649 г. отряд Хабарова вышел из Илимского острога и всё лето провёл в пути.» [23]

Когда выехал Хабаров из Илимска точно не известно, но 5 мая 1649 года он с охочими людьми находился на устье Куты. Об этом свидетельствует запись в книге расхода вина:

«По приказу воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова [людям], которые идут на государеву службу в Дауры с Ярафеем Хабаровым:

Ивашку Посохову
Ивашку Игнатьеву
Костьке Яковлеву
Захарке Кузьмину
+Максимку Иванову
Тимошке Максиму
+Дёмке Лукьянову
Логинку Ярофееву.» [24]

В книге записано, что выдача проводилась «мая в 5 день на усть Куты для ангела благоверной государыни царевны и великой княжны Ирины Михайловны», т. е. сестры царя Алексея Михайловича. Запись эта сделана задним числом в книге Якутского острога за 158 [1650] год. Но проводилась она в 1649 году. Это подтвердил сам Иван Посохов, который был в амурском войске подьячим, при расспросе его 1 сентября 1652 года приехавшим в амурское войско московским дворянином Дмитрием Зиновьевым:

«В роспросе сказал Иван Посохов: пришёл де он, Иван, вместе с Ярком Хабаровым в прошлом во 157 [1649] году.» [25]

Кроме того, отмеченные в этом списке значком + упомянуты в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца среди служилых людей, пришедших с Ерофеем Хабаровым. [Ф. 214, ст. 556, л. 55.] В дальнейшем мы будем часто ссылаться на этот список, а полностью он приведён в главе об Онофрие Степанове Кузнецке.

В упомянутой книге раздачи вина есть ещё одна запись:

«Даурщикам:

Ярофейку Хабарову три чарки вина,
+Тимошке Исакову
+Петрушке Данилову
Васке Кузьмину
Ивашку Семёнову
Михейку Офонасьеву
Ваське Гарасимову
+Кондрашке Иванову,
семь чарок вина.» [26]

А дата прибытия Францбекова на Лену известна. Забегая вперёд, скажем, что на Францбекова были поданы жалобы. Для ведения сыска по ним в Якутск был послан летом 1651 года новый воевода Иван Павлович Акин-

фов. Он допрашивал многих людей. В числе прочего эти люди сообщили также и некоторые сведения об отъезде Хабарова в Дауры.

«По государеву [А. М.] крестному целованью в допросе перед стольником и воеводою перед Иваном Павловичем Акиньевым промышленной человек Харитонко Лвов вычегжанин сказал вправду:

«...» А как он, Дмитрий Францбеков, приплыл на Чичюйской волок, и в то время пашенной крестьянин Ярко Хабаров [с] своими полчаны у торговых и у промышленных людей суды и запас сильно имал.

И пошёл он, Ярко, с теми людьми вверх по Олёкме реке. А по государеву ли указу и по Дмитрееву ли приказу Ярко Хабаров у торговых и у промышленных людей суды имал, про то я, Харитонко, не ведаю.» [27]

Такие же показания давал Ерёмка Иванов сын Лысковец, крестьянин боярина Бориса Ивановича Морозова:

«А что в прошлом во 157 [1649] году им он, воевода Дмитрий Францбеков, велел пашенному крестьянину Ярку Хабарову на заимках и на Чичюйском волоку у промышленных людей хлебные запасы имать, и то я дело ведаю, потому что я в то время был на заимках на Чичюйском волоку.

А больши того я не ведаю. То мои и речи. А речи писал я, Ерёмка, своею рукою.» [28]

Подьячий Съезжей избы Анкидин Титов сказал:

«Как в прошлом во 157 [1649] году воевода Дмитрий Францбеков ехал на государеву службу на Лену, и как лёд скрылся, и он де, Дмитрий Францбеков, поплыл с усть Муки реки в Якутцкой острог. И приплыл де на усть Куты реки мая в 15 числе. А дьяк де Осип Степанов приплыл на усть Куты реки после его, Дмитрея.» [29]

Промышленный человек Мишка Колесов сказал:

«Поплыли Дмитрий Францбеков и дьяк Осип Степанов, и все торговые люди с усть Куты вниз по Лене реке. И как приплыли на Чечюйской волок к Панку Пашенному на заимку, и в то время Ярко Хабаров со своими полчаны у промышленных людей хлебные запасы имали сильно. И то я, Мишка, видял.

А хто ему, Ярку, велел те хлебные запасы имать, Дмитреевым ли наученем Францбекова, или нет, и я того, Мишка, не ведаю. А пошёл он, Ярко, с теми хлебными запасы по Олёкме реке.» [30]

Заимка Панька Пашенного, иначе Панфилки Яковлева, это — теперешний Чечуйск. Здесь постоянно жил брат Панфилки Яковлева Федька Яковлев.

Промышленный человек Титко Ларионов пинежанин сказал:

«И пашенной Ярко Хабаров [с] своими полчаны хлебные запасы имал з большею налогою и покручеников он, Ярко, крутил.» [31]

Подоспевший Дмитрий Францбеков оказал Хабарову помощь. Это отмечено в выписке Сибирского приказа:

«Да он же, Дмитрий, приехав на Чичюйской волок, имал сильно у промышленных людей хлебные запасы и суды, и с теми запасы отпустил по Олёкме реке государева пашенного крестьянина Ярка Хабарова, собрав промышленных людей с ним, Ярком, вместе из воли, что соболей добудут.

А с Чечюйского волоку воротил многих торговых и промышленных лю-

дей в Ленской острог, человек с шездесят, для своей бездельной корысти. И в Ленском остроге сажал их в тюрьму, и батоги бил насмерть.» [32]

Получается, что, вопреки своему обещанию, Хабаров не смог полностью обеспечить своих полчан хлебными запасами и судами. Неизвестно, когда покинул Чечуйский волок Хабаров, но по всем признакам примерно в конце мая. Сам Францбеков писал:

«В нынешнем, государь во 157 [1649] году, мая в 14 день, поехали мы, холопи твои, с усть Муки реки на твою государеву службу в Якутцкой острог.» [33]

И далее:

«А сказали нам, холопом твоим, что в нынешнем, государь, во 157 [1649] году, мая в 16 день, судом Божиим по великой реке Лене на усть Куты реки в Усолье пришла сверху большая вода ночью на твою государеву соль, пятнадцать тысяч пуд водою всё потопило в анбарех.» [34]

Как потом выяснилось, Францбеков дал ложное описание происшествия, но в данном случае для нас важно, что 16 мая он был ещё на устье Куты. В это же время там был Никифор Хабаров, о чём свидетельствует поданная на него жалоба о неуплате долга:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, гостиной сотни торговой человек Мелентейко Максимов.

Жалоба, государь, мне на промышленного человека на Микифора Павлова Хабарова.

Взяти, государь, мне на нём, Микифоре, по кабале займов брата ево родново Ярафея Павлова сына Хабарова тридцать рублёв денег истины, да росту на те заёмные деньги после сроку 156 [1648] году с Петрова заговейна по нынешнее число 157 [1649] году на пять шестой. И тот Микифор по кабале денег мне, холопу твоему, не платит, неведомо за что.

<...> Вели, государь, мне на того Микифора по той кабале в тех деньгах, в ыстине и в росту, дать свой царской суд и управу.» [35]

Истина — это сумма занятых денег, а рост — проценты («на пять шестой» — 20%), начисляемые после истечения срока уплаты долга.

На обороте челобитной воевода написал: «157 [1649], мая в 29 день. Поставить к суду. Ответчик сказал: такова кабала есть и по ней платить. Дати выпись на правёж.»

Слишком поздно хватился торговый человек. Ерофей Хабаров уже уплыл, а воевода, получается, был в это время ещё на устье Куты. Отъезд затянулся. Но воевода ещё догнал Хабарова на Чечуйском волокe.

Расстояние от устья Куты до Чечуйского волока составляет 375 километров. Сколько времени ушло на этот путь, неизвестно. Во всяком случае, получается, что воевода догнал Ерофея Хабарова на Чечуйском волокe уже в июне. Неизвестно также, плыл ли Хабаров до устья Олёкмы вместе с Францбековым или отдельно. Скорее всего, отдельно.

На устье Олёкмы Дмитрий Францбеков встретил якутских служилых людей, которые были посланы ещё ранее воеводами Василием Пушкиным и Кирилом Супоновым. Вот что писал об этом дьяк Пётр Стеньшин в Сибирский приказ:

«В прошлом, государь, во 157 [1649] году писал к тебе, государю, с Лены из Якутцкого острогу воевода Василей Пушкин да Кирило Супонев, да я, холоп твой, что в прошлом, государь, во 155 [1647] году посылали мы, холопи твои, из Якутцкого острогу вверх по Лене реке до Олёкмы, а с Олёкмы Олёкмою рекою до Тугирия реки, и Тугирем рекою до камени, которой камень промеж твоей государевы земли и Даурской, тех государевых служилых людей, ленских казаков, Берёзовского города пятидесятника Василья Юрьева да Енисейского казачья десятника Алексея Оленя с служилыми людьми. А велено им про ту Даурскую землю проведать подлинно.

И те, государь, служилые люди, Василей Юрьев с товарищи, тою Олёкмою и Тугирем реками под Даурскую землю ходили и с камени через хребет з Дауры на Амур, большую реку, служилых людей посылали, и про Даурскую землю, и про Амур, великую реку, проведывали подлинно. А сами они в Даурскую землю, зачем будет, не ходили, и тебе, государю, не служили.

И про то мы, холопи твой, не ведаем, потому что в том же во 157 [1649] году с весны по первой полой воде с Ленского волоку по твоему государеву указу плыл в Якутцкой острог воеводам Василью Пушкину да Кирилу Супоневу на перемену воевода Дмитрией Францбеков, а мне, холопу твоему, дьяк Осип Степанов.

А пловучи, государь, тот воевода Дмитрией Францбеков и дьяк Осип Ленского же уезду с хлебных заимок, с Киренги, посылали по той же дороге в Даурскую землю пашенного крестьянина Ярофейка Павлова сына Хабарова устюжанина да с ним промышленных гулящих людей, не доехав к нам в Якутцкой острог, не переменя нас.

А тот Василей Юрьев с товарищи дождались ево, Дмитрея Францбекова, [на] Олёкме и с ним поехали вместе в Якутцкой острог. И в Якутцком, государь, остроге он, Дмитрией, и дьяк Осип ... самовольстве их твою государеву ясачную и десятинную соболиную казну послал их, Василья Юрьева, за твоею государевою соболиною казною к тебе, государю, к Москве.» [36]

Главного не сообщил дьяк Пётр Стеньшин — встретился ли Хабаров с Василием Юрьевым и с Алексеем Оленем. Но из последующих документов следует, что такая встреча была.

Василий Юрьев писал ещё не сменённым якутским воеводам:

«Государя [А. М.] воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю да дьяку Петру Григорьевичю Васка Юрьев челом бьёт.

В нынешнем во 157 [1649] году, марта в 12 день, посылал я, Васка, из Тугирского зимовья служилых людей:

Ларку Барабанщика

Анашку Воробья

Ивашку Осетрова

Марчка Васильева

вверх по Тугирию реке к Ивашку Квашнину в зимовье, а из его Ивашкова зимовья иттить Ларке с товарищи по ево, Ивашковы, чунницы, куда он, Ивашко, тянулся для соболиного промыслу за Шилской волок.

И он, Ларка, пошёл по ево, Ивашковы, чунницы к волоку Шилскому и за волок искать тунгусов и тунгуских аргишниц и новых их, тунгуских,

жилищ, где они живут, и даурских людей, (где они живут), которые приходят от Лавкая князца на соболиной промысел, про которых де сказал в прошлом во 156 [1647—1648] году Иякшаканко.

И он, Ларка, ходил полчетвёрты [3,5] недели, искал тунгусов и даурских людей, и он, Ларка, никаких людей не нашёл. И дошёл до Шилки реки, на которой живёт Лавкай со своими братьями и с родниками, и с улусными людьми.

А шёл он, Ларка, по Шилке реке на низ два плёса, и нашёл даурские признаки: плот у берегу, и смерил тот плот, длины четыре сажени печатных. А делан по-русскому и столбы врублены так же, что и русские, и верёвками вязано конопляными, и вёсла так же, что и русские.

И он, Ларка, от того плота шёл на низ Шилки реки плёсо, и нашёл шлех конской езжено[й], везли вверх по Шилке реке. И по тому месту он, Ларка, смерил Шилку реку, поперёг лду двести сажен печатных, кроме дрествы. А с дрествами де мерил: тоя Шилка река между берегами ино будет пятьсот сажен печатных. А берега де крутые по обеим сторонам Шилки. А по горам де по обе стороны — лес плотной. А соболя и всякого зверя около Шилки много, и кабанов.

И от той Шилки он, Ларка, с товарищи воротился назад, чтобы ему, Ларки, в большие люди не приттить невеликими людьми, чтоб его даурские люди в полон не взяли или не убили. И пошёл он, Ларка, с своими товарищи назад тою ж чунницею, и пришёл к Шилскому волоку. А за волок шед, на стоячем лесу тёс тесал, куды Шилскому волоку быть.

А с Тугиря реки от Ивашкова зимовья иттить Шилского волоку до росох, до той реки, которая река пала в Уру [Урку — Г. К.]. А Ура течёт в Шилку реку. Негрузными нартами два дни налегке шли. А тою рекою мошно ходить вверх и вниз большими судами от тех росох.

И как он, Ларка, приплыл ко мне, Васке, и я, Васка, велел ему, Ларке, расспрашивать у аманата у Аргеуля про тот плот, которой он, Ларка, видел на Шилке реке. И аманат сказал: на том де плоте плавают сверху Шилки реки лелюльские люди с конми. А как де Шилка река осенью станет, и те де люди у Лавкай покупают хлебные запасы и отъезжают назад к себе конми по лду, где они живут. И те де люди хлеба не пашут, а скота у них — коней и коров, и свиней, и овец — много. А промышляют те лелюли соболи и лисицы, и рысей, и росомак, и всякого зверя промышляют много, и кабанов польских много же. А язык у них свой.

А где он, Ларка, вышел на Шилку, и по его аманатским роспросным речам, от того места до усть Уры реки ехать конём половина дни на низ. А от Уры реки ехать на низ Шилки реки день конём до Лавкай, а вверх по Шилке реке ехать до того места, где он, Ларка, вышел на Шилку реку, до лелюль, половина дни конём.

А тот Лавкай живёт промеж Уркойканом и Олдеконом реками. Олдекон пал ниже де Лавкай в Шилку реку. А как де выпловешь Олдеконом рекою на Шилку, и Лавкаев улус видеть.» [37]

Встреча с Василием Юрьевым для Хабарова как нельзя была кстати.

Брат Ерофея Хабарова Никифор на Амур не пошёл, а уплыл по делам в Якутский острог. О нём сделана запись в таможенной книге за 157 год:

«Того ж дни [31 августа 1649 г.] у промышленного человека у Микишки Павлова Хабарова полавочного за гостин двор с приезде прошлого 156 [1648] году, июля з 28 числа, за год за пять недель, по осми денег за неделю, итого два рубли девять алтын две деньги взято.

У него же, Микифорка, избного рубль взято.» [38]

В августе 1649 года воевода Дмитрий Францбеков отправил в Сибирский приказ отписку, в которой, среди прочего, изложил свои намерения о дальнейших действиях по приведению даурских князцов под «высокую царскую руку», а также свои предложения в связи с этим. При этом он называл Даурскую землю, как это было во времена похода Василия Пояркова, Пегой ордой.

«А только будет, Божиею милостию и твоим государевским счастьем, новая земля, Пегая орда, под твою государевскую высокую руку иноземцы приклонятца, и в твоём государевом в вечном ясачном холопстве будет покорны, и место, государь, и от Якутцкого острогу, назад едучи по великой реке Лене вверх против воды, будет водяным путём судами ехати по Олёкме реке, до той Пегой орды недель с пятнатцать.

А ведомо, государь, нам, холопом твоим, учинилось, что вельми место угоднее, хлеб — пшеница, ячмень овёс, пшено сорочинское, — овощу, яблоко в поле, что садовые, и вишни, и орехи, и всякой овощ, всё по-руски много родитца, зверей и соболей, и лисиц, и бобров, и выдр, скотин: лошадей и коров, и овец, земля обетованная, всем изобилием исполнена.

И по челобитью к тебе, ко государю [А. М.] старого опытовщика Ерошки Хабарова послали мы, холопи твои, под ту Пегую орду с охочими с промышленными людьми з заводом с ево, Ерошкиным, хлебным запасом и судами, и со всею судовою снастью, бес твоего государева жалованья. А велели той Пегой орды иноземцов призывати под твою государевскую высокую руку ласкою, а не боем.

И будет, Божиею милостию и твоим государевским счастьем, приклонятца к твоей государевской милости, и мы, холопи твои, на весну во 158 [1650] году хотим мы, холопи твои, под ту Пегую орду, чтоб тех иноземцов подвести под твою государевскую высокую руку, послать из Якутцкого острогу человек со сто служилых людей. Да х тому только приберётца с триста человек промышленных людей.

А будет, Божиею милостию и твоим государевским счастьем, под твою государевскую высокую руку поручитца, и для таких твоих государевых многих служб и новых ясачных иноземцов, и твоего государева ясачного соболиного збору в Якутском остроге надобно с тысячу человек служилых людей в одном месте тут, в Пегой орде, для твоего государева ясачного соболиного збору и для пашенново заводу надобно триста человек.» [39]

Эта отписка шла почему-то очень долго. На обороте листа 367 отметка о подаче: «159 [1651], генваря в 1 день, подал ленской сын боярской Григорей Демьянов.»

Видимо, отправка пополнения на Амур была ранее согласована с Хабаровым.

После чтения приведённых выше документов можно ли согласиться с

утверждением безымянного автора, который в книге «Амур — река подвигов», изданной в Хабаровске в 1983 году (под этим названием вышло несколько книг разного содержания), писал:

«Легендарные слухи о богатствах приамурской земли вызвали прилив новой энергии у предприимчивого и вольнолюбивого Хабарова. Он решает навсегда уйти от постоянных притеснений якутских воевод и основать новое дело на Амуре.» [40]

Весной 1650 года Ерофей Хабаров с Амура прибыл в Якутский острог и сообщил воеводе вести о своём походе. Об этом Дмитрий Францбеков и Осип Степанов отправили в Москву обширную отписку:

«В прошлом, государь, во 157 [1649] году, марта в 29 день, писали мы, холопи твои, наперёд сего к тебе, государю, что по челобитью старого опытовщика Ярка Павлова Хабарова отпустили мы, холопи твои, иттить на твою государеву службу на новую землю по Олёкме реке на князя Лавкая да на Батогу и на его улусных людей, да с ним служилых и промысленных охочих людей семдесят человек. А деньгами и хлебными запасы, и суды, и ружьём, и зельем, и свинцом ссужал и давал он, Ярко Хабаров.

А велели мы, холопи твои, тому Ярку Хабарову по наказу, тех князей Лавкая и Батогу, и с их улусными людьми призывати ласкою под твою государеву царскую высокую руку, чтоб они были в твоём государеве в вечном в ясачном холопстве вовеки неподвижны, и твой бы государев ясак, соболи и лисицы, с себя и с улусных своих людей давали тебе, государю, по вся годы безпереводно.» [41]

Обратим здесь внимание, что количество людей, отпущенных с Хабаровым, здесь указано в два раза меньше, чем в приведённом ранее счётном списке.

Далее в отписке сообщается:

«И в нынешнем, государь, во 158 [1650] году, мая в 26 день, пришёл к нам, холопом твоим, в Якуцкой острог он, Ярко Хабаров. А сказал, что шёл де с своими охочими людьми Олёкмою рекою и до места не дошёл, зазимовал на усть Тугире. А с усть Тугиря пошёл на нартах вверх по Тугирю с Офонасьева дни [18 января] нынешняго 158 [1650] году, и дошли дорогою до князь Лавкаевых улусов. Город и улусы все пусты.

А в том городе пять башен. А около того города построены крепости большие, рвы глубокие, и с подлазами под всеми башнями, и тайники к водам. Да около того ж города обошла речка и пошла на Амур. А в городе проезжие одни ворота. В городе устроены светлицы на каменное дело, окна большие колодные, в вышину по два аршина, а поперёг де полтора аршина, и окончины бумажные, а бумагу делают сами. А в одной, государь, светлице живут человек по шестидесят и больше.

И только б на них не страх Божий напал, ино было и подумать нельзя, и не такими людьми такие крепости имать, и то, государь, учинилось Божию милостию и твоим государским счастьем, Бог объявил и поручил под твою царскую высокую руку новую землю.

Да он же, Ярко, из того Лавкаева города пошёл вниз по Амуру, для того чтоб им поймать аманатов. И дошёл де он, Ярко, до другого города. И тот

город и улусы пусты ж. А в городе — пять башен. И около того города устроены крепости большие и рвы глубокие, и с подлазами под всеми башнями, и тайники к водом около тоже устроены. А тод де, государь, город зятя его, князь Лавкаева.

Да он же де, Ярко, из того другого города пошёл подле низ ж Амур реку, чтоб ему поимать аманатов же. И дошёл де он, Ярко, до третьего города. И тот город и улусы пусты ж. А в городе — четыре башни тож, крепости, рвы и подлазы, и тайники к водом устроены ж. И он де, Ярко, в том городе с ратными охочими людьми стал и караул на городе учинил.

И того ж де дни увидели с города караулишки: приехали на конех пять человек. Караулишк ему, Ярку, сказал, и он де, Ярко, велел толмачю Логинку у тех людей спросить, какие они люди. И один де из них, стар человек, и сказался, что он князь Лавкай с двумя братьи да с зятем, да холоп их. И учал де князь Лавкай у толмача у Логинка спрашивать: какие вы люди и откуды пришли.

И Логинко де толмач сказал для ево, Лавкаевы, поимки промышленными людьми: пришли де с ним торговать и им де привезли подарки многие. И тот де Лавкай стал ему, толмачю, говорить, что де ты обманываешь, мы де вас, казаков, знаем. Прежде вас был у нас казак Ивашко Елфимов Квашнин, и тот де нам сказал про вас: идёт пятьсот человек, а после де тех людей идут иные многие люди, а которые де всех нас побить и животы наши пограбить, и жён, и детей в полон поимать. Потому де он, Лавкай, с братьями и с зятем из своих родов и с улусными людьми разбежались.

И он де, Ярко, толмачю Логинку у того князя Лавкай велел допросить: для чево к нему Ивашко приходил. И князь Лавкай в допросе сказал: приходил де тот Ивашко по Амазару реке к ево, Лавкаевым, улусным людям, к тунгусом, которые на него, Лавкай, рыбу ловят. А приходил де тот Ивашко казак к тунгусом, трое тунгусы, да он, Ивашко, четвёртой человек. И они де ему, Ивашку, дали в подарки, его, князь Лавкаевы, улусные люди, пятьдесят соболей и велели отвезть к нему, Ярку. И его де на конех от улуса в улус возили. И он де, Ивашко, подарки им давал: котлы и топоры, и ножи. И они де у него, Ивашка, не имали, а имали только один одекуй. А дав де подарки, и его, Ивашка, отвезли честно. А соболей де у них ныне нет, а как де они сего году давали болше князь Богдою, а досталь дали в подарках казаку Ивашку Квашнину.

Да он же, Лавкай, сказал, что де на усть Амазару реки были русских три человека, его ж, Ивашка Квашнина, товарищи, и имали с его, Лавкаевых, тунгусов соболи в подарки. А сколько они имали, того де он, Лавкай, подлинно не ведает.

И он де, Ярко, велел толмачю Логинку сказать ему, Лавкаю, чтоб он, Лавкай, давал ясак тебе, государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всей Руси, всея Руския земли и иных многих государств государю и обладателю. И его де, Лавкай, и братьи его, и князей Шилгиней и Гилдегу, которые живут промеж Амуру и Шилима рек в дву городах, станут оберегать. И он де, Лавкай, ныне живёт с ними вместе, потому что де один их род. И братья де Лавкаевы и зять говорили, что де им за ясак стоять не за

что. А князь Лавкай говорил, что де ещё посмотрим, каковы люди. И сам де он, Лавкай, с братьями и с зятем от города прочь поехали.

И он де, Ярко, за ним, Лавкаем, пошёл, чтоб где его, Лавкая, и с братьёю, и улусных людей сойти, и в аманаты взять. И шёл де он, Ярко, от того третьего города день, и дошли до четвёртого города. А в том городе — три башни, и около того города устроены тож крепости болши[e], рвы глубокие, и с подлазами подо всеми башнями, и тайники к водам.

И от того города шли ночь. Да назавтрее де, государь, и пришли в пятой город. А в том городе — четыре башни. И около того города устроены тож крепости большие, рвы глубокие и с подлазами под всеми башнями, и тайники к водам. И в том де городе в светлице поимали бабу. И он де, Ярко, толмачю велел тоё бабу допросить, как её зовут. Та баба имя себе сказала Моголчак. А родом де она даурская, а выкупил де её князь Лавкай из полону у князь Богдоя. А после сказалась князь Лавкаева сестра.

И тоё бабу спрашивали и на пытке пытали, и огнём жгли: для чево де тот князь Лавкай с своими улусными людьми из своих улусов и з городов побежали. И она, баба, в роспросе и с пытки сказала одне речи, что сказывал князь Лавкай и братья его, и зять. И казак Ивашко Квашнин сказывал им, что идут многое множество служилых людей и хотят всех даурских людей побить до смерти, и животы их пограбить, а жёны их и дети взять в полон. И тот князь Лавкай со всеми своими улусными людьми, с жёнами и с детми, и с животы из своих из верхних улусов и из городов побежали до его Яркова приходу Хабарова за три недели. И тот князь Лавкай со всеми своими улусными людьми на полтретьи [2,5] тысячи лошадях поднялись со всеми своими животы, и статки ко князю Толгинею да к Гилдиге, и тут де у них все люди вскопе. А от Шилгинеева де города до Богдоева города [на] конех ехати две недели.

И у того де князя Богдоя была она, баба, в полону, и видела у того князя Богдоя город Богдой болшой, и башен много, весь земляной. А в том де городе лавки есть, торгуют всякими узорочными товары. И ясак де тот князь Богдой собирает со всех даурских князей. И у того де у князь Богдоя в земле родитца золото и серебро, и всякие узорочные товары, и каменьё дорогое.

Да есть де у него ж, у князь Богдоя, огненной бой, пушки и пищали; и сабли, и луки ядринские, и всякое оружье, навожено золотом и серебром. А в светлицах де у него, у князь Богдоя, — и казёнки серебряны, золочёны, из чего пьют и едят, все сосуды серебряные и золотые. А соболей, государь, много гораздо.

А пониже того Богдоя города великая река Нон впадала в великую реку Амур с правую сторону. И по той де реке приходят суды болшие с товарами. А из которых городов те суды приходят, и про то она сказать не ведает.

А ещё того князя Богдоя сильнее есть Кан; а круг де того города великие люди пашенные, всякого скоту многое множество.

А вверх де великой реки по Амуру, выше князь Лавкаевых городов, что они, Ярко, прошли, — река Урка. А от тоё Урки реки до Амазару реки ходу три дни. И по Амазару реке вышел Ивашко Квашнин. А оттуду де ходу до усть Шилки, от Амазару реки, два дни. И по тем де рекам — многое множество тунгусов. А вниз де все живут по славной великой реке Амуре даурские

люди, пахотные и скотные, а по сторонним рекам, вниз же, тунгусов же много живёт. И в той де великой реке Амуре — рыба калушка и осетры, и всякой рыбы много против Волги. А в тех князь Лавкаевых в городах и в улусах луги великие и пашни есть. А леса по той великой реке Амуре — тёмные, большие, соболя и всякого зверя много.

И будет Бог поручит твоим государским счастьем аманатов, и тебе, государю, будет казна великая. А как бы, государь, тот Ивашко Квашнин вести им про них не сказал, а они бы, Ярко, и аманатов бы изымали, и ясак бы они тебе, государю, взяли. А ныне де даурские люди остереглись накрепко, и он де, Ярко, того Лавкая с братьями и зятя его, и улусных их людей сойти не мог, потому что люди пешие.

И из пятого города поворотился назад в первой в Лавкаев город, для того, что тот город с большими крепостми и с приходу первой. А тех, государь, четырёх засесть было некем. А хлеба себе наискали они по ямам много. И мочно, государь, твоим государевым ратным служилым людям тут сытым быть на два годы или на три годы. А хлеб в поле родится ячмень и овёс, и просо, и горох, и гречуха, и семя конопляное.

А засели де они, Ярко, в том городе с великого заговенья нынешнего 158 [1650] году [21 февраля]. И того, государь, князя Лавкая поджидают к твоему царскому величеству с покорением. А будет изволишь ты, государь, послать на Бокдою своих государевых ратных людей, и надо, государь, ратных служилых людей тысяч с шесть.

Да послали мы, холопи твои, к тебе, государю, его, князь Лавкаевых, городов и земли чертёж.

А толко, государь, они, даурские князцы, тебе, государю, учинятца сами своею волею покорны или твоею государевою грозою под твою государеву высокую руку подведены будут, и заведутца тут, в Даурской земле, пашни, и тебе, государю, будет прибыль большая. И в Якутцкой, государь, острог хлеба присылать будет не надобно, потому что де из Лавкаева города с Амурской реки через волок на Тугир реку в новой острожек, что поставил Ярко Хабаров, переходу толко со сто вёрст, а водяным путём из того Тугирского острожка на низ Тугирем рекою и Олёкмою, и Леною до Якуцкого острогу поплаву только две недели.

А чаять, государь, того, что та Даурская земля будет прибыльнее Лены. А сказывал он, Ярко, нам, холопом твоим, что и против всей Сибири будет места в том украшено и изобильно.» [42]

Так описал воевода Францбеков со слов Хабарова его первый приход на Амур. Хотя многие историки принимают всё сведения, сообщённые в этой отписке, за чистую монету, эта отписка как раз является примером того, что не каждому документу можно верить, даже если он написан воеводой и отправлен в Москву. Как было на самом деле стало выясняться позднее. Сначала на Хабарова подали жалобы торговые люди, а затем, через три года, приехал в амурское войско посланный из Сибирского приказа московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев и произвёл расспросы служилых и охочих людей. Многие сведения, сообщённые в этой отписке, оказались ложными.

Вот что записано в расспросах Зиновьева:

«Сентября в 2 день [1653 г.] сказал в допросе Ивашко Мартемьянов Седельников:

В прошлом де во 157 [1649] году перишёл де он, Ивашко, в Даурскую землю с Ярком Хабаровым в первом приходе в сороке в девяти человеках. А взял де ево Ярком с промыслу с реки Олёкмы. А семидесят де человек в ту пору с Ярком не было.

А как де они дошли с Ярком до князь Лавкаевых улусов, и городок де князь Лавкаев и улусы все пусты. А в том де городке пять башен. А городок де огорожен так же, как юрты деланы, жердями. А щели де с обе стороны замазаны глиною. А городок де ево вдоль сажен з дватцать, а поперёг сажен с пятнатцать. А башнишка деланы так же, как и юрты. А крепость де тот городок — от стрелы, а ис пищали де — прострелить насквозь на обе стороны. А около городка де был ров не в большева человека глубиною. А из городка де были в ров подлазы. А надолб де и тайников не было. А стоял де городок на берегу у реки Амура одною стороною. А круг де городка реки нет.

А в городке де было пять юрт. А юрты де малые для осады. А в юрте де мочно жить с нужею большою человек по дватцати.

И из Лавкаева де городка того году в Великой пост Ярком Хабаров пошёл от них в Якуцкой острог.» [43]

Таким образом, Хабаров вниз по Амуру по городкам в поход не ходил. А укрепления Лавкаева городка, в котором побывал Хабаров, оказались не столь грозными, как они описаны в отписке воеводы Францбекова, а вместо светлиц оказались юрты.

То же самое сказали в расспросе и десятники. [44]

А о жёнке Моголчаке, о которой в отписке Францбекова сказано, что её поймали в пятом городе, войсковой подьячий Иван Прокофьев сын Посохов, который пришёл в первом приходе как покрученик Хабарова, сказал:

«А жонку де Могочаку изымал он, Ивашко, с товарищи в улусе, в юрте. А что де она в роспросе сказала, того он не помнит.» [45]

А десятники сказали:

«А про бой де огненной, про пушки и про пищали, и про сабли, и про луки, что и навожен золотом и серебром, и что де в светлицах казёнки серебряные золочёны, и суды, ис чево пьют и едят, серебряные и золотыя, у Моголчаки и не у нево не слыхали, и ниже де богдойского царя города реки Ноны в Амур реку не видали и не слыхали.

А жонка де Моголчака у Ярком и у них, у войска, ничем не пытана.

И реки де они Шилки устья не знают, городов де они каменных и деревянных, и острогов по сторонним рекам, которые пали в Амур, не видали и от взятых языков, и ни от ково, не слыхали. А которые де городки по реке Амуру по обе стороны с усть реки Урки и по дючерской камень, и в тех городках служилых и торговых людей нет ни единово человека. А живут в них все пашенные люди. А наряду де огненова бою в тех городках не бывало.» [46]

Десятники же сказали:

«А шли де они с Тугиря реки на Амур до усть реки Урки семь дней с

нартами налегке. И людей де Ярковых на ево подъёмах дватцать человек и служилых людей тритцать человек на Амуре реке.» [47]

А у Г. А. Леонтьевой читаем:

«19 января 1650 г. Хабаров оставил Тугирское зимовье и двинулся дальше. Лодки тянули на нартах.» [48]

Уточним, двинулся не 19, а 18 января, в Афанасьев день. А с лодками на нартах — это уже не налегке.

А десятники вместо казака Ивашки Квашнина называли промышленного человека Сеньку Косого::

«А как де был у даурских людей промышленной человек Сенька Косой в Лавкаевых и Шилгинеевых улусах, и сказал им, что идут к ним государевы люди для ясаку. И Лавкай де хотел ево, Сеньку, избить досмерти. А говорил де Лавкай: слышал де я от тунгусов: русские де люди собаки, где де оне иноземцов найдут, тут и побьют досмерти. А к нам де оне для ж тово и идут.

И Лавкая де князь Шилгиней розговорил, убить Сеньку не дал. А Сеньке дал Шилгиней десять соболей, а Лавкай дватцать соболей. И призывал де ево, Сеньку, князь Шилгиней вверх по Шилке.

А соболи де Сенька отдал Ондрею Матвееву сыну Ворыпаеву.

А проводя де ево, Сеньку, Лавкай да Шилгиней поставили караул немного выше Лавкаева городка. И как де караул у Шилки увидели Ярка [с] служилыми людьми на усть реки Урки, как пришли они с волоку, и Лавкай де и Шилгиней в том же числе от них побежали.

И Ярко де велел толмачю Логинку тунгусу кликать Лавкая, чтоб от них не бегал, а дал бы государю ясак. И Лавкай де, скачючи на лошади, махнул плетью: ведь де нам есть ведом про вас. Был де у нас казак ваш.

И они де в улусах на побеге отшибли у Лавкая быка со вьюком. А на вьюке запас. И Ярко де на тот вьюк положил пищаль свою да образы, да псалтырь.

А в улусех де в Шилгинеевых взяли в юрте жонку Моголчаку. И ту де жонку спрашивали, а не пытали ничем. И в роспросе де Ярку и им сказывала, что Сенька Косой у Лавкая и у Шилгиней был.

А про Богдойское де царство и про всякие товары: про золото и про серебро, и про камень дорогое, и про жемчуг, ничево де им не сказывала. А только де она сказывала, что богдойские люди приходят к ним с таким же огненным боем. А в полону де она у богдойского царя в земле не бывала. А сказывалась де она жёнка боканская, Шилгинеева бокана. А Лавкаю де она сestroю не называлась.» [49]

Видимо, у Лавкая побывал действительно промышленный человек Сенька Косой, а не казак Ивашко Квашнин. Между прочим, заметим, что Ивашко Елфимов Квашнин записан в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца среди охочих служилых людей, пришедших на Амур с Ерофеем Хабаровым во втором приходе. Упомянутый здесь Андрей Матвеев сын Ворыпаев находился в это время в зимовье на устье Тугири со своими покручениками.

Отписка Францбекова ввела в заблуждение не одного историка. Например, С. М. Соловьёв пмсал:

«Хабаров пошёл от реки Урки вниз по Амуру, дошёл до другого города, и тот пуст! Пошёл дальше вниз по Амуру, стоит третий город, и опять пустой! <...> Нашёл четвёртый и пятый город — все пустые. Дальше Хабаров не пошёл, возвратился в первый город. <...> Из Лавкаева города с Амура-реки через волок на Тугирь-реку и новый острожек, что поставил он, Хабаров, переходу только сто вёрст.» [50]

То же самое написано и у Г. А. Леонтьевой:

«Вскоре русские достигли второго городка, похожего как две капли воды на первый, но и в нём не было ни души, <<городок стоит пуст>>. Хабаров двинулся к третьему по счёту городку, который также оказался покинутым его обитателями. <...> Через день пути отряд подошёл к четвёртому городку, который также оказался пустым. От него русские шли ночь и до полудня следующего дня, но, придя в пятый городок, так и не застали в нём дауров.» [51]

У А. Р. Артемьева написано:

«10 января 1650 г. отряд Хабарова на нартах двинулся вверх по Тугирию и через 19 дней добрался до <<князь Лавкаевых улусов>>, которые были пустыми. Брошенным оказался и пятибашенный городок Лавкая, стоявший на речке, впадающей в Амур. Та же ситуация ожидала землепроходцев во втором и третьем даурских городках, встреченных ими по Амуру.» и т. д. [52]

Дата здесь указана неправильно: пошёл в Афанасьев день, 18 января.

В статье Евгения Гонсовича указаны расстояния городков от нынешнего города Благовещенска. Получается, что между первым городком (Лавкаевым) и вторым (Чипином) — 67 вёрст; между вторым и третьим (Албазином) — 84 версты; между третьим и четвёртым (Дасауловым) — 29 вёрст; между четвёртым и пятым (Гойгударовым) — 50-60 вёрст. [53] Для того, чтобы от Лавкаева городка дойти до пятого городка и вернуться обратно нужно, преодолеть зимним путём порядка 460-480 вёрст. Налегке такой путь не преодолеешь.

Укажем также на неправильное описание этих событий Б.П. Полевым. Он писал:

«Осенью 1649 г. 70 человек вышли из Якутска на р. Олёкму, захватили <<Тугирское зимовье>>, приготовили там лыжи, нарты, и, перевалив Становой хребет, прошли по р. Урке во владения даура Лавкая. Хабаров подчинил себе пять даурских селений и обосновался рядом с улусом даура Албазы. Так зародился Албазин, как русское селение. Однако для подчинения всей Даурии у Хабарова ещё не было сил, и он отправился в Якутск за подкреплением.» [54]

Б. П. Полевой переносит отправку Хабарова в Дауры на осень 1649 года. А местом отправки называет Якутск. Однако, в Якутске Хабарову показаться было нельзя. Напомним, что старый воевода В. Н. Пушкин посылал приказчику чечуйского волока Семёну Чуфаристу память об отправке Хабарова в Якутский острог для сыска о его винном курении. Между тем, и Дмитрий Францбеков ещё не принял воеводство. Появление Хабарова в Якутске могло сорвать все его замыслы. Что же касается Албазина, то зародился он не как русское селение, а при Хабарове его постигла такая же участь, как и другие селения на Амуре, он был сожжён.

Вернёмся к приезду Хабарова в Якутский острог весной 1650 года. Там его ждала неприятность. На него подали жалобы торговые люди. Однако же всё обошлось, воевода этим жалобам ходу не дал.

Напомним, что воевода Дмитрий Францбеков в наказной памяти дал разрешение досматривать мягкую рухлядь промышленных и торговых людей на Олёкме. Но на бумаге — одно, а на деле всегда получается по-другому. Не обошлось при этом без злоупотреблений. Поданные на Хабарова жалобы дошли до Сибирского приказа, минуя воеводу. Было это через пять лет после описываемых событий, в апреле 1655 года. Хабаров в это время был в Москве, куда его привёз московский дворянин Дмитрий Зиновьев.

«Царю [А. М.] бьют челом сироты твои, Соли Вычегоцкой уезда Лальского погоста торговые люди Матюшка Яковлев сын Ворыпаев да Стенька Семёнов сын Самойлов.

Жалоба, государь, нам, сиротам твоим,
на устюжанина на Ярофея Павлова сына Хабарова
да на племянника ево на Ортемья Петриловского
да на берёзовского служилого на Романа Рошмака
да на покручеников ево Ярковых:
на Ивашка Посохова емчанина
на Митьку Никитина Хохрякова Соли Вычегоцкой
на Сидорка Суханова лалетина
на Захарка Козьмина з Двины Истопских волости
на Кондрашку устюжанина

и на всех ево покручеников, на сорок человек, да на своеужинников, которые с ним, Ярком, и с племянником пошли с Ленского волоку в прошлом, государь, во 157 [1649] году и которые своеужинники приставали к нему, Ярофею, на Олёкме реке:

на Ивашка Баженова Сидельникова Соли Вычегоцкой
на Фетьку важенина
на Треньку [Вахромеева] зыренина
на Калинку зыренина ж
на Сеньку устюженина с племянником
на Максимка [Иванова] Свешина южака,

а иным, государь, ево, Ярофеевым, покрученикам и своеужинникам имян не ведаем.

В прошлом же, государь, во 157 [1649] году с Ленского волоку отпущен был из таможни на соболиной промысел вверх по Олёкме за камень сын мой Матюшка с покрученики, з дватцатью с восьмью человеки, да своеужинников четырёх человек, и сели промышлять вверх по Олёкме на Тугире реке, поставя зимовье.

И в прошлом же, государь, во 158 [1649] году, как снег пал, и те покрученики мои и своеужинники поднялись на лес для соболиного промыслу, а в зимовье остался сын мой, Матюшкин, Ондрюшка да два покрученика, Емелька да Мишка.

А он, Ярофей, недошед нашего зимовья, зазимовал ниже, тут же на устье на Тугире реке. И узнав то Ярофей у нас, сирот твоих, что покрученики

наши на лес поднялись, и пошёл с своими покрученикии и своеужинники к нашим покручеником в зимовье к сынишку моему Ондрюшке. И пришед в то наше зимовье на Офонасьев день [18 января], хлебные запасы и русские товары и промышленные заводы пограбили сильно у сынишка моего. И сынишка моего Ондрюшку он, Ярофей, бил насмерть и хотел посадить в воду.

А грабежём он, Ярофей, с покрученики своими и своеужинники в те поры взяли хлебных запасов и русских товаров, и промышленного заводу на тысячу на четыреста на шездесят рублёв на двенатцать алтын на две деньги.

И тем он, Ярофей, поставил у нас соболиной промысел. Генваря с 18 числа 158 [1650] году с полужимы промышляти стало нечем. И в том, государь, нам, сиротам твоим, от него, Ярофея, и от покручеников ево и от своеужинников его учинилось беспромышлицы тысяча пятьсот дватцать пять рублёв, да в другой подъём на соболиной промысел.

Да ему ж, государь, Ярофею, дружа, воевода Дмитрий Франзбеков задержал нашу ужину в Якутском остроге в путе шесть недель и отпустил последним водяным путём, поздым. И от той задержки до промышленных соболиных мест не дошли, и замороз, государь, тех наших покручеников занял в пустых в худых каменных местех, где соболя нет. И в тех государь ужинах в беспромыслице учинилось от него ж, Ярофея, нам, сиротам твоим, убытков тысяча триста дватцать рублёв.» [55]

Таким образом, первоначально отряд Хабарова строился по образцу промышленной ватаги, в которой участники по своему имущественному уровню делились на своеужинников и покручеников, причём покручеников Хабарова было 50 человек.

В 1653 году упомянутого здесь Ивашку Баженова Сидельникова расспрашивал приезжавший на Амур московский дворянин Дмитрий Зиновьев:

«Сентября в 2 день [1653 г.] сказал в роспросе Ивашко Мартемьянов Седельников: в прошлом де во 157 [1649] году пришёл де он, Ивашко, в Даурскую землю с Ярком Хабаровым в первом приходе, в сороке в девяти чело- веках. А взял де ево Ярком с промыслу с реки Олёкмы. А семидесять человек в ту пору с Ярком не было.» [56]

В первом случае его отчество записано по прозвищу отца, а во втором случае по имени. Далее тоже говорится, что у Хабарова было всего пятьдесят человек.

Как уже было сказано, в 1651 году новый якутский воевода Иван Павлович Акинфов проводил сыск по злоупотреблениям Францбекова и Хабарова. О грабеже приказчика Нерадовского были опрошены промышленные люди, которые в то время были на Олёкме.

«И в роспросе в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Павловичем Акиниевым промышленные люди:

Ивашко Агеев, Микитка Мартемьянов кайгородцы

Семейка Емельянов

Оверка Григорьев Соли Вычегоцкие

Ивашко Васильев пиняжанин

Ондрюшка Данилов устюжанин, сказали:

<...> И в прошлом де во 158 [1649-1650] году на Олёкме реке, на Тугире, они, Ивашко с товарищи, зимовали на соболином промыслу. И тут же на Олёкме, на Тугире, гостя Василья Федотова приказщика ево Сеньки Нерадовского, у покручеников ево, в зимовье Ярко Хабаров хлебные запасы имал. В зимовье у Сеньки Нерадовского пятнатцати человеки десять дней и жили, и хлебные запасы в зимовье ели, и с собою на Амур взяли по три пуда и больши, и пищали, и зелье, и всякой промышленной завод с собою сильно взяли же, и покрученика Сеньки Нерадовского Савку Курицына он же, Ярко Хабаров, с собою в вожи сильно взял же.

А достальные Ярквы люди, тритцать человек, у торгового человека у Андрюшки Ворыпаева десять дней в зимовье жили, и хлебные запасы, и харч у него, Андрюшки, в те десять дней и ели, и с собою на Амур взяли по три пуда и больши на человека, и пищали, и зелье, и всякой промышленной завод с собою сильно взяли же, и покрученика ево, Андрюшкина, Мишку Меркурьева лалетина с собою сильно на Амур взяли ж.

И от ево, Яркова, грабежу и насильства, и безхлебицы стали они, Семейки Нерадовского и Ондрюшки Ворыпаева подкрученики, без промыслу.

Да он же, Ярко, приходил с Амура реки на Олёкму реку к ним же, Семейке и к Ондрюшке, в зимовье двенатцатью человеки, и хлебные запасы, и всякие заводы с собою взяли же сильно. А в зимовье на Тугире у него, Семейки Нерадовского, он, Ярко, в те поры жил две недели.» [57]

Это уже на обратном пути в Якутск.

Ещё одну жалобу подал лично в Сибирском приказе московский торговый человек Василий Федотов 26 января 1651 года:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой Васка Федотов. Жалоба, государю, мне на великия реки Лены на пашенного крестьянина на Ярка Павлова сына Хабарова.

В прошлом, государь, во 157 [1649] году, марта в 6 день, бил челом тебе, государю, и подавал челобитную воеводе Дмитрею Ондреевичю Францбекову. А в челобитье своём написал, что ему, Ярку, итти по Олёкме реке вверх на Шилку реку [к] князцам к Лапкаю и Батуге с служилыми и с охочими промышленными людьми без твоего государева жалованья. И он де им на полтора ста человек на ссуду станет давать хлебные и всякие запасы, и суды.

И тот Ярка, стакався з Дмитреем Францбековым, подрядил с собою итти на соболиные промыслы из доли промышлых людей пополам, а иных из трети.

И на великой реке Лене, норовя ему, Дмитрей Францбеков у торговых и у промышленных людей хлебные запасы и суды, и судовые снасти поотнимал сильно под тех людей, которые с ним, с Ярком, пошли по их по договору.

И в прошлом, государь, во 158 [1650] году, зимою, пришёл тот Ярко [с] своими будто с охочими людьми с пятидесяти человек без твоих государевых служилых людей, которые у него подряжены с ним, з Дмитреем, вместе, приказщика моего Семка Неродовского к покручеником ево по Олёкме реке, вверх к усть Мошнице речке в зимовье, и приказщика моего и покру-

чеников, у тринадцати человек, всякие хлебные запасы, чем было им промышлять на соболином промыслу, и пищали, и порох, и свинец, и судовые снасти поотымал сильно.

И взял он, Ярко, прикащика моего ис тех подкручеников человека Савку Тихонова Курицына важенина в вожи сильно на Шилку реку к Лавкаеву городищу. А иные прикащика моего достальные подкрученики от его грабежу розбрелись от соболиного промыслу врознь и помирали голодною смертью. Промышлять стало нечем. А которые, государь, иных торговых людей промышленные люди, неграбленные, сидели выше моего зимовья и ниже, и они добывали по сту соболей и больши на человека.

И учинил он, Ярко, своими людьми, кои с ним были, мне убытка в хлебном всяком грабежном животе и в безпромышленице тысячу пятьдесят рублёв.

А как он, Ярко, приплыл в Якутцкой острог, и воевода Дмитрий Францбеков прика(щик)у моему суда на него, Ярка, не дал, загрозил (смерт)ною грозою. Да и потому, государь, знатно, что с ним ...л него, Дмитрея Францбекова, вместе.

И в прошлом же, государь, во 158 [1650] году в Якуцком остроге имал он, Дмитрий Францбеков, у моего прикащика Сеньки Неродовского хлебные запасы сильно, будто на тебя, государя. А те запасы отдал ему, Ярку, на подъём ево подкрутным людям итти на Шилку реку.

<...> Вели, государь, про ево, Ярково, насильство и грабёж, и про тех людей, которые с ним были, пятьдесят человек, сыскать, кому ты, государь, укажешь, всякими промышленными людьми, кои в том году были по Олёкме реке на соболиных промыслах, про его, Ярков, грабёж, и по сыску мои убытки и безпромыслицу вели, государь, на нём, Ярке, с товарищи доправить, чтоб мне, холопу твоему, не погинуть.» [58]

О покручениках торговых людей, ушедших с Олёкмы на Амур с Хабаровым, сделана запись в таможенной книге Якутского острога за 158 [1649-1650] год. Они там названы поимённо.

«Того ж дни [5 июня 1650 г.] у нево ж, СемовоНерадовского, за покручеников ево

за Ивашка Герасимова Блохина

за Петрушку Аксёнова важенина

за Савку Тихонова важенина,

что они остались на Олёкме реке и пошли в полк к Ярофею Хабарову, с покупки передовщика ево, Семёнова, Федотка Афонасьева Кузакова, что он, Федотко, у них, Ивашка Блохина с товарищи, купил на ево, Семово, на остальные хлебные запасы и на промышленные заводы, что у нево ж, Семово, от промышленной десятой осталось сорок пять соболей с пупки и с хвосты, а по таможенной оценке той ево покупной мяхкой рухляди на пятьдесят на четыре рубли, с той покупки у Семово Нерадовского за продавцов, за Ивашка Блохина с товарищи, записной пошлыны с рубля по алтыну, итого рубль дватцать алтын четыре деньги взято.» [59]

И вторая запись:

«Того ж дни [7 июня 1658 г.] гостя Кирила Босово, человека ево, у Мои-

сея Фёдорова да у прикащика ево у Микитки Фёдорова Ворыпаева за продавцов за промысленных людей:

за покойного за Фому Васильева устюжанина, что помер на Олёкме реке, с его промысленных, что от промышленной десятой осталось, девять соболей с хвосты

да за промысленных людей:

за Микифорка Ермолаева мезенца, что остался на Олёкме реке, и пошёл на Амур реку в полк к Ярофею Хабарову, что от промышленной десятой осталось, дватцать семь соболей с хвосты

за Якуньку Ярофеева, за Лучку Иванова, что от промышленной ж десятой осталось, восмнатцать соболей с хвосты, а Ярофейка и Лучка остались на Олёкме реке и пошли в полк к Ярофею ж Хабарову <...>

за Фомку Ильина устюжанина, а он, Фомка, остался за камнем на Олёкме же реке и пошёл в полк к Ярофею Хабарову, что у него от промышленной десятой осталось, восмнатцать соболей с хвосты <...>. [60]

Этот последний, Фомка Ильин устюжанин, будет потом записан в послужном списке Онофрия Степанова Кузнецца.

К началу июля набор служилых людей для похода в Дауры был закончен, и они ждали дня отъезда. Таможенному голове якутской таможни воевода Францбеков послал память. Она сохранилась в копии:

«Список с памяти.

Лета 7158 [1650], июля в 9 день. По государеву [А. М.] указу память в таможенную избу таможенному голове Василью Ростовщикову с товарищи.

В нынешнем во 158 [1650] году, июля в 9 день, бил[и] челом государю [А. М.], а в Якутском остроге в Съезжей избе воеводе Дмитрею Андреевичу Францбекову да дьяку Осипу Степанову новоприборные служилые люди:

Дружинка Васильев Попов

Ортюшка Филипов

Стенка Васильев Поляков

с товарищи, сто четырнатцать человек, подали челобитную.

А в челобитной их написано, чтоб государь их пожаловал: не велел с них в Якутском остроге в таможенной избе своих государевых оброков и избных рублёв иметь, потому что с ево, государевых, служилых людей оброков и избных пошлин не емлетца, и указу де у вас в таможенной избе нет, что с служилых людей оброк иметь.

И будет так, как они государю били челом, и как тебе, таможенному голове Василью Ростовщикову, с товарищи ся память придёт, и тебе б досмотреть у себя в наказе, будет с служилых людей не указано иметь, и тебе бы с них оброков и избных рублёв отнюдь не имати, потому что они идут против государевых недругов, даурских неясачных людей, на своих проторех.

К сей памяти государеву [А. М.] царства Сибирского новой земли, что на великой реке Лене, Якутцкого острогу печать воевода Дмитрий Андреевич Францбеков приложил.

У подлинной памяти позади пишет: дьяк Осип Степанов.

Справил подьячей Ондрюшка Титов. Списано слово в слово.» [61]

Таким образом, хотя эти 114 человек и числились служилыми людьми,

но государева денежного, хлебного и соляного жалованья не получали, и не записаны в окладных книгах. Имена остальных здесь неупомянуты. Чуть позже мы приведём их список. А пока скажем об этих трёх, имена которых названы. Они были значительными действующими лицами амурского похода, и упоминаются во многих документах.

О прибытии на Лену Дружинки Васильева Попова дьяк Пётр Стеньшин сообщал в Москву следующее:

«А тот Дружинка до тех мест был промышленным, во 157 [1649] году из Енисейского на судне устюжанина у Павла Фотиева сына Бизимова в наёмщиках, и в Якутской острог пришёл без товару.» [62]

Но это не был его первый приезд на Лену. Ещё в 1641 году в книге жиганской таможни сделана о нём запись:

«Того ж дни [18 мая 1641 г.] взято государевы десятые пошлины с промышленного человека з Дружинки Васильева с его мяхкой рухледи, з дву сороков з дватцати соболей, с перекупных десять соболей с хвосты бес пупков.» [63]

Потом после долгого перерыва снова появляются записи в таможенной книге Ленского волока за 157 [1648-1649] год:

«Сентября в 1 день [1648 г.] отпущены на Лену реку на соболиной промысел промышленные люди Васка Карпов, Максимко Микифоров, Дружинка Васильев Попов.

А с ними идёт из енисейской грамоты русского товару и здешней купли хлебного запаса по таможенной оценке на девяносто на четыре рубли с полтиною.

Да с ними же идут покрученики их, из их же проезжей грамоты:

Онтошка Семёнов

Микифорко Федотов

Гришка Яковлев

Семейка Полуянов

Васка Васильев.

Отъезжей с них пошлины с человека по алтыну, итого восемь алтын. Да печатных пошлин по деньге с рубля, итого пятнатцать алтын полпаты деньги взято. С пяти человек покручеников печатного полтина взято.» [64]

Максимко Микифоров — племянник Дружинки Васильева Попова.

Потом следует запись о покупке соболей:

«Того ж дни [4 мая 1649 г.] у промышленного человека у Дружинки Васильева Попова усольца с ево с перекупных з десяти соболей с хвосты перекупной десятой пошлины соболь с хвостом взято.

Да у него ж, Дружинки, с перекупного ж соболишка по оценке с полтины з девяти денег десятой пупок соболей взято.» [65]

«Того ж дни [7 мая 1649 г.] у промышленного человека у Дружинки Васильева Попова с чичюйских с промышленной покупки нынешняго 157 [1649] году з десяти соболей с пупки и с хвосты за продавцов за промышленных людей десятой соболь с пупком и с хвостом взято.

Да у него ж, Дружинки, с ленских же с промышленных с осми соболей с пупки и с хвосты нынешняго 157 году, по оценке з десяти рублёв з дватцати со шти алтын с четырёх денег, за продавцов за промышленных людей деся-

той пошлины, за рубль за два алтына за четыре деньги, соболь с пупком и с хвостом взято.

Да у него ж, Дружинка, с тех же остальных з десяти соболей с хвосты перекупной десятой пошлины соболь с хвостом и с пупком взято.

Да у него ж, Дружинки, с тех же остальных со шти соболей с хвосты, по оценке с семи рублёв с полтиною за дватцать за пять алтын, перекупной десятой соболь с хвостом взято.» [66]

Затем запись в усольской книге о продаже ему соли:

«Того ж дни [7 июня 1649 г.] продано Дружинке Васильеву усольцу восемь пуд соли. Взято два рубли.» [67]

С этой солью Дружинка Васильев сплыл в Якутский острог. А там сделана запись:

«Того ж дни [31 августа 1649 г.] отпушены из Якутцкого острогу ис таможни вверх по Лене реке до Илимского острогу промышленные люди Дружинка Васильев Попов, Ивашко Осипов пенезанин.

А с ними мяжкой рухляди и товару, и денег нет. А с них отъезжие пошлины взято по алтыну с человека, итого два алтына взято.

Того ж дни [31 августа 1649 г.] отпушены из Якутцкого острогу ис таможни вверх по Лене реке, по Олёкме, на соболиной промысел промышленного человека Дружинки Васильева Попова брат ево Максимко Микифоров, а с ним покрученики:

Васка Васильев

Федька Семёнов

Онтонко Семёнов

Гришка Яковлев

Ивашко Михайлов

Прохорко Матвеев

Ферапонто Тимофеев.

А с ними пошло хлебного запаса и промышленного заводу, что покупал промышленной завод [у] усть Муки, а хлебной запас, вниз плувучи, у пашенных крестьян и у служилых людей на соболиные деньги, с которых своих промышленных соболей платил государеву десятую пошину на Илимском волоку, а Якутцкого острогу на сто на десять рублёв.

А с них отъезжие пошлины взято по алтыну с человека, итого восемь алтын взято.

У него же, Дружинки, полавочного за гостин двор, за пять недель, по осми денег на неделю, итого шесть алтын две деньги взято.

У него ж, Дружинки. избного рубль взято.» [68]

В этой же книге имеется запись об уплате печатных пошлин.

«Того ж дни [31 августа 1649 г.] у промышленных людей у Ивашка Осипова пенезанина, у Дружинки Васильева Попова печатных пошлин, с человека по гривне, итого шесть алтын четыре деньги взято.

Того ж дни у промышленного человека у Дружинки Васильева Попова з брата ево с Максимка Микифорова да покручеников ево [перечислены те же имена — Г. К.] печатных пошлин, с человека по гривне, итого дватцать шесть алтын четыре деньги взято.» [69]

И ещё одна запись:

«Того ж дни [31 августа 1649 г.] у промышленного человека у Дружинки Васильева сына Попова усольца с покупного с русского с весчего товару и с хлебного запасу, что купил весчего товару на промышленной завод на Илимском волоку после целовальника Василья Выломаева, и что купил, пловучи с Ылимского волоку, у пашенных служилых людей, со ста с сорока пуд с полупудом запасу, и с весчего товару весчих пошлин у него, Дружинки, и за купцов, с пуда по три деньги, итого два рубли три алтына полчетвёрты деньги взято.

А тот товар и запись купил он, Дружинка, на деньги, что вышло из соболиные продажи на Ленском волоку в нынешнем во 157 [1658—1659] году.» [70]

Летом 1650 года Дружинка Васильев Попов снова приплыл в Якутск. Однако, в таможенной книге он записан, как покручник:

«Того ж дни [24 мая 1650 г.] приплыл на коче с Ленского волоку торговой человек Матвей Яковлев сын Ворыпаев лалетин. А с ним покручники:

Семейка Филипов

Стенька Тимофеев

Дружинка Васильев Попов усолец

Алимпейко Мартемьянов.» [71]

Перед походом на Амур своих денег не хватало, и Дружинка Попов брал деньги вдолг. При принятии дел новым воеводой были обнаружены:

«Кабала на новоприборново охочево служилого человека на Дружинку Васильева Попова займов у Ивана Францбекова в трёхстах рублях <...>

Кабала на новоприборново служилого человека на Дружинку Васильева Попова займов у Василья Нефедьева в тридцати в двух рублях с полтиною.» [72]

Иван Францбеков — это брат Дмитрия Францбекова. А в кабале Василию Нефедьеву написано:

«Се яз, новоприборной служилой человек Даурские земли Дружинка Васильев Попов Соли Вычегоцкой, занял есми у Василья Ермолаевича Нефедьева тридцать полтретья [32,5] рубли денег московских ходячих прямых без приписи до сроку до Петрова дни [29 июня] 160 [1652] году.

А до сроку те заёмные деньги — без росту, а после сроку рост платить на те деньги на пять шестой [20%].

А где ся кабала меня, заимщика, застанет, под которым судом ни буди, тут по ней суд и правёж, и убытки кабальные, и с волокитою на мне, заимщике. А хто с кабалою станет, тот по ней и истец.

А кабалу писал Дружинка на себя своею рукою.

Лета 7158 [1650] году.» [73]

Итак, в 1649 и 1650 годах Дружинка Васильев Попов находился на Лене. А у Г. А. Леонтьевой читаем:

«Отойдя ближе к речке Урке и Тугирскому волоку в первый Лавкаев городок, Хабаров оставил там 52 человека во главе с Дружинкой Поповым, а сам, <<взяв даурский хлеб для показу>> и соболей, с небольшим отрядом пошёл в начале марта 1650 г. в Якутск.» [74]

Вернёмся к памяти воеводы Францбекова таможенному голове Василию Ростовщикову о невзимании избных оброков с охочих служилых людей, которые идут в Дауры. Вторым после Дружинки Васильва Попова записан Ортюшка Филипов. Это племянник Хабарова, которого в документах называют по фамилии Петриловский. О нём уже упоминалось в жалобе торговых людей Матюшки Яковлева Ворыпаева и Стеньки Семёнова Самойлова о грабежах на Олёкме во время первого прихода Хабарова на Амур. Здесь же о нём упоминается, как о собравшемся идти на Амур во втором приходе Хабарова. Однако в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца он записан среди служилых людей, пришедших на Амур в первом приходе. Значит, Петриловский вернулся в Якутск вместе с Хабаровым и снова собрался идти на Амур. Хотя Ф.Г. Сафронов и писал, что среди первых промышленных людей, прибывших на Лену, были «Ерофей Павлович с братом Никифором и с племянником Артемием Филиповым, добравшиеся до Лены в 1632 году» [75], документов о прибытии на Лену, как Никифора Хабарова, так и Артемия Петриловского, пока что не обнаружено.

Во время поиска удалось установить место рождения Артемия Филипова сына Петриловского и настоящую его фамилию. В 1670 году подавал в Сибирском приказе челобитную «Соли Вычегоцкой Алексинского стану крестьянин Евфимко Филипов Петриловской» [76], в которой сообщал, что в декабре 1669 года умер в Верхотурье его брат Артемий Филипов Петриловский, во время поездки в Москву с соболиной ясачной казной. Челобитную Евфимки Филипова Петриловского приведём в главе «Сыновья Хабарова». При этом Евфимко Филипов не указал название своей деревни. Но удалось найти запись о нём в писцовой книге Сольвычегодского уезда за 1678 год:

«Деревня Петрилово.

Двор — Ивашко Филипов сын Кривошапкин да Гришка Микифоров Кривошапкин же.

Двор — Лёвка Микитин сын Кривошапкин. У него половник Ивашко Григорьев.

Двор — Ивашко Семёнов сын Кривошапкин. У него братья: Андрюшка двенадцати годов, Спирька шти годов.

Двор — Елфимко Филипов сын Кривошапкин. У него детей: Анисимко тринадцати годов, Алёшка шти годов, Фетька четырёх годов.» [77]

Если пойти вглубь веков, то сохранились ещё пять книг, в которых переписаны жившие в этой деревне крестьяне. Это книги за 1647, 1646, 1645, 1625 и 1620 годы. Поэтому полезно проследить, как изменялась там обстановка.

В писцовой книге 1647 года Сольвычегодского уезда записан отец Артемия Петриловского и имена других родственников Хабарова.

«Деревня Петрилова, а в ней крестьяне:

Двор — Филька Родионов сын, прозвище Кривошапкин. У него детей: Мишка да Максимко, да Елька [Елфимко — Г. К.], да Ивашко трёх лет. А у Мишки сын Ивашко дву лет.

Двор — Тараско Родионов сын Кривошапкин. У него детей: Фетька осми лет, да Гришка трёх лет.

Двор — Микитка Родионов сын Кривошапкин. У него детей: Сенька да Лёвка, году.» [78]

Филька Родионов — отец Артемия Петриловского. Получается, что Филька Родионов Кривошапкин был женат на сестре Ерофея Хабарова, имя которой неизвестно. А Тараско Родионов и Микитка Родионов — братья отца Артемия Петриловского.

В писцовой книге Сольвычегодского уезда от 25 марта 1646 года записано:

«Деревня Петрилово, а в ней крестьяне:

Двор — Филька Родионов з детьми: с Никиткою, с Максимком да с Евдокимком [Елфимком — Г. К.] осми лет. Да на том же дворе в другой избе — брат ево Тараско с сыном с Фетькою семи лет.

Двор — Микитка Родионов с сыном Семейкой осми лет. Да у него половник Фетька Протасов.» [79]

Наконец, в писцовой книге Соли Вычегодской за 153 [1645] год записано:

«Деревня Петрилово, а в ней крестьяне:

двор — Филька Родивонов з детьми с Мишкою да с Максимком, да з братом с Тараском,

двор — Микитка Родивонов с сыном с Сенькою.

Владеют оба по писцовым книгам 133 [1625] году. Пашни — паханные, средние, земли пять чети с полуосминою в поле, а в дву по тому ж.

Сена дватцетъ копён, в живущем четь и полчети выти, да старые примерные пашни тритцать одна четь без полуосмины.

Оброку — рубль семнатцать алтын полшесты деньги. Поскотины пять десятин, лесу тож.» [80]

А Евфимко Филипов, видимо, ещё не родился. Наблюдается некоторая нестыковка в возрастах. Только по совокупности нескольких документов удается иногда добыть нужные сведения.

Ни в одной из этих книг Артемий Филипов Петриловский не записан. Значит, можно полагать, что, по крайней мере, в 1645 году он уже был на Лене.

В писцовой книге 1625 года записано:

«Деревня Петрилово, а в ней:

Двор — Родька Омелянов сын Кривошапкин з детьми с Мишкою да с Тараском. Владеют по купчей 77 [1577] да по даной по мирской 92 [1592] году.

Двор — вдова Маланьца Петровская жена Кривошапкина с сыном Осипком.

Пашни паханные, средние. Земли пять чети с полуосминою в поле, а в дву потому ж. Сена дватцать копён, в живущем четь и полчети. Да примерные пашни тритцать одна четь бес полуосмины.

Оброку — рубль семнатцать алтын полшесты [5,5] деньги.

Поскотины — пять десятин. Лесу тож.» [81]

Таким образом, мы добрались до деда Артемия Петриловского Родьки Омелянова сына Кривошапкина. Упомянутый здесь Пётр Кривошапкин, вероятно, был его братом. А имя прадеда Артемия Петриловского было Омелян.

Наконец, в самой ранней из сохранившихся книг 1620 года также есть запись о крестьянах деревни Петрилово. И хотя она мало нового добавляет к книге 1625 года, всё-таки приведём её:

«Деревня Петрилово, а в ней:

Двор — Родька Омелянов сын Кривошапкин.

Двор — вдова Маланьца Петровская жена Кривошапкина.

Пашни паханные, средние. Земли, опричь отписные, пять чети с полуосминою в поле, а в дву по тому ж.

Сена дватцать копён, в живущем четь и полчети выти.» [82]

Стенька Васильев Поляков известен тем, что он был во главе большого отряда (свыше сотни человек), отделившегося от основной части амурского войска. Сведения о нём до службы в амурском войске содержатся преимущественно в таможенных книгах.

В таможенной книге Якутского острога без начала, которую по некоторым признакам можно датировать 1642 годом, записано:

«Того ж дни [2 июля 1642 г.] продал промышленной человек Стефанко Васильев Поляков пинежанин тритцать шесть соболей Петра Офонасьева пежемца приказщику Ондрюшке Яковлеву Дубову. Взял тритцать рублёв.

С продавца десятые порублёвой пошлыны взято с рубля по алтыну, итого тритцать алтын.» [83]

Эта запись примечательна тем, что здесь указана родина Стеньки Полякова.

В самых ранних записях о Стеньке Васильеве Полякове упоминается, как о покрученике:

В таможенной книге Якутского острога за 150 [1641-1642] год записано:

«Того ж дни [6 июля 1642 г.] отпущены из таможи вверх по Алдану реке на соболиной промысел торгового человека Ивашка Мокиева Логинова покрученики:

Стенька Васильев Поляков

Якунька Иванов

Ивашко Клементьев

Ивашко Осипов

Ондрюшка Лукьянов

Ивашко Ортемьев

Пятунька Иванов

Агейко Осипов

Дёмка Алексеев

Якунька Сергиев

Степанко Перфирьев

Пронька Яковлев

Ивашко Игнатьев

Дёмка Леонтьев

Алексейко Ларионов

Гришка Мокеев

Никифорко Иванов

Петрушка Савельев

Ивашко Панкратов
 Онтонко Михайлов
 Пашко Леонтьев
 Ивашко Лукьянов.

А с ними хлебного запаса и промышленного заводу по таможенной оценке на семьсот на семьдесят на четыре рубли.

А с них отъездные пошлины взято по алтыну с человека, итого дватцать два алтына.» [84]

Промысел, видимо, был удачным, и Стенька Поляков продолжал им заниматься. В сыске о злоупотреблениях воеводы П.П. Головина записано;

«В сыске в допросе против государева сыскаго наказу промышленной человек Стенька Васильев Поляков сказал по государеву крестному целованью: как пришёл я, Стенька, в Ленской в старой Якуцкой острог во 151 [1643] году, мая в 19 день, а в та поры сидит на приказе стольник и воевода Пётр Петрович Головин один. <...>

Да с тоё поры я, Стенька пошёл на промысел во 152 [1643] году. И во 152 [1644] году, мая в 21 день, пришёл я, Стенька, с промыслу, он, Пётр Головин сидит в приказе, а товарищи ево, Петровы, сидят в тюрьмах.

А будучи в Ленском остроге мая с 21 числа до июня с 18 числа, вново не знаю — пошёл на промысел. [85]

В таможенной книге Якутского острога за 153 [1645] год сделано сразу несколько записей о продаже Стенькой Поляковым соболей:

«Июня в 28 день [1645 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал ему ж, Микифору [Кирилову, приказчику гостя Надеи Святешникова — Г. К.], восемь соболей с хвосты да четыре сорока пупков соболей.

Взял за те свои соболи и пупки дватцать рублёв. Записной пошлины взято дватцать алтын.» [86]

Затем идёт запись о продаже другому приказчику:

«Того ж дни [15 июля 1645 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал ему ж, Федотку [Митрофанову, приказчику гостя Василья Шорина — Г. К.], пять сороков соболей с хвосты.

Взял за те свои соболи двести рублёв. Записной пошлины взято шесть рублёв.» [87]

Затем Стенька Поляков меняет свои занятия, и в книгах идут записи о Стеньке Полякове, как о хлебном целовальнике:

В книге хлебных покупок 153 [1644—1645] года записано:

«Августа во 2 день [1645 г.] куплено на государя в Съезжую избу по приказу стольника и воевод Петра Петровича Головина и дьяка Еуфимия Филатова на аманатские кормы в отдачу приёмному хлебному целовальнику Стеньке Васильеву Полякову торгового человека Марка Казакова у приказчика ево у Афоньки Ефремова пятьдесят два пуда муки ржаной.

Дано за тоё муку за пуд по дватцати алтын. Итого тритцать один рубль шесть алтын четыре деньги.

<...> И всего в покупке без памяти и по памятем триста семьдесят пуд с полупудом муки ржаной. А отдана та вся мука Стеньке Васильеву Полякову. <...>

А с прежнею покупкою, что отдано муки Стеньке Полякову, в покупке муки девятьсот шездесят четыре пуда тритцать пять фунтов муки.» [88]

Сохранилось множество отписей, данных целовальнику Стеньке Васильеву Полякову служилыми людьми за получение соляного жалованья в конце 1645 года. Самая ранняя отпись относится к 13 ноября, самая поздняя к 8 декабря. Большинство же относятся к 30 ноября. Приводим одну из них:

«Се аз, Гаврилко Савельев, служилой человек, взял есми из государевы казны государева соляново жалованья на нынешней на 154 [1645—1646] год в свой оклад у целовальника у Стефана Васильева Полякова два пуда без четверти соли. В том ему, целовальнику, и отпись дал.

Писал отпись в Якутском остроге Калинин Иван пенежанин.

Лета 7154 [1645] году, ноября в 30 день.» [89]

И ещё одна запись:

«154 [1646] году, апреля в 13 день, роспись целовальником Фетке Афонасьеву да Стеньке Полякову, что приняли хлебных запасов ленской пахоты ржи у пашенных хрестьян:

у Фочки Кленова три пуда ржи

у Данилка Володимерова два пуда девять безмен ржи

у Захарка Игнатьева два пуда восемь безмен

у Стефанка Симонова два пуда без четверика.

Роспись писал Стенька Поляков своею рукою.» [90]

Летом 1646 года Стенька Поляков ушёл на соболиный промысел на Алдан. Вернувшись в Якутск летом 1647 года, продал добытые соболи. В книге сбора записных пошлин 155 [1646—1647] года отмечено:

«Того ж дни [8 июня 1647 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал ему ж [торговому и промышленному человеку Ивашке Петрову Лупанову — Г. К.] алданского промыслу четыре сорока четыре пупка собольих. Взял двенатцать рублёв.» [91]

И еще одна запись:

«Того ж дни [14 июня 1647 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал ему ж, Федьке [Венедиктову Ледяшеву, промышленному человеку — Г. К.] алданского промыслу соболи из божьих.

<...> Он же, Стенька Поляков, продал алданского проиыслу четыре сорока семь соболей с хвосты, четыре соболи божьих, да промышленной огрызок соболей.

Взял за те свои соболи двести сорок семь рублёв дватцать алтын пять денег. Записной пошлины взято семь рублёв пятнатцать алтын две деньги.» [92]

В другой книге сбора записных пошлин за этот же 155 [1646—1647] год имеется ещё две записи о Стеньке Васильеве Полякове.

«Того ж дни [9 июня 1647 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал ему ж, Гришке [Яковлеву Поддвинцу, промышленному человеку — Г. К.], алданского промыслу четыре сорока четыре пупка собольих. Взял двенатцать рублёв десять алтын.

Записной пошлины взято двенатцать алтын две деньги.» [93]

И другая запись;

«Того ж дни [14 июня 1647 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продалему ж, Федьке [Венедиктову Ледяшеву, торговому человеку — Г. К.], ленского промыслу сорок три соболя и з божьим.

<...> Он же, Стенька Поляков продал алданского промыслу четыре сороки семь соболей с хвосты, четыре соболя божьих да промышленной огрызок соболей. Взял за те свои соболя двести сорок восемь рублёв дватцать алтын пять денег.

Записной пошлыны взято семь рублёв пятнатцать алтын две деньги.» [94]

В этой же книге сделана запись 27 июня 1647 года об уплате Стенькой Поляковым годового оброка и явчих пошлын. Всего в этой записи перечислены имена двадцати четырёх человек, среди которых имеются покрученики Стеньки Полякова. [95]

Затем Стенька Васильев пошёл на соболиный промысел знакомой дорогой по Алдану. В таможенной книге Якутского острога за 155 [1646—1647] год записано:

«Июня в 27 день [1647 г.] отпущены из таможи на соболиной промысел промышленной человек Стенька Васильев Поляков, а с ним покрученики и наёмщики:

наёмщик Ивашко Григорьев Лыха устюжанин
покрученики:

Онтонко Евсеев пинежанин
Овдокимко Микифоров устюжанин
Ивашко Филипов Тобольского города
Ивашко Васильев Мурога устюжанин
Агапитко Трофимов устюжанин
Корнилко Тимофеев окруженин
Оксённо Михайлов южак.

А с ними пошло хлебного запасау и промышленного заводу Якуцкого острогу по таможенной оценке на двести на дватцать на один рубль на десять алтын.

Отъезжие пошлыны взято по алтыну с человека, итого девять алтын.» [96]

Ватага сравнительно небольшая, но важно начало. А промысел был удачным.

Возвратившись с промысла в Якутский острог, Стенька Поляков платил десятую пошлыну с промышленной и перекупной мягкой рухляди, которую он купил на Алдане. Об этом в таможенной книге 156 [1647—1648] года сделана обширная запись:

«Того ж дни [31 мая 1648 г.] у промышленного человека у Стеньки Васильева Полякова с промышленных со шти сороков соболей десятой пошлыны дватцать четыре соболя с пупки и с хвосты взято.

У него ж, Стеньки, с промышленных з дву соболей да с соболя божья, по оценке с полутора рубли и за пять алтын, десятой пошлыны пять пупков соболей взято.

У него ж, Стеньки, с покупных за продавцов за промышленных людей за Ивашка Патрикеева да за Лучку Петрова, что остались на соболином про-

мыслу на Алдане реке годовать, с их промыслу, з дву сороков з дватцати соболей, десятой пошлыны десять соболей с пупки взято.

У него ж, Стеньки, с той же покупки, за тех же продавцов, с промышленных же с четырёх соболей, по оценке с сорока алтыни за четыре алтына, десятой пошлыны четыре пупка соболевых взято.

У него ж, Стеньки, с покупных же за продавцов же за промышленных людей Алёшку да Ивашка Калининых вычегжан, что остались на соболином промыслу на Алдане годовать, с их промыслу, с пятидесят соболей, десятой пошлыны пять соболей с пупки и с хвосты взято.

У него ж, Стеньки, с алданские покупки за продавцов за промышленного человека за Семейку Ефремова колмогорца, что пришёл с соболиного промыслу в Якуцкой острог без соболей, с его промыслу, з десяти соболей, десятой пошлыны соболь с пупком и с хвостом взято.

У него ж, Стеньки, с той же покупки за продавца, за Семейку же, с его ж промыслу с пяти соболей, по оценке с трёх рублёв и за десять алтын, десятой пошлыны соболь с хвостом взято.

У него ж, Стеньки, со всей алданской покупки, что у него, Стеньки, от промышленной десятой осталось, что купил на Алдане реке у Ивашка Патрикеева с товарищи, с трёх сороков с тритцати соболей перекупной десятой пошлыны пятнатцать соболей с хвосты взято.

У него ж, Стеньки, с той же алданской покупки з дву соболей, по оценке з дватцати алтын и за два алтына, десятой пошлыны два пупка соболевых взято.» [97]

Точно такая же запись имеется в другой книге. [98]

А на зиму Стенька Поляков вновь отправился на соболиный промысел. В книге сбора печатных пошлын 156 [1647—1648] года сделана запись:

«Того ж дни [24 июня 1648 г.] у промышленного человека у Стеньки Васильева Полякова с промышленного заводу и с хлебного запаса, по оценке з двусот с тритцати с четырёх рублёв з дватцати алтын, печатных пошлын, с рубля по деньге, итого рубль пять алтын, пять денег взято.» [99]

В проезжей грамоте 156 года, выданной Стеньке Васильеву Полякову, написано:

«По государеву [А. М.] указу отпущен из Якуцкого острогу ис таможи промышленной человек Стенька Васильев Поляков вниз по Лене реке и вверх по Алдану реке на соболиной промысел.

А с ним, Стенькою, идёт хлебново запаса и промышленово заводу триста пуд муки ржаной, сто камосов лосиных, десять мотов прядена, невод во сорок аршин, сукна сермяжного белого сорок аршин, холсту хрящу, десяти чарки обуви, шесть пуд соли, да старого промышленного заводу полпуда мёду в котлах варних, дватцать топоров, неводишко старой.

Наёмшик и покрученики Стеньки:

Ивашко Григорьев Лыха.

Покрученики:

+Онтонко Евсеев пенезанин

Офонька Васильев устюжанин

+Агейко Трофимов [Салдат] устюжанин

Митька Гаврилов важенин
 Семейка Ефремов колмогорец
 +Ар(сюч)ко Гордеев галиченин
 Герасимко Никитин важенин
 Гаврилко Стефанов устюжанин
 Семейка Прокопьев устьянец
 Исачко Леонтьев сысолетин
 +Тимошка Семёнов [Старик] важанин.

Да с ним же, Стенькою, идёт своеужинник Митько Караулов устюжанин.

А с ним, Стенькою, идёт того хлебного запаса и промышленного заводу Якутцкого острогу по таможенной оценке на двести на тридцать четыре рубли на дватцать алтын.

И с того хлебного запаса и промышленного заводу в Якутском остроге, в таможене, государевы десятой и отъезжей пошлины не взято, потому, как они будут с соболиного промыслу, и у них возмётца государева десятая пошлина с их промыслу мяхкою рухлядью, собольми.

А отъезжей пошлины по алтыну, и на нынешней на 156 [1648] год по восьми алтын по две деньги с человека в Якутском остроге и печатных пошлин по государевому в таможене в Якутском остроге по деньге с рубля взято сполна.

К сей проезжей грамоте государеву [А. М.] печать Сибирского государства ...» [100]

Из перечня запасов видно, что некоторые из них предназначались не для соболиного промысла, а для продажи.

Некоторые из этих покручеников пошли в 1650 году на Амур. Значком + здесь отмечены имена, которые потом были записаны в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца.

В таможенной книге за 157 [1649] год записано:

«Того ж дни [8 июля 1649 г.] отпущены из Якутцкого острогу ис таможи вниз по Лене реке, а вверх по Алдану на соболиной промысел промышленной человек Стенка Васильев Поляков да своеужинник Никитка Амосов, а с ним покрученики ево, Стенкины, и наёмщик.

Покрученики:

Офонька Васильев устюжанин
 +Васка Михайлов корелетин
 Климко Микитин корелетин же
 +Арсененко Гордеев галечанин
 Пашко Григорьев, Ивашко Тарасов устюжанин
 Корнилко Тимофеев окружений
 наёмщик ево, Стенькин, Ивашко Григорьев Лыха.

А с ними пошло хлебного запаса и промышленного заводу, что выменено на свои промышленные соболи в нынешнем во 157 [1648—1649] году, и старого промышленного заводу и хлебного запаса прошлого 156 [1646] году Якутцкого острогу по таможенной оценке на сто на сорок два рубли с полтиною.

Да с ним же, Стенкою, идёт промышленной человек своеужинник Данилко Юрьев пенежанин. А с ним пошло хлебного запаса, что выробил на заимках Якутцкого острогу, по таможенной оценке на десять рублёв. А промышленной завод писан с Стенкою Поляковым в том числе.

А с них отъезжие пошлины взято по алтыну с человека, итого двенатцать алтын взято.» [101]

Значком + здесь помечены люди, которые пошли потом в амурское войско и записаны в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца.

Несколько ранее была взята печатная пошлина и сделана запись в книге.

«Того ж дни [5 июля 1649 г.] у промышленных людей у Стеньки Васильева Полякова, у Микитки Амосова, у Данилка Юрьева с хлебного запаса и с промышленного завода, по таможенной оценке со ста с сорока з дву рублёв с полтиною, печатных пошлин, с рубля по деньги, итого дватцать три алтына полпята [4,5] деньги взято. [102]

Такая же запись сделана в другой книге, только она отнесена к 9 июля. [103]

Однако же, с отъездом задержались, Стенька Поляков продавал соболи:

«Того ж дни [2 июля 1649 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал ему ж, Исачку [Ларионову Козлову вычегжанину, торговому и промышленному человеку — Г. К.], шесть сороков соболей с хвосты.

А десятая с тех соболей плачена Мелентью Крестьянину [Гостиной сотни торговому человеку — Г. К.] с товарыщи. Взял за те свои соболи двести семьдесят рублёв. Записной пошлины восемь рублёв три алтына две деньги взято.

У Стеньки ж Васильева с меновного запаса, с восмидесят пуд муки ржаной, весчих пошлин, с пуда по две деньги, итого дватцать шесть алтын четыре деньги взято.

Стенька ж Васильев Поляков продал промышленных своих три сорока пупков собольих ему ж, Исачку,

А десятую с тех пупков платил Мелентью Крестьянину с товарыщи. Взял за те свои пупки девять рублёв. Записной пошлины девять алтын взято.» [104]

В этой же книге ещё одна запись:

«Того ж дни [18 июля 1649 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал ему ж, Ортюшке, [москвитина Гостиной сотни торгового человека Василья Горбова человеку его — Г. К.] промышленных восемь соболей с хвосты. Взял за те свои соболи девять рублёв. Записной пошлины десять алтын взято.» [105]

Перед самым отъездом на Амур Стенька Поляков покупал соболи, в том числе и у своих покручеников. В таможенной книге записных пошлин Якутского острога за 158 [1650] год записано:

«Того ж дни [3 июня 1650 г.] промышленные люди:

Ивашко Григорьев Лыха продал промышленных своих одиннатцать соболей с хвосты.

Корнилко Тимофеев окруженин, Ивашко Тарасов устюженин, Арсенийко Гордеев галичанин продали промышленных своих тритцать два соболи с хвосты.

Алёшка Тимофеев Усоля Вычегоцкого продал промышленных одиннадцать соболей с хвосты промышленному человеку Стеньке Васильеву Полякову.

Взяли за те свои соболи шездесят рублёв дватцать пять алтын. Записной пошлыны рубль семнатцать алтын полторы деньги взято.

Того ж дни служилой человек Ларька Яковлев продал промышленных своих соболей с хвосты ему ж, Стеньке. Взял за те свои соболи шеснатцать рублёв дватцать девять алтын з деньгою.

Записной пошлыны рубль семнатцать алтын полторы деньги взято.» [106]

В книге сбора десятой пошлыны за эти покупки записано:

«Того ж дни [3 июня 1650 г.] у Стеньки Васильева Полякова с перекупных со штидесят соболей десятой пошлыны шесть соболей с хвосты взято.

У него ж, Стеньки, с перекупных з десяти соболей, по оценке с восьми рублёв за восемь гривен, десятой соболь с хвостом взято.» [107]

Купленные соболи Стенька Поляков тут же перепродал, о чём сделана запись в таможенной книге 158 [1650] года:

«Того ж дни [18 июня 1650 г.] промышленной человек Стенька Васильев Поляков продал промышленных и перекупных шесть сороков тритцать восемь соболей с хвосты ему ж, Максимку [Микитину Шелковникову, торговому человеку Тобольского города — Г. К.]

Взял за те свои соболи триста двенатцать рублёв дватцать пять алтын. Записной пошлыны девять рублёв двенатцать алтын полпята [4, 5] деньги взято.

У Стеньки Васильева Полякова с меновного запаса, со ста пуд муки ржаной, весчих пошлын, с пуда по две деньги, а у Максимка с пуда по деньге, и обоево рубль шеснатцать алтын четыре деньги взято.» [108]

Но не все были богатыми, как Стенька Поляков. Некоторые промышленные люди, пошедшие в амурский поход в 1650 году, лотом были повёрстаны с окладом жалованья. О них имеется запись в окладной книге 161 [1652—1653] года.

«Да служилые люди, которые в прошлом во 158 [1650] году для государевы новой Даурской земли ис промышленных людей повёрстаны:

*Ивашко Мартемьянов [Сухой]

Исачко Вахромеев

*Ивашко Терентьев

*Михалко Кузьмин

Васька Фадеев

Митка Микитин [Хохряков]

*Серёшка Ондреев

*Максимко Иванов

Пятунька Яковлев Плотник

*Тренька Вахромеев

Оксёнка Терентьев Гиляк

Якунька [Васильев] Берников

Любимко Шахов, в нынешнем во 161 [1652—1653] году повёрстан в подьячие.» [109]

Однако, согласно окладной книге жалованья 160 [1651—1652] года [110], большинство из них, которые помечены значком *, пошли в Даурскую землю годом раньше, в 1649 году. Ни один из них не записан в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеця. А согласно послужному списку в 1649 году пошли в Даурскую землю только служилые люди.

Судьба их сложилась по-разному. Вот некоторые записи из окладных книг 163 [1654—1655] и 165 [1656—1657] годов:

«Ивашко Мартемьянов. В нынешнем во 163 [1655] году по скаске служилых людей Гараньки Максимова да Проньки Григорьева, что де тот Ивашко в прошлом во 162 [1653—1654] году в Даурской земли убит.» [111]

«Ивашко Терентьев. В прошлом во 158 [1650] году послан на государеву службу в новую Даурскую землю. И в нынешнем во 165 [1657] году по скаске охочего служилого человека Федьки Коркина тот Ивашко в прошлом во 163 [1655] году, марта в 25 день, в Даурской земли убит.» [112]

«Якунька Берников. В прошлом во 158 [1650] году послан на государеву дальнюю службу в новую Даурскую землю. И в нынешнем во 163 [1654] году, сентября в 23 день, Якутцкого острогу служилые люди, Гаранька Максимов с товарищи, подали записку: тот Якунька з Даурского волоку з дороги збежал.» [113]

Другим же, наоборот, повезло. Бывший покрученик Хабарова Митька Микитин Хохряков дослужился до пятидесятника казачьего.

Некоторые занимали деньги у самого Хабарова, причём незначительные:

«Се яз, Степан Савин, да яз, Кирило Игнатъев, Красноярского острогу казаки, заняли есми в Якуцком остроге у Ерофея Павлова Хабарова десять рублёв денег московских ходячих бес приписи до сроку до Христова дни 159 [1651] году без росту, а по сроце рост на пять шестой.

Где ся кабала заимщиков застанет, тут по ней суд и правёж. Кто с кабалою станет, тот и истец.

На то послух Якуцкого острогу площадной подьячей Вахромей Максимов. Кабалу писал Родька Фомин.

Лета 7158 [1650] году, июля в 2 день.

К сей кабале вместо заимщиков Стефана Савина да Кирила Игнатъева по их велению Андрюшка Акинфиев Балакшин руку приложил.

Послух Вахромейко Максимов руку приложил.» [114]

Кроме того, Кирилко Кобель занял деньги по кабале у воеводы Дмитрия Францбекова. В счётном списке якутского воеводы Ивана Петровича Барятинского 1667 года записано:

«На Кирилке Кобеле по Дмитрееве кабале Францбекова 10 рублёв.» [115]

Кирил Игнатъев Кобель был в амурском войске десятником. Вышел на Лену в 1656 году, был квасным откупщиком в Жиганах, затем стал пашенным крестьянином, основал деревню Кобелеву на притоке Лены Пилюде. Его потомки Кобелевы и сейчас живут в Киренском районе Иркутской области. Название деревни — Кобелева, не очень-то ласкало слух, и в 30-х годах XX века её стали называть Орловой, приятнее звучит.

На Амуре намечалось завести хлебную пашню. Для этого Хабарову была выдана семенная рожь.

«Лета 7158 [1650], июня в 21 день. По государеву [А. М.] указу память житничному целовальнику Вахромейку Максимову.

Дати ему из государевых житниц для государевы даурской службы даурскому приказному человеку Ярку Хабарову триста пуд муки ржаной да сто пуд ржи семенной, всхожей, доброй. А в той даче взять у него отпись за ево рукою, и та дача записать у себя в расходные книги имянно себе статью.

К сей памяти государеву [А. М.] царства Сибирского новой земли, что на великой реке Лене, Якуцкого острогу печать воевода Дмитрий Ондриевич Францбеков приложил.

Диак Осип Степанов.

Справил подьячий Сенка Грамотин.» [116]

Позже на Хабарова поступала жалоба, что он взял четыреста пудов муки, а не триста. Во время сыска, который проводил новый воевода Иван Павлович Акинфов, целовальник Съезжей избы Костька Иванов сказал:

«А ведомо про то в таможене: он, Дмитрий Францбеков, хлебново запасу четырёхсот пуд взять не веливал, и Ярку Хабарову не отдаывал. <...>

А по расходным книгам того ж 158 [1649—1650] году целовальников Вахрушки ж Попова да Федьки Фомина написано: да новой Даурской земли приказному Ярофейку Хабарову на ссуду займа триста пуд муки ржаной, да для пашенной селидьбы сто пуд ржи.

Да с ним же, Ярофейком, послано, что взял в Якутском остроге по отписке Ортюшки Петриловского, на даурских служилых людей, которые вновь повёрстаны, на одиннадцать человек, в государево хлебное жалованье впредь на 159 [1650—1651] и на 160 [1651—1652] год пятьсот семьдесят шесть пуд девятнадцать гривенок ржи да сто пятьдесят пуд ячмени и овса.» [117]

Хлебных запасов в государеве казне для снабжения Хабарова с служилыми людьми, видимо, не хватило, и воевода Францбеков изымал запасы у торговых людей. На воеводу жаловался московский гость Василий Федотов:

«И в прошлом же, государь, во 158 [1650] году в Якутском остроге имал он, Дмитрий Францбеков, у моего прикащика Сеньки Нерадовского хлебные запасы сильно, будто на тебя, государя. А те запасы отдал ему, Ярку, на подъём ево подкрутным людям, итти на Шилку реку.» [118]

Однако, позже в сыске, произведённом новым воеводой Иваном Павловичем Акинфовым, Съезжей избы подьячий Анкудин Титов сказал:

«И как Ярко Хабаров приплыл в Якутской острог, и Васильев прикащик Сенька Нерадовской в Съезжей избе не бивал челом, и челобитной Дмитрею Францбекову на того Ярка не подавал. И Дмитрий Францбеков в суде на него, Ярка, ему, Сеньке, не отказывал.» [119]

То же сказал и целовальник Съезжей избы Костька Иванов. [120]

Целовальника Костьку Иванова не следует путать с толмачём Костькой Ивановым, который вместе со Стенькой Васильевым Поляковым на Амуре отделялся от Хабарова. О нём речь пойдёт дальше.

Во время пребывания в Якутском остроге Ерофей Хабаров подал несколько челобитных.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Новодаурской земли приказной человек Ярко Павлов Хабаров.

В прошлом, государь, во 156 [так в тексте, надо: в 157, т. е. в 1649] году по твоему государеву указу и по приказу воеводы Дмитрея Андреевича Франзбекова да дьяка Осипа Степанова посылан я, холоп твой, на твою государеву службу в новую Даурскую землю с новоприборными людьми для прииску новых земель, для твоего государева ясажного збору и для пашенной селидьбы.

И Божию милостию и твоим государским счастьем в новой Даурской земли иноземцы, дауры, убояся твоей государевы царской высокой руки, и с пяти городов выбежали. И я, холоп твой, те города своими с новоприборными людьми засел и оставил тех новоприборных в тех городах оставил [так в тексте — Г. К.]

<...> Вели, государь, дать из своей государевы казны для той твоей государевы службы для бережи и бою на непослушных даурских людей пушки и пищали, и пороху, и свинцу, и куяки с наручны, и с шеломы, и для верхового ходу на ту службу для новоприборных людей суды и судовые снасти, и парусы, и пагры [багры — Г. К.], и прядена на бечевы тяглые, и для письма бумаги писчей, с иноземцом в подарки одекую и олова, и меди в котлах, да соли про твой обиход.» [121]

Здесь Хабаров глухо, как бы мимоходом, утверждает, что иноземцы бежали из всех пяти городов, и он оставил во всех городах служилых людей, чего на самом деле не было.

В 1653 году Якутский острог принимали воевода Михаил Лодыженский и дьяк Фёдор Тонков. Они послали в Москву отписку о долгах Хабарова перед казной, возникших в 1650 году :

«В прошлом, государь, во 161 [1653] году, мая в 27 день, как мы, холопи твои, приехав на твою государеву службу в Якутской, со стольником Акинфовым и дьяком с Осипом Степановым расписались, в те поры по росписному списку приняли мы, холопи твои, у них, Ивана и Осипа, Дмитриевы кабалы Франзбекова, в те поры, как ево, Дмитриевы, животы взяты на тебя, государя, в прошлом во 159 [1651] году.

И с тех, государь, кабал довелось в твою государеву казну на прежде выбывшем Илимсково уезде на пашенном крестьянине на Ярке Хабарове, которого Дмитрей Франзбеков да дьяк Осип Степанов в прошлом во 157 [1649] году послал в Дауры в башлыках без твоего государева указа для прииску новых земель, взяти по Дмитриеве кабале Франзбекова тысяча триста шездесят три рубли дватцат пять алтын две деньги.

Да на нём же, Ярке, по записям за ево, Ярковой, рукою, что ему, Ярку, дано займы из твоей государевы казны денег триста рублёв да хлеб за триста пуд муки ржаной, да за сто пуд ржи, деньгами по цене 158 [1650] году, по рублю за пуд, за пятьдесят пуд соли, по осми алтын по две деньги за пуд, и всего денег и за хлеб и за соль деньгами взяти семьсот дватцать рублёв шестнатцать алтын две деньги, которые деньги и хлеб, и соль из твоей государевы казны дали ему, Ярку, в Якутском займы для твоей государевы даурской службы в прошлом во 158 [1650] году воевода Дмитрей Франзбеков да дьяк Осип Степанов без твоего государева указа и без порук, до тех мест, как он, Ярко, с твоей государевы службы из Даур приедет.

Да на нём же, Ярке, по отписи за ево ж, Ярковою, рукою, что ему, Ярку, дали Дмитрий же и Осип в прошлом же во 158 [1650] году для той же твоей государевы службы в цену и без цены книг печатных и ладану, и к ружьям, и пансырей, и кукляков, и в пушках и в колоколах меди, и в пищалях полковых, и в ядрах, и в ядрах железных, и всякого же медного заводу, и пороху и свинцу, и дощаников, и лоток, и судовых всяких снастей, и парусов, и вина горячего, и сукон летчинных, и холстов-хрящу, всего против цены 158 [1650] году взяти две тысячи двести шездесят рублёв шеснатцать алтын четыре деньги.

Да на нём же, государь, Ярке, по расходным книгам 158 [1649—1650] году, что взято на тебя, государя, у торговых людей, и для той твоей государевы даурской службы отдано ему ж, Ярку, судов и судовых всяких снастей и холстов, и одекую на пятьсот одиннатцать рублёв на десять алтын.

И всего, государь, на нём, Ярке, по кабале и по отписям, и по книгам взяти четыре тысячи восьмьсот пятьдесят семь рублёв два алтына.

И по ся места, государь, тех твоих государевых денег на нём, Ярке, не взято, потому что тот Ярко в Якутцкой из Даур не бывал. А без него, государь, тех денег взять было не на ком.

А воевода Дмитрий Франзбеков да дьяк Осип Степанов тоё твою государеву казну дали ему, Ярку, без твоего государева указа и без порук. И сами они, Дмитрий и Осип, померли.» [122]

Пребывание в Якутском остроге было напряжённым. Хабаров расплачивался с долгами, сам давал в долг и занимал деньги.

«С е аз, Корнилко Григорьев сын Хабаров устюжанин, торговой человек, занял есми в Якутцком остроге у Ярофея Павлова сына Хабарова сто рублёв денег московских ходячих прямых без приписи, июня в 29 день, до сроку до Рождества Христова [25 декабря] 159 [1650] году без росту. По сроце рост на пять шестой [20% — Г. К.].

Где ся кабала выляжет, тут по ней суд и правёж со всеми убытки кабальными. Кто с сею кабалою станет, тот по ней и истец.

На то послух Якутцкого острогу служилой человек Ондрей Петров сын Одинцов.

Кабалу писал Якутцкого острогу площадной подьячий Вахромейко Максимов.

Лета 158 [1650] году.» [123]

В таможенной книге Якутского острога 158 года есть запись об отдаче долга уже Ерофеем Хабаровым этому же Корнилке Григорьеву Хабарову:

«Июля во 2 день [1650 г.] новые Даурские земли новоприборных служилых людей приказной человек Ярофей Павлов сын Хабаров отдал за кабальной долг за прежней промышленных войсковых семьдесят два соболи с хвосты торгового человека Сидора Березовского приказщику торговому человеку Корнилку Григорьеву Хабарову устюжанину. А по таможенной оценке той мяхкой рухляди на восемьдесят на один рубль.

Записной пошлыны у Ярофея с рубля по алтыну. Итого два рубли четырнатцать алтын две деньги взято.

Он же, Ярофей, продал ему, Корнилку, войсковых семьдесят два пупка собольих. Взял за те пупки пять рублёв тринацать алтын две деньги.

Записной пошлины пять алтын полторы деньги взято.» [124]

Был ли этот Корнилко Григорьев Хабаров родственником Ерофея Хабарова, неизвестно.

И ещё одна кабала:

«Се аз, новой Даурской земли приказной человек Ярофей Павлов сын Хабаров устюжанин, занял есми на великой реке Лене в Якуцком остроге у Василья Войнова [он же Василей Ермолаев сын — Г. К.] Нефедьева тысячу триста шестьдесят три рубли дватцать пять алтын две деньги денег московских ходячих бес приписи, июля в 10 день, до строку до Николина дни вешнего [9 мая] 159 [1651] году, до того строку без росту.

А поляжет кабала по строце, и рост платить на пять шестой [20% — Г. К.]. Кто с кабалою станет, тот и истец. А где меня, заимщика, ся кабала застанет, под которым судом ни буди, тут по ней суд и правёж с ростом и с убытки кабальными сполна.

На то послух Ортемей Филипов [Петриловский — Г. К.] Усолья Вычегоцкого.

Кабалу писал в Якуцком остроге устюжанин Михайло Дмитриев сын Спицын.

Лета 7158 [1650] году, июля в 10 день.» [125]

На обороте кабалы:

«Заимщик Ерофийко Павлов руку приложил.

Послух Ортюшка Филипов руку приложил.»

Ерофей Хабаров подал челобитную с просьбой привезти его семью на Лену за счёт казны. Эта челобитная под отпискою воевод была послана в Москву. В челобитной написано:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой Ярко Хабаров.

Жил я, холоп твой, в твоей государеве отчине в сибирской уkraine на великой реке Лене с 140 [1632] году. И, живучи, я, холоп твой, на той великой реке Лене, на пустом месте, где и русские люди мало бывали, завёл соляную варницу и пашни многие роспахал, и мельницы устроил, и всякой домовой завод завёл своим пожитничишком, а не твоею государевою казною.

А ныне те места пустые стали житы. И та соляная варница, и пашенной завод, и мельницы, и всякое домовое житьё у меня, холопа твоего, всё на тебя, государя. А мне, холопу твоему, в тех заводах не учинено ничего.

А ныне, государь, я, холоп твой, твоими царским счастьем и раденьем твоего государева воеводы Дмитрея Ондреевича Франзбекова в Пегой Орде взял князья Лавкаева княжение.

И живу я, холоп твой, на великой реке Лене лет з дватцать. А женишко, государь, моя Василиска з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянницею живут на Устюге без приюту.

<...> Вели, гсударь, ту мою женишку Василиску и з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянником, и с племянницею отпустить с Устюга ко мне, холопу твоему, в Якутцкой острог и подводы указать, чтоб, государь, моя женишко и з детишками без меня, живучи на Устюге без приюту, вконец не погибли.» [126]

А в воеводской отписке сказано:

«Государю [А. М.] холопи твои, Митька Францбеков, Оска Степанов челом бьют.

В нынешнем, государь, во 158 [1650] году бил челом государю [А. М.], а нам, холопом твоим, подал челобитную Ярко Хабаров. И мы, холопи твои, тоё ево челобитную послали к тебе, государю, к Москве.» [127]

На обороте отметка о получении: «159 [1651] году, генваря в 26 день, подал ленской пятидесятник Иван Кожин.» Ивана Кожина иногда называли не по фамилии, а по прозвищу Шука, или Шукин.

Там же помечено решение по этой челобитной, которое читается не полностью: «Приказал боярин князь Алексей Иванович Трубецкой послать память в Устюжскую четь. Велеть жену и (дочь) и внука (и племянницу) отпустить.»

Эта, казалось бы, на первый взгляд вполне ясная челобитная содержит несколько вопросов, в которых необходимо разобраться.

Здесь Хабаров пишет, что он пришёл на Лену в 140, то-есть в 1632 году. В другой же челобитной, которую мы привели в начале главы «Первые ленские землепашцы» и которая написана была сразу же после прихода на Лену в 1633 году, написано: «В прошлом, государь, во 141 [1633] году по твоему государеву [М. Ф.] указу отпущен я, Ерофейко, с людишками своими ...» [128]

Далее, необходимо выяснить, где же жила жена Хабарова. Напомним, что в последней сохранившейся записи об Ерофее Хабарове он числился в Сольвычегодском уезде:

«Деревня Выставок Ленивцов, а в нём:

двор — крестьянин Ярофейко Павлов сын прозвище Хабаров с племянником с Васкою Яковлевым.

Да у него ж половник Спиридонко Емельянов сын прозвище Заплатин з братом сродным с Васкою.

Да на том же дворе в другой избе половник Козёмка Терентьев сын Зескин. У него детей Ивашко да Якушко, да Давыдко, да Ивашко дву лет.» [129]

Эта запись относится к 12 сентября 1647 года, и в ней перечислены лишь лица мужского пола. Проживала ли там в это время жена Ерофея Хабарова, неизвестно. Но из челобитной 1650 года ясно, что жена проживала в Устюге Великом. Соль Вычегодская и Устюг Великий находились в ведении Устюжской чети, они были главными городами двух разных уездов, там были разные воеводы. Если бы жена жила в Сольвычегодском уезде, то Хабаров должен был бы указать название деревни. Не искать же воеводе жену Хабарова по всему уезду. Но Хабаров в челобитной назвал Устюг, место вполне определённое и не столь многочисленное по населению.

И последне замечание. В челобитной в начале упоминается племянница Хабарова, а затем в заключительной части уже племянник и племянница. Видимо, племянник добавлен по ошибке. Никто ещё не нашёл документов об отправке и прибытии жены Хабарова с детьми на Лену. В отказной памяти на свою заимку Киренскому монастырю (приведена в главе «Последние годы жизни Ерофея Хабарова») Хабаров ставит условие, чтобы поминали его жену Василису. Но опять же неясно, где находилась и была ли жива в

то время. Однако, косвенно, по тому, что позднее на Лене упоминаются сыновья Хабарова Андрей и Максим, можно полагать, что Василиса всё же приехала на Лену.

Как и в 1649 году, новая отправка Хабарова была узаконена наказной памятью.

«Лета 7158 [1650], июля в 9 день. По государеву [А. М.] указу и по приказу воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова ехать приказному человеку Ярафею Павловичю Хабарову да с ним Якутцкого острогу служилым человеком, дватцати одному человеку, да промышленным охочим сту семнатцати человекам в новую Даурскую землю, для того что в прошлом во 157 [1649] году, марта в 9 числе, что посылан он, Ярофей Хабаров, по наказу из Илимского острога служилыми с охочими людьми бес государева жалованья в новую Даурскую землю, да в подмогу он, Ярофей, свои хлебные запасы и суды, и судовые снасти, порох, и свинец, и пищали на новую Даурскую землю по Олёкме реке на князя Лавкая да на его улусных людей, да на Гильдягу.

А велено ему, Ярофею, показать тем князя Лавкая да Гильдягу и с их улусными людьми призывать не боем, а ласкою под государеву царскую высокую руку, чтоб они были в гогсудареве в вечном ясачном холопстве вовеки неподвижны, и государев бы ясак — соболи и лисицы — с себя и с улусных людей своих давали государю по вся годы безпереводно.

И в нынешнем во 158 [1650] году, в Великое Заговенье, перед масленицею, Ярофей Хабаров с служилыми и промышленными охочими людьми, приехав в ту Даурскую новую землю, и Божиею милостию, а государским счастьем, нападе на них страх Божий и покажися им многие государевы люди идут, и тот князь Лавкай с братьями своим и с улусными людьми, покиня свой город, побежал ко князем Шильгинею и Гильдеге. А живёт де он, князь Лавкай, ныне со всеми своими улусными людьми у тех князей у Шильгинея да у Гильдиги.

И Ярофей Хабаров с теми своими служилыми и промышленными охочими людьми засел тут князь Лавкаев один город, и ныне в нём сидят Ярафеева полку Хабарова семдесят человек. И иные города заселить было нечем.» [130]

Обратим внимание на то, что в Лавкаеве городке засело семдесят человек. Сколько пришло с Хабаровым в Якутский острог, не сказано. В разных документах указывается разная численность.

Далее в наказной памяти написано:

«И Ярофею Хабарову Якутцкого острога с служилыми и промышленными охочими людьми, следуя дорогою, учнут прибывать охочие промышленные люди сверх якутцкого сбора, и ему, Ярофею, тех людей к себе в полк принимать.

Да с теми охочими людьми на князя Лавкая да на князя Шильгинея, да на князя Гильдигу и на улусных их людей, и на иных захребетных их ясачных же людей для государева [А. М.] ясачного сбора и для прииску новых земель итти бережно и остерегательно, и на станех ставиться с караулом, чтоб, пришед ратными людьми, дурна не учинили.

И дошед Олёкмою рекою и по Тугиру реке до волоку, до острожку, что ныне, идучи дорогою, поставил тот Ярофей с своими ратными людьми на усть Укача реки, и от усть Укача реки на Урку реку, а с Урни [надо: Урки — Г. К.] на великую Амур реку, прибыть тебе, Ярофею, со служилыми и охочими промышленными людьми в князь Лавкаево княжение в город, и в том городе в князь Лавкаеве в княжение огненной бой, лушки, на башнях поставить, и жить с великим береженьем, чтоб в том городе, будучи для государева ясачного сбора, от прихода немирных неясачных людей безстрастно и безбоязненно.» [131]

О том, что сведения о постройке острожка оказались ложными, мы уже сообщали.

Далее в наказной памяти написано:

«И посылать ему, Ярофею, ко князю Лавкаю, князю Шильгинею да ко князю Гильдиге и велеть им говорить Лавкаю, чтоб они, князь Лавкай да князь Шильгинея, да князь Гильдига были под государевою [А. М.] высокою рукою в вечном ясачном холопстве, навеки неотступны, и ясаку бы они, князь Лавкай и князь Шильгинея, и князь Гильдига с себя и их улусных людей давали, ежегодно, безпереводно. А которые будут из них непослушны и непокорны, государева ясак платить не учнут, и для тех непослушных неясачных людей, и которых захребетных людей имать, выбирая; и тунгуских ясачных иноземцов, значущих людей, добрых, сколько человек пригоже, чтоб кто, зная, провожать и указывать русским ратным людям на неясачные места, где кто живёт по кочевьям.

А будет они, иноземцы, князь Лавкай да князь Шильгинея, да князь Гильдига и их улусные люди, и их все неясачные захребетные люди под государевою [А. М.] высокою рукою будут послушны и покорны, и ясак с себя и своих улусных людей по вся годы платити учнут, и им, князю Лавкаю и князю Шильгинею, и князю Гильдиге, [с] своими улусными людьми жить на прежних своих кочевьях безбоязно; и велит государь их оберегать своим царёвым ратным людям.

И того князя Лавкай и князя Шильгинея, и Гильдигу, и их улусных людей, и с их улусными людьми по их вере привести к шерти, на том, что им быть со всем родом и с улусными людьми под государевою [А. М.] высокою рукою навеки, неотступно, в прямом вечном ясачном холопстве, и ясак государев с себя и со всех своих родов давать по их мочи по вся годы безпереводно.

А которого города тех новых неясачных людей и кого именем к шерти приведут, и тех лутчих людей имена у себя записывать в книги.

А приводить их к шерти и взять в аманаты тех лутчих людей, чтоб вперёд с тех родов государев ясак ласкою имати по вся годы. И им, князю Лавкаю и князю Шильгинею да князю Гильдиге и их улусным людям, заказывать накрепко, устрашая государевою грозною и смертною казнью, чтоб они торговых и промышленных людей грабить и побивать, и теснить, и ничем теснить и изобижать им не велеть.

А будет те новые неясачные люди учинятся непослушны, государева ясак и аманатов давать не учнут, и ему, Ярофею, со служилыми и промышле-

ными людьми, прося у Бога милости, над ними промышлять войною всеми служилыми и с промышленными людьми, чтоб их, немирных неясачных людей, ратным обычаем, войною, смирить и аманатов из их взять лутчих людей, под кого б можно впредь ясак на государя взять.

И смотря по тамошней мере, всякими мерами промышляти над иноземцы — над князь Лавкаем да над князь Шильгинеем, да князем Гильдигию и над иными неясачными людьми — с великим раденьем, неоллошно, чтоб государеве ясачной учинить немалой прибыли, которая б государю впредь прочна была и стоятельна, за ту службу видеть в государеве жалованье.

А однолично б тебе, Ярофею, государевым делом радеть, под государеву царскую высокую руку князя Лавкая да князя Шильгинея, да князя Гильдигу, и иных неясачных непослушных людей, которые государю ясака не платят, приводить и смирять их, прося у Бога милости, приходить на них безвестным, тайным обычаем и смирять их ратным боем.

А будет Бог помощи подаст, и будут под государевою высокою рукою, то с них имать собольи шубы, соболи и ожерелья, и пластины собольи, и наполники собольи, и лисицы чёрные, и чёрнобурые, и бурые, и бобры, и выдры. А у которых будет неясачных людей степные места, а не лесные, а в тех степных местех соболей и лисиц, и бобров, и выдр нет, и с тех людей имать иными какими сборами или узорочными товары, что у них в земле есть, золото или серебро, или камки, или каменьё дорогое, по их изможению.

А тем бы они не раздумали, что для своей ясачной звериной скудости им не быть под государевою высокою рукою, и им бы однолично ни в том не опасаться, и вперёд бы государю прочно было и стоятельно, а им бы, новым людям, не в тягость и не в налог, чтоб тем от царския руки не отгонить.

Да есть де им всем князь Богдай, и Ярофею и ко князю Богдою посылать посланников. А велеть им говорить, чтоб князь Богдай с родом своим и с племенем, и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя [А. М.] высокою рукою в холопстве, потому что государь наш страшен и велик, и многим государством государь и обладатель, и от его государского ратного бою никто не мог стоять.

А про их землю государю нашему было неизвестно, а ныне ему, государю, ведомо учинилось. Велел послать своих государевых ратных людей не для бою, [а] для того, что велел им говорить, чтоб он себя не разорял и бою бы с его государскими людьми не чинили, потому что многих государств государи живут при его, государеве, милости в холопстве, в тишине и в благоденстве, и ему, государю, служат и дань дают. И он бы, Богдай, по тому ж с себя и своих людей государю дань давал златом и серебром, и драгим каменьём, и узорочным.

И будет князь Богдай с родом своим и со всеми иными улусными людьми под его государевою [А. М.] высокою рукою будут послушны и покорны, дань и ясак с себя и рода своего, и со всеми улусными людьми по вся годы учнут платить, и мы князь Богдою со всеми своими улусными людьми жить на прежних своих городах без боязни, и велит государь оберегать своим государевым ратным людям. И того князь Богдою с родом своим и его улусными людьми по их вере приводить к шерти на том, чтоб были со всем

своим родом и улусными илюдьми под государевою [А. М.] высокою рукою навеки неотступно в прямом холопстве.

А будет князь Богдай с родом своим и племенем, и улусными своими людьми учинятся да непослушны и непокорны, и государева ясака и аманатов давать не учнут, и ему, Ярофею, с товарищи, служилыми и промышленными людьми, безвестным и тайным обычаем смирять их ратным боем.

И как Бог помощи подаст, и будет под государевою высокою рукою, и с него, Богдая, имать дань или ясак — собольи шубы, соболи и ожерелья, и пластины собольи, наполники собольи, и лисицы чёрные и чернобурая, и бурая, и чёрночерёвая, и красная, и шубы горносталя, и бобры, и выдры. А у которых будет неясачных людей степные места, а не лесные, а в тех степных местах соболей и лисиц, и бобров, и выдр нет, и с тех людей имать иными какими сборами или узорочными товарами, что у них в их земле есть, золото или серебро, или камки, или каменьё дорогое, по их изможению.

А за тем бы он не раздумывал, что для своей ясачной звериной скудости им не быть под государевою высокою рукою, и им бы ни в чём однолично в том не опасаться, и впредь бы государю прочно было и стоятельно, а им, новым людям, не в тягость и не в налог, чтоб им тем от царския высокия руки не отгонить, а имать у них, что им вмошь платить.

А будет они, князь Лавкай, Шильгиней и Гильдига, и князь Богдай, с родом своим и улусными людьми платить не учнут и под государевою [А. М.] высокою рукою в вечном холопстве быть не захотят, и на них, на князей на Лавкай и на Шильгиней, и на Гильдигу, и на князь Богдая, и на иных неясачных людей, прося у Бога милости, воевода Дмитрией Андреевич Францбеков ла дьяк Осип Степанов будут они, собрався со многими ратными большими людьми, и велят их всех побивать и вешать, и разорять, а повоевав дооснованья, жён их и детей в полон возьмут.

А будет они, неясачные люди, государю покорны и послушны во всём будут, и иных людей по тому ж'приводить по их вере к шерти, что они, однолично быв под государевою царскою высокою рукою в вечном ясачном холопстве, неподвижны быть, и ясак бы с себя и улусных своих людей по вся годы безпереводно платить.» [132]

Из этой части наказной памяти видно, что представления о истинном положении народов, живших на берегах Амура и прилегающих к нему областях, у воеводы, да и вообще у всех русских, были довольно смутными и наивными.

А далее в наказной памяти расписано, какой властью наделялся Хабаров по отношению к служилым и охочим людям, которые пошли с ним на Амур.

«И меж служилыми промышленными людьми, которые с ним, Ярофеем, охочие люди, и тех людей судить и расправу чинить, смотря по вине, ото всякого дурна унимать, и за непослушанье и за воровство чинить им наказание.

А будет которые служилые и промышленные люди учнут тебе, Ярофею, челобитные подаваать в суде по кабалам, то судить их, а в больших делах

срочить в Якутской острог, имать по их поручные записки, и поручные записи и челобитные, и записки присылать в Якутской острог в Съезжую избу к воеводе Дмитрею Андреевичу Францбекову да дьяку Осипу Степанову.» [133]

В отличие от первой наказной памяти, Хабаров был наделён властью судить служилых и промышленных людей за исключением «больших» дел. А кто, как не Хабаров, мог определить, какое дело большое, а какое малое?

Далее давались наставления, как себя вести посланникам, которые будут отправлены к князю Богдаю.

«А как он, Ярофей, учнёт посылать ко князю Богдаю служилых людей, и ему, Ярофею, написать государевы титула слово в слово и приказать говорить в посольстве про государево [А. М.] многолетнее здоровье в его государеву повышению с большим опасеньем, и ни какую простотою в посольстве не оказаться. А титулы писать ниже сего.» [134]

Далее перечислены титулы, а затем речь, которую должны были произнести перед князем Богдаем:

«Велели говорить по государеву [А. М.] указу воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов тебе, князю Богдаю, чтобы ты был под государя нашего [А. М.] высокою рукою. А государь наш [А. М.] силен и велик, и страшен многим царям и государем, и великим князьям повелитель и государь. И служат ему, государю, цари и великие князья со всеми своими государствами, которые все выше в государеве титуле написаны, и от его, государева, ратного бою никто стоять не может.

А про тебя, князя Богдая, ему, государю было неизвестно. И ныне государь изволил нам приказать послать небольших людей и оказать вам государеву милость. Посланы не для бою — чтобы ты, Богдай, был под его государевою высокою рукою.

А будет ты, Богдай, не будешь под его государевою высокою рукою в вечном холопстве, и мы будем на тебя писать к великому государю [А. М.] к Москве, чтоб он, государь, велел быть своим государевым ратным многим людям и тебя, Богдая, за непослушанье велел государь разорить и город твой взять на себя, государя, и всех вас, и жён, и детей ваших побить безосдатка, чтоб, смотря на тебя, князя Богдая, и на твоё непослушанье, и иные Даурские земли, которые не под твоим княжением, видя государя нашего [А. М.] и смертную казнь, и разорение, были бы покорны и послушны без бою.

А государь наш милостив, кровям ничьм не искатель. Которые ему, государю, добьют челом в холопстве и учнут непротивны быть, тех их кровей и не искатель, и их пожалует.

Да и тебе, князю Богдаю, ведомо б было, что и до больших государевых людей на тебя, князя Богдая, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков и дьяк Осип Степанов пойдут шестью тысячами с пушками и с огненным многим боем за твоё, Богдаево, непослушанье.

Люди посланы были для проводывания Лавкаева княжения, а ныне посланы небольшие люди для посольства и ведомости, будет ли твоё, Богдаево, послушанье.

А здесь в его, государеве [А. М.], в одном Сибирском государстве и вверх, и вниз по Лене, и по иным сторонним рекам в его государстве в вечном холопстве в одном городе якуты, тунгусы и юкагиры, многие люди, ратному делу навичны и государю нашему [А. М.] на изиенников и на непослушных людей в походы ходят и бьются, не шадя голов своих в смерти. И самому тебе, князю Богдаю, ведомо, потому что государя нашего [А. М.] ясачные тунгусы с князь Лавкаевыми с улусными людьми сходятся и живут с Олёкмы на шильских и амурских вершинах.» [135]

Сведения о военной силе, которые должны были сообщить посланники, не соответствовало действительности, и были просто рассчитано на устрашение.

С Хабаровым были посланы две грамоты для вручения князю Лавкаю и князю Богдаю. В первой из них написано:

«Бога, в Троице славимого милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси самодержец [далее перечислены остальные титулы — Г. К.] ведомо ему, государю, учинилося: Даурская земля на Амуре реке, твоё, князь Лавкаево, княжение.

И по государеву [А. М.] указу воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов в прошлом во 157 [1649] году послали к тебе, князю Лавкаю, для проводыванья в послах приказного человека Ярофея Хабарова не с большими людьми.

И как Ярофей Хабаров на Амур реку пришёл, и ты, князь Лавкай, с братьями и с улусными людьми пять городов своих покинул пусты, а побежал ты [к] князю Богдаю.» [136]

Получается, что воевода Францбеков верил рассказам Хабарова о том, что тот прошёл по пяти городам. Далее в грамоте написано:

«И ныне воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов того ж приказного человека Ярофея Хабарова для посольства к тебе, князю Лавкаю, послали с невеликими людьми. А велели тебе, князю Лавкаю, сказать государя нашего [А. М.] милостивое жалованное слово, чтоб ты, князь Лавкай, был под его, государя нашего [А. М.], высокою рукою в вечном холопстве со всем своим родом и с ыными даурскими князьями, которые под твоим, князь Лавкаевым, княжением, и со всеми улусными людьми.

А государь наш [А. М.] силён и велик ...» [137]

Далее написано то же, что должен был сказать Хабаров в своей речи. Такая же грамота была заготовлена для вручения князю Богдаю.

После отправки Хабарова на Амур воевода Францбеков послал отписку в Москву:

«В нынешнем во 158 [1650] году, июля в 9 день, отпустили мы, холопи твои, на твою государеву [А. М.] службу в новую Даурскую землю, на великую Амур реку, приказного человека Ярофея Павлова сына Хабарова да с ним служилых людей дватцать одного человека. Да он, Ярофей, прибрал в Якутцком остроге ис промышленных людей, охочих в службу, сто семнатцать человек.

Да я, государь, холоп твой Оска, отпустил для той новой государевы

службы людишек своих дву человек. И всего, государь, служилых и промышленных, и всяких людей, сто тритцать человек на твоих государевых на девяти дощаниках со всеми твоими государевыми судовыми снастями.

Да ему ж, Ярофею, дано для ратного бою пищаль полковая медная да две пищали железных. Да к тем пищалям в запасы десять пуд зелья пушечного, да свинцу десять же пуд, да сто девяносто ядер свинцовых весом два пуда, дватцать пять пищалей да десять пуд зелья ручнова, да свинцу десять же пуд, да тритцать четыре кукя, да дватцать трои наручи, да тринацать шапок ерихонских, да две шапки-мисюрки, да пансырей.

А ныне, государь, многие промышленные люди хотят итти в ту же Даурскую землю, и за ружьём, государь, из Якутцкого острогу не пошли, потому что в твоей государеве казне в Якутском остроге в запас в твоей государеве казне ружья — пятьсот пищалей гладких да сто пансырей добрых с шапками-мисюрками.

Да я аманатской по их же ...

А тот, государь, Ярофей Хабаров в новой в Даурской земли поиск учинил. И о том, государь, мы, холопи твои, наперёд сего с служилыми людьми, с Матюшкою Сосновским с товарищи, писали. И что вперёд он же, Ярофей, с прежними и нынешними с служилыми и охочими, и с промышленными людьми по нашему, холопей твоих, писму к дючерским князем в новой в Даурской земли на великой на Амуре реке над даурскими князем над Лавкаем да над Шильгинею, и над Гильдигую, и над богдойскими, что как-ва поиска учинит, и мы, государь, холопи твои, велели ему, Ярофею, быть самому в Якутцкой острог для подлинново дела, и что, Божиею милостью и твоим государским счастьем, учинитца по нашему писмю, и мы, холопи твои, о том отпишем к тебе, государю, к Москве.» [138]

Францбеков сообщил, что отпустил Хабарова на Амур 9 июля 1650 года. Однако, в счётном списке воеводы М. С. Лодыженского записано:

«Июля в 25 день на праздник ангела государыни царевны и великие княжны Анны Михайловны государева жалованья погреб вина горячего:

<...> Да новоприборным даурским служилым людям 136 человеком дано 544 чарки вина.» [139]

Но, видимо, запись о выдаче вина новоприборным даурским людям сделана задним числом, так как она не согласуется с датой отпуска в Дауры, 9 июля.

С запозданием, но всё же в Москву поступали сведения о походе Хабарова, которые сообщать воеводе Францбекову было невыгодно. Они поступали от остававшегося в Якутском остроге прежнего дьяка Пётра Стеньшина. Стеньшин писал:

«И в прошлом, государь, во 158 [1650] году, весною, тот Ярофейко Хабаров из Даурской земли в Якутцкой острог к воеводе к Дмитрею Францбекову и к дьяку Осипу Степанову приплыл. И воевода Дмитрий и дьяк Осип по твоему государеву указу дали ему наказную память. А в той наказной памяти без твоего государева указа написал ему, Ярофейку, целым именем с «вичом»: «Ярофей Павлович», и посольскую речь ис своего наказа, как он, Дмитрий, по указу блаженные памяти государя [М. Ф.] указу ис Москвы

посылан был в немцы, в Стекольну [Стокгольм — Г. К.]. А в той посыльной речи писал ему, Ярофейку, как ему к даурским князцом послов посылать и речь от тебя, государя, говорить без твоего, государева, указу.

А по том, государь, пашенном крестьянине Ярофейке Павлове сыне Хабарове устюжанине взята в твою государеву казну поручная запись. И та по нём запись воеводе Дмитрею Францбекову да дьяку Осипу Степанову отдана.

А в той ево, Ярофейковой, поручной записи написано, что ему, Ярофейку, на Лене реке, на усть Киренги реки, после урочных годов на тебя, государя, пашня пахать от девяти десятую десятину по вся годы безпереводно, чтоб год от году пашня пространилась и не запустела, и хитрости, и порухи никоторой не чинить, и пашни не покинуть. А будет пашни пахать не станет и пашню покинет, и на тех порутчиках ево взяти твоя, государева, пеня, и их, порутчиковы, головы в его, Ярофейковы, головы место и твоя, государева, пашня.

А не токмо, государь, что ему такая твоя государева даурская служба и посольская речь за обычей, нигде тот Ярко на твоей государеве службе преж сего ни в посольстве не бывал, и ничего, опрично пашни, тот Ярофейко не знает.

Да с ним же, Ярофейком, в те поры воевода Дмитрий Францбеков из Якутцкого острогу отпустил твой государев наряд, три пушки, которые у нас приняли, да твоих государевых служилых людей, Тобольского города казаков, Третьяка Ермолина сына Чечигина с товарищи, дватцати человек.

А послал, государь, он, Дмитрий, того Ярофейка Павлова в Даурскую землю не для твоей государевой службы — для своей бездельной корысти и нажитку, дав ему, Ярофейку, своих денег две тысячи девятьсот рублёв. В том к ево, Ярофейковой, запасной для смертного часу духовной изустной памяти он, Дмитрий, велел духовному Якутцкого острогу троетцкому чёрному попу Перфирию и белому попу Стефану и руки свои приложить. И та ево, Ярофейкова, духовная у него, Дмитрея.

И про тоё ево даурскую посылку, что он с Ярофейком для своего нажитку послал ево и деньги, ведомо многим Якутцкого острогу служилым людям и торговым людям.

Да Дмитрий же Францбеков в те ж поры для той же даурской службы своего нажитку дал промышленному человеку Соли Вычегоцкой Дружинке Васильеву сыну Попову шестьсот рублёв. А тот Дружинка до тех мест был промышленным, во 157 [1649] году из Енисейского на судне устюжанина у Павла Фотиева сына Бизимова в наёмщиках, и в Якутцкой острог пришёл без товару.

А к тебе, государю, он, Дмитрий, про ту Даурскую землю писал [с] ссыльным иноземцом, которого по твоей государеве грамоте из Якутцкого острогу в сибирские и в русские города некуда выпускать не велено, с Матюшкою Сосновским, свою службу прикраскою, там и не бывало, что будто Ярофейка в Даурской земли поймал пять городов.

И тот ссыльной Матюшка Сосновской, ехав сибирскими города в другие города к тебе, государю, к Москве, обыском, прослышкою, в первом

ленском острожке, которой по твоему государеву указу на Ленском волоку, на Илеме реке, мы, холопи твои, поставили, в том острожке [Илимске — Г. К.] твоему государеву воеводе Тимофею Шушерину при Ленском Илимского волоку церкви Нерукотворённого образа господа Бога нашего Исуса Христа и при енисейском сыне боярском при Парфёне Ходыреве, и при игумене Варламе, которой в те поры из Тобольска ехал в Ленской, сказывал по ево ли, будет, Дмитриеву приказу или своим затейным воровством, что будто он, Матюшка, от нево, Дмитрея, везёт к тебе, государю, из Даур узорочья: камень дорогой и жемчугу самого большого, крупново. Про то, приехав в Якутской острог, сказывал сын боярской Парфён Ходырев.

А что твоего государева наряду из Якутцково с тем Ярофейком послано, и что ему Дмитрий в Даурскую землю денег своих дал, и как, едучи Якутцкого острогу с новоприборными с промышленными людьми и с тем Дружинкою Васильевым на усть Олёкмы реки твоих государевых ясачных якутов грабили, и с пищалей по ним стреляли, и их переранили, и грабежом у них коров и быков поимали, и с собою взяли, и что Матюшка Сосновской, едучи к тебе, государю, к Москве, на Ленском волоку даурскому дорогому камению цену сказывал, и чемчугу [жемчугу — Г. К.] с собою отвёз, о том писал к тебе, государю, я, холоп твой, во 158 [1650] году.» [140]

Здесь мы привели только ту часть отписки Петра Стеньшина, которая относится к первому приходу Хабарова на Амур. Только лишь сведения об ограблении якутов на устье Олёкмы относятся ко второму приходу. Об этом пойдёт речь в следующей главе.

Как сообщает Пётр Стеньшин, это его вторая отписка о Хабарове. Она была получена в Москве 18 февраля 1652 года. А предыдущую его отписку, если она сохранилась, ещё предстоит отыскать.

К приведённой здесь отписке необходимо сделать некоторые пояснения.

Пётр Стеньшин возмущался тем, что воевода Дмитрий Францбеков в наказной памяти назвал Хабарова по отчеству Павлович. В те времена, как и сейчас, это означало уважительное отношение к человеку. Но такого уважительного отношения в документах удостоивались не многие. В грамотах, обращённых к воеводам и дьякам, воеводы назывались по имени, отчеству и фамилии, а дьяки только по имени и фамилии. Однако, в отписках приказчиков к воеводам и дьякам оба иногда назывались по имени и отчеству, но без фамилии. Когда же о них писалось в третьем лице, то даже воеводу можно было назвать только по имени. В частной переписке даже крестьяне называли друг друга по имени и отчеству. В разговорах также выражали своё уважение, называя собеседника по имени и отчеству. А вот в спорах и перебранках по имени и отчеству друг друга уже не называли. И это воспринималось как оскорбление. Даже существовало такое слово «безвичить».

Пётр Стеньшин упомянул о том, что при царе Михаиле Фёдоровиче Дмитрий Францбеков был направлен послом «в немцы» (так называли европейских иностранцев) — в Швецию, в Стокгольм, где он произносил написанную для него речь. По этому же подобию он написал и речь для Хабарова.

Государеву пашню Хабаров не покинул. Своё хозяйство он оставил на

попечение брату Никифору, а когда потом Никифор тоже пошёл в Даурскую землю, пашню Ерофей оставил временно своему другу Панфилу Яковлеву. Пашню Хабарова обрабатывали арендаторы-половники. Кроме того, у Хабарова был приказчик. В его ведении находились холопы Хабарова, наёмные работники, несколько ясырей, две мельницы. Он же взимал половину урожая с половников.

Пётр Стеньшин возложил вину о ложных сведениях, будто Хабаров взял пять даурских городов, на воеводу Францбекова, но, судя по грамотам Лавкаю и Богдою, Францбеков верил этому.

Духовная память Хабарова, о которой упоминает Пётр Стеньшин, историками не найдена.

Брат Ерофея Хабарова Никифор и на этот раз на Амур не пошёл. О нём имеется несколько записей, относящихся к лету 1650 года.

В таможенной книге явчих пошлин и годового оброка Якутского острога за 1650 год записано:

«Июля в 22 день с промысленных людей:

с Савки Иванова устьянца

с Микифорка Павлова Хабарова <...>

по восьми алтын по две деньги с человека. С них же явчего по алтыну с человека.» [141]

В явчей книге отъезда:

«Того ж дни [23 июля 1650 г.] отпущены из Якутцкого острогу ис таможи вверх по великой реке Лене через Илимской волок, мимо Енисейской острог и к Русе, промыслены люди:

Савка Иванов устьянец

Никифорко Павлов Хабаров

Савка Фёдоров вологжанин

Якунька Яковлев мезенец

Ивашко Спиридонов вычегжанин.

А товару и денег у них нет. Отъезжих пошлин с них пять алтын взято. С них же печатных пошлин с чело века по гривне. Итого шеснатцать алтын чейыре деньги взято.» [142]

Правда, не совсем ясно, как ездили «к Русе» без денег.

Но, видимо, отъезд задержался, о чём свидетельствует приводимая ниже кабала:

«Се аз, гостиной сотни Микифора Ревякина прикащик Сава Кондратьев, занял есми в Якутцком остроге у торгового человека Микифора Павлова сына Хабарова устюжанина сто рублёв денег московских ходячих прямых бес приписи [до] 160 [1652] году. А отдать те деньги на Русе без росту. А поляжет кабала по строце, и рост давать на пятой шестой.

А где кабала выляжет, тут по ней и суд, и правёж. А хто с сею кабалою станет, тот и истец.

На то послух промышленной человек Харитон Дмитриев вятчанин.

Кабалу писал в Якутцком остроге брат Савы Кондратьева Афонька Захарьев.

Лета 7158 [1650] году, августа 26 день.» [143]

Примечания

1. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 237, л. 41.
2. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1119, л. 7.
3. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 296, л. 109об—110.
4. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 237, л. 44—45.
5. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 237, л. 81.
6. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 358, л. 4об—5об.
7. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 230, л. 27.
8. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 360, л. 32.
9. АИ, т. IV, СПб, 1842, док. 31, I, с. 67—68.
10. Там же, с. 68—70.
11. АИ, т. IV, СПб, 1642, док. 31, II, с. 70.
12. Ф. 214, ст. 316, л. 110.
13. Там же, л. 130.
14. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 230, л. 34об; это же Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 360, л. 38об—39.
15. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 364, л. 21.
16. АИ, т. IV, СПб, 1842, док. 31, с. 71—72.
17. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 306, л. 2об—3.
18. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 843, л. 28.
19. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 299, л. 3—3об.
20. Бахрушин С. В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке. // Исторические записки, т. 14, М. 1941, с. 109.
21. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 239, л. 7.
22. Там же, л. 8.
23. Алексеев А. Одиссея Ерофея Хабарова. // Амур — река подвигов. Хабаровск, 1970, с. 207.
24. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 377, л. 11.
25. Ф. 214, ст. 460, л. 53.
26. Там же, л. 15.
27. Ф. 214, ст. 411, л. 80.
28. Там же, л. 70.
29. Ф. 214, ст. 467, л. 53.
30. Там же, л. 367.
31. Ф. 214, ст. 411, л. 91.
32. Ф. 214, ст. 389, л. 148.
33. Ф. 214, ст. 361, л. 1.
34. Там же, л. 1.
35. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 867, л. 4.
36. Ф. 214, ст. 338, л. 262.
37. ДАИ, т. III, док. № 50, СПб, 1848, с. 173—174.
38. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 345, л. 169.
39. Ф. 214, ст. 360, л. 372—373.
40. Амур — река подвигов. Хабаровск, 1983, с. 97.
41. ДАИ, т. III, док. № 72, СПб, 1848, с. 258.
42. Там же, с. 258—261.
43. Ф. 214, ст. 460, л. 25.
44. Там же, л. 32—33.
45. Там же, л. 56.
46. Там же, л. 37.
47. Там же, л. 56.
48. Пеонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. 1991, с. 54.
49. Ф. 214, ст. 460, л. 33—34.
50. Соловьёв С. М. Сочинения, М., 1991, кн. VI, т. 12, с. 570—571.
51. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 55.

52. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток, 1999, с. 22.
53. Гонсович Евгений. Гора «Шапка» на р. Амуре. // Сибирский архив. Иркутск, декабрь 1913, № 12, с. 516—517.
54. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917), М., 1991, с. 30.
55. Ф. 214, ст. 344, ч. I, л. 82—83.
56. Ф. 214, ст. 460, л. 25.
57. Ф. 214, ст. 467, л. 327—328.
58. Ф. 214, ст. 389, л. 60—61.
59. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 387, л. 97—97об.
60. Там же, л. 98об—99.
61. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 907, л. 52.
62. Ф. 214, ст. 338, л. 363.
63. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 24, л. 60.
64. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 361, л. 2—2об.
65. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 358, л. 24об.
66. Там же, л. 28об—29.
67. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 297, л. 182—162об.
68. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 345, л. 152—153.
69. Там же, л. 215.
70. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 337, л. 132.
71. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 387, л. 10.
72. Ф. 214, ст. 338, л. 29.
73. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 292, л. 40—40об.
74. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 56.
75. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров, Хабаровск, 1983, с. 27.
76. Ф. 214, ст. 348, л. 280.
77. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15053, л. 100об—101.
78. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15052, л. 277.
79. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15058, л. 56.
80. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 451, л. 265.
81. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 449, л. 236—236 об.
82. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15039, с. 178.
83. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 460, л. 5об.
84. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 62, л. 45.
85. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 57, л. 33—34.
86. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 144, л. 96—96об.
87. Там же, л. 128.
88. Ф. 214, ст. 368, л. 39аоб, 41, 43.
89. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 711, л. 8.
90. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 46, л. 20.
91. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 223, л. 35об.
92. Там же, л. 42—42об.
93. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 222, л. 66.
94. Там же, л. 73.
95. Там же, л. 9—9об.
96. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 228, л. 222—222об.
97. Ф. 214, кн. 230, л. 40—41об.
98. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 269, л. 40—41.
99. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 274, л. 239.
100. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 25, л. 64.
101. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 345, л. 11—11об.
102. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 346, л. 150—150об.
103. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 347, л. 13—14.
104. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 337, л. 46об—47.

105. Там же, л. 104.
106. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 387, л. 91об—92.
107. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 386, л. 74об—75.
108. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 387, л. 125об.
109. Ф. 214, кн. 375, л. 29об.
110. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 419.
111. Ф. 214, кн. 375, л. 96.
112. Там же, л. 187об.
113. Там же, л. 96.
114. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1955, л. 88.
115. Ф. 214, ст. 639, л. 205.
116. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 909, л. 1—1об.
117. Ф. 214, ст. 467, л. 124—126.
118. Ф. 214, ст. 389, л. 61.
119. Ф. 214, ст. 467, л. 78—79.
120. Там же, л. 128.
121. Ф. 21, ед. хр. 30, № 168, л. 360—360об.
122. Ф. 214, ст. 588, л. 90—92.
123. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 1055, л. 40.
124. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 387, л. 147об—148.
125. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 1055, л. 23.
126. Ф. 214, ст. 381, л. 92.
127. Там же, л. 96.
128. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 32, № 62, с. 78об.
129. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 15052, л. 248об—149.
130. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб, 1840, т. 27, № 105, с 70—71.
131. Там же, с. 71—72.
132. Там же, с. 72—78.
133. Там же, с. 77—78.
134. Там же, с. 78.
135. Там же, с. 79—81.
136. Сын Отечества, СПб, 1640, т. I, кн. 1, с. 102.
137. Там же, л. 102.
138. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 902, л. 19—20.
139. Ф. 214, ст. 316, л. 146.
140. Ф. 214, ст. 338, л. 262—264.
141. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 387, л. 69об.
142. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 387, л. 275об—276.
143. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 89.

НА АМУРЕ

Когда Хабаров пошёл в Якутск, то он оставил в Лавкаеве городке часть служилых людей. Никаких отписок они не писали. О их действиях известно из расспросов, произведённых приезжавшим на Амур московским дворянином Дмитрием Ивановичем Зиновьевым в 1653 году. Было расспрошено несколько из этих остававшихся на Амуре людей после отъезда Хабарова. Все они говорили примерно одно и то же. Приведём рассказ служилых людей, которые к приезду Зиновьева стали не рядовыми, а десятниками.

«Того ж числа [2 сентября 1653 г.] расспрашиваны десятники:

Максимко Михайлов

Онтонко Евсевьев

Федотко Бурдук

Васка Митропольщин

Кормашко Иванов

Марко Ондреев,

и в роспросе сказали:

В прошлом де во 157 [1649, а вернее, в 1650] году пришли де они в Даурскую землю с Ярком Хабаровым.

И как де они дошли с Ярком до князь Лавкаевых улусов, и городок де князь Лавкаев и улусы все пусты. А в том де городке пять башен. А городок де огорожен так же, как и юрты, деланы жердями. А щели де с обе стороны замазаны глиною. А городок де вдоль сажен з дватцать, а поперёг сажен с пятнатцать. А башнишка деланы так же, как и юрты. А крепость де тот городок от стрелы, ис пишали де прострелить насквозь по обе стороны.

А около городка де был ров не в большева человека глубиною. А из городка де были в ров подлазы. А надолб де и тайников не было. А стоял де городок на берегу реки Амуре одною стороною, а круг де городка реки нет. А в городке де было пять юрт. А юрты де малые для осады. А в юрте де мочно жить с нужею большею человек по дватцати.

А из Лавкаева де городка, того ж году в Великой пост Ярко Хабаров пошёл от них в Якутцкой острог.» [1]

Как видим, описание укреплений городка выглядит более скромным по сравнению с описанием Хабарова. Точную дату отправления Хабарова в обратный путь установить нельзя. Францбеков писал в Москву, что засели они в Лавкаеве городке с великого заговенья 1650 года (21 февраля), т. е. с начала Великого поста. А Великий пост длится семь недель. Ни о каком походе на пять даурских городков в рассказе служилых людей речи нет.

А далее они рассказали о своих действиях на Амуре после ухода Хабарова в Якутск.

«И они де в Лавкаеве городке после Ярка жили до Семёня дни [1 сентября] 158 [1649] году. А после де Семёня дни пришли под Албазин городок. А в Албазине городке четыре башни. А городок де Албазин стенами и башнями, и с крепостьми таков же, что и Лавкаев городок. А пошли де из Лавкаева городка от хлебные скудости.

А к Ярку де они из Лавкаева городка посылали навстречу для поспешенья за Даурской волок на Тугирь и приказывали к Ярку, что изнял их в Лавкаеве городке голод. А пришедчи де они под Албазин городок, посылали де к нему, Ярку, втретье, чтоб к ним спешил.

И поставили де под Албазином городком в лучном стрельбище избу о четырех житях, и зделали в ней четверы бои. И к городу де Албазину они приступали за щитом. И силы де их столько не стало, что[б] городок взять. И ранили де товрыщев ево человек с пятнатцать и больше. А даурских де людей они на приступе убили человек з дватцать.» [2]

А подьячий Иван Прокопьев Посохов рассказал более подробно:

«А жили де они в городе без Ярка. А Ярко де в ту пору ходил в Якуцкой острог. Носил с собою хлеб даурской для показу да с роспросными речьми бабы Могочаги, да для войска.

И ходили де они ис того города двенатцать походов на даурских людей. И взяли де мы в походах Шилгинеева сына Албачю. И он де ево Шилгиней прислал к нам з другим сыном с Араулем государева ясаку тритцать соболей. А как де прислал отец ево, Арауля, сына своего, государю с ясаком, и они де взяли ево к себе в аманаты. А прислан де был отцу ево на перемену сыну ж своему Албаче в аманаты. И они де держали их в крепии у себя с неделю времени. И в то де время даурские люди поимали на розговоре Яркова кабальнова человека Бузюка якута. И оне де на Бузюка променили даурским людем Анбачю.

И жили де они тут в Лавкаеве городе с половины зимы до Семёня дни 158 году [до 1 сентября 1650 г.]. И живучи де они в том городе, собрали государю ясака з даурских людей четыре сорока шесть соболей да шубу соболью. И те де соболи и шуба посланы к государю к Москве з Дружинкою Васильевым. А збирали де они тот ясак с енисейским служилым человеком с толмачом с Косткою Ивановым с товарищи до Яркова приходу.

А из Лавкаева де городка пришли они того ж году до Ярка ж в Албазин город. А в городе живут люди из улусов де из ближних, которые жили подле город. Выбежали все в город же <...>.

И пришедчи де оне под Албазин город, почали у даурских людей государю ясаку (просить). И даурские люди им сказали, что де было у нас соболей,

и мы де к вам послали соболи в ясак в Лавкаев город со князем Шилгинеем. И опричь тово соболей у нас нет.

А людей де было в то время даурских в Албазине городе ста с три или с четыре. И хотели их побить обманом. А их де было, служилых вольных людей, пятьдесят два человека.

И в то де время поимали в языки улусново мужика Мазегу да Шилгине-еву жену. И оне де тех языков спрашивали. И в роспросе де им сказали, что хотят их даурские люди побить обманом. И они де, зделав щиты на колёсах, к Албазину городу приступали. И у них де на приступе четырёх человек убили досмерти, а иных переранили. А они де побили и переранили даурских людей человек с сорок. И даурских де людей стало к городу прибывать.

И они де, Ивашко с товарищи, с приказными людьми, от городка отошли з десятник места и поставили себе острожек. И в тот острожек пришёл к ним из Якуцкого острогу Ярко Хабаров, а с ним вольных и служилых людей сто пятьдесят человек.» [3]

Обратим внимание на противоречивые сведения о численности отряда, которые давал сам же Иван Посохов. Здесь он говорил, что после ухода Хабарова на Амуре осталось 52 человека. В этом же расспросе он сказал:

«А шли де они с Тугири реки на Амур до усть реки Урки семь дней с нартами налегке. И людей де Ярофеевых на ево подъёмах дватцать человек и служилых людей тритцать человек на Амуре реке.» [4]

Ещё заметим: то, что десятники называли «избою о четырёх житьях», Иван Посохов назвал острожком.

А теперь приступим к описанию похода Хабарова и его действий на Амуре. Документы, повествующие об этом, делятся на три части. Одна часть — это отписки Хабарова и воеводы Францбекова. Вторая часть противоречит первой, это известная челобитная Стеньки Васильева Полякова с товарищами и расспросы амурских служилых людей, произведённые московским дворянином Дмитрием Зиновьевым, приезжавшим на Амур в 1653 году, а также жалобы на Хабарова различных людей. К третьей части относятся документы нейтральные.

18 февраля 1652 года в Сибирском приказе получили отписку бывшего дьяка Петра Стеньшина, которую он писал летом 1651 года:

«И как Ярофейко во 158 [1650] году из Якуцкого острогу в Дауры пошел, и на Олёкме твоих государевых ясачных якутов грабили, и по них стреляли, и дву человек ранили, и быков и коров, побив, с собою поимали.» [5]

А в более поздней изветной челобитной, которую писали очевидцы этого события, сказано:

«Как он [Хабаров — Г. К.] отпущен из Якуцкого острогу от воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова на твою государеву службу на великую реку Амур во 158 [1650] году, идучи по Лене реке до усть Олёкмы реки, ниже Тавды реки грабил он, приказной человек Ярофей Хабаров, твоих государевых ясачных людей, якутов усть-олёкминских, и на погроме взял двенатцать быков да трёх якутов убил досмерти. И в тех ясачных зимовьях на Вилуе и на Олёкме в ево, Ярофеевых, погромех учинилась тебе, государю, в ясачном зборе большая поруха.» [6]

Здесь непонятно, почему на Вилюе «учинилась поруха». И далее:

«И августа в 29 день оставил он, приказной человек Ярофей Хабаров, на Олёкме реке Стеньку Полякова да Микулайка Юрьева [с] сорокью человеки на трёх дошаниках за каменем выше Нюкзи реки с твоей государевой казной: с пушками и с пищальми, и с порохом. А он, Ярофей, пошёл на-лекке на Амур реку. А нам, холопом твоим государевым, он, Ярофей, велел итти позаде себя за собою с твоей государевою казной до Амура реки в Лавкаево княжение. <...>

И мы, государь, холопи твои, которые, государь, оставлены были на Олёкме у твоей государевы казны на трёх дошаниках, и недошед усть Тугирия реки за десять дён, и тут нас, государь, холопей твоих, нял замороз. И мы, государь, холопи твои, лыжи и нарты поделали сорокью человеки, пушки и пищали, порох и свинец, и всю казну твою, государеву, положили на нарты. И всей было клади по десяти пуд и больши.

И шёл я, Стенька Поляков, с товарищи по Олёкме реке на лыжах с нартами. А твою государеву казну на нартах волокли, до Тугирия десять дён ходу было пешево. А по Тугирию — две недели до волоку. А с Тугирия через камень за волок до Лавкаева княженья — две недели, где было велено, государь, нам твоя государева казна поставить.

И как пришли в Лавкаево княжение, и Лавкаев город сожжён и разорён, и посад сожжён и разорён. А ево, Ярофея, тут нет, ни вести нет, где он, Ярофей, живёт.

И мы, холопи твои государевы, видячи того места разоренья, и пошли на низ по Амуру реке с твоей государевой казной искать ево, Ярофея, ниже Лавкаева княженья. Взял нас, холопей твоих, голод. И от таково голоду мало не померли мы, холопи твои государевы. И тут мы, холопи твои, твоей государевы казны не покинули, нужу и бедность принимали, голод терпели. И едва [написано: етва — Г. К.] мы ево, Ярофея, нашли ноября в 21 день в Албазине городке. А из Лавкаева княженья до Албазина городка ходу нашево было Даурскою землёю две недели.

И он, Ярофей, твою государеву казну у нас, холопей твоих, всю сполна здраво принял. И приняв, он, Ярофей, учал называть своим животом, а не твоей государевой казной. Пушки и пищали, и порох, и свинец, и куяки и сукна, котлы, косы и серпы, уклад взял де я из государевы казны, только де по оценке, в долг. И в той де казне дал дал на себя запись в казну в Якуцком остроге воеводе Дмитрею Андреевичю Франзбекову да дьяку Осипу Стефанову. Словёт то де: купил я ту казну государеву.

И учал продавать пищали и порох, и свинец, и сукна, и котлы, и серпы, и косы, все продавать дорогою ценою: пищаль да два фунта пороху, да два фунта свинцу, да котёл фунта четыре по штидесяти рублёв и по семидесят рублёв и больше.» [7]

Действительно, как писал потом в Москву воевода М. С. Лодыженский часть этой казны была куплена Хабаровым за деньги, «вцену»:

«Да на нём же, Ярке, по отписи за ево ж, Ярковою, рукою, что ему, Ярку, дали Дмитрий же и Осип в прошлом во 158 [1650] году для той же твоей государевы даурской службы вцену и без цены книг печатных и ладану, и к

ружьем, и пансырей, и куяков, и в пушках, и в колоколах меди, и в пищалех полковых, и в ядрах, и в (яд)рах железных, и всякого же медного заводу, и пороху, и свинцу, и дощаников, и лоток, и судовых всяких снастей, и парусов, и вина горячего, и сукон летчинных, и холстов-хрящу, всего против цены 158 [1649-1650] году взяти две тысячи двести шездесят девять рублёв шеснатцать алтын четыре деньги.» [8]

Здесь, правда, не оговорено, что было куплено, а что было дано без цены.

Степан Поляков и его товарищи умолчали о некоторых важных обстоятельствах. Не одни они везли государеву казну, а навстречу им для помощи Хабаров направил сорок человек во главе со служилым человеком Михаилом Артемьевым Кашинцем. Это следует из челобитной охочего служилого человека Фёдора Максимова Коркина, поданной в Якутском остроге позже 17 мая 1657 года, то-есть много позже описываемых событий:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой государев, великия реки Амура охочей служилой человек Федко Максимов сын Коркин.

В прошлом, государь, во 158 [1650] году был я, холоп твой, на соболином промыслу на Олёкме реке. И пришёл с Амура реки от приказного человека от Ярафея Хабарова Якутцкого острогу служилой человек Михайло Артемьев Кашинец с товарищи, 40 человек, и меня, государь, холопа твоего, с товарищи моими, с промышленными людьми, всего 12 человек, со всеми нашими промышленными заводы с Олёкмы реки из зимовья взяли в Даурскую землю для твоей государевы службы.

И я, холоп твой государев, с товарищи своими, с девятью человеки, твою государеву казну, которую оставил на Олёкме реке, идучи в Даурскую землю, Ярофей Хабаров, — оружие и порох, и свинец, и хлебные запасы, и судовые снасти, и якоря, — волочили зимним лыжным путём на нартах до Тугирского острожку и за Тугирской волок до Амазара реки 7 недель.

И, пришед на Амазар реку, сделали под твою государеву казну дощаник десяти сажень. И в том дощанике по той Амазару реке на Амур выплыть не могли, потому, государь, что в те поры вода была мала. И мы, государь, не хотя твоей государевы службы поставить, сделали барку пяти сажень. И в той барке с твоею государевою казною плыли вниз по Амуру реке. И, плывучи, пороги и шиверы на той реке разбирали и твою государеву казну обносили на себе.

И приплыли с тою твоею государевою казною, которая оставлена была на Олёкме реке, на великую реку Амур в Албазин городок к приказному человеку к Ярофею Хабарову, и тоё твою государеву казну отдали ему, Ярофею. И, приняв твою государеву казну, он, Ярофей, велел мне, холопу твоему, служить тебе, государю, на Амуре всякие твои государевы службы.» [9]

Год надо бы указать 159, а не 158, но, видимо, подзабыл Фёдор Коркин. Не упомянут и Степан Поляков с товарищами.

Прежний дьяк Пётр Стеньшин писал в Москву:

«Да я ж, государь, слышал от промышленных людей, которые пришли с Олёкмы, да от торгового человека Соли Вычегоцкой от Павла Бизимова: в нынешнем во 159 [1651] году посылал он с мезенцом с Петрушкою Саве-

льевым по Олёкме реке на соболиной промысел своих шесть ужин, да ево, Петрушкины, были две ужины. И тот де пашенной Ярофейко Хабаров те ужины и покручеников, их товары и хлебные запасы, и всякие соболиные заводы пограбили все без остатку, и покручеников с собою поимали.

А на сколько рублёв того их промыслу и запасу пограбил, и о том тебе, государю, тот торговой человек сам учнёт бити челом. [10]

Петрушка Савельев вернулся в Якутск в 1655 году. Там у него произошла встреча с Павлом Бизимовым, который подал на него в суд, пытаясь взыскать долги. Денег у Петрушки Савельева не было, зато были «даурских ясырей: девка с прижитком с парнем да ясырь же, парень гулен, и платье и всякой борошень.» По суду Павел Бизимов за долги «ясорь, жонку с робёнком да малово Дабчагу взял.» Подробно об этом суде будет рассказано дальше.

Вернёмся к изветной челобитной.

«И как он, Ярофей, перешёл за волок к служилым людям, к Рашмаку с товарищи, а у тех служилых людей седела в аманатах князьцева жена князьца даурского Шилгинея да сын ево меньшей Шилгинеев, и он, Шилгинея князец, тебе, государю, ясак дал с себя и роду своево прежним казакам, Рашмаку с товарищи, до ево, Ярофеева, приходу. И он, Ярофей, тою князьцеву жену и сына ево, Шилгинеева, принял в аманаты. И приняв, государь, он, Ярофей, тех аманатов, князьцеву жену и сына ево, Шилгинеева, захотел он, Ярофей, ту князьцеву жену взять себе на постелю. И та Шилгинеева жена на пошла к нему, Ярофею, на постелу, безчестья ради. И он, Ярофей, рняся на неё, и тоё ночи удавил, для ради своей бездельной глупости.

И после тово времени, государь, в Великой пост, за три дни до светлова Христова воскресенья, в Великой четверг [10 апреля 1651 г.], и приехал тот Шилгинея князец к жене своей, и говорил так: жива ли де моя жена у вас, и покажите де мне жену мою, и я де государю ясак дам со ста человек. Я де приехал ныне с полным ясаком. И ему, Ярофею, показать стало нечево, потому что удавил. И оне, дауры, ездили по полю кругом города с утра до половины дни, и прочь отъехали.

И тут он, Ярофей, тебе, государю, в ясачном зборе поруху учинил, а твоей государеве службе непостоянство и нерадение.» [11]

А в расспросе перед Дмитрием Зиновьевым десятники сказали:

«А как де оне жили в Албазине городке, и приезжали де к городку в Великой четверг поутру рано Лавкай и Шилгинея, и Албаза, и Атуй, человек с тритцать и больши, и спрашивали де у них: жива ли жена ево, Шилгинеева. И вывели де к нему сына ево Тыгичея. И сын де ево Тыгичея сказал ему, что жена ево умерла. И они де, лаяв, поехали прочь от городка.» [12]

Теперь также ясно, кто был начальником у служилых людей, оставшихся на Амуре. Им был упоминавшийся ранее берёзовский служилый человек Роман Рашмак. А у Г. А. Леонтьевой написано:

«Отойдя ближе к реке Урке и Тугирскому волоку в первый Лавкаев городок, Хабаров оставил там 52 человека во главе с с Дружиной Поповым.» [13]

Но мы уже приводили документы, из которых следует, что Дружинка Васильев Попов отправился на Амур не в 1649, а в 1950 году. Позже будет приведён документ, в котором сказано о дальнейшей судьбе Романа Рашмака.

Чертеж реки Амур

Дальнейшие события в извештой челобитной описываются так:

«И декабря в 16 день [1650 г.] из Албазинского города он, приказной человек Ярофей Хабаров, учинил поход на даурских людей, на Дасаула князца и на иных улусных людей на даурских.

И недошед Дасаула князца, он, Ярофей, послал по реке Ширилке служилого человека Третьяка Ермолаева Чечигина да ясаула Стеньку Полякова, да толмача Костьку Иванова, да с ними шездесят человек служилых охочих людей казаков на сторонных мужиков, на даурских и на тунгуских иужиков. И те мужики стояли на стороннюю рекою Ширилке в пяти юртах

И мы, государь, холопи твои государевы, тех даурских тунгуских мужиков взяли на роте, без бою. А рота наша была на том, что их, мужиков, не убить, ни жён их, ни детей, а им, мужиком, быть под твоей царской высокою рукою в вечном холопстве, в веки неотступным, и ясак тебе, государю, давать по вся годы, и с роду своего. И Дасаула де мы призовём, и иных многих даурских мужиков, и тунгуских многих подзовём де под царскую высокую руку, и ясак де государю давать станут. И сверх тово де с верх Шилки Гантимур князь будет же де он давать ясак с нелюдов, своих родников. А он де нам, Гантимур, зять. Мы де ево призовём, Гантимура. А в том де наши головы будут сидеть у вас в аманатах.

И мы, холопи твои государевы, на том их взяли з женами и з детьми, и з борошнем их, и привели тех мужиков к приказному человеку Ярофею Хабарову. И он, Ярофей, тех мужиков у нас, холопей твоих, принял и велел посадить в воду. А жёны их и дети, и шубы оболыи подуванить велел, утекаючи, он, Ярофей, на свой бездельной нажиток, а тебе, государю, большую [написано: польшую — Г. К.] поруху учинил в ясашном зборе, а в земле Даурской шатость, а твоей государеве службе непостоянство. А те, государь, мужики даурские были добрые. Мошно было тебе, государю, с них ясак взять в ево, Ярофеево, нераденье.» [14]

У Г. А. Леонтьевой читаем:

«Как сообщили казаки, они побывали в 5 юртах и убедили их обитателей <<на роте, без боя>> принять российское подданство, платить ясак <<по вся годы>> и дать аманатов. Дауры обещали склонить своего князьца Десаула, а тунгусы своего князьца Гантимура принять власть царя» [15]

Как видим, о том, что Хабаров велел мужиков «посадить в воду» (утопить), а их жён детей, и шубы соболыи «подуванить», т. е. разделить между собою, у Леонтьевой не написано.

Приближалась весна, и Хабаров поспешил отправить в Якутский острог ясак и отписку о своих действиях. Ясак затем должны были везти в Москву. Туда же предназначалась и отписка. В изветной челобитной эта отправка описана так:

«И во 159 [1651] году, марта в 25 день, писал он, приказной человек Ярофей Хабаров, к тебе, государю, а в Якуцкой острог к воеводе Дмитрею Франзбекову да дьяку Осипу Стефанову из Албазина городка, что де яз, Ярофей, постоянство учинил в Албазине городке, а поселился: дватцать семей на пашню посадил. И в том тебя, государя, оболгал. А тово, государь, ничево не бывало. А писал к тебе, государю, ложно.

А с отписками посылан был Якуцкого острогу служилой человек Третьяк Ермолаев Чечигин да в товарищах Дружинка Васильев, да племянник ево, Ярофеев, Ортюшка Филипов Петриловской. Для ради обману послал племянника своево Ортюшку Петриловского, чтобы обмануть твоево государева воеводу в Якуцком остроге Дмитрея Андреевича Франзбекова да дьяка Осипа Стефанова, и обманом взяти твоя государева казна.» [16]

Когда Дмитрий Зиновьев расспрашивал служилых людей о том, что им известно об этой отписке, то они сказали:

«И как де Ярко Хабаров писал к государю из Албазина городка с Третьяком Чечигиным да з Дружинкою Васильевым, и тех отписок всем войском прошали у нево, чтоб дал прочесть. И он, Ярофей, тех отписок в войску прочесть не дал. И писал своим умышлением. Что отписал, тово они ничево не ведают.» [17]

Содержание отписки Хабарова известно в изложении воеводы Францбекова:

«Государю [А. М.] холопи твои Митька Францбеков, Оська Степанов чело бьют.

В нынешнем, государь, во 159 [1651] году, мая в 29 день, писал, государь, к нам, холопам твоим, из новой Даурской земли приказной человек Яро-

фей Хабаров, что в прошлом, государь, во 158 [1650] году по твоему царёву указу послали мы, холопи твои, его, Ярофея, с служилыми и с охочими промышленными людьми на твою государеву службу в новую Даурскую землю на твоих государевых непослушников, на даурских людей, на князя Лавкая с товарищи, для приводу под твою государеву царскую высокую руку и для твоего царства ясачного збору, и для проводывания серебряные руды.

И он де, Ярофей, со служилыми и охочими с промышленными людьми в прошлом во 158 [1650] году на ту твою государеву службу шёл, и пришёл в новую Даурскую землю на великую на Амур реку в князя Лавкаева княжение и к даурскому городу.

И они де, государь, даурские люди, подсмотря их и не допустя до того их, даурского, города, вышли на вылазку и в том месте с ними бой поставили, и бились с ними с половины дни до вечера. И на том де, государь, бою их, даурских людей, многих побили. А у него де, государь, Ярофея, в полку ни одного человека досмерти не убили, только де, государь, переранили двадцать человек.

И те де, государь, даурские князья и со своими улусными людьми против того их бою стоять не могли, и покиня тот свой город и с хлебными запасы пометався на кони, все побежали вниз по Амуру реке к конным большим людям. И он де, Ярофей, с тем войском тот Албазин даурской город и за-сел.» [18]

А в расспросе, произведённом Дмитрием Зиновьевым, Ивашко Мартемьянов Седельников, остававшийся на Амуре после отъезда Хабарова в Якутск, сказал:

«А как де пришёл к ним к Албазину городку Ярко Хабаров и, увидя де Албаза да Шилгиней государевых людей, из Албазина городка побежали. И они де с Ярком в Албазин вошли.» [19]

Подьячий Иван Прокофьев Посохов говорил:

«И как де пришёл Ярко, и они с ним вошли в Албазин город. А даурские де люди город покинули и побежали в лес.» [20]

Вернёмся к отписке воеводы Францбекова.

«И того ж, государь, дни он же де, Ярофей, послал служилых людей Дунай Трофимова, Тренку Ермолина да с ними охочих промышленных людей сто тритцать пять человек в лёгких стругах за теми за даурскими людьми в погоню и под город князя Атуя.

И те де, государь, служилые люди до того города князя Атуя плыли ночь, и наутро де, государь, те даурские князья со своими людьми, увидя тот их, служилых людей, приплав и полчаны [написано: полчасы — Г. К.], страхом одержимы, и тот свой город зажгли и, зажегши, на кони пометались, и от того города все побежали на низ по Амуру реке.

И служилые, государь, люди, увидя над собою Божию помощь, что те даурские люди от них побежали и бою с ними не поставили, и они де, государь, за теми даурскими людьми от того места гналися с утра до половины дни, и в половину дни тех даурских людей постигли, и с ними де, государь, бой учинили. И, Божиею де милостию и твоим государским счастьем, на том бою многих даурских людей побили и рогатого скота у них отбили сто

семнатцать скотин. А у них де, у служилых людей, на том бою переранили деять человек. И с тем де, государь, скотом служилые люди пришли все в Албазин город 11 ноября.» [21]

А подьячий Иван Посохов в расспросе сказал:

«А как де из Албазина города посылал Ярко сто тритцать человек за даурскими людьми служилых людей, и бою де у них в то время не бывало, и даурских людей не побивали, а взяли де мы на острове помётново скота сто семнатцать животин и пригнали в Албазин город. И государевых де людей в то время не ранен ни один человек.» [22]

А десятники сказали:

«А как де они ходили из Албазина городка в поход, Лавкаев город нижней, и з даурскими людьми де бою не было. Они даурских людей не побивали, и даурские люди их не ранивали. А только де взяли на острове помётнова скота семьдесят три быка и привезли в Албазин городок.» [23]

Вернёмся к отписке воеводы Францбекова.

«Да, государь, в 29 день он же де, Ярофей, с служилыми людьми в поход ходил на нартах с твоим, государевым, большим ружьём, с двумя пушками. А в городе де, государь, оставлял не с больших людей. И шли де они, государь, от своего от Албазина города вниз по Амуру реке девять дней. А в десятой де, государь, день встретили де их конные даурские князья с большим де своим войском. И в том де, государь, месте с ними бой поставили. И билися де, государь, с ними день весь, с утра и до вечера. И многих де, государь, даурских людей побили. И те де, государь, даурские люди против того их бою и пушек стоять не могли и от них все побежали.» [24]

А в расспросе подьячий Иван Прокофьев Посохов сказал Дмитрию Зиновьеву:

«А ноября в 29 день Ярко в поход [с] служилыми людьми ходил з двумя пушками. И в пятой де день, ниже Атуева городка вёрст с пятнатцать, встретили де их даурские люди, человек с пятнатцать на конех. А бою де с ними не бывало, и их не побивали. Как де увидели их, государевых служилых людей, и они де от них побежали.» [25]

Далее в отписке воеводы Францбекова написано:

«И он де, Ярофей, на усть Шилки реки, на великой реке Амуре, для, государь, поселения пашенново и для приходу русских людей новый поставил острог в угожем в крепком месте под волоком, где, государь, переходить будет руским людям пешею ногою только в два дни.

И в том де, государь, остроге для пашни оставил он, Ярофей, на своих проторях и с своими подъёмы дватцать человек, а для государевы службы и для приводу под твою государеву царскую высокую руку князя Гантимура Улана и Таргачина для ясачного сбора служилых людей тритцать человек,

И будет де тебе, государю, впроиизвол послать на великую на Амур реку ссыльных или иных каких людей для пашенново поселения, и на Амуре де, государь, реке пашенных угожих мест и сенных покосов, и рыбных ловель, и всяких угодей гораздо много.» [26]

Подьячий Иван Прокофьев Посохов в расспросе сказал Дмитрию Зиновьеву:

«И Ярко де из войска прошал людей вверх к усть Урке для селидьбенова строенья да своих дватцать человек покручеников посылал туды ж на усть реки Урки для поселенья. И, поселясь, велел де им итти вверх по реке Шилке к Гантимуру князю для ясаку.

И от Ярка де он слышал, что служивые люди ево не послушали, людей из войска и покручеников ево не дали для селидьбенова строенья и ясачного збору. И Ярко де послал своих четырёх человек кабальных людей, якута Андека с товарищи, и наказную память дал Стеньке Гороховскому для селидьбы и ясачного збору. А селидьбу де оне строили или нет, того он не ведает.» [27]

И далее он же сказал:

«Острогу де Ярко Хабаров на усть реки Шилки на Амуре не ставливал.» [28]

Этот не существовавший острожек историки нарекли Усть-Стрелочным. У Г. В. Мелихова читаем:

«В его [А. Ф. Пашкова — Г. К.] подчинении находились все остроги, поставленные русскими землепроходцами в Приамурье: Усть-Стрелочный (1650-1651), Албазинский (1651), Кумарский (1552).» [29]

Что же касается Албазинского острога, то забегаая вперед, скажем, что его тоже не было. В 1651 году Хабаров поплыл из Албазина городка (не острога!) вниз по Амуру и «Албазин городок покинул пуст», и после туда не возвращался. Комарский же острожек был построен не в 1652 году, а в 1654 году Онофрием Степановым Кузнецом. В 1652 году Хабаров с низовьев Амура поднимался лишь до устья Зеи, а дальше вверх не ходил. Онофрий Степанов после снятия осады Комарского острожка тоже поплыл вниз по Амуру и больше туда не возвращался. А воевода А. Ф. Пашков не успел принять в своё подчинение амурское войско, так как оно в 1658 году было разгромлено маньчжурами.

Г. А. Леонтьева почему-то сведения о постройке острожка на устье Шилки отнесла к сведениям об острожке на Тугирском волоке.

«Вероятно, в зимнее время [1650-1651 г. — Г. К.] на самой короткой дороге через Тугирский волок, <<где с Олёкмы переходить русским людям пешею ногою сухим путём только два дня>>, был построен Тугирский острожек. Его строителями стали 20 промышленников, нанятых Хабаровым <<на свои подъёмы и проторы>>.» [30]

А. Алексеев утверждал, что острожек был построен ещё раньше:

«В конце марта 1649 г. отряд Хабарова вышел из Илимского острога и всё лето провёл в пути. К осени добрались до устья Тугира — правого крупного притока Олёкмы. Здесь построили острожек, зазимовали.» [31]

Эти предположение и утверждение не имеет оснований. Подьячий Иван Прокофьев Посохов сказал:

«А острожку де Ярко Хабаров на Тугире не ставливал, только стоят зимовья старые, которые до него поставлены.» [32]

Забегаая вперёд, скажем что, Тугирский острожек построили служилые люди Дмитрия Зиновьева, когда они шли на Амур:

«И пришед мы, государь, под волок, острог поставили, и те свои хлебные запасы оставили в остроге.» [33]

Далее в отписке воеводы Францбекова написано:

«Да Божиею де милостию и твоим царёвым счастьем, поймали они на боях даурских языков, князевых Шилгинеевых детей Арауля дама, Гартимура улана [написано: Гартиму Раулана — Г. К.], князя шурина его Тыгиня. И тех де, государь, языков он, Ярофей, спрашивал: какие люди живут на Амуре и по сторонним рекам, и какие у них города, и теми городами кто у них владеет, и какие у них узорочья живут. И что, государь, те даурские языки в роспросе сказывали, и те, государь, их роспросные речи он, Ярофей, под отпискою прислал в Якутской острог к нам, холопам твоим, в Съезжую избу.» [34]

Роспросные речи приведём отдельно и дадим по ним пояснения.

Далее в отписке воеводы Францбекова сообщается о собранном ясаке.

«Да в прошлом же, государь, во 158 [1650] году, июня в 8 день, прислал де князь Шилгиней тебе, государю, ясаку тридцать соболей в казках по одной задней лапе с полухвостами. Да с того ж, государь, князя Шилгиня взято на тебя, государя, ясаку на тот же на 158 год девяносто один соболь. И у тех, государь, по одной лапе с полухвосты.

Да тебе же де, государь, прислал в ясак князь Лавкай з зятем своим тунгусом Ганькашою шубу соболюю пластинную, да дватцать соболей в казках по одной же задней лапе с полухвосты, да соболь битой.

Да тебе де, государь, прислал в ясак князь Албагин Дегина сын тритцать два соболя с пупки поротые. И у тех соболей по одной же задней лапе с полухвосты.

И впредь де он, Ярофей, приказал им, даурским князям, чтоб, государь, они у соболей лапы прочь не отнимали и хвостов не пороли, а приваживали бы соболи тебе, государю, в ясак целыми соболями, а прочь бы у них ничего не отнимали.

И всего, государь, того ясаку с даурских князей взято на тебя, государя, четыре сорока шесть соболей, в том числе соболь битой, да шуба пластинная.

И ту же, государь, всю мягкую рухлядь он, Ярофей, из новой Даурской земли, из Албазина города, прислал в Якутской острог к нам, холопам твоим, в Съезжую избу [с] служилым человеком с Тренкою Ермолиным да с охочими служилыми людьми с Дружинкою Васильевым, да с Ортюшкою [написано: Сентюшкою — Г. К.] Филиповым Петриловских.

И мы, государь, холопы твои, ту твою государеву ясачную мягкую рухлядь велели в Якутском остроге торговым людям разобрать и, споря, оценить врознь сороками ленскою прямою ценою. И оцени, государь, ту твою государеву ясачную мягкую рухлядь, соболи и пупки, и шубу соболюю пластинную, и даурских языков допросные речи, и той твоей государев[ой] ясачной мягкой рухляди ценовную роспись за оценщиковыми руками под сею отпискою послали мы, холопи твои, из Якутского острога к тебе, государю [А. М.], к Москве с амурским с охочим с служилым человеком с Дружинко Васильевым Поповым.

А которые де, государь, даурские князья, князь Лавкай и князь Шилгиней, и князь Албаза тебе, государь, ясак дали, и те де, государь, князья

и впредь под твоею государевою царскою высокою рукою быть в вечном холопстве и ясак с себя и с улусными людьми тебе, государю, платить хотят.» [35]

А подъячий Иван Прокофьев Посохов в расспросе перед Дмитрием Зиновьевым сказал:

«А Лавкай де и Шилгиней, и Албаза хотели ясак давать государю или нет, того он не ведает. А ведают про то, нет ли, толмачи. А ясак де мы взяли с Шилгиней без Ярофея, как он был в Якутском остроге.» [36]

Далее воевода Францбеков давал поправку к прошлогодней отписке:

«А что, государь, в прошлом во 158 [1650] году писали, государь, мы, холопи твои, к тебе, государю, к Москве про князя Богдая, и в те поры, государь, у Ярофея Хабарова на великой реке Амуре изыскана была на погроме только одна даурская баба. И в роспросе рассказать про то про всё подлинно не умела. А по нынешним по подлинным, государь, даурским разпросным речам, князя Богдая у них нет. А словёт де у них земля Богдайская, а царь де в той земле именем Шамшакан. А посаженик де он царя Алакабатуркана.

А ныне де, государь, даурские князья живут вскопе на низу Амура реки. А ждут де, государь, оборони к себе от царя своего Шамшакана Котисака Батуракана царя.

А Ярофей де Хабаров [с] служилыми и с охочими с промышленными людьми в их Даурской земле на великой реке Амуре живут в Албазине городе в самом крепком месте. И за помощью де, государь, Божиею чают милости Божией, что им, даурским людям, из того места выжить будет ничем не можно.

И хлеба де, государь, у них, служилых людей, хотя на пять лет, и то будет запасного, что взято в городе у даурских людей.» [37]

Что же касается хлеба в Албазине, то об этом служилые люди давали противоречивые показания. Десятники Мишка Кашинец, Онофрейко Степанов, Митька Микитин Хохряков, Артюшка Петриловский и другие ска-
зали:

«А хлеба де в Албазине городке не было ничево. Был де хлеб по ямам, за городком в ямах, и в улусах молоченова, и тот де оне хлеб двести человек съели зимою до Петрова заговейна. А в остатке де в Албазине городке и в улусах хлеба молоченова и дельнова в ямах и юртах нисколько не видали по свой поход. А сидели де в Албазине городке человек з двести.» [38]

Такие же показания дали рядовые служилые люди. [39]

А подъячий Иван Прокофьев Посохов дал совсем другие показания:

«А хлеба де после даурских людей в городке и за городком в юртах, и по полям в ямах молоченово и дельново много. А иной был на полях, жатой и нежатой. А жатой де хлеб, которой был во близи, перемолотили. И жили де они тем хлебом в Албазине городе двести человек зиму. А от зимы де у них осталось хлеба в четырёх ямах двести пуд да в анбаре овса пуд з дватцать.

А тот де хлеб приказной человек Ярко послал вверх на усть Урки с наёмными всеми людьми. А сколько де послал, то он ведает. А больши де тово хлеба в Албазине городе не было.» [40]

Далее в отписке воеводы Францбекова написано;

«А будет тебе, государю, впроиизвол тою новою Даурскою землёю и теми царями Шамшаканом и Алакбатурушканом, и серебряною горою обладать, и послать в ту Даурскую землю больших ратных людей, и тем, государь, ратным людям из Якутского острога только надобно хлебных запасов до волоку на человека по семи пуд, А за волоком де, государь, на великой реке Амуре, по сказке амурских служилых людей, мошно хлеба взять у даурских людей хотя на дватцать тысяч человек или побольше.

А которые де, государь, люди во 158 [1650] году преж [написано: прежняго — Г. К.] его, Ярофея, на великой реке Амуре без него, Ярофея, годовали [написано: теловали — Г. К.], пятьдесят человек, в городе, и даурские де люди с ними по многия времена бывали под городом, а города де они взять не могли. И тех де даурских людей на тех боях они, служилые люди, многих побили, а иных переранили. А сами де они, служилые, все прожили до него, Ярофея, здоровыми.» [41]

На самом же деле, как сообщалось выше, эти 50 человек Албазин взять не смогли. И у них было четыре человека убито и пятнадцать человек ранено. Кроме того, как сообщил прибывший с Амурского Третьяк Чечигин, два человека были взяты в плен, в том числе остававшийся за начальника Роман Рашмак.

А подьячий Иван Посохов в расспросе сказал:

«А за волоком де на Амуре реке они, служилые люди, ему, Ярку, и иному никому про хлеб на дватцать тысяч людей не сказывали. И сам де он видел, что они в Албазине городке, двести человек, зимою одною весь съели. Остатки остались небольшие.» [42]

А далее воевода Францбеков сообщал об отправке новых людей в Даурскую землю:

«А которым, государь, промышленным людям за скудостью и в нынешнем 159 [1651] году на ту твою государеву службу в новую Даурскую землю своим подняться было нечем, и я, холоп твой Митька, тех промышленных людей для той твоей государственной службы своими хлебными запасами и ружьём, и порохом, и свинцом, и на платье деньгами [ссужал].

А впредь, государь, нам, холопам твоим, о той даурской службе, что ты, государь [А. М.] прикажешь? « [43]

Теперь приведём «Допросы, сделанные Хабаровым даурцам, взятым в плен в 1651 году», напечатанные в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений.» Там очень много разночтений в именах, непривычных для русского уха, то ли имевшихся в подлиннике, то ли допущенных переписчиком, то ли при наборе. Мы, по мере возможности, постараемся исправить кажущиеся нам ошибки, опираясь на другие документы, в которых эти имена записаны иначе.

«159 [1651] году, марта в ... день, я в новой Даурской земле князя Лавкаева во Албазине городе приказной человек Ярофей Хабаров даурских языков, которые взяты на боях, князьковых Шилгинеевых детей Араула да Мазигу [написано: Дамазигу — Г. К.], да его ж, Шилгиниева [написано: Шилгиниева — Г. К.] сына Гантимура Улана [написано: Агантимураулана — Г. К.] князя, шурина Тыгичея, спрашивал, какие люди живут на Амуре и по

иным по сторонним [написано: посторонним — Г. К.] рекам, какие у них города, и теми городами кто у них владеет, и какие у них узорочья живут.

И в том роспросе даурские языки, князевские дети Шилгинеевы Араул да Мазега [написано: Дамазева — Г. К.], да Гантимура [написано: Дагин Тимра — Г. К.] князя шурина Тыгичей сказали:

Сверх до Шилки реки и по Амуру вниз живут городами даурские князья: князь Лавкай да князь Шилгиней, да князь Албаза, да князь Ату, да князь Десаул, да князь Балбулай [Банбулай — Г. К.], да князь Гогудин [Гойгудар — Г. К.], да князь Якорей [Кокорей — Г. К.], да князь Шокканы.

И те де все даурские князья с себя и своих улусных людей платят ясак по вся годы багдайскому своему царю Шамшакану.

Царь же Шамшакан — посаженник Алака Батуракана [написано: Алакабатуракана, далее везде исправлено — Г. К.]. А тот де у них царь Алака Батуракан царю Шамшакану и даурским князьям Даурской области велик и грозен. А которой де ясак царь Шамшакан емлет с даурских князей и с их улусных людей, и тот де ясак отсылает он, царь Шамшакан, к царю Алака Батуракану. А Шамшакан де царь живёт на Ноне реке. А Нона река пала в море.

А которые де дауры и жучеры [написано: жулеры — Г. К.], и натки ходят к нему, Шамшакану, с ясаком через хребет конём с Амура направо две недели, а водяным путём с Амура реки по рекам же, которые пали в Амур, по Науну и по Силиму [написано: Посилиму — Г. К.], и по Илимуду водяным путём в судах четыре недели. А с Илимуду реки через хребет на Нону реку волоку пешего хода четыре дни.

А по тем де рекам стоят у них города деревянные и каменные. И у царя де у Шамшакана на городах пушки есть. А как де на въезде случится на боях, и он де бьётся на боях лучшим боем и саблями, и копьями.

Да у них де на Шулиме [Силиме — Г. К.] реке — гора, а в той горе руда серебряная. И с той де руды они плавят серебро. И стоят де у той горы для обережения оных земель на карауле богдойские люди же по пятисот человек, днём и ночью, все в куяках, по переменах безпрестанно. А которые де люди приходят к той горе с ведома Шамшаканова по серебряную руду, и те де люди копают из той горы серебряную руду в меру, а на Шамшакана де царя выделяют меру.

А ходу де до той горы от Албазина города сухим путём через гору конём ехать две недели. А выше де того города с Шилки реки есть де другой прямой путь, до той серебряной горы ехать конём семь дней. И про тот де у них путь заказ всяким людям положен жестокой, чтоб тем путём никак люди не ездили. А кто де, будет, тем путём поедет, царь Шамшакан тех людей, поймав, и велит казнить смертною казною.

Да тут же де на Шилиме живут люди ерары. И те де люди делают золото и серебро. Да у них же родится жемчуг и камень драгою, иные всякие краски, и жемчуг теми красками крашены всякими разноразными цветы, и всякие дорогие товары: атласы и бархаты, и каем [камки — Г. К.], и тафты, и киндяки, и кумачи.

А иные де люди у них слынут чинные. И те де люди у них мудры гораз-

до. Делают де они на своего царя Алака Батуракана и на багдацкаго царя Шамшакана всякие дорогие узорочья. Да иных де всяких людей под их областью и всяких дорогих узорочных товаров многое множество.

Да и на великой де реке Амуре и по иным сторонним рекам живут многие люди: дауры и жучеры городами и улусами, и пашни пашут большия. И родится де у них железо и медь, и олово, и свинец.

А все де те люди платят с себя ясак багдайскому царю Шашакану собольми. Того де с них ясаку идёт Шамшакану царю против государевы казны, по чему посылается на год к государю к Москве из Якутского острога.

А ниже к морю по Амуре, и на море по губам, и по островам живут люди. Ясаку де с себя никому не платят, и с натками приезжают и торгуют.

И на устье де Ноны и Науна реки от багдайского царя Шамшакана — князево место, и тот де князь Гина водит на царя своего Шамшакана гуси и лебеди, и куры, и ловит всякую рыбу на него ж.

[У] Шилки реки есть неясачной князь Гаутимур [Гантимур — Г. К.] Улан. И про того князя шурин его Тычилай в роспросе сказал:

Под тем де князем Гантимиром [Гантимуром — Г. К.] живут люди шардулы и шлюды [нелюды — Г. К.], и ночега многие и большие. И тот де князь Гантимур Улан с рускими людьми драться не станет, и ясак де с себя и улусных людей платит.

Да в верху ж по Амуре реке живут люди таргачины. И против их — иноземцы. И государевским счастьем обовладеть будет можно, и под государскую царскую высокую руку привести.

И та новая Даурская земля будет государю второе Сибирское царство. И вперёд будет та Даурская земля прочна и постоянственна.

Да они ж, даурские языки, в расспросе сказали, что де даурские князья с верх Амура бежат все на низ к большим людям, и близко де русских людей жить не смеют, а ждут себе оборони от богдатского царя Шамшакана и Алака Батуракана царя» [44]

В расспросе сказали Дмитрию Зиновьеву десятичники:

«А то де они слышали от даурских людей, от языков, что ездят даурские люди к богдойскому царю сухим путём, конём, а сколько недель, того оне не ведают.

А царь де богдойской — Андрикан, а не Шамшакан. А больши де они одного рода у богдойского царя иных городов не слыхали. Только де и слышали, в котором городе царь живёт. А крепостей де и служилых людей сколько у богдойского царя, того они не слыхали.

А до их де приходу даурские люди богдойскому царю ясак собольми давали, Лавкай с товарищи. А как де пришли они в Даурскую землю, и с тех де мест и пося места не слыхали, что даурские люди богдойскому царю ясак дают ли или нет.

А Лавкай — брат Уракана царя, де они не слыхали, и Шамшакана де царя не слыхали же. А только де они слыхали царя Андрикана богдойского. А чей посаженик, того он не ведаёт. А Шамшакану де царю и даурским людям почему Алака Батуракан страшен, того де они не ведают, и не слыхали.

А про реку де они Илим и про гору, в которой серебряная руда, и у тоё

горы про караул и про крепости, и с тоё горы про серебро, и про пошлины, и сколь далека та гора от Албазина города, того де они не видали и ничего не слыхали. А только де серебро и камень дорожное, и жемчуг, и бархаты, и отласы, и камки, и кумачи, и тафты, и медь, и олово, и железо, и свинец, и всякие узорочные товары, сказавали им даурские люди, привозят де в Богдойскую и Даурскую землю из Никанские земли.

А Аласка Батуракана царя они не слыхали.

А что де писано к государю, что Мазега князь Шилгинеев сын, и Мазега де князь Шилгинеев бокал, а не сын. И запытали де ево казаки в походе на реке Амуре, что он повёл неправдою, не радеючи государю.» [45]

Такие же показания давал подьячий Иван Посохов, только Алака Батуракана называп Аласка Батуракан, а реку Шилим называл Онсилим. Таким образом, сведения о землях, лежащих южнее Амура, были скудными, запутанными, недостоверными.

Кроме письменных вестей, прибывшие с Амура в Якутский острог служилые люди кое-что сообщили устно. Об этом написал в Москву прежний дьяк Пётр Стеньшин:

«И в нынешнем, государь, во 159 [1651] году, июня в 1 день, прислал из Даурской земли в Якутской острог отписки к воеводе к Дмитрею Францбекову и к дьяку Осипу Степанову тот пашенной крестьянин Ярофейко Хабаров служилого человека Третьяка Чечигина да с ним новоприборных промышленных людей: племянника своего родного Ортюшку Филипова сына да того прежнего промышленного Дружинку Васильева сына ПоповаУсоля Вычеготцкого.

И тот, государь, служилой человек Третьяк Чечигин мне, холопу твоему, рассказывал про Даурскую землю. Пошли после Прокопьева дни устюжского чудотворца [8 июля] и, идучи дорогою Леною и Олёкмою, и Тугирем реками до камня мешкотно, запасы умётовали и стоянки были. А шли до Даурского камня два месяца, а за камень летним же осенним путём на Амур реку вышли в восемь дней, и пришли под Больбазин город за неделю до Покрова святые Богородицы [Покров — 1 октября, — Г. К.] нынешняго 159 [1650] году.

Под тем Больбозином горолком нашли они прежних охочих, которые наперёд сего с тем Ярофейком Хабаровым пошли в Дауры во 157 [1649] году. Застали их в даурских юртах, сидят в осаде, чуть живы, человек с пятьдесят, а иные с половину тех людей даурские люди побиили. Да у них же де даурские люди взяли живых берёзовского казака Васку Рашмеева да промышленного человека. И тех людей даурские люди свезли своему царю Шамшакану.» [46]

Здесь нужно сделать некоторые замечания.

Пётр Стеньшин Албазин называет Больбозином.

В одной из челобитных, посланных в Сибирский приказ, бывший дьяк Пётр Стеньшин жаловался на разного чина людей, в том числе на «Тобольского города казачья сына Кондрашку Ермолина сына Чечигина криво-во» [47], которые в угоду воеводе Францбекову свершали по отношению к Стеньшину различные оскорбительные действия, и называл их «ворами». Значит, крестильное имя Третьяка Ермолина было Кондратий.

Дата прибытия Третьяка Чечигина несколько отличается от той, которую указал Дмитрий Францбеков, у Петра Стеньшина — 1 июня 1651 года, а у Дмитрия Францбекова — 29 мая. Видимо, у Францбекова точнее.

Бросается в глаза расхождение с показаниями служилых людей Дмитрию Зиновьеву. Служилые люди говорили, что они построили под Албазином избу с четырьмя «боями», и даже острожек. Здесь же Третьяк Чечигин сообщил, что сидели они в юртах. Это больше похоже на правду. Не до строительства было.

Что же касается людских потерь, то надо отдать предпочтение показаниям служилых людей, что убито четыре человека. О взятых же в плен служилые люди ничего не сообщали. Оказывается, взяли в плен Романа Рашмака (здесь он назван Васькой Рашмеевым), остававшегося за начальника.

Далее Пётр Стеньшин писал:

«А у них де, Треньки [с] служилыми людьми и охочими новоприборными людьми, которые во 158 [1650] году из Якутцкого посланы с пашенным с Ярком Хабаровым, были и в даурских людей два похода. И бой у них был, и поиску никакова не учинили, только от них переранили человек с сорок. И ис того де числа с тех ран четыре человека умерли.» [48]

На самом же, деле как видно из расспросов, произведённых Дмитрием Зиновьевым, эти потери были у людей, которые оставались на Амуре после отъезда Хабарова в Якутск. Но Хабаров написал, что они все живы и здоровы.

Затем у Петра Стеньшина написано:

«А какого государева ясаку они ныне из Даурской земли привезли, всего только четыре сорока соболей, и те де соболи обышные.

А что де они от даурских ясырей, которой у них пойман, слышали меж и сами даурские князцы на съезде им сказывали ж, и что даурской лутчей князец поехал наскоре к своему богдайскому Шамшакану царю для людей, а езды де конём от того Больбозина городка, где они ныне сидят, до Шамшакана царя всего четыре недели.

А подлинные де роспросные речи даурских князцей ясырей у него, Третьяка Чечигина, есть, записаны и к воеводе де о том к Дмитрею Францбекову и к дьяку Осипу Степанову он, Ярофейко Хабаров, писал же.» [49]

С ясачной соболиной казной Дружинка Попов должен был ехать в Москву. Перед убытием он написал челобитную и подал её воеводе Францбекову. Под отпискою воевода послал её в Москву.

«Государю [А. М.] холопи твои Митька Францбеков, Оска Степанов челом бьют.

В нынешнем, государь, во 159 [1651] году, июня в 7 день, бил челом тебе, государю [А. М.], а в Якутском остроге в твоей государеве Съезжей избе нам, холопом твоим, подал челобитную твоей государевы новой Даурской земли охочей новоприборной служилой человек Дружинка Васильев о твоей государеве даурской службе.

И мы, холопи твои, тоё челобитную, подклея под сею отпискою, послали к тебе, государю [А. М.] к Москве.

И о том, что ты, государь, укажешь?» [50]

А в челобитной написано:

«Царю [А. М.] бѣт челом холоп твой, новой дальнѡй Даурской земли охочей новоприборной служилой человек Дружинка Васильев Попов.

В прошлом, государь, во 158 [1650] году по твоему государеву указу и по приказу твоего государева воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Стефанова по моему, холопа твоего, челобитью ходил я, холоп твой, на твою государеву службу в новую Даурскую землю с приказным человеком с Ярофием Хабаровым [с] своими девятью человеки на своих проторех, должая великими долгами, хлебными запасы и оружіем, и порохом, и свинцом, и всякими служилыми заводы для твоих государевых немирных и непослушных, и неясачных даурских людей.

И живучи, я, холоп твой, в новой даурской земле с приказным человеком и служилыми людьми, твои государевы всякие службы служил. И будучи на тех твоих государевых службах, я, холоп твой, на боях в куяке и в шапке, и в наручнях, и билися мы, государь, холопи твои, з даурскими людьми сцепным боем с утра до вечера в трёх, приходили многие стрелы, и меня, холопа твоего, ранили, наручень пробили у правой руки и уранили в мышку, и по полым местам ранили правую ногу по берцу, а мою ногу по колену. И от тех, государь, ран я, холоп твой, лежал многое время.

И на том, государь, бою взяли мы, холопи твои, аманата княжева сына Тыгичея и иных даурских языков, и ясак с них тебе, государю, взяли с тово аманата Тыгичея и иных небольших даурских людей.

И с теми ... меня, холопа твоего, (послал) воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да дьяк Осип Стефанов к тебе, государю, к Москве из Якутского острогу за твоею государевою новою даурскою ясачною казною и с отписками.

Милосердый государь [А. М.], пожалуй меня, холопа своего, за мои подъёмишка и за раны своим царским жалованьем, чем ты, государь, пожалеешь. И вели, государь, сю мою челобитную в Якутском остроге в Съезжей избе принять своему государеву воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да дьяку Осипу Стефанову и послать ту мою челобитную под отпискою к тебе, государю, к Москве. [51]

Во время пребывания в Якутском остроге Дружинка Васильев Попов уже не занимал, а сам давал деньги в долг:

«Се аз, Юрьѡ Селивѣрстов сын, Важского уезда, зовины Борченин, занял есми в Якутском остроге у новоприборново охочево даурского служилого человека у Дружины Васильева сына Попова усольца две тысячи пятьсот рублѣв денег московских ходячих прямых без приписи, июля в 14 день до срока до Петрова дни и Павла святых верховных апостол сто шестидесятого году [29 июня 1652 г.] без росту.

А за те денги мне, займщику Юрью, заплатить ему, Дружине, на тот срок пятьдесят сороков соболей промысленных добрых без выводу. А цена тем соболям по штидесят рублѣв сорок соболей.

А буде я, займщик Юрьѡ, на тот срок ему, Дружине, или приказщику ево пятьдесят сороков соболей промысленных добрых без выводу не заплачу, и ему, Дружине, по сей заёмной кабале взять на мне, Юрьѡ, за всякой сорок соболей добрых промысленных по штидесят рублѣв деньгами.

А буде судом Божиим, будучи на государеве службе, случит мне, Юрью, Бог смерть, и что останетца статков моих, соболей и денег, и всякой мяхой рухляди, и всякого живота, и промышленово заводу, и кабал, и иных писмяных крепостей, и где буде что взять по изустной моей памяти и по иным писмяным крепостем, и ему, Дружине, по сей кабале за те свои денги за полтретьи [2,5] тысячи рублёв иматъ тот мой живот по оценке соболями и иным моим животом, и денги. И свои денги исцелять на моём животе, и по изустной моей памяти и по иным писмяным крепостям.

Или, судом Бога праведнаго, случитца Юрью скорая смерть без изустной памяти, и ему, Дружине, за те свои денги тот по сей кабале статки мои иматъ соболями и денги; и статки мои всякие, у ково останутца, у тово и иматъ; и на осталом моём, Юрьеве, животе и на покручениках моих исцелять. А сколько у меня, Юрья, будет покручеников, и не заплатя мне, Юрью, по сей кабале долгу своего, тех покручеников иному никому не продать, ни заложить.

Где ся кабала выляжет, тут по ней суд и правёж со всеми убытки кабальными. Хто с сею кабалою станет, тот по ней и ситец.

На то послух промышленной человек Иван Софрониев.

Кабалу писал Якуцкого острогу площадной польячей Вахромейко Максимов.

Лета 7159 [1651] году, июля в 14 день.» [52]

На обороте:

«К сей заёмной кабале вместо заимщика Юрья Селивёрстова по ево велению Ивашко Бурцовской руку приложил.

Послух Ивашко Софрониев руку приложил.»

Какой размах по сравнению с четырьмя сороками, привезёнными от всего амурского войска. Обратим внимание, что в этой кабале сказано, что у Дружинки Попова был приказчик.

В уже упоминавшейся нами отписке в Сибирский приказ дьяк Пётр Стеньшин предлагал:

«И что ныне тому Дружинке, как ево ныне из Якуцкого острогу отправил к тебе, государю, к Москве, для вывозу денег своих дал, укажешь того Дружинку спросить с пристраскою, для того, что тот Дружинка в те поры ехал с ним же, Ярофейком, и в Даурской земли был, зиму зимовал, и ныне из Якуцкого отпущен к тебе, государю, к Москве з Дмитриевыми отписки и с ево, Дмитриевыми, нажитки, и тем Дружинкою по твоему государеву указу мощно будет в той даурской службы и в ево, Дмитриевых, посыльных деньгах, и что он Ярофейку и ему, Дружинке, и иным служилым людям, и промышленным охочим людям, и ему, Дружинке, для вывозу денег дал, сыскать. Да сверх того и старых ленских казаков, которые ныне к тебе, государю, с твоею государевою ленскою соболиною казною посланы, спросить же. И в Якутском остроге без него, Дмитрея, попы и дьяконом, и служилыми, и торговыми, и промышленными людьми всеми сыскати. И по тому, государь, спросу и сыску та даурская служба и ево, Дмитриевы, нажитки, посульные деньги, тебе, государю, ведомо будет всё.» [53]

Эта отписка была получена в Сибирском приказе 18 февраля 1652 года.

О прибытии Дружинки Васильева в Енисейский острог писал воевода Афанасий Пашков:

«В нынешнем, государь, во 159 [1651] году, августа в 27 день, по твоему государеву [А. М.] указу писал ко мне, холопу твоему, в Енисейской острог с великие реки Лены из Якутцкого острогу воевода Дмитрий Франзбеков да дьяк Осип Степанов и прислали Гришку Подреза Плещеева с приставом, новой Даурской земли с охочим служилым человеком з Дружинкою Васильевым Поповым. <...>

Да с ним же, государь, даурским охочим служилым человеком з Дружинком Васильевым, из Якутцкого острогу послано к тебе, государю, новые Даурские земли ясачной соболиной казны четыре сорока шесть соболей, шуба соболя, четыре сорока шесть пупков соболях, да тоё же, государь, новые Даурские земли всяково хлеба опыт в узлах без печатей.

И в Енисейском, государь, остроге тот даурской охочей служилой человек Дружинка Васильев занемог, лежит болен при смерти. И отец духовной ево исповедывал.

И я, холоп твой, тоё государеву ясачную соболиную казну, пересмотря в Съезжей избе, сороками за твоею государевою Якутцково острогу Съезжей избы печатью и за ярлыки, и за подпискою на соболях Ленского Якутцкого острогу, запечатав в суме твоею государевою Съезжей избы печатью, а ящик с отписками завощён в мешке за твоею же государевою Якутцкого острогу Съезжей избы пачатью, и Даурские новые земли хлебной опыт, запечатав в мешке, послал я, холоп твой, из Енисейского острогу к тебе, государю [А. М.], к Москве с енисейским служилым человеком з десятником казачьим з Дружинкою Михайловым соболи и пупки, и за отчётом и приёмом, в нынешнем во 159 [1651] году, августа в 27 день, для того, чтобы твоя государева Даурские земли ясачная соболиная казна в Енисейском не застоялась и Якутцкого же, государь, острогу отписки не замотчались.» [54]

На обороте л. 33 отметка о подаче: «160 [1652], генваря в 25 день, подал енисейской пятидесятник Дружинка Михайлов.»

Г. А. Леонтьева спутала енисейского десятника казачьего Дружину Михайлова с Дружиной Васильевым Поповым. У неё написано:

«25 января 1652 г. Дружиной Поповым, командированным в Сибирский приказ, была подана отписка о зимнем пребывании Хабарова в Албазине с приложением расспросных речей даурцев и ясака, собранного на Амуре в 1649-1850 гг.» [55]

Не повезло Дружине Васильеву Попову. Вместо него даурскую ясачную казну и «хлебный опыт» привёз в Москву другой человек. А у Г. А. Леонтьевой читаем:

«Соболиную казну вместе с отпиской Францбекова и образцами хлеба <<даурской пахоты>> повёз в Москву Дружина Васильев сын Попов. Он был первым из очевидцев событий на Амуре, попавшим в столицу. В Сибирском приказе Дружину расспрашивал дьяк Григорий Протопопов. Ему же подал Дружина <<перечневую роспись>> своим службам и челобитную о поверстании в служилые казаки. Просьба была удовлетворена.» [56]

В Енисейске ничего страшного с Дружиной Поповым не произошло. Он

выздоровел, и через год с лишним все же приехал в Москву на одиннадцать месяцев позже Дружинки Михайлова. Там он занял деньги у брата воеводы Дмитрия Францбекова Ивана на небольшой срок, дав на себя кабалу.

«Се аз, новоприборной охочей служилой человек новой Даурской земли Дружина Васильев Попов Соли Вычегоцкой, занял есми на Москве у Ивана Андреевича Францбекова триста рублёв денег московских ходячих прямых без приписи декабря в 30 день.

А заплатить те заёмные деньги мне заимщику на срок на Великое заговенье нынешняго 161 году [20 февраля 1653 г.]

А буде я, заимщик, тех заёмных денег на тот срок не заплачу и учнуса платить за приставом, ино и волокита и проесть на мне, заимщике, и все кабальные убытки.

А где ся кабала меня, заимщика, застанет, под которым судом или на котором городе, тот по ней суд и правёж, и все убытки кабальные, и волокитою на мне, заимщике. А хто за сею кабалою станет, тот по ней и истец.

А кабалу писал яз, Дружинка, на себя своею рукою.

Лета 7161 [1652] году, декабря в 30 день.» [57]

Вернёмся опять на Амур. Мы остановились на том, как Хабаров послал из Албазинского городка в Якутский острог с отписками Третьяка Чечигина. О том, что было дальше, написано в изветной челобитной Степана Полякова с товарищами.

«И отпустя отписки, велел он, Ярофей, всему войскому дощаники делать и струги лёхкие, и на дощаники велел кузнецам ковать якори.

А он, Ярофей, почал в те поры пива и вина курить и продавать, тем вином и пивом долговать, вино продавать в чарки, а пиво продавать в вёдра [написано: в вётря — Г. К.] служилым людям и охочим вольным казакам дорогою ценою, и в напойных деньгах кабалы имал. И от тово продажново питья ево, Ярофеева, вконец задолжали. И тут он, Ярофей, хлеб з двух городов, Албазина и Атуева, в пиве и вине переварил.

И в мае в 29 день из Албазина же городка посылал он, Ярофей, в поход служилых людей и вольных охочих казаков на даурских людей для ради аманатов и языков. И мы, государь, холопи твои государевы, в поход ходили. И в походе, государь, поймали восми человек даурских людей и привели к приказному Ярофею Хабарову. И он, Ярофей, у нас, холопей твоих государевых, аманатов и языков принял. И приняв, государь, тех аманатов и языков, он, Ярофей, взял себе на двор, а иных аманатов и языков роздал советникам свои тай[ным]. Из-за молотья из заточенья те аманаты розбежались, а иных прирубить велел.

И тут ево, Ярофеево, нерадение, а твоей государеве службе непостоянство, а в Даурской земле шатость.» [58]

А далее приведём выдержки из отписки Хабарова в Якутский острог.

«И июня в 2 день, поделав суды, большие и малые, и прося у Бога милости и у всемилостивого Спаса, из того городка Албазина поплыли. Иплыли мы два дни, и доплыли на другой день Дасаулов был город князя Дасаула, и тот город сожжён, и юрты сожжены же, лишь всего осталось два юртишка. А людей тут не изъехали. И мы от того городка плыли до полудни. И в по-

ловине дня наплыли юрты, и в тех юртах людей не изъехали. И те люди на кони пометались, и они, даурские люди, у нас все уехали, лишь только схватили ясыря, даурскую бабу. И тот ясырь сказал, что де по улусам даурские люди все живут.

И мы того же часу в лёгких [написано: в ленских — Г. К.] стругах наскоро на низ побежали и нагребли двои юрты. И в тех юртах все люди даурские, подсмотря нас, на кони помечутся и убежат. Лишь ясырь похватали. И сами они стали в иной улус, и к городу ясак подавать стали, юрты сожгли и дым пустили.

И мы того же дни набежали на тот Гуйгударов город о закате солнца в лёгких [написано: в ленских — Г. К.] (судах) Гуйгударов город. И тот Гуйгударов город, и тот Гуйгудар князь да с ним два князя, и богдоевы люди, улусные мужики, все выехали против нас на берег, и нас не стали к берегу припускать. И мы по ним из стругов из оружия ударили. И тут у них, даурских людей, побили человек с дватцать. И они, князя Гуйгудар и Олгемза, и Лотодий и с улусными людьми государские грозы убоялись и с берегу отъехали. И мы наскоро из стругов своих пометались на берег и за ними побежали. И они, князя Гуйгудар и Олбаза, и Лотодий с улусными людьми в те свои города засели.

А доспеты у них три города новые и землёю обсыпаны, а к верху обмазано. А те города все стоят рядом, лишь стены промеж, а под стены у них подлазы, а ворот нет. И в тех городах поделаны глубокие ямы. А скот у них и ясырь в тех рвах стоял. А около тех городов кругом обведено два рва, в сажень печатную глубота. И в те рвы и города привожены под стену подлазы. А кругом тех городов стояли улусы. И те они улусы сожгли.

А как те князя в городе засели, а богдоевы люди с ними, с даурскими людьми в города не засели и выехали в поле далече. И Божию милостию и государским счастьем, и радением твоим, Дмитрий Андреевич и Осип Стефанович, и промыслом приказного человека Ярофийка Павлова и служилых волных и охочих людей тот город наскоро обсадили. И они, даурские люди, с башен почали нас стреляти стрелами.

И яз, приказной человек, велел толмачам говорить про государское величество, что наш государь [А. М.] страшен и грозен, и всем царствам обладатель, и никакие орды не могут стоять против нашего государя [А. М.] и против нашего бою. И вы, князь Гуйгудар да князь Олгодий, да князь Лотодий, будте нашему государю [А. М.] послушны и покорны, без драки сдайтесь и нашему государю ясак давайте по своей мочи, и велит государь вас оберегать от иных орд, кто вам силён.

И тот Гуйгудар то стал говорить: даём де мы ясак богдойскому царю Шамшакану, а вам де се какой ясак у нас, как де мы бросим последним своим робёнком, дитятем, то де мы вам с себя ясак дадим.

И мы, прося у Бога милости и государю радеючи, государеве службе поиск чинили ратным обычаем, войною, крепь учинили болшему оружию, пушкам, и стали бить по башням по нижнюю сторону у того города, и из мелкого оружия, из мушкетов, из пищалей, били по ним в город.

И они, даурские люди, стреляли к нам из города, и от них стрел к нам

летело из города от даурских людей безпрестанно. И настреляли они, дауры, из города к нам на поле стрел, как нива стоит насеяна.

И дрались мы с ними, дауры, всю ночь до схожева солнца, и у башни стену пробили. И мы, и куячные люди, а иные служилые люди за щитами стену отняли и в город вошли в один, и, по государскому счастью, тот нижней город взяли.

И они, дауры, собрались в два города, и половина дни из того из другого города мы, служилые люди, били ж их, даур. И они все собрались дауры свирепые в один город. И мы били по ним безпрестани из большого оружия и из малого. И на тех приступах побили их, дауров двести четырнатцать человек.

И те свирепые дауры не могли стоять против государевой грозы и нашего бою, и из того города напролом они, дауры побежали, человек десятка полтора. Лишь те ушли из города. А досталь всех, которых в городе захватили дауров, со все стороны их, дауров, в городе сжали. И драка была съёмная и копейная у нас казаков.

И, Божиею милостию и государским счастьем, тех дауров в пень порубили всех с головы на голову. И тут на съёмном бою тех даур побили четыреста дватцать семь человек больших и малых. И всех их побито дауров, которые на съезде и которые на приступе, и на съёмном бою, больших и малых, шестсот шестьдесят один человек.

А наших казаков убили они, дауры, четырёх человек. Да наших же казаков переранили они, дауры, тут у городка сорок пять человек. И те все от тех ран казаки оздоровели.

И тот город государским счастьем взят с скотом и с ясырем. И числом ясырю взято, бабья поголовья [написано: поголовно — Г. К.], — старых и молодых, и девок, — двести сорок три человека. Да мелково ясырю, робёнок, сто осмнатцать человек. Да коневья поголовья взяли мы у них, дауров, больших и малых, двести тритцать семь лошадей. Да у них же взяли рогатого скота сто тринатцать скотин.

И в кои поры у нас драка была, и те богдойские люди по полю все ездили и бою нашего с дауры смотрели, и к нам, казаком, не стреляли. И мы у тех ясырей про тех богдойских людей спрашивали, для чего де они, богдоевы люди, приехали к вам, и много ли их, богдоевых людей. И тот ясырь сказал нам то: живут де у нас богдоевы люди по пятьдесят человек безпрестани для ясаку и с товары до иных людей своих до перемены. И мы у тех баб спрашивали, для чего де они с вами в городе не сидели, и за вас они не приставали. И тот ясырь то сказывали: даурские де люди наши князья, Гойгудар с товарищи, взял их в город к себе на подсобь. И они, богдоевы люди, то им сказали: Гойгудар, нам де царь наш Шамшакан не велел с рускими людьми драться.

И назав[т]рее тоё драки те богдоевы люди послали к нам в город из поля своего человека богдойского. И тот мужик пришёл к нам в город к государскому величеству честно. И стал говорить своим языком китайским. И у нас того языка не знают, тех толмачей нет, лише переводом те даурские бабы сказывали, что де наш царь Шамшакан нам с вами, казаками, свидеться честно.

А у того мужика богдойского платье на нём камчатое всё и на голове у него малахай соболей. А про иное у него, мужика богдойского, у нас растолмачить некому. А тот мужик говорил с нами долго, и яз, Ярофейко, тому богдойскому мужику честь воздал, и подарки государевы давал, и отпустил его, богдойского мужика, честно в свою богдойскую землю.

И в тех мы городах жили шесть недель. И к тем даурским князьям, к Дасаулу и к Банбулаю, и к Шилгинею, и к Албазе языков посылали в города к ним. Были у нас изыманы в Албазине городе даурские боканы и мы мужика с ним отпустили, и велели им, боканам, тем князьям наговаривать, чтоб они, даурские князья, покорились и поклонились нашему государю, и за тем мужиком и баб старых отпускали с теми ж речьми. И от них, даурских мужиков, ни один человек не бывал к нам.

А всего от нас плыть до тех людей день. А людей де у них гораздо, многое множество.

И на той драке под Гуйгударовым городом из большого оружия ростреляли с трёх пушек ночью и днём государева пороху пуда с три, а свинцу против пороху ростреляли.» [59]

В изветной челобитной написано:

«И как суды поделали, и июня в 10 день из Албазина городка поплыл он, приказной человек Ярофей Хабаров, на низ по Амуру реке, а Албазин городок покинул пуст. И доплыли до Гайгударова города, и, Божиею милостию и твоим государевским счастьем, Дайгударов [Гойгударов — Г. К.] город взяли и многие языки поимали.» [60]

Здесь дата иная, чем у Хабарова. Видимо, дате, указанной Хабаровым, 2 июня, надо отдать предпочтение. А потери противника, указанные в отписке Хабарова, явно преувеличены.

А. Алексеев писал совсем иначе:

«Укрепив Албазин и захватив с собою большую часть отряда, Хабаров двинулся вниз по Амуру.» [61]

Не укреплял и никого не отавлял, покинул пуст.

Попутно отметим несоответствия с географией у Г. А. Леонтьевой. У неё написано:

«2 июня 1651 г. оставил Албазин и двинулся вниз по Амуру. <...> На следующий день по выходе из Албазина Хабаров подошёл к городку даурского князьца Дасаула. Но Дасаул ещё до прихода русских сжёг свой городок. <...> Тогда, повернув обратно и пройдя мимо Албазина, Хабаров через два-три дня <<о закате солнца>> подошёл к городку, принадлежавшему даурским князьям Гойгудару, Олгемзе, Лотодию.» [62]

Хабаров не поворачивал, он плыл всё время вниз. О местоположении Гойгударова городка у Евгения Гонсовича написано:

«Гугудар, или Гогударов городок <...> находился на расстоянии одного дня пути от Дасаулова городка, следовательно, в верстах в 50-60 ниже нынешнего Бейтоновского посёлка.» [63]

А вот что говорил подьячий Иван Посохов Дмитрию Зиновьеву:

«Как они пришли с Ярком Хабаровым на Амур в Даурскую землю, и с усть реки Урки на низ по реке Амуру, и ниже реки Зеи по камень было, и на

Зее вверху всего десять городков малых. И те были городки — крепость от лучнова бою, а от пищальново бою не крепость. И как де они поплыли из Албазина города на низ, и те де городки все иноземцы пожгли. И только де остался на Зее вверху Альпенов городок. И даурские де люди, Лавкай с родом своим и племенем и с улусными людьми, збежали в Альпенов городок. А иные де даурские люди збежали на Комар реку выше Зейского устья на другой стороне Амура. [64]

Впрочем, Иван Посохов не совсем прав, когда вину за поджог всех городков он возлагает только на иноземцев.

Он же, подьячий Иван Посохов, в расспросе говорил позже Дмитрию Зиновьеву:

«Из Албазина де городка оне пришли под Гайгудареев городок. А в том де городке сидел Гайгудар [с] своими улусными людьми. А город де был величиною с половину десятины земли. А розгорожен де был натрое. А около де городка были два рва, и подлазы де ис-под башен во рвы были. Въезжали на конях. А сколько де башен, того он не упомнит. А больши де того крепостей никаких не было. А в городке де юрты были такие ж, что и в первых городках.

А приступали де они к городку сутки, и городок взяли. А на приступе даурские люди государевых людей ранили человек с тритцать. А даурских де людей Гайгудара в городке с улусными людьми побили всех наголову, человек з двести. А ушло де их человек с пятьдесят. А животы де их всех взяли в дуван.» [65]

Что же касается присутствия богдойских людей в Гайгударове городе, то Иван Посохов сказал:

«А как де и пришли с Ярком в Даурскую землю во 157 [1649, надо: в 158] году, и с тех де мест и по ся места ни богдойских, и иных государств людей в Даурской земле никаких ни с чем не видали, и приходу их не слыхали, и oprичь тово, что приходили богдойские люди приступом в Дючерской земле к Очанскому острогу.» [66]

Столкновение с богдойскими людьми у Очанского острога было позже, в 1652 году.

Г. А. Леонтьева не подвергает сомнению рассказ о присутствии в Гойгударове городке богдойских людей, и излагает рассказ Хабарова о встрече с богдойским мужиком без всяких оговорок. [67]

Вернёмся к отписке Хабарова. О его действиях после взятия Гойгударова городка написано:

«И яз, Ярофейко, жил в тех городех с служилыми и с волными охочими людьми семь недель. И те даурские князья государевскому величеству ... не бывали. И яз, Ярофейко, из того города поплыли, иплыли да Банбулаева города два дни. И в тот город приплыли князя Банбулая, и тот улус его, и тот город пуст, людей в нём нет, все выбежали.

И после того, неделю спустя, за ними ходили, искали. И мы, холопи твои, приказной человек Ярофейко Павлов и служилые, и волные казаки, того Банбулая призывали и ясаку с него прошали. И тот Банбулай то говорил: какой де вам от меня ясак.

И после того отпущал яз, приказной человек, служилых и волных

казаков в поход из того города Банбулаева на его, Банбулаевых, людей вниз. И плыли день, и наплыли улус. И в том улусе языки похватали, и два ясыря. И тех языков спрашивали накрепко толмачами. И они сказали в роспросе, что де плыть от сего места до усть Зеи реки полторы сутки. И тут де стоит против Зеи реки на другой стороне, направо плывучи, улус князя Кокорея. И ниже де того улуса проплыть по ряду три улуса. А ниже де того стоит город крепкой и укреплен накрепко. А крепили де тот город всею нашею Даурскою землёю. И в том де городе живёт князь Туронча, богдоева князя Балдачи зять, да другой князь Толга, да Омутей, два брата.

И мы, холопи государевы, служилые люди и волные казаки, с теми языки приплыли в тот Банбулаев город к приказному человеку Ярофею Павлову Хабарову. И яз, Ярофейко, у тех языков спрашивал и огнём жёг, и они сказали те ж речи, слово в слово.

И яз, Ярофейко, посоветовав с ратными людьми, служилыми и с волными казаки, и прося у Бога милости, из того Банбулаева поиск чинили вниз по той реке, к тому городу поплыли.» [68]

А в изветной челобитной о пребывании в Гойгударове городке написано следующее:

«И тут он, Ярофей, стоял семь недель в судах на якорях. А твоему государеву делу не радел, а радел своим нажиткам, шубам собольим.

И от Гайгударова города поплыл вниз по Амуру. И как доплыл до Банбулаева города, а тот Банбулаев город стоит пусто, а мужики выбежали, а хлеб стоит на полях не жат. И тут он, Ярофей, захотел жить, и жеребей метал, и где господь Бог изволит жить. И по жеребью было: изволил господь Бог жить тут, в Банбулаеве городе.

И он, Ярофей, учал продавать косы и серпы твои, государевы, дорогою ценою: косу по два рубли, а серп по рублю. А мы, холопи твои гоударевы, покупали косы и серпы, потому что хотели с поля хлеб жать, а тебе, государю, служить и поселитьца, постоянство зделать. А он, Ярофей, продавал косы и серпы не для ради поселения, а продавал он, Ярофей, ради долгу, корысти своей.

И жил он, Ярофей, в Банбулаеве городе три недели. И как распродал косы и серпы, и захотел он, Ярофей, плыть на низ. И августа в 20 день поплыл на низ, а то место покинул пусто.» [69]

А у Г. А. Леонтьевой своя дата и свои подробности:

«25 августа, поставив на суда коней, Хабаров поплыл вниз по Амуру к городку Банбулая.» [70]

Согласно челобитной, Хабаров 20 августа уже покинул Банбулаев городок, а у Леонтьевой лишь 25 августа поплыл к нему.

А десятники сказали в роспросе Дмитрию Зиновьеву:

«А ис тово де городка [Гойгударова — Г. К.] приплыли они с Ярком в Банбулаевы улусы. И улусы де пусты. Банбулай де и с улусными людьми был в бегах. И тут де они хлеба не нашли нисколько. А городка де у Банбулая не было. [71]

Обратимся снова к отписке Хабарова:

«И плыли мы из того города Банбулаева до усть Зеи реки два дни да ночь.

И тут река пала великая с левую сторону, зов той реке Зия. И языки сказывают, что де на той реке Зее живут дауры. И есть де по той реке город. И в том де городе живёт даурской князь Олпель да и многие дауры. И на усть той реки, на правой стороне, немного пониже устья Зейского, стоит улус князя Кокорея, дватцать четыре юрты, и людей в нём нет.

И мы наскоре погребли вниз, и того дни в обед набежали юрты в лёгких стругах на улус. И тут языков похватали и наскоре роспрашивали. И те языки сказали, что де внизу до города ещё два улуса, отсель недалече, а люди де живут. И мы наскоре те улусы мимо прогребли того дни под вечер, и из лёгких судов на берег выскочили и к городу прибежали. И в том городе люди невеликие. А животы их, даурских князей и их людей, все в городе. И ниже того города в перестрел стоит улус велик. И те даурские князья, князь Туронга и с братьями, да князь Толга и князь Омутей с своими людми в том улусе пьют все.» [72]

Снова вынуждены прерваться и обратить внимание на то, что хотя Хабаров и назвал на реке Зее город князя Олпеля, но в этот город не пошёл и продолжал плыть вниз по Амуру. А у Г. А. Леонтьевой читаем:

«В Кокуреевом улусе казаки насчитали 24 юрты, но людей не встретили. Не останавливаясь здесь, они погребли вверх по Зее и, пройдя мимо трёх улусов, вскоре завидели большой город. <...> Хозяева городка — даурские князья Толга, Торонча, Омутей ...» и т. д. [73]

Далее в отписке Хабарова написано:

«И они в те поры нас осмотрели, и князь Омутей скочил на коня, и закричал, и погонил. И служилые и волные казаки, прося у Бога милости, к тому улусу бросились, государю радеючи и не щадя лица своего, и того князя Турончу, и с братьями, и с жонами, и с детми, и князя Толгу, и с ними иных лутчих людей, Божиею милостию и государским счастьем, обсадили. А иные мужики и ясырь с нижнего конца побежали. И служилые и волные казаки, прося у Бога милости, за ними в поле побежали, и многих людей и ясырь поимали, а иных мужиков на побеге многих побили.

И в те поры наскоре, услышали стрельбу, с болших судов и наскоре нагребали, и кони с судов похватали, и за ними погонили, и достальных в поле мужиков и ясырь переимали, и в город привели.

И те князья Туронча и Толга стали у юрты стрелять. И яз, приказной человек Ярофейко, велел толмачам своим тех князей розговаривать и под царскую высокую руку призывать, что де дайте государю нашему ясак и будьте во всём послушны и покорны, и мы вас не убьём, и будем вас оберегать, кто [написано: что — Г.К.] вам силён.

И тот князь Туронча Балдагин ... и с братьями своими, и князь Толга то стали говорить: за ясак де нам что стоять, лише де бы было постоянство, мы де ясак дадим, нонече де у нас соболей нет, были де у нас богдоевы люди, и ясак де дали богдоевым людем, а досталь всё испродали, а что де есть соболей, то де мы дадим. И из юрт к нам вышли. И мы их взяли и в город привели. И всех их мужиков в городе переиманных сто человек да ясырю переимали сто семьдесят, кроме малых робят.

И те князья, князь Торонча и с братьями своими, и князь Толга, и их

улусные лутчие люди стали нам говорить, что де мы, дауры, что есть нас здесь, и род наш, и которые под нами живут, луков с тысячу и болши, и мы де топере вашему государю все послушны будем и покорны, и ясак с себя станем давать по вся годы, пожалуйста де, отпустите наших людей и боканов, и жён наших, и детей, а мы де, князя, у вас седим, верьте де нашим головам.

И яз им говорил толмачом, что де призовите вы своих всех людей, что де промеж нами вера. И они, князя, князь Туронча и князь Толга, велели им, князю Омутею и всем лутчим людям, быть к нам, и они тотчас к нам приехали, человек ста с три.

И яз, приказной человек, по твоему государеву указу того Турончу и с братьями, и лутчих людей, Балуню и Аная, и Евлогоя, и всех улусных их людей, и весь род их к шерти привели на том, что быть им под государя нашего [А. М.] высокою рукою в вечном ясачном холопстве навеки и ясак с себя (давать) по вся годы безпереводно. И у них выбрали в аманаты лутчих людей, князя Турончу, Балдачина зятя, да брата его ..., да князя Толгу с братом, да Омутеева брата, да трёх улусных лутчих мужиков.

И они ясаку [с] себя принесли всего шестьдесят соболей, нонечи де у нас соболей нет, на осень де дадим вам полной ясак.

И яз, приказной человек, посоветовав с ратными людьми, служилыми и с волными казаки, их, мужиков всех улусных и боканов отпустили, и велели жить на прежних их кочевьях без боязни.

И стали они ясырю своего прошать на выкуп, и сулили животов, давали под ясыря выкупу по сороку рублёв и по штидесят, а за иных и по сту рублёв. И яз, приказной Ярофейко, и служилые люди, и волные казаки, промеж собою посоветовали и, государю радеючи, [для] своих зипунов не порадили, и для постоянья, и утверженья земли, тот ясырь отдали без выкупа. И велели им жить без боязни.

И жили они в тех своих улусах у города с нами за един человек, и корм нам привозили, и они к нам в город ходили безпрестанно, и мы к ним тоже ходили.

И 160 [1651] году, сентября в 3 день, ходил от нас из города енисейской казачей десятник толмач Костка Иванов, что с Байкалова приехал во 158 [1650] году от сына боярского Ивана Галкина, к ним в юрты и час времени в юртах жил. И к нам в город прибежал, и нам сказал, что де меня в юртах имали и яз де у них одва ушёл. И в кою пору он бежал к нам, а они на кони свои высели все и с ясырями из улуса все побежали.

И яз, Ярофейко, послал ратных людей в улус их розговаривать, и они все выбежали, лишь схватили две бабы старых.

И яз, Ярофейко, стал говорить тем аманатом, что де вы нашему государю изменили и шертованье своё порудили, и людей де своих прочь отослали. И они то говорят: мы де не отсылали, мы де седим у вас, а у них де своя дума. И в те поры говорил князь Толга: чем де нам всем помереть, и мы де помрём за свою землю одни, коли де к вам в руки попали.

И яз, Ярофейко, всяко их розговаривал. И они, свирепые дауры, и Бога не знающие, шертованье своё порудили, и говорят то: ведайтесь де вы с

нами, однажды де вам в руки попали. И яз, Ярофейко, тех аманатов пытал и жог, и они одно говорят, что де отсеките наши головы, уже де однако мы к вам на смерть достались.

А те иноверцы кругом ездят далече. И яз, Ярофейко, к государскому величеству призывал, и они не прикликаются. И яз, Ярофейко, подумал, что тут зимовать не на чем, хлеба близко города нет, а время испустили, и велел служилым и волным казаком на суды собираться.

И сентября в 7 день, собрався на суды, велел я, Ярофейко, волному охочему казаку Петрушке Оксёнову, устьем поплыв по Амуру реке, тот Толгин город зажечь весь. А жил в том городе полчетвёрты [3,5] недели. » [74]

А в изветной челобитной это описано так:

«И плыл он, Ярофей, от Банбулаева города три дни. И как доплыл до Толгина города и, Божию милостию и твоим государевским счастьем, и казачьими головами, и Толгин город взяли, и сорок пять человек даурских мужиков поймали, да в них восемь человек князьцев даурских, Даурской земли державцы, именем Толгу да Балуню, да Торончей з братом, да Амунтеев брат. И те были, государь, князьцы даурские, лутчие державцы.

И оне, князьцы, тебе, государю, шертовали по своей вере и ясаку, государь, с себя и своего роду дали два сорока соболей. А говорили те князьцы: как дадим де мы, и на осень государю ясак со всей Даурской земли по камени, а тот камень — рубеж з Дючерской землёй. А шертованье их было, даурских князьцев, на том, чтобы им, даурским князьцам, со всею Даурскою землёю под государевской высокою рукою в вечном ясачной холопстве, навеки неотступным.

И бил челом тебе, государю, а по твоему государеву указу приказному человеку, ему, Ярофею Хабарову князец Толга с товарищи, чтобы ты, государь, дал бы им сроку до осени. В нынешнем де во 159 [1651] году дали де мы ясак царю богдойскому, потому ныне у нас соболей нет. Вашему государю [А. М.] дадим де мы ясак на 160 [1651-1652] год со всей Даурской земли весь сполна.

А тот Толгин город крепок был выше меры, в две стены рублен в целом древе. А промежу стенами был сыпан хрящ. И кругои города было копано три реда, по три сажени глубина, а широта по четыре сажени.

И велел он, Ярофей, нам, холопам твоим государевым, тот город строить и укрепить на городе тройной чеснок, и аманацкой двор поставить. И мы, холопи твои государевы, по ево, Ярофееву, приказу так мы зделали чеснок на стене и аманацкой двор поставили. А кругом аманацкого двора поставили тын стоячей да нарубили на городе четыре башни, и на башни поставили пушки. И велел он, приказной Ярофей, жеребывать в городе места, где кому ставить избы. И мы, холопи твои государевы, в городе места розжеребывали, где кому ставить избы.

И он же, приказной человек Ярофей Хабаров, умысля, как бы и тут постоянства не зделать тебе, государю, и сентября в 2 день выпустил лутчево князьца Балуню без войскового ведома и совету на волю. И от тово Балюни, а ево, Ярофеевым, наученьем начала быть в Даурской земле шатость. И того

же месяца, в 4 день, даурского князья Толгу с товарищи ево приказной Ярофей Хабаров бил кнутом насмерть нещадно.

Того же месяца, в 5 день, велел он, приказной Ярофей Хабаров, нам, холопом твоим, из города хлебные запасы выносить и пушки выкатить на суды, а город зажечь и около города посад весь зажечь же.

А как разорил Толгино княжение, и от тово места поплавав учинил на низ. А Толгу князья потерял своим небрежением и нерадением. А тот Толга был державец всей Даурской земле. А держание ево дано было ему, Толге, от богдойского царя, кабы что воевода.» [75]

Однако, очень сомнительно, что сам Хабаров устроил «шатость», как предлог, чтобы не было «постоянства.» Всё было проще. Десятники в распросе Дмитрию Зиновьеву говорили так:

«А из Банбулаева улусу приплыли они с Ярком в Толгин городок. А Толгу де оне поймали в улусах. А в городке де в Толгине людей в то время не было. И поймав де Толгу, вошли де оне в Толгин городок всем войском. А хлеба де в городке не было. А были де в городке животы Толгины и улусных людей.

И жили де они в том городке с месяц времени. И стали де они говорить Толге, чтоб государю служил и давал ясак. И Толга де им говорил: пус[ть] казаки забрали меня и з бабами. Моя ли де голова или бабы. Отпустите де баб, и я де государю ясак дам. И они де выпустили по слову ево сто семьдесят человек ясыри. А как де выпускали ясырь, и в ту де пору и ясак дал. И с кос де ево обрезал, и он дал жене своей. А детей де у Толги было или нет, того он не ведает. И с тех де мест улусные люди к нему ездить не почали, стали жить в бегах.

И они де, служилые люди, всем войском стали Ярку говорить, чтоб жили в Толгине городе. И город де они войском укрепили, потому что хлебом и ясаком промышлять было тут мочно, и постоянство государеве службе было тут учинить мочно. Место стало середь земли, и город крепок.

И Ярко де жить в том городе не захотел. А стал де войску говорить: мне де долги своё где взять, а вам де, тут живучи, чем долги моё платить? А молодым де людям, должником своим, говорил про содомской блуд. Разве де вам тем долги мои платить? Нажитку де нам тут не будет.

И севчи де в дошаник, поплыл на низ. А мы де, служилые люди, по неволи, заплавав, поплыли за ним же на низ. А на поплаве де он, Ярко, город Толгин зажёг, и тот де город згорел.» [76]

Итак, Хабаров покинул городок Толгин. Дальнейшие события он описал так:

«И плыл из того города до камени четыре дни. А на другой день, что был из того города князь Толга, и тот Толга скрал нож и сам себя поколол.

Тут все улусы частые, невеликие юрты, по десяти юрт в улусе ... сто дватцать.

А камнем плыли два дни да ночь. И камнем все улусы невеликие. А людям выше камени и в камень зов им гогулы. И тут людей нет. А за камнем первого дни проплыли улусов дватцать один улус. И того дни в последних улусах языков имали, а иных рубили, и ясырь похватили.

А на другой день плыли всё улусами же. И с правую сторону выпала река,

зов ей Шингал. И по той реке, сказывают, что живут многие люди, да и города де у них есть. И на усть той реки Шингала стоят на той же стороне два улуса великие. В тех улусах юрт шестьдесят и болши. И я, Ярофейко, с того у них улусу с мужиков ясак прошали, и они, мужики, нам отказали и ясаку государю не отдают. И ясырь тот их, мужиков, похватали мы, казаки, и многих людей побили и порубили. И под тем улусом ночевали.

И поплыли вниз по Амуру, и плыли два дни и ночь, и улусы громили, все улусы. А юрт по штидесят и по семидесят в улусе. И мы в тех улусах многих людей побивали, и ясырь имали.

И плыли семь дней от Шингалу дючерами. Все улусы большие, юрт по семидесят и по осмидесят. И тут все живут дючеры. А всё то место пахотное и скотное. И мы их в пень рубили, а жён их и детей имали, и скот.

И в осмой день поплыли ... стоит на правой стороне на каменю улус, велик гораздо. И с того места люди пошли имя ачаны. И с того места и до моря место не пашено, и скота нет, а живут все рыбою.

И от того улуса плыли двои сутки. И тут стали приходить улусы юрт по сту. И как к улусу в стругах приедем, и они на берег вскочили, и из стругов с нами дерутся. И, Божиею милостию и государским счастьем, тех многих людей побивали.

И сентября в 29 день наплыли на улус на левой стороне, улус велик. И яз, приказной Ярофейко, и служилые и волные казаки посоветовали, и в том улусе усоветовали зимовать. И тут город поставили, и с судов выбрались в город. И которых имали, пловучи, мужиков ... оттуду, и те ачаны и ясак к нам привозили.

И октября в 5 день оснастили мы два судна, и парусы вверх бежали сто человек для корму по рыбу. И ходили в тот поход пять дней. И те свои суды в тех улусах в двух нагрузили.

И в та поры, собрався, те дючеры и ачаны, человек с тысячу, октября в 8 день, на утренней зоре, на тот наш город из прикрыта напустили, со все стороны тот город зажигали. А нас в та поры в городе было сто шесть человек. И, Божиею милостию и государским счастьем, холопи государевы, служилые люди и волные казаки, справились, и в куяки изоболочены были, и молились Спасу и пречистой Богородице, и Николе чудотворцу, и радеючи государю, и помираючи за веру крещёную, и не шадя лица своего, против государева недруга, и на вылазку семьдесят человек выскочили, а тридцать шесть человек в городе остались. И дрались с ними часа два боевых, и с башен на них, ачан и дючер, из пушек били и из мелкого оружия.

И тут, Божиею милостию ... и пречистые Богородицы, и государевским счастьем, тех иноверцов многих побили. И нападе на них, собак, иноверцов, страх Божий, и против царской грозы и нашего бою стоять не могли, и побежали врознь. И мы за ними побежали, и в тыл их многих побили, и языков многих перехватили. И в струги они, иноверцы, побросались, и на великую реку Амур отгребали. А струги у них большие и с выходами, и краски навожены. А в один струг сядятца человек по пятидесят и по шестидесят.

И мы, холопи государевы, служилые и волные казаки, в город собрались.

И яз, Ярофейко, у языков роспрашивал про то войско. И языки на[м] в роспросе винились, что де собирались наша Дючерская земля и Ачанская вся, а войска де нашего было восьмьсот, и вы де побили у нас многих людей. И мы круг города их, иноземцов, побитых считали. И всех их побили сто семнатцать человек. И у нас на том бою одного человека досмерти убили, именем Никифора Ермолаева, а изранили нас пять человек.

И с рыбою на судах после той драки на другой день приплыли. И тот город накрепко укрепили, и в том городе зимовать стали. И те иноверцы не появляются к нам.

И ноября в 28 день подсмотрили холопи государевы, служилые люди и волные охочие казаки, иноверские дороги санные, и ездят на собаках. И подсмотря те дороги, и мне, Ярофейку, сказали. И яз, Ярофей. ко, посылал служилых и волных охочих людей сто дватцать человек. Шли день и по-дошли сакму ... И тут, Божиею милостию и государским счастьем, (поймали) добрых людей, ачанского князя Кечи двух братьев и ясырь, а иных улусных мужиков многих побили. И из того походу в город с теми мужиками и с языки пришли на третей день. И тот Кеча под братьей своих ясак, поминочные соболи, (дал). И то всё писано в книгах ясачных. И что ясачной казны собрано и поминочной, и то всё будет писано перечнем в сем отпуске.

И жили холопи государевы, служилые и волные охочие казаки, в том городе зиму. А кормились мы, казаки, во всю зиму в Ачанском городе рыбою. А рыбу ловили крюки железными, и свою голову тою рыбою кормили.

И марта в 24 день, на утренней заре, с верх Амура реки славные ударила сила из прикрыта на город Ачанской, на нас, казаков, сила богдойская, все люди конные и куячные. И наш казачей есаул закричал в городе Андрей Иванов, служилой человек: Братцы казаки, ставайте наскоре и оболокайтесь в куяки крепкие. И метались казаки на город в единых рубашках на стену городовую. И мы, казаки, чаяли из пушек из оружия бьют казаки из города, ажно бьёт из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско богдойское.

И мы, казаки, с ними, с богдойскими людьми, войском их дрались из-за стены с зори и до схода солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометались, и не дадут нам, казакам, в те поры пройти через город. А богдойские люди знамёнами стену городовую укрывали. И у того нашего города вырубили они, богдойские люди, три звена стены с верху до земли.

И из того их, богдойского, войска кличет князь Исинея царя богдойского и всё войско богдойское: не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьём. И толмачи наши те речи князя Исинея слышали, и мне, Ярофейку, сказали.

И услыша те речи у князя Исинея, оболekli мы, казаки, все на ся куяки. И яз, Ярофейко, и служилые люди и волные казаки, помолясь Спасу и пречистой владычице нашей Богородице, и угоднику Христову Николе чудотворцу, промеж собою прощались. И говорили то слово яз, Ярофейко, и ясаул Андрей Иванов, и всё наше войско казачье: умрём мы, братцы казаки, за веру крещёную, и постоим за дом Спаса и пречистые, и Николы Чудотворца, и порадеем мы, казаки, государю [А. М.], и помрём мы, казаки,

все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, не дадимся.

И в те стены проломные стали скакать те люди богдоевы. И мы, казаки, прикатали тут на городовое проломное место пушку медную и почали из пушки по богдойскому войску стрелять из города и из иных пушек железных бить ж стали по ним, богдойских людях. Тут и богдойских людей, и силу их всю, Божиею милостию и государским счастьем, и нашим радением, их, собак, побили многих.

И как они, богдои, от того нашего пушечного бою и от пролomu отшатились прочь, и в та поры выходили служилые и волные охочие казаки, сто пятьдесят человек, в кукках на вылазку богдойским людям за город, а пятьдесят человек осталось в городе. И как мы к ним, богдоем, на вылазку вышли из города, и у них, богдоев, тут под городом приведены были две пушки железные. И, Божиею милостию и государским счастьем, те две пушки мы, казаки, у них, богдойских людей и у войска, отбили. И у которых у них, богдойских людей, у лутчих войтинов, огненно оружие было, и тех мы людей побили, и оружие у них взяли.

А которые на вылазке (были) казаки, сто пятьдесят шесть человек, и радеючи государю, и помня крестное целование, не щадя лица своего, против государевых недругов дрались с ними, богдойскими людьми, мы, казаки, саблями, и Божиею милостию и государским счастьем, и радением, и промыслом твоим, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, мы, казаки, тех богдойских людей на вылазках многих побили.

И нападе на них, богдоев, страх великий, и Божиею милостию ... и пречистые владычицы Богородицы, и святого угодника Христова Николы чудотворца, и все достальные богдоевы люди прочь от города побежали врознь.

И мы, казаки, у них, богдоев, языков переимали. Да у них же, богдоев, отбили восьмьсот тритцать лошадей с запасы хлебными. Да у них же, богдоев, отбили семнатцать пищалей скорострельных. А те их пищали — по три ствола и по четыре ствола вместе. А замков у тех скорострельных пищалей нет. Да у них же отбили две пушки железные, да восьмь знамён богдойских.

И тех языков яз, Ярофейко, спрашивал накрепко. И те языки в роспросе мялися. И стал говорить язык, царя богдойского служилой человек Нюлгуцкого города именем Кабышейка. И тот стал говорити: яз де вам скажу всю казаком свою правду, что де таить. Про вас пришла де к нам весть осенесь. С усть Шингалу реки приехали де дючерские мужики к нам, ко князю Исинею да к Иведакамахе, да Тамфимадге, что де сядят в том Нюлгуцком городе, посланы от царя богдойского посаженника от Учурвы, и те дючерские мужики расплакались и говорят, что де приехали русские люди и нашу де землю всю выевали, и вырубили. И жён наших и детей в полон взяли. И мы де своими людьми дючерскими и Дючерскою землёю собирались, и на них ходили, на город напускали не на великие люди. Да тут де нас мало не всех побили. И нам де против их стоять не можно, и вы де нас обороняйте. А не станете нас оборонять, и мы им станем ясак давать.

И князь Исинею с товарищи о том отписывал в Надымны в город к царю

Учурье. И посылали с отписками богдойского служилого человека. И ходил де месяц наскоре. А ходить из Нюлгуцкого города в тот город Надымны степью с правую сторону. И на дороге, идучи мимо, — два города, город первой Лабей, а другой город Тюмень. И те города все каменные. А юрт в том городе по тысяче и по две, и по три. А иные юрты каменные. И в том городе в Надымнах сидит царь Учурва. А посаженик тот царь Учурва царя богдойского Шамшакана.

И как тот служилой человек приехал от царя Учурвы, и прислал он грамоту, и велено де итти князю Исинею с товарыщи, и велено де собрать войско великое, и велел итти на вас, казаков, и вас, казаков, велел иных побити, а иных велел живых казаков взять и к себе поставити в землю с оружием вашим, казачьим.

Да ... с нами было пятьсот, да из Манзанского улуса людей было с нами четыреста дватцать человек, да дючеров было с нами со всей реки сот с пять и болши. А тот де улус Манзанской стоит от нас на полудне от ..., и тот де улус на одной стороне реки. А юрт в улусе с тысячу. А на другой стороне Шингалу против того улус стоит таков же.

А ехали де мы из Нюлгуцкого города до ся мест три месяца на конех, а коней было у нас имано на двух человек три лошади.

А от нашего де города стоит (город), Нюлгуцкого города болше. А около де того города живут Мовчена сведенцы, даурские люди и тунгусы. И те мужики хлеб пашут на царя Шамшакана и овощи водят. И от того города Мовчена дорога в Богдойскую землю к царю Шамшакану.

А яз де, мужик, родом Никанской земли. А наша де земля Никанская от Богдойской земли стоит на востоке. Река де есть в нашей земле Бучун порубежная. А пала та река своим устьем в море. А людей по той земле много. А людям тем зов никаны. А лица у них чёрные, бородаты.

А другая де река есть неподалёку. Имя ей Шунгуй. А по той де реке живут никаны ж, многие люди. Да город де на той реке стоит. И в том де городе живёт царь никанской Зюлзей. Да иные де города по той реке есть многие, все каменные. А бережёмся от богдойского царя, что де нас богдойской царь Шамшакан никанских людей в пределах воюет. А всей земли овладеть не может, потому что та Никанская земля несказанно велика. А никанской де царь ясаку никому не даёт.

Да в той же земли Никанской в нашей родится золото и серебро, и жемчуг в раковинах находят в реке, и камень дорогое. Да в нашей де в Никанской земле родятся шёлки разные. А делают из шелков из тех камки и отласы, и бархаты. А бумагу де хлопчатую сеют. А из той бумаги делают кумачи.

И яз, Ярофейко, того мужика спрашивал, при какове де то золото и серебро мест родитца. И тот мужик сказал: родится де то золото и серебро, есть де река, пала из болота, впала устьем в море. А та река невелика. На той реке есть камень, а в том де камению та золотая гора. А ломают ту руду золоту ломами железными. И у той де золотой руды стоит город каменной. Да и служилые люди живут многие на той же реке пониже того камня. И в той реке находят в раковинах жемчуг да и серебро на той реке родится. Да и

в иных местах в той Никанской земли серебро родится во многих местах, а золото родится в одном месте. И из той де Никанской земли во всей орде, в Богдоеве земле, — золото и серебро, и шёлк, и камки, и всякие узорочья. А в иных землях яз де не слыхал про золото и про серебро, что родится опроче Никанской земли.

И роспрося тех языков, круг того Ачанского города смекали, что побито богдоевых людей и силы их шестьсот семьдесят шесть человек наповал. А нашии силы, казацьи, от них легло от богдоев десять человек, служилых двое да волных казаков восемь человек. Да переранили нас, казаков, на той драке семьдесят восемь человек. И те от ран оздоровели. А кого убили у нас, казаков, и кого переранили, тому роспись под сею отпискою.

И после той драки тех иноверцов не видали у города ни одного человека, где мы зимовали. И от того места, сказывают, до гиляк поплаву десять дней. А гиляки живут до моря и круг моря.» [77]

О приходе богдойских людей под Ачанский острожек служилые люди в расспросах, произведённых Дмитрием Зиновьевым давали противоречивые показания. Например, десятники сказали:

«И зимовали в Дючерах в Очанском улусе, и поставили острожек. И в острожку де зимовали. И ясачного де збору у них ничево не было.

А приходили к ним к острожку приступом дючеры во 159 [1650] году, октября в 2 день. И на приступе де государевых служилых людей ранили человек з десять. А дючеров государевы люди на приступе побили многих.

А другой де приступ был к тому ж Очанскому острожку того ж году, канун Благовещения дни [Благовещение 25 марта 1651 г. — Г. К.], на утренней заре. А приступали де к ним богдойские люди многие, а было де блиско полутора тысяч. И на приступе де они богдойских людей побили, многих людей. И от города де ушли небольшие люди.

А взяли де на приступе у богдойских людей две пушки малых железных, привязаны верхами на конях, да семнатцать пищалей, тройные, а одна пищаль о четырёх стволах.

А государевых служилых людей ранили человек с вомьдесят, а девять человек убили досмерти.» [78]

И ещё сказали они же:

«А как де они пришли с Ярком в Даурскую землю во 157 [1649, а точнее, в 158, т. е. в 1650 году — Г. К.], и с тех де мест и по ся места они богдойских и других государских людей в Даурской земле никаких не видали и приходу их не слыхали, опричь того, что приходили богдойские люди приступом в Дючерской земле к Очанскому острожку.» [79]

Точно такие же показания дал Ивашко Мартемьянов Седельников. А в изветной челобитной написано иначе:

«А как выплыл из Даурской земли в Дючерскую землю, и плыл дючерами три недели, и как доплыл до Ачанского улуса, и тут в улусе стал. И почал он, Ярофей, зимовать, не поставя острогу, ни крепости. И тут мало наших голов не потерял и твоей государевы казны. А пушкам ни роскатов, ни быков не поставил, а поставил среди улицы просто.

А на приезде, государь, как мы, холопи твои государевы, приехали спер-

ва в Очанской улус и поймали князьцева сына Жаншурова. А тот Жаншур — князец над тремя улусами большей. А в тех улусах большаи трёхсот человек. И тот князец Жаншур с осени ясак дал под сына своево тебе, государю, два сорока соболей.

И с сентября дючерские мужики тебе, государю, ясаку не почали давать, и почали быть в откладе и до месяца февраля. И мы, государь, холопи твои, видя их, иноземцов, отклад и непокорение тебе, государю, и мы, холопи твои государевы, били челом тебе, государю, а челобитную подали ему, приказному человеку Ярофею Павлову, Дунай Трофимов да Стенька Поляков с товарищи, которые зимовали в Очанском, и тому, государь, имена наши в челобитной, девяносто пять человек, на твою государеву службу в охочей поход на твоих, государевых, непослушников, на дючерских мужиков не на ясачных людей.

И как мы в охочей поход, холопи твои государевы, ходили и, Божиею милостию, Кечигин улус розгромили и Кечигиных братьей поимали трёх, да улусных мужиков четырёх, и приказному привели. И приказной Ярофей Хабаров под те Кечигиных братьей взял тебе, государю, пять сороков соболей. А тот Кеча — князец у дючер большей.

Как он, Ярофей, ясак взял тебе, государю, с Кечи под ево, Ке[чи]ных, братьей, и после ясаку он, приказной Ярофей Хабаров, руки посёк да тово повесил. И у Жоншакурова сына руку отсёк да тово повесил. А иных аманатов порубил.» [80]

Много бумаги исписано разными авторами о месте нахождения Ачанского острожка. Мы на этом останавливаться не будем, а вместо этого зададим крамольный вопрос: существовал ли вообще Ачанский острожек? Почему сторонники Степана Полякова обвиняют Хабарова за то, что тот стал зимовать в Ачанском улусе «не поставя острогу, ни крепости», а «пушки поставил среди улицы»? Если бы во время зимовки острожек строился, то такого бы упрёка не было. Могут возразить, мол не мог же Хабаров написать, что он построил острожек, если на самом деле его не строил. Но ведь писал же Хабаров, что он построил Тугирский острожек, хотя на самом деле не строил.

Не будем скрывать, что в документах есть сообщения, что острожек все-таки был. Например, прибывшие в Якутский острог с отпиской Хабарова Сергушка Андреев с товарищами говорили:

«А от усть Шингалу плавал Ярофейко вниз Амуром до наток четверы судки. Тут и зимовал, и острог поставил.» [81]

Уместно здесь также заметить, что хотя в документах описания острожка нет, Г. А. Леонтьева знает, как он выглядел:

«Казаки дружно взялись за работу и в несколько дней построили Ачанский город: стены, две сторожевые, одну проезжую башни. Внутри поставили несколько изб для жилья. Вокруг выкопали глубокий ров, за которым насыпали земляной вал. Так как городок был небольшим и все участники похода не могли в нём разместиться, под его стенами было поставлено ещё несколько изб.» [82]

Насчёт того, что работали дружно сомнений нет, работы тут не на не-

сколько дней. Добавила Г. А. Леонтьева и другие «подробности», которых нет в документах:

«Ачанский лазутчик бесшумно снял часового Никифора Ермолаева, дежурившего в ту ночь на сторожевой башне. <...> Внезапное нападение послужило должным уроком. Ачанский городок <<накрепко укрепили>>, а ночные караулы усилили, оставляя теперь дежурить по несколько человек.» [83]

В документе же написано: «на том бою одного человека досмерти убили, именем Никифора Ермолаева».

Про приход дючер к Ачанскому острожку и про приход богдойских людей в изветной челобитной ничего не написано. И это создаёт затруднения для определения действительной численности нападавших. Но одно ясно, численность эта сильно преувеличена. Скорее всего, она не на много превосходила оборонявшихся. Преувеличены и потери нападавших: 676 убитых на 200 оборонявшихся. Получается, что каждый оборонявшийся убил три, а то и четыре человека. Кто этому поверит?

У Г. А. Леонтьевой написано:

«О происшедшем сражении Хабаров сразу же сообщил в Якутск воеводе Францбекову, а тот, в свою очередь, отправил подробный отчёт в Москву.» [84]

Однако, всё было не так. Отписка была отправлена лишь 9 августа 1652 года с Сергушкой Андреевым с товарищами. В Якутский острог они прибыли 24 сентября 1652 года. Воеводой там был в это время уже не Францбеков, а Акинфов, который о времени пребывания в должности якутского воеводы писал так: «с моего, Ивашкова, приезде на Лену во 159 [1651] году, августа 31 числа, да мая по 24 число нынешнего 161 [1653] году.» [85]

Никакого отчёта Францбеков в Москву не отправлял, а отписку Хабарова повезли в Москву Сергушка Андреев и Филька Самсонов. 17 декабря 1652 года они лишь достигли Захаровской заимки, в 93 км ниже Киренска. Обо всём этом подробно речь пойдёт дальше.

Здесь уместно привести выдержку из книги В. П. Петрова, которая является ярким примером того, какие искажённые сведения о постройках острогов Хабаровым выдавались за истину.

«Хабаров поставил первый русский острог на Амуре недалеко от слияния рек Шилки и Аргуни на месте даурского городка князя Албазы, который он назвал Албазином.

Следуя дальше вниз по течению Амура, Хабаров поставил второй острог в том месте, где большая река Зея впадает в Амур и где теперь стоит город Благовещенск.

Наконец, дойдя на своих утлых судах до слияния рек Уссури и Амура, он поставил ещё один острог названный им Ачанским. Благодарная Россия много десятилетий спустя переименовала Ачанск в Хабаровск в честь Хабарова, под которым именем этот город известен теперь.» [86]

Опять вернёмся к отписке Хабарова.

«И апреля в 22 день [1652 г.], оснастя свои суды, шесть дощаников, пошли мы, яз, Ярофейко, с казаками, на тех судах вверх, и канун Троицына дни [Троицын день в 1652 г. — 7 июня — Г. К.] по верхнюю сторону камени со-

шлися тут яз, Ярофейко, и с своим войском с ратными людми, что прислал ты, Дмитрий Андреевич да Осип Стефанович, служилых людей, Тренку Ермолина да Ортюшку Филипова и с ним новоприборных даурских казаков послал ко мне.

И яз, Ярофейко, против наказной памяти у них, служилых людей, у Третьяка да у Ортемья, казну принял государеву: пушку и порох, и свинец, и людей; приняв, отпись им дал приёмную и аманата взял именем Тоёнчу. А что их было, Третьяковы да Ортюшкины служилых новоприборных даурских казаков, и об том он, Третьяк, с служилыми людми, с новоприборными казаками, отпись в своей отписке писал обо всей своей службе. И с тех мест стали служить общую службу за один человек.

И стояли под тем улусом неделю, и те мужики ездят далече. И мы им говорили, и под государское величество призывали, и ясаку с них прошали, и они близко не едут.

И июня в 13 день били челом государю, и по государеву указу мне, Ярофейку, десятники и рядовые служилые и волные казаки, и всё войско, итти на тех государевых непослушников ратным обычаем, войною. И я, Ярофейко, отпускал их в поход сто сорок человек. И Божиею милостию, и государским счастьем, и радением, и промыслом ратных людей, служилых и волных казаков, поймали доброго мужика дючерского. И на другой день приехали братья того мужика, и ясак со своего роду привезли, сто соболей. И того мужика в аманаты посадили.

И июня в 15 день сказал тот мужик аманат, что де пониже сего места улус есть, и против того улуса в горе живут иные мужики. И яз, Ярофейко, послал служилых и волных казаков сто сорок человек. И в том походе поймали пять человек, все боканы, и с ними поймали дючерского мужика с Шингалу, и ко мне, Ярофейку, привели.

И яз их спрашивал. И они в роспросе винулись, что де наши люди не хотят вам ясаку давать, хотят де с вами драться. И тот мужик сказал, что с Шингалу есть де войско, многие люди богдоевы и с Шингалу, и наша Дючерская земля на усть Шингалу вскопе, тысяч с шесть и болши. А вас де тут ждали, как де поплывут казаки, с верху или с низу придут, и мы де их приманим к берегу, да тут де их побьём. И с верху казаков де не дождались. А вы де с ними то место пробежали парусами. И меня де за вами послали, для того что де они станут зимовать. И как де город поставят, и мы де соберём войско, тысяч десять или болши, и их де давом задавим.

И яз его, Ярофейко, огнём жёг. И он те же речи сказал, что де будет к вам войско тысяч десять, и с пушками с большими, и с мелким огненным оружием.

И апреля в [4] день отпустил служилой человек Третьяк Ермолин да Ортюшка Филипов с верху из Банбулаева города ко мне, Ярофейку, и ко всему войску служилых шесть человек да волных казаков дватцать один человек, и всех дватцать семь человек. А отпустил их с вестью и с отписками, радуячи государю и его государеве службе. И Божиим судом яз, Ярофейко, и с ратными людми, и с ними расплылись, друг друга не видали, и неведомо они живы и неведомо мёртвы.

И те служилые и волные казаки, что с Третьяком и Ортюшкою приплыли, челобитную государю подавали, что плыть вниз, искать тех дватцати семи человек. И яз, Ярофейко, их не отпустил, потому что невеликих людей отпустить, ино на усть Шингалу войско велико, вся де земля вскопе. А всем нам плыть, ино сверх сего году не взойтить, и с отписками не поспеть, государю про нашу службу вестно учинить и тебе, Дмитрей Андреевич, да Осип Степанович.» [87]

А теперь расскажем, как Третьяк Чечигин и Артемий Петриловский, посланные Хабаровым с Амура 25 марта 1651 года, добирались из Якутского острога с новоприборными людьми обратно на Амур. С ними был также Дружинка Васильев Попов, но его, как уже было рассказано, воевода Францбеков отправил в Москву.

Артемий Петриловский уже в это время располагал свободными деньгами и мог их давать займы, о чём свидетельствует приводимая ниже кабала.

«Се аз, торговой человек Карпа Ярославца приказщик Осип Иванов, да торговой человек Иван Амосов Осколков Яренского городка гостя Василья Шорина, да гостиной сотни Семёна Задорина люди их Семён Иванов, Василей Власов,

заняли есми в Якуцком остроге у новоприборново охочево даурского служилого человека у Ортемья Филипова сына Петриловского сто шездесят рублёв денег московских ходячих прямых без приписи июля в 15 день до срока, до Николина дни вешняго [9 мая — Г. К.] 160 [1652] году без росту. По сроце — рост на пять шестой [20 %]

Где ся кабала выляжет, тут по ней суд и правёж со всеми убытки кабальными. Хто с сею кабалою станет, тот по ней и истец. А которой нас, заимшиков, влицах и исцу люб, на том и деньги по сей кабале нерозвытно сполна.

На то послух служилой человек Филип Яковлев сын Бухаров.

Кабалу писал Якуцкого острогу площадной подьячей Вахромейко Максимов.

Лета 7159 [1651] году.» [88]

На обороте кабалы — рукоприкладства:

«К сей кабале заимшик Ивашко Осколков руку приложил.

К сей кабале вместо заимшиков гостя Василья Шёрина да гостиной сотни Семёна Задорина людей их Семёна Иванова да Василья Власова по их веленью промышленной человек Ивашко Денисов руку приложил.

К сей кабале вместо заимщика Осипа Иванова по его веленью торговой человек Андрюшка Балакшин руку приложил.»

Как производился набор служилых людей и какие злоупотребления допускал при этом воевода Дмитрий Францбеков, сообщал в Москву бывший дьяк Пётр Стеньшин:

«Да в нынешнем же, государь, во 159 [1651] году, июня в 28 день, сказывал мне, холопу твоему, ленской казак. А хто, государь, тот служилой человек имянем, и того ныне я, холоп твой, к тебе, государю, имени его без Дмитриева заказу и заставы, что он отписки и всякие писма обыскивает, и

к себе переимает, написать не смею, что он, Дмитрий, всякое время при служилых людех говорит такие речи, что даурская служба стала ему недёшево ... и что он с ним служилых и промышленных людей ...им, и платья им покупал, и запасы своими ссужал, и животы де все он свои в том истерял. А стала де ему та даурская служба в тридцать тысяч рублёв с лишком. В том числе за одним Ярофейком Хабаровым семь тысяч рублёв, за Дружинкою Васильевым Поповым, что он ныне к тебе, государю, к Москве з даурскими отписки от него, Дмитрея, отпущен, на нём, Дружинке, шестьсот рублёв, а на иных по сту и по пятидесяти, и по сороку рублёв, и по тридцати. А меньши того, кому он ссуду давал, тридцать рублёв в даче нет.

А которых служилых отпускает, и ныне ссыльных служилых же людей посылает. И он у них по оклады их твоего государева денежное и хлебное жалованье всё себе емлет, а им даёт, покупая, пищали и свинец, и зелья, и платье. В том на них сверх их окладов емлет кабалы. И в те кабалы сверх займов треть денег не взято, их вместо росту лишку приписывает. Кому дать десять рублёв, а кабалу на него напишет в пятнатцати рублех. А кому даёт дватцать, а кабалу напишет в тридцати рублех. А кому даёт больши, и те кабалы пишет по тому же розчёту. И с теми он приписными деньгами тоё даурскую службу почитает в тридцать тысяч рублёв с лишком.

И только ты, государь [А. М.] про ту Даурскую землю, во што тебе, государю, по Дмитрееву отпуску Францбекова ныне в трёх посылках стало, и ево, Дмитреевых, в деньгах якутцкого посылного ево нажитку, что он пашенному Ярофейку Павлову сыну Хабарову и ему, Дружинке, для своего нажитку денег и иным промышленным людям, и платье, и оружья покупает, и своих запасов давал, а на их в том имал кабалы.» [89]

Почему-то злоупотребления, в которых Пётр Стеньшин обвинял воеводу Францбекова, Б. П. Полевой приписал Хабарову. У него написано:

«Промышленный человек И. М. Сидельников 2 сентября 1653 г. жаловался царскому посланнику Д И Зиновьеву на Я. П. Хабарова: <<... кабалы де имал на своё имя.>> При этом Хабаров допускал различные злоупотребления: <<лишку приписывает: кому даст десять рублёв, а кабалу на него напишет в пятнатцать рублёв, а кому даст дватцать рублёв, а кабалу пишет в тридцать рублех, а кому даст больши, и те кабалы пишет по тому же рочёту.>>» [90]

Насчёт Седельникова верно. А насчёт «приписывания лишку» обвинял не Седельников, а Пётр Стеньшин, но не Хабарова, а Францбекова.

Главой служилых и охочих людей, отправлявшихся на Амур, был назначен Третьяк Чечигин с товарищем Артемием Петриловским. Им была дана наказная память:

«Лета 7159 [1651], июля в 27 день. По государеву [А. М.] указу и по приказу воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да Осипа Степанова память Якутского острога служилым людям Тренке Ермолину Чечигину да Артюшке Филипову Петриловскому.

Ехать им из Якутского острога в новую Даурскую землю на великую реку Амур к приказному человеку Ярофею Хабарову. А с ними послано к нему, Ярофею Хабарову, Якутского острога служилых людей 26 человек да воево-

ды Дмитрия Андреевича Францбекова человек Ананья Русланов, да дьяка Осипа Степанова человек Афонька Михайлов сын Частиков. И всего 137 человек, все с ружьями. А хто имянно служилых охочих и промысленных людей, и тому под сею наказною памятью роспись за дьячьёю приписью.

А итти им, Тренке и Артюшке, с теми ратными людьми наспех, днём и ночью, чтоб им поспеть нынешним летом в Даурскую землю. А как они, Тренка и Артюшка, придут в Даурскую землю, и им, Тренке и Артюшке, быть в полку по-прежнему, и служилым, и охочим. Служилых же промысленных людей отдать по росписи приказному человеку Ерофею Павловичу Хабарову всех налицо с ружьями.

Да с ними же, Тренкою и Артюшкою, послано к Ерофею Павловичу Хабарову для ратного бою 30 пудов зелья да 30 свинцу. И то зелье и свинец отдать ему же, Ерофею.

А самим им, Тренке и Артюшке, и служилым никакою проигрышною игрою не играть, чтоб никакова меж ими друг от друга государеву делу убытка не было. А кого где поймают, и их от зерни и воровства унимать, бить батоги имянно.

Которые служилые люди объявятся на Олёкме реке и на Тугире, и на ленских, и на шильских вершинах на соболиных промыслах или, будет, в Даурскую землю для ратного бою отпущены они будут от Ленского волока и из иных городов, или из города без отпуска, и им, Тренке и Артюшке, [с] служилыми людьми тех служилых и промысленных людей за поруки и за приставы прислать в Якутской острог к воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да дьяку Осипу Степанову.

Да им же, Тренке и Артюшке, [с] служилыми людьми, идучи Алёкмою и Тугирем реками, и буде которые объявятся тунгусы, прежние беглые аманаты, сколько их роду или вновь каких родов тунгусы, а их Тренке и Артюшке [с] служилыми людьми тех тунгусов в аманаты поймать и отдать наруки служилым людям, кто в нынешнем во 159 [1651] году в Якутской острог для ясачного взносу, и в том с ними расписаться. Потом отписать в Якутской острог к воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку Осипу Степанову, кто имяны и которых родов в аманаты посланы.» [91]

Впоследствии человек воеводы Дмитрия Францбекова крещёный татарин Ананий Русланов перебежит в Китай и будет там назначен под именем Улангерий во главе отряда русских перебежчиков и пленных. А человек дьяка Осипа Степанова Афанасий Михайлов сын Частиков выйдет с Амура в Якутск в 1655 году с сыном боярским Фёдором Пушиным и другими.

С Третьяком Чечигиным была послана наказная память Хабарову:

«Лета 7159 [1651] года, июля в 27 день. По государеву [А. М.] указу память в новую Даурскую землю Якутского острога приказному человеку Ерофею Павловичу Хабарову.

В нынешнем во 159 [1651] году посланы к тебе служилые люди Тренка Ермолин сын Чечигин да Артюшка Филипов сын Петриловских, да с ними 26 человек. Из тех служилых людей одному служилому человеку Богдашке Габышеву [написано: Забышеву — Г. К.] быть с тобою, Ерофеем, в подьячих до весны впредь 160 [1652] году, и весною выслать в Якутской

острог; да воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова человек Ерусланов; да дьяка Осипа Степанова человек Афонька Михайлов сын Частиков; да охочих служилых промысленных людей 107 человек. И всего 137 человек, все с ружьём. А кто имяны служилых и охочих промысленных людей, и тому роспись под сею наказною памятью за [написано: да — Г. К.] дьячьёю приписью.

И как к тебе сия память придёт, и тебе б, Ерофею Павловичу, тех служилых людей, Тренку Чечигина да Артюшку Филипова с товарищи, 27 человек, в рядовую службу, да охочих служилых людей 107 человек принять, да один служилой человек Богдашка Габышев [написано: Забышев — Г. К.].

Да к тебе ж, Ерофею, послано для ратного бою 30 пуд зелья да 30 пуд свинцу, да стопа бумаги писчей.

Да тебе же, Ерофею, послано в посланниках царю Шамшакану служилого человека Тренку Чечигина, а в товарищах — воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова человека Ананью Русланова, да в подьячих — служилого человека Богдана Габышева [написано: Забышева — Г. К.]. А как им говорить царю Шамшакану, и им дана память.

Да им же дать служилых людей пять человек, которых они, Тренка и Ананья, и Богдашка с собою в посланники у тебя, Ерофея, учнут просить, и тебе б тех служилых людей им дать для того, чтоб которым людям ратное дело было за обычай.

И в те поры, покаместа в посланниках Тренка с товарищи ездят, или царь Шамшакан своих людей в послах к тебе, Ерофею, пришлёт, и тебе, Ерофею, его, Шамшакановых, людей не воевать. А будет он, царь Шамшакан, под государевою царскою высокою рукою быть не похочет и дань с себя брать не велит, и тебе б, Ерофею, по государеву указу над ними, царём Шамшаканом, поиск чинить, сколько милосердый Бог помощи подаст.

Да ему ж, Ерофею, прннять к себе в полк служилых людей, которые с Олёкмы в прошлом во 158 [1650] году с тобою в Даур[ы] сошли, Максимка Михайлова да Лучка Иванова.

Да ему же, Ерофею Павловичу Хабарову, в новой Даурской земле, которые служилые и охочие служилые же люди упромышляют по досугу промышленныя мягкия рухляди, соболей, и у тех людей с промысла имать государева 10 пошлина, от 9 соболей десятым лутчим соболем, да те соболи записывать в книги именно, да те десятые соболи присылать в Якутской острог к воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку Осипу Степанову за своею печатью.

А которые, будут, служилые люди наперёд тебя, Ерофея, поедут с промышленною рухлядью в Якутской острог, и тебе, Ерофею, о той мягкой рухляди писать к воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку Осипу Степанову.» [92]

О Богдашке Габышеве есть такая запись в книге хлебного запаса за 157 [1648—1649] год:

«Марта в 1 день [1649 г.] по памяти воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи дано в государево хлебное жалованье ленскому казаку, которой

седел у государевых дел в Съезжей избе вместо подьячего, Богдашку Кузьмину Габышеву на нынешней на 157 [1648—1649] год...» [93]

Так как по сообщению Хабарова князя Богдою не оказалось, а был царь Шамшакан, то воевода Францбеков решил направить к нему посланников. Посланникам была дана наказная память:

«Лета 7159 [1651] года, июля в 27 день. По государеву [А. М.] указу и по приказу воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова ехать Тренку [написано: Транку — Г. К.] Чечигину да Онанье Русланову с товарищи в Богдайскую землю к царю Шамшакану с любительною грамотою и говорить по росписи, какая вам дана под сим наказом.

И как грамоту примут, и ответ учинят, и в ответе учнут говорить, что он государю нашему дань давать учнёт, и его, царя Шамшакановых, людей не воевать воевод без указу.

А будет царь Шамшакан по государя нашего [А. М.] под его высокою рукою быть не похочет, и то в ответе станут говорить, и те речи писать в статейной список. И ехать с ответными речами и статейным списком к воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку Осипу Степанову. А приехав в Якутский острог, явиться в Съезжей избе воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку Осипу Степанову.» [94]

А далее идёт роспись, по которой говорить:

«По государеву [А. М.] указу и по приказу воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова, посланные в посланниках Тренка Чечигин да Онанья Русланов, подьячий Ананья Жедаев с товарищи, стать государю царю Шамшакану с любительною грамотою и тебе, царю Шамшакану, приняв, велеть любительную грамоту вычетчи, любительно ответ учинить, и в Якутской острог к государеву воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку Осипу Степанову письмом ведомо учинить, как ты в титулах пишешься.

И против твоего письма воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов учнут к великому государю нашему [А. М.] к Москве писать.» [95]

А для царя Шамшакана была заготовлена грамота. Она была написана по образцу ранее дававшейся Хабарову грамоты князю Богдою:

«Бога в Троице славимого милостию мы, великий государь [А. М.] [Далее перечисляются его титулы].

В прошлом во 157 [1649] году ведомо учинилось: Даурская земля на Амуре реки князь Лавкаево княжение.

И по государеву [А. М.] указу воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов в прошлом во 157 [1649] году послали [к] князю Лавкаю для проведывания приказного человека Ерофея Хабарова не с большими людьми. И как Ерофей Хабаров на Амур приплыл, и князь Лавкай с братьями и с улусными людьми пять городов своих покинул пусты и побегал к тебе, царю Шамшакану.

В прошлом во 158 [1650] году мы, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов, того ж приказного человека Ерофея Хабарова к тебе, царю Шамшакану, с невеликими же людьми посылали. А велели тебе,

царю Шамшакану, сказать государя нашего [А. М.] милостивое жалованное слово, чтобы ты, царь Шамшакан, был под его, государя нашего [А. М.], высокою рукою со всеми живущими под твоею областью.

А государь наш [А. М.] велик во всех окрестных государствах. И служат ему, государю нашему [А. М.], цари и великие князи со всеми своими государствами, которые писаны выше сего в титулах государских. И от его государского ратного бою никто стоять не может.

А про тебя, царя Шамшакана, ему, государю нашему [А. М.], было неизвестно, и как тебя в титулах пишут, и им, воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да дьяку Осипу Степанову, было неизвестно.

В прошлом во 158 [1650] году государь изволил послать небольших людей и сказать вам свою государеву милость и жалованное слово, и не для бою.

А буде ты, царь Шамшакан, не учнёшь быти под его [А. М.] высокою рукою, и мы, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов, учнём писать на тебя, царя Шамшакана, к великому государю нашему [А. М.] к Москве, чтоб он, государь, велел быть своим государевым ратным многим людям, и тебя, царя Шамшакана, за твоё непослушание велит государь смирить своим государевым ратным боем, а города твои взять на себя, государя, чтобы и иные Даурские земли князи, которые не под твоею областью, видя грозу царя нашего [А. М.] и смертную казнь к вам и разорение, были б покорны и послушны впредь без бою.

А государь наш [А. М.] милостив и праведен, и кровям ничьим не искатель; которые ему, государю, добьют челом и учнут непротивны быть, тем их кровям не искатель, и их жалует.

И в нынешнем во 159 [1651] году твои, царя Шамшакановы князья: князь Лавкай да князь Шильской [видимо, Шилгиней — Г. К.], да князь Албаза, да князь Отый [Атуй — Г. К.], да князь Фихулда, князь Балтулай [Банбулай — Г. К.], да князь Гоударь [Гойгудар — Г. К.], да князь Екоре, государя нашего [А. М.] ратных людей побить хотели и бои многие ставили, и от государя нашего ратного бою ваши люди стоять не могли.

И тебе, царю Шамшакану, против государя нашего [А. М.] ратного бою не стоять, и с его, государя нашего, людьми не биться, и государя нашего тем не прогневить, а велеть дань давать серебром и золотом, и самоцветными камнями, и узорочными товары, и мягкою рухлядью, что в вашем государстве родится, по вашей силе, как бы вам вмошь.

А здесь в его, государя [А. М.], в одном Сибирском государстве ратных русских людей многое множество. Да у государя ж нашего [А. М.] в Якутском остроге, вверх и вниз по Лене, и по иным сторонним рекам в его государеве в вечном ясачном холопстве якуты и тунгусы, юкагири многие люди, и ратному бою навичны, и государю нашему [А. М.] на изменников и на непослушных людей в походы готовы, и рады биться за государя нашего честь, не шадя голов своих. И самому тебе, царю Шамшакану, чаем, ведомо, потому что государя нашего [А. М.] ясачные тунгусы с вами по соседству живут без боязни и с князь Лавкаевыми с улусными людьми сходились сами на шильских и амурских вершинах.» [96]

Встретиться Третьяку Чечигину с Хабаровым оказалось непросто. Ка-

ким образом это произошло, Третьяк Чечигин сообщал в отписке воеводе Францбекову:

«Государя царя [А. М.] воеводе Дмитрею Андреевичю да дьяку Осипу Степановичю Якутцкого острогу служилой человек Тренка Ермолин да Ортюшка Филипов и новоприборные охочие казаки, десятники и рядовые, челом бьют, которые были с нами, с Тренкою и с Ортемьем, прибраны в Якутском остроге на государеву далнюю даурскую службу.

В 159 [1651] году посланы (мы), холопи твои государевы, служилые и охочие казаки, из Якутцкого острогу на великую реку Амур к Ерофею Павлову Хабарову в полк.

И идучи, яз, Тренка, с товарищем своим и служилыми и охочими казаками по Олёкме реке вверх, шли на государеву службу в Даурскую землю поспешно, наскоре. И шли мы из Якутцкого острогу до Тугиря шесть недель.

И стретили мы на усть Нюкзи реки на ходу от Ярофея Павлова с памяти Стеньку Хороховского [Гороховского — Г. К.]. И те памяти писаны ко мне, Тренке, с товарищем [Артемием Петриловским — Г. К.] и к служилым, и охочим казаком: чтобы тебе, Тренке, с товарищем своим и с служилыми людьми, и с охочими казаками поторопиться ходом наскоре на Амур ко мне и к казаком.

И яз, Тренка, с товарищем и служилые, и охочие казаки, услыша те памяти Ярофеевы, пошёл с служилыми и охочими казаками наскоре, не мешкав. И пришед под волок Тугирской, яз, Тренка, с товарищем своим и с служилыми людьми, и охочими казаками промеж собою посоветовали, как бы нам на Тугире в зимовье под волоком государева казна оставить, свинец и порох. И по совету я, Тренка, с товарищем служилых и охочих казаков оставили государеву казну, свинец и порох, на Тугире в зимовье.

И выбрали к той государеве казне для ради береженья служилого человека Ивана Артемьева сына Портнягу. Да с ним выбрано семь человек охочих казаков того, Тренкина с товарищем прибору.

И велел яз, Тренка, с товарищем своим, с служилыми людьми и охочими казаками ему, Ивану, с товарищи своими ту государеву пороховую и свинцовую казну волочить зимою на Амур за волок. <...>

И яз, Тренка, с товарищем своим и служилыми, и охочими казаками ту государеву казну, порох и свинец, на Тугире в зимовье укоромили [написано: упоромили — Г. К.] в месте крепком. И укоромя [написано: упоромя — Г. К.] ту государеву казну, порох и свинец, пошли мы с Тугиря за волок на Амур сентября в 10 день [1651 г.]

И мы, перешед тот волок Тугирской, (пришли) на Амур реку. И пришед на Амур и поделав на Амуре суды и барки, и суда делали с великою нужею против Ярофеевой отписки наскоре, поплыл яз, Тренка, и с товарищем своим, и с служилыми и охочим казаками ... дни с два, на усть Урки.

И яз, Тренка, с товарищем своим и служилыми, и охочими казаками посоветовали промеж собою, как бы нам языков изымать и про Ярофея весть услышать. И пососоветовав, и Божиею милостию и государским счастьем, и служилых и охочих казаков радением, отпустя струги с служилыми и с охочими казаками на низ перед судами вперёд, под улусы подгребали, под улус Дасаулов. И в том улусе поимали языков.

И яз, Тренка, с товарищем своим, и служилыми и охочими казаками стали тот язык толмачём спрашивать про Ярофия и про войско всё. И те языки на роспросе сказали про Ярофия и про войско, что де тот Ярофей нашу землю Даурскую проплыл, а мужиков у нас даурских многих побил и ясырь имал. А нас, дауров, скотных людей, нет нигде в Даурской земли. А есть де ниже нашего улусу иной улус, неподалёку от нас стоит, и в той улусе живёт князь лутчей Чуронча, даурской. И тот князь Чуронча про того Ярофея больше знает.

И яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми людьми и охочими казаками, промеж собою по совету, отпустили казаков охочих в стругах наскоре вперёд на улус князя Турончи, чтоб на том улусе Чурончине схватить Чурончу и улусных мужиков. И те наши казаки и охочие пригребали к тому к Чурончину улусу при вечере, и изымали в том улусе Чурончина князца сына именем Кеноула.

И яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми людьми и охочими казаками у того Чурончинова сына Кеноула про Ярофия и про войско спрашивали толмачём. И тот князцев сын Кеноул сказал, что де тот Ярофей уплыл на низ.

И поплыл яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми и охочими казаками от того улуса князца Чурончи, и доплыли до города Банбулаева. И до Банбулаева города доплыли, и тут в Банбулаеве городе замороз взял, и плыть нам на низ в судах к Ярафию и к войску ево нельзя. И в том городке в Банбулаеве князя Банбулая и людей в том городке нет никого.

И мы, казаки, из Банбулаева городка ходили на другую сторону Амура в камень. И в каменю в горе изымали мы, казаки, языки даурские. И у того языка стали спрашивать про Ярофия и про войско. И тот язык сказал, что де тот Ярофий и войско ево, Ярофеево, уплыли на низ в Даурскую землю, и мы де того не ведаем, где он, Ярофей, станет с войском зимовать.

И яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми людьми плыли с усть Урки до Банбулаева городка, день и ночь, восемь дней. И тот Банбулаев городок розломан весь. И в том городке в Банбулаеве яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми людьми и охочими казаками зимовали, и государевы казны с верху, с волоку, до весны мы в Банбулаеве городке дожидались.

И был у нас изыман, вниз пловучи, на усть Урки, в Чурончине князца улусе мужик, бокан князя Чурончи. И мы того бокана по совету с казаками отпустили из Банбулаева городка, чтоб тот князец Чуронча к государскому величеству и чтоб они, князцы даурские, принесли государю ясак. А после того бокана приехали осенью даурские князья и улусные люди. И тот князец Чуронча и улусной мужик к нам, казакам, к городу Банбулаеву приехали. И тот Чуронча привёз к государю поклонных соболей пять. И посылал тот князь Чуронча с теми соболми к нам, казакам, в город своего мужика улусного именем Шанауля. И тот мужик улусной прошал у нас сроку: дайте де нам, даурским князьям, подумать всем.

И даурские князья и улусные мужики отъехали к себе ли в жилища свои. И после того они, даурские князья, приезжали, те ж князья и мужики, весною перед Христовым днём. И говорят те же речи нам, казаком, что де

нам, даурским князьям, не велели давать ясак вашему государю, у нас де пошли даурские мужики в Богдойскую землю к царю Шамшакану с вестью. И после думы казаки жили в Банбулаеве городе десять дней и больше, и дожидались с волоку государевы казны». [97]

Прервёмся пока на этом месте отписки Третьяка Чечигина и расскажем о действиях служилых людей, оставленных на Тугирском волоке. Среди них старшими были служилый человек Ивашко Артемьев и новоприборный служилый человек, брат Ерофея Хабарова, Никифор. Они отправили в Якутский острог служилых людей Постничка Володимерова и Петрушку Герасимова с отпиской. В ней сообщалось:

«Царя [А. М.] воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да дьяку Осипу Степанову вашего отпуска на государеву службу в Даурскую землю прошлого 159 [1651] году прибору Якуцкого острогу служилых людей Третьяка Ермолаева Чечигина да Ортемья Филипова Петриловского привозу в Тугирской острожек Якуцкого острогу служивой человек Ивашко Артемьев да новоприборной служивой человек Никифорко Павлов Хабаров с товарищи.

Оставили нас, Ивашка Артемьева да Никифорка Павлова, в Тугирском острожке у государевы казны приказные люди Третьяк Ермолаев да Ортемей Филипов своего привозу в Тугирской острожек 6 человек:

Ивашка Володимерова Шипунова

Ивашка Агафонова

Федку Козмина Ижму

Дмитрея Никитина

Трофимку Васильева

Посничка Володимерова

да старых служилых людей, летовщиков, 11 человек:

Андрюшку Дмитреева

Тренку Иванова

Тришку Ананьина

Томилка Васильева

Олёшку Матвеева

Федотка Никитина

Софонка Тимофеева

Петрушку Герасимова

Костьку Павлова.

А от Ярофея Павлова Хабарова с войским с Амуру весть была в Тугирской острожек летом. А приказных людей Третьяка Ермолаева да Артемья Филипова с войском встретили на Тугире и сказывали про Ярофея Павлова и про войское, что Ярофей и всё войсково на Амуре все здоровы. Прошлого 159 [1651] году, июня в 20 день. А запасу Ярофей с войским прислали на усть Урки реки под Амурской волок 200 пуд.

А ходу у нас было из Якуцкого острогу до Тугирского острожку 6 недель и два дни. А как пошли приказные люди Третьяк Ермолаев да Артемей Филипов с войском за Амурской волок на Амур нынешняго 160 [1651] году, сентября в 9 день, и от нас ис Тугирского острожку приказных Третьяка Ер-

молаева да Артемья Филипова с войским провожали двое служилых людей до Амуру, до усть Урки реки.

И проводя, они, приказные [надо: служилые — Г. К.] люди до Амуру, пришли к нам в Тугирской острожек и сказывали оне, служилые люди, про приказных людей, про Третьяка Ермолаева да про Артемья Филипова, и про войско, что оне стали суды делать на Аиуре на усть Урки реки. А хотят плыть на низ.

И как пошли приказные люди на Амур, и велели нам, где встречу попадут даурские люди или тунгусы, и вам бы в походы ходить, и в аманаты имать, и ясак на государя с них збирать. И мы поймали тунгусов Витимской волости Жиндигирского роду Чалмачю да Аничю, и ясак мы с них государев взяли 76 соболей. А с которого тунгуса сколько взяли государева ясаку, и тому под сею отпискою роспись.

А как мы тунгусов имали, Ивашко Артемьев да Никифорко Павлов с служилыми людьми: с Ивашком Володимировым Щипуновым, с Фетькою Козминым Ижмою, с Дмитрием Никитиным, с Посничком Володимировым, с Ивашком Агафоновым, с Томилкою Васильевым, с Федоткою Никитиным, с Олешкою Матвеевым, с покручеником торгового человека Андрея Матвеева Ворыпаева с Гашком Яковлевым, да взяли мы на государев обиход у торгового человека у Андрея Матвеева Ворыпаева тёслу, да у промышленного человека в зимовье, у Ивана Степанова, две напары судовые да тёслу.

Да послали мы, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, к вам из Тугирского острожку в Якуцкой острог служилых людей Посничку Володимирова да Петрушку Герасимова, да торгового человека Андрюшку Матвеева Ворыпаева, да промышленных людей Гришку Евсеева, да Юшка Степанова. Да с ними послали мы к вам, Дмитрею Андреевичю да Осипу Степановичю, в Якуцкой острог 2-х аманатов Витимской волости Кинегирского роду Чалмачю да Янничю. Да с ними же послали государевы казны ясачного збору 76 соболей с пупки и с хвосты, да дощеник, да полчетвёрта [3,5] паруса, да подчалов, да бечёв, весом 21 пуд.

Да хотим мы итти, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, за волок на Амур с казной государственой: с зельем и свинцом, нынешняго 160 [1652] году, марта в 28 день.» [98]

О количестве пороха, посланного с Чечигиным, есть запись в воеводском счётном списке:

«Да служилому человеку Тренке Чечигину с товарищи дано 7 бочек малых, в которых было мочно порох на нартах через Даурской волок перевезть, в которых бочках принято было у воевод у Василья Пушкина с товарищи порох. Весом те бочки 3 пуда.» [99]

Однако, с Андреем Матвеевым Ворыпаевым отношения были не такими гладкими, как сообщается в этой отписке. Позднее, в 1655 году, на Хабаров подавали жалобу в Сибирском приказе «Соли Вычегоцкой уезда Лальского погоста торговые люди Матюшка Яковлев сын Ворыпаев да Стенька Семёнов сын Самойлов». В ней написано:

«Да он же, Ярофей Хабаров, в прошлом во 159 [1650] году послал з Да-

урсково волоку служилых и промышленных людей к сынишку моему к Ондрюшке в зимовье, человек с шездесят и больши. И взял, государь, у сына моего Ондрюшки покручеников двенатцать человек со всем промышленным заводом сильно, и записи, и кабалы на них у сына моего Ондрюшки отняли, и били насмерть, и хотели посадить в воду. И бив сынишку моево, покинули в зимовье замертва. А с ним дву человек оставили, которые люди больные.

А тем было, государь, покручеником промышлять до 160 году [до 1 сентября 1651 г.] на нас, сирот твоих, на Тугире реке и на Шилке. И те, государь, наши покрученики промышляли в том году от него, Ярофея. И промысел у него, Ярофея, был на всякую ужину по два сорока по четыре соболи с пупки и с хвосты. И нам довелось ис тех ужин на наших покручеников на двенатцать человек шеснатцать сороков тритцать два соболи.

И те, государь, наши соболи взяли у тех наших покручеников, которые взяты сильно у сынишка моего Ондрюшки брат ево, Ярофеев, Никифор Хабаров да племянник ево Ортемей Петриловской. А цена, государь, тем штинатцати сорокам тритцати двум соболям с пупки и с хвосты по семьдесят рублёв сорок. Итого тысяча сто семьдесят шесть рублёв.

И всего, государь, нам, сиротам твоим, от ево, Ярофиева, и брата ево Никифора, и племянника Ортемья и покручеников, и своеужинников насильства и грабежѣв, и безторжицей, и в безпромысле, и в задержке учинилось убытков пять тысяч чetyреста восьмьдесят один рубль двенатцать алтын две деньги.

И от того, государь, Ярофея и от брата ево Никифора, и от племянника Ортемья, и своеужинников, и от покрученников мы, сироты твои, займовали деньги на те товары и на промышленные заводы запасы на Руси из великих ростов, и на те заёмные деньги покупали хлебные запасы и промышленные всякие заводы, и отпускали те свои ужины на соболиные промыслы.

И в ево, государь, в Ярофиеве насильстве и в грабежах преж сего били челом тебе, государю, гости и гостиной сотни торговые и промышленные люди. И по тому их челобитью послан был по твоему государеву указу стольник Иван Акинфов, и про него, Ярофея, сыскивали. И те, государь, сыски присланы к тебе, государю, к Москве в Сибирской приказ.

<...> Вели, государь, про ево Ярофиево прежнее воровство и грабѣж из обысков выписать в Сибирском приказе, что сыскивал по твоему государеву указу стольник и воевода Иван Акинфов, и против обысков вели, государь, ево, Ярофия распросить. И про наш грабѣж вели, государь, ево, Ярофия, распросить и про наш грабѣж вели, государь, ево, Ярофия, с товарыщи пытать.» [100]

Год челобитчики указали неточно. В 1650 году Никифор Хабаров с Лены не уезжал. Мы привели здесь окончание челобитной. А начало её находится в главе «Начало амурского похода». Там описывается ограбление Хабаровым сына этого же торгового человека Матюшки Яковлева Ворыпаева Ондрюшки, который был на соболином промысле со своим покручениками в зимовье на устье Тугири. Через год история повторилась.

На л. 82об написано: «Государь пожаловал: велел выписать из сыску и взыскать к боярину ко князю Григорью Семёновичю с товарищи.

163 [1655] году, апреля в 27 день. Выписать,»

В это время Хабаров был в Москве, куда его привёз Дмитрий Зиновьев.

Когда Посничко Володимеров и Петрушка Герасимов прибыли в Якутский острог, там уже был новый воевода Иван Павлович Акинфов.

«160 [1652] году, мая в 22 день, в Якутском остроге в Съезжей избе столнику и воеводе Ивану Павловичу Акинфому да диаку Осипу Степанову новоприборные служилые люди Посничко Володимеров да Петрушка Герасимов подали отписку от служилого человека от Ивашка Артемьева да от новоприборного Никифорка Хабарова.

А в роспросе новоприборной служилой человек Посничко Володимеров и промышленной человек Петрушка Герасимов сказали:

В прошлом де во 159 [1651] году, в августе месяце, шли они из Якутского острогу с служилыми людьми с Тренкою Чечигиным с товарищи в Дауры Тугирем рекою, и встретили де они, служилые люди, Тренка Чечигин с товарищи, из Даур от Ярка Хабарова новоприборных служилых людей дву человек Томилка Васильева да Стенку Горохова. И служилым де людям, Тренке Чечигину с товарищи, те Томилко и Стенка сказывали, что де из Даур под Тугирской волок пришло их, служилых людей, в дощанике с запасом сорок человек на встречу. А запасу привезли 200 пуд.

А про Ярка де Хабарова сказывали они, Томилко и Стенка, Тренке Чечигину про них, что де у него, Ярка, под острожком, где он, Ярко, зимовал, сделаны суды, 4 дощаника. А хотели де служилые люди и новоприборные плыть по Амуру реке. А сам ли де он, Ярко, со всеми служилыми людьми плыть, или служилых людей послать хочет, того де они, Томилко и Стенка, не ведают.

А даурские де люди, вниз по Амуру реке, в городе стоят большие люди, тысяч с семь кучных конных людей. А ожидают де они к себе его, Ярка Хабарова, с ратными людьми. А кто им, служилым людям Томилку, про то сказывал, и от кого такая весть учинилась, и про то де они, Посничко и Петрушка, не ведают.

Да они ж, Посничко и Петрушка, сказали: в нынешнем да во 160 [1651—1652] году зимовали на Тугирском волоку охочих новоприборных служилых людей, которых оставил служилой человек Ивашко Артемьев да Ярков брат Хабарова Никифорко Хабаров, и весною де пошли они за волок на Амур реку, а зимовье покинули пусто. А взяли де они с собою государевы пушечные запасы: 24 пуда с полупудом зелья да 29 пуд с полупудом свинцу.

А на Тугирском де волоку острожку никакого нет, и не бывало, а стоят де толко два зимовья. Одно де зимовье поставлено в прошлом во 157 [1648—1649] году. А поставили де ярославца Ивашка Беляши покрученики Ивашко Квашнин с товарищи. А другое зимовье в прошлом 158 [1549—1650] году поставил Ондрюшка Ворыпаев с покручениками своими. А в зимовьях де толко по одной избе. Да против изб по сениям. А около де зимовей острожку никакого нет, и не бывало.

А пашни де на Тугирском волоку устроить нельзя, потому что места каменные. А за волоком де на другой стороне пашенные места есть ли, или нет, того де они не ведают, потому что сами не бывали.» [101]

Обратим здесь внимание на то, что Ивашко Квашнин здесь назван пок-

ручеником, а не казаком, как в других документах. Это более соответствует действительности. Заметим также, что в отписке Ивана Артемьева и Никифора Хабарова несколько раз упомянута о Тугирском острожке, а Посниченко Володимиров и Петрушка Герасимов говорили, что никакого острожка нет.

А насчёт острожка и пашни на Тугире у Г. А. Леонтьевой сказано:

«Вероятно, в зимнее время на самой короткой дороге через Тугирский волок, <<где с Олёкмы переходить русским людям пешею ногою сухим путём только два дня>>, был построен Тугирский острожек. Его строителями стали 20 промышленников, нанятых Хабаровым <<на свои подъёмы и проторы>>. Из Тугирского острожка началось обьясачивание окрестных тунгусов. Здесь же Ерофей Павлович планировал завести пашню и поселить не менее 20 человек пашенных крестьян.» [102]

Вместе с Посниченко Володимировым и Петрушкой Герасимовым была отправлена в Якутский острог тунгусская баба Даманза. Она также была расспрошена воеводой.

«А тунгусская баба Даманза, которую привезли в Якутской острог новоприборные служилые люди Посниченко Володимиров да Петрушка Герасимов, в роспросе сказала:

В прошлом де во 159 [1651] году была она с мужем своим в Даурах в Лавкаеве улусе. И как де пошла она с мужем своим из Лавкаевых улусов, и её де, Даманзю, изымали служилые люди, которые с Ярком Хабаровым. А мужа де её убили. И привели де её в Чипин острожек и Албазин к Ярку Хабарову. И жила де она в острожке у Ярка Хабарова два месяца. И послал де её Ярko к брату своему к Никифорку с служилыми людьми. И Никифорко де её взял и прислал в Якутской острог.

А как де она была в Даурех, и она де видела, что Лавкаев острожек выжжен. А выжгли де его служилые люди, Ярko Хабаров с товарищи. А стоял де тот Лавкаев острожек [у] усть Урки реки на Шилке.

А от того де Лавкаева городища до князца Чины, на низ Шилкою рекою, два дни. А Лавкаево городище и Чинин острожек стоит на Шилке реке.

А про Амур де реку она, Даманзя, не знает, где Амур река. А называют де русские люди, Ярko с товарищи, Амуром рекою Шилку реку. А дауры де и тунгусы тоё реку зовут Шилкою, а не Амуром.

А под Лавкаем де и под Чиною улусных даурских людей немного, а сколько де числом, того де она не ведаёт. А пашни де даурские люди под Лавкаевым и под Чипиным острожками пахали.

А побежали де они, Лавкай и Чипа, на низ по Шилке реке к князцу Дашаулю. А у Дашауля де сбежались и иные князцы с улусными людьми. И поставил де он, Дашауль, новой городок, как слышал государевых служилых людей. И крепил де он осаду. А про то де она, Даминзя, слышала у даурских аманатов, которые у Ярка изыманы.

А в аманатах де у Ярка сидят даурские аманаты четыре человека. Да у него ж де, у Ярка, ушло даурских же аманатов два человека. Да у него ж де, Ярка, сидят в аманатах Акчигирского роду тунгусы.

А ясак де они, все богдойские люди, платят Богдою. А тот де Богдой князец или кан, и того де она не ведаёт. А походу де с Шилки реки от Лав-

кая и от Чипы до Богдоя четыре месяца степью. А наспех де ездят в четыре месяца, или мешкотно, того она не ведает. А сама де она у Богдоя не бывала. А слыхала де она, что он, Богдой, живёт в степи, дров де у них никаких нет, есть де варят помётом конским. А царя де Шамшакана и царя Алакабатура она не знает, и не слыхала.

А как де послал её Ярко в прошлом во 159 [1651] году с Шилки реки к брату своему Никифорку, и у Ярка де в те поры были суды готовы под Чипиным острожком. И хотел де он, Ярко, плыть со всеми служилыми людьми к Дашаулю вскоре после их. А от Чипина де острожку, где стоит Ярко, на низ Шилкою рекою до Дашауля плыть четыре днища.

А толмачил те её, Даманзины, речи тунгуской толмач, служилой человек Устинко Панфилов.» [103]

Отметим здесь расхождение с отпиской Хабарова. Он вообще не упоминает о Чипине острожке. У Хабарова сказано: «И июня в 2 день, поделав суды большие и малые, <...> из того города Албазина поплыли.» А Даманзя говорила: «А у Ярка де в те поры суды были готовы под Чипиным острожком. А от Чипина де острожку, где стоит Ярко ...»

А по подсчётам Евгения Гонсовича расстояние между Чипиным городком и Албазином равно 84 верстам. У него написано:

«Чапин, или Чипин городок дауров, существовавший в двух днях пути ниже Лавкаева укрепления, вероятно, около нынешнего Свербеевского посёлка, основанного в 1848 году (665 вер. выше Благовещенска).

Якса-городок, принадлежавший князьку Албазе. Он расположен на месте нынешней станицы Албазин (581 в. выше Благовещенска.)» [104]

Вернёмся к отписке Третьяка Чечигина:

«И мая в 3 день [1652 г.] посоветовали мы с казаками промеж собою все в Банбулаеве городке, как бы нам, казакам, про Ярофия весть учинить и про войско проведать. И яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми и охочими по совету всего войска придумали мы, все казаки, отпустить из городка Банбулаева служилых охочих казаков на низ про Ярофия и про войско проведать, где он, Ярофей, и войско ево зимует.

И яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми и охочими казаками отпустили из городка Банбулаева для ради вести на низ к Ярофею, для ради проведанья войска, служилого человека Ивана Антонова Нагибу. Да с ним служилых людей послано пять человек, да охочих казаков дватцать один человек, для ради того, чтобы он, Ярофий, и войско не уплыли на низ к морю, чтоб подождали государевы казны.

А велено служилым людям и охочим казаком плыть с бережью накрепко. И велели им, казаком, на поплаве стоять ...на якорях с караулом, на островах велели класть писма, чтоб не проплыть нам ... с Ярофеем. А велено им, казакам, плыть десять дён на низ.» [105]

Иван Нагиба был московским ссыльным человеком. Перед отправкой Третьяка Чечигина он в составе партии из сорока ссыльных приехал в Якутский острог. Там они подали челобитную:

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои, Якутцкого острогу служилые люди, а московские ссыльные

Ивашко Антонов Нагиба

Гарасимко Максимов

Исачко Афонасьев

с товарищи, сорок человек.

В прошлом, государь, во 156 [1647—1648] году по твоему государеву указу посланы мы, бедные, с Москвы в твою государеву дальнюю отчинную Сибирскую Украину на великую реку Лену в Якуцкой острог. И везучи нас, бедных, дорогою в сибирских городех и на месте зимуючи в Тобольском и в Енисейском, давано нам, бедным, твоё царское жалованье, корм.

А из Енисейского острогу привезены под Ленской волок в Ылимской острог. И в Ылимском остроге твой государев воевода Тимофей Васильевич Шушерин дал нам, бедным, из твоей государевы казны вместо корму на год с полупудом по десяти пуд на человека ржи. И дав, государь, нам тот запас опосле велел нам принести в том запасе на своё имя кабалу. И мы, бедные, ему, Тимофею Васильевичю, в том запасе дали кабалу на себя, не хотя помереть голодною смертью. И зимовав, государь, в Ылимском остроге, привезли нас, бедных, в Якуцкой острог. И ту нашу кабалу прислал с нами ж.

И в Якуцком остроге твой государев воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Степанов по твоему государеву указу приверстали нас, бедных, в твою государеву службу.

И ныне, государь, в Якуцком остроге по той кабале вычитают у нас, бедных, тот запас из твоего царского хлебного жалованья. И нам, бедным, нужным, холопям твоим, будучи на твоих государевых дальних службах без твоего царского жалованья помереть голодною смертью.

А прежде, государь, сего, которые наша братья до нас бедных были посланы в Якуцкой острог, и им было твоё царское жалованье, корм, мукою и рожью.

<...> Пожалуй нас, бедных и нужных холопей своих, для Спаса и пречистые Богородицы, и для своего царского многолетнего здравия. Не вели, государь, на нас, бедных, по той кабале того своего государева запаса править.

И вели, государь, то своё государево жалованье, запас, заверстать против нашия братья вместо корму, чтоб, государь, нам, бедным, будучи на твоих государевых беспрестанных службах не помереть голодною смертью и вконец не погинуть.» [106]

На обороте л. 337 помечено: «159 [1651] году июля, в 11 день. Отписать к государю и челобитная, подклея под отписку, послать ко государю к Москве.»

Смысл этой челобитной в том, что ссыльным полагался подённый корм, который за прожитые дни списывался. Поэтому нельзя было засчитывать весь выданный ранее хлеб в счёт хлебного жалованья. Ту часть хлеба, которая полагалась ссыльным как подённый корм, нужно было списать.

Сколько ссыльных после этого поверстания в службу было послано на Амур, неизвестно.

Иван Нагиба был грамотным, о чём свидетельствует его отпись, данная перед отъездом из Якутского острога:

«Се яз, Иван Онтонов Нагиба, Якутцкого острогу служилой человек, взял из государевой казны государево жалованье, свой оклад, соли два пуда с четвертью на 160 [1651-1652] год у целовальника у Родиона Фомина. В том я и отпись дал. А отпись писал яз, Иван Онтонов, своею рукою.

Лета 7159 [1651] году, июля в 10 день.» [107]

Третьяк Чечигин не упомянул, что с казаками, которые поплыли искать Хабарова, он отправил ему отписку. Каким-то образом эту отписку нашли казаки Хабарова выше Шингала. В ней сообщается:

«Приказному человеку Ярофею Хабарову приказные люди Тренка Ермолин да Ортюшка Филипов челом бьют.

Посланы мы из Якутцкого острогу по государеву [А. М.] указу и по наказной памяти от воеводы от Дмитрея Андреевича Францбекова да от дьяка Осипа Степанова. Да послан я, Тренка, по государеву указу с государевыми титлами и с посолскими грамоты, что велено мне итти в Богдойскую землю, а со мною в товарыщах Ананья Урусланов да Богдан Габышев.

Да со мною, Тренкою, и Ортюшкою послано государевы казны 30 пуд зелья да 30 пуд свинцу, да служилых людей жалованных и новоприборных 144 человека. И та государева казна осталась за волоком. А у тоё казны осталось служилых людей 8 человек да старого прибору 13 человек, велели волочи[ть] за волок с великим береженьем.

И мы за волок перешли, и суды делали. А гнались за вами восмеры сутки до заморозу, а нигде нам до Банбулаева городка довольно хлеба не было. Аплыли мы с великою нужею, а зазимовались мы в Банбулаеве городке. А пловучи, мы языков имали, у князца Чуручи сына поимали да дочери, да князца Шилгиней племянницу, и улусных людей, языков, есть, и Банбулаева городка есть поиманы.

И тот Чуруча приезжал к Банбулаеву городку с своими улусными людьми, и хотел государю ясак дать под своего сына, а мы де с вами дратыца не хотим. А после того языка Булича на роспросе спрашивали, и он сказал, что де Чуруча хотел быть после льду, и хотел ясак дать под своего сына и под своих улусных людей.

Да того ж языка допрашивали про тебя, приказного человека, и про всё войско. И он сказал, что вы уплыли в Дючеры, а поселения де не знаю. И мы, Тренка да Ортюшка, посоветовав с десятниками и рядовыми казаками, послали мы к вам для ради проводыванья служилых людей 27 человек, чтоб тебе про государеву казну и про нас вестимо было.

И как вас те посыльщики сойдут, и вам бы тут стоять, ждять бы вам государевы казны и служивых людей. А казну ждём на первый срок на Николин день [9 мая — Г. К.], а другой срок с неделю спустя после Николина дни, а третий срок и кончае две недели спустя после Николина дни. А буде в те три срока казна не будет, и мы к вам отсюды поплывём. А тебе б, Ярофей Павлович, тою казною и с служилыми людьми промышлять. А та казна и служивые посланы к тебе в полк.» [108]

Так что Хабаров, поднимаясь вверх по Амуру, знал обстановку лучше, чем Третьяк Чечигин, и мог определить примерное место и время встречи.

Вернёмся к отписке Третьяка Чечигина воеводам в Якутский острог:

«И яз, Тренка, с товарищем своим, и с служилыми людми, и с охочими казаками после тех казаков пожидались государевы казны с верху.

И плыл яз, Тренка, с товарищем своим, и служилыми людми и охочими казаками из Банбулаева городка на низ. А жил яз, Тренка, с товарищем своим после льду десять дней.

И поплыл за теми казаками вниз, и плыл четыре дни из Даурские земли, и приплыл под улус в Дючерскую землю. И в том улусе по совету мы с казаками подумали промеж собою и, удумав, в том улусе тайным обычаем ходили ночью порою и, ходя в гору, поимали языков, дючерских князцов жён и детей князя Тоёнча и улусных людей. И мы, казаки, послали языки князю Тоёнче призывать к государскому величеству с братьями своими и с улусными мужики для ясаку государева.

И тот князь Тоёнча с братьями своими и с улусными мужики приехал, к государскому величеству честно поклонился и по своей вере шертовал государю с братьями своими и с улусными мужиками за своих за сто человек. А ясак принёс тот Тоёнча государю тритцать два соболя. А впредь яз, Тоёнча, дам государю ясак со всех своих людей ясак полной, как де вы пойдёте назад вверх, яз де вам ясак весь дам государю полной со ста человек своих. И как мы с Ярофеем сплылись и пошли вверх, и пошли мы с Ярофеем до того улуса Тоёнчина, и тот Тоёнча ясак дал весь государю со ста человек, а жён и детей Тоёнчиных отдал без выкупу.

И сплыл яз, Тренка, с своим товарищем, и служилые люди и охочие казаки с тем Ярофеем и с войском, и государеву казну — свинец и порох, — и служилых людей отдал, и аманатов отдал же всех.

И яз, Тренка, с товарищем своим, и служилыми людми били челом государю, и подавали челобитную об том, что яз, Тренка, с товарищем, и с служилыми людми и охочими казаками послали к тебе, Ярофею, служилых людей дватцать семь человек.

И тот Ярофей сказал в войске мне, Тренке, и товарищу моему, и служилым, и охочим казаком те речи, что де яз, Ярофейко, и моё войско тех служилых людей, дватцати семи человек, не видали и расплылись с ними, казаками, только де сказывали нам шингальские мужики про тех казаков, что плывут казаки с верху к вам, и мы с ними, с теми казаками, расплылись около Шингалу, а грамоту нашли тех казаков повыше Шингалу.

И мы, служилые охочие казаки, били челом государю и подавали челобитную в Дючерской земли приказному человеку Ярофею Павлову Хабарову, чтоб нас отпустил на низ проведать казаков и сыскивать. И тот Ярофей нас, казаков, про тех низовых казаков проведать не отпустил, ни сыскивать их голов: то де дело на мне, Ярофейке, государь положил, а не на вас.

А позаде подлинной отписки написано:

Богдашка Габышев с товарищи в Якутцком остроге в Съезжей избе сю отписку от Ярка Хабарова подали, и в товарища своего Сергушки Ондреева руку приложил.

Ивашко Гаврилов Телятев с товарищи в Якутцком остроге в Съезжей избе сю отписку от Ярка Хабарова подали и в товарища своего Филку Самсонова руку приложил.» [109]

Эта отписка была подана 24 сентября 1652 года. О том, как Богдашка Габышев с товарищами приехали в Якутский острог, будет рассказано позднее.

А в 1653 году в изветной челобитной Степана Полякова служилые люди, прибывшие в амурское войско с Третьяком Чечигиным, добавляли подробности, опущенные в его отписе, и жаловались на Хабарова:

«И мы, государь, холопи твои государевы, которые прибраны на твою государеву службу в новую Даурскую землю в Якуцком остроге во 159 [1651] году и посланы холопи твои на твою государеву службу в новую Даурскую землю из Якуцкого острогу с служилым человеком с Третьяком Ермолаевым Чечигиным да с Ортемьем Фмлиповым Петриловским к нему, Ярофею Хабарову, в полк, и как мы, холопи, за волок на великую реку Амур перешли во 160 [1652] году и, перешед, суды поделали, и на низ поплыли искать ево, Ярофея Хабарова, и доплыли до Албазина городка, ис которово города он, Ярофей, писал к тебе, государю, отписки, а в Якуцкой острог к воеводе Дмитрею Андреевичю Францбекову да дьяку Осипу Стефанову, и в том Албазине городке нет ево, приказново человека Ярофея Хабарова, с войском, лишь место знать того городища.

И от тово мы места плыли на низ по Амуру и, пловучи, имали мы языки, и языков служилой человек Третьяк Ермолаев толмачём роспрашивал про нево, Ярофея. И на роспросе языки сказать не умели, потому что он, Ярофей, уплыл далече на низ. А плыл он, Ярофей, на низ не для дела, ради твоей государевы службы и прибыли, плыл он, Ярофей, на низ ради своей бездельной корысти и нажитку.

И мы, холопи твои государевы, доплыли до Банбулаева городка. И тут нас, холопей твоих, нял замороз. И тут мы зимовали в Банбулаеве городке. И зимою приезжали к нам, холопам твоим государевым, даурские люди немногие. И служилой человек Третьяк Ермолаев с толмачём с Ылюшкою выходил к ним, даурским людям, и говорил им, даурским людям, и призывал даурских людей к твоему государевскому величеству и прошал у них ясаку тебе, государю, и говорил им: как де вы дадите ясак нашему государю [А. М.], и будете под ево государевской высокой рукою, и живите безпечально. И оне, даурские люди, говорили так:

Ради де мы вашему государю ясак давать, только де вы люди лук[авые], правды де в вас нет. Прежде де сего в Лавкаеве городе ясак дали Ярофею. Лавкай дал ясак и Шилгинею, и Ату с иные даурские мужики хотели ясак давать все. Была у него, Ярофея, князьцова жена Шилгинеева в аманатех, и он, Ярофей, хотел [написано: ходел — Г. К.] де к себе на постелю взять ту князцёву жену. И она де не пошла к нему на постелю, и он ея, Ярофей, удавил.

И зимою де ходил он, Ярофей, в поход и поймал де добрых мужиков семь человек даурских и тунгуских. И те де были мужики добрые, улусные. И он де, Ярофей, пересажал в воду. А Мазега де был Намесинсково роду, Горгичин брат.

И весною де он, Ярофей, суды поделал. Из Албазина городка пловучи на низ, наши житышка жёг и пустошил нас, даурских людей, рубил впень, и

жёны наши и дети в полон имал, лутчих наших князцей Толгу и Торончея, и иных князьёв кнутом забил, а иных огнём зажёл, а иных с собою увёз. И наши жёны и дети на низ уплавил, не [ве]даем, живы, не ведаем мёртвы. Под ково де нам ноне стало ясак дать? И мы де нонечи не ведаем, как к вам ум применить.

И весною служилой человек Третьяк Ермолаев Чечигин да Ортемей Филипов Петриловской послали на низ служилых людей и охочих казаков дватцать семь человек для ради проведыванья, чтоб ево, Ярофея, проведать, где он, Ярофей, живёт с войском.

И он, Ярофей, слышил от дючерских людей, что пловут де казаки сверху блиско, севодни ли будут или зав[т]ро. И он, Ярофей, проведывать в стругах не посылал и караулить их не велел, тех казаков, потому что тебе, государю, не радеючи и твоей государеве службе не проча, и теряючи твоих государевых холопей нарочно.

И мы, достальные, остались в Банбулаеве городке, дожидались [написано: дожитались — Г. К.] твоей государевы казны из заволочья. И как мы дождались казны, и мы поплыли на низ.

И как доплыли до Толгина княженья, и тут выезжали даурские люди. И служилой человек Третьяк Ермолаев Чечигин посылал в стругу толмача Илюшку да служилых людей призывать к твоему государеву величеству, велел с них прошать ясак. И те даурские мужики говорили: как де нам дать ясак вашему государю? Лиха де ваша неправда. В прошлом де году ясак де мы дали Ярофею в Толгине городке. И сами де наши князьцы Толга да Торончой были у нево, Ярофея, в аманатех, и с ыными князьцами. И мы де с ним, Ярофеем, по своей вере шертовали, что было нам ясак давать по вся годы. И он де, Ярофей, правды не помня, Толгу, князьца нашево, замучил, и иных князьцов наших. И сам де Ярофей на низ уплыл безвести. И жёны и дети с собою на низ уплавил. Под ково де нам ясак давать?

И мы, холопи твои государевы, от тово места плыли на низ, и доплыли дючерских улусов. И поймали мы, холопи твои государевы, дючерсково языка. И тот язык стал нас звать в поход. И мы, холопи твои, ходили в поход в лес. И, Божиею милостию, дючерских мужиков нашли. Дючерсково князьца Тоёнчу с жёны и дети поймали, и к судам привели тово же дни. И князец Тоёнча з братьями приехал, и твоему государевскому величеству поклонился, и шертовал по своей вере, и ясак дал тебе, государю, и сам в аманаты сел. И что ясаку дал, и тому следуют ясач(ные) книги у Третьяка Ермолаева Чечигина.

(И с то)го места плыли недалече ... на низ, в каменю стретили ево, Ярофея Хабарова, с войском, вверх идучи.

И мы, холопи твои, били челом тебе, государю, а челобитную подали ему, Ярофею Хабарову, чтобы он, Ярофей, нас, холопей твоих, отпустил на низ для ради проведыванья тех дватцати семи человек служилых людей и охочих казаков, которые посланы из Банбулаева города на низ. И он, Ярофей, не радеючи тебе, государю, и твоей государеве службе, теряючи твоих государевых холопей, нас, холопей твоих, проведывать не отпустил на низ тех казаков. И радел он, Ярофей, своему нажитку, соболиному промыслу.» [110]

В окладной книге жалованья Якутского острога за 160 [1651—1652] год записаны 10 человек служилых людей, которые посланы в Даурскую землю в 1651 году и не упомянуты в послужном списке Онофрия Степанова Кузнецца. Они-то, видимо, и были среди этих 27 человек. Большинство служилых людей, как и Ивашко Антонов Нагиба, были повёрстаны в службу из ссыльных.

«Ивашко Антонов Нагиба послан на государеву службу в новую в Даурскую землю в прошлом во 149 [1651] году. [111]

Кроме него записаны:

Пашко Семёнов

Ивашко Михайлов Деревня

Стенька Семёнов [ссыльный]

Зотья Клементьев [ссыльный]

Ондрюшка Семёнов [ссыльный]

Федька Спиридонов [ссыльный]

Федька Трофимов [ссыльный]

Ивашко Уваров [ссыльный]

Ивашко Ортемьев.

Остальные, вероятно, были охочими служилыми людьми.

А что было с этими двадцатью семью человеками, рассказано в отписке одного из этих людей, Ивана Уварова, которую он послал с реки Тугура в Якутский острог:

«Государя царя [А. М.] воеводе Дмитрею Андреевичю Франбекову да дьяку Осипу Степанову Якутцкого острогу служивой человек Ивашко Уваров челом бьёт.

В прошлом, государь, во 160 [1652] году, мая в 4 день, посланы мы по государеву указу и по наказной памяти воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова от приказных людей от Третьяка Ермолина да от Артемья Филипова из Банбулаева городка вниз по Амуру реке для проводыванья приказного человека Ярофея Павловича Хабарова.

А с нами послан был приказной Якутцкого острогу служилой человек Иван Антонов. И была ему дана государева наказная память от приказных людей от Третьяка Ермолина да от Артемья Филипова. А по наказной памяти велено ему плыть по Амуру десять дней, а боле не плыть. И в те десять дней заплыли мы в болшие люди в дючеры и в натки. И те иноземцы к берегу пристать нам не дали и к острову не припустят, по берегу ездят на конях, а по реке ездят во многих стругах, стругов по 20 и болше. И с ними многие бои были, из-за островов на нас напускали по всякой день по дважды и по трижды, и на ночлегах [написано: нослегах — Г. К.] скрадывают.

И мы, холопи государевы, видячи неминуемую (гибель), подали челобитную служилому человеку Ивашку Антонову о том, что стоять нам холопом государевым ... И по нашему челобитью он, Иван Антонов, поплыл с нами вниз по Амуру в гиляки. И за нами иноземцы скоп учинили во многих стругах, и с щитами от улуса до улуса провожают, и на перед, и из прикрыта на нас напускают.

И был у нас натцкой мужик пойман на рыбной ловли, и тот иноземской

мужик в роспросе сказал про Ярофея Павлова Хабарова, что де он на низу в гиляках. И навёл нас он, иноземской мужик, на скотных людей многих, гиляцких мужиков. И нас, холопей государевых, стретили на реке во многих стругах, и с нами драку учинили, и нас, холопей государевых, на берег не допустят, и ни вниз, ни вверх не пропустят.

И мы в осаде на якоре стояли две недели, и пить и есть стало нечего ... горко было, а запасу взято было мало, и тот запас весь приели, и есть стало нечего, помирали напрасною голодною смертью.

И мы, холопи государевы, увидели на юртах рыбу провесную и напустили[сь] на те юрты великою нужею голодные, и вышли на берег за щитами, и на улус напустили[сь]. И на тех юртах лежали в западе многие люди и с нами учинили драку великую. И дрались мы, государь, с половины дня до вечера. И нам, олопем государевым, Божиею милостию и государским счастьем Бог помог, на бою улус погромили и мужиков с улусу сбили, и юрты с конца зажгли. И после той драки на том улусе убитых гиляцких мужиков нашли человек 30 и болше.

И поплыли мы, холопи государевы, по Амуру реке, и выплыли, не знаячи устья Амура реке, в Амурскую губу. И мы, холопи государевы, пловучи по Амуру реке, приказного человека Ерофея Павловича не нашли и признак нигде не видали.

И как (нас), холопей государевых, вверх итти по Амуру не пустят, берегом бичевою итти не можно, гиляцкие мужики не пропустят, и у нас, холопей твоих, судовых снастей нет, парусов и дрогов нет, и мы, холопи государевы, стали по нуже для морского ходу к судам нашвы нашивать в Амурской губе на берегу с великою оборожью, за караулы.

И на нас на той стоянке те гиляцкие мужики напустились боем во многих стругах. И нам пособил Бог струг один пробить, и в стругу мужиков побить человек с сорок.

И оттуда мы, холопи государевы, пошли по морю на гребях, и выгребли из губы на море. И понесло нас, холопей государевых, во льду на море. И носило нас во льду 10 дней, и принесло на берег на пустое место. И тут нас, холопей государевых, к берегу льдом (прибило) и раздавило судно, и судно потонуло. И мы, холопи государевы, на берег пометалися душёю да телом. И хлеб, и свинец, и порох потонул, и платье всё потонуло. И стали без всего.

И оттуда мы, холопи государевы, пошли пеши подле моря. И шли мы, холопи государевы, пешею ногою подля моря пять дней. А питалися мы ягодами и травою. И находили на берегу по край лося битого, зверя морского, нерпу да моржа. И тем мы душу свою сквернили, нужи ради питалися.

И дошли мы, холопи государевы, до речки. И тут мы стали суднишко делать. И нам Бог пособил: суднишко сделали, и пошли по морю. И дошли до речки. И на усть речки — тунгуские юрты. И из тех юрт тунгуские мужики подсмотрели и из юрт побежали, и пометали свой рыбной корм. И мы, холопи государевы, тот запас побрали.

И шли мы, холопи государевы, до той речки с усть Амура реки восемь недель и три дни. А питалися травою да водою, да морским зверем, нерпою. И на той речке мы, холопи государевы, осеновали.

И с той речки поднялися мы на нартах через хребет на ленские покоти. И шли мы на нартах четыре недели со днём. И нашли тунгускую аргушницу. А аргушницею шли четыре дни и нашли тунгусские чюмы на третей день Рождества Христова [10 января 1653 г.]. И изымали двух тунгусских мужиков, и тех тунгусов посадили в аманаты. И под них взяли ясаку великому государю 78 соболей. И запасу взяли мы, холопи государевы, в тех тунгусских чюмах на полгода. И нонече мы, холопи государевы, питаемся тем запасом июня в 30 день [1653 г.] .

И людей, сказывают те аманаты, полтора человека. И с тех своих мужиков ясак на осень великому государю сулят.

Отпустил я, Ивашко Уваров, с товарищи служивых с отпискою, жалованных и новоприборных казаков Ивана Антонова Нагибу да с ним, Иваном, служилые люди: Иван Михайлов да Павел Степанов, да Фёдор Спиридонов, да Иван Степанов, да Степан Дмитриев.

И тебе бы, государеву воеводе Дмитрею Андреевичю, да дьяку Осипу Степанову пожаловать: прислать к нам порошу и свинцу да тунгуского толмача и судовой завод: напарей да свёрла, топоры да тёслы.

А мы здесь, я, Ивашко, с товарищи на Тугуре [написано: Тугире — Г. К.] реке наги и босы, и голодны, и холодны, со всякие нужи вконец погибаем, потому что у нас топоров нет. И проводывали мы тунгускими мужиками русских промысленных людей далёко.

А по старой государевой наказной памяти служилого человека Ивана Нагибы нас, служивых и новоприборных жалованных людей, послано было с ним, Иваном, из Банбулаева городка 26 человек. И нонече нас здесь всех осталось дватцать человек. А писать было государю челобитная о нуже и бедности, чтобы государь пожаловал, да не стало в войске бумаги, писать не на чем, и подарков у нас государевых нет, чем тунгусов дарить, олова и одекую.» [112]

При опубликовании этого документа в «Дополнениях к Актам историческим» допущены две существенные ошибки. Во-первых, документ датирован 1652 годом вместо 1653. Во-вторых, река названа Тугир, а вместо Тугур. Тугир (современное название Тунгир) впадает в Олёкму, а Тугур в Охотское море.

Есть и замечания по содержанию документа. Судя по времени, когда служилые люди плыли по морю, никаких льдов там не было, и рассказ о раздавленном судне сомнителен, так как потом вновь сделанному судну никакие льды не мешали. Также не вызывают доверия сведения о потерях гиляков на боях.

Есть и неясности. Не объяснено, почему вместо Ивана Антонова Нагибы во главе казаков стал Иван Уваров. Почему, перейдя на «ленские покоти», т. е. перейдя водораздел, вновь оказались на Тугуре.

А Иван Нагиба со своими товарищами благополучно прибыли в Якутск в сентябре 1653 года, о чём свидетельствует отпись Нагибы:

«Се аз Иван Антонов сын Нагиба да яз Иван Михайлов сын Деревня, Якутцкого острогу служилые люди, взяли из государевы казны у целовальников у Ивана Иванова сына Крюкова да у Романа Семёнова сына на бече-

ву прядена пятнатцать гривенок. В том в государеву казну и отпись дали.

Отпись писал Якутцкого острогу площадной подьячей Вахромейко Максимов.

Лета 7162 [1653] году, сентября в 18 день.» [113]

На обороте: «К сей отписи Ивашко Антонов и вместо товарища своего Ивана Михайлова по его велению руку приложил.»

Между прочим, о Иване Михайлове Деревне в конце двадцатых годов XVII века встречаются упоминания о пребывании в Мангазее. На Лене он жил в Чечуйске, одно время был там приказным человеком.

Иван Уваров с двадцатью казаками остался на Тугуре в надежде взять ясак у тунгусов. Надежды оправдались. Об этом писал Иван Уваров в челобитной после возвращения в Якутский острог.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Якутцкого острогу служилой человек Ивашко Уваров.

В прошлом, государь, во 159 [1651] году послан был я, холоп твой, из Якутцкого острогу на твою государеву службу в Даурскую землю с приказным человеком с Третьяком Чечигиным.

А дано, государь, было мне, холопу твоему, для твоей государевы службы твоего государева денежного и хлебного жалованья, и соляной оклад на один год, на 160 [1651—1652].

А я, государь, холоп твой, служил тебе, государю, в Даурской земли. И посылан был я, холоп твой, от приказного человека от Третьяка Чечигина в дватцати в семи человеках для проводыванья приказного человека Ярофея Павлова Хабарова с служилыми людьми. И я, холоп твой, для того проводыванья с служилыми людьми проводывать в стругах ходили. И того, государь, Ярофея с служилыми людьми не сыскали, потому что, государь, дючерские люди и натки, и гиляки к берегу нас, холопей твоих, не пропустили.

И мы, холопи твои, с Амура реки выплыли на море. И с моря, государь, мы, холопи твои, сыскали новую реку Тугур. И на той новой реке Тугуре изымали мы, холопи твои, аманатов, тынгуских людей. И под тех, государь, аманатов мы, холопи твои, на тебя, государя, ясак взяли. А что, государь, ясаку взяли, и тому збору книги — в твоей государеве казне.

И за те, государь, заслуженные за два годы мне, холопу твоему, твоего государева хлебного и денежного жалованья, и соляных окладов на 161 [1652—1653] и на 162 [1653—1654] не дано.

<...> Вели, государь, в Якутском остроге из росходных книг выписать и выписку о том заслуженном жалованье, выписав, сю челобитную послать к тебе, государю, к Москве.» [114]

Так как Иван Уваров называет Тугур новой рекой, то это ещё раз подтверждает, что он действительно был там, а не на Тугире. По Тугиру путь был уже давно наезженный.

Вернёмся снова на Амур. Мы остановились на том, как произошла встреча Третьяка Чечигина с Ерофеем Хабаровым возле улуса «по верхнюю сторону камени». Далее в отписке Хабарова написано:

«И под тем улусом стояли две недели. И как мы пришли блиско Турончина и Толгина города, и к тем даурским людям с иноземцы весть посылали.

И Турончины дети и его боканы приехали, и государю ясаку привезли тридцать семь соболей да девять быков. И те соболи и быки послали с боканами. А лутчие люди не приезжали к нам на суды.

И говорил яз, Ярофейко, толмачём, что де дайте государю нашему ясак полной с своего роду и живите де без боязни на прежних своих кочевьях. И как добежали до города Турончина и Толгинаи по тем городом и улусом тех иноземцов призывали. А они близко не ездят. И (из) тех улусов — дорога в Богдоеву землю (и к) царю Шамшакану.

(А) что, Дмитрий Андреевич и Осип Степанович, велено по государеву указу и по наказной грамоте выбрать из войска десять человек и отдать служилому человеку Третьяку Ермолину, кто ему люб, и он, Третьяк, излюбил и выбрал, и роспись подал. И яз, Ярофейко, против росписи ему, Третьяку, из войска людей тех дал десять человек.

И выбрав, велено ему, Третьяку, итти в Богдойскую землю в посланниках. И яз, Ярофейко, тех даурских людей призывал, и того Третьяка им давали. И они близко не едут, и его, Третьяка, с товарищи не емлют.

И яз ровно тут стоял четыре недели. И те иноверцы и близко не едут. А что у нас есть аманаты их, и яз тем аманатам Туронче с братом говорил: для чего де того Третьяка твои люди не возьмут и к царю Шамшакану не везут? И он то говорил: как де им взять, (если) де та земля с вами топере задралася и вы де многих богдоевых людей побили? Да и нонече де к вам будет войско Богдоево большое, тысяч десять и больше. И как де взять нашим людям того Третьяка с товарищи, их де к вам не отпустят, и вы де нас побьёте.» [115]

Затем в в амурском войске начались напряжённые события, приведшие к расколу и отделению от Хабарова трети всего войска. Хабаров эти события в той же отписке описывал так:

«И как будем мы в улусе Кокориеве на усть Зеи реки, и августа в 1 день вышел яз, Ярофейко, на берег и стал говорить ратным и служилым людям, и волным казаком, где бы нам город поставить. И служилые люди и волные казаки, двести двенадцать человек, то сказали: где де будет годно и где бы государю прибыль учинить, тут де и город станем делать.

А которые воры, государю не радеючи и порудя крестное целование, не радели тоё земли постоянство, и порадели своим зипунам и пожиткам:

Стенька Поляков, волной казак

да Енисейского города казачей десятник, что с Байкалова озера приплыл, Костка Иванов

Козёмка Фёдоров, Андрюшка Степанов Петров Байкаловские

да с ними служилой человек Иван Васильев Пан

Ивашко Артемьев

Гаврилко [Макаров] да Гришко, да Ивашко Щипуновы

Петрушка Оксёнов

Логинко Васильев

Федька Петров

... Иванов

Онтонко Павлов

Онтонко Панкратьев

Семейка [Артемьев] Сажин, служилой,

и всех их в том воровском совете человек сто, и тот Стенька Поляков с судном отвалили, Костка Иванов с судном, и всех их отвалило три судна. И на тех судах была государева казна: пушки и свинец, и порох, и куяки государевы. И тот Стенька Поляков да Костка Иванов, да Логинко Васильев те пушки, одну прямо с судна на берег сбросили, а другую в воду сбросили.

И те, которые служилые люди и волные казаки у той царской казны со мною, Ярофейком, остались, и в те поры они расплакались, смотрячи на государеву казну и на тех воров, что они порудили крестное целованье и государеву казну покинули, и побежали воровски на низ, царскую казну с воды и с берегу имали и понесли на свои суды, и поставили честно.

Да они же воры, Стенька Поляков да Костка Иванов, да Логинко Васильев с товарищи, что было у них на судах государева пороху и свинцу, и куяков, и они, воры, иное сбросили, а иное с собою повозили... якори, отвалили.

И яз, Ярофейко, и служилые люди, и волные казаки ездили к ним и говорили, и розговаривали, и звали их слушати государева указу и наказных памятей, и по чему мы на великой реке Аиуре служим. И они говорят: не слушали де мы наказных памятей, да и близко де к вам нейдём, однажды де мы от вас отъехали.

Да они ж, Стенька Поляков да Костка Иванов, да Логинко Васильев с товарищи, воровски и человек с тридцать волных казаков похватили, которые в тех судах были, и вверх шли, и перехватили и перевязали, и поплыли. И волные казаки Стенька Вахромеев да Семейка Михайлов и иные казаки, не хотя порудить крестного целованья и царской казны покинуть, и с судна бросились в воду в одних рубашках, что у них было оружие и порох, и свинец, и ясырь, и животы все повозили.

Да они ж, Стенька Поляков с товарищи, войскового живота свезли на две тысячи рублёв да знамя увезли войсковое ж, а цена пятьдесят рублёв.

И поплыв тот Стенька Поляков с товарищи, и тех иноземцов громил. И всех их поплыли с тем Стенкою Поляковым да с Косткою Ивановым, да с Логинком, и которых сильно увезли, и всех их сто тридцать шесть человек. А со мною, Ярофейком, осталось у государевы казны двести двенадцать человек. И из тех четверых отпустил к тебе, Дмитрий Андреевич, да Осип Степанович, двух служилых: служилого человека Богдашку Габышева да Сергушку Андреева, да волных казаков: Филку Самсонова да Ивашку Гаврилова.» [116]

А те казаки, которые бросились с судна в воду, написали челобитную:

«Царю [А. М.] бьют челом и извещают холопи твои государевы, вольные казаки:

Стенька Вахромеев

Семейка Михайлов

на служилого человека Костянтина Иванова

да на волных казаков:

на Степана Васильева Полякова

да на Логина Васильева
на Гаврила Щипунова
да на Онтон Павлова.

В нынешнем, государь, во 160 [1652] году своровал тот Костька и Стенька Поляков с товарищи, и твою царскую казну покинул, и вниз по Амуру побежали. А мы, холопи твои, на том судне были и тоё их воровской думы не знали. И как они отчалили, и мы, холопи ...» [конца нет] [117]

А Стенька Поляков и его сторонники в изветной челобитной описывали эти события так:

«И шли мы, холопи твои, с ним, Ярофеем вверх до Кукореева улуса. И остался [?] он, Ярофей, в Даурской земле лето и весну. А промыслу он, Ярофей, никакова не чинит, а твоей государеве службе не прочит и постоянства не делает.

И мы, государь, холопи твои, служилые люди и охочие вольные казаки, били челом тебе, государю, а в Даурской земле ему, приказному человеку Ярофею Хабарову, в Кокорееве улусе имянным челобитьем, что он, Ярофей, твоей государеве службе не радеет и поселения не делает, ни в Даурской земле, ни в Дючерской земле города не ставишь, и аманатов теряешь, даурских и дючерских князьцей, небрежением и нерадением, а государеву казну продаёшь. И от тово себе ты, приказной человек Ярофей Хабаров, корысть получаешь великую.

А мы, государь, холопи твои, подымались из Якуцкого острогу и с промыслов своих на своих подъёмах. И будучи мы, холопи твои государевы, с ним, Ярофеем, на твоей государеве службе, задолжали вконец. И мы, холопи твои государевы, подымались для ради твоей государевы службы, а не для ради своей бездельной корысти, соболиного промыслу, а хотели мы быть от тебя государя [А. М.] в твоём царском жалованье.

И мы, холопи твои государевы, почали ему, Ярофею, говорить: от твоего, Ярофеева, непостоянства и нерадения нам, холопам государевым, не бывать в царском жалованье.

И он, Ярофей Хабаров, почал нам, холопам твоим государевым, говорить тако: ... чи, что де вам, мужики, дело до государевы казны? Хотя де я и продаю государеву казну, взял де государеву казну ту в Якуцком остроге из государевы казны у воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да у дьяка Осифа Стефанова только де по оценке, вдолх. И в той де я казне на себя запись дал. И словёт де то: купил, что куды я с тою казною хочу, туды де яз и пойду, хотя де и на промысел. А вы де мне не указывайте и не бейте челом. И подите де вы куда хотите. Вам де что, будет от государя какое жалованье? А у меня де писано к государю: моима подъёмами. А вы де на моих подъёмах.

А мы, государь, холопи твои государевы, многие — на своих подъёмах, а не на ево, Ярофеевых. Служим мы, холопи твои, тебе, государю, своими головами в новой Даурской земле бес твоего государева жалованья, с воды и с травы. А он, Ярофей, наши подъёмы и нашу службу прихватил к себе в подъёмы и пишет к тебе, государю, ложно.

А нам, холопам твоим, учал он, Ярофей, грозить: вы де у меня съели

запас на Тугире и на Урке, и за всякой де пуд вы мне заплатити де по десяти рублёв. И хотел на нас править правежами немерными. А нас, холопей твоих государевых, мучит и гоняет, и обижают всякими налогами и правежи немерными. И впредь учал грозить кабальными правежами немерными.

И нам, холопам твоим государевым, с ним, Ярофеем, служить невозможно тебе, государю. И от таковых обит и изгони, и от непостоянства ево, Ярофеева, Стенька Васильев Поляков да Костька Иванов с товарищи, сто тридцать два человека, поплыли на низ тебе государю служить своими головами, опрично ево, Ярофея, sprawy, и с травы, и с воды.

Иново он, Ярофей, нас, холопей твоих, обижал напрасно и продавал всякими налогами. И тому, государь, у нас будут особь тебе, государю, челобитные подавати.» [118]

Челобитных этих нет.

О событиях после отплытия казаков со Стенькой Поляковым до отправки отписки Хабарова с Богдашкой Габышевым с товарищами рассказано в конце отписки:

«И после того Стеньки Полякова, на другой день после поплаву тех воров, приехали к нам те даурские люди, князя Турончи дети и Омутей, и Кокурей, и стали далече на поле, и блиско к нам не едут. А подле тех аманатов, которые у нас, сидит князь Туронча с братом, Балдачин зять да Омутеев брат, и прислали с боканы сто соболей.

И яз, Ярофейко, велел толмачом призывать к государскому величеству и посланника Третьяка Ермолина на руки давал вести к царю Шамшакану. И они то говорят: как де нам к вам ехати, что де вы обманываете? А сказывал де нам толмач Костка, что де вы хотите нас переимать. И нам он правду сказал, велел отъехать даурам и дючерам. Да и ныне де ваши люди поплыли вниз и нашу землю громят. Какие де от вас послы? Отнюдь де мы к вам нейдём. Да послов де ваших не возмём.

И яз тут стоял ровно шесть недель. И тех иноверцов призывали. И они блиско к нам не едут.

А аманатов у нас — даурских мужиков четыре:

князь Туронча

да брат ево Анай

да Мокалей

да князя Шилгиня сына Тогочей

да дючерской аманат Тоёнча.

А ясачной казны государевы в сборе собрано с даурских людей, с дючерских моего, Ярофейкова, и розных людей:

соболей четырнатцать сороков

да четыре лисицы чернобурых

да две красных

да семь пластин лисьих в одеяле

да в двух шубах тридцать пластин собольих.

Да что, по государскому счастью, дючерского князя Тоёнча изымали служилые люди и волные казаки, что отпущены из Якутцкого острогу с служилым человеком с Третьяком Ермолиным да Артемьем Филиповым, и

под того мужика государю ясаку взял тот Третьяк до меня тридцать соболей и два соболя.

Да под того ж дючерского мужика яз, Ярофейко, взял государева ясаку семьдесят соболей да поминочных восемь соболей да в шубе семнатцать пластин соболевых. Да он же, Третьяк, взял с Турончи под сына Икуля поминочных пять соболей.

И того мы, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, не знаем, где мы зазимуемся. А в Даурской земли, на усть Зеи и на усть Шингалу, теми людьми сесть не смеем, потому что тут Богдоева земля близко, и войско приходит на нас большое с огненным оружием и с пушками, и с мелким оружием огненным, чтоб государеве казне поруки не учинить и голов казачьих напрасно не потерять.

И летом по той реке Амуру ходим, и тех иноземцов под государское величество призываем. А которые непослушны и непокорны, и тех громим. А к зиме сплывём вниз.

А с теми людьми, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, той земли обладать не можно, потому что та земля многолюдна и бой огненной. А из той земли и с той реки Амура без государева указу сойти на иные реки не смеем.

А что, Дмитрий Андреевич да Осип Степанович, писал яз, что в верху о поселеньи, и яз было отрядил дватцать человек с хлебными запасы и с семяны, и пришли ко мне Стенка Васильев Поляков да Костянтинко Иванов, да Козёмка да Ондрюшка Степановы Байкаловские, да Ванька Парфёнов, и мне тех людей послать вверх для поселения не дали, отняли.

И во всей службе тот Стенька Поляков да Костка Иванов с товарищи государеве службе поруку учинили, иноверцов отгонили, и землю смяли, и посольство от них же, Стенки и Костки с товарищи, стало. А буде иноверцы того Третьяка на поруки возьмут, и где годно будет, и яз его в посланники отпущу.

А в оных походах убито 20 человек, ранено 59 человек.» [119]

На этом кончается эта обширная отписка Хабарова. Больше от него отписок не было.

Возможно, что Хабаров за все свои упущения возложил вину напрасно на Стеньку Полякова и его товарищей. Теперь было на кого возложить. Таким образом, сам Хабаров признал, что никакого поселения крестьян в пашню не было. Несмотря на это, у Г. В. Мелихова читаем:

«С 1651 г. русские не только осуществляли приведение в русское подданство местных племён, но и активно приступили к хозяйственному освоению Приамурья. Его земли стали заселяться русскими крестьянами, которые начали заниматься на них хлебопашеством.» [120]

В книге «Амур — река подвигов», изданной в Хабаровске в 1983 году (под этим названием в разные годы вышло несколько книг), безымянный автор писал:

«Главной целью экспедиции Хабарова на Амур было завести там пашни, чтобы выращивать хлеб для Якутского острога. И там, на Амуре, увидев изобильные степи, стремился их освоить.» [121]

Видимо, этот автор не читал наказных памятей Хабарову.

По поступившим в Сибирский приказ жалобам на воеводу Дмитрия Францбекова был послан в Якутский острог для сыска стольник Иван Павлович Акинфов. О своих действиях он послал отписку в Сибирский приказ:

«В прошлом, государь, во 159 [1651] году, августа в 31 день, по твоему государеву указу приехал я, холоп твой, на великую реку Лену в Якутцкой острог.» [122]

Далее Иван Акинфов описывает, как он, не заходя к Дмитрию Францбекову, собрал множество понятых и с ними произвёл обыск во дворе Францбекова, взял у него «на государя» деньги, мягкую рухлядь и кабалы. Обыск был произведён также на дворе толмача Кузёмки Потапова Габышева, которого также называют Туркиным. (Это — отец подьячего Богдашки Кузьмина Габышева, который впоследствии писал послужной список Онофрия Степанова Кузнецца.) У толмача были взяты «на государя» деньги Францбекова, хранившиеся в подголовке. Кабалы, имеющие отношение к Хабарову, которые мы приводили выше, как раз и были изъяты у Францбекова.

В июле 1652 года воевода Иван Акинфов допрашивал разных чинов людей о злоупотреблениях Дмитрия Францбекова. Здесь мы приведём только то, что имеет отношение к Хабарову.

«160 [1652] году, июля в 2 день, в допросе в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Павловичем Акинфовым промышленные люди Ивашко Дмитриев [далее перечислены ещё тринадцать человек — Г. К.] сказали по государеву [А. М.] крестному целованию вправду:

В прошлых во 157 [1648—1649] и во 158 [1649—1650] годах в Якутском остроге они не были, а были они в сибирских городех и на Русе, и ни про какое дело они не ведают. А слухом от своей братьи слышали, что хлебные запасы у торговых и у промышленных людей на государев обиход Дмитрий Францбеков имал з большёю налогою и Ярка Хабарова с теми запасы отпускал в Дауры.» [123]

«160 [1652] году, июля в 20 день, в Якутском остроге в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Павловичем Акинфовым боярина Бориса Ивановича Морозова крестьянин Ерёмка Иванов сын Лысковец в обыску сказал по государеву [А. М.] крестному целованию вправду:

<...> А что в прошлом во 157 [1649] году им он, воевода Дмитрий Францбеков, велел пашенному крестьянину Ярку Хабарову на заимках и на Чичюйском волоку у промышленных людей хлебные запасы имать сильно, и Ярко Хабаров у промышленных людей хлебные запасы имал, и то я дело ведаю, потому что в то время был на заимках и на Чичюйском волоку.

А больши того я не ведаю. То мои и речи. А речи писал я, Ерёмка, своею рукою.» [124]

«По государеву [А. М.] крестному целованию в допросе перед стольником и воеводою перед Иваном Павловичем Акинфовым промышленной человек Харитонко Лвов вычегжанин сказал вправду:

<...> А как он, Дмитрий Францбеков, приплыл на Чичюйской волок, и в то время пашенной крестьянин Ярко Хабаров [с] своими полчаны у торго-

вых и у промышленных людей суды и запас сильно имал. И пошёл он, Ярко, с теми людьми вверх по Олёкме реке. А по государеву ли указу и по Дмитрееву приказу Ярко Хабаров у торговых и у промышленных людей суды имал, про то я, Харитонко, не ведаю.

<...> А в прошлом во 158 [1650] году в Якутском остроге пашенной крестьянин Ярко Хабаров у торговых и у промышленных людей запас имал и покручеников крутил, и в Дауры поехал. А у ково что запасу взял, и сколько покручеников покрутил, про то я, Харитонко, не ведаю.» [125]

«Промышленной человек Титко Ларионов пиняжанин сказал по государеву [А. М.] крестному целованью вправду:

<...> И во 158 [1650] году гостя Василья записи у прикащика Семово Нерадовского и у иных многих торговых людей многие хлебные запасы на государев обиход служилым людям в жалованье имали.

И пашенной Ярко Хабаров [с] своими полчаны хлебные запасы имал з большёю налогою и покручеников он, Ярко, крутил.

А сколько у кого у торговых и у промышленных людей взято хлебных запасов, и по скольку пудов, про то я, Титко, не ведаю.» [126]

Кроме этого, допросные речи содержатся в столбце 467 фонда 214. Мы их включили в соответствующие места повествования, поэтому повторяться не будем.

По отпискам Акинфова занимались делом Францбекова в Москве.

Брат Дмитрия Францбекова Иван Францбеков подал челобитную в Сибирском приказе:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой Ивашко Францбеков.

В прошлом, государь, во 159 [1651] году били челом тебе, государю, гости Кирило Босой, Василей Федотов да гостиные сотни Мелентей Максимов, да торговые люди Осип Осколков, Иван Борисов, Иван Иванов сын на брата моего родново, на Дмитрея, ложно, будто брат мой послал пашенного крестьянина Ярка Хабарова с промышленными людьми по Олёкме реке для своей бездельные корысти, из доли, что добудут, чтоб с ним поделиться.

Да те же гости и гостиные сотни торговые люди били челом тебе, государю, ложно, что на прошлой на 159 [1650—1651] год казны с Лены тебе, государю, не будет, и впредь не чаять, и называли словесно брата моего вором и разорителем, и изменником. И будто брат мой побил на Лене торговых людей досмерти Ивана Осколкова да сына исца [?] Микиту Агапитова и иных многих людей.

И по их, государь, ложному челобитью послан сыскивать Иван Акинфеев. А брату моему велено быть на Лене до твоего государева указа. И животишка ево велено отписать на тебя, государя. И ныне, государь, брат мой от их ложного челобитья разорён совсем безостатку.

А брат мой посылал Ярка Хабарова [с] служилыми людьми и с промышленными в Даурскую землю по твоему государеву указу и по наказу, а не для своей бездельной корысти. В твоём государеве наказе написано брату моему: тебе, государю, служить и работать правдою, помнячи твоё государево кресное целованье, и будучи на Лене, про иные новые землицы проведы-

вать и под твою государеву высокую руку приводить, и во всём тебе, государю, прибыли искать.

И милостию господя Бога, а твоим государевским счастьем, а брата моего службою, в Даурской земле аманатов Ярко Хабаров поймал и ясак с них взял. И брат мой Дмитрий тот ясак прислал к тебе, государю, к Москве. Да ленской, государь, казны прислал брат мой на 159 [1650—1651] год пятьсот сороков соболей, кроме лисиц и рыба зубу.

И служба, государь, брата моего тебе, государю, ныне стала ведома, и их ложное челобитье стало знатно.

<...> Вели, государь, брата моего с Лены взять к Москве и животишка ево отдать, что[б] брат мой от их ложново челобитья на Лене напрасно не умер голодною смертью.» [127]

На обороте челобитной написано:

«160 [1652], февраля в 12 день. Государевым царёвым и великого князя Алексея Михайловича словом приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой дати государеву грамоту в Сибирь на Лену в Якуцкой острог к стольнику к Ивану Акинфому.

А велено ему Дмитрея Франзбекова из Якуцкого острогу отпустить ко государю к Москве. А будет Дмитрий встретитца с окольным и воеводою со князем Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским и похочет с ним ехать в новую Даурскую землю, и ему ехать велеть.

А что будет у него, Дмитрея, взято животов, и те ево животы ему, Дмитрею, отдать»

Готовящаяся поездка князя Лобанова-Ростовского в Дауры не состоялась. А в июне было принято новое решение:

«160 [1652], июня в 1 день, государевым [А. М.] словом приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой послати государеву грамоту на Лену в Якуцкой острог к стольнику к Ивану Акинфому наскоро.

А велел из Дмитриевы соболиные рухляди Францбекова по таможенной цене отдать ему, Дмитрею, на две тысячи рублёв.

А денег, которые у него, Дмитрея, взяты у него на дворе и у толмача у Кузёмки Туркина, и кабал отдать не велел. А велел те деньги держати, которые взяты, на ленские всякие расходы.

А по кабалам на всяких людех правити по тому ж: взяти на государя в его государеву казну и держати на тамошние ж ленские расходы.» [128]

По этому решению была написана обширная грамота в Якутский острог стольнику Ивану Акинфому:

«От царя [А. М.] в Сибирь на Лену в Якуцкой острог стольнику нашему Ивану Павловичю Акинфому.

По нашему указу велено тебе на Лене у Дмитрея Францбекова на дворе и где он де скажет, осмотрити животов ево, Дмитриевых, денег и золотых, и соболиной всякой мяжкой рухляди с сторонними людьми и, переписав, взяти на нас до нашего указа да о том отписать к нам к Москве.

И по нашему указу по челобитью Дмитрея Франзбекова послана к тебе наша грамота. А велено те Дмитриевы животы, деньги и золотые, и соболиную рухлядь отдать ему, Дмитрею.

И в нынешнем во 160 [1652] году, мая в 18 день, писал еси к нам, что ты по нашему указу у Дмитрея Францбекова на дворе с сторонними со всякими людьми животов ево осматривал и взял на нас у него, Дмитрея, и у толмача у Козёмки Туркина на дворах денег три тысячи восемьсот пятьдесят пять рублёв дватцать восемь алтын, опричь того, что по нашему указу отдал ему триста рублёв да заёмных шездесят четыре кабалы. А денег да мяхкие рухляди, соболей и шуб соболевых, и лисиц, и мелочи всякой по ленской цене на 2123 рубли на 8 алтын на 2 деньги.

И всего денег, и что взяти по кабалам в займех, и мяхкие рухледи по ленской цене на 2142 рубли на 21 алтын на 4 деньги. И те де денги и мяхкая рухлеть взяты в государеву казну.

А по кабалам на всяких людех денги править. По ним взать на торговых и на промышленных, и на служилых людех шесть тысяч семьсот шездесят три рубли девятнатцать алтын четыре деньги. Да мяхкие рухледи, соболей и шуб соболевых, и лисиц, и мелочи всякой, взято по ленской цене на две тысячи на сто на дватцать на три рубли на восемь алтын на две деньги.

И мы ныне указали: отдать ему, Дмитрею, из животов ево, что ты взял у него на нас, соболиные мяхкие рухляди по ленской цене на две тысячи рублёв. А денег по ево челобитью и по нашей грамоте, и кабал, которые у него взяты, отдавати ему, Дмитрею, не велели. А велели те деньги взяти в нашу казну.

Да по кабалам, которые кабалы взяты у него, Дмитрея, и которые вперёд сышутца на всяких людех, велели есмя деньги правити и по тому ж имати на Лене в нашу казну, и держати те деньги на тамошние ленские расходы.

И как к тебе ся наша грамота придёт, и ты, будет, до сей нашей грамоты денег и кабал и мяхкие рухледи ему, Дмитрею, из ево, Дмитриевы, соболиные мяхкие рухледи по тамошней цене на две тысячи рублёв, а денег и кабал, которые ты у него, Дмитрея, и у толмача у Кузёмки Туркина на дворе взяли, ему, Дмитрею, не отдавал, а держал бы еси те деньги в нашей казне на ленские всякие расходы. И по кабалам деньги на всяких людех велел бы еси правити нещадно. А доправя, по тому ж имал в нашу казну и держал те денги на наши на всякие ленские расходы.

А будет ты Дмитриевы животы Францбекова, деньги и золотые, и соболиную рухлеть, и кабалы ему, Дмитрею, отдал, а из Якутцкого острогу он, Дмитрей, до сей нашей грамоты не уехал, и ты те деньги и золотые, и мяхкую рухлеть, и кабалы взял у него, Дмитрея, тотчас, не отпуская ево из Якутцкого острогу, да по тому ж держал те деньги в нашей казне, и по кабалам на всяких людех деньги правил безо всякие пощады.

А отдал ему, Дмитрею, из животов ево соболиные всякие рухледи по ленской цене на две тысячи рублёв. А отдав ему, Дмитрею, соболиную рухлеть против нашего указа, отпустил ево с Лены к нам к Москве.

А будет иные Дмитриевы животы Францбекова, деньги или мяхкая рухлеть и кабалы у ково сышутца, и ты б те Дмитриевы животы, деньги и мяхкую рухлеть, и кабалы по тому ж имал на нас, и деньги, и мяхкую рухлеть держал в нашей казне, а по кабалам деньги ж правил.

Да сколько ево, Дмитриевых, денег налицо и мяхкие рухледи за отдачею

у него, Дмитрея, по кабалам возмёшь, и сколько по кабалам на всяких людех в нашу казну денег доправлено, и вперёд что денег же и кабал сыщется, и ты б о том о всём писал к нам к Москве. А отписки велел подавать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком нашим Григорью Протопопову, да Третьяку Васильеву.

А будет ты до сей нашей грамоты Дмитрею Францбекову животы ево, деньги и мяхкую рухледь отдал, и из Якутцкого острогу Дмитрей уехал, и от нас писано в Тоболеск к стольнику и воеводам нашим ко князю Василью Хилкову с товарищи, и в Енисейской к воеводе к Офонасию Пашкову, и к стольнику и воеводе к Михайлу Лодыженскому и к дьяку к Фёдору Тонкову. И с твоей, Ивановы, росписи под нашими грамотами посланы к ним Дмитриевым деньгам и кабалам, и мяхкой рухледи Францбекова росписи ж.

А велено им в Енисейском и в Тобольску, и где ево, Дмитрея, Михайло Лодыженской и дьяк Фёдор Тонково на дороге встретят, тут ево осмотрити, и деньги, и кабалы, которые отданы ему будут, опричь той мяхкой рухледи, что велено ему ж на две тысячи рублёв отдать, взяти у него на нас, и послати те деньги и кабалы ис Тобольска и из Енисейского, с кем пригож, к тебе в Якутцкой острог.

И буде ис Тобольска и из Енисейского стольник и воеводы к тебе в Якуцкой острог Дмитриевы деньги и кабалы Францбекова пришлют, и ты б по прежнему нашему указу, записав те деньги в приход, и держал их на тамошние ленские расходы. А по кабалам на всяких людех деньги правил без пощады.

Писан на Москве лета 7160 [1652], июня в 5 день.» [129]

Кабалы, или, по европейски, векселя, могли переходить из рук в руки и предоставляли право их владельцу взыскивать взятую в долг сумму с лица, давшего эту кабалу. Теперь все должники Дмитрия Францбекова, в том числе и Хабаров, стали должниками казны. Но взыскать эти долги было не просто. Много раз они записывались в сметных и счётных списках. Например, в счётном списке 1667 года воеводы Ивана Петровича Борятинского записано:

«На Ярофейке Хабарове по Дмитриевым крепостям Францбекова и по отпуском 4382 рубли 22 алтына 2 деньги.» [130]

«На Кирилке Кобеле взяти по Дмитриеве кабале Францбекова 10 рублёв.» [131]

«На новоприборном охочем служилом человеке новой Даурской земли на Дружинке Васильеве Попове Соли Вычеготцкой взяти 332 рубли 16 алтын 4 деньги.» [132]

В Москве у Ивана Францбекова, брата воеводы, занимал деньги Дружинка Васильев Попов. Об этом свидетельствует его кабала, которая также была найдена при обыске у Дмитрия Францбекова:

«Се аз, новоприборной охочей служилой человек новой Даурской земли Дружина Васильев Попов Соли Вычеготцкой, занял есми на Москве у Ивана Андреевича Францбекова триста рублёв денег московских ходячих прямых без приписи декабря в 30 день.

А заплатить те заёмные деньги мне, заимщику, на срок на Великое заговенье нынешняго 161 году [20 февраля 1653 г.]

А буде я, заимщик, тех заёмных денег на тот срок не заплачу и учнуса платить за приставом, ино и волокита и проесть на мне, заимщике, и все кабальные убытки.

А где ся кабала меня, заимщика, застанет под которым судом или на котором городе, тут по ней суд и правёж, и все убытки кабальные, и волокитою на мне, заимщике. А хто за сею кабалою станет, тот по ней и истец.

А кабалу писал яз, Дружинка, на себя своею рукою.

Лета 7161 [1652] году, декабря в 30 день.» [133]

Когда приехал в Москву Дружинка Васильев Попов и по какому поводу, неизвестно.

А между тем, на смену воеводе Ивану Акинфому и дьяку Осипу Степанову ехал стольник Михаил Семёнович Лодыженский с дьяком Фёдором Васильевичем Тонковым. Они зимовали в Чечуйске. Весной получили отписку енисейского воеводы Афанасия Пашкова:

«Господам Михаилу Семёновичю, Фёдору Васильевичю Офонасей Пашков челом бьёт.

В нынешнем во 161 [1653] году, генваря в 1 день, по государеве [А. М.] грамоте из Сибирского приказу за приписью диака Григорья Протопопова и по росписи из Якуцкого острогу стольника Ивана Акинфова, какова ко мне в Енисейской острог з государевою грамотою за дьячьею приписью прислана, велено Дмитрея Францбекова животы ево, золотые и денги, и кабалы, и мяхкую рухлядь взять на государя, буде вы у нево, Дмитрея не возьмёте. А взяв у нево, Дмитрея, денги и кабалы, послать к вам в Якутцкой острог. А ему, Дмитрею, дать ис тех же ево животов, из мяхкой рухляди, по сибирской цене на две тысячи рублёв.

И нынешнего 161 [1653] году, февраля по 15 день, Дмитрий Францбеков из Якуцкого острогу в Енисейской не бывал.

И как вы по государеву указу Дмитрея Францбекова животы ево на государя возьмёте, и из ево животов, из мяхкой рухляди, на две тысячи рублёв ему, Дмитрею, выдадите, и ево, Дмитрея, из Якуцкого острогу к государю к Москве отпустите, и вам б, господа, по государеву указу о том ко мне в Енисейской острог для ведома велеть отписать, по чему б мне писать к государю [А. М.] к Москве.» [134]

На л. 17об отметка о подаче: «161 [1653], апреля в 11 день, подал отписку Якуцкого острогу служилой человек Кирило Ванюков.»

После приезда в Якутский острог Михаил Лодыженский и Фёдор Тонков отправили в Москву отписку:

«Государю [А. М.] холопи твои Мишка Лодыженской, Федька Тонково челом бьют.

По твоему государеву [А. М.] указу и по наказу за приписью диака Григорья Протопопова, а велено нам, холопом твоим, быть на твоей государеве службе на великой реке Лене в Якутском остроге.

А приехав, государь, только будет Дмитрий Францбеков по приходным и по росходным денежным и хлебным, и соляным, и по ясачным книгам

в приходе и в росходе до нашего, холопей твоих, приезду в твоей государеве во всякой казне, за чем не сочтён, и ево, Дмитрея, счесть по твоему государеву указу. И что будет, государь, мы, холопи твои, на него, Дмитрея, взochtём, и то нам, холопом твоим, велено на нём доправить в твою государеву казну. А доправя, его, Дмитрея, отпустить из Якутцкого острогу к тебе, государю, к Москве.

И мы, холопи твои, приехали на твою государеву службу на великую реку Лену в Якутской острог мая в 24 день 161 [1653] году. И по наш, государь, холопей твоих, приезд Дмитрея Франзбекова Иван Акинфов в твоей государеве казне не считал.

И июня, государь в 15 день, били челом тебе, государю [А. М.], а в Якутском остроге в Съезжей избе нам, холопом твоим, Дмитрей Франзбеков да диак Осип Степанов подали челобитную за своими руками, чтоб ты, государь, их пожаловал: велел Дмитрея Франзбекова из Якутцкого острогу отпустить к тебе, государю, к Москве. А в отчёте и в начёте в твоей государеве во всякой казне, чтоб ты, государь, указал быть в Якутском остроге ему, диаку Осипу Степанову.

И мы, холопи твои, с тоё их челобитной список послали, а Дмитрея Франзбекова из Якутцкого острогу отпустили к тебе, государю, к Москве июня в 19 день. А дьяк Осип Степанов остался в Якутском для счётного дела.» [135]

А в челобитной, которую подали Дмитрий Францбеков и Осип Степанов, написано:

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, Митка Францбеков да Ооска Степанов.

В нынешнем, государь, во 161 [1653] году, мая в 24 день, по твоему государеву указу приехал на твою государеву службу на великую реку Лену в Якутской острог на перемену на стольниково место Ивана Акинфова и на моё, холопа твоего, Ооскино место твой государев стольник и воевода Михайло Семёнович Лодыженской да дьяк Фёдор Тонково.

И велено, государь, им, стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково, нас, холопей твоих, во всякой твоей государеве казне: в деньгах и в хлебе, и в пушечных запасах, и в мяхкой рухляди, будет стольник Иван Акинфов не считал, счесть с нашего, холопа твоего, приезду с прошлого 157 [1649] году, июня с 13 числа, да по приезд в Якутской острог стольника Ивана Акинфова, по 160 [1651] год, сентября по 1 число.

И что, государь, на нас, холопей твоих, твоей государевы казны изочтут, и то, государь, велено на нас в твою государеву казну взять, и нас, холопей твоих, отпустить с Лены к тебе, к государю, к Москве.

А по твоему государеву указу дана мне, холопу твоему Митьке, подорожная на сибирские города через Тобольск.

<...> Вели, государь, своему государеву стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково меня, Митьку, с Лены отпустить к тебе, государю, к Москве, чтоб, государь, мне, холопу твоему, идучи поздним путём, не зазимоватца в Енисейском остроге или на Ленском волоку.

А в отчёте, государь, и в начёте с моего, Митькина, приезде на Лену с 157 [1649] году, июня с 13 числа да сентября по 1 число 160 [1651] году во всём остаюсь я, холоп твой Оска.» [136]

На обороте челобитной: «161 [1653], июня в 15 день. Взять к делу.» Эта дата относится к подаче челобитной Якутском остроге.

Дмитрий Францбеков написал ещё одну челобитную. Приводим её полностью, опустив несущественное место.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Митька Францбеков.

В прошлом, государь, во 159 [1651] году, августа в 31 день, по твоему государеву указу, приехав в Якутской острог, твой государев стольник Иван Акинфов и пришел ко мне, холопу твоему, на двор, и что, государь, было у меня, холопа твоего, денег и мяхкой рухляди, и кабал, и то, государь, всё взял в твою государеву казну.

И я, холоп твой, в прошлом во 160 [1651—1652] году, живучи в Якутском остроге, имал хлебные запасы у торговых и у промысленных людей на свои домашные вдолг дорогою ценою, пуд муки по рублю и по сороку алтын, и больши. А всяких, государь, у меня, холопа твоего, людишек на хлебе было сорок человек. И на тех, государь, людей имал я, холоп твой, у торговых людей на обувь и на одёжу холсты и сукна, и всякие товары вдолг же.

И как, государь, в прошлом же во 160 [1652] году, августа в 31 день, прислана в Якутской острог твоя государева грамота, а велено, государь, в Якутском остроге твоему государеву стольнику Ивану Акинфову те мои, холопа твоего, животишка, что взяты в твою государеву казну, все отдать, и мне, государь, холопу твоему, в те поры отдано животишек моих только мяхкая рухлядь да денег тысяча пятьсот восемьдесят четыре rubli четыре алтына четыре деньги. <...>

И в нынешнем, государь, во 161 [1653] году по твоему государеву [А. М.] указу велено в Якутском остроге твоему государеву стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонкову те мои, холопа твоего, животишка: деньги и кабалы, по росписи взять в твою государеву казну, а мне, холопу твоему, велено отдать мяхкой рухляди на две тысячи рублёв.

И на мне, государь, холопе твоём, доведётца донять мяхкой рухляди по оценке на сто на сорок на пять рублёв на дватцать на четыре алтына з де-
ньгою.

И теми, государь, деньгами, которые мне, холопу твоему, выданы из твоей государевы казны, платил я, холоп твой, торговым и промысленным людем долги за хлебные запасы и за товары, которые, государь, у них имал я, холоп твой, в прошлом во 160 [1651—1652] году. И на те, государь, деньги покупал я, холоп твой, хлебные запасы в нынешнем во 161 [1652—1653] году на свои домашные расходы.

А которые, государь, у меня, холопа твоего, деньжёнко в остатке, и мне, государь, холопу твоему, теми деньгами доехать до твоей государевы милости, до Москвы, потому что, государь, из Якутского острогу мне, холопу твоему, подвод против подорожной не дано. И я, холоп твой, нанял до Ленского волоку работников тритцать человек. А найму рядил по десять рублёв.

А что, государь, мяхкой рухляди выдано мне, холопу твоему, сверх твоего государева жалованья за двема тысячами рублями на сто на сорок на пять рублёв на дватцать на четыре алтына з деньгою, и я, холоп твой, ту рухлядь держал про себя и роздовал людишкам своим на ношебное платье.

<...> Не вели, государь, тех денег и мяхкой рухляди на мне, холопе твоём, в Якутском остроге доправить.

И вели, государь, о том из Якутцкого острогу твоему государеву стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково отписать, и меня, холопа твоего, отпустить к тебе, государю [А. М.] к Москве. И я, холоп твой, те деньги и мяхкую рухлядь, будет ты, государь, укажешь, на себя, государя, взять, заплачу тебе, государю, на Москве.» [137]

Мимоходом укажем на ошибку Г. А. Леонтьевой. У неё написано: «В 1652 году Акинфов прибыл в Якутск.» [138]

А в начале приведённой здесь челобитной Францбекова сказано: «во 159 [1651] году, августа в 31 день.»

Через четыре дня после подачи этой челобитной была написана проезжая грамота Дмитрию Францбекову:

«Лета 7161 [1653], июня в 19 день.

По государеву [А.М.] указу и по грамоте за приписью дьяка Григорья Протопопова отпущен из Якутцкого острогу воевода Дмитрий Францбеков. А с ним отпущено мяхкие рухляди за государевою ленскою печатью с ярлыком ему, Дмитрею, по государеве [А. М.] грамоте выданы из государевы казны из животов ево, которая (грамота) прислана в прошлом во 160 [1652] году к стольнику к Ывану Акинфому да к дьяку Осипу Степанову.

И по той государеве грамоте ему, Дмитрею, стольник Иван Акинфов да дьяк Осип Степанов мяхкую ево рухлядь отдали на две тысячи на сто на сорок рублёв за государевою ленскою печатью и за ярлыком.» [139]

Таким образом, просьбу Дмитрия Францбекова удовлетворили, взыскивать сто сорок пять рублей в Якутске не стали. Видимо, это черновик, так как после слов «из животов ево» следуют многочисленные исправления и, кроме того, после этих слов всё зачёркнуто. В последнем абзаце исправлений нет, но он тоже зачёркнут. Однако, смысл ясен.

Был отпущен в Москву также стольник Иван Акинфов. За него отчитываться остался Осип Степанов. Оба они написали челобитную:

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои, Ивашко Акинфов да Оска Степанов.

В нынешнем, государь, во 161 [1653] году, мая в 24 день, по твоему государеву указу приехали на твою государеву службу на великую реку Лену в Якутской ос(трог на наше), холопей твоих, место стольник и воевода Михайло (Семёнович Лоды)женской да дьяк Фёдор Тонково.

И велено, государь, ему, стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю, и дьяку Фёдору Тонкову нас, холопей твоих, во всякой твоей государеве казне: в деньгах и в хлебе, и в пушечных запасах, и в мяхкой рухляди, счесть с нашего, холопей твоих, приезду да по свой приезд. И что, государь, на нас, холопей твоих, твоей государевы казны всочтить, и то, государь, велено на

нас в твою государеву казну взять, и нас, холопей твоих, отпустить с Лены к тебе, государю, к Москве.

А по твоему государеву указу дана мне, холопу твоему Ивашку, подорожная на Берёзов через камень.

<...> Вели, государь, своему государеву стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонкову меня, Ивашка, с Лены отпустить к тебе, государю, к Мо(скве), чтоб, государь, мне, холопу твоему, на камени, поздним путём идучи, не замёрзнуть.

А в отчёте, государь, и в начёте с моего, Ивашкова, приезде на Лену со 159 [1651] году, августа 31 числа, да мая по 24 число нынешнего 161 [1653] году во всём остаюсь я, холоп твой, Оска.» [140]

Осип Степанов был дьяком при Дмитрие Францбекове и при Иване Акинфове. Теперь он остался отчитываться за обоих воевод.

Иван Акинфов выехал раньше Дмитрия Францбекова. В книге расхода судов 161 [1652—1653] года записано:

«Июня в 10 день [1653 г.] стольнику Ивану Акинфому — дощаник мерою во льяле две сажени без трети, вдоль — десять сажен.» [141]

В этой же книге записано:

«Июля в 20 день [1653 г.] прежнему воеводе Дмитрею Францбекову — дощаник мерою во льяле две сажени без трети, вдоль — десять сажен.» [142]

Дощаники были одинаковы.

Дмитрий Францбеков думал, что ему придется умереть в Якутском остроге, и заготовил духовную память (завещание) на этот случай. Эта память была обнаружена стольником Иваном Акинфовым при обыске. О ней в росписи изъятых бумаг написано следующее:

«Духовная воеводы Дмитрея Францбекова без рук. А хто писал, имянно не написано. А по осмотру писмо служилого человека Богдашки Габышева. А тот Богдашко послан в прошлом во 159 [1651] году на государеву службу в Дауры.» [143]

А память находится в фонде Якутской приказной избы. В одном месте две строки частично повреждены и не подаются восстановлению.

«Во имя отца и сына и святого духа, се яз, раб Божий Дмитрий Францбеков, пишу сию духовную целым своим умом и разумом, кому что дать, и на ком что взять.

А приказываю свою душу брату своему родному Ивану Ондреевичю Францбекову, и вотчину свою подмосковную, и во всех своих поместьях и вотчинах хлеб и животы, и лошади, и всякой скот.

А что соболей снесено мне для государского величества (от служи)лых и от промысленных людей ... в государеву казну.

А что моих денег вс(его) останетца, и тово брату моему Ивану Андреевичю не утаить, государю известка учинить. Будет государь велит к себе взять — ево государская воля, а будет брата моего пожалует, и ево ж государская воля.

А на служилых людех по кабалам на правёж не ставить и грамот не имать; которой захочет, и сам заплатит, у которого есть, а у которого нет, и оне душу мою помянут.

А что Василья Нефедьева животов осталось, и то брату моему Ивану Ондреевичю отдать отцу ево и матери, и братьям ево, и сёстрам.

А здесь в Якутском остроге приказано дать по душе моей человеку моему Петруше, игумну Варламу, попу Стефану да дьякону Спиридону на поминоку души моей сто рублёв денег на чотыредесятницу, да псалтырь, кому говорить шесть недель, чотырём человеком, по десяти рублёв.

А после погребенья моего, как [с]лучитца к Москве ехать, и меня к Москве свезть, и положить подле жены моей Каптелины и деток моих на погребенье. И по церквам отдать полтора ста рублёв. Да на сорок престолов (дать по соро)ку алтын сорокоуст. Да на сто храмов помянуть душу мою на просвиромисание по гривне.

А на ком что взять, и тому роспись подклеена будет за моею рукою. А что после моей смерти останетца животов моих, и тому роспись подклеена будет за моею рукою.

А у сей духовной сидели игумен Варлам да отец мой духовной чёрной поп Перфирей, да белой поп Стефан, да диакон Спиридон.» [144]

Росписей не подклеено. Даты не указано. Но по окладной книге жалованья 160 [1651-1652] года можно установить, что духовная написана после приезда Францбекова в Якутский острог не позже 1 сентября 1649 года. В книге написано:

«Белой поп Стефан. Белой поп в прошлом во 147 [1649] году отпущен в Тоболеск.» [145]

Ещё до отъезда Францбекова из Якутска умер чёрный поп Перфирий. В окладной книге заисано:

«Чёрной поп Перфирей умер в прошлом во 159 году.» [не позже 1 сентября 1651 г.] [146]

Что же касается перевозки тела покойника из Сибири «к Руси» для перезахоронения, то такие случаи были. Перевозили их зимой. Покойники на кладбищах Якутска лежат в вечной мерзлоте.

Впоследствии воевода Лодыженский писал в Сибирский приказ:

«В прошлом, государь, во 161 [1653] году воевода Дмитрий Францбеков и стольник Иван Акинфов из Якутцкого отпущены к тебе, государю, к Москве. А дьяка Осипа Степанова оставили они, Дмитрий и Иван, по договору своему для отчёту твоей государевы ясачной казны в Якутском остроге. И дьяк, государь, Осип Степанов в прошлом во 164 [1655-1656] году в Якутском остроге умер.» [147]

О коренных переменах в Якутске на Амуре до приезда Дмитрия Зиновьева 25 августа 1653 года ничего не было известно.

Обычно Хабаров присылал соболиную казну и отписки в начале лета, а в 1652 году в середине лета от Хабарова не было ни вестей, ни соболиной казны. Поэтому воевода Иван Акинфов сам послал к Хабарову служилого человека Никиту Прокопьева. В наказной памяти, данной ему, написано:

«Лета 7160 [1652], июня в 30 день. По государеву [А. М.] указу и по приказу стольника и воеводы Ивана Павловича Акинфова память Якутцкого острогу служилому человеку десятнику Никите Прокопьеву.

Ехав ему в Даурские земли да с ним служилым людем, и идучи из

Якутцкого острогу Леною рекою до усть Олёкмы и вверх Олёкмою рекою до усть Тугиря, и вверх по Тугирю до Тугирского волоку, и через Тугирской волок, а от волока речками вниз до Шилки реки, а Шилкою рекою до Албазина и до Чипина острожку, где стоит Ярко Хабаров с служилыми людьми, итти наспех днём и ночью, чтоб нынешним летом дойти в Даурские земли, и по тем рекам, и через волок, велеть писать, идучи, сколько которою рекою и через волок пойдут дней, урочище от урочища и место от места, чтоб подлинно про всё было ведомо.

А как пойдут от Тугирского волоку речками до Шилки реки и Шилкою рекою до Амура реки, и ему, Никитке, где сойдётся с даурскими людьми, и тех даурских людей спрашивать, где мочно, всякими мерами:

в даурских землях много ли городов и какие города, и на каких местах и реках которой город стоит; и кто у них над даурскими землями владеет, царь ли, или князь какой;

и под одною ль областью все даурские земли и города, и под разными владетели;

и какие узорочные товары у них в даурских землях есть ли;

и золото и серебро родится, и тут ли родится, или из иных земель каких ходит;

и сколько у них в даурских землях ратных людей и огненной бой у них есть ли.

И те все их иноземские речи велети записывать на роспись подлинно.

И приехав, ему, Микитке, в Албазинской острожек, где стоит Ярко Хабаров, и его, Ерофейка, спросить:

бывал ли он, Ярофейко, или товарищи его из Албазина острожку вниз по Амуру реке и по иным сторонним рекам;

и даурские городки видали ль;

и с даурскими людьми у них, Ярофейка с товарищи, бой бывал ли;

и многие ль люди даурские на боях бывали, и огненной бой у них есть ли, или иной какой бой у даурских людей;

и узорочные какие товары у даурских людей они, Ерофейко с товарищи, видали ль;

и золото и серебро у них в Даурех родится ль, или откуда к ним золото и серебро из иных земель приходит.

И что Ярофейка скажет про Даурские земли, и то велеть записывать подлинно на роспись.

А самому ему, Никитке, итти Даурскими землями, будет мочно, до Богдоя князца и до иных даурских городов, до которых итти мочно, оберегая себя, чтоб даурские люди и иные иноземцы над ним, Никиткою, с товарищи какого дурна не учинили.

А идучи ему, Никитке, теми даурскими землями, розсматривать городов и людей, и всякого узорочья против сей наказной памяти подлинно, и то всё велеть писать на роспись, и даурским городкам и рекам, что [написано: чтоб — Г. К.] он, Никитка, с товарищи наедет, велеть чертёж на бумаге начертить подлинно, справчиво.

А будет ему, Никитке, итти будет не мочно даурскими землями дале

Ерофейка Хабарова, и ему, Никитке, взять у Ярофейка Хабарова товарищей его трёх человек, которые даурские земли знают и про все ведают подлинно, и привести тех его, Ерофейковых, товарищей ему, Никитке, в Якутской острог к стольнику и воеводе Ивану Павловичу Акинфому да к дьяку Осипу Степанову для подлинных вестей.

А будет он, Никитка, Ерофейка Хабарова в Албазине не заедет, толко он, Ярофейко, с товарищи до него, Никитки, пошёл вниз по Амуру реке или по сторонным рекам, и ему, Никитке, итти к нему, Ерофейку, и его, Ерофейка, по тому ж спросить. И будет итти дале того ему, Никитке, не можно, и ему, Никитке, взяв товарищей его, Ерофеевых, трёх человек, и с ними итти в Якутской острог.

А идучи ему, Никитке, с товарищи по рекам и по волокам, где попадутся неясачные иноземцы, и тех иноземцов ему, Никитке, с товарищи имать в аманаты, и ясак, будет успеет собрать, и тех аманатов и ясак привезти по тому же в Якутской острог.

А однолично ему, Никитке, с товарищи о том о всём против сей наказной памяти порадеть и служба своя ко государю объявить, чтоб нынешним летом в Дауры поспеть и назад из Даур на весну за льдом в Якутской острог поспеть.

Да ему же, Никитке, взять у Ярофейка Хабарова государеву казну, ясачной сбор: соболи и всякую мягкую рухлядь, что у него, Ерофейка, будет собрано до его, Никиткина, приезду, и ясачные книги, и привезть с собою ту государеву казну в Якутской острог. А за тою государевою казною взять ему, Никитке, у Ярофейка Хабарова в провожатых служилых людей, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, (чтоб) от иноземцов везть безстрашно было.

Да ему ж, Никитке, по государеву указу и по грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велеть Ярка Хабарова да брата его Никифорка Хабарова дать на поруки в иску окольничево Прокопья Фёдоровича Соковнина в займех его, Ярковых, и брата его Никифорка в 2100 рублех, что им, Ярку, стать в Якутской острог, как минется даурская служба. А Никифорка Хабарова привезть за приставы ему, Никитке, с собою вместе в Якутской острог.» [148]

В окладной книге жалованья Якутского острога 160 [1651—1652] года записаны поимённо служилые люди, которые в 1652 году посланы в Даурскую землю. О Никите Прокопьеве записано:

«Микитка Прокопьев. В нынешнем во 160 [1652] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.» [149]

Такие же записи сделаны о других служилых людях, посланных с ним. Они записаны не по-порядку, поэтому даём выборку:

Лёвка Григорьев Белоус

Мамонко Мартынов

Алёшка Арапов

Степанко Григорьев Боранов

Андрюшка Васильев пиняжанин

Ивашко Харитонов Широкой

Фомка Ортемьев.

С Никитой Прокопьевым была послана наказная память Хабарову:

«Лета 7160 [1652], июня в 30 день. По государеву [А. М.] указу память в Албазинсой острожек, или где съедет, Ярку Хабарову.

В нынешнем во 160 [1652] году послан из Якуцкого острогу для проведения и розсмотру Даурские землицы, и для иных государевых дел служилой человек десятник Никитка Прокопьев с товарищи, 12 человек..

И как к тебе, Ярку, ся память придёт, а служилой человек Микитка Прокопьев с товарищи в Албазин острожек придут, и тебе б, Ярку, отдать ему, Микитке, с товарищи государеву ясачную и поминочную казну: соболи и всякую мяхкую рухлядь, что у тебя собрано до ево, Никиткина, приезду, и ясачные книги.

Да тебе б, Ярку, отдать ему, Никитке, служилого человека Богдашку Габышева да Дмитриева человека Францбекова Онашку татарина, или до каких иных людей государево дело ему, Никитке Прокопьеву, по наказной памяти дойдёт. И тебе бы, Ярку, и тех людей ему, Микитке, отдать же, и ни во что тебе, Ярку, в государево дело у Микитки Прокопьева не вступатьца, и во всё против государева указу быть послушну.

И дать тебе, Ярку, ему, Микитке, Даурской землицы чертёж и даурским городом роспись за своею рукою, да трёх человек служилых людей, которые Даурские землицы знают и про всё ведают подлинно.

Да за государевою соболиною казною в провожатых служилых людей, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, чтоб государева казна от иноземцов весть можно безстрашно.

А тебе б, Ярку, по государеву указу, будучи в Даурской землице, государевым делом и ясачным збором радеть и промышлять неоплошно, сколько милосердый Бог помощи подаст, и над даурскими людьми поиск чинить, и воинов их смирять, и под государеву царскую высокую руку приводить, и ясак с них збирать по сей памяти и по прежним указным памятям.

Да тебе ж, Ярку, отдать в государеву [А. М.] в казну займов своих, что ты, Ярофейка, занял в прошлом во 158 [1650] году у Василья Нефедьева в кабалы тысячу триста шестьдесят три рубли дватцать алтын две деньги, все сполна.

Да тебя ж, Ярка, и брата твоего Микифорка по государеву [А. М.] указу велено ему, Микитке, дать на поруки в иску окольничево Прокопья Фёдоровича Соковнина в 2100 рублях в займех своих, Ярковых, что тебе стать в Якуцком остроге.» [150]

Кабала Василию Нефедьеву приведена в главе «Начало амурского похода.» По ней Хабаров должен был отдать указанный долг до Николина дня вешнего (9 мая 1651) года без роста, а после этого срока с ростом «на пять шестой», т. е. 20%.

Что же касается происхождения долга Ерофея и Никифора Хабаровых окольничему Соковнину, то подробных сведений о том, когда образовался этот долг, нет. У Г. А. Леонтьевой написано:

«Францбеков отдал свою кабалу в 2100 руб. окольничему Прокофию Соковнину, которому был должен эту сумму. Иск он переписал на Никифора и Ерофея Хабаровых. Теперь оба брата должны были расплачиваться ещё и с

Соковниным. Последний не соглашался на отсрочку долга, и через Сибирский приказ направил свой иск в Якутск.» [151]

Никаких документов об этом нет. Догадка Г. А. Леонтьевой противоречит здравому смыслу. Чтобы переписать долг Францбекова на братьев Хабаровых требовалось согласие Соковнина. А если он не соглашался на отсрочку, то почему согласился на перепысывание долга и ждать «как минется даурская служба»? До Хабарова добраться было сложнее, чем до Францбекова.

Здесь следует пояснить, кто такой Прокопий Фёдорович Соковнин. В 1638 году он был воеводой в Енисейске. Видимо, там и занял у него деньги Ерофей Хабаров. Но почему так поздно Соковнин решил всё-таки взыскать долг, тоже неясно. В 1652 году Соковнин служил в Москве.

Но Хабаров уже послал ясак. На Олёкме Никита Прокопьев повстречался со служилыми людьми, посланными Хабаровым с отписками и соболиной казной в Якутский острог. Среди них как раз был Богдан Козьмин Габышев, которого было предписано Никите Прокопьеву привезти в Якутск. После встречи Никита Прокопьев, видимо, зазимовал в промысловом зимовье, а с Богданом Габышевым отправил отписку воеводе Ивану Акинфому.

«Царя [А. М.] воеводе Ивану Па(вловичю), дияку Осипу Степановичю ленские служилые люди Микитка Прокопьев с товарищи челом бьют.

В прошлом во 160 [1652] году по государеву указу и по наказной памяти послан я, Микитка, с товарищи на государеву службу из Якутцкого острогу по Амуру реке в Дауры, в Албазин острожек, до Ярка Хабарова для ради государевы ясашной соболиной казны, для ради Ярка Хабарова и служилых людей проведанья.

И я, Микитка, с товарищи нынешнего 161 [1652] году, сентября в 16 день, встретил даурских служилых людей, по Олёкме идучи, выше камени и пороги прошед четыре дни, судов Болдашку Габышева с товарищи, четырёх человек.

И я, Микитка, с товарищи наказную память им, даурским служилым людем, Богдашке с товарищи, и при всех своих товарищах казал, и прочитал, какова наказная память со мною, Микиткой, послана в Дауры к Ярку Хабарову, им, служилым людем, за государевою ленскою печатью, и их, служилых людей, Богдашки Габышева с товарищи, про государеву ясашную казну, про Ярка Хабарова и про служилых людей, и про Дмитрея Андреевича Францбекова животы по государеву крестному целованию вправду, и про деньги, и про кабалы, и про человека ево, Дмитриева, Онанья тотарина допрашивали, и про посылку от Ярка Хабарова к Дмитрею Ондреевичю и служилым людем допрашивали ж.

А хто что они, даурские служилые люди Богдашка Габышев с товарищи, про государеву ясашную казну и про Дмитрея Ондреевича животы и про посылку от Ярка Хабарова к Дмитрею Андреевичю, и что с кем послано Дмитрею Андреевичю с ними, з даурскими служилыми людьми, и нам, служилым людем, про даурской поход в допросе вправду сказали.

А государевы де ясашной соболиной казны при нас де было у Ярка в зборе сороков с восмнатцать. А лисиц де и шуб соболиных, тово де мы не упомним.

А о государеве де казне писано от Ярка с нами в описках. А отписки от Ярка посланы с ним, Богдашкою Габышевым.

А у ково что у них, у даурских служилых людей, в обыску их мяхкой рухляди объявилось, а хто что даурские служилые люди, Богдашка с товарищи, мне, Микитке, с товарищи сказали; и их, служилых людей, мяхкой рухляди объявилось, и у ково именем, и ту я, Микитка, мяхкую рухлядь запечатал своею печатью и послал с ними ж, служилыми людьми, в Якутцкой острог, и Дмитрея Андреевича грамотку запечатал же в лист проезжей; я ж, Микитка, послал с ним же, Богдашкою, в Якутцкой острог.

А хто что даурские служилые люди, Богдашка Габышев с товарищи, в допросе сказали, и тем их лопросным речам и их мяхкой рухляди росписи подклеены за их руками и посланы в Якутцкой ж острог [с] служилым человеком с Олёшкою Бусормановым. А у него, Олёшки, запасу [с] собою мало взято было из Якутцкого, только пудов з десять муки ржаной, и пищали не было ж. И меня, Микитку, в том он, Олёшка проманул, что де пищаль у меня, Олёшки, есть.

А я, Микитка, с товарищи пошёл вверх по Олёмке до промышленных, потому что плыть на низ Олёмкою рекою не мошно, вода мала гораздо, и порогов есть [с] сорок, и вода бойчива. Да за водою и которые стояли в замёте, и того у нас простою — недели с четыре. А плыть мы того опасались, что государево судно и якорь, и снасти судовые, и парус не потерять. А судов мелких нет же, ехать не в чем же.

А от Богдашка послал [с] служилым с Олёшкою Босурмановым.» [152]

На л. 2об отписки помечено: «161 [1652], сентября в 24 день, отписку подал Якутцкого острогу служилой человек Олёшка Басурманов.»

Для оправдания Микитка Прокопьев приложил две сказки встреченных им служилых людей, Богдашки Габышева с товарищами:

«161 [1652] году, сентября в 13 день, служилые люди Богдашко Кузьмин, Сергушка Ондреев да вольные охочие казаки Филька Самсонов да Ивашко Гаврилов Телятев сказали, что де служилым людем, Микитке Прокопьеву с товарищи, с Олёмки в Даурскую землю не попасть немногими людьми — путь грозной.

А тот Ярофей Хабаров с товарищи уплыли на низ к морю, потому что жить им тут нельзя — войско небольшое. А от государя войское приходит большое с огненным боем. А приступы у нас были большие.

Скаску писал яз, Богдашко, своею рукою по их, товарищев своих, велению.

Да там же Микитке с товарищи сказывали Богдашко Кузьмин с товарищи, что де за волок немногими людьми не попасть, и на Амуре безо ста человек не попасть на низ.

Да как мы шли под волок, и языков мы имали. И языки нам сказывали, что де будут люди богдойские на волок города ставить, чтоб русково войсково не пропустить на Амур, с огненным же боем.

К сей скаске Ивашко Гаврилов Телятев и товарищев своих место Сергия Андриева, Филипа Самсонова по их велению руку приложил.» [153]

Кроме этого приложена:

«Роспись даурским служилым людям, у которово идёт из Даур в Якутцкой их мях(кой) рухляди. А у ково имяны что идёт мяхкой рухляди, и тем людям имена:

У Сергушки Ондреева ево, Сергушкиной, мяхкой рухляди пятьдесят пла(сти)нишек собольиху

У Фильки Самойлова ево, Филькины, мяхкой рухляди ... три пластишки собольи, шездесят хвостов собольих.

Да с ним же, Богдашкою Габышевым, послано спаской казны семь крушков жемчужных да девятнатцать (ко)рольков круглых красных, семьдесят корольков долгих красных, да восми коро(льков) ...млек, серь(ги) золочёные, две чевочки серебр(яные). [154]

Из отписки Микиты Прокопьева, где сказано, что он «пошёл вверх по Олёкме до промысленых, потому что плыть на низ Олёкмою рекою не можно», следует, что он решил вернуться обратно в Якутский острог, но так как в больших судах идти вниз по Олёкме ввиду малой воды было невозможно, решил двигаясь по-прежнему вверх, дойти до промыслового зимовья и там зазимовать.

Никаких документов, в которых было бы прямо сказано о том, пошёл ли всё-таки весной 1653 года Микита Прокопьев вниз по Амуру, или же вернулся обратно в Якутский острог, пока что не найдено. Но есть запись в книге неокладных расходов 161 [1653] года:

«Ивашко Харитонов Широкой.

Государево хлебное и соляное жалованье ему, Ивашку, на нынешней 161 [1652—1653] год дано ему в прошлом во 160 [1651—1652] году оклад ево сполна.

А по скаске служилого человека Микитки Прокопьева, что де тот Ивашко з государевы службы с Тугиря реки в нынешнем во 161 [1653] году, февраля в 28 день, збежал в Дауры.» [155]

Если бы Никитка Прокопьев со своими людьми пошёл в Дауры, то Ивашке Широкому бежать туда не было бы никакого смысла. Значит, перезимовав на Тугире, Никитка Прокопьев вернулся в Якутск.

С кем бежал Ивашко Широкий среди зимы, кто его кормил в пути, эти вопросы остаются без ответа.

Что же касается долга, то есть документы, в которых сообщается, что в 1653 году Ерофей Хабаров с Амура уехал с Дмитрием Зиновьевым, и долг с Ерофея Хабарова окольниковый Прокопий Соковнин взыскал в Москве в 1655 году. Об этом речь пойдёт в следующей главе.

А Никифора Хабарова с Амура никто не забирал, что следует из его челобитной:

«И я, государь, холоп твой, будучи на Амуре реке, тебе, государю, служил, аманатов имал и в походы ходил. И в прошлом во 162 [1654] году с Амура реки приказной служилой человек Онофрей Степанов послал меня, холопа твоего, с служилыми людьми, с Герасимом Максимовым с товарищи, всех десять человек, с отписки в Якутцкой острог.» [156]

Богдан Габышев с товарищами прибыли в Якутский острог. Они привезли последнюю отписку Хабарова с Амура. Воевода Иван Акинфов

двух из них отправил в Москву. Подробно об этом рассказано в его отписке:

«Государю [А. М.] холопи твои Ивашка Акинфов, Оска Степанов челом бьют.

В нынешнем, государь, во 161 [1652] году, сентября в 24 день, прислал к нам, холопом твоим, в Якутцкой острог из новой Даурской земли приказной человек Ярко Хабаров с отписки служилых и охочих казаков Сергушку Андреева да Фильку Самсонова, да Богдашку Габышева, да Ивашка Телятева.

А в отписках, государь, их, Ярофейкове и Тренкине, пишет про их, Ярофейкову и служилых людей, службу, про бой и про взятие даурских городов, и про роспросные речи даурских языков.

Да те ж, государь, служилые и охочие казаки, Сергушка (Ондре)ев с товарищи, привезли в Якутцкой острог для ведома камешки красные да семь кружечков малых, низаны жемчугом. А сказывали, что текружечки живут у даурских людей, нашиты на шапках. А каменья, государь, такова в Даурех, сказывают, много.

И мы, государь, холопи твои, тех служилых и охочих казаков, Сергушку Андреева с товарищи, про даурские землицы, про хлеб и про соболи, и про всякое узорочье спрашивали.

И что, государь, нам, холопом твоим, тот Сергушка Андреев с товарищи в роспросе сказал, и мы, государь, холопи твои, те их роспросные речи за их руками, подклея под сею отпискою, и из Даур Ярка Хабарова и Тренки Чечигина подлинные отписки, и служилых людей, которые из Даурской земли присланы, Сергушку Андреева да Фильку Самсонова, для подлинного ведома с сею отпискою вместе послали к тебе, государю, к Москве сентября в 25 день Якутцкого острогу с служилым человеком с Ондрюшкою Амосовым.

Да с ними ж, государь, послали к тебе, государю, четыре камешка красных да семь кружечков, низанные, да пуговицу каменную, и велели, государь, ему, Ондрюшке, и служилым людям явитьца и отписку подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку Григорью Протопопову.

А чертежу, государь, Даурской земли Ярко Хабаров к нам, холопом твоим, не прислал.» [157]

Отписки Ерофея Хабарова и Третьяка Чечигина, о которых здесь упоминает воевода, приведены выше.

Приложенные к отписке воеводы Акинфова расспросные речи имеются в фонде 214, ст. 427, л. 467—469, в этом виде они посланы в Сибирский приказ. Кроме того, список с расспросных речей опубликован в «Дополнениях к актам историческим», т. III, СПб, 1848, док. № 103, с. 371—373. Между ними в некоторых местах имеются различия. За основу возьмём расспросные речи, посланные в Сибирский приказ воеводой Акинфовым, а по ходу отметим различия.

«161 [1652] году, сентября в 24 день, приехали в Якутцкой острог из новой из Даурской земли Якутцково острогу служилые люди и охочие Сергушка

Ондреев, Богдашка Габышев, Ивашко Телятев, Филька [в ДАИ: Ефимка — Г. К.] Самсонов, а в Съезжей избе перед стольником перед Иваном Павловичем Акинфовым да перед диаком перед Осипом Степановым в роспросе сказали:

В прошлом де во 160 [1652] году, августа в 9 день, послал де их с Амура реки приказной человек Ярко Хабаров с усть Зии реки ис Кокорева улусу с отписками. Да с ними же послал в провожатых служилых и охочих казаков тритцать шесть человек вверх Амуром рекою до усть Урки реки, до Тугирсково волоку.

И как они, Сергушка с товарищи, пошли от Ярка Хабарова, и шли де они, Сергушка с товарищи, с служилыми людьми по ночам. А в день итти не смели, потому что де даурские люди под ними, служилыми людьми, стояли беспрестанно и их, служилых людей, стерегли, куды служилые люди пойдут.

И они де, служилые люди, даурские караулы скрадывали, и шли три ночи, и дошли на четвёртую ночь до реки до усть Комары, и тут вышли на Даурской улус князья Еманзы [в ДАИ: Емарды — Г. К.]. И на тот де они, Сергушка с товарищи, улус, прося у Бога милости, напустили и с ними, даурскими людьми, бились, и многих даурских людей на том бою побили. И у них де, служилых людей, на том бою ранили дву человек, его, Сергушку Ондреева, да охочево Ивашка Телятева.

И языков на том бою даурских, четырёх человек, изымали, и их роспрашивали и пытали. И те де языки в роспросе и с пытки им, служилым людям, сказывали, что де, где, будет, русские люди в Даурской земли город поставят, и богдойской де царь хочет послать нынешние зимы своих даурских многих людей, тысяч с сорок и больше, с огнеым боем и с пушками.

И они с усть де Комары реки шли вверх по Амуру реке день да ночь, и дошли до даурского же улуса князья Шангалюра [в ДАИ: Шангамона — Г. К.]. И тот де улус служилые люди, Сергушка Ондреев с товарищи, повоевали же, даурских людей многих побили и языков поимали ж, и их роспрашивали и пытали. И в роспросе и с пытки сказывали те ж вести, что де от богдойсково царя будет под город казакам большое войско с огненным многим боем и с пушки.

Да по Амуру ж, идучи от того улуса день же да ночь, и дошли до третьево улуса Уидая. И тот улус погромили ж, и даурских людей побили, и языков поимали, и их роспрашивали и пытали. И в роспросе и с пытки сказали те ж вести, что де от богдойсково царя будет х казакам большее же войско.

И они де, Сергушка с товарищи, роспрося, тех языков побивали, для того, чтоб в Даурскую землю вести те дауры не подали и их бы на дороге не побили.

И всего де они, Сергушка с товарищи, с усть Зии до усть Урки реки, до Тугирсково волоку, шли (полтретьи не)дели. И провожатые де служилые люди, тритцать шесть человек, поплыли вниз к Ярку Хабарову.

А с усть Урки шли пеши через волок горами двенадцать дён. А борошничко своё на себе несли в ношах А шли стороною, не дорогою, для того, чтоб их, Сергушку с товарищи, даурские люди не поймали.

А с Усть-Тугирсково де зимовья Тугирем рекою и Олёкмою, и Леною до Якутцкого острогу плыл де он, Сергушка, с товарищи, сам четвёрт, две недели со днём. Всего ходу от Ярка Хабарова с Амура, с усть Зии реки, до Якутцкого острогу полсеми [6,5] недели.

А про всю де Даурскую землю про соболи и про узорочья, какие в той земле есть, и как у них, служилых людей, у Ярка Хабарова, бои з даурскими людьми многие были, и про города, и про реки, и про урочища, и про то де про всё подлинно писал из Даурской земли служилой человек Ярко Хабаров в отписке своей.

А хлеба де в Даурской земли родитца много, окроме ржи.

А малыми де людьми в Даурскую землю итить нельзя, не пропустить.

А Ярко де Хабаров с усть Зии реки хотел плыть на низ Амуром рекою к морю зимовать.

А на всех де даурских боях и на приступех были с Ярком Хабаровым Сергушка Ондреев да Филька Самсонов, и про всё ведают подлинно. А Богдашка де Габышев пришол на Амур в прошлом во 160 [1651] году в осень, и на первых боях он, Богдашка, не был, и не ведаёт.

А только де государь изволит послать в Даурскую землю своих государевых ратных людей против больших даурских людей, которые будут от богдойсково царя, сорок тысяч, и против тех людей надобе государевых служилых людей с огненным боем и с пушками шесть тысяч человек. И теми людьми тех даурских людей войною мочно смирить.

А ходу в ту Даурскую землю из Якутцкого острогу в малых дощениках, по тритцати человек в судне, до Олёкмы восемь дён. Да Олёкмою и Тугирем реками до волоку — полпята [4,5] недели. А через волок с ношами пешево ходу на Амур реку восемь дён. И на той на Амуре реки [у] усть Урки речки зделать суды большие, дошаники, чтобы поднял дошаник по сороку и по пятидесяти человек.

А поплаву Амуром рекою до Албазина города судки. А из Албазина города до Гойгударова города поплаву трои судки. И из Гойгударова города до Банбулаева города — судки. Из Банбулаева города до усть Зии реки, до Кокуриева улусу, двои судки. А с усть Зии до Толгина города — судки. От Толгина города до камня — четверы судки. И камнем плыть до усть Шенгану четверы ж судки. И по Шингалу де в тех судах вверх итти мочно ж. А от усть Шингалу плавал Ярофейко вниз Амуром до наток четверы судки. Тут и зимовал и острог поставил.

И из того острожку в прошлом во 160 [1652] году вверх Амуром рекою воротились назад к усть Зии реки. А ходу де парусным погодьем и с просто-ем было шесть недель.

А от наток де до Шингалу бечевника нет. А от Шингалу и до волоку бечевник есть.

А в Богдойскую землю ходят степью недель в шесть. А какими местами ходить и каков ход, и про то они, Ивашко [в ДАИ: Сергушка — Г. К.] с товарищи, не ведают.

Сергушка Ондреев руку приложил.

Филька Самсонов руку приложил.» [158]

А в ДАИ рукоприкладства другие:

«А позади подлинных речей написано:

К сим роспросным речам Богдашко Кузмин и вместо товарища своего Сергушки Андреева руку приложил.

К сим роспросным речам Ивашко Гаврилов Телятев и вместо товарища своего Филки Самсонова руку приложил.»

Отметим здесь неверные сведения у А. Алексеева. У него написано:

«А с последним своим донесением [Хабаров — Г. К.] даже отправил в Москву хабаровца — Дружинку Васильева Попова.» [159]

Дружинка Васильев Попов был оправдан не с последним, а с первым донесением и больше на Амур не возвращался.

В декабре 1652 года Серёжка Андреев и Филька Самсонов встретились на Захаровской заимке (в 93 км ниже Киренска) с московским дворянином Дмитрием Зиновьевым, посланным из Москвы на Амур, и дали ему ещё одну сказку. Но об этом пойдёт речь уже в следующей главе.

23 августа 1653 года воевода Лодыженский отправил в Москву отписку, в которой сообщал:

«А в Дауры, государь, посланы до нашего ж, холопей твоих, приезду, во 157 [1649] и во 158 [1650], и во 159 [1651], и во 161 [1653] годах по наряду якутских служилых людей пятьдесят шесть человек, опричь тех новоприборных, которые в Дауры отпущены с Ярком Хабаровым. А с Ярком, государь, Хабаровым отпущены двести девяносто четыре человека. И ис тех, государь, якутских служилых людей, которые посланы в Дауры по наряду и которые посланы вольные, сентября с 24 числа [1652 г.] августа по 23 число нынешнего 161 [1653] году ни один человек не бывал.

Да вперёд, государь, те даурские служилые люди в Якутском к твоей государеве службе [не] надёжны, потому что, государь, по Янковым отпискам Хабарова, каковы отписки посланы из Якутского к тебе, государю, в нынешнем во 161 [1652] году с казаком Сергушкою Ондреевым с товарищи, меж даурскими служилыми людьми учинилась рознь и, разделяясь, пошли надвое. А как, государь, те даурские служилые люди и вместе были, и тем, государь, служилым людям даурцы были невмочь, потому что, государь, у даурцов много огненного бою.» [160]

Снова вернёмся на Амур. Обратимся опять к изветной челобитной Стеньки Полякова с товарищами, ибо кроме неё никаких документов, описывающих события после отправки последней отписки Хабарова до приезда в амурское войско дворянина Дмитрия Ивановича Зиновьева, нет. В конце изветной челобитной описаны события за целый год. Безусловно она страдает некоторой односторонностью. В ней Стенька Поляков и его товарищи стремятся оправдать свои действия, хотя и проскальзывает чувство своей вины, острые углы сглажены, есть и умолчания, рассказана не вся правда.

«А на низ мы, холопы твои государевы, плыли для ради твоей государевы прибыли, тебе, государю, служить и своя служба тебе, государю, явить.

И как мы, холопы твои государевы, доплыли до Гиляцкого земли, и, Божиею милостию и твоим государевским счастьем, из девяти гиляцких ро-

дов в Гиляцкой земле девять добрых гиляцких князьцов поймали и в аманаты посадили. И среди Гиляцкие земли острог поставили тебе, государю, з башнями, и тарасы зарубили, и хрящём насыбали для ради иноземского приходу. И ясак тебе, государю, взяли до ево, Ярофеева, приплаву. И что взято ясаку, и тому следуют ясашные книги.

А приплыл он, Ярофей, к нам, холопям твоим, сентября в 30 день. Учал нас, холопей твоих, называть он, Ярофей, ворами, и хотел нас грабить. И мы ево, Ярофеево, озорничество видячи, жили з береженьем. И он, Ярофей, и зимовье поставил на одну улицу.» [161]

Здесь подходящее место, чтобы прерваться и сделать замечание на утверждение Г. В. Мелихова:

«Под Ачанским городком русские нанесли маньчжурам сокрушительный удар и захватили всю их артиллерию. После этого первого столкновения с маньчжурами Е. Хабаров поднялся вверх по Амуру и построил в устье реки Кумары (правый приток Амура, соврем. р. Хумархе) в 1652 г. Кумарский острог.» [162]

Но Хабаров в 1652 году выше устья Зеи не поднимался. Например, уехавшие 9 августа 1652 года в Якутский острог с устья Зеи с отписками Хабарова Сергушка Андреев с товарищами сообщали:

«А Ярко де Хабаров с усть Зии реки хотел плыть на низ Амуром рекою к морю, зимовать.» [163]

И действительно, как сообщается в изветной челобитной, 30 сентября 1652 года Хабаров был уже в Гиляцкой земле у острожка, поставленного Стенькой Поляковым с товарищами. А Комарский острог был построен в 1654 году Онофрием Степановым Кузнецом. Об этом пойдёт речь позже.

Далее в изветной челобитной написано:

«И октября в 1 день приехали нижные мужики с моря в пяти стругах с твоим государевым ясаком под аманаты, которые аманаты седили у нас, холопей твоих государевых. И он, Ярофей, послал в стругу ясаула Василья Панфилова с толмачём и с служилыми людьми, и велел толмачём говорить: что де иужики ездите к ворами и ясак даёте, мы де их побьём, воров, и ваших князей повесим. И тех гиляцких мужиков отогнал и [к] кровникам не пустил. И тот ясак тебе, государю, не взят.

И тово же де месяца, в 7 день, приезжали в сороки стругах с верху Амура реки гиляки и порубежные дючеры с твоим государевым ясаком. И он же, Ярофей, послал тово же ясаула Василья Панфилова с толмачём, и велел он, Ярофей Хабаров, отгонити гиляков и дючер так же: к ворами де вы не ездите и под аманаты ясак не давайте. И тут он, Ярофей, тебе, государю, не радеет, и твоему государеву ясашному збору учинил великую поруху.

И как он, Ярофей, поставил зимовье и учинил роскаты, и на роскаты вкатил пушки, и велел стрелять ис пушек служилому человеку Онофрею Стефанову да охочему служилому человеку Титу Левонтьеву осташковцу. И иным служилым людем велел стрелять по аманацкому двору и по твоему государеву острогу, и по нас, холопям твоим государевым, велел стрелять из мелково оружия с ранново обеда до вечера.

И мы, холопи твои государевы, не стреляли по них противно, бояся тво-

ей государевы грозы. И видит он, Ярофей, что нас, холопей твоих, в остроге неймёт, и он учал Ярофей умышлять, как нас, холопей твоих, побить всех наголову до единого, и статки наши подуванить. И учал щиты делать и умышлять своими потаковщиками и с ушники своими, служилыми людьми, нас, холопей твоих государевых, побить.

И поймал нас двенадцать человек и велел палками насмерть прибить он, Ярофей. И мы, холопи твои государевы, видячи ево, Ярофеево, воровство и непостоянство, что он, Ярофей, учиняет позор твоему царскому величеству, и славу недобрую, и укор от иноземцов, и в понос князем иноземским, и мы, холопи твои, по совету промежу собою, били челом ему, Ярофею Хабарову, чтобы он, Ярофей, не стрелял по твоему государеву острогу и нас, холопей твоих государевых, не побил, и твоему государеву имени позору не учинил.

И видячи мы, холопи твои государевы, ево, Ярофеево, лукавство, за роюю мы ему, Ярофею, (аманатов) отдали. И в тех аманатах мы у него, Ярофея, отпись взяли. А рота была ево, Ярофеева, на том, что нас было, холопей твоих государевых, не убить, ни твоих государевых ясачных аманатов (не) терять, ни наших статков не грабить.

И он, Ярофей, не помня Бога и не бояся твоей государевы грозы, нас, холопей твоих, четырёх, Стеньку Полякова да Костьку Иванова, да Фетьку Петрова, да Гаврилка Щипунова, посадил в железа. А иных всех, холопей твоих государевых, батогами бил вместо кнута без рубаш насмерть. А иных давал за приставов. И приставы их мучили из живота. И от ево, Ярофеевых, побой и мук умирало много. И всех нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, изувечил, и статки наши, и животишка вымучил и пограбил. И что, государь, у ково он, Ярофей, вымучил, и в том у нас будут челобитные тебе, государю, особ подавать.» [164]

Подавались ли такие челобитные, неизвестно. Больше об этом никаких сведений нет.

Далее в изветной челобитной написано:

«И февраля в 7 день он, Ярофей, велел острог сломать и сожечь кузнецом на уголье и на дрова, которой мы, холопи твои, острог поставили, и ясак тебе, государю, збирали под аманаты, которых аманатов мы, государь, поймали.

И марта в 3 день взял он, Ярофей, лучшево аманата, гиляцково князья Мингальчу с собою вожем на гиляцкие улусы. И ходил он, Ярофей, в поход на ясачных мужиков для ради своей бездельной корысти, а не для ради твоей государевы прибыли. И тово аманата Мингальчу убил. А тот аманат Мингальча, гиляцкой князец, тебе, государю, ясак дал три сорока соболей. И убив тово аманата Мингальчу, он, Ярофей, говорил: то де какие аманаты, воры де их и поймали, что де их беречь и водитьца?

А с осени, государь, гиляцкие люди к нам, холопом твоим, приезжали и ясак под аманаты тебе, государю, давали. И достальной ясак ходили дать под аманаты, которые аманаты седали у нас, холопей твоих государевых, ходили давать, и сулили тебе, государю, ясаку с полуторых тысяч луков под своих родников:

И мы увидим царское жалованье и вашу казачью правду, и доброту, и

постоянство, то будут по нас и всей Гиляцкой землёю государю ясак платить. А у нас в Гиляцкой земле будет ясашных людей, которые государю могут ясашным платежом промышлять, и тех четыре тысячи луков добрых и надёжных бойцов, опроче старых и малых. И все мы будем государю послушны и покорны быть в вечном ясачном холопстве, навеки неотступны, и ясак давать по вся годы.

И он, Ярофей Хабаров, у нас, холопей твоих, аманатов принял, и ясак збирает в Гиляцкой земле под те аманаты.

И рнясь на нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, и в завистех своих нашей службе, что тебе, государю, служим на Амуре реке в Гиляцкой земле без твоего государева жалованья, с вводы и с травы, тебе, государю, прибыль учинили, и аманаты имали, и под те аманаты тебе, государю, ясак збирали собольми и шубами собольими, и лисицами дорогими, и он, Ярофей, бес твоего государева ведома нас, холопей твоих, [с] своими потаковщиками умыслил погубить всех нас, холопей твоих государевых, и нашу службу отнял, и твою государеву казну, ясачной збор, соболиную и лисичи дорогие, и он, Ярофей, хотя быть нашею службою от тебя, государя [А. М.], быть в жалованье, нас, холопей твоих государевых, он, Ярофей, своим злым умышлением и небылым составом, хотя видеть от тебя, государя, нас, холопей твоих, в казне и в опале, а тебе, государю, пишет на нас, холопей твоих, и составляет на нас всякое воровство ложно.

И будучи он, приказной человек Ярофей Хабаров, в Гиляцкой земле, в Мингальском зимовье пива варил и вино курил, и продавал служилым людям дорогою ценою. Пиво продавал в вёдра, а вино продавал в чарки. И от ево подажновое питья и хлебной скудости, что он, Ярофей, войском хлеб выкупил, и в пиве и в вине переварил, и от тово он, Ярофей, в Гиляцкой земле постоянства не учинил, и аманатов из Гиляцкой земли вывез, а твоей государеве службе не радеет и не прочит.

И майя в 16 день приезжали гиляцкие мужики, восмнатцать человек, в одном стругу, Махоньсково улусу, к Сергуньче и Богоданьче с товарищи, к аманатам, которых аманатов мы, государь, поймали тово Сергунью и Богоданьче. И те, государь, мужики гиляцкие под тех аманатов привезли ясак тритцеть соболей тебе, государю, на 160 [1651—1652] вновь.

И били челом те гиляцкие мужики тебе, государю, а по твоему государеву указу ему, приказному человеку Ярофею Хабарову, чтобы де наших князьей из Гиляцкой земли не вывез, а не убил же, так же, как нашево же князьца Мингальчу.

А ходил де ты, Ярофей, в поход на [не]ясашных людей, а тово Мингальчу имал с собою вожем. А он, Мингальча, тебя, Ярофея, вёл прямо на улус. А ты, Ярофей, тово улуса взять не мог, а тово Мингальчу князьца не по делу пересёк надвое посерётке пополам. Да с войском ты, Ярофей, и прошёл. И то де веть не горазно словёт то де: надругался ты, Ярофей. А у нас де тот Мингальча был старой князец. А слушали де ево у нас в Гиляцкой земле многие улусные мужики и молодые князьцы. И он де их Мингальча от дурна унимал. А с тоё де поры, как ево, Мингальчи, не стало, ты, Ярофей, засёк у нас в Гиляцкой земле многие улусные мужики. И молодые князьцы поко-

лыбались, и потому к вам с ясаком не бывали, и ехать не смеют, и многих розговаривали с той поры и по сё время.

И по твоему, Ярофееву (слову, как ты), Ярофей, объявил и сказал царское (жалованное) слово: жить велел ты нам Ярофей по (своим жителям) в улусах бес печали опять по-старому, и громить нас не хотел, потому что мы дали государю ясак на 161 [1652—1653] весь сполна и со всево роду своего, и впредь на 162 [1653—1654] год платим тритцеть соболей. Да и впредь государю ясак будем платить, которые у вас писаны в ясачных книгах, и будем в вечном ясачном холопстве навек неотступны.

И мы де здесь по улусам и по волостям розговаривали гиляцких мужиков по твоему, Ярофееву, приказу, и у нас ныне гиляцкие мужики, которые государю ясак платили, живут по своим жителям без печали и без всяково сумления, и не бояся, и оплошно.

И отпустия он, Ярофей, гиляцких мужиков и слыша их оплошное время, что оне живут без боязни, и он, Ярофей, тотчас, не мешкая, сказал служилым людям и охочим вольным казакам твою государеву службу на гиляцких мужиков. И по ево, Ярофея, приказу жеребьи метали по пяти человек з десятка, а не для ради твоей государевы службы он, Ярофей, умыслил — для ради разоренья Гиляцкой земле и непостоянства. И, Божию милостию и (твоим государевским счастьем), ...ветр, парусное погоды, того же (дни он), Ярофей, посылал в поход.

И побежал он, Ярофей, вверх по Амуру из Гиляцкой земли от своего зимовья. А зимовье своё зажёл, так же, как он, Ярофей, жёл и разорял в Даурской земле и в Дючерской земле. И тут он, Ярофей, твоей государеве службе не радел и постоянства не учинил, аманатов, гиляцких князьцев, из Гиляцкой земли вон вывез. И идучи он, Ярофей, Гиляцкою землёю, и майя в 18 день твоих государевых ясачных гиляцких мужиков их жителя пустошил, и ловушки рыбные грабил, и уды, и перемёты поснимал. А иные, государь, велел ясаул Василей Панфилов перемёты перерезать и на низ упустить.

И в те поры Якуцкаго острогу служилой человек Козьма Терентьев, а гиляцкой толмач, во всё войское являл и говорил те речи: грабит де приказной человек Ярофей Хабаров да ясаул Василей Панфилов государевых ясачных людей, гиляцких мужиков. А ине де он, Ярофей, велел иноземцов призывать под государевскую высокую руку ласкотою и (милостию). А велел он, Ярофей, жить им (по своим) жителям и по рыбным ловлям. (И те му)жики, поверя ему, Ярофею, и (уверо)вали те гиляцкие мужики моево, Кузькина, призыву, почали жить по своим жителям и по рыбным ловлям, и промышляют оне, гиляки, себе корму. А из-за тово корму государю ясак промышляют, чтобы быть им, гилякам, в ясачном платежу.

А он, Ярофей Хабаров, да ясаул Василей Панфилов зделали обманом над гиляцкими мужиками и надо мною, Кузькою. И велел он, Ярофей, говорить и призывать ложно тех иноземцов. И тот Ярофей Хабаров иноземцов грабит, и в Гиляцкой земле делает шатость и непостоянство. А мне, Кузьке толмачю, оне, гиляки, впредь верить не будут. А разве ему, Ярофею, та Гиляцкая земля покинуть или впредь призывать подгосударевскую высокую

руку снова, и аманаты иметь новые? Да таких де аманатов новых не будет, потому что лутче тех в Гиляцкой земле князьцей нет.

А и ныне де вам мошно, служилым людем и охочим казакам, и...видеть, что оне всею Гиляцкою землёю своих князьцей гиляцких, Сергунчю с то-варыщи, (про)вожают с криком и плачем ... и оне, гиляки, своих князьцей (Гиляцкой сво)ей земли, и гоняючись, оне, гиляки, с войским по вся дни Гиляцкою землёю.

Да тово ж числа, мая в 19 день, являл во всё войское охочей вольной казак Дмитрий Назарьев Тютя на приказново человека на Ярофея Хабарова: грабит де он, Ярофей, государевых ясачных людей, гиляцких мужиков, и ловли рыбные, перемёты и уды поснимал, и пустошит он, Ярофей, Гиляцкую землю.

И будучи он, Ярофей, в Гиляцкой земле, твоей государственой казной, хмелем, торговал [написано: дорговал — Г. К.], и в безмены [написано: пезмены — Г. К.] и в фунты продавал. Безмен продавал хмелю по пяти рублёв, а фунт по два рубля. И от того он, Ярофей, корысть себе великую получал.

Да в Гиляцкой земле он, Ярофей, будучи у ясачного збору, тебе, государю, в ясачном зборе большую [написано: польшую — Г. К.] поруку учинил, добрые соболи и лисицы обводом у иноземцов покупал, а от твоей государственой казны отводил. И от тово он, Ярофей, себе корысть великую получал, а тебе, государю, тут ево, Ярофеево, нераденье.

А нас, государь, холопей твоих государевых, (не по де)лу и без вины бил и мучил, и в с(уде всякими му)ками с своими потаковщики, с служилыми людьми и с охочими вольными казаками, потому, чтобы твоё государево дело было тайно.

А служилым людем и вольным казакам будет у нас роспись, которые, государь, служилые люди и вольные казаки твоей государеве службе не радели, а ево, Ярофеевы, потаковщики, а у нас, холопей твоих, из живота за приставы мучили. И мы, государь, холопи твои государевы, от нево, Ярофея, и от ево потаковщиков, и бояся их, и видя [написано: витя — Г. К.] смерть свою, от них живот свой и дни окупали до твоего государева указа. И нас, холопей твоих, он, Ярофей, к себе закабалил и ввеки поработил, и доконца разорил.» [165]

Подавалась ли такая роспись, неизвестно. Больше о ней никаких упоминаний нет.

В конце изветной челобитной написано:

«И во 160 [1652] году, как мы, холопи твои государевы, поплыли из Куко-реева улусу на низ и, пловучи Дючерскою землёю, и проплыв Шингал реку, августа в 9 день, ходили мы, холопи твои, на улус Чиндария князьца да на свата ево Чекуная, князьца дючерсково. И, Божию милостию и твоим царским счастьем, поймали тут в улусе князьцеву жену, тово князьца Чиндария жену, а Чекунаеву сестру .

И после тово, государь, зимою, в марте месяце, приезжали было те князьцы дючерские в Гиляцкую землю к тебе, государю, с посыльщиком, тот Чиндарей князец (с ясаком) под жену свою. И приехали те князьцы Чюч(ерские зем)ли в Косогорной улус. И в то же время Косогорново же улу-

са приехал гиляцкой мужик к нему, Ярофею, и привёз тебе, государю, дорогово зверя, чёрную лисицу, в ясак. И почал просить тот мужик тово князьца Чиндария жену ево. И тот приказной человек Ярофей Хабаров тебе, государю, у тово гиляцково мужика в ясак чёрную лисицу взял, а князьцеву жену выдал. И тот гиляцкой мужик тому князьцу Чиндария жену ево отдал. И те князьцы дючерские поехали в свою землю, не платя ясаку тебе, государю. А под теми, государь, князьцами дючерскими Чиндареем и Чекунаем семьсот луков.

Да он же, (Ярофей, в) Гиляцкой земле нас, холопей твоих государевых, ро(спрашивал свои)м умышлением [с] своими потаковщиками: и как де вы, мужики, поплыли, и куды побежали, отчево? И мы, холопи твои государевы, в роспросе ему, Ярофею, говорили: а поплыли де мы, Ярофей, от твоево, Ярофей, нерадения и непостоянства, что ты царю не радеешь и постоянства нигде не де(лаешь). А нас, холопей государевых, ты, Ярофей, изгоняешь, мы де, холопи государевы, не пожалованы. Видя нерадение, и поплыли служить государю опричь тебя, Ярофея, своими головами.

И он нас, Ярофей, за те речи бил насмерть. И от ево, Ярофеевых, побой многие умирали.

А писал роспросные речи потаковщик ево, Ярофеев, Ивашко Прокопьев Посохов по ево, Ярофееву, научению, и как им надобет. И тем составошным своим оне писмом, хотят нас, государь, холопей твоих государевых, вконец погубить.

И впредь нам, холопам твоим государевым, с ним, Ярофеем, твоей государевы службы служить невозможно, потому что он, Ярофей, тебе, государю, не радееет.» [166]

Упомянутые здесь расспросные речи, которые писал Иван Посохов, не сохранились.

На этом заканчивается изветная челобитная, которую Стенька Васильев Поляков и его сторонники подали посланному из Сибирского приказа в амурское войско московскому дворянину Дмитрию Ивановичу Зиновьеву. С его приездом закончилась амурская служба Ерофея Павлова сына Хабарова на Амуре. О поездке Зиновьева на Амур, его пребывании там и об обратной дороге в Москву пойдёт речь в следующей главе.

Примечания

1. Ф. 214, ст. 460, л. 32—33.
2. Ф. 214, ст. 460, л. 33.
3. Ф. 214, ст. 460, л. 53—54.
4. Там же, л. 56.
5. Ф. 214, ст. 338, л. 265.
6. Ф. 214, ст. 460, л. 2.
7. Там же, л. 2—4.
8. Ф. 214, ст. 588, л. 91.
9. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. № 40, с. 94.
10. Ф. 214, ст. 338, л. 264.

11. Ф. 214, ст. 460, л. 2—3.
12. Ф. 214, ст. 460, л. 40.
13. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. 1991, с. 56.
14. Ф. 214, ст. 460, л. 4—5.
15. Леонтьева Г. А. Указ. соч. с. 63.
16. Ф. 214, ст. 460, л. 5.
17. Ф. 214, ст. 460, л. 52.
18. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 116.
19. Ф. 214, ст. 460, л. 27.
20. Там же, л. 54.
21. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 116—117.
22. Ф. 214, ст. 460, л. 56.
23. Там же, л. 51.
24. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 117.
25. Ф. 214, ст. 460, л. 56.
26. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 117—118.
27. Ф. 214, ст. 460, л. 55.
28. Там же, л. 56.
29. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке. М. 1974, с. 87.
30. Леонтьева Г. А. указ. соч., с. 63.
31. Алексеев А. Одиссея Ерофея Хабарова. // Амур — река подвигов. Хабаровск, 1970, с. 207.
32. Ф. 214, ст. 460, л. 56.
33. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 50, л. 85—85об.
34. Сын Отечества, СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 118.
35. Там же, с. 118—119.
36. Ф. 214, ст. 460, л. 56.
37. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 119.
38. Ф. 214, ст. 460, л. 89.
39. Там же, л. 34.
40. Ф. 214, ст. 460, л. 55.
41. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 119—120.
42. Ф. 214, ст. 460, л. 56.
43. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 120.
44. Допросы, сделанные Хабаровым даурцам, взятым в плен в 1651 году. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб, 1840. т. 27, № 105, с. 81—84.
45. Ф. 214, ст. 460, л. 38—40.
46. Ф. 214, ст. 338, л. 264.
47. Ф. 214, ст. 338, л. 260.
48. Там же, л. 264.
49. Там же, л. 264.
50. Ф. 214, ст. 338, л. 211.
51. Ф. 214, ст. 338, л. 212, 218.
52. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 8.
53. Ф. 214, ст. 338, л. 265.
54. Ф. 214, ст. 508. л. 33—34
55. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 92.
56. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 67.
57. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 46.
58. Ф. 214, ст. 460, л. 5-6.
59. ДАИ, т. III, СПб, 1948, док. № 102, с. 359—361.
60. Ф. 214, ст. 460, л. 6.
61. Алексеев А. Указ. соч., с. 209.
62. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 67—68.
63. Евгений Гонсович. Гора «Шапка» на Амуре. // Сибирский архив, № 12, декабрь 1913 г. Минусинск, 1913, с. 516—517.
64. Ф. 214. ст. 460, л. 58.

65. Ф. 214, ст. 460, л. 29.
66. Ф. 214, ст. 460, л. 30.
67. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 69—70.
68. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 102, с. 361—362.
69. Ф. 214, ст. 460, л. 6.
70. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 70.
71. Ф. 214, ст. 460, л. 35.
72. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 102, с. 362.
73. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 70—71.
74. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 102, с. 362—364.
75. Ф. 214, ст. 460, л. 6—8.
76. Ф. 214, ст. 460, л. 35—36.
77. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 102, с. 364—368.
78. Ф. 214, ст. 460, л. 36—37.
79. Ф. 214, ст. 460, л. 38.
80. Ф. 214, ст. 460, л. 8—9.
81. Ф. 214, ст. 427, л. 469.
82. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 73.
83. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 73, 74.
84. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 78.
85. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1020, л. 1.
86. Петров В. П. Албазинцы в Китае. Вашингтон, 1956, с. 10—11.
87. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 102, л. 369.
88. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 37.
89. Ф. 214, ст. 338, л. 264—265.
90. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв., т. 2. Владивосток. 1993, с. 27, примеч. 7.
91. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 123—125.
92. Там же. СПб, 1640, т. 1, кн. 1, с. 125—126.
93. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 299, л. 11об.
94. Сын Отечества. СПб, 1840, т. 1, кн. 1, с. 123.
95. Там же, с. 123.
96. Там же, с. 120—122.
97. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 101, с. 356—358.
98. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 30, № 63, л. 212—213.
99. Ф. 214, ст. 316, л. 106.
100. Ф. 214, ст. 344, ч. I, л. 83—84.
101. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 95, с. 346—347.
102. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 63.
103. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 95, с. 347—348.
104. Гонсович Евгений. Указ. соч., с. 516.
105. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 101, с. 358.
106. Ф. 214, ст. 361, л. 377—378.
107. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 42, л. 158.
108. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 94, с. 345—346.
109. ДАИ, т. III, СПб, 1648, док. № 101, с. 356—359.
110. Ф. 214, ст. 460, л. 9—12.
111. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 419, л. 55.
112. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 100, с. 354—356.
113. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 93, л. 42.
114. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1273, л. 1.
115. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 102, с. 369.
116. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 102, с. 369—370.
117. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 30, № 105, л. 287об.
118. Ф. 214, ст. 460, л. 12—14.

119. ДАИ, т. III, СПб, 1648, док. № 102, с. 370—371.
120. Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 96.
121. Амур — река подвигов. Хабаровск, 1983, с. 96.
122. Ф. 214, ст. 338, л. 20.
123. Ф. 214, ст. 411, л. 6.
124. Там же, л. 80.
125. Там же, л. 80.
126. Там же, л. 91.
127. Ф. 214, ст. 338, л. 249.
128. Там же, л. 45.
129. Там же, л. 42—44, 46—49.
130. Ф. 214, ст. 639, л. 202.
131. Там же, л. 205.
132. Там же, л. 229.
133. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 46.
134. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1023, л. 17—18.
135. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, л. 11.
136. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1020, л. 10.
137. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1021, л. 1—3.
138. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 93.
139. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1021, л. 4.
140. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1020, л. 1.
141. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 461, л. 22.
142. Там же, л. 23.
143. Ф. 214, ст. 338, л. 25.
144. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, л. 9—10.
145. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 419, л. 2.
146. Там же, л. 2.
147. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1181, л. 85.
148. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 99, с. 352.
149. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 419, л. 40.
150. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 30, № 71, л. 174об—175.
151. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 83.
152. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1062, л. 2—3.
153. Там же, л. 4—4об.
154. Там же, л. 5.
155. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 459, л. 66об—67.
156. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. № 11, с. 35.
157. Ф. 214, ст. 427, л. 466.
158. Там же, л. 467—469.
159. Алексеев А. Указ. соч., с. 215.
160. Ф. 214, ст. 344, ч. I, л. 172.
161. Ф. 214, ст. 460, л. 14.
162. Мелихов Г. В. Указ. соч., с. 97.
163. Ф. 214, ст. 427, л. 468.
164. Ф. 214, ст. 460, л. 14—16.
165. Там же, л. 16—22.
166. Там же, л. 22—23.

ПОЕЗДКА ДМИТРИЯ ЗИНОВЬЕВА НА АМУР. ПОБЕГ НА АМУР ПРОНЬКИ КИСЛОГО И ВАСЬКИ ЧЕРКАШЕНИНА

В 1652 году произошло событие, имевшее важное значение для судеб Амурского войска и даже, более того, для судеб русского присутствия на Амуре. На Амур был послан московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев. Наказная память ему не сохранилась. Целостного описания этого похода нет, представление о нём можно составить по отрывочным сведениям, содержащихся в различных документах.

У Г. А. Леонтьевой читаем:

«Своё назначение на Амур Зиновьев воспринял весьма неохотно: пугали большое расстояние, трудности и неизвестность дороги. Но сложность командировки окупалась. Обещали повышение по службе. К тому же доброжелатели недвумысленно намекали на возможность поправить материальные дела за счёт пушнины. Взвесив все за и против, Зиновьев согласился.» [1]

Напрасно какой-нибудь дотошный исследователь будет искать документы об этом, их просто нет. А утверждение Леонтьевой о том, что ехать на службу соглашались, взвешивая все за и против, не соответствует истине.

В наказной памяти А. Ф. Пашкову на воеводство в Даурской земле написано:

«Во 160 [1652] году по государеву [А. М.] указу послан был в Даурскую землю для подлинного разведывания про Даурскую землю Дмитрей Зиновьев, а с ним служилых людей 150 человек.» [2]

Служилые люди были набраны из разных городов. В грамоте тобольскому воеводе Василию Ивановичу Хилкову написано так:

«Указал есмя послати на нашу службу в новую Даурскую землю з Дмитрием Зиновьевым сибирских наших служилых людей:

с Верхотурья и с Туринского по десяти человек,

с Тюмени дватцать человек стрельцов,

ис Тобольска семьдесят человек,

из Сургута сорок человек казаков.

Всего сто пятьдесят человек.» [3]

Здесь необходимо обратить внимание на количество служилых людей, посланных с Зиновьевым. В наказе Афанасию Пашкову указано такое же количество:

«Во 160 [1652] году по государеву [А. М.] указу послан был в Даурскую землю для подлинного разведывания про Даурскую землю Дмитрией Зиновьев, а с ним служилых людей 150 человек. [4]

Этот же наказ, перепечатанный в сборнике «Русско-Китайские отношения в XVII в.» даёт другое количество служилых людей. [5]

В соответствии с этим у Г. А. Леонтьевой написано:

«Его [Зиновьева — Г. К.] отряд составил 330 человек.» [6]

И ещё в одном документе записано:

«В прошлом во 160 [1652] году, марта в 25 день, по государеву [А. М.] указу послан в Даурскую землю для подлинного разведывания про золотую и про серебряную руду Дмитрией Зиновьев. А с ним послано с Москвы, что дати в Даурской земле государева жалованья Ярку Хабарову золотой угорской, да служилым и охочим людем, двести новгородок золотых.» [7]

В другом документе написано:

«160 [1652] году, марта в 20 день, по государеву [А.М.] имянному приказу вверху дал боярин Илья Данилович Милославской Сибирского приказу дьяку Григорью Протопопову для посылки в Сибирь в новую в Даурскую землю, что давать сибирским служилым и охочим людем, которые ныне в Даурской земле с Ярком Хабаровым, государева жалованья двести новгородок да семь московок золотых счётом. А в те бы новгородок и московок место прислать золотыми в государеву Большую казну. И те ноугородки и московки приняты и в приказ записать.

А по государеву [А. М.] указу приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой послати в новую в Даурскую землю за службу Ярку Хабарову золотой червонец да служилым людем, которые с ним посланы на Лену, по новгородке. А охочим людем, которые с ним же, Ярком, вместе пошли и которые после тово к нему пришли, тем давать государево жалованья за их службу по московке золотой.» [8]

Дмитрий Зиновьев с дороги писал:

«В прошлом, государь, во 160 [1652] году, марта в 26 день, по твоему государеву [А. М.] указу послан я, холоп твой, на твою государеву [А. М.] службу в новую Даурскую землю в Албазин город.

А в наказе, государь, у меня, холопа твоего, написано: будет Ярко Хабаров и ленские служилые люди до моего, холопа твоего, приезде из Албазина города пошли наниз или вверх по реке Амуру, или иную которую реку, а пойдучи, будет, государь, оставили в Албазине городе ково твоих государевых людей, и мне, холопу твоему, велено тех твоих государевых служилых людей в Албазине городе распросить про всё подлинно, и отписать, государь, велено о всём подлинно к тебе, государю [А. М.] тотчас.» [9]

На тот случай, если Хабаров летом будет в Якутском остроге, Зиновьеву предписывалось предварительно заехать в Якутский острог.

«И будет Ярко Хабаров в Якуцком остроге, и ево, Ярка Хабарова, велено про Даурскую землю распросити. А будет ево, Ярка, в Якуцком нет, и

Дмитрею велено, приехав в Даурскую землю в Албазин город, или где ево, Ярка, с служилыми людьми съедет, сказать им государево милостивое слово и роздать им государево жалованье налицо, золотые.» [10]

Если Хабарова в Якутском остроге не будет, то в этом случае Зиновьев должен был получить сведения о Хабарове у воеводы Ивана Акинфиева. Как писал сам Зиновьев:

«Велено, государь, приехав в Якутцкой острог, и допросить Ивана Акинфиева про ленских служилых, про Ярка Хабарова с товарищи.» [11]

А енисейский воевода Афанасий Пашков добавляет:

«А велено ему ехать на реку Лену в Якутцкой острог, а из Якутцкого острогу в Даурскую землю в Албазин город наспех, не мешкая нигде ни за чем, чтоб ему, Дмитрею, и служилым людям, которые с ним будут, однолично в Даурскую землю поспеть одним летом, и про Даурскую землю вскоре тебе, государю, было ведомо.» [12]

В следующем документе описано, чем был обеспечен Дмитрий Зиновьев и служилые люди.

«В прошлом во 160 [1652] году, марта в 25 день, по государеву [А. М.] указу послан в Даурскую землю для подлинного разведанья про золотую и про серебряную руду Дмитрией Зиновьев.

А с ним послано с Москвы, что дати в Даурской земле государева жалованья Ярку Хабарову золотой угорской да служилым и охочим людям двесте новгородок золотых. Да для роздачи государева жалованья даурским человеком-иноземцом — два постава сукна полуаглинских.

Да с тем же Дмитрием послано было служилых людей розных городов 150 человек казаков. А для тоё даурские службы тем сибирским служилым людям дано государево денежное жалованье на два года, а хлебное на один год для скорого ходу, в тех городех, хто откуды послан.

Да з Дмитрием же велено отпустить ис Тобольска для даурские службы пятьдесят пуд зелья, свинцу тож. Да для расходов даурских иноземцов — сто вёдр вина горячего. Да ему, Дмитрею, велено дать государева жалованья хлебных запасов в Тобольску 15 чети муки ржаные, 5 чети круп и толокна, пятнатцать вёдр вина горячего.

В Енисейском остроге ему ж, Дмитрею, велено дать пятнатцать чети круп и толокна.

Да на Москве дано ему, Дмитрею, для тоё даурские посылки в Приказе триста рублёв денег.» [13]

Обратим внимание, что здесь о семистах московках золотых, предназначенных для награждения, не сказано.

Спустя некоторое время после отъезда Зиновьева в Сибирский приказ приехали казаки из Якутского острога и сообщили некоторые вести о Даурской земле, а также о Зиновьеве.

«Мая в 18 день [1652 г.] приехали ко государю [А. М.] к Москве из Сибири, с Лены, из Якуцкого острогу казаки Селиванко Харитонов да Кирилко Терентьев. А в Сибирском приказе боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком Григорью Протопопову, да Третьяку Васильеву в роспросе сказали:

По государеву де указу в прошлом во 159 [1651] году приехал в Якуцкой острог стольник Иван Акинфов, августа в 31 день.

А служилых и охочих людей, Ярка Хабарова с товарищи, которые в Даурскую землю посланы, он, Иван, в Якуцком остроге никою не заехал. И где ныне Ярко в Даурской земле, и что у него делаетца, про то де в Якуцком остроге неведомо. И по их, Селиванков и Кирилков, отпуск нынешнего 160 [1651] году, по 12 число, из Даурской земли от Ярка Хабарова в Якуцкой острог никто не бывал же. Роспросить было Ивану Окинфому про Даурскую землю некую.

А они де про Даурскую землю слыхали, что ходу от Якуцкого острогу до Даурские земли наскоро водяным путём, Олёкмою и Шилкою реками, и малыми реками, девять недель. До волоку итти дощаниками невеликими пять недель. А волоку итти неделя. А перешед волок, делают струги и идут в них до Даурские земли три недели.

А Даурская де земля пространна и многолюдна, и хлеб в ней, oprичь ржи, всякой родитца, и напахано ево много. Всяких де ныне русских людей в Даурской земле человек с четыреста. А все сыты без нужи. И соболей в Даурской земле много ж. А про иной зверь они не ведают, потому что сами там не бывали и ни от кого про то не слыхали.

А про то, что серебро и товары: отласы и бархаты, и камки, и кумачи, и диньяки, и зендени в Даурской земле есть, они не слыхали. А тут ль то серебро и товары родятца, или откуда привозят, и про золото, что в Даурской земле, или инде блиско Даурские земли есть ли, того де они не слыхали же.

Да Селиванко ж и Кирилко сказали: как де они из Якуцкого острогу поехали, и по то время в Якуцком остроге всё здорово. А отпустил де Иван Акинфов из Якуцкого к Илимскому острогу в нынешнем во 160 [1651] году, сентября в 12 день. И ехали они до Илимского острогу четыре недели. И тут осеновали. А как реки стали, и они пошли из Ылимского до Енисейского острогу нартами, шли девять недель. А потому шли мешкотно, что путь был нужной, по Тунгуске был, а прибылая вода, и лёд вломало, и нартами было итти нельзя, и стояли не в одном месте, дожидаячи морозов.

А пришли они в Енисейской острог на рожество Христово. А в Енисейском жили неделю. И из Енисейского острогу до Тобольского уезду, до Самаровы[х] гор, шли нартами ж восемь недель.

А в Тоболеск пришли от Самаровых гор марта в 9 число. А в Тобольску жили три дни. А ис Тобольска отпущены марта в 13 числе. И ехали саньми до Устюга Великого. А на Устюг приехали на Вербное воскресенье.

А з Дмитрием де Зиновьевым розъехались меж Устюга Великого и Соли Вычегоцкой в ночи, не упомянут которого числа, потому ево и не видали, что в ночи розъехались. А которые проводники отпущены были з Дмитрием Зиновьевым с Устюга Великого до Соли Вычегоцкой, на Устюг приехали и им сказывали, что до Соли Вычегоцкой едучи, Дмитрий Зиновьев утопил две лошади. А у Соли де Вычегоцкой Дмитрий стоял три дни, для того, что был дождь великой, и ехать было нельзя. А в четвёртой де день дорога примёрзла и Дмитрией от Соли поехал на Страстной неделе. А которого числа и до коих мест зимнею порою доедет, тово де они не ведают.

А они де, Селиванко и Кирилко, завесновали на Устюге Великом. Ехали с Устюга до Москвы три недели. А к Москве приехали мая в 18 число. А всего ехали восемь месяцев.» [14]

В ямской книге Соли Вычегодской за 160 [1651-1652] год есть запись о Селиванке Харитонове и Кирилке Ванюкове.

«Апреля в 6 день [1652 г.] ехали из Сибири к Москве с великие реки Лены из Якутцкого острогу якутские служилые люди Селиванко Харитонов Кирилко Ванюков.

Писано им по подводе человеку. А посланы они ко государю к Москве с отписками наскоро.

Печать у подорожные государева: Царства Сибирского новой земли, что на великой реке Лене Якутцкого острогу, приложил стольник и воевода Иван Павлович Акинфов. Припись дьяка Осипа Степанова.» [15]

А на следующий день сделана запись о Дмитриии Зиновьеве.

«Апреля в 7 день [1652 г.] ехал с Москвы в Сибирь по государеве по московской подорожной до Даурские земли и до Албузина города Дмитрей Зиновьев.

Писано ему с Москвы и назад до Москвы двенадцать подвод да подьячему Алексею Морсочникову четыре подводы с санями и с проводники. А водяным путём — судно и гребцы, счётчи против подвод, вверх реки — в двое. А буде водяным путём место уско, большему судну пройтить нельзе, и велено им давать суды и кормишки, и гребцы, на чём мошно поднятца.

Печать у подорожной государева: орёл двоеглавой. Число в подорожной — 160 [1652] году, марта в 23 день. Отпущен по памяти за приписью дьяка Григорья Протопопова.» [16]

Несмотря на то, что всем воеводам было указано отправлять Дмитрия Зиновьева «безо всякого мотчанья», быстрой езды не получилось. Зиновьев писал в Москву:

«И в прошлом, государь, во 160 [1652] году мне, холопу твоему, в Албазин-город некоторыми делы поспешить было немочно. Учинено, государь, мне, холопу твоему, в городех мотчанье многое за подводами и за судами, и за служилыми людьми, и за запасы. А в котором, государь, городе мне, холопу твоему, что учинено, и о том, государь, я, холоп твой, к тебе, государю, писал Якутцкого острогу с сыном боярским с Парфёном Холыревым.» [17]

В другой отписке он жаловался:

«А посланы, государь, со мною, холопом твоим, служилые люди самые бедные, и многие стары, и увечны.» [18]

Сообщали в Москву о Зиновьеве и воеводы. Енисейский воевода Афанасий Пашков писал:

«В прошлом, государь, во 160 [1652] году, августа в 5 день, по твоему государеву [А. М.] указу отпустил я, холоп твой, из Енисейсково к Ылимскому острогу на твою государеву службу в Дауры Дмитрея Зиновьева с служилыми людьми.» [19]

А илимский воевода Богдан Оладыин сообщал о прибытии в Илимский острог:

«А Дмитрей Зиновьев и [с] служилыми людьми, которые посланы на

твою государеву службу в новую Даурскую землю, приехали Илимского волоку в Ылимской острог в нынешнем во 161 [1652] году, сентября в 12 числе.» [20]

Как проходил поход из Енисейского острога в Илимский, описали в своей челобитной служилые люди, которые были посланы с Дмитрием Зиновьевым из Верхотурья, Туринского острожка, Тюмени, Тобольска и Сургута. Челобитная эта была написана уже после отъезда Зиновьева с Амура в Москву.

«В прошлом, государь, во 160 [1652] году по твоему государеву [А. М.] [указу] и по твоим государевым грамотам посланы мы, холопи твои, на твою государеву службу на великую реку Амур в новую Даурскую землю с твоим государевым дворянином Дмитрием Зиновьевым.

И по твоему государеву указу велено, государь, нам, холопам твоим, имать твоё государево хлебное и соляное жалованье на прошлой 161 [1652—1653] [год] в Енисейском остроге у твоего государева воеводы Афонася Филиповича Пашкова. И мы, государь, холопи твои, то твоё государево жалованье хлебное и соляное, свои оклады, имали сполна на прошлой же 161 год.

А он, Дмитрий Зиновьев, имел в Енисейском остроге по твоему государеву указу под твою государеву казну и под нас, холопей твоих, суда мелкие, старые, худые. А мы, государь, холопи твои, в те суды по ево, Дмитриеву, велению стали грузиться. И наших хлебных запасов те суда не подняли, и в тех судах все хлебные запасы подмокли. А тот Дмитрий Зиновьев взял дощаники под свои запасы добрые. А в тех, государь, старых судах мы, холопи твои, вошли по 3 и по 4 человека самых нужных, худых.

А идучи, государь, нас, холопей твоих, он, Дмитрий Зиновьев, бил и увечил, и по ночам на порогах велел взниматься, и безпеременно велел итти теми худыми судами. А достальные наши запасы перетонули ево, Дмитриевым, изгонением, крупа и толокно погнило. И те гнилые запасы пометали.» [21]

Для сравнения заметим, что на этот путь Дмитрий Зиновьев затратил на 8 дней больше, чем в 1645 году якутский воевода В. Н. Пушкин, когда он шёл на воеводство и вёз с собою на поселение в пашню 20 семей ссыльных черкасов с жёнами и с детьми, хлебные запасы и пашенный завод.

Суда, на которых пошёл в Илимский острог Дмитрий Зиновьев с служилыми людьми, после разгрузки были отогнаны обратно в Енисейский острог. Воевода Афанасий Пашков сообщил в Москву:

«А по суды, государь, и под всякие судовые снасти, которые даны были под нево, Дмитрея, и под служилых людей, посылал я, холоп твой, из Енисейского в Ылимской острог служилых людей, десятника казачья Мишку Шатилова с товарищи. Как он, Дмитрей, и служилые люди под Илимским острогом из судов выгрузятся, и те твои государевы суды велел я, холоп твой, взять и отправадить в Енисейской острог впредь для твоих государевых служеб и всяких посылок.

И в нынешнем, государь, во 161 [1652] году, октября в 2 день, енисейские служилые люди, которые по те твои государевы суды в Ылимской острог

посыланы были, десятник казачей Мишка Шатилов с товарищи, те твои государевы суды от Илимского острога до Енисейского доправадили.» [22]

Таким образом, на путь из Илимска до Енисейска водным путём требовалось примерно двадцать суток.

Енисейский воевода Афанасий Пашков предполагал, что Дмитрий Зиновьев пойдёт в Дауры зимним путём, и сообщил в Москву:

«А по скаске, государь, промышленных людей, которые хаживали на соболиные промыслы с великие реки Лены рекою Олёкмою, будет де Дмитрией Зиновьев пойдёт зимним путём по реке Олёкме з завозными запасы нартным ходом, и ему де, Дмитрею, в нынешнем во 161 [1652–1653] году зимним же путём в Дауры дойти мочно.» [23]

Однако же это было небезопасно, и такая спешка вряд ли была оправданной. Да и на деле получалось всё гораздо медленнее. Илимский воевода Богдан Оладьин получил грамоту о поездке Дмитрия Зиновьева в Дауры лишь за девять дней до его прибытия в Илимский острог. Вот что сообщал воевода в Москву:

«В прошлом, государь, во 160 [1652] году, августа в 21 день, прислана твоя государева грамота за приписью дьяка Григорья Протопопова ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог Якутцкого острогу с пятидесятником с Микифором Аргамаковым. <...>

И велено мне, холопу твоему, до Дмитриева приезде Зиновьева и служилых людей для их отпуску с Лены в Даурскую землю суды делати тотчас, какие к тому ходу надобно.

А как Дмитрией Зиновьев с служилыми людьми из Енисейского острогу на Ленской волок приедет, и мне, холопу твоему, тотчас велеть Илимского острогу служилым и посадцким, и всяким людем, и пашенным крестьяном на подводах перевести ево, Дмитрея, и служилых людей с Ленского волоку на Лену реку со всем тотчас. И дав ему, Дмитрею, и служилым людем, и под их запасы, лёхкие суды, в чём им мочно поднятца, отпустить в Даурскую землю без замотчания, чтоб де Дмитрею поспеть тем летом в Даурскую землю.» [24]

2 сентября 1652 года илимский воевода Богдан Оладьин получил ещё одну грамоту. О её содержании он писал:

«И в той твоей государеве грамоте написано мне, холопу твоему, тотчас послать на Илимской волок Илимского острогу служилых людей и пашенных крестьян, сколько человек пригож, и велеть им от Илимского острогу до Лены реки для воски твоих государевых хлебных запасов и ленской твоей государевы соболиной казны и для даурской службы через Ленской волок твоих государевых служилых людей, которые посланы будут в Даурскую землю, на грязех и на болотах помостить мосты добрые, чтоб впредь <...> на Илимском волоку на грязех и на болотах мешкоты ни за чем не было.» [25]

Воевода доложил, что это он исполнил:

«И на Илимской волок Илимского острогу служилых людей и пашенных крестьян посылал от Илимского острогу до усть Муки реки для воски твоих государевых енисейских запасов и ленской твоей государевы казны, и для

даурской службы на грязех и на болотах помостить мосты добрые до Дмитриева приезде Зиновьева и служилых людей.» [26]

На деле же выполнить эту работу уже не оставалось времени. Через пять лет после приезда Зиновьева, в 165 [1657] году илимские крестьяне подавали в Сибирском приказе челобитную об ямской гоньбе. Трудности, которые выпали на их долю всвязи с приездом Зиновьева, они ещё не забыли. Они писали:

«Да в прошлом, государи, во 161 [1652] году по твоему государеву указу прислан с Москвы в новую Даурскую землю Димитрей Зиновьев со служилыми людьми. Да в то же время ехал с Москвы в Якуцкой острог ваш государев стольник и воевода.

Богдан Оладьин по нас, сирот, розослал из Ылимского острогу служилых людей по всем заимкам от Верхоленского до Чичюйского волоку. С коньми всех выбили без отатков.

И мы, сироты ваши, покиня свои пашнишка и домишка, и хлеб весь на полях не собрав, и сенишка были в тоё [время] не ставлены. А из дальних, государи, заимок от Верхоленского и с Тутуры, и Чичюйского, волочась с коньми до Илимского острогу, многие лошади попристали.

А как, государи, мы, сироты, приволоклися в Ылимской острог, и на тех, государи, лошадах возили за волок Дмитрия Зиновьева и служилых людей, и их многия запасы, и стольника и воеводы Михаила Лодыженского, и ево хлебные и винные запасы.

И те наши лошадёнка на волоку изпристали, а семьдесят лошадёнок на волоку пало. А те, государи, кони мы, сироты ваши, покупали дорогой ценой, рублёв по дватцати и больше.» [27]

В другой челобитной они писали:

«И те, государи, наши заимки от Ленского волоку удалели. От Верхоленского, государи, острогу до Илимского острогу езды конного недели три в одну сторону. А переезды, государи, промеж заимок дальние. Ночуем на пустом месте ночей по пять и больше.» [28]

А мосты они мостили через два года после отъезда Дмитрия Зиновьева.

«Да в прошлом же, государи, во 163 [1655] году по приказу воеводы Богдана Оладьина мы ж, сироты, пашенные крестьянишка, мостили мосты от Илимского острогу через весь Ленской волок на грязех и через болота, и через речки, и протоки, на десятину сажен по сту и больше, чтобы вашей государеве якуцкой и даурской, и ленской соболиной казне летним путём застою и порухи не было.» [29]

«На десятину» — значит на окладную пашенную государеву десятину.

Трудно предположить, что илимский воевода Богдан Оладьин верил в возможность «поспеть тем летом в Даурскую землю.» Однако, он проявил немало находчивости, чтобы переправить Зиновьева на Лену и вытолкнуть его из пределов Илимского воеводства. Оставлять Зиновьева со служилыми людьми зимовать на Илимском волоке было не в его интересах. Кроме того, он должен был показать, что выполнил государев указ. Да и сам Дмитрий Зиновьев спешил. Воевода сообщал в Москву:

«И я, холоп твой, велел [с] служилых и посацких, и со всяких людей, и с

пашенных крестьян, сколько было подводишек, все безостатку собрать. И за Ленской волок Дмитрия Зиновьева и служилых людей, и их запасы без замотчанья перевезли в нынешнем же во 161 [1652], сентября в 18 число.» [30]

Как это удалось, воевода объясняет:

«А которые, государь, запасы те служилые люди, едучи из Енисейска, подмочили своё, и те топлые и мокрые хлебные запасы, и соль пришла с ним, Дмитрием Зиновьевым, и с служилыми людьми к Ленскому волоку, и через Ленской волок тех их хлебных запасов и соли на выюках перевести было для подводные пути невмочь, потому что путь стал заморозной.

И ево, Дмитриева, полку служилые люди били челом тебе, государю, а мне, холопу твоему, подали за своими руками челобитную. А в челобитной их написано, чтоб ты, государь, пожаловал их, служилых людей: для тоё твоей государевы даурской службы и для подводной нужной выючной воски велел бы те их топлые и мокрые хлебные запасы и соль переменить, а в тех их запасов место дать бы ис твоих государевых житниц на Лене реке молотой ржаной муки и соли ис твоих государевых анбаров на усть Куты реки в Усолье.» [31]

Об этом же писал писал и Дмитрий Зиновьев, правда, он не упоминает, что запасы были «топлые и мокрые»:

«И в нынешнем, государь, во 161 [1652] году, сентября в 12 день, пришёл я, холоп твой, в Илимской острог [с] служилыми людьми. И в Ылимском, государь, остроге подводы у твоих государевых пашенных крестьян все перемучены. И служилые, государь, люди от работы тяжёлова судовова ходу многие были больны ногами и руками. И поднятца было, государь, за волок мне, холопу твоему, [с] служилыми людьми и з запасы некоторыми делы немочно и до половины зимы.

И воевода, государь, Богдан Оладьин по челобитью служилых людей и пашенных твоих государевых крестьян Илимского острогу у служилых людей запас в твою государеву казну принял, а иной, государь, запас роздал твоим государевым илимским крестьяном, что перевесть, государь, за волок было не на чем. И велел, государь, служилым людям вместо тех их запасов дать твой государев запас и крестьян пашенных на великой реке Лене, которые, государь, имали на меня в Ылимском остроге у служилых людей.» [32]

Конечно, такое решение было единственно верным. Перевозка хлебных запасов выючным способом на устье Муки, а затем погрузка на плоты в осеннее мелководье, новая перегрузка на Лене в дощаники потребовала бы не только многих усилий, но, главное, обернулась бы потерей времени. Тем более, это справедливо по отношению к соли. Илимск ведь обеспечивался солью с усть-кутского Усолья. Везли её крестьяне. В той же челобитной 1656 года они писали:

«И тоё соли от усть Куты и за Ленской волок в Ылимской острог возим мы же, сироты, на своих конех, на год по тысячу пуд и больши.» [33]

Далее воевода Богдан Оладьин сообщал:

«А как, государь, Дмитрея Зиновьева и служилых людей, и с их запасы через Ленской волок служилые и посадские, и всякие люди, и пашенные

крестьяне на своих подводишках на вьюках перевезли, и у них, служилых и посадских людей, и у пашенных крестьян в тою пору многие лошадёнка попадали, а иные надсажены и обезножили. Из дальних мест гонены, потому что пора была заморозная и трудновато было.» [34]

Новый якутский воевода Михаил Лодыженский прибыл на Ленский волок несколько раньше Дмитрия Зиновьева. Благодаря этому крестьяне оказались в сборе на Ленском волоке.

А на Лене в это время уже начали готовить суда для предполагавшейся отправки в Дауры полка князя Побанова-Ростовского, но их пока было недостаточно. Богдан Оладыин писал:

«А которые суды к той твоей государеве даурской службе к тому ходу надобны, до ево Дмитриева приезде и служилых людей изготовлены. И он, Дмитрей Зиновьев, и с служилыми людьми государевых три дощаника, да что у торговых и у промышленных людей по цене взяты шесть дощаников, и судовых варовых снастей, и якори ис твоей государевы казны я, холоп твой, велел дать.» [35]

И далее:

«А у которых, государь, у торговых и промышленных, и у всяких людей суды, дощаники и каюки промышленные, взяты для твоей государевы даурские скорые службы потому, что твои государевы грамоты ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог присланы поздно, до Дмитриева приезде Зиновьева за полтретью [2,5] недели и меньше. И к той твоей государеве даурской скорой службы твоих государевых судов делать было не в кою пору.» [36]

Обменные хлебные и соляные запасы на Лене Дмитрий Зиновьев получил. Богдан Оладыин сообщал в Москву:

«И он, Дмитрей Зиновьев, писал ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог. А в отписке ево написано: обменные хлебные запасы из твоих государевых анбаров в Усолье и у посадских людей, и у пашенных крестьян на их заимках молотые хлебные запасы и с мехами, и твои государевы готовые суды добрые ленские, которые к тому ходу надобны, и судовые снасти взяли.

И из Ылимского уезду по великой реке Лене в Даурскую землю он, Дмитрей Зиновьев, и с служилыми людьми пошел. А задержанья, государь, ему, Дмитрею, никакова не учинил я. А приехал он из Енисейска позно, в заморозную пору, по рекам лёд шёл.» [37]

А Дмитрий Зиновьев сообщал в Москву:

«И сентября ж, государь, в 26 и в 27, и в 28, и в 29, и в 30 числах тот запас служилым людям на великой реке Лене приказной человек Василей Скоблевской да целовальники и крестьяне отдали. И недостало, государь, запаса ста сорока пуд за крестьянскою бедностью.» [38]

Служилые люди позже жаловались, что мука была горькой. В уже упомянутой челобитной они писали:

«А которые, государь, достальные запасы довели до Ленского волоку, в Илимском острожке в твою государеву казну отдали твоему государеву воеводе Богдану Денисовичю Аладыину. А за те запасы велел нам твой госу-

дарев воевода Богдан Денисьевич Аладьин иматъ на Киренге у приказного человека Василья Скоблевского запасы. И тот запас нам, холопам твоим, давал он, Василей Скоблевской, горькой за муку ржаную.» [39]

О том, что оставленные в Илимском остроге хлебные запасы были «топ-лые и мокрые», служилые люди не писали.

Богдан Оладьин сообщал:

«Он, Дмитрий Зиновьев, и с служилыми людьми пошёл из Ылимского уезду в нынешнем во 161 [1652] году, сентября в 30 день.» [40]

Идти уже смысла не было, осень кончалась, наступала зима. Дмитрий Зиновьев писал:

«А пошёл, государь, я, холоп твой, из Ылимского острогу в заморозы. И реками, государь, с усть речки Муки по реке Купе и по Куте, и по великой реке Лене плыл в льду до Захаровы заимки. И великая, государь, река Лена стала ноября в 1 день, и ходу, государь, судового не стало. Лдом, государь, почало суды портить.

И у многих, государь, у служилых людей, пловучи по рекам по Купе и по Куте, плоты лдом розбивало на мелях. Во многих, государь, местех плоты становились. И с мелей, государь, наги служилые люди плоты снимали и переделывали. И у многих, государь, у служилых людей руки и ноги лдом перепортились.» [41]

Упомянутая здесь Захарова заимка, ныне Петропавловск, находится в 94 километрах ниже Киренска и в 28 километрах ниже Чечуйска. Зимовать в Чечуйске Дмитрий Зиновьев не стал, видимо, потому, что там уже остановился на зимовку новый якутский воевода Михаил Лодыженский.

А в другой отписке Дмитрий Зиновьев сообщал:

«А замороз, государь, почал быть сентября в 13 день. А река, государь, Лена почала становитьца октября в 1 день. Пошёл большой лёд и судового, государь, ходу не стало. И вода, государь, в реке Лене стала мелка. Во многих местех стали дощаники ставитьца. И льдом, государь, дощаники многие испобило. И служилые, государь, люди с мелей снимали дощаники наги. И у многих, государь, у служилых людей руки и ноги лдом перепортило.

И служилые, государь, люди били челом тебе, государю [А. М.], а мне, холопу твоему, подали челобитную за руками, чтоб ты, государь, их пожаловал: не велел им тем путём нужным итти, и велел им зимовать в жилом месте ниже Чичуйсково волока в Захарове заимке твоео пашенново крестьянина.

И я, государь, холоп твой, розпрашивал служилых людей Якуцкого острогу и Чечуйсково верново твоео государева целовальника, Якуцкого уезду твоих государевых пашенных крестьян, и промышленных и торговых людей. И твои, государь, государевы служилые люди Якуцкого острогу и целовальник, и пашенные крестьяня, и торговые, промышленные люди мне, холопу твоему, сказали, что некоторыми, государь, делы итти немочно, река де, государь, Лена ниже тоё Захаровы заимки в щёках стала.

И я, государь, холоп твой, и пот тою Захаровою заимкою по челобитью служилых людей стал зимовать.

А Михайло, государь, Лодыженской стал зимовать на Лене за две недели

до моего, холопа твоего, приезду на Чечуйском выше меня, холопа твоего, дватцать вёрст.» [42]

В этой же отписке Зиновьев сообщал, что «милостию Божьею и твоим государевским счастьем твои государевы служилые люди все здоровы.»

Отписку Дмитрий Зиновьев писал 24 ноября 1652 года.

Решение остановиться на зимовку он, видимо, принял на Чечуйском волоке после расспросов живших здесь людей.

Упомянутые Зиновьевым щёки начинаются примерно в 180 километрах ниже деревни Захаровой. Там река Лена, пробив себе русло через каменный хребет, на протяжении 10—15 километров течёт в узком извилистом ущелье с большой скоростью. Встречные суда проходят по нему поодиночке, пережидая друг друга. Место это славится своей дикой красотой. Все пассажиры выходят на палубу любоваться чудом природы.

Точную дату остановки на зимовку Дмитрий Зиновьев не указал. Воевода Богдан Оладьин писал, что Зиновьев пошёл из Илимского уезда 30 сентября. Видимо, это дата отплытия из Усть-Киренского погоста — место пребывания приказчика киренских пашенных крестьян Василия Скоблевского. Отсюда до Захаровской заимки расстояние, как уже было сказано, 94 километра. Даже при самых неблагоприятных условиях, при ледоходе, на этот путь потребовалось бы не более двух дней.

Но на этом связи между воеводой Богданом Оладьиным и Дмитрием Зиновьевым не закончились. В отписке в Москву Богдан Оладьин сообщал:

«И в нынешнем же, государь, во 161 [1652] году, декабря в 5 день, [дата получения] писал ж с Лены из Якутцкого уезду, из заморозу, з Захаровы заимки Дмитрией Зиновьев ко мне, холопу твоему, в Ылимской острог о судовых снастях на прибавку и о якорях.

И я, холоп твой, по ево, Дмитриееве, отписке послал к нему, Дмитрею, на Лену в замороз в зимовье два якоря железных добрых. А варовых судовых снастей дал ему, Дмитрею, из Ылимского же острогу.» [43]

А служилые люди в уже упоминавшейся челобитной писали:

«И доплыли, государь, мы, холопи твои, до Чичуйского волоку, до заимки пашенного Захара Игнатьева [Малышева — Г. К.]. И тут, государь, нас, холопей твоих, замороз взял, плыть стало нельзя.

А он, Дмитрией Зиновьев, хлебной запас перепечатал, счётчи у нас, холопей твоих. И живучи, государь, мы, холопи твои, зимою покупали хлебные запасы дорогою ценою, последние свои зипуны и шубы продавали, и обдолжали великими долги. А которой хлебной запас у нас, холопей твоих, перепечатал, и тот хлебной запас есть нам не давал.» [44]

Потомки упомянутого здесь пашенного крестьянина Захара Игнатьева Малышева и сейчас живут в Киренском районе.

Во время зимовки произошла встреча Дмитрия Зиновьева с служилыми людьми, которые шли от Хабарова с отписками в Москву. От них Зиновьев получил известия о Хабарове.

«И в нынешнем, государь, во 161 [1652] году, декабря в 17 день, пришли, государь, ко мне, холопу твоему, в Захарову заимку из Якуцкого острогу два человека служилых людей, которые были в Даурской земле с Ярком Хаб-

ровым, что прислал, государь, их Ярко Хабаров из Даурские земли к тебе, государю, с отписками в Якуцкой острог, Филька Самсонов да Серёшка Ондреев.

И я, государь, холоп твой, тех даурских служилых людей про Ярка Хабарова спрашивал, в Албазине ль городе он ныне. И они, государь, мне, холопу твоему, сказали, что Ярка, государь, Хабарова и ленских служилых твоих государевых людей никою в Албазине городе нет. А как де, государь, они вышли из Албазина города, и тому, государь, будет два года Петрова говейно нынешняго 161 [1652] году. И после де тово они в Албазине городе не бывали.

А Ярко де, государь, Хабаров послал их, Фильку да Серёшку, к тебе, государю, в Якуцкой острог с Амуру, с усть Зеи реки. А он де, государь, с усть Зеи поплыл наниз по Амуру зимовать в гиляки, для того что зимовать де, государь, ему было на усть Зеи не с кем в том людном месте. А с тем де, государь, Ярком людей только двести человек.

На лето де, государь, хотел он, Ярко, быть вверх по Амуру на то же устье реки Зеи.» [45]

К этой отписке Дмитрий Зиновьев приложил расспросные речи:

«161 [1652] году, декабря в 17 день, Дмитрей Иванович Зиновьев даурских служилых людей Фильку Самсонова, Серёшку Ондреева расспрашивал. И в роспросе Филька да Серёшка сказали:

В Даурской земле золота и серебра, и камня дорогого в Богдойской земле, и жемчугу нет. Золото и камень дорогое, и жемчуг, и серебро родитца в Никанском царстве.

А реки Нона ниже богдойского города нет, и не слыхали, что в Амур пала.

А острошку на Тугире Ярко не ставливал. Только тут два зимовья старые поставлены до нево.

А выласки у князь Лавкаева городка не было. А была де выласка из Албазина города.

А на усть Шилки реки на великой реке Амуре Ярко острогу не ставливал.

А ясаку при нас даурские князья не даывали, и не слыхали, что хотят давать.

А хлеба в Албазине городе нет. А что было хлеба, и то зимою мы войском съели. А хлеба у даурских людей мочно сыскать, чем прокормить государевых людей год, тысяч пять или шесть.

А на Силиме реке про серебро в горе не слыхали. И про караул у тоё горы не слыхали. И про ближние пути к горе не ведаем, и не слыхали. А на Силиме реке людей збирал [не дописано] и жемчугу, и камня, и золота, и с[ере]бра, и чёрных нет же. А олово и железо, и медь, и свинец родитца ли, или нет, того не ведаем. А в домах иноземских суды оловянные и медные, и свинец, и железо нахолили.

А князь Тимур-улан станет ли ясак давать, или нет, того не слыхали.

Да они ж сказали: Енисейского городка казак Костя Иванов был у Ярофея в толмачах, да промышленной человек Стенька Поляков был в ясаулах.

Да якуцкие служилые люди Семейка Ортемьев Сажин, да илимской

служилой человек Ивашко Васильев сын Поляков, да старец, подговоря вольных охочих служилых людей, с великие реки Амура, с усть реки Зеи, от Ярофейка Хабарова и войска, сто тритцать человек, и с ними на трёх дощаниках отвали[ли] прочь и пошли вниз по Амуру собою, и учинили государеву делу поруку большую.

И иноземцы, даурские люди, хотели было дать ясака две тысячи соболей, и он де, Костка с товарищи, ясака им государю давать не велели И даурские князьцы назавтрее отва[ду] привезли Ярафею сто соболей. И Ярофею, и всё войско, и иноземцы, даурские люди, про ево, Косткин, заказ сказали и насмеялись: покажите де нам посла, поставя на дощаничной нос, велик ли он, или мал.

Да он же, Коска с товарищи, с судов своих казну государеву — пушки и свинец, и порох — пометали на берегах, а иные в воду. И Ярофей с товарищи, не хотя государеве казны покинуть на берегу и в воде, взял к себе. А иную государеву казну — свинец и порох, и куяки — он, Костка, взял с собою.

И только осталось у Ярофейка служилых людей двесте человек. И только бы Костка не своровал, от Ярофейка не отъехал, и ему было, Ярофейку, зимовать на усть реки Зеи в семи днищах ниже Амурского волоку. А ныне станет зимовать в гиляках, ниж [е] устья реки Зеи десятеры сутки.» [46]

В этой отписке допущена ошибка вместо Стеньки Васильева Полякова упомянут какой-то илимский служилый человек Ивашко Васильев сын Поляков.

По поводу этих расспросных речей Б. П. Полевой писал:

«Присланные с Амура от Хабарова казаки Филипп Самсонов и Сергей Ондреев пытались по заданию Хабарова оклеветать С. В. Полякова, К. Иванова и их спутников.» [47]

Если Б. П. Полевой предполагал, что казаки давали показания с учётом какого-то задания Хабарова, то нужно было бы сделать оговорку о своём предположении, ибо никаких документов о задании не существует.

В таможенной книге Якутского острога за 161 (1652—1653) год есть запись о взятии с Фильки Самсонова и Серёжки Андреева десятой пошлины с их мягкой рухляди.

«Сентября в 26 день [1652 г.] новой даурской земли у новоприборново служилого человека у Фильки Самсонова с погромных ево з даурских с пятидесят пластинишек и соболишек без лап и без хвостов, с вешних, с худых с прелых, и драных, по оценке с пятинатцати рублёв, десятой рубль шеснатцать алтын четыре деньги взято.

Того ж дни у даурсково ж новоприборного служилого человека у Сергушки Андреева убитого отца ево Ондрюшки Пермяка статков, с ево промыслу, дву соболей с хвосты да с ево, Сергушкиных, з даурских с погромных с пятидесят пластинишек и соболишек без лап и без хвостов, с вешних, худых и прелых, и драных, по оценке со штинатцати рублёв с полтиною, десятой рубль дватцать один алтын четыре деньги взято.» [48]

В этот же день они были отпущены в Москву с отписками. Об отпуске есть запись в приходной книге Якутского острога за 161 (1652—1653) год:

«Сентября в 26 день [1652 г.] отпущен вверх по Лене, мимо Илимской

и Енисейской остроги, к Русе даурской новоприборной служилой человек Филька Самсонов.

А с ним погромной мяжкой рухляди пятьдесят пластинишек собольих и соболишек худых, девяносто хвостов собольих. А Якутцково острогу по таможенной оценке той погромной рухляди на дватцать на один рубль на дватцать алтын. И с той у нево мяжкой рухляди государева десятая пошлина взята в Якутском в таможене мяжкою рухлядью и по оценке деньгами сполна в нынешнем во 161 [1652] году.

Отъезжево с него и с соболей один алтын з деньгою взято.

С него ж, Фильки, печатных пошлин три алтына четыре деньги взято.

Того ж дни отпущен вверх по Лене, мимо Илимской и Енисейской остроги, к Русе даурской новоприборной служилой человек Сергушка Андреев.

А с ним мяжкой рухляди одиннатцать соболей с хвосты, пятьдесят пластинишек собольих и соболишек худых. А Якутцково острогу по таможенной оценке той мяжкой рухляди на дватцать на семь рублёв на двенатцать алтын на полтретью [2,5] деньги. И с той мяжкой рухляди государева десятая пошлина взята в Якутском в таможене мяжкою рухлядью и по оценке деньгами сполна в нынешнем же во 161 [1652] году.

Отъезжево с него и посорокового с соболей полдесяты [9,5] деньги взято.

С него же печатных пошлин четыре алтына три деньги взято.» [49]

В то время, как служилые люди, ехавшие на Амур, жаловались в своей челобитной на нехватку хлеба, Дмитрий Зиновьев и начальные люди нехватки продовольствия не испытывали. В таможенной книге Чечуйского волока имеется несколько записей о покупке ими скота у крестьян:

«Того ж дни [17 ноября 1652 г.] продал пашенной крестьянин Захарко Игнатьев даурскому воеводе Дмитрею Ивановичю Зиновьеву быка, шертью рыжа, рога прямо, трёх лет. Взял восемь рублёв.

С продавца записной пошлины по две деньги с рубля, итого взято два алтына четыре деньги. С купца [покупателя — Г. К.] взято два алтына.» [50]

А за 19 апреля 1653 года сделана запись сразу о четырех куплях-продажах.

«Того ж дни продал пашенной крестьянин Малафейко Яковлев даурским служилым человеком пятидесятнику Трофимку Алексееву быка шерстью рыжа. Взял пять рублёв с полтиною.

С продавца записной пошлины с рубля по две деньги, итого взято два алтына з деньгою. С купца с Трофима рогового два алтына.» [51]

Малафейко Яковлев Чащиных пахал в соседней Сухневой заимке.

«Того ж дни продал пашенной крестьянин Савка Фёдоров даурскому служилому человеку Митьке Чюкачевскому быка, шертью рыж. Взял восемь рублёв.

С продавца записной пошлины с рубля по две деньги, итого взято два алтына четыре деньги. А с купца Митьки рогового два алтына.» [52]

Ссылный черкашенин Савка Фёдоров Коровай пахал на заимке Гребени, в 1 километре ниже Чечуйска. Что же касается покупателя, то позднее в послужном списке Онофрия Степанова первым среди тюменских служилых людей будет записан Митька Михайлов Чухачёв. [53]

В третьей записи:

«Того ж дни продал пашенной крестьянин Андрюшка Федосеев даурскому служилому пятидесятнику Первушке Игнатьеву быка, шерстью рыж. Взял пять рублёв.

С продавца записной пошлины по две деньги с рубля, итого взято десять денег. С купца Первушки рогового взято два алтына.» [54]

Андрюшка Федосеев пахал в Захаровской заимке.

И ещё одна запись:

«Того ж дни продал пашенной крестьянин Захарко Игнатьев даурскому служилому человеку Лёвке Матвееву корову, шертью рыжа. Взял десять рублёв.

С продавца записной пошлины с рубля по две деньги, итого взято три алтына две деньги. Да с купца с Лёвки рогового взято два алтына.» [55]

Кончилась длинная зима. Дмитрий Зиновьев писал:

«Из зимовья, государь, я, холоп твой, из Захаровы заимки пошёл с служилыми людьми по великой реке Лене к Якуцкому острогу с первым льдом, как пошла река Лена, маяя в 8 день.» [56]

Несмотря на это, в таможенной книге Чечуйского волока сделана запись:

«Маия в 27 день [1653 г.] продал промышленной человек Филька Нестеров важенин своего промыслу одиннатцать соболей даурскому воеводе Дмитрею Зеновьеву. Взял одиннатцать рублёв.

С продавца записной пошлины с рубля по алтыну, итого одиннатцать алтын.» [57]

К датам в таможенных книгах следует относиться с большим сомнением, так как они переписывались с черновых книг, и многие записи обобщались. Особенно это относится к записям вида: «Того ж дни.»

Почему Зиновьев пошёл в Якутский острог, а не сразу по Олёкме, он поясняет:

«Велено, государь, мне, приехав в Якутцкой острог, и допросить Ивана Акинфиева про ленских служилых, про Ярка Хабарова с товарищи.» [58]

«А служилых, государь, людей я, холоп твой, не ходя в Якутцкой острог, для поспешенья твоей государевы службы на шти дощаниках отпустил преж себя с усть Олёкмы вверх по реке Олёкме под Даурской волок, сто дватцать человек, маяя в 13 день, чтоб без мотчанья на пороги поднятца. И за волок велел послать для проверки воинских богдойских людей.

А будет, государь, нет на волоку и на Амуре на пристани воинских людей, велел, государь, служилым людям семидесяти человеком и суды делать до своего приходу, покамест я, холоп твой, буду к ним из Якутцкого острогу.» [59]

Таким образом, за шесть суток Дмитрий Зиновьев прошёл без малого тысячу километров со средней скоростью 165 километров в сутки.

Так как у Дмитрия Зиновьева было всего девять дощаников, то получается что он пошёл в Якутский острог на трёх дощаниках. В челобитной служилые люди писали:

«И как, государь, мы, холопи твои, в прошлом 161 [1653] году поплыли во льду ис тех своих зимовей и доплыли до Олёкминского острошку, и

В третьей записи:

«Того ж дни продал пашенной крестьянин Андрюшка Федосеев даурскому служилому пятидесятнику Первушке Игнатьеву быка, шерстью рыж. Взял пять рублёв.

С продавца записной пошлины по две деньги с рубля, итого взято десять денег. С купца Первушки рогового взято два алтына.» [54]

Андрюшка Федосеев пахал в Захаровской заимке.

И ещё одна запись:

«Того ж дни продал пашенной крестьянин Захарко Игнатьев даурскому служилому человеку Лёвке Матвееву корову, шертью рыжа. Взял десять рублёв.

С продавца записной пошлины с рубля по две деньги, итого взято три алтына две деньги. Да с купца с Лёвки рогового взято два алтына.» [55]

Кончилась длинная зима. Дмитрий Зиновьев писал:

«Из зимовья, государь, я, холоп твой, из Захаровы заимки пошёл с служилыми людьми по великой реке Лене к Якуцкому острогу с первым льдом, как пошла река Лена, мая в 8 день.» [56]

Несмотря на это, в таможенной книге Чечуйского волока сделана запись:

«Мая в 27 день [1653 г.] продал промышленной человек Филька Нестеров важенин своего промыслу одиннатцать соболей даурскому воеводе Дмитрею Зеновьеву. Взял одиннатцать рублёв.

С продавца записной пошлины с рубля по алтыну, итого одиннатцать алтын.» [57]

К датам в таможенных книгах следует относиться с большим сомнением, так как они переписывались с черновых книг, и многие записи обобщались. Особенно это относится к записям вида: «Того ж дни.»

Почему Зиновьев пошёл в Якутский острог, а не сразу по Олёкме, он поясняет:

«Велено, государь, мне, приехав в Якутской острог, и допросить Ивана Акинфиева про ленских служилых, про Ярка Хабарова с товарищи.» [58]

«А служилых, государь, людей я, холоп твой, не ходя в Якутской острог, для поспешенья твоей государевы службы на шти дощаниках отпустил преж себя с усть Олёкмы вверх по реке Олёкме под Даурской волок, сто дватцать человек, мая в 13 день, чтоб без мотчанья на пороги поднятыца. И за волок велел послать для проверки воинских богдойских людей.

А будет, государь, нет на волоку и на Амуре на пристани воинских людей, велел, государь, служилым людям семидесяти человеком и суды делать до своего приходу, покамест я, холоп твой, буду к ним из Якуцкого острогу.» [59]

Таким образом, за шесть суток Дмитрий Зиновьев прошёл без малого тысячу километров со средней скоростью 165 километров в сутки.

Так как у Дмитрия Зиновьева было всего девять дощаников, то получается что он пошёл в Якутский острог на трёх дощаниках. В челобитной служилые люди писали:

«И как, государь, мы, холопи твои, в прошлом 161 [1653] году поплыли во льду ис тех своих зимовей и доплыли до Олёкминского острошку, и

тот Дмитрий Зиновьев поплыли в Якуцкой острог, взяв у нас, холопей твоих, розных городов служилых людей 36 человек. А достальные, государь, мы, холопи твои, пошли по Олёкме реке вверх с пятидесятниками по ево, Дмитриеву, велению. А свои, государь, хлебные запасы он, Дмитрий Зиновьев, передавал к нам, холопам твоим, в суды. И те суды с ево запасов перегружены великим грузом.» [60]

В Якутском остроге заканчивал последние дни своей службы воевода Иван Акинфов. О своём заступлении на воеводство он писал так:

«В прошлом, государь, во 159 [1651] году по твоему государеву указу послан был я, холоп твой, на твою государеву службу на великую реку Лену в Якуцкой острог для сыскного дела. И Якуцкой острог мне, холопу твоему, велено, приняв, ведать до приезде новых воевод.

А твоево государева жалованья дано мне, холопу твоему, двесте рублёв. А подвод, государь, дано мне всево пятнатцать подвод. И велено, государь, мне, холопу твоему, ехать наспех, чтобы поспеть на Лену одним летом. <...>

И я, холоп твой, ехал на Лену по твоему государеву указу с великим поспешеньем, наймучи многие подводы для поспешенья. И приехал, государь, на Лену в Якуцкой острог я, холоп твой, в том же во 159 [1651] году, августа в 31 день, одним летом.» [61]

В Якутском остроге во время приезда туда Дмитрия Зиновьева оказались служилые люди из Амурского войска, от которых он получил сведения о Хабарове. Зиновьев сообщал в Москву:

«И в нынешнем, государь, во 161 [1653] году, мая в 16 день, я, холоп твой, приехав в Якуцкой острог, про ленских служилых людей, про Ярка Хабарова с товарищи, Ивана Акинфова спрашивал, где он, Ярко Хабаров, с товарищи. И Иван, государь, Акинфеев мне, холопу твоему, сказал, что Ярко Хабаров с товарищи из Даурские земли к нему, Ивану, не бывали. А прислал де, государь, он, Ярко, из Даурские земли в Якуцкой острог к тебе, государю [А. М.] с отписки и от войска с челобитными служилых людей четырёх человек, Серёшку Ондреева да Фильку Самсонова, Ивашка Гаврилова сына Телятева да Богдашка Кузьмина сына Кабышева [Кабышева — Г. К.]

И тех де, государь, служилых людей, Серёшку да Фильку, послал он, Иван, с отписками к тебе, государю, [А. М.] к Москве в нынешнем же 151 [1652] году, сентября в 30 день. И те, государь, служилые люди Серёшка да Филька, идучи к тебе, государю, к Москве, в зимовье на великой реке Лене в Захаровой заимке у меня, холопа твоего, были. <...>

А товарищи, государь, их, Серёшкины да Филькины, Ивашко да Богдашко, оставлены были в Якутском остроге у Ивана Акинфова. И их, государь, Ивашка и Богдашка, я, холоп твой, из Якуцкого острогу взял. И пошёл, государь, я, холоп твой, в Даурскую землю из Якуцкого острогу того ж числа.» [62]

То, что Зиновьев встретился в Якутском остроге с этими служилыми людьми, было для него большой удачей. Теперь он имел надёжных проводников, которые знали, где найти Хабарова на Амуре. Путь от устья Олёкмы до Якутского острога и обратно протяжением 1200 километров оказался не напрасным.

Упомянутый здесь Богдашко Кузьмин Габышев исполнял у Хабарова обязанности подьячего. Впоследствии он составил послужной список Онофрия Степанова, столь ценный для историков.

Вряд ли следует буквально понимать слова Дмитрия Зиновьева, что он пошёл из Якутского острога «того ж числа». У него там было немало дел. Это следует из его не совсем понятной отписки, которую он послал по пути к Олёкме новому якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому.

«В нынешнем во 161 [1653] году, мая в 25 день, [дата получения — Г. К.] писал ко мне из Якутцкого острогу стольник и воевода Иван Акинфеев да дьяк Осип Степанов, что послали они ко мне дощаник, а на нём снастей, чем до меня довести дощаник, да провожатых четырёх человек.

И с провожатыми, господа, послал к вам того ж числа, мая в 25 день, а с ними послал розбитой дощаник да лотку, что ты, Михайло Семёнович, оставил, да парус, которой с провожатыми прислали.» [63]

А далее Зиновьев, видимо, отвечал на запрос Ивана Акинфова, нет ли у него беглых людей. Поэтому Зиновьев писал:

«И у меня, господа, беглых на дощанике никою нет, а только есть у меня на дощанике промысленных людей восемь человек, и с теми, что отпустил по челобитной стольник и воевода Иван Акинфеев да дьяк Осип Степанов ссыльно Ивана Васильева, которые били челом государю [А. М.] при стольнике и воеводе при Иване Акинфееве да при дьяке Осипе Степанове в подводы без прогонов до новые Даурские земли, до Албазина города. И взял я их в подводы при них, при Иване и при Осипе, для того, чтобы государеве службе мотчанья и государеве казне истери не было. А беглых, господа, людей у меня никаких нет.

Да и они, господа, стольник и воевода Иван Акинфеев да дьяк Осип Степанов, при мне велели о том в Якутском остроге бирючую клич кликать, чтоб всякие люди, хто похочет, шли бы у меня в подводах в Даурскую землю. И они, господа, по тому кличу и били челом государю [А. М.], чтоб им государь велел без прогонов иттить у меня в подводах.» [64]

За один день с такими делами управиться было нельзя.

Отписку эту через 5 дней, 30 мая 1653 года, доставил якутского острога промышленный человек Пятунька Ортемьев.

О дощаниках ясности нет. Как следует из ранее приведённой отписки Богдана Оладыина, из Илимского уезда Дмитрий Зиновьев поплыл на девяти дощаниках. Сам Зиновьев сообщал, что он отправил по Олёкме 120 человек служилых людей на шести дощаниках, то-есть по двадцати человек на один дощаник. Онако неизвестно, на скольких дощаниках он пошёл в Якутский острог и на скольких из Якутского острога. Во всяком случае, на обратном пути дощаников было не менее двух, хотя бы потому, что из Якутского острога с ним пошло уже не 36, а 46 человек. На одном дощанике им бы явно было тесновато. Да и для страховки второй дощаник был необходим. Непонятно, почему Иван Акинфов следом послал ещё один, и почему этот дощаник не был взят в Якутском остроге сразу. Догонять Зиновьева против течения было делом непростым. А лодку Михаил Лодыженский оставил, видимо, Дмитрию Зиновьеву во время их встречи.

На этом мы на время оставим описание похода Дмитрия Зиновьева и перейдём к описанию побега в Даурскую землю ватаги служилых людей Проньки Кислого и Васьки Черкашенина, и примкнувших к ним промышленных людей и пашенных крестьян, которых судьба свела на Олёкме с Дмитрием Зиновьевым.

Для закрепления в Даурской земле русского присутствия было решено послать туда войско численносью в три тысячи человек во главе с князем Лобановым-Ростовским. Для того, чтобы обеспечить это войско продовольствием, намечено было отправить на Лену хлебные запасы в 1653 году. Вот что писал об этом в Москву илимский воевода Богдан Оладьин:

«В прошлом, государь во 161 [1653] году, июля в 2 день, присланы твои государевы [А. М.] грамоты за приписью диака Григорья Протопопова ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог.

А в твоих государевых грамотах написано: в том же во 161 [1653] году, на весне, велено из Енисейского острогу воеводе Офонасью Пашкову послать ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог для твоей государевы службы, на твоих государевых служилых людей, на три тысячи человек, которые посланы будут с Москвы и с поморских и из сибирских городов в новую Даурскую землю с окольными и воеводою со князем Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским твои государевы хлебные запасы — три тысяечи четвертей муки ржаной, тысячу четвертей круп и толокна.

А как те твои государевы даурские хлебные запасы воевода Офонасей Пашков из Енисейска в том же во 161 [1653] году ко мне, холопу твоему, на Ленской волок в Ылимской острог пришлёт, и мне б, холопу твоему, того ж лета послать из Ылимского острогу ис тех запасов: ис трёх тысяч чети муки ржаной — тысячу чети, ис тысяечи чети круп и толокна — пятьсот чети с служилыми людьми на усть Олёкмы реки, в Нюкзю или в Тутирь реку, где, в котором месте, к Даурскому волоку и через волок переход ближе, и мочно б где острожек поставить, и велеть бы те хлебные запасы в том острошке устроить в анбары и беречь их до приезде окольных и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского с служилыми людьми, не описываясь о том к тебе, государю, к Москве ничем, ни которыми делы.» [65] Конца отписки нет.

Спустя почти десять лет, 25 октября 1662 года, илимский воевода Тихон Андреевич Вындомский по указу и по грамоте из Сибирского приказа подвёл итог, «кто, какие люди, в прошлом во 161 [1652-1653] и во 162 [1653-1654] годах в Ылимском уезде по записем и по уговору судов зделали для даурские службы и под окольных и воеводу князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского, и под ратных людей, под три тысячи человек, при воеводе Богдане Оладьине, и что за то судебное дело судебным деловцом ряжено найма дать.» [66]

Оказалось, что «Во 161 [1653] году на Ленском волоку в Ылимском остроге при воеводе Богдане Оладьине наняты плотники разных чинов суды делать для даурские службы на плотбищах у судовых пристаней в разных местех 146 дощаников.

А за то судебное дело, по записем и по уговору, ряжено найму дать за 146

дощаников судовым деловцом 3192 рубли. А на то судебное дело по записке Съезжей избы в приходных денежных книгах при воеводе Богдане Оладыне великого государя по грамоте занято во 162 [1653—1654] году из Спаские и Никольские казны ис церковных и часовенных доходов, и у торговых, и у промышленных людей 1221 рубль 20 алтын.» [67]

Спасская казна — это казна илимской Спасской церкви. Никольская казна — это казна Никольской часовни и недостроенной Никольской церкви на Усть-Киренском Никольском погосте (Киренске).

Илимская Съезжая изба заключала подряд с судовыми деловцами, которые сами с топором в руках делали суда, и с подрядчиками судовых деловцев, которые сами суда не делали, а нанимали работных людей.

Далее перечисляются подрядчики и указывается сколько судов они сделали.

«По записи подрядчик судовых деловцов ленской пашенной крестьянин Офонька Иванов сын Долгой. Зделано его подряду 10 дощаников. Найму ряжено за то судебное дело 220 рублѣв.» [68]

По подрядчику обязательно собиралась поручная запись. Она выглядела так:

«Се аз, илимские служилые люди:

Ждан Савин

Гаврило Васильев

Яким Исаков,

да ленские пашенные крестьяне:

Тимофей Семёнов Серёткин

Матфей Гаврилов

Потап Гаврилов

Офонасей Онтипин

Микита Макаров

Ондрей Кирилов

Семён Ондреев, он же Сверчков,

да торговой человек Семён Марков,

да илимские:

Иван Макаров

Кузьма Яковлев

Трофим Онцыфоров

Нечай Фёдоров Воронов

Денис Офонасьев,

да промышленные люди:

Кондратей Обрамов Деряба

Микита Гаврилов Щербак

Никон Савин,

поручились есми на Ленском волоку Съезжие избы целовальнику Семёну Ондрееву по ленском пашенном по Офонасье Иванове Долгом, в том: порядилсь есми в Ылимском остроге в Съезжей избе по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладына у целовальника, у нево, Семёна Мыльника, зделать ему, Офонасью, за нашею порукою десять дощаников по семи са-

жен по колоде печатных [14,91 м] всякой дошаник, широта трёх аршин со штью вершки [2,39 м] по бете.

А делать ему же государевы дошаники на Лене реке на Орленге на своей заимке добро и безоухльно, без течи верхние и нижные. А скобы на те дошаники государевы, сколько понадобится. А конопать и смола на те дошаники класть ему, Офонасью, своё.

А к тем дошаникам нанять работных людей, которые годны к тому дошаничному делу, по три человека к судну.

А делать ему те десять дошаников на срок на Петров день и Павла 162 [1653 г., 29 июня].

А за работу рядил за те дошаники по дватцати по два рубля за дошаник за всякой, за людей и за топоры и за напарьи, за конопать, и за смолу. А денег он взял у сей записи из государевы казны по двенатцати рублёв з дошаника наперёд.

А те дошаники принять у нево на плотбище, а вверх не гнать. А достальные деньги, по десяти рублёв, взять, как суды отдаст.

А буде тех судов он, Офонасей, за нашею порукою на срок не зделает и не отведёт, и на нас, на порутчиках, государя [А. М.] пеня, а пене, что государь укажет, и задаточные деньги. А которой нас, порутчиков, влицех, на том и порука вся сполна.

На то послух Никита Остафьев Зарубин.

Поручную писал илимской площадной писчик Федька Олексеев.

Лета 7161 [1653], марта в 29 день.» [69]

Однако, выплата ему подрядных денег затянулась вплоть до 1672 года.

Многие упомянутые здесь «порутчики» сами были подрядчиками. Так что порука была круговой.

Сделаем некоторые пояснения.

Тимофей Семёнов Серёткин (Серёдкин) пахал тогда в Орленской волости на заимке, которая впоследствии называлась Суровой. Потом он переселился на устье Орленги.

Матфей Гаврилов Созоновых, он же Ханяпта, пахал на Кошевом лугу (впоследствии деревня Коркина) в Тутурской волости. В 1655 году он бежал в Даурскую землю.

Потап Гаврилов пахал в Орленской волости. Почему-то в окладной книге 1656 года он не упомянут, но упомянут в росписи воеводы Богдана Оладьина. А воевода Вындомский указывает, что последний долг за дошаники ему был выплачен в 169 [1660-1661] году.

Офонасий Онтипин пахал на устье речки Таюры, ниже устья Куты в 80 километрах. Впоследствии судовой плотник. Его потомки Онтипины и сейчас живут в Усть-Кутском районе.

Ондрей Кирилов — служилый пашенный крестьянин, пахал на реке Куте. В 1655 году бежал в Даурскую землю.

Семён Ондреев, он же Сверчков, видимо записан по ошибке. Такого пашенного крестьянина не было. Вероятно, это Семён Ондреев Тюменцов, который пахал на заимке в 48 километрах ниже устья Куты (впоследствии она называлась Подымахиной).

Упомянутые в этой поручной записи крестьяне были расселены по Лене на протяжении 630 километров.

А илимский целовальник Семён Андреев Мыльник был торговым человеком.

Для всех дощаников размеры были заказаны одинаковые. Беть — это поперечная скрепа дощаника, бревно, которое кладётся с борта на борт сверху и врубается.

Далее у воеводы Вындомского написано:

«По записи подрядчик судовых деловцов промышленной человек Кондрашка Аврамов сын Деряба. Зделано ево подряду 30 дощаников. Найморяжено ему, Кондрашке, за то судовое дело 660 рублёв.» [70]

Это самый крупный подрядчик. С ним расплачивались деньгами, его кабалами, но так и не расплатились до конца 1661 года.

В его подрядной записи не указаны «порутчики», а лишь послух промышленный человек Ярофей Степанов. Начинается она так:

«Се аз, промышленной человек Кондратей Обрамов Плотник, порядил-ся есми в Ылимском остроге в Съезжей избе по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладыина Съезжие избы у целовальника у Семёна Ондреева Мыльника: зделать мне, Кондратью, для государевы службы даурские дватцать дощаников. А делать мне те государевы дощаники на Лене реке на усть Куты реки.» [71]

Далее — как в предыдущей записи. Подрядная запись была написана 28 февраля 1653 года. Как видим, в ней сообщается не о 30 дощаниках, а о 20. Кроме того, вместо фамилии Деряба указано прозвище Плотник. Кондратий Деряба, видимо, неспроста имел это прозвище.

Далее у воеводы Вындомского написано:

«Подрядчики судовых деловцов по записи плотники Стенька Лухнев, Филька Григорьев, Ивашко Васильев зделали 20 дощаников. За то судовое дело ряжено найму 440 рублёв.» [72]

С ними расплачивались до 165 [1656-1657] года. Они даже получили лишних («переняли») 30 алтын 2 деньги.

«И те переёмные деньги в нынешнем во 170 [1661] году при воеводе Тихоне Андреевиче Вындомском великого государя в казну взяти вповорот сполна.» [73]

Стенька Лухнев — это, по-видимому, промышленный человек Степан Иванов важанин, который подрядился сделать 10 дощаников. В подрядной записи сказано:

«Да по мне же, Стеньке, поручилися в Съезжую избу целовальнику Семёну Ондрееву промышленных людей:

Филип Григорьев

плотник Иван Васильев

плотник Нефёд Макаров Копытов.» [74]

А о месте постройки сказано неопределённо: «А те дощаники зделать и принять у меня, Степана, на воде у плодбища.» [75]

Далее у воеводы Вындомского написано:

«Подрядчики судовых деловцов ленской да илимской пашенные крес-

тьяне Панфилко Яковлев, Нечайко Ворон, Козёмка Яковлев. Ряжено по записи сделать 20 дощаников. А за то судовое дело ряжено дать найма 440 рублёв.

И в то число ево, Панфилкова, подряду сделано 16 дощаников. А не сделано против записи 4 дощаника, потому что ево, Панфилова, подряду товарищи Нечайко Ворон да Козёмка Яковлев, не сделав судов, збежали в Даурскую землю.

И за то судовое дело довелось по записи за 16 дощаников дати ряжено[го] уговорного найму Панфилку Яковлеву 352 рубли.» [76]

Подрядная запись была написана 10 марта 1653 года. В ней упомянуты только двое подрядчиков, Панфил Яковлев и Кузьма Яковлев. Причём Кузьма Яковлев назван ленским пашенным крестьянином:

«Се аз, ленские пашенные крестьяне Панфил Яковлев да Кузьма Яковлев порядились сделать нам, Панфилку и Кузьме, <...> мне, Панфилку, шеснатцать, а мне [Кузьме] четыре.» [77]

В подрядной записи упомянуто 35 человек «порутчиков» по ним. Поэтому приведем её частично.

«Да по нас же, Панфилу и Кузьме, поручились в Съезжую избу целовальнику Семёну Мыльнику ленские и илимские пашенные крестьяне:

Овдей Марков Сверчков

Микита Макаров

Пятой Филатов

Тимофей да Фома Семёновы дети Серёдкины

Кузьма Иванов зырян,

да илимские пашенные:

Сава Данилов

Терентей Фёдоров

Иван Макаров

Микита Яковлев Дурной,

да илимской банщик Василей Сергеев,

да площадной пищик Федька Олексеев.» <...> [78]

Далее упоминаются двое служилых и восемнадцать промышленных людей.

«Да пашенные:

Омос Филипов важанин

Офонасей Онтипин

Иван Костентинов Кузнец

Василей Олексеев Щербак,

в том, что делать нам, Панфилу да Кузьме, за их порукою дватцать дощаников против сие записи на тот срок и отвести на воде, и даурские службы не поставить.» [79]

Таким образом, было не трое подрядчиков, а лишь двое. Что же касается утверждения воеводы Вындомского о том, что «Нечайко Ворон да Козёмка Яковлев, не сделав судов, збежали в Даурскую землю», то оно не совсем точное. Эти люди, действительно, сбежали, но лишь спустя два года с полком Мишки Сорокина. Об этом записано в окладной книге 1656 года.

«Генваря в 14 день [1652 г.] построены в государеву десятинную пашню на низу по Илимю реке, на левой стороне, пониже Тушамы речки, ис промышленных людей Куска Яковлев устюжанин да Нечайко Фёдоров устюжанин пахать на государя десятину ржи да десятину яри. И во 163 [1655] году на весне Куска да Нечайко, покиня государеву десятинную пашню, збежали в Даурскую землю. [80]

Окладная книга писалась через год после побега, по свежим следам, поэтому сведения в ней являются достоверными, а сведения воеводы Вындомского о годе побега Кузьки Яковлева ошибочными. Кроме того, Нечайко Ворон подрядчиком не был.

Добавим сюда сведения, в каких деревнях пахали упомянутые в подрядной записи крестьяна. Деревни тогда ещё не имели названий. Укажем здесь названия, которые возникли позднее.

Овдей Марков Сверчков — племянник Ивана Никонова Сверчкова, имевшего пашни в двух деревнях, Лазаревой и Подкаменной.

Никита Макаров пахал в деревне Макаровой.

Пятой Филатов пахал на устье речки Чичапты в Орленской волости. Это либо деревня Матюшкина (Шерстенникова), либо Старцева. Расстояние между ними 1,5 км. По происхождению он назван чувовитином. [81]

Тимофей Серёдкин тогда пахал в Орленской волости в деревне Суровой.

Фома Серёдкин, видимо, тоже пахал в этой же деревне. Впоследствии неоднократно перемещался.

Кузьма Иванов зырян пахал на реке Куте. В окладной книге 1656 года он назван Кузькой Ивановым вычегжанином.

Офонасий Онтипин, как уже было сказано, пахал в деревне Подымахиной.

Иван Костентинов Кузнец пахал в деревне Кривой Луке. В этом же 1653 году бежал в Даурскую землю.

О следующем подрядчике написано:

«Подрятчик судовых деловцов ленской пашенной крестьянин Ивашко Пуляев зделал 6 дощаников. Найму ряжено 132 рубля.» [82]

В поручной записи по нём сказано:

«Се аз, Верхоленского острогу служилые люди:

пятидесятник Федот (Ива)нов Баран

Михайло Иванов Козлов

десятники:

Михайло Григорьев Сорокин

Козьма Тимофеев Матаркин

рядовые служилые люди:

Муром Петров

Устин Григорьев

торговые люди:

Томило Микитин Щепоткин

Иван Власов

Козьма Костентинов Иванчин

(Дру)жина Герасимов каргополец

Василей С(ерги)ев, квасной откупщик,

поручились есми (на Ле)нском волоку, в Ылимском остроге, в Съезжей избе по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладыина целовальнику Семёну Ондрееву Мыльнику по пашенном крестьянине по Иване Пуляеве: зделать ему, Ивану, за нашею порукою для государевы даурской службы шесть дощаников, мерою семи сажен по колоде печатных, ширина трёх аршин со штью вершки по бете. А делать мне, Ивану, те государевы дощаники вверх по реке Лене на своей заимке.» [83]

До этого Иван Пуляев был служилым человеком, поэтому по нём поручились служилые, торговые и промышленные люди. Когда он был повёрстан в пашенные крестьяне, точно неизвестно. В «Росписи Ленского волока Илимского острога посадским людем, пашенным крестьяном и ссыпным черкасом» 1653 года воеводы Б. Д. Оладыина он упомянут среди пашенных крестьян. [84]

А в окладной книге 1656 года он почему-то не упоминается.

Заимка Ивана Пуляева находилась на правом берегу Лены в 5 километрах ниже устья речки Орленги. По его фамилии она получила название Пуляева.

Среди порутчиков Ивана Пуляева Михайло Григорьев Сорокин и Муром Петров — главные действующие лица побега на Амур в 1655 году большой ватаги служилых и промышленных людей и пашенных крестьян.

Далее следует запись о Микитке Макарове.

«Подрядчик судовых деловцов ленской пашенной крестьянин Микитка Макаров зделал 6 дощаников. Найму ряжено 132 рубли.

И в то число за то судовое дело в прошлых годах при воеводе Богдане Оладыине во 161 [1653] году дано 44 рубли.» [85]

То-есть, дано менее обычной платы по 12 рублей за дощаник. Недоданные деньги выплачивались позднее. Микита Макаров писал поручную запись без упоминания «порутчиков». Конец этой записи сильно попорчен.

«А делать мне те государевы дощаники на Лене реке в Кривой Луке добро и безоухльно, и без течи верхние и нижные.» [86]

Следующий подрядчик сам был судовым плотником. О нём написано:

«Судовой деловец Сенька Андреев сын Тюменцов зделал 5 дощаников. Найму ряжено 110 рублёв.» [87]

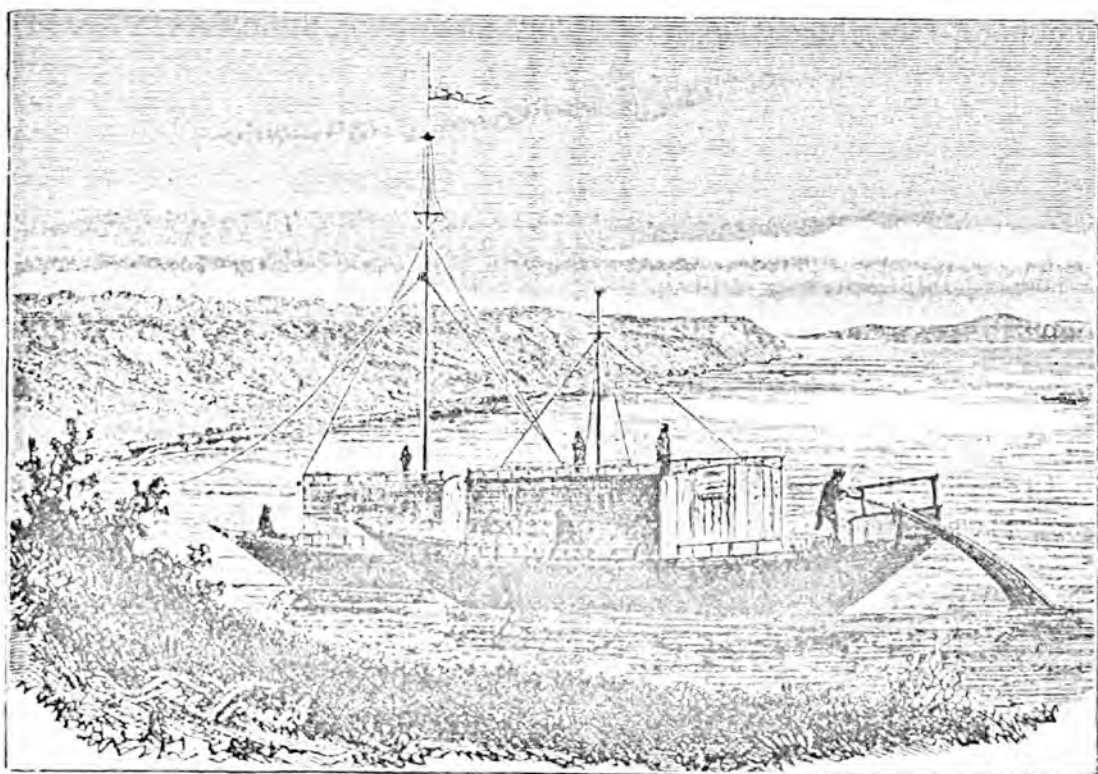
Сохранилось только начало подрядной записи. Сенька Андреев Тюменцов жил в деревне Подымахиной.

«А зделать мне те государевы дощаники на Лене реке на своей заимке.» [88]

Далее у воеводы Вындомского написано:

«Подрядчики судовых деловцов Илимского острогу посадцкой человек ленской жилец Ивашко Филипов сын Бутора да брат ево Тимошка Филипов сын. По двум их особым записем ряжено зделать илимсково Ивашкова подряду 5 дощаников. А найму за то судовое дело по записи ряжено дать 110 рублёв. А ленсково Тимошкина подряду 5 ж дощаников. За то судовое дело по записи ряжено дать 100 рублёв.

И в то число зделано судов по одной записи, Тимошкина подряду Ивашкова брата Буторина, 5 дощаников. А Ивашко Бутора по своей записи судов, пяти дощаников, не делал.» [89]

Шитики на реке Лена у Киренска

В подрядной записи Ивашки Буторы написано:

«А делать мне те государевы дощаники на Лене реке в Кривой Луке. <...> А те дощаники принять у меня, Ивана, на воде у плодбища, а вверх не гнать.» [90]

Лишние деньги были возвращены обратно в казну.

А поручная запись по Тимошке Буторе писалась не в Илимском остроге, а на Никольском погосте (Киренске), и она отличается от илимской. Её особенность состоит в том, что в ней дано подробное описание дощаника.

«Се аз, ленские пашенные крестьяне:

Кузьма Леонтьев Воронин

да яз Иван Прокопьев

да промышленные люди:

Матвей Ульянов Вострой

да яз Андрей Григорьев устюжанин

да яз Фёдор Антонов,

все мы, порутчики, поручились есми у Усть-Киренги на Никольском погосте по илимском посадком человеке по Тимофее Филипове Буторине Илимского острогу Съезжей избы подьячему Павлу Пежемскому да усть-киренскому таможенному целовальнику Тарасу Микитину в том: в нынешнем во 161 [1653] году нанялся он, Тимофей, за нашею порукою у него, Павла, у целовальника Тараса Микитина на Лене реке делать на государев обиход дощаников для государевы даурские службы под окольниково и воеводу князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского десять дощаников.

А делать дощаники мерою по семи саженом от корга до корга, а ширина дощаникам трёх аршин с шестью вершки по бете. А кокоры сдать ко дну добрые, и промеж кокоры пропускать промешку по семи вершков аршинных. А дельной лес класти толстиною два вершка. А боковой лес набойной, как доведётся, добрые же, как мочно, к бету приводить.

А вышина дощаникам с поттоварины два аршина без вершка. А верхные кокоры и матицы положить добрые ж, сухие, и покрыть те дощаники тёсом двойным дорожным вчерту, наплотно.

А глубина тем дощаникам пущать по край по гвоздю на девети вершках, и порубни приложить добрые ж, толщиною с на край до края по льялу в деветь вершков, и подтоварины наслат в дощаниках тёсом же вчерту наплотно.

И конопатить те дощаники ему, Тимофею, своею конопатью, какую конопать он, Тимофей, может промыслить.» [91]

Далее запись попорчена, не читается, а в конце:

«А к тому судовому делу Тимофею взять из государевы казны пятнадцать топоров за пятном целовальника Тараса Микитина. А пятнины те государевы топоры — на всяком топоре на правой стороне пятно клеткою на три угла, для того, чтоб государственного дела сыскать было, по чём ведом, у нас, плотников, каковы топоры в государеве казне есть, теми государевыми.» [92]

«Порутчик» Кузьма Леонтьев Воронин пахал в деревне Ворониной, на против Киренска, а Иван Прокопьев — это Иван Прокопьев Брянихин, он же Жданко Прокопьев Полорот, пахал в деревне Полоротовской (сейчас Повороты) в 12 километрах выше Киренска.

Отметим также несоответствие сведений воеводы Вындомского этой подрядной записи. У Вындомского сказано, что Тимошка Бутора подрядился сделать пять дощаников, а в подрядной записи — десять.

Ещё об одном подрядчике:

«Судовой деловец ленской пашенной крестьянин Офонька Онтипин по записи зделал один дощаник.» [93]

С ним расплачивались деньгами и солью два года.

Подрядная запись обычного вида была написана 15 марта 1653 года.

«А тот дощаник принять у меня на воде на усть Куты.» [94]

«Да по мне же, Офонасье, поручились в Съезжей избе целовальнику Семёну Мыльнику служилой человек Наум Исаков да пашенные крестьяне Панфил Яковлев, Овдей Сверчков, Микита Макаров.» [95]

Офонасей Онтипин пахал в деревне Таюре. Это родоначальник поколения ленских плотников. Его потомки и сейчас живут в Усть-Кутском и Киренском районах.

О следующем подрядчике сказано:

«Судовой деловец промышленной человек Матюшка Иванов сын устюжанин. По записи ряжено зделать 5 дощаников. А за то судебное дело ряжено дать 100 рублёв. И в то число Матюшка Иванов зделал 2 дощаника. А не зделано против записи 3 дощаника.

И за то судебное дело, за два дощаника, дано ему, Матюшке, против илим-

ского договору, а не по записи в прошлом во 161 [1653] году при воеводе Богдане Оладыне 44 рубли.» [96]

То-есть за каждый дощаник заплатили по 22 рубля, а не по 20, как он рядился.

Подрядной записи в деле нет.

«Подрядчик судовой деловец Тимошка Серёткин зделал 2 дощаника.» [97]

В его подрядной записи сказано, что пашенный крестьянин Тимофей Семёнов Серёткин подрядился 12 марта 1653 года сделать два дощаника на Орленге на своей заимке. [98]

Его «порутчиками» были ленские пашенные крестьяне Панфил Яковлев, Овдей Марков, Семён Ондреев, Офонасей Онтипин, Иван Костентинов, Пятой Филатов, Никита Макаров да илимский Василей Алексеев. Кроме того, записан один промышленный человек — Второй Ларионов. [99]

Брат Тимофея Серёткина Фома тоже подрядился совместно с промышленным человеком Кузьмой Яковлевым сделать два дощаника.

«Се аз, ленской пашенной крестьянин Фома Семёнов сын Серёткин, да яз, промышленной человек Кузьма Яковлев сын Кочневых, порядилися есми на Ленском волоку <...> А те дощаники принять у нас, Фомы да Кузьмы, на воде у плотбища.» [100]

О них воевола Вындомский почему-то не упоминает. Фома Семёнов Серёткин пахал в Орленской волости. В других записях Кузьма Яковлев называется пашенным крестьянином, иногда илимским, а иногда ленским.

«Судовой деловец Пятулька Филипов зделал 2 дощаника. <...> Обоево за судебное дело Пятульке Филатову дано деньгами и хлебом и солью 44 рубли.» [101]

Расплатились с ним в 165 [1656—1657] году.

В подрядной записи сказано:

«Се аз, ленские пашенные крестьяны:

Панфил Яковлев

Семён Ондреев

Овдей Марков [Сверчков]

Тимофей да Фома Семёновы [дети Серёткины]

Потап Гаврилов

Микита Макаров

Кузьма Яковлев

да илимской пашенной Василей Олексеев,

поручилися есми на Ленском волоку по пашенном по Пятке Филатову ...» и т. д. [102]

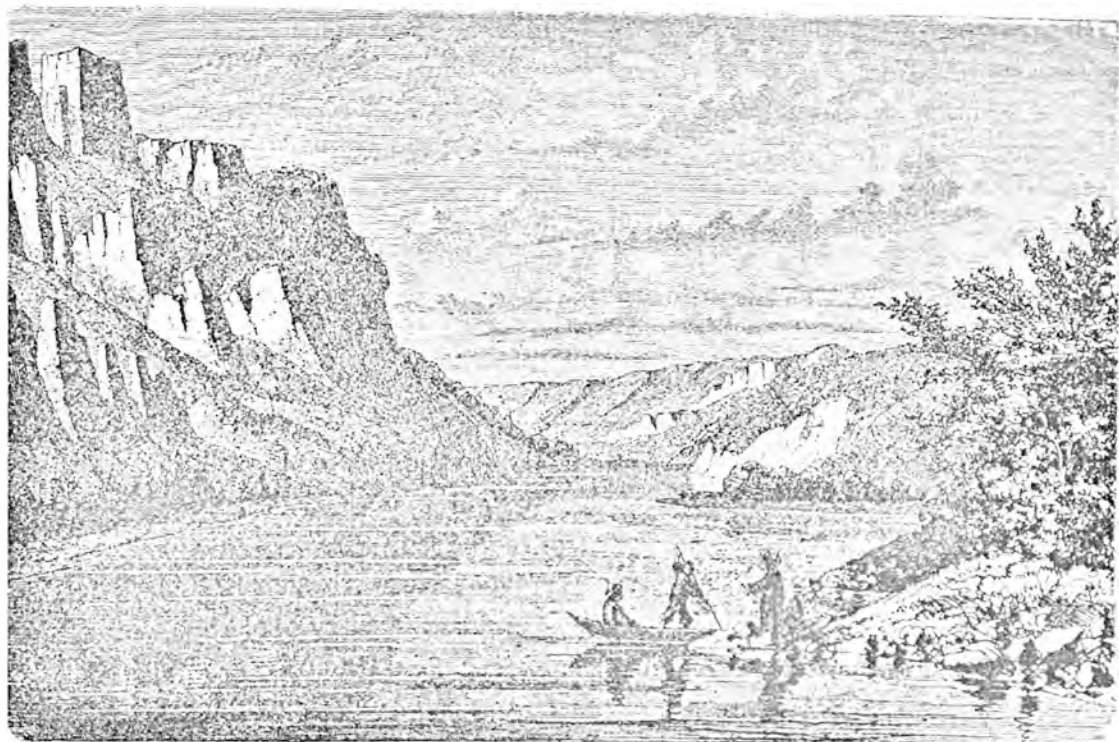
«А делать те дощаники на Лене реке, на Орленге, на своей заимке.» [103]

Вообще-то в окладной книге 1656 года записано, что Пятулька Филатов был устроен в пашню в 1651 году на устье Чичапты речки, видимо, это либо деревня Матюшкина, либо Старцева, выше устья Орленги в 64-67 километрах.

«Подрядчик судовых деловцов торговой человек Овдейко Марков сын Сверчков. По двум записем ряжено зделать 10 дощаников. А за то судебное

дело ряжено дать 220 рублёв. И в то число завёл он, Овдейко, делать по одной записи 6 дощаников. <...> А не зделано против записи Овдейкова подряду 4 дощаника, потому что он, Овдейко, в 162 [1653] году умер.» [104]

«Передаточные» деньги были взысканы на его порутчиках, на Ондриюшке Кирилове и Панфилке Яковлеве. Как видим, воевода Вындомский называет Овдейку Маркова Сверчкова не пашенным крестьянином, а торговым человеком.

Река Лена ниже Киренска

«Судовые деловцы промышленные люди Кипрюшка Иванов с товарищи зделали 2 дощаника. Дано найму в прошлом во 161 [1653] году при воеводе Богдане Оладьине 15 рублёв.» [105]

Подрядной записи нет.

«Подрятчик ленской пашенной крестьянин судовой деловец Матюшка Гаврилов сын Ханяпта. По записи ряжено зделать 6 дощаников. А найму за то судовое дело ряжено дать 132 рубли. <...> И не доделав тех дощаников подрятчик Матюшка Ханяпта во 163 [1655] году збежал в Даурскую землю. А после Матюшкина побегу Ханяпты доделывали ево, Матюшкина, подряду ево, Матюшкины, порутчики.» [106]

Ханяпта — это было прозвище Матюшки Гаврилова. В его подрядной записи написано:

«Се аз, верхоленской пашенной крестьянин Матфей Гаврилов Созоновых, порядился есми в Ылимском остроге в Съезжей избе по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладьина у целовальника у Семёна Мыльника зделать мне, Матюшке, для государевы службы шесть дощаников.

<...> А делать мне те государевы дощаники на Лене реке у себя на заимке на Кошевом лугу. <...>

Да по мне же, Матфее, поручились в Съезжую избу целовальнику Семёну Ондреву ленские пашенные крестьяне:

Кузьма Иванов

Потап Гаврилов

Тимофей да Фома Семёновы Серёткины

Семён Ондреев

Офонасей Никитин

Калинка Васильев

да посацкой Иван Филипов Бутора

да илимской Василей Олексеев

да служилой чнловек Яков Фёдоров

Ондрей Кирилов.» [107]

Кошевой луг — это место где потом возникла деревня Коркина, ныне исчезнувшая.

Отметим тех «порутчиков», которые ранее не упоминались.

Офонасей Никитин — такой крестьянин ни в каких документах не упоминается. Возможно — это Офонасей Онтипин.

Калинка Васильев — ссыльный черкашенин. Пахал на устье Куты в деревне Карповой. В 1655 году бежал на Амур с Мишкой Сорокиным.

«Судовой деловец Потапко Гаврилов зделал 2 дощаника.» [108]

В его подрядной записи сказано:

«Се аз, ленской пашенной крестьянин Потапко Гаврилов Усолья Камского, порядился я есми на Ленском волоку <...> зделать мне, Потапку, <...> два дощаника.<...> А делать мне те государевы дощаники на Орленге, у себя на заимке.» [109]

«Судовой деловец Самсонко Софонов зделал один дощаник. А за то дело дано в прошлом во 161 [1653] году при воеводе Богдане Оладьине 22 рубля.» [110]

Самсонко Софонов, бывший чечуйский целовальник, пахал в деревне Половинной (Алымовке, ниже Киренска). Где он подрядился делать дощаник, неизвестно. Есть челобитная, в которой он просит не делать дощаник на устье Куты:

«В нынешнем, государь, в 161 [1663] году я, сирота твой, на великой реке Лене зделал твой государев дощаник к службе. И в нынешнем ж, государь, во 161 [1653] году по твоему государеву указу, по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладьина, велено мне, сироте твоему, тот дощаник на усть Куты реки делать. И мне, сироте твоему, на усть Куты реки того дощаника делать невозможно. <...> Не вели, государь, мне, сироте твоему, того дощаника делать на усть Куты реки, чтоб мне, сироте твоему, государевы пашни и своей пашни(ш)ки не отбыть, вконец не погинуть.» [111]

В отписке воеводы Вындомского перечислены не все подрядчики и деловцы, а среди них есть необычные:

«Се аз, вдова Федосья Семёнова дочь, а Семёновская жена Чертова, порядилась есми на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе по

приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладьина у целовальника у Семёна Ондреева сделать мне для государевы даурские службы два дощаника, по семи сажень по ко(ло)де печатных всякой дощаник. <...>

Да по мне, Федосье, поручились в Съезжую избу целовальнику Семёну Мыльнику зять мой Павел Обрамов Шапошник в том, что сделать мне те два дощаника на усть Куты на тот срок, [который] в сей записи писан за ево, Павловою, порукою.

На то послух ленской пашенной крестьянин Ивашко Костентинов.

Поручную писал илимской площадной писчик Федька Алексеев.

Лета 7161 [1653], марта в 14 день.»[112]

Федосья Семёнова дочь — это жена служилого пашенного крестьянина Семёна Родионова Чёрта, пахавшего на усть речки Туруки, впадающей в Лену в 14 километрах выше устья Куты (деревня Турука). Зять Федосьи Семёновой Павел Абрамов Шапошник был родным братом Фомы Абрамова Шапошника, который после пахал в деревне Лазаревой, названной так по имени его сына. Их потомки, Шапошниковы, и сейчас живут в Киренском районе.

У Федосьи Семёновой был ещё один зять. В переписи заимок, составленной в 1653 году якутским воеводой М. С. Лодыженским, записана «Займка Агафонка, Чертихина зятя» (Турука). Видимо, этим зятям отводилась главная работа по постройке дощаников. Агафонко, Чертихин зять, бежал на Амур в 1655 году с Мишкой Сорокиным.

А теперь скажем о послухе в этой подрядной записи, о пашенном крестьянине Ивашке Костентинове. Он тоже был подрядчиком. В его подрядной записи написано:

«Се аз, ленской пашенной крестьянин кузнец Иван Костентинов, порядился есми на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе по приказу воеводы Богдана Денисьевича Оладьина у целовальника у Семёна Ондреева Мыльника сковать мне, Ивану, и[с] своего железа доброго и мяхково пять тысяч скоб судовых на государев обиход к государевым судам, что делают для даурские службы.

А сковать те судовые скобы, пять тысяч, на Лене реке у себя на займке в Кривой Луке. А делати те судовые скобы и[с] своего железа, пять тысяч, по вести [?], кои прикажет воевода Богдан Денисьевич Оладьин, на срок на Петров и Павла святых апостолов [29 июня] нынешнего 161 [1653] году. И теми скобами мне, Ивану, государевых даурских судов, которые делают, не поставить.

А за работу я, Иван, рядил за те скобы, за пять тысяч, за тысячу скоб по четыре рубли денег и за людей, и за железо, и за уголье, и всех денег за пять тысяч скоб железных рядил двадцать рублёв.

Деньги взял у сей записи из государевы казны за те скобы, за пять тысяч, все наперёд у целовальника у Семёна Мыльника.

Да по мне же, кузнеце Иване, поручились в Съезжей избе целовальнику Семёну ленские пашенные крестьяне:

Панфил Яковлев

Овдей Марков Сверчков

Микита Макаров
 Кузьма Яковлев
 Тимофей да Фома Семёновы Серёдкины
 Потап Гаврилов
 Семён Ондриев
 Офонасей Онтипин

да илимской пашенной Василей Олексеев Щербак,
 в том, что сделать мне, Ивану, и сковать на государев обиход к даурс-
 ким судам пять тысяч скоб судовых и[с] своево железа на тот срок, которой
 выше писан.

А буде я, Иван, за их порукою тех пяти тысяч скоб судовых на тот срок
 не сделаю и те даурские службы поставлю за скобами, и на них, на порут-
 чиках, государя [А. М.] пеня, а в пене, что государь укажет, и заимочные
 деньги все сполна, и те скобы судовые. А которой нас, порутчиков, влицех,
 на том и порука вся сполна.

На то послух Иван Денисов.

Поручную писал Илимской площадной писчик Федька Олексеев ва-
 жанин.

Лета 7161 [1653] марта в 13 день.» [113]

Иван Костентинов был из промышленных людей и устроен в пашню в
 1650 году в Кривой Луке на место черкашенина Карпика Екимова, которого
 воевода Д. А. Фрацбеков почему-то увёз в Якутск и хотел устроить в пашню
 на Амге.

Прошло несколько месяцев после подписания подрядной записи и
 Ивашко Костентинов летом 1653 года бежал на Амур с Васькой Черкаше-
 ниным. Он участвовал в обороне Комарского острожка и записан в послуж-
 ном списке Онофрия Степанова Кузнеца.

Кроме перечисленных здесь подрядчиков и деловцев постройкой до-
 щаников занимались на устье Куты и служилые люди — плотники во гла-
 ве с Пронькой Кислым. Однако, они дощаники не доделали, летом 1653
 года побежали в Даурскую землю и присоединились к Амурскому войску.
 Причины своего побега они объяснили в челобитной, поданной на Аму-
 ре, с просьбой о назначении им денежного и хлебного жалованья через
 год после побега. Челобитная эта сохранилась в копии Г. Ф. Миллера. При
 сличении имён с другими документами в ней обнаруживаются некоторые
 погрешности.

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, илимские и верхоленские слу-
 жилые люди:

Пронька Дементьев [Кислый]
 Захарко Леонтьев
 Мелешка Архипов
 Афонька Гаврилов [Портняга]
 Федька Семёнов [Львов]
 Афонька Данилов [Смагин]
 Мишка [надо: Тимошка] Федотов Муха
 Офонька Гаврилов [записан второй раз]

Федька Семёнов [записан второй раз]
 Семейка Иванов усолец [он же зырян]
 Лёвка Ярофеев
 Семейка Иванов [Краснопев]
 Омелька Андреев
 Мартышко Киприянов
 Гришка Павлов
 Гаврилко Васильев [Хер].

В прошлом, государь, во 160 [надо: в 161] году, в мае месяце, сошли мы, холопи твои, в изгони от твоего государева воеводы от Богдана Денисьевича Оладыина с Илимского острогу и Верхоленьского на твою государеву службу в новую Даурскую землю. <..>

И твой государев воевода Богдан Денисьевич у нас, холопей твоих, имал для своей корысти посылы великие, и якори, и кони у нас, холопей твоих, отнимал.

И мы, холопи твои, от ево насильства великими долгами одолжали, и твоё государево денежное и хлебное на твоей государеве службе жалование у твоего государева воеводы у Богдана Денисьевича в подъёмы выкупали, и отступились по полуокладу из хлебного и денежного жалованья твоему государеву воеводе Богдану Денисьевичю Оладыину. И всякие зделья твои, государевы, намётывал на нас, холопей твоих, не против твоего государева, на неумеющих служилых людей плотнищество. А которым служилым людям плотнищество за обычай, и с тех брал твой государев воевода скупы великие, а их зделей свобожал, а нас, холопей твоих, зделем изгонял.

И мы, холопи твои, не мога стерпеть тою изгоню, и сошли мы, холопи твои, в новую Даурскую землю на твою государеву службу. А подымались подъёмы своими, должая великими долгами кабальными.» [114]

На Олёкме их судьба свела с Дмитрием Зиновьевым. Воевода Б. Д. Оладыин сообщал в Сибирский приказ, что всему виной даурские служилые люди Филька Самсонов и Семейка Андреев, которые шли с отписками в Москву от Хабарова, и с которыми в декабре 1652 года встретился на Захаровой заимке Дмитрий Зиновьев. В отписке, находящейся в фонде Сибирского приказа, утрачено начало. Но копия этой отписки имеется в фонде Миллера. Начало приводим по копии, а дальнейший текст по документу фонда Сибирского приказа, так как копия существенно отличается.

«В нынешнем, государь, во 161 [1652] году, зимою, шли мимо Ленской волок в [115] Илимской острог из Якутского острогу, из Даурские земли, служилые люди два человека Филька Самсонов да Серёшка Ондреев с отписками к тебе, государю, к Москве, и про Даурскую землю илимским и верхоленьским служилым людям, и промышленным, и всяким приезжим гуляющим людям сказали, что де Даурская земля пространна и богата, золота и серебра много, и платья носят золотые и камчатые всегда за холсту [в]место. И сами они даурския платья надевали на себя. А иным всяких чинов людям Илимского острогу и в уезде такое платья показывали.

И в Даурской земле русских людей, Ярка Хабарова с товарищи, житьё и добычу, идучи по Илимским уездом на Лене, всем хвалили безпрестанно, и соболей, и хлеба, и скота, и овощей всяких показали довольно ж, хто пойдёт в Даурскую землю.

А в Верхоленском, государь, остроге, идучи в Даурскую землю, енисейские служилые люди с сыном боярским с Петром Бекетовым прислали договорную грамотку к служилым людям. И та грамотка в Ылимском остроге в Съезжей избе. А в ней писано, чтоб они из Верхоленского шли с ними в Даурскую землю.

И по их подговору побежали из Верхоленского с ними служилые люди Петрушка Ульянов да Федка Львов, да Гришка Выхин, Федотко Васильев, покиня Верхоленской острог, и твоё государево денежное жалованья и ружьё, и порох, и свинец снесли » [116]

Потом они оказались в Амурском войске у Онофрия Степанова Кузнецца. О них речь пойдёт позже. Далее в отписке воеводы Б. Д. Оладына сообщается:

«И те служилые люди, судовые плотники, которые выбраны были твои государевы суды делать на всякие твои государевы якуцкие посылки нынешнего 161 [1653] года, на весне, суды зделав, на усть Муки и Куты рек в якуцкой отпуск под твои государевы хлебные запасы, и, не приходя в Ылимской острог, илимские и верхоленские служилые люди, судовые плотники Пронка Кислой с товарищи, восемнатцать человек, збежали.

А иные служилые люди, покиня твой государев Верхоленской Брацкой острожек, Давыдко Кайгород, Васка Семёнов [Черкашенин — Г. К.] с товарищи, четыре человека, потом же за Пронкою Кислым с товарищи збежали. С ними, беглецами, служивыми людьми, пашенные крестьяне и пашенных крестьян дети и наёмные срочные побежали.

А приезжие промышленные и гулящие люди, собрався, пошли с ними ж самовольством, не бив челом тебе, государю, об отпуске. И плувучи по Лене реке, у торговых и у промышленных людей суды, дощаники, з запасы и лотки отнели, и товары, и денги, и соболи, и ружьё, и порох, и свинец. И по заимкам и по деревням пашенных крестьян ограбили, и хлеб сильно поимали. А иных пашенных крестьян и гулящих людей, которые с ними не похотели на воровство бежать, и тех, свезав, с собою взяли сильно и побежали в Даурскую землю.

А по отпискам с Лены приказных людей с Пронкою Кислым — шездесят человек, с Васкою Черкашенином — сорок два человека. А по изветным речам пашенных крестьян, Марчка Никитина с товарищи, по допросу и по их скаске в Якуцком уезде с теми беглецами собрались многие люди, все с ружьём, и на многих судах пошли в Даурскую землю, человек з двести собрався и больши.

И за теми, государь, прежними беглецами, за служилыми людьми, за Пронкой Кислым с товарищи, и за наёмщиками, за промышленными людьми, за судовыми плотники, которые нанелись на заимках твои государевы суды делать в даурской отпуск, и взяв половину наёмных денег, побежали.

И посылал я, холоп твой, из Ылимского острогу в погоню сотника стре-

лецкого Якова Онцыфорова с служилыми людьми, велел их ворочать назад, служилых людей в Ылимской, Верхоленской остроги на твою государеву службу, а прихожих людей, наёмщиков, к судовому делу. И те беглецы твоего государева указу не послушали, назад не воротились.

А доехали погонщики, служилые люди, Микифор Черниговской с товарищи, на Лене реке, и оне, беглецы, ему отказали и отбились, и поймать себя не дали, и с погонщики бились.

А иные служилые люди, погонщики, Тимошка Федотов да Гаврилко Васильев, Давыдко Кайгород побежали ис погони к ним же, беглецам, и назад ис погони не воротились.

И за последними, государь, беглецами, за воров, за ссыльным черкашенином за Васкою Семёновым с товарищи, послал я в погоню служилого человека Савку Аверкиева с товарищи. Велел ему за теми вора гонятыца, собрався на Лене со верными людьми, тех воров имать, что они на Лене воруют, всяких людей грабят.

А до побегу, государь, тех служилых и прихожих гулящих людей я, холоп твой, посылал на Лену служилых людей за многое время, по весне, на заставу к Чечуйскому волоку Микифорка Черниговского, Гришку Зубова, Савку Белоуса с товарищи, десять человек, чтоб в Даурскую землю из Илимского и Верхоленского острогов, и от судового дела служилые и наёмные охочие промышленные люди, не поделав судов, не розбежались.

А пашенных крестьян к прикащику к Василью Скоблевскому писал многожды, чтоб он пашенных крестьян от побегу берёг и от воров, от беглецов, от грабежу оберегал крестьян, собрався со многими людьми, воров имал и присылал на Ленской волок ко мне в Ылимской острог.

И в нынешнем, государь, во 161 [1653] году, июня в 29 день, пашенных крестьян прикащик Василей Скоблевской приехал в Ылимской острог и передо мною, холопом твоим, в Съезжей избе сказал, что беглые люди с верху Лены реки бежали, Васка Черкашенин с товарищи, с промышленными людьми пришли к нему, Василью, на заимку тех воров человек с пятьдесят, ево, Василья, грабили, денги и оружие, и платья поимали, и хотели ево, Василья, жечь на огне.

А что у него, у Василья, и у торговых, и у промышленных людей, и пашенных крестьян взяли грабежём животных и оружия, и денег, и соболей, и о том они грабеже били челом тебе, государю [А. М.], а на тех воров мне, холопу твоему, подали явки за руками. И челобитье их на тех воров в Ылимском остроге записано.

А которые, государь, верхоленские служилые люди в Верхоленском Брацком острошке остались небольшие, и те, государь, служилые люди били челом тебе, государю [А. М.], а мне, холопу твоему, подали челобитную, чтоб ты, государь, пожаловал их: велел делать суды на твои государевы всякие посылки на Лене реке у Верхоленского острошку по десять дощаников на год, и поручную по себе запись дали в Съезжую избу. А достальные суды, дощаники и кочи, против якуцких отписок велю делать илимскими служилыми людьми безденежно.

А против твоего государева указу в Верхоленском острошке верхоленс-

ких служилых людей устроить за твоё государево хлебное жалованья в пашню нечем, потому что, государь, ссуды и подмоги им давать нечево. В твоей государеве казне ленег и всякого пашенного заводу, и лошадей нет.

А служилые люди, государь, присланы из городов без жон и без детей, и холостые люди нужные, и те бражники и зер[нь]щики в Верховенском остроге. А жили до моего приезде воровством и грабежом, и зернями, и пропивались, покупая у иноземцов, у братских людей, кобылья молока вино, и в пос[т]ные дни, и в Великой пост вино пивали.

А тот Верховенской острог от Илимского острогу удалел — болши до него тысячи вёрст. А унять их некому. А приказные люди — их же братья, и не смеют унять — хотят убить досмерти.

И про то их и про иное многое воровство я, холоп твой, посылал сыскивать, и оне все сами во всём воровстве не запирались, ково грабили и ково били, и вино кобылья пьют, в том винятца же. И за то им наказанья было, а не уймутца.

А послати в Верховенской острог на приказ некова. Детей боярских добрых нет, и верить стало некому. А острог украинный, окола стоят брацкая орда, люди неясачные многие.

И за тех бы, государь, воров, за верхоленских служилых людей, будет они розбегутца и острог покинут, и мне [б] от тебя, государя, в опале не быть. А послать в Верховенской из Ылимского острогу на прибавку людей неково, все в россылках и по службам.

А ссыльных людей, которые в нынешнем во 161 [1653] году будут, и впредь пришлют, от побегу уберечи окроме тюрьмы немочно, потому, государь, что блиско стал уход всяким людем в Даурскую землю, на две дороги: Олёкмою, а в другую сторону через Байкалово озера, куды пошли енисейские служилые люди.

А только, государь, из Якуцкого острогу заставы не будет на Олёкме реке для беглецов и ссыльных, и пашенные, и всякие люди пойдут безпрестани в Даурскую землю. И на Лене реке торговым и промышленным людем в Якутской от грабежу впредь проезду не будет.

И о том я, холоп твой, в Якутской к воеводе к Михайлу Ладыженскому да к дьяку Фёдору Тонкову писал, чтоб они на Олёкме для побегу ссыльных и всяких воров заставу учинили. А будет ли у них застава или нет, о том они мне, холопу твоему, не писывали.

А которые, государь, из иных сибирских городов и с Руси учнут приезжие люди или промышленные всякие люди впредь итить мимо Илимской острог на Лену и похотят итить в Даурскую землю, и я, холоп твой, без твоего государева указу задержать в Ылимском остроге прихожих людей не смею, что в твоём государеве наказе у меня написано: велено без задержанья и повольню на всякие промыслы отпускать приезжих всяких людей.

А хто, государь, имяны илимские и верхоленские люди побежали в Даурскую землю и на воровство с Лены реки, и пашенные крестьяне, и их дети, и тем людем имяна имянную роспись послал я, холоп твой, к тебе, государю, и челобитную, которые били челом тебе, государю [А. М.], а ко мне,

холопу твоему, принесли челобитные торговые и промышленные люди, и пашенные крестьяне за руками о грабеже на тех беглых служилых людей в их воровстве, в грабеже, послал, подклея под сею отпискою.

А отписку и с той имянной росписью, и с челобитными велел подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубетцкому да дьяком Григорью Протопопову да Третьяку Васильеву.

И о том о всём против сей отписки вели, государь, мне, холопу твоему, свой государев указ учинить.» [117]

Приводим приложенную к отписке

«Роспись илимским и верхоленским збеглым служилым людям и пашенным крестьяном, и пашенных крестьян детем, которые збежали в Даурскую землю в нынешнем во 161 [1653] году.

*Пронка Дементьев Кислой

Васка Семёнов Черкашенин

Митька Иванов Горшков

*Гришка Павлов

*Мелешка Архипов

*Тимошка Федотов Муха

*Мартышко Киприянов

Кондрашка Герасимов Хмелинка

Козёмка Семёнов Попятка

*Фетка Семёнов Львов

*Ивашко Юрьев Вятка

*Захарко Леонтьев

Давыдко Васильев Кайгород

Гаврилко Васильев Хер

*Офонка Гаврилов [Портняга]

*Офонка [Данилов] Смагин

*Семейка Иванов Краснопев

Томилко Федотов

*Фомка [Васильев] Постьев

*Семейка Иванов зырян

Федка Офонасьев Львов — ушёл через Байкал

*Федоско Васильев Донщина — через Байкал

*Пятулька Ульянов — через Байкал

*Лёвка Ярафиев

Пашенные крестьяне:

Ярко Савастьянов

*Ивашко Костентинев Кузнец [он же Кудреватый, он же Колокольник]

Пашенных крестьян дети:

Марчка Микитина сын [Исачко]

*Елфимка Плужново черкашенина два сына [Микитка Елфимов и Ондрюшка Елфимов]

*Игнашка Кибряка черкашенина сын [точнее, пасынок Федька Антипин]

Якуньки Недовеса сын» [Васька] [118]

Забегая вперёд, укажем, что значком * отмечены люди, которые потом будут упомянуты в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеця.

Дадим некоторые пояснения к этой росписи.

Пронька Дементьев Кислый. В одном из документов о нём упоминается как о тобольском служилом человеке. [119] Пронька Кислый был прислан на Лену из Енисейска для постройки судов. В илимской окладной книге 1656 года о нём записано:

«161 [1653] году, на весне, Пронька Кислой збежал от государева судового кочевого дела с усть Муки реки с судового плотбища в Даурскую землю.» [120]

Васька Семёнов Черкашенин. Ещё при воеводе В. Н. Пушкине он ходил в поход на «братских людей». В послужном списке сына боярского Алексея Бедарёва и казачьего десятника Василия Бугра 31 октября 1645 года записано:

«Васка Семёнов ссыльной бился и мужика ранил.» [121]

О нём имеются записи в таможенных книгах. К примеру, в таможенной книге Чечуйского волока за 1647 год:

«Марта в 30 день ссыльной черкашенин Васка Семёнов продал Осипу Бобришке из Верхоленской волости сорок соболей с хвосты. Взял за те соболи тридцать рублёв.» [122]

В илимской окладной книге 1656 года записано:

«161 [1653] году, на весне, Васка Черкашенин с Тутурской слободы с караулу збежал в Даурскую землю.» [123]

Побег ему стоил жизни. В этом же году он утонул в Амуре. В других документах его называют Васька Семёнов Пан, Васька Семёнов Панов.

В окладной книге 1656 года перечислены все беглые люди. О некоторых указано, откуда он бежал и от какого дела.

«Митька Иванов Горшков <...> 161 [1653] году, на весне, Митька Горшков с усть Куты реки с судового плотбища от государева судового дела збежал в Даурскую землю.» [124]

«Гришка Павлов <...> 161 [1653] году, по весне, Гришка Павлов з государевы службы из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [125]

«Мелешка Архипов <...> 161 [1653] году, на весне, Мелешка Архипов с судового плотбища от государева судового дела с усть Куты речки збежал в Даурскую землю.» [126]

«Тимошка Федотов Муха <...> во 161 [1653] году на весне из Верхоленского острошку Тимошка Муха збежал в Даурскую землю.» [127]

«Мартышко Кипреянов <...> 161 [1653] году, на весне, Мартышко Кипреянов з государевы службы из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [128]

«Кондрашка Герасимов Хмелинка <...> 161 [1653] году, на весне Кондрашка Хмелинка от судового плотбища збежал в Даурскую землю.» [129]

«Козёмка Семёнов Попятка <...> 161 [1653] году, на весне, Козёмка Семёнов Попятка з государевы службы из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [130]

«Федька Семёнов Львов <...> 161 [1653] году, на весне, Федька Семёнов

Львов з государевы службы из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [131]

«Ивашко Юрьев Вятка <...> 161 [1653] году, на весне, Ивашко Вятка з государевы службы из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [132]

«Захарко Леонтьев <...> 161 [1653] году, на весне, Захарко Леонтьев из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [133]

«Давытко Васильев Кайгород <...> 161 [1653] году, на весне, Давытко Кайгород по государеву указу был послан в Орленскую волость для дозору и наряду за судовыми плотники государева даурского дела судового. Того же году, на весне, он збежал в Даурскую землю.» [134]

«Гаврилко Васильев Хер <...> 161 [1653] году, на весне, Гаврилко Хер збежал в Даурскую землю с Тутуры.» [135]

«Офонка Гаврилов Портняга <...> 161 [1653] году, на весне, Офонка Портняга ис посылки с усть Куты реки збежал в Даурскую землю.» [136]

«Офонка Данилов Смагин <...> 161 [1653] году, на весне, Офонка Смагин от государева судового дела с усть Куты реки збежал в Даурскую землю.» [137]

«Сенка Иванов Краснопев <...> 161 [1653] году, на весне, Сенка Краснопев з государевы службы из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [138]

«Томилко Федотов <...> 161 [1653] году, на весне, Томилко Федотов с судового плотбища от государевых судов с усть Куты реки збежал в Даурскую землю.» [139]

«Фомка Васильев Постьев <...> 161 [1653] году, на весне, Фомка Постьев з государева плотбища от государевых кочей с усть Куты реки збежал в Даурскую землю.» [140]

«Сенка Иванов Зырянин <...> 161 [1653] году, на весне, Сенка Зырянин збежал в Даурскую землю.» [141]

«Федька Офонасьев Львов <...> 161 [1653] году, на весне, Федька Офонасьев з государевы службы из Верхоленского острошку збежал на Байкалово озеро.» [142]

«Федоско Васильев Донщина <...> 161 [1653] году, зимою, Федоско Донщина збежал из Верхоленского острошку на Байкалово озеро.» [143]

«Пятулька Ульянов <...> 161 [1653] году, на весне, Пятулька Ульянов збежал в Даурскую землю.» [144]

«Лёвка Ерофеев <...> 161 [1653] году, на весне, Лёвка Ерофеев з государевы службы из Верхоленского острошку збежал в Даурскую землю.» [145]

В росписи Богдана Оладына пропущены:

«Гришка Иванов Вьюхин <...> 161 [1653] году, на весне, Гришка Вьюхин з государевы службы из Верхоленского острошку збежал на Байкалово озеро.» [146] Он тоже отмечен в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеця.

«Сенка Андреев <...> 161 [1653] году, на весне, Сенка Андреев збежал в Даурскую землю.» [147]

Роспись воеводы Оладына представляет собой общий, но далеко не-

полный список трёх отрядов людей, бежавших в разное время. С Васькой Черкашениным и с Давыдком Кайгородом бежали пашенные крестьяне и крестьянские дети. Верхоленские служилые люди, бежавшие через Байкал, присоединились к отряду Петра Бекетова, который шёл в Даурскую землю южным путём. Остальные бежали с Пронькой Кислым. В росписи не значатся промышленные люди. Имена большинства из них указаны в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеця.

Теперь приведём некоторые сведения о пашенных крестьянах и крестьянских детях.

Пашенный крестьянин Ярко Савостьянов был из вольных людей. О его устройстве в пашню сообщал илимский воевода Шушерин:

«Ярофейку Савостьянова сысолыца — на великой реке Лене на усть Какорки речки и повыше Какорки на лушку.» [148]

Речка Какорка сейчас называется Кокора, впадает в Лену с левой стороны в 70 километрах выше устья Куты, впоследствии там возникла деревня Омолой.

Ивашко Костентинов — тот самый пашенный крестьянин, который подрядился изготовить для дощаников пять тысяч скоб. О нём в другой отписке воеводы Богдана Оладьина сообщается:

«Усть-Киренские волости ис Кривой Луки Ивашко Костентинов Кудреватой, он же Кузнец.» [149]

Он тоже был из вольных людей. О его устройстве в пашню сообщал воевода Шушерин:

«Промышленного человека Ивашку Костентинова Кузнеця — на великой реке Лене выше Чечуйского волоку, в Кривой Луке, в готовом дворе, в Карпункин жеребей Игнатьева. В прошлом, государь, во 157 [1649] году того, государь, Карпунку Игнатьева воевода Дмитрий Францбеков увёз с собою в Якутской острог, взял его к себе во двор.» [150]

Карпунька Игнатьев был черкашенин, сосланный в пашню.

Имя сыновей тутурского пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Елфима Иванова Плужного в этой росписи не указано. Но в другой отписке якутскому воеводе Богдан Оладьин назвал их имена:

«Микитка да Данилко Елфимовы Плужново.» [151]

Однако, он неправильно указал имя одного из сыновей. На самом же деле бежал не Данилко, а Андрюшка. Это подтверждается послужным списком Онофрия Степанова Кузнеця. [152]

В челобитной торговых людей, которую мы приведём ниже, указано правильно: «ленского пашенного крестьянина Ефима Иванова Плужново на детей его на Митку да на Ондрюшку.» [153]

Данилко же вместе с отцом побежит в Даурскую землю в 1655 году с полком Мишки Сорокина. Митьке Плужному было 27 лет, а Андрюшке 23 года.

Имя сына тутурского пашенного крестьянина Игнашки Кубряка (Купряка) в росписи не названо. В уже упомянутой отписке Богдана Оладьина якутскому воеводе сказано:

«С Тутурские слободы <...> Игнашкин пасынок Кубряков Фетка Онтипин.» [154]

Сыну пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Якуньки Михайлова Недовеса Ваське было 25 лет. Якунька Недовес пахал в деревне Олонцевой, на левой стороне Лены, выше нынешнего Киренска в 74 километрах. Через два года Якунька Недовес тоже сбежит на Амур с полком Мишки Сорокина. О сыне Марчка Никитина Исачке будет рассказано позже.

В отписке воеводы Богдана Оладьина все беглые люди указаны в одной росписи. Но бежали они в разное время. Ватага Проньки Кислого бежала раньше, чем ватага Васьки Черкашенина. Подробностей о грабежах на Лене в пределах Илимского воеводства, учинённых людьми, бежавшими с Пронькой Кислым, не сохранилось, а в пределах Якутского воеводства, на Чечуйском волоке, есть. Служилый человек Шумило Дмитриев и целовальник Митька Ларионов сообщали якутскому воеводе М. С. Лодыженскому и дьяку Ф. В. Тонкову:

«В нынешнем во 161 [1653] году, мая в 17 день, проплыли с верху мимо Чючуйской волок беглые люди в дощанике на низ. И мы, Шумилко и целовальник Митька, почали их спрашивать, что вы за люди пловёте. И они нам сказали: мы де пловём. вольные люди, в Дауры, Верхоленского Илимского острогу служилые. И с нами де есть и промышленные люди разных городов. А сколько их числом, и того они нам не сказали. И к себе нас они на судно для счёту и досмотру не пропустили. А по смете тех беглых людей было человек сорок и больше.

Да они же, беглые люди, приставали на мельнице пашенного Федьки Яковлева и с мельницы запас грабили. И по извету пашенного Федьки Яковлева тоё мельницу мы, Шумилко и целовальник Митька, досматривали. И та мельница граблена, и запас иман. А сколько того запаса взято и чей именем запас, и того нам ведать не по чему, что тех запасов на хозяев на мельнице нет.

И после тех беглых людей иные многие люди человек по пяти и по шти проплывают мимо Чичуйской волок, и около по камению обходят тайным обычаем. А нас на Чючуйском волоку немного. И тех беглых людей имать некем.

Да с ними же, беглыми людьми, ушёл с мельницы Ивашко Фёдоров Кузнец Усолья Вычегоцкого.» [155]

В послужном списке Онофрия Степанова Кузнецца среди охочих амурских служилых людей, пришедших с Пронькой Кислым, записан Ивашко Фёдоров Оглоблин. [156]

Мельница эта была на речке, которая сейчас называется Бобошина, впадающей в Лену с левой стороны в 5 километрах выше Чечуйска. Она вообще-то принадлежала Е. Хабарову. Уходя на Амур, Хабаров оставил эту мельницу Федьке Яковлеву во временное пользование. Федька Яковлев, кроме своих запасов, молот там зерно пашенных крестьян и казённые хлебные запасы, получая немалую прибыль. В 1660 году эта мельница была взята у Хабарова в казну в счёт погашения долга за амурский поход.

Кроме Ивашки Фёдорова Кузнецца сбежал на Амур из деревни Берендиловой (ниже Чечуйска в 23 км) пашенный крестьянин Терёшка Тимофеев Квасов, отставной служилый человек Якутского острога. Однако, неизвес-

тно, с какой ватагой они ушли, с Пронькой Кислым или с Васькой Черкашениным.

На Чечуйском волоке беглые люди, кроме грабежа, запасались мясом в обмен на соболей. Вот что сообщал после побега целовальник Чечуйского волока Петрушка Иванов Федяев.

«Да в нынешнем же во 162 [1653] году прислана со мною, Петрушкою, указная память, что велено в Якутском же уезде у пашенново Захарка Игнатъева взять государеву десятинную пошлину с тритцати соболей, которые соболи дали ему, Захарку, беглые даурские люди за две коровы.

И я, Петрушка, взяв государеву десятую с тритцати соболей три соболя, и те соболи, дватцать семь, отдал ему, Захарку. А за прдавцов, за тех беглых даурских людей, другой десятой, соболей, не взял. Ни с продажи алтынов не взял же, потому что он, Захарко, упрощался до государева указу и до вашего воеводского указу. И по себе он, Захарко, дал поруку з записью: как де велит государь взять с тех соболей другую десятую за продавцов, за тех беглых даурских людей, и с продажи б алтыны ино де и порутчики заплатят десятую в Якутском остроге.

А которые три соболя взяты десятые с него, Захарка, и те соболи на одном ремне, а у тех трёх соболей особой ярлык, и за печатью за особой.

И порутчики все в Якутском остроге, и порушную запись по нём, Захарке послана в Якутской острог под сею отпискою.» [157]

Поручная запись в деле отсутствует. Эту отписку получили в Якутском остроге уже летом, 20 июня 1654 года.

Захарко Игнатъев Малышев пахал в деревне, названной по его имени Захаровой (сейчас Петропавловск) ниже Чечуйского волока в 27 километрах.

А в таможенной книге соболиной казне Пётр Иванов Федяев сделал запись:

«Октября в 23 день [1653 г.] у пашенного крестьянина Якутского присуду у Захарка Игнатъева, что ему беглые служилые и промышленные покинули за две коровы, с тритцати соболей, государевы десятой пошлыны взято три соболи с хвосты.» [158]

Через две недели Захарко Игнатъев продал эти соболи, о чём в таможенной книге сделана запись:

«Ноября в 7 день [1653 г.] ленской пашенной крестьянин Захарко Игнатъев продал торгового человека Андрея Осколкова прикащику Алексею Васильеву Едомскому дватцать семь соболей с хвосты, что ему беглые люди покинули за две коровы. Взял за те соболи дватцать семь рублёв.» [159]

Сделка для Захара Игнатъева, видимо, была выгодной, потому что год назад он продал Дмитрию Зиновьеву быка всего за восемь рублей, и две коровы служилым людям за двадцать рублей.

По сохранившимся документам невозможно определить покупателей, были ли это люди Проньки Кислого или Васьки Черкашенина.

А о грабежах, учинённых людьми Васьки Черкашенина в Илимском воеводстве, есть две челобитные. В челобитной, приложенной к отписке воеводы Богдана Оладьина, сообщаются имена людей, которые бежали с Васькой Черкашенином.

«Царю [А. М.] бьют челом сироты твои:
москвитинной гостиной сотни Сергея Янчикова приказщик ево Елфим-
ко Офонасьев

да суконной сотни Дементья Кирилова приказщики ево Семейка Григо-
рьев, Ивашко Кузмин

да торговые люди Омелька да Матюшка Яковлевы дети Ворыпаевы ла-
лечи

да промышленные люди Мишка Васильев, Гришка Иванов Безрукой ус-
тюжана.

Жалоба, государь, нам на верхоленских беглых служилых людей:

на Давыдка Васильева Кайгорода

*на Ивашка Юрьева Вятку

*да ленского пашенного Ефима Иванова Плужново на детей ево на Мит-
ку да на Ондриюшку

*пашенного Гришки Васильева на пасынка ево на Федку

да на беглых же пашенных:

на Ярка Савостьянова

*на Ивашка Костянтинова

*на Якуньку Микифорова [Микитина?]

пашенного Ярка Савостьянова на половника ево на Агафонка Яковлева

да на верхоленских и на тутурских и на орленских промышленных беглых
людей:

*на Матюшку Панфилова Хворостинина

*Трофимка Иванова Черепана

*на Митку Ортемьева Роздобрея

*на Евдокимка Феофилова Захлебая

*на Лёвку Михайлова [колмогора]

на Мишку Иванова

на Ивашка Ондреева

*на Гришку Микитина Москву

*на Гаврилка [Максимова] Смольника

*на Клипка Семёнова чердынца

*на Нестерка [Григорьева] важанина

*на Пашка Петрова

с товарищи, на шестьдесят человек, а иным, государь, тем беглым вся-
ким людям имён и отцов их не ведаем.

В нынешнем, государь, в 161 [1653] году, летом, те беглые служилые и
пашенные, и промышленные люди, ссыльной Васка Семёнов с товарищи,
пловучи на низ по Лене реке из Верхоленского острошку, збираючи к себе
пашенных и промышленных, которые в сей челобитной имяны писаны, в
Дауры, и стретаючи по Лене реке, и на низ пловучи, нашу братью, торго-
вых и промышленных, и по займам всяких чинов людей, воровски сильно
грабили:

меня, Елфимка, они, беглые люди, ссыльной Васка с товарищи, мях-
кой всякой рухляди и оружия, и всяково товару на триста на сорок на один
рубль на шесть алтын на четыре денги;

а у меня, Омелки, на четыреста на семьдесят на восемь рублёв на дватцать алтын на четыре денги по цене дощаник со всею судовою снастью нагруженной запасом мукою и всяким промышленным заводом;

а у меня, Матюшки, на двести на пятьдесят на пять рублёв по цене судовой всякой снасти с коча и запасу муки ржаной, и всякого товару, и промышленного заводу;

да племянника моего Ивашка Фёдорова пограбили на дватцать на три рубли ж с полтиною всякого товаришку и гарна мелково;

да покрученика моего Матюшку Семёнова лалетина на десять рублёв по цене всякого промышленного заводу;

а нас, промышленных людей Мишку да Гришку, на шестьсот на пятьдесят на четыре рубли с полтиною по цене мяжкой всякой рухляди.

И нас, сирот твоих, те беглые люди, ссыльной Васка Пан с товарищи, совсем разорили и розграбили. И от их насильства и от грабежу мы, сироты твои, отстали от торжишков своих и от соболиного промыслу, и обдолжали, и обсиротали великими долги, и вконец погибли.

И нам, сиротам твоим, и всяким людям, торговым и промышленным, от их великого воровства и от грабежу, и от насильства в Якутцкой острог и на соболиные промыслы проходу и проезду не стало. И торги и соболиные промыслы стали. И в твоей государеве казне будут недоборы большие.

<...> Вели, государь, нам, сиротам, дать свою государеву грамоту о сыску и сыщика, ково ты, государь, пошлѣшь и прикажешь сыскать тех беглых ссыльных людей, и о Васку Пана с товарищи сыскать, и про наши грабленные животишка, чтоб нам, сиротам твоим, вконец не погибнуть.» [160]

Звёздочкой * здесь отмечены люди, которые потом будут внесены в послужной список Онофрия Степанова Кузнеца.

В росписи допущена одна ошибка: вместо Гришки Васильева нужно было записать Игнашку Васильева Купряка. Гришки Васильева среди турурских пашенных крестьян не было.

Пашенный крестьянин Якунька Микифоров ни в каких списках не упоминается. В послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца записан Якунька Микитин, но и такого пашенного крестьянина в списках нет.

Место ограбления не указано.

Другая челобитная была от Марчка Никитина, родоначальника многочисленных ленских Марковых, и поныне живущих на Лене. Марчко Никитин пахал в деревне, которая по его имени называется Марковой.

«Царю [А. М.] бѣёт челом сирота твой, пашенной крестьянин Марчко Никитин, на беглых Илимского острогу верхоленских служилых людей и пашенных крестьян, и промышленных, и гулящих людей, на Васку Семёнова Панова с товарищи, на пятьдесят человек.

В нынешнем, государь, во 161 [1653] году бежали с верху Лены реки из Верхоленского острогу и с Тутуры, и с Орленги служилые люди и пашенные крестьяня, и промышленные, и гулящие люди, Васка Панов с товарищи, вниз по Лене. И приплыв ко мне, сироте твоему, в деревнишко, и июня в 15 день, и сынинишка моего Исачка те беглые люди взяли с собою сильно, и животишко моё ограбили грабежом. Взяли, государь, у меня

мешёк муки пшеничной, пять пуд, да ячной муки пять пуд, да круп ячных три пуда.

Да у меня ж приголовок розломали. А в нём было пять рублёв денег. И оне, те беглые люди, деньги взяли. Да они же взяли у меня три иконы на окладе с камнем и з жемчюгом, да тритцать ложек деревянных. А меня, сироты твоего, в те поры дома не было, ездил я, сирота твой, на Усть-Киренгу.

И июня в 16 день приплыли те беглые люди, Васка Панов с товарищи, пятьдесят человек, для грабежу в деревню пашенных крестьян к прикащику Василию Скоблевскому. А я, сирота твой, в то время у него, Василья, был в ево деревне. И увидел я, сирота твой, тово своево сынишка Исайка с теми беглыми. И те беглые люди, Васка Пан с товарищи, тово моево сынишка Исачка от меня отбили и взять мне ево не дали.

А как, государь, тово моево сынишка Исачка везли те беглые люди за приставом мимо Киренского Никольского погоста сильно, и то, государь, видяли торговые люди Семён Григорьев сын колмогор да Иван Козмин сын лалетин.

<...> Вели, государь, против моево тебе, государю, сего челобитья своему государеву воеводе Богдану Денисьевичю Оладыну тех торговых людей допросити и те их допросные речи записать, и о том тебе, к государю, к Москве отписать, чтоб мне, сироте твоему, и сынишку моему Исачку в том их воровском побеге от тебя, государя, в опале и в казне не быть.» [161]

На обороте: «К сей челобитной вместо пашенново Марчка Микитина по его велению спаской поп Амвросимище Леонтьев руку приложил.» Фамилия илимского спасского попа Амвросия Леонтьева была Толстоухов.

Деревня приказчика киренских крестьян Василия Скоблевского сейчас называется Скобельской. Она на левом берегу Лены, выше Киренска в 78 километрах.

В этой челобитной Марчко Никитин ссылется на торговых людей Семёна Григорьева колмогора и Ивана Козьмина лалетина, видевших Исачку Маркова на Усть-Киренском погосте. В предыдущей челобитной они записаны как приказчики суконной сотни Дементья Кирилова. Видимо на Киренском погосте Васька Семёнов Черкашенин со своими людьми их и ограбил.

Забегая вперёд, укажем, что хотя Исачко Марков и побывал на Амуре, но в Амурском войске ему побывать не довелось. Его вместе с Давыдком Кайгородом на обратном пути с Амура привёз на Лену Дмитрий Зиновьев. Эту историю авторы различных путеводителей изрядно исказили. Авторы путеводителей — не историки, и вступать с ними в спор здесь вроде бы не к месту. Но всё же необходимо упомянуть то, что они пишут, так как на Лене живёт много Марковых, принимающих за чистую монету любое печатное слово о своих предках. К примеру, А. С. Павлов писал: «За островом Марковским открывается село Марково, названное по фамилии соратника Е. Хабарова Куприяна Маркова, основавшего здесь зимовье.» [162]

Вслед за ним А. Н. Колесов и Ю. В. Кайдышев пишут:

«Ниже устья р. Таюра теплоход проходит мимо сёл Верхнемарково и

Марково, расположенных на левом и правом берегах Лены. Свои названия они получили в память их основателя Куприяна Маркова — верного соратника Ерофея Хабарова.» [163]

Куприян (Кипрюшка) Марков — младший сын Марчка Никитина был в это время ещё подростком, на Амуре никогда не был. В соратники Хабарова авторы путеводителей его записали напрасно.

На следующий год после побега Дмитрий Зиновьев, как уже сказано, привёз с Амура на Лену Давыдку Кайгорода и Исачку Маркова. Илимский воевода Б. Д. Оладын допросил Давыдку Кайгорода и послал об этом отписку в Москву. В этой отписке содержатся дополнительные подробности о побеге Васьки Черкашенина.

«В прошлом, государь, во 161 [1653] году збежали Верхоленского острогу служилые люди воровством, Пронка Кислой да Васка Черкашенин, Ивашко Вятка, Давыдко Кайгород с товарищи, покиня твой государев острог, в Даурскую землю. И, побежав, грабили по великой реке Лене ленских пашенных крестьян, и торговых, и промышленных людей.

И я, холоп твой, за теми ворами посылал в погоню по великой реке Лене сотника стрелецково и служилых людей. И велел быти на Киренском Никольском погосте на заставе для тех побещиков служилым людям, десятнику казачью Микифорку Черниговскому с товарищи. А велел ему, собрався с служилыми и с торговыми, и с промышленными людьми, и с пашенными крестьяны, их переимать и привести в Ылимской острог.

И те воры, изменники Васка Черкашенин с товарищи, приехав на Киренской Никольской погост приступали к твоему таможенному казённому анбару. И служилой человек Микифорка Черниговской с товарищи тово вора Васку Черкашенина поймали. И на поимке те беглецы, ево, Васку, у Микифорка Черниговского отбили, и ушли в Даурскую землю, собрався с ворами, с прихожими промышленными и служилыми людьми.

По их же подговору с ними ж збежали в Даурскую землю ленские пашенные крестьяне от Илимского острогу из дальних мест, покиня твою государеву пашню, Ерошко Савостьянов да Ивашко Костентинов, да Исачко Марков, да Елфимка Плужново два сына.

И в нынешнем, государь, во 162 [1654] году, июня в 16 день, привёз на Ленской волок в Ылимской острог ко мне, холопу твоему, из Даурские земли Дмитрей Зиновьев вора, поймал в Даурах, беглеца верхоленского служилого человека Давытку Васильева Кайгорода.

И в нынешнем же, государь, во 162 [1654] году, июня в 26 день, на Ленском волоку в Ылимском остроге я, холоп твой, тово беглеца про побег в Даурскую землю и про грабёж пашенных крестьян и торговых людей допрашивал вора служилого человека Давытку Кайгорода. И после роспросу велел ево, вора, пытать накрепко, ково они, воры, побежав воровством в Дауры, грабили ленских пашенных крестьян, и торговых и промышленных людей, и у ково [с]колько каких животных поймали грабежём.

И тот вор Давытко Васильев Кайгород в роспросе, до пытки, и после роспросу, с пытки, в грабеже винулся: в том де он перед тобою, государем, виноват: в Ылимском де уезде, на Киренге, к твоему государеву таможен-

ному анбару, к твоей государеве казне, приступали и тот анбар ломали, и вынесли ис того твоего государева анбару две пищали, и товарищев своих, беглецов, илимских и верхоленских служилых людей Васку Черкашенина на заставе у служилых людей у десятника у Микифорка Черниговского на поимке отбили, и поимать де себя не дали.

Да он же, вор, даурской беглец, с пытки винулся: грабили де торговых людей, торгового человека Еуфима Чанчикова, взяли у него дватцать рублёв. Да у промышленных людей три сорока соболей отнели.

Да они же де, воры, беглецы Давытко Кайгород, грабили ленских пашенных крестьян приказщика Василья Скоблевского. Взяли пистолы и пищали, и денги, и вино, и судовые напарьи имали. И ему де, Василью Скоблевскому, заказывали и грозили смертным убойством, чтоб он не посылал с вестью никуды. И караулы де около ево, Васильева, двора были их, воровские, многие.

Да торгового человека Матвея Ворыпаева грабили же, взяли сильно дощаник з запасы и с товаром ево. А что товару и запасов грабежём взяли воры, даурские беглецы Давытко Кайгород с товарищи, и то поделили по себе. И покрученика ево, Матвеева, взяли [с] собою воровством же сильно.

Да у торгового человека Ивана Тюрина, да у промышленного человека у Кондрашки Дерябы поимали пищаль воровством же. И работника ево, Кондрашкина, взяли с собой сильно, воровством же.

Да у пашенного крестьянина у Мишки Костентинова взяли работника сильно.

Да иных торговых и промышленных людей, и пашенных крестьян грабили ж, и записи на работных наёмщиков у крестьян поимали сильно же.» [164]

Упомянутый здесь пашенный крестьянин Мишка Костентинов Синьков пахал ниже устья Куты в Якурине. После переселился вверх по Лене в теперешнее Жигалово. Его потомки живут в Качугском районе.

Чтобы перехватить беглецов на Олёкме, илимский воевода Б. Д. Оладьин обращался за помощью к якутскому воеводе М. С. Лодыженскому и дьяку Ф. В. Тонкову, послал им несколько отписок. В фонде 1177 Якутской приказной избы имеются три отписки Богдана Оладьина. Все они не имеют конца. В двух из них содержится просьба «учинить заставу» на устье Олёкмы. В двух содержатся неполные списки беглых людей. Однако все просьбы запоздали. Беглые люди уже давно шли по Олёкме.

«В нынешнем, господа во 161 [1653] году, мая в 18 день, ведомо учинилось мне на Ленском волоку в Ылимском остроге, что де многие промышленные и всякие прихожие люди, не[з]делав государевых судов в даурской отпуск под окольниково и воеводу князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского и под служилых людей, хотят де бежать с Лены из Ылимского уезду к Даурской земле.

И того ж, господа, числа писал ко мне на Ленской волок в Ылимской острог с усть Куты реки Верхоленского острожку казачей пятидесятник Михайло Козлов: в нынешнем во 161 [1653] году, мая против 15 числа, в ночи, с усть Куты реки збежали де от государева дела верхоленские служилые люди Пронька Кислой с товарищи, тринацать человек, да с ними

ж и промышленные многие люди, от судов похватая у торговых людей лотки, поплыли наниз по Лене реке. И хотят де бежать по Олёкме реке в Даурскую землю. Да из Ылимского острогу служилых же два человека. И государево денежное жалованье и пищали, и плотничные [топоры снесли].» [165]

На обороте отписки отметка о подаче: «161 [1653], июня в 19 день, подал торговой человек Ромашка Семёнов.» Конца отписки нет. Но эта же отписка имеется в копиях Г. Ф. Миллера. Приведённое здесь начало слегка отличается от копии. Конец отписки приводим по копии.

«А промышленные люди, которые наняты в даурской отпуск под окольное и воеводу князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского и под служилых людей суды делать, и на судовое дело, побрав государевы наёмные денги немалые, и снесли.

И вам бы, господа, по государеву [А. М.] указу Якуцкого острогу в уезде на усть Олёкмы реки в острожке учинить заказ крепкой якуцким служилым людям, и велеть не пропускать в Якуцкой и вверх по Олёкме к Даурской земле побежать. Велеть, господа, переимать и, поймав, ко мне на Ленской волок в Илимской острог отослать, чтоб за ними, беглецами, государево судовое дело в даурской отпуск не стало, а сносное государево денежное жалованье и пищали, и топоры за беглыми служилыми людьми даром не пропало.

А будет пашенные крестьяне Илимского уезду побежали, и их бы также, поймав, отсылать в Илимский острог, чтоб государева десятинная пашня не стала. И ко мне велеть для ведома отписать.» [166]

Вторая отписка на двух листах по содержанию отличается от первой тем, что в ней на втором листе приведена «Роспись збеглым илимским и верхоленским служилым людям.» [167]

Но эта роспись неполная. Поэтому мы её приводить не будем, так как ранее приведена более полная роспись. На обороте первого листа отметка о подаче: «161 [1653] году, июля в 15 день, подал торговой человек Михалко Кондаков.» Он когда-то был целовальником в Илимском остроге.

Третья отписка отличается от первых двух.

«В нынешнем, господа, в 161 [1653] году збежали на весне з государевы службы илимские и верхоленские служилые люди, Васька Черкашенин с товарищи, с Тутурские слободы с караулу и нарядчик от государева судового дела, и ленские же пашенные крестьяне, ленских же пашенных крестьян дети.

Служилые люди снесли государево денежное и хлебное, и соляное жалованье, покиня караулы и наряд судового дела, а пашенные крестьяне — государеву пашню, побежали воровством наниз по Лене и в Даурскую землю. И на побеге Леною рекою в Ылимском уезде торговых и промышленных людей, и пашенных крестьян, собрався с ленскими бродящими людьми, пошед воровством в Даурскую землю, грабили, и ленских же пашенных крестьян детей и наёмных срочных людей сильно с собою имали.

А хто имена беглые илимские служилые люди и пашенные крестьяне, дети, и их имена под сею отпискою. И буде, господа, те беглые илимские

и верхоленские служилые люди, и пашенные крестьяне, и пашенных же крестьян дети у вас в Якуцком уезде или в остроге объявятца, и вам бы, господа, по государеву [А. М.] указу тех беглецов велеть поймать. И, поймав, вкинуть в тюрьму до государева указа, и о том ко мне в Ылимской острог отписать.

А впредь, господине, на усть Олёкмы реки для побегу в Даурскую землю всяких ленских служилых и пашенных крестьян велеть вам учинить заставы немалых людей, чтоб служилые люди и пашенные крестьяне, и всякие работные наёмные люди, и для даурские службы которые делают государевы суды, дощаники, чтоб те плотники, не отделив судов, судового дела, и до-стальные деньги, взяв из государевы казны, наёмные, не збежали в Дауры.

А из Якуцкого, господа, уезду пашенные крестьяне и их работники, и промышленные всякие люди побежали в Даурскую землю, и вам про то ведомо ли?» [168]

Далее идёт «Роспись илимским м верхоленским збеглым служилым людем и ленским пашенным крестьяном». Она отличается от росписи во второй отписке, но опять же неполная. Поэтому приводить её не будем, так как ранее приведена более полная роспись.

На обороте первого листа отписки отметка о подаче: «161 [1653] году, августа в 6 день, подал отписку соборной церкви священник Спиридон.»

Воевода Оладьин, в отличие от воеводы Лодыженского, на устье Олёкмы не бывал и был уверен, что устроив заставу, можно перехватить беглецов. Лодыженский же, видимо, считал, что ловить беглых людей там просто невозможно. Ширина Лены при впадении Олёкмы примерно три километра, течение быстрое. Перехватывать можно только, когда беглецы повернут в Олёкму и пойдут против течения. В устье Олёкмы находится остров Тыреть, разбивающий русло на две протоки. Однако, остановить большую ватагу беглых людей там было бы непросто. Делать заставу и ловить беглецов, когда они уже ушли на Олёкму, было поздно, да и воевода якутский не был в подчинении у илимского.

Что же касается Олёкминского острожка, то историки до сих пор не выяснили, где он находился. Считают, что ниже теперешнего города Олёкминска. (От Олёкминска до устья Олёкмы 20 километров.) Олёкминский острожек был в то время весьма скромным сооружением. Спустя три года после описываемых событий острожек принимал служилый человек Вахрушко Максимов Попов и дал краткое описание его:

«В прошлом, государь, во 164 [1656] году, августа в ... день, послан я, Вахрушко, на государеву службу в Олёкминской острожек на перемену Третьяку Семёнову Горшечнику для государева ясачного збору. И я, Вахрушко, у того Третьяка принял Олёкминской острожек.

А в острожке две избы с нагороднями да два анбарёнка, да за острогом анбар о дву жировьях.» [169]

Поэтому М. С. Лодыженский даже не отвечал на отписки Б. Д. Оладына. А воевода Б. Д. Оладьин жаловался в Москву:

«И я, холоп твой, писал в Якутской острог в прежнем во 161 [1653] году к стольнику и воеводе к Михаилу Лодыженскому да к дьяку Фёдору Тон-

ково, чтоб они по твоему государеву указу прислали из Якутцкого острогу служилых людей в Верхоленской острожек для оберегания острожку и твоих государевых пашенных крестьян, и на усть Олёкмы на даурской дороге застава учинить, и в Даурскую землю воров, изменников и всяких беглецов не пропускать.

И они, Михайло и Фёдор, из Якутцкого острогу служилых людей в Верхоленской острожек не присылавали и на усть Олёкмы реки заставы не учинили, и о том ко мне в Ылимской острог не писали.» [170]

Якутский воевода не предпринимал никаких мер для задержания беглецов. А Дмитрий Зиновьев неожиданно для себя нагнал их как раз на устье Олёкмы. Произошла встреча, скудно описанная в документах. С устья Олёкмы Дмитрий Зиновьев послал отписку в Якутский острог:

«Господам Михайлу Семёновичю, Фёдору Васильевичю Дмитрей Зиновьев челом бьёт.

В нынешнем во 161 [1653] году, мая в 30 день, пришёл я на усть реки Олёкмы на остров. И на том, господа, острову стоят илимские и верхоленские служилые и промышленные люди.» [171]

Далее почему-то следует ещё одно предложение, не относящееся к сведениям о беглых людях, остальное оборвано. К счастью, копия этой отписки имеется в Петербурге в фонде Г. Ф. Миллера. Приводим ту часть, которая относится к беглецам.

«Господам Михайлу Семёновичю, Фёдору Васильевичю Дмитрей Зиновьев челом бьёт.

В нынешнем во 160 [1652] году, мая в 30 день, пришёл я на усть Олёкмы на остров. И на том, господа, острову стоят илимские и верхоленские служилые люди, и промышленныя <...>

А я, господа, пошёл того ж числа вверх по реке Олёкме. А служилых людей, илимских и верхоленских, 18 человек да промышленных людей дватцати четырёх человек. Велел им воротитьца в остроги Илимской и в Верхоленской. И остались после меня на усть Олёкмы реки на острову. А куды после меня пойдут, того не ведаю.» [172]

Остров этот сейчас называется Тыреть (Тюреть).

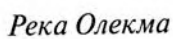
Это были люди Проньки Кислого. Побег Васьки Черкашенина в это время пока ещё не состоялся. Васька Черкашенин 16 июня лишь приплыл на заимку приказчика ленских крестьян Василия Скоблевского. Встреча Васьки Черкашенина с Зиновьевым тоже произойдёт, но позже, на Амуре, когда Зиновьев отправится в обратный путь.

Обратим внимание на то, что год в копии указан неправильно, нужно не 160, а 161.

Кто доставил эту отписку в Якутск, неизвестно.

Теперь обратимся к тому, что написано у И. Э. Фишера.

«Зиновьев по возвращении своём из Якутска, как хотел ехать вверх по Олёкме, застал на острове в устье сей реки станицу таких побродяг, коим приказал возвратиться в их отечество. Но у него было токмо тритцать человек. А как оных беглецов больше ста человек находились, то осталось исполнение на одном токмо приказании.

Река Олекма

И в посланном в Якутск письме сам объявил своё сомнение, послушаются ли его приказания. И в самом деле, увещевание его было тщетно, ибо как скоро Зиновьев ушёл токмо из вида, то следовала за ним оная станица.» [173]

А у Н. С. Шукина написано:

«Зиновьев, оставя Якутск, пошёл вверх по Лене реке, и в устье реки Олёкмы на острову нашёл 100 человек беглецов. Он должен был присоединить их к команде своей.» [174]

По этим выпискам из сочинений И. Э. Фишера и Н. С. Шукина необходимо сделать следующие замечания. Во-первых, количество людей, встреченных на острове, не соответствует количеству, указанному в копии Г. Ф. Миллера. Во всяком случае, в послужном списке Онофрия Степанова Кузнецца их указано гораздо меньше. «Верхоленского острожку служилых людей» с Пронькой Кислым записано 13 человек, и «охочих амурских служилых людей», пришедших с ним же, 30 человек. Конечно, записаны не все, но всё же это более соответствует количеству, указанному в копии Г. Ф. Миллера.

Второе замечание касается утверждения И. Э. Фишера от том, что «следовала за ним [Зиновьевым] оная станица», и утверждения Н. С. Шукина, что «он должен был присоединить их к команде своей». Кто из них прав, документами не подтверждено, но похоже, что прав Шукин.

О переходе через волок и о пути по Амуру рассказано в челобитной служилых людей, которые были с Дмитрием Зиновьевым:

«И пришед мы, государь, под волок, острог поставили, и те свои хлебные запасы оставили в остроге. А он, Дмитрий Зиновьев, и Якуцкого острогу с теми служилыми людьми за нами, холопи твоими, пришли под волок.

А из тово, государь, острошку пошли мы, холопи твои, с ним, Дмитрием Зиновьевым, за волок. И твою государеву казну давал нам, холопам твоим, нести непомногу. А перегрузил нас, холопей твоих, своими запасы и вином. И идучи, государь, по волоку, нас, холопей твоих, бил и увечил. И с ево побоев умерло служилых люде[й] 8 человек.

А волоком, государь, мы, холопи твои, с ним шли 4 дни. А преж того, государь, волоку переходят в 9 дней.

А перешед, государь, за волок нас, холопей твоих, голод взял, нужу и бедность терпели, пловучи по Амуру реке на плотях. И зделали, государь, мы, холопи твои, барку. И на берегу он, Дмитрий Зиновьев покинул Якуцкого острожку служилого человека Бориска Фёдорова.

А как, государь, мы, холопи твои,плыли по Амуру реке на той барке, и где был на полях хлеб сеян, и по тот хлеб нас на берег не выпускал, морил голодом 4 недели, покамест встретились с служилыми людьми, с Ярофеем Павловым сыном Хабаровым.» [175]

Обратим здесь внимание на два обстоятельства. Среди историков существуют разногласия по вопросу, кто и когда поставил Тугирский острожек. Одни ссылаются на документ, в котором написано:

«Из Лавкаева города с Амура реки через волок на Тугир реку — новой острожек, что поставил Ярко Хабаров, переходу только сто вёрст.» [176]

Служилые люди из Амурского войска Филька Самсонов и Сергушка

Ондреев, посланные в Москву, с которыми встретился в Захаровой деревне Д. Зиновьев, говорили:

«А острожку на Тугире Ярком не ставливал. Только тут два зимовья старые, поставлены до него.» [177]

Здесь же служилые люди Д. Зиновьева в челобитной пишут:

«И пришед мы, государь, под волок, острог поставили.»

Прибыв в Амурское войско, Д. Зиновьев расспрашивал десятников об этом острожке. И они сказали:

«А острожку де Ярком на Тугире не ставливал, стоят зимовья старые, которые до него поставлены.» [178]

И еще обратим внимание на то, что даже через четыре года пребывания Хабарова на Амуре по берегам ещё были хлебные поля.

Имея с собой проводников из Амурского войска, Д. Зиновьев без особого труда встретился с Хабаровым. О встрече записано со слов самого Д. Зиновьева:

«А приехал Дмитрий Зиновьев из Даур к Москве 163 [1654] году, декабря в 12 день. А сказал: съехал де он, Дмитрий, Ярком Хабарова с товарищи на Шилке реке [Амуре — Г. К.] у рубежа Дючерские земли во 161 [1653] году, августа в 25 день. А служилых людей с ним, Ярком, 330 человек.» [179]

Здесь сказано: «с ним, Ярком.» А теперь обратим внимание на то, что написано об этом же в наказе Афанасию Пашкову:

«Доехал де он, Дмитрий, Ярком Хабарова с товарищи в Дючерской земле на Шилке реке у рубежа Дючерские земли в прошлом во 161 [1653] году, августа в 25 день. А служилых и охочих людей с ним было 330 человек.» [180]

С кем, «с ним»? Г. А. Леонтьева посчитала, что с Зиновьевым, а не с Хабаровым. У неё написано:

«Таким образом, его [Зиновьева — Г. К.] отряд составил 330 человек.» [181]

Ясно, что в наказе, если не ошибка, то неточность. С Зиновьевым было послано 150 человек. Не мог Д. Зиновьев, идя по Олёкме, увеличить численность людей в два с лишним раза. К тому же, в документах об удвоении больше нигде не сказано. О численности амурского войска по состоянию на это время есть сведения в отписке Онофрия Степанова:

«В нынешнем во 162 [1653] году по государеву [А. М.] указу приезжал на великую реку Амур дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев с государевым жалованьем, с золотыми, и государево жалованье, золотые, давал приказному человеку Ярофею Павлову сыну Хабарову и нам, холопом государевым, всем, против государева указа, 320 человеком.» [182]

Поскольку эта численность указана Онофрием Степановым сразу же после отъезда Д. Зиновьева, она более достоверна. К тому же, она почти совпадает со сведениями о численности амурского войска, записанными со слов Зиновьева: «А служилых людей с ним, Ярком, 330 человек.»

Что представляли собой «золотые», как награда, описано в статье И. Г. Спасского:

«<<Золотые>> — было общим названием всех русских наградных знаков, независимо от того, что множество их изготовлялось из серебра, и только золотилось. <...>

Золотая денга в XVI и в первой половине XVII в. была наиболее массовым наградным знаком, так как в системе наград она соответствовала тем социальным слоям, которые составляли наиболее обширный контингент войска. <...>

Две низшие степени наград составляли покрытые позолотой самые обыкновенные денги и копейка. <...>

До начала XVII в. копейка-новгородка сохраняла свой первоначальный вес — всего 0,68 г. В течение же XVII в. её вес (а, следовательно, и размер) уменьшился более чем в два раза и дошёл к концу века до 0,28 г. Во второй половине века она была уже крохотной плёночкой серебра диаметром 7—8 мм.» [183]

На следующий год после отъезда Д. Зиновьева, примерно в августе 1653 года, служилые и охочие люди подали челобитную с просьбой не взимать десятую пошлину с погромной мягкой рухляди. В этой челобитной значительная часть отведена описанию приезда в Амурское войско Д. Зиновьева. Приводим эту часть.

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои, амурские служилые люди и охочие волные казаки, десятники и рядовые:

*Мишка Артемьев Кашинец

*Ивашко [Игнатъев] Манзурьев

Дмитрейко Никитин

*Ярофейко Михайлов

Антошко Евсеев

Дмитрейко Назарьев

Ивашко Иванов Квашнин

Козёмка Москва

*Ивашко Терентьев [Годовиков]

Дмитрейко Алексеев Кочкин

*Онофрейко Дмитриев [Салдат]

*Артюшка Филипов [Петриловский]

*Семейка Иванов

*Ивашко Самойлов [Молоков]

*Евсютка Фатьянов Гурылёв

Ивашко Гаврилов Телятев

Васка Иванов Митропольщина

и рядовые служилые и охочие вольные казаки.» [184]

Знаком * здесь отмечены люди, которые потом будут упомянуты в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца.

«Да прошлого, государь, 161 [1653]. году, августа в ... день приехал с Москвы к нам, холопам твоим, твой государев дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев к нам, холопам твоим. Царским жалованьем, золотыми, жаловал, выня из с зепи в бумаге, и нам, холопам твоим, давал с бранью матерною и называл нас, холопей твоих, плутами. И мы, государь, холопи твои, у него, Дмитрея, твоё царское жалованье приняли честно.

Да мы же, государь, холопи твои, по совету с приказным человеком и со всем воиским своим били челом о твоём государеве наказе и жалован-

ной грамоте, по чему нас, холопей твоих, жаловал. И он, Дмитрий, учал у нас приказного человека бить, и бороду драл. А нас, холопей твоих, он, Дмитрий, бранит всякою неподобною бранью и охочих казаков сажает не по вине напрасно.

А после, государь, тово он, Дмитрий Зиновьев, велел человеку своему Андрюшке наказную память вынести. И человек ево, Андрюшка, вынес. И он, Дмитрий, взяв ту наказную память, и бросил о палубу. А говорил он, Дмитрий Зиновьев: мужики де вы блядины дети, плуты. Вам де та наказная память казать не доведётца. А таких наказов не даётся никому. А тот Дмитрий Зиновьев твой государев наказ о палубу бросил и ногами пинал.

Да он же, Дмитрий Зиновьев, с наших погромных животишек, с мяхкой рухляди, с соболей, имал твою государеву десятую пошлину не против твоего государева указа, безмерно, десятого соболя. И ясыришко наше, пришед, описывал, и отнимал безденежно сильно, и к иноземцом отпускал безвыкупно. А тех, государь, мы, холопи твои, покупаем ясыри из войсково дорогою ценою.

И сверх, государь, тово он, Дмитрий Зиновьев, нам, холопам твоим, налоги чинил, для своей бездельной корысти учал нас, холопей твоих, изгонять. У ково, государь, сведает, что тому с ним, Дмитреем, за казною поднятца немочно и нечем, и тово он, Дмитрий, напишет за казною. А кому, государь, мочно и есть чем поднятца, и тово он, Дмитрий, за твоею государевою казною не отпускает и оставляет в Даурской земле. И от тово, государь, имал с нас великие скупы.

И от тово, государь, мы ныне от него, Дмитрея, изгони на твоей государеве службе на великой реке Амуре оскудали и задолжали великими долги.

Да он же, государь, Дмитрий Зиновьев, сказал нам, холопам твоим, государево жалованье: горячево вина погреб. И тово жалования горячево вина не видали. А сказал он, Дмитрий, что то горячее вино у него за волоком. А пошло де то государево жалованья вино весною. И мы твоего государева жалованья не видали, и по сё число не видали.

Да он же, Дмитрий Зиновьев, опрашивал нас, холопей твоих, про Даурскую землю и приказного человека Ерофейка Хабарова про прежние ево отписки. И нам, холопам твоим, руки велел прикладывать. А налицо он нам не казал. А велел он нам руки прикладывать сильно. И мы, государь, тех роспросных речей не смотря, руки прикладывали.. А не ведомо, к тем ли мы, холопи твои, речам руки прикладывали, или не к тем.

Да мы ж, государь, холопи твои, на великой реке Амуре били челом тебе, праведному государю, а ему, Дмитрею, подавали челобитную о приказном человеке о Ярофее Хабарове, чтоб ево, Ярафея, государь пожаловал: велел быть на своей государеве службе с нами, холопами твоими, на великой реке Амуре до твоего государева указа. И он, Дмитрий, его, Ярофея, с государевою соболиною казною ...» [не дописано] [185]

Сам Зиновьев не отрицал, что бил Хабарова. Возвратившись в Москву, он давал такие показания:

«А бил де ево за государево дело, что он учинился ему непослушен и завёл бунт, хотел ему, Дмитрею, от государевых дел отказать и отпустить из Сибири, из Даурские земли.» [186]

А Хабаров же позднее писал в челобитной:

«И роздав нам твоё государево жалованье, золотые, меня, Ярка, бил и за бороду драл, за то, что я у него спросил твоего государева указу. Бывают, государь, хто в чьё место приедет, и те привозят твои государевы грамоты и росписки в всяких твоих государевых делах, и о пушешных запасах, потому что одному принять, а другому отдать. И он твоей государевы грамоты не привёз, что меня ему ведать» [187]

Далее Дмитрий Зиновьев приступил к расспросу служилых и охочих людей, как ему было предписано в наказе:

«А велено ему, Дмитрею, Ярка Хабарова с товарищи и взятых языков, даурских людей, против Ярковых отписок про Даурскую землю, и про золотую и серебряные руды, и про всякие узорочные товары расспросить и самому рассмотреть про всё подлинно. <...>

А что ему, Дмитрею, Ярко Хабаров с товарищи и даурские люди про Даурскую землю, и про Богдойского царя Шамшакана, и про Лаха-Батуракана, и про серебряную гору, и про узорочные про всякие товары, и про Китайское государство, и про иныя земли в роспросе скажут, и ему, Дмитрею, велено то всё написать порознь, по статьям. И взяв с собою аманатов, даурских людей, и Ярка Хабарова, ехати ко государю к Москве.» [188]

Наибольший интерес в расспросных речах представляют сведения о событиях в Амурском войске, не отражённые в отписках, а также противоречащие тому, что сообщал Хабаров. Эти сведения включены в главу об амурском походе. Сведения же о Китайском государстве, серебряной горе, золоте, которые были известны в Амурском войске, всё это — не более, чем легенды.

Расспрос Зиновьев начал с подьячего.

«162 [1653] году, сентября в 1 день, по государеву [А. М.] указу Дмитрей Иванович Зиновьев расспрашивал войсковово подьячево Ивана Прокофьева Посохова в новой Даурской земле.

И в роспросе сказал Иван Посохов: пришёл де в Даурскую землю он, Иван, вместе с Ярком Хабаровым в прошлом во 157 [1649] году.» [189]

Далее следует рассказ о походах. А потом:

«А он де, Ивашко, в то время в подьячих не был. А взят де он в подьячие по неволи в Очанском городе во 160 [1652] году. И отписок де он к государю никаких не писывал. [190]

Сторонники Стеньки Васильева Полякова называли его «потаковщиком» Хабарова. Именно он писал расспросные речи, когда Хабаров учинил над ними сыск.

«А писал расспросные речи потаковщик ево, Ярофеев, Ивашко Прокопьев Посохов по ево, Ярофееву, наученью и как им надобет, и тем составным своим оне писмом, хотя нас, государь, холопей твоих государевых, вконец погубить.» [191]

К сожалению, эти расспросные речи не сохранились.

2 сентября Зиновьевым был расспрошен Ивашко Мартемьянов Седельников, который пришёл на Амур с Хабаровым в первом приходе. [192]

Он дал интересные и подробные показания. Почему именно его одного расспрашивал Зиновьев, не объяснено.

«Того же числа спрашиваны десятники:

Максимко Михайлов [Барабанщик]

Онтонко Евсеев

Федотко [Леонтьев] Бурдук

Васка Митропольщин[a]

Кармашка Иванов

Марко Ондреев.» [193]

Это не все десятники, а только лишь часть.

«Того же числа спрашиваны служилые люди.» [194]

Перечислено поимённо 107 человек.

«162 [1653], сентября в 6 день, по государеву [А. М.] указу Дмитрий Иванович Зиновьев спрашивал служилых людей.» [195]

Поимённо перечислено 106 человек.

«Да они ж подали изветную челобитную, да имян их роспись. И та челобитная подклеена под их роспросные речи.» [196]

В челобитной написано:

«Царю [А. М.] бьют челом [и] извещают тебе, государю, служилые люди и охочие вольные казаки, которых прибрал в Якуцком остроге твой государев воевода Дмитрий Андреевич Франзбеков да дьяк Осип Стефанов в новую Даурскую землю во 158 [1650] году на твою государеву службу, десятники и рядовые:

Стенька Васильев Поляков

Никитка Фёдоров

Осипко Трофимов

Климко Никитин Корела

Посничко Меркурьев

Нефедко Ермолин

Тимошка Федотов

Никитка Амосов Пестов

Ивашко Андреев Улыба

Семейка Прокопьев

Лучка Кондратьев Оморен

Ивашко Дмитриев

Ивашко Парфёнов

Гаврилко Герасимов [Кайгород] и с товарищи,

да Енисейского острогу служилые люди:

десятник казачей Костька Иванов

да Козёмка Фёдоров [Борзунов, он же Байкаловской],

да Енисейского же острогу охочей служилой человек Ондрюшка Стефанов,

да Якуцкого же острогу, которых прибирал твой государев воевода Дмитрий Андреевич Францбеков да дьяк Осип Стефанов, служилые люди:

Ивашко Ортемьев

Семейка Артемьев Сажин,

да вольные казаки:

Фетька Петров

Ивашко Васильев Пан
 Гришка Володимеров
 Гаврилка БогдановШипуновы
 Петрушка Савин Скоблевской
 Логинко Васильев Мазало
 Ивашко Евсеев Долгой
 Васька Исвойлов с товарищи,
 да которых он, Ярофей, имал, идучи по Олёкме реке, с соболиных промыслов на твою государеву службу в новую Даурскую землю во 157 [1649—1650] году:

Харька Федосиев
 Савка Григорьев
 Ондрюшка Петров Старик
 Сергушка Кипреянов
 Семейка Панкратьев.

А иным, государь, охочим служилым людям иманам [так в тексте] будет роспись под сею изветною челобитною на приказново на амурсково на Ярафея Павлова Хабарова в том, что, будучи на твоей государеве службе, приказной человек Ярофей Хабаров тебе, государю, не радеет и твоей государеве службе постоянства не делает.» [197]

Далее в челобитной рассказывается о их службе на Амуре, о злоупотреблениях и жестокостях Хабарова по отношению к местному населению, о ложных сообщениях в Якутский острог, о расколе в Амурском войске и его причинах с точки зрения челобитчиков, о их жестоком наказании Хабаровым. Все эти сведения приведены в соответствующих местах главы об амурском походе.

В конце челобитной сторонники Стеньки Васильева Полякова заявляли:

«И впредь нам, холопам твоим государевым, с ним, Ярофеем, твоей государевы службы служить невозможно, потому что он, Ярофей, тебе, государю, не радеет. <...> Вели, государь, сию нашу ...» [198]

К сожалению, конец челобитной не сохранился. Далее приложена, видимо, неполная роспись сторонников Стеньки Полякова, не упомянутых в начале челобитной (читать сначала левый столбец, затем правый).

«Никитка Григорьев Офонька Михайлов
 Тимошка Семёнов [Старик] Гришка Апиксимов
 Ста ... Андреев Богдашка Фёдоров
 Ондрюшка Фёдоров Екимко Левонтьев
 Ларька Стефанов Дёмка Орефьев
 (Петрушка) Остафьев Ортюшка Яковлев
 Фетька (Ор)темьев Киргыз Савка Ортемьев
 Гришка (Они)киев Земиров Исачко Васильев
 Евтюшка Мартемьянов Митька Селифанов
 Митька Сел(ива)нов Исачко Кирилов
 Ивашко Яковлев Васька Фёдоров
 Гришка Юрьев Даровин Ивашко Иванов
 Пронька Петров Крашенинник Фетька Иванов

Ортышка Орефьев Мишка Меркурьев
 Лучка Семёнов Офонька Панкратьев
 Трофимко Еунтропьев Филька Карпов
 Пятунька Сергиев Сергушка (Кипри)янов
 Офонька Панкратьев Огапитко Трофимов
 Федотко Никитин Ярко Яковлев
 Митька Зотиев Петрушка ... ов
 Малафейко Мартемьянов Шестачко Афонасьев
 Якунька Григорьев Зерщик Тронька Еунтропьев
 Ондрюшка Аникиев Семе(йка) ...
 Олёшка Марков Тришко Ананьин.» [199]

Челобитная была приведена полностью в статье Б. П. Полевого. [200]

Вроде бы благое дело, но выполнено оно было так, что здесь нельзя не выразить отрицательного отношения к этой публикации.

Неутомимый исследователь сибирской истории Б. П. Полевой, надо отдать ему должное, завоевал заслуженное уважение у историков тем, что ввёл в научный оборот множество ранее неизвестных документов, а не занимался бесплодным переписыванием из книг других авторов. Однако, здесь, либо по причине спешки, либо по иным каким-то причинам, подлинник был воспроизведён с многочисленными погрешностями и ошибками. Перечисление их заняло бы не менее страницы. Здесь и неправильное прочтение слов, пропуски слов, и даже целых предложений, их перестановка, изменение окончаний слов, пропуск союзов и предлогов, или, наоборот, введение своих предлогов и союзов, ошибки в датах, есть и непрочитанные слова, которые поддаются прочтению.

В своё время Н. Н. Оглоблин справедливо упрекал Г. Ф. Миллера за то, что в его копиях, а вернее, в копиях, снятых его сотрудниками, есть подобного рода погрешности. Историки любят повторять эти слова Оглоблина. Значит, и современные историки не должны допускать подобных вольностей, а должны скрупулёзно воспроизводить документ.

Когда-то Б. П. Полевой горячо доказывал, что имя Хабарова надо писать не Ерофей, а Ярофей, потому что он так себя называл:

«Советские историки давно уже условились не модернизировать имена и фамилии, а давать их в той транскрипции, которая была принята в те времена, когда исторические герои жили и действовали.» [201]

Тогда он вёл спор из-за одной буквы. Б. П. Полевому видимо было неизвестно, что есть рукоприкладства Хабарова, где он называл себя Ерофей. [202]

По отношению к Хабарову это особого значения не имеет, поскольку Ерофея или Ярофея Хабарова нельзя спутать ни с кем иным. Другое дело с именами не столь известных или вовсе неизвестных людей. Отступление от их наименования, имеющегося в исторических документах, приведёт к большой путанице, поскольку и так с ними трудно разобраться, потому что в одних случаях они названы то по имени и отчеству без указания фамилии, то по имени и прозвищу, иногда с добавлением места рождения, а иногда лишь по имени.

В статье «Изветная челобитная С. В. Полякова» Б. П. Полевой снова повторяет:

«Современные историки стараются в своих работах сохранять подлинную транскрипцию старинных имён. Поэтому биограф Хабарова В. Н. <...> Шерстобоев справедливо указал, что амурского землепроходца правильнее называть не <<Ерофей>>, а <<Ярофей>>, поскольку в документах XVII в. именно так его именовали.» [203]

Вдруг Б. П. Полевой в этой же статье почему-то изменил своё мнение, и в приложенном к статье списке сторонников Стеньки Васильева Полякова превратил отчества в фамилии, хотя у некоторых уже были фамилии или прозвища, а у некоторых и то, и другое. К примеру Козёмка Фёдоров (он же Байкаловской) превратился в Фёдорова Козьму. Если это применить к Ерофею Павлову Хабарову, то он должен стать Павловым Ерофеем. Но поймём ли мы тогда, о ком идёт речь?

Этому дурному примеру последовал Валерий Павлик и перекроил послужной список Онофрия Степанова Кузнеца таким же способом, переделав даже некоторые имена. [204]

Расспросы продолжались почти до самого отъезда Дмитрия Зиновьева.

«Сентября в 12 день [1653 г.] по государеву [А. М.] указу Дмитрей Иванович Зиновьев расспрашивал служилых людей.» [205] Перечислен 61 человек.

И, наконец, последняя запись:

«Того ж числа расспрашиваны десятники

Мишка [Ортемьев] Кашинец

Оноырейко Степанов [Кузнец]

Митька Микитин Хохряков

Кирилко [Игнатъев] Кобель

Артюшка [Филипов] Петриловской

Ивашко Ефимов

Митька Назаров

Кузёмка Никитин [Москва]

Ивашко Марков

Сенька Иванов.» [206]

Тоже рассказывали о походах. Это список ценен тем, что он даёт некоторые, хотя и скудные, сведения о военной организации Амурского войска. Пока здесь записаны не все десятники.

Хотя расспросные речи писались не в один день и расспрашивались разные люди, все записи почти дословно повторяют друг друга, лишь в некоторых случаях имеются незначительные разночтения.

Последним действием Дмитрия Зиновьева в Амурском войске была отправка посольства в Китай.

«И он де, Дмитрей, выбрав из служилых людей, из Ярковых товарищей, пять человек, Тренку Чечигина с товарищи, послал в Богдойскую и в Никанскую земли к богдойскому и к никанскому царям в посланниках в прошлом во 162 [1653] году, сентября в 14 день.

А велел им богдойскому и никанскому царям говорить, чтоб они и с своими землями были под государевою [А. М.] его царского величества вы-

сокою рукою в подданстве навеки неотступны и ему, великому государю, служили.

А про то де он, Дмитрий, Треньке Чечигину с товарищи приказывал накрепко: велел им, будучи в тех землях, проведывати всякими мерами тайно, чтоб им было неявно, в котором государстве золото и серебро родитца, и руды такая есть у богдойского или никанского царя в их государствах, и в каких местех, и сколь далече от Даурския земли до Богдойского и до Никанского царств, и какой путь — степью ли, сухим путём, или водою.

И что богдойской и никанской цари тем служилым людям, Треньке Чечигину с товарищи, учнут говорить, и что Тренька с товарищи про золотую и про серебряную руду проведает подлинно, и он, Дмитрий, велел Треньке с товарищи с тем быти в Даурскую землю к служилым людям, к Онофрейку Степанову с товарищи, которых оставил он в Даурской земле до государева указу, а Онофрейку велел их прислать ко государю к Москве.

А после де ево, Дмитрея, осталось на Шилке реке служилых и охочих людей с четыреста с пятьдесят человек. И поплыли де те служилые люди от него, Дмитрея, с усть Зии реки Шилкою рекою на низ к морю, на Учюр и на Шингал, кормитьца, что запасов у них нет.

А велел де им взойти Шилкою рекою вверх и поставити на Шилке реке и на усть Зеи реки да на усть Урки под Даурским волоком для приходу государевых людей остроги и приготовить всяких хлебных запасов и скота.

А даурских де деревянных городов он, Дмитрий, не видал, а сказывали ему служилые люди, что те города пожжены.» [207]

В другом документе написано:

«И он, Дмитрий, выбрав ис служилых людей, из Ярковых товарищей, пять человек, Тренку Чечигина с товарищи, и послал их к богдойскому и никанскому царям в посланниках во 162 [1651] году, сентября в 14 день.» [208]

И далее:

«А после де Тренкина отпуску Чечигина с товарищи пошел он, Дмитрий, из Даурские земли к Москве. А Ярка Хабарова с товарищи, 11 человек, в государевых изветных делах, да для провожанья служилых людей 25 человек взял с собою и пошел в Тугирской острожек.» [209]

Под изветными делами здесь имеется в виду изветная челобитная Стеньки Васильева Полякова и его товарищей с жалобами на Хабарова.

«И по государеву указу он, Дмитрий, Ярку Хабарову и служилым людям государево жалованье, золотые, роздал и пошёл Шилкою рекою со всеми служилыми людьми вверх.» [210]

Эта неточная запись без привлечения других документов может привести к заблуждениям.

Так, например, у Г. А. Леонтьевой без ссылки на документ написано:

«С Зиновьевым возвращались в Москву 150 стрельцов, посланных из Сибирского приказа.» [211]

Получается, что сколько приехало, столько же и уехало. А в конце своей книги Г. А. Леонтьева, забыв об этом, помещает послужной список Онофрия Степанова, в котором эти служилые люди, участвовавшие в обороне

Комарского острожка после отъезда Зиновьева, перечислены поимённо. Видимо, Г. А. Леонтьева полагала, как это написано в наказе Афанасию Пашкову, что на Амур с Зиновьевым пришло 330 человек.

А. Р. Артемьев также писал:

«15 сентября Д. И. Зиновьев с Е. П. Хабаровым, С. В. Поляковым, К. Ивановым и 150 стрельцами двинулся в обратный путь.» [212]

При этом он даёт ссылку на Н. Чулкова и на Г. А. Леонтьеву. Но у Н. Чулкова о 150 стрельцах не сказано.

Приказным человеком вместо Хабарова Зиновьев назначил Онофрия Степанова Кузнеца. После отъезда Зиновьева и Хабарова Онофрий Степанов Кузнец писал в Якутский острог:

«И как он, Дмитрий Зиновьев, поехал с государевою ясачною соболиною казною к государю к Москве с усть Зеи реки, и приказного человека Ярофея Павлова сына Хабарова взял с собою же к государю к Москве. И после Ярофея Хабарова велел быть на великой реке Амуре у государева дела мне, Онофрейку, и меж служилых людей велел росправу чинить, и наказную память дал вневолю. А в государеве казне, порохе и свинце, и в снарядах, и ни в какой государеве казне с приказным человеком Ярофеем Хабаровым росписи ни в чём не дал, и служилым людям росписи не дал же.

А которые были служилые люди розных понизовных сибирских городов с ним, Дмитрием Ивановичем, в провожатых, и тех служилых людей оставил на великой реке Амуре, а в приём их мне, Онофрейку, не дал же.

А ясачные зборные белые и чёрные книги он, Дмитрий Иванович, увёз с собою, и аманатов, и переводчиков. И ныне на великой реке Амуре с ясачных людей государева ясаку иметь стало не по чему.» [213]

Как видим, Онофрий Степанов здесь сообщает о том, что Зиновьев служилых людей, которые сопровождали его, оставил на Амуре. Да это и не нуждается в особом доказательстве. Они записаны поимённо в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца. Слова о том, что Зиновьев не дал в приём служилых людей, которых он привёз с собою на Амур, не означают, что он вывел их из подчинения Онофрию Степанову Кузнецу. Просто не было составлено никакого списка. Причиной, видимо, была спешка.

Некоторые авторы обвиняют Зиновьева в том, что он отстранил самовольно Хабарова от командования Амурским войском и повёз его в Москву. Об этом отстранении писали даже историки, которые сами занимались поиском документов о Хабарове, а не простым переписыванием у других авторов. Например, Б. П. Полевой утверждал, что причиной отстранения послужила изветная челобитная С. В. Полякова:

«Недовольные были безусловно правы, когда они особо отмечали, что подобная политика Хабарова явно противоречила государственным интересам России. И именно поэтому Д. И. Зиновьев и решил в сентябре 1653 г. отстранить Хабарова от командования Амурским войском.» [214]

В другом месте опять написано: «Осенью 1653 года, отстраняя Хабарова от командования амурским войском, посланец Москвы Д. И. Зиновьев объявил, что он конфискует <<вора Яркова животы>>.» [215]

При этом Б. П. Полевой не дал ссылки на документ. Такого документа нет. Вопрос, была ли конфискация будет рассмотрен в следующей главе.

Что же касается ответа на вопрос, принимал ли Зиновьев решение об отстранении Хабарова от командования амурским войском самостоятельно, или это ему было предписано заранее в наказе, можно было бы судить по наказу, который был ему дан в Москве. Однако, сам наказ историками не найден. Но о нём упоминается в других документах:

«И Дмитрею то всё написать порознь, по статьям. А написав и взяв с собою аманаты, даурских юдей, и Ярка Хабарова ехати ко государю к Москве.» [216]

Никакого самостоятельного решения об отстранении Хабарова от командования и увозе его в Москву Зиновьев не принимал. Всё уже было решено ранее в Москве. Зиновьев лишь выполнял наказ.

Задача историка не в том, чтобы рассказывать читателю, как по его мнению должен был действовать тот или иной исторический деятель, а в том, чтобы рассказать, «как это было». И уж ни в коем случае не подмешивать в изложение всякие утверждения, которые не подтверждаются документами.

Больше всех досталось Зиновьеву от Г. А. Леонтьевой:

«Во время своего пребывания на Амуре с 25 августа по 15 сентября Зиновьев только и делал, что расспрашивал участников экспедиции, проверяя каждый шаг Хабарова. Расспросные речи за и против Хабарова составили громадный столбец.» [217]

Правильно, ведь в наказе сказано: «А велено ему, Дмитрею, Ярка Хабарова с товарищи и взятых языков, даурских людей, против Ярковых отписок про Даурскую землю <...> роспросить и самому рассмотреть про всё подлинно. <...> А что ему, Дмитрею, Ярку Хабаров с товарищи <...> в роспросе скажут, и ему, Дмитрею, велеть то всё написать порознь, по статьям.»

Далее Г. А. Леонтьева продолжает:

«Чего, собственно, добивался Зиновьев? Как сказано выше, отправляясь в далёкий путь, он надеялся поправить свои материальные дела. [Сказано у Г. А. Леонтьевой, но не сказано в документах — Г. К.]

Но его пребывание на Амуре продолжалось всего 20 дней. Для организации собственного соболиного промысла, который бы мог принести немалый доход, этого времени было недостаточно. Отпадал для Зиновьева и такой знакомый сибирским воеводам способ быстрого обогащения, как присвоение пушнины, собранной в качестве ясака: государев сыщик был на виду, и войско контролировало каждый его шаг. Зиновьеву оставалось поступить в духе администратора всех времён — выступить в роли поборника справедливости и обвинителя злоупотреблений Хабарова. Расчёт был простым: сначала конфисковать имущество Хабарова, а затем самому поживиться этим имуществом.» [218]

Действительно, говорить о бескорыстии Зиновьева было бы большой натяжкой. А вопрос о конфискации, повторимся, будет рассмотрен в следующей главе.

Примечания

1. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. 1991, с. 96.
2. ДАИ, т. III, СПб., 1848, док. 78, с. 199.
3. Ф. 214, ст. 427, л. 21.
4. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурскую землю — 1655 г. СПб, 1994, с. 2.
5. РКО, док. 78, с. 200.
6. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 96.
7. Ф. 214, ст. 472, п. 63.
8. Ф. 214, ст. 422, л. 1.
9. Ф. 214, ст. 427, л. 459.
10. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 176.
11. Ф. 214, ст. 427, л. 524.
12. Там же, л. 262.
13. Ф. 214, ст. 472, п. 63—64.
14. Ф. 214, ст. 338, л. 68—71.
15. Ф. 137, оп. 1, Соль Вычегодская, ед. хр. 22-а, л. 121об—122.
16. Там же, л. 123—123об.
17. Ф. 214, ст. 427, л. 459—460.
18. Там же, л. 521.
19. Там же, л. 385.
20. Там же, л. 472.
21. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 50, л. 84—84об.
22. Ф. 214, ст. 427, л. 385—386.
23. Там же, л. 386.
24. Там же, л. 470.
25. Там же, л. 471.
26. Там же, л. 472.
27. Ф. 214, ст. 403, л. 344—345.
28. Ф. 214, ст. 470, ч. II, л. 343.
29. Там же, л. 345.
30. Ф. 214, ст. 427, л. 472.
31. Там же, л. 472—473.
32. Там же, л. 520.
33. Ф. 214, ст. 470, ч. II, л. 345.
34. Ф. 214, ст. 427, л. 474.
35. Там же, л. 473.
36. Там же, л. 474—475.
37. Там же, л. 474.
38. Там же, ст. 427, л. 529.
39. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 50, л. 64об.
40. Ф. 214, ст. 427, л. 527.
41. Там же, л. 520—521.
42. Там же, л. 460—462.
43. Там же, л. 927.
44. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 50, л. 85.
45. Ф. 214, ст. 427, л. 462—463.
46. Там же, л. 464—465.
47. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Владивосток, 1995, с. 25.
48. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 474, л. 23об—24.
49. Там же, л. 86об—88.
50. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 483, л. 20об.

- 51 Там же, л. 25об.
- 52 Там же, л. 26.
- 53 Ф. 214, ст. 556, л. 67.
- 54 Ф. 1177, оп. 4, сд. хр. 483, л. 26об.
- 55 Там же, л. 26об—27.
- 56 Ф. 214, ст. 427, л. 535.
- 57 Ф. 1177, оп. 4, сд. хр. 483, л. 28об—29.
- 58 Ф. 214, ст. 427, л. 534.
- 59 Там же, л. 536.
- 60 Ф. 21, оп. 4, сд. хр. 31, № 50, л. 85.
- 61 Ф. 214, ст. 457, ч. II, л. 630.
- 62 Ф. 214, ст. 427, л. 534—535.
- 63 Ф. 1177, оп. 3, ч. II, сд. хр. 1024, л. 2.
- 64 Там же, л. 3.
- 65 Ф. 214, ст. 586, л. 446—445, нумерация листов обратная.
- 66 Ф. 214, ст. 586, л. 116.
- 67 Там же, л. 115—114, нумерация не по порядку.
- 68 Там же, л. 114.
- 69 Там же, л. 42.
- 70 Там же, л. 112.
- 71 Там же, л. 88.
- 72 Там же, л. 110.
- 73 Там же, л. 109.
- 74 Там же, л. 86.
- 75 Там же, л. 80.
- 76 Там же, л. 109—108, нумерация листов не по порядку.
- 77 Там же, л. 87.
- 78 Там же, л. 87.
- 79 Там же, л. 86.
- 80 Ф. 214, кн. 306, л. 119.
- 81 Ф. 160, оп. 1, сд. хр. 239, л. 10.
- 82 Ф. 214, ст. 586, л. 196—105, нумерация листов обратная.
- 83 Там же, л. 62.
- 84 Там же, л. 373.
- 85 Там же, л. 104.
- 86 Там же, л. 48.
- 87 Там же, л. 102.
- 88 Там же, л. 69.
- 89 Там же, л. 101—100, нумерация листов обратная.
- 90 Там же, л. 67.
- 91 Там же, л. 59.
- 92 Там же, л. 59.
- 93 Там же, л. 97.
- 94 Там же, л. 49.
- 95 Там же, л. 45.
- 96 Там же, л. 96.
- 97 Там же, л. 96.
- 98 Там же, л. 1.
- 99 Там же, л. 53.
- 100 Там же, л. 74.
- 101 Там же, л. 94, 95.
- 102 Там же, л. 83.
- 103 Там же, л. 83.
- 104 Там же, л. 95, 93, нумерация листов не по-порядку.
- 105 Там же, л. 92.
- 106 Там же, л. 91.

107. Там же, л. 75-76.
108. Там же, л. 90.
109. Там же, л. 82.
110. Там же, л. 109а.
111. Там же, л. 66.
112. Там же, л. 51, 50; нумерация листов не по-порядку.
113. Там же, л. 78, 77; нумерация листов не по-порядку.
114. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 51, с. 86—87.
115. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 101, л. 175об.
116. Ф. 214, ст. 586, л. 426—425; нумерация листов обратная.
117. Там же, л. 425—414; нумерация листов обратная.
118. Ф. 214, ст. 586, л. 413, 411, 412; нумерация листов не по-порядку.
119. Ф. 214, ст. 288, л. 7.
120. Ф. 214, кн. 306, л. 23.
121. ДАИ, т. 3, СПб, 1848, док. 4, с. 29.
122. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1798, л. 112.
123. Ф. 214, кн. 306, л. 36об.
124. Там же, л. 24.
125. Там же, л. 33.
126. Там же, л. 70.
127. Там же, л. 74об.
128. Там же, л. 62.
129. Там же, л. 63об.
130. Там же, л. 35.
131. Там же, л. 36.
132. Там же, л. 37.
133. Там же, л. 72.
134. Там же, л. 57.
135. Там же, л. 58об—59.
136. Там же, л. 24об.
137. Там же, л. 34.
138. Там же, л. 61об.
139. Там же, л. 60.
140. Там же, л. 62об—63.
141. Там же, л. 64—64об.
142. Там же, л. 35об.
143. Там же, л. 71об.
144. Там же, л. 73.
145. Там же, л. 60об.
146. Там же, л. 59об.
147. Там же, л. 73об.
148. Ф. 214, ст. 360, л. 506.
149. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 1026, л. 7.
150. Ф. 214, ст. 360, л. 509-510.
151. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1026, л. 7.
152. Ф. 214, ст. 586, л. 71.
153. Там же, ст. 586, л. 410.
154. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1026, л. 7.
155. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1033, л. 4.
156. Ф. 214, ст. 586, л. 70.
157. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 316, л. 20-21.
158. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 509, л. 2-2об.
159. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 509, л. 41об.
160. Ф. 214, ст. 586, л. 410—409; нумерация листов обратная.
161. Там же, л. 408.
162. Павлов А. С. Лена от истока до устья. Якутск, 1994, с. 33.

163. Колесов А. Н., Кайдышев Ю. В. Красавица Лена. М., 2002, с. 29.
164. Ф. 214, ст. 344, л. 612—616.
165. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1026, л. 11а.
166. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 30, док. № 91, л. 239об—240.
167. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1026, л. 10.
168. Там же, л. 2-6.
169. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1187, л. 10.
170. Ф. 214, ст. 519, л. 26-27.
171. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1024, л. 4.
172. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 30, док. № 38, л. 238об—239.
173. Фишер И. Э. Указ. соч., с. 612.
174. Щукин Н. С. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг Якутского и Нерчинского архивов. // Сын отечества, кн. 9, СПб, 1848, с. 26.
175. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 50, л. 85—85об.
176. Ф. 214, ст. 508, л. 4.
177. Ф. 214, ст. 427, л. 464.
178. Ф. 214, ст. 460, л. 56.
179. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 177.
180. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле — 1655 г., СПб, 1894, с. 3.
181. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 96.
182. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. 122, с. 524.
183. Спасский И. Г. «Золотые» воинские награды в допетровской Руси. // Труды государственного Эрмитажа, т. IV, Л. 1961, с. 110, 116, 93.
184. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 49, л. 81об.
185. Там же, л. 62—83.
186. Ф. 214, ст. 134, л. 65.
187. Ф. 214, ст. 344, ч. II, л. 668.
188. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле — 1665 г., СПб 1894, с. 2, 3.
189. Ф. 214, ст. 460, л. 53.
190. Там же, л. 57.
191. Там же, л. 234.
192. Там же, л. 25.
193. Там же, л. 32.
194. Там же, л. 41.
195. Там же, л. 61.
196. Там же, л. 71.
197. Там же, л. 1.
198. Там же, л. 23.
199. Там же, л. 24.
200. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв., т. 2, Владивосток, 1995, с. 31—50.
201. Полевой Б. П. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву. // Дальний Восток, Хабаровск, 1982, № 8, с. 140.
202. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 23об.
203. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Владивосток, 1995, с. 26, примеч. 1.]
204. Валерий Павлик. Долгий путь на Амур. Хабаровск, 2004, с. 180—186.
205. Ф. 214, ст. 460, л. 72.
206. Там же, ст. 460, л. 86.
207. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле — 1655 г., СПб, 1894, с. 4.

208. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 178.
209. Там же, л. 179.
210. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 178.
211. Леонтьева Г. А. Указ. соч., 1991. с. 100.
212. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток, 1999, с. 29.
213. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. 122, с. 524.
214. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв., т. 2, Владивосток, 1995, с. 9.]
215. Там же, с.15
216. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 177.
217. Леонтьева Г. А. Указ. соч. с. 98.
218. Леонтьева Г. А. Указ. соч. с. 98.

С АМУРА В МОСКВУ

Погрузившись на дощаник, Дмитрий Зиновьев, Ерофей Хабаров и их спутники пошли вверх по Амуру. После их отъезда служилые люди жаловались:

«Да он же, Дмитрей, взял у нас с собою дощаник, нис большей, у всего войска с парусом и со всякою варовою снастью, и стругом гребным, и больше всего войска. [Так в тексте — Г. К.]. А тот наш дощаник с парусом и с варовою снастью, и стругом гребным стал в 300 рублёв. И тово, государь, дощаника к нам не прислал. И тот дощаник он, Дмитрей, под волоком и струг изрубил.» [1]

На пути к устью Урки Дмитрий Зиновьев встретил вторую ватагу ленских беглецов во главе с верхоленским служилым человеком Ваською Семёновым черкашенином. Первую ватагу во главе с плотником Пронькой Кислым Зиновьев по дороге к Хабарову взял с собой, и они остались в амурском войске. А со второй ватагой он решил поступить иначе. Как это было, сообщается в челобитных беглых верхоленских служилых людей, которую они после подали Онофрию Степанову Кузнецу:

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои государевы, охочие амурские служилые люди, десятники и рядовые, Якунька Никитин с товарищи, сорок восемь человек.

В прошлом, государь, во 161 [1653] году, перешед мы, холопи твои, за волок на Амур реку, и встретил нас, холопей твоих, твой государев дворянин Дмитрей Зиновьев, и нас, холопей твоих, с твоей государевы службы ворочал назад, и оружие у нас, холопей твоих, у иных побрал, и борошнишко наше к себе прибрал, и бил нас, холопей твоих, на правеже день. А правил на нас 600 рублёв, а с правежу нас, холопей твоих, ставил в полон сильно. А правил он, Дмитрей, на нас, холопех твоих, сборы, неведомо какие.

И мы, холопи твои, не могли ево, Дмитриевы, изгони стерпеть и правежу перестоять, и подали челобитную ему, Дмитрею, служить тебе, государю, по Амуру реке твоя государева служба вниз и вверх, и по сторонним рекам.

И он, Дмитрей, оставил нам, холопом твоим, приказным человеком слу-

жилого человека Михаила Кошина [Кашинца — Г. К.] А велел нам, холопом твоим, служить тебе, государю, на усть Урки реки, и пашню пахать, а приготовить велел нам, холопом твоим, запасу на 5000 и на 6000 человек.

И мы, холопи твои, зимовали на Амуре реке на усть Торы реки.» [2]

Таким образом, Дмитрий Зиновьев рассчитывал руками беглых людей построить на устье Урки острожек. Но этому не суждено было сбыться. Может быть, он сам и виноват, что не прислал с Тугирского волока порох и свинец. Как сообщается в других документах, они там имелись. Якобы порох и свинец Зиновьев и Хабаров спрятали в землю. Закопали и пашенный завод — сошники, косы, серпы, топоры. Потом несколько лет спустя Хабарова посылали на поиски, но уже ничего не нашли. Была и другая причина. Строить острожек и пахать пашню беглые люди не очень-то стремились. Не для того они бежали на Амур. Им важнее было влиться в амурское войско.

А в отписке служилого человека Якутского острога Михаила Артемьева Кашинца якутским воеводам сообщалось:

«Царя [А. М.] воеводе Михаилу Семёновичю да дьяку Фёдору Васильевичю Якуцкого острогу служилой человек Мишка Артемьев Кашинец делом бьёт

По государеву [А. М.] указу и по наказной памяти послан я, Мишка, на государеву службу из Якуцкого острогу на великую реку Амур Якуцкого острогу с приказным человеком Ярофеем Хабаровым в Даурскую и в Дючерскую, и Гиляцкую землю для ради государева [А. М.] соболиново ясашново збору и для прииску, и приводу немирных землиц. И я, Мишка, по государеву [А. М.] указу служил я тоё государеву службу на великой реке Амуре 3 года.

И приехал к нам с Москвы от государя [А. М.] ево, государев, посланник дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев с государскою милостию, с ево, государевым, жалованьем, с золотыми. И приехав, он, Дмитрий Зиновьев, по государеву указу приказново и нас, служивых людей, государевым жалованьем всех жаловал золотыми.

И пожаловав, он, Дмитрий Зиновьев, жалованьем, взял на великой реке Амуре государеву казну и приказного человека Ярофея Хабарова, и служилых людей, поехал с великие реки Амура к государю [А. М.] к Москве. И меня он, Дмитрий Зиновьев, взял с собою.

И на дороге на великой реке Амуре на усть Турки реке встретился с ним, с Дмитрием, плывут вниз по великой реке Амуру, промышленные люди 50 человек, Василий Семёнов Черкашенин с товарищи. А пришли они с верх Лены реки.

И тот Дмитрий Зиновьев по государеву указу меня, Мишку, с ним тут против тоё Турки речки на лугу оставил. И дал мне по государеву указу наказную память. И велел мне меж ними росправу чинить, и с даурских и тунгуских людей ясак збирать, и к государьской милости даурских и тунгуских людей призывать ласкою, а не жесточью. [3]

Речка, на устье которой зимовали беглецы, в отписке Михаила Кашинца названа Туркой, а в челобитной охочих служилых людей Торой. В отписке Михаила Кашинца также сказано, что Василий Семёнов Черкашенин,

плавший вместе с Вторкой Ивановым Телёнком и Ивашкой Юрьевым Вяткой, утонул ниже Албазина. Значит речка Турка, она же Тора, находится ниже Албазина. В книге «Повёрстные ведомости селений по рекам Амурского бассейна» [4] в 250 километрах ниже Албазина упоминается пос. Торой. Сейчас это пристань Кузнецово на меридиане железнодорожной станции Тыгда, в 29 километрах ниже пристани Черняево. У пристани Кузнецово впадает в Амур левый приток Ольга. Это и есть речка Тора.

А речка Урка, на устье которой Зиновьев указал строить острог, находится выше Албазина. Значит, по приказу Зиновьева беглые служилые люди и пашенные крестьяне должны были с этого места подняться вверх по Амуру и там строить острожек.

После встречи с ватагой Васьки Черкашенина Д. Зиновьев взял из неё с собою трёх человек: самого Ваську Черкашенина, Давыдку Кайгорода, сына пашенного крестьянина Марчка Никитина Исачку Маркова и «пошел в Тугирской острожек и в нём зазимовал. И с того места к великому государю к Москве с отписками послал подьячего Алексея Мерошников да с ним служилых людей осми человек. И того подьячего и служилых людей на реке на Олёкме на камени тунгусы побии.» [5]

Кроме отписок, посланных с подьячим, других отписок Зиновьев в Москву не посылал. В наказе написано:

«И Дмитрий Зиновьев во 160 [1651—1652] и во 161 [1652—1653] и во 162 [1653—1654] году ис Сибири про Даурскую землю ко государю не писывал и сам к Москве не бывал.» [6]

Значит, искать отписки Зиновьева с Амура бесполезно, а нужно обращаться к другим документам.

О прибытии Зиновьева и Хабарова в Илимский острог сообщал в Москву воевода Богдан Денисьевич Оладьин:

«И в нынешнем, государь, во 162 [1654] году, июня в 16 день, привёз на Ленской волок в Ылимской острог ко мне, холопу твоему, из Даурские земли Дмитрий Зиновьев вора. Поимал в Даурах беглеца, верхоленского служивого человека Давытку Васильева Кайгорода.

И в нынешнем же, государь, во 162 [1654] году, июня в 26 день, на Ленском волоку в Ылимском остроге я, холоп твой, тово беглеца про побег в Даурскую землю и про грабёж пашенных крестьян и торговых людей допрашивал вора, служивого человека Давытку Кайгорода. И после допросу велел ево, вора, пытать накрепко: ково они, воры, побежав воровством в Дауры, грабили ленских пашенных крестьян и торговых, и промышленных людей, и у ково сколько каких животных поимали грабежем.

И тот вор Давытко Васильев Кайгород в роспросе до пытки и после пытки в грабеже винулся. В том де он перед тобою, государем, виноват: в Ылимском де уезде на Киренге к твоему государеву таможенному анбару к твоей государеве казне приступали и тот анбар ломали. И вынесли ис тово твоего государева анбару две пищали, и товарыщев своих, беглецов илимских и верхоленских служилых людей Васку Черкашенина на заставе у служилых людей у десятника у Микифорка Черниговского на поимке отбили, и поймать де себя не дали.

Да он же вор, даурской беглец, с пытки винулся: грабили де торговых людей, торгового человека Еуфима Чанчикова, взяли у него дватцать рублёв, да у промышленных людей три сорока соболей отняли.

Да они же де воры, беглецы Давытко Кайгород, грабили ленских пашенных крестьян приказщика Василья Скоблевского: взяли пистолы и пищали, и денги, и вино, и судовые напарьи имали. И ему де, Василью Скоблевскому, заказывали и грозили смерным убойством, чтоб он не посылал с вестью никуды. И караулы де около ево, Васильева, двора были их, воровские, многие.

Да торгового человека Матвея Ворушаева грабили же. Взяли сильно дощеник и с товары ево. А что товару и запасов грабежом взяли воры, даурские беглецы Давытко Кайгород с товарищи, то поделили по себе. А покрученика ево, Матвеева, взяли с собою воровством же сильно.

Да у торгового человека Ивана Тюрина, да у промышленного человека у Кондрашка Дерябы поимали пищаль воровством же. И работника ево, Кондрашкина, взяли с собою сильно, воровством же.

Да у пашенного крестьянина у Мишки Костентинова взяли работника сильно.

Да иных торговых и промышленных людей и пашенных крестьян грабили ж, и записи на работных наёмщиков у крестьян поимали сильно же.» [7]

Понеся наказание, Давытко Васильев Кайгород благополучно служил до своей смерти и умер в 1678 году.

Г. А. Леонтьева относит встречу с ватагой беглых людей не на осень 1653 года, а на зиму 1653—1654 года, а допрос Давыдки Кайгорода переносит в Тугирский острожек:

«Один из таких отрядов Хабаров встретил на Тугирском волоке зимой 1653—1654 г. Через несколько месяцев этот отряд был уже у Онофрия Степанова и в дальнейшем вместе с ним оборонял Кумарский городок.

Здесь же, в Тугирском острожке, Хабаров был свидетелем допроса беглеца, назвавшегося Давытком Кайгородцем. Оказалось, что он пробирался на Амур с ватагой, но отстал от своих и был пойман. Кайгородец рассказал, что о Даурской земле он услышал в Верхоленске от полчан Хабарова, провозивших в Москву ясачную казну.

Из Верхоленска с Кайгородцем пошли в Дауры без отпуска 4 служилых человека. По пути на реке Киренге к ним присоединились промышленные и служилые люди, ленские и илимские пашенные крестьяне. Оружие они добыли, разграбив государев казённый амбар. Затем отобрали у приказчика ленских крестьян Василья пищаль и пистолы, а у торгового человека Ивана Тюрина — пищаль. Средство передвижения — <<дощаник с запасами и товарами>> захватили у промышленного и торгового человека Матвея Ворушаева.» [8]

От ватаги Давытко Кайгород не отставал. Просто его, Ваську Черкашенина и Исачку Маркова Зиновьев забрал с собой на Тугирский волок. Затем весной 1654 года он отпустил Ваську черкашенина с отписками к Онофрию Степанову. Васька Черкашенин утонул в Амуре.

Что же касается сообщения Г. А. Леонтьевой, будто бы «Кайгородец рас-

сказал, что о Даурской земле он услышал в Верхоленске от полчан Хабарова, провозивших в Москву ясачную казну», то этого в документах нет, и быть не может, по той причине, что ясачную казну через Верхоленский острожек в Москву никогда не возили, а возили через Усть-Кутский острог и далее через Илимский острог. От Усть-Кутского острога до Верхоленского острога 450 километров.

Летом 1655 года опять случился побег с Лены большого количества служилых и промышленных людей, а также пашенных крестьян, в Даурскую землю под предводительством Мишки и Якушки Сорокиных. Илимский воевода Богдан Оладьин склонен был причину этого искать в хвастовстве и в подговоре Хабарова. Воевода писал в Москву:

«Да и потому, государь, чаять побегу в Даурскую землю многих людей: как шёл из Даурской земли к Москве в прошлом во 163 [1654] году з Дмитрием Зиновьевым старой Даурской земли заводчик Ярко Хабаров с товарищи в камчатом платье по Лене реке, и на Ленском волоку, нарядясь, и хвалил Даурскую землю всяких чинов людям, едучи. И подговаривал, чтоб шли в Даурскую в богатую землю всякие люди.» [9]

А после побега служилые люди писали о том же в челобитной:

«А как, государь, шёл з Дмитрием Зиновьевым к Москве старой заводчик Даурской земли Ярко Хабаров, и он, идучи [с] своими товарищи в камчатом платье, хвалился в Ылимском уезде всяким людям Даурскую землю и говорил, что там житьё богатое. И потому, государь, в нынешнем во 163 [1655] году многие люди и побежали в Даурскую землю.» [10]

В этой же челобитной написано:

«А как государь по твоему государеву указу послан был в Даурскую землю Дмитрием Зиновьев, и тех воров всех видел в Даурской земли. И одново вора, верхоленского казака, которой грабил на Лене пашенных крестьян да пашенново Марчка Микитина и его сына Исачка, которого [написано: которой — Г. К.] было в Даурскую землю оне вору увезли сильно же, и привезли их в Ылимской острог.» [11]

Имя «вора», которого привёз в Илимский острог Дмитрий Зиновьев, было Давыдко Васильев Кайгород.

Марчко Никитин — родоначальник ленских Марковых, основатель деревни Марковой, в Даурской земле не был. А был там на устье Урки его старший сын, упомянутый здесь Исачко Марков. Дмитрий Зиновьев на обратном пути забрал его на Лену.

А «воры», о которых идёт речь в челобитной, — это беглые служилые и промышленные люди и пашенные крестьяне, которые бежали в 1653 году на Амур во главе с усть-кутским плотником Пронькой Кислым и со служилым человеком Васькой Семёновым Черкашенином. Служилых людей Дмитрий Зиновьев увёз с собою в амурское войско, а пашенных крестьян оставил на устье Урки, чтобы те занялись обработкой пашни. Но после отъезда Зиновьева они покинули устье Урки и приплыли к Онофрию Степанову в амурское войско.

Итак, 16 июня 1654 года Зиновьев и Хабаров прибыли в Илимский острог, а уже в начале июля были в Енисейске. Там Хабаров и его спутники

подали енисейскому воеводе Афанасию Пашкову челобитные с жалобами на Дмитрия Зиновьева. Пашков послал эти челобитные в Москву, препроводив их своею отпискою. В отписке сообщалось:

«В нынешнем, государь, во 162 [1654] году, июня в 2 день, били челом тебе, государю, а мне, холопу твоему, в Енисейском в Съезжей избе подали за руками четыре челобитные твоей государевы новые Даурские земли приказной человек Ярафей Хабаров да Даурские ж, государь, земли служилые люди Стенька Поляков с товарищи, дватцать человек, на Дмитрея Зиновьева многих ево обидах и в насильстве, чтоб ты, государь, их, Ярафея Хабарова и служилых даурских людей, пожаловал: велел те их челобитные послать к тебе, государю, к Москве.

И я, холоп твой, по твоему государеву указу те их четыре челобитные за их руками, а даурских, государь, погромных робят и девок, что у них Дмитрией Зиновьев поимал, роспросные речи, за своею рукою послал я, холоп твой, тебе, государю [А. М.], к Москве под сею отпискою енисейских пашенных крестьян с прежним приказным человеком с Фёдором Сидоровым да с енисейскими служилыми людьми з десятником казачьим с Якунькою Калиным да с Якунькою Софроновым.

А тот, государь, даурской взятой ясырь и платье, и всякую рухлядь, и казны, что взял с ними Дмитрией Зиновьев у Ярофея Хабарова, послал я, холоп твой, из Енисейсково с ними ж, Фёдором Сидоровым и з десятники казачьим, за приёмом даурских служилых людей Стеньки Полякова да Стеньки Вятки в нынешнем же во 162 [1654] году, июля в 5 день.

А на Москве велел, государь, ему, Фёдору, явитьца и отписку, и заручные челобитные, и роспросные речи подать, и взятых даурских робят и девок, семи человек, и их рухлядь объявить в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да твоим государевым диаком Григорью Протопопову да Третьяку Васильеву.» [12].

На отписке помечено: «Чтено» и дата доставки: «163 [1654], декабря в 28 день, с енисейским казаком Федькою Плеханом.»

В этих челобитных, помимо прочего, сообщаются некоторые подробности о пребывании Зиновьева на Амуре. В челобитной Хабарова написано:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой новой твоей государевы вотчины Ярко Хабаров.

Жалоба, государь, мне, холопу твоему, на Дмитрея Ивановича Зиновьева в том, что в прошлом во 161 [1653] году прислан, государь, ко мне, Ярку, с товарищи Дмитрией Зиновьев с твоим государевым жалованьем, золотыми. А сказал мне, холопу твоему, что есть де у него твой государев указ: велено де вся Даурская земля досмотрети и меня, холопа твоего, ведать. И роздав нам твоё государево жалованье, золотые, меня, Ярка, бил и за бороду драл за то, что я у него спросил твоего государева указа. Бывают, государь, хто в чьё место приедет, и те привозят твои государевы грамоты и росписки, и о всяких твоих государевых делах, и о пушечных запасах, потому что одному принять, а другому отдать. И он твоей государевы грамоты не привёз, что меня ему ведать.

А сам он, Дмитрией, вновь тебе, государю, не служивал и аманатов не

имал. И твою государеву казну взял он, Дмитрий, с собою к тебе, государю, к Москве за моею печатью. И он, Дмитрий, идучи дорогою, тоё мою печать срезал, неведомо для чего, и запечатал своею печатью. А моею печати, холопа твоего, ни целовальниковой, у твоей государевы казны быть не велел.

И мою службишко, холопа твоего, всю на себя переводит. А [я], холоп твой, тебе, государю, служил пять лет с своими полчаны без твоего государева жалованья, на своих проторех. А он, Дмитрий, приехав с твоим государевым жалованьем, з золотыми, и жил у нас четыре недели. И в те поры он, Дмитрий, только что меня, холопа твоего, бил и увечил. И я, холоп твой, окупая свою голову, ему, Дмитрею, давал животы свои на откуп, потому что мне, холопу твоему, старому и раненому, и увечному, от ево, Дмитреева, мученья, едучи до Москвы, томною, нужною смертью не умереть.

И не токмо, государь, что весь живот свой перенёс, и Дмитрея Андреевича Франзбекова все животы от такова ево, Дмитреева, мученья отдал, потому что был с нами на твоей государеве службе Дмитрея Андреевича Франзбекова человек ево Ананья Арасланов для выбору ево, Дмитрея Андреевича, ссудных долгов на служилых людех, как он, Дмитрий Андреевич, отпускал меня, холопа твоего, по твоему государеву указу на твою государеву службу для проведыванья новые земли и для приводу их, иноземцов, под твою царскую высокую руку, и для збору ясачново вновь в прибыль в твою государеву казну, чтоб твоя государева земля в умноженьи и в пространствии была, и тех бы земель иноземцы во всяком подобострастьи были и в обладании под твоею царскою высокою рукою тож.

И в те поры он, Дмитрий Андреевич, тех служилых людей, которые были со мною в полку на твоей государеве службе, многих ссужал. И быв с нами, тот человек ево Ананья безвести пропал. И что животов ево по выбору на служилых людех осталось, и те животы остались у меня, холопа твоего. И ис тех животов выбраны были в тамошних иноземских диковин по приказу Дмитрея Андреевича тебе, царскому величеству, челом ударить. И он, Дмитрий, своим насильством и то всё поимал.

Да он же, Дмитрий, взял у меня, холопа твоего, две жёнки-ясырки, одна Дмитрея Одреевича человека ево Ананьи Арасланова, а другая моя, холопа твоего, з животами. А сказал он им, что будто тех жёнок он, Дмитрий, хочет свести к тебе, государю, к Москве. .

Да ему ж, Дмитрею, я, холоп твой, говорил про никансково мужика, чтоб он того мужика взял к тебе, государю, к Москве для ведомости и для допросу про Никанскую землю. И он, Дмитрий, того мужика не взял. А тот мужик был в улусе, блиско нас. И того мужика можно было взять.

Да ему ж, Дмитрею, я, холоп твой, говорил про амурского мужика. А зовут того мужика Пленцою. А тот мужик бывал у богдойского царя, и про богдойцов землю тот мужик знал много. И он его, Дмитрий, не взял.

Да он же, Дмитрий, взял у меня, холопа твоего, двое робят и их крестил. А те робята у меня, холопа твоего, куплены из войска, и за тех бы робят был тебе, государю, ясак немалый и казна б твоя, государева, збиралась большая.

Да он же, Дмитрий, взял у меня, холопа твоего, три жёнки и отдал в ыно-

земцы для своей бездельной корысти. И ис тех моих животишков меня, холопа твоего, много мучил.

И как он, Дмитрий, приехал в Енисейской острог, и по твоему государеву указу в Енисейском остроге воевода Афонасей Филипович Пашков твоей государевы казны досматривал, и животишка мои перепутал, что он, Дмитрий, у меня, холопа твоего, поимал.

И я, холоп твой, в те поры бил челом тебе, государю, словесно в Съезжей избе на него, Дмитрея Зиновьева, в том, что как он, Дмитрий, насильством из-за обуха те мои животишка имал.

Да он же, Дмитрий, сказал про твой государев указ, что велено меня, Ярка, взять к тебе, государю, к Москве, и дорогою, едучи до Енисейского острогу, меня, холопа твоего, бил же и увечил безвинно, и без сыску. А сказал он себя мне, холопу твоему, будто по твоему государеву указу велено ему, Дмитрею, быть в твоей государеве вотчине у нас в Даурской земле воеводою. И наказы давал за своею рукою служилым людям в моём полку. И я, холоп твой, против твоего государева указу по его слову не смел его, Дмитрея, ослушателя ни в чём.

И велел мне, холопу твоему, он, Дмитрий, принести подголовков, и ис того подголовка много кабал поимал. А сколько кабал поимал, и того не упомню. И всякое от насильства и пакости, и побой терпел.

Да он же, Дмитрий, научил тех жёнок, которые он, Дмитрий, у меня, холопа твоего, взял и с собою привёз в Енисейской острог, бити челом тебе, государю, ложно, чтоб ты, государь, их пожаловал: велел их за ... ему, Дмитрею, в Енисейском остроге по-прежнему, чтоб Дмитрий с ними ехал дорогою вместе и жил с ними, блудя беззаконством на одной постели.

А что живота он, Дмитрий, взял насильством и ясырю, и что вспомню, сколько кабал, и тому я, холоп твой, принесу роспись, а ясырю цену, и на них крепостей под сею отпискою.

<...> Вели, государь, послати за своею государевою казною особь, потому что, государь, я, холоп твой, тебе, государю, служили и кровь свою за тебя, государя, проливали, и раны терпели, и иноземцов под твою царскую высокую руку подводили, и ясачной збор збирали, и тебе, великому государю, казну собрали, и прибыли учинили большую, и четыре земли привели — Даурскую, Дючерскую, Натцкую да Гилятцкую — под твою государеву высокую руку.

А он, Дмитрий, ничего тебе, государю, добра не зделал, а вновь и лутчево аманата отпустил именем Лаптая. А я, холоп твой, того аманата взял для подтверждения всей Даурской земли, потому что тово Лаптая все слушают. А только бы он, Дмитрий, того аманата не отпустил, и тебе б, государю, больши б того казны собралось, и впредь бы стало збираться твоя государева казна с прибылью.

И вели, государь, сию мою челобитную послать к себе, государю, к Москве.

А что, государь, животишков наших взял он, Дмитрий, насильством, и те, государь, животишки в Енисейском в Съезжей избе я, холоп твой, узнал.» [13]

Не знал Хабаровов о том, что человек воеводы Дмитрия Францбекова, крещёный татарин Ананий Арасланов, не пропал безвестно, а, как выяснилось позднее, бежал в Китай.

К челобитной Хабаровов приложил

«Роспись ясырю Даурские земли Ярафея Хабарова, что взял у него Дмитрией Зиновьев.

Девку Галеньчи, русское прозвище Маринка

Девку Неньгучи, русское прозвище Манька.

А у них обчево их платья и всякой рухляди, и кузни, что взял с ними у Ярофея Хабарова Дмитрией Зиновьев ево, Ярофеевы, всякой рухляди:

Двенатцать соболей без пупков

Шуба соболя, шита из пластин и ис пупков, и из лоскутья соболя, под камкою лазоревою, круг ворота и зарукавье тово ж цвету камка золотая

Шубёнка пластинное соболе под кровлишкою ветчанною камчатою

Азям лисей красных лисиц под камкою красною з золотом. Кругом азяма опушен пухом выдровым

Азям лисей красных лисиц с ожерельем лисьим под камкою алою, збором розных цветов камок

Одеялишко лисье ветчаное

Азям белей под отласом золотым чёрным

Шубёнка рысье нагольное, ношена

Камки соломянки чёрной пять аршин

Камки соломянки ж лазоревой четыре аршина

Спорок с азяма, камка красная, шита золотом со розными шелками по-китайски

Азям, камка чёрная, подложен камкою лазоревою с прорехи

Азям, камка белая, около ворота и зарукавье обложено камкою лазоревою соломянкою, подложен тафтою белою

Азям, отлас чёрной, около ворота и зарукавье обложено бархатом чёрным, подложен камкою белою

Чюка без рукав, камка чёрная, на плечах и на хрепте шито золотом и розными шелками, подложена камкою, брусничной цвет, с прорехи

Азям, камка ала, бес полурукав, подложен тафтою белою

Азям, камка зелёная, поношен, с прорехи, отплечье и зарукавье шито золотом и розными шелками, подложен кумачём черным

Азям, камка лазорева соломянка, опушен бархатом чёрным, без рукав, подложен камкою алою и красною

Азям, камка лазорева, поношен, шит золотом и розными шелками, подложен тафтою алою

Азям, камка лазорева, поношен, шит золотом и розными шелками, подложен кумачём

Чюга, поношена, камка цветная двоелишная, подложена кумачём

Азям, камка двоелишная, без подкладу

Азям, ношен, камка осинової цвет, подложен тафтою ветчанною

Азям, камка рудожелтая, ветчаной, подложен камчишкою двоелишною

Азямишко белой, ветчаной, под кумачём лазоревым

Кумач лазорев
 Треух соболей под камкою цветною
 Два малахая собольи под камкою соломянною с кистями красново шёлку
 Треух ветчаной, шит из лоскутья соболя, под камчишкою мелкотрав-
 чатою

Шапка да окол белей, хвостовые, соболя
 Пластина лисья красная
 Двои рукавицы соболя
 Двое зарукавишко соболя под камчишкою лазоревою
 Лоскутишко пупчатое в пластинишках
 Чюга, камка красная, обложена камкою лазоревою розных цветов, под-
 ложена камкою голубою

Азам, камка красная на золоте, подложен камкою лазоревою
 Азам, камка чёрная на золоте, без подкладу
 Азам, камка красная на золоте, подложен камкою чёрною
 Восемь колец серебряных на шеях
 Три цепочки серебряные короткие
 Восмеры серьги серебряные
 Семнатцать перстней серебряных в кольцах
 На пакосниках пятьдесят пуговиц серебряных
 На руках два кольца серебряные. [14]
 В Енисейске же подали воеводе Пашкову челобитную с жалобой на
 Дмитрия Зиновьева служилые люди:

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, твоей государевы вотчины дау-
 рские казаки:

+Стенька Васильев Поляков
 Стенька Иванов [Вятка]
 Ивашко Фёдоров
 Вавилко Фомин
 Федька Трифонов
 Зотка Титов
 +Костка Иванов
 +Гаврилко Макарьев Шапунов
 +Федька Петров Клочев
 Ивашко Про(ко)фьев Посохов
 Лучка Кондратьев [Негнутой]
 Ерасимко Никитин
 Олёшка Яковлев
 Ивашко Марков
 Якунька Мелентьев
 Федька Иванов Вагин
 Флорко Оверкиев
 +Гордюшка Орефьев.

В прошлом, государь, в 161 [1653] году прислан к нам, холопом твоим,
 Дмитрий Иванович Зиновьев с твоим государевым жалованьем, з золотыми,
 и твоё государево жалованье, золотые, нам, холопом твоим, роздал. И роз-

дав нам твоё государево жалованье, золотые, взял нас, холопей твоих, он, Дмитрий Зиновьев, к тебе, государю, к Москве.

И что мы, холопи твои, тебе, праведному государю, служили и ясак збирали в твою государеву казну, и иноземцов в аманаты поимали, и тоё твою государеву казну и аманатов взял он же, Дмитрий. И за твоею государевою казною сам он, Дмитрий, едет. А нас, холопей твоих, к тоё государевы казны прочь отбивает и наше службишко, холопей твоих, всё на себя переводит.

А мы тебе, государю, служили и четыре земли привели — Даурскую, Дючерскую, Натцкую да Гилятцкую — под твою государеву царскую высокую руку. И из Даурские земли твою государеву казну провадили до Енисейского острогу своими головами. А он, Дмитрий, нигде подводы под твою государеву казну не имал.

<...> Вели, государь, за своею государевою казною быть, и твою государеву казну провадить к тебе, государю, к Москве нам, холопом твоим, а не Дмитрею Зиновьеву.

И вели, государь, под твою государеву казну и под нас, холопей твоих, дать подводы и подорожную из Енисейского острогу из Съезжей избы своему государеву воеводе Афонасью Филиповичю Пашкову, потому что мы, холопи твои, тебе, государю, служили и кровь свою за тебя, государя, проливали, и иноземцов под твою царскую высокую руку подводили, и ясачной збор збирали, и тебе, великому государю, казну собрали, и прибыль тебе, государю, учинили большую.

А чем он, Дмитрий Зиновьев, ково из нас, холопей твоих, избидел, и те будут бити челом тебе, праведному государю, на Москве.» [15]

Значком + здесь отмечен Стенька Васильев Поляков и его товарищи, которые отделялись от Хабарова. Первых четырёх из них Хабаров «сажал в железа». Ивашко Прокофьев Посохов был войсковым подьячим, «потаковщик» Хабарова. А Стенька Иванов Вятка был целовальником.

В третьей челобитной написано:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, твоей новой государевы вотчины даурской казак Якунька Мелентьев колуженин.

Жалоба, государь, мне на Дмитрея Ивановича Зеновьева.

В нынешнем, государь, во 162 [1654] году, февраля месяца, будучи на той твоей государеве даурской службе в Тугирском острожке, он, Дмитрий Зеновьев, бил меня, холопа твоего, и мучил всякими раздными муками, и огнём жёг насмерть, неведомо за что, и смучил с меня азам камчатой на золоте, цвет зелёной, Даурской земли. Цена, государь, тому азаму восемь рублёв.

Да он же, Дмитрий Зеновьев, в том же феврале месяце после той моей смертной муки учал опять мне, холопу твоему, угрожать всякими муками разными. И я, холоп твой, убояся ево смертные муки, не могя претерпеть, отдал ему и другой азам в два рубли.

<...> Вели, государь, сию мою челобитную из Енисейского острогу из Съезжей избы твоему государеву воеводе Афонасью Филиповичю Пашкову послать к тебе, государю, к Москве.» [16]

На обороте челобитной красивым почерком написано:

«К сей челобитной Якушко Мелентьев руку приложил.»

Правда, из этой челобитной совершенно непонятно, за какую вину вымогал у него эти азямы Дмитрий Зиновьев.

В четвёртой челобитной тоже жалоба:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, новые твоей государевы вотчины даурской казак Федька Иванов сын важанин.

Жалоба, государь, мне на Дмитрея Зиновьева.

В нынешнем, государь, во 162 [1653] году, после Покрова пречистые Богородицы [1 октября — Г. К.], неделю испустя, будучи на той твоей государеве даурской службе у Зии реки в улусе, он, Дмитрей Зиновьев, бил меня, холопа твоего, и увечил насмерть, неведомо за что. И намучил у меня купчую на ясыря моево, Митькою, зовут новокрещёна. Цена, государь, тому моему ясырю десять рублёв денег.

Да он же, Дмитрей Зиновьев, взял у меня, холопа твоего, самовольством своим, сильно, дватцать соболей. Цена, государь, тем соболям дватцать пять рублёв денег. Да шубу рысью под камкою, мелкотравчатую, розных цветов. Цена, государь, шубе дватцать рублёв.

Да сверх того, государь, насильства и обиды он, Дмитрей, заставил живота своего провадить через Амурской волок два пуда. И я, холоп твой, наймовал своими последними животишками от великие неволи. А дал он того найму десять рублёв денег.

И всего живота моего он, Дмитрей Зиновьев, пограбил у меня, и что наймовал ево живот провадить, учинилось и с убытками шестьдесят пять рублёв денег.

<...> Вели, государь, сию мою челобитную из Енисейского острогу из Съезжей избы твоему государеву воеводе Афонасию Филиповичю Пашкову под отпискою послать к тебе, государю, к Москве.» [17]

На обороте: «К сей челобитной вместо служилого человека даурского Федьки Иванова по его веленью Соли Камской посацкой человек Савка Мелентьев руку приложил.»

Федька Иванов Вагин (Вагулин) был по какой-то линии родственником Хабарова.

Тогда же были опрошены дючерские ребята и девки, которых Зиновьев отобрал у Хабарова. Их расспросные речи были записаны в Енисейске и посланы в Москву.

«162 [1654] году, июля в 2 день, по челобитью Даурские земли приказново человека и служилых людей Дмитрея Зиновьева Дючерской земли робята спрашиваны.

А в роспросе детина Ардамко, а в крещение имя ему Ивашко, тринадцати лет, сказал:

Взял де ево, Ивашка, на погроме по Шингалу реке даурской казак Микифорко Ермолаев, тому де лет с пять, и, приехав в Дауры, тово ж лета продал ево, Ивашка, Ярофею Хабарову. А что за него взял, тово де он, Ивашко, не ведает. А у ево де, Ярафея, жил он, Ивашко, и по приезд Дмитрея Зиновьева в Даурской земле.

И как де Дмитрей Зиновьев приехал в Даурскую землю, и ево де, Иваш-

ка, у Ярофея Хабарова взял к себе. А сказал де ему, Ивашку, он, Дмитрий, что он ево, Ивашка, у Ярафея купил. А сам де он, Ивашко, тово подлинно не ведает, купил ли ево он, Дмитрий Зиновьев, у Ярафея Хабарова, или даром взял.

И у себя де ево, Ивашка, он, Дмитрий, крестил в Даурской земле. И повёз де ево, Ивашка, из Даур с собою вместе. А для чево везёт, тово де он не ведает.

Того ж числа погромной даурской малой Дючерские земли с реки Шингала Конькониско, а во крещение имя ему Костка, лет в тринадцать, в роспросе сказал:

Тому малому Ивашку, что взял Дмитрий Зиновьев у Ярафея Хабарова, он, Костка, брат двоюродной. А взял де ево на погроме, тому лет с пять, енисейской десятник казачей Костка Иванов. И с тово де погрому по приезд Дмитрея Зиновьева в Даурскую землю жил он, Костка, всё у нево, казака Костки Иванова.

А как де Дмитрий Зиновьев приехав в Дауры, и у нево де, Костки, Дмитрий Зиновьев взял ево к себе и крестил в Даурской земле. А купил ли де ево, Костку, или даром взял Дмитрий Зиновьев, тово де он, Костка, у нево, Дмитрея, не слышал. А из Даур де повёз ево с собою вместе. А для чево везёт, тово де он, Костка, не ведает.

Тово ж числа тоё ж Дючерские земли малой Монк, а во крещение имя ему Митька, лет в тринадцать, в роспросе сказал:

Взял де ево на погроме на Шингале реке даурской казак Фетька Иванов важенин, тому лет с пять, и у себя де ево крестил. А жил де он у нево, Фетьки, по приезд Дмитрея Зиновьева в Даурскую землю.

А как де Дмитрий Зиновьев приехал в Даурскую землю, и ево де, Митьку, у казака Фетьки взял к себе. А сказал де ему, Митьке, что он, Дмитрий, ево купил. А что за нево дал, тово де он не ведает. А от Дючерские земли повёз ево, Митьку, с собою вместе. А для чево везёт, тово де он, Митька, не знает.

Тово ж числа тоё ж Дючерские земли погромной малой Сибейко, а во крещение имя ему Федька, лет в семнадцать, в роспросе сказал:

Взял де ево, Фетьку, по Шингалу реке на погроме даурской служилой человек Ивашко Посохов тово лета, как приехал в Даурскую землю Дмитрий Зиновьев. И ево де, Фетку, у ево, казака Ивашка, взял к себе. А сказал де ему, Федьке, Дмитрий Зиновьев, что он ево, Фетку, купил. И у себя де ево крестил. А что за нево дал, тово де он, Фетка, не ведает. И из Даурские земли повёз де ево, Фетьку, он, Дмитрий, с собою вместе. А для чево везёт, тово де он, Фетька, не ведает.

Тово ж числа тоё ж Дючерские земли малой погромной Мильду, а во крещение имя ему Давыдко, в роспросе сказал:

Взяли де ево, Давыдка, казаки на Шингале реке тово же лета, как Дмитрий Зиновьев пришёл в Дауры, и продали ево из войска Ярофею Хабарову. А что де за нево взяли, тово де он не ведает.

А приехав де Дмитрий Зиновьев в Даурскую землю, взял ево у Ярафея Хабарова. А купил ли де ево, или Ярафеем ему, Дмитрею, даром дал, тово де он, Давыдко, не ведает. И из Даурские де земли повёз ево, Давыдка, он,

Дмитрей, с собою вместе. А для чего везёт, тово де он, Давыдко, не знает.

Того ж числа Даурские земли приказново человека Ярафея Хабарова ясырь, что взял у него, Ярафея Хабарова, Дмитрий Зиновьев, девку Галенчи, а русское прозвище Маринка, в роспросе сказала:

Взяли де её на погроме в Даурской земли служилые люди, тому де годы за два. А купил де её, девку Маринку, тово ж году Ярафей Хабаров у служилово человека у Федотка Дорофеева. А что за неё дал, тово де она не ведаёт.

Тово ж числа Даурские земли ясырь девка Ненгучи, а русское прозвище Манька, в роспросе сказала:

Взяли де её на погроме в Даурской земли служилые люди, тому годы с три. А купил де её из войска Дмитрея Францбекова человек Онашка Росланов. А что де за неё дал, тово де она не ведаёт. И Онашка де в Даурской земли пропал безвестно. А после де ево, Онашки, она, Манька, и Маринка жили в Даурской земли у Ярафея Хабарова. И как де он, Ярафей Хабаров, з Дмитрием Зиновьевым из Даурские земли поехал, и их де обоих Ярафей Хабаров взял с собою. И на дороге де на Тугире в зимовном острожке взял их обоих у Ярафея Хабарова Дмитрий Зиновьев сильно к себе и, едучи дорогою, держал их у себя. И до Енисейского ... « [18] [Конца нет].

Для сопровождения мягкой рухляди в Москву енисейский воевода добавил своих людей. Об этом есть запись в счётном списке Енисейского острога за 162 (1653—1654) год.

«Енисейским пятидесятником казачьим Дружинке Васильеву сыну Попову да Максимку Уразову, да с ними семи человеком десятником казачьим дано государево денежное жалованье для московской посылки з государевою соболиною казною с новоприводных земель с великие реки Шилки вперёд на 163 [1654—1655] год 49 рублёв с полтиною.

Посланы к государю [А. М.] к Москве с отписками и со взятою рухлядью Дмитрея Зиновьева и даурского приказново человека Ярафея Хабарова енисейских пашенных крестьян прежней приказной человек Фёдор Усов да десятники казачьи два человека. Дано им государево денежное жалованье вперёд на 163 [1654—1655] год 16 рублёв.» [19]

Дата здесь не указана. Но, видимо, это было в начале июля 1654 года, так как дючерские ребята и девки расспрашивались 2 июля, и засиживаться летом в Енисейске долгое время было нельзя.

Здесь обратим внимание на то, что Дружинка Васильев Попов находился в это время в Енисейске, и он назван пятидесятником казачьим. Видимо, в этот чин он был пожалован во время его пребывания в Москве в 1652—1653 годах. Хотя об этом документов найти не удалось, но ранее мы приводили кабалу, которую дал Дружинка Попов в Москве брату Дмитрия Францбекова Ивану Францбекову 30 декабря 1652 года. Теперь Дружинка Васильев Попов снова поехал в Москву вместе с Хабаровым и его спутниками.

После возвращения в Енисейский острог Дружинка Васильев Попов был послан служить в Нижний Братский острог. Об этом есть запись в счётном списке енисейского воеводы:

«В прошлом же во 164 [1655—1656] году для посылки в Нижней Братской острог енисейскому пятидесятнику казачью Дружинке Васильеву По-

пову на перемену енисейскому ж пятидесятнику казачью Ивашку Елисееву дано государева денежного жалованья 5 рублёв с полтиною.» [20]

Имеется также запись о выдаче соляного жалованья:

«В прошлом ж во 164 [1655—1656] году для посылки в Нижней Братцкой острог енисейскому пятидесятнику казачью Дружинке Попову на перемену енисейскому пятидесятнику казачью Ивашку Елисееву дано ему государево соляное жалованье вперёд на нынешней на 165 [1656—1657] год два пуда соли без чети.» [21]

О следовании Хабарова и Зиновьева от Енисейска до Устья Великого удалось найти лишь один документ, хотя путь продолжался более пяти месяцев. Это челобитная Дмитрия Зиновьева, написанная уже после приезда в Москву. Из неё следует, что путь лежал через Тобольск и Тюмень.

«Царю [А. М. бьёт челом холоп твой Митька Зиновьев.

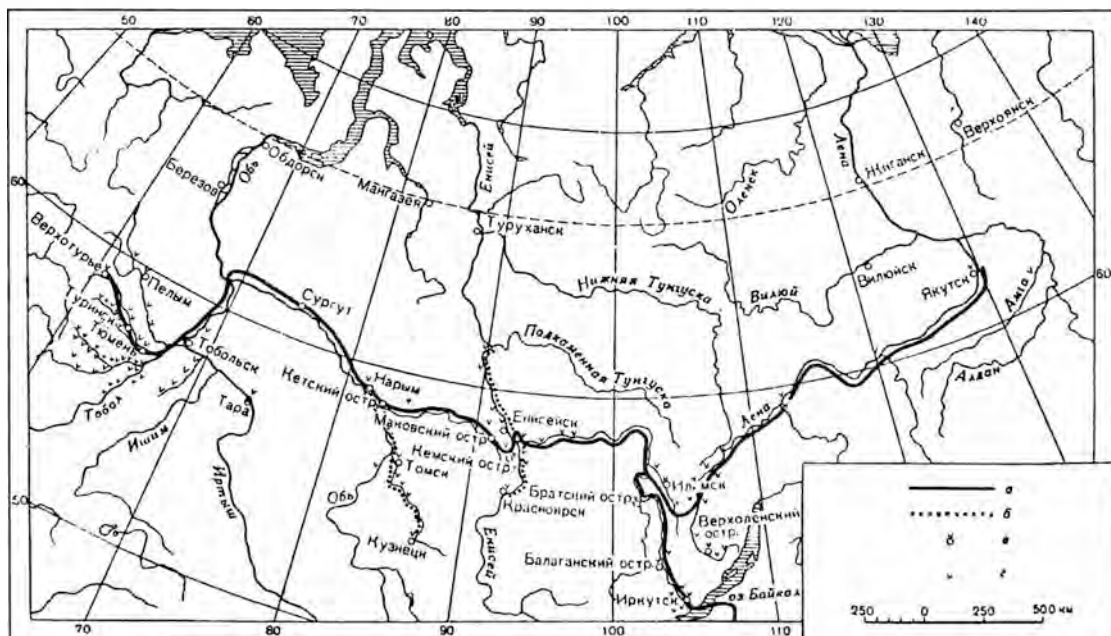
Ехал, государь, я с твоей государевы службы из Даурские земли. И в Сибири на Тюмени побегал от меня кабальной мой человек Насонко Петров Дмитриева, пократчи животов моих, денег и платья, и рух(ляди) на сто на дватцать рублёв. И живёт, переходя, в Сибирских городех и в службах.

<...> Вели, государь, мне дать свою государеву грамоту в Сибирь, где тово своево беглово человека на(йти). Вели, государь, ево поймать и к суду выслать (к Москве) с приставом.» [22]

На обороте написано: «Дать грамота в Сибирские города. Велеть ...» А далее неразборчиво.

Почему-то Г. А. Леонтьева проложила этот путь через Томск. У неё написано:

«От Томска Хабаровов сопровождал служилый человек Милослав Кольцов.» [23]

Основной сибирский путь и его ответвления

А между тем, путь из Енисейска в Москву никогда не проходил через Томск. Плыли вниз по Кети, а затем по Оби.

О дате прибытия Зиновьева и сопровождавших его людей в Москву сообщается в наказе воеводе А.Ф.Пашкову:

«И Дмитрий Зиновьев приехал к Москве в нынешнем во 163 [1654] году, декабря в 12 день.» [24]

А о выдаче жалованья есть запись в расходной книге Сибирского приказа за 163 (1654—1655) год.

«Декабря в 18 день [1654 года] по помете на выписке диака Григорья Протопопова сибирским служилым людям, которые приехали ко государю из Даурские земли з Дмитрием Зиновьевым:

тюменским Сеньке Семилову да Сеньке Семёнову карачевцу
верхотурским Ваське Тимофееву, Петрушке Микитину
да туринскому Савке Галактионову

да енисейскому казаку, которого взял Дмитрий Зиновьев ис Тобольска для иноземцов в провожатых вместо тобольского провожатого, Ерёмке Фёдорову

государева жалованья за сибирской приезд тритцать два рубля с полтиною дано, даурским казаком по шти рублёв, енисейскому против тобольских казаков два рубля с полтиною.

Того ж дни по государеве [А. М.] грамоте, какова прислана из Вязьмы, Даурские земли иноземцом, которые приехали ко государю к Москве з Дмитрием Зиновьевым:

Анаю да Кесилю

да Дючерские земли Баялде да Кенгуде
да Гиляцкие земли Таурбеню да Чахтану
да переводчику тунгусу Мальдуге

государева жалованья за приезд семьдесят рублёв дано, по десяти рублёв человеку.» [25]

Но это не те иноземцы-ясыри, которых оспаривали в Енисейске у Зиновьева Хабаров и Федька Иванов важанин. Каждому иноземцу за сибирский приезд было дано государева жалованья в полтора раза больше, чем даурскому казаку.

В этот же день было выдано государево жалованье, подённый корм.

«Декабря в 18 день по помете на выписке дьяка Григорья Протопопова сибирским служилым людям, которые приехали ко государю из Даур з Дмитрием Зиновьевым:

тюменским Сеньке Семилову да Сеньке карачевцу
верхотурским Ваське Тимофееву да Петрушке Микитину
туринскому Савке Галактионову
да енисейскому казаку Ерёмке Фёдорову

государева жалованья подённого корму декабря с 12 числа да генваря по 1 число, на дватцать дён, три рубли дватцать алтын дано, по шти денег на день.

Того же дни сибирским иноземцом, которые привёз из Даурские земли Дмитрий Зиновьев:

даурским Анаю да Кекулю
 дючерским Баянде да Кенгуде
 гиляцким Таурбеню да Чахтану
 да переводчику тунгусу Мольдуге
 государева жалованья подённого корму декабря с 12 числа да генваря по 11 число, на тридцать дён, десять рублёв с полтиною дано, по десяти денег человеку на день.» [26]

Таким образом, Зиновьев прибыл в Москву 12 декабря 1654 года.

Из этой записи также видно, что денег на подённый корм иноземцам выдавалось в полтора раза больше, чем служилым людям.

Затем было выдано жалованье за сибирский приезд Костьке Иванову и Гаврилке Макарьеву Щипунову. Они записаны с двумя енисейскими служилыми людьми, которые вместе с ними привезли в Москву даурскую соболиную казну.

«Того ж дни [29 декабря 1654 г.] по помете на выписке дьяка Григорья Протопопова сибирским служилым людям, которые присланы ко государю из Енисейского острогу за государевою даурскою мяхкою рухлядью, енисейским казаком:

Федьке Усову

да десятнику Якуньке Софронову

да даурские земли толмачю Костьке Иванову

да казаку Гаврилку Макарьеву

государева жалованья за сибирский приезд дватцать рублёв дано, енисейским по четыре рубли, а даурским по шти рублёв человеку.

Да Федьке Усову за приезд влодачу рубль дано, потому что он пашенных крестьян приказщик. Того ж дни по помете на выписке дьяка Григорья Протопопова сибирским енисейским казаком, которые присланы ко государю из Енисейского острогу з государевою енисейскою соболиною казною и с отписки:

десятнику Дружинке Васильеву

да десятнику Паньке Клементьеву

государева жалованья за сибирской приезд восемь рублёв дано, по четыре рубли человеку.» [27]

Здесь Дружинка Васильев назван не пятидесятником, как в Енисейске, а десятником. Видимо, это более соответствует истине.

Кроме этого, есть запись о выдаче денег на подённый корм:

«Того ж дни [28 декабря 1654 г.] по помете на выписке дьяка Григорья Протопопова сибирским Енисейского острогу служилым людям, которые присланы за государевою даурскою мяхкою рухлядью:

Федьке Усову

да Якуньке Софронову

да толмачю Костьке Иванову

Гаврилку Щипунову

государева жалованья подённого корму с приезде декабря с 28 числа генваря по 11 число, на две недели, рубль дватцать два алтына четыре деньги дано, по шти денег человеку на день.» [28]

А Хабаров с другими служилыми людьми были в это время в Устюге Великом. Когда произошло это разделение, неизвестно. О их пребывании в Устюге сообщали в Москву тамошние воеводы:

«Государю [А. М.] холопи твои Ефимко Мышецкой, Ермолка Клочков челом бьют.

В нынешнем, государь, во 163 [1655] году, генваря в 22 день, прислана на Устюг Великой твоя государева [А. М.] грамота из Сибирского приказу за приписью дьяка Григорья Протопопова к нам, холопом твоим.

А по твоей государеве грамоте сибирских служилых людей и целовальников с твоими государевыми новыми соболиными казны с Устюга Великого до твоего государева указу к Москве отправлять не велено. А которые сибирские служилые охочие люди приехали на Устюг за твоею государевою даурскою соболиною казною, и с тех, государь, людей:

Ярка [Павлова] Хабарова
Козёмку Фёдорова [Байкаловского]
Лучку Кондратьева Негнутово
Аверку Морока
Стенку [Васильева] Полякова
Федку [Петрова] Клочева
Ивашка [Прокопьева] Посохова

велено в твоих государевых делах прислать к Москве з добрым приставом и с провожатыми тотчас. И дорогою велено вестъ их в крепь, и беречь накрепко, чтоб они з дороги и с наслегу не ушли, и над собою, и над провожатыми дурна никакова не учинили.

Да и даурских иноземцов, жонку и девку, и пять человек робят, которых Ярко Хабаров с товарищи привезли с собою, по тому же прислать к тебе, государю, к Москве с тем же приставом и с провожатыми.

А у даурской у всей соболиной казны велено быть целовальнику Стеньке Иванову с товарищи, которые за тою твоею государевою соболиною казною из Сибири из Енисейского острогу посланы, велено быть в Устюге Великом до твоего государева указу и стоять на дворе для береженья иных сибирских же городов [с] служилыми людьми вместе.

И по твоему государеву [А. М.] указу мы, холопи твои, сибирских служивых охочих людей:

Ярка Хабарова
Козёмку Фёдорова
Лучку Кондратьева Негнутово
Аверку Морока
Стенку Полякова
Федьку Клочева
Ивашка Посохова

и даурских иноземцов, жёнку и девку, и пяти человек робят, к тебе, государю [А. М.] к Москве Томского города с сыном боярским с Милославом Кольцовым да с устюжским приставом с Ывашком Козьминым, да с ними же послали для провожатых сибирских городов служилых людей:

Томского города Петрушку Балахнина

да Тарского города Ивашка Нефедьева
Кузнецкого острогу Кирилка Афонасьева
Берёзовского города Микишку Васильева,
для того, что те служилые люди били челом тебе, государю, и нам, холо-
пем, твоим подали челобитную за руками, чтоб их отпустить к тебе, госуда-
рю, к Москве с отписками.

А дорогою, государь, велели ему, сыну боярскому, и приставу, и сибир-
ским служилым людям даурских служилых людей, Ярка Хабарова с това-
рыщи, и даурских жонку и девку, и робят вестъ бережно и осторожно, и
отписку, государь, велели подать, и Ярка Хабарова с товарищи, и даурских
жёнку и девку, и робят объявить в Сибирском приказе твоему государеву
боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да твоему государеву дьяку
Григорью Протопопову.

А твою государеву соболиную даурскую казну приказали мы, холопи твои,
на Устюге Великом беречь накрепко целовальнику Стенке Иванову с това-
рыщи, которые за тою твоею государевою казною из Енисейского острогу
посланы, до твоего государева указу с ыными сибирскими служилыми люд-
ми вместе, чтоб той твоей государеве казне поруки никакой не учинилось.

А сколько, государь, сум с твоею государевою соболиною казною на Ус-
тюге осталось, и тому роспись под сею отпискою.

Роспись государевы [А. М.] даурские соболиные казны, что осталось на
Устюгн Великом.

7 сум с собольми и с шубы собольи, с лисицы за государевыми печатями
да 2 лисицы чёрные в мешках за государевою печатью.

Да Дмитрея Зиновьева рухледь: 11 сум да чемодан с собольми и с шубы
собольи, и с платьем, 10 сум и чемодан за государевыми печатями, а один-
натцатая сума за печатями Степана Полякова да Фёдора Сидорова.

Да ево же, Дмитрея Зиновьева, 2 ящика с камками. Один ящик за госуда-
ревою печатью, а другой за печатями Степана Вятки да Степана Полякова.

Да Ярофея Хабарова 2 суммы с собольми и с платьем за государевыми
печатями.

И те суммы с собольми и ящики отданы и беречь приказаны целовальни-
ку Стеньке Иванову сыну Вятке с товарищи.» [29]

На обороте первого листа отписки отметка о подаче: «163 [1655], февра-
ля в 14 день, с Красноярским сыном боярским с Ярославом Козловым.» В
этот же день явились в Сибирский приказ Хабаров и его спутники.

Какого числа была написана грамота устюжскому воеводе, неизвестно.
Но, видимо, до доставки в Москву челобитных Хабарова и служилых людей,
поданных в Енисейске, с жалобами на Д. Зиновьева. Эти челобитные пос-
тупили в Сибирский приказ 28 декабря 1654 года.

Слова «вестъ их в крепь» Ф. Г. Сафронов истолковал следующим образом:

«На последнем этапе пути Хабарова везли под конвоем и даже надели на
него <<смыки>> (род кандалов) поскольку Зиновьев опасался побега.» [30]

Но о смыках, как видим, здесь не сказано. А «вестъ в крепь» означает,
по-видимому, строго, бдительно, под конвоем. В словаре Даля написано:
«сидеть в крепь — в заключении.»

У Ф. Г. Сафронова переписывает Г. А. Леонтьева:

«Опасаясь, что Хабаров бросит его по дороге и вернётся на Амур, Зиновьев отдал распоряжение в наиболее подходящих местах изолировать землепроходца и одевать на него смыки, т. е. кандалы.» [31]

Но в грамоте сказано: «весть их в крепь», а не «весть его в крепь».

Тогда возникает вопрос, если опасались, что Хабаров сбежит, то почему тогда «вели в крепь» его противников Стеньку Полякова, Козёмку Фёдорова, Фёдку Клокова, Пучку Кондратьева? Они-то никуда не должны были стремиться сбежать. Везли в крепь и иноземцев. Везли строго, под присмотром, но отнюдь не в кандалах.

Это единственное в документах сообщение о том, что Хабарова и его спутников везли «в крепь» от Устья Великого до Москвы, А. Р. Артемьев распространяет на всю поездку с Амура до Москвы. Он пишет:

«На основании этой челобитной [изветной челобитной Стеньки Полякова — Г. К.] приехавший с инспекционной проверкой на Амур московский дворянин Д. И. Зиновьев арестовал Хабарова, заковал в цепи, и затем увёз его и руководителей бунта против него С. В. Полякова, К. Иванова и их товарищей в Москву.» [32]

При этом даётся ссылка на книгу «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма.» [М. 1991, с. 40]. Однако, там ничего об этом нет.

В документах, которые приведены чуть ниже, содержатся некоторые сведения о взаимоотношениях Зиновьева и Хабарова во время зимовки в Тугирском острожке. Делали друг другу подарки, вместе пили вино горячее (ты меня уважаешь?) Конечно, не обходилось без хитростей с обеих сторон. А в приведённой выше отписке илимского воеводы Б. Д. Оладына сообщалось, что проездом по Лене Хабаров хвастался своими нарядами. В цепях ведь нарядами не хвастают. Ничего не писал о цепях и воевода А. Ф. Пашков во время проезда Хабарова и Зиновьева через Енисейск.

Никто пока ещё не опубликовал документы, в которых описывается путь Зиновьева и Хабарова от Енисейска до Устья Великого. Похоже, что их нет. Неизвестно, ехали ли они вместе или раздельно, и где произошло это разделение. По тому, что в Устье Великом среди прочего имущества были 11 сум с «рухлядью», чемодан и 2 ящика с камками, принадлежавшими Д. Зиновьеву, можно полагать, что Хабаров и Зиновьев до этого ехали вместе.

Ф. Г. Сафронов почему-то считал, что Хабаров прибыл в Москву вместе с Зиновьевым:

«В стольный град прибыли 12 декабря 1654 года.» [33]

Составители сборника «Русско-Китайские отношения в XVII веке» тоже почему-то считали, что Хабаров в конце 1654 года уже был в Москве. В примечаниях к наказу А. Пашкову (док. 78) написано:

«При первой публикации <...> документ был датирован 1655 г., однако есть основания предполагать, что он мог быть составлен и ранее. <...> В самой наказной памяти чувствуется сильное влияние рассказов Д. Зиновьева и Е. П. Хабарова, поэтому можно предположить, что она была составлена непосредственно после их приезда в Москву, т. е. после 12 декабря 1654 г.» [34]

Улица Москвы. С рис. XVII в.

Здесь уместно сделать замечание на следующее высказывание Б. П. Полевого:

«Имеются сведения о пребывании Хабарова, Полякова, Иванова в Енисейске и Тобольске. Известно также, что от Вологды они ехали «за приставом», т. е. под конвоем, до самой Москвы.»

Б. П. Полевой даёт ссылку на ф. 214, ст. 508, л. 31. [35] Ссылка эта неверна. Ничего подобного на л. 31 нет. О пребывании в Енисейске документы имеются. Мы их привели. О пребывании в Тобольске и Вологде документов нет. А за приставом они ехали не только от Вологды, но ещё раньше, от Устюга Великого.

Имена некоторых людей, которых было указано прислать с Хабаровым, не совпадают с именами, записанными в челобитной служилых людей, поданной в Енисейске. Видимо, эти имена были указаны Зиновьевым. Вероятно, тоже по совету Зиновьева, были приняты необоснованные меры для предотвращения побега Хабарова и указанных в этой отписке людей. Из Устюга только меньшую часть во главе с Хабаровым за приставом и с проводатыми повезли в Москву, а большую пока что оставили в Устюге. Хабарова и его спутников отделили от соболиной казны. На ласковый приём в Москве рассчитывать не пришло.

Сразу же после прибытия Хабарова в Сибирский приказ у него были отобраны иноземцы-ясыри, которых оспаривал Хабаров в Енисейском остроге, и отданы до указа Дмитрию Зиновьеву.

«163 [1655] года, февраля в 14, день даурские иноземцы, которые при-

сланы ко государю к Москве с Ярком Хабаровым, Даурские земли робята новокрещёны:

Микитка, а даурское имя Молгалка
да девка, даурское имя Меденга
да Ивашка, дючерское имя Велдам
да Федька, дючерское имя Сибеко
да Костка, дючерское имя Куконам
да иноземка жонка Лянчига
да девка Гайланча

из Сибирского приказу отданы держать до государева указу Дмитрею Зиновьеву, а платьё тех иноземцов в суме оленьё[й] за их печатью оставлено в Сибирском приказе.

Роспись ясырю Даурские земли Ярафея Хабарова, что взял у него Дмитрей Зиновьев.

девку Галенча, русское прозвище Маринка
девку Ненгучи, русское прозвище Манька.

А у них обчево их платья и всякой рухляди, и кузни, что взял с ними у Ярофея Хабарова Дмитрей Зиновьев ево, Ярофеевы, всякой рухляди.» [36]

Роспись совпадает с росписью, составленной в Енисейском остроге. Непривычные для русского слуха имена иноземцев всякий раз записываются по-новому.

О прибытии Хабарова в Москву в расходной книге Сибирского приказа за 163 (1654—1655) год почему-то нет, но есть записи о трёх его спутниках.

«Апреля в 13 день [1655 года] по помете на выписке диака Григорья Протопопова сибирским даурским охочим казаком, которые присланы ко государю из Даур з даурскою соболиною мяхкою рухлядью:

Стеньке Полякову
Ивашку Посохову
Лучке Кондратьеву

государева жалованья за сибирской приезд осмнатцать рублёв дано, по шти рублёв человеку.» [37]

Кроме того, имеется запись о выдаче им денег на подённый корм.

«Апреля в 13 день [1655 года] по помете на выписке диака Григорья Протопопова даурским служилым людем, которые присланы з даурскою мяхкою рухлядью:

Стеньке Полякову
Ивашку Посохову
Лучке Кондратьеву

государева жалованья подённого корму с приезду марта с 3 числа да того ж марта по 17 число, на две недели, рубль восемь алтын четыре деньги дано, по алтыну человеку на день.» [38]

Эта запись говорит о многом. Во-первых, деньги за сибирский приезд были выданы спустя два месяца после приезда, тогда как людям, приехавшим с Зиновьевым, были выданы через шесть дней. Во-вторых, деньги на подённый корм с 14 февраля по 3 марта вообще не были выданы. В-третьих, 13 апреля деньги были выданы лишь по 17 марта, то-есть не за все

пожитые дни, тогда как приехавшим с Зиновьевым деньги были выданы вперёд.

Записей о выдаче жалованья остальным служилым людям, которые ехали с Хабаровым из Устья Великого в Москву, нет. Но есть запись о выдаче годового жалованья казаку Стеньке Иванову Вятке, который записан среди жалобщиков на Дмитрия Зиновьева в Енисейском остроге. Он, будучи целовальником, оставался в Устье с соболиной казной и приехал в Москву позже:

«Мая в 5 день по помете на челобитной дьяка Григорья Протопопова даурскому казаку Стеньке Иванову государева годового жалованья на нынешней на 163 [1654-1655] год оклад ево пять рублёв дано сполна.» [39]

Зато имеется несколько записей о выдаче денег на подённый корм даурским иноземцам.

«Генваря в 11 день иноземцом:

Даурские земли Анаю да Кекулю
да Дючерские земли Таурбеню да Чахтану
да переводчику тунгусу Мальдуге

государева жалованья подённого корму генваря с сего числа да февраля по 1 число, на три недели, семь рублёв одиннатцать алтын четыре деньги дано, по десяти денег на день.

Того ж дни енисейскому казаку, которой живёт для береженья у даурских иноземцов, Ерёмке Фёдорову государева жалованья подённого корму генваря с 1 числа да февраля по 1 число, на тритцать на один день, тритцать один алтын дано, по шти денег на день.» [40]

Опять иноземцам дано денег на подённый корм в полтора раза больше, чем казаку.

Далее следует такого же вида запись о выдаче денег иноземцам и Ерёмке Фёдорову с 1 февраля по 1 марта.

О чём расспрашивали иноземцев в Сибирском приказе и что они рассказали, написано в наказе Афанасию Пашкову:

«А даурские иноземцы Анай с товарищи, семь человек, которых Дмитрий Зиновьев привёз к Москве, в Сибирском приказе боярину Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку Григорью Протопопову в роспросе сказали:

князцов де и владельцев у них в Даурской и в Дючерской, и в Гиляцкой землях нет;

а ясак де платили они с себя богдойскому царю Андри-кану по соболю с человека, а иного де ничего не платили;

а живут де они по Шилке реке и по иным сторонним рекам, а многие из них в Даурской и в Дючерской земле — пашенные люди, а иные и непашенные, кормятца рыбою и зверем;

а чаять де их во всех трёх землицах в десять тысяч человек, а подлинно не ведают, потому что живут меж себя по многим далным местом и по улусам врозни.» [41]

В феврале иноземцев стали готовить к отправке обратно в Сибирь, и последовала дополнительная дача.

«Февраля в 16 день по помете на выписке дьяка Григорья Протопопова

даурским иноземцом Анаю да Кекулю
 дючерским Баянде да Кенгуде
 гиляцким Таурбаню да Чахтаку
 да перевотчику тунгусу Мальдуге

государева жалованья вместо стола дватцать три алтына две деньги, по гривне человеку, да для посылки их в Сибирь тритцать пять рублёв, по пяти рублёв человеку. Обоево тритцать пять рублёв дватцать три алтына две деньги дано.

Того ж дни по той же выписке за пометою дьяка Григорья Протопопова даурским иноземцам, которых привёз из Даур Дмитрий Зиновьев:

жонке Лягаче
 да девке Гайланьче

государева жалованья за приезд дватцать рублёв. Да подённого корму февраля с 14 числа да марта по 1 число, на две недели со днём, полтора рубли обеим, по гривне на день. И обоево дватцать один рубль с полтиною.» [42]

Но отъезд всё затягивался, и 1 марта опять выдали на подённый корм по десяти денег на день, по апрель месяц.

Об отправке иноземцев в Сибирь была послана грамота тобольскому воеводе князю Василию Ивановичу Хилкову с товарищами.

«По нашему указу отпущены с Москвы в Сибирь в новую Даурскую землю даурские и дючерские, и гиляцкие иноземцы Анай с товарищи, семь человек, да жонка, да девка до Енисейска Енисейского острогу и з даурскими илимскими людьми, с пятидесятником с Якунькою Похабовым с товарищи, наскоро, с великим поспешеньем.

И как к вам ся наша грамота придёт, а енисейские и даурские служилые люди, пятидесятник Якунька Похабов, с теми даурскими и дючерскими, и гиляцкими иноземцы, и иноземки в Тоболеск приедут, и вы б тем служилым людем, и под иноземцы дали в Тобольску судно лёхкое и кормцу, кормщиков и гребцов, [с]колько пригоже, и тем иноземцом корм от Тобольска до Енисейского острогу, отпустили их ис Тобольска в Енисейской, не задержав ни часу, и велели тех иноземцов и иноземок отдать в Енисейском остроге стольнику нашему и воеводе Ивану Акинфому.

А которого числа енисейские и даурские служилые люди, пятидесятник Якунька Похабов с товарищи, с теми иноземцы в Тоболеск приедут и ис Тобольска в Енисейской острог отпустите, и вы б о том отписали к нам. А отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку нашему Григорью Протопопову.

Писан на Москве лета 7163 [1655] году, марта в 12 день.» [43]

Об исполнении указа тобольские воеводы сообщили:

«И по вашему государеву указу мы, холопи ваши, тем даурским и дючерским, и гиляцким иноземцом Анаю с товарищи, семи человеком, и жёнке, и девке вашего государева жалованья на корм дали до Енисейского острогу хлебных запасов по их челобитью, чем бы им из Тобольска до Енисейского острогу доехать, девять чети круп и толокна. Да под тех же и под енисейских, и под даурских казаков, под пятидесятника под Якуньку Похабова с товарищи, судно и подводы по вашим государевым московским подо-

рожным дали ж, и отпустили их ис Тобольска в Енисейской острог июня в 22 день.

И о том мы, холопи ваши, в Енисейской острог к стольнику и воеводе к Ивану Акинфому писали ж.» [44]

Отметка о подаче: «164 [1655], декабря в 30 день, с Иваном Резицким.»

А илимскому воеводе Богдану Оладыну также была послана грамота, в которой указаны имена служилых людей, с которыми должны ехать иноземцы в Дауры.

«И как к тебе ся наша грамота придёт, а з даурскими иноземцы енисейской казак Костка Иванов и даурской казак Гаврилко Щепунов в Илимской острог приедут, и ты б, дав им подводы или суды и кормщиков, и гребцов, отпустил их из Енисейского острогу в Даурскую землю, и послал от себя провожатых, и к ним казаков вприбавку, сколько человек пригож, чтоб им с теми иноземцы в Даурскую землю дойти здорово.» [45]

А Онофрию Степанову Кузнецу была послана грамота.

«От царя [А. М.] в Сибирь, в Даурскую, Дючерскую и Гиляцкую земли, служилым людям Онофрею Степанову с товарищи.

В прошлом во 160 [1652] году по нашему указу послан был от нас в Даурскую землю для нашего дела Дмитрией Зиновьев. И в нынешнем во 163 [1654] году он, Дмитрией Зиновьев, из Даурские земли к Москве приехал. А привёз с собою нашу соболиную казну вашего збору да для роспроса даурских и дючерских, и гилятцких людей, Аная с товарищи, семи человек, да жёнку, да девку.

И по нашему указу те даурские и дючерские, и гиляцкие люди, и жёнка, и девка нашим царским жалованьем пожалованы, и с Москвы отпущены в свои земли с енисейским служилым человеком Косткою Ивановым да з даурским казаком з Гаврилком Шипуновым.

И как к вам ся наша грамота придёт, а Костька и Гаврилко с теми иноземцы к вам приедут, и вам бы тех иноземцов [вставка: толмача Миндегу для толмачества оставить у себя], [а] Аная с товарищи, шти человек, и жёнку, и девку отпустили в свои земли, откуда они взяты, безо всякого задержанья.

А о том бы есте им приказали, как они будут в своих землях, и они б наше царское жалованье своей братье сказывали, что они, Анай с товарищи, нашим царским жалованьем пожалованы и отпущены от нас в свои земли. И те бы иноземцы, хотя видети себя в том в нашем царском жалованье, нам, великому государю, служили и прямили, и свою братью, — тех даурских и дючерских, и гиляцких, и богдойского царя людей, — к нашей к царской милости призывали и ясак с себя давали, и были под нашего царского величества высокою рукою в вечном холопстве.

А как ис тех земель учнут к вам иноземцы с ясаком приходить, и вы б ис тех иноземцов велели быти у себя для крепленья в аманатах, кому пригож, тем аманатом, которые ныне у вас сидят в аманатах, на перемену. А переменяли бы есте аманатов лутчими ж людьми погодно, которые в тех землях вольны и владетельны.

А сами б есте служилые люди, будучи в Даурской и в Дючерской, и в Гилятцкой землях, до нашего указу тех земель ясачных людей войною не

разоряли и их не грабили, и не побивали, и в полон не имали. И которые у вас есть прежние полоняники, а до сей нашей грамоты не крещены, и вы бы тот полон отпустили в их земли без задержанья. А наш ясак собирали бы есте с тех даурских и з дючерских, и з гиялтцких людей ласкою и приветом, а не жесточью и не войною, и не грабежем собольим и всякой рухлядью, чтоб тех даурских и дючерских, и гиялтцких людей к нашей царской милости призывать и в вечном холопстве учинить, а не отгонять.

А будет какими мерами учнут на нас приходить богдойские или иные какие люди войною, и вы бы, прося у Бога милости, над теми людьми промыслили и поиск чинили, смотря по тамошнему делу, для их воинского приходу, а не напрасною ссорою для своей корысти, и даурских наших и дючерских, и гиялтцких ясачных людей от них оберегали, чтоб вам над ними, воинскими людьми, поиск учинить, а себя и даурских и дючерских и гиялтцких людей уберечь.

А за ваши службы вперёд будет вам наше царское жалованье, смотря по вашей службе, да что у вас ныне делаетца и впредь учнёте делать.

И как Тренка Чечигин с товарищи от богдойского царя к вам приедут, и вы бы того Тренку с товарищи отпустили и зборною нашу ясачную казну своего збору, и с той казною ясачные книги прислали к нам к Москве [с] служилыми людьми. А отписку велели подать Тренке Чечигину, с нашею соболиною казною явиться в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубетцкому да дьяку нашему Григорью Протопопову.» [46]

Когда в Сибирском приказе писались эти строки, Тренки Чечигина давно не было в живых. Он со своими спутниками по дороге в Китай был убит амурскими «иноземцами». А Костька Иванов благополучно прибыл в амурское войско.

Хабарову, вероятно, пришлось в Москве отвечать за злоупотребления, совершённые на Амуре. Документов об этом не сохранилось, есть лишь косвенные признаки. А кроме этого, пришлось возвращать деньги по искам. На него тут же подали жалобу торговые люди с требованием возместить убытки, нанесённые им на Олёкме:

«Царю [А. М.] быют челом сироты твои, Соли Вычегоцкой уезда Лальского погоста торговые люди Матюшка Яковлев сын Ворыпаев да Стенька Семёнов сын Самойлов.

Жалоба, государь, нам, сиротам твоим:

на устюжанина на Ярофея Павлова сына Хабарова

да на племянника ево на Ортемья Петриловского

да на берёзовского служилого на Романа Рошмака

да на покручеников ево Ярковых:

на Ивашка Посохова емчанина

на Митьку Никитина Хохрякова Соли Вычегоцкой

на Сидорка Суханова лалетина

на Захарка Козьмина з Двины Истопских волости

на Кондрашку устюжанина

и на всех ево покручеников, на сорок человек, да на своеужинников, которые с ним, Ярком, и с племянником пошли с Ленского волоку в про-

шлом, государь, во 157 [1649] году и которые своеужинники приставали к нему, Ярофею, на Олёкме реке:

на Ивашка Баженова Сидельникова Соли Вычегоцкой
на Фетьку важенина
на Треньку [Вахромеева] зыرينина
на Калинку зыринина ж
на Сеньку устюженина с племянником
на Максимка [Иванова] Свешина южака,
а иным, государь, ево, Ярофеевым, покрученикам и своеужинникам
имян не ведаем.

В прошлом же, государь, во 157 [1649] году с Ленского волоку отпущен был из таможни на соболиной промысел вверх по Олёкме за камень сын мой Матюшка с покрученики, з дватцатью с восьмью человеки, да своеужинников четырёх человек, и сели промышлять вверх по Олёкме на Тугире реке, поставя зимовье.

И в прошлом же, государь, во 158 [1649] году, как снег пал, и те покрученики мои и своеужинники поднялись на лес для соболиного промыслу, а в зимовье остался сын мой, Матюшкин, Ондрюшка да два покрученика, Емелька да Мишка.

А он, Ярофей, недошед нашего зимовья, зазимовал ниже, тут же на устье на Тугире реке. И узнав то Ярофей у нас, сирот твоих, что покрученики наши на лес поднялись, и пошёл с своими покрученики и своеужинники к нашим покручеником в зимовье, к сынишку моему Ондрюшке. И пришед в то наше зимовье на Офонасьев день [18 января], хлебные запасы и русские товары, и промышленные заводы пограбили сильно у сынишка моего. И сынишка моего Ондрюшку он, Ярофей, бил насмерть и хотел посадить в воду.

А грабежём он, Ярофей, с покрученики своими и своеужинники в те поры взяли хлебных запасов и русских товаров, и промышленного заводу на на тысячу на четыреста на шездесят рублёв на двенатцать алтын на две деньги.

И тем он, Ярофей, поставил у нас соболиной промысел. Генваря с 18 числа 158 [1650] году с полузимы промышляти стало нечем. И в том, государь, нам, сиротам твоим, от него, Ярофея, и от покручеников ево, и от своеужинников его учинилось беспромышлицы тысяча пятьсот дватцать пять рублёв, да в другой подъём на соболиной промысел.

Да ему ж, государь, Ярофею, дружа, воевода Дмитрей Франзбеков задержал нашу ужину в Якутском остроге в путе шесть недель и отпустил последним водяным путём, поздним. И от той задержки до промышленных соболиных мест не дошли, и замороз, государь, тех наших покручеников занял в пустых в худых каменных местах, где соболя нет. И в тех, государь, ужинах в беспромыслице учинилось от него ж, Ярофея, нам, сиротам твоим, убытков тысяча триста дватцать рублёв.

Да он же, Ярофей Хабаров, в прошлом во 159 [1650] году послал з Даурсково волоку служилых и промышленных людей к сынишку моему к Ондрюшке в зимовье, человек с шездесят и больши. И взял, государь, у сына

моего Ондрюшки покручеников двенатцать человек со всем промышленным заводом сильно, и записи, и кабалы на них у сына моего Ондрюшки отняли, и били насмерть, и хотели посадить в воду. И бив сынишку моего, покинули в зимовье замертва. А с ним дву человек оставили, которые люди больные.

А тем было, государь, покручеником промышлять до 160 году [до 1 сентября 1651 г.] на нас, сирот твоих, на Тугире реке и на Шилке. И те, государь, наши покрученики промышляли в том году от него, Ярофея. И промысел у него, Ярофея, был на всякую ужину по два сорока по четыре соболи с пупки и с хвосты. И нам довелось ис тех ужин на наших покручеников, на двенатцать человек, шеснатцать сороков тритцать два соболи.

И те, государь, наши соболи взяли у тех наших покручеников, которые взяты сильно у сынишка моего Ондрюшки брат ево, Ярофеев, Никифор Хабаров, да племянник ево Ортемей Петриловской. А цена, государь, тем штинатцати сорокам тритцати двум соболям с пупки и с хвосты по семьдесят рублёв сорок. Итого тысяча сто семьдесят шесть рублёв.

И всего, государь, нам, сиротам твоим, от ево, Ярофиева, и брата ево Никифора, и племянника Ортемья, и покручеников, и своеужинников насильства и грабежѣв, и безторжицей, и в безпромысле, и в задершке учинилось убытков пять тысяч чetyреста восьмьдесят один рубль двенатцать алтын две деньги.

И от того, государь, Ярофея и от брата ево Никифора, и от племянника Ортемья, и своеужинников, и от покрученников мы, сироты твои, займовали деньги на те товары и на промышленные заводы запасы на Руси из великих ростов, и на те заёмные деньги покупали хлебные запасы и промышленные всякие заводы, и отпускали те свои ужины на соболиные промыслы.

И в ево, государь, в Ярофиеве насильстве и в грабежах преж сего били челом тебе, государю, гости и гостиной сотни торговые и промышленные люди. И по тому их челобитью послан был по твоему государеву указу стольник Иван Акинфов, и про него, Ярофея, сыскивали. И те, государь, сыски присланы к тебе, государю, к Москве в Сибирской приказ.

<...> Вели, государь, про ево Ярофиево прежнее воровство и грабѣж из обысков выписать в Сибирском приказе, что сыскивал по твоему государеву указу стольник и воевода Иван Акинфов, и против обысков вели, государь, ево, Ярофия распросить. И про наш грабѣж вели, государь, ево, Ярофия, распросить и про наш грабѣж вели, государь, ево, Ярофия, с товарыщи пытать.» [47]

На обороте первого листа челобитной написано:

«Государь пожаловал: велел выписать из сыску и взыскать к боярину ко князю Григорью Семёновичю с товарищи.

163 [1655] году, апреля в 27 день. Выписать.»

Григорий Семёнович Куракин был в 1644 году одним из тобольских воевод. А кем он был в 1655 году, неизвестно. Взысканы ли были по этому челобитью с Хабарова деньги, тоже неизвестно.

В Москве в это же время находился на службе бывший енисейский во-

евода Прокофий Фёдорович Соковнин, которому Хабаров задолжал 2000 рублей. Опять требовались деньги. И Ерофей Хабаров начал судное дело с Дмитрием Зиновьевым о «животах», привезённых в Москву. В Енисейске Хабаров в челобитной писал, что кроме своих «животов» у него были «животы» человека воеводы Францбекова Анания Русланова, которого воевода послал на Амур в составе посольства к богдойскому царю, а также попутно для взыскания долгов по своим кабалам. Как уже было сказано, Ананий Русланов безвестно исчез, а как выяснилось позднее, бежал в Китай.

Листы, где описывается это дело, недостаточно упорядочены, к тому же есть пробелы.

«В нынешнем во 163 [1655] году, мая в 31 день, бил челом государю [А. М.] Ярко Хабаров на него, Дмитрея, что де он, Дмитрей, будучи в Даурской земле, ево бил и увечил и устрашивал. И он де, Ярко, боясь тех побой, давал ему, Дмитрею, в посулы многие свои животы. А что животов дал, и тому он подал роспись. А в росписи ево написано, что взял у него Дмитрей Зиновьев насильством в посул:

Шубу соболью пластинную под камкою под червчатою с ожерельем, а ожерелье — хвосты соболя чёрные, кроены надвое.

(Кафтан) соболей под камкою лазоревою.

(Ферязи соболя) пластинные (под камкою червчатою).

Шубу соболью (лапчатую под отласом) тёмновишнёвым с ожерельем, а ожерелье — хвосты соболя чёрные, кроены надвое.

Три шубы нагольные, соболя лапки.

Шубу рысью под отласом малиновым.

Платно даурское соболе пластинное под камкою под зелёною, рукава до локтей.

Два азяма огачинные соболя под камками лазоревыми.

Два ж азяма соболя пластинные под чёрным отласом с перемыками золотыми.

Кафтан рысей лапчатой под алою камкою.

Шубу соболью нагольную даурскую.

Одеяло лисье чернобурое. И то де одеяло он, Дмитрей, переделал себе в шубу и покрыл ево ж, Ярковым, сукном кармазинным вишнёвым.

Да у купленных ево ясырок-девок взял он, Дмитрей, три шубы соболя пластинные, и ис тех шуб, выбираючи, он, Дмитрей, зделал себе шубу и покрыл ево ж, Ярковым, сукном кармазинным тёмновишнёвым.

Две шубы лисьи даурские, одна под кумачом, а другая под камкой алою.

Да он же, Дмитрей, зделал из ево ж, Ярковых, выборных соболя хвостов ферязию да одеяло под отласом золотным.

Да он же, Дмитрей, взял два одеяла холодные под камками, стёганы на бумаге.

Сто аршин камок да отласов розными цветами, да столько же кумачей.

Шапку бархатную чёрную с лисицею чёрною и с петлями жемчужными.

Кафтан камчатой холодной, цвет дикой.

Сорок соболей добрых.

Шапку соболью хвостовую даурскую, вершок золотой.

Три пластины кафтанные рысьи, лапки ж.

Пуговицы серебряные большие даурские.

Два портища нашивок золотных.

Дватцать азамов холодных камчатых и отласных.

Да по ево ж, Дмитриеву, веленью дал он, Ярко, подьячему, которой с ним, Дмитрием, был в Даурской земле:

Шубу соболью под камкою под зелёною с ожерельеи хвостовым.

Да однорятку добрую, сукно кармазин вишнёвой, за взятки.

Три азяма камчатые холодные, подложены камками ж.

Да он же, Дмитрий, взял у него, Ярка, ясырю дву человек купленных людей да две жонки.

Да у родича ево у Яркова у Фёдора Вагина взял шубу рысью под камкою, дватцать соболей добрых да ясыря Даурские земли.

А у другово сродича ево у Матфея пенежанина, которой, едучи с тем Дмитрием, на дороге умер, он, Дмитрий, все животы ево взял к себе. А знает он, Ярко, тех животных два кафтана соболями да сорок пластин соболей.» [48]

На этом пока прервём описание приговора и дадим подробное описание допроса Зиновьева и очной ставки его с Хабаровым.

«И против ево, Ярковы, челобитной Дмитрией Зиновьев допрашиван. А в допросе сказал, что де ему, Ярку, от нево, Дмитрея, устратки не бывало, и животных у него впосул не имывал. А бил де ево за государево дело, что он учинился ему непослушен и завёл бунт, хотел ему, Дмитрею, от государевых дел отказать и отпустить из Сибири, из Даурские земли, без дел. Что Ярко для государева имени дал впочесть, и он де у нево то взял, и в то число ему подарки давал.

А что де он ему давал посулу — от тово, чтоб ево из Даурские земли государю не взял. И ту де рухлядь, запечатав, привёз в Сибирской приказ. А что в росписи Яркове написано, и он столько для государевского величества не дал, иное приписал лишнее.

А приписаны де в ево росписи, что будто взял у купленных ево девок-ясырок три шубы соболями пластинные. И из тех будто шуб зделал себе шубу и покрыл ево ж сукном кармазинным (тёмно)вишнёвым.

Да будто в ево 30 соболевых хвостовых чёрных зделал одеяло под отласом золотным.

Да кафтан камчатой холодной, поношен, цвет дикой.

Да сорок соболей добрых. И в то число взял пару.

Да написано два портища нашивок золотных. А в то число взял одно портище.

Да у нево ж де написано дватцать озямов холодных камчатых и отласных разными цветами, стёганы на бумаге и подложены камками ж. И в то число взял одиннатцать озямов.

Да он же де будто велел подьячему отнесть к себе по неволи шубу соболью под камкою под зелёною с ожерельем хвостовым собольим чёрным. И он тоё шубы приносить к себе не веливал.

Да он же де написал, будто взял у него на Амуре дву жонок-ясырек. И он их к себе таких жонок не имывал.

А камок ста аршин ему не дал. А дал де аршин с шездесят да дватцать кумачей, три пластины рысьи. Да одиннатцать озямов холодных. А дву жонок у него не имывал.

Да он же де, Ярکو, принёс к нему, Дмитрею, шубу рысью, а соболей не принашивал.

А ясырю ему, Дмитрею, продал.

И после с родича его умершаго животов не имывал. И от тех животов тот его родимец не умирывал.

А что де приносил к нему он, Ярکو, к нему, Дмитрею, для царского величества в подарках, и он Дмитрий, ему, Ярку, для царского величества давал подарки ж.» [49]

В ценовной росписи этой рухляди написано:

«А по его, Дмитриеве, сказке той его рухляди, что давал он в Даурах Ярку Хабарову, цена:

Охабень — дватцать рублёв.

Двои сапоги сафьянные жёлтые — двенатцать рублёв.

Башмаки да ичетоги сафьянные — семь рублёв.

Сапоги чёрные сафьянные — пять рублёв.

Шапка бобровая на оба лица — десять рублёв.

Шапка бархатная с соболем — пятнатцать рублёв.

Штаны лазоревые — семь рублёв.

Две рубашки да двои портки — шесть рублёв.

Два полотенца — рубль.

И всего той рухляди на восемьдесят на три рубли.» [50]

Далее в описании очной ставки сообщается:

«Да он же, Дмитрий, дал ему, Ярку, в Даурской земле на Шилке реке ведро вина. А до него де, Дмитрея, он, Ярко, продавал ведро вина в триста соболей.

Да он же де его кормил по вся дни и вёз его с собою на своих подводах до Тугирского острожка. А в Тугирском острожке скормил им десять пуд муки во всю зиму до полой воды, опричь харчу. А мошно де было та мука променить на соболи, пуд в пятьдесят рублёв и больши.

Да ему же де, Ярку, издержал одному вёдр з дватцать вина. А вина де ведро мошно променить в Тугирском острожке против его даурские продажи в триста соболей.

И он де, Дмитрий, той бездельной корысти не похотел и против его подарков для государевского величества давал свои подарки.

А Ярко Хабаров против Дмитриевых роспросных речей сказал, что он у него, Дмитрея, охабень вишнёвой взял, а в то место дал кафтан камчатой алой, поношен.

А двои сапоги сафьянные у него, Дмитрея, он купил.

А сапоги чёрные сафьянные и башмаки с ычетыги у него взял, и шапку бобровую у него взял же, а в то число дал ему подскор пластинной соболей.

Да он же взял у него, Дмитрея, шапку бархатную соболюю. И в то число дал ему рукавицы соболи под сукном под червчатым.

А штаны суконные лазоревые взял же. А в то число дал ему свои штаны червчатые камчатые в поднос.

И рубашки и полотенца у него взял.

А ведра вина в Даурской земле от него, Дмитрея, не имывал. А поил де ево впочесть. И десяти пуд муки в корм у него не имывал. А скормил он только пуд с пять муки. И в то число взял он, Дмитрей, у него, Ярка, шездесят пуд ржи.

А Дмитрей сказал, что у нево, Ярка, та рожь была государева, и роздал де он тоё рожь он, Ярко, служилым людем. А Ярко сказал тож, что он тоё рожь роздал служилым же людем.

Да Дмитрей же бил челом, чтоб допросить Ярка, что он дал ему де в посулы оттого, чтоб ево из Даурские земли к Москве не взял, которую он рухледь привёз к Москве, где он тоё рухледь взял ему в подарок, и тоё рухледь где взял. И Ярко Хабаров сказал, что имал де он тоё рухлядь на должных служилых людех, а иную де промышлял. А озямы де, камки и отлас — громленные у даурских людей.» [51]

Таким образом, выясняется происхождение рухляди Дмитрия Зиновьева. Она получена им от Хабарова в качестве подношения за то, чтобы Зиновьев не вёз Хабарова в Москву. Но Хабаров тратился напрасно, он не знал, что в наказе Зиновьеву было написано:

«И взяв с собою аманатов, даурских людей, и Ярка Хабарова, ехати ко государю к Москве.» [52]

В приговоре допрос и очная ставка описаны менее подробно.

«И по тому ево, Яркову, челобитью он, Дмитрей Зиновьев, с ним, Ярком, ставлен на очную ставку и против челобитья и росписи допрашиван.

А на очной ставке Дмитрей сказал, что де от него, Дмитрея, ему, Ярку, устратки никакие не бывало, и животов ево в полку не имывал. А что де ему, Дмитрею, он, Ярко, для государева имени дал впочесть, и он де, Дмитрей, у него то взял. А в то число давал ему, Ярку, подарки от себя. А что де он, Ярко, давал ему, Дмитрею, в посулы от того, чтоб ево, Ярка, из Даурской земли ко государю не взял, и ту де рухлядь он, Дмитрей, запечатав, привёз в Сибирской приказ.

А в росписи де ево, Яркове, иное приписано лишнее, что будто де взял он, Дмитрей, у купленных ево девок-ясырок три шубы собольи пластинные и ис тех будто шуб зделал себе шубу, и покрыл ево ж сукном кармазинным тёмновишнёвым. Да в ево ж будто собольих хвостах в чёрных зделал одеяло под отласом золотным. Да кафтан камчатой холодной, поношен, цвет дикой. Да сорок соболей добрых. И в то число взял он пару. Да в росписи их де написано два портища нашивок золотных, и в то де число взял он одно портище.

Да у нево ж де написано дватцать азамов холодных камчатых и отласных, розными цветами стёганных на бумаге, и подложены камками ж. И в то число взял он одиннатцать азамов.

Да будто де он же, Дмитрей, велел отнестъ к подьячему по неволе шубу соболью под камкою под зелёною с ожерельем хвостовым собольим чёрным. И того де он к подьячему относить не заставлял.

Да он же, Ярко, написал, будто взял он, Дмитрией, у него на Амуре дву жёнок-ясырок. И таких де жёнок он, Дмитрией, к себе не имывал.

А камок ста аршин ему не дал, а дал де ему аршин с пятьдесят, да дватцать кумачей и пластины рысьи.

Да Ярко ж де принёс к нему, Дмитрию, шубу рысью, а соболей не пришивал.

А ясыря де ему, Дмитрию, продал. И после сродича ево, Яркова, умершево животов он, Дмитрией, не имывал же.

А против де тех ево, Ярковых, подарков он, Дмитрией, давал ему подарки же: охабень вишнёвой зурфреной, двои сапоги сафьяновые жёлтые, башмаки да учетыги сафьяновые, сапоги чёрные сафьяновые, шапку бобровую на оба лица, шапку соболью, бархат червчатой, штаны лазоревые суконные, две рубашки, двои портки, два полотенца, ведро вина.

Да в Тугирском остроге скормил им десять пуд муки. Да вёдр з дватцать ему ж, Ярку, вина издержал.

А Ярко Хабаров про то сказал: охабень де вишнёвой он у Дмитрия взял, а в то место дал ему кафтан камчатой, а он подержан. А двои сапоги сафьяновые у Дмитрия купил. А сапоги ж чёрные сафьяновые и башмаки с ычетыги да шапку бобровую у него, Дмитрия, взял же. А в то число ему дал подскор пластинной соболей.

Да он же, Ярко, у него, Дмитрия, взял шапку бархатную соболью, а в то число дал ему рукавицы собольи под сукном под червчатым. И штаны суконные лазоревые взял же, а в то число дал ему, Дмитрию, штаны свои червчатые камчатые в подношенья. И рубашки де и полотенце у него взял же.

А ссылок у них в том деле на очной ставке ни на кого не было и вершить того дела, опричь веры, нечим, потому и приговорили: Дмитрию Зиновьеву с Ярком Хабаровым в его, Ярковых, животах, в которых Дмитрией запирался, дали веру.» [53]

Что это за была вера, поясняется в начале описания этого судного дела.

«И 163 [1655], июня в 12 день, боярин князь Григорей Семёнович Куракин с товарищи, сего дела слушав, приговорили:

Дмитрию Зиновьеву животы Ярка Хабарова, в которых животах он, Дмитрией, на очной ставке не запирался, взяв у него, отдать ему Ярку. А в которых животах он, Дмитрией, запирался, и в том ему с Ярком дать веру по святой непорочной евангельской заповеди. А что Ярко имал у Дмитрия подарками, и те животы, взяв у него, Ярка, отдать Дмитрию.» [54]

При отсутствии свидетелей истец и ответчик подтверждали свои показания крестным целованием, которому суд решал верить, или же не верить. В данном случае приговорили верить.

Далее в описании судного дела подробно записан приговор:

«А которые Ярковы животы на очной ставке он, Дмитрией, сказал, и те животы, взяв у него, Дмитрия, приговорили отдать Ярку Хабарову.

А что Ярко Хабаров имал у Дмитрия Зиновьева подарками, и те животы приговорили, взяв у него, Ярка, отдать Дмитрию Зиновьеву.

А что Дмитрией Зиновьев на очной ставке сказывал, что он Ярку Хабарову дал ведро вина да ему ж скормил десять пудов муки, да ему ж издержал

вёдр з дватцать вина, а то вино и муку покупали там дорогою ценою, и той муки и вина ему, Дмитрею, в счёт ставить не велели, потому что для даурских иноземцов дано было ему на расходы государева вина сто вёдр, и запасы ему даваны ж, и он, Дмитрий, ево, Ярка, кормил и поил государевыми запасами, а не своими.

А Дмитриевы животы, которые он, Дмитрий, давал Ярку подарками, приговорили на Ярке взять и Дмитрею отдать, для того, что он, Ярко, своих животов Дмитрею Зиновьеву давал и то в роспись свою написал.

А что он против Дмитриева словесного челобитья сказал, которые подарки Дмитрией ему давал, а он против тех подарков Дмитрея дарил, а в роспись свою того не написал, и в том приговорили учинить веру же.

А за подводы, на которых Дмитрией Зиновьев вёз из Сибири Яркову рухлядь, прогонные деньги приговорили взять в государеву казну на Дмитрие Зиновьеве.

И сей приговор исцу и ответчику велели сказать.

И июля в 13 день сей приговор Дмитрею и Ярку сказан.

Да ему ж, Дмитрею, сказано, что он, будучи в Даурской земле, у Ярка взял многие посулы, а иные у него и вневолу отымал. По <<Уложению>> довелось за то учинить наказание жестокое.

И государь [А. М.] для своего государева благоверного государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича на милость положил: ныне ему, Дмитрею, за ту вину наказания чинить не велел. А впредь будет он, Дмитрий, где будет у какова у ево государева дела и учнёт делать так же, и ему быть в смертной казни.

А что в Сибирском приказе останетца Дмитриевы рухляди Зиновьева за Ярковою отдачею, и та рухлядь отдать ему, Дмитрею Зиновьеву.» [55]

Далее следует «Роспись ценовая Дмитриевой рухледи Зиновьева» на 18 листах.

«163 [1655] году, июня в 21 день, по приговору боярина князя Григорья Семёновича Куракина с товарищи из Дмитриевы рухляди Зиновьева выбрал Ярко Хабаров, а сказал что та рухлядь ево:

Шуба соболя пластинная под камкою червчатою с ожерельем соболям. А Ярко сказал: было де ожерелье шито из хвостов соболев.

Кафтан соболев под камкою лазоревою.

Ферязи соболев пластинные под камкою червчатою.

Шуба соболя лапчатая под отласом тёмновишнёвым с ожерельем соболям. А Ярко сказал: было де у той шубы ожерелье шито из соболев хвостов.

3 шубы нагольные, соболев лапки.

Шуба рысья под отласом тёмносиним.

Платно даурское соболев пластинное под камкою зелёною, рукава до локтей. И того платна нет. А объявилось платно чюга под жёлтою тафтою. И то платно Ярко назвал своим. Цена 35 рублёв.

2 азяма огачинные соболев под камкою лазоревою. Один у отдачи объявился под камкою, а другой под отласом лазоревым.

2 ж азяма соболев пластинные под чёрным отласом с перетыками золотными. У отдачи один под отласом другой под камкою.

Кафтан рысей лапчатой под алою камкою. И Ярко сказал, что де того кафтана нет, а есть кафтан под алою камкою, рысей, ношен. И Ярко сказал, что де тот кафтан не ево. Цена тому кафтанишку 6 рублёв.

Кафтан соболей поношенной под лазеревою камкою.

Шуба соболя нагольная даурская.

Одеяло лисье чернубое. И то одеяло Дмитрий переделал себе в шубу и покрыл он ево ж, Ярковым, сукном кармазинным вишнёвым.

Да у купленных ево девок-ясырок взял Дмитрий 3 шубы соболя пластинные. И ис тех шуб, выбираючи, он, Дмитрий, зделал себе шубу и покрыл ево ж, Ярковым, сукном кармазинным тёмновишнёвым. И в тех трёх шубах велено дать вера. А про шубу, что зделана из одеяла лисья у Дмитрея спору не бывало.

2 шубы лисьи даурские. Одна под кумачём, а другая под камкою алою.

Да он же, Дмитрий, зделал из ево ж, Ярковых, выборных соболях хвостов ферезею да одеяло под отласом золотным. А в одеяле велено дать вера. А ферязей Дмитрий не спорил.

Да он же, Дмитрий, взял два одеяла холодные под камками, стёганы на бумаге. И тех одеял нет. А Дмитрий сказал: те де одеялишка отдал ему в Енисейском Афонасей Пашков. И он де их там и покинул, потому что они худы.

100 аршин камок и отласов розными цветы. И до очные ставки, как Дмитрею рухлядь из Сибирского приказа была отдана, и после того Дмитрий принёс 50 аршин камок. А сказал, что де он те камки взял у Ярка, сказав государю. И те де камки государевы. А положили их в ево ящик в Енисейском вместо ево камок. А ево камки вынели. И ныне де Ярко на те камки начитает, что бутто ему дал 100 аршин. И в 50 аршин велено учинить вера.

22 кумача, а 78 кумачей нет. В том велено дать вера.

Шапка бархатная чёрная с лисицею чёрной и с петлями жемчужными. И той шапки нет же. А цены у Ярка не написано.

Кафтан камчатой холодной, цвет дикой. И того кафтана нет. И в том велено дать вера.

Шапка соболя хвостовая даурская, вершёк зелёной.

3 пластины кафтанные рысьи и лапки.

Пуговицы серебряные большие даурские. А сколько их числом, того в росписи их число не написано. А Ярко сказал: было де тех пуговиц с сорок. А Дмитрий сказал, что де 2 пуговицы, и те нашиты на кафтане.

2 портища нашивок золотных. И те нашиты на шубах в отдаче у Ярка. И одну нашивку Дмитрий оспорил. И в том велено дать вера.

20 азямов камчатых и отласных холодных. И их с того числа в 9 азямах велено учинить вера.

По Дмитрееву де велению дал он, Ярко, подьячему, которой с ним Дмитрием в Даурской земле:

Шубу соболю под камкою зелёною с ожерельем хвостовым.

Однорятку добрую, сукно кармазин вишнёвой, 3 завязки.

Да 3 азяма камчатых холодных подложены камками же.

И того в Дмитрееве рухляди, Ярко сказал, нет. А Дмитрий сказал про одну шубу, что не отнашивал. А про достальное стало у него де...

Да он же, Дмитрий, взял у него, Ярка, ясырей 2 человек, купленных людей, да 2 жёнки. А в жёнках Дмитрий запёрся. А ясырь де купил у Ярка.

Да с родича ево, Яркова, Федьки Вагулина, шуба рысья под камкою да 20 соболей, да ясыря. И про ясырь Дмитрий сказал: купил, а соболей не имывал. И в том велено учинить вера.

Да с родича его Матюшки пенежанина 2 кафтана соболями. И тех кафтанов нет, и сорока пластин. И в том велено дать вера.» [56]

Федька Вагулин, родич Хабарова, — это, видимо, тот, который в енисейской челобитной записан как Федька Иванов Вага. А о втором родиче, Матюшке пенежанине, ничего определённого сказать нельзя. Фамилия подьячего, который был с Дмитрием Зиновьевым, здесь не названа. В начале главы мы сообщали, что из Тугирского острожка Зиновьев посылал с отписками в Москву подьячего Алексея Мерошникову и с ним 8 человек служилых людей. Но до Москвы им добраться было не суждено. На Олёкме они были убиты тунгусами.

Наконец, была составлена ещё одна роспись:

«163 [1655] году, июля в 4 день, роспись, что отдано Ярку Хабарову из Дмитриевы рухляди Зиновьева, которая ему рухлядь по приговору отдать довелось.

Шуба хвостовая соболя с ожерельем хвостовым под камкою золотою червчатою. У ней восемь пуговиц серебряных. Цена 65 рублёв.

Шуба лисья с ожерельем под сукном вишнёвом, ожерелье подложено камкою цветною, нашивка серебряная гнёздами. Цена 30 рублёв.

Шуба рысья под камкою цветною китайскою, шёлк зелёной да красной. Цена 15 рублёв.

Шуба соболя под камкою чёрною золотою. Цена 60 рублёв.

Шуба соболя под камкою червчатою. Цена 30 рублёв.

Шуба соболя под отласом чёрным золотным. Цена 20 рублёв.

Чюга соболя под камкою рудожёлтою. Цена 45 рублёв.

Кавтан соболей под камкою лазоревою. Цена 36 рублёв.

Шуба соболя, шита из лоскутья соболя, под камкою лазоревою. Цена 15 рублёв.

Шуба из лоскутья соболя под отласом золотным ветчаным. Цена 16 рублёв.

Шуба лапчатая соболя с ожерельем пластинным под отласом таусиным. Цена 13 рублёв.

Шуба соболя нагольная с полурукавами. Цена 12 рублёв.

Шуба пластинная с ожерельем, шито из лоскутья соболя, под камкою червчатою золотою. Цена 30 рублёв.

Шуба соболя лапчатая, не покрыта, опушена ровдугою. Цена 6 рублёв.

Чюга лапчатая соболя, не покрыта. Цена 5 рублёв.

Кавтанишко соболе под камкою лазоревою. Цена 5 рублёв.

Кавтан нагольной, шит из лоскутья соболя. Цена 8 рублёв.

Шуба рысья, в плечах и в рукавах лисицы красные, под отласом вишнёвым. Цена 12 рублёв.

Шуба лисиц красных с ожерельем лисьим под кумачём лазоревым. Цена 6 рублёв.

Кавтан лисей под камкою розных цветов. Цена 12 рублёв.

Кавтанишко без рукав, рысьи лапы. Цена 3 рубли.

Малахай хвостовой соболей с пупки под камкою цветною. Цена 5 рублёв.

Озям червчатой золотной. Цена 10 рублёв.

Озям, камка тёмнолазоревая. Цена 8 рублёв.

Озям, отлас светлогвоздичной розных цветов. Цена 8 рублёв.

Озям, отлас травчатой, подложен тавтою червчатою. Цена 2 рубли.

Озям камчатой гвоздичной. Цена 9 рублёв.

Озям рудожёлтой золотной, подложен камкою лазоревою. Цена 6 рублёв.

Озям камчатой рудожёлтой, подложен тавтою лазоревою. Цена 6 рублёв.

Озям, отлас белой травчатой, подложен кумачём лазоревым. Цена 6 рублёв.

Озям, отлас чёрной золотной, подложен тавтою лазоревою. Цена 4 рубли.

Два озям камки таусинной, подложены камкою белою. Цена 14 рублёв.

В 4 концах камки лазоревой 32 аршина. Цена 28 рублёв 26 алтын.

14 аршина с полуаршином камки белой китайской. Цена 8 рублёв.

Пол 4 аршина камки рудожёлтой китайской. Цена 9 рублёв 15 алтын.

20 кумачей. Цена 12 рублёв.

Пара соболей. Цена 12 рублёв.

И всего дано Ярку Хабарову на 562 рубли на 8 алтын 2 деньги.» [57]

Хабаров часть причитающейся ему рухляди не взял.

«В Яркове росписи Хабарова написано: взял де у него Дмитрий Зиновьев кафтан лапчатой рысей. А цены ему не писано. А Дмитрий Зиновьев на очной ставке того кафтана не спорил. И у отдачи в рухляди кафтан рысей был. Московская ему цена шесть рублёв. И Ярко тово кафтана не взял. А сказал, что не ево. Ево де кафтану цена была десять рублёв. И тот кафтан взял Дмитрий Зиновьев.

В Яркове ж росписи написано: взял у него Дмитрий Зиновьев два одеяла холодных под камками. А цены их не написано. А в присылке и у отдачи тех одеял не объявилось. А Дмитрий Зиновьев на очной ставке тех одеял не спорил. А ныне сказывает: два одеялишка де были худы, и он покинул их за худостью в Енисейском остроге. А Ярко сказывает своим одеялом цену по десяти рублёв за одеяло.

В Яркове ж росписи Хабарова писано: взял у него Дмитрий Зиновьев шапку лисью, лисица чёрная под бархатом чёрным с петли жемчужными. Цены шапке не написано. А Дмитрий на очной ставке шапки не спорил. А в присылке и у отдачи такой шапки не явилось. Ярко ныне той шапке сказывает цену дватцать рублёв. А Дмитрий сказывает: была де шапка в полтора рубли.

В Яркове ж росписи написано: взял у него Дмитрий пуговицы серебряные. А сколько числом и цены, не написано. А Дмитрий на очной ставке их не спорил. А Ярко ныне сказывает: было де сорок пуговиц серебряных, даурское дело, большие, восемь рублёв. А Дмитрий сказывает: были де две пуговицы серебряные, и те невелики. А нашиты на кафтане. А Ярко сказал: которые две пуговицы нашиты на кафтане, те не ево.» [58]

В итоговой записи отмечено:

«Присыльной даурской мехкой рухляди Дмитрея Зиновьева цена 2416 рублёв 15 алтын 2 деньги. А Ярко Хабаров сказал: в том числе ево рухледи, что взял у него Дмитрий Зиновьев насильством, на полторы тысячи рублёв.

И с очной ставки по приговору боярина князя Григорья Семёновича Куракина с товарищи отдано ему, Ярку, из Дмитриевы рухледи на 562 рубли с четырь.

И против росписи Ярка Хабарова Дмитрием оспорил на 402 рубли на 6 алтын на 4 деньги. И о том велено учинить вера. И Дмитрием веру взял себе на душу.

Да чего против Ярковы росписи влищах нет:

Шапки лисьи с петли жемчужными

Дву одеял холодных.

Пуговиц серебряных.

Кафтана нагольново, дикой цвет.

И Ярко тому цену сказал 68 рублёв.

Да семидесят осми кумачам против тех кумачей, которые влищах, цену сказал по 20 алтын. Итого 46 рублёв 26 алтын 4 деньги.

А Дмитрию Зиновьеву отдано рухледи на 1452 рубли на 2 алтына.

И Дмитрием Зиновьев принёс в государеву казну камок и отласов, сказал что они государевы, на 25 рублёв. А теми камками государю челом ударил Ярко Хабаров.» [59]

В сентябре 1655 года Хабаров подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой Ярко Хабаров.

По твоему государеву указу велено мне дать вера з Дмитрием Зиновьевым в спорной рухляди, которая ныне в Сибирском приказе. И я с ним Дмитрием помирился.

<...> Вели, государь, ту рухлядь из Сибирского приказу ему, Дмитрию, отдать, а мое челобитье записать.» [60]

На обороте челобитной: «Ярко Хабаров руку приложил.»

Там же помечено: «164 [1655], сентября в 3 день, подал боярину князю Григорью Семёновичу Куракину с товарищи Ярко Хабаров. Приговорили: взять к делу и пошлины, будет доведётца, взять по указу и по челобитью, рухлядь Дмитрию отдать.»

Далее следуют роспись этой рухляди:

«И 164 [1655], сентября в 3 день, по приговору боярина князя Григорья Семёновича Куракина с товарищи и по помете на мировой челобитной думного дияка Алмаза Иванова отдана из Сибирского приказу Дмитрию Зиновьеву спорной рухледи, что отобрал из ево, Дмитриевы, рухляди Ярко Хабаров:

Одеяло соболье хвостовое под отласом золотным. Цена 100 рублёв.

38 соболей с хвосты. Цена 118 рублёв.

20 соболишек. Цена 15 рублёв.

Озямишко, отлас чёрной. Цена 3 рубли.

Спорок камчатой зелёной. Цена 5 рублёв.

Чюга камчатая червчатая. Цена 3 рубли.

Чюга, камка зелёная. Цена 4 рубли.

Азям, отлас чёрной. Цена 5 рублёв.

Чюга камчатая зелёная. Цена 3 рубли.

Азям тёмнозелён з бобром. Цена 2 рубли.

Азям, камка белая. Цена 3 рубли.

Азям, камка рудожелтая. Цена 3 рубли.

2 кумача, рубль 6 алтын.

50 аршин камок розными цветы в остатках и в лоскутье, и с теми, что с теми ж камками приложено 5 аршин без чети бархату золотново. Цена 42 рубли.» [61]

Таким образом, Хабаров отказался от рухляди, которую оспаривал Зиновьев.

А Дмитрию Зиновьеву был предъявлен иск в Посольском приказе за лишние подводы, которые он брал по пути на Амур и обратно. На запрос из Посольского приказа думного дьяка Алмаза Иванова из Сибирского приказа послали память.

«Лета 163 [1655] года, июня в 12 день, по государеву [А. М.] указу память думному дьяку Алмазу Иванову.

В памяти в Сибирской приказ к боярину ко князю Алексею Никитичю Трубецкому да к дьяку к Григорью Протопопову за твоею, Алмазовою, приписью написано: велети б отписать в Посольской приказ к тебе, думному дьяку к Алмазу Иванову, как ехал из Сибири Дмитрий Зиновьев и в то время сколько под ево рухлядью, которая у него взята в Сибирской приказ, было подвод и сколько за те подводы доведётца прогонных денег.

И в Сибирском приказе сыскано:

Как он, Дмитрий, по государеву указу отпущен к Москве в Даурскую землю, и ему по московской подорожной велено давать для скорого ездy и для последнего пути, и под ево запас с людьми до Даурской земли и назад до Москвы по двенатцати подвод.

А что ныне взято у него, Дмитрея, больших и малых десять сум да чемодан, да два ящика с соболиною рухлядью и с платьем даурским, и та рухлядь сибирским ходом зимою мочно было вести на дву нартах или на двоих подводах на санях. А от Даурской земли, толко всё ехать бес перемешки скорою ездою, и летом мочно поспеть до Москвы в полгода. а зимою в полгода не поспеть.

А на ком в Сибири подводы править, указывают и считают ездy днищами по пятидесят вёрст на день ездy. А деньги кладут повёрстные по государеву указу.

А по Дмитриевым роспросным речем ездy ево было со ста с шездесят с пяти дней, где он от Даурской земли ... съехал к Москве.» [62]

Как Хабаров, так и Зиновьев не спешили отдавать то, что причиталось отдать по приговору суда:

«А что по приговору боярина князя Григорья Семёновича Куракина с товарищи в спорной рухледи велено дать вера, и с той рухледи довелось взять пошлин сорок девять рублёв шесть алтын четыре деньги. И Ярko тех пошлинных денег не несёт.

Да что Ярکو же сказал: взял у Дмитрея охабень вишнёвой изуфреной, двои сапоги сафьянные желтые, башмаки да ичетыги сафьянные, сапоги черные сафьянные, шапку бобровую бархатную с сободем, штаны лазоревые суконные, две рубашки, да двои портки, да два полотенца, и тово всево Ярковы дачи не несёт. А цены в Дмитриеве списке тому не написано.

А ныне Дмитрий сказывает, что давал де он платье в Даурской земле ему, Ярку Хабарову. И там де окупят тамошнею дорогою ценою. А такова де платье здесь по здешней цене взяти ему не мошно.

И прогонных пошлин з дватцати четырёх рублёв дватцати пяти алтын в Сибирской приказ не несёт.» [63]

Поэтому с Дмитрия Зиновьева была взыскана в казну часть присуждённых ему «животов» за незаконно потраченные прогонные деньги. Но он подал челобитную.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой Митька Зиновьев.

Привёз, государь, я, холоп твой, вора Ярковы животы из Даурские земли к тебе, государю, за твои государевы долги и твоево государева жалованья на своих подводах, которые мне были даны по твоему государеву указу, надсадя себя и людишек своих, розметав многую свою рухлядь.

И Ярковы животы из Приказу отданы окольничему Прокофью Фёдоровичю Соковнину за енисейские ево нажитки, не взяв на воре на Ярке твоево государева долгу и не известя тебе, государю, Да у меня ж государь выбраны лутчие моей рухляди на пятьсот на шездесят на два рубли с четвертью и отдано вору Ярку. А Ярко отнёс окольничему Прокофью Фёдоровичю Соковнину.

А у меня, государь с тех животов в Сибирском приказе взяли последние моей рухляди платья на дватцать на пять рублёв за прогоны без вины. А что, государь, я, холоп твой, от Даурские земли до Москвы скормил иноземцем и иноземкам своево купленово дорогою ценою запасу, и на платье и на обувь издержал своих денег, и то, государь, мне не выдано и по ся место.

А что, государь, на воре на Ярке указано с ложново ево поклёпново иску твоих государевых пошлин с трёхсот семидесят семи рублёв со шти алтын с четырёх денег и за моё подарочное платье, и с тово, государь, на нём, на воре, дружа ему, дьяк Григорей Протопопов и по ся места не доправит, и на правёж не велит поставить.

<...> Не вели, государь, на мне напрасно прогонов мимо вора Ярка иметь. Вели, государь, платьишко моё из приказу мне отдать.» [64]

Эта челобитная нуждается в пояснениях.

Здесь Зиновьев по-прежнему называет Хабарова вором, то-есть преступником. А Хабаров писал, что помирились. Зиновьев сообщает, что Хабаров отнёс окольничему Прокофью Фёдоровичю Соковнину все свои «животы», а также «животы», которые он отсудил у Зиновьева. Отнёс потому, что был должен Соковнину 2100 рублей. Видимо, ещё при переезде на Лену из Енисейска Хабаров занял у Соковнина, бывшего енисейского воеводы, его «нажитки», как пишет Зиновьев, которые Соковнин оценил в 2100 рублей. Соковнин пытался взыскать с Хабарова этот долг, когда Хабаров был ещё на Амуре. В наказной памяти якутского воеводы от 30 июня 1652 года служилому человеку Никите Прокофьеву было указано:

Царь Алексей Михайлович

«Да ему ж, Никите, по государеву указу и по грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велеть Ярка Хабарова да брата его Никифорка Хабарова дать на поруки в иску окольничево Прокофья Фёдоровича Соковнина в займах его, Ярковых, и брата его, Никифорка, 2100 рублех, что им, Ярку, стать в Якутцкой острог, как минется даурская служба. А Никифорка Хабарова привезть за приставы ему, Никитке, с собою вместе в Якутцкой острог.» [65]

Теперь в Москве Хабаров вновь встретился с окольным Прокофием Соковниным, который в это время был дьяком Царицыной Мастерской палаты. [66] Неизвестно, полностью ли рассчитался Хабаров.

Дьяк Григорий Протопопов это — дьяк Сибирского приказа.

В челобитной Зиновьев также просил, чтобы с него не взыскивали прогоны «мимо Ярка Хабарова». А это значит, что он просил взыскать какую-то часть денег и с Хабарова.

Зиновьев также жаловался, что с него взыскивали судебную пошлину, а с Хабарова не взыскивали и на правёж не ставят.

Судебную пошлину с Хабарова взыскивали, когда он вернулся на Лену. Через год после отъезда Хабарова из Москвы была написана грамота илимскому воеводе Петру Бунакову.

«В прошлом во 164 [1656] году перед бояры, перед князем Григорьем Семёновичем Куракиным с товарищи, искал Ярко Хабаров на Дмитрее Иванове сыне Зиновьеве животов своих, которые ево, Ярковы, и с родичей ево, Ярковых, животы имал у них Дмитрий Зиновьев в новой Даурской земле, довелось взять наших судных пошлин на Ярке Хабарове сорок девять рублёв шесть алтын четыре деньги. Да со встрешного Дмитреева ответу ж рухляди Зиновьева, которую он рухлядь давал Ярку Хабарову, пошлин же восемь рублёв семнатцать алтын две деньги. Обоево пятьдесят семь рублёв дватцать четыре алтына. И тех пошлинных денег на Ярке Хабарове на Москве для ево скудости не взято.

И как к тебе ся наша великого государя грамота придёт, и ты б на Ярке Хабарове наши пошлинные деньги сорок девять рублёв шесть алтын четыре деньги велел доправить тотчас. А доправя на нём те деньги, взять в нашу великого государя казну и в приход те деньгии в сметном списке велел написать имянно себе статьею. А в котором числе на Ярке Хабарове те наши пошлинные деньги доправлены и в приход записаны будут, и ты б о том отписал к нам, великому государю, к Москве с ыными нашими делы. А отписку велел подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком нашим Григорью Протопопову да Фёдору Иванову.

Писан на Москве, лета 7166 [1657], октября в 28 день.» [67]

На обороте челобитной Зиновьева написано: «Государь пожаловал: не велел на нём прогоны править.» Зиновьеву вернули удержанные за прогоны «животы».

«164 [1655] году, декабря в 12 день, по сей челобитной из Сибирского приказу выдано Дмитрею Зиновьеву рухлядь ево, что взято у него за прогонные деньги:

Азямишко отлас чёрной. Цена три рубли.

Спорок камчатой зелёной. Цена пять рублей.

Чюга камчатая червчатая. Цена три рубли.

Азям, отлас чёрной. Цена пять рублёв.

Азям тёмнозелён з бобром. Цена два рубли.

Азям, камка рудожелтая. Цена три рубли.

По сей росписи Дмитрий Зиновьев взял платье своё и руку приложил.» [68]

Теперь после ознакомления со всеми документами, относящимися к судному делу Е. Хабарова с Д. Зиновьевым, не лишне решить, как толковать эти события.

К примеру, Б. П. Полевой не соглашался с Г. Г. Лёвкиным, который писал: «По приговору вынесенному 12 июня 1655 г., Д. И. Зиновьев был обязан возратить Хабарову отобранное у него имущество, а сам Дмитрий Зиновьев за непомерное самоуправство подвергся заслуженному наказанию.» Б. П. Полевой утверждал: «Никакому наказанию Зиновьев не подвергался, а имущество Хабарова было взято казной в счёт погашения его долга.» [69]

Действительно, наказанию не подвергался. Но ему было указано, что «у Ярка взял многие посулы, а иные у него и вневолю отымал. По <<Уложению>> довелось за то учинить наказание жестокое.» И лишь только по случаю рождения царевича Алексея Алексеевича государь «за ту вину наказания чинить не велел.»

У Б. П. Полевого написано:

«Московские оценщики стоимость конфискованной пушнины определили даже в 2416 руб., но денег Хабарову не вернули и объявили, что за ним осталась ещё задолженность почти на 5 тысяч рублей.» [70]

Б. П. Полевой даёт ссылку на ф. 214, ст. 427, л. 4, 16, 25. Ничего этого на указанных и других листах нет.

А у А. Р. Артемьева без ссылок на документ написано:

«Итогом наскоро проведённого Д. И. Зиновьевым следствия был арест Хабарова. Всё его имущество было конфисковано и описано.» [71]

Под арестом, видимо, понимается отъезд Хабарова в Москву по принуждению Зиновьева. Но этот отъезд состоялся не по решению Зиновьева, а по наказной памяти, данной Зиновьеву ещё до начала его поездки на Амур. Хабаров о наказе не знал, так как Зиновьев не показал ему никаких грамот, поэтому Хабаров и сопротивлялся.

Далее, никакой конфискации имущества Хабарова не было. До приезда в Енисейск Хабаров свободно распоряжался своим имуществом. На Амуре давал Зиновьеву взятки, а на Тугирском волоке делал подарки. В те времена для обозначения конфискации употреблялось слово «выемка» или «взятие на государя». В рассмотренных документах эти слова ни разу не упомянуты. Ни о каком описании имущества Хабарова не упоминается. Имущество Хабарова не было взято на государя.

Из челобитных Хабарова и служилых людей, поданных в Енисейске, следует, что Зиновьев «имал» их имущество без каких-либо объяснений и оснований. Ведь имущество служилых людей было несравненно меньше имущества Хабарова, тем не менее Зиновьев и у них отнимал его. Как следует из записей в якутских таможенных книгах, владение «даурской погромной рухлядью» не считалось противозаконным, и с этим имуществом служилые люди свободно отпускались в Москву. Суд также не поднимал вопрос о происхождении рухляди Хабарова. Лишь Зиновьев задал этот вопрос. Но и самому Зиновьеву можно было бы задать тот же вопрос. За двадцать дней пребывания на Амуре он обзавёлся имуществом, соизмеримым с имуществом Хабарова.

Суд же по иску Хабарова решал тяжбу не о конфискованном, а о спорном личном имуществе. В привезённом ящике Дмитрия Зиновьева было «мягкой рухляди» на 2412 рублей. А Хабаров сказал, что в том числе его «рухляди» на полторы тысячи рублей, которую отобрал у него Зиновьев, а также которую он давал Зиновьеву «в посулы». Это имущество Хабаров хотел вернуть, потому что он давал его не добровольно, а потому, что Зиновьев его «бил и увечил». Но подтвердить, какая рухлядь его, Хабаров ничем не мог. Если бы его имущество было описано, то вопрос решился бы просто. Ввиду отсутствия описи и начался суд. Суд был вынужден «дать веру» клятвам как Хабарова, так и Зиновьева «по святой непорочной евангельской заповеди». Судом спорное имущество было поделено между Хабаровым и Зиновьевым. Присуждённое Хабарову имущество не было взято в казну, и он это имущество отдал стольнику Соковнину в счёт погашения своего долга. А у Зиновьева часть имущества была взята в казну в счёт оплаты за лишние подводы, но затем по его челобитью отдана обратно.

Рассматривалась ли изветная челобитная Стеньки Васильева Полякова с товарищами с жалобой на Хабарова, неизвестно. Может быть, сочли это дело бесполезным. Никаких документов об этом не обнаружено.

О дальнейшей судьбе Дмитрия Зиновьева рассказано в челобитной его сына.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой Афонька Зиновьев.

В прошлом, государь, во 158 [1650] году по твоему великого государя указу посылан был отец мой Дмитрей на твою великого государя службу в новую Даурскую землю для подлинново ведома. И отец мой служил тебе, великому государю, не щадя головы своей. И твоего государева изменника и татя твоей государевы казны вора Ярка Хабарова с товарищи и со всем воровством их привёз к тебе, великому государю, к Москве, и прибыль тебе, великому государю, многую учинил, и трёх земель людей к шерти привёл, что быти им под твоею великого государя рукою в вечном холопстве.

И за ту, государь, нужную и должную службу отец мой твоею великого государя милостию ничем не пожалован. Только, государь, за вора за Ярка Хабарова с товарищи от друзей он пострадал и принял многое разорение и бесчестье вечное.

Да в прошлом же, государь, во 166 [1657—1658] году по твоему великого государя указу сказано было отцу моему Дмитрею на твою ж великого государя службу в новую Даурскую землю для сыску воровства Афонасья Филипова сына Пашкова про нево сыскивать и ево к тебе, великому государю, к Москве привести.

И у руки, государь, у тебя, великого государя, отец мой был, и деньги на подмогу, твоё великого государя жалованье, отцу моему триста рублёв денег дано из Сибирского приказа. И наказ, государь, отцу моему был написан. В то, государь, время друзья Афонасья Пашкова по сестре ево, Вознесенского монастыря келарь старица Евдокия, били челом тебе, великому государю, чтоб отца моего Дмитрея по нево, Афонасья Пашкова, не посылать. И челобитьем своим держали отца моего на Москве многое время.

И как, государь, указал ты, великий государь, во 167 [1658—1659] году быть на своей великого государя службе на Туле своему государеву боярину и воеводе князю Юрию Алексеевичю Долгорукову, и в то, государь, время отца моего написали в Розряде на твою государеву службу з боярином и воеводою со князем Юрьем Алексеевичем Долгоруковым. И отец, государь, мой на той твоей великого государя службе з боярином и воеводою со князем Юрьем Алексеевичем Долгоруковым был с приезде и до отпуску.

И в прошлом, государь, во 168 [1658-1659] году по твоему великого государя указу з боярином со князем Никитою Ивановичем Одоевским с товарищи в Борисове на посольстве отец мой Дмитрией и я, холоп твой, были ж с приходу и до отходу. И как, государь, из Борисова приехали в Смоленск, и в то, государь, время по твоему великого государя указу велено нам, холопом твоим, быть на твоей великого государя службе з боярином и воеводою со князем Юрьем Алексеевичем Долгоруковым.

На боях, государь, за тебя, великого государя, отец мой Дмитрией и я, холоп твой, билися с польскими, с литовскими людьми, не щадя головы своей. И в то время, отца моего Дмитрея на бою польские и литовские люди убили ис пушки досмерти. На той, государь, твоей великого государя службе я, холоп твой, был с приезде и до отпуску. А служил тебе, великому государю, в ясаулах.

А ныне, государь, тех денег триста рублёв, которые ты, великий государь, пожаловал на подмогу, правят в Сибирском приказе на мне, холопе твоём, безо всякие пощады.

Милосердный государь [А. М.], пожалуй меня, холопа своего, для своего государевского многолетнего здоровья и для всемирные радости государя нашего царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя, и Белья Росии, за даурскую и за иные многие службы, и за нынешнюю службу и за кровь, и за смерть отца моего, и за мою службишко.

Не вели, государь, тех денег, которые ты, великий государь, пожаловал на подмогу отцу моему, триста рублёв, на мне, холопе своём, править, чтоб мне, холопу твоему, вконец не погинуть и, волочась меж двор, голодную смертью не умереть.» [72]

На обороте челобитной написано: «169 [1661], июня в 30 день. Государь пожаловал: для служеб и за смерть отца ево тех денег править на нём не велеть. Записать в приходной книге о доимке царской указ.»

В те времена существовал обычай прощать долги перед государевой казной по случаю рождения царевичей. Для этого должник подавал челобитную. Кроме Афанасия Зиновьева в Сибирском приказе было подано множество подобного рода челобитных. Видимо, и в других приказах подавались такие челобитные.

Всвязи с челобитной Афанасия Зиновьева уместно сделать одно замечание. А. Р. Артемьев писал:

«Ещё одним свидетельством того, что действия Д. И. Зиновьева на Амуре были одобрены царской администрацией, является тот факт, что в начале 1658 г. именно его Сибирский приказ планировал вновь послать туда. Он должен был сменить там на воеводском посту А. Ф. Пашкова

(Бороздин А. К., 1898, с. 135). Однако это назначение почему-то не состоялось.» [73]

В челобитной Афанасия Зиновьева прямо сказано, что его отца хотели отправить не на воеводство, а для «сыска воровства» А. Пашкова, и для доставки его в Москву. Что же касается ссылки на Бороздина, то там тоже о предполагаемом назначении Дмитрия Зиновьева на должность воеводы не сказано, а приведена черновая царская грамота архиепископу Сибирскому и Тобольскому Симиону, в которой к Дмитрию Зиновьеву имеют отношение лишь следующие слова:

«И ныне по нашему великого государя указу послан в Даурскую землю Дмитрией Зиновьев, а Афонася Пашкова от даурския службы велено отставити.» [74]

Грамота была написана 10 февраля 1658 года.

Наконец, Хабаров был отпущен на Лену. Перед отъездом он подал челобитную:

«В прошлых, государь, годех для прежних государей и для твоей государевы прибыли проведаль я, холоп твой, на великой реке Лене соляные промыслы и пашни, а проведаль, государь, пашни и варницу устроил.

И по государеве грамоте за подъём тоё службе воеводе Василью Пушкину велено было дать мне из государевы казны пятьсот рублёв.

Да воевода Пётр Петрович Головин про твой государев обиход взял у меня хлеба, ржи, на три тысячи рублёв.

Да для твоей же государевы прибыли проведаль и взял я, холоп твой, с вольными людьми новую Даурскую землю и аманатов поймал, с которых и ныне ясак збирают и к тебе государю ежегод привозят. А ратным, государь, людем на корм и на платье, и на обувь на три годы всем деньги свои давал.

А за то я, холоп твой, ничем не пожалован и по прежней государеве грамоте за подъём и за хлеб деньги мне не даны ис твоей государевы казны и по сё время.

А ныне я, холоп твой, на Москве от Дмитрея Зиновьева изувечен, и меж двор скитаюся, и за бедностью голодом помираю.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.» [75]

На обороте челобитной помечено: «163 [1655] году, июня в 5 день. Государь пожаловал: велел службы его выписать.»

Здесь следует обратить внимание на слова: «и по прежней государеве грамоте за подъём и за хлеб деньги мне не даны ис твоей государевы казны и по сё время.» Грамота эта не обнаружена.

Слова «изувечен» и «голодом помираю» не следует понимать слишком буквально. Такой словесный оборот часто использовался в тогдашних челобитных.

Эта челобитная была написана неспроста. В Якутском остроге хранились его кабалы о взятых взаймы деньгах для амурского похода. Хабаров понимал, что с приездом на Лену с него будут пытаться взыскать эти долги. Из Якутского острога уже была послана в Сибирский приказ отписка с запросом о взыскании этих долгов. Возможно, Хабарову сообщили об

этой отписке. Хабаров же давал понять, что, ради справедливости, следует учесть и его затраты.

Хотя в Сибирском приказе было достаточно документов о службах Хабарова, там почему-то не стали делать выписки, а переложили это дело на самого Хабарова. Обычно же челобитчики сами описывали свои заслуги только в тех случаях, когда в Сибирском приказе бумаг об этом не имелось. В поданном Хабаровым документе написано:

«Роспись службам Ерофейка Павлова, на которые ходил своими животами.

В прошлом, государь, во 157 [1649] году из Ылимского острогу воевода Дмитрий Францбеков да дьяк Осип Степанов отпустили меня проведать новую Даурскую землю. И я на три годы поднял своими животами с собою семьдесят человек без государева жалованья. И тот подъём стал мне полчетвёрты [3,5] тысячи рублёв. И с теми людьми, пришед в Даурскую землю, засели в Лавкаев городок. И в том городке оставя тех людей, пришёл в Ленской острог.

И во 158 [1650] году вольных людей прибрал я сто семнатцать человек. Да из Якуцкого острогу воевода да дьяк отпустили со мною в ту Даурскую землю дватцать одного человека. И тех я людей на три годы подымал своими же деньгами. И тот мне подъём для государевы службы стал в четыре тысячи рублёв.

Да в прошлом же во 159 [1651] году я же, Ярафейко, посылал племянника своего Артюшку да служивого человека Третьяка Чечигина в Ленской острог к воеводе Дмитрею Францбекову да к дьяку Иосипу Степанову бить челом о людех, чтоб прислали людей, потому что вниз плыть было не с кем. И в ту пору без них поплыли своими людьми вниз. И с теми своими войскими людьми взял дракою два городка, Гойгударов да Толгин.. И в Толгине городке взяли аманатов и [к] шертованью привели.

И от тех городков плыл вниз реки с войском, и пришёл в Отшанской улус. И тот улус своими людьми за боем взял, и городок поставил. И ко мне под тот городок приходили богдойского царя воинские люди, и к городку приступали с великою лютостью. И, Божию милостию и царским счастьем, в городке отсиделся. И меня в то время на приступе ранили да двух служилых убили, да вольных восемь человек убили, да семьдесят человек ранили. А их, богдойских людей, многих побили, да три пушечки и пищали у них мелкие поимали. А в пищали в одной сваривано ствола по три да по четыре.

А что в той новой Даурской земли и в Зюзерской [Дючерской — Г. К.], и у наток, и у гиляков в землях на государя ясаку собрано, и тот ясак привезён ко государю к Москве.

А тех земель моего взятья аманаты от меня в тех землях и остались под государевою высокою рукою, и впредь с них на государя ясак ежегод пойдёт. А которые аманаты были привожены ко государю к Москве, и те аманаты моего же взятья. А что с теми аманаты привожены были две жёнки, и те жёнки у меня были купленные. А дано за них сто сто восемьдесят рублёв. Да с ними живота моево было, всякой мяхкой рухляди и платья иноземского, на триста рублёв. И обоево живота и за жёнку дано 480 рублёв.

А для тех государевых служб в Якуцком остроге имал я из государевы казны ружьё, пищали, зелье и свинец, и лятчины. А сколько государевы казны было взято, и тому всему в Якуцком остроге в Съезжей избе — договая роспись. А то всё ружьё и свинец, и зелье, и лятчины осталось в Даурской земле.

Да преж тоё службы при воеводе при Микифоре Верёвкине подавал ему челобитную в Енисейском остроге, что для государевы прибыли проведать на великой на Лене реке, каков хлеб родитца и какова соль, и варничное строение. И с отпуску проведаль я: на усть Куты соль и пашни есть, и я тут соляной промысел и пашни устроил и в Енисейской острог к воеводе соляной опыт послал. Да в другом месте на Вилюе реке проведаль я соль самосадку.

И по государеву указу и по грамоте для той моей службе воеводе Василью Микитичю Пушкину велено было из государевы казны дать мне твоево государева жалованья пятьсот рублёв. И то государево жалованье не дано мне и по сё время.

А государю от тех соляных промыслов и от пашни ежегод почала быть прибыль великая, потому что хлеб и соль пошла во все тамошние города неоскудно.

Да у меня ж, Ерофейка, воевода Пётр Петрович Головин на государев обиход взял три тысячи пудов хлеба, ржи. А в торгу купили в то время по рублю и больши пуд, итого три тысячи рублёв. И те деньги мне не даны и по сё время.» [76]

Какое решение было принято по этой челобитной, неизвестно. Однако же известно, что затраты Хабарова не были приняты во внимание. Хабаров находился в Москве ещё год. Вместо денег Хабарову по его челобитью был пожалован чин сына боярского и дано назначение служить приказчиком пашенных крестьян. Об этом была послана грамота илимскому воеводе Петру Бунакову. Особенность этой грамоты в том, что она написана от имени царевича Алексея Алексеевича. Сохранилась в копии.

«От государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя, и Белья Росии в Сибирь на Ленской волок в Ылимской острог стряпчему и воеводе Петру Андреевичю Бунакову.

Бил нам челом новые Даурские земли служилой человек Ярофей Хабаров. А сказал:

Служил де он блаженные памяти деду [написано: деду — Г. К.], великому государю, царю и великому князю Михайлу Фёдоровичю всеа Руси, и отцу нашему, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцу, и нам служит з дватцать с пять лет и больши, и в сибирских городех многие земли проведаль, и на Лене реки пашни розпохал, и соляные усолья строил своими проторями.

Да он же де проведаль новую Даурскую землю своими ж проторями, и взял в той новой Даурской земли семь городов, и аманатов многих поимал, и ясаку на нас взято ево промыслом и к Москве прислано с полтора ста сороков с пластинами собольи и с лисицами.

И нам бы пожаловати: велети ему за те ево службы быти на Лене в тех боярских, а на усть Киренги и по Лене вверх до усть Куты, и вниз до

Чечюйского, и ниже Чечюйского наших пашенных крестьян ведать, и в новой Даурской земле, в Лапкаеве месте, пашенных крестьян строить своими проторями.

И по нашему указу велено ему, Ярофею, за ево службы быти в Ылимском остроге в детех боярских и наша пашня строить, и пашенных крестьян ведати, которые крестьяне живут на усть Киреньги и по Лене вверх до усть Куты, и на низ до Чичюйского, и ниже Чичюйского.

И как тебе ся наша грамота придёт, а Ярофей Хабаров в Ылимской придет, и ты б велел ему, Ярофею ... [не окончено — Г. К.]

Писан на Москве, лета 7164 [1656], июня в 9 день.» [77]

Эта небольшая грамота требует многих объяснений.

Грамота написана от имени царевича Алексея Алексеевича, родившегося в феврале 1654 года. Сам царь Алексей Михайлович в это время находился в Смоленском походе.

Не совсем ясно, почему грамота написана только от имени одного царевича. Гораздо чаще встречаются грамоты, написанные от имени царя и царевича. Царские грамоты ведь даже не подписывались царём, достаточно было скрепить их «приписью» (подписью) дьяка и печатью.

Хабаров здесь указывает, что он «государю служит з дватцать с пять лет и болши», то-есть начало своей службы он относит по меньшей мере к 1625 году.

Почему-то Хабаров в своей челобитной просил ведать пашенных крестьян не только «вверх до усть Куты и вниз до Чечюйского», которые относились к Илимскому воеводству, но и «ниже Чечюйского». Пределы Илимского воеводства на Лене заканчивались в 5 километрах выше Чечуйска, который был уже в ведении Якутского воеводства. Когда Хабаров уходил на Амур, Илимское воеводство ещё не было образовано. Однако, пока Хабаров находился в Москве, за это время там побывали якутские и илимские служилые люди, от которых он мог узнать, где проходила граница Илимского воеводства. Тот же, кто писал грамоту, мог и не знать всех этих тонкостей.

Кроме этого, Хабаров просил: «и в новой Даурской земли, в Лапкаеве месте, пашенных же крестьян строить своими проторями». «Лапкаево место» было расположено на обоих берегах Амура, ниже впадения в Амур реки Урки, и удобно для заведения пашни. «Своими проторями» означает «за свой счёт». Зачем это было нужно Хабарову? Хабаров ещё при воеводе Петре Головине, находясь в Якутском остроге «за приставом», предлагал устроить в пашню на Лене крестьян «своими проторями», и, вроде бы, потом получил такое разрешение. Когда в 1645 году он не позволил устроить на своей заимке четырёх ссыльных черкасов, то оправдывал свои действия тем, что у него есть государев указ самому селить в пашню крестьян. Правда, этот указ пока ещё не найден историками.

На Лене было два вида земледельцев: служилые пашенные крестьяне, которые за обработку пашни получали денежное, хлебное и соляное жалование; и пашенные крестьяне, которые обрабатывали десятинную государеву пашню, получая семена на неё из государственной казны и сдавая урожай в казну. То, что предлагал Хабаров, было нечто другим. А дело в том, что в

Сибири существовал ещё один вид земледельцев, которых С. В. Бахрушин назвал «слободчиками».

В статье «Сибирские слободчики» он писал:

«Наряду с правительственной колонизацией, и очень рано, уже с XVI в. мы наблюдаем прилив добровольных поселенцев, искавших за Уралом <<угожих пашенных мест>>. <...>

В ряде случаев мы имеем индивидуальные захваты заимок отдельными колонистами. Для большей части XVII в. типичным является промышленный человек, проникший в Сибирь в поисках пушнины, застрявший здесь и порвавший связи со своей родиной, который в своих хождениях по промыслам облюбовывает подходящий участок земли и выпрашивает себе у правительства разрешение поселиться на нём, причём выхлопывает себе те или иные льготы, а иногда даже ссуду. Примером может служить известный <<опытовщик>> Ерофей Павлов Хабаров-Святицкий.

Так, наряду с слободами правительственными, появляются слободы частные, основанные по инициативе частных предпринимателей. Присмотрев <<угожие места>>, такие предприниматели били челом о разрешении призывать крестьян. <...> Только при материальной и юридической поддержке со стороны слободчика могли отдельные малосостоятельные поселенцы завести свою пашню. <...>

Всю экономическую сторону слободчик принимал на себя. <...> Доход слободчика, как предпринимателя, и заключался в процентах на ссуженный поселенцам капитал. <...>

Так вполне определённо вырисовывается хозяйственная структура слободы. Это большое предприятие, организуемое крупным предпринимателем, частью на деньги, взятые в кредит, в целях извлечения прибыли. <...>

Мы встречаем многолюдные слободы, устроители которых пользовались широкими административными правами над населением своего посёлка.» [78]

От себя добавим, что на Лене уже был заведён Хабаровым вид хозяйства, основанный на использовании труда половников — арендаторов, которые пахали пашню за половину получаемого урожая. Их трудовые отношения не были связаны с государством непосредственно, а через хозяина, слободчика, который получил эту землю у государства в пользование. Этим хозяином был Хабаров. Он и вёл все дела с государством, а в отношении Хабарова с половниками государство не вмешивалось.

Для ведения дел с половниками Хабаров держал наёмных приказчиков. Поэтому почти не осталось документов об этих половниках. Отличие половника от работника состояло в том, что половник имел свой собственный двор, вел своё хозяйство, тогда как работник был лишён этого. Заметим, что название «слободчик» в документах того времени не употребляется, а половника называют «человеком Хабарова», так же как и его дворовых людей.

О половниках Хабарова сохранились лишь краткие упоминания. У Хабарова было две заимки, в которых жили его половники, Русковская и Бойдоновская, впоследствии слившиеся в одну Хабаровскую заимку. Русинко (Руско) Алексеев, пахавший в бытность половником Хабарова в Русковс-

кой заимке, потом получил пашню в Орленской волости и стал пашенным крестьянином. Половником Хабарова был вначале Анисимко Прокопьев Бренёв (он же Жданко Прокопьев Полорот), а затем пашенный крестьянин, основатель деревни Полоротовской (сейчас Повороты). О более поздних половниках ничего не известно. Когда Хабаров передал свою заимку Киренскому монастырю, то половники продолжали обрабатывать пашню на прежних правах, только место Хабарова занял монастырь.

Хабаров был не единственным на Лене, кто обрабатывал землю трудом половников. Кроме него, крестьянин Вологодского архиепископа Иван Никонов Сверчков на двух заимках обрабатывал землю также трудом половников. Имя одного из этих половников известно. Это был Кузька Леонтьев Воронин, пахавший на нижней заимке Ивана Сверčkова, и впоследствии ставший пашенным крестьянином в деревне напротив Киренска, названной по его фамилии Ворониной.

Первый приказчик киренских крестьян Василий Скоблевский также обрабатывал свою пашню трудом половников. До сих пор сохранились в Киренском районе их потомки Петуховы, Хромовы, Монаковы. Чуть позднее рассматриваемого времени, в 1662 году, в Чечуйской волости получил землю сын боярский Фёдор Пущин и стал обрабатывать её трудом половников. Место, где жили эти половники, в 60 километрах ниже Чечуйска, стало называться деревней Пушиной, а сам Пущин жил в Чечуйске. Имена этих половников, Гришки Иванова Вешнякова и Петрушки Дмитриева Петуха, часто упоминаются в ужиных книгах. Но, кроме упоминания имён, никаких сведений нет. Деревни ленских слободчиков были по количеству половников весьма малочисленны. Эти поселения половников на Лене назывались, так же как и поселения пашенных, т. е. государственных, крестьян, заимками, позднее деревнями. А слободами на Лене назывались совокупности заимок или деревень, заселённых пашенными крестьянами, подчинёнными приказчику, назначаемому воеводской властью. Позже эти слободы стали называться волостями.

«Лапкаево место» было очень подходящим для основания там слободы под властью слободчика.

Однако, разрешения «в Лапкаеве месте пашенных крестьян строить своими проторями», как видно из грамоты, Хабаров не получил. Когда писалась эта грамота, на Амуре по-прежнему оставалось амурское войско под началом Онофрия Степанова Кузнецца. Просился ли Хабаров вернуться туда, неизвестно. А если и просился, то ему было отказано, потому что еще в 1653 году в Сибирском приказе замыслили послать на Амур большой отряд служилых людей под началом князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского. В 1656 году, видимо, от этого замысла ещё не отказались. Кроме того, Дмитрий Зиновьев Хабарова иначе, как «вором», т. е. преступником, и не называл, поэтому некоторые действия Хабарова на Амуре не вызывали одобрения в Сибирском приказе, и там не были склонны отпускать его на Амур. Поэтому Хабаров ограничился просьбой разрешить ему строить на Амуре слободу пашенных крестьян.

Что же касается звания «сын боярский», то так называлось среднее сословие служилых людей. На Лене дети боярские уже были, в частности на

Чечуйском волоке жил сын боярский Фёдор Иванович Пущин, привезённый на Лену в кандалах за участие в томском бунте. В детях боярских были и многие ссыльные поляки, шляхтичи.

Звание «сын боярский» не распространялось на потомков. В статье М. М. Громыко приводится ответ губернатора Д. И. Чичерина на запрос Сената в 1788 году:

«Рядовой казак за хорошие его поступки, рассматривая по способностям и качествам, производится сынами боярскими, а из них — в дворяне, однако ж никакого чина и преимущества на потомство и на дворянство не имеет, и дети его тем не пользуются, а по прошествии их в возраст, рассматривая их по качествам, определяются и сии в дети боярские, и должны своими услугами доходить чину дворянина.» [79]

На Лену Хабаров поехал в августе 1656 года. Перед убытием из Москвы он подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой новые Даурския земли Ярко Хабаров.

В прошлом, государь, во 163 [1655] году приехал я, холоп твой, с твоею государевою с новою соболиною казною к Москве, которую, государь, я, холоп твой, збирал в новой Даурской земле.

И которыя служилыя и вольныя выехали с тою с новою казною, и тем всем дано твоего государева жалованья корму и выход, и по сукну. А мне, холопу твоему, не дано.

<...> Вели, государь, дать своё государево жалованье: выход, корм и сукно за моё службишко. [80]

На обороте челобитной написано: «164 [1656], июля в 25 день. Дати ему выход шесть рублёв да корму на две недели и отпустить с Москвы.» О сукне не указано.

И ещё одна челобитная, видимо, более поздняя:

«Царю {А. М.} бьёт челом холоп твой, Илимского острогу сынчишко боярской Ярко Хабаров.

Милосердый государь [А.М.], пожалуй меня, холопа своего, своим государевым царским жалованьем, на дорогу корм.» [81]

На обороте челобитной указано: «Послать за тобольскою казною в провожатых и дати дорожной корм.» Даты на этой челобитной нет.

Тобольскую казну в сумме 2000 рублей везли тобольские казаки, три человека. Грамота об этом тобольскому воеводе подписана 14 августа 1656 года. [82] Кроме Хабарова в провожатых ехал также даурский казак Марчко Андреев и енисейский служилый человек Козёмка Фёдоров Байкаловской, который служил ранее в Даурах и в Москву приехал вместе с Хабаровым. Перед отъездом Марчко Андреев подавал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой из Сибири, новой земли Даурской казак Марчко Андреев.

Пожалуй меня, холопа своего, своим царским жалованьем: кормом на дорогу.» [83]

На обороте челобитной написано: «Послать ево за тобольскою казною в провожатых и дать дорожной корм.»

С Козёмкой Фёдоровым Байкаловским дело было посложнее. Сначала он подал челобитную, в которой содержатся некоторые сведения не только о нём, но и о Стеньке Васильеве Полякове с товарищами:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой государев, сибирской украины Енисейского острогу служилой человек Козёмка Фёдоров.

В прошлом, государь, во 163 [1655] году приехал я, холоп твой государев, к Москве с новою даурскою ясашною соболиною казною.

И моё братье, кои выехали за тою новою казною, и тем всем дано государева жалованья: выход и корм, и по сукну. А мне, холопу твоему, не дано.

А ныне мне по твоему государеву указу велено быть в Енисейском же остроге в старом окладе и в службе.

А служил я тебе, государю, холоп твой, двенатцать лет в Енисейском остроге и в Братском остроге, и на Байкалове озере два острога ставил, и на Шилке реке тебе, государю, служил, и в новой Даурской земле пять годов служил. И в той, государь, даурской службе изранен я двенатцатью ранами стрельными.

<...> Вели, государь, дать своё государево жалованье: корм и выход, и сукно, чтобы мне, холопу твоему, голодною и холодною смертью не помереть до Енисейского острогу.» [84]

Как правило, в челобитных всегда умалчивали о своих винах. Поэтому для принятия решения по челобитной в приказе делалась выписка.

«И в Сибирском приказе выписано:

В прошлом во 163 [1655] году, марта в 3 день, писал к государю [А. М.] из Сибири из Енисейского острогу воевода Офонасей Пашков и прислал з государевою даурскою соболиною казною даурских охочих казаков Стеньку Полякова да Стеньку Вятку с товарищи, в том числе в присылке даурской же казак Кузёмка Фёдоров Байкаловской.

И в прошлом же во 163 [1655] году даурским казаком Стеньке Полякову с товарищи, семнатцати человеком, государева жалованья: выходу по шти рублёв да корму на две недели по шти денег человеку на день дано.

А Кузёмке Байкаловскому выходу и корму не дано, потому что он, Кузёмка, по государеву указу из Сибирского приказу сидел за приставом и в тюрьме июля по 15 число нынешняго 164 [1656] году в государевых делах, и учинено ему наказание: от дел свободён.

И государю [А. М.] даурской казак Кузёмка Фёдоров бьёт челом, чтоб государь пожаловал: велел ему дать своё государево жалованье: выход и корм, и сукно.» [85]

В чём была вина Кузёмки Фёдорова, не сказано.

На челобитной и выписке скрепа: «164 [1656], июля в 25 день. Приказал боярин князь Григорей Семёнович Куракин дати ему, Кузёмке, выход шесть рублёв да корму на две недели против ево братьи, даурских казаков, и отпустить ево с Москвы в Енисейской.»

Козёмка Фёдоров написал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, сибирской казак Енисейского острогу служилой Козёмка Фёдоров.

<...> Пожалуй меня, холопа своего, своим государевым царским жалованьем: кормом на дорогу.» [86]

На обороте челобитной помечено: «Послать ево за тобольскою казною в провожатых и дать дорожной корм.»

Спустя много лет Козёмка Фёдоров уже в чине пятидесятника казачьего Иркутского острога снова побывал в Сибирском приказе, где 3 сентября 1684 года подал подробную челобитную о своих службах, в которой он упоминает и о местонахождении Степана Полякова:

«И будучи в Даурской земле на Амуре реке с тобольским капитаном Стефаном Поляковым поймал жючерских и гилятцких князцов девяти человек и ясак на вас, великих государей, взял с них двенатцать сороков соболей.» [87]

Степан Поляков оставался в Москве несколько дольше, чем Хабаров. Он подал челобитную, в которой описал свои заслуги и некоторые подробности службы на Амуре:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Тобольского города казачей сын Стенька Полякову

В прошлом, государь, во 158 [1650] году по твоему государеву указу Дмитрией Францбеков послал меня, холопа твоего, на твою государеву службу в Даурскую землю с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым.

И подымал я, холоп твой, из Якуцкого острогу на твою государеву службу в Даурскую землю пять человек своими хлебными запасы и ружьями, и порохом, и свинцом. А служил я, холоп твой, тебе государю, пять годов. А которых я, холоп твой, пяти человек подымал, и те тебе, государю, моими хлебными запасы и ружьём, и порохом, и свинцом служили три годы.

Да ко мне, холопу твоему, прибиралось охотников моими хлебными запасы и ружьями, и порохом три[т]цеть два человека. Выбрали меня, холопа твоего, воинским в ясаулю И как я, холоп твой, был ясаулом, Божиею милостию и твоим государевым счастьем, и нашей, холопей твоих, службишкою многие даурские городки и князьцы имали.

Да в прошлом ж, государь, в 160 [1652] году, в марте 14 числе, я, холоп твой, поймал князьца Жакшорова сына, а с ним я, холоп твой, на бою три шубёнка соболями иноземские, одеяло лисьё, шито из девяти лисиц, малахай хвостовой. И я, холоп твой, того иноземца Жакшурова сына привёз к приказному человеку Ярофею Хабарову. И он, Ярофей, того иноземца посадил в в оманаты. И ясаку с него взял три сорока соболей. А теми шубами и одеялами, и малахаями тебе, государю, челом ударил я, холоп твой, отдал в твою государеву царскую казну приказному человеку Ярофею Хабарову.

Да прошлом же, государь, во 161 [1653] году я, холоп твой, с товарищи в Гиляцкой земле острог поставил, а в нём три башни.

Да у тех же гиляцких людей я, холоп твой, из девяти родов лутчих девять человек гиляцких князьцей в оманаты посадил. А с тех аманатов взято тебе государю тритцать семь сороков тритцать семь соболей, сорок лисиц, две лисицы чёрные.

А подъём мне, холопу твоему, стал, подымаючи из Якуцкого острогу пяти человеком, в триста в пятьдесят девять рублёв.

И будучи я, холоп твой, на твоей государеве службе в Даурской земле и Гиляцкой, голод и нужу большую [терпел — Г. К.] и служил тебе, госуда-

рю, не щадя головы своей и помня твоё государево крестное целованье. И от той твоей государевы службы обдолжал великими неискупными долги и вконец погиб.

А живу на Москве без указа два года.

<...> Пожалуй меня, холопа своего, за отца и деда моего за их многие сибирские службы и за мою даурскую службишко. Вели, государь, мне, холопу твоему, быть в Тобольском атаманишском казачьем и с Москвы отпустить.» [88]

До сих пор о Степане Полякове упоминалось как о промышленном человеке, а сейчас он назвал себя казачьим сыном. О своих разногласиях с Ерофеем Хабаровым он не упоминает и уважительно называет его приказным человеком. Не пишет, что поставленный им острог был сожжён Хабаровым. Кроме того, подчёркивает, что все расходы на себя и на его покручеников он нёс за личный счёт. Видимо, в Сибирском приказе считали, что, несмотря на многие злоупотребления Хабарова, отделение Сеньки Полякова было не той мерой, которую можно одобрить.

На обороте первого листа челобитной написано:

«165 [1656], сентября в 10 день. Дать грамота. Велеть ему быть в Тобольску за даурскую службу в атаманех у казаков на выбылое место, будет ныне выбылое место есть. А будет выбылого места нет, и ему дожидаться вперёд атаманского места. А до тех мест велети ему в Тобольску ж служить в конных казаках на выбылое место с рядовым конным окладом.»

В соответствии с этим тобольским воеводам была послана грамота:

«От царя [А. М.] в Сибирь в Тоболеск стольнику и воеводам нашим князю Алексею Ивановичю Буйносову-Ростовскому да князю Ивану Ивановичю Посного Гагарину, да дьяком нашим Богдану Обобурову, да Григорью Углеву.

По нашему указу и по челобитью Тобольского города казачья сына Стеньки Полякова велено и ему быть в Сибири в Тобольску за прежние деда и отца ево службы, и за ево, Стенькину, даурскую службу, и за ясачной збор, и за гиляцкое острожное ставленье у тобольских пеших какзаков в атаманех на выбылое место.

И как к вам ся наша грамота придёт а Стенька поляков в Тоболеск придет и вы б велели ему быть у тобольских пеших казаков в атаманех будет ныне есть атаманское выбылое место

А будет ныне выбылого места нет, и вы б ему велели дожидаться вперёд атаманского выбылого места. А до тех мест велели в Тобольску служить в конных казаках на выбылое ж место с рядовым конным окладом.

Писан на Москве лета 7165 [1656], сентября в 12 день.

Припись и подлинные грамоты дьяка Григорья Протопопова.» [89]

Записи о Степане Полякове встречаются в окладных книгах жалованья по Тобольску. В 166 [1657-1658] году появляется первая запись о нём «Стенька Поляков» в разделе «Литва» с окладом денежного жалованья 10 рублей. [90]

В 168 [1659-1660] году он записан в разделе «Служилые люди литовского списка казаки»:

«7 чети ржи, 6 чети овса, 2 пуда с четью соли.

Прапорщик Степанко Поляков.» [91]

В следующем 169 [1660-1661] году — в разделе детей боярских с этим же жалованьем. [92]

В 176 [1667-1668] году с этим же окладом в разделе детей боярских: «Степан Поляков в райтарех.» [93]

Атаманом казачьим он, видимо, так и не стал.

Вернёмся к отъезду Хабарова. На Лену ехал Хабаров не налегке. Вёз товары, которые были ходовыми на Лене. Перед этим была написана ещё одна челобитная:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой ис Сибири, Илимского острогу сынчишко боярской Ярко Павлов сын Хабаров.

По твоему государеву указу и по грамоте велено мне, холопу твоему, быть на великой реке Лене, на Киренге, у пашенных крестьян в прикащиках. <...>

Вели, государь, мне с Руси в Сибирь про свою нужу пятьдесят вёдр вина да сорок пуд муки провесть.» [94]

Разрешение было дано. На обороте челобитной трудно читаемые из-за повреждения слова: «Выписать к ево лодка кормщика ...велено.» А далее следует:

«Роспись, что в Сибирь вести

100 аршин сукон сермяжных

500 аршин холсту

100 хрящу самотово толстово

50 топоров дроворубных

5 пуд укладу корильсково

10 пуд железа

100 аршин крашенины

10 шуб бараньих

50-ры рукавицы-вареги

3 пуда меди красной и зелёной дельной.» [95]

Видимо, не очень часто обращались с такими просьбами, так как далее следует выписка с примерами, что разрешалось везти в Сибирь служилым людям. И в конце заключение: «По сей выписке и проезжая грамота дана.» [96] Лодка была большой грузоподъёмности. Одного металла было свыше 300 килограммов.

Ехали в Сибирь южным путём, сначала по Москве реке, затем по Оке, Волге и Каме. С тобольскими казаками Хабаров и доехал до Тобольска. А у Г. А. Леонтьевой читаем:

«По пути из Москвы в Сибирь Ерофей Павлович заехал в Устюг Великий, где он оставил часть своего товара. Какое-то время он занимался там своими торговыми делами, расплатился с окольничим Соковниным и другими заимодавцами, а затем, затосковав по сибирским просторам, вновь вернулся на Лену. [97]

В Устюг не заезжал. О тоске по сибирским просторам в документах тоже не пишется.

Здесь уместно дать замечание на следующее утверждение Ф. Г. Сафронова:

«Есть сведения, что Хабаров выехал из центральной России в Илимский

уезд в 1658 году. Если это соответствует действительности, то неизвестно, где он провёл время с конца 1655 г., в Москве или в своём родном уезде. Вероятнее всего, он жил дома в Устюжне.» [98]

Как видим, Ф. Г. Сафронов неправильно указал время выезда Хабарова из Москвы и время приезда на Лену. Хабаров выехал из Москвы в августе 1656 года, а прибыл на Лену (есть документ) в сентябре 1657 года. А Устюжна — это не дом Хабарова. Она расположена на реке Мологе, впадающей в нынешнее Рыбинское водохранилище. Её не надо путать с Устюгом Великим. Да и из Устюжского уезда, как записано в найденных нами документах, он переселился в Сольвычегодский уезд в 1626 году. [99] Ф. Г. Сафронов был уверен что Устюг и Устюжна — одно и то же. На страницах 13, 14, 15 он упоминает Устюжну вместо Устюга Великого.

Сделаем ещё одно замечание. В 1954 году Н. Рябов и М. Штейн писали:

«В течение нескольких лет Хабарова допрашивали в Сибирском приказе, и есть основания полагать, что пытали.» [100]

Однако, эти основания не привели.

В противоположность им в книге «Амур — река подвигов», изданной в Хабаровске в 1970 году А. Алексеев писал:

«По прибытии его [Хабарова — Г. К.] в Москву царь Алексей Михайлович пожелал видеть славного землепроходца. Хабаров был принят ласково, награждён званием сына боярского. [101]

В 1983 году под этим же названием издана книга другого содержания. В ней снова написано:

«Как сообщают исторические документы, по прибытии в Москву с Амура Хабарова принял царь Алексей Михайлович.» [102]

Кто автор этих строк, в книге не написано, не сказано и кто видел эти документы, и где они находятся.

И наконец, последнее замечание. В 1954 году Н. Рябов и М. Штейн писали:

«Дальнейшая судьба Хабарова неизвестна. Некоторые историки говорят, что ему удалось оправдаться и что назначен он был даже приказчиком над волостями по реке Лене, и даже пожалован чином сына боярского, но самих документов об этом историками обнаружено не было. Скорее всего это просто легенда, вошедшая в историю с лёгкой руки историка XVIII века Татищева.» [10398]

О пожаловании Хабарову чина сына боярского и о назначении его приказчиком киренских крестьян приведены документы в этой главе. А о службе Хабарова в должности приказчика документы будут приведены в главе «Поездка Хабарова на Тугирский волок в 1659—1660 году.»

Примечания

1. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 49, л. 83.

2. Там же, № 52, л. 87—87об.

3. Там же, № 55, л. 89—89об.

4. Повёрстные ведомости селений Амурского бассейна. Благовещенск, 1924.
5. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 179.
6. Там же, л. 177.
7. Ф. 214, ст. 344, л. 613—616.
8. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991, с. 101—102.
9. Ф. 214, ст. 519, л. 32.
10. Там же, л. 42.
11. Там же, л. 42.
12. Ф. 214, ст. 344, ч. II, л. 652—653.
13. Там же, л. 668—672.
14. Там же, л. 662—665.
15. Там же, л. 666—667.
16. Там же, л. 654.
17. Там же, л. 655—656.
18. Там же, л. 657—661.
19. Ф. 214, ст. 336, л. 142.
20. Ф. 214, ст. 494, л. 83—83об.
21. Там же, л. 187—188.
22. Ф. 214, ст. 490, л. 303.
23. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 102.
24. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурскую землю. — 1655 г. СПб, 1894, с. 3.
25. Ф. 214, кн. 340, л. 79—79об.
26. Там же, л. 91—91об.
27. Там же, л. 81.
28. Там же, л. 92об.
29. Ф. 214, ст. 508, л. 35—37.
30. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983, с. 67.
31. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 101.
32. Артемьев А. Р. Ошибки в освещении деятельности русских землепроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке. // Вопросы истории, М. 2005, № 4, с. 174.
33. Сафронов Ф. Г. Указ. соч. с. 67.
34. Русско-Китайские отношения в XVII веке, ч. I, М. 1969, док. 78, с. 199.
35. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Владивосток, 1995, с. 27, примеч. 8.
36. Ф. 214, ст. 508, л. 38.
37. Ф. 214, кн. 340, л. 85об.
38. Там же, л. 103—103об.
39. Там же, л. 113.
40. Там же, л. 93—93об.
41. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле — 1955 г. // РИБ, т. 15, СПб, 1894, с. 3.
42. Ф. 214, кн. 340, л. 96об—97.
43. Ф. 214, ст. 508, л. 48—49.
44. Там же, л. 53.
45. Там же, л. 78.
46. Там же, л. 74—77.
47. Ф. 214, ст. 344, ч. I, л. 82—84.
48. Ф. 214, ст. 472, л. 31—33.
49. Там же, л. 65, 66, 59, 60; нумерация не по-порядку.
50. Там же, л. 21.
51. Там же, л. 60—62, 58; нумерация не по-порядку.
52. РКО в XVII веке, т. 1, ч. 1, М., 1969, с. 200.
53. Ф. 214, ст. 472, л. 33—36.
54. Там же, л. 31.

55. Там же, л. 33—39.
56. Там же, л. 5—11.
57. Там же, л. 12—15.
58. Там же, п. 18—19.
59. Там же, л. 16—17.
60. Там же, л. 22.
61. Там же, л. 23—24.
62. Там же, л. 29—30. (Это же Ф. 214, ст. 508, л. 87—88.)
63. Там же, л. 20.
64. Там же, л. 25.
65. ДАИ, т. III, СПб. 1848, док. 99, с. 353—354.
66. Боявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.-Л. 1946, с. 210.
67. Ф. 214, ст. 472, л. 27—28.
68. Там же, л. 26.
69. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв., т. 2, Владивосток, 1995, с. 50, примеч. 29.
70. Там же, с. 15.
71. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток, 1999, с. 29.
72. Ф. 214, ст. 498, л. 147.
73. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв., Владивосток, 1999, с. 30.
74. Бороздин А. К.. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества XVII веке. СПб, 1898, с. 135.
75. Ф. 214, ст. 344, л. 77.
76. Там же, л. 87—80.
77. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, № 107.
78. С. В. Бахрушин. Сибирские слободчики. // Научные труды, т. 3, ч. I, с. 213, 215, 219, 223.
79. Громыко М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. (Период феодализма). М. с. 350.
80. Ф. 214, ст. 499, л. 311.
81. Там же, л. 314.
82. Там же, л. 319.
83. Там же, л. 315.
84. Там же, л. 308.
85. Там же, л. 309—310.
86. Там же, л. 316.
87. Ф. 214, ст. 985, л. 222.
88. Ф. 214, ст. 494а, л. 454—455.
89. Там же, л. 456.
90. Ф. 214, кн. 353, л. 100об.
91. Ф. 214, кн. 389, л. 135об.
92. Ф. 214, кн. 409, л. 226.
93. Ф. 214, кн. 501, л. 76.
94. Ф. 214, ст. 560, л. 31.
95. Там же, л. 32.
96. Там же, л. 36.
97. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 106.
98. Сафронов Ф. Г. Указ. соч., с. 69.
99. Ф. 1209, оп. 1, Соль Вычегодская, кн. 451, л. 250об.
100. Рябов Н., Штейн М. Не искажать историю! // Дальний Восток. 1954, № 4, с. 183.
101. А. Алексеев. Одиссея Ерофея Хабарова. // Амур — река подвигов. Хабаровск, 1970, с. 216.
102. Амур — река подвигов. Хабаровск, 1983. с. 98.
103. Рябов Н., Штейн М. Указ. соч. с. 164.

ОНОФРИЙ СТЕПАНОВ КУЗНЕЦ И СУДЬБА АМУРСКОГО ВОЙСКА

Уезжая с Амура в Москву, Д. Зиновьев назначил приказным человеком амурского войска Онофрия Степанова Кузнеца. Почему выбор Д. Зиновьева выпал именно на него, неизвестно. До этого о том, что Онофрий Степанов Кузнец чем-то выделялся среди служилых людей амурского войска, нигде не говорится. Правда, был он не рядовым, а десятником. Но десятников было много.

Н. С. Шукин писал:

«Командующим на Амуре сделан Онофрей Степанов, о происхождении и звании этого человека молчат тогдашние деловые бумаги. <...> Был ли Степанов стрелец, или просто охочий, пришёл ли он с Зиновьевым или с Хабаровым, только имя этого человека достойно памяти. Он был герой, не уступавший ни в чём предшественнику своему Хабарову.» [1]

Однако, нельзя сказать, что уж совсем молчат тогдашние деловые бумаги о происхождении и звании Онофрия Кузнеца. Только сведения эти не лежат на поверхности, и поиском их пока что никто не занимался. Мы здесь попытаемся заполнить этот пробел.

Об Онофрии Степанове и его братьях, как о промышленных людях, упоминается еще в таможенной книге оброчного сбора Якутского острога за 1640 год.

«Апреля в 21 день [1640 г.] взят оброк с промышленного человека с Якуньки Стефанова Кузнецова мезенца восемь алтын две деньги. Да явчево взято алтын.» [2]

Эта запись ценна тем, что в ней указано место рождения. Мезень находится в нынешней Архангельской области.

В этой же книге есть запись ещё об одном брате Онофрия Степанова:

«Того ж дни [29 апреля 1640 г.] взят оброк с промышленного человека с Максимка Стефанова Кузнецова восемь алтын две деньги. Явчево взято алтын.» [3]

Неизвестно, с какого года появился на Лене Онофрий Степанов, но первое упоминание о нём встречается в таможенной книге Олёкминского острожка за 149 (1640—1641) год, как о промышленном человеке:

«Того ж дни [20 мая 1641 г.] продали промышленные люди Онофрейко Стефанов, Федосейко Павлов своего промыслу семьдесят два соболи с хвосты ему ж, Офонасью [Фёдорову Гусельникову, торговому человеку — Г. К.] А взяли за те свои соболи семьдесят два рубля. Записной пошлыны взято по алтыну с рубля, итого два рубля пять алтын две деньги.» [4]

В таможенной книге порублёвой пошлыны Якутского острога за 150 (1641—1642) год братья Кузнецовы записаны вместе:

«Того ж дни [13 июня 1642 г.] продали промышленные люди Онофрейко да Якунька Степановы Кузнецовы своего промыслу сорок соболей с хвосты промышленному человеку Первушке Яковлеву Катаеву. Взяли за те свои соболи сорок рублёв. Записной пошлыны взято по алтыну с рубля, итого рубль шесть алтын четыре деньги.» [5]

В приходно-расходной книге Якутского острога за 152 (1643—1644) год имеется запись о поверстании братьев Кузнецовых в службу и о выдаче им хлебного жалованья:

«Июля в 21 день [1644 г.] по памяти стольника и воеводы Петра Петровича Головина дано из государевы казны государева хлебного жалованья из выдельной ржи новоприборным ленским служилым людям, которые повёрстаны в упалые места, в тобольской и в енисейских служилых людей, на нынешней на 152 [1643—1644] год на один месяц, по росчёту на август по пуду по тритцети по восьми гривенок ржи.» [6]

Далее следует пространный список этих служилых людей, и в конце этого списка на л. 20 записано: «Якуньке Степанову, Онофрейку Степанову.»

В окладной книге денежного и хлебного жалованья указаны их оклады:

«Да по расходным книгам прошлого 152 [1643—1644] году новоприборных же 4 человека енисейским окладом:

Оклад денег 5 рублёв с полтиною: десятник Матюшка Михайлов.

Рядовые, оклад денег по 5 рублёв, хлеба всем ровно по 23 пуда по 15 гривенок, по 2 пуда без четверти соли:

Якунька Степанов

Онофрейко Степанов Кузнец

Семейка Иванов.» [7]

В книге выдачи хлебного жалованья на 153 (1644—1645) год имеется запись:

«На нынешней ж 153 год по шти пуд муки ржаной <...> Онофрейку Степанову.» [8]

Более подробные сведения содержатся в расходной книге Якутского острога за 154 (1645—1646) год:

«На устьКуты у государевы соляной варницы служилые люди:

<...> енисейской служилой человек Онофрейко Степанов. А сказал, что холост. <...>

А по справке в Якутском остроге, по росписи, какову подал диак Еуфим Филатов за своею рукою, написано, что тот Онофрейко по расходным книгам прошлого 152 [1643—1644] году в новоприборных, [с] енисейским окладом, прибору одного Петра Головина.

И как в нынешнем же во 154 [1646] году, июня в 15 числе, воеводы Ва-

силей Никитич Пушкин с товарищи в Якутском остроге служилых людей разбирали, и по разборной росписи велели ему, Онофрейку, быть на выбылое на Первушкино место Яковлева Плехана, тобольских холостых.» [9]

А об Якуньке Степанове Кузнецке сказано:

«Написан тот Якунька по росходным книгам прошлого 152 [1643—1644] году в новоприборных, в енисейском окладе, прибору одного Петра Головина сверх государева указного числа.

И в нынешнем во 154 [1646] году, июня в 15 день, как воеводы Василей Никитич Пушкин с товарищи в Якутском остроге служилых людей у смотру разбирали, и велели тому Якуньке быть в тобольских, в Ермачково место Олексеева, которой умре в тюрьме.» [10]

«Сверх государева указного числа» означает, что сверх штатного расписания.

Выражение «одного Петра Головина» употреблялось для обозначения времени, когда воевода Головин, посадив в тюрьму второго воеводу Глебова и дьяка Еуфима Филатова, управлял воеводством один.

Во время зимовки воевод В. Н. Пушкина с товарищами на Ленском волюке в Илимский острог приезжал Онофрий Степанов Кузнец за кузнечной снастью. В книге расхода железа сделана запись:

«Декабря в 7 день [1645 г.] на усть Куты реки к государеве соляной варница для цренного и всякого варничного железного дела кузнечной снасти, что куплена была для государева ленского кузнечного дела в Енисейском остроге, — наковальню и мехи, молот большой, молот малой, пятеры клещи, клюка, обушник — послана та кузнечная снасть с служилым человеком с Онофрейком Степановым. А в остатке той снасти — веретьно точильное.» [11]

В это же время состоялся поход на «братских» людей, в котором принимал участие и Онофрий Степанов Кузнец. Его имя упомянуто в изветной челобитной о неправильных действиях пятидесятника Курбата Иванова. [12]

В походе принимал участие также и брат Онофрия Якунька Степанов Кузнец. О выдаче им хлебного жалованья перед походом записано в наказной памяти усть-кутскому целовальнику:

«153 [1645] году, февраля в 19 день. Память на усть Куты целовальнику Гаврилу Григорьеву.

Выдать бы тебе из государевы казны служилому Якуньке Стефанову Кузнецу на нынешней на 153 [1644—1645], что буде доведётся против прежней отписки, окладу ево, додать рожью сполна, потому что ему итти на службу в браты.

Да брату ево, Онофрейку, выдать ржи его оклад, чем бы ему мочно на государеву службу поднятца.

А что им запасу выдашь ржи, и тебе писать в книги, и о том отписать на Илим к сыну боярскому Алексею Семёнову сыну Бедарёву, целовальником Григорью Прокопьеву сыну Саватееву, Ивану Стефанову сыну Мурошкину.» [13]

В окладной книге 155 (1646—1647) года имеется запись о выдаче хлебного жалованья Онофрию Степанову Кузнецу:

«Того ж дни [16 ноября 1646 г.] дано служилому Онофрейку Степанову

Кузнецу государево хлебное жалованье на нынешней на 155 год в оклад ево дватцать пуд пятнатцать гривенок ржи.» [14]

В 1647 году Онофрий Степанов Кузнец считался годовальщиком. В расходной денежной книге за 156 (1647—1648) год записано:

«Сентября в 11 день [1647 г.] дано государево денежное жалованье Илимского острогу служилым людям-годовальщиком полные их оклады. Дано по пяти рублёв:

Ивашку Овдееву

Семейке Родионову

Оверке Савельеву

Онофрейку Степанову.» [15]

Когда приехал на воеводство Дмитрий Францбеков, Онофрий Степанов Кузнец по-прежнему служил на варнице. В расходной денежной книге, посланной в Сибирский приказ, записано:

«Ануфрейко Степанов Кузнец. В нынешнем во 157 [1648—1649] году при воеводе при Дмитрее Андреевиче Францбекове да при дьяке Осипе Степанове государево денежное жалованье ему, Ануфрейку, на нынешней на 157 год, оклад ево четыре рубли с четью, дано сполна на усть Куты.» [16]

А в фонде Якутской приказной избы имеется книга выдачи денежного жалованья за этот же 157 год, но оклад Онофрия Степанова Кузнеца там почему-то указан больше:

«Того ж дни [20 декабря 1648 г.] дано по указной памяти воеводы Дмитрея Ондреевича Францбекова, дьяка Осипа Степанова государева денежная жалованья служилому человеку кузнецу Онофрейку Степанову на нынешней на 157 год полной годовой оклад пять рублёв.» [17]

Здесь слово «кузнец» употреблено как название должности.

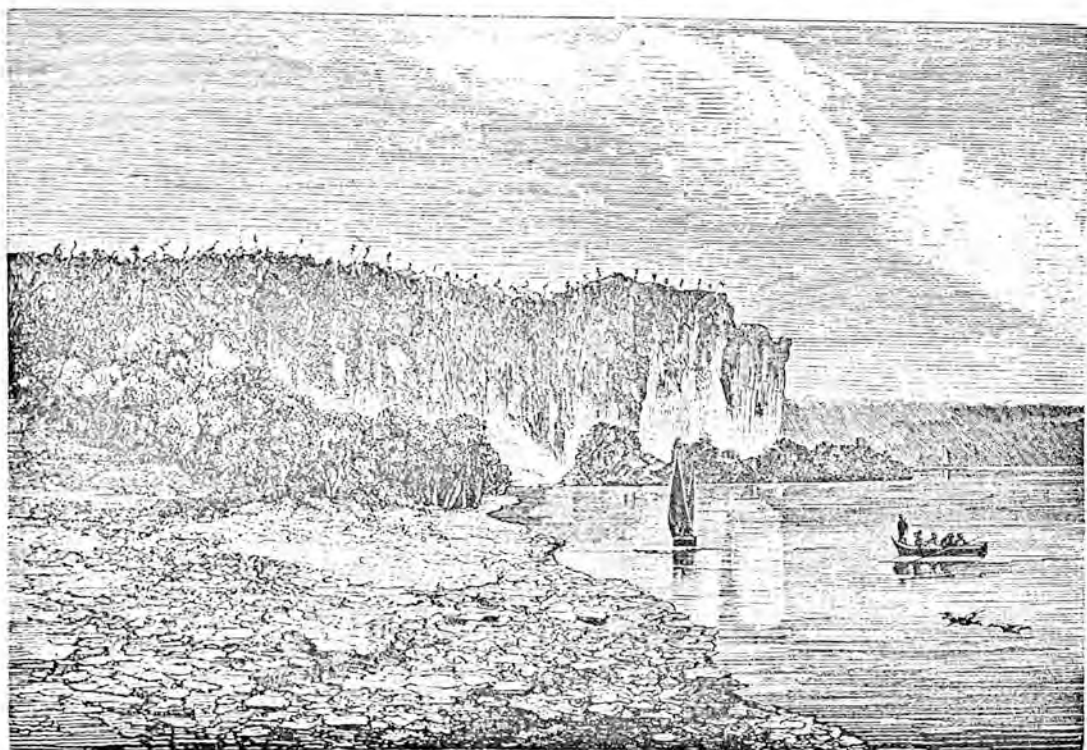
Когда образовалось Илимское воеводство, усть-кутская соляная варница отошла к нему. Служба Онофрия Степанова там закончилась. В одной из отписок в Москву Д. Францбеков сообщал:

«И в нынешнем во 157 [1649] году, августа в 15 день, писал к нам, холопом твоим, с усть Куты от Соли служилой человек Онофрейко Степанов да усольской целовальник Томилко Щепоткин, что сварено у них пятьсот пуд соли. И нагрузив дощаник, тоё соль и к нам отпустить хотели.

И пришед де к ним с Ылимского острогу пашенной крестьянин Мишка Костентинов, а сказал, что прислан де из Енисейска в Ылимской острог от Тимофея Шушерина сын боярской Кирил Незговоровской. И в наказной де у него памяти написано, что де к нам в Якуцкой острог соли давать не велено.» [18]

Но через две недели после получения отписки Онофрия Степанова Кузнеца, тот сам появился в Якутском остроге, о чём свидетельствует запись в приходной книге хлебного целовальника Лучки Степанова и служилого человека Вахрушки Максимова.

«Августа в 30 день [1649 г.] по приказу воеводы Дмитрея Ондреевича Францбекова да дьяка Осипа Степанова принято государевы соли усть-кутцкой вари Якутцкого острогу у служилых людей, у Онофрейка Степанова с товарищи, восемьсот семьдесят девять пуд десять гривенок соли.» [19]

Впадение реки Камары

Количество соли существенно увеличилось по сравнению с тем, что было первоначально нагружено в дощаник. Может быть, соль отсырела.

В выписке из усть-кутских и усольских книг «слово в слово» записано несколько иначе:

«Августа в 7 день [1649 г.] взяли из государевы казны государевы соли по наказной памяти воеводы Дмитрея Андреевича Франзбекова, дияка Оси-па Степанова служилым людем Якутцкого острогу Онофрейко Степанов с товарищи восьмьсот семьдесят пуд соли. А ту они соль, служилые люди, сплавили в Якутцкой острог.» [20]

А ещё через полмесяца после этого Онофрий Степанов Кузнец сам получал соляное жалованье в числе других служилых людей. При получении они дали отпись:

«Се яз, Павел Малафеев
да яз, Анофрей Степанов
да яз, Фёдор Алексеев сын Чюкачев
да яз, Перфирей Огофонов,

Якутцкого острогу служилые люди, взяли из государевы казны государева соляного жалованья:»

Далее расписано, кто сколько взял. Об Онофрии Кузнице записано:

«А яз, Анофрейко, взял на прежние же на 154 [1645—1646] год четыр-натцать гривенок пятьдесят шесть золотников соли, да на 157 [1648—1649] и на нынешней на 158 [1649-1650] год по два пуда бес четверти соли на год.»

После записано, что соль взяли «у целовальников у Вахромея Максимо-

ва да Незговора Трофимова, в том в государеву казну и отпись дали. Отпись писал в Якутском остроге Жданко Кондратьев сын Щепоткин. Лета 7158 [1649] году, сентября в 16 день.» [21]

По-видимому, целовальник Томилко Щепоткин и Жданко Кондратьев сын Щепоткин — одно и то же лицо. Если на усть-кутской варнице получение соляного жалованья для Онофрия Кузнеца не имело большого значения, то после переезда в Якутский острог пренебрегать этим жалованьем уже было нельзя, и он получил недополученное за прошлые годы.

Обратим внимание, что Ерофей Хабаров был в это время на Амуре. А Онофрейко Кузнец записан в «Росписи Якутцкого острогу служилым людем, которые оставлены для служб в Якутском остроге для государевых городовых служб и для ясачного збору в нынешнем во 158 [1649—1650] году.» [22]

После отъезда Онофрия Степанова Кузнеца в Якутский острог илимский воевода Тимофей Шушерин поверстал на его место ссыльного воронежского черкашенина Карпика Никитина Кузнеца, ранее устроенного в пашню на Тутуре, а затем переведённого в кузнецы по Верхоленскому острожку. В одной из отписок в Москву воевода сообщал:

«Да Верхоленского ж, государь, острогу служилому человеку Карпунке Микитину Кузнецу дал я, холоп твой, твоего государева жалованья вперёд на 159 [1650—1651] денег четыре рубли с четвертью да хлеба, ржи, дватцать пять пуд, да соли пуд.

Для того ему, служилому человеку Карпунке Микитине, дано твоё государево денежное жалованье, полной оклад, что ему, служилому человеку Карпунке Кузнецу, велел я, холоп твой, быть на усть Куты у Соли на Онофрейка Степанова место Кузнеца для твоей государевы соляные вари для цыренные починки кузнечного дела до твоего государева указу.

А на нынешней, государь, на 158 [1649—1650] год ему, Карпунке, твоё государево денежное и хлебное, и соляное жалованье не дано, потому что на тот 158 год дано твоё государево жалованье Онофрейку Кузнецу.

А тово Онофрейка Кузнеца свезли от Соли с собою воеводы Дмитрий Франзбеков да диак Осип Степанов в Якутской острог.» [23]

Для уточнения скажем, что воевода приехал в Якутский острог намного раньше.

В другой отписке воевода Т. Шушерин снова писал:

«И об Онофрейке Кузнеце, что воевода Дмитрий Францбеков, Осип Степанов свезли ево от Соли от цыренново дела починки, и свезли с собою в Якутской острог. А ему было, Ануфрейку, то, государь, цыренное дело за обычай.» [24]

Таким образом, Онофрий Степанов Кузнец в полном соответствии со своей фамилией занимался кузнечным ремеслом, починкой цыренов.

А сменивший его ссыльный черкашенин Карпик Никитин Кузнец, поработав некоторое время на соляной варнице, попросился в пашенные крестьяне, стал пахать на левом берегу Куты, напротив соляной варницы, в деревне, которая существует и сейчас, и по его имени названа Карповой. А его сыновья жили в этой же деревне и были соловарями.

Онофрий Степанов Кузнец пришел в амурское войско, видимо, вместе с Хабаровым в 1650 году. В послужном списке Онофрия Степанова сведений об этом нет, поскольку список составлен от имени самого Онофрия Степанова. Как следует из расспросных речей амурских служилых людей, записанных Д. Зиновьевым, в это время Онофрий Степанов был не рядовым, а десятником.» [25]

Из этих же речей известно, что он лично обстреливал из пушки острожек, построенный отделившимися от Хабарова сторонниками Стеньки Васильева Полякова, видимо, был пушкарём. [26]

Что же касается Якова Степанова Кузнеца, то в окладной книге Якутского острога среди служилых людей, повёрстанных в берёзовский оклад, имеется запись:

«Васка Усков. И в нынешнем во 161 [1652] году по отписке из Даурской земли приказного человека Ярка Хабарова, что тот Василей убит, а которого числа не написано, и ноября в 5 день [1652 г.], по помете на выписке диака Осипа Степанова, велено в его, Васкино, место быть Якутсково же острогу служилому человеку Якуньке Степанову Кузнецу.» [27]

В 1656 году он упоминается в Зашиверском острожке на Индигирке:

«164 [1656] году, генваря в 5 день, по государеву указу и по памяти сына боярского Кирила Терентьева сына Венюкова за шиверами в новом ясашном острошке Якутцково острогу служилой человек Яков Степанов Кузнец с товарищи спрашивал янгинского ясашного юкагирия именем Иванду.» [28]

М. И. Белов упоминает «колымского приказчика Якова Степанова Кузнеца», бывшего в этой должности в 1668 году. [29]

В 1675 году он снова упоминается как приказчик Среднего Колымского зимовья. [30]

Примерно через год после отъезда Дмитрия Зиновьева и Ерофея Хабарова Онофрий Кузнец послал отписку в Якутский острог, в которой описал свои действия. Это же самое описано и в другой отписке, которую он послал летом 1655 года после осады Комарского острожка. [31] (Об осаде будет рассказано позже). Между этими двумя отписками есть незначительные разночтения, но содержание одинаковое. За основу возьмём раннюю отписку. В ней написано:

«И как поплыл я, Онофрейко, со всем войском с усть Зеи реки по совету с войском для хлебной нужи и для судов на низ по великой реке Амуру до усть Шингалу, потому что по великой реке Амуру хлеба мало и лесу нет, судов стало делать не из чего, а путь поздний, для того и поплыли на низ сентября в 18 день. И в Шингале реке я, Онофрейко, со всем войском был. И хлеба нагрузя суды, поплыл я, Онофрейко, со всем войском на низ.

И зимовали мы на великой реке Амуре в Дючерской земле, не доплыв Гиляцкие земли. И аманатов поимали, и под тех аманатов государева ясаку собрали вновь. А с которых ясачных людей собрал в прошлых годах Ярофей Павлов сын Хабаров, и с тех ясачных людей государева ясаку имать стало не по чему без книг.

И как зимовал я, Онофрейко, со всем войском, и весною, поделав суды

болшие и струги, в нынешнем же во 162 [1654] году пошёл вверх судами по великой реке Амуру. И иные дючерские люди на дороге государев ясак привозили.» [32]

После этого амурское войско неожиданно для Онофрия Кузнеца стало пополняться новыми людьми.

«И как мы приплыли на усть Шингалу, и тут стоят казаки, приплыли по Амуру реке служилые люди, Мишка Артемьев Кашинец с 50 человеки.

И по их сказкам и по роспросным речам, что они зимовали на великой реке Амуре на усть Торы реки и аманата поимали, и под того аманата собрали государева ясаку 18 соболей. И по их челобитью я, Онофрейко, у него, Мишки Кашинца, служилых людей и аманата принял, и государев ясачной сбор принял же.

Да он же, Мишка Кашинец, перенял против своего острожку, пловут на плотах по великой реке Амуру, двух человек служилых людей Вторку Телёнка да Ивашка Юрьева. А в роспросе он, Вторко Телёнок, сказал, что де в нынешнем во 162 [1654] году, весною, с Тугирского волоку дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев послал их, служилых людей, 8 человек, Сенку Оверкиева с товарищи. И с ними было послано от Дмитрея Ивановича отписки. А государеву де казну, пороховую и свинцовую, и никакие государевы казны на великую реку Амур с Тугирского волоку не послал.

И те де служилые люди, Сенка Косой с товарищи, судом Божиим утонули. И их де осталось толко два человека, он, Вторко Телёнок, с товарищем. И их де перенел Мишка Кашинец с товарищи, как они плыли в плотишке.» [33]

Служилые люди, которые приплыли с Михаилом Кашинцем, были верхоленские беглые казаки из ватаги Васьки Семёнова Черкашенина и Давыдки Кайгорода. Однако, ни того, ни другого среди них уже не было. В числе восьми человек, посланных Зиновьевым к Онофрию Кузнецу, был Васька Черкашенин, и он утонул. А Давыдку Кайгорода Зиновьев повёз обратно на Лену.

Другие подробности содержатся в отписке Михаила Кашинца и в челобитной беглых верхоленских служилых людей. В отписке служилого человека Якутского острога Михаила Артемьева Кашинца якутским воеводам сообщалось:

«Царя [А. М.] воеводе Михаилу Семёновичю да дьяку Фёдору Васильевичу Якуцкого острогу служилой человек Мишка Артемьев Кашинец челом бьёт.

По государеву [А. М.] указу и по наказной памяти послан я, Мишка, на государеву службу из Якуцкого острогу на великую реку Амур Якуцкого острогу с приказным человеком Ярофеем Хабаровым в Даурскую и в Дючерскую, и Гиляцкую землю для ради государева [А. М.] соболиново ясачного збору и для прииску и приводу немирных земель. И я, Мишка, по государеву [А. М.] указу служил я тоё государеву службу на великой реке Амуре 3 года.

И приехал к нам с Москвы от государя [А. М.] ево, государев, посланник дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев с государскою милостию, с ево, государевым, жалованьем, с золотыми. И приехав, он, Дмитрий Зиновьев, по

государеву указу приказново и нас, служивых людей, государевым жалованьем всех жаловал золотыми.

И пожаловав, он, Дмитрий Зиновьев, жалованьем, взял на великой реке Амуре государеву казну и приказного человека Ярофея Хабарова, и служилых людей, поехал с великие реки Амура к государю [А. М.] к Москве. И меня он, Дмитрий Зиновьев, взял с собою.

И на дороге на великой реке Амуре на усть Турки реке встретился с ним, с Дмитрием, плывут вниз по великой реке Амуру, промышленные люди 50 человек, Василий Семёнов Черкашенин с товарищи. А пришли они с верх Лены реки.

И тот Дмитрий Зиновьев по государеву указу меня, Мишку, с ним тут против тоё Турки речки на лугу оставил. И дал мне по государеву указу наказную память. И велел мне меж ними росправу чинить, и с даурских и тунгуских людей ясак збирать, и к государьской милости даурских и тунгуских людей призывать ласкою, а не жесточью.

И я с теми охотниками поставил зимовье, две избы и с нагороднями, и с острогом. И к тому зимовью даурские люди, человек со 100 и больше, приходили. И я в зимовье призывал к государьской милости с ясаком. И те даурские люди праведному государю учинились непослушны, и в государеве ясаке мне отказали. Где де нам взять соболи, живём де мы от вас в побегах пятой год.

И с тоё поры, как переговорились, те даурские люди учили под нами лежать и стеречь, и за караулом держать, изжидая времени, как бы им нас побить.

И, Божиею милостию, а государским щастьем, наши охочие подсмотрели и, пришед, мне сказали. И я, прося у Бога милости, с теми охотниками, из зимовья вышел, караульщика и вестовщика их схватил, и в зимовье даурского мужика спрашивал про тех даурских людей, хотят ли те даурские люди впредь государю ясак с себя платить, или нет. И тот даурской мужик в роспросе сказал: только де вы меня отпустите, и те де даурские люди с себя ясак дадут, которые моего роду. А иные де даурские многие люди не хотят платить. А под тово даурского мужика роду и иные мужики привезли 18 соболей.

И те даурские люди к зимовью приезжали и, приехав, приступали накрепко. И на том приступе даурские люди убили служилого человека Терёшку Тимофеева двинянина, И я, Божиею милостию, с теми охочими людьми в том зимовье в осаде отсиделся.

И дожидались Дмитрея Ивановича указу и казны государевы с Тугиря, что хотел он прислать с Тугиря на Амур государевы казны. И государевы казны Дмитрий Иванович не послал. И которых послал Дмитрий Зиновьев с отписками к Онофрею Степанову и мне, Мишке, и всему войску и те люди судом Божиим пониже Албазина, плывса, потонули.

И я дождался, в зимовье живучи и ожидавчи казны от него, Дмитрея Зиновьева. Только я, Мишка, дождался: по Амуру плывут на салишке травяном, перенял двух человек по имени их Вторко Иванов Телёнок да Ивашка Юрьева Вятку.

И я, Мишка, спрашивал про их поход, как они посыланы от Дмитрея

Зиновьева с отписками. И Вторко Иванов в роспросе сказал, что де я, Вторко, был у него, Дмитрея Зиновьева, с отписками на великую реку Амур к приказному человеку к Онофрею Степанову и ко мне, Мишке, и великому войскому.

А пошёл де он, Ивашко, своею охотою, и Васка Семёнов [Черкашенин — Г. К.] . И послано де с отписками 8 человек. И по грехом те люди и отписки потонули. И Божиею милостию два казака живы по имени их Вторко Иванов Телёнок да охочей казак Ивашко Юрьев Вятка. И тот Вторко был послан с отписками, а Ивашко Вятка в том походе пошёл своею охотою от него, Дмитрея Зиновьева.

И мне, Мишке, оставил наказную память. И в наказной памяти писал он, Дмитрий Зиновьев, ставить бы мне, Мишке, острог на Усть-Урки. И велел он, Дмитрий Зиновьев, приготовить запаса тысяч на пять

И, Божиею милостию, а государским щастьем, пошёл вверх по Амуру, изымал даурского мужика. И назвался боканом. И я спрашивал про него, что де ты ли князец у себя в улусе. И он сказал: князец де у нас у девяти юрт Кичамой, а он назывался Доктыря. И ясак под него привезли даурские мужики. А называл ево Качамою.

А привезли под него восмьнатцать соболей. И я государеву казну и аманата отдал, и служивые люди приказному человеку Онофрею Степанову наруки. И в том мне приказной человек, приёмщик, отписи не дал ни в казне, ни в аманате, ни в вольных служилых людех.» [34]

Речка, на устье которой зимовали беглецы, в отписке Михаила Кашинца названа Туркой, а в челобитной охочих служилых людей Торой. В отписке Михаила Кашинца также сказано, что Василий Семёнов черкашенин, плывший вместе с Вторкой Ивановым Телёнком и Ивашкой Юрьевым Вяткой, утонул ниже Албазина. Значит речка Турка, она же Тора, находится ниже Албазина. В 250 км ниже Албазина был посёлок Торой. [35]

Сейчас это пристань Кузнецово на мередиане железнодорожной станции Тыгда, в 29 километрах ниже пристани Черняево. У пристани Кузнецово впадает в Амур левый приток Ольга. Это и есть речка Тора.

А речка Урка, на устье которой Зиновьев указал строить острог, находится выше Албазина. Значит, по приказу Зиновьева беглые служилые люди и пашенные крестьяне должны были с этого места подняться вверх по Амуру и там строить острожек.

В этой отписке сообщается, что один из главных заводчиков побега на Амур Васька Семёнов Черкашенин утонул. Вторко Иванов Телёнок в одном из документов упоминается как человек Панфила Яковлева. В послужном списке Онофрия Степанова он записан среди охочих служилых людей, которые пришли с Ерофеем Хабаровым во втором приходе. Значит, до этого он уж был в амурском войске. А вот Ивашко Юрьев Вятка не был, он записан последним среди охочих служилых людей, пришедших с Михаилом Кашинцем.

А в челобитной беглых верхоленских служилых людей, которую они подали Онофрию Степанову Кузнецу, написано:

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои государевы, охочие амурские

служилые люди, десятники и рядовые, Якунька Никитин с товарищи, сорок восемь человек.

В прошлом, государь, во 161 [1653] году, перешед мы, холопи твои, за волок на Амур реку, и встретил нас, холопей твоих, твой государев дворянин Дмитрий Зиновьев, и нас, холопей твоих, с твоей государевы службы ворочал назад, и оружие у нас, холопей твоих, у иных побрал, и борошнишко наше к себе прибрал, и бил нас, холопей твоих, на правеже день. А правил на нас 600 рублёв, а с правежу нас, холопей твоих, ставил в полон сильно. А правил он, Дмитрий, на нас, холопех твоих, сборы, неведомо какие.

И мы, холопи твои, не могли ево, Дмитриевы, изгони стерпеть и правежу перестоять, и подали челобитную ему, Дмитрею, служить тебе, государю, по Амуру реке твоя государева служба вниз и вверх, и по сторонним рекам.

И он, Дмитрий, оставил нам, холопом твоим, приказным человеком служилого человека Михаила Кошина [Кашинца — Г. К.]. А велел нам, холопом твоим, служить тебе, государю, на усть Урки реки, и пашню пахать, а приготовить велел нам, холопом твоим, запаса на 500 и на 600 человек.

И мы, холопи твои, зимовали на Амуре реке на усть Торы реки от даурских людей в осад[е], и перезимовав, мы, холопи твои, на усть Торы реки, и поплыли вниз по Амуру к амурским казакам, что нам служить твоя государева служба на усть Урки реки теми людьми невозможно и пашни пахать невозможно ж.

И приплыв мы, холопи твои, к амурским казакам, и пошли вверх по Шингалу. И на Шингале встретили нас, холопей твоих, богдойские воинские люди. И з богдойскими людьми дрались мы, холопи твои, по 3 дни. И з Шингалу нас, холопей твоих, богдойские воинские люди выгнали и хлеба не дали. И мы, холопи твои, пошли с усть Шингалу вверх по Амуру и примали великую нужу без хлеба, и впредь мы, холопи, прокормитьца не ведаем где.

<...> Вели, государь, сию челобитную принять на Амуре реке приказноиу человеку Онофрею Степанову и, приняв, подклеить под (от)писку и послать к тебе, государю, к Москве.» [36]

Вернёмся к отписке Онофрия Степанова Кузнеця.

«И того ж дни, как встретились с служилыми людми, с Мишкою Кашинцом с товарищи, по совету с войском и с ясаулы я, Онофрейко, судами пошёл вверх в великую реку Шингал маия в 20 день приводить неясачных дючерских мужиков под государеву царскую высокую руку и для ради хлеба. И по Шингалу реке бежали парусами 3 дни.

И июня в 6 день тут нас встретила богдойская большая сила с пушки и с пищали. И с тою богдойскою силою дело поставили. И дралися те богдойские люди, конные на конех, а пешие в стругах. И билися те богдойские люди из большого бою, из пушек и пищалей. А били они из тех пушек по нашим судам. А дралися они из-за туров и из-за валов земленых.

И по совету со всем войском отпустил казаков в стругах. И Божиею милостию и государским счастьем тех богдойских ратных людей из стругов на берег выбили. И на берегу те богдойские люди стали в крепком месте, из-за валов учили с нами драться. И на том приступе многих служилых людей на

том бою ранили. И нам с теми богдойскими людьми драгца стало невозможно, потому что в государеве казне пороху и свинцу нет, Дмитрий Иванович Зиновьев государевы казны с Тугирского волоку не прислал. <...>

А хлеба нам в Шингале взять не дали. И мы выплыли из Шингалу реки, и побежали парусами на судах вверх по великой реке Амуру по совету со всем войском.» [37]

И тут опять амурское войско пополнилось новыми служилыми людьми. В той же отписке Онофрий Степанов Кузнец сообщал:

«Да в нынешнем же во 162 [1654] году приплыли по великой реке Амуру из Байкалова от сына боярского от Петра Бекетова служилые люди 34 человека и подали челобитную, что де приплыли они для ради хлебной скудости и нужи. И я, Онофрейко, по их челобитью тех служилых людей принял.» [38]

А далее Онофрий Степанов Кузнец получил весть о гибели Третьяка Чечигина с товарищами, посланных Дмитрием Зиновьевым в Китай с грамотами.

«И после того я, Онофрейко, ездил в стругах, взяв служилых людей в поход, по великой реке Амуру. Июля в 4 день в том походе поймал я, Онофрейко, никанского мужика. И он в роспросе сказал, что де он полонён велик из Никанского царства, а полонил де его богдойской царь, и продан де он в Дауры в холопи.

И того ж числа изымали в походе дючерскую жёнку, а та дючерская жёнка Тоёнчина жена. И спрашивана та Тоёнчина жена, что отпущены были от Дмитрея Ивановича Зиновьева к богдойскому царю служилые люди пять человек:

Тренка Ермолаев Чечигин

Васка Панфилов

Ивашка Щипунов

Власка Иванов

Томилко Васильев.

И та Тоёнчина жена в роспросе сказала: посланников убили де они, дючерские люди, его, Тоёнчины, братья Ортоко да Есюня с своими родники и со всеми улусными людьми. Да в том же де убийстве были с ними Килановы родники и его, Килановы, улусные люди, а убили у себя в юртах. А живот де их, казачей, по себе розделили. А вести де к богдойскому царю не держали про них.

А в прошлых годах те Тоёнчины братья государю [А. М.] шертовали и ясак с себя давали А тот де их брат Тоёнчи сидит в оманатех. А ныне государю царю изменили, посланников побили.

И я, Онофрейко, по совету с служилыми людьми, ходил на них в поход, на тех изиенников, и тех его братьев Тоёнчина не мог сыскать.

А те посланники даны были им наруки, Тоёнче и его жене, и его братьям. А тех служилых людей, государевых посланников, убитых, по юртам многие признаки находили: зипунные и штанные, и рубашечные, и чюлошные, и сапожные, и вершечные обрезки. Да их же, убитых, нашли котлы и топоры, и сковородку, и нож, и от лядунок наконечники, и от натрусков набойки,

и от поясов пряжи и запряжники, и наконечники, и выбойки от пологу, и заболташи пулешные, а то все лоскутные, резаные.» [39]

А далее в амурское войско прибыл сын боярский Пётр Бекетов с остальными своими людьми.

«И того ж дни встретился мне, Онофрейку, пловёт на плотях по великой реке Амуру сын боярской Пётр Бекетов из Байкалова с дватцатью человеки. И он в роспросе сказал, что де они поплыли сверху для хлебной скудости и нужи. И те его служилые люди подали мне, Онофрейку, челобитную. И я, Онофрейко, по их челобитью тех служилых людей принял до государева указа. А он, Пётр Бекетов, со все[м] войско[м], приплыв, бил челом, чтоб ему жить на великой реке Амуре до государева указа.

И после того приплыли по великой реке Амуру его ж, Петра Бекетова, войска девять человек. И по их челобитью к себе в полк принял же.» [40]

Во второй отписке Онофрий Степанов Кузнец поясняет, что челобитье было словесным:

«А Енисейского острогу сыну боярскому Петру Бекетову я, холоп твой, велел быть на великой реке Амуре до твоего государева указа по ево словесному челобитью.» [41]

Позже Пётр Бекетов и его служилые люди так объясняли в челобитной своё прибытие в амурское войско:

«В прошлом, государь, во 160 [1652] году по твоему государеву указу велено мне, холопу твоему, [с] служилыми людьми быть на твоей государеве службе на великой реке Шилке, на усть реки Нерчи реки у острожново поставленья и для твоего государева ясачному збору, и вновь землеце приводу под твою государеву царскую высокую руку, и для проводывания серебряные руды.

И приехав изгоном к нам, холопом твоим, изгоном [так в тексте — Г. К.] многие тунгуские люди войною, и нас, холопей твоих, на усть Нерчи реки осадили, и острогу поставить нам, холопом твоим, не дали по твоему государеву указу, где нам, холопам твоим, велено поставить твой государев острог на усть Нерчи реки. И к нам, холопам твоим, приступали, и по нас стреляли, и твои государевы пашенные лошади, и мои, Петрушкины, и наши, казачьи, отгонили, и твой государев пашенной насеяной яровой хлеб и наш весь вытоптали.

И Божиею милостию и твоим государевским счастьем, прося у Бога милости, я, холоп твой, [с] служилыми людьми от тех твоих государевых изменников отбились.

И держали нас, холопей твоих, те изменники в осаде многое время, и рыбёнка ловить не дали, и по траву и по коренье не отпускали, и морили нас, холопей твоих, голодною смертью, видя нас, холопей твоих, немногочисленных.

А прежде тово те изменники тебе, великому государю, с себя и с своих улусных людей твой государев ясак платили.

И я, холоп твой, писал для ведома в Енисейской острог к твоему государеву воеводе Афонасью Филиповичю Пашкову о их иноземской измене и приходу на нас, холопей твоих. А тово мы, холопи твои, не ведаем, те отписки дошли ли или нет в Енисейской острог к твоему государеву во-

еведе Афонасью Филиповичю Пашкову, потому, государь, что путь стал в Енисейской острог дальней, и земля, государь, вся стала в откладе и в шатости.

И мы, холопи твои государевы, от тех твоих государевых изменников, тунгуских многих воровских людей, з голоду и с великой бедности сплыли по великой реке Шилке и по великой реке Амуру кормитьца. И приплыл я, холоп твой, с служилыми людьми к амурскому приказному человеку к Онофрею Степанову и ко всему войску амурскому, казакам и служилым.

[И служу], государь, я, холоп твой, с служилыми людьми с приезде свое-во на великой реке Амуре твою государеву службу всякую вряд с амурскими служилыми людьми повальную.» [42]

Далее Онофрий Степанов Кузнец писал, что он не смог выполнить наказ Дмитрия Зиновьева о постройке острогов.

«Да в нынешнем же во 162 [1653] году, как поехал Дмитрий Иванович Зиновьев к государю к Москве, и оставил мне, Онофрейку, наказную память. А в той наказной памяти написано: велено на Лавкаевском острожном месте острог поставить. И быть нам велел тут до государева указу. И запасов хлебных всяких для прибылых государевых служилых людей тысяч на пять или на шесть на год времени и болше велел изготовить.

Да мне же, Онофрейку, дал другую наказную память вневолю же, А в той наказной памяти написано: велено острог поставить на усть Урки в стрелке. А другой поставить на усть реки Зеи меж реками Амуром и Зеею. И те остроги нам ставить стало нельзя, потому что стоят драки сильные с богдойскими людьми.

А хлеба по великой реке Амуру ноне мало, потому что которые иноземцы жили по Амуру, и тем иноземцам богдойской царь хлеб сеять не велел, а им, иноземцам, велел сойти к себе на Наун. А иные многие даурские люди на Наун и сошли по его веленью. И мы ныне хлебом гораздо нужны.

И ведомо нам учинилось: которых языков в походах имали и те языки роспрашиваны, а в роспросех они сказывают, что де после нас богдойские люди на усть Шингалу крепь ставят и в Шингал реку нас для хлеба пускать не хотят. А в Шингал реке хлеба много.

Да он же, Дмитрий Зиновьев, велел с служилых людей десятую пошлину собирать. И я, Онофрейко, с тех служилых людей десятую пошлину прошал с погромного их живота. И те служилые люди десятую пошлину не платят. И к сказкам своим руки прикладывали, что де у них посланы челобитные к государю к Москве, и они де до государеву указу десятую пошлину не платят.» [43]

В челобитной написано:

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, амурские служилые люди и охочие волные казаки, десятники и рядовые:

Мишка Артемьев Кашинец

Ивашко [Игнатъев] Манзурьев

Дмитрейко Никитин

Ярофейко Михайлов

Антонко Евсевьев

Дмитрейко Назарьев
 Ивашко Ефимов Квашнин
 Козёмка Москва
 Ивашко Терентьев [Годовиков]
 Дмитреёко Алексеев Кочкин
 Онофрейко Дмитриев [Салдат]
 Артюшка Филипов [Петриловской]
 Семейка Иванов
 Ивашко Самойлов [Молоков]
 Евсячко Фатьянов Гурылёв
 Ивашко Гаврилов Телятев
 Васка Иванов Митропольщина
 и рядовые служилые и охочие волные казаки.

Служили мы, государь, твою государеву службу на великой реке Амуре в твоей государеве заочной вотчине в дальней, в Даурской и в Дючерской, и Гиляцкой земле шесть лет со 158 [1649—1650] и со 159 [1650—1651] году до 163 [до 1 сентября 1654] году. А служили мы, государь, холопи твои без твоего государева денежного и хлебного жалованья, и соляного.» [44]

Обратим внимание на то, что в числе челобитчиков упомянут Ивашко Ефимов Квашнин.

Далее в челобитной описывается приезд на Амур Дмитрия Зиновьева. Эта часть челобитной приведена в главе о приезде Зиновьева на Амур. Поэтому её опускаем. А далее в челобитной написано:

«Да он, Зиновьев [написано: Зиновей — Г. К.], поедучи от нас, холопей твоих, оставил на великой реке Амуре приказному человеку Онофрею Степанову наказную память. И впредь, государь, он, Дмитрий Зиновьев, велел с нас, холопей твоих, имать твою государеву десятую пошлину с наших погромных животишек, с мяжкой рухледи, твоей государевы десятой пошлыны, и наших, государь, ясыришек у нас, холопей твоих, сильно имать безденежно, и к иноземцам отпускать безвыкупно. А мы, государь, холопи твои, на той свой погромной животишек и ясыришко купим меж себя порох и свинец, и тем служим твою государеву службу.

Милосердый государь [А. М.], пожалуй нас, холопей своих, для ради своей заочные дальные службы и для нашей бедности и нужи, и за наше службишко, и терпение, и за кровь. Вели, государь, нас пожаловать своим царским жалованьем. Не вели, государь, впредь [имать десятую с] нас, холопей своих, на великой реке Амуре с наших погромных животишек.

А с великой реки Амуру мы, холопи твои, от твоей государевы казны сойти не смеем без твоего государева указа. А ожидаем мы, холопи твои, от тебя, праведного государя, милости и твоего царского указа, что ты, государь, укажешь.» [45]

Далее Онофрий Степанов Кузнец писал:

«А буде, государь [А. М.] изволит послать вперёд своих государевых воевод и служилых людей на великую реку Амур, и им итти с великим береженьем, потому что богдойские люди их бы где на дороге не перебили. А хлеба на Амуре мало. А у богдойских людей, как они из пушек стреляют, из тех

их пушек емлют версты на 2 и больше. А у нас в войске государева снаряду одна пушка, и та полковая, да 2 железных малых.» [46]

Служилые люди, приехавшие на Амур с Дмитрием Зиновьевым, государева жалованья не получали, были недовольны службой на Амуре, и стали проситься домой.

«Да в нынешнем же во 162 [1654] году подавали челобитную служилые люди, которые оставлены от Дмитрея Ивановича Зиновьева. А в челобитной их написано, чтоб государь пожаловал их: велел отпустить в русские сибирские города. И я тех служилых людей с великия реки Амура по их челобитью не отпустил без государева указа, потому что войско мало, драки стоят частые, некому государева служба служить.» [47]

В челобитной служилые люди писали:

«Государю [А. М.] быют челом холопи твои, разных городов: тобольские и тюменские, и сургуцкие и верхотурские, и Туринского острожку десятники и рядовые служилые люди Симанко Захаров [далее перечислено большое количество имён — Г. К.] с товарищи.

В прошлом, государь, во 160 [1652] году по твоему государеву [А. М.] указу и по твоим государевым грамотам посланы мы, холопи твои, на твою государеву службу на великую реку Амур в новую Даурскую землю с твоим государевым дворянином Дмитрием Зиновьевым.» [48]

Далее описан их поход на Амур. Эта часть челобитной приведена в главе о поездке Дмитрия Зиновьева на Амур. Поэтому её опускаем. А далее в челобитной написано:

«А пошёл, государь, он, Дмитрей Зиновьев, к тебе, государю, к Москве с великие реки Амура с твоею государевою ясачною казною и оставил нас, холопей твоих, на твоей государеве службе в новой Даурской земле нужных и бедных, голодных и холодных.

И ныне, государь, мы, холопи твои, служим тебе, государю, на великой реке Амуре без твоего государева жалованья.

А держали, государь, мы, холопи твои, дощаники здесь на великой реке Амуре на твои государевы службы. И становилися, государь, нам, холопам твоим, те дощаники по 300 рублёв. И от тех дощаников обдолжали великими неоткупными долги.

А с твоей государевы службы по городам без твоего государева указа сойти не смеем. И у нас, государь, холопей твоих, по городам женишка и де-тишка по миру скитаютца. <...>

Вели, государь, про ту ево, Дмитрея Зиновьева, изгону сыскать и по сыску свой государев указ учинить, за что, государь, мы, холопи твои, служим тебе, государю, на великой реке Амуре бедны и нужны, без твоего государева жалованья, по городам без твоего государева указа сойти не смеем.

И о том что ты, государь, укажешь?» [49]

Вернёмся к отписке Онофрия Степанова Кузнеца. Далее в ней написано:

«Да он же, Дмитрей Зиновьев, отпустил аманата, лутчего даурского князца Лаптая в Даурскую землю. А того князца войском поимали в походе, а доступали мы того князца 5 годов.

Да он же, Дмитрей Зиновьев, написал в наказной памяти, что де есть

преж сего в государеве казне хмель, а тот хмель велел держать для иноземцов. И я, Онофрейко, в государеве казне хмель не сыскал, и целовальников допрашивал про тот хмель. И те целовальники сказали, что де в приём у них в государеве казне хмелю никакого нет.

Да в нынешнем же во 162 [1653—1654] году собрано государева ясаку после Дмитрея Зиновьева, августа по 2 число, с иноземцов вновь 28 сороков 36 соболей да 6 шуб соболевых, а в них 74 пластины соболевых, да малахай хвостовой соболей, крыт камкою цветною, да две лисицы чернобурых, да ... лисья.

И ту государеву ясачную казну послать стало нельзя, потому что земля вся сколыбалась, драки стоят частые, с малыми людьми слать стало невозможно, чтоб над государевою казною иноземцы дурна не учинили. А с большими служилыми людьми выслать надобе людей много, а у нас в войске служилых людей мало.

И августа во 2 день я, Онофрейко, расспрашивал никанского мужика про Никанское царство. И он сказал, что де он полонён невелик, сказать де он не помнит. Да он же в роспросе сказал про войско богдойское, что де то войско богдойское послано на усть Шингалу на 3 годы, жить де им велел богдойской царь на усть Шингалу. А с ними де велел воеватьца и в Шингал реку пускать не велел. А прислано де войска 3000, и на прибавку де он хотел прислать войска ещё 2000, кроме дючерских и даурских людей.

И того ж августа во 2 день сын боярской Пётр Бекетов ясачной сбор отдал, 10 соболей, что де он, Пётр, пловучи по великой реке Амуру, взял государева ясаку с даурских ясачных людей, которые платили в прошлых годах. И я, Онофрейко, ясачной сбор принял.

Да в нынешнем же во 162 [1654] году, июня в 6 день, и в розных числах ясаулу Трофимку Никитину да Симанку Захарову в кругу всё войско от ясаульства им, ясаулом, отказали. А те ясаулы были написаны в наказной памяти от Дмитрея Зиновьева.» [50]

Почему отказали есаулам, Онофрий Степанов Кузнец не сообщает. Но обратим внимание на дату. 6 июня — это день, когда произошла стычка с богдойскими людьми на Шингале. Новыми есаулами были избраны Тимошка Федотов и Олёшка Кирилов. [51]

Далее Онофрий Степанов Кузнец писал:

«Да в нынешнем же во 162 [1654] году бил челом государю и подавал челобитную мне, Онофрейку, служилой человек Ганька Иванов Безотцов, чтоб его в русские сибирские города отпустить для его нужи и увечья, которой приплыл из Байкалова после сына боярского Петра Бекетова. И я, Онофрейко, его, Ганку, по его челобитью отпустил, для того что он государевы службы служить не годен.

И я Онофрейко со всем войском по великой реке Амуру идём вверх судами, и буде где хлеба на Амуре можем набрать, и тут мы зазимуем.

А посланы с сими отписками служилые люди Герасимко Максимов, Пронка Григорьев с товарищи, 9 человек. И с ними же, служилыми людьми, послан от сына боярского Петра Бекетова с его, Петровыми, отписками Ивашко Литвинов.

Да в нынешнем же во 162 [1654] году амурские служилые люди и волные

охочие казаки, и которые служилые люди оставлены от Дмитрея Зиновьева, и Верховенского Брацкого острожку, и волные охочие казаки подали челобитные мне, Онофрейку. И те их челобитные принял и, подклея под сю отписку, послал к вам, государевым воеводам.» [52]

В этой челобитной написано:

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои, илимские и верхоленские служилые люди:

Пронька Дмитриев [Кислой]
Захарко Леонтьев
Мелешка Архипов
Афонка Гаврилов [Портняга]
Федька Семёнов [Львов]
Афонька Данилов [Смагин]
Мишка [надо: Тимошка] Федотов Муха
Офонька Гаврилов [записан второй раз]
Семейка Иванов усолец [Краснопев]
Лёвка Ярофеев
Семейка Иванов [записан второй раз]
Омелька Андреев
Мартынко Кипреянов
Гришка Павлов
Гаврилко Васильев.

В прошлом, государь, во 160 [1652] году, в мае месяце, сошли мы, холопи твои, в изгони от твоего государева воеводы от Богдана Денисьевича Оладына с Илимского и Верховенского на твою государеву службу в новую Даурскую землю.

И ныне, государь, мы, холопи твои, служим тебе, государю, в Даурской земле во всем войске с приказным Онофреем Степановым и служилыми людьми вместе, и твою государкву казну оберегаем заедино.» [53]

Далее они описывают злоупотребления воеводы Богдана Оладына. Эта часть челобитной приведена в главе о поездке Дмитрия Зиновьева на Амур, поэтому её опускаем. А в конце челобитной написано:

«И ныне мы служим тебе, государю, в новой Даурской земле с войским без твоего государева жалованья и за тебя, праведного государя, головы свои складываем и кровь свою проливаем.

А ожидаём мы, холопи твои, на твоей государеве службе твоего государева указу.

Милосердый государь [А. М.] .Пожалуй нас, холопей своих, своим государевым жалованьем, хлебным и денежным, для твоей государевы новой дальней службы.» [54]

С кем были посланы эти отписки и челобитные, Онофрий Степанов Кузнец сообщал в следующем году:

«В прошлом, государь, во 162 [1654] году писали в отписках [с] служилыми людьми с Пронькою Григорьевым, з Гаранькою Максимовым с товарищи, с осмью человеки, в Якуцкой острог к стольнику и воеводе к Михайлу Семёновичю Лодыжинскому да к дьяку к Фёдору Васильевичю. А послать,

государь, их, служилых людей, с отписками к тебе, государю [А. М.] к Москве мимо Якуцкой острог стало нельзя, потому что люди небольшие, по великой реке Лене протить им не мошно, для того, государь, посланы те служилые люди с отписками и с челобитными в Якуцкой острог.» [55]

Имена всех служилых и охочих людей здесь не указаны, но они перечислены в таможенных книгах Якутского острога, так как пришли не с пустыми руками. В таможенной книге за 163 [1654—1655] год записано:

«Сентября в 23 день [1654 г.] выдано из Съезжей избы даурским служилым людям даурсково их погромной мяхкой рухляди:

Служилому Федьке Иванову Кудре выдано пять соболишек плохих; три лоскутьишка, шиты ис побочин соболях. Десятую платил того ж дни.

Служилому Петрушке Авксентьеву выдано сто девяносто хвостышек соболях. Десятую платил того ж дни.

Ивашку Григорьеву Литвинову выдано десять соболей; лисица красная, драная; лоскутьё соболе и остредишка хвостовые соболя. Десятую платил того ж дни.

Служилому Алёшке Лазареву выдано шубёнка иноземское, а в ней сшито семнатцать соболей и с пупками; да два малахая хвостовых соболях; да лоскут, шит из хвостышков худых соболях же. Десятую платил того ж дни.

Новоприборному служилому ж человеку Гришке Семёнову важанину выдано шездесят соболишек плохих, без лап и без хвостов; десять малахеев хвостовых соболях; двенатцать лоскутов, шитых из побочин соболях; пластина, шита из соболей с пупками; тритцать шесть пупков соболях. Десятую платил того ж дни.

Служилому Проньке Григорьеву выдано две шубы соболя в пластах; четыре пласта соболя, шиты в шубу ж; лоскутьё соболе; да шуба соболя пластинная. Десятую платил того ж дни.

Служилому Гарасимку Максиму выдано кавтан недособолей в пластинах; да два пласта, шиты из соболей же; лоскутьё соболе; три малахая хвостовых соболях. Десятую платил того ж дни.» [56]

Этот Гарасимко Максимов был главным среди приехавших. Со служилыми людьми прибыл также охочий служилый человек Никифор Хабаров. В своей челобитной, написанной в 1655 году, он сообщает:

«И в прошлом, государь, во 162 [1654] году с Амура реки приказной служилой человек Онофрей Степанов послал меня, холопа твоего, с служилыми людьми, с Гарасимом Максимовым с товарищи, всех десять человек, с отписки в Якуцкой острог.» [57]

В упомянутой таможенной книге за 163 [1654—1655] год записано:

«Микифорку Павлову сыну Хабарову выдано десять шубёнок иноземских соболях пластинных да восемь малахайишков хвостовых соболях. Десятую платил марта в 4 день.» [58]

Один из этих людей, Гришка Семёнов, записан как новоприборный, на самом же деле было двое. Вторым был Петрушка Авксентьев. Его ещё называли Петрушка Остафьев Шадра. В другой таможенной книге за этот же 163 [1654—1655] год он назван новоприборным:

«Сентября в 23 день [1654 г.] у новоприборного служилого человека у

Петрушки Авксентьева с погромных со ста з девяноста хвостов собольих десятой девятнатцать хвостов собольих взято.» [59]

Есть челобитная о поверстании их в убылые оклады:

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои государевы, охочие амурские служилые люди Петрушка Аксентьев да Гришка Семёнов.

Служили мы, холопи твои, твою государеву службу в твоей государеве во[т]чине в дальней земле, в Даурской и в Дючерской, и в Гиляцкой на великой реке Амуре без твоего государева жалованья, без хлебного и без денежного.

А подымались мы, государь, холопи твои, на тоё твою государеву службу в 158 [1650] году из Якутцкого острогу на своих проторех. А становилися, государь, нам, холопом, те подъёмы рублёв по пятьдесят и больше [написано: польше]

А служили, государь, мы, холопи твои, яз, Петрушка, со 158 [1650], яз, Гришка со 159 [1651] году и до 163 [1654] году, покупаячи оружие и свинец, и порох дорогою ценою на твоей государеве службе, одолжали великими долгами, бедность и нужи терпили, разны[е] принимали, кровь свою проливали.

Милосердый государь [А. М.] пожалуй нас, холопей своих, для ради твоей государевы дальние службы и для ради нашии бедности и нужи, за наше службишко и терпение, и за кровь. Вели, государь, стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыжинскому да дьяку Фёдору Тонково поверстати в свою государеву службу в упалые места, вместо умершаго казака Ивашка Мартемьянова в берёзовские оклады да вместо збеглово Якуньки Васильева, берёзовской же оклад.» [60]

По листам — скрепа, в конце плохо читается: «163 [1655], июля 2 день. Велеть охочим амурским служилым охочим людеи Петрушке Аксентьеву ...»

Обратим здесь внимание на одну тонкость. Челобитная о поверстании в служилые люди подана 2 июля 1655 года, а в таможенных книгах они уж 23 сентября 1654 года записаны как новоприборные. Это произошло, видимо, потому, что таможенные книги начисто переписывались уже после подачи челобитной.

Об упомянутых здесь убылых служилых людях Ивашке Мартемьянове и Якуньке Васильеве Берликове имеются записи в окладной книге Якутского острога за 163 [1654-1655] год:

«Ивашко Мартемьянов. В нынешнем во 153 [1654] году по скаске служилых людей Гараньки Максимова да Проньки Григорьева, что де тот Ивашко в прошлом во 162 [1654] году в Даурской земли убит <...>

Якунька [Васильев] Берликов. В прошлом во 168 [1650] году послан на государеву дальнюю службу в новую Даурскую землю. И в нынешнем во 163 [1654] году, сентября в 23 день, Якутцкого острогу служилые люди Гаранька Максимов с товарищи подали записку: тот Якунька з Даурского волоку з дороги збежал.» [61]

Видимо, этот Якунька Берликов был восьмым среди посланных Онофрием Степановым людей.

Вернёмся снова на Амур. В отписке, посланной в 1654 году, Онофрий Степанов Кузнец сообщал:

«Да в нынешнем, государь, во 163 [1654] году, осенью, шли мы, холопи твои, с усть Зеи реки вверх по великой реке Амуру, и лёд, государь, пошёл. А до того Лавкаева острожку не мог дойти. А зимовали мы, холопи твои, вверх по великой реке Амуру в Дючерской земле на усть Комару реки.» [62]

Река Комара (китайское название Хумаэрхэ) — это правый приток Амура. Немного ниже её устья на левой стороне Амура в настоящее время находится посёлок Кумара. В 95 километрах от него расположен город Шимановск на транссибирской железной дороге. Здесь на устье реки Комары Онофрий Степанов Кузнец поставил острог. В другой отписке он дал описание этого острога:

«А острог у нас был поставлен на валу стоячей. А по углам вывожены были быки. А тот острог ставлен по снегу, в самом заморозе, ноября в 2 день. А круг того острожку копали ров. А тот ров копали зимою, мёрзлой земли секли, в вышину сажень печатную. А ров в ширину две сажени. А круг того рву бит чеснок деревянной. А круг того чесноку деревянного бит чеснок железной, стрелной, опотайной.» [63]

Согласно В. И. Далю: «Чеснок — частокол, палисадник, частые столбы, сваи.»

Во времена Онофрия Кузнеця это не нуждалось в пояснении. Но уже И. Э. Фишер поясняет:

«Около выкопан был ров глубиною на сажень, а шириною на две, и пред ним поле кругом аки усыпано было деревянными в землю вколоченными сваями, кои они чесноком называли, и железными крючьями; сваи сперва были плотно вколочены в землю, а после заострены; крючья покрыты были рыхлою землёю или хворостом, дабы их не так легко усмотреть было можно.» [64]

А Н. С. Щукин писал: «То были железные колючки с шестью ножками, или спицами. Брошенная на землю, она становилась на три ножки, а три остальные торчали и вгрызались в ноги лошадям и людям. Чеснок засыпали слегка древесными листьями или рыхлою землёю.» [65]

Но этим дело не ограничивалось. Онофрий Кузнец продолжает:

«А в остроге были исподней и верхней бои, а внутрь острожной стены засыпали хрящём с нижнего бою. А в том остроге копан был у нас колодезь пяти сажен. А из колодезя были вывожены жолобы на все 4 стороны, высота 6 сажен печатных, для зажегу. Да были сделаны на остроге козы железные. А в тех козах зажигали смольё для свету и для их, богдойского, ночного приступу, чтоб оттого видети было богдойских людей за стеною.

Да ставлено было к острогу для их лестниц и щитов судовое дощаничное деревье высокое. Да были на острожке кладены кадки для их, богдойских людей, навалного приступу. Да в острошке срублен был роскат.» [66]

Почему была предпринята такая подготовка к отражению предполагаемого приступа, Онофрий Степанов Кузнец не сообщает, но эти меры оказались своевременными. Вскоре к острожку нагрянуло богдойское войско и осадило его. Вот как описывает эту осаду Онофрий Кузнец:

«Да в нынешнем же во 163 [1655] году, марта в 13 день, богдойское войско, собрание людей разных земель, приехав к Усть-Комарскому острожку,

нас, холопей государевых, обсадило в третьем часу дни [6 ч. 35 мин.] и твоих государевых служивых людей и амурских охочих казаков, которые выходили из острогу по судовой лес, 20 человек, Ивашка Телятева с товарищи, розных городов, и тех служилых людей изветным делом взяли к себе, и у себя на куренях их побили.

А иных служилых людей ис Комарского острожку я, Онофрейко, отпускал на вылазку. И те служилые люди и амурские охочие казаки выходили на вылазку, и тех служилых людей от иноземцов от богдойских людей отбивали, и тех же богдойских людей побивали.

А приехали те богдойские воинские люди со всяким огненным боем, с пушки и с пищальми, и знамёна у них всякой розной цвет. А то у них войско богдойское — ротами, а толмачей нет, а в роте по сколько человек, того не ведаем.

И марта в 20 день к Усть-Комарскому острожку приступали из-за великия реки Амура с камени. А каменю высота 40 сажень, а от того камени до острожку полтретья [2,5] сажени, и богдойское войско из наряду из большого, били из пушек, с третьего часу дни [6 ч. 35 мин.] до седмого [10 ч. 35 мин.].

И того ж дни в шестом часу ночи [21 ч. 35 мин.] те потайные богдойские воинские люди по острогу из наряду, из пушек, били от острожку в 70 саженьях. Да они же, богдойские воинские люди, пушали огненные заряды для зажёгу на стрелах в острожек, а на тех стрелах у них поджёги были. Да с нижние стороны богдойские воинские люди из пушек из наряду били во 150 саженьях.

И марта в 24 день те богдойские люди приступ учинили к острожку во все четыре стороны, и знамёна, пришед, к чесноку поставили, и щиты у них были на арбах. А те арбы были на колёсах, и щиты деревянные кожами наволочены, и войлоки были. А на тех арбах были лестницы, а по конец лестниц колёса, а в другом конце гвозди железные и палки. И на тех арбах привезены были дрова и смольё, и солома для зажёгу. И у них острог копейчатой был же. Да у них же, богдойских людей, у всяковго щита были багры железные и всякие приступные мудрости.

И, Божиею милостью, а государским счастьем, государевы служилые люди и амурские охочие казаки розных городов с острожку с нижнего и сверхнего конца из бою и с быков из наряду, из большого бою, из пушек, из пищалей били по тому войску богдойскому. И на том приступе под стенами многих богдойских людей побили.

И из Комарского острожку государевы служилые люди и амурские охочие казаки выходили на вылазку, и на вылазке многих богдойских людей побили. И отбили у них две пищали железные с жаграми и всякие приступные мудрости, порох и ядра; и языков поймали, раненых мужиков.

И тех мужиков спрашивал. А в роспросе они сказывали, что де прислано то богдойское войско от царя богдойского. А князец де в том войске именем Тагудай, а по прозвищу Етер. А было де войско — люди розных земель, которые иноземцы под его, богдойскою, областью. А снаряду де было 15 пушек и мелкого ружья было у них много. <...> А всеё де тоё богдойские силы было всякого люду 10000.

А тут же на приступе находили порох в мешках да ядра. А у нас в то приступное время суды прирубили и струги.

И марта с 13 дня да апреля по 4 число то богдойское войско по Комарскому острожку били из пушек по всякой день и ночь.

И те богдойские люди от острогу отошли.» [67] <...>

Идти на приступ помешал чеснок.

«И, Божиею милостию, а государским счастьем, как пришли те богдойские люди к приступу, и у того деревянного чесноку щиты поставили. А на том железном чесноку многие богдойские люди кололися и пойти к приступу не могли от того железного чесноку к стене. <...>

А речную сторону, воду и суда у нас отняли, и выходить за острог не давали.

А стояли те богдойские люди таборами от острожку за полтораста сажень.

И как сидели в острожке в осаде от богдойских людей, имели казаки пост и молитву. И в то время было явление многим древним от иконы пречистыя владычицы Богородицы нашей и присно девы Марии и от всех святых.

И сидели в осаде в том Комарском острожке служилые люди и охочие амурские казаки, и которые пришли с Дмитрием Ивановичем Зиновьевым разных городов тобольские, тюменские, сургутские, верхотурские, Туринского острожку и Верхотурского Брацкого острожку, и охочие казаки, и которые пришли с верх Шилки реки с Байкалова озера с енисейским сыном боярским Петром Бекетовым.

И после их отъезду ходили служилые люди и охочие амурские казаки в их, богдойские, таборы и видели их, что они тех богдойских людей, которые побиты под стеною в приступное время, ночью волочили, и по своей они поганой бусурманской вере на своих куренях тех убитых людей жгли много. А иных побитых богдойских людей те богдойские люди в приступное время от острогу волочить прочь не успели.

И видя к себе те богдойские люди Божие посещение, и нападе на них ужас и трепет, и они порох пометали на своих таборах в воду и верховые огненные заряды. А куячную одежду те богдойские люди на куренях своих жгли. И мы собрали после приступного времени в остроге и около острогу 350 ядер пушечных.

А тех богдойских людей к острожку из табор подъём был в первом часу ночи [18 ч. 5 мин.] к острожку, а отход был у них от острожку поутру в 1-м часу дни.» [5 ч. 5 мин.] [68]

Видимо, в этом описании не обошлось без приукрашивания, есть сомнительные и неясные места. Действительно ли маньчжурское войско насчитывало 10 тысяч человек? Нет ясности о вылазке. Вылазка из острожка возможна только в том месте, где нет чеснока. Чеснок ведь опасен для обеих сторон. Свободное от чеснока место могло быть только у калитки. А пространство это крайне ограничено. Ворота острожку были не нужны. Далее, почему маньчжуры внезапно сняли осаду? Г. В. Мелихов считал, что «причина отхода маньчжурского войска состояла в том, что войско было недостаточно хорошо подготовлено, и ему не хватало продовольствия.» [69]

Однако, судя по описанию Онофрия Степанова Кузнеця, нельзя считать, что маньчжурское войско было подготовлено недостаточно хорошо.

Когда открылся летний путь, Онофрий Степанов Кузнец отправил в Москву через Якутский острог приведённую выше отписку, а также челобитные служилых людей и амурских охочих казаков. Он писал:

«В нынешнем, государь, во 163 [1655] году били челом тебе, государю, [А. М.], а на великой реке Амуре розных городов служилые люди и охочие амурские казаки мне, холопу твоему, подали челобитные и послужной список. И ту их челобитную и послужной список, подклея под сю отписку, послал к тебе, государю, к Москве.» [70]

В этих челобитных сообщаются подробности обороны Комарского острожка. Первая челобитная была от всех служилых людей, включая самого Онофрия Степанова Кузнеця. Охочие казаки в ней не упомянуты.

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои, твоей государевы дальнотой заочной вотчины, новые Даурские земли великия реки Амуре, приказной человек Онофрейко Степанов да вместо подьячих Богдашко Габышев, и вседесятники и рядовые розных сибирских городов: Якуцкого острогу, тобольские и тюменские, и сургутские, и верхотурские, и Туринского острогу, и Верхотурского острожку, и енисейские казаки, тридцать с человеком преждево приезде, да Енисейского острогу сын боярской Петрушка Бекетов, дватцать с осмью человеки.» [71]

«Тридцать с человеком» — это 31 человек из отряда Петра Бекетова, которые самовольно ушли от него с устья Нерчи в амурское войско. А двадцать восемь пришли в амурское войско вместе с Петром Бекетовым. От этих 31 человека Пётр Бекетов всячески отмежёвывался, видимо, не простил их за самовольный уход. Далее в челобитной написано:

«А приплыли, государь, мы, холопи твои, после шингальского бою, и охочие амурские казаки, которые писаны под сю челобитную в послужном списке, кто, государь, с которого города приехал и в каком году на великую реку Амур, и учили твою государеву службу служить своими подьями. А служили, государь, мы, холопи твои, твою государеву службу в твоей государеве вотчине на великой реке Амуре со 161 [1653] году по нынешней по 163 [1655] год, всякие твои государевы службы в походах и по иным сторонам розным рекам.

А в прошлом, государь, во 162 [1654] году ходили, государь, мы, холопи твои, вверх по Шингалу реке для твоего государева ясашиного збору и для прииску, и приводу немирных земель неясашных людей, дючерских князей и их улусных людей.

И шли, государь, мы, холопи твои, по Шиингалу реке вверх в те дючерские князцы, и их улусные люди, не хотя быть под твоею государевою царскою высокою рукою, и ясаку с себя не хотя тебе, государю царю, платить, из своих улусов побежали. И мы, холопи твои, за ними гонялись. И в то время встретила нас, холопей твоих, богдойская сила воинская многая, от царя богдойского князец Серпудай, со всем огненным стройным боем, с пушки и с пищальми, и с ыным ратным всяким розным боем, в доспешных одежах, конным войском горою на конех, а пешие в стругах. И с нами, хо-

лопи, бой поставили. Из большого с наряду, ис пушек з берегу учили бить, ис пищалей, из луков стреляли з горы из-за туров, из-за щитов, по нас, холопом твоих, и по нашим судам, и по стругам.

И мы, государь, холопи твои, Божию милостию, а твоим государевским счастьем, прося у Бога милости, с теми богдойскими людьми дело поставили, из большого с наряду и пушек били, и из мелково оружия, из пищалей, стреляли по тому войску богдойскому и по их стругам, и дралися, государь, мы, холопи твои, с ними, богдойскими воинскими людьми.

И как выплыли, государь, на усть Шингалу реки, и от тех богдойских воинских людей отошли, дал Бог, здоровы, все, опричь, государь, енисейского сына боярского Петра Бекетова, дватцатью с осмью человеки. И на том бою мы, холопи твои, побили много силы богдойские струговым боем.

Да в нынешнем, государь, во 163 [1655] году в Усть-Комарском острошке богдойские воинские люди, собрание розных земель, которые под ево, богдойскою, областью, приехав, нас, холопей твоих, обсадили накрепко и с наряду, из пушек, били под всякой день и ночь, марта с 13 числа да марта ж по 25 число, по острошку и по нас, холопей твоим, по служилым людям, и по охочим амурским казакам.

И от пушешново, государь, бою Бог помиловал, и острогом отсидели, и на выласку, государь, мы, холопи твои, против тех богдойских воинских людей выходили, и много, государь, тоё богдойские силы мы, холопи твои, побили, и порох, и ядра, и мелкое ружьё, пищали-китайки, и луки отбили, и языков, государь, [на] той выласке поимали раненых.

И после, государь, их, богдойсково, отходу служилые люди и охочие амурские казаки ходили в их таборы богдойские. И которых, государь, богдойских людей побили под стеною, и тех богдойских убитых людей ис-под стены уволочили и по своей они поганой бусорманской вере тех убитых богдойских людей жгли на своих же богдойских куренях многих. А иных, государь, многих убитых богдойских людей от острогу в приступное время волочить не дали.

И в то же, государь, в приступное время под Комарским острожком те богдойские воинские люди суды у нас, холопей твоих, и струги изрубили. А те, государь, суды и [с] стругами нам, холопом твоим, становился всякой дощаник [с] стругом по триста рублёв и больше.

И мы, государь, холопи твои, после их богдойского отходу те свои рубленные суды и со стругами которые, государь, мочно было починить, починили. А которых, государь, дощаников починить стало немочно, и мы, холопи твои, зделали новое судно, большой дощаник.

А что, государь, у нас, холопей твоих, было в запасе пороху и свинцу, и то, государь, у нас, холопей твоих, в то приступное издержалось. А впредь, государь, взять стало негде и купить не у ково. А в твоей государеве казне пороху и свинцу нет же на великой реке Амуре. А что было послано твоего государева жалованья пороху и свинцу з Дмитрием Ивановичем Зиновьевым, и тово, государь, твоего государева жалованья пороху и свинцу он, Дмитрий Зиновьев, с Тугирсково волоку к нам, холопом твоим, на великую

реку Амур не послал нисколько. И твою государеву службу он, Дмитрий Зиновьев, поставил.

И мы ноне, холопи твои, в осадное время, сидячи в осаде, меж собою покупали порох и свинец дорогою ценою, пороху фунт купили по два рубли, а свинец фунт по полтине и больше. И от того мы, холопи твои, задолжали великими долгами, покупаячи порох и свинец. И впредь нам, холопом твоим, стало служить твоей государевы службы нечем, пороху и свинцу не стало.» [72]

Эта жалоба не может не вызвать вопроса, если порох и свинец покупали «меж себя» дорогою ценою, то кто-то задолжал, а кто-то разбогател.

Насчёт пороха и свинца П. А. Словцов сомневался:

«Воспользовался ли он [Онофрий Степанов — Г. К.] порохом и свинцом Зиновьевским? Фишер уверяет, что теми снарядами воспользовалась толпа промышленников. Но как могла она вырыть и утащить их из острога, где, без сомнения, был караул? Ведь это не перчатки и не кольца. Не верю Фишеру и спрашиваю, чем Степанов три недели отстреливался в Комарском городке, когда у него уже во время плавания оказался недостаток в военных запасах. Я полагаю, что Зиновьевские запасы были подвезены зимою в городок, а молва о похищении их артелью промышленников была пустая сказка.» [73]

Далее в челобитной написано:

«А драки, государь, у нас, холопей твоих, з богдойскими людьми на великой реке Амуре и по иным розным сторонным рекам живут частые, и их, богдойских воинских людей всяких розных земель людей, много, бесчисленно, а нас, холопей твоих, мало.

И мы, холопи твои, живём, побегаючи летом в судах, и сплываем на низ в гиляки, в Гиляцкую землю. А вверху, государь, нам, холопом твоим, те богдойские воинские люди поселитьца не дают. И мы, холопи твои, на твоей государеве службе на великой реке Амуре по многие времена питаемся кореньем и травой. А в Шингале, государь, реке есть всяких хлебных запасов много, и в Шингал, государь, нас, холопей твоих, богдойские воинские люди не пускают, потому, государь, что нам, холопом твоим, те богдойские воинские люди стали невсилу. И ныне, государь, мы, холопи твои, на твоей государеве службе на великой реке Амуре проживаем с великою нужею.

А которые, государь, иноземцы в прошлых годах жили близ великия реки Амура, даурские и дючерские люди, и тех, государь, иноземцов, даурских и дючерских людей, богдойской царь перевёл к себе в свою богдойскую землю на Наун реку.

А которые, государь, иноземцы, даурские и дючерские люди, тебе, государю, ясак с себя и своих улусных людей платили во 161 [1652—1653] и в 162 [1653—1654] и в 163 [1654—1655] году, и те иноземцы, даурские и дючерские люди, тебе, государю, изменили, не хотя тебе, праведному государю, с себя твоего государева ясаку платить.

И мы, государь, холопи твои, ноне на твоей государеве службе на великой реке Амуре из приездов своих, и служим мы, холопи твои, государеву службу без твоего государева без денежного и хлебного, и сояного жало-

ванья своею силою и своими бедными последними крохами, и порохом, и свинцом, и хлебными запасы.

И ноне мы, холопи твои, вконец задолжали и оскудали. А купить стало не у ково. А сойти, государь, мы, холопи твои, с великой реки Амура не смеем без твоего государева указу. А ожидаем мы, холопи твои, от тебя, праведнаго и великого государя, твоего государева указу и твоей царской милости.

Милосердый государь [А. М.] пожалуй нас, холопей своих, своим царским жалованьем для ради своей государевы дальней службы и для нашей бедности, и нужи, и безлюдства, а за нашу службу и великое наше терпение, и за кровь, чем тебе, праведному и великому государю, Бог известит. А мы тебе, праведному государю, и впредь рады служить твою государеву службу верою и правдою вовеки непоколебимо.» [74]

В приложенном к этой челобитной послужном списке написано:

«Лета 7163 [1655], апреля в ... день, на государеве [А. М.] службе в дальней его государеве вотчине на великой реке Амуре список послужной именной Якутцкого острогу служилым и охочим амурским казакам со 161 [1653] году, как приезжал дворянин Дмитрий Иванов сын Зиновьев, и которые оставлены после Дмитрия Зиновьева розных городов: тобольские и тюменские, сургуцкие, и верхотурские, и Туринского острогу служилые люди, и Верхоленского острогу служилые, и охочие амурские служилые люди, да Енисейского острогу служилых людей тридцать человек, и которые пришли охочие служилые люди с служилым человеком с Мишкою Кашиннцом, и которые пришли с верх Шилки реки с енисейским сыном боярским с Петром Бекетовым Енисейского острогу служивые и охочие служивые ж люди, дватцать восемь человек.

А служили те служивые и охочие амурские казаки государю [А. М.] на великой реке Амуре и по иным сторонным розным рекам на боях в походах в прежних годах преж приезде енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осмью человеки, и сидели в осаде от богдойских воинских людей и от иных розных земель собранья в Усть-Комарском острожке всеми амурскими служилыми ж и охочими амурскими казаки с енисейским сыном боярским с Петрушкою Бекетовым з дватцатью с осмью человеки, и билися явственно.

И тем всем служилым людем написаны имена их в сём в послужном списку порознь по статьям, хто в котором году на великой реке Амуре учал государеву службу служить.» [75]

Таким образом, в послужной список записаны имена не только тех, кто отличился при обороне Комарского острожка, но и до этого события. Послужной список впервые опубликован Г. А. Леонтьевой, но там пропущено несколько имён. [76]

Далее, обратим внимание на то, что в подлиннике в начале послужного списка сказано, что он составлен «апреля в ... день», т. е. без указания числа. А у Г. А. Леонтьевой же написано: «апреля 3 день». Но в это время осада ещё не была снята и не было никакой уверенности в её исходе. Получается по Г. А. Леонтьевой, что во время осады составление послужного списка было самым важным делом.

Чтобы имена, записанные в послужном списке, не были мёртвым звуком, в квадратных скобках дадим к ним некоторые пояснения, известные из других документов. Листы послужного списка пронумерованы не по-порядку.

В. Паршин писал: «Имя Степанова забыто, имена подвижников его неизвестны.» [77]

Послужной список восполняет этот пробел:

л. 56 «Приказной человек Онофрей Степанов [Кузнец].

Служилой человек вместо подьячих Богдашка Кузьмин Габышев. [Вышел в Якутск, а затем в Москву с отписками, послужным списком и челобитными в 1655 году после осады Комарского острожка].

Ясаул Тимошка Федотов

Ясаул Тимошка Кирилов

Служилые люи и вольные охочие казаки, которые пришли в прежних годах с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым:

Ортюшка Филипов Петриловской. [Племянник Е. Хабарова]

Логинко Ярофеев. [Толмач, крещёный тунгус]

Ондрюшка Дмитриев

Семейка Фёдоров Бойдонов

Первушка Нефёдов

Ярофейко Яковлев

Микитка Терентьев. [Человек Е. Хабарова]

Ондрюшка Петров

Ивашко Григорьев Протопопов

Семейка Григорьев Бердонос

Марчко Ондреев. [Целовальник. Вышел в Якутск в 1655 году, пошёл на Русь]

Захарко Кузьмин Грибанов

Ивашко Иванов Торопыга

Ивашко Михайлов Чупров

Филка Иванов Высокой

Федотко Дорофеев кивокурец

Ивашко Калинин почезер

Трошка Карпов южак

Фомка Ильин [устюжанин, присоединился на Олёкме]

Лучка Ивнов Коргов

Митька Микитин Хохряков. [Десятник, потом якутский пятидесятник казачий]

Кондрашка Иванов

л. 55 Семейка Фёдоров тюменец

Родька Махин

Ондрюшка Степанов Потаповых. [Ходил на вылазку, взял языка]

Максимко Иванов

Гришка Таушкан

Митька Алексеев Кочкин

Петрушка Данилов Остяк

Микифорко Данилов

Тимошка Исаев

Тренка Вахромеев

Кормишко Иванов

Харка Федосеев. [Отделялся с Поляковым]

Дёмка Лукьянов

Мишка Монзик

Ивашко Иванов мезеня. [Послан с соболиною казною в Якутск в 1655 году]

Сергушка Кипреянов. [Послан с соболиною казною в Якутск в 1655 году]

Якутского острогу служилые люди, которые пришли в другой приход с Ярофеем же с Хабаровым:

Мишка Ортемьев Кашинец [Умер от голода при переходе с Амура на Тугир в 1656 году]

Филка Емельянов Табаков

Ондрюшка Орефьев

Васка [Ларионов] Куржумов. [новокрещён, «братский» толмач, сын князца Куржума, вышел на Лену в 1656 году с Ф. Пушиным, впоследствии верхоленский сын боярский, приказчик Верхоленского острожка, основатель деревни Куржумовой]

Оверка Микифоров

Микулайко Юрьев. [Послан в Якутск в 1655 году с соболиною казною]

Трофимко Микитин. [Назначен есаулом Д. Зиновьевым, после похода на Шингал отстранён, послан в Якутск с соболиною казною в 1655 году]

Ивашко Олексеев Шубан

Кузька гиляк. [Толмач, крещёный гиляк]

Ивашко Иванов Дуда

Максимко Михайлов Барабанщик. [Десятник, взят с Олёкмы]

Лучка Иванов [Взят с Олёкмы]

Федька Кондратьев

л. 57 Федька Иванов Серебреник

Севастьянко Никитин

Ивашко Мартемьянов Сухой [Повёрстан в 1650 г., умер в 1654 или в 1655 г.]

Ондрюшка Иванов [есаул в 1650-1652 г.]

Пашка Максимов

Ивашко Карпов

Ярофейко Михайлов

Богдашко Онисимов

Ивашко Оверкеев

Ерофейко Степанов

Климко Микитин корела

Баженко Евсеев

Федотко Онаньин

Омелка Сарафан

Лучка Кондратьев Оморен
 Ивашко Фёдоров Чермной
 Оска Федосеев
 Семейка Прокопьев. [Отделялся с Поляковым]
 Васка Иванов Козлов
 Пронка Тарасов
 Ивашка Тарасов
 Сенка Панкратов Мотоход. [Отделялся с Поляковым]
 Гришка Антонов Шуйский
 Федька Максимов Коркин. [Присоединился на Олёкме, вышел в Якутск в 1657 г.]
 Сенька Иванов
 Федька Елизарьев Скосырь
 Васька верхотур
 Васька Григорьев
 л. 58 Красноярские казаки того ж приходу
 Кирилко Игнатьев [Кобель, десятник, послан в Якутск с соболиною казною в 1655 году, потом жиганский квасной и банный откупщик, затем чечуйский пашенный крестьянин, основатель деревни Кобелевой]
 Стенка Савин
 Охочие амурские казаки того ж приходу
 Нефедко Ермолин. [Отделялся с Поляковым]
 Андрюшка Васильев Строганов. [Вышел в Якутск в 1655 году. Пошёл в Москву]
 Федька Алимпиев
 Ивашко Иванов южак. [Помощник писаря, вышел в Якутск в 1655 году]
 Фарафонко Тимофеев. [Есаул, после разгрома амурского войска вышел на Лену с отрядом Артемия Петриловского]
 Ивашко Лаврентьев Шарабара [Соловьянин]
 Омелка Григорьев Горлан
 Олёшка Марков
 Ивашко Ларионов Малой
 Исачко Кирилов. [После разгрома амурского войска вышел на Лену с отрядом Артемия Петриловского]
 Кузька Микитин Москва. [Десятник]
 Насонко Куделин
 Ивашко Сергеев
 Ивашко Ондреев Горин
 Васка [Михайлов] корела. [Покрученик Полякова]
 Огапитко [Агейко] Трофимов Салдат. [устюжанин, покрученик Полякова, отделялся с Поляковым]
 Стафейко Семёнов
 Пронка Мартемьянов
 Стенка Леонтьев новгородец
 Васка Иванов митрополщина

- Оська Трофимов. [Отделялся с Поляковым]
 Петрушка Пакул
 Баженко Измайлов. [Вышел в Якутск в 1655 году, пошёл в Москву с соболиною казною]
 Исачко Васильев
 Исачко Лукьянов
 Сенка Ондреев
 Тимошка Семёнов Старик [важенин, покрученик Полякова, отделялся с Поляковым]
 л. 59 Андрюшка Фёдоров. [Отделялся с Поляковым]
 Гаврилко Герасимов кайгород. [Отделялся с Поляковым]
 Кондрашко Панфилов
 Тимошка Семёнов Жуков
 Ортюшка Осипов Пьяной
 Постничко Меркурьев Бушовало
 Якунка Пимонов Кокушка
 Якунка Фёдоров Купиловской
 Арсучко Гордиев. [Покрученик Полякова]
 Гришка Иванов Даровин
 Оська Яковлев Оленев. [Послан с соболиною казною в Якутск в 1655 году, пошёл в Москву]
 Никитка Амосов Пестов. [Отделялся с Поляковым]
 Ивашко Парфёнов
 Титко Леонтьев [осташковец, послан с соболиною казною в Якутск в 1655 году, пошёл в Москву]
 Калинко Леонтьев
 Ивашко Терентьев Годовиков
 Васка Фёдоров Киселёв
 Онтонко Евсеев [пенежанин, покрученик Полякова, вышел в Якутск в 1655 году]
 Ларка Евтифеев
 Федотко Леонтьев Бурдук. [Сотник]
 Федотко Лукьянов
 Савка Ортемьев. [Отделялся с Поляковым]
 Баженко Алексеев
 Аниска Фёдоров
 Ивашко Григорьев Сумин
 Мишка Семёнов Донщина
 Вторко Иванов Телёнок
 Митька НазаровТютя [Вышел в Якутск в 1655 году. Пошёл в Москву с соболиною казною]
 Климко Андреев Салдат
 Мишка Елфимов Квашнин
 л. 60 Васка Дмитриев
 Васка Карпов
 Васка Иванов Козлов

Ивашко Никифоров
 Еришка Земарёв
 Ондрюшка Земарёв
 Митка Селиванов
 Служилые люди, которые пришли с Тренкою с Чечигиным да с Ортюшкою Петриловским:

Ивашко Малафеев. [Ходил на разведку]
 Ондрюшка Шипицын
 Сенка [Ортемьев] Сажин
 Ивашко Самойлов Молоков. [Ссылный]
 Гордюшка Кузьмин [Ялаш, ссылный]
 Ондрюшка Иванов. [Ссылный]
 Якунька Парфёнов. [Ссылный, вышел на Лену в 1661 году]
 Ондрюшка Семёнов. [Ссылный]
 Ивашко Игнатъев Манзурьев. [Ссылный]
 Сергушка [Иванов] Березовский
 Олёшка Пелезаров. [Ссылный]
 Васка Ондреев Бегун. [Ссылный]
 Олёшка Микитин Самороков. [Ссылный]
 Кузька Мартемьянов. [Ссылный]
 Никитка Павлов [Клюй, ссылный]
 Мартынка Ларионов. [Ссылный]
 Першка Ондреев. [Ссылный, вышел на Лену]
 Охочие амурские служилые люди [пришли с ними же]
 Онофрейко Дмитриев Салдат
 Гришка Акипсимов
 Мишка Огафонов Свечник
 Ивашко Васильев Пан
 л.61 Олёшка Яковлев
 Мишка Яковлев
 Якимко Яковлев
 Федька Офонасьев Шаргин. [Ездил в 1641 году в Якутск с Хабаровым]
 Ивашко Евсеев Долгой. [Отделялся с Поляковым]
 Тимошка Иванов касимовец
 Тренка Фёдоров Кузнец
 Тараско Никитин
 Гришка Иванов Бобаевской
 Овдокимко южак
 Тренка Титов
 Васка Иванов Пушма
 Безсонко Васильев
 Кипрушка Иванов
 Стенька Павлов Буслаев
 Ивашко Стефанов
 Гришка Прокопьев
 Тимошка Пиминов

Фомка Парфёнов
 Савка Иванов Коркин. [Послан с соболиною казною в Якутск в 1655 году]
 Ондрюшка Ортемьев
 Калинка Ондреев
 Волотка Тимофеев [Отлас, отец камчатского землепроходца Владимира Атласова?]
 Ивашко Яковлев
 Якунка Савин
 Ивашко Лукьянов
 Овдейко Иванов
 Нифачко Прохоров
 Шестачко Офонасьев. [Отделялся с Поляковым]
 Ерёмка Харитонов
 Ивашко Захаров. [Работник Е. Хабарова в 1641 году]
 л. 62 Семейка Захаров
 Гришка Васильев
 Парфёнок Огафонов
 Петрушка Остафьев [Авксентьев] Шадра. [Вышел в Якутск в 1655 году]
 Гришка Иванов Дунаев
 Петрушка Максимов Рожа. [После разгрома амурского войска вышел на Лену с А. Петриловским в 1659 году. Бежал снова на Амур с Елизаром Семёновым в 1662 году]
 Ивашко Фофанов
 Сенька Михайлов
 Фетька Орефьев
 Ортюшка Яковлев. [Отделялся с Поляковым]
 Богдашка Фёдоров. [Отделялся с Поляковым]
 Ивашко Харитонов
 Ивашко Кирилов Козоев
 Евсейко Фатьянов [Евсейка Фотиев Гурылёв. Послан с соболиною казною в 1655 году в Якутск, а затем в Москву]
 Лёвка Васильев
 Якушко Варламов
 Порошка Васильев
 Елфимко Матвеев
 Елизарко Игнатьев
 Трошка Якимов
 Федотко Микитин
 Пятунька Сергеев
 Пронка Петров Крашенинник. [Отделялся с Поляковым]
 Офонька [Михайлов]Честиков. [Частиков, человек дьяка Осипа Степанова. Вышел на Лену в 1656 году с Ф. Пушиным]
 Митка Иванов тюменец
 Кондрашко Ондреев
 Малашко Парфёнов

Митка Микитин
 Сафонко Тимофеев
 Ивашко Офонасьев зырян
 Олёшка Матвеев
 Федька Кузьмин
 Трофимко Васильев

л.63 Евсейко Фотиев [Фатьянов] Гурылёв. [Записан второй раз. Отправлен в Якутск с соболиною казною в 1655 году, пошёл в Москву]

Якушка Григорьев южак. [Отделялся с Поляковым]
 Ортюшка Вахромеев Сажин. [Отделялся с Поляковым]
 Ивашко Иванов Рудаков
 Дмитриейко Фотиев
 Гришка Мартынов
 Лучка Семёнов
 Ларка Стефанов
 Трофимко Онтропов
 Фомка Карпов
 Васка Дмитриев колмогор
 Васка Дементьев Бычёк
 Никитка Григорьев. [Отделялся с Поляковым]
 Парфёнко Прохоров

Тобольские служилые люди, которые пришли з Дмитрием Зиновьевым в прошлом во 161 [1653] году:

Мишка Сидоров Рагозин
 Ивашко Сидоров Рагозинников
 Ивашко Иванов Круглой
 Васка Иванов Новопащенной

л.64 Артюшка Юрьев

Лучка Васильев
 Логинко Кондратьев
 Микулка Иванов
 Трошка Ондреев
 Федька Иванов Желиборской
 Митька Иванов Щербак
 Нестерко Васильев
 Олёшка Игнатьев
 Ивашко Яковлев Юрга
 Тимошка Стефанов
 Лёвка Матвеев

Ивашко Фёдоров Чюрка. [Ушёл на Лену в 1655 году]

Тихонко [Савельев] Колупаев. [Бывший целовальник на Ленском волоке, ушёл на Лену в 1655 году]

Никитка Михайлов
 Оска Ондреев
 Симанко Захаров. [Был назначен есаулом Д. Зиновьевым]
 Ивашко Дмитриев Чолпановской

Пятунька Петров
 Кирилко Антонов Кособоров
 Фетка Осипов
 Ивашко Онтропов Кубышкин. [Ушёл на Лену в 1655 году]
 Ивашко Алексеев Зай
 Ивашко Петров
 Мишка Иванов Серебреник
 Ивашко Миронов Серебреник
 Гришка Алексеев
 Федька Александров
 Ивашко Харитонов Широкой. [Вышел в Якутск с соболиною казною в
 1655 году, пошёл в Москву]
 Ермолка Ортемьев
 Сергушка Титов
 Данилко Спиридонов. [Ушёл на Лену в 1655 году]
 Бориско Епифанов
 л. 67 Оничка Иванов Крапивин
 Васка Киприянов
 Лёвка Матвеев Талыга
 Филка Степанов Лопатка
 Дениско Вахромеев
 Ларка Григорьев Сорокин
 Макарко Сафронов. [Ушёл на Лену в 1655 году]
 Фролко Акилов
 Онтонко Никифоров
 Митка Сергеев Шипунин
 Олёшка Пантелеев
 Ивашко Гаврилов Москва. [Ушёл на Лену в 1655 году]
 Агафонко Самойлов
 Васка Микитин
 Оничка Федотов
 Кондрашка Филипов
 Петрушка Родионов
 Тюменские служилые люди [Пришли с Д. Зиновьевым]
 Митка Михайлов Чухачёв
 Ондрюшка Костентинов
 Ивашко Шелпеков
 Тимошка Иванов Май
 Сергушка Никифоров
 Сергушка Иванов
 Митка Самойлов Гурьев
 Потапка Клементьев
 Гришка Фомин
 Васка Дмитриев
 Сенка Иванов Кузнец
 Сенка Григорьев Голой

Первушка Мякинин
 л. 68 Нехорошко Турнос
 Ивашко Васильев
 Филка Орефьев
 Онисимко Кондратьев
 Сургутские служилые люди [Пришли с Д Зиновьевым]
 Федька Дмитриев Козёл. [Вышел в Якутск в 1655 году, пошёл к Руси]
 Якунька Ортемьев
 Федка Иванов Попов. [Лыткин. Вышел на Лену в 1655 году]
 Якимко Иванов Челышев
 Никитка Нифантьев
 Гришка Мокеев
 Ондрюшка Офонасьев. [Вышел на Лену в 1656 году с Ф. Пушиным]
 Ондрюшка Перфильев
 Гришка Федотов
 Парфёнок Иванов. [Ушёл на Лену в 1655 году]
 Ивашко Степанов
 Ондрюшка Фёдоров Парунин. [Ушёл на Лену в 1655 году]
 Федотко Насонов Камень. [Ушёл на Лену в 1655 году]
 Стенка Романов
 Лёвка Иванов Остяк
 Ондрюшка Воинов Шелех
 Сидорко Ортемьев
 Пашко Исаков
 Федка Карпов
 Силка Парфёнов
 Васка Сидоров
 Ивашко Игнатъев Кудря
 Верхотурские служилые люди [Пришли с Д Зиновьевым]
 Мишка Леонтьев. [Вышел в Якутск в 1655 году вместе с Семейкой Захаровым с соболиною казною, пошёл к Руси]
 Якунька Степанов Дериглаз. [Ушёл в Якутск в 1656 году с Ф. Пушиным]
 Елеска Онтропьев
 л. 69 Васка Родионов
 Кузька Иванов
 Ивашко Яковлев
 Туринского острожку служилые люди [Пришли с Д. Зиновьевым]
 Мишка Никифоров [Решанов]
 Кирилко Пиминов
 Ивашко Онисимов
 Гаврилко Петров
 Меркушка Степанов
 Мишка Иевлев
 Данилко Олексеев
 Гаврилко Степанов
 Васка Кузьмин

Охочие служилые люди [присоединились к Д. Зиновьеву по дороге]
 Савка Микитин
 Лучка Иванов
 Ивашко Пиминов
 Федка Михайлов
 Кузька Яковлев
 Пятулька Панкратьев
 Фетка Григорьев
 Гаврилко Нестеров
 Тимошка Михиев
 Тимошка Устинов
 Верховленского острожку служилые люди
 Пронька [Дементьев] Кислов
 Мелешка [Омелька] Архипов [Плотник]
 Федка Семёнов Львов
 Тимошка Федотов Муха [Вышел в Якутск в 1655 году. Пошёл в Москву]
 Семейка Иванов [Краснопев, усолец]
 Офонка Данилов [Смагин]
 Захарко Леонтьев
 Офонка Гаврилов [Портняга]
 Фомка Васильев Постоев
 Семейка Иванов зырян
 Гришка Павлов
 Лёвка Ярофеев
 Мартышко Киприянов
 Охочие амурские служилые люди [Пришли с Пронькой Кислым]
 Миронко Федотов [Квасов, чечуйский пашенный крестьянин]
 л. 70 Силка Федотов [устюжанин]
 Евтюшка Матвеев
 Климко Иванов городец [новгород, убит дочерскими людьми
 1658 году]
 Федка Иванов Леденцов
 Стенка Стефанов [Ус]
 Офонко Осипов
 Ивашко Уваров
 Богдашко Павлов
 Мишка Фёдоров
 Филка Иванов
 Климко Сазонов
 Харка Исаев
 Ермолко Прокопьев
 Сидорко Клементьев. [Вышел на Лену с отрядом А. Петриловского в
 1659 году]
 Семейка Иванов Шило
 Филка Григорьев
 Федка Аврамов

Ивашко Фёдоров Оглоблин. [Кузнец чечуйской мельницы]

Лучка Фёдоров

Тихонко Фёдоров

Васка Фёдоров

Матюшка Лазарев

Кирилко Семёнов

Ивашко Офонасьев

Ивашко Филипов

Васка Кирилов [Горбун]

Гаранка Фёдоров

Ивашко Пиминов

л.71 Охочие служилые люди, которые приплыли с служилым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом во 162 [1654] году:

Якунка Микитин

Матюшка [Панфилов] Хворостинин

Климко Семёнов [чердынец]

Трошка [Иванов] Черепан

Онтонко Емельянов

Юшко Иванов

Нестерко Григорьев [важанин]

Ивашко Карпов

Лёвка Михайлов [колмогор]

Илюшка Терентьев

Микитка Елфимов [Плужного, сын тутурского пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Елфима Иванова Плужного]

Федка Антипин [Купряков, пасынок тутурского пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Игнашки Васильева Купряка]

Давыдко Ондреев

Кузька Денисов

Гришка Микитин [Москва]

Евдокимко Филатов [Захлебай]

Ондрюшка Елфимов [Плужный, сын тутурского пашенного крестьянина, ссыльного черкаше-нина Елфима Иванова Плужного]

Мишка Аврамов

Ивашко Костянтинов [Кузнец, он же Кудреватый, он же Колокольник, пашенный крестьянин]

Игнашко Григорьев

Пашко Куприянов

Митка Ондреев

Филка Конанов

Пашко Петров

Матюшка Васильев

Федка Моисеев

Кузька Иванов [верхотур, ушёл на Лену в 1655 году с Ф. Пушиным в 1656 году]

Агафонко Яковлев

Петрушка Иванов
 л.72 Максимко Иванов
 Тренка Семёнов
 Митка Ортемьев [Раздобрей]
 Оксённо Самсонов
 Марчко Семёнов
 Якунка Клементьев
 Оска Гаврилов
 Федка Ларионов
 Васка Иевлев
 Гаврилко Максимов [Смольник]
 Васка Лаврентьев
 Терёшка Васильев
 Урланко Агиев
 Пронка Тимофиев
 Ивашко Юрьев [Вятка]

Енисейские служилые люди, которые приплыли от енисейского сына боярского Петрушки Бекетова в том же 162 [1654] году:

Онтипка Черкашенин
 Васка Кирилов
 Сидорко Тимофеев. [Вышел на Лену с отрядом А. Петриловского в 1659 году]

Олёшка Семёнов
 Сергушка Петров
 Гаврилко Фефилатьев
 Дорошка Елфимов
 Ивашко Иванов
 Савка Кочин
 Матюшка Кочин [Вышел в Якутск в 1657 году]
 Фомка Спиридонов
 Гришка Олексеев Олень
 Оска Иванов
 Офонка Григорьев
 Петрушка Иванов
 Омелька Савин
 Васка Леонтьев
 Елизарко Волынкин
 Ивашко Емельянов
 Митка Ефимов
 Ивашко Титов
 Оска Насонов
 Лаврушка Осипов
 Гаврилко Ефимов
 Волотка Омелянов
 Ондрюшка Осипов
 Ивашко Леонтьев

Гришка Лукьянов
Ивашко Тимофеев Кузнец
Митка Давыдов

Енисейские служилые люди, которые приплыли с енисейским сыном боярским с Петрушкою Бекетовым в том же во 162 [1654] году в другом приезде:

Петрушка Бекетов, енисейской сын боярской. [Вышел с Амура в 1657 году]

Ивашко Гарасимов Чабучаков. [Десятник, вышел на Лену с А. Петриловским в 1659 году]

Нифантейко [Никитин] Смольников

Любимко Павлов

Федоско Васильев [Донщина, верхоленский казак]

Васка Лукин Оленев

Митка Яковлев Бархат

Парфёнок [Парша] Назаров Домощёкин

Федка Семёнов Мансуров

Ивашко Фомин

Ивашко [Иванов] Ощепков

Осташко [Иванов] Хиценков

Ивашко Петровской [Ивашко Петров Носко, верхоленский наёмщик казачий]

Семейка [Давыдов] Бермятин. [Верхоленский наёмщик казачий]

Якимка [Иванов] Мергень. [Верхоленский наёмщик казачий]

Давыдка Остафьев Дуброва [Верхоленский наёмщик казачий]

Охочие служилые люди [пришли с П. Бекетовым]

Офонко Мантуров

Федка Данилов

Мишка Костянтинов

Терёшка Григорьев

Ивашко Иевлев [Тельной, впоследствии пятидесятник]

Ивашко Семёнов

Логинко Никитин Колмак

Поздейко Яковлев

Ивашко Михайлов

Лёвка Петров

Гришка Иванов [Вьюгин, верхоленский казак]

Пятунька Ульянов [Верхоленский казак]

И все служилые люди разных сибирских городов, и охочие служилые амурские казаки, которые писаны в сём послужном списке, служили государю [А. М.], опричь приезду енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осми человеки в прошлом во 162 [1654] году на усть Шингалу реки и в Шингале реке с богдойскими воинскими людьми строговым боем, и Божиею милостию и государевым счастьем на том бою многих богдойских людей побили.

И в нынешнем во 163 [1655] году в Усть-Комарском острожке богдойс-

кие воинские люди, собранные разных земель, которые под ево, богдойскою, областью, приехав, обсадили и с наряду, ис пушек, били по всякой день и ночи по острожку. И служилых людей и охочих амурских казаков от пушечною бою Бог помиловал, острог отсидели. И на выласку те служилые и охочие амурские казаки выходили, и много богдойские силы побили, и порох, и ядра, и оружие отбили, и языков на той выласке поимали раненых.

И после их отъезда служилые и охочие амурские казаки ходили в их таборы богдойские. И которых богдойских людей побили под стеною, и тех убитых людей из-под стены волочили, и по своей оне вере тех убитых богдойских людей жгли на своих оне куренях много. А иных многих убитых богдойских людей от острогу в приступное время волочить не успели.

А сидели в осаде в Усть-Комарском острожке от богдойских воинских людей всех разных городов тобольские и тюменские, и сургутские, и верхотурские, и Туринского острожку, и Верхоленского Брацкого острожку, и Енисейского острогу пятьсот тридцать человек служилых людей и охочие все амурские казаки, которые служат государю на великой реке Амуре своими подъемами да енисейского острогу сын боярской Петрушка Бекетов с дватцатью с осмью человеки, и те все служилые и охочие амурские казаки написаны поименно в сём послужном списке выше сего.» [78]

К этому послужному списку необходимо сделать несколько замечаний.

Хотя сказано, что в послужном списке записаны все служилые люди и охочие амурские казаки в количестве 530 человек, на самом же деле в послужном списке упомянуто лишь 474 человека. Значит, пропущено 56 человек. В приложенных к отписке Онофрия Степанова Кузнеца челобитных, относящихся к обороне острожка, в большом количестве встречаются имена, не упомянутые в послужном списке. А в заключительной части сказано о действиях русских после ухода неприятеля.

Обратим также внимание на то, что в этом документе в последний раз упоминаются имена сыновей тутурских пашенных крестьян, ссыльных черкасов. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Ещё одно замечание. У Г. А. Леонтьевой написано:

«На территории Восточной Сибири из Верхоленского и Балаганского острожков к Зиновьеву присоединилось 30 охочих казаков.» [79]

Ни о каких охочих казаках из Балаганского острожка в послужном списке не упомянуто. Да и других документов об этом нет. Балаганский острожек находился на Ангаре, никто оттуда к Зиновьеву не бежал.

Это же повторяет и А. Р. Артемьев, причем кроме ссылки на Леонтьеву он даёт ещё и ссылку на «Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле» (СПб, 1891, с. 3) [80]

Однако, на с. 3 не упоминается ни о верхоленских, ни о балаганских охочих казаках.

На обороте листов послужного списка имеются рукоприкладства, к примеру:

«К сему послужному списку вместо верхоленских служилых людей Пронки Дементьева [Кислого], Омелки Архипова, Тимошки Федотова и за себя служилой человек Федка Семёнов Львовых руку приложил.

К сему послужному списку верхоленских служилых десяти человек велению Митька Селифанов руку приложил.

К сему послужному списку охочей амурской казак Ивашко Костентинов и вместо охочих же амурских казаков, которые пришли с Михайлом Кашинцом, пятидесяти человек, и в своё место Колоколник руку приложил.»

Кроме послужного списка к отписке были приложены челобитные. Одна челобитная была от служилых людей и охочих казаков, которые после снятия осады ходили на разведку.

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, амурские служилые люди, десятники и рядовые, и охочие казаки. [Далее поимённо перечислено 62 человека.]

В нонешнем, государь, во 163 [1655] году, апреля в ... день. по твоему государеву указу и по наказной памяти посланы мы, холопи твои, из Комарского острожку на твою государеву службу в подсмотр войским, стом дватцатью человеки, в гору на двое сутки и больше, проведать накрепко сакмы и дороги твоих государевых изменников, даурских людей, которые, государь, подзывали богдойских людей и всех земель собранья, которые иноземцы под богдойскою областью.

И мы, государь, холопи твои по твоему государеву указу на тоё твою государеву службу из Комарского острожку ходили вверх по (Ко)мару реке и вверх по речке по Уркуну по их, богдойским, сакмам и дорогам, куда пошла богдойская сила.

И мы, государь, холопи твои, шли в гору полтора дни до их, богдойских воинских людей, до первого их становья и наслегу. И на том, государь, их становье жжёно много богдойских убитых людей и доспешная одёжа, — куяки и шишаки, и нарушни, — и тот их всякой богдойской приступной завод, — порох и пули пищальные свинцовые, и долота, и скоб, и теслы, — и всякой железной завод дорогою метали.

И от того, государь, места извесным делом з дороги большая половина того войсково служилые люди назад воротилися з дороги. А мы, холопи твои, шестьдесят человек, и впредь ходили, и тех сакмы и дороги подлинно проведали допряма, откуды то богдойское войское пришло и куда отошло. И ту, государь, Уркун доходили до вершины и переходили, холопи твои, пять вершин.

И те, государь, иноземцы пошли врознь на пять дорог, всякой в свою землю, вверх и вниз, и по сторонним запольним рекам, где хто жили, по своим займищем. И дорогою, государь, те воинские люди доспешную свою одёжу метали, целые куяки и шишаки, кои их у них и верб[л]уды дорогою попадали много, безчислено.

И мы, государь, холопи твои, проведав всего того допряма, накрепко, про всё, и ту доспешную одёжу дорогою собрав, пришли в Комарской острожек, дал Бог здорово.

Милосердый государь, [А, М.], пожалуй нас, холопей своих, своим царским жалованьем. Вели, государь сию нашу челобитную принять в Комарском острожке приказному человеку Онофрею Степанову и челобитье наше записать, и об том ведомо государю учинить наша служба и радение.» [81]

Таким образом, выясняется, что маньчжурское войско пришло к острожку по долине реки Комары.

В этой челобитной поимённо перечислено 62 человека, из них только 9 упомянуты в послужном списке. Объясняется это, по-видимому, тем, что послужной список был составлен раньше этого похода.

Следующая челобитная была от охочих амурских казаков, которые бежали с Лены с Пронькой Кислым, и которые бежали с Васькой Семёновым Черкашенином и Давыдком Васильевым Кайгородом. Самих предводителей среди них уже не было. Васька Черкашенин, как уже было сказано раньше, утонул, Давыдку Кайгорода увёз обратно на Лену Дмитрий Зиновьев. Эта челобитная была подана только от имени служилых людей, то есть от судовых плотников и казаков Верхолёнского острожка. Беглые пашенные крестьяне и гулящие люди, бежавшие вместе с ними, в челобитной не записаны.

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, охочие амурския казаки:

*десятник Климко Иванов новгород [Городец]

*Ивашко Костянтинов Колокольник устюжанин [он же Кузнец, он же Кудреватой]

*Лёвка Михайлов колмогор

и рядовыя охочия амурския казаки:

*Миронко Федотов

*Силка Федотов устюжанин

*Сидорко Дементьев

Васка Спиридонов

*Филька Григорьев

Филька Андреев

*Семейка Иванов [Шило]

*Ермилка Прокопьев

*Ивашко Афонасьев

+Матюшка Панфилов [Хворостинин]

+Нестерко Григорьев [важенин]

+Якунька Никитин

+Матюшка Васильев

Омелька Савин

+Тренка Семёнов

+Пронька Иванов [Черепан]

+Юшко Иванов

+Евдокимко Филатов [Захлебай]

+Пронька Кипреянов

+Мишка Аврамов

+Терёшка Васильев

*ВаскаФёдоров

+Петрушка Иванов

+Агафонко Яковлев

+Филька Кононов

+Онтонко Емельянов.» [82]

Знаком * здесь отмечены люди, которые пришли с Пронькой Кислым, а знаком + люди, которых привёз Михаил Кашинец. Все они также упомянуты в послужном списке. А три человека, не отмеченные никаким знаком, в послужном списке не упомянуты, и ранее в окладной книге илимского воеводы Б. Д. Оладья не упоминались.

Далее в челобитной написано:

«В прошлом, государь, во 161 [1653] году, слышачи, государь, про твою государеву дальнюю отчину про Даурскую землю, что де на великой реке Амуре послан по твоему государеву указу Якуцкого острогу приказной человек Ярофей Павлов [с] служилыми людьми и с охочими амурскими казаками на твою государеву службу, а та твоя государева дальная отчина многолюдная Даурская и Дючерская земля, и мы, холопи твои, похотели тебе, государю, послужить. И подымались с великие реки Лены из Верхоленского острогу на ту твою государеву дальнюю отчину в Даурскую землю, и покупая для твоей государевы службы порох и свинец, и хлебные запасы, и оружие, и струги своими подъёмы, радеячи тебе, государю, и твоей государеве службе.

И пришли мы, холопи твои, на твою государеву службу на великую реку Амур к приказному человеку Ярофею Павлову, и к амурским служилым и охочим амурским казакам в полк. И служили мы, холо(пи) твои, тебе, государю, на великой реке Амуре с приказным человеком Анофреем Стефановым и с амурскими служилыми и охочими казками вместе, заедины, и твою государеву ясачную казну с приказным человеком и с амурскими казаками собирали вместе, и всякую твою государеву службу служили.

Да мы, холопи твои, тебе, государю, служим на великой реке [Амуре] и по сё число до твоего государева указа. И с теми твоими государевыми изменники, богдойскими и даурскими, и дючерскими, и иных многих земель, — бои беспрестанные. И о том писано с великия реки Амуре тебе, праведному государю, к Москве от приказного человека Онофрея Степанова и от всево войсково в войсковой челобитной.

Да в прошлом, государь, во 154 [1646] году на Илимском волоку в Ылимском остроге твой государев воевода Василей Никитич Пушкин прибрал на твою государеву службу в Верхоленской Братцкой острог охочих промышленных людей и гулящих. И мы, холопи твои, подымались подъёмы на твою государеву службу своими, покупая порох и свинец, и оружие, и кони, и хлебная запасы, должая великими долгами.

И служили мы, холопи твои, на твоей государеве службе в Верхоленском остроге с сыном боярским с Алексеем Бедарёвым и с ыными приказными людьми, и с верхоленскими казаками по семь годов ежегод, безпрестани, летом и зимой, бес твоего государева хлебного и денежного жалованья, и без пороху и свинцу.

<...> Вели, государь, сю нашу челобитную принять в Комарском остроге приказному человеку Анофрею Стефанову и под отписку подклеить, и тебе, праведному государю, ведомо учинить об наших службишках. А мы, холопи твои, ожидаем твоей царской к себе светлости.» [83]

Здесь челобитчики, видимо, имеют в виду поход против «братских» людей во главе с илимским приказным человеком Алексеем Бедарёвым. Тогда,

действительно, ходили в поход вместе со служилыми людьми и многие гулящие люди. Вместо жалованья они довольствовались «погромным» скотом и ясырями.

Была также отдельная челобитная от служилых людей, пришедших в амурское войско лично с Петром Бекетовым. Те же, которые пришли отдельно от него, хотя и числятся в послужном списке, но в челобитной не упомянуты. Это говорит о том, что отношения между Петром Бекетовым и теми его людьми, которые самовольно ушли от него, оставались натянутыми. Охочие люди, пришедшие вместе с Петром Бекетовым, тоже не упомянуты.

«Царю [А. М.] быют челом холопи твои, Енисейского острогу сын боярской Петрушка Бекетов и служилые люди:

десятник Ивашко Герасимов Чебучаков

рядовые служилые люди:

Нифантко Никитин Смольников

Ивашко Фомин

Митька Яковлев Бархат

Парша Назаров Домощёнкин

Любимко Павлов

Осташка Иванов Хиценков

Васка Лукин [Оленев]

Ивашко Иванов Ощепков

Фетька Семёнов Мантуров

да верхоленские казаки:

Федосейка Васильев Донщина

наёмщики казачьи:

Якушко Иванов Мерген

Ивашко Петров Носко

Давыдко Остафьев Дуброва

Семейка Давыдов Берметин.» [84]

Далее в челобитной описывается история прихода Петра Бекетова и его служилых людей в амурское войско. Эта часть челобитной уже приведена выше. А далее в челобитной написано:

«И в нынешнем, государь, во 163 [1655] году в Усть-Комарском острожке от богдойских воинских людей в осаде сидели. И Божиею милостию, а твоим государским счастьем от тех богдойских воинских людей в осаде отсиделись. А служили, государь, я, холоп твой, [с] служилыми людьми тебе, государю, в Усть-Комарском острожке с служилыми людьми со всем войском, с амурскими служилыми и с охочими.

А где, государь, мы, холопи твои, служили твою государеву службу на великой реке Амуре, и то, государь, писано в послужном списку, поданном со всем войском с амурскими служилыми людьми и с охочими казаки к тебе, великому государю.

<...> Пожалуй, государь, нас, холопей своих, для нашей службы и за великое терпение, и за кровь, и для нашего осадного сиюжения своим царским

жалованьем, чем тебе, праведному государю, Бог известит, чтоб нам, холопям твоим, будучи на твоей государеве дальней службе, голодною смертью не помереть и твоей бы царские службы впредь не отбыть.

И вели, государь, сию нашу челобитную принять приказному человеку Онофрею Степанову и, подклея под отписку, послать к тебе, ко государю, к Москве.» [85]

Е. В. Вершинин в статье о П. Бекетове писал:

«Данный документ, датиремый апрелем 1655 г., является пока что последним достоверным известием о Бекетове.» [86]

Но этот документ не последний. Несколько позднее по ходу изложения мы приведём ещё документы, ранее не введённые в научный оборот, которые позволят рассеять некоторые недоразумения о дальнейшей судьбе Петра Бекетова.

Свои отписки, послужной список и челобитные Онфрий Степанов Кузнец послал в Якутский острог вместе с соболиною казною.

«А что, государь, собрано твоего государева ясаку в прошлом во 162 [1653—1654] году и в нынешнем во 163 [1654—1655] году з даурских и з дючерских людей, и та твоя государева ясашная соболиная казна послана к тебе, государю, [А. М.] к Москве з добрыми с служилыми людьми: с Трофимом Никитиным да з Богдашкою Габышевым. А тот Богдашко Габышев был на великой реке Амуре у твоих государевых дел в подьячих.

А с ними служилые люди:

в целовальниках Марчко Ондреев

Титко Леонтьев [осташковец]

Кирилко [Игнатъев] Кобель

Стенька Леонтьев

Сенька Михайлов

Баженко Измайлов

Митька [Назаров] Тютя

Ондрюшка Васильев [Строганов]

Ивашко Харитонов [Широкой]

Осташко Семёнов

ясаул Тимошка Фёдоров

Симанко Захаров

Ивашко Петров

Мишка Леонтьев

Фетька Козёл

Сергушка Иванов

Дёмка Осипов

енисейских государь служилых людей:

Федька Семёнов

Овдейка Спиридонов.» [87]

Но тут случилось непредвиденное. Часть людей, посланных проводить соболиную казну только до Тугирского волока, назад в амурское войско не вернулась, а пошла в Якутский острог. Пошла, видимо, неспроста. Наступил какой-то перелом. Совсем недавно бежали на Амур, теперь бежали с Амура.

В другой отписке, посланной позднее, сообщаются имена некоторых из этих людей.

«Да в нынешнем же во 163 [1655] году, мая в ... день, послал я, Онофрейко, из Комарского острожку государеву [А. М.] ясашную соболиную казну и с отписки к государю к Москве добрых служилых людей Трофимка Никитина да подьячего Богдашку Габышева [написано: Рабышева] с товарищи и к тебе, государеву воеводе, в Якутской со Спаскою казною и с отписки добрых служилых людей Микулайка Юрьева с товарищи.» [88]

Здесь указан месяц май, но не указано число и не перечислены поимённо все люди, посланные в Якутск. Далее в отписке сообщается:

«А послал я, Онофрейко, из Комарского острожку проводить ту государеву ясачную соболиную казну и спаскую, и служилых людей до Урки реки, до Тугирского волоку, пятьдесят человек. И проводя ту государеву и спаскую казну, и служилых людей, велел быть им всем тотчас, не мешкав, назад в Комарской острожек.

И как те служилые люди проводили ту государеву ясачную соболиную казну и спаскую, и служилых людей до Урки реки, и на Урке реке служилые люди Тобольского города да Сургуцкого города 10 человек:

Данилко Спиридонов
Ивашко Антропьев Кубышкин
Тихонко Савельев Колупаев
Ивашко Фёдоров Чюрка
Макарко Софронов
Ивашко Гаврилов Москва
Андрюшка [Фёдоров] Паруныин
Федька Иванов Лыткин
Федотко Насонов Камень
Парфёнок Иванов,

не послушав государева указа и своровав, побежали самовольством своим без государева указа и без отпуску моего, Онофрейкова, за волок на Тугирь.» [89]

Все они записаны в послужном списке, за исключением Федьки Иванова Лыткина.

Точная дата прибытия их в Якутский острог неизвестна, но уже 9 июня 1655 года в таможенной книге Якутского острога сделана запись о них. На этот раз погромная мягкая рухлядь была побогаче, чем в 1654 году.

«Июня в 9 день [1655 г.] выдано даурским служилым людям их соболиной даурскою их погрому мяхкой рухляди:

Ивашку Иванову южаку — дватцать соболей; десять сороков тритцать хвостов соболих; да выдра; четыре малахаишка хвостовых соболих; три подскора пупчатые, околы соболи. Десятую платил того ж дни.

Онтонку Евсееву пенежанину выдано шездесят семь соболей; тритцать пупков соболих; три шубёнка иноземских соболих пластинных. Десятую платил того ж дни.

Андрюшке Степанову Потаповых — сорок соболей. Десятую платил того ж дни.

Тимошке Федотову — четыре соболя; лоскутьишко мелкое соболье. Десятую платил того ж дни. У него ж, Тимошки, — два подскора пупчатых, околы соболя. Десятую платил июля в 5 день.

Симанку Захарову — сорок соболей. Десятую платил июня в 9 день.

Степанку Левонтьеву новгородцу — тридцать соболей да семнатцать соболишек плохих; четыре малахая хвостовых соболях. Десятую платил того ж дни.

Ивашку Харитонову — десять соболишек; пятьдесят шесть пупков соболях; два шубёнка пластинные даурские соболя; девять пластинишек соболях; сто пятьдесят хвостов соболях. Десятую платил того ж дни. У него ж — подскор пупчатой, окол соболей; лоскутьишко соболье. Десятую платил того ж дни.

Андрюшке Васильеву — сорок один соболь; одиннатцать пластов соболях, шитых в шубу; объедки соболя. Десятую платил июня в 9 день.

Богдашку Козьмину Габышеву выдано десять соболей; тринатцать пупков соболях; два малахайшка хвостовых соболях. Десятую платил того ж дни. У него ж шуба пластинная соболя ношебная; да мех горносталей. Десятую платил июля в 25 день.

Трофимку Микитину — два сорока тридцать соболей; пластина, шита из соболей же; да малахайшко хвостовое соболье. Десятую платил того ж дни.

Баженку Измайлову — два сорока соболей; да два сорока пупков соболях; полдевята малахая хвостовых соболях; дватцать восемь пластинишек соболях; подскор пупчатой, окол соболей; девять сороков хвостов соболях. Десятую платил того ж дни.

Марчку Андрееву — сорок семь соболей; полдесята малахайшка хвостовых соболях; три подскоришка пупчатые, околы соболя; три пласта, шиты из мелко лоскутья соболя; сто пятьдесят хвостов соболях. Десятую платил того ж дни.

Титку Левонтьеву оставшковцу выдано тридцать соболей; шесть малахайшков хвостовых соболях; полвыдры; два подскора пупчатые, околы соболя; шубёнка огачинное соболье; да пластинишка, шиты из побочин соболях и из лап; дватцать пупков соболях; тринатцать сороков хвостов соболях. Десятую платил того ж дни.

Евсейку Фотееву [Гурылёву] — три сорока соболей; две шубы пластинных соболях иноземских; полчетвёрта малахая хвостовых соболях; два подскоришка шапочные пупчатые, околы соболя; лоскутьё соболье. Десятую платил того ж дни. У него ж — сорок хвостов соболях. Десятую платил июля в 13 день.

Семейке Михайлову выдано три сорока шесть соболей. Десятую платил июня в 9 день.

Кирилку Игнатьеву [Кобелю] выдано четыре шубёнка пластинных иноземских; да сорок семь пластинишек соболях худых; да сто полухвостов соболях; да малахайшко хвостовое соболье. Десятую платил июня в 9 день.

Фетьке Дмитриеву сургуцкому — дватцать шесть соболей. Десятую платил того ж дни.

Мишке Левонтьеву верхотурцу — дватцать шесть соболей; три сорока пупков соболий. Десятую платил того ж дни.» [90]

В Якутский острог, как уже сказано, была привезена спасская казна. С неё также полагалось платить десятую пошлину. О взятии её сделана запись в таможенной книге:

«Того ж дни [31 августа 1655 года] с Амура реки у спаских старост, у амурских охочих служилых людей у Ивашка Иванова да у Онтонка Евсеева, спасские казны, с мяжкой рухляди, со шти сороков з дватцати соболей десятой дватцать шесть соболей с хвосты взято.

У них же з десяти соболей, по оценке с пяти рублёв за полтину, десятой соболь с хвостом взято.» [91]

Среди вернувшихся в Якутский острог был также бывший предводитель (передовщик) ватаги промышленных людей, покручеников, нанятых и посланных на Олёкму торговым человеком Павлом Фотиевым Бизимовым, Петрушка Савельев. Он с этими покручениками присоединился к Хабарову во время его второго прихода на Амур. Тогда Павел Бизимов подавал жалобу на Ерофея Хабарова. А теперь эта история получила продолжение. Павел Бизимов подал жалобу на Петра Савельева (Савина):

«Лета 7163 [1655], июня в 17 день, бил челом государю [А. М.], а в Якутском остроге в Приказной избе стольнику и воеводе Михаилу Семёновичу Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково торговой человек Пашко Фотиев подал челобитную. А в челобитной пишет:

Государю [А. М.] бьёт челом сирота твой, торговой человек Пашко Фотиев. Жалоба, государь, мне на промышленного человека на Петра Савина.

В прошлом, государь, во 158 [1650] году я, сирота твой, с Ленского волоку ево, Петра, отпустил вверх по Олёкме реке на соболиной промысел передовщиком. Да с ним покручеников пять человек.

А товару и запасу, и всякого промышленного заводу ему, Петру, дано было на чetyреста на тридцеть рублёв. А промыслять, государь, было Петру с теми моим покручениками два годы.

И он, Пётр, с теми покрученики сшёл в Дауры. А живот мой свёз с собою. И по покрутным, государь, моим записем тот живот на тех покручениках брал в Даурах. А покрутные, государь, записи были посланы с ним же, Петром.

И в нынешнем, государь, во 163 [1655] году тот Пётр — в Якутском остроге. И тот мой живот и всякой промышленной завод, и что имал на покручениках по покрутным записям, не отдаёт, неведомо за что.

<...> Вели, государь, на того Петра в том моём иску дать свой царской суд и управу.» [92]

«163 [1655] году, июля в 3 день, по сему судному делу ответчик промышленной человек Петрушка Савин, выслушев исца, торгового человека Пашка Фотиева, исковой челобитны, отвечал. А в ответе сказал, что он, Петрушка, у него, Пашка, не покручивался и покрутных записей на ево, Пашковых, покручеников не имывал, и живота ево у ево, Пашковых, покручеников не имывал же.

И в том истец Пашко Фотиев с ответчиком с Петрушкою Савиным меж себя имались за веру крестного целованья. Ответчик Петрушка дал исцу

Пашку на душу крест целовать. И сверх крестного целованья истец Пашко Фотиев слался словесно из виноватых Илимского острогу на отпускные таможенные книги, в том, что он, Петрушка, отпущен на промысел с ево, Пашковы, ужины в передовщиках от него, Пашка.

И ответчик Петрушка Савин, слушев исца Пашка Фотиева, на таможенные книги слался ж, в том, что он написан в отпуску собою [с] своими ужины, а не от него, Пашка. А покрученики де ево, Пашковы, с ним, Петрушкою, на одном судне были.

И истец Пашко Фотиев слался словесно на всех на даурских охочих служилых людей, которые ныне пришли в Якутцкой, в том, что он, Петрушка, в Даурех у ево, Пашковых, покручеников живот имал.

И ответчик Петрушка Савин, выслушев исца Пашка Фотиева словесной ссылки, слался в том, что он живот имал у своего покрученика у Богдашки Анисимова. И тот де Богдашко в Ылимском остроге в таможенных книгах написан ево, Петрушкиным, покручеником, а не Пашковым.

И истец Пашко Фотиев слался словесно Якутцкого острогу на таможенной избы на подьячего на Ивана Давыдова да на торговых людей, на Ондюшку Балакшина, на Никитку Ворыпаева, на Ивашку Крюкова, да на промышленных людей на Петрушку Она[нь]ина да на даурского на Евсееву Бурылёва [Гурылёва — Г. К.], слался в том, что он, Петрушка, ему, Пашку, в его животе винулся.

И ответчик Петрушка, выслушев исца Пашка Фотеева словесной ссылки на Ивана Давыдова и на даурского охочево служилого человека на Евсееву Бурылёва и на промышленного человека на Петрушку Ананьина, слался в том из виноватых, что он ему, Пашку, в животе ево не винулся.

И обчая ссылка: даурские служилые люди допрашиваны. И в допросе сказали по государеву [А. М.] [крестному целованию] порознь.

И в Приказной избе перед стольником и воеводою перед Михаилом Семёновичем Лодыженским да перед дьяком перед Фёдором Тонкова обчая ссылка, допрашиваны порознь, а в допросе сказали по государеву [А. М.] крестному целованию:

Таможенной избы подьячей Иван Давыдов сказал: говорил де Петрушка Савин Пашку Фотееву: был де твой живот и покрученики со мною на дощенике, только де твой живот взял Ярко Хабаров, а я де твоим животом не завладел.

Якутцкого острогу служилой человек Васька Бетин сказал: Петрушка де у Пашкиных покручеников по покрутным живот и за судовые места имал шубами.

Якутцкого острогу служилой человек Богдашка Габышев сказал, что де Петрушка Савин в Даурах на Пашковых покручеников Фотеева по покрутным на Богдашке Онисимове, на Федьке Оладеникове, на Ивашке [Аверкиеве] живот искал.

Даурские охочие служилые люди Кирилка Игнатьев, прозвище Кобель, сказал: пришли де оне с Треньюкою Чечигиным на Омур. И он де Петрушка у покручеников у Богдашки Онисимова да у Федьки Оладенника, да у Ивашки Оверкиева по покрутным живот брал, что в войске доставалось. А те де покрученики были у него, Кирилка, в десятке.

Евсеев Фотеев [Гурылёв — Г. К.] сказал, что он пришёл в Дауры на Омур после Петрушки, спустя год. И про то де он ни про што не ведаёт. А нынеча де в Якутском остроге слышел он от Петрушки Савина, что он Пашку Фотееву в животе ево винился и живот ево отдавал, и говорил: вот де тебе ясырь да робёнок, да шубу. А заплати де за меня долгу дватцать рублёв.

Промышленной человек Петрушка Ананьин сказал: сидел де он, Петрушка, у ворот под башнею и туто ж сидел Петрушка Савин да Пашко Фотеев. И Пашко де говорил ему, Петрушке: отдай де мой живот. И он де, Петрушка, ему, Пашку, сказал: был де твой живот у меня, и тот де твой живот отнял у меня Ярко Хабаров.

Даурской охочей казак Ивашко Иванов сказал: сам де он про то не ведаёт, а от людей слышел, что Петрушка Савин у покручеников у Богдашка Анисимова да у Феды Оладенникова, да у Ивашка Оверкеева живот имал.

Ондрюшка Васильев, Онтонко Евсеев сказали, что оне ни про што про то не ведают.» [93]

Далее приложена память деньщику Приказной избы с приговором суда и его исполнением.

«Лета 7163 [1655], июля в 4 день. По государеву указу память деньщику Ивашку Корнилову.

Доправити ему исцова иску торгового человека Пашка Фотиева Смольникова по судному делу на промышленном человеке на Петрушке Савине чetyреста тритцать рублёв. Да с того иску государевых пошлин сорок три рубли. Да пересуду и правого десятка семь алтын две деньги.

А доправа на нём те деньги, с ведома стольника и воеводы Михаила Семёновича Лодыженского да дьяка Фёдора Тонково велено Приказные избы деньщику Ивашку Корнилову по ответчике по Петрушке Савине в ысцове иску Пашка Смольникова и в государевых пошлинах взять поручную запись.

И тот Петрушка поруки по себе не добыл, и посажен в тюрьму.» [94]

У Павла Фотиева Бизимова оказалась ещё вторая фамилия — Смольников, случай не редкий в те времена. В одной из челобитных он называл себя «прикащик Бажена Бализина Павел Фотеев Смольников.» [95]

Илимский воевода Богдан Оладьин однажды назвал его ошибочно: «Соли Вычегоцкой Бажена Бизимова прикащик Пашко Смольников.» [96]

То, что Петрушка Савин посажен в тюрьму, Пашка Смольникова не уstraивало, и он подал челобитную:

«163 [1655], июля в 23 день, бил челом государю [А. М.], а в Якутском остроге в Приказной избе стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково торговой человек Пашко Бизимов подал челобитную. А в челобитной пишет:

Царю [А. М.] бьёт челом сирота твой, торговой человек Пашко Бизимов.

В нынешнем, государь, во 163 [1655] году бил челом тебе, государю [А. М.], подал челобитную в Якутском остроге в Съезжей избе твоему государеву воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково я, Пашко, на амурского охочево служилого человека на Петра Савина

в ыску моём в четырёхстах в тридцати рублѣх по судному делу. И по приговору тот Пётр стоит на правеже.

А что, государь, у него есть даурских ясырей, девка с прижитком да ясырь же, парень гулѣн, и платье, и всякой борошень, и то он продаёт и закладывает на сторону. А мне, сироте твоему, не платит ничего, отстаиваетца на правеже.

<...> Вели, государь, тот ево ясырь и платье, и всякой борошень оценить и отдать мне, сироте твоему, за него, Петра, в уплату.» [97]

Просьба была удовлетворена. На обороте челобитной воевода написал неразборчивым почерком, читаются не все слова:

«163 [1655], июля в 23 день. Велеть ...у него животов ...и отдать исцу в ыске.»

Приговор привели в исполнение.

«Июля в 29 день по приказу стольника и воеводы Михаила Семёновича Лодыженского да диака Фёдора Тонково промышленного человека Петрушки Савельева даурской ясырь, жонка Илеглапова да малой Дабчега Чюлунеев, отданы в ыск Пашку Смольникову, жонка с робёнком с полугодовым за тридцать рублѣв, малой Дабчега за пятнацать рублѣв.» [98]

На этом же листе написано:

«Пашко ясорь, жонку с робёнком да малово Дабчагу взял. По его велестью Козёмка Подошевников руку приложил»

Ещё было одно судное дело, связанное с побегом на Амур верхоленских служилых людей во главе с Васькой Черкашенином. Дело закончилось полюбовно.

«Царю [А. М.] быют челом холоп твой охочей служилой человек Сергушка Кипреянов да торговой человек Ивашко Никитин Тюрин.

В прошлом, государь, во 161 [1653] году, как бежали в Даурскую землю из Верхоленского острожку верхоленские служилые люди и пашенные крестьяне, Васка Семёнов Черкашенин с товарищи, и взяли они у меня, сироты Ивашка, на Усть-Киренги пишаль гладкую да пишаль съезжую.

И в нынешнем, государь, во 163 [1655] году, июля в 14 день, в Якутском остроге опознал я, сирота твой Ивашко, у него, Сергея, пишаль свою съезжую. И я, сирота твой Ивашко, не ходя на суд, в том своём иску с ним, Сергеем, помирился полюбовно. А мировые пошлины с того дела я, Сергушка, перевёл на себя.

<...> Вели, государь, в Якутском остроге в Съезжей избе своему государеву стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково мир наш велеть записать.» [99]

На обороте челобитной:

«К сей мировой челобитной вместо Сергушки Кипреянова по его велестью площадной подьячей Гришка Иванов руку приложил.

К сей челобитной вместо отца своего Ивана Никитина по его велению сын его Исачко Иванов руку приложил.

Взять к делу и пошлины взять по государеву указу, и в приход записать.»

Привезённая с Амура государева соболиная казна готовилась к отправке в Москву. В это же время в Якутском остроге находился Никифор Хабаров.

Еще в начале марта 1655 года была сделана запись в таможенной книге о взятии с него десятой пошлыны:

«Марта в 4 день [1655 г.] у служилого человека у Микифорка Павлова Хабарова с погромной ево з даурской с мяжкой рухляди, з девяти шубёнок иноземских собольих да с восьми малахайшков хвостовых собольих, по оценке всего з дватцати с пяти рублёв, десятой два рубли с полтиной взято.» [100]

Летом, как обычно, стали готовиться к отправке соболиной казны в Москву. Выходцы с Амура подали челобитную:

«Царю [А. М. бьют челом холопи твои, охочие амурские служилые люди:

Дмитрейко Назаров Тютя

Титко Леонтьев [осташковец]

Ондрюшка [Васильев] Строганов

Тимошка Федотов [Муха]

Семейка Михайлов

Евсейко [Фатьянов] Гурылёв

Баженко Измаилов

Ивашко Харитонов [Широкой]

Оска Яковлев Олень

Марчко Ондреев.

В нынешнем государь, во 163 [1655] году присланы мы, холопи твои, с великие реки Амура от служилого человека от Онофрейка Степанова за твоею государевою ясачною соболиною казною в Якутцкой острог к твоему государеву стольнику и воеводе к Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково.

«Вели, государь, к своей государеве казне приписать и к тебе, ко государю, к Москве отпустить.»

На обороте челобитной написано: «Отпустить с прово(жатыми).» [101]

Никифор Хабаров тоже собирался присоединиться к служилым людям, которые повезут государеву соболиную казну в Москву, и подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, охочей даурской служилой человек Никифорко Хабаров.

В прошлом, государь, во 159 [1651] году твой государев воевода Дмитрий Францбеков да диак Осип Степанов послали меня, холопа твоего, на твою государеву службу в новую Даурскую землю с служилыми и с охочими промыслеными людьми. И всех государь нас, холопей твоих, было в посылке 134 человека.

И как, государь, в прошлом же во 160 [1652] году Третьяк Чечигин с служилыми людьми [пришёл] под Тугирской волок, и меня, холопа твоего Никифорка, да служилого человека Ивашка Артемьева [Кашинца — Г. К.] с служилыми людьми, шестого человека, да старых служилых людей, годовалщиков, 11 человек, на Тутурском волоку у твоей государевы зелейной и свинцовой казны оставили они, Третьяк, на Тугирском волоку. А сами они пошли с Тугирского волоку в новую Даурскую землю в прошлом же во 160 [1651] году, сентября в 9 день.

И мы, государь, холопи твои, с Иваном Артемьевым тебе, государю, на

Тугирском волоку служили и на иноземцов в поход ходили. И Божиею милостию, а твоим государским счастьем в прошлом же во 160 [1651—1652] году на Тугирском волоку неясачных тунгусов с Витима реки Киндигирского роду дву человек, Чилмачю да Аничю, в аманаты поймали, и взяли под них вновь на тебя, великого государя, ясаку на 160 [1651—1652] год два сорока один соболь. И тех, государь, аманатов и соболи послали мы, холопи твои, с Иваном Артемьевым в Якутцкой острог с служилыми охочими, с Посничком Володимеровым.

А сами, государь, мы, холопи твои, пошли с твоею государевою зелейною и свинцовою казною на Амур реку к Ярофею Хабарову с товарищи. И как, государь, я холоп твой, твою государеву зелейную и свинцовую казну привёз на Амур, и брат мой Ярофей Хабаров велел мне, холопу твоему, служить твою государеву амурскую службу с служилыми людьми вряд. И я, государь, холоп твой, будучи на Амуре реке, тебе, государь, служил, аманатов имал и в походы ходил.

И в прошлом, государь, во 162 [1654] году с Амуре реки приказной человек Онофрей Степанов послал меня, холопа твоего, с служилыми людьми, с Гарасимом Максимовым с товарищи, всех десять человек, с отписки в Якутцкой острог.

И служил, государь, я, холоп твой, с 159 [1651] году до нынешняго 163 [1655] году, мая по 31 число без твоего государева денежного и хлебного жалованья.

<...> Вели, государь, меня из Якутцкого острогу отпустить своему государеву стольнику и воеводе Михаилу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково к тебе, государю, к Москве. И вели, государь, сю мою челобитную под отпискою послать к тебе, государю, к Москве.» [102]

11 июня 1655 года сделана запись в таможенной книге Якутского острога об отпуске в Москву амурских служилых людей. Они повезли в Сибирский приказ соболиную казну и отписки. Поехали не все, часть осталась в Якутске. Кроме амурских служилых людей, которые прибыли в Якутск в 1655 году, поехали также некоторые амурские служилые люди, которые прибыли в Якутск в 1654 году. Каждый вёз с собой «погромную даурскую мягкую рухлядь». Перед отъездом они заплатили отъезжую, посороковую и печатную пошлыны. К амурским служилым людям было добавлено ещё несколько человек из Якутского острога во главе с служилым человеком, впоследствии сыном боярским, Вторым Катаевым, который прибыл в Якутский острог с Колымы. Приводим некоторые записи из таможенной книги:

«Того ж дни [11 июля 1655 г.] отпущен к Руси Якутцкого острогу служилой человек Богдашко Козьмин Габышев. А с ним мяжкой рухляди сорок соболей с хвосты даурского погрому; да шубёнко пластинное соболье; да мех горносталя. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той у него мяжкой рухляди на пятьдесят рублёв. И с той у него с мяжкой рухляди государева десятая пошлына взята в Якутцком остроге сполна. Отъезжего с него и посорокового с соболей шесть денег взято. С него ж печатного полалтына взято.» [103]

«Того ж дни [11 июля 1655 г.] отпущен из Якутцкого острогу вверх по

Лене мимо Илимской и Енисейской остроги к Руси амурской служилой человек Евсеейко Фотеев [Гурылёв]. А с ним даурской погромной мяхкой рухляди два сорока дватцать восемь соболей; две шубёнки иноземские соболю; полчетвёрта малахая хвостовых соболю; два подскора пупчатых, околы соболю; сорок хвостов соболю; лоскутишко соболю. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той у него мяхкой рухляди на сорок на девять рублёв с полтиною. И с той у него с мяхкой рухляди государева десятая пошлина взята в Якуцком в таможе. Отъезжево с него и посорокового с соболя два алтына з деньгою взято. С него ж печатных пошлин восемь алтын полторы деньги взято.» [104]

В этой же книге есть запись и о Втором Катаеве:

«Того ж дни [11 июля 1655 г.] отпущен к Руси служилой человек Вторко Катаев. А с ним ис колымской выпиши мяхкой рухляди сорок соболей с хвосты; подскор пластинной соболей; треух соболей под камкою, опушён хвостами соболюми; шапка девья хвостовая соболю. А Якутцкого острогу по таможенной оценке той у него мяхкой рухляди на пятьдесят рублёв. И с той у него мяхкой рухляди государева десятая пошлина взята на Колыме реке в таможе сполна. Отъезжево с него и посорокового с соболей алтын взято. С него ж печатных пошлин восемь алтын взято.» [105]

Но в книге нет записи об отпуске Никифора Хабарова в Москву. Что сорвало его поездку в Москву, неизвестно. Приведённая здесь его челобитная является последним документом, где упоминается Никифор Хабаров.

В феврале 1656 года амурские служилые люди прибыли в Москву. Об этом имеется запись в делах Сибирского приказа:

«В нынешнем во 164 [1656] году, февраля в 13 день, писали к государю [А. М.] из Сибири с Лены и из Якуцкого острогу стольник и воевода Михайло Лодыженской да дьяк Фёдор Тонково и прислали из Якуцкого острогу з государевою ленскою и даурскою соболиною казною, и со всякою мяхкою рухлядью служилых людей — ленских казаков:

Вторка Катаева

да десятника Кузёмку Лошакова

Тимошку Ливинца

Ларьку Шумилова

Богдашка [Козьмина] Габышева

Трофимка Микитина

Любимка Меркурьева

Пронку Григорьева

Онтонку Маркова

Пронку Ортемьева

Ивашка Ашманаева

Ивашка Переменина

да даурских иноземцов, выходцов Тимошку да Митьку Ивановых

да даурских охочих казаков:

Митьку [Назарова] Тютю

Титка Левонтьева [осташковца]

Ондрюшку [Васильева] Строгонова

Тимошку Федотова [Муху]
 Семейку Михайлова
 Евсвейка Фотеева Гурылёва
 Богдашка [Баженка] Измайлова
 Ивашка Харитонов [Широково]
 Оску Яковлева [Оленева]
 Марчка Ондреева
 да целовальников — торговых людей:
 Моску Фёдорова
 Ивашка Крюкова.» [106]

Так послужной список и отписки Онофрия Степанова Кузнеца были доставлены в Сибирский приказ.

Важно отметить, что Е. Хабаров был в это время в Москве. Но Никифора Хабарова в списке приехавших в Москву нет.

По расспросам амурских служилых людей в Сибирском приказе было выписано:

«Да на Москве ж по скаске даурских служилых людей Микитки [надо: Митьки — Г. К.] Назарова с товарищи, 11 человек, которые присланы из Даур з государевою соболиною казною во 164 [1656 г.] и по отписке из Даур приказного человека Онофрейка Степанова 167 [надо: 164, т.е. 1656] году, после де походу Дмитрея Зиновьева из Даур к Москве, пришли под Комарской острог богдойские воинские люди с нарядом и служилых людей осадили.

А до их де, воинских людей, приходу, которые служилые люди ис того острогу в загон для корму ходили, дватцать человек, и тех людей богдойские люди взяли в полон.

И к Комарскому острогу те воинские люди приступали многожды. А на приступех де русские служилые люди тех богдойских воинских людей побиили и переранили многих. И из острогу на выласку выходили, и взяли богдойских 3 человека языков, и от острогу воинских людей отбили. А языки в роспросе сказывали, что де богдойских воинских людей было десять тысяч в кукях да работных людей больши того.

А приходили де те богдойские воинские люди под Комарской острог по челобитью даурского мужика Лаптая. А тот Лаптай до приезде в Дауры Дмитрея Зиновьева сидел в аманатех у Ярка Хабарова с товарищи и ясак давал. А даурские и гиляцкие люди ево, Лаптая, во всём слушали, потому что он у них владетель был. Для того ево, Лаптая, в аманатех Ярком с товарищи у себя и держали, хотели тем те землицы умирить. А как де Дмитрий Зиновьев в Дауры приехал, и того Лаптая Дмитрий Зиновьев, взяв у Ярка, отпустил в свою землю.

И по Лаптаеву де совету даурские люди русских служилых людей 5 человек, которых Дмитрий Зиновьев послал к богдойскому и к никанскому царем в посланцах, Тренку Чечигину с товарищи, побиили в 162 [1654] году.

И того ж де году ходил он, Лаптай, к богдойскому царю бити челом о ратных людех, которые приходили войною под Комарской острог.» [107]

Приехавшие с Амура, уже обратно туда ехать не собирались, а пожелали обосноваться не в столь отдалённых местах.

В марте 1656 года в Сибирском приказе подал челобитную Левка Кудрин. В списке приехавших с соболиной казною он не записан. В послужном списке Онофрия Степанова также не значится.

«Царю [А. М.] бѣт челом холоп твой, тюменской стрелец Лѣвка Кудрин.

Был, государь, я, холоп твой, на твоей государеве службе в даурской з Дмитреем Зиновьевым. Тебе, государю, служил, нужу всякую и голод терпел, и в осаде от богдойских людей сидел. И ныне прислан из Даурские земли с твоею государевою казною к тебе, государю.

<...> Пожалуй меня, холопа своего, за ту мою нужную службу дальнюю. Вели, государь, мне быть на Тюмени в пушкарях на выморощное место дяди моево Мартына Степанова. А был в пушкарях на ево место, Мартыново место, Григорей Емельянов. И тот, государь, Григорей умер. А на Григорьево, государь, место без твоего государева указу хотел написать в пушкари поповича, неслуживаго человека, Матвей Полуехтов.» [108]

На обороте челобитной: «Государь пожаловал: велел выписать, был ли он з Дмитреем в Даурской земле. И будет был, и ево написать в пушкари.

164 [1656], марта в 17 день. По государеву указу боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком Григорью Протопопову, да Фёдору Иванову учинить по сему государеву указу.

Диак Алексей Посников.»

На Тюмень была послана грамота:

«От царя [А. М.] в Сибирь на Тюмень воеводе нашему Ивану Титовичю Шадрину.

Бил нам челом тюменской стрелец Федька [так в тексте — Г. К.] Кудрин. А сказал: был де он, Федька, на нашей службе в Даурской земле з Дмитреем Зиновьевым и нам служил, и всякую нужу и голод терпел, и в осаде он от богдойских людей сидел. А ныне де он, Федька, прислан к нам к Москве из Даурские земли с нашею казною.

И нам бы ево, Федьку, за ту ево службу пожаловать: велеть ему быть на Тюмени в пушкарях вместо дяди ево Мартынка Степанова. А тот де дядя ево Мартынка умре. А в ево место повёрстан был в пушкари Гришка Емельянов. И тот Гришка умре же. А в ево место хотел поверстать в пушкари Матвей Полуехтов без нашего указу попова сына, а не служилого человека.

И как к тебе ся наша грамота придѣт, и ты б тюменскому стрельцу Федьке Кудрину велел на Тюмени нашу службу служить в пушкарях вместо умершево пушкаря Гришки Емельянова, которой был повёрстан в пушкари вместо дяди ево Мартынка.

А оклад ему нашего денежного и хлебного жалованья учинил тот же, что был Гришке. И в окладные книги велел ево, Федьку, справить, и наше жалованье, деньги и хлеб, и соль, давать с нашими тюменскими пушкари в ряд. А попову сыну в пушкарех быть не велел.

Писан на Москве лета 7164 [1656] году, марта в 19 день.

Такова грамота дана за приписью дьяка Фёдора Иванова.» [109]

Один из посланных из Якутска с соболиною казною Мишка Леонтьев отстал по дороге, и в Москву прибыл только в сентябре 1657 года. Он подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой из дальные Даурские земли верхотурской стрелец Мишка Левонтьев.

В прошлом, государь, во 160 [1652] году, мая в 24 день, по твоему государеву указу послан я, холоп твой, с Верхотурья на твою государеву службу в Даурскую землю с твоим государевым дворянином з Дмитрием Зеновьевым.

И твоё государево жалованье, хлебное и денежное, дано мне, холопу твоему, на Верхотурье на 160 [1651—1652] и на 161 [1652—1653] дано же, одно денежное, а хлебное дано в Енисейском остроге. А на 162 [1653—1654] и на 163 [1654—1655] год, и на 164 [1655—1656] год мне, холопу твоему, твоё государево хлебное и денежное жалованье и по сё число не дано.

А послан я, холоп твой, из Даурские земли с товарищи, с Семейком Захаровым, пятеро человек к тебе, государю, к Москве с твоею государевою казною соболиною. И задержал меня, холопа твоего, в Енисейском воевода Иван Павлович Окинфиев. Потому я, холоп твой, не поспел с товарищи своими вместе. А нонечи я, холоп твой, прислан с Верхотурья к тебе, государю, с отписками.

И моей братье, которые вышли из Даур вместе, Симанко Захаров с товарищи, и им твоё государево жалованье дано на прошлые заслуженные годы, а мне, холопу твоему, не дано.

<...> Пожалуй меня, холопа своего, за те заслуженные годы на 162 [1653—1654] и на 163 [1654—1655], и на 163 [1655—1656] год мой оклад хлебное и денежное жалованье для своей государевы дальные службы.» [110]

Здесь Мишка Левонтьев один раз назвал Симанка Захарова неточно: Семейком. И почему-то написал, что было послано только пять человек.

На обороте челобитной написано:

«Дать грамота. Велеть сыскать на Верхотурье государеву грамоту, по которой велено послать с Верхотурья служилых людей в Дауры з Дмитрием Зиновьевым, и на их место в службу вновь поверстать велено ли.

И будет не велено, и хто ныне на ево Мишкино место повёрстан, того отставить и половину на нём жалованья, денег и хлеба, и соли, доправить и отдать Мишке, потому что они оба служили, один в Даурах, а другой на Верхотурье.

А в службе Мишке быть по-прежнему. А хто без указу на Мишкино место поставил, о том отписать ко государю.»

13 сентября 1656 года была послана грамота об этом на Верхотурье воеводе Ивану Севастьяновичу Хитрову и подьячему Григорию Похабову. [111]

Один из прибывших в Москву, Баженко Измайлов, записанный в послужном списке Онофрия Степанова Кузнецца, как охочий амурский казак во время второго прихода Ерофея Хабарова на Амур, подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой из Сибири, новые земли Даурские казак Баженко Измайлов.

В прошлом, государь, во 164 [1656] году прие[з]жал я, холоп твой, из Даур за твоею государевою соболиною казною к тебе, государю, к Москве, и ходил по обещанию на Унжу к Макарию чюдотворцу Богу молитца.

<...> Вели, государь, мне, холопу своему, за моё службишко по Енисей-

скому городу служить и быть в казаках в Енисейском в упалое место, а с собою взять с Унжи женишко своё Марьицу и детишек своих Ерёмку да Марьицу, да Ивашка на тех же подводах.» [112]

Баженко Измайлов, видимо, оценил обстановку в Енисейске во время следования в Москву. Просьбу удовлетворили. Соответствующая грамота была дана в Енисейск в январе 1657 года.

Вернёмся на Амур. После отправки соболиной казны и отписок амурское войско опять пополнилось новыми людьми. Это были служилые люди Якутского острога во главе с сыном боярским Фёдором Пушиным. О его прибытии Онофрий Степанов Кузнец сообщал в отписке якутскому воеводе:

«И приехав он, Фёдор, с служилыми людьми в Комарский острожек, подал мне, Онофрейку, и во всё войско наказную память от тебя, государева воеводы, за государевою печатью Якутцкого острогу и за дьячьею рукою Фёдора Тонково. А в наказной памяти написано: будет на него, Фёдора, с служилыми людьми на государеве службе на Аргуне реке какая хлебная нужда и голод, и мне, Онофрейку, с служилыми людьми его, Фёдора, с служилыми людьми велено хлебными запасы ссужать, и вожей ему, Фёдору, давать, ведущих людей, кто там на Аргуне, реке бывал.

А у нас на Амуре реке в войске ведущих людей, кто там на Аргуне реке бывал, и тех людей у нас нет, и там с великие реки Амура на Аргуне никто не бывал, и где кочюют какие люди, тунгусы или мунгалы, или какие иные люди, иноземцы, по той Аргуне реке живут и кочюют, и про то никто не ведаёт.

А хлебных запасов в войске ноне нет же нисколько, и сами ныне в Комарском острожке живём с великою нужею, и питаемся травою и кореньем. А что было хлебных запасов, и то в Комарском острожке в осадное время издержали, сидя в осаде. И ныне ссудить стало нечем. И мы ныне сами хотим пойти из Комарского острожку вниз, где можно праведному и великому государю послужить, и прибыль ему, государю, учинить, и где можно головы свои прокормить.

А держать стало государева острожку незачем, хлебных запасов не стало нисколько, холодны и голодны, и всем нужны, и в государеве казне пороху и свинцу на великой реке Амуре нет нисколько, оберегать стало государевы казны и острожку, и своих голов нечем.

А богдойских всяких воинских люлей под нами есть много блиско, даур и дючер, и иных всяких разных землиц людей, которые под его, богдойскою, областью. И нам, холопом государевым, поселиться нигде накрепко не дадут. И во всём от них, от всяких ратных людей, нам истеснение великое и налога большая. И на многие времена мы, холопи государевы, от них, всяких выписных ратных людей сидим в осадах, и живём, побегаючи летнею порою, и отплываем на низ для ради хлебных запасов и рыбной ловли. А хлеб емлем с поля сами за боем и за дракою у неясачных людей, где можно. А люди нам стали невмочь, потому что их стало многолюдно, а нас мало. А бой у них, у воинских всяких людей, всякой: стройной, огненной, пушки и пищали.

А о гулящих людех писал ты к нам, государев воевода, в войско на великую реку Амур в наказной памяти, что ему, Фёдору Пушину, к себе в полк

призывать государю послужить его государеву службу на новой Аргуне реке с ним, Фёдором. И гуляших людей у нас на великой реке Амуре в войске нет, oprичь амурских охочих казаков. И те ноне ожидают государева жалования и его царской милости и указу.» [113]

Фёдор Пушин был сослан на Лену в числе других служилых людей Томска за участие в бунте против воеводы. В Якутск они прибыли в кандалах. Якутский воевода М. Лодыженский сообщал томским воеводам:

«Господам Микифору Осиповичю [Нащокину], Оверкию Фёдоровичю [Болтину], Петру Михайловичю Михайло Лодыженской, Фёдор Тонков челом быют.

В нынешнем во 162 [1654] году, июня в 26 день, привёз к нам в Якутцкой острог сын боярской Пётр Лавров да по вашим отпискам ссыльных детей боярских и служилых людей Фёдора Пушина с товарищи, двенатцать человек, а один де человек, Пронька Аргунов, на дороге умер.

И мы тех ссыльных, которых он, Пётр, в Якутцкой привёз, по государеву указу в Якутцком остроге у него, Петра, приняли. Да у него ж, Петра, взяли десятеры ножные железа, которые были на колодниках, для того, что в Якутцком остроге по многим зимовьям для государева ясачного збору сидят в аманатах многие иноземцы, а желез в Якутцком остроге нет.

И отпущен Пётр Лавров из Якутцкого острогу в Томской июля в 10 день.» [114]

В Якутском остроге они были повёрстаны в службу. Имеется поимённая роспись с указанием назначенных им окладов:

«Роспись ссыльным людям, которые присланы ис Томского города в Якутцкой острог.

Дети боярские:

оклад денег 13 рублёв — Фёдор Пушин

оклад денег 16 рублёв — Михайло Яротцкой

оклад денег 8 рублёв — Василей Евгонской

Конные казаки:

оклад денег 9 рублёв — пятидесятник Ивашко Володимерец

оклад денег 7 рублёв 15 алтын — десятник Ондрюшка Щербак

по 7 рублёв с четью:

Богдашко Паламошной

Козёмка Чюрила

Филька Явловской

Васка Мухоплёв

Данилко Мухоплёв.» [115]

Сняв кандалы, Фёдора Пушина сразу же отправили на Аргунь. В книге расхода судов Якутского острога за 162 [1653-1654] год записано:

«Июля в 10 день [1654 г.] посланы на государеву службу на новую на Аргунь реку сын боярской Фёдор Пушин. А с ним послано якутских служилых людей пятьдесят человек. И тем служилым людям — четыре дощаника.» [116]

Имеется отпись Фёдора Пушина о принятии парусов:

«Се аз, Фёдор Иванов Пушин, Якутцкого острогу сын боярской, дал

есми отпись Якуцкого острогу служилому человеку Григорью Иванову Татаринову, в том что в нынешнем во 162 [1654] году принял я, Фёдор, у нево, Григорья, из государевы казны даурских парусов для государевы службы на Аргунь реку два паруса, один мерою в длину осмнатцать аршин, а поперёг осмнатцать полотнищ. Другой парус длина пятнатцать аршин, а поперёг дватцать два полотнища.

В том дал отпись. А отпись писал Якутцково острогу служилой человек Потапко Данилов Томской.

Лета 7162, июля в 6 день.» [117]

На обороте: «К сей отписе Фёдор Пушин руку приложил.»

Есть ещё одна отпись:

«Се аз, Фёдор Иванов Пушин, дал есми отпись Ивану Иванову да Роману Семёнову, в том что взял я, Фёдор, из государевы казны для аргуньские службы на потчалы и на бечевы четыре пуды пятнатцать гривенок прядена [написано: прятена — Г. К.] да два пуда олова.

В том ему отпись дал. Отпись писал Якуцкого острогу стрелец Кирилко Артемьев Брагин.

Лета 162 [1654] году, июля в 15 день.» [118]

Отсюда видно, что Фёдор Пушин выехал не 10 июля 1654 года, а несколько позже.

А как проходил этот поход, Фёдор Пушин сообщал в Якутский острог:

«В нынешнем во 162 [1654] году по государеву указу, а по вашему приказу послан я на государеву службу на новую Аргунь реку. И идучи дорогою Олёкмою рекою и Тугирем, велено проведать про изменника Онкоулка и про брата ево Такимо.

И в нынешнем во 163 [1655] году дошёл до Тугирского острогу, и зимовал в Тугирском остроге. И посыланы были служилые люди по сторонным речкам, по Нюгзю и по Вожму. И никакие тунгусы не объявились. И марта в 15 день [с] служилыми людьми с Тугиря реки за волок на Амур реку поднялся совсем.

А ис Тугирского острошку отпущены к вам, господа, служилые люди Богдашко Паламошной да Кузёмка Макаров. А с ними послан в дошанишные снасти, дроги и ноги, и побитых парусов лоскутьё. А новые полотнища взяты с собою на новую Аргунь реку.» [119]

Упомянутый здесь Онкоулко — тунгусский князец, отказавшийся платить ясак. Богдашко Паламошной — бывший томский казак, сосланный на Лену вместе с Фёдором Пушиным. Козёмка Макаров, — видимо, Козёмка Чюрила, сосланный из Томска же. С отпиской Фёдор Пушин послал также челобитную служилых людей о денежном жалованье на 164 [1655—1656] год.

«А твоё государево жалованье дано нам, холопом твоим, на один год, на 163 [1654—1655] год. И тем, государь, твоим государевым денежным жалованьем поднимались мы, холопи твои, из Якуцкого острогу на твою государеву службу в прошлом во 162 [1654] году.

А ныне, государь, мы, холопи твои, будучи на твоей государеве службе, наги и боси, и голодны, и холодны, задолжали великими долги.» [120]

Непонятно, почему им не выдали жалованье заранее в Якутске. А сами

служилые люди просить жалованье за невыслуженные годы, видимо, не решались. Да и нужны ли были на Аргунь деньги? Богдашко Паламошной и Козёмка Макаров прибыли в Якутск 31 мая 1655 года. До нового 164 [1 сентября 1655] года оставалось ещё три месяца.

В следующей отписке Фёдор Пушин сообщал:

«В прошлом во 162 [1654] году послан я из Якуцкого острогу на государеву службу на новую Аргунь реку. А указано в наказной памяти, что велено мне на Аргуне реке, избрав место, пос[та]вить зимовье.

И нынешнем во 163 [1655] году, мая в 15 день, с служилыми людьми на Аргунь реку пришёл. А идучи дорогою на Аргунь реку по Урке и по Амуру, никакие тунгусы не объявились до усть Аргуна реки.

А на усть Аргуна реки по государеву указу и по вашему наказу зимовье поставил. А из зимовья с служилыми людьми по Аргуну реке ходил три недели, и никакие тунгусские люди и их кочевья не объявились же, кроме старых жилищ. А которые тунгусы в тех жилищах жили, и те все розгонены от прежних служилых людей.

А на вершины Аргуна реки пойти нечем, что запасов у служилых людей никаких не стало. А которые были хлебные запасы и оружие, порох и свинец, и то многие служилые люди притопили в Урке реке, плувучи вниз до Амура реки, и ныне помирают служилые люди голодною смертью, живучи на усть Аргуна реки. А впредь государю служить стало нечем, потому что до вершины Аргуна реки без запасов дойти невозможно.

И вам бы, господа, меня и служилых людей голодною смертью не поморить, и в том ко мне отписать или прислать служилых людей хлебных.

А тем служилым людям, которые со мною, стало служить впредь невозможно, потому что на Амуре реке и на Аргуне рыбы и никакова корму добыть невозможно, река стала в вершине, а не к морю.» [121]

Эту отписку подал 28 июня 1655 года служилый человек Арефка Тарасов.

Заметим, что здесь у Фёдора Пушина не всё ладится с датами. Если он пришёл на устье Аргуни 15 мая, затем ставил зимовье, а после этого ходил три недели по верховьям Аргуни, то как же он уже 28 мая оказался в амурском войске?

В более поздней отписке, которую Фёдор Пушин писал, когда перешёл с Амура на Лену и зимовал на устье Олёкмы, он сообщил ещё некоторые подробности:

«В прошлом во 162 [1654] году послан я от вас из Якуцкого острогу на государеву службу на новую Аргунь реку проводить про немирные тунгусы, которые государев[а] ясаку не платили. И в прошлом же во 163 [1655] году дошёл до Аргуна реки, и по Аргуне реке ходил, и иноземцы нигде никакие не объявились, и до вершины Аргуна реки дойти было невозможно, оголодали хлебными запасы, и вожи не было, а кои были, а кой был [так в тексте — Г. К.] из Якутцакого острогу дан Гришка Вижевец, и он всё лгал, а нигде ничево не ведает, и голод приняли от него, что хлебные запасы притопили: сказал, что Уркую рекою проплывать мочно. И о том, что оголодали, людей нигде не сыскали, писал я к вам, господам, прежде с служилыми людьми с Васкою Фёдоровым.» [122]

Упомянутый здесь Васька Фёдоров был послан на Аргунь на год позже, чем Фёдор Пущин. О его отправке на Аргунь имеется запись в таможенной книге Якутского острога за 163 [1654—1655] год:

«Того ж дни [25 июля 1655 г.] посланы на Аргунь к Фёдору Пушину Васка Фёдоров с товарищи.» [123]

Однако, сколько было с ним человек и когда он встретился с Фёдором Пушиным, неизвестно.

Далее Фёдор Пущин продолжает:

«А до вашего, дожидаячи, указ[у] стало незачем, голод стал большой. А за волок перейти было голодным невозможно. А Гришка Вижевец сказал, что вниз по Амуру реке от Аргуни плыть день до Лавкаева житья, и хлеб де те мужики пашут, и хлебными запасы сподобитьца можно. И по ево, Гришкине, скаске с служилыми людьми до Лавкаева житья плавал, где бы запасы сподобитьца и государеву службу исполнить.

И в те поры, послыша амурские служилые люди Онофрейко Степанов с товарищи про нас, что есть вверх Амура реки государевы люди, и он, Онофрейко, посылал из Комарского острожку служилых людей Ивашка Карпова, Агапита Салдата, а с ними 50 человек. А велел им взять к себе сильно вверх Амура реки, ково из ыных людей ни найдут. И он, Ивашко Карпов, приехав, и почел говорить, что велено взять к себе в Комарской острог сильно. И Гришка Вижевец, Кирюха Брагин с товарищи свою братью многих подбили и иных с собою побрали сильно.

И я, Фёдор, приплыв в Комарской острог, почал ему, Онофрейку, говорить, чтобы сподобили хлебными запасы, а служилых людей у себя не держали и государевы службы аргунские не постановили. И своих служилых людей почал звать с собою на Аргун реку.

И Кирюшка Брагин с товарищи своими, которые преж сего хотели бежать, со мною не пошли. А иные служилые люди, Пашка Малафеев, Максимко Гнютот с товарищи, кои побраны силно, приходя ко мне, били челом, чтобы им от голоду справитьца и сподобитьца хлебными запасы, быть ко мне на Аргун реку, а ныне де голодным пойти невозможно.» [124]

Эта отписка была получена в Якутске 11 апреля 1657 года. [125]

Таким образом, у Онофрия Степанова Кузнеца не сказано о том, что он посылал своих людей навстречу Фёдору Пушину, а Фёдор Пущин умолчал о том, что он показывал наказную память от воевод, чтобы Онофрий Степанов Кузнец снабдил его хлебом.

Спустя десять лет после возвращения на Лену из этого похода, 23 декабря 1667 года служилые люди подавали на Фёдора Пушина жалобу, давали «сказки за руками» т. е. за своею подписью. При разборе жалобы выявились ещё некоторые подробности. Один из служилых людей в своей «сказке» писал:

«Да Фёдор Пущин послан был из Якутцкого острогу великого государя на службу вверх по Олёмке на Аргунь. А с ним было послано служилых людей пятьдесят человек. И он, Фёдор, для своей бездельной корысти на Аргунь не пошёл, а сплыл вниз по Амуру к служилым людям, к Онофрею Кузнецу с товарищи. И потерял своим самовольством он, Фёдор, служилых людей, которые с ним посланы, сорок четырё человека.» [126]

Опровергая жалобы, Фёдор Пущин в допросе сказал:

«А что де написали на него, Фёдора, служилые люди и в скаске своей сказали, что он, Фёдор, вверх по Олёкме на Аргун реку не пошёл, и то де на него служилые люди солгали.

Ходил де он, Фёдор, по Аргуну реке вверх десять дней. А было де с ним пятьдесят человек служилых людей. И он де, Фёдор, ходячи, иноземцов не нашёл. И хлебными запасы оголодали. И он де, Фёдор, сплыл на усть Аргуна реки и зимовье поставил.

И служилые люди, его, Фёдора, покиня, побежали на низ по Амуру реке к служилым людям, к Онофрею Кузнецу с товарищи. А с ним осталось служилых людей семь человек, Пашко Малафеев с товарищи, а ныне тот Пашко умер. И он де, Фёдор, за ними ж поплыл вниз по Амуру реке и нагнал их, служилых людей, на дороге.» [127]

Впрочем один из служилых людей, Андрюшка Иванов, полностью подтвердил показания Пущина и добавил:

«А небреженьем де своим он, Фёдор, служилых людей не теривал. А умерли де они голодною смертью, оголодали они хлебными запасы. А достальных де служилых людей иноземцы, богдойские люди, побили досмерти.» [128]

Побили во время разгрома амурского войска, но не всех, несколько человек всё же вышли с Амура с Артемием Петриловским, о чём будет рассказано ниже.

Итак, некоторые служилые люди утверждали, что Фёдор Пущин вообще не ходил вверх по Аргуну. А показания Фёдора Пущина опять расходятся с его отпиской. В отписке он сообщал, что сначала поставил на устье Аргуни зимовье, а затем ходил две недели вверх по Аргуну. А при допросе сказал, что ходил вверх по Аргуну десять дней, а затем поставил зимовье. В допросе он ничего не сказал о посланных ему навстречу людях от Онофрия Кузнецца. Сам Онофрий Кузнец об этой посылке не писал.

Фёдор Пущин пробыл у Онофрия Степанова Кузнецца десять дней.

«Июня в 7 день сын боярской Фёдор Пущин из Комарского острошку пошёл вверх по великой реке Амуру в Якутской острог десятью человеки. И, поехав, он, Фёдор, в Комарском острошке служилых людей полку своего оставил, видя их великую нужу и голод. И дал им в том отпускную память за своею рукою и за печатью. И те служилые люди, 45 человек, его, Фёдорова, полку в Комарском острошке в Судной избе били челом государю и подали мне, Онофрейку, челобитную, чтоб их государь пожаловал: велел им послужить на великой реке Амуре свою государеву службу до твоего государева указу, с войском вместе. И я, Онофрейко, тех служилых людей по государеву указу у него, Фёдора, принял.

А которые служилые люди пошли с ним, с Фёдором, служилых людей амурских казаков 5 человек, и те служилые люди полюбовно поменялися с докладу его, Фёдора, по его, Фёдорову, велению.» [129]

Упомянутую отпускную память, как оправдательный документ, подавал в Якутской Приказной избе в 169 [1660—1661] году один из этих служилых людей — Корнилко Шашков. С неё был снят список. В этом списке говорится:

«Лета 7163 [1655], июня в 5 день. По государеву [А. М.] указу в прошлом во 162 [1654] году послан из Якутцкого острогу сын боярской Фёдор Иванов сын Пушин на государеву службу на новую Аргун реку, а с ним служилые люди [читать построчно — Г. К.]:

Пятулька Ерасимов Белоус Ивашко Малафеев Фочка Самсонов
Федотко Прокопьев Сенька [Петров] Толмач Кирилко Ортемьев
[Брагин]

Максимко Ермолин Корнилко Наумов [Шашков] Конанко Кочкин
Родька Семёнов Якунька Моисеев Олёшка Костянтинов
Сидорко Леонтьев Оска Микитин Гришка Иванов
Федька Петров Ивашко Семёнов Митька Пиминов
Климко Алексеев Ларька Павлов Якунька Сидоров
Васка Ондреев Илюшка Тимофеев Федька Жук
Олёшка Семёнов Ивашко Савин Ивашко Иванов
Игнашка Терентьев Гришка Филипов Володька Амасов
Панфилко Алимпиев [Мураш] Гришка Матвеев Пронька Данилов
Васька Иванов Ивашко Ларионов Васка Семёнов
Екимко Табаков Ондрюшка Иванов Омелька Органов.

И они государю служили на Аргану реке, ходили вверх три недели. А служа государю, оголодали, и немирных людей не дошли. Им стало служить невозможно, потому что питатьца стало нечем. И они, служилые люди, искали корму, где бы им быть сытым, и приплыли по Амуру реке ко амурским служилым людям для хлебные скудости, чтоб им было пропитатьца, а государственой службы впредь не отнимати.

И ноне на Амуре реке у служилых людей хлебная скудость большая, потому что они, служилые люди, в остроге сидели от богдойских людей в осаде.

А им, Петрушке Ерасимову с товарищи, питатьца стало нечем. И они били челом государю, чтоб им велел государь служить в своей государеве службе с амурскими казаками вместе. А вверх на Аргун реку стало итти невозможно.

К сей памяти сын боярской Фёдор Пушин печать свою приложил.

А у подлинной памяти написано: Фёдор Пушин руку приложил.» [130]

Из последующих документов известно, что Фочка Самсонов умер на Амуре в июле 1656 года, а Сенька Петров Толмач и Панфилко Алимпиев Мураш умерли 20 сентября 1657 года от голода на Тугирском волоке, когда они шли вместе с Фёдором Пушиным в Якутский острог. Об этом будет рассказано дальше.

О дальнейших действиях Фёдора Пушина Онофрий Степанов Кузнец рассказывает в другой отписке:

«И тот Фёдор Пушин с верх великия реки Амура воротился назад, не дошед до Урки реки и Тугирского волоку, и в Якутцкой острог к тебе, государеву воеводе, ведомо не учинил про новую амурскую службу, и приплыл ко мне, Онофрейку, в войско на усть Шингалу реки. И сказал мне, Онофрейку: пройти де я, Федка, вверх по великой реке Амуру не мог — даурские люди не пропустили. А воротился он, Фёдор Пушин, неведомо зачем. А приплавил он с собою с верх великие реки Амура ясырей. А про то не

вестимо, где он, Фёдор, взял. А сказывают, что он, Фёдор, погромил ясачного мужика.

И впредь он, Фёдор Пушин, бил челом государю, а мне, Онофрейку, подал челобитную послужити государеву службу на великой реке Амуру, покаместа он сподобится хлебными запасы.

И тот Фёдор Пушин ходил со мною, Онофрейком, и с служилыми людьми вверх по Шингалу реке для государева ясачного сбора и для хлебных запасов. И в верху Шингала хлебными запасы с служилыми людьми сподобилися, хлеба набрали, чем зима прозимовать.

И как будем на усть Шингалу реки всем войском с хлебными запасы, и я, Онофрейко, его, Фёдора Пушина, с его полчаны с усть Шингалу реки посылал, сподобя хлебные запасы, вверх по великой реке Амуру на новую Аргунь реку. И он, Фёдор Пушин, с усть Шингалу реки вверх по великой реке Амуру с своими полчаны, с служилыми людьми, не пошёл, неведомо для чего, на новую Аргунь реку. И сказал: я де, Федка, ныне на Аргунь реку нейду, а иду де я, Федка, на весну, перезимовав, а ныне де мне итти стало невмочь. А не пошёл он, Фёдор, неведомо зачем. И сплыл он, Фёдор, на низ в Гиляцкую землю со мною, Онофрейком, и с служилыми людьми вместе.» [131]

А Фёдор Пушин описывал эти события так:

«И я, Федка, пошёл с 10 человеки вверх по Амуру реке, обо всём чтобы вам, господам, учинить ведомо. И даурские люди, видячи небольших людей, на дороге перестреляли, убили Дружинку Щербакова, а иных переранили и вверх не пропустили.

И я, видячи неизможения, что пройти стало не с кем, сплыл вниз по Амуру реке к служилым людям, кои посланы были со мною, чтобы с ними пойти с Амура реки на Аргунь реку. И как приплыли к служилым на усть Шингала реки, и в те поры пришла весть с низу Амура реки, что гиляцкие люди побии государевых якуцких служилых людей ламских 30 человек.

И якуцкой служилой человек Онофрейко Степанов с товарищи почал мне говорить, чтобы над государевы изменники промысел учинить вместе над гиляцкими людьми. А вверх стало итти поздно, до волок не дойти.

И я, Федка, на гиляцких людей, на государевых изменников, с служилыми людьми ходил. И государским щастьем гиляцких людей побии, и острог в Гиляцкой земле поставили, и под государеву высокую руку подвели, и ясак [с] них, гиляки, с нижних дючерских мужиков взяли. А ясаку государю собрано 8 лисиц чернобурых, 129 сороков 24 соболя козочных и шубных, 56 лисиц красных. И впредь та земля государю будет прочна, и отъехать с той земли некуды — стала блиско Ламы. И впредь из Якуцкого острогу годовой быть мочно, и государю ясак збирать повсягогодно мочно.» [132]

Зиму 1655—1656 года Онофрий Степанов Кузнец с войском провёл в Косогорском острожке. Наступила весна 1656 года. В последней известной отписке он сообщал:

«... река прошла. И тот Фёдор Пушин хотел итти из Косогорского зимовья на море, не ведаю куда. И я, Онофрейко, его, Фёдора, с служилыми людьми в Косогорском остроге задержал и не отпустил, потому что ему на

низ, на море, итти не указано. А велено ему Фёдору быти в верху великие реки Амуру на Аргуне реке. И тот Фёдор Пушин из Косогорского острогу пошёл вверх по великой реке Амуру.» [133]

А Фёдор Пушин писал об этом подробно. Он объяснял своё намерение идти вниз тем, что в низовьях Амура много неясчных людей. Об этом они узнали во время похода на гиляков.

«Да тут же у гиляк взяли ламсково аманата с Тугира реки Оринсково роду Байгулу. А тот аманат был в жожах у ламских служилых людей. Тот аманат Байгула передо мною в роспросе сказал, что кругом Ламы и по иным рекам многожды тунгусских родов и государев ясак не платят. А он, Байгула, жилища не ведает.

И я, Федка по ево, Бангулиным, речам судно зделал. А стало мне судно и с снастями судовыми во 170. И хотел итти по Ламе. А со мною хотели итти государю служить Дмитрея Зиновьева полку тобольские и тюменские и сургуцкие казаки, чтобы где государю учинить прибыль и тот ясак не изронить, что збирал под ламсково аманата Байгулу.

И Онофрейко Степанов с товарищи, умысля воровски, с беглыми людьми и с моими полчаны с Кирюшкою Брагиным да с Пятунькою Белоусом хотели в воду пересажать, и убойством грозить, чтобы через Ламу не итти и дороги не прокладывать, чтобы государю и вам в Якуцком, стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю, вестно не было. И ламсково мужика Бангулу у себя задержали. А называют Амур своею рекою.

Да тут же в Гиляцкой земле взят лист Богдойсково царя да две кости рыбьих.» [134]

Под беглыми людьми Фёдор Пушин подразумевал тех, кто бежал на Амур с Пронькой Кислым и Васькой Семёновым Черкашенином. Ламой Фёдор Пушин называет Охотское море, рыбьей костью бивни моржа, о дальнейшей судьбе богдойского листа не сообщает.

Таким образом, Фёдор Пушин пытался браться за дела, которые ему вовсе не были предписаны, внося разлад и без того в не очень-то сплочённое амурское войско.

До устья Шингала Фёдор Пушин шёл вместе с Онофрием Кузнецом. Оттуда была послана в Якутский острог соболиная казна и отписки.

«Да послал я, Онофрейко, с усть Шингалу реки государеву ясачную соболиную казну сбору прошлого 163 [1654-1655] и нынешняго 164 [1655—1656] году с даурских и дючерских, и гиляцких людей к государю к Москве, и с отписки и с ясачными книги. <...>

А отослана та государева казна и отписки с усть Шингалу 164 [1656] году, июля в 22 день.

Того ж числа отпустил я, Онофрейко, с усть Шингалу на новую Аргунь реку на государеву службу с тою же казною вместе до Урки реки (Фёдора Пушина).

А как пошёл он, Фёдор Пушин, и я, Онофрейко, ему, Фёдору, дал полчан его, всех служилых людей, кто с ним, Фёдором, приплыл с верх великия реки Амура. И тот Фёдор взял с собою только 20, а достальных оставил на великой реке Амуре, на усть Шингалу в войске.» [135]

Валерий Павлик почему-то считал, что Онофрий Степанов отправил соболиную казну в Москву без заезда в Якутск. У него написано:

«Всю эту неразобранную пушнину вместе с ясачными книгами 22 июня 1656 года Степанов отправил с нарочным из устья Сунгари в Сибирский приказ, минуя Якутск.» [136]

Такие действия означали бы, что Онофрий Степанов самовольно вышел из подчинения якутскому воеводе. Как было на самом деле, расскажем дальше.

Онофрий Степанов Кузнец полагал, что Фёдор Пущин пойдёт на Аргунь, но Пущин решил возвратиться в Якутск. К тому же он утверждал, что часть его людей осталась на Амуре самовольно.

«А как я, Федка, пошёл из Гиляцкие земли вверх по Амуру с государевою гиляцкою зборною казною, а со мною якуцких служилых людей, моих полчан, 20 человек. А Пятулька Гарасимов и Кирилка Брагин с товарищи, 24 человека, не пошли, учинились сильны, остались в Гиляцкой земле.

Да он же, Онофрейко, с товарищи послали за тою же казною пятьдесят человек. И шли лето всё до осени. И, недоходя до волоку, Гришка Вижевец почал говорить, что знаю де я прямой волок, и повёл иным волоком. И вёл 3 дни, да покинул, ушёл. А с ним 2 человека — якуцкой служилой человек Пронка Пробойной да Илимской пашенной крестьянин Ярко Савастьянов. А с собою унесли государевы казны 5 лисиц красных да пуд олова, что дано им нести за волок.» [137]

Упомянутый здесь пашенный крестьянин Ярко Савастьянов бежал на Амур с Васькой Семёновым Черкашенином. До побега он пахал в деревне, которая расположена на левом берегу Лены в 63 километрах выше Усть-Кута, и которая после называлась Синюшкиной. Ярко Савастьянов в послужном списке не значится.

Петр Бекетов шёл вместе с Фёдором Пушиным и понёс большой урон от кражи его имущества, совершённой Гришкой Вижевцем с товарищами. Об этой краже Пётр Бекетов подробно писал в челобитной, поданной в Якутском остроге:

«Царю [А. М.] бьёт челом и являет холоп твой, Енисейского острогу сынчишко боярской Петрушка Бекетов, на промышленово человека на Гришку Вижевца, Якутцкого острогу на служилого человека на Прокопья Данилова, Илимского острогу на пашенново хрестьянина на Ярафея Савастьянова.

В нынешнем, государь, во 165 [1656] году, в сентябре, они, Гришка с товарищи, нанялись у меня, холопа твоего, нести платья и мелкой рухляди с Амура реки через Тугирской волок. А платья, государь:

шюба соболья пластинна[я] с ожерельем, цена сорок рублёв

шюба пупкатая соболья ж, цена восемь рублёв

дватцать пять пластин собольих, цена девять восемь [так в тексте — Г. К.]

малахаев хвостовых собольих, цена девять рублёв с полтиною

два сорока пупков собольих, цена два рубля тринадцать алтын две деньги
двои рукавицы собольи, цена три рубли

пять малахаев собольих даурских под камкою, пушены выдрою, цена семь рублёв с полтиною

четыре камки даурские, две которые с травами розных цветов, цена четыринадцать рублёв

две камки двоелишные, чернато и шёлк с лазоревым, цена де по рублю с полтиною

спорок чёрной и камчатой с цветными травами, ношены, черчетые, цена шесть рублёв

две рубашки камчатые белые, цена пять рублёв

штаны камчатые новые зелёные, подложены кумачём, цена три рубли с полтиною

двои штаны камчатые белые, цена шесть рублёв.

А наём, государь, от тово борошню они, Гришка с товарищи, взяли у меня, холопа твоего, наперёд, дватцать рублёв. И с того, государь, Тугирского волоку они, Гришка с товарищи, збежали, а борошнишко моё унесли с собою. <...>

Вели, государь, сию мою челобитную и явку принять в Якутцком остроге в Приказной избе стольнику и воеводе Михаилу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково и записать, чтоб мне, холопу твоему, было впредь для sprawy.» [138]

На обороте челобитной: «165 [1657] году, июля в 5 день, в Якутцкой в Приказной избе стольнику и воеводе Михаилу Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково подал сию явку Енисейского острогу сын боярской Пётр Бекетов.»

Якутский служилый человек у Фёдора Пушина назван Пронька Пробойной, а у Петра Бекетова Прокопий Данилов, получается Прокопий Данилов Пробойной. В послужном списке он не записан.

Между тем, в Енисейске на место Петра Бекетова уже давно поверстали другого человека. В енисейском счётном списке записано:

«В нынешнем во 164 [1655—1656] году по государеве [А. М.] грамоте ис Сибирского приказа за приписью дьяка Григорья Протопопова повёрстан в дети боярские в оклад сына боярского Петра Бекетова прежней енисейской таможенной подьячей Фёдор Усов.

А оклад ему, Фёдору, государева соляного жалованья учинён оклад ис Петрова окладу Бекетова 3 пуда соли. А за тем Петрова окладу Бекетова от верстанья осталось 2 пуда соли.» [139]

Возвратимся опять к отписке Ф. Пушина:

«И после ево, Гришки, шли за волок три недели. И перешед за волок на Тугир реку, и на Тугире никаких людей и запасов нет. И померло государевых якуцких служилых людей и даурских 45 человек голодною смертью. А достальные служилые люди со мною вышли — енисейской сын боярской Пётр Бекетов.» [140]

Фёдор Пушин сообщает о разорении Даурской земли:

«А Даурская, земля где даурские служилые люди жили, и та вся разорена и запустошена, и впредь государю непрочна, нет ни единого мужика, все от разоренья отъехали к богдойскому царю и улусы свои свезли, и пахоты в Даурех хлебные никакие нет.» [141]

В конце отписки Фёдор Пушин сообщал:

«А казна государева соболиная положена у промышленных людей на Олёкме у Тугиря. А сами скитаемся голодны. Пришли к илимскому сотнику Якову Анцыфорову, чтобы прокормитьца. И он государевых даурских запасов не дал. А достальные наши животишка в запас отдал. А до весны стало прожить неведомо как, казны государевы покинуть нельзя.

А для Гришки Вижевца послал проведавать двух человек, Потапка Данилова да Омельку Аргунова. И где проведает, велел поймать с промышленными людьми и привести в Якутцкой острог.» [142]

Был ли успешным этот поиск, неизвестно.

Гришка Вижевец был послан из Якутска с Фёдором Пушиным в проводниках не случайно. Он слыл знатоком Олёкмы и впадающих в неё рек. Ещё в 1647 году записаны его расспросные речи об этих местах:

«155 [1647], мая в 27 день, в Якутцком остроге в Съезжей избе воеводам Василью Никитичю Пушкину да дьяку Петру Стеньшину промышленной человек Колмогорского уезду Пенежского волоку от Николы Чюдотворца из Заборья Гришка Григорьев сын Вижевцов в допросе сказал:

В прошлом де во 153 [1647—1648] году ходил де он для соболиного промыслу с покрученики, с пятью человеки да шестой своеужинник, по Олёкме реке. А был он на промыслу без выходу два года.

А шол из Якутцкого острогу до Олёкмы реки полтретьи [2,5] недели, а от усть Олёкмы шёл до камня две недели, а с камня тою ж Олёкмою шол две недели. А было им в том камени на той Олёкме десять порогов. А пороги водяным и большим судам ходу будет, только де надобно на большие суды судовые снасти добрые, завозы и подчалы, и бечевы новые.

А перешед де за камень, тою Олёкмою до усть Тугиря реки — четыре недели, а за каменем де и по Тугирю порогов нет, ход судовой доброй. А Тугирем рекою от устья шёл до своего зимовья четыре ж недели.

И всего де из Якутцкого острогу до того его зимовья ходу было четырнадцать недель.

А та де река Тугирь в Олёкму реку пала с левой стороны. А где она в Олёкму пала, на устьях обе равны . <...>

А переходят де тунгусы на Шилку стороннею речкою Ньюгою [Нюкжею — Г. К.]. А та речка Ньюга от его, Гришкина, зимовья — с днище. Сам он, Гришка, до той речки Ньюги в лодке доезжал и на ней был. От той речки тот камень в виду весь.

А с той речки, той реки Тугиря, вершина пошла направо, подшиблась прочь под запад. А та речка Ньюга впрямь пала из того камня в тоё реку Тугирь с левой же руки, с восточную сторону. И по той де они речке Ньюгою на Шилку и переходят.

А сказывают де те тунгусы, что они по той речке Ньюге вверх до вершины, до камня, на оленях со выюки переходят в пять дней. А с вершины той речки до каменю, на Шилкины пади, на речку Уй [Урку] итить день ходу, а тою де речкою Уем, которая падает в Шилку реку, до устья Шилки на оленях же, выюками, — четыре дни. Всего от того зимовья тою речкою Ньюгою и через камень Уем речкою до Шилки оленьми на выюках — в девять дён и в десять дён.» [143]

В своей отписке Фёдор Пушин о многом умолчал. Поэтому дополним отписку Пушина сведениями из отписки сына боярского Курбата Иванова, который был послан на приток Олёкмы Нюкжу для поиска неясачных людей. В отписке, посланной в Якутск, Курбат Иванов сообщал:

«Да в нынешнем же во 165 [1656] году, декабря в 22 день, пришли ко мне в зимовье на Нюкжу реку Якутцкого острогу и амурские служилые люди Якутцкого острогу от сына боярского от Фёдора Пушина:

Потапко Данилов

Васка [Ларионов] Куржумов

Сенка Панкратов

да сургутской служилой Андрюшка Афанасьев,

помирают голодною смертью ... мне бы их прокормить.

Да с ними же писал, с Потапком с товарищи, в грамотке, и словесно приказывал Фёдор Пушин: прошлого де 165 [так в тексте, надо: 163, т. е. 1655 — Г. К.] послан де из Илимского острогу сотник Яков Анцифоров, и с ним в товарищах пятидесятник Иван Павлов, с служилыми людьми за государевыми хлебными запасы под Даурской волок, в Тугирской острожек. И по Олёкме реке за каменем, выше Розлазные реки, Иван Павлов да Сенка Белоус с товарищи своровали: государеву казну, хлебные запасы, оружие, свинец и порох, пограбили и у служилых людей оружие, порох и свинец поотымали же, и побежали в Дауры.

И торговые и промышленные люди подавали челобитные за руками на него, Ивашку, и Сенку с товарищи, что де нас те воры пограбили, и хлебные запасы, и оружие, и всякие промышленные заводы пограбили, и промыслишки де наши поставили. И государь бы их пожаловал: велел от тех воров оборонить служилым людям, кои служилые люди посланы со мною.

И те служилые люди разосланы были по сторонним рекам для государева дела. И я велел тех служилых собрать, и писал к сыну боярскому к Фёдору Пушину и амурским, и якутским служилым людям, Илимского острогу к сотнику Якову Анцифорову, и к служилым людям, и торговым и промышленным людям, чтобы, скопясь всем вместе, над теми ворами промышлять, как Бог милости подаст.

И генваря в 8 день пошёл с служилыми людьми из зимовья на камень, скопясь с амурскими служилыми людьми, с торговыми и с промышленными людьми, 38 человек.

И генваря в 13 день, пришед на Олёкму реку в зимовье, Ивашка Павлова с товарищи, 18 человек, за боем взяли. И [из] оружия по нас стреляли, и двух человек ранили, Ивашку Захарова да Терёшку Иванова, которые со мною посланы.

И генваря в 17 день пришли с Нюкжи реки сын боярской Фёдор Пушин, пятью человеки, да от сотника Якова Онцифорова илимские служилые люди, Данилко Березовской с товарищи, 11 человек. И с теми служилыми людьми последних воров по зимовьям переимали. 16 человек послал к Якову Онцифорову, сотнику, а достальных роздали за приставы тобольским и якутским, и амурским служилым людям.

А что взято государевых хлебных запасов, и те хлебные запасы роздали

им же, приставом и колодникам. А Ивашку Павлова и Стенку Белоуса взял к себе на зимовье.

А что взято тех воров, у Ивашка Павлова с товарищи, хлебных запасов и оружия, пороху и свинцу, и тому роспись под общею отпискою. А имьянная роспись служилым людем, которые были на имке за ворами, — под общею же отпискою.

А что взято у Ивашки Павлова и у Сенки Белоуса с товарищи их борош-нишку, и оружие, и то поделили промеж собою, для того, чтобы им впредь повадно было ходить за такими ворами.» [144]

С Ивашкой Павловым и Сенькой Белоусом Курбат Иванов был знаком ещё по службе до образования Илимского воеводства. Упомянутый здесь Васька Ларионов Куржумов, который пришёл с Амура вместе с Фёдором Пушиным, — сын бурятского князца Куржума, отчество дано по крестному отцу, в амурском войске был «братским» толмачём, впоследствии верхоленским сыном боярским и приказчиком Верхоленского острожка, жил в деревне, которая называлась Куржумовой; его сын Потапко Васильев Куржумов тоже был верхоленским сыном боярским и приказчиком Верхоленского острожка.

Илимский сотник стрелецкий Яков Анцыфоров был послан в Тугирский острожек с хлебными запасами для готовящегося похода на Амур князя Лобанова-Ростовского. Часть служилых людей Якова Анцыфорова во главе с Ивашкой Павловым и Сенькой Белоусом предприняла неудачную попытку, захватив хлебные запасы, бежать на Амур. В пресечении этой попытки участвовал и Фёдор Пущин.

Об этих событиях сообщал илимский воевода Пётр Бунаков в отписке к воеводе Афанасию Пашкову:

«Да того ж числа [14 мая 1657 года — дата получения] он же, сотник стрелецкой Яков, писал в Ылимской острог: в прошлом, господине, во 164 [1656] году по государеву указу и по грамоте послал из Илимского острогу воевода Богдан Аладьин с ним, Яковым, и с илимскими служилыми людьми для государевы даурские службы под Даурской Амурской волок з государевыми даурскими хлебными запасы.

А сколько, господине, тех государевых даурских хлебных запасов в прошлом во 164 году с сотником стрелецким с Яковым Онцыфоровым и с служилыми людьми четвертей и по весу пудов до ево, Богдана Аладьина, послали, и я, господине, о том к тебе преж сего в Братцкой острог писал.

И в нынешнем, господине, во 165 [1656] году, сентября в 8 день, сворова-ли де Илимского острогу служилые люди, пятидесятники Ивашко Павлов да Сенька Белоус с товарищи, сорок человек, покинули те государевы даурские хлебные запасы на Олёнке реке, недошед за день Нюкзи реки, побежали в Даурскую землю. А взяли де тех государевых даурских хлебных запасов сто дватцать мехов, а по весу шестьсот пуд, муки ржаной. И те беглецы, недошед Тугирского острогу, на Олёнке реке зазимовали.

И он, сотник стрелецкой Яков Онцыфоров, списався с якуцкими детьми боярскими, с Фёдором Пушиным, с Курбатом Ивановым, и свестясь с ними, за теми беглецами посылал в погоню достальных служилых людей, которые остались от побегу. И тех де беглецов за боем взяли.

И тово де государева даурского запасу, которой те беглецы взяли, без государева указу якуцкие дети боярские Фёдор Пушин да Курбат Иванов роздали те государевы даурские запасы без меры и без весу якуцким и даурским служилым людем, а иные де скормили промышленными людьми.» [145]

Когда умираешь с голоду, не до государева указа. О раздаче этих хлебных запасов имеются документы в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Раньше 1653 году Сенька Белоус сам гонялся за бежавшими на Амур служилыми людьми и пашенными крестьянами. Но судьба переменчива.

А у Фёдора Пушина написано не очень понятно:

«И нашли Ивашка Павлова. Он, Ивашко, покиня государеву казну, бежит в Дауры. Что было оружья, то пограбили сильно.

А что умершова живота оставалось, и тот живот имали служилые люди, которые остались. И с тем животом хотят итти вверх по Лене реке, а в Якуцкой острог иттить не хотят. И о том бы вам, господам, указ учинить, ко мне отписать на заставу, на усть Олёкмы реки, чтобы быть в Якуцкой острог за льдом, а вверх не пропустить.» [146]

Под «умершим животом» Фёдор Пушин подразумевает имущество амурских служилых людей, умерших во время перехода через Тугирский волок, которое досталось оставшимся в живых их товарищам, амурским же служилым людям.

О страшной судьбе многих амурских служилых людей сообщил воеводе Афанасию Пашкову илимский воевода Пётр Бунаков:

«Господину Офонасью Филиповичю Пётр Бунаков челом бьёт.

В нынешнем, господине, во 165 [1657] году, мая в 14 день, писал ко мне на Ленской волок в Ылимской острог с Олёкмы реки, из зимовья, Илимского острогу сотник стрелецкой Яков Онцыфоров: в нынешнем де, господине, во 165 [1656] году шли с Амура реки амурские служилые люди семьдесят три человека з государевою соболиною казною. А приказной человек шёл за казною енисейской служилой человек Мишка Кашинец. И тех де амурских служилых людей, идучи через Даурской волок и по Тугиру, померло голодною смертью сорок четыре человека.

Да из них же де, из умерших, служилые люди, идучи, душу свою сквернили — человечину ели, а иные де служилые люди всякую скверность — бобровые, выдряные, и соболя, и нерпичьи кожи ели, и всякую скверность.

А с Амуру де и Шингалу рек даурских и жучерских людей Богдой свёл к себе в поле. А по Амуру де и по Шингалу подле реки хлебные пахоты нигде нет. А в горах де дымы видают далече от реки.» [147]

На обороте листа 242 отметка о подаче: «165 [1657], мая в 20 день, выше Брацково острогу на Ангаре реке подал описку Илимского острогу служилой человек Сенька Безпалой.» Подал Афанасию Пашкову, который шёл на воеводство в Даурскую землю.

Таким образом, получается, что во главе служилых людей с соболиною казною шёл Михаил Кашинец. Но почему-то Онофрий Степанов Кузнец не написал о нём ничего в отписке, как и о Петре Бекетове. Не упоминает ничего о Кашинце и Фёдор Пушин.

Зато в окладной книге жалованья за 165 [1656—1657] год имеется запись:

«Мишка Ортемьев [Кашинец]. В прошлом во 158 [1650] году послан на государеву службу в новую Даурскую землю. И в нынешнем во 165 [1657] году, по скаске охочего служилого человека Ивашка Евсеева, тот Мишка, идучи из Даур за государевою соболиною казною в провожатых, на усть Тугирия реки в нынешнем же во 165 [1656] году, сентября в 30 день, з голоду умер.

Да выбылых же мест того [енисейского — Г. К.] окладу. которые служилые люди в прошлом во 162 [1654] году посланы на государеву службу на Аргунь реку с сыном боярским с Фёдором Пушиным, а в

нынешнем во 165 [1657] году по скаске сына боярского Фёдора Пущина те служилые люди померли в розных годех и числех, и в розных местех:

Фочка Самсонов умер на Амуре реке в прошлом в 164 [1656] году, июля в ... день.

Панфилко Алимпиев Мураш, идучи из даурской земли за государевою соболиною казною в провожатых, в нынешнем в 165 [1656] году, сентября в 20 день, на Тугирском волоку з голоду умер.» [148]

И ещё есть одна запись:

«Сенка Петров, тунгуской толмач. В прошлом во 162 [1654] году послан на государеву службу на новую на Аргунь реку. И в нынешнем во 165 [1657] году по скаске сына боярского Фёдора Пущина тот Сенка, идучи из Даурской земли з[а] государевою соболиною казною в провожатых, на Тугирском волоку в нынешнем во 155 [1656 году], сентября в 20 день, умер.» [149]

Фёдор Пушин прибыл в Якутск 18 мая 1657 года Он сдал в Съезжую избу пищали своих полчан, умерших от голода:

«165 [1657] году отдал яз, Фёдор Пушин, Съезжей избы подьячему Семёну Аврамову государевых три пищали умерших служилых людей Семёна Петрова Толмача, Павла Малафеева, Ивана Чюмачёва. А замки у мушкетов попорчены. А те служилые умерли на Тугирском волоку.

Богдашку Паламошному дана пищаль сына ево Василья, Ивану Еловскому дана пищаль отца ево Филипа.» [150]

А соболиную казну сдал Фёдор Максимов Коркин, назначенный Онофрием Кузнецом на должность целовальника. В Якутском остроге он подал челобитную, в которой описал свою службу на Амуре и выход с Амуре.

«И июня в 20 день [1656 г. — Г. К.] с Амуре реки он же, Онофрей, послал меня, холопа твоего, за твоею государевою казною соболиною в целовальниках. А за тою твоею государевою казною было послано в провожатых к тебе, государю, к Москве служилых людей, Михайло Кашинец с товарищи, 50 человек. И с тою твоею государевою казною идучи, служилых людей, и с нужи, и с голоду померло на Тугирском волоку и на Олёкме реке 27 человек.

И я, холоп твой государев, идучи с тою твоею государевою казною, всякое своё борошнишко пометал, нёс ту твою государеву казну на себе, и всякую нужу принимал, и голод терпел, и покупали хлебные запасы пуд по 2 и по 3 рубли, и одолжали великими долгами, и тоё твою государеву казну до Якутца допровадили всю целу.» [151]

О том, что Пётр Бекетов вышел с Амура, стало известно енисейскому воеводе, и тот потребовал, чтобы Бекетова выслали в Енисейский острог. Об этом свидетельствует поручная запись, которую по Петре Бекетове дали служилые люди Якутского острога. Документ слегка повреждён, но большинство мест восстанавливается.

«(Се аз), дети боярские:

Фёдор Иванов Пушин

Курбат Иванов

Иван Родионов Ерастов

да яз, (сотник) казачей Илларион Трофимов

да яз, Данило Васильев сын Игумнов

да яз, Якуцкого острогу пятидесятники казахи:

(Ни)кифор Иванов Аргамаков

Иван Иванов Ребров

Иван Васильев ...

Федот Осипов Попов

да яз, казачьи десятники:

Друган Прокопьев

Матвей Иванов Ярыгин

Панфил Фё(доров) Мокрошубов

да яз, рядовые служилые люди:

Остафей Михайлов Булдаков

Вахромей Максимов

Иван Семёнов Жирков

Василей Михайлов Дора(чей)

(Архил) Иванов

Яков сын Назаров колмогорец

Илья (Иванов) Краснопев

Семён Трофимов Колыханов,

поручилися есми в Якутском остроге по енисейскому (сыну бо)ярскому по Петре Иванове сыне Бекетове: стати ему за нашею порукою в нынешнем во 165 (1657) году в Енисейском остроге, а явиться в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Максимом Григорьевичем Ртищевым.

А буде сын боярской Пётр не станет за нашею порукою в нынешнем во 165 [1657] году и не явится (в Ени)сейском остроге в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Максимом Григорьевичем Ртищевым, (и на нас, на) порутчиках, государя [А. М.] пеня. А пеню, что государь укажет, и наши, порутчиковы, головы в его, Петрову, голову (ме)сто. А которой нас, порутчиков, влицах, на том и пеня и порука вся сполна.

На то послух Михайло Дмитриев сын Синицын.

Поручную писал площадной подьячий Родька Фомин.

Лета 7165 [1657], мая в 28 день.» [152]

В Якутском остроге Пётр Бекетов дал «сказку» о своей службе со времени его отправки в Даурскую землю для поставления острожка на устье Нерчи реки до возвращения в Якутский острог. Документ этот изрядно пострадал, левые края листов сгнили, особенно в начале. Там рассказывается, что на

устье Нерчи Петра Бекетова со служилыми людьми со всех сторон обложили иноземцы, начался голод, и часть служилых людей ушла от Петра Бекетова вниз по Шилке. Окончание «сказки» пострадало меньше, поддаётся восставлению, за некоторыми исключениями. Это окончание, относящееся к пребыванию Петра Бекетова в амурском войске приводится ниже:

«... А служилые люди были голодны, а немирные иноземцы ... по Шилке реке стоят по обе стороны, а судов не было же, в чём поднятца з государевою казною. И я по челобитью служилых людей, что видели неизможение их и голодную смерть, пошёл вниз по Шилке реке искать корму, где б мне [с] служилыми (людьми) прокормитьца, и проведать тех служилых людей, которые (ушли) ранее вниз по Шилке реке преж меня, Савка (Кочин) с товарыщи. А нашед их, Савку (Кочина) с товарыщи ...ому хотел государеву службу служить против государева (указу) вверх Шилки на усть Нерчи реки.

И плувучи [с] служилыми людьми по Амуру реке, привёл под государеву царскую высокую руку амурского князя Цыбу. А ясаку с него государева взяли вново десять соболей.

И сплыл я с амурскими и Якутцкого острогу служилыми людьми с Оно(фреем) Степановым с товарыщи. А те служилые люди, которые ...ки, Савка Кочин с товарыщи, все служили с амурскими и с якутскими людьми вместе всякие ево государевы службы по челобитью своему. А которые служилые люди приплыли со мною от нужи, голодные, били [челом] государю, а в войское Онофрею с товарыщи подали челобитную, чтоб им тут же кормитьца и служить государю вместе. А я, Пётр, без челобитной служил государю [А. М.] на Амуре реке с амурскими и якутскими и своего полку служилыми (людьми) вместе, заедин человек, всякие ево государевы службы ...соболи взяли государю в ясак, плувучи, у даурского (князя) Цыбы. И те соболи взял у меня в государеву казну (приказ)ной человек Онофрей Степанов.

А во 163 [1655] году служил я государю, в Комарском остроге зимовал и ясак государев збирал, и в осаде от богдойских людей в приход их сидел с амурскими и с якутскими и своего полку служивыми людьми вместе.

Того ж году, весною, (из Комар)сково острогу хотел я, Пётр, своего полку [с] служилыми (людьми итти) вверх по Амуру на усть Нерчи реки для государева ясадного збору и острожного поставленья. (И амурские) служилые люди, Онофрей с товарыщи, меня и служилых людей моего полку на ту государеву службу не отпустили. И за то меня под знамя в круг выводили и бить хотели. И я, видя то, что меня не отпустили, и служил с ними вместе. (И) по Шингалу, и по иным сторонным рекам ходил, и ясак государю (з жу)черских мужиков збирал, и под государеву царскую высокую (руку при)водили.

А в прошлом во 164 [1655—1656] году зимовал я, Пётр, (с амурскими и якутскими), и своего полку служилыми людьми в Гиляцкой (земле) у моря в Косогорском остроге, и всякие государевы службы служил вместе ж, ясак з гиляцких и жучерских мужиков збирал и под государеву царскую высокую руку приводили, и государевых изменников, гиляцких людей, усмирили, которые (у)били государевых служилых людей, что шли с Ламы на Амур реку (для госуда)рева ясадного збору.

А которая государева казна (прош)лово 163 [1654—1655] и 164 [1655—1656] году ево государевским счастьем собралась на великой реке Амуре и с ыных сторонных рек з гиляцких и з жучерских людей, и та государева казна в нынешнем во 165 [1657] году выслана с Амура реки в Якуцкой острог при стольнике и воеводе при Михаиле Семёновиче Лодыженском да при дьяке Фёдоре Тон(кове) с амурскими служилыми людьми.

И я, Пётр, вышел в (Яку)цкой острог за тою же государевою казною. А которые служи(лые люди) моево полку шли за государевою казною, и те поме(рли) от голоду на Тугирском волоку. А со мною вышло в Якуцкой острог два человека, Матюшка Кочин да Оска Сорчиков. И идучи за тою государевою казною по Амуру реке, по Тугирскому волоку, и по Тугирию, и по Олёкме реке, терпел великой голод и всякую нужю принимал, (через) волок нёс государеву казну на себе, покиня своё боро(шниш)ка всё.

А которая государева казна послана со мною (из Ени)сейсково острогу на государевы всякие розходы, (и от) тоё государевы казны осталось всякие за росходом, (и) я, пошед с Амура реки, тоё государеву казну оставил, и приказал беречь накрепко своего полку служилым людем, выборному целовальнику Ивану Фомину с товарищи. А у нево, Ивана, в той государеве казне взял отпись за рукою.

То моя Петрова (скаска).

А скаску писал по Петрову веленью Якуцково острогу служилой человек Потапко Данилов.

Лета 7165 [1657] году, июня в ... день.» [153]

Вскоре Пётр Бекетов со служилыми людьми был послан с соболиной казной в Москву. С большими трудностями они добрались до Енисейского острога, откуда Бекетов отправил отписку якутскому воеводе.

«Государя [А. М.] стольнику и воеводе Михаилу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Васильевичю Енисейского острогу сын боярской Петрушка Бекетов челом бьёт.

В прошлом во 165 [1657] году, июля в 17 день, по государеву указу послан я, Петрушка, из Якуцково острогу с государевою соболиною казною и костью рыба збу збору Якутцкого острогу ко государю [А. М.] к Москве. Да со мною же послана за тою же государевою казною два провожатых Якуцкого острогу и амурских служивых людей тритцать три человека, да з государевою казною для отдачи два целовальника.

И будет где на которых городах от воевод или в острожках от приказных людей, или на дороге учинитца государевой казне какое великое задержание или мешкота, и мне по государеву указу велено писать обо всём подлинно в Якутцкой острог тебе, государеву стольнику и воеводе Михаилу Семёновичю да дьяку Фёдору Тонкову.

И в прошлом во 165 [1657] году з государевою казною и со всеми служилыми людьми от Якуцково острогу до усть Куты реки дошли в четыре недели два дни, августа в 17 числе. А по Куте и по Купую [Купе — Г. К.] до часовни шли шесть дней, потому что Кута и Купуй реки до броду сухи и мелки. Казну государеву всякую несли служилые люди на себе всю берегом

А в Илимской острог государева казна пришла августа в 27 день. Потому

помешка ... столько, что, идучи по Купую, на волоку были дожди немалые, и казна государева, суммы и мешки, посушены.

А [с] судами в Ылимском остроге добре было нужно. Стройных судов не было, взять не у кого.

А по Илим у государевою казною плыли и порог государеву казну обносили, суды за порог спустили до устья Илимского, ровно десять дней. Из Илима государева казна на Тунгуску вышла сентября в 10 день.. А Илима реки такова суха не запомнят служивые люди с бродни.. И обнашивали государеву казну всякую мель и пороги, и, суды спуская, надселись и перепухли, без ног многие стали, и инде государевой казне нам нигде ни за чем простою не вышло.

И в Енисейской пришли з государевою казною, дал Бог здорово, сентября в 22 день к берегу пристали. И служивые люди все били челом государю, что оне стали скорбны от водяной бродни, и их бы государь пожаловал: велел бы им в Енисейском день-другой отдохнуть, и поры запаса завести, и хлебы испечь. И им по государеву указу, нужи их ради, дано.

А к воеводе к Максиму Григорьевичю Артищеву по государеву указу о подводах и о судах я, собрався со всеми служилыми людьми, бить челом об отпуске ходил. И он отказал: подвод де теперь во взятые вскоре негде, потому что пашенные и посацкие живут по дальним по розным местам, иным де езживать близко дву недель. А за волоком судов стройных тепе[ре]во не[т] же. Вскоре де мне ныне государева казна такая великая отпустить стало нельзя.

И яз, пожди ради, з государевою казною и служивыми людьми и зимовал в Енисейском остроге. А мороз был в Енисейском ...

А ныне государева казна за волок пойдёт на другой неделе Великого поста. А на весну з государевою казною поплывут ... А суды все построены добрые по государеву указу лёхкие.» [154]

На обороте отписки отметка о подаче: «166 [1658], июля в 27 день, подал отписку сын боярской Иван Аристов.»

Отписка написана трудночитаемым почерком. Здесь следует обратить внимание на то, что, несмотря на гибель многих полчан от голода на Тугирском волоке, всё же набралось значительное количество амурских служилых людей, тридцать три человека, которые поехали в Москву. К сожалению, ни одного из них Пётр Бекетов не назвал по имени.

Уже после отъезда Петра Бекетова из Якутска там рассматривался иск илимского сотника Якова Онцыфорова к Фёдору Пушину. При разборе в суде этого иска был предъявлен документ, который служит ещё одним доказательством о пребывании Петра Бекетова в Якутске летом 1657 года. Приводим его потому, что о судьбе Петра Бекетова после пребывания его на Амуре до сих пор нет ясности.

«165 [1657], августа в 4 день, бил челом государю [А. М.], а в Якутском остроге в Приказной избе стольнику и воеводе Михаилу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково стрелецкой сотник Яков Онцыфоров подал челобитную на сына боярского на Фёдора Пущина. А в челобитной пишет:

<<Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Илимского острогу стрелецкой сотник Якунька Онцыферов.

Взяти, государь, мне по памяти на сыне боярском на Фёдоре Пушине пятнатцать рублёв. И он, Фёдор, по той памяти денег мне не платит.

<...> Вели, государь, по той памяти на него, Фёдора, свой царской суд дати.>>» [155]

На л. 162об написано: «165 [1657], августа в 9 день, суд был.»

«И ответчик Якутцкого острогу сын боярской Фёдор Пушин, слушев исса илимского сотника Якова Анцыфорова исковой челобитной и заёмной памяти, отвечал. А в ответе сказал, что он, Фёдор, такую память в пятнатцети рублех писал, только де он, Фёдор, писался сам друг с сыном боярским с Петром Бекетовым в поруке по сыне боярском по Курбате Иванове, что он взял у него, Якова, ведро вина за пятнатцать рублёв. И по той де кабале сын боярской Курбат Иванов на нём, Якове, искал и с суда в том деле он, Яков, с ним, Курбатом, и помирились.

И стольник и воевода Михайло Семёнович Лодыженской да диак Фёдор Тонков, слушев заёмной памяти, велели с той памяти заёмцовою за Яковою рукою Анцыфорова взять к делу список слово в слово.

И с той заёмной памяти вместо ево, Якова Онцыфорова, за рукою Вахрушки Попова взят к делу список слово в слово. А в списке пишет:

<<Список с памяти слово в слово.

Память Петру Бекетову, Фёдору Пушину, Курбату Иванову.

Занели мы у Якова Анцыфорова пятнатцать рублёв денег. А заплатить нам те долги, как ему, Якову, понадобится.

А хто за сею памятью станет, тот и истец.

Память писал Фёдор Пушин.

Пета 7165 [1657] году, мая в 1 день.>>

А позади памяти написано, помета диака Фёдора Тонково: 165 [1657], августа в 9 день.

Займщик Фёдор Пушин память не лживил. Курбат за него и руку приложил.

Пётр за него и руку приложил.» [156]

На л. 164об написано:

«К сему списку вместо Якова Онцыфорова по его веленью служилой человек Вахромейко Максимов руку приложил.

А подлинную память из Съезжей избы он, Яков, себе взял.»

«И стольник и воевода Михайло Семёнович Лодыженской да дьяк Фёдор Тонков, слушев сей заёмной памяти, велели взять к делу.» [157]

Эти документы позволяет отбросить всякие недоразумения и гадания о последних годах жизни Петра Бекетова, которые высказывал, например, Е. В. Вершинин: «Мне представляется, что с Амура Бекетов уже не вернулся.» [158]

С документами более согласуется высказывание И. Э. Фишера:

«В 1660 г., возвратясь он через Якутск и Илимск назад в Енисейск, привёз с собою немало соболей, которые ему служили защитою к отвращению наказания, коего за оставление острога опасался.» [159]

Однако же, И. Э. Фишер неточно указал год.

А защищаться было от чего. В 1657 году, 20 мая, по пути в Дауры, на Ангаре, выше Братского острога, назначенный туда воеводой Афанасий Пашков встретился с илимским служилым человеком Сенькой Беспалым, узнал от него все вести и послал отписку в Сибирский приказ, в которой предлагал наказать Петра Бекетова самым жестоким образом.:

«И в прошлом во 162 [1654] году с великия реки Шилки и с Иргеня озера, покиня ваши государевы остроги, енисейской сын боярской Петрушка Бекетов с енисейскими служилыми людьми, с семидесят человеки збежали в Даурскую землю и в вашей государеве ясачной соболиной казне учинили поруху большую.

А после их остались в сибирских городех жёны их и дети, и деревни, и животы. И тех изменничьих животных взять на себя, государя, и жён их, и детей в тюрьму пометать не укажете, и которые те ваши государевы изменники сами впредь объявятся в ваших государевых сибирских городех на Лене и в Якутском, и в Ылимском, и в Енисейском, и в Брацком острогах, и в ыных ваших государевых сибирских городех, и тех своих государевых изменников, Петрушку Бекетова с товарищи, не укажете казнить смертию, и та ваша государева новая Даурская земля впредь не будет вам, государем, прочна и стоятельна.

И многие воры, на то смотря, учнут так воровать, так же по-прежнему вашу государеву казну и остроги, и торговых, и всяких чинов людей станут грабить и побивать и в Даурской земле под вашим государевым указом не будет же.» [160]

Что было потом, неизвестно. Более поздних документов о Петре Бекетове, вроде бы, нет. Из окладных книг жалованья Енисейского острога сохранилась книга за 178 [1669-1670] год, в ней Пётр Бекетов не числится. [161]

Чтобы поставить последнюю точку, отдельно следует остановиться на сообщении протопопа Аввакума о происшествии, бывшем в Тобольске, к которому будто бы имел отношение Пётр Бекетов. Рассказывая о злоупотреблении дьяка Ивана Струны, которое тот совершил во время отъезда архиепископа в Москву, Аввакум писал:

«Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал, и моё дело тут помянул.

Он же, Струна, ушёл к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекетову за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Ещё и душе моей тут горе есть.

Подумав, архиепископ со мною по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в Неделю православия в церкви большой. Тот же Бекетов Пётр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в тот час, из церкви пошед, взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж граждана оплачют согрешение его. А сами три дня прилежне ссужали божеству даже в день века опустится ему. Жалея Струну, такову себе пагубу

принял. И по трёх днех владыко и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плаченова дела говорить

А по сем указ пришёл: велено меня мз Тобольска на Лену вести <...> А как приехал в Енисейской, другой указ пришёл: велено в Дауры вести < > И отдали меня Афанасью Пашкову в полк » [162]

Поскольку здесь упоминается Пётр Бекетов, то А. К. Бороздин выразил обоснованное сомнение о достоверности сообщения Аввакума о Бекетове:

«Самое же важное обстоятельство, подрывающее доверие к этому рассказу, — то, что в этом году мы находим какого-то боярского сына Петра Бекетова, действующим на Амуре, под начальством Афанасия Пашкова.» [163]

Я. Л. Барсков поправлял Бороздина, приводя верные сведения о пребывании А. Ф. Пашкова не на Амуре, а в Енисейске зимой 1655 года, но почему-то привязывал Бекетова к Пашкову, и заключил: «следовательно, Пашков и Бекетов в этом году не были на Амуре.» [164]

Однако же, это утверждение верно лишь по отношению к Пашкову и неверно по отношению к Бекетову. Скорее всего, А. К. Бороздин не совсем чётко выразил свою мысль, написав, что Бекетов действовал на Амуре под начальством Пашкова. Может быть он хотел сказать, что Бекетов был подчинён Енисейскому воеводству.

Далее Барсков приводит слова из отписки Онофрия Степанова Кузнецца, которая нами приводилась выше: «и я, Онофрейко, со всем войском по великой реке Амуру идём вверх судами, и буде, где хлеба на Амуре можем набрать, и тут мы зазимует. (ДАИ. т. III, № 122, стр. 28)», (напомним, что зимовали в Комарском острожке), и делает неверное предположение:

«Вероятно, после этой зимовки Бекетов отправился к Пашкову в Енисейск. Новый енисейский воевода И. П. Акинфов привёз сюда <<наказ>> 20 августа 1655 года, а в нём было велено послать с А. Ф. Пашковым <<в Даурскую землю тобольской присылки 50 пуд пороху, 100 пуд свинца, 100 вёдр вина горячего>> (ДАИ, т. IV, № 17, стр. 40-41), может быть, за этими запасами послали Петра Бекетова.» [165]

Таким образом, Я. Л. Барсков не подвергает сомнению сообщение Аввакума.

Другой автор, В. К. Никольский, полностью поддержал Я. Л. Барскова:

«А. К. Бороздин неверно предполагал: в 1655 г. Пётр Бекетов был с Афанасием Пашковым в Приамурье (Бороздин, 66). Я. Барсков показал, что Пашков в этом году сидел в Енисейске. Известие летописи Черепанова делает вполне вероятным возвращение и пребывание в Тобольске Бекетова к марту 1655 г. (Барсков, 377-378)» [166]

И далее:

«Последнее обстоятельство [пребывание Бекетова на Амуре — Г. К.] после Я. Л. Барскова отпадает: Бекетова не было на Амуре, и он мог быть в Тобольске.» [167]

И наконец, В. К. Никольский успокаивает себя:

«Аввакум, как видно, не особенно гордился своей победой над врагами, почему у него и не могло быть никакого побуждения к выдумыванию повести о проклятии, смерти и растерзании псами Бекетова.» [168]

Но это уже к документальным доказательствам отношения не имеет.

А. Р. Артемьев не согласился с мнением Е. К. Никольского и высказал своё, другое, предположение. Он предположил, что столкновение Бекетова с Аввакумом произошло не в Тобольске, а в Енисейске. Приводим мнение А. Р. Артемьева, опуская ссылки на документы и авторов:

«В. К. Никольский, посвятивший сибирской ссылке Аввакума специальную статью, датирует предание анафеме И. Струны 4 марта 1655 г. на основании того, что, согласно <<Житию>>, оно произошло в <<неделю православия>>. Однако, отдать его тогда <<за пристав>> П. И. Бекетову не могли, так же, как не мог и скончаться Бекетов в это время. Дело в том, что с 13 марта по 4 апреля 1655 г. Бекетов в составе отряда О. Степанова находился на Амуре в осаждённом маньчжурами Комарском остроге, где <<бился явствено>>.

Таким образом, встреча Аввакума с П. И. Бекетовым в Тобольске в 1655 г. представляется маловероятной, поскольку уже 29 июня протопоп покинул Тобольск. Добраться туда с Амура за три месяца Бекетов практически не мог. Встретиться они могли только в Енисейске, где Аввакум находился с конца 1655 г. до середины лета 1656 г., поскольку Бекетов был енисейским сыном боярским и его двор находился именно там. В Тобольске он мог оказаться только по служебным делам и одать ему — постороннему человеку <<за пристав>> дьяка И. Струну не могли. Утверждение Д. Я. Резуна о том, что Бекетов и Струна были друзьями и бывшими товарищами по походам, не имеет документальных подтверждений.

Таким образом, в рассказе Аввакума изложены, на мой взгляд, только два правдивых события: осуждение Бекетовым в Тобольске (туда его обязательно должны были послать с докладом о его действиях в Забайкалье и на Амуре, как это тогда практиковалось) проклятия Струны, повторяемого в церкви архиепископом Симеоном, и последовавшая после этого скоропостижная смерть землепроходца, случившаяся не ранее конца 1655 г.

Причиной появления этого сюжета в <<Житие>>, возможно, является неизвестное для нас столкновение Бекетова с Аввакумом в Енисейске, хотя для такого экспансивного человека и замечательного писателя, каким был протопоп, вполне достаточно было для вдохновения и указанных выше двух событий в Тобольске. Всё остальное он сочинил, связав смерть Бекетова с поддержкой им И. Струны и сделав себя непосредственным участником событий, о которых он мог узнать, как находясь в Енисейске, так и на обратном пути из ссылки.» [169]

Однако же, никакого столкновения Бекетова с Аввакумом в Енисейске тоже не было. Не сходятся даты. Зимой 1654—1655 года, когда протопоп Аввакум был в Тобольске, Пётр Бекетов находился на Амуре. А летом 1655 года протопоп Аввакум был отправлен из Тобольска в ссылку в Якутск. Тобольские воеводы послали об этом якутскому воеводе отписку:

«Господам Михайлу Семёновичю [Лодыженскому], Фёдору Васильевичю [Тонкову] Василей Хилков, Иван Постнов Гагарин, Иван Обоборов, Григорей Углев челом бьют.

В нынешнем во 163 [1655] году, июня в 27 день в грамоте государя ца-

ревича [А. А.] писано нам в Тоболеск, а велено тобольского вознесенского протопопа Аввакума з женою и з детьми послать на Лену в Якутцкой острог с приставом и с провожатыми, с кем пригоже. И о том к вам велено из Тобольска отписать, чтоб ему, Аввакуму, быть в Якутцком остроге. А божественные службы по указу великого государя святейшего Никона патриарха Московского и всеа Великия и Малыя Росии тому протопопу Аввакуму служить не велено. А от государя царевича [А. А.] к вам на Лену о том писано ж.

И по государеву указу тот протопоп Аввакум з женою и з детьми послан ис Тобольска в Енисейской острог с красноярским ... Мирославом, с сыном боярским ... вым с товарищи.

А из Енисейского острогу стольнику и воеводе Ивану Акиньюфову велено того ссыльного протопопа Аввакума з женою и з детьми послать к вам на Лену в Якутцкой острог, с кем пригож.

И как из Енисейского острогу стольник и воевода Иван Акиньюфов того протопопа Аввакума з женою и з детьми к вам на Лену в Якутцкой острог пришлёт, и вам бы по государеву указу того протопопа Аввакума з женою и з детьми велеть взять, и велеть ему быть в Якутцком остроге, а божественные службы служить ему не велеть, и о том к нам в Тоболеск отписать.» [170]

На обороте листа 1 отметка о подаче: «164 [1656] году, июня в 1 день, подал отписку служилой человек Ивашко Епишев.»

Не занимаясь гаданиями и не обращая внимания на мелочи, а лишь основываясь на документах о Петре Бекетове, которые приведены выше, ещё раз скажем, что Пётр Бекетов пошел из амурского войска не после окончания осады Комарского острожка 4 апреля 1655 года, а 20 июня 1656 года, прибыл в Якутск в 1657 году, а оттуда в конце этого года прибыл в Енисейск. Протопоп же Аввакум убыл из Енисейска с Афанасием Пашковым летом 1656 года. Поэтому с полной уверенностью можно сказать: нигде Бекетов и Аввакум не встречались.

Много лет спустя Фёдор Пущин подтвердил, что от голода они ели людей. Об этом писал в Москву сын якутского воеводы Ивана Фёдоровича большого Голенищева-Кутузова Михаил, который после смерти своего отца временно исполнял обязанности якутского воеводы.

«Государю [А. М.] холоп твой, Мишка Голенищев-Кутузов, челом бьёт.

В прошлом, великий государь, во 172 [1664] году, июля в 12 день, прислана твоя великого государя [А. М.] грамота за приписью дьяка Григорья Протопопова к отцу моему к Ивану Фёдоровичю Голенищеву-Кутузову.

А в той твоей великого государя грамоте написано: бил челом тебе, великому государю, Якутцкого острогу сын боярской Фёдор Пущин: по твоему де великого государя указу послан он был из Якутцкого острогу [с] служилыми людьми в Даурскую землю. И будучи в Даурех, всякие нужи и голод терпели, и от нужи, и з голоду промеж себя друг друга ели. И будучи в Даурех, видя всякие нужи и беды, обещался помолитьца московским и соловецким чюдотворцам.

И чтоб ты, великий государь, пожаловал ево: велел с Лены из Якутцкого

острогу отпустить за своею великого государя соболиною казною в провожатых вместо служилого человека.

И как та твоя великого государя грамота придёт, и ево, Фёдора, велено с Лены из Якутцкого острогу великого государя за соболиною казною вместо ленского служилого человека отпустить к Москве.

И я, холоп твой, по той твоей великого государя грамоте вместо служилого человека того Фёдора с твоею великого государя соболиною казною послал к тебе, к великому государю, к Москве.» [171]

На обороте отписки отметка о подаче: «177 [1669] года, февраля в 3 день, с ленским с Ывашком Бурлаком.»

А на притоках Амура ещё были неясачные люди. В 1656 году Онофрий Степанов посылал отряд на «стороннюю» речку. Об этом написано в челобитной служилого человека Фёдора Максимова сына Коркина, которую он подал в Якутском остроге после возвращения с Амура.

«Да в прошлом, государь, во 164 [1656] году летом посылал с усть Шингалу реки меня, холопа твоего, приказной человек Онофрей Степанов со 100 человек на стороннюю речку для прииску и приводу неясачных людей под твою государеву царскую высокую руку.

И я, холоп твой, по той сторонней речке ходил. И сыскали неясачных людей жучер. И с теми жучерскими людьми бились, и многих людей побии, и в аманаты лутчего мужика взяли. И того аманата, взяв, привезли и отдали приказному человеку Онофрею Степанову. И под того, государь, аманата привезли те жучеры ясаку 30 соболей.» [172]

Весь 1658 год с Амура в Якутск не было никаких вестей. Это, видимо, не очень-то беспокоило якутских воевод, потому что с лета 1657 после приезда в Дауры Афанасий Пашков должен был принять в своё подчинение амурское войско. Наконец, в августе 1659 года пришла потрясающая весть. Вот что сообщал якутскому воеводе М. С. Лодыженскому приказчик Олёкминского острожка сын боярский Воин Якунин:

«В нынешнем во 167 [1659] году, августа в 13 день, [пришли] к Олёкминскому острожку из Даурские земли, с великие реки Амуру, служилые люди, Онофреева полку Степанова выборной человек Артюшка Петриловской да есаул Фарафонко Тимофеев с товарищи, всех сто два человека без хлебных запасов, голодны.

И били челом государю [А. М. и А. А.] и подали о хлебных запасав за руками челобитную. А в челобитной их написано, чтоб ани, государи, их пожаловали: велели им в Олёкминском острожке из своей государевы казны тех хлебных запасов мне, Воинку, выдать.

И видя их многолюдство, а в те же поры [с]лучился, шол из Якутцкого острогу, Василей Скоблевской, и он, Василей, учел говорить: теперево де ани люди голодные, не дашь де ты им, и оне де и по нужи тот запас у тебя и сами возьмут.

И я, Воинко, по их челобитью им да заимок из государевы казны семьдесят пуд ржи на сто на два человека выдал, чем дойти до заимок. И они ту рожь взяли у меня, у Воинка, мой запас, рженую мою муку, из тоё муку по нуже яз им отступился, чтоб и так даром не взяли.

И говорил яз, Воинко, ему, Ортюшке, с товарищи, чтоб они ехали в Якутцкой. И они мне сказали: в Якутцкой де нам ехать з государевою казною — упоздать к Москве. И отпустил яз, Воинко, их полку в Якутцкой острог из Олёкминского острожку якутцких же служилых людей пяти человек, Илюшку Тимофеева с товарищи, в Якушкове лотке Любакина, что у нево, Якушки, оставлена была лотка у олёкминских пашенных крестьян, у Ивашка Новгорода да у Васки Загорцова.

Да и в прошлом во 165 [1657] году, маия в 18 день, [в] памяти из Якутцково острогу за подписью диака Фёдора Тонково написано к служилому человеку к Мишке Дехтярю: приняв ему хлебные запасы у Семёна Епишева с товарищи, и блюсти их в Олёкминском острожке про запас для приезде даурских служилых людей, которые будут вперёд из Даурской земли приедут з государевою казною. И такова память оставлена в Олёкминском острошке в ясачном зимовье для иных приказных людей для ведома. И потому тот запас яз, Воинко, по нужи им выдал.

И яз, Воинко, их, Артюшкину Петриловсково с товарищи, заручную челобитную, по которой по их челобитью им запасу дано, подклея под сею отпискою, послал в Якутцкой острог с служилыми людьми, с Ылюшкой Тимофеевым с товарищи. А отписку с челобитною подати и служилым людям Илюшке, пятма человеком, явитьца в Приказной избе перед стольником и воеводою перед Михаилом Семёновичем.

А отпись за их руками в том запасе во ржи, яз, Воинко, оставил у себя вперёд для спору.» [173]

Упомянутый здесь Василий Скоблевский — бывший приказчик киренских пашенных крестьян. Выборный человек Артюшка Петриловский — племянник Е. Хабарова. Есаул Фарафонко Тимофеев был рядовым охочим амурским казаком, прибыл на Амур во время второго прихода Е. Хабарова. [174]

В есаулы был избран уже после гибели Онофрия Кузнеця. Во время осады Комарского острожка есаулами были Тимошка Федотов и Олёшка Кирилов.

В приложенной к отписке челобитной написано:

«В прошлом, государи, во 166 [1658] году побили нас, многих холопей ваших, на вашей государеве службе богдойские люди, разорили до конца. И с тово бою, собрався по лесом и по камени, перешли мы, достальные холопи ваши, с великие реки Амуру с образом всемилостивого Спаса и с вашею государевою казною в Олёкомской острог, нужны и голодны, без хлебных запасов. И нынече, государи, помираем голодною смертию. А купить, государи, нам, холопям вашим, нечем и не у ково.

<...> Велите, государи, в Олёкомском остроге из своей государевы казны Якутского острогу сыну боярскому Воину Якунину дать нам, холопям вашим, своих государевых хлебных запасов, чем бы, государи, ваша казна допроводить до Илимского волоку.» [175]

Челобитную подписал Артюшка Филипов, а вместо есаула Фарафонка Тимофеева приложил руку Васка Иванов.

Через шесть дней, 19 августа 1659 года, служилый человек Илюшка Тимофеев карачевец подал отписку Воина Якунина и челобитную Артюшки Петриловского якутскому воеводе М. С. Лодыженскому.

Прибыв в Илимск, Артемий Петриловский подал челобитную воеводе Петру Андреевичу Бунакову, которую мы приведем несколько позже. Получив в Илимске хлебные запасы на дорогу, служилые люди поехали дальше. 3 октября 1659 года прибыли в Енисейск. Там Артемий Петриловский дал «сказку» о событиях на Амуре:

«168 [1659] года, октября в 3 день, в Енисейском в Съезжей избе воеводе Ивану Ивановичю Ржевскому да подьячему Никите Панову амурские служилые люди:

выборной атаман Артемей Филипов

да рядовые служилые люди:

Ивашко Гарасимов сын Чебычаков

Сидорко Тимофеев

Сидорко Дементьев

Исачко Кирилов

Ивашко Григорьев

в допросе сказали: в прошлом де во 166 [1658] году, июня в 30 день, на великой реке Амуре, ниже Шингалу реки, пришли на них богдойские люди с великим войском на сорока на семи бусах, с большим огненным нарядом, с пушками и с мелким оружием, и на них де, амурских служилых людей, напустили[сь], и из пушек с судов их сбили, и государеву ясачную казну прежнего сбору приказного человека Онофрея Степанова с товарищи отбили, и государев наряд, пушки и порох, и свинец, и их, казачьи, хлебные запасы, и платье, и всякой борошень взяли, и приказного человека Онофрея Степанова да служилых людей двести семьдесят человек на том бою убили.

И от того де погрому живых служилых людей в гору ушли и на спаском судне ушли, и с теми что и в походе были, двести дватцать человек.

И после де того погрому собралось их, служилых людей, в одно место в прошлом же во 167 [1658] году всего 180 человек. И собрали де государева ясаку с дючерских и с гиляцких людей осмнатцать сороков соболей, и в шубах пластин собольих, и за соболей лисицами, да остальных от погрому четыре лисицы чёрных, да, с моря идучи, взяли государев ясак с гиляцких людей три лисицы чёрные ж. И с тою государевою казною пошли вверх по Амуру реке к воеводе Афонасью Пашкову. И дошли они до Комарского острогу. И тут де их взяла хлебная нужда и изнял голод.

А всех де их собралось в тоё пору двести дватцать семь человек, и они розделились надвое. Половина служилых людей осталась в Комарском остроге и пошла в поход по Зие реке кормитьца. А другая де половина служилых людей, сто семь человек, пошли вверх по Амуру реке к воеводе Афонасью Пашкову. А чаяли его, Офонасья, дойти в Албазине в старом городище.

И они де до Албазина дошли, а Афонасья Пашкова в Албазине нет. А сверху де по Амуру реке встретили оне, несёт водою, городской и острожной, и башенной рубленой лес в плотах и врознь, и на плотах судовые снасти, шеймы.

И от Албазина они шли до Тугирского волоку до реки Урки. И Афонасья де Пашкова не сыскали и признак никаких Афонасьевых полчан не видали.

И тут де изнела их хлебная нужда и голод. И за тем выше Тугирского волоку вверх по Шилке реке не пошли. И пошли де за Тугирской волок на Олёкму реку. А государеву ясачную соболиную казну за Тугирской волок перенесли на себе. А волоком идучи, ели губу и траву, и ягоды, и коренье.

А от иноземцов де оне слышали, и языки, которые в походех на боях иманы, им, служилым людем сказывали: богдойское де войско, которое в прошлом во 166 [1658] году на них, служилых людей, шло ... отделилась того войска треть и пошла вверх по Амуру на Офонася Пашкова и на государевых ратных людей. А жив ли де Афонасей Пашков в вершине Шилки реки с своими полчаны, с ратными людми, и того де амурские служилые люди, Артюшка Филипов с товарыщи, впрямь, подлинно, не ведают.

С Тугирского де волоку с государевою ясачною соболиною казною дошли до Илимского острогу, и в Илимском де остроге стряпчей и воевода Пётр Бунаков тоё государеву соболиную казну велел торговым людем розобрать и оценить. И, оценя тоё государеву казну, послал к великому государю [А. М.] к Москве с ними, служилыми людми, с Ортюшкою Филиповым с товарыщи, с шестью человеки.

И в Енисейской де оне приплыли поздо, в самой замороз. А из Енисейского де им с тою государевою соболиною казною осенью и зимою на нартах итить не мочно. » [176]

Значит, в Енисейске они зазимовали. Подробности боя с богдойскими людми здесь не раскрываются.

Дадим краткие сведения об упомянутых здесь амурских служилых людях. Все они записаны в послужном списке Онофрия Кузнеця.

Артемий Филипов Петриловской — племянник Е. Хабарова. Его здесь называют выборным атаманом. В атаманы выбрали после разгрома амурского войска.

Ивашко Гарасимов Чебычаков прибыл в амурское войско с Петром Бекетовым во втором приходе. Одно время он был десятником.

Сидорко Тимофеев также из отряда Петра Бекетова. Прибыл в первом приходе.

Сидорко Дементьев — беглый верхоленский служилый человек. Прибыл в амурское войско с Пронькой Кислым.

Исачко Кирилов был охочим амурским казаком. Прибыл в амурское войско с Е. Хабаровым во втором приходе.

Об Ивашке Григорьеве полной ясности нет. В послужном списке под этим именем числятся двое: Ивашко Григорьев Протопопов — охочий амурский казак, прибывший с Е. Хабаровым в первом приходе, и Ивашко Григорьев Сумин, прибывший с Е. Хабаровым во втором приходе.

4 сентября 1660 года Артемий Петриловский и служилые люди прибыли в Москву. Там в Сибирском приказе Петриловский подал отписки илимского воеводы и свою челобитную, которую он подавал в Илимске воеводе Петру Бунакову:

«Служил я, холоп ваш, вам, великим государем, в Даурской земле, на Амуре реке, со 155 [1647] году до 168 [1660] году. И поднимался я, холоп ваш, на вашу государеву службу в Даурскую землю, на Амур реку, с Лены реки,

из Якуцкого острогу, в три поймы, и собою поднимал для вашии государевы службы людей, человек по десяти и по дватцати на год. И на многих боях был ранен, и нужу, и голод терпел.

И в прошлом, государи во 167 [надо: в 166, т. е. в 1658] году погромили нас, холопей ваших, на Амуре реке богдойские люди, и многих досмерти побили, и живых в полон поимали, и меня, холопа вашего, на бою ранили и животишков моих взяли тысячи на три, [и] больши. И стал от ран увечен и скуден.

<...> Велите, государи, сю мою челобитную на Ленском волоку в Ылимском остроге своему государеву стряпчему и воеводе Петру Андреевичю Бунакову принять и под отпискою послать к вам, великим государем, к Москве.» [177]

Просьбы, как таковой, в челобитной нет. Она послана, как бы для сведения.

Видимо, была ещё и челобитная от 107 человек, что следует из приводимой ниже выписки в доклад:

«Написано в доклад:

В нынешнем во 169 [1660] году, сентября в 4 день, писал к великому государю [А. М.] из Сибири, из Ылимского острогу стряпчей и воевода Пётр Бунаков:

в прошлом во 167 [1659] году шли из Даурские земли с Амура реки даурские казаки Ортюшка Филипов, Ферапонко Тимофеев с товарищи, сто пять человек. И тем де даурским казаком дали в кабалу государевых хлебных запасов сто семьдесят пуд тритцать гривенок муки ржаной в Тугирском остроге илимские служилые люди Сенька Плотник с товарищи, которые оставлены у государевых даурских запасов для береженья.

Да им же, амурским казаком, Ортюшке Филипову с товарищи, девяносту осми человеком, дано в Ылимском остроге из государевых ленских хлебных запасов енисейской присылки в кабалу ж сто пуд муки ржаной.

Да амурским же казаком, Ортюшке Петриловскому, Ивашку Чабычакову, Сидорку Тимофееву, дано в Ылимском ж остроге из даурские спаские казны для московские поездки на проезд для их бедности и разоренья шестнатцать рублёв денег.

И великому государю [А. М.] быют челом амурские казаки, Ортюшка Филипов с товарищи, сто семь человек, чтоб великий государь пожаловал их, амурских казаков, за многую их службу и для их бедности и разорения: не велел на них того своего государева жалованья и хлебного запасу имать.» [178]

На этой же выписке решение: «(У)казал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой: послати государевы грамоты в Якуцкой и в Ылимской к воеводам, и того хлеба и денег на даурских казаках для их даурские службы имати не велел, для того: только б им по[д] Даурским волоком хлеб не дали, и они бы з голоду померли.» [179]

Написано не совсем точно: не упомянуто о хлебе, взятом в Олёкминском острожке, хотя якутскому воеводе тоже указано хлеб не взыскивать.

В Сибирском приказе были записаны расспросные речи Артемия Петриловского с товарищами.

«В прошлом во 169 [1660] году, сентября в 4 день, в Сибирском приказе казаки Ортюшка Петриловской с товарищи, 6 человек, в роспросе сказали:

В прошлом де во 158 [1649] году по указу великого государя послали их из Якутцкого острогу воевода Дмитрий Францбеков да дьяк Осип Степанов на государеву службу в Даурскую землю, на Амур реку, с приказным человеком с Ярком Хабаровым.

И служили де они в Даурской земле до приезде Дмитрея Зиновьева пол 4 [3,5] года. А как де Дмитрий Зиновьев из Даурской земли поехал к Москве, и приказного человека Ярка Хабарова взял с собою к Москве, а на ево, Ярков[о], место, велел у них быть приказным человеком ис казаков Онофрейку Степанову. А в ту де пору было служилых людей с Онофрейком в Даурской земле 540 человек.

И служили с Онофрейком в Даурской и в Чючерской и в Гиляцкой землях со 161 [1652] году по 166 [1658] год. А в тех годах зимовали в разных острожках, потому что за малолюдством от богдойских людей убегали к морю, и где б мочно прокормитьца, а летом ходили на судах для сбора государева ясаку.

А во 166 [1657—1658] году зимовали они в Дючерской земле на Амуре реке в Куминском острожке, а на весне [пошли] ис Куминского острожку вверх по Амуру реке в судах для государева ясачного сбора и для проведыванья воеводы Офонася Пашкова и государевых ратных людей.

И недошед Шингалу реки, в Косогорском улусе поимали языков, неясачных дючерских людей. И те де языки в роспросе им сказали, что идут на них, служилых людей, богдойского царя многие ратные люди в судах.

И Онофрейко де Степанов для проведыванья ратных людей послал от себя по Амуру реке вверх в лёхких судах служилых людей, Климка Иванова с товарищи, 180 человек. А Онофрейко де Степанов з достальными служилыми людьми в больших судах за ними ж, Климком, пошли по Амуру реке вверх.

И в Корчеевой луке пришли на них, Онофрейка с товарищи, богдойские люди в 47 бусах с водяным боем, пушками и с пищальми, и Онофрейка с служилыми людьми с судов збили на берег, а иных и на судах побили.

И на том бою ево, Онофрейка, убили, и служилых людей 220 человек побили, и государеву казну, 77 сороков соболей и с пупки, да 4 пушки медные и железные русских, да 2 пушки железные богдойские погромные, и порох, и свинец, и знамёна богдойские, и суды с хлебными запасы у них отбили. Только де казённое одно судно с образы и со всякою спаскою казною казаки, 95 человек, отстояли, и побежали к морю. А достальные де казаки с судов розбежались с Амуре реки и з берегу врознь.

А Климко де с товарищи, которые посыланы были проведывать богдойских людей, с теми богдойскими людьми на Омуре реке в островах разошлись и пошли к Онофрейку и, недошед до них, увидели на Омуре богдойских ратных людей — стоят на якорях через всю реку, а Онофрейковы суды все розбиты. И он, Климко, с товарищи побежали Амуром рекою вверх, а богдойские де люди за ними не гонялись.

И на третей де день, в вечеру, встретили ево, Климка, в камени Офонась-

ева полку Пашкова служилые люди, пятидесятник Ондрюшка Байкаловской с товарищи, 30 человек, и привезли государеву грамоту, какова послана с Москвы к Онофрейку Степанову с служилыми людьми и от Офонасья Пашкова память, что по указу великого государя велено ему, Онофрейку, с служилыми людьми итти к нему, Офонасью Пашкову, в сход и быть у него в полку.

И Климко де Иванов с служилыми людьми с ним, Ондрюшкой Байкаловским, пошли к Офонасью Пашкову. И прошод камень промеж Даурской и Дючерской земли, у него, Климка, и Ондрюшки с служилыми людьми хлебных запасов не стало.

И он, Ондрюшка де Байкаловской, по совету с Климком, взяв с собою 30 человек служилых людей, пошел к Офонасью Пашкову, чтоб Офонасью про убийство Онофрейка Степанова и служилых людей учинить ведомо, и хлебных бы запасов от Офонасья Пашкова Климку с товарищи навстречу прислать, чем им до Офонасья дойти.

И хлеба де с ним вскоре не было прислано, и из них де учили помирать многие голодною смертью. И не дождался де Ондрюшки, пошли они, Климко с товарищи, вниз по Амуру реке к морю кормитьца. А 37 человек из них, казаков, пошли к Офонасью ж Пашкову, и, недошед ево, Офонасья, на усть Урки реки все з голоду померли.

А Климка де Иванова, идучи к морю, дючерские люди убили, и служилых людей многих ранили. И осталось де от Климка служилых ...» [180]

Считалось, что следующий лист из этого документа утрачен, но, как установил Е. В. Вершинин, [181], этот лист оказался в другом столбце из фонда же Сибирского приказа и даже опубликован в приложении к документу № 102 сборника Русско-Китайские отношения в XVII веке, ч. I. Приводим этот лист:

«... людей только 140 человек. И те де остальные служилые люди, идучи вниз по Амуру, нашли служилых же людей, которые от богдойских людей з бою ушли ранены, ево, Ортюшку Петриловского, с товарищи, 45 человек. И собрався все вместе, пошли на низ к морю. И пришли к Гиляцкой земле. И поставили острог промеж Гиляцкой и Жучерской земли во 167 [1658] году, и в том остроге зимовали и на великого государя ясак збирали. И к ним де гиляцкие люди к острогу приступали, и острог в трёх местех зажигали, и убили у них 3 человек казаков, а иных многих ранили.

А на весне де ис того острожку пошли они, служилые люди, Ортюшка с товарищи, вверх по Амуру реке к Офонасью Пашкову, всех 180 человек. И нашли они на Омуре ж служилых людей 40 человек, которые з богдойского ж бою ушли на спаском дошанике. И собралось их, всех служилых людей, 220 человек.

И в Ачанском улусе сказывали им многие языки, что де идут на них богдойского царя ратные люди, 40 бус, и хотят достальных всех побить. И они де, служилые люди ...» [182]

Окончание находится в столбце 124 фонда Сибирского приказа:

«... с теми богдойскими ратными людьми в островах разошлись, и дошли до Комарского острожку, в котором они наперед сего зимовали.

А по Амуру де реке, по островам и по берегам, видели, что лежит многой лес церковной и острожной, и башенной, и то де они чают, что тот лес рознесло от Офонася Пашкова.

И они де, служилые люди, убоясь того, что им до Офонася Пашкова всем не дойти, что хлебных запасов у них не стало, а Офонасей Пашков жив ли или нет, про то им не ведомо, а поговоря де меж собою, отобралися с Спасовым образом и з государевою казною с ним, Ортюшкою Петриловским, 100 человек здоровых и пошли к Руси, а 120 человек пошли по Зие реке кормитьца и ожидать на Омуре реке великого государя указу и от воеводы от Офонася Пашкова вести.» [183]

В упомянутой статье Е. В. Вершинина написано: «Следует обратить внимание на тот факт, что среди 5 человек, сопровождавших Петриловского, был Иван Терентьев Чебычаков. Напомним, что десятник Чебычаков с 1652 по 1655 неизменно находился под началом Петра Ивановича. Его возвращение в Енисейск без Бекетова означало, видимо, что командира уже не было в живых. Может быть, удача изменила старому землепроходцу в тот памятный день 30 июня 1658 года. Как встретил свой смертный час сын боярский П. И. Бекетов мы, скорее всего, уже никогда не узнаем.» [184]

Однако, это предположение Е. В. Вершинина не подтвердилось. Как видно теперь из приведённой выше челобитной Петра Бекетова о краже у него мягкой рухляди Яркой Савостьяновым, в 1657 году Пётр Бекетов прибыл в Якутск.

Служилых людей, которые бежали на спасском дощанике, а потом зимовали на реке Зее возглавлял Ивашко Иевлев Тельной. Его челобитную, в которой он рассказывает о своей службе, мы приведём несколько позже.

Упомянутый здесь Клишко Иванов, по прозвищу Городец, был промышленным человеком, записан в послужном списке Онофрия Кузнеца среди охотчих амурских людей. Прибыл в амурское войско с Пронькой Кислым.

Воевода Пашков в отправленной в Сибирский приказ отписке сообщил сведения, полученные пятидесятником Андреем Потаповым Байкаловским от Клишка Иванова во время их встречи на Амуре. Об этой встрече в расспросных речах Артемия Петриловского не упоминается.

Афанасий Пашков писал:

«В нынешнем, государи, во 166 [1658] году, июня в 18 день, по твоему государеву [А. М.] указу посылал я, холоп ваш, с великой реки Шилки из вашего государева острогу служилых людей, пятидесятника казачья Ондрюшку Потапова с товарищи, 30 человек, с ваш(ею государевою) грамотою в Даурскую землю и до моря, где оне съедут даурских служилых людей, Онофрейка Степанова с товарищи. Велел, государи, им, даурским служилым людям, быть к себе навстречу и для поставки вашего государева острожку в Даурской земле <...>.

И в нынешнем, государи, во 166 [1658] году, августа в 18 день, пятидесятник казачей Ондрюшка Потапов, которой от меня, холопа вашего, с вашей государевой грамотой в Даурскую землю был послан, пришол ко мне, холопу вашему, в ваш государев в Верхней Шилкинской острог да с ним

даурския службы служилые и новоприборные, Якимко Яковлев с товарищи, 20 человек.

А в роспросе мне пятидесятник Ондрюшка Потапов сказал:

Плыл де он, Ондрюшка, с товарищи по великой реке Шилке от меня, холопа вашего, и как де он будет, проплыв большово каменю поблиску Шингал реки, в Дючерской землице, и с ним де встретились даурские служилые люди, Климко Иванов с товарищи, 160 человек, и ему де, Ондрюшке, сказали:

Пошли де оне от даурского приказново человека, от Онофрейка Степанова, и от всех служилых людей, ниже Шингал реки из Дючерские землицы вверх по Шилке реке для проводыванья про ваших государевых русских людей и для вашева государева ясачново сбора, и погромя де в Дючерской землице на улусе кыштомов, поплыли назад вниз по Шилке реке на встречу к амурским же служилым людям, к Онофрейку Степанову с товарищи.

И как де, будучи, проплыв Шингал реку, в другом плёсе стоят многие богдойские люди на больших судах с парусы. И усмотрели де оне меж судами богдойскими стоят товарищи их, которые от них остались, приказного человека Онофрейка Степанова с товарищи дошаники розломаны.

Да оне ж де, государи, знатно, что товарищев их, даурския службы служилых людей приказново человека Онофрейка Степанова с товарищи, богдойские люди, на том месте, на встрече, побили. А служилых де, государи, людей было с ним, Онофрейком, 300 ...» [185] [конца нет].

Полностью царская грамота Онофрию Кузнецу приведена в главе «С Амура в Москву».

Г. В. Мелихов приводит краткие сведения из «Шицзу Шилу» («Правдивые записи о правлении величественного императора Шицзу великой Цинь») о судьбе русских, попавших в плен:

«В августе 1658 г. в <<Шицзу Шилу>> приводится донесение Шархуда над русскими:

<<Разбили войска русских, захватили их людей, латы и другие предметы. Военному ведомству было приказано проверить донесение нингутского наместника. Пленные были пожалованы маньчжурским офицерам и воинам, имевшим заслуги.>>» [186]

О дальнейших действиях и о судьбе остатков амурского войска, которые пошли вверх по Шилке, писал Афанасий Пашков енисейскому воеводе Ивану Ржевскому:

«Господину Ивану Ивановичю Афонасей Пашков челом бьёт.

По государеву [А. М.] указу велено мне пойти на его, великого государя службу, в Даурскую землю и поставить его, государев, острог, где пригоже.

А даурским служилым людям, Анофрейку Степанову с товарищи, велено быть со мною ж.

А наперёд мне своего приходу велено от себя послать к ним, даурским служилым людям, к Онофрейку Степанову с товарищи, служилых людей, сколько человек пригоже. А велено им меня встретить в Даурской земле на усть речки Урки. А не дождав мне их, даурских служилых людей, себе на встречу, в Даурскую землю плыть, и без их острога ставить не велено.

И в прошлом, господине, во 166 [1658] году по его, великого госуда-

ря, указу с его, великого государя, грамотою посылал я с верху великие реки Шилки из Нелюцкого и из Тунгуского острогу полку своего служилых людей, пятидесятника Андрея Потапова с товарищи, 30 человек, в лёгких стругах к ним, к даурским служилым людям, к Онофрейку Степанову с товарищи. А велел ему, пятидесятнику, и служилым людям плыть вниз к даурским служилым людям до моря, где их сыскать мочно. И по великого государя указу велел им себя встретить сыну человеком в Нелюцком и Тунгуском остроге. А достальным велел себя дожидатьца ниже Урки в Албазине городище.

И их, даурских служилых людей, Онофрейка Степанова с товарищи, на великой реке Шилке, ниже Шингалу реки, богдойские люди побили до моей посылки, а его, Онофрейка, жива взяли.

А иные даурские служилые люди великому государю [А. М.] изменили, не бився с богдойскими людьми, им сдались.

А которые даурские служилые люди на том побое не были, а ходили вверх по великой реке Шилке воевать великого государя ясачных людей, Клишко Иванов с товарищи, 180 человек, встретились на великой реке Шилке, не доплыв Шингала реки, полку моего с служилыми людьми, с пятидесятником казачьим с Андреем с Потаповым с товарищи, и те воры его, великого государя, указу и грамоты не послушали, ко мне на встречу не пошли, и изымав хлебные запасы у пятидесятника казачья у Андрея Потапова с товарищи, поплыли по прежнему своему воровству и непослушанью для своего шарпанья к морю.

И о том их непослушанье я к государю [А. М.] к Москве в прошлом же во 166 [1658] году писал.

И тех воров и непослушников, даурских служилых людей, дошед на море, богдойские люди побили. А от того побою остались немногие люди. И после того побою с моря побежали великою рекою Шилкою на реку Зию. И зимовав, побежали мимо Тугирской и Илимской остроги в Енисейской острог. А ко мне по его ж, великого государя, указу все не пошли ж.» [187]

Сведения о потерях русских, которые сообщали служилые люди, весьма противоречивы, поэтому недостаточно достоверны. Для наглядности сделаем выписки из приведённых выше документов. Артемий Петриловский в Енисейском остроге говорил:

«Приказного человека Онофрея Степанова да служилых людей двести семьдесят человек на том бою убили. А от того де погрому живых служилых дюдей в гору ушли и на Спаском судне ушли, и с теми, что и в походе были, двести дватцать семь человек.»

О пленных не сказано.

А Москве он сообщил:

«И на тои бою ево, Онофрейка, убили и служилых людей 220 человек побили. <...> Только де казённое одно судно с образы и со всякою спаскою казною, казаки 95 человек, отстояли и побежали к морю. А достальные де казаки с судов робежались с Амура реки и з берегу врознь.»

О пленных не сообщается. И наоборот, в отписке А. Ф. Пашкова утверждается иное:

«И их, даурских служилых людей, Онофрейка Степанова с товарищи, на великой реке Шилке, ниже Шингалу реки, богдойские люди побили до моей посылки, а его, Онофрейка, в плен взяли, а иные даурские служилые люди великому государю [А. М.] изменили, не бився с богдойскими людьми, им сдались.»

Поэтому разные авторы подсчитывают потери, как им нравится.

У Г. А. Леонтьевой написано:

«В неравном бою погибли Онуфрий Степанов и 270 человек. <...> В тот роковой день удалось спастись 30 казакам, которые были на Спасском судне, 67 казакам, добравшимся вплавь до берега и успевшим уйти от преследователей в сопки.» [188]

У А. Р. Артемьева написано:

«Только одно Спасское судно, на котором находилась походная часовня, казакам удалось отстоять, и 95 человек уплыли на нём к морю. Ещё одной группе служилых людей удалось уйти сушей. Всего после разгрома спаслось, включая не участвовавших в сражении 180 казаков во главе с К. Ивановым, около 270 человек. Ввиду этого более вероятное количество погибших и пленённых в Корчеевой луке служилых людей составляет 270 человек, поскольку общая численность отряда до разгрома достигала 540 казаков.» [189]

Однако, позже А. Р. Артемьев почему-то отказался от своих расчётов, и утверждает:

«В бою погибли 220 служилых людей из 360, а остальные попали в плен.» [190]

Как будто бы и не было уплывших на Спасском дощанике и выплывших на берег, а были только убитые и пленные. При этом А. Р. Артемьев почему-то даёт ссылку на «сказку» Артемия Петриловского в Енисейске и на отписку воеводы Афанасия Пашкова, в которых записано совсем иное, и которые мы привели выше.

Теперь сопоставим сведения Афанасия Пашкова о судьбе Онофрия Степанова с расспросными речами Артемия Петриловского. В Енисейске Петриловский говорил: «приказного человека Онофрея Степанова да служилых людей двести семьдесят человек на том бою убили. В Москве он тоже говорил: «и на том бою ево, Онофрейка, убили.»

А Афанасий Пашков утверждает, что Онофрий Степанов Кузнец не был убит, а был взят в плен.

Какому из этих сообщений отдать предпочтение? Петриловский, хотя и не сообщает, что видел своими глазами гибель Онофрия Степанова, но он все-таки был участником этих событий и общался с многими участниками боя. Из нескольких сотен уцелевших на том бою наверняка кто-то мог видеть, был ли Онофрий Степанов убит или же взят в плен. Наверняка участники боя не раз обсуждали все его обстоятельства. Из них судьба приказного человека была главным вопросом.

А Афанасий Пашков участником тех событий не был. Он даже и не сообщает, от кого получил известие о пленении Онофрия Степанова Кузнеца. Пятидесятник Андрей Потапов встречался с людьми Климка Иванова, которые, как сообщает сам А. Пашков, «на том побое не были.»

Несмотря на это, А. Р. Артемьев утверждает:

«Сам приказной человек О. Степанов, вопреки единодушному мнению всех исследователей, не погиб, а был взят в плен. (ДАИ, 1851, т. 4, с. 260)», т. е. ссылается на приведённую здесь отписку А. Пашкова. [191]

О том, что говорил о гибели Онофрия Степанова Кузнеця Артемий Петриловский, А. Р. Артемьев не упоминает. Без единого слова в доказательство своей правоты А. Р. Артемьев заявляет, что все исследователи ошибаются, и лишь один он прав. Однако же, имеются ещё несколько челобитных участников этих событий, в которых они в один голос заявляют о гибели Онофрия Кузнеця. Эти челобитные мы приведём ниже.

Далее, из отписки Пашкова, получается, что хлебные запасы пограбили у пятидесятника Андрея Потапова Байкаловского служилые люди во главе с Климом Ивановым.

В этой отписке Афанасий Пашков называет Амур Шилкою.

Далее в отписке Афанасий Пашков сообщает:

«А в прошлом во 169 [1661] году на великой реке Шилке от тех беглых дурских воров остались их товарищи, Енисейского острогу служилые люди:

Обрамко Парфёнов

Ивашко Никитин

Кузка Филипов

Кузка Иванов

Логинко Никитин,

да розных сибирских городов Лёвка Ярофеев Булуй с товарищи, 17 человек. И пришли ко мне в Иргенской острог, будто ему, великому государю служить, умысля воровски, хотя на его, великого государя, службе в полку моём поруху учинить. Ходили от меня из Иргенского острогу с сыном моим с Еремеем на его, великого государя, непослушников, на тунгуские улусы, в поход.

И в нынешнем во 170 [1661] году, сентября в 4 день, как будут на Ингоде реке, ночью, покрадчи у сына моего Еремее и у служилых людей ружьё и многую всякую у служилых людей рухлядь, побежали на плотах вниз по Ингоде и по Шилке рекам, и доплыв по великой реке Шилке до Нелютцкого и Тунгуского острогу, что было его, великого государя, казённых стругов, все грабежём поимали и того острогу приказного человека, пятидесятника казачья Ондreja Васильева, хотели убить и казну его, великого государя, пороховую и свинцовую, грабежём взяли.

И в то время в его, великого государя, в остроге служилых людей было мало, расходились на рыбные свои промыслы кормитьца. И пятидесятник казачей Андрей Васильев с небольшими служилыми людьми от тех воров и изменников его, великого государя, острог едва отстоял.

И от того их изменничья воровства в том в Нелютском и Тунгуском остроге из его, великого государя, судов учинилась поруха большая, для его, великого государя, ясачного сбора служилым людям в ясачные волости ходить не в чем.

И взяв грабежём те его, великого государя, струги, поплыли вниз по Шилке реке. А чаять их воровского побегу мимо Тугирской и Илимской остроги в Енисейской острог.

И будет, господине, те воры и государевы изменники, Обращко Парфёнов с товарищи, объявятца в Енисейском остроге или в уезде, и тебе б, господине, по государеву [А. М.] указу тех воров, Обращка Парфёнова с товарищи, велеть их сыскать и, роспрося, пытать накрепко, где оне его, великого государя, струги дели, что взяли грабежём в Нелютцком и Тунгуском остроге, и оружие, и всякую служилую рухлядь, что покрали у сына моего и у служилых людей в походе, с собою ли принесли в Енисейской острог или, дорогою пловучи, иноземцом розпродали.

А после пытки, господине, велеть их вкинуть в тюрьму в Енисейском остроге до его, великого государя, указу. А к государю [А. М.] к Москве на тех я изменников писал.

А в прошлом, господине, во 163 [1654-1655] году те ж воры и изменники, енисейские служилые люди, Обращко Парфёнов, Ивашко Никитин, Кузка Филипов, Кузка Иванов, Логинко Никитин, при мне посланы были из Енисейского острогу сыном боярским с Васильем Колесниковым на его, великого государя, службу на великую реку Шилку для острожной поставки и для его, великого государя, ясачного сбора. И идучи дорогою, перешед Байкал озеро, на реке Прорве своровали в прошлом во 164 [1655-1656] году, детей боярских, Василья Колесникова с товарищи, ограбили и государеву казну грабежём поимали, и учинили в его, великого государя, казне многие убытки. И выбрав себе в атаманы ссыльного вора Фильку Полетая, и своровав, побежали в Даурскую землю.

А про то их воровство и измену великому государю [А. М.] известно.

А кто имяны с теми изменники с его, великого государя, службы от меня сбежали в нынешнем в 170 [1661] году у сына моего и у служилых людей оружие и всякую рухлядь покрали, и у острогу его, великого государя, струги грабежём взяли, и пятидесятника казачья Андрея Васильева с товарищи хотели убить, и его, великого государя, пороховую и свинцовую казну пограбить, и тем ворах роспись под сею отпискою послал я к тебе, господине, полку своего с служилым человеком Томского города с десятником с казачьим с Федькою с Прокопьевым в нынешнем во 170 [1661] году, декабря в ... день.» [192]

Видимо, эти служилые люди побывали в амурском войске уже после осады Комарского острожка.

Нелюдский и Тунгусский острог — это первоначальное название Нерчинского острога.

В отряде Лариона Толбузина они оказались в то время, когда тот шёл на смену Афанасию Пашкову:

«Да в том же де во 170 [1661] году встретились с ним, Ларионом, на Тугире реке прежние служилые люди, которые остались после бою богдойских людей, Обращко Парфёнов с товарищи, четырнатцать человек. И он де, Ларион, тем служилым людям, Обращке Парфёнову с товарищи, велел быть и нашу государеву службу служить в Нерчинском остроге.» [193]

Тобольские воеводы писали в Москву:

«В нынешнем государи во 173 [1665] году, генваря в 4 день, в твоей великого государя [А. М.] грамоте писано в Тоболеск к нам, холопом вашим: в

прошлом во 172 [1664] году, генваря в 23 день, писал к тебе, великому государю, из Даурской земли Ларион Толбузин:

в прошлом де во 171 [1663] году даурские служилые люди, Обращко Парфёнов с товарищи, да к ним же пристали прежние даурские службы служилые люди, Захарко Левонтьев, с товарищи, подговоря с собою якутских, илимских, енисейских да нерчинских и иргенских служилых людей, побежали по Шилке реке на Амур.» [194]

Наконец, скажем то, о чём бы говорить не хотелось, но надо. В книге Г. А. Леонтьевой о Хабаровов читаете:

«В 1661 г. к Хабарову на Киренгу пришла ошеломляющая весть от Илимского воеводы Тихона Вындомского, сообщившего, что Афанасий Пашков объявил о розыске 17 казаков, когда-то служивших в отряде Хабарова-Степанова, и теперь во главе с Аврамом Парфёновым, ушедших из Нерчинска реками Шилкой Амуром через Тугирский волок, возможно, в Илимск или Якутск.» [195]

Не всё, что хорошо для романа, годится для исторического исследования. Документа о том, что воевода Вындомский сообщал Хабарову эту весть и какие чувства испытывал при этом Хабаров, нет. По-видимому, у Хабарова никаких встреч с воеводой Вындомским не было, так как Хабаров в это время был «за приставом» на Чечуйском волоке. С него пытались взыскать долг за амурский поход. Неизвестно также, знал ли воевода Вындомский о тех событиях, которые описал Афанасий Пашков. Может быть, поэтому Г. А. Леонтьева снабдила свою книгу подзаголовком «для учащихся старших классов» в качестве щита от критики. К сожалению некоторые авторы, далеко не школьного возраста, все написанное Г. А. Леонтьевой, принимают за чистую монету, с усердием переписывая некоторые вымышленные сведения из её книги.

Что было с этими бежавшими людьми, неизвестно. Но вот ещё одно сообщение:

«Да в том же де 170 [1662] году пришли в Даурскую землю прежние даурские служилые люди, четырнадцать человек, которые были с Онофрейком Степановым, и после бою богдойских людей остались. И он де, Ларион [Толбузин — Г. К.], по нашему государеву указу тем служилым людям велел быть и нашу государеву службу служить в Нерчинском остроге.» [196]

В окладной книге Тобольска за 176 [1667-1668] год записано:

«Ларион Борисов сын Толбазин по государеве грамоте послан в Дауры на Офонасьево место Пашкова.» [197]

Не были ли эти четырнадцать человек теми, которые сбежали от Афанасия Пашкова?

Вернёмся немного назад и отметим одно важное обстоятельство, не замеченное историками. В 1659 году Фёдор Пущин вместе с Ерофеем Хабаровым были посланы в Тугирский острожек для отыскания спрятанных там пороха и свинца, и других запасов. В это время на Олёкме Хабаров встретился с остатками амурского войска, которые выводил на Лену его племянник Артемий Петриловский. Документа, в котором бы прямо сообщалось об этой встрече нет, но о ней можно прочесть «между строк» в отписке Фёдора Пущина, которую он отправил в Якутский острог воеводе М. С. Лодыженскому:

«В нынешнем во 167 [1659] году стретил я на Олёкме реке з государевою казною амурских служилых людей. А с ними идут в Якутцкой служилые люди, которые оставались от меня на Амуре [с] войском. И я, стретя их, послал к тебе, воеводе, в Якутцкой острог. А имена их под сею отпискою:

Илюшка Тимофеев

Фетька Лукьянов

Васка Семёнов

Корнилко Семёнов

Олёшка Семёнов

Ондрюшка Иванов

Фетька Петров.» [198]

Итак, вместе с Артемием Петриловским шли люди Фёдора Пушина, которых он оставил в амурском войске. А вместе с Фёдором Пушиным ехал на Тугирский волок для отыскания спрятанных там пороха и свинца Ерофей Хабаров. Но ничего не написал Ф. Пушин о встрече Хабарова с остатками своего войска. Для Пушина встреча со своими служилыми людьми, за которых у него требовали ответа якутские воеводы, была событием более важным, чем встреча Хабарова со своим войском.

Отписку Пушина вместе с отпиской Воина Якунина и с челобитной Артемия Петриловского о хлебе доставил в Якутский острог служилый человек Илюшка Тимофеев карачевец 19 августа 1657 года. Илюшка Тимофеев карачевец был послан вместе с Фёдором Пушиным на Аргунь. Это он прикладывал руку вместо служилых людей о денежном жалованье на 163 [1654—1655] год. [199]

Вместе с Илюшкой Тимофеевым карачевцем прибыл служилый человек Першутка Ондреев, который во время боя находился на спасском дощанике. Он подал челобитную:

«В прошлом, государь, во 159 [1651] году по твоему государеву указу послан я был, холоп твой, из Якутцкого острогу на твою государеву службу с приказным человеком с Третьяком Чечигиным в Даурскую землю к приказному человеку к Ярафею Павлову в полк. И я, холоп твой, в Даурской земли с тем приказным Ярафеем ту твою государеву службу даурскую служил.

И по твоему государеву указу наехал на того Ярафея Дмитрей Зиновьев, и того Ярафея взяв с собою к тебе, государю, к Москве. А меня, холопа твоего, оставил тебе, государю, служить в Даурской земли с приказным человеком с Онофреем Степановым. И я, холоп твой, с той твоей государевы службы из Даурской земли вышел в Якутцкой острог, потому что, государь, от богдойских больших людей приходу твои государевы служилые приказные, Онофрей с товарищи, в трёхстах побиты. И я, холоп твой, с того бою немногими людьми на том спасском дощатике убежал.» [200]

Обратим здесь внимание, что Першутка Ондреев тоже утверждает: «Онофрей с товарищи в трёхстах побиты.»

Челобитная была рассмотрена 27 августа 1659 года. Першутка Ондреев записан в послужном списке под именем Першка Ондреев.

Примерно в 1661 году (точная дата не указана) прибыл в Якутский острог служилый человек Игнашка Терентьев и подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Якутцкого острогу служилой человек Игнашка Терентьев.

В прошлом, государь, во 162 [1654] году послан яз, холоп твой, на твою великого государя службу на новою на Аргунь реку с сыном боярским с Фёдором Пушиным. И яз, государь, холоп твой, на той реке с ним, Фёдором был, и иноземцов на той реке никою не сыскали. И яз, государь, холоп твой, с той с Аргуна реки с сыном боярским Фёдором Пушиным сплыли на низ по Амуру реке в Комарской острожек к даурским служилым людям для хлебной скудости.

И из Комарского, государь, острожку в прошлом во 163 [1655] году сын боярской Фёдор Пущин з даурскими служилыми людьми, с Онофреем товарищи, и со мною, холопом твоим, и служилыми людьми сплыли вниз по Амуру реке в Гилятцкую землю. И в Гилятцкой, государь, земле в Косогорском острожке зимовали. И в походы на гилятцких людей ходили, и тебе, государю, служили.

И как, государь, перезимовал Фёдор Пущин в том Косогорском острожке, и во 164 [1656] году полою водою по Амуру реке вверх даурские служилые люди, Онофрей Степанов с товарищи, и он, Фёдор, с ними, служилыми людьми, з государевою казною соболиною шли до усть Шингалу.

И как, государь, служилой человек Онофрей з даурскими служилыми людьми, взяв твою великого государя соболиную казну, к тебе, великому государю, к Москве послал, и он, Фёдор Пущин, пошёл за тою же твоею великого государя соболиную казною и меня, холопа твоего, и служилых людей для хлебной скудости оставил на усть Шингала реке з даурскими служилыми людьми, с Онофреем с товарищи. И велел мне, холопу твоему, и служилым людям твою великого государя службу служить до твоего великого государя указу. И яз, государь, холоп твой, со 164 [1656] году да по 166 [1658], июня по 30 число, тебе, великому государю, служил.

А как, государь, в 166 [1658] году, июня в 30 день, даурские люди твоих государевых служилых людей, Онофрея с товарищи побили, а в те, государь, поры был яз, холоп твой, с служилыми людьми в отсылке, в походе.

И в прошлом, государь, во 169 [1661] году из Даурской земли до усть Олёкмы реки и яз, холоп твой, выплыл, и с усть, государь, Олёкмы реки приплыл с служилыми людьми в Якутцкой острог для хлебной скудости. И в Якутцком, государь, остроге яз, холоп твой, с твоей государевы службы отставлен, неведомо за что.

<...> Вели, государь, мне быть в Якутцком остроге в своей государеве службе по-прежнему.» [201]

О многом Игнашка Терентьев умолчал, поэтому к его челобитной сделана обширная выписка.

«И к ево челобитью выписано:

В прошлом во 162 [1654] году послан он, Игнашка, из Якутцкого острогу великого государя на службу на новую Аргунь реку с сыном боярским с Фёдором Пушиным для прииску неясачных тунгусов и для ясачного збору.

И в прошлом во 165 [1657] году, апреля в 11 день, писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Михайлу Лодыженскому да к дьяку к Фёдору

Тонкову з дороги с Олёкмы реки сын боярской Фёдор Пушин. А в отписке ево написано:

как де он, Фёдор, пошёл из Гиляцкой земли вверх по Амуру реке великого государя з гиляцкою с соболиною зборною казною, а с ним де якуцких служилых людей, ево полчан, только 20 человек. А Пятунька Гарасимов Белоус да Кирюшка Брагин с товарищи, 24 человека, с ним, Фёдором, не пошли, учинились сильны, и остались в Гиляцкой земли.

И как в прошлом во 165 [1657] году, мая в 18 день, пришёл в Якутцкой острог сын боярской Фёдор Пушин, а в Якутцком остроге в Съезжей избе стольнику и воеводе Михайлу Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонково сказал, что де Игнашка в прошлом во 164 [1656] году, июня в 20 день, остался самовольством ниже Даурской земли, на Амуре реке, в Гилятцкой земли.

И в прошлом во 169 [1661] году тот Игнашка в Якутцком остроге объявился

И стольник и воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов того Игнашку расспрашивал, для чего он сыну боярскому Фёдору Пушину учинился силён, в Якутцкой острог с ним, Фёдором, не пошёл.

И он, Игнашка Терентьев, в роспросе сказал, что де ево сын боярской Фёдор Пушин оставил в Даурской земли сам для хлебной скудости с Пятунькою Белоусом с товарищи. И дал де за своею рукою и за печатью память, что им служить на Амуре реке з даурскими служилыми людьми с Онофрейком Степановым. А тот де Пятунька Белоус в прошлом во 166 [1658] году с служилыми людьми, с Онофрейком Степановым, убит. А та де память после Пятуньки осталась у служилого человека у Корнилка Шишкова.

А он де, Игнашка, в те поры был в походе с служилым человеком с Климом Ивановым с товарищи, 180 человек. И как де они ис походу пришли, и после убийства Онофрейка Степанова пошли по Амуру реке вверх, и встретили сверху, плывут от воеводы от Офонася Пашкова служилых людей Ондрюшку Потапова с товарищи, 30 человек, которые посланы были проведать Онофрейка Степанова с войским. И тот де Ондрюшка, стретясь, поворотился назад к Офонасью Пашкову. А взял де Игнашку с товарищи, 20 человек.

И как он, Игнашка, в том же во 166 [1658] году пришли к Офонасью Пашкову в Нерчинской острог, и Офонасей де Пашков принял их, и велел великому государю в Нерчинском острожке служить. И он де, Игнашка, великому государю в Нерчинском острожке служил во 167 [1658—1659] и во 168 [1659—1660] годах.

И как де у воеводы у Офонася Пашкова с войским хлебных запасов не стало, и он де, Игнашка, во 168 [1660] году отпросился, сам третей, по ягоды для хлебной скудости и, отпросясь, збежал под Тугирской волок, и зимовал на Тугирском волоку во 169 [1661] году. И с Тугирского волоку приплыл в Якутцкой острог.

А как в прошлом во 169 [1661] году тот Корнилко бил челом великому государю [А. М.], и у выписки подал наказную память от сына боярского от Фёдора Пушина за печатью и за ево, Фёдоровою, рукою. И с той памяти взят список. А в том списке пишет.» [202]

Далее приводится память которую дал Фёдор Пушин части своих полчан, когда он их отпустил с Аргуни к Онофрию Кузнецу по причине голода. Строго говоря, она не может служить оправдательным документом для Игнашки Терентьева, так как его обвиняли в другом — почему он не пошёл на Лену вместе с Фёдором Пушиным, остался на Амуре самовольно. Оправданием могла бы служить отписка Онофрия Степанова Кузнецца, в которой он сообщал, что Фёдор Пушин сам не взял этих людей. Но Игнашка Терентьев не знал об этой отписке, поэтому оправдывался, как мог. Память Фёдора Пушина приведена нами выше.

А много лет спустя подавал челобитную Ивашко Иевлев Тельной, который возглавлял отряд на спасском дощанике, потом присоединился к Артемию Петриловскому, затем отделился от него и зимовал на реке Зее.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Якутцкого острогу пятидесятничшко казаче[й] Ивашко Иевлев Тельной.

В прошлом, великий государь, во 163 [1655] году прислан я, холоп твой, из Енисейского острогу через Байкал озеро в немирную в Даурскую землю с енисейским сыном боярским с Петром Бекетовым. И там, в Даурской земле, я, холоп твой, тебе, великому государю, служил с ним, Петром, два года на Иргене озере и на Шилке реке, и с немирными конными тунгусами и с ыными многими родами, с тынгускими ж, дрался, не щадя головы своей. И тут меня, холопа твоего, ранили в левое стегно.

А собрал он, Пётр, на том Иргене озере тритцать сороков соболей и выслал ту твою великого государя соболиную казну из Иргенского острогу в Енисейской острог к воеводе к Офонасью Филиппьевичю Пашкову з десятником казачьим с Максимом Степановым Уразовым.

И служа с ним, Петром, пришли на Амур реку к приказному человеку к Онофрею Степанову. И служил я, холоп твой, тебе, великому государю, на Амуре реке в полку у него, у Онофрея, пять лет. И з даурскими богдойскими ратными людьми в розных драках дрался огненным боем, не щадя головы своей, и во многих осадах сидел, и всякую нужу принимал.

И судом Божиим в той Даурской земле, [с]лучася на караване, приказного человека Онофрея Степанова, и половину войска, выплыв ис усть Шингала реки в Амур реку, богдойские ратные люди, сорок семь бус, со всякими вымыслы побили и корован весь ис пушек и из мелкого оружия.

А я, холоп твой, на том короване своею головою бился ж, не щадя головы своей. И на том бою меня, холопа твоего, в трёх местех ранили.

И Божиею милостию и твоим, великого государя, счастьем, дощаник всемилостивого Спаса казну сорокью человеком отсидели, и поплыли в Натцкую землю. И в Натцкой земле острог поставили. И вся братья, служилые люди, выбрали меня, холопа твоего, приказным человеком на Зию реку.

И я, холоп твой, на Зию реку в поход ходил. И, Божиею милостию и твоим великого государя счастьем, улусы погромили и аманатов за боем взяли. И собрал я, холоп твой, твоего, великого государя, ясаку семь сороков соболей.

И служил я, холоп твой, в той Даурской земле, вышел с твоею, великого государя, соболиною казною в Якутцкой острог. И в якутцком остроге твой

государев стольник и воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов приверстал меня, холопа твоего, в твою, великого государя, ленскую казачью службу и послал меня, холопа твоего, на твою великого государя дальнюю службу на Охоту реку з дворянином с Леонтьем Юрьевичем Кутузовым. А из Охотцкого острогу Леонтей Юрьевич Кутузов послал на новую на Тоуй реку приказным человеком. И на той реке, Божиею милостию и твоим, великого государя, счастьем, иноземцов за боем в аманаты взяли, оленных мужиков — Долганского роду лутчих мужиков два человека да Учагинского роду трёх человек. А под долганских мужиков платят твоего великого государя ясаку два сорока соболей. Всего платят под тех аманатов семь сороков соболей.

Да которые преж сего на Тоуе реке изменили тебе, великому государю, у Михайла Стадухина, и тех изменников я, холоп твой, твоим великого государя счастьем, в том же походе за боем под твою, великого государя, царскую высокую руку привёл четырёх человек аманатов. А платят твоего великого государя ясаку с роду своего три сорока соболей вечно.

И в том походе я, холоп твой, терпел всякую нужу.

И из Охотцкого острогу дворянин Леонтей Юрьевич Кутузов послал меня, холопа твоего, за твоею, великого государя, соболиною казною в Якутцкой острог. А в Якутцком остроге твой государев стольник и воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов за мою службишку приверстал меня, холопа твоего, в пятидесятники казачьи с прежним казачьим рядовым окладом до твоего, великого государя, указу.

<...> Вели, великий государь, ту мою послужную челобитную в Якутцком остроге своему государеву стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичу большому Голенищеву-Кутузову принять и под отпискою послать к тебе, великому государю, к Москве.» [203]

В послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца Ивашко Иевлев записан среди охочих служилых людей, пришедших с Петром Бекетовым.

В этой челобитной Ивашко Иевлев Тельной сообщает, что выплыл из боя на спасском дощанике с 40 человеками. А Артемий Петриловский сообщил, что на реке Зее зимовало 120 человек. Значит, было какое-то объединение. После этого оставшиеся на реке Зее выходили в Якутск не все в одно время, о чём будет рассказано дальше. Ивашко Иевлев Тельной не сообщает, сколько человек с ним вышло и в каком году.

Есть ещё одна челобитная участника этих событий, побывавшего в Сибирском приказе в марте 1673 года. Она слегка повреждена, но легко восстанавливается, за исключением нескольких слов.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, даурские службы Нерчинских острогов служилой человек Шестачко Афонасьев.

В прошлых, государь, (годех) по твоему государеву указу на великой реке Лене в Якутцком воевода Дмитрий Франзбеков поверстал меня, холопа твоего, в твою государеву рядовую казачью службу. (И по твоему) государеву указу послан я, холоп твой, из Якутцкого на (твою) дальнюю службу в Даурскую землю на великую (реку Амур) с приказным человеком Ярофеем Хабаровым.

И будучи (я, холоп) твой, на твоей государеве дальней службе в Даурской земле, служил тебе, великому государю, десять лет без твоего (государева) жалованья, без денежного и без хлебного, с травы (и воды).

Да по твоему великого государя указу приезжал в Даурскую землю с твоими государевыми з золотыми Дмитрией Зиновьев. И после того я, (холоп твой), служил тебе, великому государю, з другим приказным человеком, с Анофреем Степановым, семь лет. И от богдойских людей в осаде в Комарском остроге сидел. И многих даурских людей на приступех и на вылазках побили.

Да на Амуре ж, в Даурской земли, Божиим изволением, по грехам нашим, приходили к нам, холопом твоим, множество воинских богдойских людей на штидесят бусах, и погромили, и приказного человека Анофрея Степанова и служилых людей побили, и твою государеву казну у нас, холопей, отбили.

А нас, холопей твоих, осталось с побоища девяносто человек, а восмдесять пять человек прибрели после того побоища, и те ранены ж, и с казною всемилостиваго Спаса, с твоею государевою казною, с лисицами.

И вышли мы, холопи твои, на море и ходили по морю и по лесом. И лето и зиму питались травой и лесом, и китами, и нерпою. А спаской твоей государевы казны не покинули.

По морю и по лесом ходя, померло голодом пятьдесят пять человек. А осталось нас, холопей твоих, тех служилых людей, живых тридцать девять человек.

... ми, холопи твои, по лесом берегли (и вышли) на Амур же реку, а с Амуре на великую реку Лену. И в Ылимском остроге тоё спаскую казну ... у нас, холопей твоих, принял стряпчий и воевода Пётр Бунаков. А твою великого государя казну, ли(сицы), отпустил он, воевода Пётр, к тебе, (великому государю), к Москве [с] служилыми людьми, з даурскими казаки с Ортемьем Петриловским да с Ываном Гарасимовым.

А после того я, холоп твой, служил тебе, великому государю, в Нерчинских острогах в полку Иллариона Толбузина и Данила Аршинского семь лет.

Да брат же мой родной служил тебе, великому государю, Иван Афонасьев, в детех боярских по Туле сорок лет. И на твоих великого государя службах я, холоп твой, от богдойских людей ранен в лицо стрелою. Да у меня ж, холопа твоего, прострелена рука да нога.

<...> Вели, государь, мне, холопу своему, свою великого государя службу служить в Даурах же по Нерчинскому острогу в детех боярских. А своего великого государя жалованья оклад учинить, как тебе, великому государю, о мне, холопе твоём, Бог известит.» [204]

Обратим здесь внимание, что Шестачко Афонасьев пишет: «приказного человека Анофрея Степанова и служилых людей побили.» О взятии в плен речи нет. В послужном списке Шестачко Афонасьев не записан. Во время приезда Д. Зиновьева «дано Шестаку Офонасьеву золотая деньга. А иных ево служб в Сибирском приказе не сыскано.

А прислан он, Шестачко, из Даур к великому государю к Москве в нынешнем во 181 [1673] году с отписки, 181 [1673], марта в 11 день.» [205]

Неточно написано в челобитной, что Шестачко Афанасьев после приезда Дмитрия Зиновьева служил с Онофрием Степановым Кузнецом семь лет.

Есть ещё одна челобитная. Её подавал верхотурский стрелецкий сын Козёмка Борзунов верхотурским воеводам Фёдору большому Хрущёву и Савве Тютчеву. С этой челобитной Козёмка Борзунов был отпущен в Москву и 24 апреля в Сибирском приказе подал эту челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом твой верхотурской стрелецкой сын Козёмка Борзунов.

В прошлом, великий государь, во 160 [1652] году был я, холоп твой, на твоей великого государя службе вместо дяди своего, верхотурского стрельца Якова Борзунова, в Даурах с воеводою з Дмитрием Зиновьевым. И служил тебе, великому государю, девять лет, и у многих смертей был, и всякие нужи и бедности, и голод терпел, и со своею братьею, з даурскими служилыми людьми, с иноверцы, богдойского царя людьми и з дауры, и з жучары, и гиялтцкими людьми, не щадя головы своя, на многих боях бился. И после тех боёв многих иноземцов под твою великого государя высокую руку подвели.

И с тою твоею великого государя ясачною казною пошёл я, холоп твой, з даурскими служилыми людьми к тебе, великому государю, к Москве. А за тою казною было провожатых даурских служилых людей для оберегания от иноверцов девяносто человек. И идучи, на море дошли нас, холопей твоих, иноверцы — богдойцы и дауры, и жучары — многие люди. И были у нас, холопей твоих, с теми иноверцы бои большие, два дни да две ночи безпрестанно. И на тех боях многих служилых людей те иноверцы побили. И твою великих государей, ясачную казну у нас, холопей твоих, взяли и суды сожгли.

И я, холоп твой, на тех боях ранен ис пищали в левую руку, да в левую ногу из лука пострелен. И от тех, государь, боёв осталось нас, холопей твоих, живых раненых и не раненых с твоею великого государя достальною ясачною казною только пятнатцать человек. И ходили по лесом и по пустом местом четыре недели, и голодною смертию помирали.

И вышли с твоею великого государя з достальною казною мы, холопи твои, в Енисейской острог при воеводе при Иване Ржевском. И в Енисейском я, холоп твой, от ран лежал болен год. А с твоею великого государя ясачною казною моя братья, даурские служилые люди, к тебе, великому государю, к Москве пошли. А как я, холоп твой, обмогся и приволокся на Верхотурье, и от тех ран на Верхотурье лежал болен же. И от тоё службы я, холоп твой, обнищал и обдолжал великими долгами.

А с которыми я, холоп твой, с своею братью был вместе на твоей великого государя службе в Даурах, и они с твоею великого государя ясачною казною приехали к тебе, великому государю, к Москве. И те, моя братья, за тоё даурскую службу и за раны, и за много[е] их нужное терпение твоим великого государя жалованьем пожалованы и в службы по городом в разные чины по их челобитью вёрстаны.» [206]

Козёмка Борзунов скромно просил «пожаловать, как тебе, великому государю, обо мне, холопе твоём, господь Бог известит.»

В послужном списке среди верхотурских служилых людей записан Кузька Иванов. Может быть, он и есть Козёмка Борзунов.

А теперь вспомним, что в Енисейске в расспросных речах поимённо перечислены только шесть человек. Козёмка Борзунов там не упоминается. Заметим также, что изложение событий в челобитной Козёмки Борзунова несколько отличается от изложения в расспросных речах Артемия Петриловского. Почему-то у Козёмки Борзунова ничего не сказано о разгроме амурского войска. Всё описано в общих чертах, не упомянуто ни одного имени. Есть очень сомнительные места: «и идучи, на море дошли нас, холопей твоих, иноверцы — богдойцы и дауры, и жучары.»

А в 1661 году на Лену опять вышли с реки Зеи 56 человек. О них якутский воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов послал отписку в Сибирский приказ:

«В нынешнем, великий государь, во 169 [1661] году, июля в 8 день, пришли ко мне, холопу твоему, с Амура реки амурские служилые люди Якушка Парфёнов да Елизарко Семёнов с товарищи, 56 человек.

А с собою привезли, что у них осталось от погрому богдойских людей, что они собрали на Зие реке с ыноземцов на тебя, великого государя, ясаку и поминков в прошлом во 168 [1659–1660] и в нынешнем во 169 [1660–1661] годах, восьми сороков 14 соболей и недособолей да восемь сороков 14 пупков соболях, да бобра. Цена соболям и пупкам, оричь бобра, 70 рублёв 20 алтын 2 деньги.

И я, холоп твой, ту твою великого государя соболиную казну с якуцкою соболиною казною, оцеля и положа в суммы, послал к тебе, великому государю, к Москве.

Да те ж, великий государь, амурские служилые люди били челом тебе, великому государю [А. М.], а мне, холопу твоему, в Якутском остроге в Съезжей избе Якунька Парфёнов да Елизарко Семёнов с товарищи подали челобитную о службе своей к тебе, великому государю.

И я, холоп твой, тоё их челобитную послал к тебе, великому государю,» [А. М.] к Москве под сею отпискою.» [207]

К сожалению, челобитную эту найти не удалось.

Упомянутый здесь Якунька Парфёнов пришёл в амурское войско в 1651 году с А. Петриловским. Записан в послужном списке, после ухода богдойских людей ходил на разведку.

Елизарко же Семёнов в послужном списке не записан.

Ивашко Иевлев Тельной, по-видимому, вышел отдельно от них, так как он в отписке не упомянут, а ведь был он выборным атаманом; кроме того, привезённый в Якутск ясак не совпадает. У Ивашки Иевлева ясаку было поменьше — семь сороков соболей.

Вскоре Елизарко Семёнов был послан в Москву. Вот что писал об этом якутский воевода Голенищев-Кутузов:

«В нынешнем, великий государь, во 169 [1661] году, июля в 31 день, посланы к тебе, великому государю [А. М.] к Москве с отписки Якутцкого острогу служилые люди Федотка Ветошка да Митька Хохряков, да даурской служилой человек Елизарко Семёнов.

А сколько, великий государь, с ними отписок послано и которая отписка о каком деле, и тому, великий государь, я, холоп твой, послал роспись за моюю, холопа твоего, Ивашковою рукою под сею отпискою.» [208]

На обороте отписки отметка о подаче: «170 [1662] году, февраля в 21 день, с якутским казаком с Федотком Емельяновым [Ветошкою].»

Федотко Емельянов Ветошка в послужном списке не упомянут, видимо, он на Амуре не был. А Митька Хохряков был, и даже не рядовым, а десятником. Вышел на Лену в 1657 году.

С делами обернулись очень быстро, и весной Елизарко Семёнов уже был на Лене. Не прошло и года, как он вышел из Даур. Но тут произошло что-то непонятное с Елизаром Семёновым. Он забыл все невзгоды и опасности, которые испытал после разгрома амурского войска и решил вновь вернуться в Дауры по своей воле, без помощи властей. Способ, которым можно было исполнить это намерение, был известен. Нужно было захватить суда, ограбить торговых людей и пашенных крестьян, запастись всяким «заводом». А путь на Амур был известен не по наслышке, а по собственному опыту.

Илимский воевода Тихон Вындомский сообщал в Москву:

«И в нынешнем, государь, во 170 [1662] году, на весне, в Ылимском уезде, на великой реке Лене, в Усть-Киренской волости, объявились на заимке пашенного крестьянина Фомки Обрабова, у половников ево, воровские даурские беглецы, Даурские же земли выходцы, служилые люди, воровской завогчик, ссыльной донской казак Елизарко Семёнов, Петрушка Рожа, Сенька Кузнец с товарищи, дватцать человек; промышленных людей и пашенных крестьян в свой воровской побег подговорили и, собрався с своим воровским скопом, торговых и промышленных людей, и пашенных крестьян Фомку Обрабова, Ивашка Бутора и Фомкиных половников били, и живот их пограбили, и дворовых людей, купленных ясырей, у Ивашка Бутора дву человек с собою сильно взяли.

И мне, холопу твоему, про тот их воровской даурской побег ведомо учинилось. Посылал за ними из Ылимского острогу служилых людей, десятника казачья Терёшку Пашкова с товарищи, дватцать человек. А для поминки велел им по заимкам промышленных и гулящих людей, и пашенных крестьян собрать, сколько человек пригоже, и тех даурских беглецов велел переимать.

И те воровские даурские беглецы по лесом и по камению перешли, и перехоронились, и сыскать их никою не могли.» [209]

Упомянутый здесь Петрушка Максимов Рожа был охочим амурским казаком; пришёл в амурское войско в 1651 году с Третьяком Чечигиным и Артемием Петриловским; участвовал в обороне Комарского острожка, записан в послужном списке.

Кто такой Сенька Кузнец, неизвестно.

Фомка Аврамов Шапошник пахал выше Киренска в 50 км в деревне, которая по имени его сына была названа Лазаревой. Его потомки, Шапошниковы, и сейчас живут в Киренском районе.

Ивашко Бутора пахал в деревне Заборской, в 67 км выше Киренска.

Десятник казачий Терётий Афиногенов Пашков жил в Киренске и был приказчиком киренских крестьян.

История Елизарки Семёнова содержит немало тёмных мест. Дело в том, что ещё в 1649 году упоминается некий отставленный служилый человек Елизарко Семёнов Даурщик. Это прозвище он имел ещё до похода на Амур Ерофея Хабарова. После отставки он был пашенным крестьянином в деревне Заборской. В соседней деревне Кривой Луке он зарезал пашенного крестьянина, ссыльного черкашенина Максимку Ондреева. Причина была бытовой: жена Максимки Андреева была любовницей Елизарки Семёнова Даурщика. За убийство Елизарко Семёнов Даурщик был посажен в тюрьму. Но затем был выпущен и устроен в пашню на Лене же, выше Туруки реки. (Речка Турука — выше Усть-Кута в 14 км). В 1659 году Елизарко Семёнов Даурщик был отпущен в Енисейск.

Когда оказался в амурском войске Елизарко Семёнов Донщина, неизвестно. В послужном списке, как уже было сказано, он не отмечен. Поэтому загадку, являются ли Елизарко Семёнов Даурщик и Елизарко Семёнов Донщина одним и тем же лицом, так и не удалось разгадать. По случайному ли совпадению Елизарко Семёнов Донщина начал свои грабежи с Ивашки Буторы, с которым когда-то жил в одной деревне Елизарко Семёнов Даурщик.

Воевода Тихон Вындомский послал на устье Олёкмы служилых людей на перехват Елизарки Семёнова с товарищами:

«Я, холоп твой, на усть Олёкмы реки на заставу илимских служилых людей, пятидесятника казачья Ивашка Дунаева да с ним десяти человек, которые в Ылимском остроге за службами остались прежде их воровского побегу, послал, чтоб тех даурских беглецов на заставе на усть Олёкмы реки в Даурскую землю не пропустить, их переимать, и торговых и промысленных людей пограбить не дать.

А что те даурские беглецы, Елизарко Семёнов с товарищи, на побеге своём вниз по Лене реке над торговыми и над промысленными людьми, и над пашенными крестьяны воровством своим какой грабёж учинят, и будут ли они на заставе на усть Олёкмы реки переиманы, и сколько человек в воровском их побеге вскопе будет, и про то мне, холопу твоему, нынешняго 170 [1662] году, июля по 31 число, неведомо. С усть Олёкмы реки з заставы служилые люди в Ылимской острог не бывали и ко мне, холопу твоему, ничего про то не писали.

А как ко мне, холопу твоему, про тот их воровской даурской побег с усть Олёкмы реки служилые люди отпишут, и что над теми даурскими беглецами на заставе учинитца, и я, холоп твой, про тот их воровской побег к тебе, великому государю [А. М.] в Сибирской приказ подлинно отпишу.» [210]

Между тем, Елизарко Семёнов с товарищами беспрепятственно проплыли мимо Чечуйского волока и даже запаслись там хлебом и мясом. Приказной человек Чечуйского волока сын боярский Иван Жеглов сообщал якутскому воеводе Ивану Фёдоровичу большому Голенищеву-Кутузову:

«Да в нынешнем ж во 170 [1662] году, июня в 20 день, мимо Чичюйские

деревни прежней даурской казак Елизарко Семёнов с товарищи бежал воровски, подговоря иных даурских казаков и гулящих людей. И в Чичюйском уезде, в деревнях, грабили, у пашенных крестьян скот били, и запас, и всякой завод грабили.

А преж того, Елизаркова, побегу на Чичюйской весть была. И я, Ивашко, розсылал, чтоб пашенным крестьяном и промышленным людям притти на Чичюйской волок для обереганья пашенных крестьян, и

их, воровских беглецов, мимо чичюйских деревень проводить и в деревни б не пущать.

И пашенные крестьяне меня, Ивашка, не послушали, для обереганья чичюйских деревень на Чичюйской волок не приехали, и мимо Чичюйские деревни тех воровских беглецов не проводили. А служилых людей здесь нет, и оборонить чичюйских деревень оборонять [так в тексте — Г. К.] было нечем.» [211]

Эту отписку получили в Якутске 11 июля 1662 года.

О своём содействии беглецам, может быть невольном, под страхом, Иван Жеглов умолчал. Но об этом стало известно при сыске, произведённом сменившим Жеглова приказным человеком Семёном Ивановым Епишевым. Об этом сыске писал в Якутск таможенный целовальник Чечуйского волока и квасной откупщик Иван Дорофеев Пивоваров:

«Да в том же сыску написано, что он, Иван, по своей руке велел дать Давытку Пшенишному вору, беглецу Елизарку Семёнову, десять пуд ржи, которой побегал в Даурскую землю своею охотою. И та ево, Иванова, рука вклеена под сыскными делами.

И он, Иван, про ту свою воровскую память роспрашиван. А в роспросе сказал, что де он, Иван, дал ему, Елизарку, с товарищи свой хлеб. И тоё де памяти своей руки он, Иван, не лживит, рука де ево, Ивашкова. А давал де тот хлеб, бояся ево, Елизарка, что ево видали пашенные крестьяне.» [212]

Давыдко Иванов Пшеничный, бывший мовный (банный) сторож царицы Евдокии Лукьяновны, жены царя Михаила Фёдоровича, сосланный на Лену за ведовство (колдовство) пахал в деревне Сполошиной, ниже Чечуйска в 38 км. В сыске он дал такие показания:

«А как пошли бегом того же лета воровские люди, Елизарко Семёнов с товарищи, и он, Иван. прислал к нему своей рукою памятку. А велел тем воровским людям тот свой достальной запас отдать тем воровским даурским беглецам, Елизарку с товарищи.

И та памятка у него, Давыдка, взята в сему сыску. А в памятке ево, Иванове, руке пишет:

<<Память десятнику Давыду Пшеничному. Отдать бы тебе моей муки десятнику Елизару с товарищи.>>» [213]

«Достальная» мука, о которой здесь говорится, — это остатки муки, из которой Иван Жеглов во дворе у Давыда Пшеничного варил незаконно пиво на продажу.

Памятка сохранилась. Это — узкая полоска бумаги. На нём неуверенным малограмотным почерком, как бы сейчас сказали, печатными буквами, написаны приведённые выше слова. Странно видеть такой почерк у бывшего

сына боярского Новгородского Софийского дома, возглавлявшего новгородский бунт и управлявшего приказной избой.

Прибыв на устье Олёкмы, Елизарко Семёнов сделал там остановку и занялся грабежом торговых людей. Об одном из этих ограблений была подана челобитная якутскому воеводе:

«Царю [А. М.] бьёт челом сирота твой, гостя Офонасья записи приказщик Ивашко Бурцовской.

В прошлом, государь, во 170 [1662] году на усть Олёкмы реки беглой человек Елизарко Донщина пограбил хозяйского приказщика Максима Бушковского, А грабежём взял коробыю. И всего грабежу на тысячу рублёв и больши, и с писмянными крепостьми.

Да в той же, государь, коробыи было девять пуговиц серебряных. И те, государь, пуговицы опознал на Илимском волоку хозяйской приказщик Максим Бушковской у серебреника Ивашка Пиликина. И те, государь, пуговицы и икона пречистые Богородицы Казанской положена за третьево за Лаврентья Щепёткина.

<...> Вели, государь, те пуговицы и икону взять у Лаврентьева брата у Родиона в Съезжую избу и того серебреника допросить, и записку записать, чтоб тот хозяйской грабленой живот не пропал.» [214]

Дело рассматривал воевода.

«И стольник и воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов, слушев ево, Ивашковой, челобитной, велел ту икону и круг, и пуговицы серебряные у Родиона Щепёткина взять в Съезжею избу, и ево, Ивашка Пиликина, спросить, где он ту икону и пуговицы взял или у кого купил.

И та икона и пуговицы, и круг у него, Родиона, взяты в Съезжею избу.

И промышленной человек Ивашко Пиликин в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Фёдоровичем большим Голенищевым-Кутузовым спрашиван, где он ту икону и круг, и пуговицы взял.

И он, Ивашко, в роспросе своём сказал, что дал де ему, Ивашку, ту икону, и с тою иконою пуговицы и круг серебряные торговой человек Кузька Пономарёв и велел он, Куска, теми пуговицами и кругом ту икону обложить, и к старому окладу того серебра прибавить.

И он де, Ивашко, ту икону и пуговицы, и круг у него, Кузьки, взял. А чья де та икона, того де он, Ивашко, не ведает.

Торговой человек Куска Пономарёв в роспросе своём сказал, что де в прошлом во 170 [1662] году, как он, Куска, шёл из Якутцкого острогу на Илимской волок, и дал де ему, Кузьке, на Олёкме реке ту икону пречистые Богородицы Казанской и круг, и пуговицы серебряные служилой человек Васка Михайлов. А велел де он, Васка, ему, Кузьке, ту икону и круг, и пуговицы отдать серебренику Ивашку Пиликину. И ту икону теми пуговицы и круг обложить к тому окладу наприбавку.

И служилой человек Васка Михайлов спрашиван, где он ту икону и пуговицы, и круг серебряные взял или у кого купил.

И он, Васка, перед стольником и воеводою перед Иваном Фёдоровичем большим Голенищевым-Кутузовым в роспросе своём сказал, что де у него, Васки, та икона пречистые Богородицы Казанские на окладе цета и

венец басеной, вызолочен, и круг, и пуговицы ево, Васкины, старинные, а не Максима Бушковского.

А та де икона — благословение отца ево, Васкина. И ту де икону и пуговицы привёз с Москвы с собою в Якутцкой острог. А круг де тот старой, якутцкой. А дал де он, Васка, ту икону торговому человеку Куске Пономарёву. А велел де он, Васка, ту икону отвести на заимки к серебренику к Ивашке Пиликину, и теми пуговицами и кругом велел ему, Кузьке, к старому окладу к венцу наприбавку прибавить, и венец сделать потолще. И он де, Кузька, ту икону у него, Васки, взял и отвёз к нему, Ивашке Пиликину.

А у Елизарка де Семёнова, по прозвищу Донщина, он, Васка, тоё иконы и пуговиц, и круга, и иного никакого грабёжного их, хозяйского, живота не имывал.

И торговой человек Ивашко Бурцовской сказал, что де та икона и пуговицы, и круг — хозяина ево. А ту де икону и круг, и пуговицы грабёжём взял на усть Олёкмы реки беглец Елизарко Семёнов, по прозвищу Донщина, с хозяйским животом у Максима Бушковского. А ту он икону и пуговицы, и круг отдал он, Елизарко Семёнов, ему, Васке Михайлову.» [215]

А Иван Бурцовский сослался ещё на одного свидетеля и подал ещё одну челобитную:

«171 [1663] году, августа в 1 день, подал сю челобитную торговой человек Ивашко Бурцовской на торгового человека на Евсейка Кальина. А в ней пишет:» [216]

«Царю [А. М.] бьёт челом сирота твой, гостя Офонасья записи приказщик Ивашко Бурцовской.

В нынешнем, государь, во 171 [1663] году на Илимском волоку узнал хозяйской приказщик Максим Бушковской, что пограбил [у] усть Олёкмы Елизарко хозяйского живота, у серебреника Ивашка Пиликина пуговицы серебряные. И ныне, государь, те пуговицы в Якутском остроге в Съезжей избе. А служилой человек Василей Михайлов Домрачей назвал те пуговицы своими .

<...> Вели, государь, про те пуговицы допросить в Съезжей избе торгового человека Евсевья Кальина, как он видял те пуговицы у хозяйского приказщика у Максима Бушковского в коробые на Киренге и, плувучи с Киренги, во 170 [1662] году.» [217]

«И против сей челобитной торговой человек Евсейейка Кальин допрашиван, знал ли он пуговицы на Киренге гостя Офонасья записи у приказщика ево у Максимка Бушковского.

И Евсейей Кальин в допросе сказал, что де те пуговицы видял на Киренге гостя Офонасья записи у приказщика ево у Максима Бушковского в коробые и, плувучи де с Киренги, видял же, которые пуговицы в Якутском остроге служилой человек Василей Михайлов Домрачей и назвал своими» [218]

«И Васка Михайлов в роспросе своём сказал, что де того, Максимова, живота ничего не имывал. А буде у него, Максимка, в ево в явке та икона и пуговицы, и круг серебряные имянно написано, и он де, Васка, на тоё явку и шлётца, тою явкою хочет прав и виноват быть.

И по приказу стольника и воеводы Ивана Фёдоровича большево Голенищева-Кутузова та икона и круг серебряные, и пуговицы ему, Васке, ис Съезжей избы до sprawy по ево, Васкину, словесному челобитью отданы, потому что тот истец уехал к Русе, а пуговиц, числом девять, — дело басенное,» [219]

Таким образом, воевода с некоторой оговоркой признал показания служилого человека Василия Михайлова истинными и отдал ему спорное имущество под расписку:

«Я, Васка, икону и круг, и пуговицы по приказу стольника и воеводы Ивана Фёдоровича большого Голенищева-Кутузова взял и руку приложил.» [220]

Неизвестно, встретились ли с Елизаром Семёновым илимские служилые люди, посланные на устье Олёкмы во главе с пятидесятником Иваном Дунаевым. Сведений об этом нет.

На следующий год после побега в Якутском остроге получили новые сведения об Елизарке Семёнове:

«171 [1663] году, мая в 20 день, в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Фёдоровичем большим Голенищевым-Кутузовым служилой человек Карпунька Пустун, которой послан был в Нерчинской острог с служилым человеком з Ганькою Алексеевым по Офонася Пашкова да по сына ево Еремея, провожать их из Нерчинского острожку до Енисейского острогу, в роспросе сказал:

как де в прошлом во 170 [1661] году дошли с сыном боярским с Ларионом Толбозиным до Тугирского острожку, и сын боярской де Ларион с служилыми людьми в Великой пост на третьей недели пошёл из Тугирского острожку в Нерчинской острог к Офонасю Пашкову. А их де, Карпуньку с товарищи, девять человек, оставил в Тугирском острожке великого государя у казны.

И он де, Карпунька с товарищи, великого государя с казною пришли в Нерчинской острог к сыну боярскому к Лариону Толбозину в Петров пост. А Офонася де Пашкова в Нерчинском острожке не застал. И отдал де великого государя казну Лариону. И он де их,

Карпуньку

да Ондрюшку Чебычакова

да Васку Наумова

да Тараска Толстякова

да Проньку Алексеева

отпустил в Яутцкой острог.

А товарищи де ево, Карпунькины, остались в Нерчинском остроге собою у Лариона Толбозина:

Якунька Сарафанов

да Минка Проскуряков

да Максимко Мачаров.

И как де он, Карпунька, пловучи Олёкмою рекою, встретил на дороге беглых казаков, Елизарка с товарищи, человек с тритцать, повыше Чары реки, и товарищи де ево, Карпунькины:

Васка Наумов

да Тараско Толстяков

да Пронька Алексеев

от них с судна сошли к беглым казакам, к Елизарку с товарищи.

И он де, Карпунька, им говорил, чтоб они шли в Якутской острог. И они де, Васька с товарищи, ево не послушали, своровали, побежали с ним, Елизарком, в Дауры.» [221]

Река Чара — левый приток Олёкмы. Впадает в нее в 26 км выше устья Олёкмы.

Воевода написал:

«Поверстать в их место в службу. А что они остались самовольством и збежали, и за тех остальных доправить незаслуженное денежное жалованье. А как, будет, будут в Якутском, и им учинить наказание — бить кнутом, и приверстать их вновь в убылые места.» [222]

О взыскании незаслуженного жалованья сделали запись в сметной книге 172 [1663—1664] года:

«За беглых служилых людей за Тараска Толстопятова [надо: Толстякова — Г. К.], за Васку Наумова, которые в прошлом во 170 [1662] году с Олёкмы реки збежали с воровским атаманом с Елизарком Семёновым с товарищи, на порутчиках их:

сыне боярском на Тимофее Чернышевском

да на сотнике казачьем на Амосе Михайлове

да на десятниках казачьих на Мишке Колесове [так в тексте — Г. К.]

да на рядовых, на Гришке Криговорницыне [надо: Кривогорницыне — Г. К.] с товарищи, всего на 91 человеке, великого государя хлебного и соляного незаслуженного жалованья взяти на 171 [1662-1662] год 14 пуд 37 гривенок с полугривенкою муки ржаной, 4 пуда круп и толокна, 11 пуд 10 гривенок соли.» [223]

До этого Васька Наумов был недавно повёрстан в службу. Сохранилась собственоручно написанная им в ноябре 1655 года кабала жиганскому квасному откупщику Кирилу Игнатьеву Кобелю, бывшему десятнику амурского войска. В ней Васька Наумов называет себя промышленным человеком, важанином. [224]

А в мае 1660 года Кирилко Кобель подавал жалобу, что Васька Наумов за-должал ему по двум кабалам двадцать три рубля, а деньги не платит. [225]

В июне 1663 года в Якутском остроге получили ещё одно известие:

«Июня в 1 день приплыли с Олёкмы реки с соболиного промыслу промышленные люди, своеужинники и покрученики, из розных ватаг. А промыслу у них не поровну, врознь, потому что их воры, даурские беглецы, нынешнего 171 [1662-1663] году, зимою, на промыслах пограбили и разорили до конца, а иных промышленных людей, пограбя и мучив, взяли сильно с собою на Амур реку.» [226]

Приплывших было пять человек: Федька Аввакумов, Пашко Яковлев, Лёвка Петров, Гришка Тимофеев, Ивашко Архипов.

В Якутском остроге в это время уже готовили к отправке на устье Олёкмы служилых людей во главе с сыном боярским Гарасимом Кондратьевым. Ему была вручена наказная память:

«Лета 7171 [1673], июня в 5 день, по указу великого государя [А. М.] и по приказу стольника и воеводы Ивана Фёдоровича большево Голенищева-Кутузова память Якутцкого острогу сыну боярскому Гарасиму Кондратьеву да служилым людям.

Итти из Якутцкого острогу вверх по Лене реке до усть Олёкмы реки, для того, что в нынешнем во 171 [1663] году в Якутском остроге в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову ведомо учинилось, что де с верх Лены реки хотят воровские многие люди бежать в Дауры к атаману к Елизарку Донщине, пограбя торговых и промышленных людей, и пашенных крестьян.

И ему, Гарасиму, с служилыми людьми, пришед на усть Олёкмы реки в новой Олёкминской острожек, и быть ему в Олёкминском острожке на заставе, чтоб воровские беглые люди вверх по Олёкме реке в Дауры не ушли, и с верх Олёкмы реки вор атаман Елизарко Донщина или товарищи ево выйдут на Лену реку, и ему, Гарасиму, тех воровских людей имать. А переимав, прислать в Якутцкой острог с приставы, с кем пригоже.

А будет объявятца в побеге многие люди, и ему, Гарасиму, собрать с собою Олёкминского острогу ясачных якутов и тунгусов, и с теми с якуты, и с тунгусы, и с служилыми людьми тех беглых воровских людей имать. А будет пойматьца не дадут и учнут с ним, Гарасимом, и служилыми людьми и с якуты, и с тунгусы битыца, и ему, Гарасиму, с теми воровскими беглыми людьми битыца, а чтоб их однолично переимать и в Дауры не пропустить.

А будет живы не дадутца, и ему их, Гарасиму, тех беглых воровских людей побить досмерти, чтоб впредь неповадно было торговых и промышленных людей и пашенных крестьян грабить.» [227]

Здесь упоминается новый Олёкминский острожек. Где он стоял, неизвестно. Устье Олёкмы находится от нынешнего города Олёкминска в 17 километрах. Возле города Олёкминска ловить беглых людей невозможно, река здесь широкая. При впадении Олёкмы ширина Лены свыше двух километров, течение быстрое. Ширина Олёкмы километра полтора. Самое удобное место для перехвата — остров Тыреть в устье Олёкмы. Он делит русло Олёкмы пополам, и ход судов замедлен, так как надо идти против течения.

Между тем, в Якутском остроге получили известие о пребывании Елизарки Семёнова в Тугирском острожке. Воевода Голенищеа-Кутузов писал в Москву:

«В прошлом, великий государь, во 171 [1662] году писали ко мне, холопу твоему, из Нерчинского острогу служилые люди, Зотейко Титов с товарищи. А в отписке их написано, что в прошлом во 170 [1662] году по твоему, великого государя, указу и по приказу сына боярского Лариона Толбузина оставлены они в Тугирском остроге для опасения твоей великого государя казны, пороховые и свинцовые, и хлебных запасов.

И во 171 [1662] году пришли в Тугирской острог беглые люди, Елизарко Семёнов, по прозвищу Донщина, с товарищи, сорок человек. А сказал де он, Елизарко, у себя твой великого государя указ: послан де он, Елизарко, по твоему великого государя указу и по наказной памяти окольничево и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского ис Тобольска в Да-

урскую землю на Амур для острожные поделки и пашни. И в Тугирском де остроге он, Елизарко, онбар с твоею великого государя казною запечатал, и их, служилых людей, из Тугирского выбил вон вверх по Тугирию в пустые места.

Да он же де, Елизарко, писал от себя наказные памяти и прислал Фетку Китайского да Олёшку Грешкова с товарищи вверх по Тугирию летним путём к промышленным людям, к Тренке Погубилову с товарищи, и тех промышленных людей пограбили, и с собою их взяли сильно, и пытали, и огнём жгли, и били насмерть, и хотели посадить в воду. И твою великого государя казну пограбили.

И в том же, великий государь, во 171 [1663] году, в последних числах [т. е. в конце августа — Г. К.], того Елизаркова полку товарищей ево, служилых и промышленных людей, Олёшку Грешкова да Ивашка Карпова с товарищи, поимали на усть Олёкмы реки на заставном острожке и привезли ко мне, холопу твоему, в Якутцкой острог.

И я, холоп твой, от тех служилых людей, Олёшки Грешкова и Ивашка Карпова с товарищи, и промышленных людей спрашивал, для чего они к Елизарку Семёнову Донщине с товарищи побежали, и промышленных людей били и грабили, и пытали, и огнём жгли. И он, Олёшка, с товарищем своим с Ивашком Карповым в роспросе своём мне, холопу твоему, сказали, что де они посланы по твоему великого государя указу из Енисейского острогу с Ларионом Толбозиным, с тринацатью человеки. И велено ево, Лариона, проводить до Нерчинского острогу и назад итить с воеводою с Афанасьм Пашковым, проводить до Енисейского. И ево, Афонася, в Нерчинском острожке не застали.

И он де, Ларион, отпустил их, Олёшку и Ивашка, назад в Енисейской. А достольные де ево, великий государь, ево, Алёшкины, товарищи остались с ним, Ларионом.

И плувучи де из Нерчинского острожку, встретились с воровскими казаками повыше Чаринского зимовья с ним, Елизарком, с товарищи, воротились своею охотою, потому что де он, Елизарко, с товарищи подозвал их, Олёшку и Ивана. И в том де они, Олёшка и Ивашко, перед тобою, великим государем, виноваты.» [228]

Чаринское зимовье находилось верстах в 30 выше устья Олёкмы. Воевода не указал, сколько человек было с Олёшкой Грешковым и Ивашкой Карповым и сколько из них было поймано. Далее, воевода продолжает:

«И он де, Елизарко, с товарищи посылал их, Олёшку и Ивашка, с воровскою памятью грабить торговых и промышленных людей. И они де, Олёшка и Ивашка, по ево, Елизарковой, памяти так и делали: их, промышленных людей, грабили, и всякие их товары и хлебные запасы поимали.

Да в той же де, великий государь, воровской памяти написано, что де едет с Москвы на твою великого государя службу в Дауры окольничей и воевода князь Иван Иванович Лобанов-Ростовской, послан де ис Тобольска. И тоё де он, Алёшка, воровскую память им, промышленным людям, чёл, бояся от него, Елизарка, смерти.

И после, великий государь, того роспросу я, холоп твой, того Олёшку

велел пытать. И тот Олёшка пытан накрепко. А с пытки, великий государь, сказал те же речи, что и в роспросе. Только, великий государь, перед прежними своими речью прибавил лишку, что ту память, по которой он, Алёшка, ездил, грабил торговых и промышленных людей, и страшал, писал он, Алёшка, своею рукою. А печать де, великий государь, у той воровской памяти ево, Елизаркова. А иные де, великий государь, многие воровские памяти писал служилой человек Васка Наумов.

И я, холоп твой, за тоё ево, Алёшкино, многое воровство и за побег, и за грабежи, и что он, Алёшка, писал воровскую память своею рукою, и тем их, торговых и промышленных людей, угрожали, велел повесить на Олёмке, на усть реке, откуля он, Алёшка, привезён ко мне, холопу твоему, в Якутской острог. И тот Алёшка в нынешнем во 172 [1663] году на Олёмке, на усть реке, повешен, чтоб было знать, рекою как плыть суды.

А товарища ево, Ивашка, и иных беглецов, промышленных людей, велел бить кнутом на козле нещадно за побег же, для того, чтоб было им, вором, беглецам, неповадно было воровать, с твоих великого государя служеб бегать и грабить, и огнём жечь, и бить.

А товарищ ево, Алёшкин, которой с ним, Алёшкою, писал воровские памяти, Васка Наумов, остался с ним, Елизарком.» [229]

В 1666 году десятник Зотька Титов с товарищами приплыли в Якутский острог и были допрошены воеводой:

«!74 [1666] году, июля в 23 день, в Съезжей избе стольник и воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов Енисейского острогу служилых людей, десятника Зотьки Титова да Куски Филипова, да Ивашка Семёнова, допрашивал, сколько воры, Елизарко с товарищи, да Микифорка Чернеговского товарищи Богородицкой казны взяли, воску и свеч, и сколько соболей положил вор Елизарко с товарищи, и сколько положили вора Микифорка Чернеговского товарищи.

И Енисейского острогу служилые люди Зотька с товарищи в роспросе сказали:

в прошлом де во 172 [1663] году воры, Елизарко с товарищи, взяли Богородицкой казны, воску и свеч, полчетвёрта [3,5] пуда. И за те де свечи те воры, Елизарко с товарищи, кинули полчетвёрта сорока соболей. А про те де мы соболи не знаем, что те соболи ево ли, Елизарка, с товарищи или воровские, грабленные. <...>

А тот де воск вёз с собою Ларион Борисович Толбозин, одиннатцать пуд, в Нерчинской острог х Богородице. И он де, Ларион Борисович, пошёл ис Тугирского зимовья нартным путём. И тоё Богородицкие казны воску ис Тугирского острогу не повёз тоё казны за тягостью. А хотел из Нерчинского острогу по ту казну прислать. И по ту казну он, Ларион, и по сю пору не присылывал.» [230]

Похоже, что сведений о дальнейшей судьбе Елизарки Семёнова и его товарищей больше не было.

Из-за страха от ограбления приезд торговых и промышленных людей в Якутск сократился и доходы якутской таможни упали. Об этом писал в Москву таможенный голова Якутского острога Никита Шелковник:

«Таможенному соболиному и денежному збору в Якутском остроге учинился недобор великой, потому что, которые промышленные люди были на соболином промыслу на Олёкме реке, и тех, великий государь, промышленных людей изменник тебе, великому государю, Елизарко Семёнов, с товарищи побежали в Даурскую землю, грабили всякую мяхкую рухлядь и суды, и судовые снасти, и промышленные заводы имали, и ленских промышленных людей досмерти он, вор Елизарко, замучил, а иных промышленных людей сильно собою взял в Дауры на Олёкму реку. <...>

И торговые, великий государь, и промышленные люди в прошлом во 171 [1663] году приплыли в Якутской острог немногие, и то не з большими подъёмами. Да и тех, великий государь, торговых и промышленных людей он же, Елизарко вор, с товарищи на усть Олёкмы реки грабили хлебные запасы и русские товары, и суды, и судовые снасти насильством имали.

А стояли, великий государь, тот вор Елизарко с товарищи на усть Олёкмы реки стояли больше месяца. Ждали с верху Лены иных торговых людей з большими подъёмами. Да и тех, великий государь, торговых и промышленных людей он же, Елизарко вор, с товарищи на усть Олёкмы реки грабили хлебные запасы и русские товары, и суда и судовые снасти насильством имали. Ждали с верху Лены иных торговых людей з большими подъёмами и похвалялись на них грабежём же и насильством.

Достальные, великий государь, торговые и промышленные люди стоя(ли) в Ылимском уезде на Киренге, а плыть в Якутской острог не могли, потому что хотя(т) их всех пограбить и разорить dokonца. <...>

И в прошлом, великий государь, во 172 [1663] году торговые и промышленные люди на Олёкме реке для своих соболиных промыслов итить не смели ж, боясь вора и изменника Елизарка Семёнова и иных беглецов в Даурскую землю, грабежу ж и насильства. И ныне, государь в Якутском остроге никаких торгов нет.» [231]

В 1667 году Якутский острог принимал воевода И. П. Борятинский. В его счётном списке написано:

«За беглых служилых людей, за Тараска Толстякова, за Васку Наумова, которые в прошлом во 170 [1662] году с Олёкмы реки збежали с воровским атаманом с Елизарком Семёновым с товарищи, на порутчиках их, на сыне боярском на Тимофее Чернышевском да на сотнике казачье на Амосе Михайлове, да на рядовых, на Мишке Колесове, на Гришке Кривогорнице с товарищи, всего на 13 человеках, хлебного и соляного незаслуженного жалованья взяти на 172 [1662-1663] год 14 пуд 37 гривенок с полугривенкою муки ржаной, 4 пуда круп и толокна, 10 гривенок соли.

И во 175 [1666-1667] году того хлеба на тех людех не взято, потому что 53 человеком для их хлебной скудости дано сроку вперёд до 176 [до 1 сентября 1667 — Г. К.] году. А иные служилые люди великого государя з дальних служб в Якутской острог сентября по 1 число 176 [1667] году не бывали.» [232]

Эта запись свидетельствует о том, что беглецы не были пойманы.

Примечания

1. Шукин Н. С. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг Якутского и Нерчинского архивов. // Сын отечества, М. 1848, т. 5. кн. 9, с. 22.
2. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 13, л. 100об.
3. Там же, л. 118.
4. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 24, л. 259об.
5. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 61, л. 126об.
6. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 105, л. 19об.
7. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 156, л. 49—49об.
8. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 104, л. 86.
9. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 158, л. 80, 80об, 81.
10. Там же, л. 167.
11. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 164, л. 4об.
12. КПМГЯ, Л. 1936, док. 182, с. 219.
13. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 654, л. 2.
14. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 214, л. 24об.
15. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 212, л. 35об.
16. Ф. 214, кн. 253, л. 47об.
17. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 215, л. 30.
18. Ф. 214, ст. 360, л. 371.
19. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 302, л. 14об—15.
20. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 297, л. 185—186об.
21. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 920, л. 13—14.
22. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 913, л. 103.
23. Ф. 214, ст. 360, л. 289—290.
24. Там же, л. 252—253.
25. Ф. 214, ст. 460, л. 86.
26. Там же, л. 15.
27. Ф. 214, кн. 375, л. 25.
28. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1184, л. 55.
29. Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л-М, 1952, с. 296.
30. Там же, с. 326.
31. Ф. 214, ст. 556, л. 83, 84, 73—77; нумерация листов не по-порядку.
32. ДАИ, т. III, СПб, 1648, док. 122, с. 524.
33. Там же, с. 524—525.
34. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 55, л. 89-91об.
35. Повёрстные ведомости селений по рекам Амурского бассейна. Благовещенск, 1924.
36. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 52, л. 87—88.
37. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. 122, с. 525.
38. Там же, с. 525.
39. Там же, с. 525.
40. Там же, с. 526.
41. Ф. 214, ст. 556, л. 74.
42. Ф. 214, ст. 556, л. 44—45.
43. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 122, с. 526.
44. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 49, л. 81об—82.
45. Там же, л. 83—83об.
46. ДАИ, т. III, СПб, 1848, с. 526—527.
47. Там же, с. 527.
48. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 50, л. 83об—84.
49. Там же, л. 85об—86.
50. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 122, с. 527.
51. Ф. 214, ст. 556, л. 56.

52. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 122, с. 527—528.
53. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, № 51, л. 86—86об.
54. Там же, л. 87.
55. Ф. 214, ст. 556, л. 76—77.
56. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 525, л. 1—2об.
57. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 11, с. 35.
58. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 525, л. 2об.
59. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 531, л. 2об.
60. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1127, л. 1—2.
61. Ф. 214, кн. 375, л. 98—96об.
62. Ф. 214, ст. 556, л. 77.
63. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 8, с. 29.
64. Фишер И. Э. Сибирская история, СПб, 1774, с. 617—618.
65. Щукин Н. С. Указ. соч., с. 39.
66. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. № 8, с. 29—30.
67. Там же, с. 28—29.
68. Там же, с. 29—30.
69. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), М, 1974, с. 100.
70. Ф. 214, ст. 556, л. 35.
71. Ф. 214, ст. 556, л. 30.
72. Ф. 214, ст. 556, л. 30—33.
73. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. т. 1-2, СПб, 1886, с. 50.
74. Ф. 214, ст. 556, л. 33—34.
75. Ф. 214, ст. 556, л. 49.
76. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. 1991, с. 135—138.
77. В. Паршин. Поездка в Забайкальский край, ч. II, М., 1844, с. 56.
78. Ф. 214, ст. 556, л. 49, 56, 55, 57—64, 67—72, 65—66; нумерация не по-порядку.
79. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 96.
80. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток, 1999, с. 29.
81. Ф. 214, ст. 556, л. 47—48.
82. Ф. 214, ст. 556, л. 52—53.
83. Ф. 214, ст. 556, л. 52—54.
84. Ф. 214, ст. 556, л. 44.
85. Ф. 214, ст. 556, л. 45.
86. Вершинин Е. В. Землепроходец Пётр Иванович Бекетов. // Отечественная история, 2003, № 5, с. 44.
87. Ф. 214, ст. 556, л. 77—78.
88. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 122, с. 36.
89. Там же, с. 36.
90. 1177, оп. 4, ед. хр. 529, л. 26—28об.
91. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 531, л. 92об—93.
92. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1137, л. 27—28.
93. Там же, л. 28а—28д.
94. Там же, л. 28е.
95. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 92.
96. Ф. 214, ст. 1257, л. 60.
97. Там же, л. 28ж—28з.
98. Там же, л. 28и.
99. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1137, л. 99.
100. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 531, л. 82.
101. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 87, л. 88.
102. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 11, с. 34—35.
103. Ф. 214, кн. 333, л. 107—197об.
104. Там же, л. 100об—101.
105. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 531, л. 164—164об.

106. Ф. 214, ст. 499, п. 158.
107. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 181—182.
108. Ф. 214, ст. 494, л. 124.
109. Там же, л. 125—126.
110. Ф. 214, ст. 494, л. 218.
111. Там же, л. 219—220.
112. Ф. 214, ст. 494а, л. 504.
113. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 12, с. 36.
114. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1078, л. 76.
115. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1225, л. 3.
116. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 461, л. 67.
117. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 93, л. 88.
118. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 93, л. 22.
119. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1117, л. 192.
120. Там же, л. 104.
121. Там же, л. 101.
122. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 181.
123. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 461, л. 110.
124. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 181—182.
125. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1413, л. 76.
126. Ф. 214, ст. 874, л. 17.
127. Там же, л. 27.
128. Там же, л. 31.
129. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 12, с. 36—37.
130. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1413, л. 78.
131. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 31, с. 81.
132. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 182—182об.
133. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 31, с. 82.
134. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183.
135. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 31, с. 83.
136. Валерий Павлик. Долгий путь на Амур. Хабаровск, 2004, с. 154.
137. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183—183об.
138. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1191, л. 15.
139. Ф. 214, ст. 494, л. 163—164.
140. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183об.
141. Там же, л. 182об.
142. Там же, л. 183об—184.
143. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. 26, с. 102—103.
144. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 35, с. 89—90.
145. Ф. 214, ст. 508, л. 244—245.
147. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183об—184.
148. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 375, л. 190—190об.
149. Там же, л. 189.
150. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1199, л. 1.
151. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. № 40, с. 94.
152. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1191, л. 1.
153. Там же, л. 5—7.
154. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1217, л. 1.
155. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1196, л. 161—162.
156. Там же, л. 163—164.
157. Там же, л. 165.
158. Вершинин Е. В. Указ. соч., с. 46.
159. Фишер И. Э. Указ. соч., с. 569.
160. Ф. 214, ст. 508, л. 240—241.
161. Ф. 214, кн. 443.
162. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск,

106. Ф. 214, ст. 499, п. 158.
107. Ф. 210, Столбцы разных столов, ст. 80, л. 181—182.
108. Ф. 214, ст. 494, л. 124.
109. Там же, л. 125—126.
110. Ф. 214, ст. 494, л. 218.
111. Там же, л. 219—220.
112. Ф. 214, ст. 494а, л. 504.
113. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 12, с. 36.
114. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1078, л. 76.
115. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1225, л. 3.
116. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 461, л. 67.
117. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 93, л. 88.
118. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 93, л. 22.
119. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1117, л. 192.
120. Там же, л. 104.
121. Там же, л. 101.
122. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 181.
123. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 461, л. 110.
124. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 181—182.
125. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1413, л. 76.
126. Ф. 214, ст. 874, л. 17.
127. Там же, л. 27.
128. Там же, л. 31.
129. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 12, с. 36—37.
130. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1413, л. 78.
131. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 31, с. 81.
132. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 182—182об.
133. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 31, с. 82.
134. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183.
135. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 31, с. 83.
136. Валерий Павлик. Долгий путь на Амур. Хабаровск, 2004, с. 154.
137. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183—183об.
138. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1191, л. 15.
139. Ф. 214, ст. 494, л. 163—164.
140. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183об.
141. Там же, л. 182об.
142. Там же, л. 183об—184.
143. ДАИ, т. III, СПб, 1848, док. 26, с. 102—103.
144. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 35, с. 89—90.
145. Ф. 214, ст. 508, л. 244—245.
147. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 31, док. № 91, л. 183об—184.
148. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 375, л. 190—190об.
149. Там же, л. 189.
150. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1199, л. 1.
151. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. № 40, с. 94.
152. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1191, л. 1.
153. Там же, л. 5—7.
154. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1217, л. 1.
155. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1196, л. 161—162.
156. Там же, л. 163—164.
157. Там же, л. 165.
158. Вершинин Е. В. Указ. соч., с. 46.
159. Фишер И. Э. Указ. соч., с. 569.
160. Ф. 214, ст. 508, л. 240—241.
161. Ф. 214, кн. 443.
162. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск,

- 1990, с. 26—27.
163. Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. СПб, 1900, с. 66.
164. Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб, 1912, с. 377.
165. Барсков Я. Л. Указ. соч., с. 378.
166. Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. // Учёные записки Института истории. Москва., т. 2, М. 1927, с. 148.
167. Там же, с. 149.
168. Там же, с. 150.
169. Артемьев А. Р. Протопоп Аввакум в Забайкалье. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Владивосток, 2003, с. 46.
170. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1118, л. 1—2.
171. Ф. 214, ст. 361, л. 92.
172. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. № 40, с. 95.
173. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1270, л. 1—2.
174. Ф. 214, ст. 556, л. 58.
175. Там же, л. 3.
176. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 64, с. 176—177.
177. Ф. 214, ст. 533, л. 173.
178. Там же, л. 174—175.
179. Там же, л. 171.
180. Ф. 214, ст. 124, л. 196, 195, 194, 193. Это же: РКО, с. 240—244.
181. Вершинин Е. В. Указ. соч., с. 48, примеч. 54.
182. Ф. 214, ст. 1572, л. 15.
183. Ф. 214, ст. 124, л. 192.
184. Вершинин В. Е. Указ. соч., с. 47.
185. Ф. 214, ст. 508, л. 68—69. 1
186. Мелихов С. В. Указ. соч., с. 100.
187. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 110, с. 260—261.
188. Леонтьева Г. А. Указ. соч., с. 114.
189. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XIX вв. Владивосток, 1999, с. 33.
190. Артемьев А. Р. Ошибки в освещении деятельности русских землепроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Вопросы истории, 2005, № 4, с. 174.
191. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв., Владивосток, 1999, с. 33.
192. Там же, с. 201—202.
193. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, № 133, с. 234.
194. Ф. 214, ст. 1572, л. 29.
195. Леонтьева Г. А. Указ. соч. с. 117.
196. ДАИ, т. IV, СПб, 1851, док. 155, с. 320.
197. Ф. 214, кн. 509, л. 76об.
198. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1270, л. 4.
199. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1117, л. 104об.
200. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1270, л. 5.
201. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1413, л. 74—75.
202. Там же, л. 76—78.
203. Ф. 214, ст. 361, л. 167—169а.
204. Ф. 214, ст. 833, л. 88, 87; нумерация листов не по-порядку.
205. Там же, л. 83.
206. Ф. 214, ст. 611, л. 237—238.
207. КПМГЯ, док. № 26, с. 65.
208. Ф. 214, ст. 361, л. 358.
209. Ф. 214, ст. 1572, л. 44—45.
210. Там же, л. 45—46.
211. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1402, л. 73.
212. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1437, л. 50.

- 213. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1493, л. 8—9.
- 214. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 26, л. 8.
- 215. Там же, л. 9—11.
- 216. Там же, л. 13об.
- 217. Там же, л. 13.
- 218. Там же, л. 14.
- 219. Там же, л. 12.
- 220. Там же, л. 12.
- 221. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1413, л. 293.
- 222. Там же, л. 293.
- 223. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 208, л. 16об.
- 224. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1352, л. 14.
- 225. Там же, л. 7.
- 226. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 801, л. 2об—3.
- 227. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1462, л. 37.
- 228. Ф. 214, ст. 361, л. 183—185.
- 229. Там же, л. 185—186.
- 230. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1556, л. 98.
- 231. Ф. 214, ст. 361, л. 173—174, 176.
- 232. Ф. 214, ст. 639, л. 1071.

ПОЕЗДКА ХАБАРОВА В ТУГИРСКИЙ ОСТРОЖЕК В 1659—1660 ГОДАХ

Из Москвы на Лену Хабаров поехал в августе 1656 года. В Тобольске Хабаров присоединился к служилым людям, которые везли ссыльных в Якутский острог. Тобольские воеводы послали в Якутский острог воеводе М. С. Лодыженскому и дьяку Ф. В. Тонкову отписку, в которой сообщали:

«Господам Михайлу Семёновичю, Фёдору Васильевичю, Алексей Буй-носов-Ростовской, Григорей Углев челом быют.

В прошлом во 164 [1655—1656] году в розных числах по государевым грамотам присланы с Москвы в Тоболеск за воровство ссыльные руские люди с сибирскими служилыми людьми. А велено их послать на Лену в Якутцкой острог. А хто имяны ссыльных людей, и тому присланы под государевыми грамотами росписи.

И мы по государеву указу тех ссыльных дюдей послали на Лену в Якутцкой острог с тобольскими да Илимского острожку з детьми боярскими с Макарьем Галасеиным да с Ярафеем Хабаровым, да с ленскими и с илимскими казаки с Овдокимком Кириловым с товарищи.» [1]

На обороте помечено: «166 [1657], сентября в 23 день, подал пятидесятник Евдокимко Козин.»

О приезде Хабарова на Лену Ф. Г. Сафронов пишет то, чего нет в документах:

«Сам Усть-Киренский острожек, центр волости, Хабаров едва узнал. Выросли новые башни, амбары, казённые житницы. Острожек этот стал резиденцией государева человека, Ерофея Павлова сына Хабарова.» [2]

Это не соответствует истине. Нами обнаружены ранее неизвестные документы, в которых сообщается, что Киренский острожек построен в 1681 году, спустя десять лет после смерти Хабарова. [3]

Весть о том, что Хабаров будет приказчиком у чечуйских пашенных крестьян, а Чечуйская волость присоединена к Илимскому воеводству, обеспокоила чечуйских крестьян. Они подали не совсем понятную челобитную.

«Царю [А. М.] быют челом сироты твои, Чичуйсково волоку Якутцкого уезду пашенные крестьянишка:

Захарко Игнатъев [Малышев]
 Давыдко Иванов [Пшеничный]
 Федька Яковлев
 Кондрашка Моисеев
 Емелька Степанов
 и все головами.

В нынешнем, государь, во 166 [1657] году в Ылимском присуде на усть Киренгу приехал с Москвы приказной человек Ярафей Павлов сын Хабаров. А сказывал он нам, сиротам твоим, что де по твоему государеву указу быть нам, последним сиротам твоим, в Ылимску под одним присудом. <...>

Не вели, государь, нам, сиротам, быть в Ылимском присуде. Вели, государь, нам, сиротам, по-прежнему быть в Якутцком присуде, потому, государь, что мы сироты, нужны и бедны, и с начала твою государеву пашню пашем, а лготных годов нам, сиротам твоим, не бывало ни по единому году. А в Ылимском присуде лготных годов по шти и по семи лет было.

А мы, сироты твои, нужны и бедны. Будучи нам, сиротам твоим, в Ылимском присуде, вконец погинуть, и твоей государевы пашни и своей отбыть, и врознь разбрестись, и с семейшками своими помереть голодною смертью.» [4]

Крестьяне не объяснили, почему присоединение Чечуйской волости к Илимску и назначение Хабарова приказчиком ухудшит их положение.

Летом 1658 года илимский воевода П. Бунаков послал отписку якутскому воеводе М. С. Лодыженскому и дьяку Ф. В. Тонкову:

«Господам Михаилу Семёновичю, Фёдору Васильевичю, Пётр Бунаков челом бьёт.

В нынешнем, господа, во 166 [1657] году по государеве [А. М.] грамоте за приписью дьяка Григорья Протопопова велено Ярофею Хабарову в Ылимском остроге быть и государеву службу служить в детех боярских. А государева денежного и хлебного, и соляного жалованья учинить ему оклад против иных илимских детей боярских, кому он в версту.

И велено ему, Ярофею, на усть Киренги и по Лене вверх до Усть Куты, и на низ до Чичюйского, и ниже Чичюйского государеву пашню строить, и пашенных крестьян ведать, и вновь охочих вольных людей в пашню из льготы и ис подмоги призывать, чтоб на якутцких служилых людей хлеба пахать тутошными ленскими крестьяны, а ис Тобольска и из Енисейского на Лену хлеба не возить.

И вам бы, господа, по государеву [А. М.] указу нынешнего лета прислать ко мне из Якутцкого острогу в Ылимской острог Якутцкого ж уезду Чичюйского волоку государеве десятинной пашне окладные и пашенным крестьяном имянные строенные книги, по чему б мне Чичюйской волок и ниж Чичюйского государева пашня и пашенных крестьян по имянам было ведать.

И о том бы, господа, из Якутцкого ко мне в Ылимской велеть отписать и окладные и имянные и строенные книги прислать.» [5]

На обороте дата получения: «166 [1658], июня в 27 день, подал отписку сын боярской Иван Ерастов.»

Там же якутский воевода написал: «Против сей отписки послать к Петру Бунакову отписку ж. И написать, что об том деле в Якутском государевы грамоты нет.»

Воевода М. С. Лодыженский направил запрос в Сибирский приказ:

«В нынешнем, государи, во 166 [1658], июня в 27 день, писал к нам, холопом вашим, из Илимского острогу стряпчей и воевода Пётр Бунаков, что де по твоей государеве [А. М.] грамоте велено, государи, Ярку Хабарову на усть Киренги и по Лене вверх до усть Куты, и наниз до Чичюйского, и ниже Чичюйского вашу государеву пашню строити, и ваших государевых пашенных крестьян ведати, и вновь охочих вольных людей изо льготы и ис подмоги призывать, для того, чтоб, государи, на ваших государевых служилых людей хлеба напахать тутошными вашими государевыми ленскими крестьяны, а ис Тобольска б, государи, и из Енисейского на Лену хлеб не возить.» [6] [окончания нет]

Отписка была получена в Сибирском приказе, но ответ на этот вопрос уже был дан в наказной памяти от 30 февраля 1658 года новому якутскому воеводе Ивану Фёдоровичу большому Голенищеву-Кутузову, который ехал на смену М. С. Лодыженскому. В наказной памяти написано:

«Да им же, столнику и воеводе Ивану и дьяку Ивану, будучи на государеве службе на Лене в Якутском остроге, высмотреть того накрепко, есть ли на Лене реке и по иным рекам блиско Якутцкого острогу вверх до Чечюйского волоку пашенные угодие и пространные места, и мочно ли в тех в угодих и пространных местех до Чечюйского волоку пашни завести, и крестьян на пашню устроить. <...> А около Ленского волоку наниз по Лене реке до Чечюйского волоку и вверх по Лене ж реке до Верхоленского и около Верхоленского острожку велено по государеву указу в пашню крестьян строити стряпчему и воеводе Петру Бунакову.» [7]

Но илимскому воеводе не было дано чётких уазаний. Поэтому через семь лет илимский воевода Лаврентий Обухов вернулся к этому вопросу и написал в Москву:

«А преже сего твой великого государя указ был и твоя великого государя грамота в Ылимской острог к воеводе к Петру Бунакову прислана, что велено быть Чичюйскому волоку к Ылимскому острогу. И по твоей великого государя грамоте воевода Пётр Бунаков в Якутцкой острог к стольнику и воеводе Михайлу Лодыженскому писал, чтоб Чичюйскому волоку быть к Ылимскому острогу.

И стольник и воевода Михайло Лодыженской в Ылимской острог писал, что де ему такова твоего великого государя указу, что Чичюйской волок отписать к Ылимскому, нет.» [8]

Эта отписка была получена в Сибирском приказе 21 декабря 1665 года. На ней помечено: «Выписать о Чичюйском волоку из отпуску государевы грамоты.»

О деятельности Е. Хабарова в должности приказчика киренских крестьян имеются лишь документы якутского архива. Документы же илимского архива за эти годы утрачены.

Весной 1657 года на Чечуйском волоке вследствие неурожая возникла

потребность в яровых семенах. Нехватку семян пытались восполнить за счёт получения их взаймы из Илимского воеводства. Однако, эта попытка не увенчалась успехом. Вот что писал в Якутский острог чечуйский приказчик Безсчастный Мошинцов.

«В прошлом во 165 [1657] году, июня в ... день, с Чичюйского волоку в Якутской острог к тебе, к стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю, дьяку Фёдору Васильевичю послана отписка с Ываном Ермолаевым.

А в той отписке писал я, Безсчастко, что в Якутском уезде на чичюйских заимках государевы яровые полудесятины пролежали впусе, несеяны, потому что на Чичюйском волоку и на чичюйских заимках в государевых житницах никаких яровых семян не было. А з Ылимского острогу от стряпчево и воеводы от Петра Андреевича Бунакова против моей, Безсчастновы, отписки о тех яровых семенах указу не было. А купить тех яровых семян указу не было. А купить тех яровых семян, ячменю, не на что, государевы денежной казны в зборе в ту пору не было.

И о тех яровых семенах из Якутского острогу от тебя, стольника и воеводы Михаила Семёновича, и дьяка Фёдора Васильевича против той отписки на Чичюйской волок нынешняго 166 [1658] году, июня по 13 день, ко мне, Безсчастке, указу не бывало.

И нынешняго же 166 [1658] году с Чичюйского волоку в Ылимской острог к стряпчему и воеводе Петру Андреевичю Бунакову о тех яровых семенах, об ячмени, я, Безсчастко, писал в трёх отписках в разных числах.

И нынешнего же 166 [1658] году, апреля в 8 день, из Ылимского острогу от стряпчего и воеводы от Петра Андреевича Бунакова на Чичюйской волок прислана указная памятько мне, Безсчастке. А в той указной памяти велено взять на те государевы полудесятины яровых семян в Ылимском уезде, в Усть-Киренской волости, у приказного человека у Ярафея Хабарова из государевых житниц сто семьдесят пять пуд семян новосхожево ячменю.» [9]

В памяти от 31 марта 1658 года, которую послал илимский воевода П. Бунаков Безсчастному Мошинцову сообщается:

«В нынешнем во 166 [1658] году писал на Ленской волок в Ылимской острог стряпчему и воеводе Петру Андреевичю Бунакову ты, Безсчастной, а в отписке твоей написано:

В прошлом де во 165 [1657] в Якутском уезде на всех заимках у пашенных крестьян государевы яровые десятины пролежали впусе, потому что де на Чичюйском волоку в Якутском уезде в государевых житницах у пашенных крестьян яровых семян, ячмени, не было, и государевых десятин обсеменить было нечем.

И к нынешнему ко 166 [к 1 сентября 1657] году на Чичюйской волок приказать бы на государевы десятины дать из Ылимского уезду яровых семян сто семьдесят пять пуд ячмени, которой бы [в]схож был и годился на семена. И чтоб по нынешней зимней дороге перевести из Ылимского уезду на Чичюйской волок.

И как к тебе, Безсчастному, ся память придёт, и тебе б, приехав в Усть-Киренскую волость Чичюйского волоку пашенных крестьян на подводах, а приехав, принять пашенных крестьян у прикащика у Ярофея Хабарова

из государевых житниц сеянной яровой хлеб на государевы десятины сто семьдесят пять пуд ячмени, а приняв, в том в государеве хлебе за свою рукою дать отпись.

И в том с Ленского волоку из Ылимского острогу на Усть-Киренгу пашенных крестьян приказшику к Ярофею Хабарову государев указ послан.» [10]

Хотя из Илимска и послан был указ Е. Хабарову, но семян Безсчастный Мошинцов не получил. В его отписке сообщается

«И в нынешнем же 166 [1658] году, апреля в 20 день, на Усть-Киренской погост с Чичуйского волоку посылаемы были с отпискою пашенные крестьяне Вешнячко Евменьев с товарищи для того хлебного приёму. И Киренские волости пашенных крестьян прикащик Ярофей Хабаров тех яровых семян дать не велел. А прислал на Чичуйской волок ко мне, Безсчастке, отписку. А в отписке своей пишет, что де государевых яровых всхожих семян, ячменю, на Киренге и по иным заимкам сверх государевых полудесятин в остатке не осталось.

И та из Ылимского острогу указная память и Киренские волости Ярофея Хабарова отписка послана в Якутской острог к тебе, стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю, и дияку Фёдору Васильевичю под сею отпискою.» [11]

В отписке Ерофея Хабарова сообщается:

«Господину Безсчастному Тимофеевичю Ярофей Хабаров челом бьёт.

Прислана с Ленского волоку из Ылимского острогу из Съезжей избы отстряпчево и воеводы Петра Андреевича на Усть-Киренгу ко мне, Ярофею, указная память за государевою Илимского острогу Съезжие избы печатью. А велено: тебе, Безсчастному, выдать из государевы казны, как ты приедешь в Усть-Киренскую волость, государева хлеба, ячменю всхожево семенново, сто семьдесят пять пуд. А в Ылимском бы уезде все государевы десятины были посеяны. А выдав, и в том велено у тебя, Безсчастного, взять отпись за твою рукою.

И в нынешнем же во 166 [1658] году прислал ты, господине, с Чичуйского волоку подъячево Фёдора Осипова с пашенными крестьянами для того сеянного хлеба. И у нас в Киренской волости старых и новых яровых семян, которые б [в]схожи были, у нынешнего 166 году в статье у житнишных целовальников не объявилось ничево, потому что яровым хлебом в Усть-Киренской волости недород был большой. А которой яровой хлеб и есть в статке, и по вас не растёт. И ему, подъячему Фёдору Осипову, и пашенным крестьяном не дано ничево того сеянного ярового хлеба.» [12]

На обороте отписки помечено: «166 [1658] году, апреля в 25 день, подал отписку подъячей Фёдор Осипов.»

Упомянутый здесь подъячий Фёдор Осипов по фамилии Охлопков впоследствии стал пашенным крестьянином и поселился в деревне Сполошной, в 104 километрах ниже Киренска.

И ещё одну отписку посылал Безсчастный Мошинцов Ерофею Хабарову. Это был запрос о ссыльном пашенном крестьянине Федьке Ларионове Москве, который был поселен в деревне Вешняковской, но сбежал в Илимский уезд и был потом устроен в пашенные же крестьяне в Половинной заимке (Алымовке).

В Приказной избе Якутского острога 29 июля 1659 года Безсчастный Мошинцов рассказывал воеводе М. С. Лодыженскому:

«А Федька де Ларионов збежал. Живёт в Ылимском уезде на мельнице на Кутолаке. И он де, Безчаско, писал об нём, Федьке, на Киренгу к сыну боярскому к Ярофею Хабарову, чтоб ево, Федьку, отдал. И он де, Ярофей, ко мне против той отписки не писал и ево, Федьку, не отдал.» [13]

Обычно историки в книгах и статьях о Ерофее Хабарове основное внимание обращают на главное дело его жизни — амурский поход, и это справедливо, а об остальных событиях его жизни сообщают скудные, а зачастую и неверные сведения, переписываемые друг у друга. Так например, давно уже укоренилась точка зрения о жизни Хабарова после амурского похода, высказанная ещё давно в статье Соколова «Русские на Амуре в XVII столетии»:

«Царь не оставил своими милостями Хабарова и, сделав его боярским сыном, назначил правителем на Лене от Усть-Кутского до Чечуйского острога. В этой должности Хабаров и окончил своё поприще.» [14]

Это краткое, но весьма искажённое освещение жизни Хабарова. После амурского похода Хабаров прожил долгую жизнь, а должность приказчика никогда не была пожизненной, их меняли обычно через два года, а иногда и раньше, а Чечуйский острожек был построен в 1671 году, когда Хабаров уже умер, а жизнь Хабарова после амурского похода не была такой однообразной и безмятежной.

Что же касается царских милостей, то приходится признать, что значение амурского похода Хабарова для Русского государства, даже с учётом многих недостатков этого похода, скорее было недооценено, нежели оценено по достоинству. Царские милости давались непросто.

Как приказчик ленских пашенных крестьян, Хабаров Москве не очень-то был нужен. В конце концов, можно было обойтись и без него. Он требовался совсем для другого дела. 9 июля 1656 года, в тот же день, в котором была написана грамота о поверстании Хабарова в дети боярские, была написана ещё одна грамота илимскому воеводе, опять же от имени царевича:

«От государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии, на Ленской волок в Ылимской острог стряпчему нашему и воеводе Петру Андреевичю Бунакову.

В прошлом во 160 [1651] году по указу отца нашего, великого государя [А. М.], послан был для нашего дела в Сибирь в Даурскую землю Дмитрей Зиновьев, а с ним служилых людей сто пятьдесят человек. Да с ним же, з Дмитрием, послано было ис Тобольска пятьдесят пуд пороху и свинцу тоже.

И Дмитрей Зиновьев, приехав из Даурские земли к нам к Москве, и в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку нашему Григорью Протопопову в роспросе сказал: которой де порох и свинец послан был с ним ис Тобольска в Даурскую землю, и он де, Дмитрей, тово пороху и свинцу оставил в Тугирском остроге, чаять, пудов с восьмьдесят. А хоронил тот порох и свинец на Даурском волоку в землю Ярко Хабаров.

Да и Ярко Хабаров сказал тож, что де он на Даурском волоку у Дмитрея

Зиновьева тобольской присылки порох и свинец, взяв, в землю хоронил. Да что де и ему, Ярку, дано было в цену в Якуцком остроге кос и серпов, и укладу, и железа и он, Ярко, те косы и серпы схоронил тут же, на Тугирском волоку.

И мы указали: тот порох и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад, сыскав на Тугирском волоку, Ярку Хабарову, отослати в Даурскую землю с ылимскими и Якуцкого острогу с служилыми и с промышленными людьми к воеводе к Офонасью Пашкову для даурских расходов.

И Ярко Хабаров отпущен от нас с Москвы в Ылимской острог в дети боярские. И о посылке из Якуцкого служилых людей в Сибирь в Якуцкой к стольнику и воеводе к Михайлу Лодыженскому и к дьяку Фёдору Тонкову от нас писано ж.

И как к тебе ся наша грамота придёт, а Ярко Хабаров в Сибирь в Ылимской острог приедет ... [не окончено]

Писан на Москве, лета 7164 [1656], июля в 9 день.» [15]

Впрочем, конец этой грамоты есть в отписке илимского воеводы Петра Бунакова, которую он отправил в Москву в ответ на эту грамоту и которую мы приводим ниже.

Поскольку здесь сказано, что Зиновьев и Хабаров прятали вместе, то значит это было во время обратного пути Зиновьева в Москву.

«Дано в цену» — означает, что Хабаров покупал косы, серпы, уклад и железо за свой счёт, но о возмещении ему этих расходов здесь ничего не сказано.

Воевода Пётр Бунаков писал:

«В прошлом, государи, во 166 [1657] году прислана ваша великого государя и государя царевича грамота за приписью дияка Григорья Протопопова ко мне, холопу вашему, на Ленской волок в Ылимской острог.» [16]

Далее повторяется то, что написано в приведённой выше грамоте, а затем:

«И как ко мне, холопу вашему, ваша великого государя грамота придёт, а Ярафей Хабаров в Сибирь в Ылимской острог приедет, а из Якуцкого острогу стольник и воевода Михайло Лодыженской и дияк Фёдор Тонково ко мне, холопу вашему, в Ылимской острог о служилых людех отпишет, и мне б, холопу вашему, с Ярафеем Хабаровым послать из Ылимского острогу в Тугирской острог для воски пороху и свинцу, и кос, и серпов, и укладу, и железа илимских служилых и промышленных людей, сколько человек пригоже.

А сколько служилых и промышленных людей я, холоп ваш, пошлю и которого числа, и мне б, холопу вашему, о том для ведома отписать к вам, великому государю, к Москве. А отписку велеть подать в Сибирском приказе боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дияком Григорью Протопопову да Фёдору Иванову.

А как илимские служилые люди в Даурскую землю порох и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад отвезут, и мне б, холопу вашему, тем служилым людям велеть быть к себе в Ылимской острог и быти им в Ылимском в вашей великого государя службе по-прежнему.

А от вас, великого государя, к воеводе к Офонасью Пашкову писано: велеть их отпустить из Даурские земли в Ылимской без задержанья.

И в нынешнем, государи, во 167 [1659] году, списався со мною, холопом вашим, из Якуцкого стольник и воевода Михайло Лодыженской да дияк Фёдор Тонково, и прислали ко мне, холопу вашему, в Ылимской острог для тугирской посылки якуцких сына боярского Фёдора Пушина да служилых людей Ивашка Ураска с товарищи, тритцать человек.

И я, государь, в нынешнем же во 167 [1659] году, в мая 30 день, по вашему великого государя [А. М. и А. А.] указу отпустил из Ылимского в Тугирской острог илимских и Якуцкого острогу сына боярского Фёдора Пушина да служилых людей, десятника казачья Кирила Кырнаева с товарищи, дватцати шти человек, для сыску пороху и свинцу, и кос, и серпов, и железа, и укладу, с ними и Ярафея Хабарова.

А как он, Ярафей Хабаров, на Тугирском волоку вашу великого государя казну — порох и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад — сыщет, и я, холоп ваш, по вашему великого государя указу велел сыну боярскому Фёдору Пушину и служилым людям, Кирилку Кырнаеву с товарищи, у Ярафея Хабарова тоё вашу великого государя казну — порох и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад — принять и с ним, Ярафеем, росписатьца, и ево, Ярафея, ко мне, холопу вашему, в Ылимской отпустить.

А вашу великого государя казну — порох и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад — велел я, холоп ваш, отвести в Даурскую землю на Шилку реку и отдать воеводе Офонасью Пашкову для тамошних даурских расходов.

И о том я, холоп ваш, из Ылимского в Даурскую землю к воеводе к Офонасью Пашкову писал: сколько пуд пороху и свинцу, и кос, и серпов, и железа, и укладу у Фёдора Пушина и у Кирилка Кырнаева с товарищи примет, и которого числа их ко мне, холопу вашему, в Ылимской из Даурской земли он, Офонасей Пашков, для ведома и к вам, великому государю, к Москве отписать бы мне, холопу вашему, подлинно.» [17]

Эта отписка была доставлена в Сибирский приказ 14 февраля 1660 года. В росписи отписок, посланных в Москву с подьячим илимской Съезжей избы Микитою Лазаревым и служилым человеком Терёшкою Пашковым, упоминается: «Отписка о посылке под Даурской волок для сыску великого государя казны, пороху и свинцу, сына боярского Ярафея Хабарова.» [18]

31 июля 1658 года Фёдору Пушину в Якутском остроге была дана наказная память. Текст её слегка повреждён, нами в скобках вписаны предполагаемые слова. Приведём из неё только существенные выдержки.

«И по государеву царевича [А. А.] указу и по грамоте для того дела из Якутцкого послан ты, Фёдор, с якутскими служилыми людьми, а служилых людей с ним послано 30 человек, а кто имяны с ним, Фёдором, посланы, и тому роспись под сею наказною памятью.

И ему, Фёдору, с служилыми людьми ехать из Якутцкого в Ылимской острог, а приехав [в] Илимской, (говорить) тебе в Илимском стряпчему и воеводе Петру Бунакову, что он, Пётр, Ярка Хабарова и илимских служивых людей с тобою, Фёдором нынешняго лета, или будет весной 167 [1659] году, дав тебе и якутским служилым людям суды, на чём бы вам до Тугирского волоку мочно было поднятца, и на те суда, на которых тебе Фёдору с ними,

служилыми людьми, плыть, две бечевы добрых <...>, и дав тебе, Фёдору, и якуцким служилым людям государева хлебного жалованья по окладам вашим против росписей сполна, какова роспись под сею наказною памятью за рукою дьяка Фёдора Тонково, велел отпустить под Тугирской волок по государеву указу без задержанья по первой полой воде.

А в котором месяце и числе его, Фёдора, и якуцких и илимских служилых людей, и с тобою, Фёдором, Ярка стряпчей Пётр Бунаков отпустит под Тугирской волок, и ему, Фёдору, для ведома отписать в Якутцкой к стольнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да к дьяку Фёдору Тонкову.

А самому ему с служилыми людьми ехать на государеву службу Леною рекою вниз, а Олёкмою вверх до Тугирского волоку, наспех, днём и ночью, не мешкая нигде ни часу.

А пришед под Тугирской волок, как Ярко Хабаров тот порох и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад, на Тугирском волоку сыскав, отдаст тебе, Фёдору, и тебе б с ним, Ярком, расписатьца и, расписався, отпустить его, Ярка, в Илимской острог.

А самому тебе, Фёдору, и со всеми якуцкими и илимскими служилыми людьми, взяв тот порох и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад отвести в Дауры на Шилку реку к воеводе Афанасью Пашкову. А пришед к Афанасью, отписку подать, а порох и свинец, перевезя, отдать ему ж, Афанасью, для тамошних даурских расходов. А у него, Афанасья, взять отписку. А отдав всё, ехать тебе, Фёдору, в со всеми служилыми людьми в Якутцкой острог. А приехав в Якутцкой острог, отписку подать в Приказной избе столнику и воеводе Михайлу Семёновичю Лодыженскому да дьяку Фёдору Тонкову.

А будет Ярко во 167 [1659] году под Тугирской волок (ехать не захочет), и тебе бы, Фёдору, говорить стряпчему и воеводе Петру Бунакову, чтоб он, Пётр, того Ярка выслал скорее, для того что у Афанасья Пашкова опричь того пороху и свинцу, которой порох и свинец Дмитрий Зиновьев и Ярко сказали на Тугирском волоку, присыльного пороху и свинцу не будет, и у него, Афанасья, за пороховою и свинцовою казною государеву делу будет чинитьца поруха.

А будет он, Пётр, его, Ярка, на тоё государеву службу в 167 [1659] году с тобою вневолю не вышлет, и тебе, Фёдору, спросить у стряпчево и воеводы у Петра Бунакова, для чего он, Пётр, Ярка Хабарова под Тугирской волок из Ылимского волоку не послал с детьми боярскими и с служилыми людьми, которые с тобою для того посланы, ехать тебе в Якутцкой (острог).

А будет за коими мерами Ярко Хабаров пороху и свинцу, и кос, и серпов не сыщет, и тебе, Фёдору, взять его, Ярка от весны [так в тексте — Г. К.] за крепкими приставы в железах. А самому б тебе, Фёдору, с служивыми итти через Тугирской волок с великим береженьем, чтоб он, Ярко, дорогою на Тугирском волоку и в Даурех куда б не ушёл, или б над собою дурна какого не учинил.

А перешед, проведывать про Афанасья Пашкова, где он ныне. А проведав, подать ему отписки, которые с ним, Фёдором, посланы к Афанасью

Пашкову о пороховой и свинцовой казне. А про казну Афанасью сказать, что де тоё казны (с Тугирского волоку не будет). А будет (казна) из Илимского острогу. <...>

Служилых людей с сыном боярским Фёдором Пушиным под Тугирской волок (отпущены) десятники Андрюшка Щербак, Баженко Фёдоров, рядовые Кузко Чюриков, с товарищи 27 человек.» [19]

В расходной книге дошаникам Якутского острога за 166 [1657—1658] год записано:

«Августа в 3 день [1658 г.] посланы в Ылимской острог сын боярской Фёдор Пушин, а с ним послано якутцких служилых людей тридцать человек.

А из Ылимского острогу велено ему, Фёдору Пушину, и с теми якутцкими, и с ылимскими служилыми людьми, взяв с собою сына боярского Ярка Хабарова, итти на государеву службу под Тугирской волок по порох и по свинец, и по косы, и по серпы, что он, Ярко, спрятал в землю на Тугирском волоку.» [20]

Служилые люди Якутского острога, которые зимовали в Илимском остроге, подали Фёдору Пушину челобитную о денежном жалованье. С этой челобитной он отправил в Якутский острог трёх человек. Они привезли Фёдору Пушину память с ответом на челобитную и деньги:

«Лета 7167 [1659] году, мая в 27 день. По государеву [А. М.] указу память сыну боярскому Фёдору Пушину.

В нынешнем во 167 [1659] году, мая в 22 день [дата получения — Г. К.], писал ты в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Михайлу Семёновичю Лодыженскому. А в отписке твоей написано: в прошлом де во 166 [1658] году послан де ты по государеву указу на государеву службу на Даурской волок. И указано тебе в Ылимском остроге взять Ярка Хабарова [и] итти под Даурской волок по порох и по свинец, и по косы, и по серпы.

И служилые люди, которые с тобою посланы из Якутцкого острогу, зимовали в Ылимском остроге. И в нынешнем де во 167 [1659] году те служилые люди били челом государю, а тебе, Фёдору, подали челобитную о государеве денежном жалованье вперёд на 168 [1659—1660] год, что они наги и босы, на государеву службу поднятца нечем. И ты де, Фёдор, тоё челобитную послал под отпискою в Якутцкой к стольнику и воеводе к Михайлу Семёновичю Лодыженскому [с] служилыми людьми с Кузкою Чюрилом, с Ромашкою Балакшиным с товарищи

И в нынешнем во 167 [1659] году, мая в 28 день, по государеву [А. М.] указу послано к тебе для той государевы нужные службы и для безденежья, потому что в государеве казне денег нет, служилым людям в государево денежное жалованье вперёд на 168 [1659—1660] год по половине окладу десятнику Ондрюшке Щербаку да Кузьке Чюрилу с товарищи, всего четырнатцати человеком, тридцать пять рублёв [с] служилыми людьми с Кузькою Чюрилом, с Ромашкою Балакшином, с Васкою Козишниковым.

И тебе б, Фёдору, те денги у служилых людей, у Кузьки с товарищи, принять с роспискою и роздать служилым людям, десятнику Ондрюшке Щербаку с товарищи, в государево жалованье в полы их окладов. И в том государеве жалованье взять бы тебе, Фёдору, с служилых людей отписи вперёд

для спору. А кому имяны служилым людем государева жалованья дать, и тому роспись под сею памятью. А служилому человеку Сеньке Попову государева жалованья не послано, потому что по скаске служилых людей, Кузки Чюрила с товарищи, тот Сенка лежит болен, изломил ногу.

Роспись Якутцкого острогу служилым людем,
что кому дати государева жалованья на 168 [1659—1660] год в полы оклады.

Десятнику Ондрюшке Щербаку 3 рубли 29 алтын 1 деньга
Кузьке Чюрилу, Васке Мухоплёву по 3 рубли по 20 алтын по 5 денег
Микитке Власову 2 рубля 20 алтын 15 денег
Оревке Тарасову Ивашке Суре
Ромашке Балакшину Васке Гаусину
Васке Фёдорову Ивашку Голику
Тимошке Сапожнику Спирке Барабанскому
Васке Козишникову Ивашку Салдату
по 2 рубли по 4 алтына 3 деньгою.

Убытую память взял Кузка Макарьев [Чюрило].» [21]

Кстати, Кузька Макарьев Чурило был сослан на Лену вместе с Фёдором Пушиным за участие в томском бунте.

Об итогах поездки на Тугирский волок Илимский воевода Пётр Бунаков написал в Москву:

«И в прошлом, государи во 167 [1658] году списался со мною, холопом вашим, из Якуцкого стольник и воевода Михайло Лодыженской да дьяк Фёдор Тонково и прислали ко мне, холопу вашему, в Ылимской острог для тугирской посылки якуцких сына боярского Фёдора Пущина да служилых людей Ивашка Ураска с товарищи, тритцать человек.

И я, государи, холоп ваш, в прошлом во 167 [1659] году, мая в 30 день, по вашему великого государя [А. М., А. А.] указу отпустил из Ылимского острогу в Тугирской острог илимских и Якутцкого острогов сына боярского Фёдора Пущина да служилых людей, десятника Кирилка Кырнаева с товарищи, дватцать шесть человек, для сыску пороху и свинцу, и кос, и серпов, и железа, и укладу, и с ними Ярафея Хабарова.

И в нынешнем, государи, во 168 [1660] году пришли ко мне, холопу вашему, на Ленской волок в Ылимской острог з Даурского волоку илимские служилые люди, десятник казачей Кирилко Кырнаев с товарищи, и мне, холопу вашему, в Съезжей избе подали Фёдоровую рукою и за своими руками роспись. А в росписи их написано:

В нынешнем де во 168 [1659] году, сентября в 21 день, с якуцким сыном боярским с Фёдором Пушиным да с служилыми людьми, с Кускою Чюриловым, с Ромашкою Балакшиным с товарищи да даурского воеводы Офонасьева полку Пашкова с служилыми людьми с Ромашкою Ивановым, з Данилком Андреевым с товарищи, сыскивали на Даурском волоку в Тугирском остроге с сыном боярским с Ярафеем Хабаровым, где он, Ярофей, вашу великого государя казну — порох и свинец, и железо, и уклад, косы и серпы, и сошники — в землю хоронил, и те места досматривали, и ямы сыскали, где порох и свинец, и железо, и уклад, косы и серпы хоронены были.

И те ямы порозжи, пороху и свинцу, и железа, и укладу, и кос, и серпов не сыскали. Только де лежат в ямах бочешные ломаные доски.

Да у Тугирского же острошку поставлен сарай, и ступы де и песты были. И знать де, что перекручиван порох. И у того де места поставлен крест. А ставил де тот крест Мишка Сорокин. И на кресте подписано, что взята ваша великих государей казна.

А в Тугирском же в остроге с Офонасьева полку Пашкова у служилых людей у Ромашки Иванова с товарищи — ломаных топоров и железа, весом четыре пуда тридцать гривенок, да наковально железное, да молот двоеручной, веретно точильное железное з руковедьми. А то железо и уклад оставили им, Ромашке с товарищи, Офонасьева же полку Пашкова служилые люди пятидесятник Стенька Вятка да десятник Федька Чертёнок. А нашли де они в яме, где Ярафей Хабаров прятал железо и уклад. И то железо, топоры ломаные и уклад, и наковальню, и молот, и веретно привезли ко мне, холопу вашему, в Ылимской острог даурского воеводы Офонасья Пашкова полку служилые люди Ромашка Иванов с товарищи, и отдали великого государя в казну.

А Ярафея Хабарова с усть Олёкмы реки взял стольник и воевода Иван большей Голенищев-Кутузов и сплавил с собою в Якутцкой острог для счёту прошлых годов ево, Ярафеева, даурского отпуску.» [22]

Эта отписка была доставлена в Сибирский приказ 28 января 1661 года илимским казаком Васькой Яковлевым.

А Мишка Сорокин — это служилый человек Верхотенского острожка, десятник казачий, под преводительством которого в 1655 году на Амур бежали 300 человек служилых и промышленных людей, а также пашенных крестьян.

Обратим здесь внимание на то, что денежное жалованье было послано из Якутского острога 28 мая 1659 года, а 30 мая воевода Бунаков отпустил Пущина, Хабарова и служилых людей из Илимска. Но где-то в пути всё же произошла встреча. Наиболее подходящим местом для этого был Олёкминский острожек, так как посланным из Якутска людям не было смысла идти дальше против течения. А то, что встреча действительно произошла, подтверждается списком вернувшихся в 1660 году с Тугирского волока вместе с Пушиным служилых людей. В этом списке, который приводится немного ниже, записан Ромашка Петров сын Балакшин, ездивший за денежным жалованьем в Якутск.

Воевода П. Бунаков упоминает в отписке служилых людей полка Афанасия Пашкова, которые также были посланы из Илимска на Тугирский волок. Почему они оказались там, известно из наказа Афанасию Пашкову. Там написано:

«И воеводе Афонасью Пашкову <...> итти из Енисейского острогу со всеми служилыми людьми и с запасы в новую Даурскую землю безо всякого мотчанья.

А наперёд себя послати от себя служилых людей, сколько человек пригоже, в Илимской острог к воеводе к Богдану Оладьину. От себя отписати, чтоб он по государеву указу велел изготовить подводы, на чём ему со всеми

служилыми людьми перейти вскоре и запасы перевести через Ленской волок, и на Лене реке изготовить суды, в которых ехать ему Леною и Олёкмою реками до Тугирского волоку.

Да тем же служилым людям, которых пошлёт он, Афонасей, в Илимской острог, велети наперёд себя ехать из Илимского острогу в Тугирской острог, а из Тугирского острогу в Даурскую землю к служилым людям, которые ныне в Даурской земле, к Онофрейку Степанову с товарищи, про свой поход сказать и из нижних волостей велети тем даурским служилым людям, Онофрейку Степанову с товарищи, быти в князь Лавкаевы улусы на усть реки Урки, тут им велеть себя дожидатца.

И как он, Афонасей, приедет в Тугирской острожек, и ему, Афонасью, спросити служилых людей, где схоронил Ярко Хабаров зелье и свинец, и косы, и серпы, и железо, и уклад, и иные запасы. Да где скажут, и ему то всё взять и везти в Даурскую землю с собою.» [23]

Но Афанасий Пашков пошёл в Даурскую землю южным путём через Забайкалье.

Один из служилых людей, посланных в Илимск, Гришка Потапов сын Маслов, позже в Сибирском приказе подавал челобитную, в которой содержатся ещё некоторые подробности этой поездки. Рассказывая о своей службе, Гришка Маслов сообщает:

«И пришли, мы холопы твои, в Братцкой острог. И воевода Афонасей Филипович Пашков послал меня, холопа твоего Гришку Маслова, да тобольского казака Дёмку Барабаншика, да Томского города Ромашку Немчина, да Данилка Черепана, да Тарского города Стенку Иванова Сатковского, да берёзовского казака Волотьку Веселова на Илим против твоей государевы казны. Сказали, что твоя государева казна идёт в Дауры: мушкеты и пушки, и свинец, и порох.

И мы, холопы твои, на Илеме жили год, а твоей государевы казны на Илеме не бывало. И воевода илимской Пётр Андреевич Буйнаков послал сыскивать тоё твою государеву казну, что Дмитрий Зиновьев и Ерофей Хабаров клал.

И мы, холопы твои, хотя тебе, великому государю, послужить, повиннули знатно человека Якова Мелентьева Колугу, кой с ними, з Дмитрием и Ярофеем, был и тоё казну клал. И он, Яков, нам, холопом, стал пуд сорок. А пуд купят по рублю. И мы, холопы твои, оттого голову свою закабалили.

И тоё казну сыскали в Тугурском остроге: полшеста [5,5] пуда железа кришнево да пуд укладу, да наковально, да молот, да веретено железное.

И были мы, холопы твои, на Амуре реке на Успурки. И тут на Омуре реке на Успурки сыскали мы, холопы твои, умерших и побитых людей и их похоронили. Да тут же нашли дватцать фунта свинцу да одиннатцать дестей бумаги писчей.

И жили мы, холопы твои, тут полтретья [2,5] года. Голод и холод терпели, всякую скверность ели. И воевода Пётр Андреевич Буйнаков, слышачи нашу бедность и скудость, велел вытти на Илим. И мы, холопы твои, вышли на Илим. И ружьё, что нашли, и свинец, и всё, что нашли, с собою привезли и отдали в твою государеву казну. Воевода Пётр Андреевич Буйнаков по

отпискам Афонасья Филиповича Пашкова тоё казну на Илеме принял и по городом нас распустил, где хто служил. И я, холоп твой Гришка Маслов, с товарищи пришол в Томской город.» [24]

Тот кто писал челобитную, изрядно поднапутал. Бунакова назвал Буйнаковым. Вместо «усть Урка» написал «Успурка». Да и с годами не всё ладится. А найденное ими имущество не полностью согласуется с отпиской воеводы Бунакова.. У Бунакова также ничего не сказано о выходе на устье Урки.

По этой челобитной была написана 13 февраля 1662 года грамота томскому воеводе, в которой излагалась челобитная Гришки Маслова, но почему-то с некоторыми отличиями по-существу.

«Да они ж де ходили на Амур реку на Успурку, и на Амуре реке и на Успурке сыскали умерших служилых людей и их похоронили.

Да с теми ж умершими и побитыми служилыми людьми нашии из казны дватцать мушкетов, полпуда полтретьянадцати [12,5] фунта свинцу да одиннатцать дестей бумаги писчей.

И были де они на Амуре и на Аспурке полтретья [2,5] годы. Голод терпели и всякое скверно ели.

И илимской де воевода Пётр Бунаков, слыша про их голод и нужу, велел им с Амуре реки итти назад к себе в Ылимской острог. И они де, прося у Бога милости, с Амуре реки в Ылимской острог пришли.» [25]

Если в челобитной убитые и умершие названы просто «людьми», то в грамоте — «служилыми людьми». В грамоте добавилось «нашии же казны дватцать мушкетов.» В челобитной «дватцать фунтов свинцу», а в грамоте «полпуда полтретьянадцати [12,5] фунта свинцу», а «Успурка» подверглась новому искажению — «Аспурка».

Сообщение Гришки Маслова о том, что они были «на Амуре и на Успурке полтретья [2,5] годы», опровергается другим, более достоверным документом. В таможенной книге Якутского острога за 168 [1659—1660] год имеется запись о прибытии в Олёкминский острожек илимских служилых людей во главе с десятником Кирилом Ивановым Кырнаевым.

«Маия в 20 день [1660 г.] приплыли на усть Олёкмы реки с Тугирского волоку Илимского острогу служилые люди, десятник Кирилко Иванов с товарищи. А у них мяжкой рухляди их промыслу:

У десятника Кирилка Иванова [Кырнаева] дватцать соболей

У Ромашки Иванова Немчина шездесят соболей

У Гришки Потапова [Маслова] пятьдесят восьмь соболей

У Гришки Микитина Брагина дватцать шесть соболей

У Кипрушки Герасимова дватцать соболей

У Дёмки Микитина [Барабанщика?] тритцать соболей

У Титка Офонасьева дватцать соболей

У Васки Иванова тритцать пять соболей

У Мартюшки Власова дватцать соболей

У Ивашка Парамонова восмнатцать соболей

У Оски Федосиева тритцать соболей

У Фетьки Салдатов дватцать соболей

У Максимка Селиванова дватцать соболей

У Стеньки [Иванова] Сатковсково десять соболей

У Ивашка Емельянова дватцать соболей.

Десятую платили того ж дни.

У сына боярсково у Ерофея Павлова сына Хабарова три сорока соболей. Десятую платил в Якуцком, в таможене, июня в 7 день.» [26]

Здесь служилых людей числится пятнадцать человек, а воевода Бунаков сообщал, что посылал двадцать шесть человек. Где остальные, неизвестно. Но всё же здесь записан сам челобитчик Гришка Потапов Маслов и некоторые другие, упомянутые в его челобитной: Ромашко Иванов Немчин, Стенька Иванов Сатковский, предположительно Дёмка Микитин Барабанщик. Таким образом, поездка продолжалась всего лишь год, а не два с половиной.

И. Э. Фишер так описал эту поездку на Тугирский волок:

«С военными припасами, которые к Пашкову прислать надлежало, было ещё хуже. Сначала для его похода назначено было пятьдесят пуд пороха да сто пуд свинца и множество огнестрельного оружия, что всё надлежало для него поставить из Тобольска.

После вспомнили о запасном порохе, закопанного в землю Зиновьевым в Тугирском остроге и думали, что с Пашкова онаго будет довольно, чего ради к Хабарову, который знал о сём деле, послан был указ, по силе которого долженствовал он показать то место, где помянутая аммуниция зарыта.

И в 1659 году отправлен был сын боярский Фёдор Пушин с тридцатью человеками из Якутска для принятия и для поставки оной в Нерчинск. Но чего хотели искать, где ничего уже не было. Михайло Сорокин, дошед с своею партией на Амур в 1655 годе, прежде уже того вынул помянутый порох и поставил на том месте крест для памяти потомкам, на коем дело их вырезано.

Хабаров и Пушин, видя сие, послали нарочитых к Пашкову с известием о сём приключении, но они назад не бывали. После сего отправлены были другие гонцы, кои, пришед на Амур, нашли несколько убитых или с голода померших казаков из Пашковой команды, и их похоронили. Сие одержало их ити далее. У умерших нашли они несколько ружей, кои, взяв принесли в Тугирский острог.

Потом Хабаров и Пушин ни о чём более не помышляли, как о возвратном своём пути, в которой и вступили 1660 года, направля оной каждый в своё жилище.» [27]

У Фишера не всё соответствует приведённым выше документам. Прежде всего, спорным является утверждение, что Пушин посылал гонцов к Афанасию Пашкову. В наказе Пушину было сказано, чтобы он сам отправился к Пашкову, даже если порох и свинец не будут найдены, предварительно отпустив Хабарова в Илимский острог. Но более вероятно, что он никого к Пашкову и не посылал, поскольку приближалась зима. На Тугирский волок они, как было сказано раньше, прибыли 21 сентября. На поиски пороха и свинца тоже было затрачено какое-то время. Идти в октябре в Нерчинск через волок и далее по Амуру и Шилке против течения уже было рискованно. А раннею весною Пушин уже отправился в Якутск, не полностью

выполнив то, что, ему было предписано в наказной памяти, т. е. не побывав в Нерчинске. Так что, это сообщение Фишера нуждается в подтверждении документами.

Что же касается сообщения Гришки Маслова и Фишера о найденных на устье Урки погибших людях, то, может быть, это были не служилые люди из команды Пашкова, а отделившиеся после разгрома амурского войска от Климка Иванова амурские казаки, о которых сообщалось:

«А 37 человек из них пошли к Офонасью ж Пашкову и, недошед ево, Офонасья, на усть Урки реки все з голоду померли.» [28]

А сообщение Фишера, о том, что Пущин и Хабаров отправились «каждый в своё жилище», не подтверждается документами, которые мы приведём чуть позже. П. А. Словцов тоже не был согласен с со сведениями Фишера. Но это были возражения другого рода. Приведём их.

«Воспользовался ли он [Онофрий Степанов — Г. К.] порохом и свинцом Зиновьевским? Фишер уверяет, что теми снарядами воспользовалась толпа промышленников. Но как могла она вырыть и утащить их из острога, где, без сомнения, был караул? Ведь зто не перчатки и не кольца. Не верю Фишеру и спрашиваю, чем Степанов три недели отстреливался в Комарском городке, когда у него уже во время плавания оказался недостаток в военных запасах. Я полагаю, что Зиновьевские запасы были подвезены зимою в городок, а молва о похищении их артелью промышленников была пустая сказка.» [29]

Однако же, сведение о том, что крест ставил Мишка Сорокин у Фишера не придумано, а взято из документа, тогда как сведения о том, что запасы выкопал Онофрий Степанов никакими документами не подтверждаются. Кроме того, «толпа промышленников» вовсе была не толпа, она насчитывала до 300 человек, во главе её были служилые люди из Верхоленского острожка, кроме того, среди беглых крестьян, присоединившихся к этой толпе, были ссыльные черкасы, воевавшие ранее с поляками на Украине, а потом служившие казачью и стрелецкую службу в русских городах. А караул, если и был в Тугирском острожке, то он насчитывал не более десятка человек, и острожек вовсе не нужно было брать приступом, да и запасы были спрятаны вне острожка.

Впрочем, прежде чем ставить вопрос, кто воспользовался спрятанными на Тугирском волоке запасами, следует выяснить, кто их спрятал. Прятал ли что-нибудь там Хабаров? Обратимся к документам. В изветной челобитной Стеньки Васильева Полякова, в которой описывается второй приход Хабарова на Амур, сообщается:

«И августа в 29 день оставил он, приказной человек Ярофей Хабаров, на Олёкме реке Стеньку Полякова да Микудайка Юрьева [с] сорокью человеком на трёх дощаниках за каменем выше Нюкзи реки с твоей государевой казной: с пушками и с пищальми, и с порохом. А он, Ярофей, пошёл налегке на Амур реку. А нам, холопом твоим государевым, он, Ярофей, велел итти позаде себя за собою с твоей государевой казной до Амура реки в Лавкаево княжение <...>

И мы, государь, холопи твои, которые, государь, оставлены были на

Олёкме у твоей государевы казны на трёх дощаниках, и недошед усть Туги-
ря реки за десять дён, и тут нас, государь, холопей твоих, нял замороз. И мы,
государь, холопи твои, лыжи и нарты поделали сорокью человеки, пушки
и пищали, и порох, и свинец, и всю казну твою государеву положили на
нарты. И всей было клади по десяти пуд и больши.

И шёл я, Стенька Поляков, с товарищи по Олёкме реке на лыжах с нар-
тами. А твою государеву казну на нартах волокли до Тугири. Десять дён ходу
было нашево, а по Тугирию две недели до волоку. А с Тугири через камень
за волок до Лавкаева княжения две недели, где было велено, государь, нам
твоя государева казна поставить. <...>

И едва мы ево, Ярофея, нашли ноября в 21 день в Албазине городке. <...>

И он, Ярофей, твою государеву казну у нас, холопей твоих, всю сполна
здраво принял. И, приняв, он, Ярофей, учал называть своим животом, а не
твоей государевой казной. Пушки и пищали, и порох, и свинец, и куяки, и
сукна, котлы, косы и серпы, уклад взял де я из государевы казны только
де по оценке вдолг, и в той де казне дал на себя запись в казну в Якуцком
остроге воеводе Дмитрею Андреевичю Франзбекову да дьяку Осипу Степа-
нову. Словёт то де: купил я ту казну государеву.

И учал продавать пищали и порох, и свинец, и сукна, и котлы, и серпы,
и косы, всё продавать дорогою ценою: пищаль да два фунта пороху, да два
фунта свинцу, да котёл фунта четыре по штидесяти рублей и по семидесять
рублей, и больше.» [30]

Таким образом, Хабаров во время второго прихода на Амур ничего не
прятал на Тугирском волоке.

А следующим летом 1651 года на Амур был послан Тренка Чечигин с
новоприборными служилыми людьми. В отписке, посланной в Якутский
острог, он сообщал:

«И стретили мы на усть Нюкзи реки на ходу от Ярофея Павлова с памяти
Стеньку Хороховского [Гороховского — Г. К.]. И те памяти писаны ко
мне, Тренке, с товарищем [Артемием Петриловским — Г. К.] и к служилым,
и охочим казаком: чтобы тебе, Тренке, с товарищем своим и с служилыми
людми, и с охочими казаками поторопиться ходом наскоре на Амур ко мне
и к казаком.

И яз, Тренка, с товарищем и служилые, и охочие казаки, услыша те па-
мяти Ярофеевы, пошёл с служилыми и охочими казаками наскоре, не меш-
кав. И пришед под волок Тугирской, яз, Тренка, с товарищем своим и с
служилыми людми, и охочими казаками промеж собою посоветовали, как
бы нам на Тугире в зимовье под волоком государева казна оставить, свинец
и порох. И по совету я, Тренка, с товарищем служилых и охочих казаков
оставили государеву казну, свинец и порох, на Тугире в зимовье.

И выбрали к той государеве казне для ради береженья служилого челове-
ка Ивана Артемьева сына Портнягу. Да с ним выбрано семь человек охочих
казаков того, Тренкина с товарищем, прибору.

И велел яз, Тренка, с товарищем своим, с служилыми людми и охочими
казаками ему, Ивану, с товарищи своими ту государеву пороховую и свин-
цовую казну волочить зимою на Амур за волок. <...> И яз, Тренка, с това-

рышем своим и служилыми, и охочими казаками ту государеву казну, порох и свинец, на Тугире в зимовье укоромили [написано: упоромили — Г. К.] в месте крепком. И укоромя [написано: упоромя — Г. К.] ту государеву казну, порох и свинец, пошли мы с Тутиря за волок на Амур сентября в 10 день [1651 г.]» [31]

Потом эта казна была доставлена по назначению. Позже служилые люди, которые пошли с Третьяком Чечигиным на Амур, писали:

«И мы, достальные, остались в Банбулаеве городке, дожидались твоей государевы казны из заволочья. И как мы дождались казны, и мы поплыли на низ.» [32]

Таким образом, если кто-то и оставлял порох и свинец на Тугирском во-локе, то это был Зиновьев.

А теперь вернёмся немного назад. Когда Ф. Пущин и Е. Хабаров шли вверх по Олёкме в Тугирский острог, Ф. Пущин послал в Якутский острог, на первый взгляд, ничем не примечательную отписку:

«В нынешнем во 167 [1659] году стретил я на Олёкме реке з государевою казною амурских служилых людей. И с ними идуд в Якутцкой служилые люди, которые оставались от меня на Амуре [с] войском. И я, стретя их, послал к тебе, воеводе, в Якутцкой острог. А имена их под сею отпискою.» [33]

Далее перечислены имена шести человек. Это люди, которые ранее были посланы с Ф. Пушиным на Аргунь, затем пришли в амурское войско Онофрия Степанова, и по согласованию с Ф. Пушиным остались в войске, а Ф. Пущин пошёл в Якутский острог. Но что за служилые люди шли с государевою казною, Ф. Пущин не сообщил.

Отписку Ф. Пушина доставил в Якутский острог служилый человек Илюшка Тимофеев карачевец 19 августа 1659 года. С этой же отпиской была доставлена также отписка приказчика Олёкминского острожка Воина Якунина, в которой сообщалось о служилых людях, шедших с государевою казною.

«В нынешнем во 167 [1659] году, августа в 13 день, пришли к Олёкминскому острожку служилые люди Онофреева полку Степанова, выборной человек Артюшка Петриловской с товарищи, всех сто два человека, без хлебных запасов, голодни.» [34]

Артюшка Петриловский — это племянник Е. Хабарова. В челобитной, поданной приказчику Воину Якунину, атаман Андрюшка Петриловский, есаул Фарафонко Тимофеев с товарищами, сто два человека, писали:

«В прошлом, государи, во 166 [1658] году побии нас, многих холопей ваших, на вашей государеве службе богдойские люди, разорили dokonца. И с тово бою, собрався по лесом и по камени, пришли мы, достальные холопи ваши, с великие реки Амуру с образом всемилостивого Спаса и с вашей государевою казною в Олёкомской острог, нужны и голодны, без хлебных запасов, и нынече государи помираем голодною смертию.» [35]

Справедливости ради, следует сказать, что в Тугирском острожке они получили достаточное количество хлеба, чтобы дойти до Олёкминского острожка. Воевода Бунаков писал в Сибирский приказ:

«В прошлом во 167 [1659] году шли из Даурские земли даурские казаки

Ортюшка Филипов, Ферапонко Тимофеев с товарищи, сто пять человек, и тем де даурским казаком дали вкабалу государевых хлебных запасов сто семьдесят пуд тритцать гривенок муки ржаной в Тугирском остроге илимские служилые люди Сенька Плотник с товарищи, которые оставлены у государевых даурских запасов для береженья.» [36]

В связи с этим приходится признать сомнительным утверждение чело­битчика Гришки Потапова Маслова о том, что «голод терпели и всякое скверно ели».

Из приведённых выше документов следует, что на Олёкме произошла встреча Хабарова с остатками разбитого китайцами амурского войска. Отсюда важный вывод: некоторые события остаются неясными, если рассматривать документы обособленно друг от друга и, наоборот, иногда совокупность документов даёт возможность выявить скрытые события.

Дело, которое начинал Хабаров, было загублено, русские изгнаны с Амура.

После получения хлеба из запасов Олёкминского острожка часть служилых людей пошла в Якутский острог, другая часть во главе с Петриловским пошла в Илимский острог, а оттуда в Москву. Это было за год до возвращения Хабарова с Тугирского волока в Олёкминский острожек

Скажем ещё раз: всё происходило не так, как было предписано в наказной памяти Фёдору Пушину. Хабаров не был отпущен домой. В приведённой выше отписке в Москву илимского воеводы Петра Бунакова сообщалось: «А Ярафея Хабарова с усть Олёкмы реки взял стольник и воевода Иван большой Голенищев-Кутузов и сплавил с собою в Якутцкой острог для счёту прошлых годов ево, Ярофеева, даурского отпуску.» Встреча Хабарова в Олёкминском острожке с новым якутским воеводой, который ехал на смену Михаилу Лодыженскому произошла случайно. Эта встреча испортила Хабарову жизнь на многие годы.

Через шесть дней после встречи все уже были в Якутском остроге. Воевода Голенищев-Кутузов сообщал в Москву:

«И в нынешнем, государь, во 168 [1660] году, мая в 26 день, приехал я, холоп твой, в Якутцкой острог.» [37]

Вместе с воеводой приплыли в Якутский острог Фёдор Пущин и Ерофей Хабаров. В таможенной книге Якутского острога за 168 [1659—1660] год записано:

«Того ж дни [26 мая 1660 г.] приплыл с Олёкмы реки с Тугирского волоку Якуцкого острогу сын боярской Фёдор Иванов сын Пущин с служилыми людьми. А им выдано из Съезжей избы их промыслу мяхкой рухляди врознь:

У сына боярского у Фёдора Иванова сына Пущина три сорока соболей. Десятую платил июня в 6 день.

У служилых людей:

У Козёмки Иванова Кужанского четырнатцать соболей. Десятую платил июня в 1 лень.

У Титка Васильева семь соболей. Десятую платил того ж дни.

У Стеньки Щербака десять соболей. Десятую платил того ж дни.

У Родьки Прокопьева Ваньежна восемь соболей. Десятую платил того ж дни.

У Ивашка Онтропова десять соболей. Десятую платил того ж дни.

У Орефки Тарасова восемнатцать соболей. Десятую платил того ж дни.

У Стеньки Фёдорова десять соболей. Десятую платил того ж дни.

У Ивашка Иванова Сура тритцать один соболь. Десятую платил того ж дни.

У Ромашки Петрова сына Балакшина сорок семь соболей. Десятую платил того ж дни.

У Васки Фёдорова восемь соболей. Десятую платил июня в 1 день.» [38]

Всего с Фёдором Пушиным было послано 30 человек, где остальные неизвестно.

В этой же книге есть ещё две записи об уплате десятой пошлыны Фёдором Пушиным и Ерофеем Хабаровым.

«Июня в 6 день [1660 г.] у сына боярсково у Фёдора Иванова сына Пушина с промышленных с трёх сороков соболей десятой двенатцать соболей с пупки и с хвосты взято.» [39]

«Июня в 7 день [1660 г.] Илимского острогу у сына боярсково у Ярофея Павлова сына Хабарова с промышленных с трёх сороков соболей десятой двенатцать соболей с пупки и с хвосты взято.» [40]

В книге расхода судов 168 [1659—1660] года есть запись о приёме дощаника у Фёдора Пушина:

«Того ж дни [29 мая 1660 г.] ис-под Даурского волоку у сына боярсково у Фёдора Пушина, которые ходили по порох и по свинец, принято: дощаник мерою во льяле сажень с четью аршином, вдоль семь сажень; парус — дватцать два полотнища, вышина четырнатцать аршин с четью, а в ней мерою триста тритцать аршин с полуаршином холсту. Да судовых снастей: дрог двенатцать; да ног и возжей, и скутов, и роки, и подзору сорок сажень; завозу сто пять сажень; лотка-шестерик.

А по справке с судовыми отпуски прошлого 166 [1657—1658] году недовёз он, Фёдор, дрогового обрывка мерою трёх сажень, ногового обрывка мерою четырёх сажень, парусного нового холсту штидесят шти аршин с полуаршином, подчалу мерою пятнатцати сажень, возжей и коньковой, и роки, и подзору, и бурундуки, и скутов семидесят сажень, да бечевы ж мерою шездесят сажень.

И против судовые снасти и про бечевы, и про парусной холст он, Фёдор, в Съезжей избе сказал...» [41]

К сожалению, что сказал, не написано, а оставлено полстраницы свободного места. По всей видимости, поход был нелёгким.

Принятие дел каждым новым воеводой завершалось составлением счётного списка, в который записывались все доходы и расходы прежнего воеводы и их законность. В этот список записывались все крупные и даже мелкие должники. Сдающего должность воеводу часто не отпускали до тех пор, пока он не возместит все незаконные свои расходы. Счётные списки отсылались в Москву. Перед отъездом в Якутский острог Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов, видимо, знакомился со счётным списком

своего предшественника, воеводы Михаила Лодыженского, а также с его отпиской о долге Хабарова, которая была послана ещё в 1658 году, и уже знал всех крупных должников. Самым крупным должником был Ерофей Хабаров. Поэтому, повстречав Хабарова в Олёкминском острожке, воевода увёз его с собой в Якутский острог.

Началось взыскание с Хабарова долга за амурский поход.

В заключение сделаем одно уточнение. В противовес историкам XIX века, утверждавшим, что Хабаров после возвращения из Москвы на Лену до конца своих дней пребывал в должности приказчика ленских крестьян, Б. П. Полевой писал:

«После прибытия в Илимский острог Хабаров сразу же был послан на Тугирский волок.» [42]

Из приведённых выше документов видно, что не совсем сразу. Всё же в должности приказчика он побыл один год и восемь месяцев.

Примечания

1. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 34, л. 15.
2. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983, с. 70.
3. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, № 143, л. 227об, 228.
4. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 338, л. 182.
5. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 338, л. 138.
6. Ф. 214, ст. 588, л. 121.
7. ДАИ, т. 3, СПб, 1851, № 46, с. 105.
8. Ф. 214, ст. 586, л. 260.
9. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 338, л. 174.
10. Там же, л. 176—177.
11. Там же, л. 174—175.
12. Там же, л. 178.
13. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1301, л. 2.
14. Соколов. Русские на Амуре в XVII веке. // Русская газета, 1859, № 9, с. 53.
15. Ф. 21, оп. 4, ед. хр. 28, док. № 108, л. 185—186.
16. Ф. 214, ст. 796, л. 264.
17. Там же, л. 206—209.
18. Ф. 214, ст. 587, л. 118.
19. ДАИ, т. 4, СПб, 1851, док. № 53, с. 145—147.
20. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 348, л. 217—217об.
21. Ф. 1177, оп. 3, ч. I, ед. хр. 1181, л. 126—127.
22. Ф. 214, ст. 533, л. 222—225.
23. Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле — 1655 г. СПб, 1894, с. 7.
24. Ф. 214, ст. 560, л. 848.
25. Ф. 214, ст. 560, л. 852—853.
26. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 699, л. 8об—9об.
27. Фишер И. Э. Сибирская история. СПб, 1774, с. 628—629.
28. Ф. 214, ст. 124, л. 193.
29. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. т. 1—2, СПб, 1886, с. 50.
30. Ф. 214, ст. 460, л. 2—4.
31. ДАИ, т. III, СПб, 1848, № 101, с. 356.
32. Ф. 214, ст. 460, л. 11.

33. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1270, л. 4.
34. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1270, л. 1.
35. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1270, л. 3.
36. Ф. 214, ст. 533, л. 174.
37. Ф. 214, ст. 581, л. 2.
38. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 699, л. 10об—11об.
39. Там же, л. 105.
40. Там же, л. 106.
41. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 667, л. 15—15об.
42. Б. П. Полевой. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XVIII вв. т. 2, с. 27, примеч. 9.

ВЗЫСКАНИЕ ДОЛГА С ХАБАРОВА ЗА АМУРСКИЙ ПОХОД

После того, как якутский воевода М. С. Лодыженский узнал о приезде Хабарова на Лену и о назначении его приказчиком, он отправил отписку в Москву.

«В прошлом, государь, во 161 [1653] году, мая в 24 день, как мы, холопи твои, приехав на твою государеву службу в Якутцкой, со стольником Акинфовым и дьяком с Осипом Степановым росписались, и в те поры по росписном списку приняли мы, холопи твои, у них, Ивана и Осипа, Дмитриевы кабалы Францбекова, в те поры, как ево, Дмитриевы, животы взяты на тебя, государя, в прошлом во 159 [1651] году.

И ис тех, государь, кабал довелось в твою государеву казну на прежде выбывшем Илимского уезду на Ярке Хабарове, которого Дмитрий Францбеков да дьяк Осип Степанов в прошлом во 157 [1649] году послал в Дауры в башлыках без твоего государева указа для прииску новых землиц, взяти на Дмитриеве кабале Францбекова тысяча триста шездесят три рубли дватцать пять алтын две деньги.

Да мы на нём же, Ярке, по отписям за ево, Ярковою, рукою, что ему, Ярку, дано займы из твоей государевы казны денег триста рублёв, да хлеб, за триста пуд муки ржаной, да за сто пуд ржи деньгами по цене 158 [1649—1650] году, по рублю за пуд, за пятьдесят пуд соли по осми алтын по две деньги за пуд.

И всего денег и за хлеб, и за соль деньгами взяти семьсот двенатцать рублёв шеснатцать алтын четыре деньги, которые деньги и хлеб, и соль из твоей государевы казны дали ему, Ярку, в Якутцком займы для твоей государевы даурской службы в прошлом во 158 [1649—1650] году воевода Дмитрий Францбеков да дьяк Осип Степанов без твоего государева указа и без порук, до тех мест, как он, Ярко, с твоей государевы службы из Даур приезжал.

Да на нём же, Ярке, по отписи за ево ж, Ярковою, рукою, что ему, Ярку, дали Дмитрий же и Осип в прошлом во 158 [1650] году для той же твоей государевы даурской службы вцену и без цены книг печатных и ладану, и к ружьем, и пансырей, и куяков, и в пушках, и в колоколах меди, и в пищалех

полковых, и в ядрах, и в (яд)рах железных, и всякого же медного заводу, и пороху, и свинцу, и дошаников, и лоток, и судовых всяких снастей, и парусов, и вина горячего, и сукон летчинных, и холстов-хрящу, всего против цены 158 [1649—1650] году взяти две тысячи двести шездесят девять рублёв шеснатцать алтын четыре деньги.

Да на нём же, государь, Ярке, взяти по росходным книгам 158 [1649—1650] году, что взято на тебя, государя, у торговых людей, и для той твоей государевы даурской службы отдано ему ж, Ярку, судов и судовых всяких снастей, и холстов, и одекую на пятьсот на одиннатцать рублёв на десять алтын.

И всего, государь, на нём, Ярке, по кабале и по отписям, и по книгам взяти четыре тысячи восьмьсот пятьдесят семь рублёв два алтына.

И по ся места, государь, тех твоих государевых денег на нём, Ярке, не взято, потому что тот Ярко в Якутском из Даур не бывал. А без него, государь, тех денег взяти было не на ком.

А воевода Дмитрий Францбеков да дьяк Осип Степанов тоё твою государеву казну дали ему, Ярку, без твоего государева указу и без порук. И сами они, Дмитрий и Осип, померли.

И ныне, государь, про того Ярка ведомо нам, холопом твоим, учинилось, что тот Ярко в Сибири, в приказных людех у пашенных крестьян Илимского уезду на заимках. И нам, государь, холопом твоим, без твоего государева имянного указу того Ярка из Илимского уезду и тех твоих государевых денег на нём, Ярке, взяти не мочно. И о той, государь, своей государеве денежной казне, что взяти на Ярке Хабарове, вели, государь, свой государев указ учинить, чтоб, государь, впредь те твои государевы деньги не пропали и в Якутском в приходных книгах в доимке не были.

А наперёд, государь, сего о тех твоих государевых доимочных деньгах писано в якутских приходных книгах и в сметных списках прошлого 161 [1652—1653] и 163 [1654—1655] году, которые книги и списки из Якутского посланы к тебе, ко государю, к Москве в прошлых годах, и ныне в Сибирском приказе.

А в отписках государь к тебе, ко государю, о тех деньгах наперёд сего не писано, потому что он, Ярко, был на твоей государеве службе, а с твоей государевы службы ждали ево, Ярка, в Якутском. И он, Ярко, не хотя той твоей государевы казны платить, проехал из Даур к тебе, ко государю, к Москве, не заезжая в Якутской острог.» [1]

Всё здесь верно, за исключением одного: Хабаров не заезжал в Якутск не по своему умыслу, а потому, что его вёз в Москву Дмитрий Зиновьев, которому в Якутске уже нечего было делать.

Даты на этой отписке нет, но судя по словам: «а ныне, государь, про того Ярка ведомо нам, холопом твоим, учинилось, что тот Ярко в Сибири в приказных людех у пашенных крестьян Илимского уезду на заимках», она написана не ранее 27 июня 1658 года. Именно эта дата названа в отписке М. С. Лодыженского илимскому воеводе, в которой Лодыженский сообщал, что он узнал о назначении Хабарова приказчиком ленских пашенных крестьян. [2]

Воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов незамедлительно взялся за взыскание долга. В Сибирский приказ он сообщил:

«Довелось, великий государь, Якутцкого острогу по приходным денежным книгам нынешнего 168 [1659-1660] году за рукою твоего, великий государь, стольника и воеводы Михайла Лодыженского, каковы книги я, холоп твой, принял у него, Михайла, из доимки, взяти на илимском сыне боярском на Ярке Хабарове, которой был в Даурах для приводе под твою, великий государь, царскую высокую руку новых земель, по Дмитриевым кабалам Францбекова и по иным крепостем, и по отпуском четыре тысячи восьмьсот пятьдесят семь рублёв два алтына. И я, холоп твой, великий государь, деньги взял у него, Ярка, в деревне в Чечуйском уезде мельницу за триста за тридцать рублёв.» [3]

Здесь не сказано, в какой деревне и на какой речке была эта мельница. Эта мельница была на речке, называемой ныне Бобошиной, которая впадает в Лену с левой стороны в 5 километрах выше Чечуйска. Мельница была построена Хабаровым ещё до амурского похода. Уходя на Амур, он передал её во временное пользование пашенному крестьянину Федьке Яковлеву, пахавшему в Чечуйске. Федька Яковлев по прозвищу Пашенной — родной брат Панфила Яковлева устюжанина, которому Хабаров, уходя в амурский поход, передал во временное пользование свою заимку Хабаровскую.

Кроме своего зерна Федька Яковлев молот на этой мельнице за плату зерно пашенных крестьян, а также за плату же и государевы хлебные запасы, отправляемые в Якутск. В 1652 году воевода М. С. Лодыженский писал:

«Да на Чичуйском же, государь, волоку у пашенного крестьянина у Федьки Яковлева на речке, что вытекла ис Тунгуского Чичуйского волоку, поставлена мельница большая. И владеет, государь, тою мельницею тот Федька безоборочно, и твоих государевых запасов даром не мелет.» [4]

Раз безоборочно, значит, была поставлена та мельница самовольно, без челобитья.

После приобретения этой мельницы казна избавилась от платы, а с помола крестьянского зерна стала получать доход.

Эту мельницу не следует путать с другой мельницей Хабарова, которая находилась на речке Тихтилячихе (Телячьей, Мельничной), которая тоже впадает в Лену с левой стороны напротив Киренска.

Речка Бобошина стала так называться не сразу. Во времена Хабарова она называлась Мельничной, а после взятия мельницы Хабарова «на государя» стала называться Государевой. В описании реки Лены 1735 года И. Яхонтов упоминает её под этим названием. [5] В 1722 году на этой речке построил колёсчатую мельницу вкладчик Киренского монастыря Максим Бобошин. В 1763 году мельница сгорела. В 1765 году сын Максима Бобошина Егор построил здесь новую мельницу. А речку он называет Мельничной. [6] Видимо, речка стала называться Бобошиной ещё позже.

Вернёмся к отписке воеводы Голенищева-Кутузова. Далее он писал, что в 168 [1660] году, июня в 4 день, бил челом государю, а в Якутском остроге Ярке Хабаров подал челобитную. Затем воевода излагает челобитную. Чело-

битная эта сохранилась. Поэтому приводим её, тем более, что в изложении есть одно расхождение.

«В нынешнем, государь, во 168 [1660] году по твоему великого государя указу взято у меня, холопа твоего, в твою великого государя казну в Чючуйском уезде мельница колёсная да в Якутском остроге мяхкие рухляди два сорока дватцать восемь соболей с хвосты олёмминского закаменного промыслу за отпуск, как я послан на твою великого государя службу в Дауры, за подъём, за твои великого государя товары и за ссуду, и за судовые снасти, и за холсты, и за сукна, и за книги печатные, и за пушки, четыре тысячи за восьмьсот за пятьдесят за семь рублёв за два алтына, что я, холоп твой, отпущен на службу [с] служилыми людьми и с охочими приборными.

А ныне мне, холопу твоему, в том в даурском подъёме в твоей великого государя казне окупитьца вскоре нечем.

<...> Вели, государь, для поруки в твоей великого государя казне отпустить из Якутского острогу в Ылимской острог, чтоб, государь, порука собрать в Ылимском остроге.» [7]

В изложении воеводы вместо «и за ссуду» написано «и за суда».

На обороте челобитной воевода написал: «168 [1660] году, июля в 4 день. Отписать на Илим, чтоб по нём собрать сыну боярскому Фёдору Пушину. А к воеводе на Илим отписать, что велел собрать поручная запись, что он, Ярко, для порушной записи отпущен за приставом.»

Далее, воевода писал:

«И в нынешнем, великий государь, во 168 [1660] году по ево, Яркову, челобитью для поручной записи, чтоб ему за те твои великого государя достальные деньги за четыре тысячи за пятьсот дватцать за семь рублёв за два алтына платить в твою великого государя казну погодно хлебом, отпустил я, холоп твой, ево, Ярка, в Ылимской острог за приставом с сыном боярским с Фёдором Пушиным.

А о том, великий государь, я, холоп твой, писал в Ылимской острог стряпчему и воеводе к Петру Бунакову: как сын боярской Фёдор Пушин с Ярком Хабаровым будут в Ылимском остроге, и ему б, великий государь, Петру, велел в Ылимском остроге по нём, Ярке, сыну боярскому Фёдору Пушину в тех твоих великого государя деньгах собрать поручная запись.

А будет, великий государь, по нём, Ярке, поруки не будет, и ему, Петру Бунакову, отдать сыну боярскому Фёдору Пушину. А Фёдору Пушину ево, Ярка, велено, великий государь, выслать в Якутской за приставом.» [8]

После этого Фёдор Пушин и Ерофей Хабаров выехали из Якутска. Об этом в таможенной книге Якутского острога имеются записи.

«Июля в 5 день [1660 г.] отпущен вверх по Лене к Ленскому волоку в Енисейской острог Якутского острогу сын боярской Фёдор Иванов сын Пушин.

А с ним ево промыслу и перекупных два сорока тритцать соболей с хвосты. А по таможенной оценке на сто на десять рублёв. И с тех у него соболей великого государя десятая пошлина взята в нынешнем во 168 [1660] году в Якутском остроге в таможе сполна. Отъезжего и [с] соболей посорокового

битная эта сохранилась. Поэтому приводим её, тем более, что в изложении есть одно расхождение.

«В нынешнем, государь, во 168 [1660] году по твоему великого государя указу взято у меня, холопа твоего, в твою великого государя казну в Чючюйском уезде мельница колёсная да в Якутском остроге мяхкие рухляди два сорока дватцать восемь соболей с хвосты олёкминского закаменного промыслу за отпуск, как я послан на твою великого государя службу в Дауры, за подъём, за твои великого государя товары и за ссуду, и за судовые снасти, и за холсты, и за сукна, и за книги печатные, и за пушки, четыре тысячи за восьмьсот за пятьдесят за семь рублёв за два алтына, что я, холоп твой, отпущен на службу [с] служилыми людьми и с охочими приборными.

А ныне мне, холопу твоему, в том в даурском подъёме в твоей великого государя казне окупитьца вскоре нечем.

<...> Вели, государь, для поруки в твоей великого государя казне отпустить из Якутцкого острогу в Ылимской острог, чтоб, государь, порука собрат в Ылимском остроге.» [7]

В изложении воеводы вместо «и за ссуду» написано «и за суда».

На обороте челобитной воевода написал: «168 [1660] году, июля в 4 день. Отписать на Илим, чтоб по нём собрать сыну боярскому Фёдору Пушину. А к воеводе на Илим отписать, что велел собрать поручная запись, что он, Ярко, для порушной записи отпущен за приставом.»

Далее, воевода писал:

«И в нынешнем, великий государь, во 168 [1660] году по ево, Яркову, челобитью для поручной записи, чтоб ему за те твои великого государя достальные деньги за четыре тысячи за пятьсот дватцать за семь рублёв за два алтына платить в твою великого государя казну погодно хлебом, отпустил я, холоп твой, ево, Ярка, в Ылимской острог за приставом с сыном боярским с Фёдором Пушиным.

А о том, великий государь, я, холоп твой, писал в Ылимской острог стряпчему и воеводе к Петру Бунакову: как сын боярской Фёдор Пушин с Ярком Хабаровым будут в Ылимском остроге, и ему б, великий государь, Петру, велел в Ылимском остроге по нём, Ярке, сыну боярскому Фёдору Пушину в тех твоих великого государя деньгах собрать поручная запись.

А будет, великий государь, по нём, Ярке, поруки не будет, и ему, Петру Бунакову, отдать сыну боярскому Фёдору Пушину. А Фёдору Пушину ево, Ярка, велено, великий государь, выслать в Якутцкой за приставом.» [8]

После этого Фёдор Пушин и Ерофей Хабаров выехали из Якутска. Об этом в таможенной книге Якутского острога имеются записи.

«Июля в 5 день [1660 г.] отпущен вверх по Лене к Ленскому волоку в Енисейской острог Якутцкого острогу сын боярской Фёдор Иванов сын Пушин.

А с ним ево промыслу и перекупных два сорока тридцать соболей с хвосты. А по таможенной оценке на сто на десять рублёв. И с тех у него соболей великого государя десятая пошлина взята в нынешнем во 168 [1660] году в Якутском остроге в таможене сполна. Отъезжего и [с] соболей посорокового

два алтына з деньгою тож взято. У него печатных пошлин восмнатцать алтын две деньги взято.» [9]

«Того ж дни [5 июля 1660 г.] отпущен вверх по Лене к Ленскому волоку Илимского острогу сын боярской Ярофей Павлов сын Хабаров.

А с ним ево промыслу два сорока дватцать восемь соболей с хвосты. А по таможенной оценке на сто на восемь рублёв. И с тех у него соболей великого государя десятая пошлина взята в нынешнем во 168 [1660] году в Якутском остроге в таможене сполна. Отъезжего с нево и посорокового с соболей два алтына з деньгою взято. У него же печатных пошлин восмнатцать алтын взято.» [10]

Хотя пошлину с Хабарова и взяли, но соболей ему не отдали, взяли в залог. 27 июля 1660 года была написана память Фёдору Пушину:

«Послано к тебе с сыном боярским с Воином Якуниным сына боярского Ярка Хабарова два сорока дватцать восемь соболей с хвосты.

И как к тебе ся память придёт, и тебе б, Фёдору, будет Ярко Хабаров даст тысячу пуд ржи, и тебе бы, Фёдору, взять у Война те Ярквы соболи и отдать ему, Ярку.

А будет он, Ярко, тысячу пуд ржи великого государя в казну не отдаст, и тебе, Фёдору, соболей у нево, Воинка, не имать, потому что те соболи ему, Войну, в Енисейском остроге велено продать. И проезжая у него, Ярка, на те соболи взять и отдать Войну Якунину.

О том для ведома отписать стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большему Голенищеву-Кутузову.» [11]

Тысяча пудов ржи предназначалась для погашения долга. Хабаров обещал платить «великого государя в казну погодно хлебом по 1000 пуд». [12]

В книге расхода судов Якутского острога есть запись о выдаче Воину Якунину лодки:

«Того ж дни [1 августа 1660 г.] сыну боярскому Воину Якунину да служилому Жданку Власову, которые посланы в Енисейской [со] спаскою казною до Илимского острогу, дано лотка-четверик.» [13]

А илимскому воеводе П. Бунакову якутский воевода И. Голенищев-Кутузов послал отписку, в которой сообщал о челобитной Хабарова и о том, что Хабаров послан в Илимский острог с приставом Ф. Пушиным, а затем:

«И как, господине, сын боярской Фёдор Пушин с сыном боярским с Ярафеем Хабаровым будут в Ылимском остроге, и тебе б, господине, велеть в Ылимском остроге по нём, Ярке, сыну боярскому Фёдору Пушину в тех великого государя деньгах собрать поручная запись.

А будет, господине, по нему, Ярафее, поруки не будет, и тебе б, господине, тово Ярафея отдать сыну боярскому Фёдору Пушину. А Фёдору Пушину ево, Ярафея, велено до указа великого государя держать на Чичюйском волоку за приставом.» [14]

Фёдор Пушин был послан в Илимский острог не только для сопровождения Хабарова, но и для приёма хлебных запасов в якутский отпуск. Об этом ему была написана память 27 же июля 1660 года. Выехали они на том же дощанике, на котором прибыли с Тугирского волока. Об этом есть запись в книге расхода судов.

Получив хлебные запасы в Илимском остроге, Фёдор Пушин должен был зимой их первезти на устье Куты и на судах сплавить на Чечуйский волок. А далее предписывалось:

«А ему, Фёдору, быть на Чичюйском волоку на Ивашково место Александрова мая с 20 числа [1661 г.] до указу великого государя, до перемены, покамест из Якутцкого острогу ему, Фёдору, перемена будет, и с ним, Ивашком, росписатьца, принять Чичюйской волок и на Чичюйском волоку пашенных крестьян, и взять у него, Ивашка, прежняя наказная память.

Да ему ж, Фёдору, будучи на Чичюйском волоку, 169 [1660—1661] году зимою велети десятинной великого государя хлеб, рожь и ячмень, Чичюйского волоку пахоты, из деревень возить с Рождества господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на мельницу Чичюйского волоку, что о[т]писана мельница на великого государя Ярка Хабарова, и тот хлеб, рожь и ячмень, молоть на той мельнице и готовить тот хлеб к вешнему отпуску, чтоб тот хлеб перемолоть до полые воды.

Да которой хлеб возмёшь на Ярке Хабарове, и тот хлеб зимою и смолоть на той же мельнице, чтоб тот хлеб поспел к вешнему ж отпуску. А весною ту мельницу утопит вода, а к отпуску в Якутцкой тот великого государя хлеб не поспекает.

Да которой хлеб в Ылимском уезде покупан будет на великого государя служилым людям на жалованье, и тот покупной хлеб велеть возить на мельницу по зимнему пути из Ылимского и с Чичюйского уездов, чтоб тот хлеб перемолоть так ж до полые воды.

А у молотья быть великого государя у хлеба в целовальниках служилому человеку Максиму Ермолину Гнутому, или хто будет станет привозить хлеб с стороны на мельницу. И с того хлеба помолу деньги иметь с них, и те деньги класть в ящик, и запечатывать те деньги целовальнику Дёмке Караблёву, печатать своею печатью.

Да тебе ж, Фёдору, выслать весною 169 [1661] году великого государя с хлебными запасы служилого человека Стеньку Симанова с Ывашком Александровым.

И быть ему, Фёдору, на Чичюйском волоку, и делать всякие великого государя дела, и пашенных крестьян ведать по прежней памяти, какову приимешь у Ивашка Александра.» [15]

Первую тысячу пудов хлеба Хабаров уплатил. В приходной книге Якутского острога написано:

«И в нынешнем во 169 1661] году, июня в 21 день, писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Ывану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову с Чечюйского волоку сын боярской Фёдор Пушин. А в отписке его написано, что в прошлом во 168 [1660] году послано к нему, Фёдору, с сыном боярским с Воином Якуниным Ярка Хабарова два сорока дватцать восемь соболей. И он, Фёдор, соболи у него, Воина, взял и отдал ему, Ярку Хабарову. А в то место он, Фёдор, взял у него, Ярка, тысячу пуд ржи. И ту рожь он, Фёдор, прислал в Якутской острог с служилыми людьми с Фетькою Жирком с товарищи.

А ведом тот хлеб в приходной хлебной книге нынешнего 169 [1660—

1661] году. А взят тот хлеб за сто рублёв. И те деньги, сто рублёв, в прошлом во 168 [1660] году из Ярофейковых денег из оклада из доимки выложены. И те деньги, сто рублёв, описаны имянно в денежном сметном списке прошлого 168 [1659—1660] году. А хлеб писан для денежные очистки.

А четыре тысячи четырёхсот дватцати семи рублёв двух алтын не взято, потому что тот Ярко живёт на Киренге. А в Якутцкой острог сентября по 1 число 171 [1662] году в Якутцкой острог не бывал.» [16]

За 1000 пудов ржи, оцененные в 100 рублей, Хабаров взамен получил взятые в залог два сорока двадцать восемь соболей. Поскольку соболю стоил примерно один рубль, то получился вроде бы как равноценный обмен. Но больше уже никаких залогов не было.

Летом 1661 года Хабаров, видимо, за приставом не был, а отправлял зерно Фёдору Пушину и улаживал свои хозяйственные дела. В это время он подавал челобитную Фёдору Пушину о выдаче ему займа железа:

«Велите, государи, дать пуд железа займа. А цену тому железу, что ты укажешь.» [17]

Даты на челобитной нет, и не сам Хабаров её подписывал.

«К сей челобитной вместо Ярафея Хабарова по его велению промышленной Афонька Тютрин руку приложил.»

Отпись за получение этого железа дал племянник Хабарова, и на отписи есть дата.

«Се яз, Киренские волости пашенной крестьянин Ивашко Иванов Кляпиков, принял есми из государевы казны на Чечуйском волоку у сына боярского у Фёдора Пушина по приказу дяди своего Ярофея Хабарова железа кричного пуд против ево, Ярофеева, к великому государю челобитью, какову он, Ярофей, за своею рукою подал челобитную об том железе ему, Фёдору Пушину.

А приёмную отпись писал Лучка Лвов.

7169 [1661] году, июля в 23 день.» [18]

Ивашко Иванов Кляпиков (Клепиков) — это уже второй после Артемия Петриловского племянник Хабарова на реке Лене. К сожалению, о нём мало что известно. Впервые он упомянут в 1658 году, как пашенный крестьянин в деревне Таюра, на правом берегу Лены, в 80 километрах ниже Усть-Кута. В 1659 году о нём сказано, что «Ивашко переведён в Усть-Киренскую волость на выбылое место.» О нём писал в Москву воевода П. Бунаков:

«Да на выморное, государи, место призвал я, холоп ваш, промышленово человека Ивашка Иванова и на вдове, пашенново крестьянина жене, женил и в пашню построил.» [19]

Почему-то воевода назвал его промышленным человеком, может быть потому, что в Таюре он пробыл в пашенных крестьянах совсем немного. При сличении крестьянских книг получается, что он был переведён в ныне исчезнувшую деревню Горбову на правом берегу Лены в 10 километрах выше Чечуйска. А выбыл из этой деревни пашенный крестьянин Игнашка Тимофеев Подставка, ссыльный черкашенин. Видимо, на его вдове и женился Ивашко Клепиков.

У Ивашки Клепикова был сын Якунька. А больше никаких сведений нет. Фамилия Клепиков и сейчас встречается на Лене.

Так как Ивашко Клепиков жил рядом с Чечуйском, ему и поручил получить железо Хабаров. Должнику Хабарову в дополнение к прежнему долгу выдали опять же в долг железо. Однако, это железо нигде не упоминается в последующих документах.

Лучка Львов, который писал отпись в получении железа, был подьячим Чечуйской судной избы, а затем площадным подьячим.

Пока Хабаров ездил на Тугирский волок, место приказчика киренских крестьян не оставалось пустым. Приказчик Чечуйского волока Безсчастный Мощинцов сообщал в Якутский острог:

«В нынешнем во 165 [1657] году, июня в 9 день, Илимского уезду Усть-Киренской волости прикащик Илья Кудрявцов ...» [20]

Затем приказчиком был знаменитый пятидесятник казачий Никифор Черниговский. По его словам:

«В прошлых де во 167 [1659] и во 168 [1659—1660] и во 170 [1661—1662] годах по указу великого государя был он, Микифор, на Лене реке в Ылимском уезде в Усть-Киренских волостях для досмотру и выделу, и пахоты великого государя десятинные пашня у пашенных крестьян на приказе.» [21]

Такие показания давал Никифор Черниговский 5 ноября 1663 года илимскому воеводе Л. А. Обухову. Здесь пропущен один год — 169 [1660—1661]. Поскольку месяцы не указаны, то точные временные рамки определить невозможно. Видимо, в этот пропущенный год приказчиком был Илья Кудрявцев. В челобитной, которую он подал в Сибирском приказе, написано:

«Царю [А. М.] бѣт челом холоп твой Илейка Кудрявцов.

.<...> Вели, государь, меня отпустить на Ярофеево место Хабарова да на Терентьева место Пашкова к пашенным и торговым, и промышленным людям в прикащики в Ылимской уезд на Лену реку в Киренскую волость.» [22]

На обороте челобитной написано крайне неразборчивым почерком:

«169 [1661], февраля в 5 день. Будет наперед сего нет прикащика ..., а никто на Ярково и на Терёшкино место не отпущен, и ему быть.»

На девятый день после этого была написана грамота новому илимскому воеводе Тихону Андреевичу Вындомскому:

«Били челом нам, великому государю, Илья Кудрявцов, чтоб велети нам, великому государю, за прежние ево службы пожаловать: велети ему быти в Ылимском уезде в Киренской волости у наших пашенных крестьян в приказщиках на Ярофеево место Хабарова да на Терентьево место Пашкова.

И как к тебе ся наша великого государя грамота придёт, а вологженин Илья Кудрявцов в Сибирь на Ленской волок в Ылимской острог приедет, и ты б велел ему быть [в] Ылимском уезде в Киренской волости у наших пашенных крестьян в прикащиках на Ерофеево место Хабарова да на Терентьево место Пашкова до нашего великого государя указу.

Писан на Москве, лета 7169 [1661], февраля в 14 день.» [23]

Написано не совсем понятно. Место приказчика было одно. Его попеременно занимали то Терентий пашков, то Ерофей Хабаров, то Никифор

Черниговский. Терентий Пашков, видимо, был приказчиком после отъезда в Москву первого приказчика киренских крестьян Василия Скоблевского в 1655 году и предшественником Хабарова.

А на Чечуйском волоке был назначен новый приказчик — сын боярский Иван Жеглов. Об этом Фёдору Пушину послали наказную память:

«Лета 7169 [1661], августа в 6 день. По указу великого государя [А. М.] память на Чичюйской волок сыну боярскому Фёдору Пушину.

В нынешнем во 169 [1661] году, июля в 31 день, по указу великого государя и по грамоте послан к тебе на перемену Иван Жеглов.

И как к тебе, Фёдору, ся память придёт, а Иван Жеглов приедет на Чичюйской волок, и тебе б, Фёдору, отдать ему прежняя наказная память, какову ты принел у Ивана Александра, и иные указные памяти, и чичюйских всех пашенных крестьян, и с ним, Иваном, росписатьца. А росписався, быть тебе, Фёдору, до указу на Чичюйском волоку.

А как великого государя указ к тебе, Фёдору, будет, и тебе, Фёдору, взять у сына боярского у Ярка Хабарова на великого государя по поручной записи вперёд на 170 [1661—1662] год тысячу пуд муки ржаной и ржи. Тоё муку и рожь, и по Ярке порушную запись привести с собою в Якутцкой острог, и с ведома стольника и воеводы Ивана Фёдоровича большего Голенищева-Кутузова тысячу пуд муки и рожь отдать великого государя в житницу, а поручную запись в Съезжую избу.» [24]

Однако, на этот раз Хабаров рожью расплачиваться не стал, а собрал все имеющиеся у него кабалы (долговые расписки) и передал их Пушину. Долг по ним в денежной оценке был примерно в два с половиной раза больше, чем первый взнос Хабарова. Долги по этим кабалам теперь должна была взыскивать казна, а Хабаров был избавлен от этого, а также от погрузочно-разгрузочных и сплавных работ. Фёдор Пущин с кабалами ездил в Якутский острог. 28 июля 1662 года ему была дана наказная память, в которой написано:

«Как ты, Фёдор, в нынешнем 170 [1662] году приедешь на Чечюйской волок, и ты б, Фёдор, сына боярского Ярофея Хабарова велел сыскать и, сыскав, велел держать за обысками до весны нынешнего 170 [так в тексте, надо: 171 — Г. К.] и велел на нём доправить великого государя в казну от (1000) пуд на нынешней на 170 [1661—1662] год, потому что по ево, Ярофеевым, кабалам, которые послал с ним, Фёдором Пушиным, на 240 рублёв, и в то число взято по одной кабале вместо хлеба 154 пуда, (денег) 15 рублёв 13 алтын. А достальные кабалы отданы ему, Фёдору, на 224 рубли на 20 алтын на две деньги.

А как ты, Фёдор, тоё ржи на нём, Ярофее, доправишь, и тоё б рожь прислать на весну 171 [1663] году и о том отписать к стольнику и воеводе к Ывану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову.

Да тебе ж, Фёдору, взяти на нём, Ярофейке, поручную запись, что ему, Ярофею, великого государя в казну платить со 171 [с 1 сентября 1662] году по 1000 пуд ржи на год. А будет он, Ярофей, такой поруки на себя не зберёт, что ему на на год платить по 1000 пуд, и ты б, Фёдор, по нём собрал поручную запись, чтоб ему платить для ево бедности по 500 пуд ржи ж на год.

И как ты, Фёдор, по нём поручную запись зберёшь, и о том бы тебе отписать, и поручную запись прислать в Якутцкой острог, и подать в Съезжей избе стольнику и воеводе (Ивану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову.)» [25]

Поруки собрать не удалось, и Фёдор Пушин увёз Хабарова на Чечуйский волок, а затем в Якутский острог, может быть, по желанию самого Хабарова, который рассчитывал договориться с якутским воеводой о более мягких условиях взыскания долга.

В Илимском остроге был опять новый воевода Ларентий Авдеевич Обухов. Он написал запрос якутскому воеводе, в котором обвинял Хабарова в том, что тот якобы сбежал в Якутский острог.

Хабаров подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Илимского острогу сынчишко боярской Ярко Хабаров.

В нынешнем, великий государь, во 171 [1663] году писал из Илимского острогу воевода Лаврентей Авдеевич Обухов в Якутцкой острог к твоему великому государя стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову, будто я, холоп твой, Илимского присуду из уездов в Якутцкой острог сбежал.

А меня, холопа твоево, якутцкой сын боярской Фёдор Пушин взял неволею, потому что я у нево, Фёдора, по твоему великого государя указу за приставом, правит на мне в твою великого государя казну за даурские подъёмы, за недоимочные деньги, хлебом, и отослал меня в Якутцкой острог.

Вели, государь, из Якутцкого острогу обо мне отписать в Ылимской острог, чтоб в Ылимском обо мне, холопе твоём, было ведомо, что я, холоп твой, взят в Якутцкой острог неволею, а не збежал.

А для тово твоево великого государя на мне, холопе твоём, доимочново долгу вели, государь, меня из Якутцково острогу в Якутцкой же присуд отпустить за приставом на Чечуйской. И вели на мне, холопе своём, до своево великого государя московсково указу за свой великого государя долг на всякой год в платёж имать по сту пуд ржи. А рожь вели, государь, принимать на Киренге.» [26]

На обороте челобитной написано:

«171 [1663] году, августа 22 день. Отпустить на заимки в Чичюйской за приставом. А велеть по нём взять поручная запись пашенных крестьян Чичюйсково волоку, что ему платить по сту пуд на всякой год безпереводно.

А к воеводе на Илим отписать, что он взят при стряпчем и воеводе при Петре Бунакове великого государя в доимочной казне. А что писано к великому государю к Москве, что было ему давать великого государя в казну по тысяче пуд, и в том хлебе взять было по нём порука, как он, Ярофейко, поруки себе не собрал.»

Таким образом, вместо уплаты тысячи пудов ржи в год воевода согласился на сто пудов и на приём ржи на Киренге, что избавляло Хабарова от сплава и разгрузки хлеба. Хабаров же согласился быть за приставом на Чечуйском волоке, где он надеялся собрать по себе поручную запись, после чего его бы отпустили в Илимский уезд.

А илимскому воеводе Голенищев-Кутузов послал отписку:

«В нынешнем во 171 [1663] году, июля 14, писал ты мне, что приезжал де в Усть-Киренскую волость из Якутцкого уезду с Чечюйского волоку якутцкой сын боярской Фёдор Пущин и увёз с собою сильно из Усть-Киренские волости на Чичюйской волок илимского сына боярского Ярофея Хабарова, а для чего де увёз и какое до него дело, и про то де тебе в Илимском остроге неведомо.

И я нонесь ево, Ярофея, велел взять для того, что на нём, Ярофее, взять великого государя в казну за даурской подъём по кабале 4411 руб. 22 алтына 2 деньги. И тех денег на нём, Ярофее, в Якутцком остроге доправить было никакими мерами немочно, и поруки по нём, Ярофее, в Якутцком остроге в таких больших деньгах никто не держит.

И я, господине, ево, Ярофея, за приставом отпустил в Чичюйской волок и велел по нём, Ярофее, взять поручную запись, чтобы ему, Ярофею, платить за те великого государя деньги по вся годы беспереводно по сту пуд ржи на год.

А как он, Ярофей, поруку по себе даст, и я за неё велел ево, Ярофея, отпустить к тебе в Илимской острог.» [27]

В сметной книге Якутского острога за 171 [1662—1663] год записано:

«А о Ярке Хабарове в нынешнем во 171 году писал с Чичюйского волоку в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Ывану Фёдоровичю большему Голенищеву-Кутузову сын боярской Фёдор Пущин и прислал ево, Ярофея Хабарова. И тот Ярафей в тех деньгах в Якутцком остроге стоял на правеже долгое время. А окупитьца ему, Ярафею, нечим, и поруки по себе в Якутцком остроге не собрал.

И в нынешнем во 171 [1663] году, августа в 22 день, бил челом великому государю [А. М.], а в Якутцком остроге в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большему Голенищеву-Кутузову он, Ярафей, подал челобитную.

А в челобитной ево написано: правят де на нём, Ярафее, в Якутцком остроге великого государя в казну за даурские подъёмы, за недоимочные деньги, хлебом. И чтоб великий государь пожаловал ево, Ярофея: велел из Якутцкого острогу отпустить за приставом в Якутцкой уезд на Чичюйской волок, чтобы ему, Ярофею, до указу великого государя за свой долг на всякой год платить по 100 пуд ржи. А рожь бы великий государь велел принимать на Киренге.

И в нынешнем же во 171 [1663] году по ево, Ярафееву, челобитью для поручной записи он, Ярафей, за приставом отпущен на Чичюйской волок с атаманом казачьим с Ортемьем Петриловским. И велено ему, Ортемью, собрать по нём, Ярафее, на Чичюйском волоку поручная запись чичюйских пашенных крестьян, что ему, Ярафею, за те великого государя деньги платить на всякой год беспереводно по 100 пуд ржи, и взяв по нём поручную запись, привести в Якутцкой острог и подать в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большему Голенищеву-Кутузову.

А что преж сего он, Ярафей, бил челом великому государю, что было ему за те великого государя деньги платить беспереводно по 1000 пуд ржи

на год, и он, Ярафей, в тех деньгах и в хлебе по себе в Ылимском остроге добыть не мог.

И он, Ярофей, ныне отпущен на Чичюйской волок для поручной записи.» [28]

В наказной памяти племяннику Хабарова Артемию Петриловскому написано:

«Лета 7171 [1663], августа в 24 день. По указу великого государя [А. М.] память Якутцкого острогу атаману казачью Ортемью Петриловскому.

В нынешнем во 171 [1663] году, августа в 22 день, бил челом великому государю [А. М.], а в Якутском остроге в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову подал челобитную Илимского острогу сын боярской Ярафей Хабаров.

А в челобитной ево написано: правят де на нём, Ярке, в Якутском остроге великого государя в казну за амурские подъёмы, за недоимочные деньги, хлебом, и чтобы великий государь ево, Ярафея, пожаловал: велел ево, Ярафея, из Якутцкого острогу отпустить за приставом в Якутцкой уезд на Чичюйской волок, чтобы ему, Ярафею, до указа великого государя за свой долг на всякой год платить по сту пуд ржи. А рожь бы великий государь велел принимать на Киренге.

И по указу великого государя [А. М.], он, Ярафей, на Чичюйской волок отпущен за приставом с тобою, Ортемьем. А на нём, Ярафее, взять великого государя в казну по кабале за даурской подъём 4421 рубль 22 алтына.

А приехав тебе, Ортемью, на Чичюйской волок, собрать по нём, Ярке, поручная запись чичюйских пашенных крестьян в том, что ему, Ярофею, за те великого государя деньги платить на всякой год безпереводно по сту пуд ржи. А собрав по нём поручную запись, ево, Ярафея, отпустить в Ылимской острог. А поручную запись привести в Якутцкой острог и подать в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову.

А будет он, Ярафей, поруки по себе не зберёт, и тебе, Ортемью, ево, Ярафея, привести назад в Якутцкой острог и объявить в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большому Голенищеву-Кутузову.

А на нынешней на 171 [1662-1663] и вперёд на 172 [1663—1664] год тебе на нём, Ярафее, взять по сту пуд, и тебе, Ортемью, привести в Якутцкой острог.» [29]

Поруки и на этот раз собрать не удалось. В сметной книге на 172 [1663—1664] год написано:

«А Ярко Хабаров в прошлом во 171 [1663] году по ево челобитью отпущен был на Чичюйской волок с атаманом с Ортемьем Петриловским, чтоб ему, Ярку, собрать по себе поручная запись, что ему платить за те деньги по 100 пуд на год хлебом.

И в нынешнем во 172 [1664] году атаман Ортемей Петриловской с Чичюйского волоку в Якутцкой острог приехал и Ярка Хабарова привёз в Якутцкой острог. А сказал он, Ортемей, что де по нём, Ярке, на Чичюйском волоку поруки ни кто в хлебе не держал.

И он, Ярко, в Якутском остроге стоял на правеже многое время, и отку-

питьца ему, Ярку, нечим, и поруки по себе в Якутском остроге не собрал. И бил челом великому государю словесно, чтоб великий государь пожаловал ево, Ярка: велел дать сроку до 173 [1644—1645] году.

И он, Ярко, в нынешнем во 172 [1664] году отпущен на Чичюйской волок.» [30]

О приезде Артемия Петриловского в Якутский острог есть запись в таможенной книге за 172 [1663—1664] год:

«Июня в 10 день [1664 г.] с Чичюйского волоку великого государя с хлебными запасы у атамана казачья у Ортемья Петриловского принято:

дошаник мерою одиннатцать сажен

лотка-пятерик

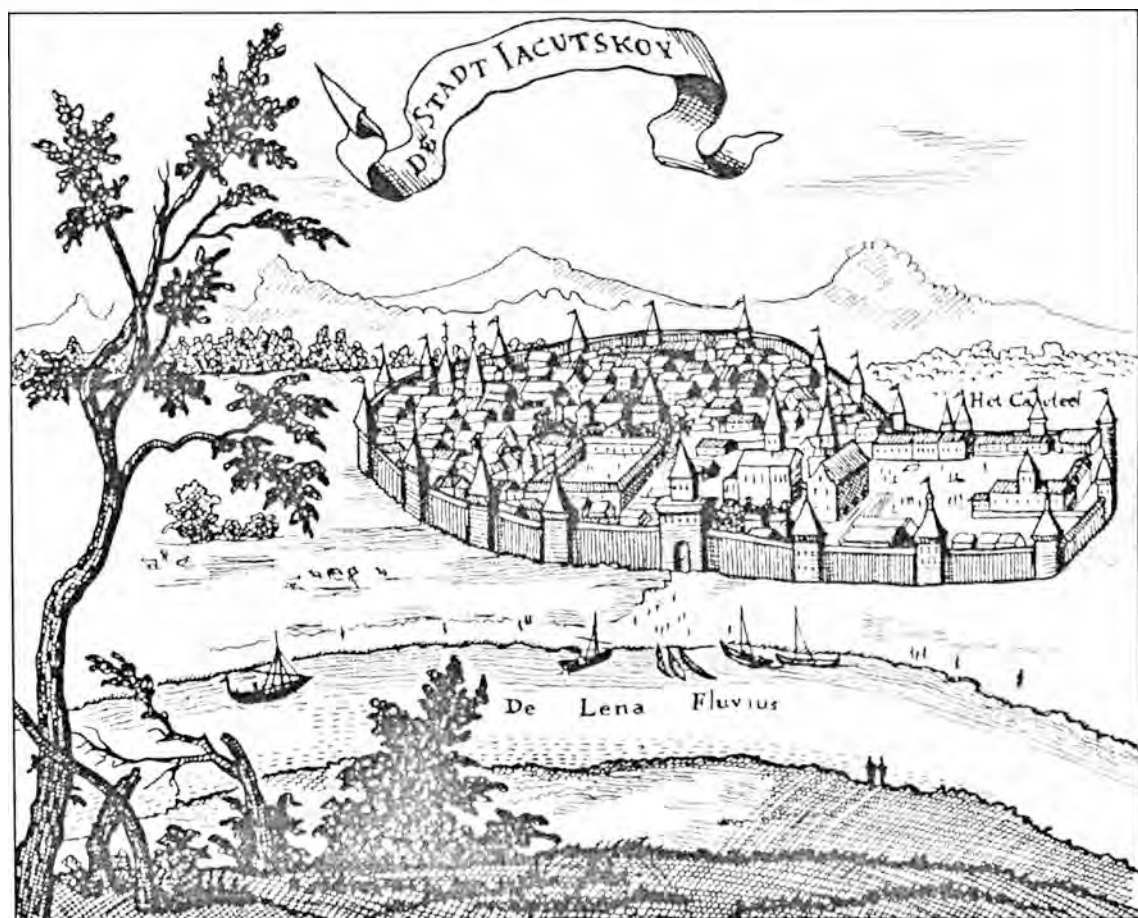
бечевы обрывок мерою пятьдесят сажен

парус мерою пятьсот девяносто аршин

да тово ж паруса пятнатцать мешков мерою шестьдесят аршин

да судовых снастей: дрог девятнатцать сажен, да ног и возжей, и скутов, и роки, подзору и коньковой, и бурендука, и петель, и причалки сто одиннатцать сажен,

которой дошаник и парус, и судовые снасти, и лотка даны были ему в прошлом во 171 [1663] году в Якутском остроге — взято.» [31]

Якутск. С рис. XVII в.

А за это «многое время» происходили следующие события. Приплыв в Якутский острог, Хабаров 15 июня 1664 года подал жалобу на Фёдора Пушина.

«Жалоба, великие государи, мне, холопу вашему, Якутцкого острогу на сына боярского на Фёдора Иванова сына Пушина.

В прошлом, великие государи, во 171 [1663] году был я, холоп ваш, у нево, Фёдора, за приставом в вашем великих государей в даурском долгу.

И взял он у меня, холопа вашево, в вашу государеву казну за ваш государев долг амурской на Киренге из моего анбара на мельнице чetyреста пуд ржи. А под тот ваш великих государей должной хлеб имал он, Фёдор, суды у служилых людей, у сына боярсково у Петра Ярышкина, для грузки и сплавки Якуньку Паршина да Сеньку Прибылово с товарищи. И взяв, оне, служилые люди, тот ваш великих государей должной хлеб, приплавил на Чечуйской и сносили к нему, Фёдору, в анбар. И тем вашим великих государей хлебом владеет он, Фёдор, а в вашу государеву казну тово хлеба он не положил.

Да он же, Фёдор, взял по моим, холопа вашево, кабалам в тот же ваш великих государей долг на пашенных крестьянх семьдесят пуд ржи. И тово он хлеба в вашу государеву казну не положил же. А збирали тот хлеб по кабалам служилые люди Фарко Тимофеев с товарищи.

<...> Велите, государи, тот свой великих государей хлеб, которой взял он, Фёдор, у меня, холопа вашево, из моего анбара и по кабалам моим на пашенных крестьянх, у нево, Фёдора, взять в вашу государеву казну и заверстать мне за мой, холопа вашево, даурской долг.» [32]

Упомянутый здесь служилый человек Фарко Тимофеев служил ранее в амурском войске Хабарова. В послужном списке Онофрия Степанова он записан среди охочих амурских казаков, пришедших на Амур с Ерофеем Хабаровым во втором приходе: «Фарафонко Тимофеев бился явственно.» [33] После разгрома войска вышел на Лену в 1660 году с атаманом Артемием Петриловским не как рядовой казак, а как есаул.

Якунька Паршин также был в амурском войске. Пришёл туда с Артемием Петриловским. Записан в послужном списке: «Якунька Парфёнов бился явственно.» [34]

«И против челобитной стольник и воевода Иван Фёдорович большей Голенищев-Кутузов велел допросить служилых людей Сеньку Прибылово, Якуньку Паршина, Фарка Тимофеева с товарищи, которые тот великих государей хлеб грузили в дощаники и приплавил на Чичуйской волок, и сносили к нему, Фёдору, в анбар. И те служилые люди, Сенька Прибылой, Якунька Паршин, Фетька Попинка, Ивашко Соловьянин, сказали:

В прошлом де во 171 [1663] году взял де их, Сеньку с товарищи, сын боярской Фёдор Пушин у сына боярского у Петра Ярышкина и послал великих государей по хлеб к Ярофею Хабарову. И оне де, Сенька с товарищи, по тот великих государей хлеб на Киренгу к Ярофею Хабарову ходили и взяли у него, Ярофея, в анбаре великих государей чetyреста пуд ржи, и тот хлеб грузили великих государей в дощаник, и приплавил на Чичуйской волок, [и] к нему, Фёдору, в анбар сносили. И ис тово де хлеба он, Фёдор, дал сыну

своему Григорью сто пуд ржи. И он де, Григорей, того хлеба в Якутцкой не привёз, и оставил на Чичуйском же волоку на мельнице.

Фарко Тимофеев сказал: взял де ево, Фарка, с Ывашком Лаврентьевым сын боярской Фёдор Пушин у сына боярского у Петра Ярышкина долгового хлеба по Ярофеевым кабалам Хабарова выбирать на великих государей. И он де, Фарко, с Ывашком Лаврентьевым тот хлеб по ево, Ярафеевым, кабалам на пашенных крестьянех семьдесят пуд ржи выбрали на великих государей и отдали на Чичуйском же волоку ему, Фёдору Пушину. И он де, Фёдор, велел тот хлеб сносить к себе в анбар. И он де, Фарко, хлеб к нему, Фёдору, в анбар и сносили.

И стольник и воевода Иван Фёдорович большей Голенищев-Кутузов велел сына боярского Петра Ярышкина допросить, дал ли он, Пётр, на Чичуйском волоку сыну боярскому Фёдору Пушину служилых людей принять великих государей хлеб за долг у Ярофея Хабарова.

И он, Пётр, в допросе сказал: дал де он, Пётр, сыну боярскому Фёдору Пушину принять великих государей хлеб за долг Ярафея Хабарова служилых людей Сеньку Прибылого с товарищи, всего шесть человек. И тот де хлеб он, Фёдор, хотел послать с теми служилыми людьми в Якутцкой острог. А прислал ли тот хлеб он, Фёдор, в Якутцкой или нет, тово де он, Пётр, не ведает.

И стольник и воевода Иван Фёдорович большей Голенищев-Кутузов велел выписать ис приходной книги 171 [1662—1663] году, есть ли тот взятой хлеб Ярофея Хабарова в присылке от Фёдора Пушина в Якутцкой острог. И в присылке тово хлеба от Фёдора Пушина в прошлом во 171 [1662—1663] и 172 [1663—1664] годах в Якутцком остроге нет.» [35]

Воевода указал:

«Послать память [с] служилым человеком с Гришкою Атарским да с ним же трёх человек служилых. Фёдора Пушина велеть взять в Якутцкой. А что у нево достанет хлеба, и тот хлеб, четыреста семьдесят пуд, взять на великого государя. А достальной хлеб, что у нево за тем останется, отдать ему. А будет хлеба у него не сыщется чево, и ево по тому ж взять в Якутцкой.» [36]

В сентябре 1664 года Хабаров приехал из Якутска на Чечуйский волок, видимо, вместе с Григорием Атарским. Дело шло к зиме, и Фёдор Пушин, вопреки указу воеводы, счёл благоразумным отложить поездку в Якутск до весны. Кроме того, он подал челобитную приказному человеку Чечуйского волока. На этой должности был в то время Иван Деревня.

«Жалоба, великие государи, мне, холопу вашему, Илимского острогу на сына боярсково на Ярофея Хабарова.

В прошлом, великие государи, во 172 [1664] году бил челом вам, великим государем, он, Ярофей, Якутцкого острогу в Съезжей избе вашему великих государей стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большему Голенищеву-Кутузову, на меня, холопа вашего, подал челобитную, что будто се я, холоп ваш, взял у него, Ярофея, на вас, великих государей, хлебного запаса, ржи, четыреста семьдесят пуд.

И он, Ярофей, тем своим челобитьем вам, великим государем, оболгал, а меня, холопа вашего, поклепал напрасно. Которой ево, Ярофеев, хлеб взят

был с Усть-Киренги на Чечюйской волок, и тот хлеб он, Ярофей, живучи на Чечюйском волоку за приставом, издержал, и племяннику своему и покручеником роздавал. А иново никакова ево, Ярофеева, хлеба у меня нет.

И против ево, Ярофеева, челобитья тот хлеб велено на мне, холопе твоём, править без сыску и без очные ставки. А он, Ярофей, ныне едет мимо Чечюйской волок в Ылимской уезд.

<...> Велите, великие государи, с Чечюйского волоку ево, Ярофея, и меня, холопа своего, и тех людей, кому тот свой хлеб роздавал, против моей росписи выслать за приставом в том хлебе для подлинного сыску в Якутцкой острог.» [37]

К сожалению, роспись не сохранилась. А едет в Илимский уезд потому, что на этот раз удалось собрать поручную запись.

На Чечюйском волоке находились в это время якутский сын боярский Тимофей Чернышевский и хлебный приемщик Дмитрий Хохряков. По просьбе Хабарова они написали по нём поручную запись о том, что он весной 1665 года приедет в Якутский острог:

«Се яз, Якутцкого острогу сын боярской Тимофей Семёнов Чернышевской, да яз, пятидесятник казачей Дмитрий Никитин Хохряковых, поручились есми на Чичюйском волоку служилому человеку Ивашку Михайлову Деревне Илимского острогу по сыне боярском по Ярафее Хабарове в том: стати ему, Ярофею, за нашею порукою в Якутцком остроге в Съезжей избе перед стольником и воеводою Иваном Фёдоровичем большим Голенищевым-Кутузовым нынешняго 173 [1665] году по вешнему первому пути против челобитья сына боярского Фёдора Пущина.

А буде он, Ярофёй, нынешняго 173 [1665] году весною по первому вешнему пути за нашею порукою не станет в Якутцком остроге перед стольника и воеводу Ивана Фёдоровича большего Голенищева-Кутузова, и на нас, на порутчиках, великих государей пеня. А пеню, что они, великие государи, укажут. И против ево, Фёдора Пущина, челобитья великих государей хлеб, четыреста семьдесят пуд, на нас же, порутчиках, и вся порука сполна.

На то послух Лука Лвов новгородец.

Поручную запись писал на Чичюйском волоку Петрушка Семёнов Жаравлёв.

Лета 7173 [1664], сентября в 29 день.»[38]

На обороте рукоприкладства Хабарова, «порутчиков» и «послуха.»

Получить эту поручную запись было нелегко. «Порутчики» не были уверены, что Хабаров поедет в Якутск, и на всякий случай взяли с Хабарова «подпоручную запись» — ручательство в письменном виде, что он не обманет их. К тому же помогло и личное знакомство. Дмитрий Микитин Хохряков был покручеником Хабарова во время первого прихода на Амур, затем быстро пошёл в гору и стал на Амуре у Хабарова десятником. [39] Поручных записей в архивных документах встречается великое множество, а вот подпоручная запись мне попала впервые:

«Се яз, Илимского острогу сын боярской Ярофей Хабаров, дал есми сию на себя подпоручную запись Якутцкого острогу порутчикам своим, сыну боярскому Тимофею Семёнову сыну Чернышевскому да пятидесятнику

Дмитрею Микитину [Хохрякову — Г. К.] в том, что в нынешнем во 173 [1664] году, будучи на Чечуйском волоку, ручались оне, Тимофей и Дмитрий, по мне, Ярофее, что стать мне, Ярофею, за их порукою в Якутском остроге в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Фёдоровичем большим Голенищевым-Кутузовым в нынешнем 173 [1665] году на весне, по первой поле воде, по челобитью Якутцкого острогу сына боярского Фёдора Пущина в ыску в четырёхстах в семидесяти пудах во ржи.

И будет я, Ярофей, в том деле за их порукою в Якутском остроге не стану в Съезжей избе, стольнику и воеводе в нынешнем во 173 [1665] году не объявлюся, а им, порутчикам, каков в том деле учиню убыток, и им, порутчиком тот иск и убытки поделять на мне, Ярофее, и на животе моём, где мой живот сведают.

А убытков и волокиты, что оне, Тимофей и Дмитрий, скажут, велеть им, Тимофею и Дмитрею, в том деле меня, Ярофея, имать и вязать, в Якутской острог везти. А мне, Ярофею, по сей подпоручной записи ничем никаким не отниматьца.

А будет мне, Ярофею, до того сроку случит Бог смерть, и после смерти где мой живот или насеяной хлеб объявитца, или хто за статки животов моих приметце, им, порутчиком, по тому же тот иск и убытки исцелять на животе моём.

В том я, Ярофей, и подпоручную запись дал.

На то послух Пётр Семёнов сын Жаравлёв.

Запись писал Лучка Лвов.

Лета 7173 [1664] году, сентября в 29 день.» [40]

На обороте: «Ярофийко Павлов руку приложил.»

А у Ф. Г. Сафронова читаем:

«Будучи человеком известным, со связями, Хабаров легко нашёл поручителей и вернулся в Усть-Киренскую слободу, где и прожил ещё несколько лет.» [41]

Поскольку Хабарову удалось получить поручную запись о том, что весной 1665 года он приедет в Якутский острог, держать его на Чечуйском волоке за приставом не было смысла. Поэтому Фёдор Пущин и написал в своей челобитной, что «Ярофей ныне едет мимо Чечуйской волок в Ылимской уезд.»

Хабаров в это же время отдал в казну в счёт своего долга 30 пудов ржи хлебному приёмщику Дмитрию Хохрякову, который упомянут в поручной записи. Это отмечено в сметном списке Якутского острога на 173 [1664—1665] год.

«И в нынешнем во 173 [1665] году в то число по ево, Дмитриевым [Францбекова — Г. К.] кабалам и по отписком хлебной приёмщик пятидесятник казачей Митька Хохряков взял на Ярке Хабарове великого государя в казну 30 пуд ржи. И тот хлеб у него, Митьки, в Якутском остроге взят великого государя в казну и роздан служилым людем великого государя в жалованье.

И в сметном в хлебном списке нынешнего 173 году тот хлеб написан же. А в сем сметном списке тот хлеб написан для ведома долговые взятки.

И стольник и воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов велел Ярку тот хлеб зачесть в те доимочные деньги по 10 алтын за пуд. И тот хлеб зачтён ему, Ярку, в те доимочные деньги по 10 алтын за пуд.

А к тому донять во 174 [1665—1666] году по тем же Дмитриевым кабалам и по отпуском 6407 рублёв 7 алтын пол 5 деньги. [Это общий долг Е. Хабарова и Ю. Селивёрстова — Г. К.]

И тех денег на Ярке Хабарове не взято, потому что он, Ярко, в нынешнем во 173 [1665] году, сентября по 1 число 174 [1665] году, в Якутцкой острог не бывал.» [42]

О том что происходило в 1665 году, будет рассказано дальше.

Поручная запись была отправлена в Якутский острог, видимо, с Григорием Атарским. Приехав туда, он подал «доезд» — отчёт о своей поездке.

«Лета 7173 [1664], ноября в 28 день. По указу великих государей и приказу стольника и воеводы Ивана Фёдоровича большего Голенищева-Кутузова, и по наказной памяти в прошлом во 172 [1664] году послан был я, Гришка Атарской, из Якутцкого острогу на Чечуйской.

А велено мне Якутцкого острогу у сына боярского Фёдора Пушина по челобитью сына боярского Ярофея Хабарова государевых хлебных запасов взять четыреста семьдесят пуд, и ево, Фёдора, привести в Якутцкой острог.

И хлебных запасов у нево, Фёдора, никаких я не нашёл. А в Якутцкой острог он, Фёдор, не поехал, для того, что хлебных запасов у нево нет ни пуда. А сказал он то, что будет он в Якутцкой острог нынешняго 173 [1665] году на весну, собравши зимою хлебных запасов, и с теми хлебными запасы, что великие государи укажут. Да он же сказал, что плыть ему не на чем. Дощаник у нево взят под государевы запасы в Якутцкой острог.

В том я, Гришка, и доезд свой подал.

Доезд писал служивой человек Ондрюшка Цявловской.

Лета 7173 [1664], ноября в 28 день.» [43]

Летом 1665 года Фёдор Пушин приплыл в Якутский острог и подал челобитную:

«В прошлом, великие государи, во 172 [1664] году бил челом я, холоп ваш, вам, великим государем, на Чечуйском волоку на илимского сына боярского на Ярофея Хабарова, чтоб ему в нынешнем во 173 [1665] году весною в Якутцком остроге в Съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Фёдоровичем большим Голенищевым-Кутузовым в ево, Ярофеевом, ложном челобитье со мною, холопом вашим, стать на очную ставку.

И по моему, холопа вашево, челобитью взята по нём, Ярофее, поручная запись, что ему стать в Якутцкой острог. И он по сё время в Якутцкой острог не бывал, своего ложново на меня, холопа вашево, челобитья отбывал.

<...> Велите, великие государи, по той Ярофеевой поручной записи, что он дал на себя запись, а в Якутцкой острог не бывал, свой великих государей указ учинить.» [44]

На обороте воевода указал весьма неопределённо:

«173 [1665] году, июля в 16 день. Записать челобитье.»

«И стольник и воевода Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов велел сына боярского Фёдора Пушина допросить, взял ли он, Фёдор, Илим-

ского острогу у сына боярского у Ярофея Хабарова на великих государей хлебных запасов четыреста семьдесят пуд ржи.

И сын боярской Фёдор Пущин в допросе сказал: указано де ему, Фёдору, взять на илимском сыне боярском на Ярофее Хабарове на великих государей хлебных запасов за даурской подъём. И на нём, Ярофее, взять было, опроче еменново и семенново хлеба, никаково хлеба нечево, потому что у него, Ярофея, во 171 [1663] году хлеба было мало. И тот де еменной и семенной хлеб у него, Ярофея, за долги и запечатан печатью киренского прикащика Терентья Пашкова.

А он де, Ярофей Хабаров, жил на Чичюйском волоку у него, Фёдора, за приставом. И он де, Ярофей, слыша, что без него, Ярофея, хлеб взят безостатку, и послал де его, Фёдора, на Киренгу, чтоб ему, Фёдору, тот хлеб взять и сплавить к нему, Ярофею, на Чечюйской волок, чем бы ему, Ярофею, сыту быть впредь, и землю засеять.

И он де Фёдор ездил на Киренгу, и взял у сына боярского у Петра Ярышкина на великих государей дощаник.

А что де его, Ярофеева, хлеба было небольшая, и тот де хлеб он, Фёдор, привёз на Чичюйской волок с племянником его с Якунькою. А сколько де того его, Ярофеева, хлеба было того де он, Фёдор, не ведаёт. А сыпал де он, Фёдор, его, Ярофеев, хлеб в тот дощаник без меры и в приём де того хлеба не принял.

А дощаник де он, Фёдор, которой взял у Петра Ярышкина, отдал назад ему, Петру. И он де, Пётр, в тот дощаник нагрузил великих государей хлебные запасы, киренскую пахоту. И ис того де хлеба на Чичюйском волоку отдал он, Ярофей, племяннику своему Якуньке восемьдесят пуд ржи. Да человеку своему Митьке Левонтьеву — тридцать пуд. Да пашенному крестьянину Кирилку Кобелю — тридцать пуд на семена. А достальной де хлеб посылал он, Ярофей, к нему, Кирилку Кобелю, засеять землю, что он, Ярофей, сеел в Чичюйском уезде, для того, чтоб ему, Ярофею, было чем заплатить великих государей в казну за долговые великих государей деньги. И иного де хлеба его, Ярофеева, никакова не осталось.

И в том де во 171 [1663] году был он, Ярофей, в Якутском остроге и на него де, Фёдора, в том хлебе он, Ярофей, великим государем не бивал челом. А бил челом он, Ярофей, о строке, покамест уродитца у него, Ярофея, хлеб.

И в прошлом же во 172 [1664] году, приплыв он, Ярофей, в Якутской острог, бил челом великим государем, а в Якутском остроге в Съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Фёдоровичю большему Голенищеву-Кутузову на него, Фёдора, в том хлебе ложно, будто он, Фёдор, взял у него, Ярофея, в прием четыреста семьдесят пуд ржи. И служилых людей в свидетели на тот хлеб поставил Сеньку Прибылого, Якушку Паршина, Федьку Попинку, кои у него, Ярофея, пили и ели, что де он, Фёдор, тот хлеб взял в приём весом. И он де, Ярофей, оболгал челобитьем своим. И бил челом великим государем ложно, не делом.

И в нынешнем же во 173 [1665] году, зимою, он же, Фёдор Пущин, бил челом великим государем, а на Чичюйском волоку приказному Ивашку Бурлаку подал челобитную, чтоб великие государи его, Фёдора, пожало-

вали: велели с ним, Ярофеем, дать очную ставку в Якутском остроге в том, что поклепал ево, Фёдора, в том хлебе напрасно.

И он, Ярофей, дал на Чичуйском волоку по ево, Фёдорову, челобитью поручную в том, что ему стать с ним, Фёдором, в Якутском остроге на очную ставку. И в поручной де записи он, Ярофей, порутчиков написал сына боярского Тимофея Чернышевского да пятидесятника Митьку Хохрякова.

А в поручной ево записи написано: будет он, Ярофей, не станет в Якутском с ним, Фёдором, на очную ставку, и им, порутчиком, имать из живота ево, Ярофеева, хлеб и платить великого государя в казну мимо ево, Ярофея.

И он, Ярофей, заочи вину свою, что он, Ярофей, ево, Фёдора, поклепал напрасно, что тот хлеб роздал он, Ярофей, сам, а на очную ставку в Якутской острог не бывал.» [45]

Здесь, видимо, Фёдор Пущин сказал не совсем точно. Поручную запись, как следует из самих документов, писали не зимою, а в конце сентября, и приказным человеком по свидетельству «порутчиков» в то время на Чечуйском волоке был не Иван Бурлак, а Иван Деревня. Видимо, в это время была смена приказчиков.

Упомянутый здесь племянник Хабарова Якунька был не племянником, а сыном племянника Ивашки Иванова Кляпикова, который в то время пахал в деревне Горбовой, в 10 километрах выше Чечуйска. А слово «племянник» в те времена часто употреблялось в смысле «родственник».

Так как Хабаров в Якутский острог не приехал, отвечать за него должны были его «порутчики». Фёдор Пущин подал челобитную.

«В нынешнем, великие государи, во 173 [1664] году бил челом я, холоп ваш, великим государем, а на Чечуйском волоку подал челобитную приказному человеку Ивану Бурлаку на илимского сына боярсково на Ярофея Хабарова, чтоб ево, Ярофея, выслатъ в Якутской острог перед стольником и воеводою перед Иваном Фёдоровичем большим Голенищевым-Кутузовым для очные ставки в том, что он, Ярофей, бил челом вам, великим государем, на меня, холопа вашево, ложно, будто я у него завладел хлебом.

И по моему, холопа вашево, челобитью на Чечуйском волоку взята поручная запись в том, что ему стать в Якутской острог. И та поручная запись прислана в Якутской острог. А он, Ярофей, по сё время в Якутской острог не бывал.

<...> Велите, великие государи, по записе порутчиков, которые по нём, Ярофее, ручались, поставить их в Съезжую избу перед стольника и воеводу перед Ивана Фёдоровича большово Голенищева-Кутузова и допросить их, для чево оне ево, Ярофея, в Якутской острог не поставили, и по тому велите, великие государи, указ учинить.» [46]

«Порутчики» написали челобитную:

«В нынешнем, великие государи, во 173 [1664] году, будучи мы, холопи ваши, на Чечуйском волоку, поручились по илимском сыну боярском по Ярофею Хабарову в том, что ему стать было в Якутской острог в нынешнем во 173 [1665] году по первой полой воде в Съезжую избу перед стольника и воеводу Ивана Фёдоровича большово Голенищева-Кутузова для очные ставки Якутсково острогу с сыном боярским с Фёдором Пушиным. И в том

у нас, холопей ваших, на Чечюйском волоку в Судную избу взята по нём, Ярофее, поручная запись. А он, Ярофей, нам, холопом вашим, для веры и очищения за своею рукою дал захребетную запись.

И как располилася вода, и он, Ярофей, с нами в Якутцкой острог не поехал и учинился силён. И ныне Фёдор Пушин по той поручной нас, холопей ваших, хочет изубытчить, и иск свой, хлебной запас, в вашу великих государей казну в ево место хочет на нас взять.

А он, Ярофей, в захребетной своей записи написал: будет он, Ярофей, в Якутцкой острог не поедет и нас порутчиков изубытчит, и мы, порутчики, будет ево, Ярофеевы, животы где сведаем, и нам, холопом вашим, убытки исцелять на тех ево, Ярофеевых, животах.

И ныне нам, холопом вашим, иск у Фёдора Пушина в вашу великих государей казну тех хлебных запасов платити нечем, людишка бедные и хлебом скудны.

А ведомо нам, холопом вашим, вподленник, что он, Ярофей, в Чечюйском уезде сеял на себя своево хлеба тринадцать десятин.

<...> Велите, великие государи, по той ево, Ярофеевой, заручной записи нас, холопей своих, не убытчить в ваши великих государей хлебные запасы Фёдора Пушина, и на иску пашенным крестьяном с поля снять и обмолотить ево, Ярофеева, посеву в Чечюйском уезде з десятин, потому что он, Ярофей, учинился силён и в Якутцкой острог для очные ставки перед стольника и воеводу Ивана Фёдоровича большово Голенищева-Кутузова не поехал.» [47]

К своей челобитной порутчики приложили подпоручную запись. На ней воевода написал: «173 [1665] году, июня в 27 день. Взять к челобитью.»

А на обороте челобитной указал не очень разборчиво: «173 [1665] году, июня в 27 день. Допросить пашеннова, сеел ли Ерофей Хабаров на себя хлеб и пашенными крестьяны велеть жать ... сыскать сеел ли Ерофей хлеб свой. И будет скажут, что сеел, и сколько десятин, и та десятина велеть выжать крестьяном посполу. Велеть на великого государя против ево, Ярофеевы, записи, какову он дал порутчиком своим ...»

Осенью 1665 года один из порутчиков Тимофей Чернышевский был послан на Чечуйский волок для приёма урожая с пашни, засеянной семенами Хабарова. Возвратившись в Якутский острог, он подал «сказку»:

«174 [1665] году. По указу великих государей и по приказной памяти стольника и воеводы Ивана Фёдоровича большого Голенищева-Кутузова послан был сын боярской Тимофей Чернышевской по поруке своей, что он, Тимофей, ручался Илимского острогу по сыне боярском по Ярофее Хабарову в четырёхстах и семидесят пудех ржи. И послан был он, Тимофей, на Чечуйской волок по тот запас к приказному человеку к Фёдору Тышкевичю по тую пахоту Ярофея Хабарова. И та пахота Ярофеева была пахана з пашенным крестьянином Чечуйской волости с Кирилом Кобелем.

И он, Фёдор, тех пашенных крестьян не спрашивая, и хлеба того не велел молотить, и сыну боярскому Тимофею Чернышевскому в якутской отпуск только сто пуд дал.

Скаску писал я, Тимофей, своею рукою.» [48]

Сто пудов — это урожай с одной-двух десятин. А Хабаров сеял тринад-

цать десятин. Чем объяснялось такое поведение Фёдора Тышкевича, непонятно, все равно же хлеб шёл в государеву казну. Два ссыльных поляка не могли найти общий язык.

В 1685 году о Тимофее Чернышевском в Сибирском приказе сделана следующая запись:

«В записной книге Сибирского приказу о ссыльных о польских и о литовских людех написано:

В прошлом в 163 [1655] году, июня в 31 день, по памяти из Розряду за приписью дьяка Ивана Темирязева послан в Сибирь на вечное житьё в Якуцкой в дети боярские польские породы шляхта Тимофей Чернышев. <...>

В прошлом во 168 [1659—1660] году по указу блаженные памяти великого государя [А. М.] и по грамоте прислан с Москвы в Якуцкой польские породы иноземец Тимофей Чернышевской. А велено ему быть в Якуцком в детех боярских. <...>

И служил он, Тимофей, в Якуцком со 168 по 179 [1670—1671] год, одиннадцать лет. И во 179 в Якуцком умре.» [49]

У Кирила Кобеля Хабаровов сеял не случайно. Бывший красноярский казак Кирил Игнатъев Кобель пришёл в амурское войско вместе с Хабаровым во втором его приходе. Своих денег на подъём не хватало, и он занял их у Хабарова. Среди кабал, переданных на хранение якутскому воеводе Д. Францбекову, упомянута «кабала на красноярских казаков на Стеньку Савина да на Кирилка Игнатъева займов у Ярофея Хабарова в десяти рублех». В кабале записано:

«Се яз, Степан Савин, да яз, Кирило Игнатъев, красноярского острогу казаки, заняли есми в Якуцком остроге у Ерофея Павлова сына Хабарова десять рублёв денег московских ходячих без приписи до сроку до Христова дни 159 [1651] году без росту. А по сроце — рост на пять шестой.

Где ся кабала заимщиков застанет, тут по ней суд и правёж. Хто с кабалою станет, тот и истец.

На то послух Якуцкого острогу площадной подьячей Вахромей Максимов. Лета 7158 [1650], июля в 5 день.» [50]

На обороте: «К сей кабале вместо заимщиков Стефана Савина да Кирила Игнатъева по их велению Андрюшка Акинфеев Балакшин руку приложил.

Послух Вахромейко Максимов руку приложил.»

В сметном списке Якутского острога на 174 [1665—1666] год написано:

«В нынешнем во 174 [1665] году писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Ивану Фёдоровичю большему Голенищеву-Кутузову с Чичюйского волоку приказной Фёдор Тышкеев.

А в отписке ево написано: взял де он, Фёдор, по Ярофееве кабале Хабарова за доимочные деньги на пашенном крестьянине на Кирилке Кобеле 100 пуд ржи. И тот хлеб он, Фёдор, прислал в Якутцкой острог с сыном боярским с Тимофеем Чернышевским.

И в Якутцком остроге у него, Тимофея, в контарной вес взято 96 пуд 40 гривенок ржи. И недовёз он, Тимофей, против отписки Фёдора Тышкеева 3 пуда 32 гривенки ржи. И тот хлеб взяти на нём, Тимофее.» [51]

Однако, этот хлеб был взят, видимо, по какой-то другой кабале. Сто пудов стоили гораздо дороже. Ведь воевода Голенищев-Кутузов принимал у Хабарова пуд ржи за десять алтын.

Во время приезда в амурское войско Дмитрия Зиновьева Кирил Кобель был десятником. [52] Он участвовал в обороне Комарского острожка. Кирилко Игнатьев и Стенька Савин записаны в послужном списке Онофрия Степанова Кузнеца. [53] Кирилко Игнатьев Кобель был послан Онофрием Степановым Кузнецом в 1655 году с соболиною казною и с отписками в Якутск, и обратно на Амур не вернулся. В 1655 и 1660 годах о нём упоминается, как о квасном и банном откупщике в Жиганах (в 760 км ниже Якутска). [54] В конце 1661 года он подавал челобитную о сдаче откупа:

«Вели, государь, с меня жиганской квасной и банной откуп снять.» [55] На обороте челобитной написано: «Отказать ему до указу». Вскоре желающий получить квасную и баню на откуп нашёлся:

«Царю [А. М.] бьёт челом сирота твой, промышленной человек Петрушка Григорьев устюжанин.

<...> Вели, государь, в Якутском уезде в Жиганех квасную и баню торговую против нынешняго 169 [1661] году, как держал старой откупщик Кирило Игнатьев сын Кобель, отдать на откуп впредь на 170 [1661—1662] год мне, сироте. А откуп с той квасной на 170 год плачу в твою великого государя казну я, сирота, с наддачею.» [56]

На обороте челобитной: «Дать ему квасная на откуп и баня. А прибавка взять с него к прежнему откупу три рубли. И с тех прибавочных откупных денег великого государя пошлина взять и по нём, откупщика, собрать поручную запись.»

В 1663 году Кирилко Кобель упоминается в деревне Сухневой как новопашенный крестьянин. А в 1665 году он получил землю под пашню на устье речки Пилюды, впадающей в Лену в 39 км ниже Чечуйска, напротив деревни Сполошиной. Об отводе этой пашни сообщал якутскому воеводе Голенищеву-Кутузову чечуйский приказчик пятидесятник казачий Иван Васильев сын Бурлак:

«Да в нынешнем же во 173 [1665] году, апреля в 19 день, на Чичуйском волоку в Судной избе мне, Ивашку, подал указную память из Якутцкого острогу великих государей за печатью Съезжие избы от тебя, стольника и воеводы Ивана Фёдоровича, новопашенной крестьянин Кирилко Игнатьев сын Кобель.

А в той памяти написано: велено мне, Ивашку, по его, Кирилкову, челобитью отвести земли великих государей под десятинную пашню и под ево, Кирилкову, особую пахоту на усть речки Пилюды.

И я, Ивашко, по указу великих государей и по памяти ему, Кирилку, отвёл земли под десятинную пашню и под ево особую пахоту против ево братьи, иных пашенных крестьян, и отводную память ему, Кирилку, на тоё землю я, Ивашко, за своею рукою дал.» [57]

Однако же, крестьяне Сполошенской деревни Давыд Иванов Пшеничный с товарищами жаловались, что Кирил Кобель сверх отведённой ему земли запахал и их покосы. По их жалобе чечуйскому приказчику Фёдору Пушину от якутского воеводы была послана наказная память:

«171 [1663] году по указу великих государей на том же Пириудском лугу посажен вновь в пашню пашенной крестьянин Кирилко Кобель, и ему де, Кирилку, по[д] двор и под огород, и под скотинной выпуск, и под пашню, и под сенные покосы земля отведена против иных пашенных крестьян сполна и с прибылью.

И в прошлом де во 172 [1664] и в нынешнем во 173 [1665] году тот пашенной крестьянин Кирилко Кобель, припустя к себе Илимского уезда сына боярского Ярофея Хабарова, на ево, Ярофеевых, лошадах и с ево, Ярофеевыми, работниками своим озорничеством сверх той отводной земли те их отводные покосы выюрал и в подскотину себе отгородил, и скотом вытравил. И чтоб их, Давыдка с товарищи, пожаловали великие государи: теми санными покосы по-прежнему по подписной челобитной велели им владеть.

И как тебе, Фёдор, ся память придёт, и тебе им, Давыдку с товарищи, велеть теми санными покосы владеть по-прежнему по подписной челобитной стольника и воеводы Ивана Фёдоровича большего Голенищева-Кутузова.

А пашенному Кирилку Кобелю отвести земли великих государей под пашню и под сенные покосы, и под скотинной выпуск против ево брата, чичюйских пашенных крестьян.» [58]

Нестыковка в годах получается, видимо, потому, что Кирил Кобель сначала в Якутске получил разрешение на отвод ему пашни, а наказная память приказчику Ивану Бурлаку была выслана с опозданием.

Неявная память об основателе деревни Кириле Игнатьеве сыне Кобеле сохранялась в её названии: Кобелева. Однако, впоследствии ввиду неблагозвучности её переименовали в Орлову. Теперь память о Кириле Кобеле осталась лишь в фамилии его потомков Кобелевых, которые и сейчас живут в Киренском районе, ничего не зная о своём предке, соратнике Хабарова, десятичнике амурского войска.

На этом и закончилось взыскание долга с Хабарова за амурский поход. И хотя больше не было никаких попыток продолжить это взыскание, тем не менее, каждый новый якутский воевода при приёме должности обязательно записывал этот долг. Впрочем, не одного лишь Хабарова. Даже спустя 35 лет после смерти Хабарова в счётном списке якутского воеводы в 1706 году записано:

«За Ерофея Хабарова, которой был в Даурех для приводу под государеву царскую высокую руку новых земли,

да за енисейского посадцкого человека за Юрья Селивёрстова, которой послан на Анандырь реку для взяття долгу по ево, Юрьевым, крепостям,

за Кирила Кобеля,

за Данила Скребыкина,

за Дементья Караблёва,

всево взять четыре тысячи девятьсот семьдесят рублёв дватцать шесть алтын полшесты деньги, которые деньги довелись взять на них по Дмитриевым кабалам Франзбекова и по приказным отпускам.» [59]

В связи с описанной здесь историей о взыскании с Хабарова долга за амурский поход, уместно прояснить вопрос о том, был ли он после приезда с Тутурского волока приказчиком киренских крестьян. В книге Г. Б.

Арутюнова читаем: «Одним из таких приказчиков в 1658—1665 годах в Усть-Киренской волости был Ерофей Павлович Хабаров.» [60] Очевидно, что прояснить этот вопрос можно только ссылками на документы. Поэтому приведём соответствующие ссылки.

5 ноября 1663 года илимский воевода Л. Обухов расспрашивал илимских служилых людей, кто из них и в какое время был на приказе в Киренских волостях.

Пятидесятник казачий Никифор Черниговский сказал:

«В прошлых де во 167 [1659] и во 168 [1659—1660] и во 170 [1661—1662] годах по указу великого государя был он, Микифор, на Лене реке в Ылимском уезде в Усть-Киренских волостях для досмотру и выделу, и пахоты великого государя десятинные пашня у пашенных крестьян на приказе.» [61]

Атаман казачий Богдан Иванов сын Черепанов сказал:

«Был он, Богдан, у пашенных крестьян на приказе для досмотру и выделу великого государя десятинного в прошлом во 171 [1662—1663] году.» [62]

При взыскании долга с Хабарова Фёдор Пушин говорил:

«У него, Ярофея во 171 [1663] году хлеба было мало. И тот де еменной и семенной хлеб у него, Ярофея, взят был за долги и запечатан печатью киренского прикащика Терентья Пашкова,» [63]

В данной на Бочкарёву заимку от 25 февраля 1664 года записано:

«А по отводу пашенных крестьян прикащика Богдана Черепанова ...» [64]

В данной на Буторину заимку от 16 февраля 1665 года записано:

«И по указу великого государя [А. М.] воевода Лаврентей Овдеевич Обухов по сыску и по дозору Усть-Киренские волости пашенных крестьян прикащика Ивана Роспутина ...» [65]

В отписке воеводы Л. Обухова:

«Да в нынешнем, государь, во 173 [1664—1665] году писали ко мне, холопу твоему, на Ленской волок из Ылимского уезду из волостей с Лены реки: из Усть-Киренских и из Орленской волостей приказные люди:

Иван Зуб

Микифор Чернеговской

Гаврило Торлопов.» [66]

Эта отписка написана между 7 сентября 1664 года и 27 июня 1665 года (день убийства воеводы).

Кроме документов о взыскании с Хабарова долга за время с приезда его с Тугирского волока в 1660 году и до отъезда в Москву в 1665 году, имеются документы по другим подробностям его жизни.

Пока Хабарову приходилось решать дела о своём долге, у него возник спор о межах со своим соседом. Уезжая в Якутский острог, Хабаров поручил квасному и банному откупщику Емельяну Билибину подать на Никольском погосте (будущий Киренск) челобитную илимскому воеводе, который приезжал туда весной и принимал челобитные.

«Лета 7172 [1664], июня в 21 день, били челом государю [А. М.], а на усть Киренги реки на Микольском погосте в Съезжей избе воеводе Лаврентью Обухову подал челобитную илимского сына боярского Ярафея Хабарова квасной и банной откупщик Емелька Билибин.

А в челобитной ево, Яркове, написано: в прошлых де годах был он, Ярафей, великого государя на службе в Даурской земле. И после себя приказывал он, Ярафей, деревни свои и мельницы, и пашенные земли, и сенные покосы пашенному крестьянину Панфилу Яковлеву.

И в прошлом де во 158 [1649] году бил челом великому государю, а в Ылимском остроге в Съезжей избе прежнему воеводе Тимофею Шушерину подал челобитную пашенной крестьянин Кузька Воронин. А в челобитье де ево, Кузкине, написано, чтоб великий государь пожаловал: велел ему, Кузке, на Лене реке против Никольского погосту заречной луг отвести под пашню и под сенные покосы с нижново конца по Мельничную речку. И по ево де, Кузкину, челобитью велено ему, Кузке, тою землёю и сенными покосами владеть.

И в прошлом во 158 [1650] году вместо ево, Ярафея, бил челом великому государю пашенной крестьянин Панфилко Яковлев, чтоб великий государь ево, Панфилка, пожаловал: велел дать для скотинново выпуска и для сенных покосов, и для мельничного укрепления на той же заречной стороне от Мельничной речки вверх по проезжую дорогу, а с проезжие дороги впрямь на средней тал и большую листовенницу межи учинить, и за таловыми колками пашенною землёю и сенными покосы велел бы великий государь ему ж, Панфилку, владеть.

И по указу великого государя и против ево, Панфилкова, челобитья илимской служилой человек пятидесятник казачей Кирилко Лебедь да таможенной целовальник Мартылко Пахарук той земле и сенным покосам межи учинили от Мельничной речки по проезжею дорогу, а с проезжие дороги впрямь на средней тал, а с талу на большую листовенницу, а за Лену реку — впрямь на большую сосну. А то де межевое дерево ныне посечено. А за таловыми де колками пашенною землёю и сенными покосы велено владеть ему, Панфилку.

И в прошлом де во 171 [1663] году бил челом великому государю, а на усть Киренги реки на Никольском погосте в Съезжей избе воеводе Лаврентью Овдеевичю Обухову подал челобитную пашенной крестьянин Кузка Воронин на тоё межевую отказную землю. И по ево де, Кузкину, ложному, по подписной челобитной, челобитью велено ему, Кузке, тою распашною землёю владеть по Мельничную речку.

И он де, Кузка, на той ево, Ерафееве, распашной земле к нынешнему ко 172 [к 1 сентября 1663 г.] хлеб насеял вплоть в двор. И тем де ево, Ярофея, он, Кузка, потеснил напрасно.

И чтоб великий государь ево, Ярафея, пожаловал: велел по допросу отводчиков и по сыску старожильцы тоё заречную межевую распашную землю и которая земля за таловыми колками и сенные покосы по отводным старым межам и насеяным хлебом, которой хлеб посеял к нынешнему ко 172 [1664] году отдал ему, Ярафею, по-прежнему.

И по указу великого государя воевода Лаврентей Овдеевич Обухов против челобитной Илимского острогу сына боярского Ярафея Хабарова про тоё заречную распашную землю и про сенные покосы сыскивал, которая земля за Леною рекою против Никольского погосту от Мельничные речки

вверх по проезжую дорогу, а с проезжей дороги впрямь на средней тал и на большую лиственницу, и которая пашенная земля за таловыми колками.

И в сыску по допросу сказал илимской ямской охотник Пафилко Яковлев, а в скаске ево, Панфилкове, написано: в прошлом во 158 [1650] году после Ярафея Хабарова бил челом великому государю он, Панфилко, чтоб ево, Панфилка, великий государь пожаловал: велел ему, Панфилку, дать для скотинного выпуска и для сенных покосов, и для мельничного укрепления против Никольского погосту за Леною рекою от Мельничной речки вверх по проезжую дорогу впрямь на средней тал и на большую лиственницу и за таловыми колками пашенную землю и сенные покосы.

И по ево де, Панфилкову, челобитью илимской служилой человек пятидесятник казачей Кирилко Лебедь да таможенной целовальник Мартынка Пахорук тоё землю для мелничного укрепления и под скотинной выпуск от Мелничной речки вверх по проезжую дорогу, а с проезжие дороги впрямь на средней тал, а с талу на большую лиственницу, и за таловыми колками пашенную землю и сенные покосы ему, Панфилку, отвели. И на той де большей лиственнице против того за Леною рекою на большей сосне грани загранили и межи учинили И он де, Панфилко, тою землёю и сенными покосами до Ярафея Хабарова и владел.

Да в сыску ж отводчик, прошлой таможенной целовальник Мартынка Пахорук, сказал по государеву крестному целованью: в прошлом де во 158 [1650] году против челобитья Панфилка Яковлева он, Мартынка, с пятидесятником казачьим с Кирилком Лебедем ему, Панфилку, к мельнице пашенную землю и сенные (покосы) отводили по межу пашенного крестьянина Кузки Воронина по ево, Кузкину, пашенную землю. А которым де межам пашенная земля и сенные покосы от Кузкиной пахоты Панфилу Яковлеву отмежовано, и тому де следу есть их, Мартынка и Кирилка Лебеда, заручная отводная межевая роспись. Да и в данной де у Кузки Воронина ево, Кузкине, пашенной земле и сенным покосам нижнему и верхнему концу описаны.

А в отводной данной памяти Кузки Воронина написано дачи прошлого 158 [1650] году прежнего воеводы Тимофея Шушерина по отводу пятидесятника казачья Кирилка Лебеда той ево, Кузкине, пашенной земле: с нижново конца наволока за Леною рекою пониже Николы, где часовня стоит.

И по указу великого государя [А. М.] воевода Лаврентей Овдеевич Обухов по скаске отводчика прошлого таможенного целовальника Мартына Пахорука и Панфилка Яковлева и по данной Кузки Воронина от ево, Кузкой, пашенной земли и сенных покосов по проезжую дорогу нижней конец по Мелничную речку и з дороги впрямь на средней тал, а с талу на большую лиственницу и за колками пашенную землю и сенные покосы, велел тою пашенною землёю и сенными покосами владеть Ярафею Хабарову для приезда к мельнице и для укрепления мельницы.

А Кузке Воронину от тоё земли отказать, потому что в прошлом во 171 [1663] году бил челом великому государю он, Кузка, по тоё Ярафееву роспашную землю ложно и называл своею отводною землёю. А в данной ево, Кузкине, написано: межа ево, Кузкине, отводной земле с нижново конца

наволока за Леною рекою пониже Николы, где часовня стоит, а не по Мелничную речку и не по дороге.

А которой хлеб он, Кузка, на той Ярафееве роспашной земле по ложному своему челобитью к нынешнему ко 172 [к 1 сентября 1663] году насеял, и тот насеяной хлеб велено Ярафею Хабарову жать ему, Ярафею, своим работники и скласть на той же земле в скирды и в копны, и беречь велеть до указу великого государя, и до подлинного сыску. А возить и молотить ему, Ярафею, к себе не велеть до отдачи.

А будет он, Ярафей, на той земле учнёт пашню пахать и хлеб сеять, и с тоё пахоты платить ему, Ярафею, великого государя в казну по выделу молочным хлебом десятая.

К подлинной отводной памяти великого госдаря [А. М.] печать земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу воевода Лаврентей Овдеевич Обухов приложил.» [67]

Во время пребывания в Якутском остроге в 1664 году Е. Хабаров подавал челобитную якутскому воеводе Голенищеву-Кутузову о беглом своём человеке:

«В прошлом, великие государи, во 167 [1658—1659] году с Усть-Киренги збежал у меня, холопа вашего, дворовой мой природной человек Офонька Ондреев и снёс он живота моего на сто рублёв. А ныне он, Офонька, живёт и промышляет на Оленьке реке.

<...> Велите, великие государи, тово моего беглово человека Офоньку и [с] сносным животом поставить в Якутском остроге в Съезжей избе.» [68]

На обороте челобитной воевода написал:

«172 [1664] году, августа в 22 день. Приказному Ивану Щуке сыскать безо всякие поноровки. А будет не сыщется, возьмут на тебе пятьдесят рублёв, или для своей бездельной корысти отпустишь. Розпросить беглово против челобитья, давно ли збежал и с кем, и допрося, посадить в тюрьму.»

Афонька Андреев был пойман и привезён в Якутский острог.

«И против сей челобитной промышленной человек Офонька Ондреев в нынешнем во 173 [1665] году расспрашиван, Илимского города сына боярского Ярофея Хабарова дворовой ли человек и давно ли збежал, и живота ево, Ярофеева, на сто рублёв снёс ли, и давно ли на Оленьке реке, и с кем промышляет.

И он, Афонька, в роспросе своём сказал, что де он, Афонька, природной ево, Ярофеев, человек и родился у него во дворе. И ныне де та ево, Афонькина, мать у него, Ярофея.

А збежал де он, Офонька, ныне тому семьей год. А живота де ево на сто рублёв не имывал. А снёс де он Афонька у него, Ярофея, небольшое место: платье ношебное да топоришка и котлишка, и весь промышленной завод. И то де всё проиграл врознь всяких чинов людям. А кому де именем, того не упомнит. А был де он, Афонька, на покруте у Василья Скоблевского. А промышлял на Оленьке реке.

И стольник и воевода Иван Фёдорович большей Голенищев-Кутузов, слушав сей записки, велел по нём, Афоньке, взять поручную запись, чтоб ему, Афоньке, из Якутского острогу не збежать.

И та запись по нём, Афоньке, взята. А в ней пишет:
 Се аз, Якутцкого острогу десятник казачей Ондрей Парфёнов
 да служилые люди Алексей Петров Ослоповской
 Третьяк Костянтинов
 Никита Парфёнов
 да торговой человек Василей Тимофеев Кови ...

Павел Спиридонов сын,
 поручилися есми в Якутцком остроге Съезжей избы деньщику Оксё-
 ну Скребыкину по промышленном человеке по Афонасье Андрееве сыне в
 том, что быти ему, Афонасью, за нашею порукою в Якутцком остроге и ста-
 витьца по вся дни в Съезжей избе перед стольника и воеводу перед Ивана
 Фёдоровича большово Голенищева-Кутузова и никуды ему, Афонасью, из
 Якутцкого острогу не не сойти и не збежать.

А буде Афонасей за нашею порукою в Якутцком остроге в Съезжей избе
 по вся дни перед стольника и воеводу Ивана Фёдоровича большово Голе-
 нищева-Кутузова сниметца, не станет, или збежит, и на нас, порутчиках,
 государя [А. М., А. А., Ф. А.] пеня. А пеню, что великие государи укажут, и
 наши, порутчиковы, головы в ево головы место. А которой нас, порутчиков,
 влищех, на том великих государей пеня и порука нерозвытно, вся сполна.

На то послух промышленной человек Семён Васильев сын.

Поруку писал площадной подьячей Вахрушко Максимов.

Лета 7173 [1665] году, июля в 3 день.» [69]

На обороте листа 53: «К сим допросным речам вместо промышленного
 человека Афонасья Андреева по его веленью Якутцкого острогу площадной
 подьячей Вахрушко Максимов руку приложил.»

Упомянутый здесь Василий Скоблевский — бывший первый приказчик
 ленских пашенных крестьян, занимался соболиным промыслом на реке
 Оленьке.

Примечания

1. Ф. 214, ст. 588, л. 90—93.
2. Ф. 214, ст. 588, л. 121.
3. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 191, л. 81.
4. Ф. 214, ст. 344, л. 205.
5. Ф. 199, оп. 2, № 517, ч. I, портфель 1, д. 20, л. 31.
6. Ф. 494, оп. 1, ч. II, ед. хр. 2796, л. 363.
7. Ф. 1177, ол. 1, ед. хр. 191, л. 34.
8. Там же, л. 62.
9. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 710, л. 93об—94.
10. Там же, л. 95—95об.
11. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 191, л. 83.
12. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 660, л. 10.
13. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 667, л. 42.
14. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 191, л. 85—86.
15. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 191, л. 40—41.
16. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 865, л. 60б—70б.

17. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1393, л. 35.
18. Там же, л. 36.
19. Ф. 214, ст. 470, л. 367.
20. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1184, л. 135.
21. Ф. 214, ст. 586, л. 158.
22. Ф. 214, ст. 560, л. 803.
23. Там же, л. 649—650.
24. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1358, л. 77.
25. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1306, л. 1.
26. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 452, л. 89.
27. Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XII—XIX вв.. Владивосток, 1995, т. 2, с. 28
28. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 788, л. 8об, 8, 9 — нумерация не по-порядку.
29. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 452, л. 90.
30. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 788, л. 175—175об.
31. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 810, л. 19об—20.
32. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1358, л. 3.
33. Ф. 214, ст. 556, л. 58.
34. Там же, л. 60.
35. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1358, л. 4—5.
36. Там же, л. 5—5об.
37. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1506, л. 28.
38. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1509, л. 10об.
39. Ф. 214, ст. 460, л. 86.
40. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1509, л. 13.
41. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983, с. 73.
42. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 788, л. 336—336об.
43. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1509, л. 6.
44. Там же, л. 14.
45. Там же, л. 7—9.
46. Там же, л. 11.
47. Там же, л. 12.
48. Там же, л. 15.
49. Ф. 214, ст. 985, л. 79—80.
50. Ф. 214, ст. 338, л. 31; Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 88.
51. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 808, п. 471—471об.
52. Ф. 214, ст. 460, л. 86.
53. Ф. 214, ст. 556, л. 58.
54. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1352, л. 14, 7.
55. Ф. 1177, оп. 2, ед. хр. 34, л. 222.
56. Там же, л. 219.
57. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 153, л. 59—60.
58. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 475, л. 4.
59. Ф. 214, кн. 1449, л. 11.
60. Георгий Арутюнов. Именем Киренги наречённый. Иркутск, 2002, с. 71.
61. Ф. 214, ст. 586, л. 156.
62. Там же, л. 159.
63. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1509, л. 7.
64. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 25об.
65. Там же, л. 26.
66. Ф. 214, ст. 586, л. 239.
67. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 22об—25.
68. Ф. 1177, оп. 1, ед. хр. 224, л. 52.
69. Там же, л. 53—54.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ЕРОФЕЯ ХАБАРОВА

Последние годы жизни Ерофея Хабарова были омрачены настойчивыми попытками якутских воевод взыскать с него долг за амурский поход. Долг был огромный--4382 рубля 22 алтына 2 деньги. В счёт долга якутский воевода И. Ф. Голенищев--Кутузов взял у него мельницу в Якутском уезде, которая находилась на речке, называемой сейчас Бобошиной, в 5 километрах выше Чечуйска. Речку и мельницу стали именовать Государевой .

Хабаров всячески уклонялся от уплаты долга. К тому же обстоятельства стали складываться благоприятно для него. В 1665 году случилось убийство илимского воеводы Л. А. Обухова. Воеводством временно управляли подьячие Илимской воеводской избы Никита Иванов Лазарев и Иван Артемьев Распутин, а затем тобольский сын боярский Алексей Ларионов Расторгуев-Сандалов. В конце 1664 года Хабаров с Чечуйского волока (Чечуйск), где он находился за приставом, был отпущен в Илимский уезд по поручной записи, обязывающей его весной 1665 года приехать в Якутск по вопросам своего долга. Настало лето 1665 года, но Хабаров в Якутск не поехал.

Исполнял ли он в это время какую-либо должность, неизвестно. Может быть, он был назначен киренским приказчиком вместо бежавшего на Амур летом 1665 года после убийства воеводы Обухова пятидесятника Никифора Черниговского.

Видимо, понимая, что неразберихе когда-нибудь придет конец и под угрозой окажется его имущество, Хабаров принимает меры по его сохранению. На речке Тихтилячихе (Мельничной), напротив Киренска, у него была мельница. Эту мельницу могла постигнуть та же участь, что и мельницу в Якутском уезде. Однако, якутским воеводам это было бы сделать сложнее, так как мельница на речке Тихтилячихе находилась в Илимском уезде. Без переписки с Москвой дело бы не обошлось. В 1665 году Хабаров «приложил» эту мельницу в Киренский монастырь, стал вкладчиком монастыря .

«Се аз, Илимского острогу сын боярской Ерофей Павлов Хабаров, дал есми сию прикладную память на великой реке Лене в Усть-Киренской в

Троецкой монастырь в казну строителю старцу Варламу з братьею в том, что приложил я, Ярафей, свою мелницу Панфиловскую и з землёю, чем я владел, и со всем заводом.

А взял я, Ярафей, ис того Троецкого монастыря сто рублёв денег да пять вкладных. А цена той моей мелнице тысяча рублёв .

А мелница против Усть-Киренского Никольского погоста за Леною рекою на речке Тихтилячихе, два анбара, двои жерновы, два веретена, две жапки, восемь кругов, четыре шипа, два подпятника, все железные, две избы и земля, что мне отведена к той мелнице для мельнишного крепления, и со всем без вывода. А владеть им, строителю з братьею, тою моею мелницею по сей прикладной памяти с нынешнего 174 [1666] года с Николина дни вешнего [9 мая — Г. К.] и молоть. А помольные денги брать Троице в казну .

А меня, Ярафея, поминать вечным поминаньем, по смерть мою записать в литию и в синодик . А мне, Ярафею, на той мелнице молоть по смерть свою запас с своей пахоты, а сторонново хлеба никакова не привозить. А свой хлеб молоть мне, Ярафею, на той мелнице до смерти моей безденежно.

А им, строителю з братьею, в том Троицком монастыре тою мелницею владеть с Николина дни, кой срок в сей памяти писан, со всем без вывода. А мне, Ярафею, после сроку до той мелницы, опроче своего молотья, дела нет ни которыми делы, ни детям моим, ни внучатам, ни племянникам, ни роду моему, ни племени.

А та моя мелница преж сей прикладной памяти ни в закупе, ни в закладе, и ни в каких писмяных крепостях.

А будет преж сей прикладной та моя мелница в закупе или в закладе, или в каких ни есть писмяных крепостях, и мне, Ярафею, та своя мелница выкупать и очищать своими денгами. А выкупя и очистя, отдать в дом живоначальной Троице с чиста пути. И в том им, строителю з братьею, убытка не привести.

А что у меня, Ярафея, у той мелницы на мелнишной земле насеяно хлеба к нынешнему ко 174 [к 1 сентября 1665 — Г. К.], и тот хлеб мне, Ярафею, снять и измолотить себе. А строителю з братьею до того хлеба дела нет. А хлеб сняв, и впредь мне, Ярафею, до той земли и мелнице, чем я владел, впредь дела нет. И отводную память на ту мелнишную землю отдать им, строителю з братьею, и впредь мне, Ярафею, и детям, и внучатам моим за тою мелницу болше того денег не спрашивать ни которыми делы.

В том я, Ярафей, на свою мелницу в дом живоначальной Троице и прикладную дал.

На то послуши торговые люди

Емельян Фролов сын Билибин

Семён Никифоров сын Поповцов

Стефан Володимеров сын

А прикладную память писал по ево, Ярафееву, веленью усть-киренской подьчей Ивашко Максимов .

Лета 7174 [1665], ноября в 11 день .

На подлинной прикладной руки приложены:

Ярафейко Хабаров руку приложил.

Послух Семёнка Поповцов руку приложил.

В послусах Стенка Володимиров руку приложил.» [1]

Прикладная сохранилась в копии.

Панфиловской называл Хабаров мельницу потому, что во время амурского похода, во время поездки в Москву и во время взыскания с него долга за амурский поход этой мельницей распоряжался его друг пашенный крестьянин Панфил Яковлев.

Между тем, 28 октября 1666 года в Илимск прибыл новый воевода Сила Осипович Оничков. Со времени убийства прежнего воеводы Л. А. Обухова соболиная казна в Москву не отправлялась. А отправка соболиной казны была делом святым. По ней оценивалась деятельность воеводы.

В отписке в Москву Оничков сообщал:

«В нынешнем во 175 [1666] году по твоему великого государя указу на Ленском волоку в Ылимском остроге с приезду своего по росписному списку принял я, холоп твой, в двух анбарех твоей великого государя илимские застойные соболиные казны и всякие мягкие рухледи Илимского ж острогу у приказного человека у тобольского сына боярского у Алексея Ларионова сбору прошлого 173 [1664—1665] году при прежнем воеводе при Лаврентье Обухове семьдесят пять сороков дватцать один соболь, семьдесят один сорок дватцать девять пупков собольих, тритцать три лисицы красные, восемнатцать бобров, три кошлока.

Да другого сбору прошлого ж 174 [1665—1666] Илимского ж острогу приказных людех Съезжие избы при подьячих, которые после смерти Илимского ж острогу воеводы Лаврентья Обухова дела ведали и ясак собирали, при Миките Лазареве да при Иване Роспутине, да при тобольском сыне боярском при Алексее Ларионове восьмьдесят сороков тритцать семь соболей, семьдесят четыре сорока четырнатцать пупков собольих, одиннатцать лисиц красных, девять бобров.

Да в нынешнем, государь, во 175 [1666—1667] году при мне, холопе твоём, собрано в Ылимском и в Верхоленском острогах твоей великого государя соболиные казны и всякие мяхкие рухледи моею, холопа твоего, службишкою и радением перед прошлыми годами с прибылью, и рухлеть ценою дороже и лутче. < ... >

И тоё всё твою великого государя казну, соболи по розбору в сороках, в полных и в неполных десятках, бобры и лисицы, и кошлоки, запечатав твою великого государя Илимского острогу Съезжие избы печатью, и за ерлыками в дватцати сумах оленьих и коровьих, да в мешке за твоею ж великого государя печатью и за ерлыками в нынешнем во 175 [1667] году, июля в 29 день, по твоему великого государя указу отпустил я, холоп твой, с Ленского волоку из Ылимского острогу к тебе, великому государю [А. М.], к Москве с казёнными провожатыми с ылимским сыном боярским с Ярофеем Хабаровым да з городничим с Савою Брагою с товарищи, да с целовальником с торговым человеком з Ганькою Шмыгиным.

Та вся твоя великого государя илимская соболиная казна и всякая мяхкая рухлеть по отдаточной ценовной росписи по приёму за счётom казённого целовальника Ганьки Шмыгина.» [2]

Хабаров к этой поездке стал готовиться заранее. Хотя непосредственное преследование со стороны якутского воеводы в это время уже не угрожало, так как в мае 1667 года Иван Фёдорович большой Голенищев-Кутузов умер, его должность исполнял сын Михаил, и до приезда нового воеводы было явно не до Хабарова, Ерофей Павлович отправился в эту продолжительную поездку, видимо, с расчетом оттянуть время. При приёме должности новые воеводы прежде всего тщательно просматривали книги и стремились взыскать старые долги. Поездка в Москву могла затянуться на год, а то и дольше.

За месяц с небольшим до отъезда, 25 июня 1667 года, он дал поступную память Киренскому Троицкому монастырю. Память эта сохранилась в копии.

«Се аз, Илимского острогу сын боярской Ярафей Павлов сын Хабаров, дал есми память в монастырь старцу Саватею да старцу Ионе з братьею, да казначею Нехорошему Павлову в том, что в нынешнем во 175 [1667] году поезжаю я, Ярафей, с Усть-Киренги к Москве великим государем за казною.

А остаётца у меня, Ярафея, на усть Киренги реки прежняя моя распашная земля и половников моих распашь на Киренском лугу, Бойдоновская и Русковская заимка, и моё поставление, двор и хоромы, и всякое строение, и сенные покосы, и рыбные ловли.

А в межах та земля и сенные покосы с верхново конца от пашенново от Григорья Яковлева от Лены реки по лошку конец поскотины да вверх по сенному лугу на озеро к бору по Полоротовской дороге, а с нижново конца от Балахонские пахоты от Лены же реки на нижней тал с нижново конца, а с талу впрямь на озеро, на увал, а с увалу впрямь на конец Полоротовского бору.

А буде мне, Ярофею, судом Божиим, смерть случитца, — им, старцом, и всей братии того монастыря, тою моею заимкою и сенными покосы, и двором, хоротами и рыбными ловлями владеть, и душу мою, Ярофееву, и жены моей Василисы, и родителей поминать, опричь насеяного хлеба и медной посуды и железного заводу, скота: лошадей и коров.

Да им же, старцам, за ту мою заимку постричь у себя в монастыре пять человек нищих, убогих людей, в том числе постричь Варзугу Микулина. Да с той же заимки давать по вся годы старцом на корм по пятидесяти пуд ржаные муки.

В том им сию поступную и память дал.

У сей памяти сидели торговые люди:

Емельян Фролов Билибин

да Андрей Иванов сын Балдаков

да Сава Иванов сын Котелин.

А поступную память писал Лучка Лвов новгородец.

Лета 7175 [1667], июня в 25 день.

На подлинной поступной руки приложили:

Ярафийко Хабаров руку приложил.

Послух Емелька Билибин руку приложил.

Послух Андрюшка Иванов руку приложил.

Послух Савка Иванов руку приложил.» [3]

Поступная память сохранилась в копии.

Не всё в этой поступной памяти поддаётся объяснению, но что возможно, объясним.

Киренским лугом называлась местность выше теперешнего города Киренска на правом берегу Лены, где расположены деревни Балахня, Хабаров, Кривошапкина, Повороты (Полоротовская). Напомним, что Хабаров получил пашню на Киренском лугу в 1641 году. Заимки тогда не имели установившихся названий и назывались по имени крестьянина, который там обрабатывал пашню. В 1653 году, плывя в Якутский острог, новый якутский воевода М. С. Лодыженский составил роспись ленских заимок. На Киренском лугу заимок было больше, чем потом деревень. Некоторые заимки позднее слились в одну деревню.

В росписи упомянуты:

«Заимка пашенных Жданка Прокопьева с товарищи, 4-х человек.» Жданко Прокопьев имел прозвище Полорот. Это заимка Полоротовская (сейчас Повороты).

«Заимка пашенных Гришки Васильева, Фомки Абрамова. <...> Заимка Гришки Яковлева.» Гришка Васильев имел фамилию Кривошапкин. Эти две заимки слились потом в одну деревню Кривошапкину.

«Заимка пашенного Панфилка Яковлева, <...> Заимка Руски Алексеева». Эти две заимки слились потом в одну деревню Хабарову.

«Заимка Кузёмки Воронина.» Это будущая деревня Воронина на левом берегу Лены.

« На Киренге заимка пашенных Шестачка Самсонова с товарищи.» [4] Это деревня Балахня.

Итак, заимка Хабарова не упоминается. Почему? Дело в том, что Хабаров в 1653 году был в амурском походе. Свою пашню и строения он передал временно в распоряжение Панфила Яковлева. А о Русинке Алексееве в документе за 1637—1638 год упоминается как о дворовом человеке Панфила Яковлева, а позже, как о его половнике. Спустя три года в окладной книге 1656 года Русинко Алексеев записан в Орленской волости. «Вверх по Лене реке по правой стороне пашенной Русинко Алексеев пахал на государя десятину ржи да полдесятины яри. И во 164 [1655—1656] году Русинко Алексеев помер.» [5] В этой же окладной книге заимка Русинки Алексеева на Киренском лугу не упоминается, а упоминается лишь одна заимка Панфилки Яковлева. Заимка Русинки Алексеева не исчезла, а перешла к Панфилу Яковлеву.

Само же название Бойдоновская заимка произошло от фамилии хабаровского половника по фамилии Бойдонов. Половниками называли арендаторов, которые брали внаём пашню у крестьян, служилых людей, у монастыря за половину урожая. С государственной казной они не имели никаких дел, поэтому их имена редко встречаются в документах. Можно предположить, что это был Семейка Фёдоров Бойдонов, который прибыл на Амур с Хабаровым в первом приходе. Он участвовал в обороне Комарского ост-

рожка и записан в послужном списке Онофрия Степанова. [6] Но это лишь предположение. Что же касается Бойдоновской заимки, то это та же заимка Панфила Яковлева. Панфилко Яковлев упоминается здесь в окладной книге 169 [1660—1661] года.

В 1660 году Хабаров прибыл с Тугирского острожка в Якутский острог, а оттуда за приставом был отправлен на Чечуйский волок и взял на себя пашню. В окладной книге жалованья за 173 [1664—1665] год он упоминается среди детей боярских, которые за хлебное жалованье пашни пашут.

Таким образом, Байдоновская и Русковская заимки — это составные части деревни Хабаровой, что подтверждается описанием межей.

В поступной памяти Хабаров упоминает свою жену Василису, детей и внуков, не называя их по именам. О привозе жены на Лену он подавал челобитную ещё в 1650 году, когда приезжал с Амура в Якутский острог за подкреплением. Эту челобитную с отпиской воевода Дмитрий Францбеков и дьяк Осип Степанов послали в Москву. В отписке сообщалось:

«В нынешнем, государь, во 158 [1650] году бил челом государю [А. М.], а нам, холопом твоим, подал челобитную Ярко Хабаров. И мы, холопи твои, тоё ево челобитную под сею отпискою послали к тебе, государю к Москве.» [7]

На обороте отписки отметка о подаче: «159 [1651] году, генваря в 26 день, подал ленской пятидесятник Иван Кожин.»

А в челобитной Хабарова написано:

«Жил я, холоп твой, в твоей государеве отчине в сибирской уkraine на великой реке Лене с 140 [1632] году. И, живучи, я, холоп твой, на той великой реке Лене на пустом месте, где и русские люди мало бывали, завёл соляную варницу и пашни многие распахал, и мельницы устроил, и всякой домовой завод завёл своим пожитничишком, а не твоею государевою казною.

А ныне, государь, те места пустые стали житы, и та соляная варница и пашенной завод, и мельницы, и всякое домовое житьё — всё на тебя, государя. А мне, холопу твоему, в тех заводах не учинено ничего.

А ныне, государь, я, холоп твой, твоим царским счастьем и радением твоего государева воеводы Дмитрея Ондреевича Франзбекова в Пегой орде взял князья Лавкаева княжение.

И живу я, холоп твой, на великой реке Лене лет з дватцать. А женишко, государь, моя Василиска з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянницею живут на Устюге бес приюту.

<...> Вели, государь, ту мою женишку Василиску и з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянником, и с племянницею отпустить с Устюга ко мне, холопу твоему, в Якутской острог и подводы указать, чтоб, государь, моя женишко и з детишками без меня, живучи на Устюге без приюту, вконец не погибла.» [8]

Челобитье, видимо, было удовлетворено, так как на обороте отписки Францбекова помета, правда, не очень разборчивая: «Приказал боярин князь Алексей Иванович Трубецкой послать память в Устюжскую четь. Велеть жену и дочь, и племянницу [?], и внука из Устюга [?] отпустить.» [9]

О пребывании жены Хабарова на Лене документов не обнаружено. Из поступной памяти Хабарова не ясно, была ли жива его жена в то время. Ф. Г.

Сафронов почему-то считал, что семья Хабарова так и не приехала на Лену: «Таким образом, вероятнее всего, что Ерофей Павлович в Усть-Киренской волости жил один, без семьи.» [10] И далее: «От него остался сын Андрей <...> мы не знаем, законный ли это сын Ерофея Павловича. Вполне возможно, что он был прижит вне брака и в последующем усыновлён.» [11] Но это лишь предположение, ничем не подтверждённое. У Хабарова был ещё сын Максим. Тоже прижит ?

Об остальных лицах, упомянутых в поступной памяти, неизвестно, за исключением Нехорошего Павлова. Полное его имя «Лучка Павлов сын, прозвище Нехорошей.» С ним Хабаров был знаком ещё до образования Якутского воеводства. Тогда Нехороший Павлов был десятником казачьим. А во время написания поступной памяти он был одним из служилых людей, «которые за старость из службы выставлены, в Троицкую пустыню вклады положили» «О Варзуге Микулине скажем после.

Спустя два месяца после написания поступной памяти принимал Якутский острог новый воевода Иван Петрович Борятинский. В счётном списке он записал:

«Да в приходной денежной книге 175 [1666—1667] году написано: из доимки взяти на Ярофейке Хабарове по Дмитриевым крепостям Францбекова и по отпуском 4382 рубли 22 алтына 2 деньги.

И во 171 [1662—1663] году тот Ярофейко в Якутском остроге в тех деньгах стоял на правеже, и тех денег на нём, Ярофейке, не доправлено. И стольник и воевода Иван большей Голенищев-Кутузов, не доправя на нём, Ярофейке, те деньги, отпустил ево на Чичюйской волок.

И те деньги взяти на стольнике и воеводе на Иване большем Голенищеве-Кутузове, для того что он, Иван, не доправя на нём, Ярофейке, тех великого государя денег, отпустил ево из Якутского острогу на Чичюйской волок.

И ныне ево, Ярафейка, в Якутском и на Чичюйском нет и сыскать негде. А поручной записи в тех деньгах у дела по нём, Ярофейке, нет.» [12]

Поэтому в следующем году долг Хабарова перевели на воеводу Голенищева-Кутузова, а в смете на 176 [1667—1668] год о долге Хабарова прямо записали: «и те деньги у счёту положены в начёт на стольника и воеводу на Ивана Голенищева-Кутузова.» [13]

Однако, взыскать эти деньги с Голенищева-Кутузова было уже невозможно, так как он умер в Якутске 25 мая 1667 года. Воевода Борятинский принимал дела у его сына Михаила, который временно исполнял обязанности воеводы.

Воевода Борятинский насчитал очень большую сумму, которую полагалось взыскать с воеводы И. Ф. Голенищева-Кутузова, причём эта сумма образовалась не только вследствие личных его злоупотреблений, в неё входили и долги, которые тот не сумел взыскать с различных лиц. В Сибирском приказе, видимо, полагая, что взыскание таких долгов дело безуспешное, махнули на это рукой и на все отписки воевод об этих долгах отмалчивались.

Вот как описывает это уже следующий после Борятинского воевода Яков Петрович Волконский.

«И всего из доимки взяти по приходной книге 179 [1670—1671] году на

стольнике и воеводе на Иване Голенищеве-Кутузове да на детех ево на Михайле да на Матвее начётных денег 8721 рубль 15 алтын пол 2 деньги, да хлеба 5 пуд ржи, да котёл медной весом 4 фунта, 3 топора, долото, 5 гвоздей, да сковорода, да копье железных.

И о тех начётных деньгах и о хлебе, и о товаре во 176 [1667—1668] году писано к великому государю к Москве.

И во 178 [1669 1670] году по государеву указу и по грамоте Иванова жена Голенищева-Кутузова да дети Ивановы Михайло да Матвей и люди их отпущены из Якутцкого острогу к великому государю к Москве.

И во 179 [1671] году, июня в 8 день да июля 20 день, писал к великому государю [А. М.] к Москве воевода князь Яков Петрович Волконской о тех начётных деньгах и о хлебе, и о товаре, для того что в грамоте великого государя, какова прислана в Якутцкой острог во 178 [1669—1670] году к окольному и воеводе князю Ивану Петровичю Борятинскому да к дьяку Степану Ельчукову из Сибирского приказа за приписью дьяка Льва Ермолаева, написано: велено Иванову жену Голенищева-Кутузова з детьми их отпустить из Якутцкого острогу к великому государю к Москве.

А великого государя в грамоте тово не написано, что на них та начётная казна править. И в их челобитье того не написано ж, что они в той начётной казне стоят на правеже.

А Иванова жена Голенищева-Кутузова з детьми с Михайлом да с Матвеем и с людьми отпущены из Якутцкого к великому государю к Москве во 178 [1669—1670] году до приезде в Якутцкой острог воеводы князя Якова Петровича Волконского.

И та великого государя начётная казна на ково в счётной список в домик написать на Ивановых ли детей Голенищева-Кутузова на Михаила да на Матвея, или на дьяка Степана Ельчукова? А дьяк Степан Ельчуков в 179 [1671] году, июля в 14 день, в Якутском остроге умер.

А жена ево, Степанова, вдова Варвара била челом великому государю [А. М.], а в Съезжей избе воеводе князю Якову Петровичю Волконскому подала челобитную, чтобы великий государь пожаловал её: велел з детьми и с людьми отпустить из Якутцкого острогу к великому государю к Москве. А что будет на муже её Степане государевы казны начёту, и то взять на Москве из животов мужа её Степана.

И та Степанова жена вдова Варвара з детьми и с людьми по её челобитью отпущена из Якутцкого острогу к великому государю к Москве во 179 [1671] году, июля в 20 день. А велено ей з детьми и с людьми явиться на Москве в Сибирском приказе окольному Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину, да Льву Ермолаеву.

И о том писано к великому государю к Москве, и челобитная её под отпискою послана с сыном боярским с Ываном Ерастовым в том же во 179 [1671] году, июля в 20 день.» [14]

Но мы забежали вперёд, Хабаров в это время уже умер. Поэтому вернёмся к поездке Хабарова в Москву. О прибытии Хабарова в Тобольск есть две отписки тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова. В первой отписке сообщается :

«В нынешнем, государи, во 176 [1667] году, ноября в 25 день, приехали в Тоболеск из Илимского острогу с вашею великих государей ясашною и поминочною, и десятинною казною илимские служилые люди сын боярской Ярафей Хабаров с товарищи да целовальник Гарасимко Шмыгин. А с ними послано к вам, великим государем, ваши великих государей илимские ясашные и поминочные, и десятинные казны в дватцати сумах да в холщёвом мешку.

И по вашему великих государей указу велели мы, холопи ваши, тоё ваших великих государей илимскую ясашную и поминочную, и десятинную казну, и о том илимскую роспись взять в Приказную избу ...» [конца нет] [15].

Во второй отписке указана другая дата приезда Хабарова в Тобольск.

«В нынешнем, государи, во 176 [1667] году, ноября в 15 день, приехал в Тоболеск за вашею государевою Илимского острогу ясашною казною сын боярской Ярофей Хабаров, и в Тобольску бил челом вам, великим государем, а в Приказной избе подал нам, холопом, за своею рукою челобитную да скаску, чтоб вы, великие государи, пожаловали ево, Ярофея: велели ту челобитную и скаску принять и послать под отпискою к вам, великим государем, к Москве.

И мы, холопи ваши, тоё ево челобитную в Приказной избе приняли и послали под отпискою к вам, великим государем, с тобольским сыно[м] боярским з Давыдом Бурцовым ноября в 26 день.» [16]

Здесь дата прибытия Хабарова в Тобольск более достоверная. Не мог же Хабаров, приехав 25 ноября, как это сообщается в первой отписке, за один день обсудить с воеводой все дела («дать сказку») и тут же подать челобитную, которую на следующий день увезёт в Москву Давыд Бурцов. Давыд Бурцов прибыл в Москву 31 декабря 1667 года. Об этом имеется запись в делах Сибирского приказа: «В нынешнем во 176 [1667] году, декабря в 31 день, писали к великому государю [А. М.] из Сибири ис Тобольска стольник и воевода Пётр Годунов с товарищи и прислали с отписки тобольского сына боярского Давыда Бурцова да пешего казака Васку Кирилова.» [17]

Есть ещё один полезный документ Сибирского приказа — записная книга воеводских отписок. В ней отмечена дата приёма отписок: «Генваря в 3 день [1668 г. — Г. К.] присланы отписки к Москве из Сибири с Тобольска с тобольскими служилыми людьми с сыном боярским з Давыдом Бурцовым с товарищи.» [18] Далее перечисляются отписки, среди которых упомянута «О Ярке Хабарове.» [19] К этой отписке была приложена челобитная Хабарова.

А в челобитной Хабарова написано:

«В прошлых, великие государи, годех с великие реки Лены воевода Дмитрий Франзбеков по моему, холопу вашего, челобитью отпустил меня на вашу великих государей службу в Даурскую землю. И я, холоп ваш, в Даурскую землю вново подымался всяким служилым заводом на своих протоках, и поднял с собою вольных охочих людей войское всякими служилыми подъёмы, и Даурскую землю проведаль, и до моря, и ясак в той земле на вас, великих государей, собирал соболями и лисицами по многие лета, и тот ясак соболями и лисицы с служилыми людьми к вам, великим государем, к

Москве высылал и сам вывозил. И в прошлых же, государи, годех после моего съезда, гневом Бога праведного, те даурские моего поставленья остроги богдойские люди разорили и служилых людей прибили. И ныне та земля стала пуста.

<...> Велите, государи, меня в тоё Даурскую землю отпустить для городовые и острожных поставок, и для поселения, и хлебные пахоты. А я, холоп ваш, для тоё вашей государевы службы и прибыли подыму [написано: подыну] на своих проторех сто человек и на своих судах, и хлебными запасы. И с тех мест, где поставить город и остроги, будет вам, великим государем, в ясачном зборе и в хлебной пахоте прибыль.

И велите, государи, в Тобольском городе своему государеву стольнику и воеводе Петру Ивановичю Годунову с товарищи сию мою челобитную принять и под отпискою к вам, великим государем, послать к Москве.» [20]

Что же касается «сказки», то её в бумагах Сибирского приказа нет.

Сделаем одно замечание. Напрасно Хабаров обвиняет богдойских людей в разорении даурских острогов его поставления. Все поставленные им острожки сжёг сам Хабаров.

Через месяц и 20 дней после получения этой челобитной Хабаров сам прибыл в Москву. О его прибытии в Москву имеется запись в расходной книге Сибирского приказа за 176 [1667—1668] год:

«Февраля в 22 день [1668 года] по помете на выписке дьяка Лва Ермолаева сибирским илимским служилым людям сыну боярскому Ярофею Хабарову, городничему Саве Браге, целовальнику Ганке Шмыгину государева жалованья подённого корму с приезде их февраля со 12 числа да февраля ж по 26 число, на две недели, рубль пятнатцать алтын четыре деньги дано, сыну боярскому и городничему по осми денег, целовальнику по пяти денег на день человеку, ис приёму подьячево Михайла Второва. Росписка на выписке в расходном денежном столпу.»[21]

В записной книге воеводских отписок также есть запись о приёме отписок, доставленных Хабаровым: «Февраля того ж числа [15 -- Г. К.] присланы отписки из Ылимского острогу с сыном боярским с Ерофеем Хабаровым.» [22]

Таким образом, Хабаров прибыл в Москву 12 февраля 1668 года. А. Б. П. Полевой писал: «3 января 1668 года Хабаров впервые был принят в Сибирском приказе», т. е. считал, что он приехал вместе с Бурцовым 31 декабря 1667 года.

Какой ответ был дан на эту челобитную Хабарова, неизвестно. Никаких следов в бумагах Сибирского приказа не сохранилось. Поэтому вопросов по ней много.

Во-первых, почему Хабаров подал челобитную тобольскому воеводе? Хотя тобольский воевода и считался главным сибирским воеводой, не в его власти было решать такие дела. Может быть, Хабаров хотел, чтобы к его приезду в Москву в Сибирском приказе определились с принятием решения по его челобитной? Обстановка на Амуре была непростой.

Там уже два с половиной года в Албазине сидел пятидесятник Никифор Черниговский. У Сибирского приказа долгое время были с ним неясные отношения. С одной стороны, он был повинен в убийстве илимского вое-

воды, и его бы следовало наказать. А с другой стороны, он прикрывал китайцам путь по Амуру к Нерчинску, что при нехватке там служилых людей имело немаловажное значение. К тому же, Черниговский отправлял через нерчинского воеводу собранный ясак в Москву.

Во-вторых, почему Хабаров, в течение пяти лет бывший за приставом на Чечуйском волоке за невозможность возратить амурский долг, вдруг предлагает снарядить сто человек на Амур за свой счёт? Значит, деньги у него были.

План Москвы. 1664 г.

Во время пребывания в Москве Хабаров и его спутники подавали, как это было заведено, челобитную о выдаче подённого корма.

«Царю [А. М.] бьют челом холопи твои, Илимского острогу сынчишко боярской Ярошка Хабаров да городничей Сава Брага, да сирота твой целовальник Ганька Иванов.

В нынешнем, государь, во 176 [1668] году присланы мы, холопи твои, из Илимского острогу к тебе, великому государю, к Москве с твоею соболиною казною.

<...> Вели, государь, нам за сибирской приезд выдать корм и выход, и сукна.» [23]

По этой челобитной сделана выписка:

«176 [1668], февраля в 22 день, по указу и в Сибирском приказе выписано: в нынешнем во 176 [1668] году, февраля в 12 день, писал к великому государю [А. М.] из Сибири из Ылимского острогу воевода Сила Оничков и прислал с отписки и з государевою соболиною казною илимских служилых людей сына боярского Ерофея Хабарова да городничева Саву Брагу, да целовальника Ганьку Шмыгина.

И великому государю [А. М.] сибирские илимские служилые люди сын боярской Ерофей Хабаров с товарищи, три человека, бьют челом, чтоб великий государь пожаловал их своим государевым жалованьем за сибирской приезд: выходом и подённым кормом, и сукнами, как ему, великому государю, Бог известит.

А наперёд сего, которые сибирские илимские служилые люди приезжали к великому государю к Москве с отписки и з государевою соболиною казною, и по их челобитью давано им государева жалованья за сибирской приезд в выходе: детем боярским и городничим по 6 рублёв, целовальником по 2 рубли с полтиною. Да им же подённого корму с приезде и в дорогу: детем боярским и городничим по 8 деньга, целовальником по ... деньга на день человеку, да ис Казённого приказа по сукну доброму. » [24]

На этой выписке написано решение: «Выдать им корм в те деньга на две недели и за выход по указу, а о сукнах послать память в Казённой приказ.»

Деньги были получены, за их получение была дана отпись .

«По сей выписке государева жалованья илимские служилые люди:

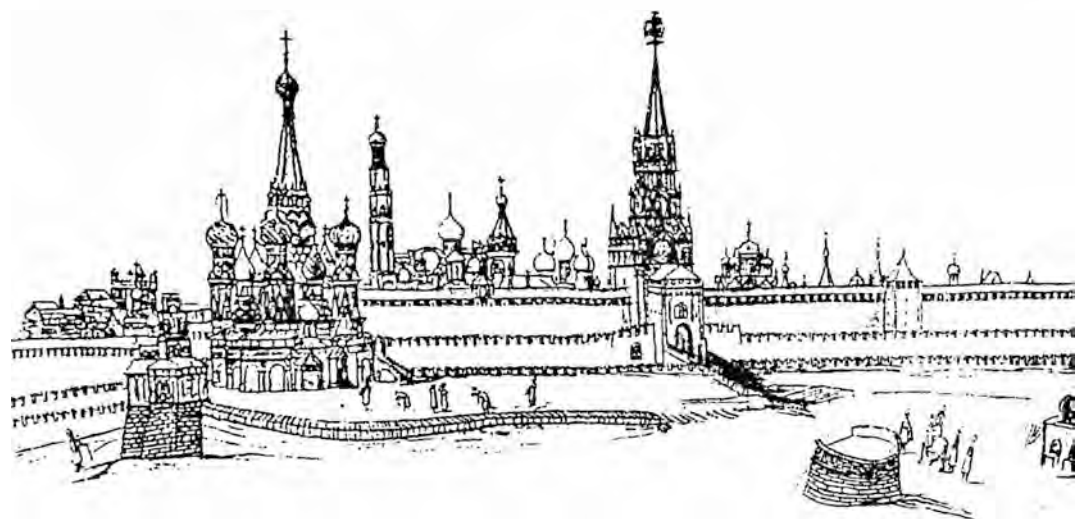
сын боярской Ярофейко Хабаров

да городничей Сава Брага

да илимской целовальник Гаврилко Шмыгин

выходу и корму на две недели пятнатцать рублёв тритцать два алтына две деньга взяли всё сполна .

А в их место и за себя Гаврилко Шмыгин руку приложил.» [25]

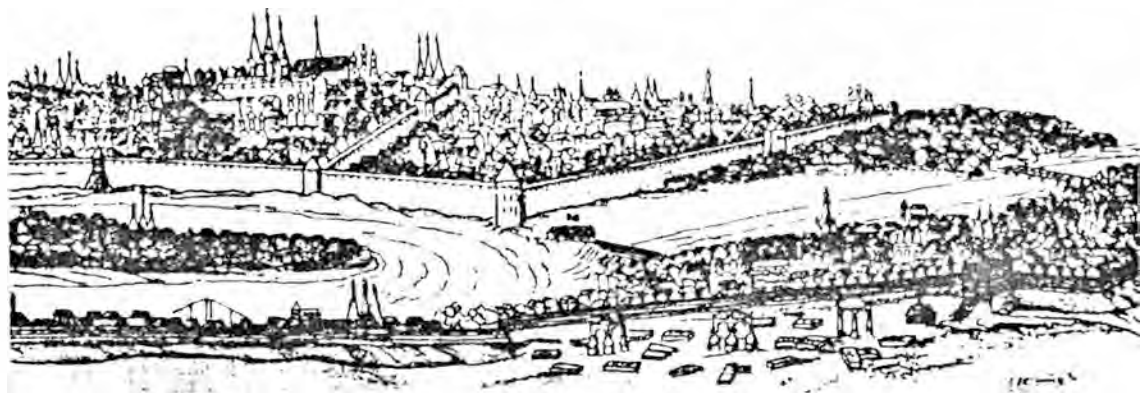
Вид Московского Кремля с Красной площади. С рис. XVII в.

Об убытии Е. Хабарова со спутниками из Москвы было сообщено илимскому воеводе Силе Осиповичу Оничкову.

«В нынешнем во 176 [1668] году писал ты к нам, великому государю, и прислал великого государя ясачную и поминочную казну, и всякую мяхкую рухлядь с ылимскими служилыми людьми с сыном боярским с Ярофеем Хабаровым да з городничим с Савою Брагою с товарищи. И у них та наша великого государя соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь на Москве в Сибирском приказе в нашу государеву казну по отписке и по росписи принята сполна.

И илимские служилые люди сын боярской Ерофей Хабаров да городничей Сава Брага с товарищи с Москвы в Сибирь в Ылимской острог отпушены.

Писан на Москве лета 176 [1668], июля в 20 день.» [26]

Общий вид Москвы в 1661–1662 гг. С рис. XVII в.

Однако, слова о том, что они отпушены, зачёркнуты.

Выехал ли Хабаров из Москвы 26 февраля 1668 года и, более того, выезжал ли вообще, сведений больше нет. Предпринятый поиск по Е. Хабарову ничего не прояснил, зато о Саве Браге обнаружилось много документов. Оказывается, Сава Брага ни в феврале ни в июле не выезжал из Москвы. Всего лишь за четыре дня до написания этой грамоты он появился в Сибирском приказе и подал челобитную.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Илимского острогу городничей Савка Аверкиев сынишко Брага.

По твоему государеву указу прислан я, холоп твой, к тебе, великому государю, с твоею государевою соболиною казною к Москве. <...>

Вели, государь, мне дать своё государево жалованье, подённой корм на зажилые дни.» [27]

Почему не выехал Сава Брага, поясняется в выписке Сибирского приказа.

«И в Сибирском приказе выписано:

в нынешнем во 176 [1668] году, февраля в 22 день, по помете на выписке диака Лва Ермолаева дано государева жалованья подённого корму илимс-

кому городничему Саве Браге с ево приезде февраля с 12 числа да февраля ж по 26 число на две недели 18 алтын 4 деньги, по 8 денег на день. А февраля с 26 числа июля по 16 число подённого корму ему не дано.

И великому государю [А. М.] сибирской илимской городничей Сава Брага бьёт челом, чтоб великий государь пожаловал ево своим государевым жалованьем, подённым кормом на зажилые дни.

И к выписке взята у него, Савы, за рукою скаска, зачем он, Сава, на Москве живёт и за каким делом. А в скаске ево написано: живёт де он на Москве за государевым делом о справке в посылку в Ылимской острог с ним, Савою, в прошлом во 172 [1664] году государевых денег, которых денег в Ылимском правят на нём. А тех де денег с ним, Савою, с Москвы в посылке не было.

И будет великий государь пожалует ево, Саву, своим государевым подённым кормом на те зажилые дни февраля з 26 числа да июля по 16 число, итого доведётца дать на те зажилые дни ему, Саве, на 20 недель 5 рублёв 20 алтын.» [28]

Ниже другим почерком написано:

«По указу великого государя выдать ему кормовые деньги на зажилые дни недели по указной статье с роспиской, для того что ево велено послать с ленскою казною до Илимского острогу.»

Действительно, долг за Савою Брагою в Илимске числился. В книге денежным доходам за 177 [1668—1669] год записано: «Из доимки ж на прошлой на 172 [1663—1664] год по отписке ис Тобольска боярина и воеводы князя Алексея Ондреевича Голицына с товарищи великого государя денежные недовозные казны на илимских служилых людех на городничем на Саве Оверкиеве да на казаке на Ивашке Решетнике помечено взяти семнатцать рублёв девять алтын четыре деньги.

И в то число из доимки на прошлой на 172 [1663—1664] год тобольские присылки денег на городничем на Саве Оверкиеве и на казаке на Ивашке Решетнике в помету не взято, потому что во 177 [1668—1669] году в Ылимском остроге городничево Савы Браги не было. Был в посылке на Москве. А как приедет с Москвы, и на нём возмётца.» [29]

Но ведь для того, чтобы справиться, посылали ли с ним в 1664 году деньги в Илимский острог большого труда и времени не требовалось, и не нужно было жить в Москве пять месяцев. В Сибирском приказе велись денежные расходные книги на каждый год. Некоторые нужные нам выдержки из них мы здесь приводим. Кроме того, если Сава Брага оставался в Москве с разрешения Сибирского приказа, то почему он за 20 недель не подал ни одной челобитной о подённом корме? Видимо, в Москве он оставался самовольно. Но это сошло ему с рук. Он пригодился для перевозки в Илимск государственной казны.

А какая это казна, записано в другом месте.

«176 [1668], марта в18 день, по указу великого государя куплено в сибирскую посылку в Сибирь в Ылимской острог для тамошних иноземских расходов ясачным людем в государево жалованье у садовника у Гришки Ондреева сына Малинина четыре пуда одекую крупного синего.» [30]

Одекуй — это крупный бисер. Кроме него были куплены сукна, медные котлы и оловянная посуда. Вот со всем этим и было решено отправить Саву Брагу. Сава Брага подал челобитную о выдаче ему подённого корма.

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Илимского острогу городничей Сава Аверкиев Брага.

По твоему государеву указу посылают меня, холопа твоего, с твоею государевою казною: с сукнами и с оловом, и с медью, и с одекуем на Ленской волок в Ылимской острог.

Милосердый государь [титул], пожалуй меня, холопа своего, своим государевым жалованьем, подорожным кормом.» [31]

На обороте этой челобитной написано:

«176 [1668], августа в 29 день. Будет подорожной корм не выдан, и ему дать в дорогу корм по указу и записать расход.»

Тут же отпись в получении денег :

«По сей челобитной илимской городничей Сава Брага государево жалование в дорогу рубль тринадцать алтын две деньги взял и росписался в его место сибирской протодьякон Козьма Фадей Трифанов.»

В расходной книге Сибирского приказа записано:

«Августа в 29 день по помете на выписке дьяка Льва Ермолаева сибирскому илимскому городничему Саве Браге государева жалованья подённого корму на зажилые дни февраля с 26 числа да июля по 16 число нынешнего 176 [1668] году, на дватцать недель, пять рублёв дватцать алтын дано, по осми денег на день, ис приёму подьячево Михаила Второва. Росписка в тех деньгах на выписке в расходном денежном столпу.

Августа в 29 день по помете на челобитной дьяка Григорья Порошина сибирскому илимскому городничему Саве Браге государева жалованья подённого корму от Москвы в дорогу с сего числа на пять недель рубль тринадцать алтын две деньги дано ис приёму подьячево Михайла Второва. Росписка в тех деньгах на челобитной в расходном денежном столпу.» [32]

Ясно, что при таком хорошем учёте выяснить, получал ли в 1664 году Сава Брага в Сибирском приказе деньги, не составляло труда.

В этой же расходной книге имеется запись:

«По указу великого государя [титул] и по помете на отписке дьяка Григорья Порошина куплено в сибирскую посылку в Сибирь в Ылимской острог для иноземских расходов ясачным людям в государево жалование у садовника у Гришки Ондреева сына Малинина четыре пуда одекую крупного синевого.

А денег ему за тот одекуй по цене сорок восемь рублёв дано, по десяти алтын за фунт, из приёму подьячево Михайла Второва. Росписка в тех деньгах на покупочной росписи, марта 18 число. И тот одекуй по указу великого государя в Сибирь в Ылимской острог послан с илимскими з городничим с Савою Брагою да с пашенным крестьянином с Савкою Ступиным.

Да с ним ж, Савою, в Ылимской же острог по памятем ис стола Товарных дел ис приёму гостя Ивана Климжина для иноземских расходов шесть пуд олова в блюдах.

Да ис приёму Суконной сотни Семёна Борина десять половинок сукон летчин красных цветов.

Да купленной меди, которая куплена в сибирскую ж посылку Суконной сотни у Фёдора Мялицы на пять пуд меди зелёной в котлах и в тазех, послано за их приёмом и отвесом.» [33]

Далее другим почерком записано:

«Илимские городничей Сава Брага да пашенной крестьянин Савка Данилов в сибирскую посылку в Ылимской острог десять половинок сукон летчин красных, пять пуд олова в блюдах, пять пуд меди зелёной в котлах, четыре пуда одекую приняли всё сполна.

А по их велению кевролец царской дьячѣк Ивашко Иванов Поткин руку приложил.» [34]

То же самое было заготовлено для отправки в Якутский острог. В расходной книге имеется ещё одна запись:

«Апреля в 14 день по указу великого государя [А. М.] куплено в сибирскую посылку в Сибирь в Ылимской и на Лену в Якуцкой остроги для тамошних иноземских расходов ясачным людям в государево жалованье Суконной сотни у торгового человека у Фёдора Петрова сына Мялицына дватцать пуд меди зелёной в котлах и в тазех.

<...> И ис тово числа той меди в Ылимской острог послано пять пуд с ылимским городничим с Савою Брагою. А достальная медь, пятнатцать пуд, по указу великого государя послано в Сибирь на Лену в Якуцкой острог для иноземских расходов со Вторым Катаевым да с подьячим [Иваном — Г. К.] сыном Давыдовым за их приёмом и отвесом.

Да по помете на выписке дьяка Лва Ермолаева куплено на Лену ж в Якуцкой острог москотильного ряду у торгового человека у Перфилия Панкратьева десять пуд одекую крупного голубово, за пуд по двенатцати рублёв по десяти алтын за фунт. Итого дватцать рублёв.

Да бисеру мелково и середнего, голубово и белово, и чёрново, пять пуд, по шеснатцати рублёв за пуд, по тринацати алтын по две деньги за фунт. Итого восемьдесят рублёв. Всего по цене за тот одекуй и за бисер денег двесте рублёв.

<...> И тот одекуй и бисер по указу великого государя в Сибирь на Лену в Якуцкой острог для иноземских расходов послано с ленскими ж со Вторым Катаевым да с Ываном Давыдовым за их приёмом и отвесом.» [35]

Сборы были долгими:

27 июля 1668 года была написана подорожная Саве Браге.

11 августа — подорожная Второму Катаеву.

30 августа была написана память Второму Катаеву и Саве Браге, как им действовать в дороге.

31 августа — память о выделении казаков-проводящих.

1 сентября написан указ давать подводы.

1 сентября прибыли в Ярославль и в этот же день поехали дальше. [36]

Ехали северным путём. Сохранилась ямская книга Соли Вычегодской за 177 [1668—1669] год. В ней записано:

«Декабря в 3 день [1668 г.] ехал с Москвы в Сибирь по государеве мос-

ковской подорожной. Велено давать ленскому сыну боярскому Второму Катаеву великого государя под денежную казну, под три тысячи рублёв, да под пятьдесят пуд одекую, да под пятнатцать пуд меди зелёной в котлах три подводы с санями и с проводники.

Да ему, Второму Катаеву, от Москвы до Устюга Великого вприбавку подводу до Якуцкого острогу две телеги и с проводники везде, не издержав ни часу.

Печать у подорожные государева — орел двоеглавой.

Число в подорожной 176 [1668] году, августа в 11 день.

С ними же вместе ехали с Москвы по другой говудареве московской подорожной. Велено давать илимским служилым людем городничему Саве Браге две подводы да Савке Данилову подводу. Да великого государя под казну, под десять половинок сукон да под шесть пуд олова блюдного, под пять пуд меди в котлах и в тазех, под четыре пуда одекую две подводы с санями, с проводники везде, не издержав ни часу.

Печать у подорожные государева — орёл двоеглавой.

Число в подорожной 176 [1668] году, июля в 27 день.

Отпущен по памяти за приписью диака Лва Ермолаева.» [37]

Как видим, езда была не быстрой, за четыре месяца едва добрались до Соли Вычегодской, хотя и предписано было давать им подводы, «не издержав ни часу.»

Упомянутый здесь Савка Данилов Ступин, по прозвищу Борода, был пашенным крестьянином на Илеме. Приезжал в Сибирский приказ с челобитной.

Вот такие подробности записывались в ямских книгах. Ямские книги велись в Ярославле, Вологде, Тотьме, Устюге Великом, Соли Вычегодской. Но за 176 год (с 1 сентября 1667 по 1 августа 1668 года), где могла бы быть запись о Хабарове, ни одна книга не сохранилась.

Документов о возвращении на Лену Хабарова ни один историк не приводит. О его смерти тоже до последнего времени не было ясности, хотя в литературе встречаются либо догадки, либо ни на чём не основанные утверждения.

Паршин писал: «От первого [Илимского — Г. К.] острога осталась — нам на память — деревянная церковь, в ограде которой, говорят, похоронен знаменитый Хабаров — завоеватель Амура, умерший в сане сына боярского.» [38] Оговорка: «говорят» свидетельствует о том, что Паршин не считал это сведение достоверным.

А вот что писал С. Максимов о месте смерти Хабарова: «Амурский герой успел, однако, вернуться в Якутский край и умер здесь, но не в Усть-Куте, а Илимском остроге при устье р. Илима, впадающего в Лену.» [39]

Такая вот история с географией. Слабо знакомым с сибирской географией поясним: Илим впадает не в Лену, а в Ангару. Конечно же, никакой ссылки на исторические документы не даётся. По этой причине стали появляться различные предположения о месте захоронения Хабарова.

1 декабря 1981 года в газете «Тихоокеанская звезда» была опубликована статья А. Чернявского «По следам Хабарова», в которой поднимался «воп-

рос, где же похоронен Хабаров? Вопрос, на который есть определённый ответ: неизвестно. Ни один учёный-исследователь подвигов русских землепроходцев не смог на этот вопрос дать определённый ответ. И уж если кто-то из них решался называть адрес, обязательно со словом «по-видимому». Последние годы жизни Хабарова затеряны в недрах почти четырёх [так в тексте — Г. К.] столетий.»

Далее в статье рассказывается о находке на кладбище села Калинино, в четырёх километрах от города Нерчинска, надгробной плиты из песчаника с надписью «Ерофей Павлович». «Слово <<Хабаров>> прочитывалось плохо, видна была хорошо первая буква и некоторые другие.»

Затем он сообщает сведения о жизни Хабарова, которые не имеют ничего общего с действительными: «Неизвестно, чем занимался Хабаров до 1658 года. Но в этом году он вновь появился в Сибири. Долгое время провёл в Усть-Киренском острожке, выполняя обязанности главного местного чиновника.»

Отметим здесь, что Киренский острожек был построен в 1681 году, спустя одиннадцать лет после смерти Хабарова. Скажем пока без всяких подробностей, что осенью 1653 года Хабаров выехал с Амура в Москву, прибыл туда 21 декабря 1654 года, из Москвы выехал в июле 1656 года. На Лену он вернулся не в 1658, а в августе 1657 года. Киренским приказчиком был по май 1659 года. Затем с 30 мая 1659 года была поездка в Тугирский острожек, оттуда поездка в Якутск в августе 1659 года. Из Якутска он выехал 5 июля 1660 года на Чечуйский волок.

«После 1660 г. он покидает Усть-Киренгу и перебирается в Илимский острог», — пишет А. Чернявский. В действительности же, пять лет, с 1660 по 1665, Хабаров (с двумя выездами в Якутск в 1663 и в 1664 годах) проводит на Чечуйском волоке «за приставом» в связи с взысканием с него долга за амурский поход. В 1665 году он «сошёл» в Илимский уезд, а в 1667 году был послан в Москву с соболиною казною.

Далее Чернявский выдвигает предположение о происхождении второй фамилии Хабарова — Святицкий. «Не в монастыре ли прибавили её к фамилии старца Хабарова?» — вопрошает он.

При этом он имеет в виду монастырь, который был недалеко от села Калинина в другом селе с названием Монастырище. О существовавшем когда-то Нерчинском монастыре есть краткое и, видимо, не совсем точное упоминание в книге архимандрита Амвросия «История Российской иерархии»:

«Нерчинский Успенский упразднённый мужеский монастырь находился Иркутской епархии близ города Нерчинска к востоку от онаго за рекою Ингодою. До Штатов 1764 года было за ним крестьян 150 душ, а по Штатам упразднён.» [40]

Здесь река Шилка ошибочно названа Ингодою. Нерчинск находится на левой стороне Шилки, а село Калинино на правой. Примерно в девяноста километрах выше Ингода и Онон, сливаясь, образуют Шилку. Амвросий не называет год основания монастыря, но в XVII веке его не было. В многочисленных архивных документах, относящихся к Нерчинску, упоминаний о монастыре нет, потому что он основан в XVIII веке. Вот что написано у

Н. Д. Музгина: «С. Калининское находится на правой стороне Шилки в 10 км от города. <...> Село возникло в 1690 г. В 1706 г. в нём основан мужской монастырь.» [41]

Что же касается фамилии Святицкий, то её имел не старец, а молодой промышленный или торговый человек Ерофей Павлов сын ещё до его появления на Лене, во время пребывания в Мангазее и на Таймыре. А фамилию эту ему приписали по названию его родной деревни Святица. Об этом подробно рассказано в главе «Первые годы в Сибири». Такой случай не единственный. Известного племянника Ерофея Хабарова Артемия Филипова Кривошапкина писали по фамилии Петриловский, так как родом он был из деревни Петрилово.

«Легенда утверждает, что Хабаров прожил чуть ли не сто лет. Установить это невозможно», — сообщает А. Чернявский.

Конечно, находку подозрительной надгробной плиты не следовало бы замалчивать, как и не следовало бы высказывать различные домыслы. В этом А. Чернявский оказался смелее критикуемых им историков, сопровождающих свои предположения словом «по-видимому».

На эту статью откликнулся Б. П. Полевой. Он писал:

«Не сомневаюсь, что в ближайшем будущем мы сможем узнать совершенно точно, когда и где умер Ярофей Хабаров. Дело в том, что такая отметка должна быть в окладных книгах Илимского острога.

Когда я пытался разыскать такие книги, огромный фонд Илимской приказной избы [сейчас ф. 494, Илимская воеводская канцелярия — Г. К.], доставленный В. Н. Шерстобоевым в Москву в Центральный гос. архив древних актов (ЦГАДА) [сейчас РГАДА — Г. К.], ещё не был разобран, и поэтому для исследователей-историков он оставался недоступен. Копии этих книг могут быть найдены в фондах Сибирского приказа. На этом и основана моя уверенность в том, что точная дата смерти Ярофея Хабарова, несомненно, ещё будет установлена.

Но и теперь уже кое-что известно о смерти Ярофея Хабарова.

В. Н. Шерстобоеву в том же изученном богатейшем фонде Илимской приказной избы удалось найти челобитную монахов Киренского монастыря, в которой они извещали илимского воеводу Силу Осиповича Оничкова в смерти Хабарова. 9 февраля 1671 года они писали: «А ныне он, Ярофей, умер.» — и просили передать те земли, которые покойный завещал монастырю. Поэтому, скорее всего, Хабаров умер в самом начале февраля 1671 г. в своей деревне Хабаровке вблизи Киренска на верхней Лене.

Правда, историк Киренска, директор местной городской вечерней школы Н. Ф. Горбунов полагает, что Хабаров умер в самом Киренском монастыре и поэтому считает, что там и должна находиться его могила. « [42]

На каком основании Н. Ф. Горбунов «полагал», не сказано.

Но напрасно Б. П. Полевой возлагал надежду на фонд Илимской воеводской канцелярии. Книг за нужные годы в нём нет. А в фонде Сибирского приказа есть, но не все. В сохранившихся окладных и раздаточных книгах жалованья наблюдается следующая картина:

Окладная книга жалованья за 168 [1659-1660] год. В ней записано: «Сын

боярской Ярафей Павлов сын Хабаров. Двенатцать чети ржи, двенатцать чети овса, три пуда соли». [43]

Окладная книга жалованья за 169 [1660—1661] год. В ней записано то же. [44]

Окладная книга жалованья за 170 [1661—1662] год. В ней записано: «Сын боярской Ярофей Павлов сын Хабаров пашет пашню.» [45]

За 171, 172 годы в фонде Сибирского приказа нет ни окладных, ни раздаточных книг жалованья. Однако, как сообщает А. А. Ионов в книге «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века» [46], среди бумаг Восточно-Сибирского отделения императорского Русского Географического общества имелась копия окладной книги за 171 [1662—1663] год, в которой числился Хабаров с окладом денежного жалованья 5 рублей 70 копеек. Копия этой книги сейчас утрачена.

Окладная книга жалованья за 173 [1664—1665] год. В ней Хабаров числится. [47]

Расходная книга заморским товарам, сукнам и кумачам за денежное жалованье за 177 [1668—1669] год. [48]. Хабаров не числится. Сава Брага тоже не записан.

Окладная книга жалованья за 178 [1669—1670] год. [49] В ней Хабаров почему-то не числится, а Сава Аверкиев Брага записан. [50]

Раздаточная книга жалованья за 178—189 [1669—1681] годы. [51] Хабаров не числится, но в этой книге есть запись, кто был повёрстан на место Хабарова:

«Сын боярской Иван Микифоров сын Качин. <...> А повёрстан он, Иван, в дети боярские по указу великого государя и по грамоте на Москве во 186 [1678] году, марта в 6 день, на умершаго сына боярского на Ярафеево место Хабарова и в его оклад.» [52]

До этого Иван Качин был атаманом казачьим. [53] Отец Ивана Качина Никифор также был илимским сыном боярским. Возможно, в деле о поверстании Ивана Качина в дети боярские что-то было сказано о Хабарове, но за 186 год никаких дел по Илимскому воеводству не сохранилось.

По какой причине место умершего Хабарова долгое время оставалось незанятым, неизвестно.

Загадка здесь состоит в том, почему не числится Хабаров в окладной книге 178 года.

Что же касается сведений, сообщённых в «Тихоокеанской звезде», то вот что Б. П. Полевой писал по этому поводу:

«Во всяком случае, нет никаких оснований полагать, что Хабаров умер в Забайкалье. Видимо, найденная в Калининe плита, о которой сообщала <<Тихоокеанская звезда>> 1 декабря 1981 года, связана с каким-то другим Ерофеем Павловичем. Тогда его называли Ярофеем или Ярафеем Павловым сыном. Несомненно, внимательное изучение найденной плиты позволяет расширить происхождение легенды о пребывании Хабарова около Нерчинска, где он на самом деле никогда не был за всю свою богатую приключениями жизнь.

Таковы основанные не на домыслах, а на достоверных архивных доку-

ментах точные данные о последних годах жизни знаменитого Ярофея Хабарова.» [54]

После опубликования статьи Б. П. Полевого А. Чернявский согласился с его доводами. В статье «Версия не подтвердилась» он писал:

«Документальный факт о смерти Хабарова, установленный Б. П. Полевым, таким образом, лишает научной ценности забайкальскую находку хабаровчан.» [55]

Далее он сообщает о письме, полученном от Ф. Г. Сафронова:

«Сафронов пишет: <<Теперь этот вопрос можно считать, пожалуй, решённым. Ерофей Павлович Хабаров умер на Лене в районе Киренска в своей заимке. По словам Б. П. Полевого, он в районе Нерчинска никогда не был за всю свою богатую приключениями жизнь>>».

Таким образом, забайкальская находка и высказанная на её основе гипотеза о месте захоронения Хабарова не подтвердилась.

Исполняющая обязанности директора Нерчинского краеведческого музея Г. Г. Петрова, сообщая о том, что музей не располагает какими-либо доказательствами о захоронении Хабарова в Калинине, указала и на неточности в газетной публикации. Принося извинения читателям, вношу эти поправки Г. Петровой. Село, где ранее находился мужской монастырь, называлось Монастырское, а не Монастырище. Переименовано в Калинино в связи с пребыванием М. И. Калинина, который выступал здесь на митинге перед жителями села и прибывшими делегатами из других сёл Нерчинского уезда.»

Вслед за этим вышла книга Ф. Г. Сафронова, в которой он подытожил: «Из челобитной Е. П. Хабарова на имя П.И. Годунова мы знаем, что в 1667 году он выехал в Тобольск и затем в Москву, откуда вернулся на Лену в 1668 году.

А вот дальше полная неизвестность. В окладной книге 1671 г. и последующих годов Ерофей Павлович уже не упоминается (СП, кн.595).

Однако, вопрос прояснился в самое последнее время. Б. П. Полевой документально установил, что Хабаров умер в своей деревне Хабаровке вблизи Киренска. Ему тогда было под семьдесят.» [56]

Отметим мимоходом неточности, допущенные Сафроновым. Челобитные всегда писались на имя государя, и никогда не писались на имя воеводы. Челобитная эта приведена выше. Она писалась по пути в Москву, и из неё никак не следует, что Хабаров вернулся на Лену в 1668 году. Как раз этот вопрос до сих пор остаётся не прояснённым. Окладной книги за 1671 год не сохранилось, а в окладной книге 595 искать Хабарова нет смысла. Она относится к 182 [1673-1674] году, когда Хабарова уже не было в живых.

А документ, в котором сообщается о смерти Хабарова, есть. Рассмотрим сначала его, а уж потом попытаемся выяснить и другие вопросы. В первую очередь надо исходить из того, что имеется. О смерти Ерофея Хабарова известно из данной на Хабаровскую заимку. Эта данная сохранилась в копии.

«Лета 7179 [1671], февраля в 9 день, били челом великому государю [А.М.], а на Ленском волоку в Ылимском остроге в Съезжей избе воеводе Силе Осиповичю Аничкову подал челобитную Усть-Киренской Троецкой

пустыни старцов, казначея Иосифа з братьею, тоё ж Троецкой пустыни вкладчик Софронко Емельянов. А в челобитной их написано:

В прошлом во 175 [1667] году Илимского острогу сын боярской Ярафей Павлов сын Хабаров приложил в Троецкой монастырь и поступную за своею рукою дал, что после ево, Ярофеевы, смерти тоё ево, Ярофеевою, заимкою владеть Троецкого монастыря им, старцом, и постричь им в том монастыре пять человек убогих нищих.

А ныне он, Ярафей, умер.

И великий государь пожаловал бы их, старцов, по поступной Ярафея Хабарова: велел тоё Ярофеевскую заимку, пашенную землю и санными [так в тексте — Г. К.] отдать в Троецкой монастырь из оброку. А они де, старцы, с тоё заимки платят великого государя в казну с нынешняго со 179 [с 1 сентября 1670] году по осмидесяти пуд ржи, по шестидесят пуд ярового хлеба, ячмени и овса, на год, и впредь в ыные годы беспереводно.

И по указу великого государя [титул] воевода Сила Осипович Оничков по выписке и по поступной Илимского острогу сына боярского Ярафея Хабарова дал сию даную на ево, Ярофеевскую, заимку Усть-Киренского Троецкого монастыря старцам, казначею Иосифу з братьею, из оброку. А оброку с тоё Ярафеевские заимки платить им, старцам, великого государя в казну по [о]смидесяти пуд ржи на год по вся годы со 180 [с 1 сентября 1671] году беспереводно.

А на нынешней на 179 год с тоё Ярофеевские заимки Хабарова хлебново оброку с них, старцов, не взято, потому что Ярафеевские пахоты Хабарова хлеб, которой на той Ярафеевской заимке к нынешнему ко 179 [к 1 сентября 1670] году родился, взят великого государя в казну.

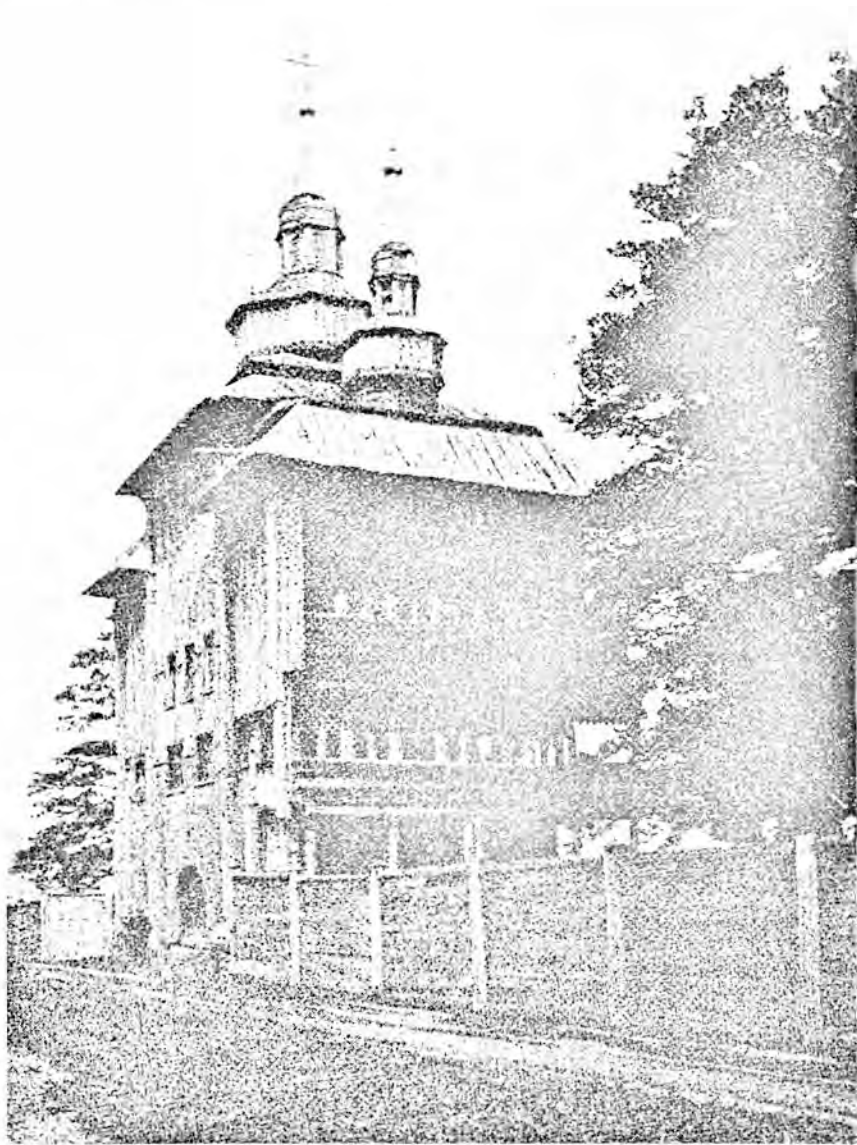
А для тягла оброчного платежу великого государя в казну дано им, старцом, из Ярофеевских статков Хабарова против десятинных пашенных крестьян дву человеком две лошади и мерин шерстью сер, кобылу, пашенново заводу: трои сошники, четыре серпа, четыре косы, два топора-тупица да на сеяной хлеб, которой на той же Ярофеевской заимке сеян [написано: сеял — Г. К.] к нынешнему ко 179 [к 1 сентября 1670] году.

И тою Ярофеевскою заимкою Хабарова Усть-Киренского Троецкого монастыря старцам, казначею Иосифу з братьею, и вкладчикам Нехорошему Павлову с товарищи пашенною землёю и санными покосы, и скотинным выпуском, и рыбными ловлями, и всякими угоды, и двором со всеми дворовыми хоромы, и житницами, опроче замков, чем Ярафей Хабаров владел, по сей даной и по поступной памяти Ярафея Хабарова владеть и хлеб на себя им, старцам, пахать, и сена ставить, и с тоё пахоты великого государя в казну оброчной хлеб по сей даной платить повсягодно беспереводно до указу великого государя. И по поступной Ярафея Хабарова убогих нищих людей пяти человек, в том числе прежняго усольского солончаря Федьку Пулягу, в Троецком монастыре им, старцам Иосифу з братьею, построить без вклада.

К подлинной даной великого государя [А. М.] печать земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу воевода Сила Осипович Оничков приложил.

На подлинной даной на обороте писано: справил Андрюшка Иванов.» [57]

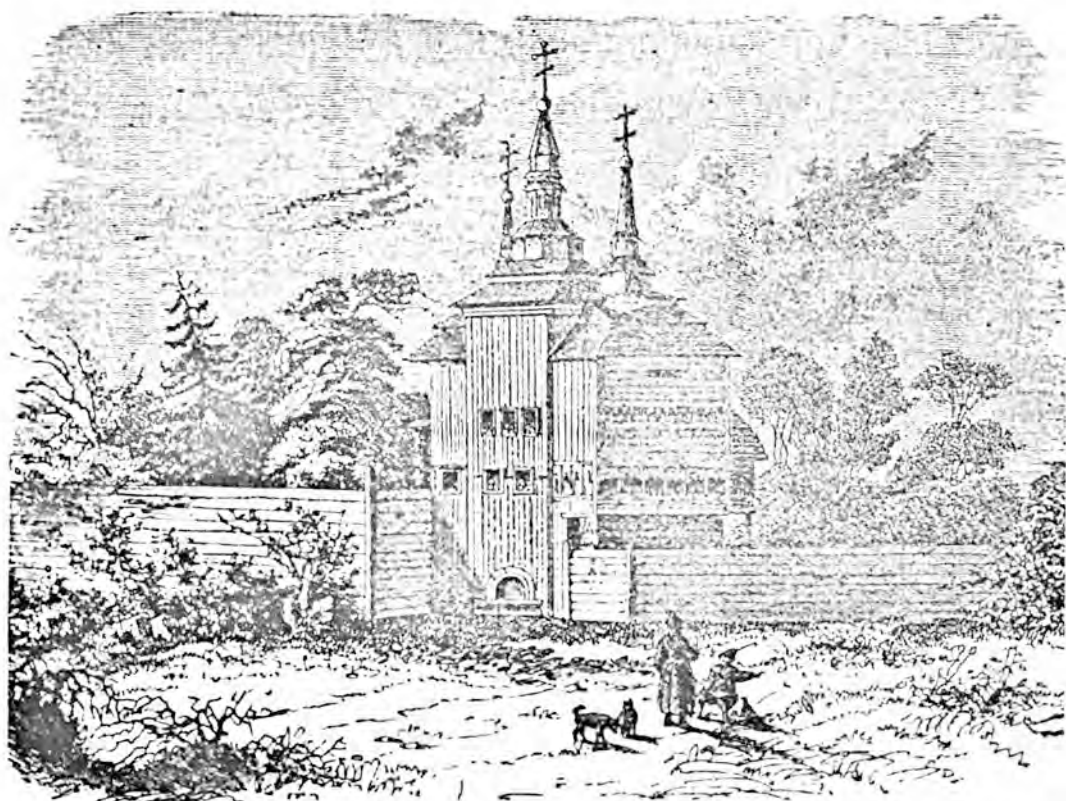
Андрюшка Иванов (полное его имя Андрей Иванов сын Поповых) — подъячий Илимской Съезжей избы. А соловар Федька Пуляга в поступной памяти на Хабаровскую заимку назван Варзугой Микулиным. Он был сослан в пашню, но потом переведён в усть-кутские соловары. Неизвестно, в каких отношениях он был с Хабаровым. На Лене он появился спустя десять с лишним лет после того, как усть-кутская соляная варница Хабарова была «взята на государя.»

Киренская надвратная церковь. XVII в. Вид с улицы

Когда и где умер Хабаров, не сообщается, а других источников нет. Поэтому попытаемся прочесть то, что написано здесь «между строк», другого выхода нет. Обратим внимание на слова:

«А они де, старцы, с тоё заимки платят великого государя в казну с ны-

Троицкая церковь в Киренске

нешняго со 179 [с 1 сентября 1670] году.» Уже платят. При живом Хабарове бы не платили. При внимательном рассмотрении челобитной видно, что в ней речь идёт не о передаче заимки Хабарова в собственность монастырю, а об уменьшении оброка. Вначале монахи заплатили оброк в том размере, в каком платил Хабаров: «по осмидесяти пуд ржи, по шездесят пуд ярового хлеба, ячмени и овса.» Теперь же им воевода сделал послабление, назначил платить только «по осмидесят пуд ржи.»

«А на нынешней на 179 год с тоё Ярофеевские заимки Хабарова хлебно оброку с них, старцов, не взято, потому что Ярофеевские пахоты Хабарова хлеб, которой на той Ярафеевской заимке к нынешнему ко 179 [к 1 сентября 1670] году родился, взят великого государя в казну.»

«...дано им, старцом, <...> насеяной хлеб, которой на той Ярофеевской заимке сеян к нынешнему ко 179 [к 1 сентября 1670] году.» [речь идёт об озимой ржи].

Из того, что урожай хлеба с пахоты Хабарова в 1670 года был взят в казну (он в поступной памяти хлеб не завещал монастырю, там написано: «опричь насеяного хлеба и медной посуды, и железного заводу, скота: лошадей и коров») следует, что известие о смерти Хабарова поступило до уборки урожая 1670 года. а то, что осенний сев на заимке Хабарова был проведён его работниками, свидетельствует о том, что во время осеннего сева известия

о смерти ещё не было. Вопреки поступной памяти засеянный хлеб отдали монастырю. При живом Хабарове такой делёж бы не проводился.

О сроках полевых работ на ленских пашнях в одном из документов сообщается следующее: «начинают пахать и сеять яровые не ранее мая с 5-го, а рожь августа с 1-го чисел. Снимается с поля каждого роду хлеб в августе месяце.» [58] Учёт всех этих обстоятельств позволяет утверждать, что Хабаров умер в августе 1670 года, а не в начале февраля 1671 года, как полагал Б. П. Полевой.

Однако, здесь никак не уйти от вопроса, почему не записан Хабаров в окладной книге жалованья за 178 [1669—1670] год. Долгое отсутствие — не причина для исключения. Ведь Сава Брага, который вернулся на Лену позже Хабарова, записан. Предположение, что Хабаров умер или долгое время задерживался в дороге не подходит по следующей причине. В упомянутой выше «Записной книге воеводских отписок Сибирского приказа» отписок об этом не значится, а они неминуемо были бы. К примеру, ленский сын боярский Второй Катаев, с которым вместе ехал Сава Брага, по дороге умер в Верхотурье, и об этом в записной книге значится, ни много ни мало, четыре отписки. [59] Лучше всего подходит предположение, что Хабаров всё же на Лену вернулся, но потом заболел и по этой причине был отставлен от службы.

Кому досталось то имущество, которое Хабаров не завещал монастырю, неизвестно. У Хабарова было два сына Андрей и Максим. В книге В. Н. Шерстобоева приводится подводная роспись ленского пашенного крестьянина Аврамки Андреева сына черкашенина, пахавшего в Балахонской заимке (на верхнем конце Киренска): «179 [1671] года, марта ... в день», в которой среди прочего записано: «Ехал илимской служилой человек на Хабарову заимку для Ярафеевых животов, имал подводу с повоста до Хабаровой деревни вперёд и назад». Шерстобоев замечает: «Видимо, шел раздел имущества Ярафея Хабарова вскоре после его смерти». [60] Сейчас эта подводная роспись находится в фонде Якутской приказной избы, а не в фонде Илимской воеводской канцелярии, как это было во времена Шерстобоева. [61]

Есть ещё один загадочный документ, который говорит в пользу предположения, что после возвращения на Лену Хабаров некоторое время ещё побыл приказчиком. В книге В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня» т. 1 на странице 344 приведено изображение повреждённого листа из умолотной книги. От листа уцелела половина, остальная часть сгнила. После перевозки из Иркутска в Москву эта книга вообще утрачена. Главную часть сохранившейся записи на этом листе В. Н. Шерстобоев прочитал следующим образом:

«175-го году по опыту и по умолоту по Киренге реке Усть-Киренского приказного человека Ярофея Хабарова».

Однако, обозначение года больше похоже на 177 (ροξ). Цифра 5 обозначалась буквой «ε» (как греческая «эпсилон»), а в документе она похожа на русскую прописную «з», которой обозначалась цифра 7, с несколько укороченным или повреждённым «хвостиком». То, что Шерстобоев неправильно прочитал последнюю букву в обозначении года можно убедиться, сличив её с изображением букв, приведённом в книге Л. В. Черепнина. [62]

А	α α α α α α α α α
Б	β β β β β β β β β
В	π π π π π π π π π
Г	γ γ γ γ γ γ γ γ γ
Д	Δ Δ Δ Δ Δ Δ Δ Δ Δ
Е	ε ε ε ε ε ε ε ε ε
Ж	ж ж ж ж ж ж ж ж ж
З	з з з з з з з з з
И	и и и и и и и и и
І	і і і і і і і і і
К	κ κ κ κ κ κ κ κ κ
Л	λ λ λ λ λ λ λ λ λ
М	μ μ μ μ μ μ μ μ μ
Н	η η η η η η η η η
О	ο ο ο ο ο ο ο ο ο
П	π π π π π π π π π
Р	ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ
С	ς ς ς ς ς ς ς ς ς
Т	τ τ τ τ τ τ τ τ τ
У	υ υ υ υ υ υ υ υ υ

Скорпись XVII века

175-й год начинался с 1 сентября 1666 года и заканчивался 31 августа 1667 года. Сопоставим это с другими событиями из жизни Хабарова. Известно, что он выехал из Илимска в Москву 29 июля 1667 года; значит, в этом году заниматься выделом и умолотом хлеба не мог. А мог ли заниматься осенью 1666 года? Но у самого же Шерстобоева содержится неявный отрицательный ответ на этот вопрос. Шерстобоев описывает другую книгу за 175 же год, которая была подшита после книги Хабарова на листах 17-46 об. и которая сейчас тоже утрачена. Шерстобоев пишет:

«Воспользуемся данными книг 1667 года. <...>Для выдела хлеба в государеву казну были назначены: приказчик Иван Решетник, илимские слу-

жилые люди Ганька Торлопов и Овдейка Басов, и житничный целовальник Мирошка Ильин « (с. 346) ».

На листах 17-46 об., где была эта книга, скрепа: «К сей выдельной и ужинной, и умолотной книге вместо усть-киренского пашенных крестьян прикащика Ивана Емельянова Решетника по его велению промышленной человек Ларька Иванов Котельников руку приложил.»

А	α α α	С	с с с
Б	β β β β	Т	т т т т
В	α Δ α Δ α β β β	У	у у у у у
Г	γ γ γ γ γ	Ф	—
Д	Δ Δ Δ Δ Δ α α α α	Х	х х х х
Е	ε ε ε ε	Ц	ц ц ц ц
Ж	ζ ζ ζ ζ ζ	Ч	ч ч ч ч
З	ζ ζ ζ	Ш	ш ш ш ш
И	η η η η η	Щ	щ
І	ι ι ι	Ъ	ъ ъ ъ
К	κ κ κ κ	Ы	ы ы ы ы
Л	λ λ λ λ	Ь	ь ь ь ь
М	μ μ μ	Ѳ	Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ
Н	η η η	Ю	ю ю ю ю ю
О	ο ω	Я	я я я я
П	π π π π π	Ѣ	Ѣ Ѣ Ѣ
Р	ρ ρ ρ ρ ρ	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ

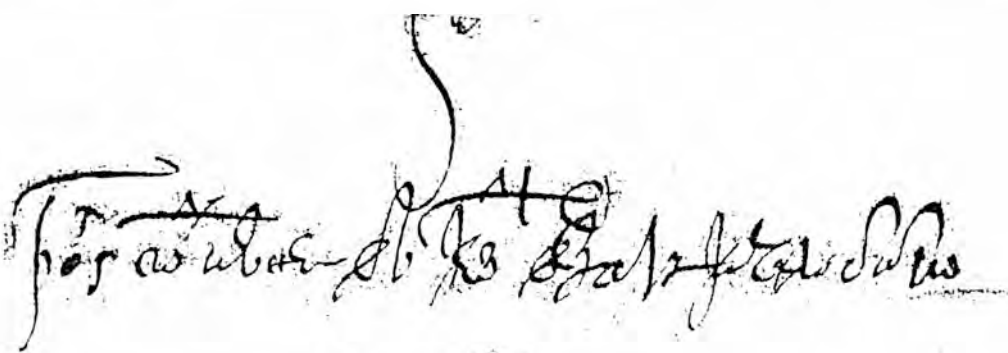
Начертание строчных букв. Вторая половина XVII в.

Книгу Ивана Емельянова Решетника Шерстобоев относит, как и книгу Хабарова, к тому же 175 году. Но ведь в одно и то же время не должно было быть два приказчика в одной и той же Усть-Киренской волости. Кроме того, Ганька Торлопов осенью 1667 года на Лене не был, а был в Москве. Это следует из отписки илимского воеводы Силы Осиповича Оничкова: «окладные книги в нынешнем во 175 [1667] году, мая в 17 день, послал я, холоп твой, к тебе, великому государю [А. М.], к Москве <...> с ылимскими служилыми людьми с Терёшкою Салдатом, з Гаврилком Торлоповым.»[63] Грамота об их убытии из Москвы была написана 28 декабря 1667 года [64] , а подорожная 9 февраля 1668 года . [65]

По нашему мнению, ужинная книга Хабарова относится не к 175 [1666—1667], а к 177 [1668—1669] году.

На том же фото 18 в книге Шерстобоева имеются слова: «...и что взято Ярофиевы дачи по кабалам Хабарова.» Ясно, что речь идёт не о личных кабалах, а о казённых. А хлеб по кабалам мог давать только приказчик. Возникает вопрос: когда мог быть выдан хлеб по кабалам? Хабаров выехал из Москвы 26 февраля 1668 года. К весеннему севу он приехать никак не мог. Видимо, хлеб выдавался летом (часто крестьяне не могли дотянуть до нового урожая), а осенью долги взыскивали. Эти соображения позволяют считать, что Хабаров на Лену всё-таки вернулся.

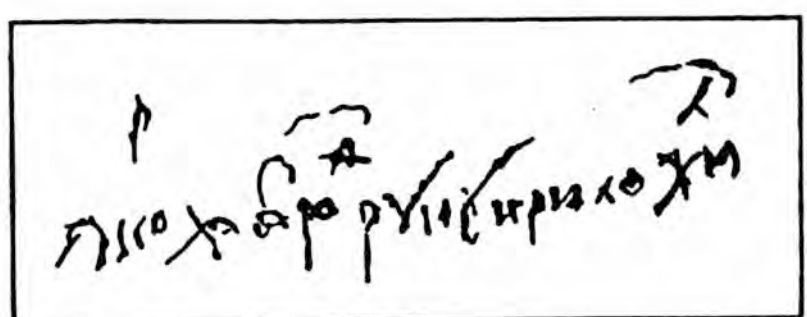
А зимой 1669 года киренским приказчиком был уже Терентий Пашков. Есть документ, где об этом сказано: «177 [1669] году, марта в 23 день, бил челом великому государю, а на Усть-Киренги в Судной избе приказному человеку Терентью Пашкову подал челобитную ...» [66] и т. д. Таким образом, можно утверждать, что осенью 1669 года Хабаров был приказчиком в Усть-Киренской волости. А после этого о живом Хабарове документов не сохранилось.

Ярофис Павловъ Хабаровъ

Ярофис Павловъ Хабаровъ

Ярофис Павловъ Хабаровъ

Рукопекладство Ерофея Павловича Хабарова и Артемия

И в заключение выскажемся по поводу спора между Б. П. Полевым и Ф. Г. Сафроновым о том, как же называли Хабарова, Ерофеем, или Ярофеем. Полевой писал:

«Советские историки давно уже условились не модернизировать имена и фамилии, а давать их в той транскрипции, которая была принята в те времена, когда исторические герои жили и действовали. В XVII веке Хабарова очень редко называли Ерофеем. В официальных бумагах тогда его именовали Ярофеем, уменьшительно — Ярکو, сам же он себя называл Ярафеем.» [67]

С ним не соглашался Сафронов:

«Следует сказать несколько слов и о попытках архаизировать написание имени Ерофея Павловича Хабарова. Видимо, всё же следует писать не Ярофей, а Ерофей. В 17 веке не было строго принятой транскрипции именослов. Поэтому и писали Василий — Василей, Владимир — Володимир, и т. д. У нас нет никаких достоверных данных, которые позволили согласиться с утверждением Б. П. Полевого, будто Хабаров называл себя именно Ярофеем. Мы просто не можем знать, как он себя называл.» [68]

Слово «архаизировать» здесь не совсем удачное. По отношению к тому времени, когда жил Хабаров, употребление имени Ярофей не было архаизацией. Действительно, прав Полевой, когда утверждает, что в XVII веке Хабарова редко называли Ерофеем. Но всё же называли. Что же касается утверждения Сафронова о том, что мы просто не можем знать, как он себя называл, то с этим согласиться нельзя. Есть документы с «рукоприкладствами» Хабарова, в которых он сам называет своё имя. К примеру:

18 апреля 1649 года — Ярофи[й]ко [69]

10 июля 1650 года — Ерофи[й]ко [70]

3 сентября 1655 года — Ярکو [71]

15 июля 1664 года — Ярофи[й]ко [72]

29 сентября 1664 года — Ярофи[й]ко [73]

27 июля 1665 года — Ярофи[й]ко [74]

А имеет ли это большое значение для истории ?

Примечания

1. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 27—27об.
2. Ф. 214, ст. 684, л. 202, 201, 200 — нумерация обратная.
3. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 28—28 об.
4. Ф. 214, ст. 344, л. 208—209.
5. Ф. 214, кн. 306, л. 121
6. Ф. 214, ст. 556, л. 56 .
7. Ф. 214, ст. 381, л. 96об.
8. Там же, л. 92.
9. Там же, л. 96об.
10. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983, с. 79.
11. Там же, с. 80.
12. Ф. 214, ст. 639, л. 202.

13. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 927, л. 8.
14. Ф. 214, ст. 873, л. 61-63.
15. Ф. 214, ст. 684, л. 204.
16. Ф. 214, ст. 811, л. 97.
17. Ф. 214, ст. 818, л. 179.
18. Ф. 214, ст. 521, л. 18.
19. Там же, л. 19.
20. Ф. 214, ст. 811, л. 98—99.
21. Ф. 214, кн. 530, л. 419об—420.
22. Ф. 214, ст. 521, л. 38.
23. Ф. 214, ст. 1157, л. 61.
24. Там же, л. 62—63.
25. Там же, л. 62об—63об.
26. Ф. 214, ст. 864, л. 198.
27. Ф. 214, ст. 1157, л. 119.
28. Там же, л. 120.
29. Ф. 214, кн. 526, л. 3—3об.
30. Там же, л. 79.
31. Там же, л. 120.
32. Ф. 214, кн. 530, л. 451—451об.
33. Там же, л. 502—502об.
34. Там же, л. 502об.
35. Там же, л. 503—504.
36. Ф. 214, ст. 870, л. 81, 82, 91, 94, 96, 98.
37. Ф. 137, оп. 1, Ямская книга Соли Вычегодской, ед. хр. 33, л. 65—66об.
38. Паршин. Заметки о Киренском округе и реке Лене. // Иркутские губернские ведомости, 1860, № 39, с. 3.
39. Живописная Россия, т. 12, ч. I, СПб, 1895, с. 265.
40. Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии, кн. 5, М., 1813, с. 161.
41. Музгин Н. Д. Город Нерчинск. Иркутск, 1978, с. 67.
42. Полевой Б. П. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву. // Дальний Восток, Хабаровск, 1982, № 8, с. 142.
43. Ф. 214, кн. 420, л. 133об.
44. Там же, л. 286.
45. Там же, л. 472.
46. Ионов А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века. Иркутск, 1895, с. 64.
47. Ф. 214, кн. 480, л. 130об.
48. Ф. 214, кн. 514.
49. Ф. 214, кн. 526, л. 37 и далее.
50. Там же, л. 39.
51. Ф. 214, кн. 767.
52. Ф. 214, кн. 767, л. 4об—5.
53. Ф. 214, ст. 813, л. 146.
54. Полевой Б. П. Указ. соч. с. 142.
55. Чернявский А. Версия не подтвердилась. // Тихоокеанская звезда. 27 июля 1983 года.
56. Сафронов Ф. Г. Указ. соч. с. 80.
57. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 33об—34об.
58. Ф. 9, ед. хр. 9, л. 65.
59. Ф. 214, ст. 521, л. 106об, 109об, 118об, 120.
60. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. I, Иркутск, 1949, с. 415.
61. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1177, л. 6.
62. Черепнин Л. В. Русская палеография, М., 1956, с. 365, таблица 10.
63. Ф. 214, ст. 870, л. 13.
64. Там же, л. 23.
65. Там же, л. 52.
66. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 2690, л. 28об.

- 67. Полевой Б. П. Указ. соч., с. 140.
- 68. Чернявский А. Указ. соч.
- 69. Ф. 160, оп. 1, ед. хр. 239, л. 8.
- 70. Ф. 1177, оп. 3, ч. II, ед. хр. 1055, л. 23об.
- 71. Ф. 214, ст. 472, л. 22об.
- 72. Ф. 1177, оп. 3, ч. III, ед. хр. 1509, л. 3об.
- 73. Там же, л. 10об.
- 74. Там же, л. 13об.

СЫНОВЬЯ ХАБАРОВА

Документов, в которых упоминались бы имена сыновей Ерофея Хабарова во время, когда он ещё был жив, не обнаружено, а после его смерти документы есть, но весьма отрывочные, где имена сыновей упоминаются вскользь, так что по ним нельзя установить полной картины их жизни. Неизвестно, сколько лет было сыновьям Ерофея Хабарова, когда он умер, и на чьём они находились попечении. Из прикладной памяти Киренскому монастырю на Хабаровскую заимку также неясно, жива ли была жена Ерофея Хабарова Василиса.

Первый документ о сыне Ерофея Хабарова Андрее относится к 1684 году. Со смерти Ерофея Хабарова минуло уже четырнадцать лет. В этом документе повествуется об убийстве пашенным крестьянином Иваном Бренёвым своего брата. Здесь об Андрее Хабарове упоминается, как о промышленном человеке, вкладчике Киренского монастыря.

В 1683—1684 г. в Чечуйском острожке зимовал Матвей Осипович Кровков, генерал и воевода, проездом в Якутск. В это время к Якутскому уезду из состава Илимского уезда были «отписаны» шесть ленских волостей. Как обычно водилось, ещё до принятия воеводства новые воеводы во время зимовки уже отдавали распоряжения приказчикам и решали судные дела.

Матвею Кровкову приказчик Криволуцкой волости Фёдор Козыревский прислал допросные речи:

«192 [1684] году, февраля в 1 день, учинилось убойство у пашенных крестьян у Ивана Анисимова да у Олёшки Евфимова в доме их, в другой избе, ночью. И пришли ко мне, к приказному человеку к Фёдору Козыревскому, пашенные и промышленные люди, и сказали мне, что брат брата своего Олёшка Евфимов ножём зарезал.

Того ж числа приказной человек Фёдор Козыревской допрашивал его, Олёшку, в зарезанье брата ево Ивана. И он, Олёшка, сказал: виноват де я, Олёшка, перед Богом и великими государи. Мой грех пришёл: я де брата своего Ивана зарезал. А зарезал де я его за то, что де он, Иван, почал меня

бить напрасно. И я, Олёшка, обороняясь от себя, зарезал. А повинился он, Олёшка, в зарезанье при пашенных крестьянех при Ондрее Чарошнике, при Несторе Евфимове, при Павле Протасове, Михайле Ондрееве да при промышленных людях при Семёне Васильеве, при Ондрее Хабарове.

На обороте: К сим допросным речам вместо Алёшки Евфимова по его велению Петрушка Балакшин руку приложил. И вместо пашенных крестьян, при которых Олёшка повинился, и за себя Сенка Васильев руку приложил.» [1]

Дадим краткие сведения об упомянутых в этом документе лицах.

Иван Анисимов Бренёв — сын пашенного крестьянина Анисима Прокопьева Бренёва (или иначе, Жданка Прокопьева Полоротота), основателя деревни Полоротовской (сейчас Повороты), выше Киренска в 12 километрах на правом берегу Лены. В наше время ретивые администраторы, незнакомые с историей, «исправили» немало старых названий ленских деревень. Последний раз в сохранившейся книге Жданко Прокопьев упомянут в 1665 году. [2] В книге А. Ушакова за 1671 год записаны его сыновья «Ивашко Онисимов з братом Олёшкою.» [3] Однако, почему у Олёшки отчество Евфимов, а не Анисимов, неизвестно. Видимо, он был пасынком Анисимка Прокопьева Бренёва.

Андрей Марков Чарошник — пашенный крестьянин из деревни на реке Киренге, называвшейся по его прозвищу Чарошниковой, выше Киренска в нескольких километрах, где в 30-х годах XX века были дом отдыха, лагерь ОСО и ферма райпотребсоюза.

Нестор Евфимов Шевелёв, впоследствии получивший фамилию Тирский, пахал в деревне Тире, в 150 километрах выше Киренска. Его потомки, по фамилии Тирские, и сейчас живут в Киренском районе.

Павел Иванов Протасов пахал в деревне Кулебакиной (она же и Протасовская), в 18 километрах выше Киренска.

Михайло Андреев Мокрецов пахал в деревне Балахонской, примыкавшей к верхнему концу Киренска. Это — сын пашенного крестьянина Андрея Сергеева Мокрецова, чаще упоминаемого по прозвищу Криволуцкий, так как пахал он в Кривой Луке.

Петрушка Семёнов Балакшин пахал в деревне Ворониной, напротив Киренска.

О промышленном человеке Семёне Васильеве ничего неизвестно. Как правило, в документах о промышленных людях имеются весьма скудные сведения. Никаких сведений не встречается и об Андрее Хабарове.

Все перечисленные здесь люди, жившие далеко друг от друга, по каким-то делам оказались в деревне Полоротовской, видимо, потому, что здесь находилась судная изба Верхне-Киренской (иначе, Криволуцкой) волости.

На следующий день Олёшка Евфимов предстал перед воеводою, хотя Полоротовская деревня удалена от Чечуйского острожка, где зимовал воевода, на 78 километров.

«Февраля в 2 день в Чичуйском острожке перед генералом и воеводою перед Матвеем Осиповичем Кровковым убоец, Полородцкой деревни пашенной крестьянин Олёшка Евфимов, спрашиван: брата своего родно-

го Ивашка по какому умыслу зарезал и для чево, и по какому уму или по своему научению [так в тексте — Г. К.], или из животов, и иных кого каких людей досмерти не убивал ли.

И Олёшка в роспросе сказал; зарезал он брата своего Ивана ножём ни по чьёму наученью, учинилось у нас с ним с пьянства о делу розчёт. И учал де ево, Олёшку, брат ево Ивашко бить и ногами топтать. И мать их стала розымать. И он де, Иван, мать нашу толкнул и окосматил, и за волосы де учал мать таскать. И я де мать свою у него из рук отнял. И он де, Иван, на мне сел, учал де меня давить за горло. И я де, обороняя мать нашу и себя, его, брата своего Ивана, поколол ножём. В том де воля великих государей.

А умыслу моего и наученья ни от кого не бывало, и никого де иных никаких людей досмерти не убивал, и в приводе де он ни в каком деле не бывал. Обедали де мы с братом у приказного человека у сына боярского у Фёдора Козыревского.

И генерал и воевода Матвей Осипович Кровков, слушав отписка и роспросных речей, указал его, Олёшку, в убийстве брата его пытать.

Февраля в 9 день он же, Олёшка, пытан в застенке вдругорядь в том же деле кнутом, и дано ему восьмьдесят ударов и четыре стряски, и клещами жжён. А с пытки в роспросе говорил прежние ж свои речи, и к огню привожен.

И генерал и воевода Матвей Осипович Кровков велел с пытки его, Олёшку, посадить за пристава тем же старым деньщикам до указу великих государей.

Февраля в 19 день генерал и воевода Матвей Осипович Кровков, дела слушав и пытошных речей, указал его, Олёшку, пытать накрепко и огнём жечь. И Олёшка пытан кнутом, дано ему сто пятьдесят ударов и пять встрясок, и огнём жжён. А с пытки говорил те же речи, что выше сего в роспросе и с дву пыток.

Марта [в] 3 день генерал и воевода Матвей Осипович Кровков, роспросных и пыточных речей слушав, против указу великих государей, Соборного Уложения и градских законов приговорил его, убойцу Олёшку, за смертное убийство брата его Ивашка вершить смертью, обесить, чтобы впредь иным людям страх было, и таких убийственных дел впредь не чинили.» [4]

Обесить — значит повесить. Однако, всё обошлось.

«192 [1684], марта в 7 день, била челом великим государем [И. А., П. А.] мати их, Якутцкого уезду Верхней волости Полоротцкой заимки бывшего пашенного крестьянина Ждана Бренёва жена его, Матрёнка Назарова дочь. У казни сына своего подала челобитную за рукою. А в челобитной ея пишет:

Царём [И. А., П. А.] бьёт челом сирота ваша, вдова, Якутцкого уезду Верхней волости Полоротовской заимки бывшего пашенного крестьянина Ждана Бренёва женишко его, Матрёница Назарова дочь.

В нынешнем, великие государи, во 192 [1684] году, февраля против третьего числа (так в подлиннике, выше: февраля в 1 день.) судом Божиим учинилось в домишку моём у детей моих, у родных братьей, у Ивашки

да у Олёшки Бренёвых, пьянским обычаем размолвка, брань и счёт о делу, и драка. И он, Ивашко, не терпя брату своему, учал его, Олёшку, бить и увечить, и за горло давить, и ногами топтать. И меня, сироту вашу, мать свою, толкнул в груди и окосматил, и за косы драл, и по полу волочил, и бил насмерть. А он, Олёшка, не терпя его побоев и моих, не мысля, поколол на себе ножём брата своего родного Ивашка Бренёва досмерти. И в той его вине вольны великие государи.

А я, сирота ваша, в том его, Олёшкине, в ножевом колотье не челобитчица, потому что учинилось то дело у него, Олёшки, немышленное, обороняючи меня, мать свою. И прежде сего видали и отымали меня, сироту вашу, у него, Ивашка, от побоев его торговой человек Филат Меркурьев да Усть-Киренского Троицкого монастыря вкладчик Андрей Хабаров.

<...> Велите, великие государи, ему, Олёшке, вместо смерти живот дать. Цари, государи, смилуйтесь.

На обороте: 192 [1684] году, марта в 7 день. Взять к делу и выписать, и торговых людей допросить по святой евангельской заповеди господни, и взять у них сказки за руками.

Подпись: К сей челобитной вместо Матрёницы Назаровой дочери по ея велению гостя Остафья Филатёва прикащик его Евфимко Новосельцев руку приложил.

Того же месяца, марта в 8 день, била челом великим государем [И. А., П. А.] и подала челобитную за рукою Якутцкого уезду Верхние волости Полоротцкой заимки бывшего крестьянина Ивашкова жена Бренёва Марфутка Осипова с двумя дочерьми. А в челобитной ея пишет:

(За сим прописана челобитная, сходная с предыдущей, до слов: и в той его вине вольны великие государи, затем следует:)

А я, сирота ваша, и с тремя [так в тексте — Г. К.] дочеришками его в том его, Алексеевым, в ножевом колотье на него, Алексея, не челобитчица, и впредь роду моему и племянни, и его, Иванову, того дела не считать и не отыскивать на нём, Алексее, ни которыми делы.

Милосердые государи (полное титуло), пожалуйста меня, сироту свою, с тремя дочеришками моими. Велите, великие государи, ему, Алексею, вместо смерти живот дать, и сию мою челобитную принять к делу, чтоб [в]предь от меня, сироты вашей, и от сродич моих, роду моего, и его, Иванова, на него, Алексея, вам, великим государем, не бить челом и не отыскивать того дела его, Алексеева, смертного убийства, мужа моего смерти, и не счинать ни которыми делы, потому что учинилось то дело у него, Алексея, несмыслёное, от побоев мужа моего, Ивана.

Цари, государи, смилуйтесь.

На обороте: 192 [1684], марта в 8 день. Взять к делу и выписать.

К сей челобитной вместо вдовы Марфутки Осиповы дочери и вместо дочерей ея по их велению ярославец Филатко Меркурьев руку приложил.

Того же году, марта в 16 день, Усть-Киренского монастыря вкладчик Андришка Хабаров допрашиван по святой евангельской непорочной заповеди, и взята у него сказка за рукою к делу. А в сказке пишет:

192 [1684] году, марта в 16 день, по указу великих государей [И. А., П. А.]

в Чичюйском острожке в Съезжей избе перед генералом и воеводою Матфеем Осиповичем Кровковым сказал Усть-Киренского монастыря вкладчик Ондрюшка Хабаров по святой Христовой евангельской непорочной заповеди господни еже ей-ей:

В нынешнем во 192 [1684] году, генваря в 27 день, ездил я, Ондрюшка, с Усть-Киренги в Полоротовскую заимку для кабального долгу, хлебной взятки. И в то время в дому у них меж себя, у братьей родных, у Ивана да у Олексея, розчѣт о делу, шум и драка учинилась. И он, Иван, учал брата своего Олексея бить и топтать, и мать свою пинать, и кулаками бить насмерть, и по полу волочить. И я у него из рук мать его отнял.

И как Олексей брата своего Ивана ножѣм поколол, и в то время, того числа, я у них в дому не был.

То моя и сказка. Сказку писал Гришка Ондреев.

Того же числа торговой человек ярославец Филатко Меркурьев допрашиван по святой евангельской непорочной господни заповеди и взята у него сказка за рукою к делу. А в сказке пишет:

192 [1684] году, марта в 16 день, по указу великих государей [И. А., П. А.] в Чичюйском острожке в Съезжей избе перед генералом и воеводою Матфеем Осиповичем Кровковым сказал торговой человек ярославец Филатко Меркурьев сын по святой евангельской непорочной заповеди господни еже ей-ей:

В нынешнем во 192 [1684] году, февраля в 1 день, ездил я, Филатко, с Усть-Киренги в Полоротовскую заимку к Ивану да к Алексею Бренѣвым, в дому их звать, его, Ивана, на свадьбу свою в дружки, и весь их дом к столу. И в то время в дому у них меж себя, у братьей родных, у Ивана да у Олексея, розчѣт о делу, шум и драка учинилась. И он, Иван, учал брата своего Олексея бить. И мать их учала розымать. И он, Иван, мать свою толкнул в груди и с ног ея сшиб, и окосматил, и за косы драл, и по полу волочил. И я у него мать из рук отнял.

А как он, Олексей, брата своего Ивана ножѣм поколол, и в то время, того дни, я у них на заимке в дому их не был.

То моя и сказка. Сказку писал Гришка Андреев.

На обороте: К сей сказке Филатко Меркурьев руку приложил.» [5]

Однако, в этих сказках наблюдается какое-то несоответствие друг с другом. И Андрей Хабаров и Филат Меркурьев отняли из рук Ивашки его мать, но в разные дни. После этого они покинули дом, от греха подальше. Драка, получается, продолжилась после их ухода и закончилась убийством уже без них.

«И марта в 18 день генерал и воевода Матвей Осипович Кровков, матери их, зарезанного крестьянина и убийцевы Алѣшки Бренѣва, Матрѣнки и зарезанного крестьянина Ивашкина жены, и торговых людей Андрюшки Хабарова, Филатки Меркурьева сказок слушав, и по указу великих государей, по Соборному Уложению и по градским законом, кто кого от себя оборонял или отца своего и мать, убиѣт досмерти, и тех смертию не вершить, а учинить ему наказание: бить кнутом и дать его на поруки до государева указу.» [6]

Карта-схема расположения деревень выше Киренска

Здесь Андрей Хабаров уже назван торговым, а не промышленным человеком. И жил он не в деревне Хабаровой, а в Усть-Киренге. Так в эти годы именовали Киренск.

Несмотря на то, что Ивашко Бренёв был убит в 1684 году, в книге за 193 [1684—1685] год он ещё продолжал числиться. [7] А в книге за 196 [1687—1688] год записано: «Алёшка Бренёв, а братьев и племянников, и детей у него нет.» [8] В 194 [1695—1696] году записан Олёшка Бренёв. [9] А в книге Ф. Р. Качанова за 207 [1699] год [10] никто из Бренёвых не упоминается. Однако Бренёвы и в настоящее время живут в Киренском районе.

В 1687 году Андрея Хабарова именуют торговым человеком. Летом этого года он был в Якутске, и об этом пребывании остался след в поручной записи по лавочному сидельцу и промышленному человеку, изобличёнными в торговле «заповедными» товарами:

«Се аз, гостиной сотни Ивана Иванова сына Ушакова прикащик ево Иван Сидоров

да яз, торговые люди:

Данилко Иванов сын Елезов

Дмитрей Иванов сын Тюшев

Григорей Никитин сын Бурдуковской

Андрей Ярофеев сын Хабаров

Кирилко Стефанов сын Шапошник
Стефан Пироговской,

поручилися есми в Якутском остроге Приказные избы приставу Саве Крохину торгового человека Любима Губкина по лавочном ево сидельце по Дмитрее Семёнове да по промышленном человеке по Семёне Аникиеве в том, что, будучи им, Дмитрею и Семёну, за нашею порукою, впредь в Якутском остроге вина и табаку с верху не привозити и не торговати.

А будет оне, Дмитрий и Семён, впредь, будучи за нашею порукою, впредь учнут вино и табак привозити и торговати, и на нас, на порутчиках, великих государей пеня. А пеню, что государи укажут по сей поручной записи.

На то послух казак Иван Алексеев.

Поручную писал площадной Микитка Безносков.

195 [1687] году, августа в ... день.» [11]

Затем Андрей Хабаров становится целовальником Усть-Киренской таможни. Должность эта выборная. В целовальники выбирали обычно торговых людей, реже промышленных. Усть-Киренский острожек (Киренск), в отличие от ленских отписных волостей, был в подчинении Илимского воеводы. Это был, как бы сейчас сказали, анклав Илимского воеводства. О пребывании Андрея Хабарова в должности целовальника остались краткие записи в счётных списках воевод.

В счётном списке илимского воеводы Фёдора Михайлова Павлова, сменившего воеводу Илью Андреева Змеева, есть упоминание об Андрее Хабарове:

«Усть-киренской соляной продажи таможенных целовальников Васки Шарыпова, Андрюшки Хабарова на 196 [1687—1688] год взято сто тридцать рублёв с полтиною.» [12]

Кроме соляной продажи целовальники занимались также и винной продажей:

«УстьКиренского острошку винной продажи илимской присылки прошлого 196 [1687—1688] году у таможенного целовальника у Андрюшки Хабарова взято шездесят шесть рублёв десять алтын.» [13]

В 1669 году Илимский острог принимал новый воевода Еремей Лазарев Пятово, сменивший воеводу Фёдора Михайлова Павлова. Для отчёта в Илимский острог вызывали также Андрея Хабарова. О поездке его в Илимский острог есть записи в разгонной книге Илимского острога за 197 [1688—1689] год:

«Генваря в 6 день [1689 г.] приехал с Лены реки из Усть-Киренского острожку в Ылимской усть-киренской таможенной целовальник Андрюшка Хабаров великих государей с таможенными и соляные продажи з деньгами.

Дана под него от Усть-Кутцкого острожку до Илимского подвода с санми и с проводником. Вёз ямщик Петрушка Панфилов. А на тоё подводу найму вышло рубль тринадцатъ алтын две деньги.» [14]

Почему от Усть-Кутского? Потому что от Усть-Киренского острожка до Усть-Кутского, а точнее до Якурима (не доезжая до Усть-Кутского острожка 20 километров) обязаны были везти ямщики Якутского воеводства. В раз-

гонную книгу Илимского воеводства эта часть пути, естественно, не записывалась.

А ямщик Петрушка Панфилов — это сын Панфила Яковлева, давнего друга Ерофея Хабарова.

В этой же книге есть запись об обратной поездке:

«Генваря в 24 [1689 г.] отпущен из Ылимского в Усть-Киренской острожек в таможенную избу в целовальники усть-киренской таможенной целовальник Ондрюшка Хабаров, которой приезжал из Усть-Киренского острожку в Ылимской с таможенными великих государей и винные продажи з деньгами и с книгами для отчёту.

Дана на него от Илимского за Ленской волок до усть Якурима реки подвода с саньми и с проводником. Вёз ямщик Титко Афонасьев. А найму вышло на ту подводу полтора рубли.» [15]

В счётном списке воеводы Еремея Лазарева Пятово есть записи об Андрее Хабарове:

«Усть-киренского таможенного збору 197 [1688] году, сентября с 1 числа да сентября ж по 1 число 198 [1689] году, у таможенного целовальника у Андрея Хабарова по книгам в приход — тритцать шесть рублёв десять алтын пять денег.» [16]

«В Ылимском уезде в Усть-Киренском острожке во 197 [1688], сентября с 1 числа да сентября ж по 1 число 198 [1689] году у таможенного целовальника у Андрея Хабарова по книгам в росходе шесть рублёв дватцать шесть алтын.» [17]

Приход и расход денег были скромными.

Главной же обязанностью таможенного целовальника был сбор пошлин с мягкой рухляди:

«Усть-киренского таможенного збору 197 [1688-1689] году по книгам таможенного целовальника Андрея Хабарова — четырнатцать соболей с пупки и с хвосты.» [18]

Соболиный промысел в это время захирел, и сбор был более чем скромный.

Как уже было сказано, у таможенных целовальников также хранилась казённая соль:

«Да по челобитью казённых целовальников Завьялка Семёнова, Ондрюшки Хабарова, Сергушки Яскина, Гришки Щеглова стольник Еремей Пятово, против прежних илимских примеров, положил им на их соляные приёмы, на свежеварную соль, на 197 [1688—1689] и на 198 [1689—1690] годы на утёк и на усушку тритцать один пуд тритцать одна гривенка соли.» [19]

Есть в упомянутой ямской книге запись ещё об одной поездке Андрея Хабарова в Илимский острог:

«Августа в 10 день [1689 г.] приехали из Усть-Киренского острожку в Ылимской илимские служилые люди Сенка Шадриков да Ганка Попов, да посацкой человек Васка Саватеев, да усть-киренской таможенной целовальник Ондрюшка Хабаров.

Шли под ними от Усть-Куцкого острожку до Илимского шесть подвод

с сёдлы и с проводники. Вёз ямщик Петрушка Панфилов. А на подводы найму вышло восемь рублёв тринадцать алтын две деньги.» [20]

Но здесь уже не сказано, зачем ехали.

Запись о службе Андрея Хабарова есть в оброчной книге Илимского острога посадским людям за 197 [1688—1689] год:

«Андрюшка Ерафеев сын Хабаров. Оброку платит десять алтын. И в нынешнем во 197 [1688—1689] году служит в Усть-Киренском острошке в таможенной избе в целовальниках.» [21]

В самом конце 1689 года Андрей Хабаров был повёрстан в дети боярские. В окладной книге денежному хлебному и соляному жалованью Илимского острога за 198 [1689-1690] год записано:

«7198 [1689] году, декабря в 25 день, по челобитью Андрея Хабарова велено ево, Андрея, поверстать по Илимскому в дети боярские. И из окладу сына боярского Ивана Качина недоданного денежного жалованья, два рубли, велено учинить оклад ему, Андрею, вново. И писано имя ево ниже сего.» [22]

И далее:

«7198 [1689] году, декабря в 25 день, по челобитью Андрея Хабарова велено из окладу сына боярского Андрея [повидимому, надо: Алексея] Качина из недодаточного денежного жалованья выписать четыре рубли в оклад вприбавку Андрею Хабарову. А писано имя ево ниже сего.» [23]

А далее следует ещё более путанная запись:

«198 [1689] году, декабря в 25 день, по челобитью Андрея Ярафиева сына Хабарова повёрстан в дети боярские вново он, Андрей, и оклад ему учинён вново из окладов илимских детей боярских из недодаточного денежного жалованья, что по окладом их давать было не велено, из окладу Ивана Качина два рубли, из окладу Алексея Качина четыре рубли ... скою. Всего оклад ему, Андрею, учинён денег шесть рублёв, а за хлебное жалованье велено ему пашня пахать. А соляного окладу учинено два пуда, потому что повёрстан Алексей Качин [надо: Андрей Хабаров — Г. К.] в дети боярские на место деда [надо: отца] ево, Андреева, Ярафея Хабарова. И за службы деда [надо: отца] ево велено ему быть по Илимскому в детех боярских, ему, Андрею.» [24]

Где была эта пашня, неизвестно.

В 1690 году Андрей Хабаров стал приказчиком Усть-Киренского острожка. Об этом написано в более поздних документах:

«203 [1695] году, августа в 31 день. Память из хлебного стола в судной стол старому подьячему Алексею Халдееву.

В прошлом в 198 [1690] году, июля в 3 день, писал в Якуцкой город к стольнику и воеводе к Петру Зиновьеву из Усть-Киренского острожку приказчик Ондрюшка Хабаров. А в отписке ево написано:

По указу великих государей и приказу стольника и воеводы Еремея Пятово отпустил он, Ондрюшка, усть-киренской пахоты хлебных запасов в Якуцкой служилым людям на жалованье с пятидесятником с Ываном Дорофеевым девяносто чети ржи, пятьдесят чети овса.

А больши де того хлеба не приняли. А сказали, что де дощаники грузны.

А Фёдор де Козыревской проплыл на барке в малом грузу. А хлебных запасов не принял, учинился указу великих государей не послушен.

Писал исправник Гришка Устинов.» [25]

В 1690 году во время службы Андрея Хабарова приказчиком Усть-Киренского острожка случилось убийство трапезников Усть-Киренского Троицкого монастыря. Это дело дошло до Сибирского приказа. Илимский воевода Григорий Фёдоров Грибоедов писал в Москву:

«В нынешнем, государи, в 201 [1692] году, октября в 25 день, прислана ваша великих государей [И. А., П. А.] грамота ко мне, холопу вашему, в Ылимской. А в той вашей великих государей грамоте написано: велено из Якуцка прислать в Илимск вора Парфёнка Брянского для розыску, которой вор в прошлом во 199 [1690] году бежал из Киренского острожка из-за пристава, а в убийстве усть-киренских трапезников Июдки Нефедьева и Сидорка Микифорова он, Парфёнок, приличился во многих статьях.

И тот вор Парфёнок Брянской из Якуцка в Ылимск к розыску нынешняго 201 [1693] году, августа по 7 число, не прислан, неведомо для чего.

И о том, великие государи [И. А., П. А.], что укажете?» [26]

На обороте отписки: «Послать грамоту в Якутцкой с прежнего отпуску. Велеть того вора к розыску в Ылимской с провожатыми, не замотчав ...»

Грамота была послана, и в одной из отписок в Москву якутский воевода И. В. Гагарин сообщал:

«Да в нынешнем же, великие государи, в 201 [1693] году, июня в 13 день, ко мне, холопу вашему, писано в Якутцкой:

В прошлом де в 200 [1692] году, генваря в 4 день, писал к вам, великим государем, из Ылимского стольник и воевода Еремей Пятой:

В прошлом де во 198 [1690] году писал к нему из Усть-Киренского острожка прикащик Андрюшка Хабаров: июня де 9 числа, ночью, в Усть-Киренском острожке, пришед к церкви в паперть, воры зарезали досмерти двух человек трапезников, Июдку Нефедьева да Сидорка Микифорова, и хотели церковную казну покрасть, и у казённого анбара двери просекли. И те де воры не сысканы.

Да тоё ж ночи ушёл из желез у пристава у Федьки Сапожника Криволуцкой волости пашенной крестьянин Парфёнок Брянской. И по того де Парфёнка посылан в Криволуцкую волость к якуцкому прикащику к Ывашку Жаркову пристав Трошко Падерин. И он де, Ивашко, того беглово крестьянина не отдаёт. И в том де воровстве и в смертном убийстве по сыску он, Парфёнок, приличился во многих статьях.

И мне б, холопу вашему, велеть того криволуцкого крестьянина Пафёнка Брянского в Криволуцкой волости сыскать, а сыскав, послать с приставы и с провожатыми к и розыску для вершенья дел в Ылимской.

И я, холоп ваш, по вашему великих государей указу и по грамоте послал из Якутцкого в Криволуцкую волость к прикащику казаку к Сенке Бадаляину указную память. Велел Криволуцкой волости пашенного крестьянина Парфёнка Брянского в Криволуцкой волости сыскать, а сыскав, велел ево, Парфёнка, отослать в Ылимской с нарочными посыльщиками за крепкими караулы. А привезя в Ылимской, велел ево, Парфёнка, объявить в Приказ-

ной избе стольнику и воеводе Григорью Грибоедову и отдать ево, Парфёнка, с роспискою.» [27]

Еремей Ларионов Пятово был илимским воеводой в 1689-1691 годах, а Григорий Фёдоров Грибоедов в 1692—1694 годах.

Парфёнка Брянский пахал в ныне исчезнувшей деревне, называвшейся по его имени то Парфёновой, то по его прозвищу Брянской, в 9 километрах выше Киренска. Чем завершился сыск, неизвестно. Но, видимо, Парфёнка Брянский оказался не очень сильно виноват, так как он упоминается в ужиных книгах за 1695, 1696, 1697, 1698, 1699 годы.

Пристав Федька Сапожников был пашенным крестьянином. Пахал в деревне Кривошапкиной, в 9 километрах выше Киренска. Его отец, ссыльный стрелец, был сослан в пашню, но в 1665 году бежал вместе с Никифором Черниговским на Амур в Албазин.

В 1690 году об Андрее Хабарове упоминается, как о приказчике Усть-Киренского острожка. Имеется выделная и умолотная книга за 199 [1690—1691] год, озаглавленная:

«Книга приходная Нижней Усть-Киренской пахоте 199 [1690] году выделу и умолоту усть-киренского приказного человека Андрея Хабарова да выделщика илимского служилого человека Савки Сюсина приёму хлебу з гумен целовальника Ивашка Горбунова.» [28]

Однако, приказным человеком Андрей Хабаров был недолго. В окладной книге 199 [1690—1691] года записано:

«Сын боярской Андрей Ярафеев сын Хабаров. 199 [1690—1691] году за ложное челобитье из детей боярских отставлен. А велено быть в прежнем чину.» [29]

Здесь сразу возникают два вопроса: когда отставлен и за что отставлен. Последующие документы не дают ясного ответа на эти вопросы. На первый вопрос можно определённо ответить, что до конца 1690 года Андрей Хабаров ещё был приказчиком. В приходной книге денежным окладным и неокладным доходам Илимского острога за 199 [1690—1691] год записано:

«Декабря в 8 день по отписке из Усть-Киренского острожку приказного человека Андрея Хабарова привёз в Ылимской торговой человек Козёмка Изосимов усть-киренского квасного и банного, и площадного письма откуп с квасного откупщика с Васки Бубнова на прошлой 198 [1689—1690] год по розчёту на три месяца против прежнего откупу дватцать восемь рублёв алтын две деньги. Да вновь наддачи на прошлой же на 198 год на три месяца дватцать пять алтын.» [30]

На место Андрея Хабарова приказным человеком в Усть-Киренском острожке был назначен казачий атаман Семён Черепанов. В списке служилых людей Илимского острога воеводы Еремея Пятово записано:

«Атаман казачей Семён Игнатьев сын Черепанов. Во 199 [1691] году велено ему быть в УстьКиренском на приказе на перемену Андрею Хабарову.» [31]

Эта запись позволяет установить другую крайнюю дату. 199 год кончился 1 сентября 1690 года. Значит, Андрей Хабаров был сменён не позже этой даты.

А у Ф. Г. Сафронова написано со ссылками на Ф. 214, кн. 1097, л. 194; кн. 1109, л. 77:

«В этом чине он служил до 1694 года, когда снова был <<справлен по прежнему в посад>>». [32]

Ссылки верны.

Это же написано у Г. А. Леонтьевой:

«В этом чине он служил до 1694 г., когда был вновь возвращён в посад.» [33]

Действительно, в двух более поздних окладных книгах жалования Илимского острога указывается 2002 [1693—1694 год]. В окладной книге жалования за 203 [1694—1695] год записано:

«Оклад: денег девять рублёв, хлеба двенатцать чети ржи, десять чети овса, три пуда соли.

А велено давать с убавкою: денег по семи рублёв, хлеба по четыре чети с малым четвериком ржи, по четыре чети с полуосминою полчетверика овса, два пуда дватцать гривенок соли, порозж, умершего сына боярского Алексея Качина.

А ис прежнево ево окладу убавлено в прошлом во 198 [1689—1690] году. А учинён оклад илимскому посадцкому Андрюшке Хабарову. И велено быть в детях боярских по верстанию прежнего воеводы Еремея Пятово. И в 202 [1693-1694] году справлен он, Андрюшка, по-прежнему в посад.» [34]

Такого же содержания запись имеется в книге за 204 [1695—1696] год. [35]

Но ясно, что предпочтение надо отдавать записи в более ранней окладной книге 199 [1690-1691] года.

Что же касается причины отставки, то есть документ, который свидетельствует о том, что летом 1691 года Андрей Хабаров очень провинился. Это — выписка Сибирского приказа о наказаниях за винное курение:

«В нынешнем в 200 [1692] году, генваря в 30 день [дата получения — Г. К.], писал к великим государем [И. А., П. А.] из Якутцкого воевода Пётр Зиновьев. А в отписке ево написано:

<...> Сын боярской Родион Кобелев сказал: дал де ему на Киренге приказной человек сын боярской Андрей Хабаров на дощаник по знакомству лагун вина без меры. Да к нему де он — на дощаник промышленной человек Васка Мандаровской, лагун вина и велел сплавить в Якутцкой. И он де то вино в Якутцкой приплавил. <...>

И по указу де великих государей тем приводным людем в Якутцком учинено наказание.» [36]

Далее приводится список людей, которые «биты вместо кнута батоги». В списке числится и сын боярский Родион Кобелев, и промышленный Васка Мандаровский. Не по этому ли громкому делу был отставлен из детей боярских, снят с должности приказчика и возвращён в посад Андрей Хабаров? А о ложном челобитье ничего не известно.

В оброчной книге за 201 [1692—1693] год записано:

«Прежней илимской же посадцкой человек Андрюшка Хабаров, что в прошлом во 198 [1689] году вёрстан был по Илимску в дети боярские и от-

ставлен, и справлен по-прежнему в посад, оброку против прежнего — десять алтын.» [37]

Однако в двух более поздних окладных книгах жалования Илимского острога указывается более поздняя дата — 2002 [1693—1694] год.

В оброчной книге Илимского острога за 205 [1696—1697] год записано:

«Андрюшка Ярафиев сын Хабаров. Оброку десять алтын. На 205 год оброк с него взят.» [38]

В оброчной книге за 207 [1698—1699] год записано:

«Ондрюшка Ярофеев сын Хабаров на 207 год оброку десять алтын не платил, потому что по записке в зборной оброчной книге зборщика Гришки Торлопова Ондрюшка Хабаров бежал в Якутцкой.» [39]

А между тем, уже три года назад, в окладной книге жалования служилым людям Якутского острога за 204 [1695—1696] год было записано:

«Рядовые казаки:

<...> женатые:

<...> Ондрюшка Хабаров.» [40]

Обратим здесь внимание на то, что Андрей Хабаров записан среди женатых казаков.

Такая же запись имеется в окладной книге Якутского острога за 206 [1697—1698] [41] и за 207 [1698—1699] год. [42]

В 1700 году все жители города Якутска были записаны в книгу по десяткам. В начале книги имеется заголовок, который мы приводим в сокращённом виде:

«208 [1700] году, марта в 1 день, <...> велено мне, сыну боярскому Александру Хлевинскому, да подьячему Федьке Селенгину учинить в Якуцком десятников Якуцкого города у жителей, <...> которые живут в Якуцком. <...>

А хто имяны десятников и у кого кто всяких чинов люди имяны в десятке, и то писано в сей книге имянно по статьям.» [43]

Андрей Хабаров был записан в десятке Михаила Барабанщикова:

«Десятник казак Михайло Барабанщиков. Живёт у него казак Илюшка Иванов.

Да у него ж, Михайла, в десятке всяких чинов людей:

Двор атамана казачья Василья Петриловского. Живёт в нём казак Андрюшка Хабаров да Ивашко Свиньин.» [44]

Василий Петриловский — это сын племянника Ерофея Хабарова Артемия Филипова Петриловского. Артемий Петриловский служил в Якутском остроге и, как следует из переписной книги, имел там двор, который перешёл по наследству его сыну Василию. Василий Петриловский в 1700 и 1701 году в Якутске не жил, а жил вместе с женой в Киренском острожке, где он был приказным человеком. Осенью 1702 года он сдал Усть-Киренский острожек, 2 октября 1702 года вернулся в Якутск.

Артемий Петриловский умер в декабре 1669 года. Умер в Верхотурье во время поездки в Москву с государевой соболиной казною. Об обстоятельствах этой смерти есть весьма обширный документ, в некоторых местах повреждённый, недостаёт листов, к тому же листы пронумерованы не по порядку.

«178 [1670] году, февраля в 8 день, бил челом великому государю [А. М.] Соли Вычегоцкой Алексинского стану крестьянин Ефимко Петриловской, а в Сибирском приказе окольным Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину, да Лву Ермолаеву подал челобитную. А в челобитной пишет:

Царю [А. М.] бьёт челом твой государев сирота, Соли Вычегоцкой уезда Алексинского стану крестьянин Евфимко Филипов Петриловской.

Жалоба, государь, мне, сироте твоему, Сибирской земли Якутцкого острогу на служилого человека на Завьяла Калинина.

По твоему великого государя указу шёл брат мой родной атаман казачей Артемей Филипов Петриловской за твоею великого государя якутскою казною к Москве с ним, Завьялом. И идучи, государь, дорогою, заложил брат мой ему, Завьялу, свою кабалу в десяти рублех в вере. А та, государь, кабала на московского жильца во сте пятидесяти рублех. И тот Завьял брата моего кабалою владеет. А мне, сироте твоему, не отдаёт.

<...> Вели, государь, тому Завьялу закладную кабалу брата моего покойного отдать мне, сироте твоему, на выкуп.» [45]

На обороте челобитной помечено:

«178 [1670], февраля в 18 день. Допросить против челобитья и взять сказка за руками.»

«И ленской казак Завьялко Калинин сыскан и против челобитья Ефимка Петриловского в Сибирском приказе допрашиван. А в допросе сказал:

Как де он, Завьялко, ехал с Лены к Москве за государевою ленскою казною с атаманом с Ортемьем Петриловским, и он де Артемей занял в Тобольску у него, Завьялка, десять рублёв, а в тех деньгах заложил на москвитина Казённые слободы на Елизарка Манойлова заёмную кабалу во сте в пятьдесят рублех на срок на Офонасьев день [18 января — Г. К.] нынешнего 178 [1670] году. А только де он на тот срок тоё кабалы не выкупил, и ему, Артемью, дать было ему, Завьялку, дватцать рублёв.

И у Завьялка Калинина на Ортемья Петриловского и на москвитина на Елизарка Манойлова взяты в Сибирском приказе подлинные заёмные кабалы и на Елизаркову кабалу даная. А в кабалах и в данной пишет:» [46]

Текст кабал приведём несколько ниже.

«И марта в 9 день бил челом великому государю [А. М.] ленской казак Завьялко Калинин, а в Сибирском приказе окольным Родиону Матвеевичю Стрешневу, да дьяком Григорью Порошину да Лву Ермолаеву подал челобитную. А в челобитной пишет:» [47]

«Царю [А. М.] бьёт челом холоп твой, Якутцкого острогу служилой человек Завьялко Калинин.

В нынешнем, государь, во 178 [1670] году приволокся я, холоп твой, к Москве за твоею великого государя соболиною казною из Якутцкого острогу. И на Москве у меня, холопа твоего, взяли в Сибирском приказе кабалу в десяти рублех Якутцкого острогу атамана казачья Артемья Петриловского.

<...> Вели, государь, мне отдать закладную кабалу или по закладной кабале десять рублёв денег.» [48]

На обороте челобитной помечено: «178 [1670], марта в 9 день. Взять к делу.»

Вскоре по этой челобитной было принято решение:

«178 [1670], марта в 17 день, против челобитья Завьялка Калинина и Соли Вычегоцкой на Ефимке Петриловском по заёмной кабале десять рублёв денег на нём доправить и отдать Завьялке. И в том у него взять отпись.

А подлинную кабалу и даную брата ево роднова Артемья Петриловского отдать ему, Елфимке, с росписью. А в подлинное дело взять списки за рукою.

А что выше сего в сём деле было написано: у Завьялка Калинина заёмные кабалы и даная в Сибирском приказе взяты по помете на деле уяка Григорья Порошина, те кабалы и даная отданы из Сибирского приказу Соли Вычегоцкой крестьянину Ефимку Петриловскому с роспискою. А с тех кабал и з данные взяты у него, Ефимка, списки за ево (рукою). А в списках пишет:» [49]

«Список с заёмной кабалы слово вслово:

Се аз, Якутцкого острогу атаман казачей Артемей Филипов Петриловской, занял есми в Тобольску Якутцкого острогу у служилого человека Завьяла Колина десяти рублёв денег московских ходячих, прямых, без приписи, до срока до Афанасьева дни нынешнего сто семьдесят осмого году.

А в тех деньгах я, Артемей, заложил и подписался во сие пятидесяти рублёх на москвитина Казённые слободы на Елизарья Манойлова.

А будет я, Артемей, на срок денег не заплачу, в кой срок в сей кабале выше сего писан, и по сроку заплатить вдвое, дватцет рублёв.

А где ся кабала меня, заимщика, застанет, под которым судом ни есть, тут по ней суд и правёж, и со всеми убытки. А хто с сею кабалою в суд станет, тот ей и истец.

А заёмную кабалу писал по заимщикову велению Данилко Максимов сын Шелковников.

Лета 7178 [1669], ноября в 10 день.

А позади подлинной кабалы пишет: заимщик Артемей Петриловской деньги занял и руку приложил.

Список с заёмной кабалы слово вслово:

Се аз, Казённой слободы Елизарей Мануйлов, занял я, Елизарей, на Москве Якутцкого острогу у сына боярского Василья Ярастова сто пятьдесят рублёв денег московских ходячих, прямых, бес приписи, нынешнего сто семьдесят третьего [1665] марта (в ... день).

А заплатить мне, Елизарью, те заёмные деньги ему, Василью, в Семён день сто семьдесят четвёртого году [1 сентября 1665].

К сей кабале (Елизарко Мануйлов руку приложил).

А на то послуши Демидко Дементьев, Мелешка Иванов.

А заёмную кабалу писал ... площади подьячей Афонька Татарин.

А назади подлинной кабалы пишет: Елизарко Мануйлов денег сто пятьдесят рублёв занял и руку приложил.

Послух Демидка (руку приложил).

Послух Мелешка руку приложил.» [50]

Эту кабалу Артемий Петриловский получил, видимо, у Василия Яростова, либо она перешла к нему за какие-то расчёты.

Упоминаемой даной на кабалу в деле почему-то нет. На оборотах списков с кабал написано:

«К сем спискам Евфимко Филипов сын (руку приложил).

178 [1670], марта в 20 день, ленской казак Завьялко Калинин взял из Сибирского приказа по заёмной кабале ленского атамана казачья Артемья Петриловского десять рублёв денег. По его велению росписался тобольской посадкой человек Данилко Шелковников.» [51]

«(178 [1670], марта в 20 день), заёмную кабалу брата своего родного, Якутцкого острогу атамана казачья Артемья Петриловского, и кабалу ж заёмную на москвитина Казённые слободы на Елизарка Мануйлова во сте в пятидесяти рублех, и на неё даную ис Сибирского приказа взял я, Артемья Петриловского брат ево родной, Соли Вычегоцкой Алексинского стану крестьянин Евфимко Филипов сын Петриловской и своею рукою росписался.» [52]

Пока что Ефимко Петриловский понёс только расход, но была ещё надежда взыскать деньги с Елизарья Мануйлова. Не дожидаясь решения по его иску к Завьялу Калинину, он подал ещё одну челобитную.

«Февраля в 18 день [1670 г.] бил челом великому государю [А. М.] Соли Вычегоцкой Алексеевского стану крестьянин Ефимко Филипов сын Петриловской, а в Сибирском приказе окольников Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину да Лву Ермолаеву подал челобитную. А в челобитной пишет:

Царю [А. М.] бьёт челом твой государев сирота Соли Вычегоцкой уезда Алексинского стану Евфимко Петриловской вместо брата своего покойного на московского жильца Казённой слободы на Елизарья Манойлова сына во сте в пятидесяти рублех. А той, государь, кабале строк прошёл давно. А заимщик мне, сироте твоему, денег не платит, потому что та кабала положена в Сибирском приказе за подьячим.

<...> Вели, государь, ему, заимщику Елизарью, по той моего брата кабале деньги заплатить. Или вели, государь, ту кабалу на него, заимщика, ис приказа выдать мне, сироте твоему.» [53]

На обороте челобитной помечено: «178 [1670], февраля в 20 день. Поставить в Приказе и против челобитья спросить. А для присылки послать память в Казённой приказ.»

«И против сей челобитной из Сибирского приказа в Казённой приказ о присылке в Сибирской приказ Казённые слободы тяглеца Елизарка Манойлова послана память. А в памяти пишет:

Лета 7178 [1670], марта в 3 день, по государеву [А. М. указу казначею Офонасью Самойловичю Нарбекову да дьяком Ондрею Галкину да Якову Петелину великий государь [А. М.] указал: прислати в Сибирской приказ к окольников к Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком к Григорью Порошину да ко Льву Ермолаеву Казённые слободы тяглеца Елизарка Манойлова для допросу против челобитья по заёмной кабале Соли Вычегоцкой Алексинского стану Елфимка Петриловского. И по государеву [А. М.]

указу казначею Офонасью Самойловичю Норбекову да дьяком Ондрею и Якову о присылке в Сибирской приказ Елизарка Манойлова учинить по указу великого государя.

И против сей памяти из Казённого приказа в Сибирской приказ тяглец Елизарко Мануйлов марта по 7 число не прислан. » [54]

Был ли потом прислан, неизвестно.

После смерти Артемия Петриловского осталось его имущество. Ефимко Петриловский подал челобитную:

«Царю [А. М.] бьёт челом твой государев сирота Соли Вычегоцкой уезда Алексинского стану крестьянин Евфимко Филипов Петриловской Сибирской земли Якутцкого острогу на целовальника на Данила Максимова сына По(п)ова с товарищи, пять человек, о допросе.

По твоему великого государя указу шёл брат мой родной атаман казачей Артемей Филипов Петриловской за твоею великого государя якуткою казною к Москве с ним, Данилком, с товарищи вместе. И в нынешнем, государь, во 178 [1669] году, декабря в ... день, судом Божиим, брату моему на дороге смерть случилась.

А живота, государь, у него осталось: шуба соболя да два подскора шапошных соболях, да двои рукавицы соболя же, да платье, что он носил. А про тот, государь, живот ведомо Тобольского города торговому человеку Гаврилу Иванову сыну Шмыгину.

Милосердый государь [А. М.], пожалуй меня, сироту своего. Вели того Данила с товарищи о том животе брата моего умершаго допросить, чтоб мне, сироте твоему, про тот живот ведомо было.» [55]

На обороте челобитной: «178 [1670], февраля в 18 день. Допросить торгового человека и служивых людей, и хто с ним ехали вместе.»

«И против челобитья в Сибирском приказе ленской Якутцкого острогу казак Завьялко Калинин по святой Христове евангельской непорочной заповеди про ленского атамана казачья про Артемья Петриловского сказал:

Послан он, Завьялко, с Лены из Якутцкого острогу к Москве за государевою ленскою соболиною казною с ленским атаманом казачьим с Ортемьем Петриловским. И приехав де в Верхотурье, его, Артемья, не стало.

А до смерти де ево, Артемьевы, видял он, Завьялко, в Тобольску у него, Артемья, рукавицы ...» [56]

Далее одного листа не хватает. А после него:

«... кафтан зелёной да другой кумашной поношенной.

Да у него ж, Овдокимка, осталась ево, Ортемьева, коробка з борошнишком. А что де борошнишку в коробке есть, того он, Завьялко, не ведает.

Ленской же казак Васка Ногород сказал:

Послан де он, Васка, с Лены из Якутцкого острогу к Москве за государевою ленскою соболиною казною с ленским атаманом казачьим с Ортемьем Петриловским. И приехав де на Верхотурье, ево, Артемья, не стало.

А до смерти де ево, Артемьевой, видял он, Васка, у него в Ылимском остроге одеяло соболе пластинное. И ис того де одеяла в Ылимском же сшил шубу и покрыл киндяком лазоревым. А два де подскора он продал по городом, один на Тюмени воеводе Алексею Беклемишеву, а другой в Турин-

ском, неведомо кому. А сколько де за те подскоры денег взял, и рукавицы де у него были или нет, и того он не ведает.

А после смерти ево, как ево погребали, после погребенья товарищ их, ленской пятидесятник казачей Овдокимко Козицын, дал от погребенья попу платья ево, Артемьева, шубу барановую под тёмновишнёвым сукном да кафтан де суконной, да кафтан же китайчатой поношенной.

Да у него ж де, Овдокимка, осталась ево, Артемьева, коробка (з борош-нишком). А что де борошнишку (в коробке есть, того он, Васка,) не ведает.

Да отдал ... « [57]

Далее опять нет одого листа. А после:

«Ленской же казак Овдокимко Козицын сказал:

Послан де он, Овдокимко, с Лены к Москве за государевою соболи-ною казною с ленским атаманом казачьим с Ортемьем Петриловским. А с Лены де пошло с ним пожитку ево: две шубы собольи, одна под бархатным вер(хом), а другой де был подскор нагольной, одеяло пластинное соболье. И из того одеяла зделал он, Артемей, на усть Куты реки шубу, покрыл кин-дяком лазоревым. Да у него ж де было шубёнка соболье пупчатое женская без рукав, да двои де рукавицы, одни покрыты черевом бобровым, а в ыспо-де лоскут соболье, а другие розсомачьи.

(А как при)ехав де (на Верхотурье, и его, Артемья) не стало. А после смерти ево, (как) ево погребали, и от погребанья давал де он, Овдоким, с товарищи своими по совету, попу платья ево, Артемьева, шубу барановую, покрыта сукном вишнёвым, да кафтан кумашной, да кафтан суконной зелёной поношенной, да башмаки красные телятинные, да чулки зелёные, поношены ж, да одеяло заячинное, покрыто летчиною, да три рубля денег.

Да у него де, Овдокимка, осталась ево, Артемьева, коробка с письмами. А иного борошню в ней ничево не осталось.

Да его ж де платья взял целовальник, которой с ним ехал, Данилко Макси-мов, кафтан камчатой холодной да полсть валяную, да рукавицы розсо-мачьи, да сапоги сафьяновые красные поношены.

Да другой целовальник Федька Агеев взял ево, Артемьевы, бобровые ру-кавицы да шубу соболью под киндяком лазоревым.

А другую де шубу соболью женскую без кровли и без рукав продал сам Артемей в Тобольску протодьякону Мефодию.

А два де подскора он, Артемей, по городом отдал: один на Тюмени во-еводе Алексею Беклемишеву, а другой подскор под бархатом в Туринском остроге сыну ево, Алексееву, Матвею.

Ленской же целовальник, родом унжанин, Федька Агеев по святой еван-гельской заповеди сказал:

Поехал он, (Федька), из Якутцкого острогу к Москве з государевою со-болиною казною с ленским казачьим атаманом с Ортемьем Петриловских. Что де с ним пошло с Лены пожитков ево, тоё де он не ведает.

А видял де он, (Федь)ка, у него, Артемья, в Туринском (остро)ге шубу соболью пластинную под лазоревым киндяком. И тоё де он шубу носил в (Ту)ринском к воевоцкому сыну к Матвею Беклемишеву. А так ли де он тоё шубу отдал ему, или на деньги продал, и про то он, Федька, не ведает.

Да (у) него ж де, Артемья, были три подскора без вершков. А один он подскор от(нёс) на Тюмени к Олексею Беклемишеву. А другой подскор ему ж, Алексею, (он, Арте)мей, продал в Ту(ринском остроге сыну ево), Алексееву Матвею. А что взял, он не ведает. А рукавицы де были или нет, про то он не ведает же.

А как де на Верхотурье не стало, и после смерти ево, Артемьева, давал отцу ево духовному (Афанасью Ларионову) казак Овдокимко Козицын шубу барановую под сукном вишнёвым да курту зелё(ную) суконную.

А иное, что давано, про то он не ведает. А взял де он, Федька, за свои у него за три рубли рукавичонка черевешные бобровые.

Ленской целовальник, а тобольской уроженец, посадкой человек Данилко Максимов сын сказал по святой евангельской заповеди:

Ехал он с Лены за государевою соболиною казною в целовальниках с ленским казачьим атаманом с Ортемьем Петриловским. А что де у него с ним с Лены пожитков ево пошло, и про то де он не ведает.

А видял он, Данилко, у Ортемья Петриловского в Тобольску шубёнко соболя, крыта киндяком лазоревым, да ношебную куртишку зелёную суконную; шубёнко барановую, покрыта анбурским сукном зелёным; кафтан китайчатой стёганой; постелю оленью да одеяло; да поскор под бархатным вершком, а про другой де подскор он не ведает; да двои рукавицы, одни покрыты череверчью бобровою, а в ысподе лоскутьё соболе, а другое де рукавичёнко розсомачьи ... на верх; (да одея)ло.

А после де смерти ево отцу ево духовному давал платья ево, Артемьева, ленской же казачей пятидесятник Овдокимко Козицын. А что де попу давал, и тому у нево, Овдокимка роспись. А денег де дал три рубли.

А шубку соболю до смерти ево, Артемьевой, видял он, Данилко, у него в Туринском. А рукавицы де, что покрыты червенью бобровою, взял у Артемьева отца духовного товарищ ево, Данилков, Федька Агеев за долг.

Да он же, Данилко, взял после смерти по заёмной ево кабале кафтан китайчатой ди по ... да рукава розсамачьи. А кабала де была займом в четырёх рублѣх в четырёх гривнах ево, Артемьева, руки да сапожнишка красные сафьянные в полдерье[?] А тоѣ де кабалу на Верхотурье выкупал отец ево духовной Афонасей Ларионов. А шубы де соболя он не имывал.

Февраля в 28 день бил челом великому государю [А. М.] Соли Вычегоцкой Алексинского стану крестьянин Ефимко Филипов сын Петриловской, а в Сибирском приказе окольников Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину да Льву Ермолаеву подал челобитную. А в челобитной пишет: « [58]

«Царю [А. М.] бѣт челом твой государев сирота, Соли Вычегоцкой Алексинского стану крестьянин Евфимко Филипов Петриловской.

Жалоба, государь, мне, сироте твоему, на сибирян, Якутцкого острогу на целовальника Данила Максимова сына Шелковникова да на Фёдора Агеева сына унжака в животе и в платье бра(та) своего родного.

По твоему великого государя указу шѣл брат мой, атаман казачей Артемей Филипов Петриловской, за твоею великого государя якуцкою казною к Москве с ними, целовальники, вместе. И в нынешнем, государь, во 178

[1669] году, декабря в ... день, судом Божиим, брату моему на дороге смерть случилась. А платье, государь, и живот они, целовальники, взяли себе. А живота, государь, взяли сверх платья на пятьдесят рублёв и завладели, государь, сильно.

<...> Вели, государь, тем целовальником отдать тот живот и с платьем брата моего покойного мне, сироте твоему. А не вели, государь, им тем животом и платьем завладеть сильно.» [59]

На обороте челобитной: «178 [1670], марта в 7 день. Взять к делу.»

Обратим здесь внимание на то, что, в отличие от предыдущей челобитной, Данило Максимов назван по фамилии не Попов, а Решетников. Чем закончилось дело, неизвестно.

Хотя в челобитных Ефим Филипов Петриловский и не указал название своей деревни, однако же при поиске удалось установить, что деревня называлась Петрилово, а истинная фамилия Петриловских была Кривошапкины. В главе «Начало амурского похода» эти документы приведены с именами родственников Артемия Петриловского, включая имя его прадеда.

Вернёмся опять на Лену. В рядовых казаках Андрей Хабаров числится в окладных книгах за 1701 [60] и за 1702 год. [61] Последняя запись о нём сделана в окладной книге жалованья Якутского острога за 1706 год:

«Рядовые:

Денег по 5 рублёв с четью; хлеба: по 4 четверти ржи, по 2 четверти овса; по полу 2 пуда [т. е. 1 пуд — Г. К.] соли.

Андрей Хабаров.» [62]

Но почему-то в илимских оброчных книгах продолжали упоминать Андрея Хабарова. В книге за 1700 год записано:

«Ондрюшка Ярофиев сын Хабаров. На 1700 год и на прошлой 207 [1698-1699] год оброку по десяти алтын на год.» [63]

Однако, не упомянуто, что платил.

В оброчной книге посадским людям за 1703 год записано:

«Андрей Ярофеев сын Хабаров. Довелось взять оброку десять алтын на нём же на прошлые на 1700 и на 1701 годы оброку по десяти алтын на год. И того оброку на нём не взято, потому что он, Андрей, бежал в Якутской.» [64]

В 1716 году в Илимском остроге был составлен список беглых. В нём записан и Андрей Хабаров. [65]

Хотя из предыдущего достоверно известно, что Андрей Хабаров был женатым человеком, имя его жены в документах не упоминается. Неизвестно, были ли у него дети, а если были, то сколько. За первую четверть XVIII века в архивах отложилось довольно скудное количество документов.

В сборнике «Сибирские города» Н. А. Найдёнов приводит переписную книгу убылых после 1-й ревизии. В ней есть запись о Хабарове:

«По городу Якутску в казачью службу определены:

<...> 93) Михайло Хабаров.» [66]

1-я ревизия проводилась в 1723 году. Больше никаких Хабаровых в этой книге не записано. А дальше пришлось столкнуться со странным явлением. В фонде 210 (Разрядный приказ) удалось обнаружить книгу без заглавия

о выдаче денежного жалования по городу Якутску за 1723 и 1724 годы, в которой упомянуты несколько Хабаровых. Однако непонятно, почему они в книге, приведённой Н. А. Найдёновым, не записаны. Всё же сделаем выписки о Хабаровых.

«Десятник Андреян Хабаров. В 724 году, марта в 9 день, ему на 722 год Его Императорского Величества [в дальнейшем: Е. И. В. — Г. К.] денежного жалования — тринадцать алтын с полуденьгою. В подлинных книгах росписался брат ево Иван Хабаров своею рукою.» [67]

Эта запись сразу ставит вопрос: Андреян Хабаров и Андрей Хабаров, одно ли это лицо? Видимо, не одно. У Андреяна Хабарова были ещё и братья.

«Иван Хабаров. 723 году, августа в 9 день, на 722 год Е. И. В. денежного жалования для тобольской посылки — три рубли с полтиной. В 724 году, марта в 9 день, ему ж дано денег семнатцать алтын три деньги. В подлинной книге вместо ево, Хабарова, росписался Иван Хабаров.» [68]

Запись довольно странная.

Другая запись:

«Иван Хабаров. 723 году, сентября в 7 день, дано ему на 722 год Е. И. В. денежного жалования пять рублёв. В 724 году, марта в 9 день, ему ж дано денег восмнатцать алтын с полуденьгою и с полуполуденьгою. В подлинных книгах росписался Иван Хабаров.» [69]

Кроме этого, есть запись ещё об одном брате Андреяна и Ивана Хабаровых — Василии:

«Василей Хабаров. В 724 году, марта в 9 день, дано ему на 722 год Е. И. В. жалования двенатцать алтын три деньги. В подлинных книгах росписался брат ево родной Иван Хабаров.» [70]

Кроме этого, есть ещё записи о двух Хабаровых, Петре и Степане, без указаний на родство. О Петре — две записи. Первая запись:

«Пётр Хабаров. В 724 году дано ему на 722 год Е.И.В. денежного жалования рубль, в том же 724 году, марта в 9 день. Ему же дано денег двенатцать алтын три деньги. В подлинных книгах росписался Пётр своею рукою.» [71]

Вторая запись:

«Пётр Хабаров. 723 году, августа в ... день дано ему Е.И.В. денежного жалования на 722 год для мунгальской посылки три рубли восемь алтын две деньги. Ему ж дано вина простого четверть за шеснатцать алтын за полшесты деньги по приёму таможенного головы Афонася Бутримова. В подлинных книгах росписался Иван Шебалин.» [72]

И короткая запись о Степане Хабарове:

«Десятник Степан Хабаров. В 724 году, марта в 9 день, дано ему на 722 год Е. И. В. денежного жалования десять алтын.» [73]

Повидимому, это записи о выдаче не годового денежного жалования, а о каких-то разовых выдачах.

К большому огорчению исследователей в те времена обычно записывали людей по именам без отчества, что усложняет их распознавание. Фамилия Хабаров в те времена на Лене не была редкостью и не все они были родственниками Ерофея Хабарова, а лишь однофамильцами.

Г. А. Леонтьева без колебаний причисляет Михаила Хабарова, упомянутого в книге Н. А. Найдёнова, к внукам Ерофея Хабарова и называет его сотником. Она пишет:

«В якутском же гарнизоне продолжал службу сын Андрея, внук Ерофея Павловича Хабарова, Михаил Хабаров. В росписном списке Якутска 1759 г. он упоминался как сотник якутских казаков.» [74]

Ссылку на документ Г. А. Леонтьева не даёт.

О втором сыне Ерофея Хабарова Максиме первые записи встречаются в оброчных книгах Илимского острога. Следовательно, был он посадским человеком. Книги, конечно, сохранились не за все годы. В оброчной книге 201 [1692—1693] года записано:

«Максимко Ерафеев сын Хабаров. Оброку десять алтын. С 201 году по выбору служил в таможенной избе у пошлинного збору в целовальниках.» [75]

В оброчной книге за 204 [1695—1696] год записано:

«Максим Ерофеев сын Хабаров. Оброку десять алтын на 204 год платил.» [76]

В оброчной книге за 205 [1696—1697] год записано:

«Максимко Ярофиев сын Хабаров. Оброку десять алтын. На 205 год оброк с него взят. И 205 году выбран на кружечной двор к пивной продаже в целовальники. И по челобитью ево, Максимкову, служил за него в Ылимску на кружечном дворе у пивной продажи посацкой человек Петрушка Евдокимов.» [77]

Следующая запись о нём встречается в таможенной книге Усть-Кутского острога за 206 [1697—1698] год:

«Февраля в 18 день [1698 г.] гулящей человек Олёшка Захарьевых явил лошадь шерстью буланую. А купил он тоё лошадь в Усть-Киренском острошке у посацкого человека у Максима Хабарова. А дал за тоё лошадь шесть рублёв с полтиною.

С него, Алёшки, за продавца и за перекуп взята десятая великого государя пошлина по гривне с рубля. Да пошерстного алтын в Усть-Куцку в таможеню в нынешнем 206 [1698] году. Итого сорок четыре алтына две деньги.» [78]

В этом же 206 [1697-1698] году в расходной книге соли Усть-Киренского острожка есть запись:

«Посацким же людем
Ондрюшке Ощепкову
Максимку Хабарову
Сеньке да Оничке Кармановым
Якушку Котельнику
Ивашку Ефремову
Митьке Быкову
Петрушке Черноброву

с товарищи продано врознь по пуду и по два, и по три. Итого вышло сорок пуд соли. Взято восемь рублёв.» [79]

В оброчной книге Илимского острога за 207 [1698—1699] год записано:

«Максимко Ярофиев сын Хабаров. На 207 год платил оброку десять алтын.» [80]

В книге за 1700 год такая же запись:

«Максимко Ярофиев сын Хабаров. На 1700 год платил оброку десять алтын.» [81]

За 1700 год есть документ, в котором сообщается, что Максим Хабаров брал в «кортому» (аренду) сенные покосы на Никольском лугу, в 6 километрах ниже Киренска, в окрестностях деревни Никольской. Это документ о тяжбе двух пашенных крестьян, Онички Семёнова Кузакова, который жил в деревне Ворониной на левой стороне Лены, напротив Киренска, и Тимошкой Мартыновым Пахоруковым, который жил в деревне Никольской. На суде Максим Хабаров был свидетелем.

«Великому государю [П. А.] бьёт челом сирота твой, пашенной крестьянин Оничка Семёнов сын Кузаков. Жалоба, великий государь, мне, сироте твоему, на Тимофея Мартынова сына Пахорукова.

В прошлом, великий государь, в 206 [1698] году снял я, сирота твой, великого государя десятинной пашни на Никольском лугу, которую пашню пахал умершой пашенной Пятко Осипов. И о той пашне, о здаче и съёме, подали мы, сироты твои, в Ылимской в Приказную избу тебе, великому государю, челобитную. И в той пашне взята по мне, сироте твоём, поручная запись в Ылимском в Приказной избе, что пахать та десятинная пашня на тебя, великого государя, по вся годы безпереводно и всякое тягло с миром тянуть.

И я, сирота твой, по твоему великого государя указу тоё твою великого государя десятинную пашню, полдесятины ржаной, полдесятины яровой, пахал и ямшину платил, и подводы гонял, и всякое крестьянское тягло тянул против своей братьи.

И в нынешнем, государь в 208 [1700] году, с весны, я, сирота твой, тоё твою великого государя десятинную пашню яровую и свою пахоту, и впредь к 209 [к 1 сентября 1700] году под рожь пахал же.

И он, Тимофей, неведомо каким вымыслом, мне, сироте твоему, от той моей пашни и от сенных покосов отказал. И угрожал смертным убийством. И паханую мою землю мне, сироте твоему, на другой ряд перепахать и посеять не дал. А паханую мою землю, которая пахана на тебя, великого государя, и мою пахоту он, Тимофей, озорничеством своим завладел сильно и спахал, и хлеб посеял, и сенные покосы выкосил на себя, и сторонним людям в кортому раздавал.

И в том я, сирота твой, усть-киренскому закащику Саве Орлову и служилым людям, и пашенным крестьяном извещал. А кому извещал, и тому у розыску подал я, сирота твой, роспись.

<...> Вели, государь, про то ево, Тимофеево, насильство розыскать, а по розыску свой великого государя указ учинить, чтобы мне, сироте твоему, от того ево, Тимофеева, насильства вконец не разоритьца и твоей великого государя десятинной пашни не заронить.» [82]

На обороте челобитной рукоприкладство: «К сей челобитной вместо Анички Семёнова по его велению Геранька Шелковников руку приложил.»

Дальше описывается допросы ответчика и истца:

«209 [1700] году, октября в 30 день, в Усть-Киренском остроге в Судной избе перед приказным человеком Емельяном Ивано[вы]м пашенной крестьянин Тимошка Пахоруков, выслушав исца своего Онички Семёнова челобитную, отвечал. А в ответе своём сказал: я де, Тимофей, у него, Оники, сенных де покосов сильно не отымал. А имал де я сенные покосы у соседа своего у Фадюшки Титова в кортому копён на сотню. А что он, Оника, пишет в челобитной, будто я, Тимошка, похвалялся смертным убийством, и я, Тимошка, таких речей ему никогда не говаривал и смертным убийством не похвалялся.

Того ж числа истец сказал перед приказным человеком Емельяном Ивановым: шлюся де я, Оничка, в том на третьих, как он, Тимофей, отказывал в сенных покосах при Саве Маркове, при Максиме Хабарове, при Тимофее Падерине, при пашенном Левонтье Иванове, в другое время отказывал при том же Саве Маркове, при Петре Барабаншикове.

Ответчик Тимофей Пахоруков отвечал: на тех де третьих я не шлюся, потому что де братья моя, Мосейко да Ивашко, выняли у Савы Маркова вино, и в том на него не шлюся.

А с Максимом Хабаровым была у нас спона при Фёдоре Родионовиче Качанове.

А Трофим Падерин клевет меня напрасно, что будто я его перебил и бранил нагло. И в том на него не шлюся.

А на Барабаншикова в том не шлюся, потому что писали де мы на брата его Игнатья мирскую челобитную. И в том де я на него не шлюся.

А на пашенного Левонтья Иванова в том шлюся, что де я ему, Онике, от пашни и от сенных покосов не отказывал.» [83]

На обороте листа рукоприкладства:

«К сим допросным речам ответчик Тимошка Пахоруков руку приложил.

Вместо Оники Семёнова по его велению Мишка Иванов руку приложил.»

Далее описывается допрос свидетелей.

«Того ж числа пристав Афанасей Баишев послан по Фадюшку Титова. И приведён в Судную избу допрашивать. А в допросе сказал: с Оником де Семёновым великому государю о смене тоё пашни челобитные не подавал, и пашни и сенных покосов ему не отдавал. А владел он, Оника, насильством своим по два году. А нынешнего 208 [1700] году я, Фадюшка, к 209 [к 1 сентября 1700 — Г.К.] году ржаные полдесятины сеял и покосы косил, и в кортому отдавал Фёдору Степанову на сорок копён, Фёдору Высоте на шездесят копён, Фёдору Пахорукову копён на сотню.

Того ж дни третей Максим Хабаров сыскан и допрашиван. А в допросе своём сказал: имал де я в кортому сенные покосы у пашенного крестьянина Никольского лугу у Тимофея Пахорукова на сто копён волоковых. А кортому дал ему, Тимофею, рубль. А та земля его ли, Тимофея Пахорукова, или Оники Семёнова, и про то де я не ведаю.

Того ж числа истец Оничка Семёнов слался на свидетелей: на служилого человека Трофима Падерина, на Саву Маркова, которые по указу великого

государя отводили на Никольском лугу пахотную землю и сенные покосы, и на иных многих свидетелей, которые живут в Усть-Киренском остроге и в Нижно-Киренской волости.» [84]

На обороте листа — рукоприкладства:

«К сим допросным речам вместо Фадейка Титова по его велению Филька Галахов руку приложил.

К сим допросным речам вместо Максима Хабарова по его велению Филька Галахов руку приложил.»

Несмотря на то, что в более поздних документах о Максиме Хабарове упоминается как о целовальнике, нигде нет его собственноручной подписи.

Хотя дальнейшее разбирательство дела уже не имеет отношения к Максиму Хабарову, всё же приведём его окончание. Кто такой Фадюшка Титов, ясно из дозорной книги илимского воеводы Ф. Р. Качанова. Там в числе крестьян, живущих в деревне Никольской, записан:

«Двор Фадюшки да Игнашки Пятковых детей. Вместо их пашню пашет криволицкой крестьянин Аничка Семёнов сын Кузаков, <...> потому что они, Фадюшка да Игнашка, в малых летах, пашни пахать не могут. А тот и[х] живот отдан Тимошке Пахорукову с роспискою до возраста их.» [85]

Этим, видимо, и объясняется неразбериха, у кого больше прав на пашню и сенные покосы, которые раньше были отведены отцу Фадюшки Титова Титу Осипову сыну (он же Пятко Осипов).

Потом были допрошены люди, которые отводили пашню и сенные покосы:

«Ноября в 15 день в Судной избе илимской служилой человек Трофим Козьмин допрашиван перед образом Божиим вправду: ездили де мы из Усть-Киренского острогу по указу великого государя с приказным человеком с Никифором Карсаковым отводить на Никольском лугу пахотную землю и сенные покосы умершаго пашенного крестьянина Пятка Осипова, полдесятины ржанные, полдесятины яровые с сенными покосы, в межах с Тимофеем Пахоруковым, потому что умершаго Пятка Осипова сын его остался в малых летах. И по указу великого государя приказной человек Никифор Карсаков с товарищи, розморяв тоё землю, отвёл ему, Онике Семёнову, на полдесятины под хлеб и под сенные покосы до указу великого государя.

А преж сего у нас, Трофима, с ним, Тимофеем, никакой споны и челобитья друг на друга не бывало.

Того ж числа в Судной избе усть-киренской житель Сава Марков допрашиван перед образом Божиим вправду.

По приказу де приказного человека Никифора Карсакова посылан был я, Сава Марков, с казаком с Трофимом Козьминым на Никольской луг досматривать. А были с нами вместе Тимофей Пахоруков, Оника Семёнов. И отводную их земле досматривал. И по досмотру земля розделена и межевые знаки до него, Савки, поставлены. А по тем ли де межам они, Тимофей, владели той землёю или по любовному своему договору по старым межам, про то де он, Савка, не знает. Только де он, Сава, на той заимке имал сеной покос в кортому на Пятковской земли у Оники Семёнова. А кортомные деньги платил ему, Оники.» [86]

Затем были допрошены ещё двое свидетелей:

«Того ж числа пашенной крестьянин Яков Пустосвят допрашиван перед образом Божиим вправду: ведаю де я подлинно, что отвёл Федор Романович Качанов Пятковскую землю Оники Семёнову по то время, как тово Пятков сын возмужает. А Тимофею Пахорукову от тоё земли отказал: что де тебе тою землёю владеть нельзя, потому что де ты мотаешься.

Того ж числа пашенной крестьянин Пётр Барабанщиков допрашиван перед образом Божиим вправду: в прошлых де годах на Никольском лугу умершаго крестьянина Пятка Осипова отведена пахотная земля и сенные покосы по челобитью Оники Семёнова. А отводил тоё землю по указу великого государя прикащик Никифор Карсаков да казак Трофим Падерин на полдесятины под хлеб и под сенные покосы, про то де я не ведаю.

А преж сего была у нас с ним, Тимофеем, в прошлых летах спона. Держали де мы с братом квасной двор. Перебил он, Тимофей, чюмака. И в то разве он, Тимофей, оспонит?» [87]

На обороте листа: «К сим допросным речам вместо Якова Павлова [Пустосвята — Г. К.] по его велению Савка Марков руку приложил.»

Затем приказчик вынес приговор:

«209 [1700] году, ноября в 16 день, приказной Емельян Иванов, выслушав сего розыскного дела и общих ссылок, приговорил: исца Онику Семёнова оправить, а ответчика Тимошку Пахорукова обвинить. И исцов иск доправить, потому что он, Тимофей, не бив челом великому государю и не подав приказным людям челобитные, отказал ему, Оничке, от сенных покосов и учинил ему многие убытки.

А в государеве указе и в Соборном Уложении в новоуказных статьях написано: буде которые пашенные крестьяне друг у друга перекосят сенные покосы, [и] им, крестьянем хозяевам, отводить кошенные сена без остатку. А тем, которые косили сильно, учинить наказание: бить батоги.

И по приговору приказного человека Емельяна Иванова приказал то кошеное сено, которое кошено на Оникиных местах, разделить все зароды пополам, надвое. И сколько на половине копён объявится, и те копны оценить настоящею ценою вправду, и по оценке деньгами, что будет доведётца, взять пошлина на ответчике по гривне с рубля да пересуду и правого десятка по семи алтын по две деньги.

А за то что не бил челом великому государю и, не подав челобитные, самовольство[м] своим сена на Оникиных покосах выкосил, а он, Оничка, стоит в ылимских книгах за пометою воеводы Фёдора Качанова, и зато велеть бить батоги нещадно и сей приговор велеть ему сказать.» [88]

В конце листа помечено другими чернилами: «Бит батоги.»

Далее описывается приведение приговора об оценке сена и взыскание судебных пошлин:

«Того ж числа из Усть-Киренского острога посыланы на осмотр для отводу сенных покосов якуцкой сын боярской Борис Кулаковского да якуцкой же сын [бояр]ской Спиридон Тимофеев, илимской служилой человек Трофим Падерин, посацкой илимской Затей Антипин, и то вышеписанное

кошеное сено смотрели на Никольском лугу и отвели пашенному крестьянину Онички Семёнову, и досмотр подали в Усть-Киренской в Судную избу приказному человеку Емельяну Иванову за руками своими. А по осмотру объявилось в отводе кошеного сена в зародах сто копён.

И по указу великого государя приказной человек Емельян Иванов велел оценить то вышеписанное кошеное сено купецким людям настоящей ценою, в кою цену в то время по чему копны купили. И то сено, сто копён, оценили по десяти денег [с] копны, и ценовную подали за своими руками.

И по указу великого государя и по оценке торговых людей, по оценке с пяти рублёв, взято шеснатцеть алтын четыре деньги. Да пересуду и с правого десятка семь алтын две деньги взято ж. И те деньги записаны именно в приходные книги.» [89]

В 1701-1702 годах в Киренске проездом из Москвы в Якутск зимовал камчатский землепроходец Владимир Атласов. Обласканный в Москве, на обратном пути он ограбил на Тунгуске (Ангаре) торговое судно, за что после прибытия в Якутск был посажен в тюрьму. А до этого, зимую в Киренске, он проматывал награбленные товары и вёл разгульный образ жизни. Из документов, в которых описано пребывание Владимира Атласова в Киренске, мы приведём только те, которые имеют отношение к Максиму Хабарову. Он был одним из людей, проводивших досмотр погрома, учинённого В. В. Атласовым. Хотя о Владимире Атласове издано три книги, но ни в одной из них не рассказано об этом.

В то время приказчиком в Киренском острожке был Василий Петриловский, сын племянника Ерофея Хабарова Артемия Петриловского, а в Криволуцкой волости приказчиком был Андрей Амосов. Они подали челобитную с жалобой на Владимира Атласова:

«Великому государю [П. А.] быют челом холопи твои, Криволуцкой волосте и Усть-Киренского острожку прикащики: якутцкой сын боярской Андрюшка Амосов да атаман казачей Васка Петриловской.

Жалоба, государь, нам, холопам твоим, на голову казачья на Володимера Отласова и на полковых ево воровских людей.

В нынешнем, государь, в 1701 году, в праздник Рожества Христова, ввечеру поздно, декабря на 26 число, пришёл он, голова, с полковыми своими людьми в Усть-Киренской на твой государев двор нахвально.

А в то, государь, время мы, холопи твои, да киренской спаской поп Василей Иродионов, да пятидесятник Никифор Мошинцов, да попадьи Михайла Данилова и Василья Родионова в том твоём великого государя дворе ужинали, и про тот ево безвестной приход мы, холопи твои, не знали.

И я, холоп твой Васка, говорил ему, голове, что он пришёл нахвально, и за то выслал из избы вон. И он, голова, учал меня, холопа твоего, бранить матерно. И говорил он, что де жена твоя будет подо мною лежать. И как он, голова, пошёл из избы, и я, холоп твой, ево, голову, проводил в сени. И в сенях он, голова, меня, холопа твоего, ножём резал.

И после того, государь, он же, голова, с постоянного своего двора собрал воровски своих полковых людей и прислал с ружьём, и велел тот твой государев двор розбить, и нас, холопей твоих, убить. И те воровские люди,

пришедчи, у твоего государева двора барщёлов, двери и окна выломали и выбили.

И я, холоп твой, боясь того разбою и смертного убийства, от тех воровских людей з женишкою своею бежал в Троицкой монастырь. А священник Василей Иродионов от того ж их, воровского, разбою бежал в Киренской острог и бил в набат.

А сын боярской Андрей Амосов да пятидесятник Никифор Мощинцов остались в том твоём государевском дворе, и тех воровских людей розговаривали и унимали. И они, воровские люди, их, Андрея и Никифора, били и бердышами рубили, и руку у Никифора Мощинцова изломали, и увечили насмерть. И из того двора замертво их выбросили на улицу.

И учили те воры и разбойники в том твоём государевском дворе твою великого государя коробью и мои, холопа твоего, сундуки и ларцы, и подголовки рубить и ломать. И, розломав, ис той коробки всякое твоё великого государя розыскные дела и зборные деньги, и наказ, и наказные статьи, и тяглым крестьяном, и оброчным людем, и всяким зборным деньгам окладные и всякие книги, и указные памяти о всяких делах, тако ж и мои, холопа твоего, сундуки и ларцы, и подголовки изрубили и изломали, и денги, и платье, и всякой живот, и посуду у меня, холопа твоего, тако ж и у сына боярского Андрея Амосова всякое ношебное платье пограбили, и сундуки, и коробки, и подголовки разбросали.

И как, государь, те воры и разбойники тот твой государевской двор разбивали и грабили, и в то время киренской священник Василей Иродионов приходил к тому двору, и будучи в сенях, и те воровские люди выбежали из передизбного анбара с саблями и хотели ево, попа, срубить, и гнались за ним до рундука. И он де, священник, бросился на них прямо с крыльца и ушёл.

А иные люди приступитьца ништо не смели, для того, государь, что де они, воровские люди, все с ружьём, и было их многолюдно.

Да той же, государь, ночи у Киренского острога с подгородную сторону от колокола до калитки стена выломлена. Да в Троицком монастыре у ограды, у Святых врат, стамое [стоячее, несущее, опорное — Г. К.] звено выломлено ж.

И ныне, государь, он же, голова, похваляетца на нас, холопей твоих, смертным убийством. А мы, холопи твои, биты и ранены, лежим на смертной постели з женишками и з детишками в Троицком монастыре.

<...> Вели, великий государь, сию нашу челобитную в Усть-Киренском остроге принять якутцкому сыну боярскому Козьме Мачехнину и, собрав всяких чинов людей, у нас, холопей твоих, битых мест и ран досмотреть, тако ж и твоего государевского двора, и всякого грабежу, и разоренья, и у острога ломаные стены, и монастырские ломаные ж ограды досмотреть, и записать, и против вышеписанного дела киренского священника Василья Иродионова допросить.

И вели, государь, сию нашу челобитную и досмотр за руками из Усть-Киренского послать в Якутцкой город к стольнику и воеводе Дорофею Афонасьевичу Траурнихту да к дьяку Максиму Романову.» [90]

Пятидесятник Никифор Мощинцов был дядей Василия Петриловского.

А Козьма Мачехнин был в это время приказчиком Чечуйского острожка, но жил в Киренске. А в Якутске имел двор. По его памяти был допрошен священник Василий Протодияконов, который сообщил дополнительные подробности происшествия:

«1701 году, декабря в 30 день, против памяти Козьмы Мачехнина, что он, Козьма, прислал на Софейской двор к закащику духовных дел иеромонаху Григорью Тушину о допросе киренского спаского священника Василья Протопопова, и он, священник, на Софенйском дворе допрашиван.» [91]

Под Софийским двором здесь подразумевается местопребывание главы Киренского монастыря. Заказчик — это временно исполняющий обязанности.

«А в допросе сказал: декабря де на 26 число, в вечере поздно, был де он, поп, у приказного Василья Петриловского в доме, и ужинали. А в то время был тут же якутской сын боярской Андрей Амосов да киренского священника Михайла Данилова попадья, да ево ж, Василья, попадья, да пятидесятник казачей Никифор Мощинцов, да посадцкого якутского Галактиона Иванова жена ево Меленья.

И в то время приходил от головы Володимера Отласова полковой ево казак Васка и говорил ему, Василью Петриловскому: прислал де меня к тебе голова и велел сказать, что де я, голова Володимер, к тебе, Петриловскому, сего вечера буду в гости.

И он, Василей Петриловской, ему, казаку, говорил: мы де рады, лишь бы он с нами не бранился. И ныне де он, Володимер, где? И он, казак: сидит де он в гостях Василья Толстоухова.

И он, Василей Петриловской, говорил ему, казаку, чтоб де он, голова, и нас к Василью Толстоухову позвал преж, а ныне б он, Володимер, к нам не ходил.

И недолго де время после того он, Володимер, пришёл в избу без ведомости с полковыми небольшими людьми. И он, Василей, ему, голове, говорил: для чего де ты пришёл безобсылошно?

И он, голова, стал ево, Василья, бранить матерно всячески, называл псом. И какой де ты великой человек, атаманишко, что де к тебе ходить з докладом? Что де ты з женою седишь, будет де и жена твоя подо мною, Овдотья.

И он, Петриловской, выслал ево, голову, из избы вон, и сам с ним же вышел в сени, а из сеней он, Петриловской, в избу пришёл резан ножём.

А полковых ево, Володимировых, двое человек Митька Кормилицын да денщик Федька остались в избе. И Андрей Амосов велел их сковать в железа.

И недолгое время после того пришли полковые ево люди к тому государеву двору многом число[м] и закрычали, что де двор ломать.

И он де, поп Василей, побежал задними дверми с ним, Васильем Петриловским, и с попадьею своей на улицу. А выбежав на улицу, слышали, что человек кричит, у острогу бегая, и велит хватать ево, попу Василья, и Петриловского. И он, Петриловской, остался на задворье, а он де, поп Василей, убежал в келью к старцу Таисие. А ис кельи бежал де он, поп, в острог, в трапезу, и бил сполех на колокольне.

И они де, полковые, кричали: полно де тебе бить сполех, и бранили мене: как де пойдём мы на колокольню, бросим де тебя с колокольни прямо. И хотели острог изломать притти.

И долгое время после того пошёл де он, поп Василей, домой с фонарём. И чаял, что Андрей Амосов и Василей Петриловской в ызбе или в анбаре. И пришед на мост, увидел, что в анбаре люди. И побежал де он, поп, с мосту и с крыльца прямо домой. И за ним де, попом, человек бежал из анбара с саблей х мосту. А хто были люди в анбаре, и хто за ним, попом, с саблей бежал, тех людей в лице он де, поп, не ведает.» [92]

Через четыре дня был составлен писменный «досмотр»:

«1701 году, декабря в 30 день,

якуцкие дети боярские: Козьма Мачехнин

Афанасей Петров

Стефан Бобровской,

служилые люди: Евсевей Аргунов

Лука Литвинцов

Елфим Брехов

Ларко Хвостов

Стефан Стижной,

усть-киренской таможенной целовальник Василей Зыков,

прежней целовальник Василей Харитонов,

квасной откупщик Василей Толстоухов,

торговые люди: Тарас Кондратьев

Иван Чертовской

Матфей Васильев

Фёдор Пивоваров

Иван Попов

Пётр Сокольников

Стефан Шеметов

Иван Балдаков,

усть-киренские жители, илимские посадцкие люди:

Максим Хабаров

Фёдор Жданов

Фёдор Власов,

да Нижно-Киренской и Криволутцкой волостей пашенные крестьяне:

старосты мирские: Сава Наумов [д. Половинная, сейчас Алымовка]

Иван [Иванов] Кудря [д. Кудрина],

целовальник Борис Ананьин [д. Горбова],

десятники: Фёдор [Андреев] Ощепков [д. Балахонская]

Емельян [Фёдоров] Рубцов [д. Подъельничная]

Осей [Терентьев] Пахоруков [д. Змеинова]

Прохор Иванов [д. Подкаменная]

Роман да Пётр [Петровы] Барабанщиковы [д. Балахна]

Родион Прохоров [Гостев, д. Закаменная, она же Салтыкова]

Кирилко Васильев [Монаков, д. Монакова на Лене]

Иван [Данилов] Горбунов [д. Закаменная, она же Салтыкова]

Тимофей [Иванов] Вологда [д. Вологодина, потом Волгина]
 Василий Иванов [Табарин, д. Монакова на Киренге]
 Григорей [Аникиев] Опекин [д. Заборская]
 Иван [Васильев] Чертовской [д. Чертовская]
 Гаврило [Иванов] Тетерин [д. Кривая Лука],
 да квасной чечюйской откупщик Алексей Кривошапкин,
 да пашенной Михайло Фёдоров
 Конан Родионов
 досматривали в УстьКиренском Троецком монастыре приказных людей:
 сына боярского Андрея Амосова
 да атамана казачья Василья Петриловского
 пятидесятника Никифора Мошинцова
 и в Усть-Киренском государевского двора, и Усть-Киренского острогу и
 манастырской ограды, и розломанной государевской коробы, и сундуков,
 и ларцов:

И по досмотру:

у сына боярского Андрея Амосова на голове три раны испрорублены
 бердышём и спина избита, и глаза сини, подбиты;

у Василья Петриловского рана ножевая под правую титьку против сердца;

у Никифора Мошинцова голова бердышём розрублена и левая рука перешиблена, и весь избит;

а у государевского двора, у избы, окна и оконницы, и сенные двои двери розбиты и розломаны, и в избе голбец розломан, и в подполье пиво и брага, и квас из бочек выпущено;

да у передизбного анбара двери розбиты ж и розломаны, и колода у дверей отколота;

да тут же в сенях государевская коробыя розломана, лежит порозжая;

да в том же анбаре коробыя руская без замка стоит порозжая также, а иные коробыи стоят порозжия, а сундук окованой в пошевнях отвезён на реку и изломан, порозжей;

да подголовок ломаной нашли де в городе головы Володимера Отласова полковые ево люди, и тот подголовок порозжей отнесли они к нему, голове;

а у Киренского острогу с верх Лены реки с подгорную сторону от колокольни острожная стена, звено, да у монастырской ограды у Святых ворот стамое звено выломлены. А хто выломал, того де они не знают;

да чем они двери и окна ломали, лежат два больших бревна на улице перед избою и в сенях.» [93]

На обороте л. 20—21 — рукоприкладства крестьян, причём не тех, которые перечислены в досмотре, а других. Да и не сами эти крестьяне прикладывали руку, а по их велению иные. Ясно, что за три дня после погрома не могло съехаться в Киренск из отдалённых деревень такое количество крестьян. Но это не даёт повода ставить под сомнение перечисленное в «досмотре».

Осенью 1702 года Василий Петриловский сдал Усть-Киренский остро-

жек заказчику (временно исполняющему обязанности) киренскому жителю Герасиму Максиму Шелковникову [94] и 2 октября 1702 года возвратился в Якутск. [95]

В 1702 году по приказу илимского воеводы Ф. Р. Качанова проводился сыск о винном курении киренского попа Михаила Данилова. Об этом сыске имеется очень обширный документ. Из него мы приведём только те места, в которых упоминается Максим Хабаров. Имущество попа было описано. В описании этого имущества принимал участие и Максим Хабаров. Затем воевода Качанов отправил киренским жителям память о составлении ценовной росписи этого имущества:

«Лета 1702, ноября в 19 день. По указу великого государя [П. А.] память киренским жителем, илимским посацким людем:

Анике да Семёну [Афанасьевым детям] Кормановым
Ивану Ефремову [сыну Трестину]
Максиму [Ярофееву сыну] Хабарову
Петру Кабакову
Фёдору Власову [сыну Уваровскому]
да Фёдору [Афанасьеву сыну] Жданову
и всем посацким людем, киренским жителем.

Как к вам ся память придёт, и вам бы оценить против указу великого государя и грамоты у киренского попа Михайла Данилова по своей переписной росписи, что подали вы за руками, по самой правде всё порознь, прямою, настоящею ценою. А что вам оценить, тому под сею памятью — роспись. А оцени, ценовную за руками своими подать вам в Киренском в Приказной избе Фёдору Родионовичю Качанову.» [96]

Ценовная роспись была составлена. В начале её повторяется память воеводы Качанова, а затем записано:

«И мы, Аника Карманов с товарищи, по той указной памяти по переписной росписи у киренского попа Михайла Данилова в Киренску дворево, и на мельнице всякие заводы и пожитки ево, и скот, и посуду оценили по самой правде, покупною. настоящею, ценою, что чего стоит. А по оценке, что чему цена, и то писано под сею ценовною ниже сего порознь, статьями, имянно.» [97]

До указа всё переписанное имущество было отдано на хранение сыну попа Андрея Данилова Василию Оконнишникову. Андрей Данилов — брат попа Михайла Данилова. Поп Михайло Данилов в то время уже умер.

О том, что Василий Оконнишников сохранит это имущество, была написана поручная запись:

«Се аз, киренской поп Василей Иродионов сын Чюпров, торговые люди:
Василей Михайлов сын Чебаевской
Тарас Кондратьев,
киренские жители:
Герасим Максимов сын Шолковников
киренской церковной дьячѣк Осип Елисеев сын Чюпров

Лазарь Лукин сын Ощепков,
посацкие люди:

Аника Афонасьев сын Корманов

Иван Ефремов сын Трестин

Максим Ярофеев сын Хабаров

Дмитрей Осипов сын Быков

Афонасей Карпов сын Рыбаков

Фёдор Афонасьев сын Жданов

Фёдор Власьев сын Уваровской

Балахонские деревни пашенной крестьянин Пётр Петров сын Барабанщиков,

все мы, порутчики, поручились заедин человек и в Киренску в Приказной избе бывшего у киренского попа Андрея Данилова по сыне ево по Василье Андрееве сыне Оконнишникове в том, что за нашею порукою до указа великого государя отдано ему, Василью Оконнишникову, по ево челобитью против переписной и оценной росписей киренских жителей, илимских посацких людей Аники Корманова с товарищи, что переписано и оценено у киренского попа Михайла Данилова в Киренску двор со всем хоромным строением.» [98]

Далее следует упомянутая перепись, а затем:

«А буде он, Василей Андреев, за сею нашею порукою, против оценной росписи что истеряет, и на нас, на порутчиках, взять в государеву казну за то дворовое и мельничное, и хоромное строение, и за всякие заводы, и за скот, и за деревянную посуду деньги против ценовной росписи, сто тритцать пять рублёв четыре гривны, да пять рублёв за святые иконы. А хто из нас, порутчиков, влицах будет, на том и порука вся безрозвытно.

В том сию и поручную дали.» [99]

Далее следуют рукоприкладства, и среди них:

«Ручал Гарасим Максимов сын Шолковников, и вместо илимских посацких людей Фёдора Власова, Максима Хабарова, Афонасья Карпова по их веленью и за себя руку приложил.»

За 1703 год встречаются две записи о Максиме Хабарове, как о посадском человеке. В оброчной книге записано:

«Максим Ярафеев сын Хабаров. Платит оброку десять алтын.» [100]

В 1703 году, кроме ежегодного оброка, с посадских людей был взят разовый сбор в размере десятой деньги.

В окладной сборной книге десятой деньги Илимского острога записано:

«Того ж числа [5 декабря 1703 г.] с Максима Хабарова десятой денньги по окладу взято десять алтын.» [101]

В 1704 году Максим Хабаров был целовальником на усть-кутской соляной варнице, которую в прежние годы построил его отец, и в чём-то провинился. 20 октября 1704 года принимал Усть-Кутский острог у приказчика Герасима Учужникова новый приказчик Андрей Сенотрусов. Среди принятых бумаг записано «письмо от усольского приказчика Степана Рошкова о наказании усольского целовальника Максима Хабарова.» [102]

Однако же, самого письма в этом деле нет.

В 1705 году в Илимском уезде была составлена книга рыбных ловель. В ней о Максиме Хабарове упоминается как о пашенном крестьянине деревни Балахонской. Эта деревня вплотную примыкает к верхнему концу Ки-режка.

«Того ж числа [27 мая 1705 г.] Нижно-Киренской Балахонской деревни пашенные крестьяне

Роман Петров [Барабанщиков]

Гаврила Андрианов [Ощепков]

Яков Павлов [Пустосвят]

Семен Яковлев [Власовых]

Максим Ерофеев [Хабаров]

Федор [Андрианов] Ощепков

по евангельской заповеди господни сказали: перевозов де и рыбных ловель никаких нигде из них, крестьян, нет.» [103]

Однако же, чуть раньше в этой же книге среди посадских людей Усть-Киренского острожка записан Максим Хабаров. [104]

В 1706 году о Максиме Хабарове опять упоминается, как о пашенном крестьянине:

«1706 году, мая в 22 день,

Криволуцкой слободы пашенной крестьянин Василей Яковлев Кулебакин

да Нижно-Киренской слободы пашенной крестьянин Максим Ярафеев сын Хабаров

да Верхо-Киренской слободы пашенной кестьянин Фирс Иванов сын Москвитин,

поручилися есми в Усть-Киренскую в Судную избу по нижно-киренских пашенных крестьянх

по Флоре Иванове сыне Москвитине

да по Игнате Максимове сыне Киселёве,

в том, что за нашею порукою им, Флору и Игнатью, на Балахонском лугу пахать великого государя десятинную пашню, полдесятины, что здал им, Флору и Игнатью, Фёдор Ощепкин, и с той пашни великого государя окладной отсыпной хлеб платить против окладу, и всякие мирские потуги платить же с 1707 году, и впредь по вся годы безпереводно с мирскими людьми, а из Нижно-Киренской слободы з, Балахонской деревни им, Флору и Игнатью, не сойти и не збежать.

А буде они, Флор и Игнатей, без государева указу тоё вышеписанной пашни, полудесятины, пахать не учнут или окладного отсыпного хлеба в государеву казну платить и всяких мирских потугов против тягла тянуть не станут, или збежат, и против вышеписанного с той их пашни, с полудесятины, вместо их, Флора и Игнатя, окладной отсыпной в государеву казну платить, всякие мирские потуги против тягла тянуть нам, порутчикам.

В том и поручную сию дали.

Поручную сию по веленью Максима Хабарова, Василья Кулебакина, Фирса Москвитина писал в Усть-Киренском Осип Елисеев Чюпров.

Василей Яковлев сын Кулебакин ручался и руку приложил.» [105]

На обороте:

«К сей поручной записи вместо Максима Хабарова, Фирса Иванова, Ивана Москвитина по их общему велению Никита Литвинов руку приложил.»

Василий Яковлев Кулебакин пахал в 18 километрах выше Киренска в деревне, называвшейся по его фамилии Кулебакиной.

Фирс Иванов Москвитин пахал на реке Киренге в деревне Юксеевой.

Балахонская деревня примыкала к верхнему концу Киренска.

Когда стал пашенным крестьянином Максим Хабаров, точно неизвестно. В крестьянской окладной книге за 1703 год он не числится. За 1704 и за 1705 годы книги не сохранились. В окладной книге за 1707 год он записан в Нижно-Киренской слободе (волости) без указания деревни. [106]

Последняя запись о Максиме Хабарове относится к 1709 году. В этой записи он назван прежним целовальником:

«1709, генваря в 25 день, илимской казённой целовальник Фёдор Куницын по допросу сказал, что в нынешнем в709 году, в сём генваре месяце, принял он, Фёдор, у прежняго казённого целовальника у Максима Хабарова обжиганных пятьсот кирпичей, в том числе кирпичи битые.

К сей скаске вместо Фёдора Куницына по его велению Аника Корманов руку приложил.» [107]

Примечания

1. ДАИ, т. XI, № 11, СПб, 1869, с. 27.
2. Ф. 214, кн. 480, л. 140.
3. Ф. 214, кн. 580, л. 404.
4. ДАИ, т. XI, № 11, СПб, 1861, с. 27—28.
5. Там же, л. 28—29.
6. Там же, с. 30.
7. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1286, л. 79.
8. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1448, л. 10.
9. Ф. 214, кн. 1106, л. 684.
10. Ф. 214, кн. 1227.
11. Ф. 1177, оп. 3, ч. IV, ед. хр. 2476, л. 302.
12. Ф. 214, кн. 963, л. 36.
13. Там же, л. 38.
14. Ф. 214, кн. 1042, л. 316об—317.
15. Там же, л. 320.
16. Ф. 214, кн. 1020, л. 6.
17. Там же, л. 8об.
18. Ф. 214, кн. 963, л. 104об.
19. Ф. 214, кн. 1020, л. 151об—152.
20. Ф. 214, кн. 1042, л. 367.
21. Ф. 214, кн. 910, л. 170.
22. Ф. 214, кн. 975, л. 3об.
23. Там же, л. 4.
24. Там же, л. 6—6об.
25. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 2685, л. 10.
26. Ф. 214, ст. 1214, л. 241.

27. Ф. 214, ст. 853, л. 84—85.
28. Ф. 214, кн. 1001, л. 203об.
29. Ф. 214, кн. 964, л. 4.
30. Ф. 214, кн. 1001, л. 5об—6.
31. Ф. 214, кн. 1020, л. 211.
32. Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983, с. 80.
33. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. 1991, с. 121.
34. Ф. 214, кн. 1097, л. 192об—193.
35. Ф. 214, кн. 1109, л. 76—76об.
36. Ф. 214, ст. 1182, л. 66—68.
37. Ф. 214, кн. 1042, л. 53.
38. Ф. 214, кн. 1179, л. 30.
39. Ф. 214, кн. 1256, л. 116об.
40. Ф. 214, кн. 1106, л. 380об.
41. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1710, л. 22.
42. Ф. 214, кн. 1219, л. 509.
43. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1782, л. 2.
44. Там же, л. 7.
45. Ф. 214, ст. 348, л. 308—309.
46. Там же, л. 293.
47. Там же, л. 299.
48. Там же, л. 291.
49. Там же, л. 291—292.
50. Там же, л. 282, 288; нумерация не по порядку.
51. Там же, л. 282об.
52. Там же, л. 288об.
53. Там же, л. 294—295.
54. Там же, л. 296—298.
55. Там же, л. 289.
56. Там же, л. 287.
57. Там же, л. 286.
58. Там же, л. 285, 284, 283, 290, 281; нумерация листов не по порядку.
59. Там же, л. 280.
60. Ф. 214, кн. 1344, л. 384; Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1823, л. 24об.
61. Ф. 214, кн. 465, л. 439об.
62. Ф. 214, кн. 1449, л. 202об—203.
63. Ф. 214, кн. 1289, л. 243.
64. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 614, л. 5об.
65. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 79, л. 10об.
66. Найдёнов Н. А. Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М. 1886, с. 122, 123.
67. Ф. 210. Книги денежного стола, кн. 174, л. 68.
68. Там же, л. 7.
69. Там же, л. 31.
70. Там же, л. 44об.
71. Там же, л. 51.
72. Там же, л. 80об.
73. Там же, л. 83об.
74. Леонтьева Г. А., Указ. соч. с. 121.
75. Ф. 214, кн. 1042, л. 50об.
76. Ф. 214, кн. 1109, л. 118.
77. Ф. 214, кн. 1179, л. 28.
78. Ф. 214, кн. 1203, л. 281—281об.
79. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 404, л. 6.
80. Ф. 214, кн. 1256, л. 165.
81. Ф. 214, кн. 1289, л. 238.

82. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 2816, л. 8.
83. Там же, л. 9.
84. Там же, л. 10.
85. Ф. 214, кн. 1227, л. 14—14об.
86. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 2816, л. 11.
87. Там же, л. 12.
88. Там же, л. 12—13.
89. Там же, л. 14.
90. Ф. 1177, оп. 3, ч. V, ед. хр. 2827, л. 15—17.
91. Там же, л. 18.
92. Там же, л. 18—19.
93. Там же, л. 20—21.
94. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1860, л. 1об.
95. Ф. 1177, оп. 4, ед. хр. 1861, л. 6.
96. Ф. 214, кн. 1372, л. 979-979об.
97. Там же, л. 979об—980.
98. Там же, л. 992—992об.
99. Там же, л. 992об—993.
100. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 614, л. 4об.
101. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 617а, л. 307об.
102. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 73, л. 27об.
103. Ф. 214, кн. 1403, л. 535 об.
104. Там же, л. 534 об.
105. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 74, л. 495.
106. Ф. 214, оп. 5, ед. хр. 617а. л. 149об.
107. Ф. 494, оп. 1, ч. I, ед. хр. 95, л. 343.

С. И. Красноштанов,
профессор Дальневосточного
государственного гуманитарного
университета

Где похоронен Ерофей Павлович Хабаров

До недавнего времени историки находили могилу Ерофея Павловича Хабарова в различных географических точках Восточной Сибири. Сегодня разноречия нет. Для коренных жителей Киренска на реке Лене такого вопроса никогда не существовало. Из поколения в поколение передавалось, что Ерофей Павлович похоронен в городе на бывшем монастырском кладбище. Это воспринималось так же естественно, как название поселка Мельничного, где в свое время стояла на речке Телячихе мельница Хабарова, и деревни Хабаровой, бывшей заимки за полем, там Ерофей Павлович выращивал пшеницу.

Помнится, было это в 1946 году. Я учился в 9 классе Киренской средней школы. Не успел прозвучать звонок с урока, ко мне подошел один из одноклассников со словами: «Знаешь, где похоронен Ерофей Павлович Хабаров?» И тут же без паузы сказал: «Он был похоронен на месте старых бань». На всю жизнь запомнил я эти слова моего товарища.

Бани исстари ставились недалеко от воды. Так называемые старые бани находились на месте бывшего монастырского кладбища вблизи залива, впоследствии названного затоном имени Тяпушкина, где отстаиваются небольшие суда.

Кладбище начиналось почти рядом с монастырем. На довольно обширной территории монастыря из сохранившейся рощи возник городской парк. На фундаменте сгоревшего в конце 20-х годов прошлого века монастыря позднее поставлена телебашня. Вблизи — городской стадион, трибуны которого прихватывают верхнюю часть бывшего кладбища.

В 1988 году я побывал в Киренске, где встречался с сотрудниками районной газеты «Ленские зори». Журналисты сетовали, что надо бы поставить на бывшем монастырском кладбище знак в память о Е. П. Хабарове, но как-то все недосуг.

В связи с подготовкой Приамурского географического общества к изданию книги Г. Б. Красноштанова «Ерофей Павлович Хабаров» я решил снова обратиться к киренским краоведам, не слышали ли они о старых банях

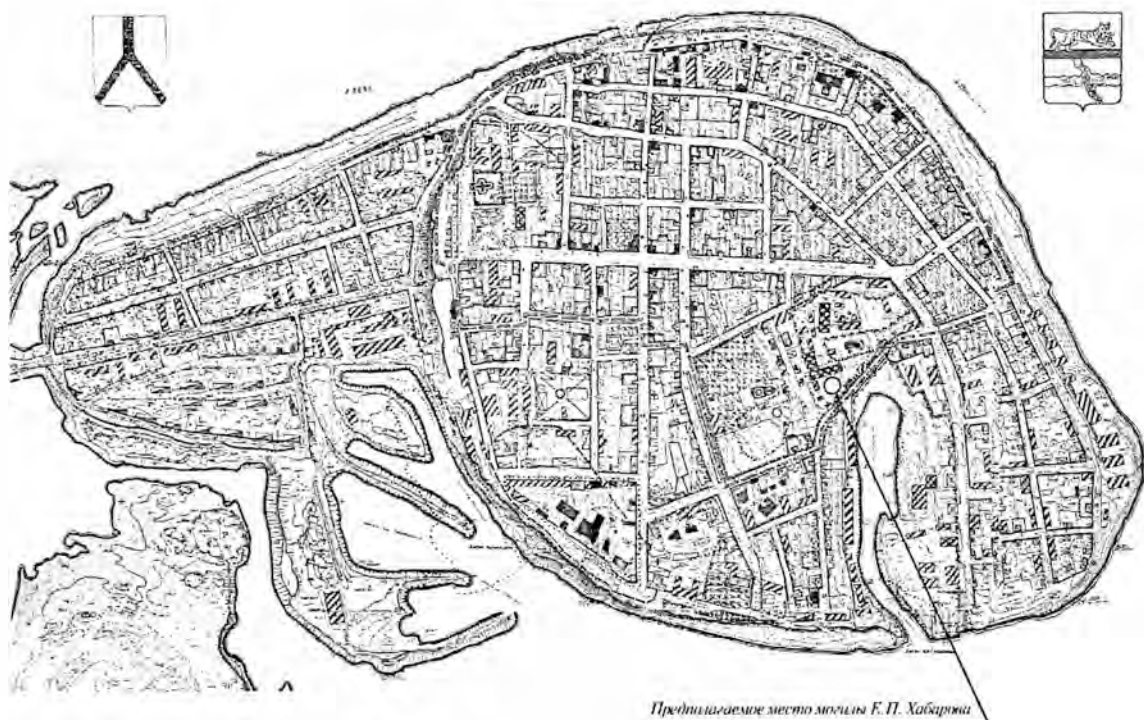
на месте монастырского кладбища. Георгий Борисович — автор будущей книги, дал мне адрес Л. С. Нератовой, которую не однажды называл в письмах ко мне. Сразу хочу сказать, что Людмила Степановна заинтересованно и ответственно отнеслась к моей просьбе. Мне повезло уже потому, что я установил связь с человеком, который располагает сведениями, как говорится, из первых рук. Может быть, и единственным человеком. Скажу еще, что она очень больна, но находит силы заниматься нашим общим делом. У нас с Людмилой Степановной установилась переписка. Дальнейшее изложение моего текста в основном заключается в цитировании ее писем.

Из письма Л. С. Нератовой от 7 марта 2007 года: «Я Вам посылаю примерную схему-план, где находится могила Ерофея Павловича Хабарова, как мне передали. Был историк Николай Федорович Горбунов, проживавший недалеко от улицы Комсомольской, он передал сведения своему племяннику Анатолию Васильевичу Скретневу, тоже учителю, и последний хотел мне показать, где находится плита с указанием имени Е. П. Хабарова, но он тяжело заболел и по телефону сообщил мне, где что искать. В данный момент и Горбунов, и Скретнев умерли, а я все ждала из Иркутска археолога Краснощекова, он обещал приехать в Киренск, и тогда я с ним вместе и пошла бы и показала, где искать место захоронения. Но так и не дождалась. О Вашем письме я рассказала работникам музея города. Они обещали, как только растают снега, побывать у хозяина дома № 24 по улице Комсомольской, тогда я сообщу подробнее, может, и сама с ними схожу».

Из письма Л. С. Нератовой от 10 апреля 2007 года. В нем Людмила Степановна сообщает, что сильно болеет, не выходит из дома. Далее она продолжает: «Но нашла надежного помощника, рассказала ему о Вашей просьбе, и он сходил по адресу, указанному мной, по улице Комсомольской добровольно, без моей подсказки. И сегодня сообщил мне, что в этом доме раньше проживал Кузаков, сейчас зять его Касимов здесь с семьей проживает уже четвертый год. Плиты никакой в огороде у них уже нет. Кто-то выкопал и закопал в другом месте до него. Лично он выкопал из огорода три гроба с останками, перенес их по улице Комсомольской ближе к гавани и закопал их на склоне. Четвертый гроб выкопал в подполье, заложил его к стенке досками. Так и живет в этом доме. А в огороде каждый год выкапывает человеческие кости, складывает их на носилки и перезахоранивает их через дорогу. С его слов, кости словно лезут из земли. Вот такая ситуация на сегодняшний день. Надо было бы этим заняться раньше. Теперь едва ли не все утеряно...»

На мою просьбу подробнее сообщить о помощнике, который навестил хозяина дома № 24 по улице Комсомольской, а также о Н. Ф. Горбунове и А. В. Скретневе Людмила Степановна Нератова в письме от 7 мая 2007 года сообщает:

«...1. Помощник мой по роду Красноштановых — Юрий Викторович. Он — сын учителя Виктора Спиридоновича (из деревни Казимировой), работает в аэронавигации (аэропорт). Отец его больной, в настоящее время пишет воспоминания о своей прожитой жизни, а сын ему помогает в этом. На компьютере составил родословную всех Красноштановых.

Предполагаемое место могилы Е. П. Хабарова

2. Николай Федорович Горбунов был директором школы рабочей молодежи, участник Великой Отечественной войны, имел воинское звание капитан. Преподавал историю. Умер в 1979 году в Киренске. Кстати сказать, сам он проживал также в районе бывшего монастырского кладбища. Когда он умер, жена его уехала из Киренска. Мы с директором музея ходили в его дом и спрашивали у жильцов, что осталось возможного для музея. Новая хозяйка показала кучу книг, что остались от прежних хозяев, и сказала, что она ими растапливает печь. Надо было об этом раньше позаботиться, но музей был организован ведь только в 90-х годах. Когда же жил и работал Николай Федорович Горбунов, этому делу никто не уделял никакого внимания.

3. Его племянник Анатолий Васильевич Скретнев, также учитель истории, умер в июне 2005 года. Несколько лет он болел и никуда из дома не выходил. Жена его квартиру продала, живет сейчас в аэропорту и собирается уехать в Москву к дочери. Но навряд ли она что-то знает. Я попрошу Юру, может быть, он найдет ее и сумеет ее разговорить.

... Посетить жильцов по улице Комсомольской теперь можно. Мы договорились с директором музея сходить к ним и постараемся сфотографировать все, что представит ценность в нашем деле, и Вам фотографии вышлем в Хабаровск и что узнаем нового. Это я Вам обещаю».

Кстати сказать, фотографию дома № 24 по улице Комсомольской Людмила Степановна мне выслала.

Краеведы города Киренска продолжают поиски людей, которые могли бы подтвердить сведения, полученные Людмилой Степановной Нератовой. Анатолий Васильевич Скретнев нередко заговаривал со своими собеседниками о могиле Е. П. Хабарова. Об этом пишет мне журналист и охотовед Валерий Федорович Тарасов.

На наш взгляд, А. В. Скретнев передал Л. С. Нератовой достоверные све-

дения, полученные им в свою очередь от родственника Н. Ф. Горбунова. Хочется обратить внимание на то, что, по словам Скретнева, надгробная плита с указанием имени Ерофея Павловича Хабарова находилась на усадьбе дома № 24 по улице Комсомольской (бывшей Казачьей). Дом, в котором жил учитель истории Н. Ф. Горбунов, находился рядом с домом № 24. Усадьба Н. Ф. Горбунова примыкала к усадьбе, на земле которой находилась надгробная плита Ерофея Павловича Хабарова.

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ СЛОВ

А

Аглицкий — английский.

Азям (озям) — верхняя одежда, сходная по крою с длинным кафтаном.

Алтын — монета в 3 копейки.

Арба — двухколёсная телега.

Атаман — выборный начальник у казаков.

Аманат — заложник из местного населения для обеспечения уплаты ясака.

Аргушница, аргушница — тропа, по которой ездят на оленях.

Аршин — мера длины, равная 0,71 м.

Б

Батоги — палки.

Барка — плоскодонное речное грузовое судно.

Барщелов — горшок для щей[?]

Басенный — выдуманный, недостоверный.

Башлык — начальник, старший, голова.

Безвичить — оскорблять, называя без отчества людей, которых полагается называть с отчеством.

Без вывода — постоянно, без исключения.

Бездельная корысть — незаконная, недозволенная выгода

Безмен — мера веса, равная 1/16 пуда, примерно 1 кг.

Безразвытно — нераздельно.

Белей — беличий.

Беспромышленица — вынужденная остановка промысла.

Беспереводно — постоянно.

Бесторжица — вынужденная остановка в торговле.

Беть — поперечная балка в середине дощаника, скрепляющая борта.

Бечевник — берег реки, по которому можно тянуть судно на бечеве.

Бирюч — площадной глашатай.

Божий соболь — соболь, возрастом менее года.

Бой — бойница, амбразура, проём в стене для стрельбы, а также вид оружия: огнестрельный или лучной.

Бокан — домашний работник, слуга у амурских народов.

Борошень — пожитки, скарб, обиходное имущество, одежда и утварь.

Боярин — высший служебный чин в Русском государстве.

Бражник — пьяница.

Братия — люди, равные между собой по правам и обязанностям.

Братчина — складчина.

Браты — буряты.

Бурундук — снасть с блоком, через который пропускается бечева для тяги судна; бурундуком повышают и понижают бечеву.

Бус — большая долблёная лодка.

Бусурман — нехристианин, мусульманин.

Быки — внешний устой стены, наклонная подпорка.

Быть в деле — от слова «делить», (а не «делать»), быть в разделе, вести хозяйственные дела отдельно.

В

Варовые снасти — канаты, пропитанные варом смолой.

Ватага — промысловая артель.

В дву по тому ж — во втором поле столько же.

Вельми — очень, весьма.

Вера — доверие.

Верный целовальник — целовальник, давший клятву не воровать.

Верста (кому он в версту) — кому он равен по своему положению.

Верстать — зачислять в государеву службу с определением чина и оклада жалованья.

Вершить судное дело — выносить приговор.

Вершок — мера длины, равная 4,4 см.

Ветчаный — ветхий.

Вино горячее — водка.

Виноватый (из виноватых) — свидетель, на которого ссылается обвиняемый.

Вкладчик — монах или мирянин, внёсший в монастырь вклад.

Воевода — начальник уезда, города.

Вож — проводник.

Волок — участок между двумя судоходными реками, через который перетаскивают суда.

Волокита — судебные расходы.

Волость — территориальная часть воеводства, подчинённая одному начальнику.

Вор — преступник.

Воровство — всякое преступление.

Вороной — лошадь чёрной масти.

В перестрел — на расстоянии выстрела.

Встряска — подъём на дыбу.

Вцену — за деньги, за плату.

Выбойки от полога — самый грубый холст с рисунком в одну краску.

Выдел — выделение леред жатвой части поля крестьянина согласно его окладу для последующей сдачи урожая с выделенного участка в казну.

Выдельная книга — книга для записи количества снопов на выделенной пашне.

Выдельщик — лицо, осуществляющее выдел, обычно приказчик с целовальниками из крестьян.

Выемка — кофискация.

Вызжен — жатва.

Вынимать — конфисковывать.

Выпись — выписка из документа для справки.

Вить — доля, часть.

Выход — государево жалованье за отъезд из Москвы.

Г

Гарно — мелкие сыпучие вещи: пуговицы, недорогие украшения и т. п.

Гнедой — масть лошади: красновато-рыжий с чёрным хвостом и гривой.

Говейно, заговенье — последний день перед постом.

Годовальщик — служилый человек, несущий службу в течение определённого срока (обычно года) вдали от своего дома.

Годовать — временно служить вдали от своего дома.

Голбец — загородка между печью и полатами со ступенями для восхождения на печь и на полати.

Голевой — то же, что и нагольный, верхняя одежда мехом наружу.

Голова казачий — назначаемый начальник казаков.

Голова таможенный — назначаемый начальник таможи.

Гораздо — правильно, разумно.

Город — крепость внутри селения.

Городище — место, где раньше был город.

Гостиная сотня — объединение купцов, стоящее рангом ниже гостей.

Гостиный двор — помещение для склада товаров и торговли, состоящее из лавок и амбаров.

Гость — представитель высшего слоя купечества.

Грамота — документ от имени царя, а также может быть и от имени воеводы, например, проезжая грамота.

Грамотка — частное письмо.

Грезетовый — сделанный из грезета, шерстяной ткани с узором того же цвета.

Гривенка — мера веса, фунт, 1/40 пуда.

Гривна — монета, равная 10 копейкам.

Губа — морской залив, а также грибы.

Гулящий человек — не причисленный ни к одному сословию, не обложенный податями и повинностями.

Д

Даная — документ на отведение пашни.

Дать на душу — дать клятву о правдивости показаний по требованию своего противника в суде.

Двоелишная (двоеличная) — ткань, одинаковая с обеих сторон.

Дворник (подворник) — человек, живущий на подворье.

Деловая — документ по разделу имущества.

Деловец — человек, изготавливающий изделия сам, без наёмных работников.

Дельный хлеб — пригодный в дело, обмолоченный.

Деньга — медная монета в полкопейки.

Державец — местный начальник.

Держать деньги — тратить.

Десятая деньга — десятипроцентная пошлина, взимаемая с денежной оценки мягкой рухляди.

Десятина — площадь пашни, равная примерно одному гектару, 925 кв. м.

Десятник — начальник десяти служилых людей; расстояние, равное десяти верстам.

Дикий цвет — серый, пепельный.

Днище — путь, проходимый за один день.

Доезд — письменный отчёт о командировке.

Доимка — взимание подати.

Долговать — раздавать в долг.

Доправить — взыскать долг.

Доспеть — достигнуть, совершить, сделать, случиться, произойти.

Доспехи — защитная боевая одежда.

Досталь — остаток.

Достальный — остаточный.

Дощаник — речное плоскодонное судно с мачтой длиной 10 и более сажен.

Дроги — снасти для подъёма паруса.

Дресва — галька.

Дружка — одна из парных вещей.

Дуванить — делить военную добычу.

Дурно — вред, зло.

Духовная — завешание, исповедь.

Дьяк (диак) — лицо, ведающее делопроизводством в приказе или в воеводстве.

Дьяк думный — дьяк, входящий в состав боярской думы.

Е

Еже-ей-ей — воистину.

Еменной хлеб — хлеб, предназначенный для питания.

Ерихонская шапка — металлический конический шлем с наушниками и назатыльником.

Есаул — помощник атамана.

Ж

- Жагры у пищалей — запальник, трут, фитиль для запала пороха.
 Жапка — отверстие в нижнем жернове для веретена.
 Железа — кандалы.
 Живот — жизнь.
 Животы — движимое имущество.
 Живущий — о пашне: находящаяся в обработке и обложенная налогом.
 Жилец — не служилый.
 Жир, жировье — помещение, отсек.
 Житье — помещение.

З

- Заболташи — пыжи.
 Завесновать — остаться на весну.
 Завод — инвентарь, снаряжение, орудия.
 Завоз — якорь, при помощи которого тянут судно против течения.
 Заволочье — местность, расположенная за волоком.
 Заговенье — последний день перед постом.
 Заимка — участок земли для пашни вдали от деревни, сначала с временным жилищем, впоследствии превращающийся в деревню.
 Займище — пойма, заполняемая время от времени водой, а также заимка.
 Заказ — запрет.
 Заказчик — временно исполняющий должность.
 Закладная — документ о закладе.
 Замороз — первые зимние холода.
 Залев — залив.
 Запад — западня.
 Заповедь господня евангельская — религиозно-нравственный запрет.
 Запряжник — деталь, перевязи пояса.
 Зарукавье — тесьма или ремень, которым стягивают рукава кафтана; украшение отделки на рукаве.
 Заручный — скреплённый подписями.
 Застава — неустойка, залог; караул на дороге.
 Затейный — злоумышленный, клеветнический, выдуманный.
 Захребетник — не имеющий своего хозяйства ненаёмный работник, по большей части член семьи.
 Звёзлый — увезённый.
 Зделье — небольшая случайная, побочная работа для казённых нужд.
 Зелье — порох.
 Зепь — сумка, мешок.
 Зернь — кости, карты и другие принадлежности для азартных игр.
 Зендени — кусок хлопчатобумажной ткани длиной около 16 локтей.
 Зипун — кафтан без воротника.
 Зовина — прозвище.

Золотник — 1/96 часть фунта или 4,26 г.

Зуфренный (изуфренный) — из зуфи, толстой козьей шерсти белого цвета.

И

Известка — известие.

Извет — донос.

Изгоня — притеснение, обида.

Изнял (нял) — одолел, донял, замучил.

Изможение — возможность.

Инде — иногда, в ином месте.

Ино — если, коли, тогда, то; либо, иногда, временем.

Испод — внутренняя сторона одежды, подкладка.

Истина — номинальная сумма занятых денег по кабале.

Исцелять — рассчитываться с долгами.

Ичетоги — полусапожки без жёстких подошв, надеваемые на босу ногу под башмаки или комнатная обувь.

К

Кабала — письменное долговое обязательство, вексель.

Кадь — кадка.

Казёнка серебряная — ларец, шкатулка.

Камень — горный хребет, гора.

Камка — шёлковая узорчатая ткань.

Камус (камыс) — шкура, снятая с ног оленя.

Карий — темно-коричневый.

Кармазин — лучший сорт западно-европейского сукна, обычно ярко-алого цвета.

Каурый — светло-каштановый, рыжеватый.

Каюк — крытая лодка.

Китайка — ткань, производимая в Китае.

Китайчатый — сшитый из китайки.

Киндяки (диндяки) — одежда из хлопковой ткани красного цвета.

Клепать — клеветать.

Коза — металлическая корзина для дров, служащая в качестве наружного светильника.

Козки (казки) — шкурки соболя, снятые дудкой.

Кокора — ствол дерева с корневищем под прямым углом, используемый в судостроении для изготовления шпангоута.

Колода в дощанике — киль.

Колок — лесок.

Конец — рулон.

Конёк — охлупень, деревянный жёлоб, укладываемый сверху стыка двухскатной крыши выдолбленной стороной вниз.

Контарь — рычажные весы.

Копна — мера сенных покосов площадью в десятую часть десятины.

- Корга — коряга, корневище дерева с частью ствола.
 Кормец — корм.
 Коробья — круглый или с четырьмя тупыми углами сундук, окованный железными полосами, с висячим или внутренним замком.
 Корольки — бусы из коралла.
 Кормтома — аренда.
 Корчма — постоялый двор с продажей вина, водки.
 Користвовать — получать материальную выгоду.
 Користь — материальная выгода.
 Коч — большое парусное судно, годное для морского плавания.
 Кошлок — шкурка молодого бобра.
 Крашенина — крашеный и лощёный холст, обычно синего цвета.
 Крепость писменная — юридический документ о принадлежности лица или предмета его владельцу.
 Крепкое место — укреплённое, недоступное, надёжное.
 Крепь — строгость, надёжность, а также укрепление.
 Крестное целование — присяга.
 Кричное железо — слиток железа.
 Кровник — родственник.
 Кузня (кузнь, у девок) — кованые женские украшения из благородных металлов: ожерелья, кольца, браслеты и т. п.
 Кулёмка — охотничья ловушка на зверя.
 Кумач — хлопковая ткань красного цвета.
 Кунтуш — верхняя одежда наподобие кафтана с широкими откидными рукавами.
 Купец — покупатель.
 Купчая — документ, удостоверяющий покупку.
 Курень — землянка или изба.
 Курта — куртка.
 Куяки — защитная боевая одежда.

Л

- Лагун — деревянная бочка, бочёнок.
 Лазоревый — голубой.
 Лалетин — житель Лальского городка Сольвычегодского уезда.
 Лаять — ругать, бранить.
 Летовщик — человек, живущий во временном летнем жилье для рыбной ловли, сбора ягод и т. п.
 Летчинное сукно (лятчина) — сукно польского производства.
 Лития — молитва, богослужение вне храма или в притворе об успокоении души умерших.
 Лодка-набойница — долблёная лодка с нарощенными из досок бортами.
 Лучшие люди — знатные или состоятельные люди.
 Ляло — проём в борту судна для выплёскивания воды плицею.
 Лядунка — патронташ, патронница.

М

- Малахай — меховая шапка с наушниками.
 Матица — верхняя балка в дощанике.
 Мелкотравчатый — мелкий (пренебрежительное).
 Метать — бросать.
 Мешкать — медлить.
 Мешкота — промедление.
 Мехи — мешок, куль.
 Мир — община крестьян или посадских.
 Мирской — относящийся к миру.
 Многослонный съезд — с разных мест.
 Москательный ряд — торговый ряд, где продаются химические вещества: краски, клей, непищевое масло и т. п.
 Мот — моток.
 Мотчанье — задержка.
 Мушкет — ружьё крупного калибра с фитильным курком.

Н

- Набойка от лядунки — приспособление для набивания пыжей.
 Навожен золотом — покрыт золотом.
 Наволок — пойменный берег реки.
 Нагольный — одежда мехом наружу.
 Наддача — денежная прибавка по сравнению с прежней платой.
 Надолба — невысокий столб, врытый в землю, препятствующий манёвру войска.
 Налог — добавочный сверх обычного сбор, побор.
 Напарья — большой бурав с коловоротом.
 Напольник — мех, нашиваемый снаружи на полы одежды.
 Нарочный — посланный особо по какому-нибудь делу.
 Наручни — защитное боевое снаряжение, одеваемое на руки.
 Наслег — здесь в значении ночлег.
 Наряд — пушки.
 Натруска — ремень, к которому подвешиваются лядунка и другие предметы для заряжания ружья.
 Недособоль — соболь после линьки без хорошей ости.
 Нелюды — тунгусский род князя Гантимура.
 Неокладный расход — случайный, заранее не предусмотренный расход.
 Неразвытно — полностью, нераздельно по частям.
 Никанский — китайский.
 Новоприборный — служилый человек, повёрстаный в службу в этом году.
 Ноги — верёвочная снасть для крепления мачты к бортам судна.
 Норовить — давать поблажку.
 Нужа — нужда, трудность.
 Нужный — трудный, тяжёлый.

О

- Обвод — провоз мягкой рухляди без предъявления в таможеню.
- Обетованная земля — земля, в которую стремятся попасть.
- Обоево — итог.
- Оброк — натуральный или денежный налог.
- Обух — тупая сторона топора.
- Обушник — кузнечное орудие для выковки топорного обуха.
- Общая ссылка — присутствие на судебном заседании всех спорящих сторон.
- Огачинный — с мехом по гачам, бёдрам.
- Одекуй — крупный бисер.
- Однолично — непременно.
- Однорядка — долгополый однобортный кафтан без ворота с прямым запахом и пуговицами.
- Ожерелье — шейное украшение.
- Оклад — установленный размер жалованья или повинности.
- Окладный расход — расходы, понесённые в соответствии с окладом.
- Окол — околыш.
- Окольничий — второй по значению придворный чин после боярина.
- Оконница (окончина) — оконная рама.
- Опала — немилость.
- Опричь — кроме.
- Опыт — образец.
- Опытовщик — инициативный, деятельный хозяин.
- Орать — пахать.
- Осенесь — прошлой осенью.
- Осеновать — останавливаться на проживание осенью в связи с закрытием летнего пути.
- Остредишка собольи —
- Острог — укреплённое стенами из вертикально стоящих брёвен поселение с гарнизоном.
- Ослоп — дубина, палка.
- Отвада — подарок, чтобы отстал, отвязался.
- Отец духовный — священник, у которого исповедуются.
- Отказать — завещать.
- Отклад — самовольный выход из подчинения отказ от уплаты ранее вносимого ясака
- Откуп — право на занятие какой-либо хозяйственной деятельностью (содержание бани, квасной, площадного письма) после внесения установленной платы за это.
- Откупщик — лицо, занимающееся хозяйственной деятельностью по откупу.
- Отложиться — самовольно выйти из подчинения, подданства.
- Отписка — донесение низшей инстанции высшей.
- Отпись — расписка в получении жалованья или имущества.
- Отпуск — документ, остающийся в приказе или в приказной избе после

отправки к месту назначения, обычно черновик.
 Отсыпной хлеб — оброк, взимаемый зерном.
 Отызжено — сжато.
 Охабень — широкий кафтан с откидным большим воротником и с прорезами для рук под рукавами.
 Охочий человек — доброволец.
 Оцынжать — заболеть цынгой.
 Очищаться — оправдаться перед законом или расплатиться с долгами.

П

Пазник — широкое прямое долото на шесте, которым пазят (снимают берёсту).
 Пальма — копье с ножом на палке.
 Память — документ, которым сносились равностоящие учреждения.
 Память духовная — документ на владение имуществом, завещанным церкви или монастырю.
 Память изустная — словесная, неписьменная.
 Память купчая — документ о покупке.
 Память наказная — служебное предписание о деятельности.
 Память отводная — документ об отводе пашни или сенных покосов с описанием межей.
 Память отказная — документ на передачу имущества.
 Память поступная — то же что и отказная.
 Память прикладная — документ о вкладе имущества в монастырь.
 Паперть — крыльцо перед входом в церковь.
 Парка — верхняя меховая одежда северных народов в виде куртки с капюшоном.
 Пашенный крестьянин — государственный крестьянин.
 Пашня десятинная — пашня, которую обрабатывает пашенный крестьянин на государя, получая семена на эту пашню из казны.
 Пеня — штраф.
 Передовщик — старший в охотничьей ватаге.
 Пересуд — пошлина с судебного дела, с жалобы, с апелляции.
 Перемешка — задержка.
 Перемёт — рыболовная снасть с крючками, устанавливаемая на длительное время.
 Пищаль — ружьё с кремнёвым запалом.
 Пластина соболья — сшитые вместе шкурки.
 Платно — полотно.
 Плёт — прямая часть реки от одного изгиба до другого.
 Плотбище — место на реке, где строят плоты или суда.
 Плотничество — плотничное ремесло.
 Повальный — всеобщий.
 Пovyтьё — часть.
 Погост (повост) — селение, в котором есть церковь.

- Подвода — конная повозка.
- Подворье — помещение или жильё, отдаваемое в наём.
- Подголовок (приголовок) — денежный сундучок со скошенной крышкой под голову.
- Поддать — прибавить.
- Подзор — резной карниз.
- Подлаз — узкий подземный ход.
- Подмога — безвозмездная помощь.
- Подобострастие — покорность, оказывание уважения .
- Подорожная — документ о праве на получение подвод, лодок, гребцов.
- Подпоручная захребетная запись — подстраховочная запись для «порутчиков» со стороны того лица, по ком ручаются.
- Подскор — меховая подкладка головного убора.
- Подсобь — помощь.
- Подтоварина — досчатый настил на днище дощаника.
- Подчал — чалка, канат для привязывания судов.
- Подчеревесь — брюшная часть шкурки пушного зверька, обычно бобра.
- Подьячий — писчик бумаг, документов.
- Подьячий площадной — частное лицо, пишущее за плату челобитные и другие документы. Право на это подьячему предоставлялось за специальную плату в казну — откуп.
- Подьячий старый — старший подьячий.
- Подъёмы — расходы на переезд.
- Поиск — активные боевые действия.
- Поклёп — клевета.
- Покоти — склоны.
- Покрута — наём покручеников.
- Покрученик — нанятый на соболиный промысел человек с хозяйским содержанием и промышленным заводом.
- Половник — арендатор за половину урожая, живущий постоянно, имеющий свой двор.
- Полог — занавеска.
- Полон — плен.
- Полуполуденьга — полкопейки.
- Полые места на теле — открытые.
- Помётный — брошенный.
- Поминки — почётные дары.
- Понос (поношение) — оскорбление бранью.
- Поноровка — поблажка, потачка.
- Поплав — плавание.
- Портище — отрез ткани на какую-либо одежду.
- Портки — штаны.
- Порубень — толстый обшивной брус на корпусе судна для обозначения полной нагрузки.
- Порудить — нарушить.
- Порука — ручательство.

- Порутчики — поручители.
 Поручная запись — письменное ручательство.
 Поруха — разорение, провал.
 Посад — торгово-промышленная часть поселения, обычно неукреплённая.
 Посадить в воду — утопить.
 Посадский человек — торгово-промышленное сословие.
 Посаженик — назначенец.
 Поскотина — место для выпаса скота.
 Послух — свидетель.
 Посполу — наряду с другими.
 Постава — пара мельничных жерновов.
 Постичь — догнать.
 Посул — взятка должностному лицу за благоприятное решение дела или тяжбы.
 Потаковщик — тот, кто потакает кому-нибудь.
 Потуги — повинности, тягло.
 Пошевни — широкие сани, розвальни.
 Пошлина весчая — пошлина с величины веса груза.
 Пошлина десятая — пошлина с десятой части мягкой рухляди.
 Пошлина записная — пошлина за запись торговой сделки.
 Пошлина отъезжая — пошлина за отъезд.
 Пошлина печатная — пошлина за приложение печати к документу.
 Пошлина полавочная — пошлина за пользование лавкой.
 Пошлина порублёвая — пошлина с оценки мягкой рухляди.
 Пошлина посороковая — пошлина с количества сороков соболей.
 Пошлина пошерстная — пошлина с продажи лошадей.
 Пошлина роговая — пошлина с продажи рогатого скота.
 Пошлина явчая — пошлина за предъявление мягкой рухляди или товара.
 Правёж — взыскание долга.
 Правый десяток — десятипроцентная пошлина с цены имущества при судебном иске.
 Преподобный — святой из монахов.
 Престол в церкви — высокий стол посредине церковного алтаря.
 Прибор — набор в службу.
 Прижиток — ребёнок, рождённый вне брака от сожительства с некрещёной женщиной из местного населения.
 Приказная изба — канцелярия воеводы.
 Приказной человек — служилый человек, осуществляющий управление хозяйственными или военными делами с правом суда над подчинёнными.
 Примерная пашня — вновь прибавленная.
 Примётываться — набрасываться.
 Припись — подпись на документе; прибавление, приписка к тексту.
 Присно — всегда.
 Пристав — лицо, осуществляющее гласный надзор.
 Приставать — заступаться.
 Присуд — округ, подчинённый какому-либо начальнику.

- Провадить — отсылать, доставлять, спихивать, избавляться.
 Продажа — убыток, ущерб от незаконного побора.
 Проезжая грамота — документ на право проезда.
 Проесть — расхолабить на питание.
 Промек — промежутки.
 Промешка — промедление.
 Промышленный завод — снаряжение для соболинного промысла.
 Промышленный человек — сословие людей, занимающихся соболинным промыслом.
 Промышлять войною — вести активные боевые действия.
 Просвиромисание — церковный обряд вынимания частей просфоры.
 Против — согласно.
 Протори — расходы, издержки.
 Прядено — пряжа, нитки.
 Прямить — поступать честно, по правде; противоположное — кривить.
 Прямой — правильный, не ложный.
 Прямые деньги — не фальшивые.
 Псалтырь — книга псалмов, религиозных песнопений.
 Пупок — брюшко соболя.
 Пупчатый — сшитый из пупков.
 Пустошь — покинутое, необрабатываемое земельное угодье.
 Пятно — клеймо.

Р

- Радеть — проявлять усердие.
 Разболокать — раздевать.
 Разгонная книга — книга для записи выданных подвод.
 Ральник — сошник, лемех.
 Раскат — помост для установки пушки, по которому она откатывается при отдаче.
 Расправа — исполнение судебного приговора.
 Редрая — масть коровы, рыжая, рыжебурая.
 Рниться — досадовать, злиться, сердиться.
 Ровдуга — выделанная оленья шкура.
 Роки — верёвочные с деревянными цилиндрами кольца для подъёма райны (реи).
 Роспись — список, перечень.
 Роспись ценовая — письменный перечень мягкой рухляди с упоминанием её оценки.
 Россоха — устье реки, развилка.
 Рост — проценты.
 Рота — устный договор, божба, клятва, обещание.
 Рудожёлтый — красножелтый, оранжевый.
 Руководьмо — рукоятка, ручной привод.
 Рукоприладство — подпись на документе.

Рундук в церкви — большой ларь.
 Рухлядь мягкая — пушнина.
 Ряда — договорённость о цене за работу.
 Рядить — договариваться о цене за оплату работы.

С

Сажень печатная — мера длины, равная 2,1336 м, заклеимённая казённой печатью.
 Сакма — натопанная дорога.
 Сал (салишко) — плот.
 Самоядь — прежнее название ненцев.
 Сафьян — козловая кожа высшего качества.
 Светлица — светлая парадная комната в доме.
 Своеужинник — член промышленной ватаги, имеющий своё снаряжение и содержание.
 Святцы — книга со списком святых в календарном порядке.
 Сивый — серовато-сизый.
 Сильно — насильно.
 Синодик — церковный поминальный список.
 Сирота — наименование в челобитных людей из крестьянского торгового промышленного и других неслужилых сословий.
 Сказка — письменное изложение устных показаний.
 Скрепа — роспись посклейкам листов столбца или на листах книги лица ответственного за составление документа.
 Скупы — взятки.
 Слаться — ссылаться.
 Смета — приблизительная оценка, прикидка, предполагаемый расход или доход.
 Сметить — приблизительно оценить, прикинуть.
 Снести — украсть.
 Сносный — украденный.
 Советники — согласные с любыми действиями своего начальника и беспрекословные исполнители его воли.
 Соломянка — соломенная рогожа для завешивания окон зимою.
 Сорок — связка из сорока шкурок соболей.
 Сорокоуст — молитвы об умерших в течение сорока дней после смерти.
 Сорочинское пшено — рис.
 Составная челобитная — ложная, клеветническая челобитная.
 Список — копия.
 Список счётный — документ о приёме всех ценностей при смене воевод.
 Сподобиться хлебными запасами — запастись.
 Сполох — тревога, набат.
 Спона — спор, разногласие.
 Спорок — ветхая или поношенная покрывка с шубы.
 Срочить — установить срок.

Ссылка — встреча, сношение, связь; указание на источник сведений.
 Ставиться — становиться, являться.
 Стакаться — собраться и договориться.
 Стамое звено — стойка, подпора.
 Стан — остановка в пути, а также волость.
 Станица — отряд для дозора, а также поселение казаков.
 Статки — нажитое имущество.
 Стол — подразделение в приказе.
 Столбец — свиток.
 Столп — архив.
 Стольник — недумный придворный чин.
 Сторонняя река — приток.
 Стоятельный — твёрдый, непоколебимый.
 Строитель — глава, настоятель монастыря, иеромонах.
 Стройный — имеющий установленную организацию, порядок.
 Строк — срок.
 Строшный — нанятый на определённый срок.
 Стряпчий — специалист по законам, правовед.
 Судная изба — канцелярия приказчика.
 Суды — посуда.
 Сцепной бой — рукопашный.
 Сын боярский — среднее сословие служилых людей.
 Сыск — расследование злоупотреблений и преступлений.
 Съезжая изба — канцелярия воеводы.
 Съезжая пищаль — увезённая.
 Съёмная драка — пешая, рукопашная.

Т

Тайник — потайной проход, лаз.
 Тал — кустарник, тальник.
 Тать — разбойник, грабитель.
 Таусинный — темносиний.
 Тафта — гладкая тонкая шёлковая ткань.
 Тесла — то же, что и тесник.
 Тесник — плотничье орудие, у которого лезвие поставлено не вдоль топора, а поперёк.
 Теснота — притеснение.
 Тёмный лес — лиственный.
 Товарыщ — сотрудник, а также заместитель.
 Толмач — устный переводчик.
 Толмачить — переводить устную речь.
 Толокно — мука из поджаренного очищенного овса.
 Торг — базар, рынок.
 Трава — узор на металле, выполненный травлением.
 Травчатый (травяной) — мелкий, плохонький.

- Трапеза — помещение в монастыре с общим столом для приёма пищи.
 Трапезник — церковный староста, ктитор.
 Третий в суде — свидетель.
 Треух — мужская шапка с наушниками и с опускающимся задком.
 Тура — корзина с землей для защиты от пуль и ядер.
 Тягло — подати, натуральные налоги и повинности неслужилого населения.
 Тяглец — человек податного сословия, несущий тягло.

У

- Увал — крутой склон, косогор, коренной берег.
 Уговор — договор.
 Ударить челом — приподнести в дар.
 Ужина — установленное договорённостью количество охотничьего инвентаря и продовольствия в промысловой ватаге, в соответствии с которым делится добыча.
 Ужинная книга — книга для записи количества снопов, сжатых с десятинной пашни.
 Узорочные товары (узорочье) — дорогие ткани, украшенные узорами.
 Уклад — сталь для наваривания на лезвия орудий: топоров, кос, серпов, и т. п.
 Укоромить — спрятать в укромном месте.
 Украйна — окраина, отдалённая местность.
 Улевницы (улеви) — обувь из оленьих камусов, надеваемая в сильные морозы поверх обычной обуви.
 Уложение Соборное — свод законов, принятый Земским Собором при царе Алексее Михайловиче.
 Улус — становище кочевников, а также селение.
 Упалые места — освободившиеся.
 Управа — решение, приговор суда.
 Урочище — местность с характерными признаками: лес, болото, скала и т. п.
 Урядиться — договориться.
 Устрашка — устрашение.
 Устюжская четверть — правительственное учреждение, ведавшее Устюжским, Сольвычегодским, Архангельским, Тотемским и другими прилегающими уездами.
 Ухоботье — мякина.
 Учиниться сильным — оказать сопротивление.
 Ушник — доносчик, ябедник, сплетник.

Ф

- Ферязия — широкая одежда, мужская и женская, с длинными рукавами без воротника.

Х

Харч — продовольствие.

Холоп — наименование в челобитных людей служилого сословия.

Холст сермяжный — для пошивки сермяг (рабочих кафтанов).

Холст хрящ — грубый холст для парусов.

Хоромы — строение для жилья.

Хребет — спина.

Хрящ — галька или щебень вперемешку с землёй.

Ц

Цевка серебряная — серебряные нитки, намотанные на трубочку.

Целовальник — выборный сборщик податей или хранитель казённой собственности, дающий клятву (крестное целование) не заниматься хищениями.

Цета (цата) — гривна, приклад, подвеска у венца на иконе.

Целование крестное — присяга, клятва.

Цырен (црен) — солеварный котёл, жаровня для выпаривания.

Ч

Чарки — мягкая кожаная обувь по щиколотку, привязываемая к ногам шнурками.

Чаять — предполагать.

Чело — лоб.

Челобитная — письменное прошение.

Червчатый (черевчатый) — багряный и багровый, ярко-малиновый.

Черкасы — украинцы, запорожцы.

Чеснок — заострённый частокол перед стенами острога.

Честно — с почётом.

Четверть — мера объёма.

Четыреша —

Четь — четвёртая часть целого, мера сыпучих тел.

Четья — церковная служебная книга, разделённая помесечно.

Чёрночеревая лисица — с чёрным брюшком.

Чёрный поп — монах-священник.

Чинные люди — люди в чинах.

Чуга (чука) — верхняя одежда.

Чумак — продавец в кабаке.

Чунница — отдельная часть соболиной артели на промысле.

Ш

Шапка-мисюрка — род шлема с железной верхушкой и сеткой.

Шарпанье — грабёж.

Шатость — неустойчивость, брожение, недовольство, волнение.

Шейна — якорный канат.

Шертовать — присягать по своей вере.

Шерть — присяга, даваемая представителями местного населения по своей вере.

Шивера — перекат, мелкое место по твёрдому дну.

Шлях — дорога.

Я

Явка — заявление, сообщение, уведомление, предъявление.

Являть — заявлять, сообщать, уведомлять, предъявлять.

Явственно — храбро, отважно.

Язык — пленный, захваченный с целью получения сведений.

Якольские люди — якутские.

Ямщина — ямская повинность или плата за неё.

Ярыжка — наёмный работник.

Ясак — подать пушниной, взимаемая с местного населения.

Ясырь — пленный, взятый в виде добычи, для выполнения домашних работ, невольник.

Оглавление

Предисловие	5
Первые годы в Сибири.....	17
Первые ленские землепашцы	71
Ерофей Павлов Хабаров	72
Панфил Яковлев	115
Служилые пашенные крестьяне	124
Иван Никонов Сверчков	144
Афонька Иванов Долгой. Оверка Елизарьев Зыковых	152
Никита Макаров Чепиных	161
Яков Данилов Щербак.....	166
Канун амурского похода	170
Начало амурского похода	195
На Амуре.....	257
Поездка Дмитрия Зиновьева на Амур.	
Побег на Амур Проньки Кислого и Васьки Черкашенина	354
С Амура в Москву	422
Онофрий Степанов Кузнец и судьба амурского войска.....	481
Поездка Хабарова в Тугирский острожек в 1659—1660 годах	602
Взыскание долга с Хабарова за амурский поход.....	624
Последние годы жизни Ерофея Хабарова.....	654
Сыновья Хабарова	685
Красноштанов С. И. «Где похоронен Ерофей Павлович Хабаров»	722
Словарь старинных слов	726

НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

Левкин Г.Г.

Волочаевка без легенд. — Приамурское географическое общество. — Хабаровск, 1999, с.285.

В книге Почетного члена Приамурского географического общества полковника запаса Г.Г. Левкина, написанной на основании подлинных документов, читатель имеет возможность познакомиться с созданием, структурой и командованием Народно-революционной Дальне-Восточной Республики с первых дней существования до ее упразднения, а также узнать о белогвардейских войсках на Дальнем Востоке и их командирах в борьбе против Советской власти.

Книга рассчитана на ученых — специалистов в области истории Дальнего Востока, аспирантов, студентов высших учебных заведений и всех тех, кто интересуется историей этого региона России.

Фролов Н.М., Балаганский Н.М., Болтрушко В.М., Коровин А.И., Крюков В.Г., Поминов В.Ф., Троян В.Б.

Природопользование. Природные ресурсы и природопользование в Российской Федерации и в Хабаровском крае. Учебное пособие для вузов. Приамурское географическое общество. — Хабаровск, 2000, 576 с.

В учебном пособии приведена краткая характеристика основных природных ресурсов Российской Федерации, в т.ч. Хабаровского края, особенности их использования на современном этапе, рассматриваются основные понятия природопользования, практика природопользования, вопросы охраны окружающей природной среды, государственного экологического контроля и международного сотрудничества в области охраны окружающей природной среды.

Для студентов экономических вузов, руководителей и специалистов предприятий отраслей природопользования, промышленности и сельского хозяйства, работников органов государственного управления природными ресурсами.

Симаков В.И.

Михаил Васильевич Ломоносов: феноменология интеллекта. — Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2007, - с. 608.

В монографии изложены вопросы интеллектуальной (в основном философской и теоретико-естественнонаучной) деятельности великого русского философа и ученого М.В.Ломоносова. Проанализированы многие малоизвестные и неизвестные до этих пор факты его интеллектуальной биографии. В монографии автор, определив предмет исследования философии как науки, ввел для нее новое название — материология (наука о материи). Параллельно и в развитие идей своей предыдущей монографии «Интеллектология», определяет новое общее свойство материи — интеллектуальность, которое в этом ее качестве поддается математическим расчетам и на этой основе физическому моделированию. В развитие Всемирного закона сохранения материи и движения Вселенной М.В.Ломоносова автор вводит в интеллектуальный оборот новый закон сохранения — Всемирный закон сохранения интеллектуальности материи. Исходя из вышеизложенного, В.И.Симаков раскрывает пагубность основных положений философских учений Г.Ф.Гегеля и К.Маркса.

Книга рассчитана на специалистов в области философии (материологии), интеллектологии, витологии, физики, химии, математики и интеллектуальной истории народов Восточной и Западной Европы.

Симаков В.И.

Интеллектология. — Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2002, с. 480.

В монографии изложены вопросы интеллектонной расшифровки субстратной основы интеллектуальных систем животных и человека и интеллектронный механизм их работы.

Книга являет собой продолжение результатов исследований автора, опубликованных в его монографиях «О Периодических системах атомов живой (витонов) и атомов мыслящей (интеллектонов) материи», Владивосток, ТИГ ДВО РАН, 1981; «Атомология (опыт истории и теории)», Хабаровск, ИВЭП ДВО РАН, 1990; «Принятие учения Демокрита на Руси: введение в русскую интеллектуальную историю», Хабаровск, Приамурское географическое общество, 1996.

Книга рассчитана на философов, науковедов, специалистов в области интеллектуальной истории народов Восточной и Западной Европы, конструкторов интеллектуальной техники (ИИ), и естественных интеллектуальных систем (ЕИ).

Дубинина Н.И.

Приамурский генерал-губернатор Н.И.Гродеков: Историко-биографический очерк. — Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2001, с.352.

Написанная доктором исторических наук о третьем Приамурском генерал-губернаторе впервые дает полную картину жизненного пути Н.И.Гродекова, раскрывает его роль в укреплении безопасности, освоении и обустройстве дальневосточной окраины Российского государства. В основе книги лежат архивные документы, большинство которых впервые вводятся в научный оборот. Книга продолжает серию «Генерал-губернаторы Приамурского края Российской империи».

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся российской историей.

Дубинина Н.И.

Приамурский генерал-губернатор Н.Л.Гондатти: Историко-биографический очерк. — Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997, с. 205.

Книга, написанная доктором исторических наук, профессором Н.И.Дубининой, впервые дает полную картину жизненного пути Н.Л.Гондатти, раскрывает его роль в укреплении безопасности, освоении и обустройстве Дальнего Востока Российского государства. В основе книги лежат архивные документы, большинство из которых впервые вводится в интеллектуальный оборот. Книга продолжает серию «Приамурские генерал-губернаторы Приамурского края Российской империи».

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся российской историей.

Барсуков И.

Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский — губернатор Восточной Сибири. — Хабаровск, Приамурское географическое общество, репринтное издание, 1999, с. 682.

В книге опубликованы биографические материалы по письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Посвящена жизни и деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Являет собой первое издание из серии «Генерал-губернаторы Приамурского края».

Рассчитана на всех, кто интересуется историей России.

Красноштанов Георгий Борисович

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ

Художественный редактор *А. Н. Посохов*

Подписано в печать 28.11.2007. Формат 70х108/16.
Заказ 3165. Тираж 800 экз.

Издательство «РИОТИП» Хабаровской краевой типографии

Приамурское географическое общество
680000, г. Хабаровск, ул. Шевченко, 9

Отпечатано в КГУП «Хабаровская краевая типография»
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31

